ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архіепископа Константинопольскаго,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.

Св. Іоаннъ Златоустъ.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

въ двухъ книгахъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

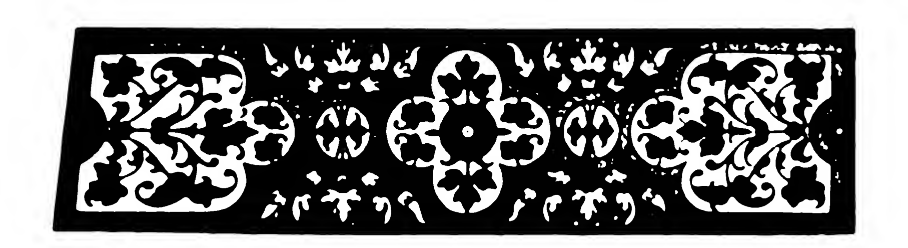
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе С.-Петербургской Духовной Академіи.
1905.

От Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 15 іюля 1904 г.

Сергій, Епископъ Ямбургскій, ректоръ Академіи.

Reprinted by
JUH

Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8.



СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

БЕСѢДЫ НА ПОСЛАНІЕ КЪ ЕФЕСЯНАМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ефесъ—главный городъ (Малой) Азіи. Онъ былъ посвященъ 9—10
Артемидѣ, гдѣ она и пользовалась особеннымъ уваженіемъ, какъ высшая богиня. И благоговѣніе предъ ней ея почитателей было такъ велико, что они не хотѣли обнаружить имени того, кто сжегъ храмъ ея; а онъ былъ сожженъ. Здѣсь долгое время жилъ блаженный Іоаннъ Евангелистъ, который сюда былъ сосланъ (въ заточеніе), здѣсь и скончался. Апостолъ Павелъ здѣсь оставилъ, послѣ себя, Тимоѳея, о чемъ онъ говоритъ въ посланіи къ нему: *якоже умолихъ тя пребыти въ Ефесѣ* (1 Тим. I, 3). Здѣсь были и многіе философы, особенно изъ славившихся въ Азіи. Говорятъ, что здѣсь былъ и Пиѳагоръ, потому что Самосъ, откуда онъ происходилъ, былъ островъ Іонійскій. Тоже должно сказать о Пармениде, Зенонѣ и Демокритѣ; да и теперь еще можно найти тамъ многихъ философовъ. Объ этомъ мы замѣчаемъ не безъ цѣли, но чтобы показать, что много нужно было (апостолу) Павлу тщанія, когда онъ писалъ къ нимъ (ефесянамъ) свое посланіе. Говорятъ, что онъ, когда еще (изустно) оглашалъ ихъ, уже довѣрилъ имъ глубочайшія истины (вѣры). По крайней мѣрѣ само посланіе исполнено возвышенныхъ созерцаній и догматовъ. Писано оно изъ Рима, гдѣ (Павелъ) находился въ узахъ, какъ онъ и самъ

говоритъ: *молитеся о мнѣ, да дастся ми слово во отверзеніе устъ моихъ съ дерзновеніемъ сказати тайну благовѣствованія, о немже посолствую во узахъ* (Еф. VI, 19). Оно исполнено весьма возвышенныхъ и необъятныхъ созерцаній; въ немъ онъ объясняетъ то, о чемъ почти нигдѣ не говорилъ, напр., когда говоритъ: *да скажется нынѣ началомъ и властемъ на небесныхъ Церковію многоразличная премудрость Божія* (Еф. III, 10); и въ другомъ мѣстѣ: *воскреси и спосади насъ на небесныхъ* (Еф. II, 6); и еще: *яже во инѣхъ родѣхъ не сказася, нынѣ открыся святымъ его апостоломъ и пророкомъ Духомъ, быти языкомъ снаслѣдникомъ и стѣлесникомъ и сопричастникомъ обѣтованія Его о Христѣ* (Еф. III, 5, 6).

БЕСѢДА I.

Павелъ посланникъ Іисусъ Христовъ волею Божіею 9
(διὰ θελήματος Θεοῦ), святымъ сущимъ во Ефесѣ и вѣрнымъ
о Христѣ Іисусѣ: благодать вамъ и миръ отъ Бога
Отца нашего и Господа Іисуса Христа (Еф. I, 1, 2).

1. Вотъ, (апостолъ) и къ (Богу) Отцу прилагаетъ: διὰ (чрезъ).
Чтожъ? Назовемъ ли мы Его меньшимъ? Нисколько. *Святымъ*, пи-
шетъ онъ, *сущимъ во Ефесѣ и вѣрнымъ о Христѣ Іисусѣ*. Вотъ,
святыми называетъ мужей, которые имѣютъ и дѣтей, и женъ, и
слугъ. А что онъ ихъ разумѣетъ здѣсь, видно изъ конца посла-
нія, гдѣ онъ говоритъ: *жены, своимъ мужемъ повинуйтеся* (Еф. V,
22), и въ другомъ мѣстѣ: *чада, послушайте вашихъ родителей* (VI, 1), 10
и еще: *раби, послушайте господій* (VI, 5). Подумаемъ же, какая те-
перь царитъ безпечность, какъ сильно ослабѣла ревность къ до-
бродѣтели, и какъ было много добродѣтельныхъ тогда, если и мі-
ряне назывались святыми и вѣрными! *Благодать вамъ и миръ отъ
Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа*. Сказалъ о благодати
и призвалъ Бога Отца, потому что это (призываніе) есть знакъ
(преподанія) благодати. Какимъ образомъ? Послушай, что онъ
говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *понеже есте сынове, посла Богъ Духа
Сына своего въ сердца ваша вопіюща: Авва Отче* (Гал. IV, 6). *И Гос-
пода Іисуса Христа*,—потому что для насъ Христосъ родился и
явился во плоти. *Благословенъ*, пишетъ онъ, *Богъ и Отецъ Господа* 11
нашего Іисуса Христа. Вотъ, Онъ—Богъ воплотившагося, или иначе:
Отецъ Бога Слова. *Благословивый насъ всяцѣмъ благословеніемъ ду-
ховнымъ въ небесныхъ о Христѣ* (ст. 3). (Апостолъ) намекаетъ здѣсь
на благословеніе іудеевъ, потому что и это—благословеніе, но не
духовное. Что въ самомъ дѣлѣ было сказано имъ? *Благословитъ*

тя Богъ. Благословитъ плодъ чрева твоего (Второз. VII, 13), и благословитъ входъ твой и исходъ твой. Здѣсь же не такъ. Какъ же? *Всяцѣмъ благословеніемъ духовнымъ.* Чего же еще тебѣ недостаетъ? Ты сталъ безсмертнымъ, свободнымъ, сыномъ, праведнымъ, братомъ, сонаслѣдникомъ; будешь вмѣстѣ царствовать, вмѣстѣ прославишься; все тебѣ даровано: *како убо*, говоритъ, *не и съ Нимъ вся намъ даруетъ* (Рим. VIII, 32)? Величіе твое прославляется ангелами, херувимами и серафимами. Чего еще недостаетъ? *Всяцѣмъ благословеніемъ духовнымъ:* о тѣлесномъ здѣсь (не говорится) ничего. Напротивъ, для того, чтобы отклонить отъ всего тѣлеснаго, и направить насъ къ духовному, (еще Спаситель) говорилъ: *въ мірѣ скорбни будете* (Іоан. XVI, 33). Какъ владѣющіе тѣлеснымъ не могутъ слышать о духовномъ, такъ точно ищущіе духовнаго не могутъ его достигнуть, пока напередъ не оставятъ тѣлеснаго. Что значитъ: *благословеніе духовное въ небесныхъ?* Значитъ то, что не земныя (обѣщаются имъ блага), какъ іудеямъ (которымъ обѣщано было), что благая земли снѣдятъ, что наслѣдятъ землю кипящую медомъ и млекомъ, и что благословитъ Богъ землю ихъ (Иса. I, 19: Исх. XXXIII, 3; Пс. LXXXIV, 13; Втор. XV, 4). Здѣсь (не обѣщается) ничего такого. Что же? *Любяй Мя заповѣди Моя соблюдетъ*, и Я и Отецъ *пріидемъ къ нему и обитель у него сотворимъ* (Іоан. XIV, 23). *Иже слышитъ словеса Моя сія и творитъ я*, уподобится *мужу мудру, иже созда храмину свою на камени, и возвѣяша вѣтры, и пріидоша рѣки. и нападоша на храмину ту, и не падеся: основана бо бѣ на камени* (Мѳ. VII, 24, 25). Что другое означаетъ этотъ камень, какъ не небесные предметы, не подлежащіе никакому измѣненію? *Всякъ иже исповѣсть Мя*, говоритъ (Спаситель), *предъ человѣки, исповѣмъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже есть на небесѣхъ;* и: *иже отвержется Мене, отвергуся его и Азъ* (Мѳ. X, 32, 33); и въ другомъ мѣстѣ: *блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ;* и еще: *блажени нищіи духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное*; и опять: *блажени изгнани правды ради, яко мзда ваша многа на небесѣхъ* (Мѳ. V, 8, 3, 10, 12). Видишь ли, вездѣ небеса, и нигдѣ ни земли, ни того, что на землѣ? И опять: *наше житіе на небесѣхъ есть, отонудуже и Спасителя ждемъ Господа Іисуса* (Филип. III, 20); и еще: *горняя мудрствуйте, а не земная* (Кол. III, 2). *О Христѣ Іисусѣ*, т. е. чрезъ Христа Іисуса, а не чрезъ Моисея—это благословеніе; а потому не только качествомъ, но и посредникомъ (благословенія) мы превосходимъ іудеевъ, о чемъ онъ говоритъ и въ посланіи къ Евреямъ: *и Моисей убо вѣренъ бѣ во всемъ дому Его, якоже слуга во свидѣтельство глаголатися имѣвшимъ, Христосъ якоже Сынъ въ дому своемъ, егоже домъ мы есмы* (Евр. III, 5, 6). *Якоже*, говоритъ, *и избра насъ въ Немъ прежде сложенія міра, быти намъ святымъ и непорочнымъ предъ*

Нимъ (ст. 4). Слова эти значатъ: чрезъ кого Онъ благословилъ насъ, чрезъ того и избралъ. Итакъ самъ Онъ здѣсь даруетъ намъ все это; самъ будетъ судьей и скажетъ: *пріидите благословенніи Отца* 12
Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра (Мѳ. xxv, 34): и въ другомъ мѣстѣ: *хощу, да идѣже есмь Азъ, и тіи будутъ* (Іоан. xvii, 24).

2. И во всѣхъ почти посланіяхъ (апостолъ) старается показать, что не новость какая-нибудь содѣланное для насъ; но что издревле такъ было предизображено, и не по причинѣ измѣненія намѣренія (Божія это случилось), но такъ именно было предустроено и предопредѣлено. И это—дѣло великаго попеченія (Божія). Что значитъ: *избра въ Немъ?* Значитъ—Христосъ чрезъ вѣру въ Него совершилъ это прежде, чѣмъ мы родились, или лучше—прежде, чѣмъ міръ сложенъ. И прекрасно назвалъ (апостолъ сотвореніе міра) *сложеніемъ* (καταβολή—низверженіе съ высоты), показывая этимъ, что міръ какъ бы низверженъ съ какой-то великой высоты. Подлинно, велика и неизреченна высота Божія,—не въ отношеніи къ мѣсту, но въ отношеніи къ безграничности природы (божественной),—и велико разстояніе между тварію и Творцемъ. Да посрамятся еретики, слыша это! Для чего избралъ? Для того, чтобы быть намъ святыми и непорочными предъ Нимъ. А чтобы ты, услышавъ, что Онъ избралъ, не подумалъ, что достаточно одной вѣры, (апостолъ) указываетъ и на жизнь: для того, говоритъ онъ, избралъ насъ, и на то, чтобъ мы были святы и непорочны. Избралъ Онъ нѣкогда и іудеевъ. Какимъ образомъ? Народъ этотъ, сказано, избралъ Я изъ народовъ (Втор. vii, 6; xiv, 2). Если же люди, при выборѣ, избираютъ лучшее, то тѣмъ болѣе Богъ.

И избраніе служитъ свидѣтельствомъ съ одной стороны человѣколюбія Божія, съ другой—добродѣтели избранныхъ. Безъ сомнѣнія, Онъ избралъ тѣхъ, которые заслуживаютъ этого; Онъ сдѣлалъ насъ святыми, но нужно, чтобы и мы были достойны быть святыми. Святъ всякій, пріобщающійся вѣрѣ; непороченъ же тотъ, кто проводитъ жизнь непорочно. И не простой святости, не простой непорочности Онъ требуетъ, а такой, которая бы и предъ Нимъ показалась именно такою. Есть вѣдь святые и непорочные, почитаемые за таковыхъ людьми, на самомъ же дѣлѣ уподобляющіеся гробамъ повапленнымъ, или (волкамъ) ходящимъ въ одеждѣ овчей. Но не таковыхъ Онъ избираетъ, а тѣхъ, о которыхъ говоритъ пророкъ: *и по чистотѣ руку моею* (Пс. xvii, 25). Какой (святости Онъ ищетъ)? Святости *предъ очима Его*, т. е. такой, которую видитъ око Божіе. Сказавъ о добродѣтеляхъ ихъ (избираемыхъ), потомъ опять переходитъ къ благодати и говоритъ: *въ любви, прежде*

нарекъ насъ (ст. 5),—потому что не за добрыя только дѣла бываетъ это (избраніе), но по любви (къ намъ), и не по одной любви, но и за нашу добродѣтель. Если бы достаточно было одной любви, тогда всѣ должны были бы быть спасены; если же съ другой стороны достаточно нашей добродѣтели, то излишне было бы явленіе Его (Сына Божія) въ мірѣ и (излишне было бы) все домостроительство Его. Итакъ это дѣлается и не по одной любви и не за нашу только добродѣтель, но подъ условіемъ той и другой вмѣстѣ. *Избра насъ*, говоритъ (апостолъ); избирающій же знаетъ, что̀ онъ избираетъ. *Въ любви*, говоритъ, *прежде нарекъ насъ*. Не будь любви (Божіей), добродѣтель никого бы не спасла. Скажи мнѣ: много ли бы пользы получилъ Павелъ, много ли бы онъ совершилъ, если бы не былъ призванъ свыше, и если бы Возлюбившій его не привлекъ его къ Себѣ? Или другими словами: дарованіе столь великихъ благъ есть плодъ любви (Божіей къ намъ), а не нашей (только) добродѣтели. Быть добродѣтельнымъ, вѣровать и приближаться (къ Богу)—это хоть дѣло и Призвавшаго, но однакожь и наше. А приблизившихся удостоить столькихъ
13 почестей, чтобы изъ состоянія вражды перевести ихъ въ состояніе усыновленія,—это подлинно дѣло преизобилующей любви. *Въ любви*, говоритъ, *прежде нарекъ насъ во усыновленіе Іисусъ Христомъ въ Него* (ст. 5). Замѣчаешь ли, какъ ничего—безъ Христа и ничего—безъ Отца? Этотъ преднарекъ, Тотъ приводитъ. И это онъ утверждаетъ, возвышая бывшее, какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *не точію же, но и хвалимся Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ* (Рим. ш, 11). Великія, конечно, дарованы блага, но они становятся гораздо многоцѣннѣе вслѣдствіе того, что дарованы чрезъ Христа, потому что къ намъ—рабамъ Богъ послалъ не когонибудь изъ рабовъ, но своего Единороднаго. *По благоволенію*, говоритъ, *хотѣнія своего* (κατὰ τὴν εὐδοκίαν τοῦ θελήματος αὐτοῦ), т. е. потому, что имѣлъ сильное желаніе, или—если угодно—потому, что это составляло Его главное стремленіе. Εὐδοκία (благоволеніе) вездѣ означаетъ главное желаніе (основу другихъ желаній). Есть и другія желанія,—первое, напр., чтобы не погибли грѣшники; второе, чтобы сдѣлавшіеся грѣшниками погибли, потому что мучиться будутъ они не по необходимости, а по волѣ (Божіей). Это можно видѣть и у Павла, напр., когда онъ говоритъ: *хощу бо, да вси человѣцы будутъ, якоже и азъ* (1 Кор. vп, 7); и въ другомъ мѣстѣ: *хощу юнымъ посягати, чада раждати* (1 Тим. v, 14). Такимъ образомъ подъ εὐδοκία онъ разумѣетъ первое желаніе, сильное желаніе, желаніе съ вожделѣніемъ, повадку. Я не откажусь употребить даже вульгарное выраженіе, лишь бы уяснить это для простецовъ; такъ мы, означая непреодолимое желаніе, говоримъ—

κατὰ τὸ πεῖσμα ἡμῶν (по нашей повадкѣ). Такимъ образомъ сказанное (т. е. по благоволенію хотѣнія своего) значитъ, что Онъ сильно желаетъ, сильно хочетъ нашего спасенія.

Для чего Онъ такъ любитъ насъ, и гдѣ источникъ такой любви? (Источникъ)—единственно Его благость, потому что благодать отъ благости. Потому-то Онъ и предопредѣлилъ насъ во усыновленіе, желая и сильно желая, чтобы тѣмъ явить славу благодати Своей. *По благоволенію*, пишетъ онъ, *хотѣнія своего въ похвалу славы благодати своея, еюже облагодати насъ о возлюбленнѣмъ* (ст. 6), т. е., чтобы показать славу благодати Своей, которою Онъ сдѣлалъ насъ любезными Себѣ въ Возлюбленномъ.

3. Итакъ, если Онъ *облагодати въ похвалу славы благодати своея*, чтобы т. е. проявить благодать Свою, то и мы постараемся пребыть въ ней. *Въ похвалу славы*. Что это значитъ? То ли, чтобы кто восхвалялъ Его? Чтобы кто прославлялъ? Мы, ангелы, архангелы и вся тварь? Что же это? Нѣтъ! Божество ни въ чемъ не нуждается. Итакъ для чего же Онъ желаетъ, чтобы мы восхваляли и прославляли Его? Для того, чтобы чрезъ это содѣлать теплѣе нашу любовь къ Нему. Не требуетъ Онъ отъ насъ ни служенія, ни прославленія, ничего другого; Онъ желаетъ одного—спасенія нашего, и все дѣлаетъ для этого. Въ самомъ дѣлѣ, славословящій и благоговѣющій предъ благодатію, явленною въ Немъ, будетъ внимательнѣе и рачительнѣе (къ своему спасенію). *Ею же облагодати насъ*, — не сказалъ: (благодать) которую даромъ далъ (ἐχαρίσατο), но—которою облагодатилъ насъ (ἐχαρίτωσεν ἡμᾶς), т. е. не только отъ грѣховъ избавилъ, но и содѣлалъ любезными Себѣ. Представимъ себѣ: если бы кто, взявши чесоточнаго, покрытаго язвами, удрученнаго болѣзнію, старостію, бѣдностію и голодомъ, вдругъ преобразилъ его въ благообразнаго юношу, красота котораго привлекала бы къ себѣ всѣхъ людей, щеки сіяли бы, взоры, при каждомъ мановеніи, бросали бы солнечные 14
лучи; потомъ, если бы оставилъ его навсегда въ этомъ цвѣтущемъ возрастѣ, а сверхъ того облекъ его въ багряницу, въ діадему и во всѣ царскія украшенія: вотъ такъ именно и преобразилъ (Богъ) нашу душу, содѣлавъ ее и красивою, и привлекательною, и любезною, такъ что на такую душу желаютъ взирать ангелы, архангелы и всѣ другія (небесныя) силы. Такъ Онъ содѣлалъ насъ любезными и вожделѣнными Себѣ: *и возжелаетъ*, сказано, *царь доброты твоея* (Псал. XLIV, 12). Замѣть, какія горькія (рѣчи) мы прежде высказывали, и какія благодатныя теперь говоримъ! Мы дивимся не (земнымъ) сокровищамъ, не тому, что̀ здѣсь, а небеснымъ, тому, что̀ на небесахъ. О дитяти, которое, при красотѣ лица, умѣетъ еще пріятно говорить, не говоримъ

ли мы: какой это милый ребенокъ! Таковы именно вѣрные. Послушай, какія рѣчи они говорятъ, когда пріобщаются таинствъ. Что можетъ быть вожделѣннѣе тѣхъ устъ, которыя, произнося дивныя рѣчи, съ великимъ блескомъ и дерзновеніемъ, съ чистымъ сердцемъ и нескверными (губами) пріобщаются таинственной трапезы? Что вожделѣннѣе тѣхъ словъ, которыми мы отрицаемся діавола и сочетаваемся Христу, того исповѣданія—предъ купелію и послѣ купели? Подумаемъ же, какъ многіе растлили (благодать) крещенія, и въ покаяніи воздохнемъ, чтобы намъ опять воспринять ее. *О возлюбленнѣмъ*, говоритъ, *о немже имамы избавленіе кровію Его* (ст. 7). Не то только здѣсь удивительно, что предалъ Сына Своего, но и то, что Возлюбленный былъ закланъ. Великое преизобиліе (любви)! Предалъ Возлюбленнаго за ненавистныхъ. Смотри, какъ Онъ цѣнитъ насъ! Если же, когда мы Его ненавидѣли и были врагами, Онъ предалъ Возлюбленнаго, то чего же Онъ не сдѣлаетъ, когда мы удостоимся, чрезъ благодать, примиренія съ Нимъ? *Оставленіе прегрѣшеній*, говоритъ (апостолъ). Отъ высшаго нисходитъ къ низшему. Сказавши напередъ объ усыновленіи, святости и непорочности, потомъ уже говоритъ о страданіи, не уменьшая и не низводя рѣчи отъ предметовъ важныхъ къ малымъ, а отъ малыхъ восходя къ великимъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего столько великаго, какъ пролитіе за насъ крови Божіей; что Богъ Сына Своего не пощадилъ, это важнѣе и усыновленія и другихъ даровъ. Великое, безспорно, дѣло—отпущеніе грѣховъ, но оно становится еще больше, когда совершается кровію Владычнею. А что это далеко выше всего, смотри, какъ сильно выражается здѣсь (Павелъ), говоря: *по богатству благодати Его, юже преумножилъ есть въ насъ.* И то богатство, но это гораздо большее. *Юже преумножилъ*, говоритъ, *въ насъ*. Богатство было, и Онъ его еще преумножилъ, т. е. излилъ неизреченно (обильно). Невозможно словомъ представить, что̀ сдѣлано для насъ. Намъ (даровано) богатство, богатство необъятное, богатство не человѣческое, но божественное, такъ что слово совершенно безсильно выразить его. Желая же показать, какъ даровалъ (благодать) въ преизобиліи, прибавляетъ: *во всякой премудрости и разумѣ, сказавъ намъ тайну воли своея*, то есть, Онъ содѣлалъ насъ мудрыми и разумными истинной мудростью и истиннымъ разумомъ.

15 4. О, какая любовь! Сказалъ намъ тайны Свои — *воли своея*, или, говоря другими словами, открылъ намъ то, что у Него въ сердцѣ. Такая тайна, въ самомъ дѣлѣ, исполнена всякой мудрости и разума. Что назовешь ты равнымъ такой мудрости? Насъ, ничего нестоющихъ, Онъ взыскалъ, чтобы возвести въ богатство.

Что сравнится съ такою изобрѣтательностію? Тотъ, кто былъ врагомъ, (существомъ) мерзкимъ, вдругъ возводится горѣ. И не въ этомъ только премудрость, но и въ томъ, что совершается въ такое время, и въ томъ, что чрезъ крестъ. Долго нужно объяснять, сколько явлено въ этомъ премудрости и какъ Онъ чрезъ это снова сдѣлалъ насъ мудрыми. *По благоволенію своему*, продолжаетъ (апостолъ), *еже прежде положи въ Немъ* (ст. 9), т. е. это было сильное и сердечное желаніе Его—какъ-нибудь сказать намъ тайну (воли Своей). Какую же? Ту, что Онъ желаетъ человѣка посадить горѣ. Это (желаніе) исполнено. *Въ смотрѣніе исполненія временъ возглавити всяческая о Христѣ, яже на небесѣхъ и яже на земли въ Немъ* (ст. 10). Небесное и земное были отторгнуты одно отъ другого и не имѣли одной главы. Въ отношеніи творенія былъ одинъ Богъ, а въ отношеніи объединенія этого не было, потому что, когда разлилась языческая прелесть, люди отторглись отъ повиновенія. *Въ смотрѣніе*, пишетъ, *исполненія временъ*. Исполненіемъ временъ онъ назвалъ самое (домостроительство). Замѣть, какъ отчетливо онъ выражается. Показывая, что начало (спасенія нашего), предложеніе, желаніе и первое стремленіе—въ Отцѣ, а исполненіе его на дѣлѣ—чрезъ Сына, онъ нигдѣ, однакожъ, не называетъ Его (Сына) слугою. Избралъ, говоритъ, *насъ въ Немъ, прежде нарекъ насъ въ усыновленіе Iисусъ Христомъ въ Него и въ похвалу славы благодати своея, о немже имамы избавленіе кровію Его, еже прежде положи въ Немъ въ смотрѣніе исполненія временъ, возглавити всяческая о Христѣ*,—и нигдѣ не назвалъ Его слугою. Если скажешь, что частицы ἐν (въ), διὰ (чрезъ) указываютъ на (званіе) слуги, то замѣть, какъ онѣ здѣсь употребляются. Въ самомъ началѣ посланія (апостолъ) сказалъ: *волею Отца* (διὰ τοῦ θελήματος τοῦ Πατρός). Отецъ, говоритъ, восхотѣлъ, Сынъ (хотѣніе) исполнилъ. Здѣсь нѣтъ того, чтобы Сынъ лишенъ былъ дѣйствованія, потому что Отецъ восхотѣлъ, или чтобы Отецъ лишенъ былъ хотѣнія, потому что Сынъ дѣйствовалъ; у Отца и Сына все общее. *Моя вся твоя суть и твоя моя*, говоритъ (Сынъ) (Іоан. XVII, 10). Исполненіемъ временъ было Его пришествіе. Итакъ, 16
когда Онъ все сдѣлалъ чрезъ ангеловъ, пророковъ и законъ, и нисколько не успѣлъ, напротивъ находился еще въ опасности (раскаяться), что напрасно сотворилъ человѣка, что напрасно привелъ (къ бытію) того, кто слишкомъ (имѣлъ) преуспѣвать во злѣ; когда всѣ безъ разбору погибали и погибали въ большемъ количествѣ, чѣмъ при потопѣ,—тогда Онъ нашелъ домостроительство посредствомъ благодати, такъ что (оказалось) Онъ не безразсудно и не напрасно сотворилъ его. Это исполненіе временъ онъ называетъ и премудростію. Почему? Потому, что люди тогда

были спасены, когда всего больше они могли погибать. *Возглавити*, пишетъ. Что это значитъ: *возглавити* (ἀνακεφαλαιώσασθαι)? Значитъ: соединить. Впрочемъ постараемся быть, какъ можно, ближе къ самой истинѣ. У насъ оглавленіемъ (ἀνακεφαλαίωσις) обыкновенно называется представленіе въ краткихъ выраженіяхъ того, о чемъ надобно говорить долгое время, или сокращенное изложеніе всего, о чемъ было говорено пространно. Итакъ слово это можетъ значить и слѣдующее: устрояемое столь долгое время домостроительство (нашего спасенія) возглавилъ въ Себѣ, т. е. сократилъ, или говоря кратко, -- съ соблюденіемъ впрочемъ истины,—и то обнялъ и новое присоединилъ. Вотъ, что значитъ оглавленіе! Но есть нѣчто и другое, что также означается (этимъ словомъ). Что же это? Въ Христѣ по плоти Богъ положилъ одну главу для всѣхъ, для ангеловъ и человѣковъ, т. е. одно далъ (верховное) начало и ангеламъ и человѣкамъ, однимъ—(Христа) по плоти, другимъ—Бога Слова. Какъ если бы кто сказалъ о домѣ, что одно въ немъ гнило, другое крѣпко, и возобновилъ бы домъ, т. е. сдѣлалъ бы крѣпче, подложивъ болѣе крѣпкое основаніе, такъ и здѣсь всѣхъ привелъ подъ одну главу. Тогда только и возможно единеніе, тогда только и будетъ этотъ совершенный союзъ, когда все, имѣя нѣкоторую необходимую связь горѣ, будетъ приведено подъ одну главу. Итакъ, сподобившись такого дара, такой чести, такого человѣколюбія, не посрамимъ Благодѣтеля, не сдѣлаемъ тщетною такую благодать, покажемъ ангельское житіе, ангельскую добродѣтель и образецъ жизни. Я прошу и молю о томъ, чтобы все это не было намъ въ судъ и осужденіе, но въ полученіе благъ, которыхъ да удостоимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава и (честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА II.

17 **Въ немже и наслѣдницы сотворихомся, прежде нареченн бывше по прозрѣнію вся дѣйствующаго по совѣту воли своея, яко быти намъ въ похваленіе славы Его прежде уповавшимъ во Христа: въ немже и вы, слышавше слово истины, благовѣствованіе спасенія вашего, въ немже и вѣровавше знаменастеся Духомъ обѣтованія святымъ, иже есть обрученіе наслѣдія нашего, во избавленіе снабдѣнія, въ похвалу славы Его (Еф. I, 11—14).**

1. Павелъ вездѣ, сколько могъ, старался показать неизреченное человѣколюбіе къ намъ Божіе. Что онъ не въ состояніи

былъ показать во всей полнотѣ, объ этомъ послушай, какъ самъ онъ говоритъ: *о глубина богатства и премудрости и разума Божія, яко неиспытани судове Его, и неизслѣдовани путіе Его* (Рим. XI, 33)! Впрочемъ, сколько могъ, показываетъ. Что же говоритъ онъ? *Въ немже и наслѣдницы сотворихомся, прежде наречени бывше.* Выше сказалъ: *избра насъ*; здѣсь же говоритъ: *наслѣдницы сотворихомся* (ἐκληρώθημεν отъ κλῆρόω получаю наслѣдство по жребію). Но такъ какъ жребій есть дѣло случая, а не свободной воли или заслугъ, не можетъ быть предусмотрѣнъ и зависитъ отъ стеченія обстоятельствъ, такъ что нерѣдко не удостоиваются его и люди добродѣтельные, напротивъ люди, не заслуживающіе никакого вниманія, выводятся на сцену,—то замѣть, какъ (апостолъ) дополняетъ это: *прежде наречени бывше*, говоритъ, *по прозрѣнію вся дѣйствующаго*, т. е. не просто мы *наслѣдницы сотворихомся*, какъ не просто и избралъ Онъ насъ. Такъ какъ избравшій есть Богъ, то не случаю, значитъ, обязаны мы избраніемъ; такъ какъ сотворившій насъ наслѣдниками—Богъ, то, значитъ, (не случайно) мы получили наслѣдство, а по прозрѣнію. И въ посланіи къ Римлянамъ, разсуждая объ этомъ, онъ говоритъ: *сущимъ по предувѣдѣнію званнымъ. Ихже призва, сихъ и оправда, а ихже оправда, сихъ и прославн* (Рим. VIII, 29, 30). Сказавши прежде о томъ, что есть званные по предувѣдѣнію, и между тѣмъ желая относительно другихъ показать нѣчто большее, онъ говоритъ также и о наслѣдствѣ по жребію, чтобы не отнять (отъ Бога) самовластія. Такимъ образомъ онъ утверждаетъ то, что въ особенности доставляетъ блаженство: вѣдь наслѣдство по жребію не есть (награда) за добродѣтель, а, такъ сказать, дѣло случая,—какъ если бы кто-нибудь сказалъ: Онъ избралъ насъ, бросивши жребій. Въ самомъ же дѣлѣ здѣсь все сдѣлано преднамѣренно, т. е. избравъ преднареченныхъ (по прозрѣнію), Онъ отдѣлилъ ихъ Себѣ самому, потому что Онъ усмотрѣлъ насъ прежде, чѣмъ содѣлалъ наслѣдниками. Изумительно божественное предвѣдѣніе, усматривающее все прежде исполненія! Кромѣ того обрати вниманіе и на то, какъ (апостолъ) вездѣ старается объяснить, что всѣ эти дѣла (устроились) не по причинѣ раскаянія, но что такъ именно они были предопредѣлены издревле, и что все совершено Имъ согласно съ этимъ (предопредѣленіемъ), такъ что мы, въ этомъ случаѣ, ничѣмъ не меньше іудеевъ. Но какъ же, скажешь, самъ Христосъ говоритъ: *нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дому Израилева* (Мѳ. XV, 24); и еще апостоламъ Онъ говорилъ: *на путь языкъ не идите, и во градъ Самарянскій не внидите* (Мѳ. X, 5); и самъ Павелъ опять говорилъ: *вамъ бѣ лѣпо первѣе глаголати слово Божіе: а понеже отвергосте е, и недостойны тво-*

рите сами себе вѣчному животу, се обращаемся во языки (Дѣян. XIII, 16)? Все это сказано для того, чтобы кто-нибудь не подумалъ, что это сдѣлано въ видѣ ненужной прибавки. *По прозрѣнію*, говоритъ, *вся дѣйствующаго по совѣту воли своея*, т. е. Онъ все предопредѣлилъ искони, и кромѣ этого не сдѣлалъ ничего. Такимъ образомъ Онъ дѣйствовалъ до конца по совѣту воли Своея. И зна-
18 читъ, Онъ призвалъ язычниковъ вовсе не потому, что іудеи не послушались Его; Онъ не былъ къ этому приведенъ или вынужденъ послѣдними. *Быти намъ*, говоритъ, *въ похваленіе славы Его, прежде уповавшимъ во Христа: въ немже*, т. е. чрезъ Него, *и вы слышавше слово истины, благовѣствованіе спасенія вашего.* Замѣть: вездѣ онъ представляетъ Христа истиннымъ виновникомъ всего, и нигдѣ не называетъ Его подчиненнымъ или слугою. Подобно этому, онъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ, именно въ посланіи къ Евреямъ: *древле глаголавый отцемъ нашимъ во пророцѣхъ, въ послѣдокъ дній сихъ глагола намъ въ Сынѣ*, т. е. чрезъ Сына. *Слово истины*,—говоритъ,—но не (слово) образа или подобія.

Благовѣствованіе спасенія нашего. И хорошо называетъ это благовѣствованіе (благовѣствованіемъ) спасенія нашего, указывая этимъ съ одной стороны на законъ, съ другой на будущее наказаніе. Что въ самомъ дѣлѣ другое означаетъ проповѣдь, какъ не благовѣствованіе спасенія, т. е., что достойныхъ погибели Онъ уже не погубляетъ? *Въ немже и вѣровавше знаменастеся Духомъ обѣтованія святымъ, иже есть обрученіе наслѣдія нашего.* Опять великое промышленіе показываетъ это запечатлѣніе,—не отдѣленіе, не наслѣдіе только, но именно—запечатлѣніе. Какъ еслибы кто доставшихся ему по жребію отмѣтилъ (извѣстнымъ знакомъ), чтобы послѣ узнавать ихъ, такъ точно и Богъ отдѣлилъ для принятія вѣры въ Него, и запечатлѣлъ въ наслѣдіе будущихъ (благъ).

2. Видишь ли, какъ (Богъ) съ теченіемъ времени содѣлываетъ ихъ дивными? Доколѣ они были только въ предвѣдѣніи, до тѣхъ поръ никому не были извѣстны; а когда получили запечатлѣніе, сдѣлались извѣстными, но не какъ мы, потому что они будутъ извѣстны, выключая немногихъ. Получали запечатлѣніе и израильтяне, но чрезъ обрѣзаніе, подобно скотамъ и безсловеснымъ; запечатлѣны и мы, но какъ сыны, Духомъ. Что значитъ: *Духомъ обѣтованія?* Значитъ, что мы приняли Его по обѣтованію. Обѣтованій было два, одно чрезъ пророковъ, другое отъ Сына. (И сказалъ): чрезъ пророковъ; послушай, что говоритъ Іоиль: *излію отъ Духа моего на всяку плоть и прорекутъ сынове ваши и дщери ваши и юноши ваши видѣнія увидятъ и старцы ваши сонія узрятъ* (Іоил. II, 28). Послушай затѣмъ, что и Христосъ го-

воритъ: *пріимете силу, нашедшу святому Духу на вы, и будете ми свидѣтели во Іерусалимѣ же и во всей Іудеи и Самаріи, и даже до послѣднихъ земли* (Дѣян. I, 8). Хотя слѣдовало вѣрить Ему, какъ Богу, но Онъ на этомъ очень не настаиваетъ, а производитъ изслѣдованіе, какъ бы (онъ говорилъ) о человѣкѣ. Какъ въ посланіи къ Евреямъ онъ говоритъ: *да двѣма вещми непреложными, въ нихъ же не возможно солгати Богу, крѣпкое утѣшеніе имамы*, такъ и здѣсь то, что уже было даровано, представляетъ въ доказательство исполненія обѣтованія о будущихъ (благахъ). Потому-то онъ и называетъ (Духа Св.) *обрученіемъ* (залогомъ нашего спасенія). Залогъ бываетъ обезпеченіемъ для всего. Онъ купилъ намъ наше спасеніе, и пока далъ только залогъ. Почему же не даровалъ всего тотчасъ же? Потому что мы, съ своей стороны, еще не исполнили всего. Мы увѣровали, это лишь начало, и Онъ даровалъ залогъ. А когда вѣру покажемъ въ дѣлахъ, 19
тогда представитъ намъ и все. Онъ отличилъ насъ и другимъ образомъ, даровавъ намъ собственную кровь, и обѣщалъ еще другую честь. Какъ во время войны народы даютъ другъ другу заложниковъ, такъ точно Богъ даровалъ намъ Своего Сына—залогъ мира и примиренія, и изъ Него (τὸ ἐξ αὐτοῦ) Святого Духа. Пріобщившіеся (благодати) Духа, безъ сомнѣнія, знаютъ, что это залогъ наслѣдія нашего. Таковъ былъ Павелъ, который здѣсь еще предвкушалъ то, что тамъ (т. е. на небѣ), который стремился и желалъ оставить здѣшній міръ, и воздыхалъ, потому что онъ, весь умъ свой переселивъ туда, смотрѣлъ уже другими глазами. Ты не оправдываешь (вѣры) дѣлами,—этимъ самъ себя исключаешь изъ словъ (обѣтованій). Если бы мы всѣ пріобщились Духа, какъ слѣдуетъ пріобщиться, то и небо узрѣли бы и свое будущее тамъ состояніе. *Обрученіе* чего? *Избавленія, снабдѣнія.* Совершенное избавленіе совершится въ будущей жизни, потому что теперь мы живемъ среди міра и много человѣческаго приходитъ въ насъ, и съ нечестивыми обращаемся. Когда же не будетъ ни грѣховъ, ни человѣческихъ страстей, когда мы не будемъ въ перемѣшку со всѣми (нечестивые вмѣстѣ со святыми),—тогда уже наступитъ совершенное избавленіе; а теперь (данъ только) залогъ. Впрочемъ намъ и теперь должно удаляться земного, потому что наше отечество не на землѣ; и теперь мы должны быть свободны отъ того, что здѣсь, потому что мы еще странники. *Въ похвалу славы Его,*—это онъ постоянно повторяетъ; для чего же? Для того, чтобы вполнѣ убѣдить слушателей. Если бы Онъ искупилъ насъ для насъ же, какъ бы такъ говоритъ (апостолъ), то искупленіе наше не было бы еще несомнѣнно. Если же Онъ сдѣлалъ это для Себя, то есть, чтобы показать

Свою благость, то это служитъ уже основаніемъ, или какъ бы ручательствомъ, что обѣщанное такъ и случится, какъ обѣщано. Мы видимъ, что и у израильтянъ часто встрѣчаются подобныя выраженія: *сотвори со мною имене ради твоего* (Псал. CVIII. 21). Въ другомъ мѣстѣ самъ Богъ говоритъ: *Мене ради сотворю* (Ис. XLVIII, 11). И Моисей (взываетъ): *сотвори намъ имене твоего ради*, если не ради чего другого. Итакъ онъ самымъ дѣйствительнымъ образомъ убѣждаетъ и обнадеживаетъ слушателей, научая ихъ, что (Богъ) ради Своей собственной благости исполнитъ все, что обѣщаетъ. Но не будемъ изъ-за этого предаваться безпечности. Конечно, Онъ все дѣлаетъ ради самого Себя; но однако же и отъ насъ требуетъ (соотвѣтствующихъ дѣйствій). Если Онъ говоритъ, что *прославляющія Мя прославлю, и уничижающія Мя безчестни будутъ* (1 Цар. II, 30), то мы должны понять, что и съ нашей стороны нѣчто требуется. Похвала славы Его—въ томъ, чтобы спасти враговъ, но эти враги послѣ того, какъ они сдѣлались друзьями, должны и пребыть друзьями; если же они опять возвратятся въ прежнее состояніе вражды, то все для нихъ будетъ безполезно и тщетно.

3. Другой бани пакибытія нѣтъ; нѣтъ и вторичнаго приведенія; но есть *страшное нѣкое чаяніе суда, и огня ревность, поясти хотящаго сопротивныя* (Евр. X, 27). Это именно ожидаетъ и насъ, если мы, всегда враждовавшіе съ Нимъ, будучи удостоены прощенія, и послѣ этого не перестанемъ еще враждовать, будемъ продолжать предаваться похотямъ и дѣлаться хуже прежняго; если останемся слѣпыми и по пришествіи Солнца правды. Хочешь воспринять лучъ, просвѣщающій твои очи? Содѣлай ихъ чистыми, здравыми и зоркими. Онъ показалъ тебѣ свѣтъ истинный; но если ты, убѣгая свѣта, устремишься ко тьмѣ, — какое тогда обрѣтешь ты оправданіе, какое прощеніе? Подлинно никакого, потому что это обнаружитъ въ тебѣ невыразимую ненависть. Когда бы ты, еще не познавъ Бога, враждовалъ съ Нимъ, тогда ты имѣлъ бы еще нѣкоторое извиненіе. А теперь, когда
20 ты вкусилъ благоволенія и сладости (божественной), и, оставляя ихъ, возвращаешься на свою блевотину, то этимъ обнаруживаешь не что иное, какъ только знаки великой ненависти и презрѣнія. Не правда,—скажешь,—природа принуждаетъ меня (ко грѣху); я люблю Христа, но природа поставляетъ меня въ необходимость (грѣшить). Если бы въ самомъ дѣлѣ ты грѣшилъ по принужденію и противъ воли,—для тебя было бы еще снисхожденіе; если же ты падаешь отъ нерадѣнія, тогда не можетъ быть никакого.

Впрочемъ, разсмотримъ это самое, т. е., что бываетъ причиною грѣховъ, нужда ли и неволя, или лѣность и совершенная

безпечность? Сказано, наприм.: *не убій*. Какая необходимость, какое насиліе дѣлать это? Напротивъ, чтобы убить, нужно употребить (надъ собой) насиліе. Кто въ самомъ дѣлѣ изъ насъ (безъ насилія надъ собой) рѣшится вонзить мечъ въ гортань ближняго и обагрить кровію свою руку? Никто. Не видишь ли, что напротивъ, чтобы совершить этотъ грѣхъ, нужно много принужденія и насилія надъ собою. Богъ вложилъ въ нашу природу силу, побуждающую любить другихъ. *Всяко животно*, сказано, *любитъ подобное себѣ и человѣкъ искренняго своего* (Сир. XIII, 19). Смотри, для добродѣтели сама природа дала сѣмена; пороки же противны природѣ, такъ что, если они болѣе господствуютъ надъ нами, то это самое служитъ признакомъ большой съ нашей стороны лѣности. А что блудъ? Къ нему какая влечетъ необходимость? Конечно, скажутъ, тиранство похоти. Какъ такъ, скажи мнѣ? Развѣ нельзя имѣть собственную жену, и этимъ уничтожить это тиранство? Но какая-то (страстная) любовь, скажетъ кто-нибудь, обуяла меня къ женѣ ближняго. Это еще не есть необходимость, потому что любовь не есть дѣло необходимости; никто не любитъ по необходимости, а по своему произволенію и доброй волѣ. Имѣть совокупленіе—это, можетъ быть, и необходимость; но любить ту или другую—это уже не есть дѣло необходимости. И (прелюбодѣяніе) не есть слѣдствіе стремленія къ совокупленію, а слѣдствіе тщеславія, чувственнаго раздраженія и чрезмѣрнаго сладострастія. Что, скажи мнѣ, сообразнѣе съ разумомъ: имѣть ли свою жену—общницу рожденія дѣтей, или искать какой-нибудь неизвѣстной? Развѣ не знаете вы, что привычка порождаетъ дружбу? Итакъ блудъ не есть дѣло природы. Я не обвиняю вожделѣнія, но вожделѣніе дано намъ для брака и для дѣторожденія, а не для распутства и растлѣнія. И законы гражданскіе, какъ извѣстно, снисходительно относятся къ невольнымъ преступленіямъ. Но грѣха собственно нѣтъ ни одного, который бы проистекалъ изъ необходимости,—всѣ они зависятъ отъ испорченной воли. Богъ не такъ создалъ природу, чтобы необходимо должно было грѣшить; если бы это было такъ, тогда не было бы и наказанія. А о томъ, что дѣйствительно дѣлается по необходимости и принужденію, мы не заводимъ и рѣчи, и Богъ не взыщетъ за это, потому что Онъ человѣколюбивъ и благъ. Что же? Ужъ и воровство не есть ли дѣло необходимости? Да, скажутъ, къ нему понуждаетъ бѣдность. Нѣтъ, бѣдность скорѣе заставляетъ трудиться, а не красть. Такимъ образомъ бѣдность производитъ противное; воровство происходитъ отъ лѣности; а бѣдность порождаетъ обыкновенно не лѣность, а трудолюбіе. Итакъ оно (воровство) есть слѣдствіе нерадѣнія. Замѣть это! Притомъ, скажи мнѣ,

что труднѣе, что непріятнѣе,—проводить ли ночи безъ сна, проламывать стѣны, бродить во тьмѣ, постоянно тревожиться и готовиться къ убійству, дрожать и умирать со страху, или ежедневно посвящать себя труду, и вмѣстѣ съ довольствомъ наслаждаться безопасностію? Конечно, послѣднее легче. А такъ какъ оно легче, то большая часть людей и рѣшается лучше на него, чѣмъ на первое.

21 4. Видишь ли, что добродѣтель сообразна съ природою, а порокъ противенъ ей, какъ (противны между собою) болѣзнь и здоровье. Еще: какая напримѣръ необходимость заставляетъ лгать и божиться? Никакой нѣтъ необходимости, никакой неволи; но мы это дѣлаемъ по доброй волѣ. Намъ не вѣрятъ,—скажете вы. Не вѣрятъ, потому что мы того желаемъ; вѣдь намъ слѣдовало бы пріобрѣтать довѣріе болѣе своимъ поведеніемъ, чѣмъ клятвами. Отчего, скажи мнѣ, однимъ мы не вѣримъ и тогда, когда они клянутся, а другихъ считаемъ людьми, заслуживающими довѣрія и безъ клятвы? Значитъ, въ клятвахъ нѣтъ никакой необходимости. Словамъ такого-то, говоришь, я вѣрю и безъ клятвъ, тебѣ же не вѣрю, несмотря на твои клятвы. Значитъ, клятвы излишни, и болѣе свидѣтельствуютъ о недовѣріи, чѣмъ о довѣріи. Кто склоненъ къ клятвамъ, тотъ, нельзя сказать, чтобы дѣлалъ честь своему благородству. И кто рѣшительно при всякомъ случаѣ употребляетъ клятву, тотъ никогда не имѣетъ въ ней настоятельной нужды; между тѣмъ кто никогда не прибѣгаетъ къ клятвѣ, тотъ можетъ извлечь изъ ней пользу. Можетъ быть, клятва нужна для увѣренія (другихъ)? Нисколько! Мы видимъ, что не клянущіеся пользуются большимъ довѣріемъ. Еще: есть ли какая-нибудь необходимость досаждать другимъ? Конечно, скажешь. Внутренній жаръ возбуждается, воспламеняется и не даетъ душѣ покоя. Нѣтъ, человѣкъ, не отъ внутренняго жара происходитъ досада, а отъ малодушія. Если бы (досада происходила) отъ сердечной горячности, то всѣ бы люди досаждали (другъ другу), и непрестанно бы досаждали. Мы имѣемъ горячность (ревность) въ сердцѣ не для того, чтобы досаждать ближнимъ, но чтобы обращать согрѣшающихъ, чтобы возставать самимъ (по паденіи), чтобы не быть лѣнивыми. Внутренній жаръ вложенъ въ насъ, какъ нѣкоторое жало, чтобы мы скрежетали зубами противъ діавола, чтобы устремлялись на него, а не чтобы возставали другъ противъ друга. Мы имѣемъ оружіе не для того, чтобы воевать съ самими собой, а чтобы употреблять его въ войнѣ съ непріятелемъ. Ты гнѣвливъ? Будь таковъ по отношенію къ своимъ грѣхамъ, бей свою душу, бичуй свою совѣсть, будь строгимъ судьей и грознымъ карателемъ своихъ собственныхъ грѣховъ. Вотъ польза

гнѣва: для этого Богъ и вложилъ его въ насъ. Еще: лихоимство бываетъ ли слѣдствіемъ необходимости? Нѣтъ! Какая нужда, какая сила, скажи, понуждаетъ грабить? Бѣдность заставляетъ,— скажешь ты,—и страхъ (не имѣть) самаго необходимаго. Но поэтому-то тебѣ и не должно быть лихоимцемъ; такого рода богатство не прочно. Ты дѣлаешь тоже самое, какъ если бы кто-нибудь, будучи спрошенъ, для чего онъ на пескѣ полагаетъ основаніе дома, отвѣчалъ: (чтобъ укрываться) отъ холода и отъ дождя. Но для этого-то именно и не слѣдовало бы ставить (дома) на пескѣ, потому что дождь, бури и вѣтеръ скоро разрушатъ его. Поэтому, если ты хочешь разбогатѣть, то не лихоимствуй; если хочешь оставить дѣтямъ богатство, пріобрѣтай (богатство) чест- 22
ное,—если только таковое бываетъ. Такое богатство твердо и прочно; иное же скоро погибаетъ и уничтожается. Скажи мнѣ: ты желаешь разбогатѣть, и для этого берешь принадлежащее другимъ? Но вѣдь это не богатство; богатъ тотъ, кто пользуется собственнымъ, у кого же въ рукахъ чужое, тотъ не богатъ. Иначе, продающіе шелковыя одежды, берущіе на время одежды другихъ почитались бы богаче и изобильнѣе всѣхъ. Однакожъ, несмотря на то, что вещи въ ихъ рукахъ, мы не называемъ ихъ богатыми. Почему? Потому что у нихъ чужое. Если даже одежды принадлежатъ имъ, все-таки деньги, которыхъ стоятъ одежды, не ихъ, а если и деньги ихъ, то и это не составляетъ еще ихъ богатства. Итакъ, если полученное въ займы не дѣлаетъ богатыми, такъ какъ скоро можетъ быть потребовано назадъ, то какимъ образомъ отъ лихоимства можно быть богатымъ? Если ты желаешь разбогатѣть во что бы то ни стало (потому что это не есть дѣло необходимости), то чѣмъ особенно ты хотѣлъ бы пользоваться? Не болѣе ли продолжительною жизнію? Но таковые (грабители) большею частію бываютъ недолговѣчны; они часто получаютъ, въ наказаніе за хищеніе и лихоимство, преждевременную смерть, и такимъ образомъ мало того, что не наслаждаются богатствомъ, но отходятъ (отъ міра), чтобы воспринять геенну; нерѣдко также они погибаютъ, получая болѣзни или отъ сладострастія, или отъ трудовъ, или отъ излишнихъ заботъ. Хотѣлъ бы я знать при этомъ, для чего люди такъ много заботятся о богатствѣ? Вѣдь Богъ назначилъ природѣ мѣру и границы, чтобы мы не имѣли никакой необходимости искать богатства. Онъ повелѣлъ, напр., одѣвать тѣло одною или двумя одеждами, а затѣмъ лишняя не нужна для защиты (тѣла). Для чего же тысячи одеждъ, эта моль ѣдина? Положена также мѣра и въ принятіи пищи, и употребленное болѣе этой мѣры необходимо вредитъ всякому живому существу: для чего же эти стада, пастбища и скопленіе мяса? Намъ

нуженъ только одинъ кровъ: для чего же эти хоромы, эти многоцѣнныя жилища? Чтобы въ нихъ обитали коршуны и галки въ то время, какъ бѣдные люди лишены всякаго крова? Какой геенны не заслуживаетъ это? Многіе нерѣдко въ мѣстахъ, которыхъ никогда не видали, воздвигаютъ изъ гранитныхъ столбовъ и дорогого мрамора великолѣпныя зданія (чего только не выдумаютъ?); но ни сами, ни кто другой не пользуются ими. Пустынность мѣста не дозволяетъ жить въ этихъ зданіяхъ, которыя такимъ образомъ остаются безъ употребленія. Видишь ли, что не по необходимости онѣ воздвигаются? Но причиною всего этого—безуміе, глупость и тщеславіе, которыхъ, умоляю, будемъ избѣгать, чтобы мы смогли избѣгнуть и другихъ золъ, и удостоиться благъ, обѣщанныхъ любящимъ Его во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ.

БЕСѢДА III.

23 Сего ради и азъ, слышавъ вашу вѣру о Христѣ Іисусѣ и любовь, яже ко всѣмъ святымъ, не престаю благодаря о васъ, поминаніе о васъ творя въ молитвахъ моихъ, да Богъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ славы, дастъ вамъ духа премудрости и откровенія, въ познаніе Его: просвѣщенна очеса сердца вашего, яко увѣдѣти вамъ, кое есть упованіе званія Его и кое богатство славы достоянія Его во святыхъ, или кое преспѣющее величество силы Его въ насъ вѣрующихъ по дѣйству державы крѣпости Его, юже содѣя во Христѣ, воскресивъ Его отъ мертвыхъ (Еф. I, 15—20).

1. Нѣтъ ничего, съ чѣмъ бы можно было сравнить апостольское благорасположеніе,—что было бы подобно тому сочувствію и той нѣжной любви, которыми былъ исполненъ блаженный Павелъ, во всѣхъ своихъ молитвахъ поминавшій цѣлые города и народы. *Благодарю Бога о васъ, поминаніе о васъ творя въ молитвахъ моихъ*,—такъ онъ обыкновенно писалъ всѣмъ. Представьте же, сколь многихъ онъ имѣлъ въ мысляхъ своихъ! Даже и помнить было трудно,—такъ много было людей, о которыхъ онъ молился, благодаря Бога за всѣхъ, какъ будто тѣ величайшія благодѣянія (какія они получили), получилъ онъ самъ. *Сего ради*, говоритъ, т. е. ради будущихъ благъ, которыя ожидаютъ право вѣрующихъ и живущихъ. Впрочемъ, должно благодарить Бога за все, что Онъ содѣлалъ для рода человѣческаго и до этого и послѣ этого,—должно благодарить Его и за вѣру вѣрую-

шихъ. *Слышавъ*, говоритъ, *вѣру вашу о Христѣ и любовь, яже ко всѣмъ святымъ*. Вездѣ онъ соединяетъ и сближаетъ вѣру и любовь, какъ нѣкую дивную двоицу; о любви же ихъ говоритъ не къ туземцамъ только, но ко всѣмъ (христіанамъ). *Не престаю благодаря о васъ, поминаніе о васъ творя въ молитвахъ моихъ*. О чемъ же онъ проситъ, о чемъ молитъ? О томъ, *да Богъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ славы, дастъ вамъ духа премудрости и откровенія*. Двумъ истинамъ Онъ хочетъ научить ихъ, какъ слѣдуетъ: къ чему они призваны, и какимъ образомъ избавлены отъ исконныхъ (золъ). Между тѣмъ самъ говоритъ, что этихъ (истинъ) три. Какимъ же образомъ ихъ три? Начнемъ съ будущаго. Изъ уготованныхъ благъ мы узнаемъ неизреченное и преизбыточествующее богатство Его. А изъ знанія о томъ, каковы мы и какъ увѣровали, узнаемъ силу и могущество Его—обратить къ Богу бывшихъ столь долгое время въ отчужденіи. *Немощное Божіе крѣпчае человѣкъ есть* (1 Кор. I, 25). Тою же самою силою, которою воскресилъ Христа, Онъ и насъ привлекъ къ Себѣ. И сила Его высказалась не только въ воскресеніи, но и въ гораздо большемъ: *и посадилъ одесную Себе, превыше всякаго начальства и власти и силы и господства и всякаго имене именуемаго; и вся покори подъ* 24
ногѣ Его, и того даде главу выше всѣхъ Церкви, яже есть тѣло Его, исполненіе исполняющаго всяческая во всѣхъ (ст. 20—23). Подлинно великихъ и неизреченныхъ таинствъ содѣлалъ Онъ насъ участниками,— таинствъ, которыя понимать могутъ только пріобщившіеся Святаго Духа и удостоившіеся великой благодати. Потому-то и Павелъ начинаетъ свою молитву словами: *Отецъ славы*, т. е. (Отецъ), даровавшій намъ великія блага. Онъ всегда называетъ Его сообразно предмету (о которомъ говорится), какъ, напр., когда говоритъ: *Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи* (2 Кор. I, 3), и какъ еще пророкъ (сказалъ): *Господь крѣпость моя и прибѣжище мое* (Псал. XVII, 3). *Отецъ славы*. (Апостолъ) не находитъ такого слова (которымъ бы могъ вполнѣ изобразить уготованныя Богомъ блага), и вездѣ называетъ ихъ славою, какъ словомъ, обозначающимъ для насъ всякаго рода величіе. Смотри: (Бога Отца апостолъ называетъ) Отцемъ славы и Богомъ Христа. Что же? Развѣ Сынъ имѣетъ меньше славы? Нѣтъ, никто, даже безумный, этого не скажетъ. *Да дастъ вамъ* (духа премудрости), т. е. возвыситъ и воскрылитъ вашъ умъ, потому что иначе нельзя познать этого. *Душевенъ бо человѣкъ не пріемлетъ, яже духа Божія: юродство бо ему есть* (1 Кор. II, 14). Значитъ, чтобы понимать духовное, видѣть сокровенное,—нужна и мудрость духовная. Духъ открываетъ все и разъясняетъ самыя тайны Божіи. Знаніе таинъ Божіихъ принадлежитъ одному Духу, который *испытуетъ и глубины Божія*

(1 Кор. II, 10), и ни ангелъ, ни архангелъ, ни иная какая сотворенная сила не подастъ, т. е., не доставитъ вамъ этого дарованія. Если же это есть плодъ откровенія, въ такомъ случаѣ излишни всѣ умствованія, потому что углубившійся въ (созерцаніе) Бога и познавшій Его ни въ чемъ не усумнится, не будетъ говорить: вотъ это возможно, а это невозможно; не будетъ разсуждать, какимъ образомъ то или другое могло случиться. Если бы и мы познали Бога, какъ должно, если бы познали отъ того, отъ кого слѣдуетъ познавать, отъ самого Духа, то мы уже ни въ чемъ болѣе не сомнѣвались бы. Потому-то (апостолъ) и говоритъ: *въ познаніе Его просвѣщенна очеса сердца вашего.* Наученный что̀ есть Богъ ни въ обѣтованіяхъ не усумнится, ни обнаружитъ невѣрія въ то, что уже было. Вотъ почему онъ и молится о дарованіи имъ духа премудрости и откровенія. Впрочемъ самъ (апостолъ), что можно, доказываетъ и посредствомъ умозаключеній, (заимствуя основанія для нихъ) отъ того, что уже совершено. Такъ какъ онъ намѣренъ говорить съ одной стороны уже о совершившемся, а съ другой еще о не совершившемся, то тѣмъ, что совершено, онъ утверждаетъ вѣру въ то, что еще не совершено, какъ это видно изъ слѣдующаго: *яко увѣдѣти*, говоритъ, *вамъ, кое есть упованіе званія Его,—(упованіе)* пока еще неизвѣстное, говоритъ, но не для вѣрныхъ,—*и кое богатство славы достоянія Его во святыхъ,*—тоже пока еще неизвѣстное. Что же извѣстно? То, что мы вѣруемъ, что Онъ *Своею силою* воскресилъ Христа. Возбудить вѣру въ душахъ гораздо удивительнѣе, чѣмъ воскресить мертваго. Какъ такъ? Постараюсь сдѣлать это яснымъ. Послушай, въ самомъ дѣлѣ: Христосъ сказалъ мертвому: *Лазаре, гряди вонъ* (Іоан. XI, 43), и (мертвецъ) тотчасъ повиновался. Сказалъ Петръ Тавиѳѣ: *Тавиѳо, востани* (Дѣян. IX, 40), и та не противорѣчила. Скажетъ Господь въ послѣдній день—и всѣ возстанутъ, притомъ съ такою быстротой, что остающіеся еще въ живыхъ не предупредятъ умершихъ, и все это совершится и окончится въ самое краткое время,—въ одно мгновеніе ока.

25 2. Но не такъ бываетъ въ дѣлѣ обращенія къ вѣрѣ. А какъ же? Послушай опять, что говоритъ (Господь): *коль краты восхотѣхъ собрати чада твоя и не восхотѣсте* (Лук. XIII, 24). Теперь понимаешь, что труднѣе? Потому-то (апостолъ вѣрою) и доказываетъ все. Въ самомъ дѣлѣ гораздо труднѣе,—даже по человѣческимъ соображеніямъ, — убѣдить свободу человѣка, чѣмъ создать природу. Причина же заключается въ томъ, что Богъ желаетъ, чтобы мы сами добровольно дѣлались добрыми. Такимъ образомъ (апостолъ) совершенно справедливо видитъ *преспѣющее величество силы Его въ насъ вѣрующихъ.* Когда пророки ничего не

помогли, когда (не помогли) ангелы и архангелы, вся видимая и невидимая тварь,—видимая, будучи выведена на сцену, не смогла руководить, а невидимая во многомъ успѣла,—тогда благоволилъ явиться самъ (Богъ), показывая этимъ, что въ дѣлѣ (обращенія къ вѣрѣ) нужна сила божественная. *Богатство славы*, т. е. славу неизреченную. Въ самомъ дѣлѣ, чье слово въ состояніи представить ту славу, которой сподобятся нѣкогда святые? Конечно, ничье. Чтобы уразумѣть это, поистинѣ нужна благодать,—нужно воспринять хоть малый лучъ (духовнаго свѣта). Было извѣстно нѣчто (изъ божественныхъ истинъ) и прежде: но нынѣ Онъ восхотѣлъ научить большему и совершеннѣйшему вѣдѣнію. Видишь ли, что Онъ совершилъ? Воскресилъ Христа; и это уже немаловажное дѣло; но смотри, что и еще (Онъ сдѣлалъ): посадилъ Его одесную Себя. Какое слово можетъ изобразить это? Сущаго отъ земли, того, кто былъ безгласнѣе рыбъ, кто былъ игрушкой (подвергался искушеніямъ) демоновъ,—вдругъ возвелъ на высоту. Поистинѣ, преизобильно величіе силы Его!

И смотри, куда Онъ возвелъ Его. Посадилъ Его *на небесныхъ* превыше всякаго сотвореннаго естества, превыше всякаго начальства и власти. *Превыше*, говоритъ, *всякаго начальства*. Потому, поистинѣ, нуженъ Духъ (благодати), нуженъ умъ просвѣщенный, чтобы познать Его,—словомъ, для этого нужно откровеніе. Представь, какъ велико разстояніе между человѣческой и божественной природой; между тѣмъ Онъ отъ этого (человѣческаго) ничтожества возвелъ Его въ ту (божественную) честь. Не одну, не двѣ, не три степени нужно перейти для этого. Потому-то и (апостолъ) не просто сказалъ: выше, но—превыше. Превыше вышнихъ силъ—одинъ Богъ. И туда-то Онъ возвелъ сущаго отъ насъ,—отъ крайняго уничиженія Онъ возвелъ на крайнюю степень власти, за которою уже нѣтъ другого (высшаго) достоинства. *Всякаго начальства*, говоритъ, т. е. (превыше) не того или другого, но всякаго *начальства и власти и силы и господства, и всякаго имене имнуемаго;* что бы ни было на небѣ, Онъ сдѣлался превыше всего. Все это (говорилъ апостолъ) о Воскресшемъ изъ мертвыхъ, и все это достойно удивленія, а никакъ не о Богѣ-Словѣ. Вѣдь, что̀ комары въ сравненіи съ человѣкомъ, то вся тварь въ сравненіи съ Богомъ. И что я говорю: комары? Если всѣ люди предъ Богомъ не болѣе, какъ капля и какъ пылинка на вѣсовой чашкѣ (Иса. xl, 15), то съ комарами (въ этомъ случаѣ) можешь сравнивать невидимыя силы. Итакъ не о Богѣ-Словѣ говорилъ такъ (апостолъ), а о *Томъ, Кто отъ* насъ. Это подлинно велико и чудно,—что Онъ изъ преисподнихъ земли возвелъ Его. Если всѣ народы (предъ Богомъ)

какъ капля, то одинъ человѣкъ лишь малѣйшая частичка капли. И между тѣмъ Богъ содѣлалъ Его выше всѣхъ *не точію въ вѣцѣ семъ, но и въ грядущемъ,*—значитъ, имена нѣкоторыхъ силъ (небесныхъ) намъ не объявлены еще и неизвѣстны,—*и вся покори подъ нозѣ Его.* Не просто сказалъ: сдѣлалъ *превыше* (всѣхъ), чтобы предпочесть имъ,—не въ смыслѣ сравненія употребилъ это слово; но поставилъ его какъ бы господиномъ надъ рабами. О, подлинно
26 дивныя дѣла! Чрезъ то, что Богъ-Слово вселился (въ наше естество), человѣку вся сотворенная сила сдѣлалась рабынею. Но, можетъ быть, есть кто-нибудь выше (Его), у кого хотя нѣтъ подчиненныхъ, но кто обладаетъ бóльшимъ достоинствомъ? Здѣсь и это неприложимо: *вся покори подъ нозѣ Его,* не просто покорилъ, но покорилъ до совершеннаго подчиненія, такъ что большаго подчиненія быть не можетъ. Потому-то (апостолъ) и сказалъ: *подъ нозѣ Его. И того даде главу выше всѣхъ Церкви.* О, и Церковь куда Онъ возвелъ! Какъ бы нѣкоторою машиною поднявши ее, Онъ возвелъ ее на высоту великую, и посадилъ ее на томъ же престолѣ, потому что гдѣ глава, тамъ и тѣло, нѣтъ никакого перерыва между главой и тѣломъ, и если бы (связь между ними) прерывалась, то не было бы ни тѣла, ни главы. *Выше всѣхъ,* говоритъ. Что значитъ—*выше всѣхъ*? Или—что Христосъ выше всего видимаго и созерцаемаго умомъ, или—что высшее изъ всѣхъ благодѣяній, оказанныхъ Имъ, то, что Сына Своего содѣлалъ главою, не оставивъ при этомъ никого выше—ни ангела, ни архангела, ни другого кого-нибудь. Не однимъ только тѣмъ (преимуществомъ Богъ) почтилъ насъ, что сущаго отъ насъ возвелъ горѣ, но еще и тѣмъ, что предуготовалъ то, чтобы весь вообще человѣческій родъ послѣдовалъ за Нимъ, имѣлъ тоже, что Онъ и наслѣдовалъ Его (славу). *Яже есть тѣло Его.* Чтобы ты, услышавъ слово „главу“, не принялъ его въ значеніи только власти, но въ смыслѣ собственномъ, не счелъ Его только начальникомъ, но видѣлъ въ Немъ какъ бы тѣлесную (дѣйствительную) главу, (апостолъ) прибавляетъ: *исполненіе исполняющаго всяческая во всѣхъ.* Онъ считаетъ какъ бы недостаточнымъ (названіе главы для того), чтобы показать родство и близость (Церкви ко Христу), и что говоритъ? Церковь есть исполненіе Христа, точно такъ же, какъ голову дополняетъ тѣло и тѣло дополняется головою. Видишь, какимъ оружіемъ пользуется апостолъ, какъ онъ не останавливается ни предъ какимъ оборотомъ рѣчи, чтобы представить Божію славу. *Исполненіе,* говоритъ, т. е., какъ глава пополняется тѣломъ, потому что тѣло составляется изъ всѣхъ (своихъ) членовъ, и каждый членъ необходимъ для другого. Видишь, какъ (апостолъ) представляетъ, что (для Христа,

какъ главы) нужны всѣ вообще члены, потому что если бы многіе изъ насъ не были—одинъ рукой, другой ногой, третій инымъ какимъ-либо членомъ, то тѣло Его было бы не полно. Итакъ тѣло Его составляется изъ всѣхъ (членовъ). И значитъ: тогда только исполнится глава, тогда устроится совершенное тѣло, когда мы всѣ вмѣстѣ будемъ соединены и скрѣплены самымъ прочнымъ образомъ.

3. Видишь ли *богатство славы достоянія*? Видишь ли *превосходящее величество силы въ вѣрующихъ*? Видишь ли *упованіе званія*? Почтимъ же нашу Главу; подумаемъ о томъ, какой Главы мы тѣло,—которой все покорено. Сообразно съ этимъ образцомъ мы должны быть лучше самихъ ангеловъ и выше архангеловъ, какъ удостоенные большей чести, нежели всѣ они. *Не отъ ангелъ* Богъ принялъ естество, какъ говоритъ (апостолъ) въ посланіи къ Евреямъ, но *отъ сѣмене Авраамова* (Евр. II, 16). Не власти, не начала, не господства, не другой какой силы, а наше принялъ Онъ естество и посадилъ горѣ. И что я говорю: посадилъ? Содѣлалъ Своею одеждою, и не это только, но и все покорилъ подъ ноги его. Сколько бы разъ самъ ты ни умиралъ, сколько бы,—хотя бы тысячи и болѣе,—разъ ты ни полагалъ душу свою, но ты не скажешь, чтобы сдѣлалъ хотя что-нибудь равное (тому, что Христосъ сдѣлалъ). Онъ совершилъ два великихъ дѣла: самъ снизошелъ до послѣдней степени уничиженія, и человѣка возвелъ на великую высоту. (Апостолъ) прежде сказалъ о Его уничиженіи; здѣсь же говоритъ о дѣлѣ еще высшемъ, истинно великомъ и главномъ. Если бы мы и не были превознесены (чрезъ 27
Его уничиженіе), было бы довольно (того, что Онъ сдѣлалъ для насъ); или если бы и были удостоены (столь высокой чести), но безъ Его жертвы (то этого тоже было бы довольно). Но когда Онъ совершилъ и то и другое, то, для изображенія всего этого, самое богатое слово остается недостаточнымъ и безсильнымъ. Самое воскресеніе представляется уже не столь великимъ, когда подумаю объ этомъ. Не о Богѣ-Словѣ, а о Немъ (Христѣ уничиженномъ) говоритъ: *Богъ Господа нашего Іисуса Христа*. Почтимъ же близость родства; убоимся, чтобы не отсѣкся кто отъ этого тѣла, чтобы не ниспалъ кто и не явился недостойнымъ. Если бы кто-нибудь на нашу голову надѣлъ діадему, золотой вѣнецъ,—скажите, чего бы мы не сдѣлали, чтобы показать себя достойными этихъ бездушныхъ камней? Здѣсь же не діадема покрываетъ нашу голову, а самъ Христосъ сдѣлался нашею Главою, что гораздо выше,—а между тѣмъ мы не придаемъ этому никакой цѣны. Ангелы, архангелы и всѣ (небесныя) силы благоговѣютъ предъ нашею Главою, а мы—тѣло Ея ужели не почтимъ

Ее ни за Ея уничиженіе, ни за наше возвышеніе? Какая же послѣ этого останется у насъ надежда на спасеніе?

Напечатлѣй въ умѣ своемъ этотъ царскій тронъ, помни всегда преизбыточество чести. Это, можно сказать, больше геенны должно устрашать насъ. Если бы и не было геенны, то для насъ,—удостоенныхъ столь великой чести, и потомъ оказавшихся недостойными ея и злыми,—(лишеніе этой чести) какое было бы наказаніе, какое мученіе? Представь, близъ кого возсѣдитъ твоя Глава, — одного этого совершенно довольно для всего,—одесную кого она находится? Она возсѣдитъ превыше всякаго начальства, и власти и силы: а тѣло Ея и бѣсы попираютъ? Но да не будетъ! Если бы было такъ, то не было бы уже и тѣла. Отъ Главы твоей въ благоговѣніи отступаютъ самые почетнѣйшіе изъ рабовъ: неужели же тѣло ты отдашь на поруганіе? Какого наказанія не будешь ты достоинъ въ такомъ случаѣ? Если бы кто ноги царя заковалъ въ цѣпи, и надѣлъ на нихъ кандалы, развѣ такой не былъ бы повиненъ самому жестокому наказанію? А ты все тѣло Его отдаешь лютымъ звѣрямъ и не содрогаешься? Но такъ какъ у насъ зашла рѣчь о тѣлѣ Господнемъ, то вотъ вспомнимъ и то тѣло, которое было распято, пригвождено, и приносится въ жертву. Если ты—тѣло Христово, то неси крестъ, потому что̀ Онъ несъ; перенеси оплеванія, заушенія, прободеніе гвоздьми; таково было Его тѣло, хотя оно было безгрѣшно: *грѣха не сотвори*, сказано, *ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его* (Иса. LIII, 9). Руки Его дѣйствовали только для облагодѣтельствованія нуждающихся. Уста Его не произнесли ничего неприличнаго; *бѣса имаши*, говорили Ему, а Онъ и здѣсь не оказалъ ничего вопреки (Іоан. VII, 20). И такъ какъ мы говоримъ о тѣлѣ Его, то пріобщающіеся тѣла и пьющіе кровь Его—помните, что мы пріобщаемся тѣла нисколько не различнаго отъ того тѣла, которое возсѣдитъ горѣ, которому покланяются ангелы, которое находится близъ нетлѣнной Силы,—это именно (тѣло) мы вкушаемъ. О, сколько открыто намъ путей ко спасенію! Онъ содѣлалъ насъ Своимъ тѣломъ, далъ намъ Свое тѣло,—и все это не отвлекаетъ насъ отъ зла. О, омраченіе! О, великое униженіе! О, безстыдство! *Горняя*, сказано, *мудрствуйте*, *идѣже есть Хри-*
28 *стосъ*, *одесную Бога сѣдя* (Кол. III, 2); а между тѣмъ одни заботятся о богатствѣ, другіе плѣняются страстями.

4. Развѣ вы не видите, что если у насъ на тѣлѣ появляются лишніе и ненужные наросты, то мы ихъ срѣзаемъ и отнимаемъ прочь? Въ особенности безполезны для тѣла наросты безобразные, омертвѣвшіе, или сгнившіе, отъ которыхъ между тѣмъ можетъ заразиться и все тѣло. Но мы не рѣшимся утверждать,

чтобы существо наше состояло изъ одного тѣла. Если же тѣло, несмотря на то, что оно вещественно, подвергается однакожъ отсѣченію, то какіе ужасы должно будетъ испытать намъ, если духовная наша сторона не пребудетъ здравою? Когда тѣло наше не принимаетъ пищи, когда проходы закрыты, — оно умираетъ: когда засорены каналы,—оно повреждается. Такъ точно бываетъ и съ душою: когда мы закрываемъ уши (къ слушанію слова Божія),—она повреждается. Когда мы не воспринимаемъ духовной пищи, когда нѣкоторыя худыя наклонности, подобно испорченнымъ жидкостямъ, наполняютъ насъ и начинаютъ вредить намъ,— тогда все это производитъ болѣзнь, болѣзнь жестокую, оканчивающуюся совершеннымъ изнуреніемъ. Въ этомъ случаѣ для спасенія нужно прибѣгнуть или къ прижиганію, или же къ отсѣченію, потому что Христосъ никому съ такимъ (испорченнымъ) тѣломъ не дозволитъ войти въ чертогъ Свой. Если Онъ вывелъ и изгналъ вонъ одѣвшихся въ нечистыя одежды, то чего Онъ не сдѣлаетъ, какихъ мѣръ не употребитъ противъ того, кто допуститъ нечистоту въ тѣлѣ?

Замѣчаю, что многіе просто, какъ случится, больше по обычаю и заведенному порядку, чѣмъ съ разсужденіемъ и сознательно, пріобщаются тѣла Христова. Настало, говорятъ они, время св. четыредесятницы, или день Богоявленія, всѣмъ,—каковъ бы кто ни былъ (по внутреннему расположенію), — должно пріобщиться таинъ. Но время не даетъ права приступать (къ таинству), потому что не праздникъ Богоявленія и не четыредесятница дѣлаютъ приступающихъ достойными, но свѣтлость и чистота души. Съ этими качествами приступай всегда; безъ нихъ — никогда. *Елижды бо*, говоритъ (апостолъ), *сіе творите, смерть Господню возвѣщаете* (1 Кор. xi, 26), т. е. совершаете воспоминаніе о своемъ спасеніи и о Моемъ благодѣяніи. Припомни, съ какимъ страхомъ приступали къ участію въ древнихъ жертвоприношеніяхъ. Чего не дѣлали, чего не совершали предварительно? Они всегда напередъ очищались; ты же, приступая къ жертвѣ, которой ангелы трепещутъ, опредѣляешь совершеніе этого дѣла извѣстнымъ временемъ? Какъ предстанешь ты послѣ того предъ судилище Христово, ты, который нечистыми устами и руками осмѣливаешься принимать тѣло Его? Ты и царя не осмѣлишься облобызать, когда изо рта у тебя дурной запахъ: какъ же ты съ зловонною душою дерзаешь лобызать Царя небеснаго? Такой поступокъ— оскорбленіе для Него. Скажи мнѣ, дерзнулъ ли бы ты съ неомытыми руками приступить къ жертвѣ? Не думаю. Напротивъ ты скорѣе рѣшишься вовсе не приступать, тѣмъ (приступить) съ нечистыми руками. А между тѣмъ, въ маломъ показывая такую

осмотрительность, ты приступаешь и дерзаешь касаться (великой жертвы), имѣя нечистую душу? Вѣдь въ рукахъ она бываетъ только временно, а душу совершенно проникаетъ. Притомъ, развѣ ты не видишь, какъ чисто вымыты и какъ ярко блистаютъ (священные) сосуды? Души же наши должны быть еще чище, святѣе и свѣтлѣе. Почему такъ? Потому, что сосуды такъ (вымываются и очищаются) для насъ; они не впитываютъ въ себя, не чувствуютъ того, что въ нихъ; мы же—напротивъ. Какъ же послѣ этого ты, который навѣрно не захотѣлъ бы (при богослуженіи) употребить неочищенный сосудъ, приступаешь (къ
29 таинству) съ неочищенною душою? Великую вижу здѣсь несообразность. Въ другія времена, бывая (въ душѣ) чище, вы однакоже не пріобщаетесь; въ Пасху же, хотя бы на васъ лежало преступленіе, вы пріобщаетесь. О, обычай! О, предразсудокъ! Напрасно приносится ежедневная жертва, напрасно предстоимъ мы предъ олтаремъ Господнимъ,—никто не пріобщается! Впрочемъ это я говорю не съ тѣмъ, чтобы вы только пріобщились; но съ тѣмъ, чтобы вы приготовляли себя самихъ къ достойному пріобщенію. Если ты не достоинъ пріобщенія, то недостоинъ и участія (въ литургіи вѣрныхъ), и значитъ—въ молитвахъ. Ты слышишь, какъ діаконъ (κῆρυξ) возглашаетъ: елицы въ покаяніи (ὅσοι ἐν μετανοίᾳ), изыдите всѣ. Которые не пріобщаются, тѣ въ покаяніи; если и ты въ покаяніи, то ты не долженъ пріобщаться, потому что не пріобщающійся бываетъ изъ числа кающихся. Для чего послѣ этого (діаконъ) говоритъ: изыдите немогущіе молиться, а ты продолжаешь безстыдно стоять? Но ты вѣдь изъ числа не ихъ (кающихся), а могущихъ пріобщаться? И однакожъ не обращаешь на это никакого вниманія и какъ бы считаешь это дѣло ничтожнымъ?

5. Посмотри, умоляю тебя: вотъ стоитъ царская трапеза; ангелы служатъ трапезѣ; самъ Царь здѣсь присутствуетъ. А ты стоишь небрежно, нѣтъ у тебя никакой мысли, и къ тому же—въ нечистыхъ одеждахъ. Но одежды твои чисты? Въ такомъ случаѣ приступи и пріобщись. Самъ (Царь) каждый разъ приходитъ видѣть присутствующихъ здѣсь; со всѣми бесѣдуетъ; вотъ и теперь въ вашей совѣсти говоритъ вамъ: други, какъ вы здѣсь стоите, не имѣя брачнаго одѣянія? Не сказалъ (Господь не имѣвшему брачной одежды) (Мѳ. XXII, 12): для чего ты возлегъ? — но сказалъ, что онъ недостоинъ былъ приглашенія и (значитъ) входа; не сказалъ же: для чего тебя пригласили, но— для чего ты вошелъ? Тоже самое говоритъ Онъ теперь, обращаясь и ко всѣмъ намъ, безстыдно и дерзко стоящимъ. Всякій, кто не пріобщается св. таинъ, стоитъ безстыдно и дерзко; по-

тому-то прежде всего изгоняются тѣ, которые—во грѣхахъ (кающіеся). Какъ во время трапезы въ присутствіи господина низшимъ слугамъ не позволяется участвовать въ ней и они высылаются вонъ, такъ должно быть и здѣсь. Когда износится жертва и въ жертву предлагается Христосъ — это Владычнее овча; когда слышишь: помолимся всѣ вмѣстѣ; когда видишь, что поднимается завѣса,—то представляй себѣ, что разверзаются небеса, и свыше нисходятъ ангелы. Какъ никому изъ непросвѣщенныхъ нельзя бываетъ присутствовать, такъ равно нельзя присутствовать и нечистымъ, хотя бы и просвѣщеннымъ. Если бы кто, будучи позванъ на пиръ, изъявилъ на это согласіе, явился, и уже приступилъ бы къ трапезѣ, но потомъ не сталъ бы участвовать въ ней, то—скажи мнѣ—не оскорбилъ ли бы онъ этимъ звавшаго его? И не лучше ли было бы таковому вовсе не приходить? Точно такъ и ты пришелъ, пѣлъ пѣснь, какъ бы признавая себя вмѣстѣ со всѣми достойнымъ (св. таинъ), потому что не вышелъ съ недостойными. Почему же ты остался, а между тѣмъ не участвуешь въ трапезѣ? Я недостоинъ, говоришь ты. Значитъ: ты недостоинъ общенія и въ молитвахъ, потому что Духъ нисходитъ не только тогда, когда предложены (дары), но и когда поются (священныя) пѣсни. Развѣ ты не видѣлъ, какъ 30
наши слуги сначала обмываютъ губкою столъ, очищаютъ домъ, и потомъ уже ставятъ блюда? (Въ храмахъ) это самое совершается молитвами, возносимыми діакономъ (κῆρυξ), которыми, какъ губкою, мы омываемъ церковь, чтобы совершить предложеніе въ чистой церкви, чтобы не было здѣсь ни одного пятна, ни одной пылинки. А дѣйствительно бываютъ въ церкви такіе, которыхъ глаза недостойны видѣть (то, что здѣсь представляется взорамъ), которыхъ уши недостойны слышать (то, что здѣсь возглашается). Если скотъ прикоснется къ горѣ, сказалъ (нѣкогда Господь), будетъ побитъ каменьями (Исх. XIX, 13). И (израильтяне) не удостоены были и восхода (на гору), хотя послѣ они восходили и видѣли, гдѣ стоялъ Господь; имъ можно было послѣ приходить и видѣть. Удались и ты, когда (Богъ) здѣсь присутствуетъ; тебѣ еще болѣе непозволительно быть здѣсь, чѣмъ оглашаемому. Вѣдь не все равно—никогда не пріобщаться таинъ, и—послѣ того, какъ удостоился ихъ, пренебрегать ими, оскорблять ихъ и дѣлать себя недостойнымъ ихъ. Можно было бы сказать и еще большее и страшнѣйшее; но, чтобы не отяготить вашего ума, довольно и этого. Если это не образумитъ васъ, то и большее (не будетъ имѣть успѣха). Итакъ, чтобы не постигло васъ большее осужденіе, умоляю васъ не о томъ, чтобы вы не приходили сюда,—нѣтъ,—но о томъ, чтобы вы вели себя такъ,

чтобы быть достойными входить сюда и присутствовать здѣсь. Если бы какой-нибудь царь приказалъ слѣдующее: кто сдѣлаетъ то или другое, тотъ не будетъ удостоенъ моей трапезы, то,— скажи мнѣ, — ради этого не сдѣлали ли бы вы тогда всего? (Богъ же) призвалъ насъ на небеса, къ трапезѣ Царя великаго и дивнаго,—а мы отказываемся, медлимъ, не спѣшимъ воспользоваться этимъ призывомъ? Какая послѣ этого у насъ надежда на спасеніе? Нельзя въ этомъ обвинять немощь,—нельзя обвинять природу. Безпечность — вотъ что дѣлаетъ насъ недостойными, какъ это и было сказано нами. Умиляющій сердца и подающій духъ умиленія пусть умилитъ и ваши сердца и насадитъ въ нихъ глубоко сѣмена (благочестія), чтобы вамъ принять ихъ въ душу свою со страхомъ, возродить въ себѣ духъ спасенія и имѣть дерзновеніе приступать (къ таинству причащенія). *Сынове твои*, сказано, *яко новосажденія масличная окрестъ трапезы твоея* (Пс. cxxvii, 4). Пусть не будетъ въ насъ ничего ветхаго, ничего дикаго и грубаго, ничего недозрѣлаго! Такія только новонасажденія способны дать плодъ, плодъ дивный, разумѣю— масличный, и могутъ присутствовать окрестъ трапезы, и притомъ не просто и не какъ попало собираться сюда, но со страхомъ и трепетомъ. Тогда и тамъ мы будемъ взирать на самого Христа съ дерзновеніемъ, и удостоимся небеснаго царствія, которое и да получимъ всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IV.

31 И васъ сущихъ прегрѣшенми мертвыхъ и грѣхи, въ нихже иногда ходисте по вѣку міра сего, по князю власти воздушныя, духа, иже нынѣ дѣйствуетъ въ сынѣхъ противленія, въ нихже и мы вси жихомъ иногда въ похотѣхъ плоти нашея, творяще волю плоти и помышленій, и бѣхомъ естествомъ чада гнѣва, якоже и прочіи (Еф. ii, 1—3).

1. Есть смерть тѣлесная, есть и духовная. Подвергнуться первой—не грѣшно и не страшно, потому что это—дѣло природы, а не доброй воли; явившись вслѣдствіе перваго грѣхопаденія, смерть тѣлесная потомъ сдѣлалась необходимою для нашей природы, хотя и она скоро упразднится. Другая же смерть—ду-

ловная,—такъ какъ происходитъ отъ доброй воли, подвергаетъ отвѣтственности и не имѣетъ никакого извиненія. Но посмотри, какъ Павелъ,—показавъ прежде самымъ яснымъ и убѣдительнымъ образомъ, что исцѣлить умерщвленную (грѣхами) душу гораздо труднѣе, чѣмъ воскресить мертваго,—теперь опять говоритъ объ этомъ великомъ (дѣлѣ человѣколюбія Божія), и излагаетъ его слѣдующимъ образомъ. *И васъ*, говоритъ онъ, *сущихъ прегрѣшеньми мертвыхъ и грѣхи, въ нихже иногда ходисте по вѣку міра сего, по князю власти воздушныя, духа, иже нынѣ дѣйствуетъ въ сынѣхъ противленія*. Замѣчаешь ли ты кротость Павла, съ какою онъ увѣщеваетъ слушателя, нисколько не устрашая его? Сказавши, что вы дошли до крайней степени зла (а быть мертвымъ это именно и значитъ), онъ затѣмъ, чтобы не слишкомъ опечалить ихъ (такъ какъ люди обыкновенно смущаются, если имъ выставляютъ на видъ ихъ прежнія преступленія, будь это преступленія гибельныя, или не заключающія въ себѣ ничего особенно опаснаго), указываетъ имъ на помощника (который содѣйствовалъ имъ дойти до такой степени зла), и на помощника сильнаго; и это дѣлаетъ съ тою цѣлію, чтобы они не подумали, будто они одни во всемъ виноваты. Кто же этотъ помощникъ? Діаволъ. Подобнымъ же образомъ (апостолъ) поступаетъ и въ посланіи къ Коринѳянамъ. Сказавъ: *не льстите себе: не блудницы, ни идолослужители*, и затѣмъ перечисливъ и другихъ грѣшниковъ и прибавивъ: *царствія Божія не наслѣдятъ*, потомъ говоритъ: *и сими нѣцыи бѣсте*. Не сказалъ просто: *бѣсте*, но: *нѣцыи бѣсте*, т. е. такими когда-то и вы были.

Тутъ сильно возстаютъ на насъ еретики, которые утверждаютъ, что все это должно быть приписано Богу, и, не удерживая необузданнаго своего языка, усвояютъ Богу то, что составляетъ дѣло одного діавола. Чѣмъ же мы заградимъ ихъ уста? Ихъ же словами. Вы признаете же (скажемъ мы), что Богъ правосуденъ; если же Онъ это сдѣлалъ, то это не только не свидѣтельствуетъ о Его правосудіи, а напротивъ показываетъ крайнюю несправедливость и беззаконіе. А беззаконнымъ, безъ сомнѣнія, Богъ никогда не могъ быть. Почему (апостолъ) называетъ діавола княземъ этого вѣка? Потому, что природа человѣческая почти всецѣло предалась ему и всѣ служатъ ему добровольно и намѣренно. Христу, хотя Онъ обѣщаетъ безчисленныя блага, никто не внимаетъ; а ему,—хотя онъ ничего подобнаго не обѣщаетъ, а напротивъ препровождаетъ въ геенну, — повинуются всѣ. Онъ властвуетъ въ этомъ вѣкѣ, у него слугъ больше, нежели у Бога, и ему, за исключеніемъ немногихъ, охотнѣе повинуются, чѣмъ Богу; и все это происходитъ отъ нашей безпечности. *По (князю)*,

32 говоритъ, *власти воздушныя духа.* Это говоритъ (апостолъ) съ тѣмъ, чтобы показать, что (діаволъ) обитаетъ въ поднебесной, что духи воздушные суть безтѣлесныя силы, которыя и помогаютъ ему въ его дѣйствіяхъ. А что власть его (діавола) есть власть временная (ἡ ἀρχὴ αἰώνιος), т. е. что она прекратится вмѣстѣ съ настоящимъ вѣкомъ, — послушай, что говоритъ объ этомъ (апостолъ) въ концѣ посланія. *Нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ, ко властемъ, къ міродержителемъ тмы вѣка сего* (Еф. VI, 12). Для того же, чтобы, услыхавъ, какъ (апостолъ) именуетъ (діаволовъ) міродержителями, ты не почелъ ихъ несотворенными, онъ прибавляетъ: *тмы вѣка.* Также и въ другомъ мѣстѣ, гдѣ вовсе нѣтъ и рѣчи о твореніяхъ, онъ называетъ развращенное время *лукавымъ вѣкомъ* (Гал. I, 4). Мнѣ кажется, что, будучи начальникомъ въ поднебесной (прежде, до паденія), діаволъ не лишился этого начальства и по паденіи. *Иже,* говоритъ, *нынѣ дѣйствуетъ въ сынѣхъ противленія.* Видишь ли, что не насильно, не тирански какъ-нибудь, но чрезъ убѣжденіе онъ привлекаетъ къ себѣ? Указывая на *противленіе* (ἀπείθεια), (апостолъ) какъ бы хочетъ сказать, что (діаволъ) увлекаетъ всѣхъ лестію и убѣжденіемъ. И не этимъ только (апостолъ) ободряетъ, что указываетъ на сообщника ихъ, но и тѣмъ, что самого себя поставляетъ вмѣстѣ съ ними. *Въ нихъ же,* говоритъ, *и мы вси жихомъ иногда; вси,* потому что нельзя сказать, чтобы хоть кто-нибудь составлялъ исключеніе. *Въ похотѣхъ плоти нашея, творяще волю плоти и помышленій, и бѣхомъ естествомъ чада гнѣва, якоже и прочіи,* т. е., не помышляя ни о чемъ духовномъ. Но чтобы кто-нибудь не сталъ подозрѣвать, что это говорится съ намѣреніемъ клеветать на плоть и чтобы не подумалъ, что вина ея въ этомъ слишкомъ уже велика, смотри, какъ (апостолъ) предупреждаетъ: *творяще,* говоритъ, *волю плоти и помышленій,* т. е. увлекаясь похотями и удовольствіями. Раздражили, говоритъ затѣмъ (апостолъ), мы Бога, прогнѣвали Его,—стали только предметомъ гнѣва (Божія), и ничѣмъ другимъ. Какъ дитя человѣческое, уже по своей природѣ, бываетъ человѣкомъ, точно такъ же и мы были чадами гнѣва. *Якоже и прочіи.* Значитъ, никто не былъ свободенъ (отъ гнѣва), но всѣ мы, по дѣламъ своимъ, были достойны гнѣва. *Богъ же богатъ сый въ милости* (ст. 4); не просто говоритъ: милостивъ, но: *богатъ сый;* подобнымъ образомъ и въ другомъ мѣстѣ говорится: *во множествѣ милости Твоея* (Пс. LXVIII, 17), и еще: *помилуй мя по велицѣй милости Твоей* (Пс. L, 1). *За премногую любовь свою, сюже возлюби насъ* (ст. 4). Здѣсь указываетъ (апостолъ) на источникъ любви (Божіей) къ намъ. Всѣ наши дѣла были достойны не любви, а гнѣва и жесточайшаго

наказанія; значитъ: (если Онъ возлюбилъ насъ, то единственно) по великой своей милости. *И сущихъ насъ мертвыхъ прегрѣшеньми, сооживи Христомъ* (ст. 5); опять посредникъ — Христосъ, и слѣдовательно дѣло это вполнѣ вѣрно. Если начатокъ живъ,—и мы (будемъ живы); если Богъ Его оживотворилъ,—(оживотворитъ) и насъ.

2. Видишь ли, что все это (апостолъ) говорилъ о Христѣ во плоти? Видишь ли преизбыточествующее *величіе силы Его въ насъ вѣрующихъ?* Онъ оживилъ тѣхъ, которые были мертвы, которые были чадами гнѣва. Видишь ли *упованіе званія? Съ Нимъ воскреси и спосади насъ* (ст. 6). Видишь ли славу достоянія Его? Да, скажешь ты; что Онъ совоскресилъ насъ, это ясно; а чѣмъ доказываетъ (апостолъ) то, что Онъ спосадилъ *насъ на небесныхъ во Христѣ Іисусѣ* (ст. 6)? Тѣмъ же, чѣмъ (доказываетъ то, что Онъ) совоскресилъ. Никто бы и никогда бы не возсталъ, если бы не воскресла Глава; а когда Глава наша воскресла, воскрешены и мы,—подобно тому, какъ, когда кланялся Іосифу Іаковъ, кланялась и жена. Точно такимъ же образомъ Онъ насъ и спосадилъ. Когда Глава сидитъ, сидитъ вмѣстѣ и тѣло. Потому-то (апостолъ) и прибавилъ: *во Христѣ Іисусѣ.* Или,—если посмотрѣть на это 33
съ другой стороны,—Онъ воскресилъ насъ чрезъ купель крещенія; какъ же послѣ этого Онъ спосадилъ? *Аще терпимъ,* говоритъ (апостолъ), *съ Нимъ и воцаримся* (2 Тим. II, 12). Если вмѣстѣ умерли, вмѣстѣ и оживемъ. Подлинно, нуженъ даръ Духа и откровенія, чтобы уразумѣть глубину этихъ таинъ! Потомъ, чтобы ты не остался невѣрующимъ, смотри, что онъ присоединяетъ: *да явитъ въ вѣцѣхъ грядущихъ презѣльное богатство благодати своея благостынею на насъ о Христѣ Іисусѣ* (ст. 7). Такъ какъ прежде онъ говорилъ все о Христѣ, и во всемъ сказанномъ прямо относящагося къ намъ не было ничего,—что, скажешь ты, въ самомъ дѣлѣ намъ отъ того, что Христосъ воскресъ?—то, показавъ предварительно, что это должно относиться и къ намъ,—потому что Спаситель соединенъ съ нами,—теперь Онъ говоритъ о томъ, что собственно къ намъ относится: *и сущихъ насъ мертвыхъ прегрѣшеньми воскреси и спосади.* Итакъ, какъ я говорилъ, вѣруй (что Онъ спосадилъ насъ съ Собою), убѣждаясь въ этой истинѣ тѣмъ, что сказано было прежде, тѣмъ, что сказано о Главѣ, и тѣмъ еще, что Онъ хочетъ проявить къ намъ свою благость. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, Онъ проявитъ ее, если этого нѣтъ (т. е., если Онъ не спосадилъ насъ съ Собою)? И *явитъ въ вѣцѣхъ грядущихъ.* Чтоже явитъ? Что блага уготованныя Имъ и велики и совершенно достойны вѣры. Теперь эти блага кажутся для невѣрныхъ несбыточными; а тогда всѣ ихъ узнаютъ. Если желаешь узнать

и то, какъ Онъ спосадилъ насъ, послушай, что самъ Христосъ говоритъ ученикамъ: *сядете на двоюнадесяте престолу, судяще обѣманадесяте колѣнома Израилевома* (Мѳ. xix, 28); и въ другомъ мѣстѣ: *еже сѣсти одесную Мене и ошуюю нѣсть Мое дати, но имже уготовася отъ Отца* (Мѳ. xx, 23). Итакъ это уже уготовано. И хорошо сказалъ (апостолъ): *благостынею на насъ о Христѣ Іисусѣ.* Возсѣсть одесную—это честь высшая всякой чести, за которою нѣтъ уже другой. Говоря это (т. е. *благостынею на насъ*), (апостолъ) показываетъ, что и мы возсядемъ. Сидѣть со Христомъ это поистинѣ невыразимое богатство, это подлинно преизобилующее величіе силы Его! Если бы ты имѣлъ тысячи душъ, неужели ты не положилъ бы ихъ за это? Если бы потребовалось идти въ огонь, не слѣдовало ли бы быть совершенно готовымъ и на это испытаніе? Самъ (Христосъ) говоритъ: *хощу, да идѣже есмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ* (Іоан. xvii, 24; сн. xii, 26). За такую честь если бы каждый день приходилось быть разсѣкаему, то не должно ли было бы и это переносить съ радостію? Подумай, гдѣ возсѣдаетъ Онъ? *Превыше всякаго начальства и власти.* А съ кѣмъ вмѣстѣ ты возсядешь? Съ Нимъ. Но кто же ты? Мертвый,—по естеству чадо гнѣва. Что ты содѣлалъ праваго? Ничего. Теперь, поистинѣ, благовременно воскликнуть: *о глубина богатства и премудрости и разума Божія* (Рим. xi, 33)! *Благодатію*, говоритъ (апостолъ), *есте спасени* (ст. 8). Чтобы величіе благодѣяній не надмило тебя, смотри, какъ онъ тебя смиряетъ, говоря: *благодатію есте спасени.* Но чтобы не уничтожить и твоего участія, онъ прибавляетъ и то, что требуется отъ насъ *(чрезъ вѣру).* Потомъ снова какъ бы уничтожаетъ это наше свободное участіе, когда говоритъ: *и сіе не отъ васъ.* И вѣра, говоритъ онъ, не отъ насъ; если бы (Христосъ) не пришелъ, если бы Онъ не призвалъ насъ, какъ бы мы могли увѣровать? *Како увѣруютъ*,—сказано,—*аще не услышатъ* (Рим. xiv, 10)? Такимъ образомъ и вѣра—не наше достояніе: *даръ*, говоритъ, *Божій. Не отъ дѣлъ* (ст. 9). Вѣра, говоритъ (апостолъ), недостаточна для спасенія; но чтобы не спасать насъ безъ всякаго нашего участія, Богъ требуетъ ея отъ насъ. Сказалъ, что вѣра спасаетъ, но (не сама собою, а) чрезъ Бога; Богъ хочетъ, и вѣра спасаетъ. Скажи мнѣ: какъ спасетъ тебя вѣра безъ дѣлъ? Она сама—даръ Божій, *да никтоже похвалится* (ст. 9), а всякій напротивъ содѣлается благодарнымъ къ благодати. Итакъ, спросишь ты, (апостолъ) самъ запретилъ снискивать оправданіе дѣлами? Вовсе нѣтъ! Онъ го-
34 воритъ только, что дѣла никого не оправдаютъ, и говоритъ это для того, чтобы показать благодать и человѣколюбіе Божіе. Имѣющихъ за собою дѣла (Богъ) не отвергаетъ отъ Себя, но тѣхъ,

которые погибли бы и съ дѣлами, Онъ спасаетъ благодатію, такъ что послѣ этого рѣшительно никто не имѣетъ права хвалиться.

3. Затѣмъ, чтобы, услышавъ, что *не отъ дѣлъ*, но вѣрою совершается (наше спасеніе), ты не остался безпеченъ, посмотри, что далѣе говоритъ (апостолъ): *Того бо есмы твореніе, создани во Христѣ Іисусѣ на дѣла благая, яже прежде уготова Богъ, да въ нихъ ходимъ* (ст. 10). Замѣть, что̀ самъ онъ проповѣдуетъ: онъ намекаетъ здѣсь на возсозданіе. Дѣйствительно, (наше спасеніе есть) второе твореніе: (чрезъ искупленіе) мы точно изъ небытія приведены къ бытію. Въ томъ состояніи, въ какомъ мы были прежде, т. е. въ состояніи ветхаго человѣка, мы были мертвы; теперь же сдѣлались тѣмъ, чѣмъ прежде не были. Значитъ, это дѣло есть дѣйствительно твореніе, и притомъ твореніе, гораздо превосходнѣйшее перваго. Тѣмъ твореніемъ мы призваны къ жизни, этимъ же содѣланы способными къ жизни доброй. *На дѣла благая, яже прежде уготова Богъ, да въ нихъ ходимъ*,—то есть, отъ насъ требуется добродѣтель постоянная, продолжающаяся до послѣдняго часа жизни. Если бы мы, предпринявъ путешествіе въ царскую столицу и совершивъ большую его часть, вдругъ потомъ разлѣнились и остановились, не окончивъ пути, то такое путешествіе не принесло бы намъ никакой пользы. Точно также *и упованіе званія* не можетъ доставить намъ, участвующимъ въ этомъ упованіи, какой-либо пользы, если мы не станемъ ходить достойно Призвавшаго. Мы, призванные на дѣла благая, должны и пребыть въ нихъ, доколѣ не совершимъ всѣхъ ихъ. Не для того, безъ сомнѣнія, мы призваны, чтобы совершить одно какое-либо доброе дѣло, но чтобы (совершить) всѣ. Подобно тому какъ у насъ есть пять чувствъ и всѣми ими мы должны пользоваться надлежащимъ образомъ, такъ точно должны совершать и всѣ добродѣтели. Если кто цѣломудренъ, но не милостивъ, или милостивъ, но лихоимецъ, или хоть и не беретъ чужого, но не раздаетъ и своего,—для такого все напрасно. Одна какая-нибудь добродѣтель не дастъ намъ права съ дерзновеніемъ предстать престолу Христову; для этого нужны многія, разнообразныя и разнородныя добродѣтели, или вѣрнѣе, всѣ добродѣтели. Послушай, что Христосъ сказалъ ученикамъ своимъ: *шедше научите вся языки, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ* (Мѳ. XXVIII, 19); и въ другомъ мѣстѣ: *иже аще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ, мній наречется въ царствіи небеснѣмъ* (Мѳ. V, 19), т. е. въ воскресеніи. Значитъ, такой не войдетъ въ царство,—потому что Онъ обыкновенно время воскресенія называетъ царствомъ. *Аще*, говоритъ, *едину разоритъ, мній наречется*. Слѣдовательно, намъ нужно соблюдать всѣ (заповѣди).

Смотри, безъ милосердія нельзя войти (въ царствіе небесное), и мы отойдемъ въ огонь, если у насъ не будетъ доставать хоть одной этой добродѣтели. *Идите отъ Мене*, скажетъ (Спаситель), *проклятіи въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его* (Мѳ. xxv, 41). Почему же и за что это? *Взалкахся бо, и не дасте Ми ясти, возжадахся и не напоисте Мене* (ст. 42). Видишь ли, Онъ ни въ чемъ другомъ не обвиняетъ ихъ, и за одно только это (отсутствіе милосердія) они погибаютъ? И (юродивыя) дѣвы за одно только это были изгнаны изъ чертога; хотя онѣ имѣли цѣломудріе, но такъ какъ у нихъ недоставало милосердія, то онѣ и не были допущены въ чертогъ. *Миръ имѣйте*, заповѣдуется, *и святыню со всѣми, ихже кромѣ никтоже узритъ Господа* (Евр. xii, 14). Итакъ, помни же, что безъ цѣломудрія нельзя узрѣть Господа, хотя не всегда это можно и при цѣломудріи, потому что другое что-нибудь можетъ воспрепятствовать. Но (вы скажете): мы все исполнили, только не оказывали помощи ближнему; неужели же за одно это мы не войдемъ въ царствіе? Откуда это видно? (Изъ притчи) о рабахъ, которымъ ввѣрены были таланты. Они выполняли всѣ добродѣтели, не опускали ни одной; но такъ какъ (одинъ) былъ лѣнивъ, и не заботился о пріумноженіи, то за это справедливо былъ изгнанъ. Есть указаніе и на то, что за одно только злословіе будутъ ввергнуты въ геенну. *Иже речетъ*, сказано, *брату своему: уроде, повиненъ есть гееннѣ огненнѣй* (Мѳ. v, 22). Пусть иной сохранилъ всѣ заповѣди, но былъ только досадителемъ, и такой не войдетъ (въ царствіе Божіе). И пусть никто не обвиняетъ Бога въ строгости за то, что Онъ такъ согрѣшающихъ лишаетъ небеснаго царствія. Вѣдь и у людей, если кто совершитъ что-нибудь противозаконное, то уже царю на глаза не допускается, хотя бы онъ преступилъ одно какое-нибудь постановленіе, — напримѣръ, если произнесетъ несправедливый приговоръ на кого-либо въ судѣ, онъ теряетъ власть свою; если соблудитъ и будетъ взятъ на мѣстѣ преступленія, онъ уже обезчещенъ и, хотя бы совершилъ тысячу дѣлъ законныхъ, погибаетъ; если совершитъ убійство и будетъ уличенъ въ этомъ, и этого одного вполнѣ достаточно, чтобы подвергнуть его строгому наказанію. Если же человѣческіе законы охраняются такъ строго, то не гораздо ли больше (должны охраняться) законы Божіи? Но Богъ благъ, скажешь ты. О, до какихъ поръ мы будемъ произносить эти безразсудныя слова? Безразсуднымъ я называю здѣсь не то, что мы вѣруемъ въ благость Божію; но то, что мы дозволяемъ себѣ злоупотреблять этою вѣрою, — несмотря на то, что мы уже тысячи разъ говорили противъ этого. Послушай, что говорится въ Писаніи: *не рцы, щедрота Его многа есть, множество грѣховъ мо-*

ихъ очиститъ (Сир. v, 6). (Писаніе) не запрещаетъ намъ говорить, что *щедрота Его многа есть*,— вовсе нѣтъ,—не къ этому оно побуждаетъ, напротивъ оно совѣтуетъ намъ постоянно говорить объ этомъ,—къ этому и Павелъ направляетъ всѣ свои рѣчи; но, какъ видно изъ послѣдующаго, (Писаніе) порицаетъ, когда удивляются человѣколюбію Божію для того, чтобы грѣшить и говорить при этомъ: *щедрота Его множество грѣховъ моихъ очиститъ*.

4. И мы такъ часто и много бесѣдуемъ о благости не для того, чтобы, надѣясь на нее, дѣлать (что угодно), — потому что въ такомъ случаѣ благость будетъ причиною утраты нашего спасенія,—а для того, чтобы мы не отчаивались во грѣхахъ и приносили покаяніе. *Благость Божія на покаяніе тя ведетъ* (Рим. II, 4), а не на большее закоснѣніе во злѣ. Если ты пребудешь злымъ ради благости, то чрезъ это ты оклевещешь ее предъ людьми,— а многихъ я вижу подобнымъ образомъ клевещущихъ на Божіе долготерпѣніе!—и дашь отвѣтъ за то, что воспользовался (благодатію) не надлежащимъ образомъ. Богъ человѣколюбивъ, но Онъ и правосуденъ; прощаетъ грѣхи, но воздаетъ каждому по дѣламъ его; превосходитъ неправды, отъемлетъ беззаконія, но творитъ и судъ. Не противорѣчитъ ли это одно другому? Нисколько, если только мы будемъ обращать вниманіе на времена. Онъ отъемлетъ беззаконія здѣсь и чрезъ купель крещенія и чрезъ покаяніе,—и накажетъ за всѣ беззаконія тамъ огнемъ и муками. Итакъ, можетъ быть, ты скажешь послѣ этого: если и за малое зло, если даже за одинъ грѣхъ я буду изверженъ и лишенъ царствія, то почему же мнѣ не дѣлать въ такомъ случаѣ золъ всякаго рода? Рѣчи эти—рѣчи неблагоразумнаго раба! Но впрочемъ разсмотримъ ихъ. Не твори зла, если хочешь спасти себя. Всѣ мы (если сотворимъ зло) одинаково лишимся царствія; но наказаніе въ гееннѣ потерпимъ не всѣ одно и тоже; а одни—большее, другіе—меньшее. Если ты или кто-нибудь другой презирали заповѣди Божіи, и одинъ презрѣлъ больше заповѣдей, другой меньше,—оба вы равно не войдете въ царствіе. Но если не одинаково презирали, а одинъ больше, другой меньше, то и въ 36
гееннѣ ощутите различіе. Что это значитъ, — спросишь ты,—за что такія прещенія на не оказавшихъ милосердія, — за что они отсылаются въ огонь, и притомъ не просто въ огонь, но *въ огнь, уготованный діаволу и аггеломъ его?* За что это и почему? Потому что ничто столько не оскорбляетъ Бога, какъ обида, дѣлаемая друзьямъ. Мы должны любить и враговъ; поэтому отвращающійся любящихъ его и являющійся такимъ образомъ хуже самихъ язычниковъ какого не будетъ достоинъ наказанія? Итакъ, по важности грѣха, такой справедливо долженъ отойти (въ геенну) съ

діаволомъ. Горе, сказано, не творящему милостыни. Если въ ветхомъ завѣтѣ такъ было, то тѣмъ болѣе (такъ должно быть) въ новомъ; если тамъ, гдѣ позволено было пріобрѣтать, наслаждаться, заботиться (о земномъ), такъ много обращали вниманія на помощь бѣднымъ, то не тѣмъ ли болѣе (должно поступать такъ) здѣсь, гдѣ заповѣдуется оставлять все? Въ самомъ дѣлѣ, чего не дѣлали израильтяне? Отдавали десятины; потомъ предоставляли еще другія десятины на вспомоществованіе сиротамъ, вдовамъ и прозелитамъ. Мнѣ нѣкто съ удивленіемъ говорилъ: такой-то даетъ десятины. Какъ намъ не стыдно! Мы—христіане удивляемся тому, что не было удивительнымъ у іудеевъ? Тогда опасно было не раздавать десятины: представь же, каково это (т. е. не гораздо ли опаснѣе) теперь! Пьянство также не наслѣдитъ царствія. Но при этомъ, что, обыкновенно, говоритъ большая часть людей? (Они говорятъ): что же, если и я и онъ вмѣстѣ будемъ терпѣть одно и тоже, то въ этомъ уже не малое утѣшеніе. Что намъ сказать на это? Прежде всего должно сказать, что ты и онъ понесете наказаніе не одно и тоже; а кромѣ того (должно прибавить, что) здѣсь ровно никакого нѣтъ утѣшенія, потому что одинаковость страданій въ томъ только случаѣ можетъ быть утѣшеніемъ, когда бѣды еще не превосходятъ мѣры, но когда онѣ превосходятъ ее, когда повергаютъ насъ въ ужасъ, тогда уже (никакое сравненіе своихъ бѣдъ съ бѣдами другихъ) не доставитъ утѣшенія. Въ самомъ дѣлѣ, скажи осужденному на сожженіе,—въ то время, когда онъ стоитъ уже въ огнѣ,—что вотъ и такой-то терпитъ тоже: ты этимъ не доставишь ему ровно никакого утѣшенія. Не всѣ ли вмѣстѣ погибали израильтяне? Однакожъ какое утѣшеніе принесло имъ это? Напротивъ не болѣе ли это печалило ихъ? Потому-то они и восклицали: погибли, убиты, умерщвлены мы. Итакъ есть ли въ этомъ какое-нибудь утѣшеніе? Напрасно же мы утѣшаемъ себя подобными надеждами. Одно только и есть утѣшеніе, это—чтобы не впасть въ этотъ неугасимый огонь; а впавшему уже нельзя получить никакого утѣшенія тамъ, гдѣ скрежетъ зубовъ, гдѣ плачъ, гдѣ неусыпающій червь, гдѣ неугасающій огонь. Притомъ, находясь въ такой скорби и тѣснотѣ, способенъ ли ты будешь понять какое-нибудь утѣшеніе? Останется ли въ тебѣ хоть сколько-нибудь присутствія духа? Прошу и умоляю, не будемъ обольщать себя понапрасну, не будемъ утѣшать себя подобнаго рода разсужденіями, но будемъ дѣлать то, что сможетъ спасти насъ. Тебѣ предлежитъ возсѣсть со Христомъ, а ты между тѣмъ предаешься подобному любопрѣнію. Если бы не было никакого другого грѣха, то за однѣ эти рѣчи какому наказанію слѣдуетъ подвергнуть насъ? Мы такъ

нерадивы, такъ лѣнивы, такъ безпечны. что говоримъ подобныя рѣчи тогда, когда намъ предлагается столь великая честь. О, какъ горько возстенаешь ты, когда услышишь, что жившіе благочестиво будутъ съ честію призываться въ царствіе Божіе; когда увидишь, что въ царствѣ славы будутъ возлежать и рабы и люди низкаго происхожденія,—люди, которые здѣсь о маломъ заботились, а тамъ между тѣмъ будутъ участвовать въ царскомъ престолѣ! Подобное (зрѣлище) не хуже ли будетъ всякаго наказанія? Если и теперь, когда видишь, что кто-нибудь блаженствуетъ,—хотя самъ и не терпишь ничего худого,—считаешь это хуже всякаго наказанія и отъ этого одного приходишь въ разстройство, 37
страдаешь, плачешь, и думаешь, что это стоитъ тысячи смертей,—то, скажи, что ты тогда долженъ будешь вытерпѣть? Пусть не будетъ геенны: одна мысль о царствѣ (котораго ты лишился и которымъ другіе наслаждаются) развѣ не можетъ поразить тебя и разстроить окончательно? А что дѣйствительно будетъ такъ, въ этомъ могутъ достаточно убѣдить тебя жизнь и опытъ. Итакъ перестанемъ же попусту утѣшать себя подобными разсужденіями; будемъ лучше внимательны и усердны къ нашему спасенію; по- 38
ревнуемъ о добродѣтели и возбудимъ себя къ содѣланію добрыхъ дѣлъ, чтобы удостоиться столь высокой чести во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ.

БЕСѢДА V.

**Тѣмже поминайте, яко вы, иже иногда языцы во плоти, 37
глаголеміи необрѣзаніе отъ рекомаго обрѣзанія во плоти рукотвореннаго: яко бѣсте во время оно безъ Христа, отчуждени житія Израилева, и чужди отъ завѣтъ обѣтованія, упованія неимуще, и безбожни въ мірѣ (Еф. II, 11, 12).**

1. Много есть доказательствъ человѣколюбія Божія къ намъ: во-первыхъ, Онъ самъ Собою спасъ насъ, и спасъ столь дивнымъ образомъ; во-вторыхъ, Онъ спасъ насъ, когда мы были въ такомъ состояніи (уже мертвы и чада гнѣва по естеству); въ-третьихъ, Онъ возвелъ насъ (на необыкновенную высоту). Все это заключаетъ въ себѣ величайшее доказательство человѣколюбія Божія, и все это Павелъ изображаетъ въ настоящемъ посланіи. Выше онъ сказалъ, что насъ, *сущихъ мертвыхъ прегрѣшеньми и чадъ гнѣва, (Богъ) спасъ*; теперь показываетъ, кому равными Онъ содѣлалъ насъ. *Тѣмже*, говоритъ, *поминайте*. Когда отъ великой бѣдности

мы переходимъ въ противоположное состояніе, или сподобляемся какой-нибудь еще большей чести, то, наслаждаясь славою своего новаго положенія, о прежнемъ обыкновенно всѣ мы и не вспоминаемъ. Имѣя это въ виду, (апостолъ) и говоритъ: *тѣмже поминайте.* Что же должно помнить? Что мы созданы на дѣла благая. Этого достаточно для того, чтобы побудить насъ заботиться о добродѣтели. *Поминайте,*—потому что такое памятованіе можетъ содѣлать насъ благодарными къ Благодѣтелю. *Яко вы, иже иногда языцы.* Замѣть, какъ (апостолъ) низлагаетъ тѣ преимущества, которыми гордились іудеи, и удивляется недостаткамъ язычниковъ,—которые однакожъ не были недостатками (дѣлающими для нихъ невозможнымъ спасеніе во Христѣ),—и для тѣхъ и другихъ извлекаетъ увѣщанія изъ образа ихъ поведенія и жизни. *Глаголеміи необрѣзаніе.* Честь была только на словахъ и преимущество (отъ обрѣзанія) относилось только къ плоти, потому что ни необрѣзаніе, ни обрѣзаніе ничего не значатъ. *Отъ рекомаго,* продолжаетъ (апостолъ), *обрѣзанія во плоти рукотвореннаго: яко бѣсте во время оно безъ Христа, отчуждени житія Израилева, и чужди отъ завѣтъ обѣтованія, упованія не имуще, и безбожни въ мірѣ.* Васъ такъ—необрѣзаніемъ — называютъ только іудеи. Но почему же, намѣреваясь показать, что въ пріобщеніи язычниковъ къ іудеямъ первымъ оказано благодѣяніе, (апостолъ) не унижаетъ достоинства послѣднихъ, а напротивъ возвышаетъ его? Тѣ качества (іудеевъ), которые остались необходимы (для нихъ и для христіанъ изъ язычниковъ), возвышаетъ, а тѣ, которыхъ (язычники, обратившіеся въ христіанство) могли не имѣть, унижаетъ. Потому-то онъ далѣе говоритъ: *сожителіе святымъ есте и присніи Богу* (II, 19). Смотри, какъ не унижаетъ. Это, говоритъ, безразлично. Не думайте, говоритъ, что есть какая-нибудь разница въ томъ, что вы не получили обрѣзанія и находитесь въ необрѣзаніи; страшно (не это, а) вотъ что: быть безъ Христа, быть отчужденными отъ житія израилева,—а первое къ житію не относится,—быть внѣ завѣта обѣтованія, не имѣть надежды на
38 будущее и быть въ этомъ мірѣ безбожными, каковы именно и были язычники. (Прежде апостолъ) говорилъ о вещахъ небесныхъ; (теперь) говоритъ о земныхъ, такъ какъ іудеи очень высоко цѣнили ихъ. Такъ и Христосъ, утѣшая учениковъ, послѣ того какъ сказалъ: *блажени изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное* (Мѳ. v, 10), присоединяетъ меньшее (утѣшеніе) и говоритъ: *тако бо изгнаша пророки, иже бѣша прежде васъ* (ст. 12). Послѣднее ободреніе въ сущности менѣе велико; но въ отношеніи приведенія (ко спасенію), въ отношеніи вѣры оно и достаточно, и велико, и заключаетъ въ себѣ большую силу, такъ какъ

взято изъ жизни и опыта. Не сказалъ (апостолъ): отлученные (κεχωρισμένοι), но: отчужденные (ἀπηλλοτριωμένοι) житія; не сказалъ также: не держащіеся обѣтованій (οὐ προσέχοντες), но: не имѣющіе (οὐδὲ μετέχοντες) и чуждые (ξένοι). Великое различіе въ значеніи этихъ словъ, указывающее и на великое разстояніе (язычниковъ отъ іудеевъ). И израильтяне не вели жизни истинно доброй, но не потому, что были отчуждены (т. е. неспособны), а потому, что были безпечны; и отъ обѣтованій они ниспали, но не какъ чуждые имъ. Какіе же были завѣты обѣтованія? *Тебѣ*, сказано, *и сѣмени твоему дамъ землю сію* (Быт. XII, 7), а также и нѣчто другое было имъ обѣщано. *Упованія не имуще*, говоритъ (апостолъ), *и безбожни*. Хотя язычники и покланялись богамъ, но были однакоже безбожни, потому что идолы ничего не значатъ. *Нынѣ же о Христѣ Іисусѣ вы, бывшіи иногда далече, близъ бысте кровію Христовою. Той бо есть миръ нашъ, сотворивый обоя едино, средостѣніе ограды разоривый, вражду плотію своею* (ст. 13, 14). Важно уже и то, говоритъ (апостолъ), что мы пришли къ іудейскому житію. Какъ это? Онъ возглавилъ все на небѣ и на землѣ, а ты еще говоришь о израильтянахъ? Но, говоритъ, подлинно такъ! То нужно принимать вѣрою; а это оправдывать дѣлами. *Нынѣ же о Христѣ Іисусѣ вы, бывшіи иногда далече*, говоритъ, *близъ бысте* по жизни,— потому что быть далеко или близко зависитъ единственно отъ свободы. *Той бо есть миръ нашъ, сотворивый обоя едино.*

2. Что значитъ: *обоя едино?* (Апостолъ) этимъ показываетъ не то, что Богъ даровалъ намъ съ іудеями одинаковое благородство; но то, что и насъ и ихъ Онъ возвелъ въ лучшее (состояніе). Впрочемъ благодѣянія (Божіи) къ намъ даже выше; тѣмъ (іудеямъ) дарованы были обѣтованія и они были къ Богу ближе насъ, намъ же не дано было никакихъ обѣтованій и мы отстояли дальше. Потому-то и сказано: *язычники за милость прославити Бога* (Рим. XV, 9). Израильтяне получили обѣтованія, но оказались недостойными ихъ; намъ же ничего не было обѣщано, мы были чужды обѣтованій; ничего общаго у насъ съ ними не было, и Онъ соединилъ насъ во-едино, не такъ, впрочемъ, чтобъ насъ присоединилъ къ нимъ, но насъ и ихъ совокупилъ во-едино. Представимъ примѣръ: вообразимъ двѣ статуи, одна серебряная, другая оловянная; эти двѣ статуи расплавлены и изъ нихъ образовались двѣ золотыхъ: вотъ эти двѣ стали одинаковы. Или 39
возьмемъ иной примѣръ: пусть одинъ будетъ рабъ, другой—усыновленный; оба они долженствовали служить Ему (т. е. Богу); но одинъ объявленъ былъ лишеннымъ наслѣдства, другой бѣжалъ прочь и не зналъ Отца, а потомъ оба содѣланы наслѣдниками и законными дѣтьми. Они удостоились одинаковой чести, два сдѣла-

лись едино, съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ пришелъ издалека, другой изблизка, и что ближайшій прежде прибылъ къ Отцу. *Средостѣніе*, говоритъ, *ограды разоривъ*. Что должно разумѣть подъ *средостѣніемъ*, онъ самъ объясняетъ это, когда говоритъ: *вражду плотію своею. Законъ заповѣдей ученми упразднивъ*. Нѣкоторые говорятъ, что средостѣніемъ былъ законъ, который не дозволялъ іудеямъ смѣшиваться съ язычниками. А я думаю, что онъ разумѣлъ подъ средостѣніемъ (не законъ, но) вражду плоти, которая была какъ бы промежуточною стѣною, отдѣлявшею насъ отъ Бога, какъ и пророкъ говоритъ: *не грѣси ли ваши разлучаютъ между вами и мною* (Иса. LIX, 2)? И справедливо. Такая преграда, какъ вражда плоти, была преградой къ Богу, какъ для язычниковъ, такъ равно и для іудеевъ, потому что законъ не только не уничтожалъ, а напротивъ увеличивалъ (вражду): *законъ бо*, говоритъ (апостолъ), *гнѣвъ содѣловаетъ* (Рим. IV, 15). И какъ въ словахъ: *законъ гнѣвъ содѣловаетъ* апостолъ не законъ собственно поставляетъ причиною (гнѣва), но наше неповиновеніе ему и преступленіе его, такъ и здѣсь называетъ законъ средостѣніемъ, потому что преступающій его вступаетъ во вражду (съ Богомъ). Законъ былъ и оградой,—оградой для утвержденія (въ добрѣ), — оградой же онъ названъ потому, что могъ ограждать (отъ зла). Послушай, что говоритъ пророкъ: *огражденіемъ оградихъ его* (Исх. V, 2); и еще: *низложилъ еси оплотъ его и объимаютъ и вси мимоходящіи путемъ* (Пс. LXXIX, 13), — здѣсь говоритъ объ утвержденіи; и еще: *отъиму огражденіе его и будетъ въ разграбленіе* (Иса. V, 5); и еще: *законъ въ помощь даде* (Иса. VIII, 20); и въ другомъ мѣстѣ: *творяй милостыню и судъ Господь сказа оправданія своя Израилеви* (Псал. CII, 6, 7). А средостѣніе существовало не для того, чтобы охранять, а для того, чтобы отдѣлять ихъ отъ Бога. Таково различіе средостѣнія отъ ограды. Показывая же, каково оно, и прибавляетъ: *вражду плотію своею. Законъ заповѣдей упразднивъ* (ст. 15). Какимъ образомъ? (Упразднилъ), прекративъ и разрушивъ вражду (съ Богомъ). И не этимъ только образомъ Онъ упразднилъ (законъ), но и тѣмъ, что самъ сохранилъ его. Что же, спросишь ты, лишь только мы избавились отъ перваго преступленія, какъ снова принуждены сохранять законъ? Это конечно и было бы опять, (но дѣло въ томъ, что Онъ) и самый законъ уничтожилъ. *Законъ заповѣдей*, говоритъ, *ученми упразднивъ*. О, человѣколюбіе! Онъ далъ намъ законъ, чтобы мы сохранили его; потомъ, когда мы не сохранили его и за это должны были быть наказаны, Онъ и законъ упразднилъ. (Это походитъ на то), какъ если бы кто, ввѣривъ своего ребенка воспитателю и потомъ замѣтивъ, что онъ не слушается, освободилъ и увелъ его отъ воспитателя. О, какое

великое человѣколюбіе! Что значитъ: *ученми упразднивъ?* (Апостолъ) полагаетъ большое различіе между заповѣдію (ἐντολή) и ученми (δόγματα). Ученіемъ онъ называетъ здѣсь или вѣру, потому что мы спасаемся только вѣрою, или опредѣленія (Божіи), подобныя тому, о которыхъ Христосъ изрекъ: *Азъ же глаголю вамъ:* не гнѣвайтесь совершенно (Мѳ. v, 12). Значитъ: если вѣруешь, что Богъ воздвигъ его изъ мертвыхъ,—спасешься. И еще: *близъ ти глаголъ есть въ устѣхъ твоихъ и въ сердцы твоемъ* (Рим. x, 8).

3. *Да не речеши: кто взыдетъ на небо, или кто снидетъ въ* 40
бездну, или кто возвелъ Его отъ мертвыхъ (Рим. x, 6, 7). Вмѣсто жизни Онъ ввелъ вѣру, чтобы не пропало даромъ дѣло спасенія; самъ принялъ наказаніе, а отъ нихъ требуетъ вѣры въ догматы. *Да оба созиждетъ собою во единаго новаго человѣка* (ст. 15). Видишь, язычникъ не сдѣлался іудеемъ, но тотъ и другой пришли въ новое состояніе. Не для того Онъ упразднилъ законъ, чтобы одного преобразовать въ другого, а для того, чтобы воссоздать обоихъ. И хорошо (апостолъ) употребляетъ слово—*созиждетъ;* онъ не сказалъ: перемѣнитъ,—чтобы показать особенную силу этого дѣйствія, и то, что хотя это созиданіе совершалось видимымъ образомъ, но все же оно не меньше перваго творенія, и наконецъ то, что намъ не должно уклоняться отъ предметовъ естественныхъ. *Да оба*, говоритъ, *созиждетъ собою*, т. е. чрезъ Себя. Не поручилъ кому-нибудь иному; но самъ Собою, предварительно какъ бы расплавивъ того и другого (т. е. эллина и іудея), создалъ одного дивнаго (т. е. христіанина), самъ содѣлавшись и первымъ твореніемъ этого рода, которое гораздо выше прежняго творенія. *Собою* можетъ значить также и то, что Онъ первый представилъ намъ образецъ и примѣръ (новой твари). При этомъ занимая самъ средину, Онъ одною рукою привлекаетъ іудея, другою—эллина, и смѣшавъ ихъ, и уничтоживъ все, что отчуждало ихъ между собою, преобразилъ свыше огнемъ и водою, не водою и землею, но водою и огнемъ. Преобразилъ и іудея, который былъ обрѣзанъ и находился подъ проклятіемъ, и эллина, который находился внѣ закона, *во единаго новаго человѣка,* высшаго обоихъ—и іудея и эллина. *Творя миръ имъ* (ст. 15) и въ отношеніи къ Богу и въ отношеніи другъ къ другу. Оставаясь іудеи іудеями, эллины эллинами, они никогда не соединились бы между собою; не оставляя своего собственаго положенія, какъ каждый изъ нихъ могъ бы придти въ лучшее состояніе? Іудей тогда лишь сближается съ эллиномъ, когда дѣлается вѣрнымъ. (Это походитъ на то), какъ если двое занимаютъ внизу два отдѣльныхъ помѣщенія и вверху имѣютъ одно общее, пре-

красное и обширное: они до тѣхъ поръ не могутъ видѣться между собою, пока не поднимутся на верхъ. *Творя миръ*—преимущественно съ Богомъ, какъ это видно изъ послѣдующаго. Что именно онъ говоритъ далѣе? *И примиритъ обоихъ во единомъ тѣлѣ Богови крестомъ* (ст. 16). Не сказалъ: умиритъ (καταλλάξῃ), но—*примиритъ* (ἀποκαταλλάξῃ), т. е. снова примиритъ, показывая чрезъ это, что и прежде человѣческое естество было способно къ примиренію (съ Богомъ), какъ у святыхъ еще до закона. *Во единомъ тѣлѣ*, говоритъ, Своемъ *Богови*. Какимъ образомъ Онъ совершилъ это? Самъ, говоритъ, понесши на крестѣ должное наказаніе. *Убивъ вражду на немъ* (ст. 16); внушительнѣе и точнѣе этихъ выраженій быть не можетъ. Смерть Его, говоритъ (апостолъ), убила, пронзила и уничтожила вражду; не другому кому Онъ поручилъ это дѣло, и не только самъ дѣйствовалъ, но и страдалъ. Не сказалъ: разрѣшивъ, не сказалъ также: отнявъ, но употребилъ самое сильное выраженіе—*убивъ*, такъ что (вражда) никогда уже не возстанетъ. Да и какъ бы она могла возстать? Развѣ благодаря великой нашей злобѣ. А доколѣ мы пребудемъ въ тѣлѣ Христовомъ, доколѣ будемъ находиться въ соединеніи съ Нимъ,—она не возстанетъ, но будетъ лежать мертва. Собственно же говоря, она никогда не возстанетъ, и мы можемъ лишь произвести другую (вражду), но отнюдь уже не прежнюю, которая убита и умерщвлена. И значитъ—ты уже породишь эту другую (вражду). *Мудрованіе плотское*, сказано, *вражда на Бога есть*. Если мы не будемъ мудрствовать ничего плот-
41 ского, то этой новой (вражды) никогда не родится, а всегда будетъ *миръ* (сн. ст. 15).

4. Подумай только, какъ ужасно снова вступить намъ во вражду съ Богомъ послѣ того, какъ Онъ такъ много сдѣлалъ для нашего примиренія, и дѣйствительно примирилъ насъ! Эту (вражду) ожидаетъ уже не купель крещенія, но геенна, не прощеніе, но наказаніе. *Мудрованіе плотское*, это—невоздержаніе, объяденіе; *мудрованіе плотское*, это—лихоимство и всякій вообще грѣхъ. Почему называется плотскимъ мудрованіемъ? Вѣдь тѣло ничего не можетъ сдѣлать безъ души? (Апостолъ) не клевещетъ на плоть, какъ онъ не клевещетъ и на душу, когда говоритъ: *душевенъ человѣкъ;* но (онъ показываетъ этимъ), что ни тѣло, ни душа сами по себѣ,—если не получатъ помощи свыше,—не въ состояніи совершить ничего великаго и доблестнаго. Потому онъ называетъ душевнымъ то, что душа сама собою дѣлаетъ; и плотскимъ называетъ то, что тѣло само собою дѣлаетъ,—не потому впрочемъ, что все это—по природѣ (φυσικά), но потому, что, не получивъ охраны свыше, погибаетъ. Такъ и хорошіе глаза, но

безъ свѣта, причиняютъ много бѣдъ; зависитъ же это не отъ природы ихъ, а отъ слабости. Если бы все естественное было зломъ, тогда мы не должны бы были употреблять его даже на должное. Напротивъ нѣтъ зла естественнаго. Что же именно называется мудрованіями плоти? Грѣхи. Когда она (плоть), возмнивъ о себѣ, захватываетъ власть надъ возницей, тогда производитъ безчисленное множество золъ. Добродѣтель плоти—повиноваться душѣ, напротивъ порокъ—властвовать надъ душой. Какъ хорошій и крѣпконогій конь не обнаруживаетъ достоинства, когда не повинуется возницѣ, такъ и плоть тогда лишь хороша, когда мы обуздываемъ ея порывы. Впрочемъ, и возница долженъ обладать знаніемъ своего дѣла; а безъ знанія и онъ надѣлаетъ много бѣдъ. Знаніе вездѣ необходимо. Духъ, научающій этому, содѣлывая возницу сильнѣе, тѣмъ и душу и тѣло украшаетъ. Какъ душа, доколѣ она въ тѣлѣ, придаетъ ему красоту, а когда душа перестаетъ животворить тѣло и отлетаетъ, тогда (происходитъ зрѣлище) подобное тому, какое бываетъ, когда какой-либо живописецъ перемѣшиваетъ свои краски,—именно является великое безобразіе, каждый членъ стремится къ тлѣнію и разрушенію,—точно такое же, или еще худшее и большее бываетъ безобразіе, когда духъ оставляетъ впустѣ душу и тѣло. Итакъ, если тѣло ниже души,—ты не порочь его за это. Вѣдь и я берегусь, чтобы не порочить душу за то только, что она безъ духа ничего не можетъ. Но если что нужно сказать, такъ это то, что душа достойна еще большаго обвиненія. Тѣло безъ души ничего не въ состояніи было бы сдѣлать дурного, а душа и безъ тѣла многое 42
можетъ сдѣлать. Она многое дѣлаетъ и тогда, когда тѣло бываетъ истощено и кровь въ немъ уже не кипитъ. Это видимъ мы на чародѣяхъ, волхвахъ, на составителяхъ зелій и на завистникахъ, у которыхъ тѣло большею частію бываетъ истощено. Даже и объяденіе бываетъ не по нуждѣ тѣла, а вслѣдствіе невнимательности души: для тѣла нужна пища, а не объяденіе. Если я хочу крѣпче править лошадью, то взнуздываю ее; тѣло же не можетъ принудить душу вдаться въ пороки. Почему же (апостолъ) называетъ (грѣхъ) мудрованіемъ плоти? Потому что онъ всецѣло принадлежитъ плоти. Когда она беретъ себѣ власть, когда пренебрегаетъ внушеніями ума и властію души, тогда грѣшитъ. И значитъ добродѣтель тѣла заключается именно въ повиновеніи его душѣ, потому что само по себѣ тѣло ни хорошо, ни худо. Но можетъ ли тѣло сдѣлать что-нибудь само собою? По связи (доводовъ), тѣло если хорошо, то хорошо только въ отношеніи къ подчиненію (душѣ); а само по себѣ оно ни хорошо, ни худо, способно и къ тому и къ другому, можетъ склониться и на ту,

и на другую сторону. Тѣло желаетъ, но не блуда, или прелюбодѣянія, а совокупленія; тѣло желаетъ, но не сластолюбія и обжорства, а пищи, не пьянства, а питья. Что пьянство не составляетъ пожеланія тѣла, смотри: оно лишняго не удерживаетъ (т. е. извергаетъ назадъ), когда ты преступаешь мѣру и переходишь за границу тѣла. Подлинно, все остальное (кромѣ необходимыхъ потребностей тѣла) принадлежитъ душѣ; особенно когда она дѣлается плотскою, и такъ сказать, одебелѣваетъ. Правда, и хорошее тѣло все же значительно ниже души; но, съ другой стороны, какъ олово, хотя оно и ниже золота, все же нужно для спайки (послѣдняго), такъ точно и для души нужно тѣло. Или какъ дитя самое благородное нуждается однако же въ воспитателѣ, такъ и душа нуждается въ тѣлѣ. Не удивляйся, что мы приводимъ такіе примѣры, говоримъ дѣтскія вещи, не примѣняясь къ возрасту (слушателей): такъ именно о тѣлѣ и должно говорить. Но можно, если захочемъ, и не быть въ тѣлѣ,—какъ можно не быть и на землѣ,—а пребывать на небѣ и въ духѣ. „Быть гдѣ"—это выраженіе можетъ быть употребляемо для означенія не одного мѣстопребыванія, а также и состоянія (душевнаго). О многихъ людяхъ, бывшихъ въ извѣстномъ мѣстѣ, мы говоримъ, что они не были, выражаясь: такой-то не сюда приходилъ. И что я говорю это? Часто мы выражаемся: ты внѣ себя, или: я внѣ себя. Что для каждаго можетъ быть ближе и нераздѣльнѣе его самого? Между тѣмъ мы говоримъ, что онъ внѣ себя. Будемъ же въ себѣ самихъ, въ небѣ, въ духѣ; пребудемъ въ мирѣ и въ благодати Божіей,—чтобы, оставивъ все плотское, мы смогли достигнуть обѣщанныхъ благъ во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VI.

43 И пришедъ благовѣсти миръ вамъ, дальнимъ и ближнимъ: зане тѣмъ имамы приведеніе обои во единомъ Дусѣ ко Отцу. Тѣмже убо ктому нѣсте странни и пришельцы, но сожителе святымъ и присніи Богу, наздани бывше на основаніи апостолъ и пророкъ, сущу краеугольну камени самому Христу. О Немже всяко созданіе составляемо растетъ въ Церковь святую о Господѣ, о Немже и вы созидаетеся въ жилище Божіе Духомъ (Еф. II, 17—22).

Не чрезъ другого кого-либо, говоритъ (апостолъ), Богъ возвѣстилъ намъ это, но собственно самъ. Не послалъ для этого ни

ангела, ни архангела, потому что исправить столько золъ и возвѣстить о содѣланномъ могъ только Онъ самъ, явившись на землѣ, и никто другой. Владыка принялъ на Себя должность слуги и почти раба, пришелъ и возвѣстилъ, говоритъ (апостолъ), *миръ вамъ дальнимъ и ближнимъ*, т. е. іудеямъ, которые сравнительно съ нами были ближе (къ Богу), и язычникамъ, которыхъ, какъ чуждыхъ завѣтовъ обѣтованія, онъ называетъ дальними. *Зане тѣмъ имамы приведеніе обои во единомъ Дусѣ ко Отцу. Миръ къ Богу*, говоритъ, потому что (Христосъ) примирилъ насъ (съ Богомъ). Объ этомъ самъ Онъ говорилъ: *миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ* (Іоан. XIV, 27); и въ другомъ мѣстѣ: *дерзайте, Азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. XVI, 33); и еще: *аще что просите во имя Мое, пріимете* (Іоан. XIV, 14); также: *зане Отецъ любитъ вы* (Іоан. XVI, 27). Все это признаки мира и для тѣхъ и для этихъ. Откуда же видно, что и для этихъ? *Зане Тѣмъ* (δι'αὐτοῦ) *имамы приведеніе обои*, сказано, *во единомъ Дусѣ* (ἐν ἑνὶ Πνεύματι), не такъ, чтобы вы меньше, а они больше, но одной и той же благодати (удостоены). Вражду разрушилъ Онъ смертію, а любезными насъ содѣлалъ Отцу чрезъ Духа. Вотъ, смотри, опять частицы: ἐν (въ), διὰ (чрезъ). Чрезъ Себя самого и чрезъ Духа Онъ привелъ насъ къ Богу. *Тѣмже убо ктому нѣсте странни и пришельцы, но сожителе святымъ*. Видишь ли, что мы приписаны къ городу не просто іудеевъ, но мужей великихъ своею святостію, каковы Авраамъ, Моисей и Илія, и въ этомъ городѣ нѣкогда явимся? *Таковая глаголющіи* (т. е. называвшіе себя странниками и пришельцами), сказано, *являютъ, яко отечествія взыскуютъ* (Евр. XI, 14); а вы уже сограждане святыхъ, а не странники и не пришельцы. Пришельцы—тѣ, которые не имѣютъ получить небесныхъ благъ. *Сынъ же*, сказано, *пребываетъ во вѣки* (Іоан. VIII, 35). *И присніи Богу*, говоритъ (апостолъ). Что древніе пріобрѣтали за столько трудовъ, то вамъ даруетъ благодать Божія. *Наздани на основаніи апостолъ и пророкъ:* вотъ на чемъ утверждается упованіе (нашего) званія! Смотри, какъ (апостолъ) смѣшиваетъ всѣхъ вмѣстѣ: язычниковъ, іудеевъ, апостоловъ, пророковъ. Христа; и, чтобы показать тѣсную связь между всѣми ими, представляетъ ихъ всѣхъ то тѣломъ, то зданіемъ. *Наздани*, говоритъ, *на основаніи апостолъ и пророкъ*, т. е. апостолы и пророки служатъ основаніемъ зданія. Апостоловъ же ставитъ прежде,—хотя они были послѣ пророковъ,—чтобы показать этимъ, что и тѣ и другіе одинаково служатъ основаніемъ, что все составляетъ одно зданіе и имѣетъ одинъ корень. Но помни, что и язычники 41
своимъ основаніемъ имѣли патріарховъ. Представляя это подъ образомъ зданія, апостолъ гораздо опредѣленнѣе выражаетъ (мысль

о соединеніи язычниковъ и іудеевъ), чѣмъ если бы представилъ это подъ образомъ привитія. Затѣмъ (апостолъ) присовокупляетъ: *сущу краеугольну Іисусу Христу*, показывая, что Христосъ все содержитъ, такъ какъ краеугольнымъ камнемъ называется то, что поддерживаетъ и стѣны и основанія. *О немже всяко созданіе*. Замѣть, какъ апостолъ соединяетъ это: иногда представляетъ Его свыше содержащимъ и властвующимъ надъ всѣмъ тѣломъ, иногда же снизу носящимъ на Себѣ все зданіе,—главнымъ основаніемъ. (Апостолъ) для того и сказалъ выше: *созиждетъ во единаго новаго человѣка* (Еф. II, 15), чтобы показать, что Онъ Собою собственно соединилъ обѣ стѣны зданія, и, съ другой стороны, что въ Немъ всѣ возсозданы. *Перворожденъ*, сказано (о Немъ), *всея твари* (Кол. I, 15), т. е. Онъ все носитъ. *О немже всяко созданіе составляемо:* такимъ образомъ на что бы ты ни указалъ, на кровлю ли, на стѣны ли, или на что другое, Онъ все носитъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ (Христа) основаніемъ: *основанія*, говоритъ, *инаго никтоже можетъ положити паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ* (1 Кор. III, 11). *О немже* (ἐν ᾧ), говоритъ, *всяко созданіе составляемо*. Здѣсь еще яснѣе оттѣняетъ и показываетъ, что не иначе можно содѣлаться (храмомъ Божіимъ), какъ проводя жизнь со всѣмъ вниманіемъ. *Растетъ*, говоритъ, *въ церковь святую, о немже и вы созидаетеся*. Очень часто (апостолъ) говоритъ о созиданіи: *въ церковь святую, въ жилище Божіе въ Духѣ*. Для чего же происходило это созиданіе? Для того, чтобы въ этомъ храмѣ обиталъ самъ Богъ. Каждый изъ васъ, и всѣ вы вмѣстѣ, есть храмъ, и обитаетъ какъ въ тѣлѣ Христовомъ, обитаетъ какъ въ храмѣ духовномъ. Поэтому (апостолъ) не сказалъ: входъ, но: *приведеніе* (ст. 18), т. е. не сами собою мы пришли, но приведены Имъ. *Никтоже*, сказалъ (Спаситель), *пріидетъ ко Отцу, токмо Мною*; и въ другомъ мѣстѣ: *Азъ есмь путь, и истина, и животъ* (Іоан. XIV, 6). *Въ церковь святую созидаетеся.*

(Апостолъ) опять возвращается къ прежде приведенному имъ примѣру и соединяетъ ихъ съ (ветхозавѣтными) святыми, и (самихъ святыхъ въ свою очередь) не допускаетъ разъединяться со Христомъ. Значитъ, домостроительство спасенія нашего началось еще до пришествія (Христа); значитъ, имѣя это въ виду, Павелъ и сказалъ: *яко премудръ архитектонъ основаніе положихъ* (1 Кор. III, 10), и въ другомъ мѣстѣ: *основанія инаго никтоже может положити паче лежащаго, еже есть Христосъ*. Видишь ли, что примѣры нужно понимать не просто, но должно отыскивать въ нихъ подразумѣваемое? (Апостолъ) говоритъ здѣсь при помощи примѣровъ, какъ и Христосъ, когда представлялъ Отца земледѣльцемъ, а Себя корнемъ. *Сего ради азъ Павелъ юзникъ Іисусъ Хри-*

стовъ о васъ языцѣхъ (III, 1). Прежде (апостолъ) говорилъ о великомъ промышленіи Христовомъ, теперь же говоритъ о своемъ усердіи, маломъ и ничтожномъ въ сравненіи съ Его (промышленіемъ), которое само по себѣ достаточно для приведенія (ко спасенію). *Сего ради и азъ,* говоритъ, нахожусь въ узахъ, потому что если Владыка мой претерпѣлъ за васъ распятіе, то тѣмъ болѣе я долженъ потерпѣть узы. Не только самъ Онъ былъ связанъ, но благоизволилъ, чтобы и рабы Его потерпѣли за васъ—язычниковъ—узы. Великій смыслъ (заключается въ этихъ словахъ): не только мы не отвращаемся васъ, говоритъ онъ, а еще терпимъ за васъ узы, и я между прочимъ удостоился такой милости. *Аще убо слышасте смотрѣніе благодати Божія, данныя мнѣ*
въ васъ (ст. 2). Здѣсь (апостолъ) намекаетъ на предсказаніе, воз- 45
вѣщенное о немъ Ананіи въ Дамаскѣ, когда (Господь) сказалъ: *иди, яко сосудъ избранъ Ми есть сей пронести имя Мое предъ языки и царьми* (Дѣян. IX, 15). Смотрѣніемъ благодати Онъ называетъ именно это откровеніе. Смыслъ слѣдующій: не отъ человѣка я узналъ; Онъ удостоилъ меня, когда я былъ одинъ, откровенія относительно васъ, потому что самъ Онъ сказалъ мнѣ: *иди, яко Азъ во языцы далече послю тя* (Дѣян. XXII, 21). И справедливо (апостолъ) назвалъ это смотрѣніемъ; подлинно, великое было смотрѣніе, когда тотъ, кого нельзя было убѣдить никакимъ образомъ, призывается свыше, словами: *Савле, Савле, что Мя гониши* (Дѣян. IX, 4), и при этомъ теряетъ зрѣніе отъ неизреченнаго свѣта. *Аще,* говоритъ, *слышасте смотрѣніе благодати Божія, данныя мнѣ въ васъ, яко по откровенію сказася мнѣ тайна, якоже преднаписахъ вмалѣ* (ст. 3). Можетъ быть, онъ объявилъ имъ объ этомъ чрезъ кого-нибудь, а можетъ быть немного прежде и самъ писалъ имъ. Здѣсь показываетъ онъ, что все отъ Бога, что мы отъ себя ничего не привносимъ. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, самъ Павелъ,—великій и дивный Павелъ, свѣдущій въ законѣ, воспитанный со тщаніемъ при ногахъ Гамаліила,—развѣ не благодатію спасенъ? Справедливо (апостолъ) называетъ это и тайною; подлинно тайна, какимъ образомъ язычники вдругъ приведены въ большее благородство, чѣмъ каково было благородство іудеевъ. *Якоже,* говоритъ, *преднаписахъ вмалѣ,* т. е. кратко, *о немже чтуще можете разумѣти* (ст. 4); итакъ—увы—онъ не обо всемъ писалъ и не обо всемъ томъ даже, о чемъ нужно было писать. Впрочемъ, здѣсь это зависѣло отъ свойства обстоятельствъ, тогда какъ въ другихъ случаяхъ, какъ напр. въ отношеніи къ евреямъ, къ коринѳянамъ, это зависѣло отъ ихъ пороковъ. *О немже,* говоритъ, *можете чтуще разумѣти разумъ мой въ тайнѣ Христовѣ* (ст. 4), т. е. (можете узнать) какъ я понялъ и какъ уразумѣлъ или во-

общее откровеніе Божіе, или собственно ту истину, что Онъ (Сынъ) сѣдитъ одесную (Отца). Потомъ (апостолъ) указываетъ на особое преимущество, говоря, что не со всякимъ народомъ Богъ такъ поступалъ. Какой же это народъ, для котораго Богъ сдѣлалъ такъ много? (Апостолъ) показываетъ это, говоря: *якоже въ инѣхъ родѣхъ не сказася сыномъ человѣческимъ, якоже нынѣ открыся святымъ его апостоламъ и пророкамъ Духомъ* (ст. 5). Итакъ, скажи мнѣ, неужели чего-нибудь не знали пророки? Какимъ же образомъ послѣ этого Христосъ сказалъ, что Моисей и пророки писали это о Мнѣ? И въ другомъ мѣстѣ: *аще бо бысте вѣровали Моисееви, вѣровали убо Мнѣ* (Іоан. v, 46). И еще: *испытайте писаній, яко въ нихъ вы мните имѣти животъ вѣчный, и та суть свидѣтельствующая о Мнѣ* (Іоан. v, 39). (Апостолъ) говоря это, указываетъ или на то, что не всѣмъ людямъ было открыто, потому что прибавляетъ: *яже въ инѣхъ родѣхъ не сказася сыномъ человѣческимъ, якоже нынѣ открыся*, или на то, что это не такъ обнаружилось въ ихъ дѣлахъ и поступкахъ: *якоже нынѣ открыся святымъ его апостоламъ и пророкамъ Духомъ Святымъ*. Подумай въ самомъ дѣлѣ: Петръ не пошелъ бы къ язычникамъ, если бы не услышалъ указанія отъ Духа. Вотъ послушай, что онъ говоритъ: *убо даде имъ Богъ* Духа Святаго, *якоже и намъ* (Дѣян. xi, 17). Слова (апостола Павла): *Духомъ Святымъ* (ἐν Πνεύματι) значатъ то, что Богъ чрезъ Св. Духа удостоилъ ихъ участія въ благодати. Говорили объ этомъ и пророки, но (люди) никогда бы съ такою ясностію не узнали этого, какъ узнали, услышавъ апостоловъ, которые превзошли всякій человѣческій умъ и общія ожиданія. *Быти языкомъ снаслѣдникомъ и стѣлесникомъ и спричастникомъ* (ст. 6).

43 Что значитъ—быть сонаслѣдниками, сопричастниками обѣтованія и стѣлесниками? Значеніе этихъ словъ высоко: они означаютъ то, что (язычники и іудеи) соединены въ одно тѣло, въ тѣсный союзъ. Что (язычники) будутъ призваны, это извѣстно было и прежде; но что къ этому именно они будутъ призваны, никто не зналъ. Потому-то (апостолъ) и называетъ это *тайною обѣтованія*. Израильтяне и прежде были причастниками обѣтованія Божія; теперь сопричастниками сдѣланы и язычники. *О Христѣ благовѣствованіемъ* (ст. 6), т. е. (язычники сдѣлались сопричастниками обѣтованія) чрезъ то, что къ нимъ посланы были (благовѣстники), и они имъ повѣрили. Итакъ не просто (сдѣлались сопричастниками обѣтованія), но чрезъ благовѣствованіе. Впрочемъ это еще не велико и не важно; (апостолъ) открываетъ намъ большее и важнѣйшее, именно, что не только люди, но ни ангелы, ни архангелы, ни иная какая сотворенная сила не знали

этого. Это было вполнѣ тайной, никому неизвѣстной. *Разумѣти*, говоритъ, *разумъ мой* (ст. 4). Быть можетъ, этими словами (апостолъ) намекаетъ на то, о чемъ сказалъ имъ въ Дѣяніяхъ, на нѣкоторое его убѣжденіе въ томъ, что и язычники должны быть призваны; такое разумѣніе тайны онъ выразилъ выше, сказавъ, что (Христосъ) *оба созиждетъ во единаго новаго человѣка* (II, 15). И онъ и Петръ чрезъ откровеніе были научены, что не должно отвращаться язычниковъ; (объ откровеніи же) онъ говоритъ съ цѣлію защитить себя. *Емуже быхъ служитель по дару благодати Божія, данныя мнѣ по дѣйству силы Его* (ст. 7). Сказавъ, что онъ (за язычниковъ) терпитъ узы, (апостолъ) снова относитъ все къ Богу, говоря: *по дару благодати* его,—такъ какъ по силѣ этого дара онъ удостоенъ этой чести. Но даръ былъ бы недостаточенъ, если бы вмѣстѣ съ нимъ не влагалась и сила (Божія).

Поистинѣ (для благовѣствованія) недостаточно одного человѣческаго усердія, а нужна высшая сила. (Апостолъ) внесъ въ дѣло своего благовѣстія слѣдующія три качества: пылкую и неустрашимую ревность, душу, готовую претерпѣть рѣшительно все, разумъ и мудрость. Но недостаточно было бы отваги, недостаточно было бы безукоризненной жизни, если бы онъ не получилъ силы Духа. Для этого посмотри на него самого, или лучше послушай, что онъ пишетъ: *да служеніе* наше *безпорочно пребудетъ* (2 Кор. VI, 3); еще: *утѣшеніе бо наше не отъ прелести, ни отъ нечистоты, ни въ словеси ласканія, ниже въ винѣ лихоиманія* (1 Сол. II, 3, 5). Видишь ли, какъ безпорочно (служеніе апостольское)? И еще: *промышляюще добрая предъ всѣми человѣки*, а не предъ лицемъ только Господа (Рим. XII, 17). Затѣмъ обрати вниманіе на слѣдующія слова: *по вся дни умираю, тако ми ваша похвала, братіе, юже имамъ о Христѣ Іисусѣ* (1 Кор. XV, 31); и еще: *кто ны разлучитъ отъ любве* Христовы? *Скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе* (Рим. VIII, 35)? еще: *въ терпѣніи мнозѣ, въ скорбѣхъ, бѣдахъ*, въ гоненіяхъ, *въ тѣснотахъ, въ ранахъ, въ темницахъ* (2 Кор. VI, 4). Потомъ касательно своего благоразумія онъ говоритъ: *быхъ іудеемъ яко іудей, беззаконнымъ яко беззаконенъ, подзаконнымъ яко подзаконенъ* (1 Кор. IX, 20, 21). Подвергаетъ себя опасностямъ и творитъ безчисленные (подвиги). Но что самое главное, въ немъ всегда дѣйствовала сила святого Духа. *Не смѣю бо*, говоритъ онъ, *глаголати что, ихже не содѣя Христосъ мною* (Рим. XV, 18); еще: *что бо есть, егоже лишистеся паче прочихъ церквей* (2 Кор. XII, 13)? еще: *ничимже бо лишихся превыше сущихъ апостолъ, аще и ничтоже есмь* (2 Кор. XII, 11). Безъ этихъ качествъ онъ не могъ бы (имѣть успѣха). Итакъ не чрезъ знаменія онъ обращалъ къ вѣрѣ, не чудеса его были причиною того и не ими онъ хвалился, а другими

(своими качествами). (Благовѣстникъ) долженъ быть безукоризненнымъ по жизни, и мудрымъ, и готовымъ на всѣ опасности, и учительнымъ; эти качества преимущественно и отличали его дѣйствія. Если бы и у насъ были они, то не нужно было бы и чу-
47 десъ. Вотъ мы видимъ, что онъ прежде, чѣмъ совершилъ какое-либо знаменіе, уже содѣлалъ безчисленные подвиги этого рода. А мы теперь, не имѣя ни одного изъ этихъ качествъ, хотимъ между тѣмъ, чтобы все намъ повиновалось. Впрочемъ, если бы даже и были въ насъ эти качества, но не всѣ, то намъ они не принесли бы пользы. Что, въ самомъ дѣлѣ, пользы въ твоей готовности терпѣть опасности, если жизнь твоя подаетъ поводъ къ нареканіямъ? *Аще свѣтъ, иже въ тебѣ, тма есть*, сказалъ (Спаситель), *то тма кольми* (Мѳ. vi, 23)? Какую пользу принесетъ жизнь самая безукоризненная, если ты безпеченъ и сонливъ? *Иже не пріиметъ креста своего и въ слѣдъ Мене грядетъ*, говоритъ (Спаситель), *нѣсть Мене достоинъ* (Мѳ. x, 38). (Тотъ не добрый пастырь) кто не положитъ душу свою за овцы (Іоан. x, 11). Какая будетъ польза отъ обоихъ этихъ качествъ, если не будетъ при нихъ мудрости, чтобы знать, какъ отвѣтить каждому? Если знаменій и нѣтъ въ наше время, то эти качества должны быть. Впрочемъ (апостолъ), показавши эти свои качества, все приписываетъ благодати: это признакъ благодарнаго раба. И мы никогда бы не узнали о его подвигахъ, если бы обстоятельства не поставили его въ необходимость (говорить о нихъ). Послѣ этого достойны ли мы хоть воспоминать Павла? Онъ, имѣя благодать, споспѣшествовавшую ему, не думалъ однакоже, что этого уже и достаточно, но самъ себя подвергалъ тысячамъ опасностей; мы же, не имѣющіе такого дерзновенія, изъ какого, скажи мнѣ, источника почерпнемъ надежды, что сохранимъ души, ввѣренныя нашему попеченію, и что привлечемъ не вошедшихъ еще (въ Церковь)? (Какимъ образомъ можемъ надѣяться на это мы) люди, которые заботимся только объ удовольствіяхъ, ищемъ всегда одного только—покоя, не можемъ, или лучше, не хотимъ подвергаться опасностямъ даже во снѣ, которые по мудрости такъ же далеко отстоимъ (отъ Павла), какъ небо отъ земли? Потому-то и пасомые нами такъ много ниже тогдашнихъ. Тогдашніе ученики были лучше теперешнихъ учителей: среди народа и тирановъ имъ грозили, у нихъ вездѣ были враги, и однако ничто не могло преклонить и поколебать ихъ хотя бы на короткое время.

Послушай, что говоритъ (апостолъ) въ посланіи къ Филиппійцамъ: *яко вамъ даровася еже о Христѣ, не токмо еже въ Него вѣровати, но и еже по Немъ страдати* (i, 29). И еще въ посланіи къ Ѳессалоникійцамъ: *вы бо подобницы бысте церквамъ Божіимъ*,

сущихъ во Іудеи (II, 15, 16). И въ посланіи къ Евреямъ онъ пишетъ: *и разграбленіе имѣній вашихъ съ радостію пріясте* (X, 34). О Колоссянахъ въ посланіи къ нимъ свидѣтельствуетъ слѣдующее: *умросте бо, и животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ* (III, 3); и о другихъ многихъ опасностяхъ, которымъ они подвергались, онъ оставилъ свидѣтельство. Къ галатамъ писалъ онъ: *толика пострадасте туне, аще точію и туне* (III, 3). Видишь ли, тогда всѣ о томъ только и думали, чтобы совершать доброе. Потому-то тогда и благодать дѣйствовала съ такою силою; потому-то тогда и жизнь проводили въ подвигахъ. Но послушай, что онъ пишетъ къ коринѳянамъ, которыхъ онъ обвинялъ въ безчисленныхъ преступленіяхъ. Не съ похвалою ли онъ отзывается и объ нихъ, говоря о ихъ *тщаніи и вожделѣніи* (2 Кор. VII, 11)? Между тѣмъ и того, что онъ хвалитъ въ коринѳянахъ, никто не замѣтитъ даже въ учителяхъ настоящаго времени. Итакъ все погибло и пропало. Причина же этого въ томъ, что охладѣла любовь и что согрѣшающіе не несутъ должнаго наказанія. Послушай, что онъ писалъ къ Тимоѳею: *согрѣшающихъ предъ всѣми обличай* (1 Тим. I, 20),—а нынѣ (грѣхами) страдаютъ начальники. А когда голова нездорова, можетъ ли быть здоровымъ остальное тѣло? Притомъ посмотри, какой теперь неестественный порядокъ дѣлъ. Правильно живущіе и какъ-нибудь сохранившіе еще дерзновеніе (къ Богу)
занимаютъ вершины горъ,—они удалились изъ среды насъ, какъ 48
общества чуждаго имъ и враждебнаго, а не родственнаго. Беззаконники же, обремененные тысячею преступленій, вторглись въ Церковь; откупщики сдѣлались настоятелями. Отсюда происходитъ тысячи золъ, и нѣтъ никого, кто бы исправилъ, кто бы вразумилъ. Напротивъ это безчиніе получило нѣкоторый законный видъ и свободно распространяется. Согрѣшилъ ли кто и обвиняется? Таковой не о томъ старается, чтобы доказать свою невинность, а о томъ, какъ бы найти сообщниковъ для своихъ преступленій. О, съ какимъ ужасомъ представляю себѣ, что угрожаетъ намъ геенна! Повѣрьте мнѣ, если бы Богъ не готовилъ намъ наказанія тамъ, мы видѣли бы каждый день страшныя зрѣлища, ужаснѣе бѣдъ, перенесенныхъ іудейскимъ народомъ. Что въ самомъ дѣлѣ творится у насъ? Впрочемъ, никто не сердись: я никого не назову по имени. Если бы кто-нибудь, придя въ церковь и ставъ посредѣ васъ, находящихся теперь съ нами, произвелъ испытаніе, или даже не теперь это сдѣлалъ, а въ день св. пасхи,—захотѣлъ бы тщательно испытать всѣхъ, пришедшихъ сюда и приготовившихся приступить къ тайнамъ,—захотѣлъ, говорю, испытать для того, чтобы узнать подробно все, содѣянное ими,—то сколько бы онъ нашелъ золъ, гораздо болѣе тяжкихъ,

чѣмъ беззаконія іудеевъ? Онъ нашелъ бы гадающихъ по полету и крику птицъ, прибѣгающихъ къ чарамъ, къ наговорамъ и припѣвамъ, нашелъ бы блудниковъ, прелюбодѣевъ, пьяницъ и хулителей. Я не хочу уже упоминать о любостяжателяхъ, чтобы не коснуться кого-либо изъ здѣсь стоящихъ. Чтоже послѣ этого, если бы кто-нибудь изслѣдовалъ всѣхъ, приходящихъ въ храмы цѣлой вселенной,—какого преступленія онъ не встрѣтилъ бы? Онъ увидѣлъ бы начальниковъ жадныхъ до денегъ, увидѣлъ бы, что должности пріобрѣтены ими чрезъ куплю, увидѣлъ бы между ними много завистливыхъ, склонныхъ къ клеветѣ, тщеславныхъ, преданныхъ ненасытному корыстолюбію, раболѣпствующихъ деньгамъ. При столь великомъ нечестіи можно ожидать всякаго зла. И чтобы вамъ узнать, какого наказанія заслуживаютъ преданные этимъ грѣхамъ, припомните древнія событія. Одинъ воинъ укралъ часть священныхъ сокровищъ,—и стали погибать всѣ. Вы знаете, безъ сомнѣнія, эту исторію? Я говорю объ Харміи, укравшемъ часть военной добычи, посвященную Богу (Іис. Нав. VII, XXII). Нѣкогда пророкъ говорилъ, что страна ихъ исполнена волхвованій, какъ будто страна чужеземная (Иса. II, 6). Теперь же все и вездѣ исполнено зла и никто не страшится! Между тѣмъ слѣдовало бы страшиться: Богъ наказываетъ и праведныхъ вмѣстѣ съ нечестивыми, какъ это было съ Даніиломъ, съ тремя отроками, какъ это было со многими другими, какъ наконецъ случается и нынѣ на войнахъ. Праведные чрезъ эти бѣдствія, ниспосылаемыя на нихъ свыше, свергаютъ съ себя ту тяжесть грѣховъ, какую они имѣютъ; нечестивые же нѣтъ. Вслѣдствіе всего этого будемъ внимательны къ самимъ себѣ. Не видите развѣ браней? Не слышите развѣ о бѣдствіяхъ? Или васъ ничто это уже не вразумляетъ? Народы и цѣлые города погибли и разрушены; тысячи попались въ рабство къ варварамъ. Если геенна не вразумляетъ васъ, вразумитесь хоть этими бѣдствіями. Можетъ быть, вы думаете, что это не прещенія (Божіи), что это просто обыкновенныя событія? Погибшіе понесли великое наказаніе; но мы понесемъ еще большее, если не образумимся при видѣ столькихъ бѣдствій. Знаю, жестоки мои слова; но если вы вникнете въ нихъ, они принесутъ пользу. Хотя сказанное, конечно, не преподаетъ вамъ благодати,—этого никогда и ждать нельзя,—но оно всегда
49—50 въ состояніи смирить и вразумить душу. А это послужитъ залогомъ будущихъ благъ, которыхъ да удостоимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА VII.

Мнѣ меншему всѣхъ святыхъ дана бысть благодать сія, во языцѣхъ благовѣстити неизслѣдованное богатство Христово, и просвѣтити всѣхъ, что есть смотрѣніе тайны, сокровенныя отъ вѣковъ въ Бозѣ, создавшемъ всяческая Іисусъ Христомъ: да скажется нынѣ началомъ и властемъ на небесныхъ церковію многоразличная премудрость Божія, по предложенію вѣковъ, еже сотвори о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ (Еф. III, 8—11). 49

Кто посѣщаетъ лѣчебницу, посѣщаетъ ее не просто, но съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы научиться врачеванію и употребленію лѣкарствъ. Такъ и мы, собравшись здѣсь, не просто собрались, но чтобы познать обиліе смиренномудрія Павла. Что именно? Намѣреваясь сказать о величіи благодати Божіей, послушай, что онъ говоритъ: *мнѣ меншему всѣхъ святыхъ дана бысть благодать сія.* Высказалъ онъ смиренномудріе и тѣмъ, что оплакивалъ прежніе грѣхи, уже исправленные, помнилъ объ нихъ, и былъ скроменъ до того, что называлъ себя хульникомъ, гонителемъ и обидчикомъ; но съ тѣмъ (что онъ говоритъ теперь) ничего и сравнить нельзя. Прежде, говоритъ, я былъ такимъ-то, и называетъ себя извергомъ; но когда теперь, совершенно исправившись, все еще уничижаетъ себя и называетъ себя меньшимъ всѣхъ,—это подлинно великая и необыкновенная скромность. *Мнѣ меншему всѣхъ святыхъ.* Не сказалъ: (меньшему) апостоловъ,—такъ что употребилъ выраженіе уничиженнѣе этого послѣдняго. Въ иномъ мѣстѣ онъ сказалъ: *нѣсмь достоинъ нарещися апостолъ* (1 Кор. XV, 9); здѣсь же называетъ себя даже меньшимъ всѣхъ святыхъ: *мнѣ*, говоритъ, *меншему всѣхъ святыхъ дана бысть благодать сія.* Какая? *Во языцѣхъ благовѣстити неизслѣдованное богатство Христово, и просвѣтити всѣхъ, что есть смотрѣніе тайны, сокровенныя отъ вѣковъ въ Бозѣ, создавшемъ всяческая Іисусъ Христомъ: да скажется нынѣ началомъ и властемъ на небесныхъ церковію многоразличная премудрость Божія.* Пусть это не было открыто людямъ,—но неужели ты просвѣщаешь и ангеловъ, и архангеловъ, и начала, и власти? Просвѣщаю, говоритъ, потому что въ Богѣ было это сокрыто, въ Богѣ, *создавшемъ всяческая Іисусомъ.* И ты дерзаешь это сказать? Да, дерзаю,—говоритъ. Но какъ же это сдѣлалось извѣстнымъ ангеламъ? Чрезъ Церковь. И притомъ не просто сказалъ: да (скажется) различная премудрость Божія, но—*многоразличная.* Итакъ что же? Въ самомъ дѣлѣ ангелы не знали ея? Вовсе не знали: если начала не знали,

то тѣмъ болѣе ангелы не знали. Что же, не знали и архангелы?
Не знали и они: откуда они могли узнать? Кто могъ имъ открыть?
Когда узнали мы, тогда узнали и они чрезъ насъ. Послушай,
что ангелъ говоритъ Іосифу: *наречеши имя ему Іисусъ: той бо
спасетъ люди своя отъ грѣхъ ихъ* (Мѳ. I, 21). Онъ (Павелъ) былъ
посланъ къ язычникамъ, а тѣ (другіе апостолы) къ обрѣзаннымъ.
Потому-то особенно удивительны и поразительны его слова: *мнѣ
50 дана бысть меньшему*. Но и это было дѣломъ благодати, что мень-
шему были поручены истины величайшія, что онъ былъ ихъ
благовѣстникомъ,—вѣдь сдѣлавшійся благовѣстникомъ величай-
шаго чрезъ это становится великъ и самъ. *Во языцѣхъ благовѣ-
стити неизслѣдованное богатство Христово.* Если богатство (Христа)
остается неизслѣдованнымъ даже и послѣ Его явленія, то тѣмъ
болѣе неизслѣдованно существо Его. Если и теперь еще есть
здѣсь тайна, то тѣмъ болѣе была она прежде, нежели узнали ее.
Тайною же называетъ это (богатство любви Христовой) потому,
что оно не было извѣстно ни ангеламъ, ни кому другому. *И про-
свѣтити всѣхъ*, говоритъ, *что есть смотрѣніе тайны, сокровенныя
отъ вѣковъ въ Бозѣ, создавшемъ всяческая Іисусъ Христомъ.* Ангелы
знали только то, что *бысть часть Господня людіе его* (Втор. XXXII,
9). Притомъ же въ другомъ мѣстѣ сказано: *князь же царства
Перскаго стояше противу мнѣ* (Дан. X, 13). Потому неудивительно,
если они не знали этого. Если не знали того, что касалось воз-
вращенія (израильтянъ), то тѣмъ болѣе они не могли знать этого
(богатства любви Христовой), такъ какъ оно открылось чрезъ
евангеліе. *Сей*, говоритъ, *спасетъ людей своихъ Израиля.* Здѣсь
ничего не говорится о язычникахъ; но о нихъ открываетъ Духъ.
О призваніи ихъ было извѣстно, но что при этомъ они возсядутъ
и на престолѣ Божіемъ, этого кто могъ ожидать, кто могъ этому
повѣрить? *Сокровенныя*, говоритъ, *въ Бозѣ.* Впрочемъ это *смотрѣ-
ніе* (о спасеніи язычниковъ) яснѣе раскрываетъ въ посланіи къ
Римлянамъ. *Въ Бозѣ*, говоритъ, *создавшемъ всяческая Іисусъ Хри-
стомъ.* Хорошо онъ сдѣлалъ, что, воспоминая о твореніи, сказалъ:
Іисусъ Христомъ. Вѣдь сотворившій все чрезъ Него и это откры-
ваетъ чрезъ Него: *безъ Него*, сказано, *ничтоже бысть* (Іоан. I, 3).
Сказавши о началахъ и о властяхъ, сказалъ и о горнемъ и о
дольнемъ. *По предложенію вѣковъ.* Нынѣ, говоритъ, совершилось,
но не нынѣ опредѣлено, а предначертано издревле. *По предложе-
нію вѣковъ, еже сотвори о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ*,—то есть,
по предвѣдѣнію вѣковъ, напередъ зная будущее, грядущіе вѣка,
потому что онъ зналъ, что̀ будетъ, и согласно съ тѣмъ опредѣ-
лилъ: *По предложенію вѣковъ*,—конечно тѣхъ, которые сотворилъ
Іисусомъ Христомъ, потому что чрезъ Христа *вся быша* (Іоан. I,

3). *О Немже имамы*, говоритъ, *дерзновеніе и приведеніе въ надѣяніе вѣрою Его* (ст. 12). Не какъ плѣнники, говоритъ, мы приведены, не какъ удостоенные прощенія, не какъ согрѣшившіе: *имамы*, говоритъ, *и дерзновеніе въ надѣяніе*, т. е. со смѣлостію (надѣемся). Почему же такъ? По вѣрѣ въ Него. *Тѣмже молю вы не стужати си въ скорбѣхъ моихъ о васъ, яже есть слава ваша* (ст. 13). Почему же о нихъ? И почему (скорби его) составляютъ ихъ славу? Потому что Богъ такъ возлюбилъ ихъ, что отдалъ за нихъ Сына, и предалъ на страданія своихъ рабовъ (апостоловъ). Въ самомъ дѣлѣ, и Павелъ былъ въ узахъ для того, чтобы они получили такія блага. Такъ велика къ нимъ любовь Божія! Тоже говоритъ Богъ и о пророкахъ: *убихъ я словесемъ устъ моихъ* (Ос. vi, 5). Какъ же они *стужали си*, когда другой скорбѣлъ? Это значитъ, что они приходили въ страхъ, смущались. Объ этомъ онъ пишетъ и Ѳессалоникійцамъ, говоря: *яко ни единому смущатися въ* 51
скорбѣхъ сихъ (Сол. ш, 3). Должно не только не скорбѣть, но и радоваться. Впрочемъ, если васъ можетъ утѣшить предсказаніе, то предсказываемъ вамъ, что мы здѣсь испытаемъ скорби. Почему же? Потому что такъ повелѣлъ Владыка. *Сего ради преклоняю колѣна моя ко Отцу Господа нашего Іисуса Христа, изъ Негоже всяко отечество на небесѣхъ и на земли именуется* (ст. 14—15). Здѣсь (апостолъ) показываетъ отличительную черту своей молитвы за нихъ. Не сказалъ просто: *молю*, но сказалъ: *преклоняю колѣна моя*, и тѣмъ выразилъ свое усиленное моленіе о нихъ. *Изъ Негоже всяко отечество.* Уже не говоритъ (объ отечествѣ, которое было раздѣлено) *по числу ангелъ Божіихъ* (Втор. xxxii, 8), но о Томъ, Кто сотворилъ и горнія, и дольнія колѣна,—не такія, каковы іудейскія. *Да дастъ вамъ, по богатству славы своея, силою утвердитися Духомъ Его во внутреннемъ человѣцѣ, вселитися Христу вѣрою въ сердца ваша* (ст. 16—17). Смотри, съ какою ненасытностію проситъ имъ благъ для того, чтобы они не колебались. А какимъ образомъ это совершается? *Духомъ Святымъ во внутреннемъ* вашемъ *человѣцѣ вселитися Христу вѣрою въ сердца*. Какъ именно? *Въ любви вкоренени и основани, да возможете разумѣти со всѣми святыми, что широта и долгота и глубина и высота, разумѣти же преспѣющую разумъ любовь Христову.*

О чемъ молился (апостолъ) вначалѣ, о томъ и теперь. О чемъ же онъ говорилъ вначалѣ? *Да Богъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ славы, дастъ вамъ Духа премудрости и откровенія въ познаніе Его, просвѣщенна очеса сердца вашего, яко увѣдѣти вамъ, кое есть упованіе званія Его и кое богатство славы достоянія Его во святыхъ, и кое преспѣющее величество силы Его въ насъ вѣрующихъ* (Еф. i, 17—19). И теперь говоритъ тоже самое:

да возможете разумѣти со всѣми святыми, что широта и долгота и глубина и высота, т. е. (да возможете) съ точностію познать тайну домостроительства нашего спасенія. Широтою и долготою и глубиною и высотою онъ называетъ познаніе богатства любви Божіей,– того, какъ она повсюду распространилась. Описываетъ же ее тѣлесными чертами, приспособляясь къ понятіямъ человѣческимъ; (для того и говоритъ) что она обняла и верхнее и нижнее и находящееся по сторонамъ. Мы сказали, говоритъ, что этому можетъ научить не наше слово, а Святый Духъ. Его *силою*, говоритъ, *утвердитися* противъ искушеній и обольщеній,—потому что не иначе можно утвердиться въ добрѣ, какъ чрезъ испытанія и при помощи благодати Божіей. А о томъ, какимъ образомъ Христосъ обитаетъ въ сердцахъ, послушай, что говоритъ Онъ самъ: *Азъ и Отецъ пріидемъ и обитель у него сотворимъ* (Іоан. XIV, 23). Обитаетъ же не просто, но въ сердцахъ вѣрующихъ, которые утверждены и не колеблются въ любви къ Нему. *Да возможете*,
52 говоритъ,—т. е. нужно много силы. А для чего нужна эта сила, объясняя это, прибавляетъ: *разумѣти со всѣми святыми, что глубина и высота, разумѣти же преспѣющую разумъ любовь Христову. Да исполнимся во всяко исполненіе Божіе* (ст. 18—19). Это значитъ: хотя любовь Христова и выше всякаго человѣческаго познанія, однако вы познаете ее, если въ васъ будетъ обитать Христосъ,—и не только познаете, но *исполнитеся во всяко исполненіе Божіе*. Подъ исполненіемъ же Божіимъ онъ или разумѣетъ познаніе того, какъ во Отцѣ и Сынѣ и Св. Духѣ воздается поклоненіе Богу, или побуждаетъ къ тѣмъ подвигамъ, чрезъ которые можно было бы исполниться такихъ добродѣтелей, какими исполненъ Богъ. *Могущему же паче вся творити по преизбыточествію, ихже просимъ или разумѣемъ, по силѣ дѣйствуемѣй въ насъ* (ст. 20). Хорошо сказалъ: *по силѣ*, потому что силѣ свойственно получать то, чего мы никогда и не ожидали. А что (Богъ) дѣлаетъ для насъ болѣе, чѣмъ мы *просимъ и разумѣемъ*, это видно изъ написаннаго самимъ (апостоломъ). Я, говоритъ онъ, молюсь; а Онъ и безъ моей молитвы сдѣлаетъ больше нашихъ прошеній,—и не просто только больше или обильнѣе, но *по преизбыточествію*, — выраженіе, которое показываетъ особенную великость дара. Откуда же это видно? Изъ силы, говоритъ, дѣйствуемой въ насъ,—потому что мы никогда этого не просили и не ожидали. *Тому слава въ церкви о Христѣ Іисусѣ во вся роды вѣка вѣковъ. Аминь* (ст. 21). Хорошо сдѣлалъ (апостолъ), что заключилъ свое слово молитвою и славословіемъ: должно прославлять и благословлять Даровавшаго намъ такія блага. Достойно удивленія также и то, что за дары, полученные нами отъ Бога, славитъ

(Его) о Христѣ Іисусѣ. Хорошо сказано и это: *слава Его въ
церкви*,—потому что извѣстно, что Церковь будетъ существовать
всегда. А такъ какъ она всегда пребываетъ, то (апостолъ) хочетъ,
чтобы и мы прославляли Бога до скончанія міра,—что и объяс-
нилъ онъ, сказавши: *во вся роды вѣка*. Необходимо сказать еще,
что такое—отечествія (πατριαί)? Здѣсь (на землѣ) подъ словомъ
отечествія (поколѣнія) разумѣются роды; но какимъ образомъ
будутъ роды на небѣ, гдѣ никто не родится одинъ отъ другого?
Вѣроятно (апостолъ) называетъ здѣсь отечествіями небесные
сонмы, такъ какъ и въ Писаніи поколѣніе Мерарино называется
сонмомъ (Числ. IV, 33). Не всего (апостолъ) проситъ отъ Бога,
но требуетъ и отъ нихъ вѣры и любви, и не просто любви, но
любви, вкоренившейся въ насъ и твердой, такой любви, кото-
рой бы и вѣтры не поколебали, и иное что не разрушило. (Апо-
столъ) сказалъ, что скорби составляютъ славу; если же таковы
мои скорби, тѣмъ болѣе таковы ваши собственныя.

Итакъ скорби еще не служатъ признакомъ того, будто мы
оставлены (Богомъ): явившій къ намъ такую благость, конечно,
не оставитъ насъ. Если же (апостолу) Павлу нужна была молитва
и помощь Духа для того, чтобы онъ могъ узнать любовь Божію,
то кто послѣ этого познаетъ существо Христово, руководясь
одними умствованіями? А развѣ, въ самомъ дѣлѣ, такъ трудно
познать, что Богъ любитъ насъ? Очень трудно, возлюбленный!
Одни не знаютъ даже и этого—отчего, какъ говорятъ, и случа-
ются въ мірѣ тысячи золъ,—а другіе не знаютъ мѣры (этой
любви). Павелъ не отыскиваетъ этой мѣры и не хочетъ измѣ- 53
рять ее (любовь); да и какъ бы онъ могъ это сдѣлать? Но гово-
ритъ, что превосходное и великое дѣло познать (богатство любви),
и что онъ это самое можетъ доказать познаніемъ, котораго мы удо-
стоились. Что выше того, чтобы *утвердитися* и *по силѣ* имѣть въ
себѣ Христа? Многаго, говоритъ, мы и просимъ (у Бога); но Онъ
можетъ сдѣлать для насъ гораздо больше, нежели сколько мы про-
симъ,—чтобы мы не только любили Его, но и сильно любили.
Постараемся же, возлюбленные, познать любовь Божію. Это важно
для насъ: ничто другое не приноситъ намъ столько пользы, ничто
столько не возвышаетъ насъ. Познаніе этой любви можетъ дѣй-
ствовать на души болѣе, чѣмъ страхъ геенны. Откуда же мы ее
узнаемъ? И изъ сказаннаго, и изъ того, что каждодневно совер-
шается. Для чего въ самомъ дѣлѣ сотворено все это? Для какой
нужды? Ни для какой. Причина бытія и горнихъ и дольнихъ
существъ—одна любовь (Божія). Но особенно эта любовь видна
изъ того, что Онъ благотворитъ людямъ, самъ напередъ ничего
не получивъ отъ нихъ. Потому, въ подражаніе Ему, будемъ и

мы благотворить врагамъ,—не отвергнемъ тѣхъ, кто ненавидитъ насъ и отвращается отъ насъ. Это уподобляетъ насъ Богу. Если, сказано, ты любишь любящаго, какая польза? Это и язычники дѣлаютъ (Мѳ. v, 46, 47). Но что служитъ признакомъ истинной любви? Любовь къ ненавидящему. Я хочу привести примѣръ, и,—простите мнѣ,—не находя его въ области предметовъ духовныхъ, заимствую его изъ плотской жизни. Не видите ли вы любовниковъ? Сколько они терпятъ отъ любовницъ обидъ, сколько коварства, сколько вреда, какъ бываютъ мучимы и изсушаемы ими,—и тѣмъ не менѣе они любятъ ихъ болѣе своей души, проводя ночи у дверей ихъ. Научимся этимъ примѣромъ, конечно, не тому, чтобы любить этихъ распутныхъ женщинъ, но чтобы такъ любить враговъ. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, не хуже ли всѣхъ враговъ поступаютъ (любовницы съ пристрастившимися къ нимъ)? Не расточаютъ ли онѣ ихъ имущества, не наносятъ ли имъ личныхъ оскорбленій и не повелѣваютъ ли ими съ большею властію, чѣмъ своими рабами? Однако (любовники) не отстаютъ отъ нихъ. И никто не имѣетъ такого врага, какого имѣетъ любовникъ въ своей любовницѣ, потому что любовница и гордится имъ, и безчеститъ его, и часто злоупотребляетъ имъ, и поступаетъ съ нимъ тѣмъ презрительнѣе, чѣмъ болѣе бываетъ любима имъ. Что звѣроподобнѣе души съ такимъ настроеніемъ? Однако любятъ (любовники своихъ любовницъ). Впрочемъ сейчасъ найдемъ такую любовь и у духовныхъ (людей),—не нынѣшнихъ, потому что нынѣ она охладѣла,—а у древнихъ, великихъ и дивныхъ мужей.

Блаженный Моисей превзошелъ и тѣхъ, которые имѣютъ страстную любовь. Какъ и какимъ образомъ? Во-первыхъ, покинувъ царскій дворъ съ его роскошью, почести и славу, онъ предпочелъ лучше быть съ израильтянами. А этого другой не только не сдѣлалъ бы, напротивъ покраснѣлъ бы, если бы кто уличилъ его въ родствѣ не только съ рабами, но и съ людьми, которыхъ
54 считаютъ за преступниковъ. Онъ же не только не устыдился родства, но и показалъ себя самымъ ревностнымъ защитникомъ (израильтянъ) и за нихъ самъ подвергся опасности. Какъ? Видя, сказано, что одинъ обижаетъ другого, онъ защитилъ обижаемаго и убилъ обидчика. Но это еще онъ сдѣлалъ не для враговъ. Правда, великъ и этотъ поступокъ, но не такъ, какъ то, что послѣ случилось. На другой день онъ увидѣлъ тоже самое, и видя, что обижаетъ тотъ, за котораго онъ отмстилъ (вчера), убѣждалъ его не дѣлать обиды. А этотъ человѣкъ, по своей крайней непризнательности, и говоритъ (ему): *кто тя постави князя и судію надъ нами* (Исх. ii, 13)? Кого не раздражили бы

такія слова? Если бы прежнее дѣло было совершено подъ вліяніемъ гнѣва и безразсудной раздражительности, то и этого человѣка (Моисей) убилъ бы. Тотъ, для котораго это было бы сдѣлано, не донесъ бы на него. Но онъ,—говоритъ (Писаніе),—сказалъ такъ потому, что они были въ родствѣ между собою; напротивъ, будучи самъ обижаемъ, не говоритъ ничего такого: *кто тя постави князя и судію надъ нами?* Почему же ты не говорилъ такъ вчера? Обида, нанесенная тобою, и твоя жестокость и поставили меня княземъ и судіею. Но, замѣть, нынѣ нѣкоторые говорятъ это и Богу. Они желаютъ, чтобы (Богъ) былъ жестокъ къ тѣмъ, которые ихъ обижаютъ, и обвиняютъ Его въ долготерпѣніи къ нимъ, — хотя сами, обижая другихъ, этого не дѣлаютъ. Что оскорбительнѣе такихъ словъ? Однако, и послѣ этого, когда былъ посылаемъ къ непризнательнымъ и неблагодарнымъ, (Моисей) пошелъ и не отказался. Мало того; когда послѣ знаменій и чудесъ, совершенныхъ имъ, намѣревались побить его камнями, и онъ избѣгалъ рукъ ихъ,—оставаясь однакоже предметомъ постояннаго ихъ ропота, — (пророкъ) любилъ ихъ такою любовію, что, послѣ совершенія народомъ извѣстнаго тяжкаго грѣха, говорилъ Богу: *аще убо оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави: аще же ни, изглади мя изъ книги, въ нюже вписалъ еси* (Исх. XXXII, 32). Лучше желаю, говоритъ, съ ними погибнуть, чѣмъ безъ нихъ спастись. Вотъ поистинѣ — не разсуждающая, какая-то страстная любовь! И что ты говоришь? Ты не дорожишь небомъ? Не дорожу, говоритъ, потому что люблю согрѣшившихъ. Хочешь быть изглажденнымъ? Какъ же и быть иначе? Я люблю, говоритъ. Между тѣмъ, что послѣдовало далѣе? Послушай, что говоритъ Писаніе въ другомъ мѣстѣ: *и озлобленъ бысть Моисей ихъ ради* (Пс. CV, 32). Сколько разъ они оскорбляли его! Сколько разъ оставляли и его и его брата! Сколько разъ хотѣли возвратиться въ Египетъ! И послѣ всего этого онъ горѣлъ и пламенѣлъ (любовію), и готовъ былъ пострадать за нихъ. Такъ должно любить враговъ! Подвергаясь ихъ нападеніямъ, мученіямъ, терпя отъ нихъ лишенія, должно желать имъ спасенія. Да и Павелъ, скажи мнѣ, не желалъ ли быть ввергнутымъ въ геенну, вмѣсто нихъ (израильтянъ)? Но нельзя при этомъ не привести въ примѣръ и самого Владыку, — какъ Онъ поступилъ, когда сказалъ: *солнце свое сіяетъ на злыя и благія* (Мѳ. V, 45). Онъ (Спаситель нашъ) приводитъ въ примѣръ Отца; а мы приведемъ Его — Христа. Онъ пришелъ къ намъ, — разумѣю Его домостроительство,—содѣлался рабомъ ради насъ, смирилъ Себя, истощилъ, принялъ зракъ раба; придя (на землю), хотя самъ не пошелъ на путь языковъ, но повелѣлъ это ученикамъ, и не только это сдѣ-

лалъ, но и обходилъ (различныя мѣста), врачуя всякую болѣзнь и всякую немощь.

55 Что же? Всѣ дивились, и въ недоумѣніи говорили: *откуду Ему сія* (Мѳ. XIII, 56)? А тѣ, которые получили отъ Него благодѣянія, говорили: *бѣса имать* (Іоан. X, 20), Онъ хульникъ, безумецъ и обманщикъ (Мѳ. IX, 3, XXVII, 63). Что же, отогналъ ли Онъ ихъ отъ Себя? Нѣтъ; напротивъ, слыша это, благотворилъ еще болѣе, шелъ къ тѣмъ, которые намѣрены были распять Его, какъ будто имъ-то Онъ и долженъ былъ послужить во спасеніе. И будучи распятъ, что̀ Онъ говорилъ? *Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо что творятъ* (Лук. XXIII, 24). И прежде, и послѣ того терпя зло, Онъ до послѣдняго издыханія все дѣлалъ для нихъ и молился за нихъ. И послѣ распятія чего не совершилъ для нихъ? Не послалъ ли апостоловъ? Не явилъ ли знаменій? Не поколебалъ ли и земли для нихъ? Такъ должно любить враговъ изъ подражанія Христу! Такъ поступалъ и Павелъ: побиваемый камнями, претерпѣвая тысячи страданій, все дѣлалъ для нихъ (враговъ своихъ). Послушай, что онъ говоритъ: *благоволеніе моего сердца, и молитва, яже къ Богу по нихъ есть во спасеніе*; и еще:
56 *свидѣтельствую бо имъ, яко ревность Божію имутъ* (Рим. X, 2); и опять: *аще ты, дивія маслина сый, прицѣпился еси, кольми паче сіи прицѣпятся своей маслинѣ* (Рим. XI, 17). Съ какою нѣжною любовію говоритъ онъ эти слова, съ какимъ благорасположеніемъ? Этого невозможно и высказать, поистинѣ невозможно! Такъ должно любить враговъ. Любовь ко врагамъ есть любовь къ Богу, даровавшему заповѣди и законы, есть подражаніе Ему. Знай же, что, оказывая благодѣянія врагамъ, ты благотворишь не имъ, а себѣ, не ихъ любишь, а повинуешься Богу. Итакъ, зная это, утвердимся во взаимной любви, чтобы, въ точности выполнивъ ее, получить обѣтованныя блага о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VIII.

55 Молю убо васъ азъ, юзникъ о Господѣ, достойно ходити званія, въ неже звани бысте, со всякимъ смиренномудріемъ и кротостію (Еф. IV, 1).

Достоинство учителей состоитъ не въ томъ, чтобы стараться о пріобрѣтеніи чести и славы у своихъ учениковъ, но въ томъ, чтобы вести ихъ ко спасенію, и всѣ свои дѣйствія направлять

къ этой цѣли. Если бы какой учитель заботился только о первомъ (своей чести и славѣ),—онъ былъ бы не учителемъ, а тираномъ. И Богъ поставилъ тебя надъ ними не для того, чтобы ты наслаждался большимъ почетомъ, но для того, чтобы, забывая себя, помышлялъ только о томъ, что относится къ нимъ. Таковъ долгъ учителя. Такимъ былъ блаженный Павелъ: онъ былъ чуждъ всякой гордости и велъ себя наравнѣ съ другими,—даже такъ, какъ будто онъ былъ меньше другихъ: называлъ себя ихъ рабомъ, и очень много наставленій преподавалъ въ видѣ просьбы. Вотъ, смотри, и теперь пишетъ не повелительнымъ, не властнымъ тономъ, а кротко и смиренно: *молю убо васъ*, говоритъ, *азъ, юзникъ о Господѣ, достойно ходити званія, въ неже звани бысте*. Скажи мнѣ, для чего ты просишь? Для того ли, чтобы тебѣ самому получить что-нибудь? Нѣтъ, говоритъ, а для того, чтобы спасти другихъ. Но кто проситъ, тотъ проситъ о полезномъ для него самого? И мнѣ это полезно, говоритъ, какъ я и написалъ объ этомъ въ другомъ мѣстѣ: *мы нынѣ живи есмы, аще вы стоите о Господѣ* (1 Сол. ш, 8). Такъ всегда сильно желалъ спасенія ученикамъ своимъ! *Азъ, юзникъ о Господѣ*. Подлинно, великая и важная честь (быть въ узахъ ради Господа),—она выше и царскаго, и консульскаго, и всякаго другого достоинства.

Объ этомъ же (узахъ своихъ) говоритъ и въ посланіи къ Филимону: *якоже Павелъ старецъ, нынѣ же и узникъ Христа* (Филим. 9). Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего такъ славнаго, какъ узы ради Христа, какъ оковы, возложенныя на эти священныя руки. Быть узникомъ ради Христа славнѣе, чѣмъ быть апостоломъ, учителемъ и благовѣстникомъ. Кто любитъ Христа, тотъ понимаетъ эти слова. Кто неудержимо стремится къ Владыкѣ и горитъ любовію къ Нему, тотъ знаетъ силу узъ. Павелъ предпочелъ бы узничество ради Христа жизни на небесахъ. Его (скованныя) руки для нихъ (учениковъ его) казались свѣтлѣе вся- 56
каго золота, всякаго царскаго вѣнца. Не столько блеститъ на головѣ повязка съ драгоцѣнными камнями, сколько желѣзныя оковы ради Христа. Тогда темница бываетъ свѣтлѣе царскихъ чертоговъ. Что говорю—царскихъ? Свѣтлѣе и самаго неба, потому что содержитъ въ себѣ узника Христова. Кто любитъ Христа, тотъ знаетъ это достоинство, знаетъ эту добродѣтель, знаетъ, сколько благъ принесло роду человѣческому узничество ради Него. Быть можетъ, узы ради Него славнѣе сидѣнія одесную Его, досточтимѣе возсѣданія на двѣнадцати престолахъ. И что сказать мнѣ (послѣ этого) о человѣческихъ (благахъ)? Стыжусь сравнивать богатство и золотое украшеніе съ узами. Но, переставши говорить о величіи узъ, (скажу), что если бы узы ради Христа ни-

чѣмъ не награждались, то все же велика была бы награда, достаточно воздаяніе уже въ томъ одномъ, что эти страданія претерпѣваются ради любимаго. Слова эти понятны любящимъ, если не Бога, то людей,—тѣмъ, которые болѣе радуются, терпя страданія ради своихъ возлюбленныхъ, чѣмъ получая отъ нихъ почести. Понятны они были и священному сонму апостольскому. Въ самомъ дѣлѣ, послушай, что говоритъ блаженный Лука: *они идяху радующеся отъ лица собора, яко за имя* Христово *сподобишася безчестіе пріяти* (Дѣян. v, 41). Инымъ кажется смѣшно—безчестіе считать достоинствомъ и обращать въ предметъ радости. Но знающіе Христову любовь считаютъ это (безчестіе) выше всякаго блаженства. Если бы кто давалъ мнѣ или все небо, или эти оковы, я предпочелъ бы ихъ. Если бы кто хотѣлъ помѣстить меня или въ горнихъ съ ангелами, или съ Павломъ, заключеннымъ въ узы, я избралъ бы темницу. Если бы кто дѣлалъ меня одною изъ тѣхъ силъ, которыя окружаютъ небо и престолъ (Божій), или такимъ узникомъ, я предпочелъ бы сдѣлаться этимъ узникомъ. И справедливо. Нѣтъ ничего блаженнѣе этихъ оковъ. Я желалъ бы теперь быть въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, говорятъ, еще хранятся эти узы, посмотрѣть ихъ и подивиться людямъ, имѣв-
57 шимъ столь сильную любовь ко Христу. Я желалъ бы видѣть оковы, которыхъ ужасаются и трепещутъ демоны, которыя почитаются ангелами. Нѣтъ ничего лучше злостраданія ради Христа. Я не столько ублажаю Павла за то, что онъ былъ восхищенъ въ рай, сколько за то, что былъ ввергнутъ въ темницу. Не столько ублажаю его за то, что слышалъ неизреченные глаголы, сколько за то, что былъ въ узахъ. Не столько ублажаю его за то, что восхищенъ былъ на третье небо, сколько—за узы. А что узы больше всего этого, онъ зналъ это и самъ: Вотъ послушай: онъ не сказалъ: молю васъ азъ, слышавшій неизреченные глаголы. А что? *Молю васъ азъ, юзникъ о Господѣ.*

Неудивительно, если онъ не употребляетъ этихъ словъ во всѣхъ посланіяхъ,—вѣдь онъ былъ въ узахъ не всегда, а по временамъ. Для меня доблестнѣе терпѣть зло за Христа, чѣмъ принимать отъ Него почести. Это—великая честь, это—слава, выше которой нѣтъ ничего. Если Онъ, содѣлавшись для меня рабомъ и ни во что вмѣнивши славу, ничего не считалъ для Себя столько славнымъ, какъ распинаться за меня, то чего не долженъ я претерпѣть? Послушай, что говоритъ Онъ самъ: *прослави Мя Ты, Отче* (Іоан. xvii, 1). Что говоришь? Тебя вмѣстѣ съ разбойниками и грабителями ведутъ на крестъ, чтобы подвергнуть позорной смерти; Ты терпишь заушенія и заплеванія,—и Ты это называешь славой? Называю, говоритъ. Такъ какъ Я страдаю за

любимыхъ Мною, то и считаю (эти страданія) славою. Если же Онъ, возлюбивши достойныхъ сожалѣнія и несчастныхъ, называетъ страданія славою; если для Него слава состояла не въ томъ, чтобы быть на престолѣ Отчемъ, не въ славѣ, а въ безчестіи, и послѣднее Онъ предпочиталъ первому,—то тѣмъ болѣе я долженъ считать это славою. О, блаженныя узы! О, блаженныя руки, украшенныя этими узами! Не столько были почтенны Павловы руки, когда онѣ поставили на ноги и даровали способность ходить хромому въ Листрѣ (Дѣян. xiv), сколько тогда, когда находились въ узахъ. Если бы я жилъ въ тѣ времена, то по преимуществу лобзалъ бы ихъ, и прилагалъ бы ихъ къ своимъ зѣницамъ. Я непрестанно лобзалъ бы руки, удостоившіяся быть въ узахъ ради моего Владыки. Ты дивишься Павлу, что ехидна, коснувшись его руки, ничего ему не сдѣлала? Не дивись: она устрашилась оковъ; ихъ страшилось и цѣлое море,—потому что тогда онъ былъ въ оковахъ. Если бы кто давалъ мнѣ силу воскрешать мертвыхъ, я избралъ бы не ее, а оковы. Если бы я не имѣлъ заботъ по церкви и мои тѣлесныя силы были крѣпки, то не отказался бы совершить столь дальнее путешествіе для того, чтобы только видѣть Павловы оковы и темницу, въ которой онъ былъ заключенъ. Хотя вездѣ встрѣчаются памятники его чудесъ, но они не производятъ такого впечатлѣнія, какъ памятники его язвъ. И въ Писаніяхъ онъ не столько радуетъ меня, когда совершаетъ чудеса, сколько тогда, когда злостраждетъ, когда его бьютъ, влачатъ. Справедливо пользуются почитаніемъ платки и полотенца, отъ которыхъ совершались чудесныя дѣйствія, — они тоже достойны удивленія, но не такого, какъ тѣ (апостольскія страданія). Сказано: бивше его, и *многи давше раны, всадиша въ темницу* (Дѣян. xvi, 23); еще: *узники пояху Бога* (Дѣян. xvi, 25); еще: *каменіемъ побивше* его, *извлекоша внѣ града, мняще его умерша* (Дѣян. xiv, 19).

Если хотите узнать, какъ много значатъ оковы, ради Христа налагаемыя на тѣло (Его) раба,—послушайте, что самъ Христосъ говоритъ: *блажени есте*. Когда? Когда будете воскрешать мертвыхъ? Нѣтъ. Когда же? Когда будете врачевать слѣпыхъ? И 58
не въ этомъ случаѣ. А когда? *Егда поносятъ вамъ, и ижденутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ, на вы лжуще Мене ради* (Мѳ. v, 11). Если же одно поношеніе доставляетъ столько блаженства, то чего не сдѣлаетъ злостраданіе? Послушай, что говоритъ самъ блаженный (Павелъ) въ другомъ мѣстѣ: *прочее соблюдается мнѣ вѣнецъ правды* (2 Тим. iv, 8). Но узы славнѣе этого вѣнца. Только бы ихъ мнѣ удостоиться, о другомъ же я и не разсуждаю. Безъ всякаго воздаянія мнѣ довольно одного страданія ради Христа.

Пусть только мнѣ дана будетъ возможность сказать, что я исполняю *лишеніе скорбей Христовыхъ во плоти моей* (Кол. I, 24), и мнѣ ничего болѣе не нужно. И Петръ удостоился такихъ оковъ. Онъ, сказано, былъ *связанъ*, и *преданъ воинамъ, и бѣ спя* (Дѣян. XII, 4—6). Онъ такъ былъ спокоенъ въ узахъ и такъ мало скорбѣлъ объ этомъ, что могъ уснуть: не овладѣлъ бы имъ глубокій сонъ, если бы онъ находился въ большомъ безпокойствѣ. Онъ спалъ между воинами,—*и ангелъ Господень предста, толкнувъ же въ ребра* его, *воздвиже его* (ст. 7). Если бы кто мнѣ сказалъ: чѣмъ хочешь ты быть—ангеломъ ли, толкнувшимъ Петра, или спасеннымъ Петромъ? Я предпочелъ бы быть Петромъ, для котораго приходилъ и ангелъ. Мнѣ были бы сладостны эти узы. А зачѣмъ же, скажетъ кто-нибудь, онъ молится (по освобожденіи изъ темницы), какъ будто онъ освободился отъ величайшей бѣды? Не дивись этому. Онъ молится потому, что боялся умереть. Умереть же боялся потому, что хотѣлъ еще жить для страданій. Послушай, что говоритъ объ этомъ и самъ блаженный Павелъ: *разрѣшитися и со Христомъ быти, много паче лучше, а еже пребывати во плоти нужнѣйше есть васъ ради* (Филип. I, 23, 24). Это же далѣе онъ называлъ и даромъ: *яко вамъ даровася, еже о Христѣ, не токмо еже въ Него вѣровати, но еже по Немъ страдати* (ст. 29). Такимъ образомъ послѣднее больше перваго,—потому что *даровася*. Поистинѣ это величайшій даръ, и большій всѣхъ (другихъ даровъ),—и дара остановить солнце и луну, и дара подвигнуть міръ. Это больше власти надъ демонами, или силы изгонять демоновъ. Они не столько страдаютъ, когда мы изгоняемъ ихъ вѣрою, сколько тогда, когда видятъ, что мы ради Христа терпимъ бѣдствія и бываемъ въ узахъ. Это даетъ намъ большее дерзновеніе (ко Христу). Хорошо быть въ узахъ ради Христа, не потому, что они доставляютъ намъ царство, а потому, что это бываетъ ради Христа. Не потому я ублажаю узы, что они (какъ бы) напередъ открываютъ путь къ небу, а потому, что они претерпѣваются ради Владыки неба.

Знать (апостолу), что онъ претерпѣвалъ узы ради Христа,—сколько въ этомъ утѣшенія для него! Сколько радости! Сколько чести! Сколько славы! Я самъ желалъ бы всегда говорить объ этомъ, желалъ бы хотя прикоснуться къ этимъ оковамъ; но какъ я лишенъ этого счастія на дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ мысленно, чрезъ искреннее желаніе заключаю въ нихъ свою душу. Вслѣдствіе землетрясенія, сказано, поколебалась темница съ связаннымъ Павломъ, *и всѣмъ юзы ослабѣша* (Дѣян. XIV, 26). Видишь ли свойство узъ разрѣшать узы? Какъ смерть Господа умертвила смерть, такъ и Павловы узы разрѣшили узниковъ.

поколебали темницу, отворили двери. Впрочемъ естественная сила узъ не такая, а (совершенно) противоположная—крѣпко содержать узника и не расторгать предъ нимъ стѣнъ (темницы). 59
А то свойство, (о которомъ мы говоримъ), принадлежитъ не простымъ узамъ, но узамъ ради Христа. *Темничный стражъ припаде къ Павлу и Силѣ* (ст. 29). Этого не дѣлаютъ обыкновенныя узы, связавшихъ не приводятъ къ ногамъ связанныхъ, а напротивъ подчиняютъ послѣднихъ первымъ. А теперь свободный былъ у ногъ узника; связавшій просилъ связаннаго, чтобы этотъ освободилъ его отъ страха. Скажи мнѣ, не ты ли связалъ его? Не ты ли заключилъ его во внутреннюю темницу? Не ты ли наложилъ на ноги его колодку? Что же трепещешь? Что смущаешься? Что плачешь? Зачѣмъ обнажилъ мечъ? Никогда, говоритъ, не случалось мнѣ вязать такихъ (людей); я не зналъ, что такова сила узниковъ Христовыхъ. Что говоришь ты? Они получили власть отверзать небеса: ужели они не отворятъ темницы? Они разрѣшали связанныхъ демонами: ужели желѣзо будетъ сильнѣе ихъ? Ты не зналъ этихъ мужей, потому и достоинъ извиненія. Связанный—Павелъ, котораго чтутъ всѣ ангелы,—Павелъ, платки и убрусы котораго прогоняли демоновъ и исцѣляли болѣзни. А демонскія узы много крѣпче и неразрывнѣе желѣзныхъ, потому что первыми оковывается душа, а послѣдними—тѣло. Итакъ, освобождающій связанныя души неужели не могъ освободить своего тѣла? Расторгавшій узы демоновъ ужели не расторгъ бы желѣзныхъ узъ? Разрѣшавшій тѣхъ узниковъ и освобождавшій отъ власти демоновъ посредствомъ своихъ одеждъ развѣ не освободился бы самъ собою? Онъ былъ прежде связанъ; потомъ разрѣшилъ связанныхъ, чтобы показать тебѣ, что рабы Христовы связанные имѣютъ гораздо болѣе силы, чѣмъ свободные отъ узъ. Не было бы такъ удивительно, если бы онъ это сдѣлалъ, будучи свободнымъ отъ узъ. Значитъ, узы были причиною не слабости, а большей силы. Такъ сила святого блистательнѣе открывается тогда, когда, и связанный, онъ повелѣваетъ свободными отъ узъ, когда—самъ узникъ—онъ освобождаетъ не только себя, но и другихъ узниковъ. Какая польза отъ стѣнъ? Какая (польза) отъ того, что онъ былъ ввергнутъ во внутреннюю темницу, когда отворилъ и наружную? Но почему это совершилось ночью и съ землетрясеніемъ? Впрочемъ я уклонился отъ апостольскихъ словъ, и слишкомъ много занялся апостольскими дѣлами; но будьте нѣсколько снисходительны ко мнѣ, и позвольте мнѣ усладиться Павловыми узами,—позвольте еще долѣе остановиться на нихъ. Я взялся за узы, и—никто меня не оторветъ отъ нихъ. Я теперь крѣпче связанъ любовію, чѣмъ онъ тогда оковами. Этихъ узъ

никто не разорветъ, потому что онѣ—отъ любви Христовой. Ихъ не могутъ разрѣшить ни ангелы, ни царство небесное. Послушаемъ, что говоритъ объ этомъ самъ Павелъ: *ни ангелы,.ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина возможетъ насъ разлучити отъ любве* Христовы (Рим. VIII, 38, 39).

Для чего же это совершилось среди ночи, для чего съ землетрясеніемъ? Внимайте Божію домостроительству и дивитесь. Узы ослабли у всѣхъ и отворились двери. Но это было сдѣлано только для темничнаго стража, не для того, чтобы показать (ему силу узъ), а для его спасенія. Узники не знали, что они разрѣшены, какъ это видно изъ Павлова восклицанія. Что именно говорится? *Возгласи же гласомъ веліимъ глаголя: ничтоже сотвори себѣ зла, вси бо есмы здѣ* (Дѣян. XVI, 28). Не были бы всѣ (въ темницѣ), если бы знали, что двери отворены, и сами они осво-
60 бождены отъ узъ. Тѣ, которые разламываютъ стѣны, проникаютъ чрезъ кровли и заборы, и рѣшаются на все, будучи въ оковахъ, не остались бы, когда и узы были разрѣшены, и двери отворены, и самъ темничный стражъ спалъ. Но вмѣсто узъ желѣзныхъ на нихъ были узы сна. Такъ устроено было для того, чтобы и дѣло совершилось, и отъ чуда не произошло никакого вреда для темничнаго стража, который долженъ былъ спастись. Притомъ узники особенно крѣпко связываются ночью, а не днемъ. Поэтому можно было ихъ видѣть опять связанными съ большимъ стараніемъ и погруженными въ сонъ. Если же бы это совершилось днемъ, то произошло бы большое смятеніе. Для чего же было потрясено зданіе? Для того, чтобы темничный стражъ пробудился и увидѣлъ совершившееся, такъ какъ онъ одинъ былъ достоинъ спасенія.

Здѣсь, прошу тебя, посмотри на обиліе благодати Христовой. Говоря о Павловыхъ узахъ, благовременно вспомнить о благодати Христовой, тѣмъ болѣе, что самыя узы составляютъ дѣло благодати Божіей. Нѣкоторые осуждаютъ за то, что спасенъ былъ темничный стражъ, тогда какъ въ этомъ случаѣ и должно бы подивиться человѣколюбію Божію. И неудивительно. Таково свойство (людей) немощныхъ, что они порицаютъ даже питательность пищи, которую слѣдовало бы хвалить, и медъ называютъ горькимъ. (Людей) больныхъ глазами ослѣпляетъ свѣтъ, который долженъ бы былъ свѣтить имъ, хотя это зависитъ не отъ естественнаго свойства свѣта, но отъ немощи тѣхъ, которые неспособны пользоваться имъ, какъ должно. Что же они говорятъ? Тогда какъ слѣдовало бы удивляться, что онъ (апостолъ) спасъ человѣка, впавшаго въ крайнее бѣдствіе, и сдѣлалъ его лучшимъ,—

они говорятъ: какимъ образомъ (стражъ) не счелъ этого дѣломъ волшебства и чародѣйства, и еще болѣе не стерегъ ихъ и не закричалъ на нихъ? Но онъ при этомъ многое сообразилъ: во-первыхъ, то, что слышалъ, какъ они воспѣвали Бога,—чародѣи не стали бы пѣть такихъ пѣснопѣній, а онъ, сказано, слышалъ ихъ воспѣвающихъ Бога (Дѣян. XVI, 25); во-вторыхъ, то, что они не только не убѣжали, но и не допустили его убить себя. Если бы они для самихъ себя сдѣлали это, то не оставались бы въ темницѣ, но первые освободились бы сами. Велико и человѣколюбіе ихъ: они воспрепятствовали умертвить себя тому, кто связалъ ихъ, какъ бы такъ говоря ему: ты весьма крѣпко стерегъ насъ, заключивши во внутреннюю темницу и связавши тяжкими оковами,—для того, чтобы самому тебѣ освободиться отъ тягчайшихъ узъ. Каждый (человѣкъ) связанъ узами своихъ грѣховъ. Эти послѣднія узы достойны проклятій, а тѣ (узы)—блаженныя и заслуживающія того, чтобы ихъ испрашивать великими молитвами. Апостолъ чувственнымъ образомъ показалъ, какъ послѣднія (вещественныя) узы освобождаютъ отъ первыхъ (узъ духовныхъ). Ты видѣлъ, какъ они освободились отъ желѣзныхъ узъ, которыми были связаны? Увидишь, что и ты самъ разрѣшенъ отъ другихъ тяжкихъ узъ. Эти узы,—разумѣю не Павловы, а узниковъ,—происходятъ отъ грѣховныхъ узъ. Въ темницѣ были двоякаго рода узники, и самъ стражъ былъ узникомъ. Тѣ были связаны желѣзомъ и грѣхами, а онъ—только грѣхами. Павелъ освободилъ ихъ въ удостовѣреніе его,—такъ какъ узы были видимы. И Христосъ поступилъ также, или лучше — наоборотъ. Тамъ было двоякое разслабленіе. Какое именно? Грѣховное и тѣлесное. Что же онъ дѣлаетъ? *Дерзай*, говоритъ, *чадо, отпущаются тебѣ грѣси* (Мѳ. IX, 2). Сначала исцѣлилъ отъ разслабленія душу, потомъ переходитъ и къ тѣлу. А именно, когда *нѣцыи* 61
отъ книжникъ рѣша въ себѣ: сей хулитъ, видѣвъ Іисусъ помышленія ихъ, рече: вскую вы мыслите лукавая въ сердцахъ своихъ? Что бо есть удобѣе рещи: отпущаются ти грѣси, или рещи: востани и ходи? Но да увѣсте, яко власть имать Сынъ человѣческій на земли отпущати грѣхи, глагола разслабленному: возставъ, *возми твой одръ, и иди въ домъ твой* (Мѳ. IX, 4—6). Онъ подтвердилъ умственное чувственнымъ, тѣлеснымъ доказалъ то, что относилось къ душѣ. Для чего Онъ поступилъ такъ? Чтобы исполнилось сказанное: *рабе лукавый, отъ устъ твоихъ сужду ти* (Лук. XIX, 22). Что же (говорятъ) они? *Никтоже можетъ отпущати грѣхи, токмо единъ Богъ*, т. е. ни ангелъ, ни архангелъ, ни другая сотворенная сила. Вы сами признали это. Что же Ему должно было сказать? Если будетъ показано, что Я отпускаю грѣхи, то ясно, что Я—Богъ?

Но онъ не сказалъ этого, а что? *Да увѣсте, яко власть имать Сынъ человѣческій на земли отпущати грѣхи, тогда глагола разслабленному:* возставъ, *возми твой одръ, и иди въ домъ твой.* Итакъ, когда Я, говоритъ, сдѣлаю болѣе трудное, тогда, очевидно, уже не должно оставаться никакого невѣрія и спора о томъ, что гораздо легче. Потому-то и совершилъ Онъ прежде духовное исцѣленіе, что много было противорѣчившихъ. А здѣсь (апостолъ) къ чувственному пришелъ отъ умственнаго. Итакъ вѣра (темничнаго стража) была не легкомысленна. Онъ видѣлъ узниковъ и ничего не видѣлъ и не слышалъ худого отъ нихъ. Онъ видѣлъ, что дѣло было совершено не посредствомъ волшебства,—такъ какъ они воспѣвали Бога; видѣлъ въ происходившемъ дѣло ихъ великаго человѣколюбія,—такъ какъ они не мстили ему, хотя и могли. Они могли бы уйти (изъ темницы), освободивъ какъ самихъ себя, такъ и другихъ узниковъ, и если не узниковъ, то по крайней мѣрѣ самихъ себя: но не сдѣлали этого. Итакъ онъ почувствовалъ уваженіе (къ апостолу) не за чудо только, но и за самое его поведеніе. Какъ онъ (Павелъ) воскликнулъ? *Веліимъ гласомъ, глаголя: ничтоже сотвори себѣ зла, вси бо есмы здѣ.* Видишь ли, какъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, чуждъ тщеславія и гордости и какою исполненъ любовію? Не сказалъ, что это случилось для насъ, но точно одинъ изъ узниковъ говоритъ: *вси бо есмы здѣ.* Между тѣмъ, если бы они (Павелъ и Сила) не прежде этого и не посредствомъ чуда освободились, имъ надлежало бы молчать и освободить всѣхъ узниковъ. А если бы они молчали и не остановили его рукъ громкимъ воззваніемъ, то (стражъ) пересѣкъ бы себѣ горло мечемъ. (Апостолъ) и потому сдѣлалъ это воззваніе, что былъ заключенъ въ самое дальнее отдѣленіе темницы. Ты, говоритъ, поступилъ во вредъ себѣ, ввергнувъ во внутреннюю темницу тѣхъ, которые освободятъ тебя отъ опасности. Но они не подражали тому, что онъ дѣлалъ. И если бы онъ умертвилъ себя, то всѣ узники разбѣжались бы.

Ты видишь, что (апостолы) лучше захотѣли оставаться въ узахъ, чѣмъ видѣть погибель темничнаго стража. Потому онъ и размышлялъ самъ съ собою: если бы они были чародѣи, то выпустили бы всѣхъ (другихъ узниковъ), и сами бы освободились отъ узъ. Вѣроятно, многіе и изъ такихъ (людей) бывали ввергаемы въ темницу. А удивился онъ потому, что хотя и часто принималъ (къ себѣ) чародѣевъ, но не видѣлъ ничего подобнаго. Чародѣй не потрясъ бы основаній (темницы): этимъ можно разбудить стража и болѣе затруднить для себя бѣгство. Но обратимъ, наконецъ, вниманіе на вѣру темничнаго стража. *Просивъ же*, сказано, *свѣщи, вскочи, и трепетенъ бывъ, припаде къ*

Павлу и Силѣ и изведъ ихъ вонъ, рече: господіе, что ми подобаетъ творити, да спасуся (Дѣян. XVI, 29, 30)? Онъ имѣлъ въ рукахъ 62
огонь и мечъ и говорилъ: *господіе, что ми подобаетъ творити, да спасуся? Она же рекоста: вѣруй въ Господа Іисуса Христа, и спасешися ты, и весь домъ твой* (ст. 31). Чародѣямъ несвойственно, говоритъ онъ, преподавать такое ученіе; въ ихъ словахъ нѣтъ и помину о демонѣ. Видишь ли, какъ былъ онъ достоинъ спасенія? Увидѣвши чудо и освободившись отъ страха, онъ не забылъ самаго важнаго и при такой опасности заботился о спасеніи души и приступилъ къ учителямъ такъ, какъ должно было приступить,—припалъ къ ихъ ногамъ. *И глаголаста ему слово Господне и всѣмъ, иже въ дому его. И поемь я въ той же часъ нощи, измы отъ ранъ, и крестися самъ и свои ему вси абіе* (ст. 32, 33). Видишь ли пламенное рвеніе этого человѣка? Не отложилъ дѣла до времени, не сказалъ: „вотъ придетъ день, тогда увидимъ, подумаемъ", но съ истиннымъ усердіемъ крестился самъ и весь домъ его. Онъ поступилъ не такъ, какъ поступаютъ многіе нынѣ, не обращая вниманія на то, что и рабы, и жены, и дѣти ихъ еще не освящены (крещеніемъ). Подражайте, молю васъ, темничному стражу. Говорю это, не приказывая, а выражая свое желаніе. Что пользы въ приказаніи, когда и желаніе не имѣетъ силы? Да,—человѣкъ грубый, жестокій, жившій вмѣстѣ съ тысячами злодѣевъ, всегда имѣвшій ихъ предъ глазами, вдругъ сдѣлался такъ сострадателенъ, такъ попечителенъ! *Измы* ихъ, сказано, *отъ ранъ*. Обрати опять вниманіе и на пламенную ревность Павла: послѣ узъ и бичеванія онъ благовѣствуетъ. О, блаженныя оковы! Какія порожденія породили они въ эту ночь! Какихъ чадъ родили! И о нихъ можно сказать: ихъ *родихъ во узахъ моихъ* (Филим. 10). Видишь ли, какъ онъ (апостолъ) радуется, и какъ хочетъ этими (узами) придать больше достоинства рожденнымъ чадамъ? Видишь ли, какъ велика слава узъ, когда она озаряетъ своимъ сіяніемъ не только узника, но и рожденныхъ имъ въ это время? Рожденные Павломъ въ узахъ имѣютъ нѣчто большее, не въ отношеніи, говорю, къ благодати,—благодать одна и та же,—и не въ отношеніи къ отпущенію грѣховъ,—и отпущеніе для всѣхъ одно и то же,—но въ томъ отношеніи, что съ самаго начала научаются радоваться и увеселяться такими подвигами. *И поемь я*, сказано, *въ той же часъ нощи, измы отъ ранъ, и крестися*. Обрати вниманіе наконецъ и на плодъ. Онъ тотчасъ воздалъ имъ (за духовныя блага) видимыми. *Введъ я въ домъ*, абіе *постави трапезу, и возрадовася со всѣмъ домомъ, вѣровавъ Богу* (ст. 34). И чего бы не сдѣлалъ онъ, когда отворенныя двери темницы отверзли ему небо?

Онъ обмылъ учителя, предложилъ ему трапезу и радовался самъ. Оковы Павловы вошли въ темницу и все находящееся здѣсь превратили въ церковь, всѣхъ содѣлали тѣломъ Христовымъ, предложили духовную трапезу, и родили чадъ, которымъ радуются ангелы. Итакъ не правду ли я говорилъ, называя темницу свѣтлѣе неба? Она вѣдь была причиною радости и для неба. Если о единомъ кающемся грѣшникѣ бываетъ радость на небесахъ, если гдѣ собраны двое во имя Христа, тамъ и Онъ посредѣ ихъ,—то тѣмъ болѣе все это было здѣсь, гдѣ были и Павелъ, и Сила, и темничный стражъ, и весь его домъ, и такая вѣра. Посмотри, въ самомъ дѣлѣ, какая твердость вѣры! Но эта темница напомнила мнѣ другую темницу. Какую же? Ту, въ
63 которой былъ Петръ. Но здѣсь не было ничего такого, — онъ былъ *преданъ четыремъ четверицамъ воиновъ стрещи его* (Дѣян. XII, 3), и не пѣлъ, не бодрствовалъ, но спалъ, и хотя не терпѣлъ ударовъ, однако опасность была болѣе. Тамъ уже все было сдѣлано,—они уже потерпѣли наказаніе,—а здѣсь еще нѣтъ. Потому здѣсь хотя удары не причиняли боли, зато устрашало ожиданіе будущаго. Но посмотри на чудо и здѣсь. *И се*, сказано, *ангелъ Господень предста, и свѣтъ возсія въ храминѣ: толкнувъ же въ ребро Петра, воздвиже его, глаголя: востани вскорѣ. И* абіе *спадоша ему ужя съ руку* (Дѣян. XII, 7). Чтобы Петръ не подумалъ, что совершившееся есть только дѣйствіе свѣта, (ангелъ) толкнулъ его. Никто не видѣлъ свѣта, а только онъ, и считалъ это привидѣніемъ. Такъ спящіе не чувствуютъ благодѣяній Божіихъ! *Рече же*, сказано, *ангелъ къ нему: препояшися и вступи въ плесницы твоя. Сотвори же тако. И глагола ему: облецыся въ ризу твою, и послѣдствуй ми. И изшедъ въ слѣдъ его идяше, и не вѣдаше, яко истина есть бывшее отъ ангела: мняше же видѣніе зрѣти. Прошедша же первую стражу и вторую, пріидоста ко вратомъ желѣзнымъ, вводящимъ во градъ, яже о себѣ отверзошася има. И изшедше преидоша стогну едину, и абіе отступи ангелъ отъ него* (Дѣян. XII, 8, 9, 10).

Почему же здѣсь не было того, что было съ Павломъ и Силою? Потому что ихъ намѣревались разрѣшить отъ узъ,—поэтому Богъ и не восхотѣлъ освободить ихъ такъ же, какъ Петра. Что же касается блаженнаго Петра, то ему назначена была смертная казнь. Что же, говорятъ, не большее ли было бы чудо, если бы онъ, взятый изъ темницы и преданный въ руки царя, здѣсь безъ всякаго вреда былъ избавленъ отъ великихъ опасностей? Въ такомъ случаѣ не погибли бы и воины. Здѣсь много непонятнаго. Какимъ образомъ, говорятъ, Богъ спасъ своего раба съ наказаніемъ и погибелью другихъ? Что же намъ отвѣчать на

это? Во-первыхъ, что (Богъ) не желалъ погибели другихъ; во-вторыхъ, что это (гибель ихъ) произошло не отъ того, что такъ было предопредѣлено, а отъ жестокости судьи. Какъ? Богъ расположилъ обстоятельства такъ, чтобы не только не погибли стражи, но и Петръ спасся,—что видимъ мы и здѣсь въ отношеніи къ темничному стражу; но судья не воспользовался обстоятельствами, какъ слѣдуетъ. *Бывшу же,* сказано, *дню, бѣ молва не мала въ воинѣхъ, что убо Петру бысть* (Дѣян. XII, 18). Что же потомъ? Иродъ дѣлаетъ изслѣдованіе о случившемся и, допросивши стражей, *повелѣ отвести* (ст. 19). Если бы онъ не допросилъ ихъ, то имѣлъ бы нѣкоторое извиненіе. Теперь же онъ потребовалъ ихъ къ суду, допросилъ, узналъ, что (Петръ) былъ въ узахъ, что темница была крѣпка, что стражи стояли у дверей, стѣна не проломлена, дверь не отворена, и нѣтъ никакого другого признака злодѣянія. Послѣ этого ему ничего болѣе не оставалось, какъ удивляться силѣ Божіей, которая исхитила (Петра) изъ среды этихъ опасностей, и покланяться Тому, Кто могъ совершить такое дѣло. Онъ же *повелѣ ихъ отвести.* Какъ же послѣ этого винить Бога? Если бы Онъ расторгъ стѣны и такимъ обра- 64
зомъ освободилъ (апостола), то можно было бы почесть это дѣломъ ихъ небрежности. Если же, по устроенію (Божію), въ случившемся было видно не человѣческое злодѣяніе, а божественное чудотвореніе, то для чего онъ (судья) поступилъ такъ? Если бы (Петръ) хотѣлъ убѣжать, то убѣжалъ бы, какъ былъ,—въ оковахъ. Если бы хотѣлъ бѣжать отъ страха, то не показалъ бы такой предусмотрительности, не взялъ бы сандалій, а оставилъ ихъ. Въ настоящемъ же случаѣ и ангелъ говоритъ ему: *вступи въ плесницы твоя,* чтобы было извѣстно, что, не какъ задумавшій убѣжать, а очень спокойно онъ поступилъ здѣсь. Находясь въ узахъ и между двумя воинами, онъ не имѣлъ бы столько досуга, чтобы разрѣшить узы, и будучи при томъ во внутреннемъ отдѣленіи темницы. Такимъ образомъ стражи наказаны по несправедливости судьи. Почему этого не сдѣлали іудеи? Здѣсь я припоминаю другую темницу, — первую въ Римѣ, вторую въ Кесаріи, настоящая же была въ Іерусалимѣ. Почему архіереи и фарисеи, когда услышали отъ посланныхъ ими въ темницу, чтобы вывести изъ нея Петра, что *внутрь ни единаго обрѣтохомъ,* но что двери заперты, и стражи стоятъ передъ дверьми—не умертвили стражей, а *недоумѣвахуся о нихъ, что убо будетъ сіе* (Дѣян. V)? Если они, при всемъ желаніи умертвить ихъ, не додумались ни до чего такого, то тѣмъ болѣе долженъ былъ бы такъ поступить ты,—ты, который все дѣлаешь въ угоду имъ (фарисеямъ и книжникамъ). За это скоро

и постигло его (судью) наказаніе. Если ты послѣ того порицаешь (Бога), то порицай Его и за убійства на дорогахъ, за тысячи другихъ несправедливыхъ лишеній жизни, и даже за дѣтей, избитыхъ ради Христа. Вѣдь и въ ихъ избіеніи, по твоимъ словамъ, долженъ быть виновенъ Христосъ. Но, на самомъ дѣлѣ, (виною ихъ смерти былъ) не Христосъ, а скорѣе безуміе и жестокость Иродова отца. Если ты скажешь: почему же (Богъ) не исхитилъ его изъ рукъ Ирода?—то и это Онъ могъ сдѣлать, но не было бы отъ того никакой пользы. Сколько разъ и Христосъ уходилъ отъ ихъ рукъ? Но принесло ли это какую-нибудь пользу неблагодарнымъ? А здѣсь отъ совершившагося происходитъ большая польза вѣрнымъ. Когда при существованіи памятниковъ о какомъ-нибудь событіи, оно подтверждается и врагами, тогда свидѣтельство не подлежитъ никакому сомнѣнію. И вотъ какъ тамъ, такъ и здѣсь уста враговъ заграждены ничѣмъ инымъ, какъ разсказомъ пришельцевъ о случившемся. Почему же темничный стражъ не сдѣлалъ ничего такого, между тѣмъ какъ видѣнное имъ ничѣмъ не меньше того, что видѣлъ Иродъ? Если обращать вниманіе на поразительность случившагося, то узнать, что узникъ вышелъ, когда двери были заперты, нисколько не меньше, чѣмъ видѣть отворенныя двери. Послѣднее скорѣе можетъ показаться видѣніемъ, а первое—нѣтъ, если о немъ точно будетъ разсказано. Поэтому и онъ (стражъ), если бы былъ злой, убилъ бы Павла, какъ Иродъ—воиновъ. Но онъ не былъ таковъ. Если бы мы захотѣли опровергнуть и тѣхъ, которые говорятъ: зачѣмъ Богъ дозволилъ избить дѣтей?—то наше къ вамъ слово вышло бы изъ предѣловъ, назначенныхъ ему сначала.

65 Теперь, воздавши великую благодарность узамъ Павловымъ за то, что они были для насъ причиною столькихъ благъ, въ заключеніе нашего слова, просимъ васъ не только не скорбѣть, если кому придется потерпѣть за Христа, но и радоваться, подобно апостоламъ, и хвалиться, подобно Павлу: *сладцѣ*, говорилъ онъ, *похвалюся въ немощехъ моихъ* (2 Кор. XII, 9). За это и сказано было ему: *довлѣетъ ти благодать моя*. Павелъ хвалится узами,—а ты превозносишься своимъ богатствомъ? Апостолы радовались тому, что сподобились принять раны,—а ты ищешь нѣги и роскоши? Какъ же ты хочешь получить одинаковыя съ ними (блага), когда идешь совсѣмъ инымъ съ ними путемъ? *И нынѣ*, говоритъ (апостолъ), *се азъ связанъ духомъ, гряду во Іерусалимъ, яже въ немъ хотящая приключитися мнѣ не вѣдый, точію яко Духъ* мнѣ *по вся грады свидѣтельствуетъ, глаголя, яко узы мене и скорби ждутъ* (Дѣян. XX, 22, 23). Для чего же идешь, если тебя ожидаютъ узы и скорби? Именно для того, говоритъ, чтобы быть

связаннымъ за Христа, чтобы умереть за Него. Я готовъ принять не только узы, но и смерть за имя Господа нашего Іисуса Христа.

Нѣтъ ничего блаженнѣе этой души! Чѣмъ онъ хвалится? Узами, скорбями, цѣпями, ранами. *Азъ*, говоритъ, *язвы Господа Іисуса* Христа (Гал. VI, 17), — какъ какой великій трофей, — *на тѣлѣ моемъ ношу;* и еще: *надежды бо ради Израилевы,* говоритъ, *вериками сими обложенъ есмь* (Дѣян. XXVIII, 20); еще: *о немже посольствую во узахъ* (Еф. VI, 20). Что же это значитъ? Какъ тебѣ не стыдно? Какъ ты не боялся, — послѣ того, какъ претерпѣлъ узы, — обходить вселенную? Какъ не боялся того, что кто-нибудь назоветъ безсильнымъ твоего Бога? Что поэтому иные не захотятъ имѣть съ тобою общенія? Не таковы, отвѣчаетъ онъ, мои узы. Онѣ могутъ блистать даже въ царскихъ чертогахъ. *Яко узы моя*, говоритъ, *явленны о Христѣ быша во всемъ судищи, и множайшіи братія о Господѣ надѣявшіися о узахъ моихъ паче дерзаютъ безъ страха слово глаголати* (Филип. I, 13, 14). Видишь ли, что узы имѣютъ болѣе силы, чѣмъ воскресеніе мертвыхъ? Они видѣли (апостола) въ узахъ и получили еще болѣе дерзновенія. Вѣдь гдѣ узы, тамъ должно совершиться нѣчто великое. Гдѣ скорбь, тамъ непремѣнно и спасеніе, тамъ непремѣнно успокоеніе, тамъ навѣрное и великія дѣла. Такъ діаволъ, когда хочетъ нанесть ударъ, самъ бываетъ пораженъ; когда связываетъ рабовъ Божіихъ, тогда еще болѣе распространяется слово (Божіе). И смотри, — это вездѣ такъ бываетъ. Онъ былъ въ узахъ, и вотъ что сдѣлалъ въ темницѣ: *въ* самыхъ *узахъ*, говоритъ, *моихъ* (Филип. I, 7). Былъ скованъ въ Римѣ, и тамъ весьма многихъ обратилъ къ вѣрѣ. Это оттого, что не только самъ онъ имѣлъ дерзновеніе, но и многіе другіе получали дерзновеніе чрезъ него. Онъ былъ въ узахъ въ Іерусалимѣ, и проповѣдь узника изумила царя и привела въ страхъ начальника. Устрашившись же, сказано, отпустилъ его, и связавшій не устыдился принять отъ связаннаго ученіе о грядущемъ. Въ узахъ онъ совершалъ плаваніе, не погибъ во время кораблекрушенія и укротилъ бурю. Когда онъ былъ въ узахъ, его коснулось ядовитое животное и, не причинивъ ему никакого вреда, отстало отъ него. Онъ былъ узникомъ въ Римѣ и, проповѣдуя въ узахъ, привлекъ къ себѣ тысячи, вмѣсто всего предлагая (своимъ слушателямъ) это самое, т. е. узы.

Нынѣ нѣтъ случаевъ быть заключеннымъ въ оковы, но есть *другого рода* оковы, если того желаемъ. Какія же? Это—сдерживать *руки*, чтобы не быть склоннымъ къ любостяжанію. Свяжемъ 66
себя этими оковами. Вмѣсто желѣза пусть послужитъ намъ

страхъ Божій. Разрѣшимъ связанныхъ бѣдностію и скорбію. Не одно и то же—отворить двери темницы и дать свободу душѣ человѣка, стѣсненнаго нуждою. Не одно и то же—разрѣшить оковы узниковъ и *отпустити сокрушенныя во отраду* (Лук. IV, 18). Послѣднее больше перваго, потому что за то нѣтъ награды, а за это—безчисленныя. Длинны были Павловы оковы и долго задержали насъ. И на самомъ дѣлѣ они длинны, и прекраснѣе всякой золотой цѣпи. Эти оковы, на подобіе какой-то машины, влекутъ узниковъ своихъ на небо, и какъ бы какая золотая цѣпь, простирающаяся (до неба), увлекаютъ на небо. И удивительно то, что, связывая узниковъ долу, они влекутъ ихъ горѣ. Не таково, впрочемъ, ихъ естественное свойство. Потому, если Богъ устрояетъ такъ, (какъ мы видѣли теперь), то здѣсь не на естественное свойство и порядокъ вещей обращай вниманіе, а на то, что выше и того и другого. Научимся же отсюда въ скорбяхъ не упадать духомъ и не печалиться. Посмотри въ самомъ дѣлѣ на этого блаженнаго. Онъ потерпѣлъ удары, и удары сильные: *многи же*, сказано, *давше имъ раны* (Дѣян. XVI, 23). Онъ былъ заключенъ въ узы, и въ узы крѣпкія: (стражъ) *всади* его *во внутреннюю темницу* (ст. 24), и въ темницу весьма прочную. Однако и въ такихъ обстоятельствахъ, въ полночь,—когда, подъ вліяніемъ сна, этихъ сильнѣйшихъ узъ, спятъ даже тѣ, которыхъ усиленно будятъ,—они (Павелъ и Сила) пѣли и хвалили Господа. Что можетъ быть тверже этихъ душъ? Они знали, что и отроки пѣли въ огнѣ и въ пещи. Быть можетъ, они (Павелъ и Сила) думали: мы еще не потерпѣли ничего такого. Но слово, правильно развиваясь, привело насъ еще и къ другимъ узамъ, въ другую темницу.

Что же дѣлать? И хотѣлось бы умолкнуть, но не могу. Я нашелъ другую темницу, которая болѣе удивляетъ и изумляетъ, чѣмъ эта. А вы воспряньте, какъ бы теперь только начиналось слово, и приникните къ нему съ оживленнымъ вниманіемъ. Хочу прервать слово, но не удается. Какъ пьющій человѣкъ не отрывается отъ чаши, что бы ему ни говорили, такъ и я, взявшись за чудную темничную чашу узниковъ Христовыхъ, не могу перестать, не могу умолкнуть. Если въ самомъ дѣлѣ онъ и въ темницѣ, и ночью, и въ ранахъ не молчалъ, — умолкну ли я, сидя днемъ, пользуясь для собесѣдованія полнымъ спокойствіемъ,—умолкну ли, когда не дозволили себѣ молчать находившіеся въ узахъ, битые палками, въ полночь?

Отроки не молчали въ пещи и въ огнѣ: не стыдно ли будетъ намъ молчать? Итакъ посмотримъ и эту темницу. И здѣсь были заключены въ узы, но тотчасъ въ самомъ началѣ оказа-

лось, что они должны не сгорѣть, а какъ бы войти въ темницу. Для чего (иначе) ты и связываешь тѣхъ, которые должны быть сожжены? Они были связаны, какъ Павелъ, и по рукамъ и по ногамъ, связаны съ такою же жестокостью; и онъ (Навуходоносоръ) ввергъ ихъ во внутреннюю темницу и потомъ повелѣлъ сильно разжечь печь. Но посмотримъ на послѣдовавшее за тѣмъ. Когда пѣли тѣ (Павелъ и Сила), поколебалась темница и отворились двери. Когда пѣли и эти (отроки), оковы спали съ ихъ рукъ и ногъ, отворилась темница, и открылись отверстія печи,— потому что шумно врывалась роса духа (Дан. III, 8). Но мнѣ представляется такое множество предметовъ, что я не знаю, о чемъ 67
говорить прежде, о чемъ—послѣ: потому прошу не требовать отъ меня порядка. И въ томъ и другомъ событіи много сроднаго между собою. Тѣ, которые были вмѣстѣ съ ними (Павломъ и Силою) въ узахъ, освободились отъ узъ и однако спали. Здѣсь же вмѣсто этого было нѣчто другое: сгорѣли ввергнувшіе ихъ въ печь. Но я хотѣлъ сказать, что царь увидѣлъ ихъ свободными отъ узъ и поклонился имъ (Дан. III, 95); услышалъ ихъ пѣніе, увидѣлъ четырехъ ходящихъ и позвалъ ихъ. Итакъ, подобно Павлу, который могъ, но не вышелъ изъ темницы, пока не позвалъ и не вывелъ его тотъ, кто заключилъ въ нее, и три отрока не вышли, пока царь не повелѣлъ имъ выйти. Чему же мы научаемся отсюда? Не спѣшить на страданія, не торопиться принимать скорби и не оставаться въ нихъ, когда насъ освобождаютъ отъ нихъ. Царь поклонился имъ; могъ бы и войти туда, гдѣ были святые, но, подошедши къ отверстію, остановился: онъ не осмѣлился войти внутрь темницы, въ которой приготовилъ для нихъ сожженіе. И замѣчай слова. Тотъ сказалъ: *господіе, что ми подобаетъ творити, да спасуся?* Этотъ, хотя не съ такимъ смиренномудріемъ, однако сказалъ не менѣе пріятныя слова: *Седрахъ, Мисахъ, Авденаго, раби Бога вышняго, изыдите и пріидите* (Дан. III, 93). Великая честь! *Раби Бога вышняго, изыдите и пріидите.* Какъ они выйдутъ, царь, когда ты бросилъ ихъ связанными въ огонь, когда они уже столько времени находятся въ огнѣ? Даже если бы они были адамантовыми, если бы состояли изъ металла, и тогда не погибли ли бы въ продолженіе того времени, какъ пѣли весь свой гимнъ? Но потому они и спаслись, что пѣли. Огонь убоялся ихъ радости, убоялся и ихъ удивительной пѣсни, ихъ гимна. Какъ же ты зовешь ихъ? „Я предварительно сказалъ: *раби Бога вышняго*, потому что рабамъ Божіимъ все возможно. Если бываютъ и у людей такіе слуги, которые въ дѣлахъ своихъ господъ не меньше имѣютъ силы и власти, не меньше распоряжаются, чѣмъ сами господа,—то тѣмъ болѣе это возможно для

рабовъ Божіихъ". Это—пріятнѣйшія для нихъ слова. Царь зналъ, что этими словами онъ доставитъ имъ особенное удовольствіе. Въ самомъ дѣлѣ, если они пошли въ огонь для того, чтобы остаться рабами Божіими, то для нихъ никакія другія слова не были пріятнѣе этихъ. Если бы онъ назвалъ ихъ царями, владыками вселенной, то не обрадовалъ бы такъ, какъ обрадовалъ, сказавши: *раби Бога вышняго.* И что удивительнаго? Павелъ, когда писалъ къ великому городу, владѣвшему вселенной, и гордившемуся своими достоинствами, противопоставилъ это (достоинство раба Божія), какъ равное его достоинству, даже какъ много, несравненно большее и консульства, и царства, и владычества надъ вселенною: онъ написалъ: *Павелъ, рабъ Іисусъ Христовъ* (Рим. I, 1). *Раби Бога вышняго.* Если они, говоритъ (царь), столько стараются о томъ, чтобы быть рабами, то убѣдимъ ихъ въ этомъ вполнѣ. Теперь посмотри на благодушіе отроковъ. Они не вознегодовали, не прогнѣвались, не противорѣчили, а вышли. Если бы они считали обидою то, что были брошены въ печь, то негодовали бы на бросившаго. Здѣсь же мы не видимъ ничего такого: они вышли (изъ печи) такъ, какъ бы сходили съ самаго неба. Не погрѣшитъ тотъ, кто сказалъ бы о нихъ то же, что сказалъ пророкъ о солнцѣ: *яко женихъ исходяй отъ чертога своего* (Псал. XVIII, 5). Почему? Потому, что они исходили тогда съ большею славою, чѣмъ исходитъ солнце. Солнце является для озаренія земли чувственнымъ свѣтомъ, а они освѣщаютъ ее иначе,
68 т. е. духовно. Ради нихъ царь тотчасъ послалъ предписаніе въ такихъ словахъ: *знаменія и чудеса, яже сотвори со мною Богъ, угодно бысть предо мною возвѣстити вамъ, коль великая и крѣпкая* (Дан. III, 99). Такимъ образомъ, они вышли (изъ огня), распространяя отъ себя самые свѣтлые лучи, которыми озарились и самыя страны, и которые должны были посредствомъ царскихъ указовъ распространиться вездѣ и разсѣять повсюдный мракъ. *Изыдите и пріидите.* Не повелѣлъ онъ погасить пещи,—и такою увѣренностію, что они могутъ не только ходить внутри ея, но и выйти изъ нея, несмотря на ея жгучій пламень, онъ сдѣлалъ имъ особенную честь.

Но посмотримъ, если угодно, и на слова темничнаго стража. *Господіе, что ми подобаетъ творити, да спасуся?* Что пріятнѣе этихъ словъ? Они заставляютъ ликовать самихъ ангеловъ. Для того, чтобы услышать такія слова, содѣлался рабомъ Единородный (Сынъ) Божій. Эти же слова говорили Петру первые вѣрующіе: что намъ дѣлать, чтобы спастись? Что же онъ сказалъ? *Увѣруйте и креститесь* (Дѣян. II, 33). Изъ-за желанія спасенія и послушанія іудеевъ, Павелъ охотно низринулся бы и въ геенну,

чтобы услышать отъ нихъ такія слова. И смотри: ничего не требуетъ себѣ, а все предоставляетъ имъ. Но посмотримъ на послѣдующее. Царь не говоритъ: да спасуся; но сильнѣе всякихъ словъ то, что онъ учитъ (другихъ). Онъ тотчасъ же дѣлается проповѣдникомъ. Не нуждается въ оглашеніи, какъ темничный стражъ. Но что? Прославляетъ Бога и исповѣдуетъ Его силу. „Я вполнѣ вижу, что Богъ вашъ есть Богъ боговъ и Господь господей,— что Онъ послалъ ангела своего и извлекъ васъ изъ пещи". И что далѣе? Не одинъ стражъ, но многіе оглашаются царскимъ посланіемъ, зная совершившееся. Что царь не могъ обманывать, это, конечно, очевидно для всякаго. Онъ не захотѣлъ бы засвидѣтельствовать этого о плѣнникахъ и тѣмъ унизить образъ своихъ дѣйствій. Онъ не захотѣлъ бы принять на себя безславія за такое безуміе,—такъ что если бы истина не была весьма очевидна, онъ не написалъ бы такого указа, тѣмъ болѣе, что тутъ такъ много было свидѣтелей. Видите ли, какова сила узъ? Какова сила пѣснопѣнія во время скорби? Они отъ гоненія не предались унынію, не упали духомъ, но тогда-то особенно и были бодры, тогда-то особенно и благодушествовали. И справедливо такъ поступали они. Остается еще одно: почему въ темницѣ узники были освобождены, а въ пещи сожжены служители казни, тогда какъ надлежало бы потерпѣть это царю? Вѣдь не столько согрѣшили тѣ, которые ихъ заключали въ оковы и ввергали въ пещь, сколько тотъ, кто приказывалъ это сдѣлать. Итакъ почему же они погибли? Здѣсь нѣтъ надобности говорить много (чтобы объяснить дѣло). (Погибли) потому, что были нечестивы. Для того это такъ было устроено, чтобы очевидна была сила огня и большее было чудо. Если въ самомъ дѣлѣ огонь пожралъ съ такою силою тѣхъ, которые были внѣ пещи, то какъ онъ оставилъ невредимыми тѣхъ, которые находились въ самой пещи? (Это произошло такъ для того) чтобы очевиднѣе была сила Божія. И пусть никто не удивляется, что я сопоставилъ царя съ темничнымъ стражемъ: онъ поступилъ одинаково съ послѣднимъ. Царь не былъ славнѣе стража: оба одинаково получили пользу. Но праведники, какъ я говорилъ, тогда-то особенно и бываютъ бодры духомъ, когда находятся въ скорби, когда бываютъ въ оковахъ, потому что страдать за Христа—пріятнѣе всякаго удовольствія.
Хотите ли я напомню вамъ еще о другой темницѣ? Намъ необ- 60
ходимо отъ этихъ узъ перейти къ другой темницѣ. Къ какой же вы хотите? Къ той ли, въ которую заключенъ былъ Іеремія? Или къ темницѣ Іосифа? Или — Іоанна? Благодареніе узамъ Павловымъ: какъ много они указали намъ темницъ! Хотите ли слышать о темницѣ, въ которую былъ заключенъ Іоаннъ? И онъ былъ

нѣкогда въ узахъ за Христа и за божественный законъ. Что же онъ? Оставался ли въ заключеніи празднымъ? Не отсюда ли, изъ этого заключенія, онъ послалъ учениковъ своихъ, сказавъ имъ: подите, скажите Христу: *Ты ли еси грядый, или иного чаемъ* (Мѳ. XI, 3)? И находясь тамъ, онъ поучалъ другихъ, не былъ нерадивъ. А Іеремія, исполняя свой долгъ, не предрекъ ли (въ темницѣ) о вавилонскомъ плѣненіи? А Іосифъ? Не былъ ли въ
70 заключеніи тринадцать лѣтъ? Однакожъ и тутъ (въ темницѣ) не забылъ о добродѣтели. Скажемъ еще объ однихъ узахъ и окончимъ наше слово. Былъ въ узахъ и Владыка нашъ, разрѣшившій вселенную отъ грѣховъ; были связаны руки, сдѣлавшія безчисленное множество добра: связавше, сказано, *ведоша Его къ Каіафѣ* (Мѳ. XXVI, 57). Былъ въ узахъ Тотъ, Кто совершилъ столько чудесъ. Размышляя объ этомъ, не будемъ никогда скорбѣть, но и въ узахъ будемъ радоваться. Мы, и безъ оковъ, все же какъ бы связаны. Видишь ли, какое благо — узы? Зная все это, вознесемъ за все благодареніе Богу, во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ.

БЕСѢДА IX.

69 Молю убо васъ азъ, юзникъ о Господѣ, достойно ходити званія, въ неже звани бысте, со всякимъ смиренномудріемъ и кротостію, съ долготерпѣніемъ, терпяще другъ другу любовію, тщащеся блюсти единеніе духа въ союзѣ мира (Ефес. IV, 1—4).

1. Въ этихъ словахъ открыта для насъ великая и болѣе (всякихъ) отличій блистательная сила Павловыхъ узъ. И (Павелъ) не напрасно, какъ кажется, и не безъ цѣли показываетъ эту силу, но чтобы ею болѣе пристыдить ихъ. Что онъ говоритъ? *Молю убо васъ азъ, юзникъ о Господѣ, достойно ходити званія, въ неже звани бысте.* Какъ (ходить)? *Со всякимъ смиренномудріемъ*, съ *кротостію* и *долготерпѣніемъ, терпяще другъ другу любовію.* Значитъ, хорошо быть узникомъ, но не просто, а ради Христа; потому онъ и сказалъ: *юзникъ о Господѣ*, т. е. ради Христа. Съ этимъ ничто не можетъ сравниться! Но узы (Павла), отвлекая насъ отъ настоящаго предмета рѣчи, привлекаютъ (къ себѣ), и, будучи не въ силахъ противиться этому влеченію, мы говоримъ о нихъ какъ бы невольно, а вѣрнѣе—и съ охотою и съ молитвою. О, если бы всегда можно было бесѣдовать объ этихъ узахъ! Но будьте терпѣливы: я хочу сказать еще о томъ, что бываетъ

предметомъ вниманія у многихъ, и о чемъ говорятъ такъ: если скорби благое дѣло, то какъ же онъ, защищаясь предъ Агриппою, сказалъ: *молилъ убо быхъ Бога, и въ малѣ и во мнозѣ, не токмо тебе, но и всѣхъ слышащихъ мя днесь быти имъ тацѣмъ, яковъ и азъ есмь, кромѣ узъ сихъ* (Дѣян. XXVI, 29)? Онъ такъ говорилъ не потому, что считалъ скорби унизительнымъ для себя дѣломъ,— нѣтъ; если бы это было такъ, если бы въ самомъ дѣлѣ онѣ были унизительны, то онъ не похвалился бы ни узами, ни заключеніемъ подъ стражу, ни другими бѣдствіями, и не сказалъ бы: *сладцѣ въ немощехъ моихъ похвалюся* (2 Кор. XII, 9). Что же это значитъ? То, что онъ считалъ великимъ дѣломъ узничество. Но какъ къ Коринѳянамъ писалъ: *млекомъ вы напоихъ, не брашномъ, ибо не у можасте* (1 Кор. III, 2), такъ и здѣсь (случилось, что) не могли слушать его ученія о красотѣ, величіи и пользѣ узничества; потому онъ и сказалъ: *кромѣ узъ сихъ*. Напротивъ къ Евреямъ онъ писалъ не такъ, а совѣтовалъ имъ раздѣлять узы съ узниками. Поэтому и самъ радовался за узы, отдавался въ оковы и съ узниками былъ отводимъ подъ стражу. Велика сила Павловыхъ узъ! Вмѣсто всѣхъ зрѣлищъ довольно одного этого— видѣть Павла связаннымъ и ведомымъ изъ темницы. Что можетъ 70
быть выше удовольствія видѣть его въ узахъ и сидящимъ въ темницѣ? Какъ оцѣнить мнѣ это удовольствіе?

Не видите ли вы царей и консуловъ, ѣдущихъ на колесницахъ, убранныхъ въ золото, и ихъ тѣлохранителей, также имѣющихъ на себѣ все золотое,—золотыя копья, золотые щиты, золотомъ убранную одежду, въ золотыхъ попонахъ коней? Но сколько первое зрѣлище пріятнѣе послѣдняго! Я бы желалъ лучше однажды взглянуть на Павла, съ узниками выходящаго изъ темницы, нежели тысячи разъ видѣть этихъ людей въ сопровожденіи ихъ копьеносцевъ. Сколько ангеловъ, думаете вы, предшествовало (Павлу), когда такимъ образомъ выводили его? Что я не лгу, это можетъ подтвердить вамъ примѣръ изъ древней исторіи. Елисей пророкъ, котораго вы, быть можетъ, знаете, во время войны сирійскаго царя съ израильскимъ, сидя дома, открывалъ придворныя совѣщанія царя сирійскаго съ своими совѣтниками и дѣлалъ безуспѣшными его дѣйствія, напередъ высказывая его тайныя намѣренія, и такимъ образомъ не допускалъ (израильтянъ) впадать въ тѣ сѣти, которыя разставлялъ имъ этотъ царь. Это безпокоило и устрашало послѣдняго, и онъ былъ въ большомъ недоумѣніи отъ того, что не зналъ, кто обнаруживаетъ всѣ его мысли, слѣдитъ за нимъ и дѣлаетъ безуспѣшными его замыслы. Но когда царь находился въ этомъ невѣдѣніи и старался узнать причину (неуспѣшности своихъ предпріятій), одинъ

изъ тѣлохранителей сказалъ ему, что въ Самаріи живетъ пророкъ, по имени Елисей, и что онъ-то и разрушаетъ планы царя тѣмъ, что открываетъ ихъ. Царь думалъ, что онъ все узналъ, но на самомъ дѣлѣ ничто не могло быть печальнѣе его положенія. Смотри въ самомъ дѣлѣ: вмѣсто того, чтобы почтить этого человѣка, удивляться ему и устрашиться той силы, по которой онъ, находясь на такомъ большомъ разстояніи, знаетъ, безъ чьей бы то ни было передачи, всѣ тайные планы царя,—вмѣсто этого онъ приходитъ въ раздраженіе и, увлекаясь только гнѣвомъ, собираетъ всадниковъ и воиновъ и посылаетъ ихъ схватить пророка. У Елисея былъ ученикъ, который находился еще, такъ сказать, въ преддверіи пророчества и не удостоился такихъ откровеній (какія получалъ его учитель). Явились воины царя, чтобы связать пророка. Опять встрѣчаемся съ узами! Что мнѣ дѣлать? Отовсюду они вплетаются въ нашу рѣчь. Увидѣвъ множество
71 войска, ученикъ испугался и, дрожа отъ страха, прибѣжалъ къ учителю съ извѣстіемъ объ этомъ, по его мнѣнію, несчастіи и говорилъ, что имъ угрожаетъ неизбѣжная опасность. Пророкъ усмѣхнулся тому, что (ученикъ его) устрашился того, что не было страшно, и совѣтовалъ ему ободриться; но послѣдній, какъ еще несовершенный, не убѣдился его словами и пораженный тѣмъ, что видѣлъ, все еще трепеталъ. Что же пророкъ? *Господи*, говоритъ онъ, *отверзи очи отрока* сего, *да узритъ*, что на нашей сторонѣ больше, чѣмъ на ихъ. И вдругъ видитъ онъ: вся гора, на которой жилъ пророкъ, наполнена огненными конями и колесницами (4 Цар. VI, 17). А это было не что иное, какъ воинство ангельское.

2. Если Елисея, для такого только случая, окружало воинство ангельское, то что сказать о Павлѣ? Пророкъ Давидъ говоритъ: *ополчится ангелъ Господень окрестъ боящихся его* (Псал. XXXIII, 8), и еще: *на рукахъ возмутъ тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою* (Псал. XC, 12). Но что я говорю объ ангелахъ? Самъ Владыка былъ съ нимъ, когда онъ выходилъ (изъ темницы). Его не видалъ и Авраамъ. Онъ не былъ и съ Авраамомъ; но (теперь) Онъ самъ далъ обѣтованіе: *Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Мѳ. XXVIII, 20). Явившись Павлу, сказалъ: *не бойся, но глаголи, зане Азъ есмь съ тобою, и никтоже приложитъ озлобити тя* (Дѣян. XVIII, 9, 10). И во снѣ Онъ явился ему и сказалъ: *дерзай: якоже бо свидѣтельствовалъ еси, яже о Мнѣ во Іерусалимѣ, сице ти подобаетъ и въ Римѣ свидѣтельствовати* (Дѣян. XXII, 11). Такъ дивные святые и всегда исполнены великой благодати, а особенно тогда, когда подвергаются опасности за Христа, когда дѣлаются узниками (за Него). Какъ на доблестнаго воина пріятно смотрѣть и во всякое время, а особенно, когда онъ стоитъ и сра-

жается подлѣ самого царя, такъ представляй себѣ и Павла, котораго можно было видѣть учащимъ и въ узахъ. Здѣсь разскажу то, что между прочимъ пришло теперь мнѣ на мысль. И блаженный мученикъ Вавила былъ въ узахъ за то же, за что и Іоаннъ,—за обличеніе царя въ беззаконіи, и, умирая, приказалъ положить эти узы вмѣстѣ съ своимъ тѣломъ, похоронить себя въ узахъ, и теперь оковы лежатъ вмѣстѣ съ прахомъ: такова была любовь его къ узамъ ради Христа! *Желѣзо пройде душа его* (Псал. CIV, 18), сказалъ пророкъ объ Іосифѣ. Да и женщинамъ случалось испытать узничество. А мы не хотимъ связать самихъ себя! Я совѣтую принять не это (узничество Павлово),—такъ какъ теперь не такое время,—но ты, не связывая рукъ, свяжи свой умъ. Есть и еще узы, и кто не носитъ однихъ, понесетъ другія. Слушай, что говоритъ Христосъ: *свяжите ему руцѣ и нозѣ* (Мѳ. XXII, 13). Чтобы не подвергнуться этому узничеству, возложимъ на себя тѣ узы. Потому (Павелъ) и сказалъ: *молю васъ азъ, юзникъ о Господѣ, достойно ходити званія, въ неже звани бысте*. И опять: глава у насъ Христосъ. Онъ совоскресилъ и спосадилъ насъ на небесныхъ, несмотря на то, что мы такъ враждебны Ему и сдѣлали столько зла. Велико это званіе и къ великому (направлено оно)! Велико не потому только, что (Онъ призвалъ насъ) изъ такого состоянія, но и потому, что призвалъ на такія дѣла и такимъ образомъ.

Какъ же достойно ходить (этого званія)? *Со всякимъ смиренномудріемъ*. Кто таковъ, тотъ достойно проходитъ (это званіе): смиренномудріе есть основаніе всякой добродѣтели. Если ты имѣешь смиреніе и помнишь, кто ты и какъ спасенъ, то воспоминаніе объ этомъ служитъ для тебя побужденіемъ къ добродѣ- 72
тели. Ты не станешь гордиться ни узами, ни даже тѣмъ, что я сказалъ; но зная, что все у тебя есть даръ благодати, будешь смиряться. Смиренный человѣкъ можетъ быть слугою, помнящимъ благодѣянія и признательнымъ за нихъ. *Что имаши*, говоритъ, *егоже нѣси пріялъ* (1 Кор. IV, 7)? Послушай и еще, что онъ говоритъ: *паче всѣхъ ихъ потрудихся, не азъ же, но благодать Божія, яже со мною* (1 Кор. XV, 10). *Со всякимъ*, говоритъ, *смиренномудріемъ*,—т. е. не въ словахъ и не въ дѣлахъ только, но и въ наружныхъ пріемахъ и въ тонѣ рѣчи. Не обращайся съ однимъ смиренно, а съ другимъ дерзко; сохраняй смиреніе со всякимъ, другъ ли онъ твой, или врагъ, знатный, или ничтожный человѣкъ: въ этомъ состоитъ смиреніе. Также и въ другихъ дѣлахъ наблюдай смиреніе, потому что Христосъ говоритъ: *блажени нищіи духомъ*,—и это (блаженство) ставитъ прежде другихъ. Потому-то (апостолъ) и сказалъ: *со всякимъ смиренно-*

мудріемъ и кротостію и *долготерпѣніемъ*. Въ иномъ есть смиреніе, но онъ горячъ и раздражителенъ: тогда смиреніе не приноситъ ему пользы; часто, подъ вліяніемъ гнѣва, онъ все теряетъ. *Терпяще*, говоритъ, *другъ другу любовію*. Какъ можно терпѣть тому, кто раздражителенъ и клеветникъ? (Апостолъ) указалъ способъ: *любовію*,—говоритъ онъ. Если у тебя нѣтъ терпѣнія по отношенію къ твоему ближнему, то какъ будетъ терпѣть тебя Богъ? Если ты нетерпѣливъ предъ своимъ сорабомъ, то какъ потерпитъ тебя Владыка? Гдѣ есть любовь, тамъ все можно перенесть. *Тщащеся*, говоритъ, *блюсти единеніе духа въ союзѣ мира*. Свяжи свои руки узами кротости. Такъ свѣтлое слово—узы—опять насъ озарило: мы оставили его, а оно опять пришло къ намъ. Хороши и тѣ узы, хороши и эти; но первыя—плодъ послѣднихъ. Соедини себя съ братомъ: все легко для людей, связанныхъ между собою узами любви. Привяжи себя къ нему и его къ себѣ: тогда ты будешь господиномъ не надъ собою только, но и надъ другимъ, сможешь сдѣлать другомъ своимъ всякаго, кого захочешь. Благодушно *тщащеся:* даетъ разумѣть, что это дѣло не простое и не случайное. *Тщащеся*, говоритъ, *блюсти единеніе духа*.

3. Что такое единеніе духа? Какъ въ тѣлѣ душа все объемлетъ и сообщаетъ какое-то единство разнообразію, происходящему отъ различія членовъ тѣлесныхъ, такъ и здѣсь. Но душа дана еще и для того, чтобы объединять (людей), неодинаковыхъ между собою по происхожденію и по образу жизни. Старецъ и юноша, бѣдный и богатый, отрокъ и взрослый, мужъ и жена, и всякое существо, одаренное душею, есть что-то единое и—это единство болѣе единства тѣлеснаго. Первое сродство выше послѣдняго, (духовное) единство совершеннѣе. Союзъ духовный тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ проще и однообразнѣе. А какъ онъ сохраняется? *Въ союзѣ мира*. Его нѣтъ тамъ, гдѣ вражда и раздѣленіе. *Идѣже бо въ васъ зависти и рвенія и распри, не плотстіи ли есте, и по человѣку ходите* (1 Кор. III, 3)? Какъ огонь, попадая на сухія деревья, обращаетъ ихъ въ одинъ горящій костеръ, а надъ влажными не оказываетъ никакого дѣйствія и не соединяетъ ихъ между собою,—такъ бываетъ и здѣсь: холодность душевная не способствуетъ къ соединенію, а большею частію теплота. Отсюда происходитъ и теплота любви. (Апостолъ) хочетъ соединить всѣхъ насъ узами любви. Подобно тому,—говоритъ онъ,—какъ, желая привязать самого себя къ другому человѣку, ты не иначе можешь сдѣлать это, какъ привязавши его къ себѣ самому, и если желаешь сдѣлать этотъ союзъ взаимнымъ, нужна
73 его привязанность къ тебѣ,—такъ и здѣсь онъ хочетъ того, чтобы мы связаны были между собою не однимъ миромъ, не одною

любовію, но чтобы у всѣхъ была одна душа. Это—прекрасныя узы: этими узами мы соединяемся и между собою и съ Богомъ. Эти узы не обременяютъ и не стѣсняютъ связанныхъ ими рукъ, напротивъ даютъ имъ большую свободу, открываютъ имъ большее пространство для дѣятельности и дѣлаютъ узниковъ веселѣе, чѣмъ бываютъ не связанные. Сильный, находясь въ союзѣ съ слабымъ, укрѣпляетъ его и не допускаетъ до погибели, а беззаботнаго онъ возбуждаетъ къ дѣятельности. *Братъ отъ брата помогаемь*, говоритъ (Премудрый), *яко градъ твердъ*. Этого союза не можетъ нарушить ни разстояніе, ни небо, ни земля, ни смерть, ни что другое; онъ выше и сильнѣе всего. Проистекая изъ единства души, онъ въ одно и то же время можетъ обнимать многихъ. Слушай, что говоритъ Павелъ: *не тѣсно вмѣщается (въ насъ, утѣсняетеся) же во утробахъ вашихъ. Распространитеся и вы* (2 Кор. VI, 12, 13). Что разрушаетъ этотъ союзъ? Сребролюбіе, властолюбіе, честолюбіе и многое другое ослабляетъ и раздѣляетъ членовъ этого союза. Какъ же устранить этотъ разрывъ? Если не будетъ этихъ (страстей), не будетъ и препятствій для любви. Вотъ что говоритъ Христосъ: егда умножится беззаконіе, *изсякнетъ любы многихъ* (Мѳ. XXIV, 12). Ничто столько не противодѣйствуетъ любви, какъ грѣхъ,—я разумѣю не только любовь къ Богу, но и къ ближнему. Какъ же, спросятъ, разбойники живутъ между собой мирно? Но, скажи мнѣ, когда? Во всякомъ случаѣ, когда они не ведутъ разбойнической жизни. Но если они не соблюдаютъ справедливости въ раздѣлѣ добычи и не отдаютъ каждому законной части, то и ихъ видишь во враждѣ и войнѣ между собою. Такъ нельзя найти мира тамъ, гдѣ злодѣяніе; но всегда можно найти его тамъ, гдѣ живутъ справедливо и добродѣтельно. Что еще? Соперники живутъ ли между собою мирно? Вовсе нѣтъ! На кого же прикажешь указать мнѣ? Скупой съ скупымъ никогда не могутъ имѣть мирныхъ отношеній. Если бы они были справедливы и уступчивы и не оказывали несправедливости другъ другу, то и не было бы этого рода людей. Какъ два дикихъ голодныхъ звѣря, за недостаткомъ добычи, пожираютъ другъ друга, такъ бываетъ въ обществѣ (людей) скупыхъ и злыхъ. Такимъ образомъ безъ добродѣтели не можетъ быть мира. Составимъ, если угодно, цѣлое общество изъ людей любостяжательныхъ, пусть будутъ всѣ они пользоваться равенствомъ чести, никто не будетъ ихъ обижать, а они сами будутъ несправедливы другъ къ другу: можетъ ли существовать такое общество? Совсѣмъ нѣтъ! Живутъ ли мирно любодѣйцы? Не найдешь и двухъ согласныхъ между собою. И причина опять та же — охлажденіе любви; а охлажденіе любви—слѣдствіе умноженія беззаконія.

Оно ведетъ къ себялюбію, оно разрываетъ и разсѣкаетъ тѣло, ослабляетъ и разрушаетъ его. Напротивъ, отъ добродѣтели происходятъ совершенно противныя дѣйствія. Добродѣтельный человѣкъ выше денегъ. Если бы безчисленное множество (людей) жило въ бѣдности, они могли бы оставаться въ мирѣ между собою. А скупцовъ, хотя бы сошлось только двое, они никогда не могутъ сохранять мирныхъ отношеній другъ къ другу.

4. Итакъ, если въ насъ есть добродѣтель, то любовь не погибнетъ, потому что добродѣтель отъ любви, а любовь отъ добродѣтели. Объясню—какимъ образомъ. Добродѣтельный человѣкъ
74 не предпочитаетъ денегъ дружбѣ, онъ не помнитъ зла, не оказываетъ несправедливости ближнему, не наноситъ ему обидъ и самъ все переноситъ великодушно. Изъ этого состоитъ любовь. Опять, кто любитъ, тотъ имѣетъ всѣ эти (качества). Такимъ образомъ одно созидается другимъ. Отсюда видно, что любовь отъ добродѣтели,—на что и указывалъ (Господь), когда говорилъ: егда умножится беззаконіе, *изсякнетъ любы многихъ*. А что добродѣтель отъ любви, объ этомъ говоритъ (апостолъ): *любяй друга законъ исполни* (Рим. XIII, 8). Потому необходимо быть одному изъ двухъ: или сильно любить и быть любимымъ, или быть въ высшей степени добродѣтельнымъ. Кто имѣетъ одно, у того необходимо есть и другое; и наоборотъ, не имѣющій любви дѣлаетъ зло, и дѣлающій зло не знаетъ любви. Будемъ же стремиться пріобрѣсть любовь: она предохранитъ насъ отъ зла. Свяжемъ себя (узами любви). Пусть не будетъ у насъ ни обмана, ни лукавства. Ничего этого нѣтъ тамъ, гдѣ есть дружба. Объ этомъ такъ сказалъ нѣкій мудрецъ: *на друга аще извлечеши мечь, не отчаявайся: есть бо возвратъ. На друга аще отверзеши уста, не бойся: есть бо примиреніе, кромѣ поношенія, и откровенія тайны, и язвы лестныя* (Сирах. XXII, 23—25). Раскрытіе тайны, говоритъ, удаляетъ его. Впрочемъ, если всѣ мы будемъ дружно жить между собою, то не будетъ нужды и въ тайнахъ. Какъ никто не имѣетъ тайны отъ себя и ничего не можетъ скрывать отъ самого себя, такъ—и отъ друзей. А когда не будетъ тайнъ, не возможенъ будетъ и разрывъ изъ-за нихъ. Тайны у насъ—слѣдствіе того, что мы не можемъ положиться на вѣрность каждаго; тайны—плодъ охлажденія любви. Въ самомъ дѣлѣ, какая можетъ быть у тебя тайна? Хочешь несправедливо поступить съ своимъ ближнимъ? Или—воспрепятствовать ему въ полученіи какого-нибудь блага, и потому скрываешься отъ него? Или этого ничего нѣтъ, но ты стыдишься (высказаться)? А это не признакъ ли того, что ты не довѣряешь ему? При любви не будетъ ни измѣны тайнѣ, ни порицанія ея. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, кто и когда по-

носить самъ себя? А если это и бываетъ, то для пользы. Мы дѣлаемъ выговоры и дѣтямъ для того, чтобъ исправить ихъ. И когда Христосъ укорялъ города (Хоразинъ и Виөсаиду), говоря: *горе тебѣ Хоразине, горе тебѣ Виөсаидо,*—то (дѣлалъ это для того), чтобъ избавить ихъ отъ безславія. Ничто вѣдь не имѣетъ такого вліянія на душу, ничто столько не способно возстановить ее и исправить ея непостоянство (какъ обличеніе). И мы не безъ намѣренія обличаемъ другъ друга. Въ самомъ дѣлѣ, за что ты станешь укорять ближняго? За деньги? Не станешь, если свое собственное считаешь общимъ достояніемъ. За грѣхи? Но это не укоръ, а скорѣе исправленіе: *И язвы лестныя*, сказано. Что же, станетъ ли кто губить и уязвлять себя самого? Никто. Итакъ будемъ стремиться къ любви. Не просто сказано: возлюбимъ, но—будемъ гнаться (за любовью), т. е. должно употребить большія усилія. (Любовь) скоро изчезаетъ, быстро уходитъ отъ насъ: такъ много препятствій встрѣчаетъ она для себя въ этой жизни. Если мы гонимся за ней, то она не будетъ такъ поспѣшно оставлять насъ, и мы скоро ее привлечемъ. Любовь Божія соединила небо съ землею; любовь Божія посадила человѣка на царскій престолъ; любовь Божія явила Бога на землѣ; любовь Божія сдѣлала Владыку рабомъ: любовь Божія предала Возлюбленнаго за враговъ, Сына за ненавистниковъ, Владыку за рабовъ, Бога за людей, Свободнаго за невольниковъ. Но и этимъ она не ограничилась, а призвала насъ еще къ большему. Не только освободила насъ отъ прежняго зла, но и обѣтовала намъ даровать гораздо большее благо. Возблагодаривъ за все это Бога, постараемся стяжать 75—76
всякую добродѣтель, а болѣе всего будемъ преуспѣвать въ любви, чтобъ удостоиться обѣтованныхъ благъ благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА X.

Едино тѣло и единъ духъ, якоже и звани бысте во едином упованіи званія вашего (Еф. IV, 4). 75

1. Когда блаженный Павелъ желаетъ расположить (христіанъ) къ чему-нибудь особенно высокому, то, будучи исполненъ мудрости и духовности, онъ побуждаетъ къ этому предметами небесными—примѣромъ самого Господа. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: *ходите въ любви, яко же и Христосъ возлюбилъ есть насъ, и*

предаде Себе за ны (Ефес. v, 2), и еще: *сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ, иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу* (Филип. II, 5, 6). Точно также поступаетъ и здѣсь. Когда бываютъ указаны великіе примѣры, у человѣка раждается сильная ревность и желаніе (подражать имъ). Итакъ, что же онъ говоритъ, побуждая насъ къ единенію? *Едино тѣло* и *единъ духъ, якоже и звани бысте во единомъ упованіи званія вашего: единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе* (ст. 4, 5). Что же такое *едино тѣло*? Вѣрные всѣхъ мѣстъ вселенной, живущіе, жившіе и имѣющіе жить. Угодившіе (Богу) до пришествія Христова тоже составляютъ одно тѣло. Почему? Потому, что и они познали Христа. Откуда это видно? *Авраамъ отецъ вашъ*, сказано, *радъ бы былъ, дабы видѣлъ день мой, и видѣ и возрадовася* (Іоан. VIII, 56); еще: *аще бо бысте вѣровали Моисеови, вѣровали бысте убо и Мнѣ: о Мнѣ бо той писа и пророки* (v, 46). Дѣйствительно, не стали бы писать о томъ, о комъ не знали, что сказать. Если же знали, то безъ сомнѣнія и почитали. Потому-то и они составляютъ одно тѣло. Тѣло не отдѣляется отъ духа, иначе оно не было бы тѣломъ,—потому что у насъ о предметахъ, соединяемыхъ между собою и имѣющихъ большую связь, обыкновенно говорится: одно тѣло. Такъ точно и сами мы въ соединеніи составляемъ одно тѣло, при одной главѣ. При единствѣ же того и другого, тѣло хотя состоитъ и изъ разныхъ членовъ, важныхъ и неважныхъ, однако ни лучшій изъ нихъ не вооружается противъ члена ничтожнаго, ни первый не подвергается зависти со стороны послѣдняго. И хотя не всѣ (члены) имѣютъ одинаковое отправленіе, а каждый подчиняется опредѣленному требованію необходимости, однако, поэтому самому,—что все совершается ими по необходимости, или по требованію различныхъ нуждъ,—всѣ они равно достойны уваженія. Впрочемъ есть между ними одни высшіе, а другіе низшіе, какъ напр. голова господствуетъ надъ всѣмъ тѣломъ, въ ней заключаются всѣ чувства и самое господство души,—вслѣдствіе чего безъ головы никому нельзя жить, тогда какъ, по отсѣченіи ногъ, многіе надолго еще остаются въ живыхъ. Такимъ образомъ голова лучше прочихъ (членовъ) не только по своему положенію, но и по своей дѣятельности и значенію. Но для чего я говорю объ этомъ? И въ Церкви много есть такихъ, которые достигли такой же высоты, какъ и голова, созерцаютъ небесное, какъ глаза въ головѣ, весьма удалены отъ земли и не имѣютъ ничего общаго съ ней. Иные же занимаютъ мѣсто ногъ, попирая землю,—ногъ впрочемъ здоровыхъ. Вѣдь ногамъ вмѣняется въ преступленіе не то, что они
76 попираютъ землю, а то, что они уклоняются на путь нечестія,

что *ноэѣ*,—какъ сказано,—*на зло текутъ* (Иса. LIX, 7). Итакъ ни глаза не должны презирать ногъ, ни ноги завидовать глазамъ. Въ противномъ случаѣ каждый членъ теряетъ собственное достоинство, и надлежащее употребленіе его бываетъ затруднительно. И справедливо: злоумышляющій на ближняго своего тѣмъ самымъ прежде всего злоумышляетъ на себя самого. Такъ, если ноги не захотятъ носить головы, когда нужно бываетъ передвиженіе съ одного мѣста на другое, то своею недѣятельностію и неподвижностію онѣ вредятъ и себѣ самимъ. Равнымъ образомъ, если бы и голова не захотѣла имѣть никакого попеченія о ногахъ, то этимъ она прежде всего повредила бы себѣ самой. Но онѣ (т. е. голова и ноги), какъ и слѣдуетъ, не враждебны другъ другу, потому что такъ устроены природой. Какимъ же образомъ человѣку можно не возставать противъ человѣка? Никто (скажешь) не возстаетъ противъ ангеловъ, такъ какъ и они не возстаютъ противъ архангеловъ; животныя также не могутъ одержать верхъ надо мной; а гдѣ природа одинаковаго достоинства, гдѣ одинаковыя дарованія и никто не имѣетъ болѣе другого,—почему же нельзя возставать одному противъ другого? Но это-то самое и не даетъ тебѣ права возставать противъ ближняго. Если все обще, и ни одинъ противъ другого не имѣетъ ничего большаго, то на какомъ основаніи можно превозноситься одному предъ другимъ? Мы надѣлены одинаковой природой, сходны по душѣ и по тѣлу, дышемъ однимъ и тѣмъ же воздухомъ и употребляемъ одинаковую пищу: почему же будемъ возставать (другъ противъ друга)? Правда, возможность чрезъ добродѣтельную жизнь стать выше безплотныхъ силъ можетъ вести къ высокому мнѣнію о себѣ; но это еще не было бы высокомѣріемъ. Вѣдь я по праву ставлю себя высоко и очень высоко въ сравненіи съ демономъ. Смотри, какимъ образомъ и Павелъ ставилъ себя выше демона. Когда много удивительнаго говорилъ о немъ демонъ, то онъ заставлялъ его молчать, не поддаваясь обольстителю. Такъ, когда отроковица, имѣвшая духъ пытливъ, говорила: *сіи человѣцы раби Бога вышняго суть, иже возвѣщаютъ намъ путь спасенія* (Дѣян. XVI, 17),—онъ, послѣ строгаго воспрещенія, связалъ ему его безстыдный языкъ. И еще въ другомъ мѣстѣ онъ же пишетъ слѣдующія слова: *да сокрушитъ Богъ сатану подъ ноги ваша вскорѣ* (Рим. XVI, 19). Не слѣдствіе ли это различія природы?

2. Развѣ ты не видишь, что значеніе имѣетъ не различіе природы, а свободная воля? Слѣдовательно по свободной волѣ они (демоны) хуже всѣхъ. Но противъ ангела, ты говоришь, я не возстаю, потому что между мною и имъ большое разстояніе.

Но также ты не долженъ возставать и противъ человѣка, какъ
и противъ ангела. Какъ ангелъ отличенъ отъ тебя по природѣ,
что, впрочемъ, не должно служить для него ни похвалою, ни
охужденіемъ, такъ и человѣкъ отличается отъ другого человѣка
не по природѣ, но по внутреннему настроенію и дѣлается между
людьми ангеломъ. Поэтому, если не вооружаешься противъ анге-
ловъ, то тѣмъ болѣе (ты не долженъ вооружаться) противъ лю-
дей, которые въ человѣческой природѣ дѣлаются ангелами. При-
томъ человѣкъ такъ же добродѣтельный, какъ ангелъ, для тебя
77 гораздо лучше ангела. Почему? Потому, что онъ собственною во-
лею исправилъ свою природу, и еще потому, что ангелъ удаленъ
отъ тебя мѣстомъ и обитаетъ на небѣ, а тотъ живетъ съ тобой
и возбуждаетъ въ тебѣ соревнованіе. Впрочемъ и онъ далекъ
отъ тебя—даже болѣе, чѣмъ тотъ: *наше житіе*, говоритъ, *на не-
бесѣхъ есть* (Филип. III, 20). А (чтобы убѣдиться тебѣ) что онъ, дѣй-
ствительно, далекъ отъ тебя,—выслушай, гдѣ обитаетъ его глава:
на тронѣ царственномъ, говоритъ онъ. Но чѣмъ дальше отъ насъ
этотъ тронъ, тѣмъ далѣе и онъ отъ насъ. Но ты говоришь: я
вижу, что онъ пользуется честію и это производитъ во мнѣ за-
вистъ. Зависть-то и была причиною безчисленныхъ безпорядковъ
во всемъ твореніи и горнемъ и дольнемъ, и не только на землѣ,
но и въ самой Церкви. Какъ бурный и противный вѣтеръ, устре-
мляясь къ спокойной пристани, дѣлаетъ ее опаснѣе всякой скалы
и всякаго плаванія на морѣ, такъ точно и любовь къ славѣ, овла-
дѣвая (человѣкомъ), все разрушаетъ и приводитъ въ безпоря-
докъ. Вы часто бывали при пожарѣ большихъ домовъ. Видали,
какъ дымъ поднимается къ небу, и какъ огонь, мало-по-малу,
истребляетъ все, потому что никто не заботится о томъ, какъ бы
прекратить несчастіе, а каждый думаетъ только о себѣ. Нерѣдко
сходится цѣлый городъ, собирается множество народа посмотрѣть
на бѣдствіе; но защиты и помощи нѣтъ ни отъ кого. Можно при
этомъ видѣть, какъ собравшіеся ничего не дѣлаютъ; каждый изъ
нихъ только протягиваетъ руку, чтобы указать вновь туда при-
шедшему или на то, какъ пламя постоянно исторгается изъ
оконъ, или какъ обваливаются потолки, и цѣлыя стѣны падаютъ
съ своихъ основаній на землю. Бываетъ впрочемъ много людей
смѣлыхъ и небоящихся опасности, которые не страшатся ближе
подходить къ горящимъ зданіямъ, но не для того, чтобы содѣй-
ствовать прекращенію бѣдствія, а чтобы болѣе насладиться зрѣ-
лищемъ, и вблизи разсмотрѣть все, чего издали часто не видно.
Если же это бѣдствіе постигло домъ знаменитый и великолѣп-
ный, то, кажется, зрѣлище достойно особеннаго сожалѣнія и боль-
шихъ слезъ. Въ самомъ дѣлѣ, печальное зрѣлище—видѣть, какъ

главы колоннъ превращаются въ пепелъ, какъ многія изъ нихъ разбиваются въ дребезги, иныя отъ дѣйствія огня, а другія собственными руками своихъ строителей (дѣлающихъ это для того), чтобы не дать большей пищи огню: (печальное зрѣлище)—видѣть статуи, служившія, подъ защитою кровли, украшеніемъ зданія, послѣ паденія кровли, безъ защиты, стоящими подъ открытымъ небомъ, въ крайне безобразномъ видѣ. Еще что? Кто исчислитъ богатство, заключавшееся въ этихъ зданіяхъ, — золотыя одежды и серебряные сосуды? И куда входилъ только одинъ господинъ съ своей супругой, гдѣ была кладовая для многочисленныхъ одеждъ и ароматовъ, гдѣ было хранилище драгоцѣнныхъ камней,—всюду, какъ скоро начался пожаръ, проникаютъ баньщики, мусорщики, бродяги и всѣ другіе имъ подобные. И вотъ все, что ни находилось внутри, превратилось въ воду, огонь, грязь, пыль и обожженныя бревна. Но зачѣмъ я такъ широко раскинулъ предъ вами эту картину? Не просто пожаръ дома хочу я описывать,—что мнѣ за нужда въ этомъ?—а хочу представить вашему взору, насколько возможно, бѣдствія Церкви. Въ самомъ дѣлѣ, точно пожаръ какой, или молнія, несясь съ высоты, ринулась на самый кровъ Церкви, и между тѣмъ это никого не трогаетъ! Когда горитъ отцовскій домъ, мы спимъ глубокимъ и 78
непробуднымъ сномъ. Кого не коснулся этотъ пламень? Какихъ изображеній, стоявшихъ въ Церкви, не тронулъ онъ? И подлинно, Церковь есть не что иное, какъ домъ, выстроенный для нашихъ душъ. Впрочемъ не все, что вошло въ составъ этого зданія, одинаково по своему достоинству: изъ составныхъ его камней иные блестящи и великолѣпны, иные же хуже и темнѣе, хотя все-таки гораздо лучше остальныхъ. Можно видѣть здѣсь много изъ нихъ и такихъ, которые занимаютъ мѣсто золота,—золота, украшающаго кровлю; иные, какъ видно, служатъ такимъ же украшеніемъ, какъ статуи въ домахъ; а многіе стоятъ на подобіе колоннъ. Принято вѣдь и людей называть колоннами не только за ихъ силу, но и потому, что, имѣя золотой головной уборъ, они своимъ красивымъ видомъ украшаютъ (свое мѣсто). А въ многочисленности народа можно видѣть какъ бы большое и пространное протяженіе стѣнъ: множество народа занимаетъ мѣсто камней, изъ которыхъ сооружаются стѣны.

3. Но нужно перейти къ болѣе блестящей картинѣ. Эта Церковь сооружается не изъ (простыхъ) камней, но изъ золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней, оправленныхъ въ золото. Но, увы, какая жалость! Все это сожжено господствомъ тщеславія,—этимъ всепожирающимъ пламенемъ,—и никто не пересилилъ его дѣйствія. Мы стоимъ и удивляемся пожару, но не имѣемъ силъ по-

тушить зло. Да хотя бы и потушили его на короткое время,—пройдетъ два, три дня, и тлящаяся въ золѣ искра низвращаетъ все, чего прежде и не касалась. Такъ и здѣсь дѣлается то же самое, что случается, обыкновенно, на пожарѣ. Причина этого заключается въ томъ, что когда у насъ не стало опоръ для самыхъ церковныхъ колоннъ, то огонь объялъ (эти колонны), поддерживавшія кровъ и сообщавшія крѣпость всему зданію; а чрезъ это ему открылся удобный доступъ и къ стѣнамъ. Если пламень истребитъ въ зданіи деревянныя части, то онъ устремляется на каменныя. Но когда имъ разрушены и низвергнуты колонны, тогда онъ не имѣетъ нужды истреблять остальное,—потому что, какъ скоро ниспадаютъ столпы и подпоры верхнихъ частей (зданія), остальное само собою, безъ всякаго препятствія, подвергается той же участи. Такъ точно нынѣ случилось и съ Церковію: огонь объялъ всѣхъ. Ищемъ почестей у людей, воспламеняемся славолюбіемъ и не слушаемъ словъ Іова: *аще и согрѣшая неволею, не посрамихся народнаго множества* (Іов. XXXI, 34). Видишь ли добродѣтельную душу? Я не устыдился, говоритъ, предъ множествомъ народа разсказать невольные грѣхи. Если же онъ не устыдился, то тѣмъ болѣе намъ слѣдовало поступать такъ. *Глаголи ты*, говоритъ (пророкъ), *беззаконія твоя прежде, да оправдишися* (Иса. XLIII, 26). Велика была сила этого зла: все она низвратила и истребила. Мы сдѣлались рабами почести, оставивъ Бога. Мы не можемъ воспрещать этого своимъ подчиненнымъ, будучи сами одержимы тою же горячкой. Мы сами нуждаемся во врачествѣ, хотя и поставлены Богомъ для врачеванія другихъ. Ка-
79 кая же остается надежда на спасеніе, когда и сами врачи имѣютъ нужду въ помощи другихъ? Это я сказалъ не безъ причины и не напрасно выражаю сѣтованіе, но для того, чтобы всѣ мы вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, посыпавшись пепломъ и облекшись во вретище, наложили на себя постъ и просили Бога явить намъ помощь и удалить отъ насъ опасность. Подлинно наша помощь въ Его великой и дивной десницѣ. Отъ насъ требуется больше, чѣмъ отъ ниневитянъ. *Еще три дня*, сказано, *и Ниневія превратится* (Іон. III, 4). Страшное и весьма грозное объявленіе! И какъ было не (устрашиться ниневитянамъ) въ ожиданіи того, что, по прошествіи трехъ дней, ихъ городъ для нихъ же сдѣлается гробомъ, и они всѣ погибнутъ отъ одинаковаго наказанія? Если когда случалось въ одно время и въ одномъ домѣ погибнуть двумъ дѣтямъ, то это было бѣдствіемъ невыносимымъ. И если Іову казалась самымъ невыносимымъ бѣдствіемъ—погибель всѣхъ (его дѣтей) вслѣдствіе того, что надъ ними обрушилась кровля, то каково же было-бы видѣть не одинъ домъ, не двухъ дѣтей,

но цѣлый народъ, въ количествѣ ста двадцати тысячъ, погребеннымъ подъ обрушившимися кровлями? Видите, какое бѣдствіе! Подобная же угроза недавно была направлена и противъ насъ не голосомъ пророка,—мы не достойны слышать такой голосъ,— но нѣкоторымъ горнимъ вѣщаніемъ, огласившимъ насъ громче всякой трубы. Опять повторяю сказанное: *еще три дня, и Ниневія превратится*. Поистинѣ страшная угроза! Но нынѣ—совсѣмъ не
то. Уже не три дня прошло и не погибель Ниневіи угрожаетъ 80
намъ, а много дней протекло съ того времени, какъ на землѣ Церковь разрушена и повержена долу, какъ всѣ одинаково рабствуютъ грѣху, а особенно тѣ, на которыхъ лежитъ отвѣтственность управленія. Чѣмъ сильнѣе зло, тѣмъ больше настоитъ нужда. Поэтому не удивляйтесь, если я убѣждаю васъ сдѣлать въ нѣкоторомъ отношеніи больше, чѣмъ сдѣлали ниневитяне. Я проповѣдую вамъ не только постъ, но и показываю то врачество, которое предохранило отъ паденія этотъ городъ. Почему такъ? Потому, что когда Господь увидѣлъ (дѣла ниневитянъ), *яко обратися* кійждо *отъ путей своихъ лукавыхъ, и раскаяся о злѣ, еже глаголаше сотворити имъ* (Іон. III, 10). Сдѣлаемъ это и мы съ вами. Будемъ удаляться отъ корыстолюбія и славолюбія, прося Бога явить намъ Свою помощь и возстановить падшихъ нашихъ братій. Мы не того должны страшиться (что угрожало Ниневіи). Тогда имѣли ниспадать камни и бревна, и погибать тѣла; нынѣ нѣтъ ничего такого, но зато души имѣютъ быть преданы огню геенскому. Призовемъ же (Бога), прославимъ Его; за прошедшее испросимъ у Него прощеніе, а на будущее будемъ молить Его, чтобы, освободившись отъ этого лютаго и сильнаго врага (грѣха), намъ быть достойными возсылать хвалу человѣколюбивому Богу и Отцу, съ Которымъ Сыну со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XI.

Едино тѣло и единъ духъ, якоже и звани бысте во 79
единомъ упованіи званія вашего: единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе: единъ Богъ Отецъ всѣхъ, иже надъ всѣми, и чрезъ всѣхъ, и во всѣхъ. Единому же комуждо насъ дадеся благодать по мѣрѣ дарованія Христова (Еф. IV, 4—7).

1. Павелъ требуетъ отъ насъ такой любви, которая бы связывала насъ между собою, дѣлая неразлучными другъ отъ друга, и—такого совершеннаго единенія, какъ бы мы были членами

одного тѣла, потому что только такая любовь производитъ великое добро. Словами: *едино тѣло* онъ требуетъ, чтобы мы сострадали другъ другу, не желали благъ ближняго своего и участвовали въ радостяхъ одинъ другого; все это онъ выразилъ вмѣстѣ. Потомъ весьма кстати прибавилъ: *и единъ духъ*,—научая, чтобы при одномъ тѣлѣ былъ у насъ одинъ духъ, такъ какъ можетъ быть одно тѣло, но не одинъ духъ,—когда, напримѣръ, кто-нибудь будетъ другомъ еретиковъ. Или этими словами *(единъ духъ)* онъ хотѣлъ побудить къ взаимному согласію, какъ бы такъ говоря: такъ какъ вы получили одного Духа и пили отъ одного источника, то между вами не должно быть раздоровъ. Или, можетъ быть, подъ словомъ—духъ—онъ разумѣетъ здѣсь расположеніе (προθυμίαν). Далѣе говоритъ (апостолъ): *якоже звани бысте во единомъ упованіи званія вашего.* То есть: Богъ призвалъ всѣхъ насъ къ одному и тому же; никому ничего не предоставилъ больше противъ другого; всѣмъ даровалъ безсмертіе, всѣмъ жизнь вѣчную, всѣмъ неувядаемую славу, всѣмъ братство, всѣмъ
80 наслѣдіе, для всѣхъ содѣлался общею главою, всѣхъ совоскресилъ и спосадилъ. Итакъ, имѣя такое равночестіе въ духовномъ, для чего высокомудрствуете? Потому ли, что такой-то изъ васъ богатъ, а такой-то силенъ? Но не смѣшно ли это? Скажи мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, если бы царь, избравъ десять человѣкъ, облекъ ихъ всѣхъ въ порфиру, посадилъ на царскомъ престолѣ и всѣмъ имъ даровалъ одну и ту же честь,—посмѣлъ ли бы кто-нибудь изъ нихъ поносить другого—потому, что былъ бы богаче его и знаменитѣе? Отнюдь нѣтъ! Но этимъ сравненіемъ я еще не все высказалъ, такъ какъ разстояніе здѣсь не такъ еще велико. Итакъ, ужели мы, будучи равны на небѣ, будемъ превозноситься другъ предъ другомъ земными (отличіями)? *Единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе.* Вотъ упованіе (нашего) званія. *Единъ Богъ и Отецъ всѣхъ, иже надъ всѣми, и чрезъ всѣхъ, и во всѣхъ*—одинъ и тотъ же. Или Онъ для тебя наименовался большимъ, а для того—меньшимъ? Ты спасся отъ вѣры, а тотъ—отъ дѣлъ? Тебѣ отпущены (грѣхи) въ крещеніи, а тому—нѣтъ? Прочь (съ такими мыслями)! *Единъ Богъ и Отецъ всѣхъ, иже надъ всѣми, и чрезъ всѣхъ, и во всѣхъ насъ. Иже надъ всѣми*, то есть, выше всего; *и чрезъ всѣхъ*, то есть, о всемъ промышляетъ, всѣмъ управляетъ; *и во всѣхъ*, то есть, во всѣхъ обитаетъ. Это же приписывается (въ Писаніи) и Сыну: слѣдовательно это не означаетъ меньшинства Сына; иначе того же не было бы сказано и объ Отцѣ. *Единому же комуждо насъ дадеся благодать.* Для чего же, говорятъ, и почему дарованія различны? Это именно всегда приводило, какъ ихъ самихъ (ефесянъ), такъ и коринѳянъ и многихъ дру-

гихъ, то къ гордости, то къ малодушію и зависти. Потому-то (апостолъ) и указываетъ намъ вездѣ на примѣръ тѣла. Потому 81
и теперь онъ предложилъ этотъ (примѣръ), что хотѣлъ говорить о различныхъ дарованіяхъ. Впрочемъ подробнѣе онъ изслѣдуетъ это въ посланіи къ Коринѳянамъ, такъ какъ тамъ особенно господствовалъ этотъ недугъ. А здѣсь онъ теперь сдѣлалъ на это только намекъ,—и смотри, что онъ говоритъ. Не сказалъ—по вѣрѣ каждаго,—чтобы не повергнуть въ печаль тѣхъ, которые не получили великихъ (даровъ); но—что? *По мѣрѣ дарованія Христова.* Что, говоритъ, всего главнѣе, то общо всѣмъ, какъ-то: крещеніе, спасеніе чрезъ вѣру, (право) имѣть Бога Отцемъ и всѣмъ имѣть причастіе въ томъ же Духѣ. Если же иной имѣетъ нѣчто большее въ (своемъ) дарованіи, то ты этимъ не огорчайся, потому что и трудовъ у него больше; помни и то, что съ получившаго пять талантовъ пять и взыскано было, а тотъ, кто получилъ два, два и принесъ, и отнюдь не получилъ за то воздаянія меньше перваго. Потому и здѣсь отъ того же доказательства онъ заимствуетъ утѣшеніе для слушателя: *къ совершенію*, говоритъ, *святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова* (Еф. IV, 12). Потому и самъ онъ говорилъ: *горе мнѣ*,—какъ и всякому, кто получилъ даръ апостольства,—*аще не благовѣствую* (1 Кор. IX, 16). Но потому и горе ему, что онъ получилъ; а ты свободенъ отъ подобной опасности. *По мѣрѣ.* Что такое—*по мѣрѣ?* То есть, не за наши заслуги, такъ какъ (за заслуги) никто не получилъ бы того, что получилъ; но всѣ мы (что получили, то) получили какъ даръ.

2. Для чего же одинъ (получилъ) больше, а другой—меньше? Это, говоритъ онъ, не имѣетъ никакого значенія, но дѣло безразличное: каждый (изъ получившихъ) способствуетъ къ созиданію. И потому показываетъ, что не ради собственнаго достоинства одинъ получилъ больше, а другой меньше, но—для другихъ, сколько кому самъ (Христосъ) распредѣлилъ. Такъ и въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *положи уды единаго коегождо ихъ, якоже самъ изволи* (1 Кор. XII, 18). И не говоритъ о причинѣ (такого распредѣленія), чтобы не смутить мысли слушателей. *Тѣмже глаголетъ: возшедъ на высоту плѣнилъ еси плѣнъ, и даде даянія человѣкомъ* (ст. 8). Какъ бы такъ говорилъ онъ: что ты высокомудрствуешь? Все было дѣломъ Божіимъ. Пророкъ говоритъ въ псалмѣ: *пріялъ еси даянія въ человѣцѣхъ* (Пс. LXVII, 19); а онъ говоритъ: *даде даянія въ человѣцѣхъ.* Послѣднее тождественно съ первымъ. Таково же и слѣдующее затѣмъ: *а еже взыде, что есть, точію яко и сниде прежде въ дольнѣйшія страны земли? Сшедый, той есть и возшедый превыше всѣхъ небесъ, да исполнитъ всяческая* (ст. 9, 10).

Когда слышишь это, то не разумѣй (подъ этимъ) перехожденія. Здѣсь онъ дѣлаетъ то же самое, что и въ посланіи къ Филиппійцамъ. Какъ тамъ, убѣждая къ смиренномудрію, онъ указываетъ на примѣръ Христа (Филип. II, 5—9), такъ точно и здѣсь, говоря: *сниде въ дольнѣйшія страны земли.* Иначе, излишни были бы слова его: *послушливъ бывъ даже до смерти* (ст. 8). Отъ понятія о восхожденіи приводитъ къ мысли о нисхожденіи. А дольнѣйшими странами земли онъ называетъ смерть согласно съ понятіями человѣческими, какъ и Іаковъ говорилъ: *сведете старость мою съ печалію во адъ* (Быт. XLIV, 29); какъ еще въ псалмѣ сказано: *уподоблюся низходящимъ въ ровъ* (Пс. CXLII, 7), то есть,
82 умершимъ. Для чего упоминается здѣсь объ этой (дольней) странѣ? И о какомъ онъ говоритъ плѣнѣ? О плѣнѣ діавола. Господь плѣнилъ этого тирана, разумѣю діавола, и смерть, и клятву, и грѣхъ. Видишь ли добычу и корысти? *А еже взыде, что есть, точію яко и сниде?* Это направлено противъ последователей Павла самосатскаго. *Сшедый, той есть и восшедый превыше небесъ, да исполнитъ всяческая.* Нисшелъ, говоритъ, въ самыя дольнія отдѣленія земли, за которыми уже нѣтъ другихъ. И восшелъ превыше всего, далѣе чего уже нѣтъ ничего другого. Это означаетъ Его силу и власть, потому что и прежде все Имъ наполнялось. *И той далъ есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учители, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова* (ст. 11, 12). Что говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ: *тѣмже и Богъ Его превознесе* (Филип. II, 9), то же высказываетъ и здѣсь словами: *сшедый, той есть и восшедый.* Ни мало не повредило Ему нисшествіе въ дольнѣйшія страны земли и отнюдь не воспрепятствовало Ему быть превыше небесъ. Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе кто смиряется, тѣмъ болѣе тотъ возвышается. Какъ на водѣ—чѣмъ кто глубже погрузится въ нее, тѣмъ сильнѣе она поднимаетъ его на верхъ, и чѣмъ съ (близшаго) разстоянія будетъ пущена стрѣла, тѣмъ вѣрнѣе попадаетъ въ цѣль, такъ бываетъ и въ смиреніи. Впрочемъ, когда мы говоримъ о восхожденіи Бога, необходимо прежде представлять Его нисшествіе; а по отношенію къ человѣку этого не нужно. Далѣе (апостолъ) указываетъ намъ на (божественное) промышленіе и премудрость и говоритъ: Тотъ, Кто сдѣлалъ столь многое, и показалъ такую силу, и не отказался низойти ради насъ даже въ дольнѣйшія страны, не сдѣлалъ бы безъ причины такого раздѣленія дарованій. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что это сдѣлалъ Духъ, именно: *въ немже васъ Духъ Святый*, говоритъ онъ, *постави епископы пасти Церковь Господа* (Дѣян. XX, 28). И тогда какъ здѣсь онъ говоритъ, что (сдѣлалъ это) Сынъ, въ

другомъ мѣстѣ говоритъ, что—Богъ. И опять: *той далъ есть Церкви овы убо апостолы, овы же пророки*, а въ посланіи къ Коринѳянамъ говоритъ: *азъ насадихъ, Аполлосъ напои, Богъ же возрасти* (1 Кор. III, 6). И опять: *насаждаяй же и напаяяй едино суть: кійждо же свою мзду пріиметъ по своему труду* (ст. 8). Такъ и здѣсь: что въ томъ, что ты меньше приносишь (плодовъ)? Столько получилъ ты (и даровъ). Первое (поставилъ Богъ) апостоловъ, такъ какъ они имѣли все. Второе—пророковъ, такъ какъ нѣкоторые не были апостолами, но были пророками, напримѣръ Агавъ. Третье—благовѣстниковъ: это—тѣ, которые не обходили всѣхъ странъ, а только проповѣдывали, какъ Прискилла и Акила. Потомъ пастырей и учителей, которымъ былъ ввѣренъ весь народъ. Что же? Ужели пастыри и учители меньше прочихъ? Конечно такъ: по сравненію съ тѣми, которые обходили землю и проповѣдывали, тѣ были меньше, которые сидѣли (дома) и имѣли занятіе въ одномъ мѣстѣ, какъ Тимоѳей, Титъ. Впрочемъ изъ этого мѣста нельзя вывесть такого подчиненія и предпочтенія (однихъ по отношенію къ другимъ), но (это видно) изъ другого посланія (1 Кор. XII, 28). *Той*, говоритъ, *далъ есть:* не противорѣчь же. А можетъ быть, благовѣстниками онъ называетъ и написавшихъ евангеліе. *Къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова.*

3. Видишь ли достоинство (каждаго)? Каждый созидаетъ, каждый устрояетъ, каждый служитъ. *Дондеже*, говоритъ, *достигнемъ вси въ соединеніе вѣры, и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова* (ст. 13). Возрастомъ онъ называетъ здѣсь совершенное познаніе. Какъ человѣкъ въ зрѣломъ возрастѣ бываетъ твердъ и постояненъ въ мысляхъ, а дѣти непостоянны, такъ точно и между вѣрующими. *Въ соединеніе*, говоритъ, *вѣры*, то есть, пока окажемся всѣ имѣющими одну вѣру. Единеніе вѣры то и означаетъ, когда мы всѣ будемъ одно, когда всѣ одинаково будемъ понимать этотъ союзъ. До тѣхъ поръ должно тебѣ трудиться, если ты получилъ даръ назидать другихъ. Смотри, не совратись самъ, завидуя другому. Богъ почтилъ тебя и поставилъ на то, чтобы ты руководилъ къ совершенству другого. Для этого былъ поставленъ и апостолъ, для этого и пророкъ, который пророчествуетъ и увѣщеваетъ, для этого и благовѣстникъ, который проповѣдуетъ, для этого и пастырь и учитель: всѣмъ поручено было одно дѣло. Не говори же мнѣ о различіи дарованій: всѣ они имѣли одно дѣло. Когда мы всѣ вѣруемъ одинаково, это и есть единеніе (вѣры). Ясно, что онъ это называетъ (возрастомъ) совершеннаго мужа. Впрочемъ въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ насъ дѣтьми и въ томъ 83

случаѣ, если бы мы были совершенны; но тамъ онъ имѣетъ въ виду иное. Тамъ онъ назвалъ насъ дѣтьми по отношенію къ будущему нашему знанію. Сказавъ именно, что мы *отчасти разумѣваемъ*, присовокупилъ: *якоже въ гаданіи* (1 Кор. XIII, 12), и тому подобное. А здѣсь онъ говоритъ не объ этомъ, а о постоянствѣ. Вотъ и въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *совершенныхъ же есть твердая пища* (Евр. V, 14). Видишь ли, какъ и тамъ назвалъ онъ совершенныхъ? Посмотри и здѣсь, какъ онъ назвалъ ихъ прикровенно, говоря: *да не бываемъ ктому младенцы* (ст. 14). Онъ говоритъ о той небольшой мѣрѣ (дарованія), которую мы получили, чтобы мы сохраняли ее со всѣмъ усердіемъ, твердостію и постоянствомъ. *Да не бываемъ ктому*. Этимъ выраженіемъ указываетъ на то, что нѣкогда они были такими, и даже самого себя подчиняетъ условію исправленія, исправляя другихъ. Для того, говоритъ, и было столько строителей, чтобы зданіе было непоколебимо и защищено отовсюду, чтобы камни были сложены плотно. Волноваться, увлекаться и колебаться свойственно дѣтямъ. *Да не бываемъ*, говоритъ, *ктому младенцы, влающеся и скитающеся всякимъ вѣтромъ ученія, во лжи человѣчестѣй, въ коварствѣ козней лщенія* (ст. 14). *Скитающеся*, говоритъ, *всякимъ вѣтромъ*. Онъ употребилъ это подобіе, желая показать, въ какой опасности находится всякая душа, преданная сомнѣнію. *Всякимъ*, говоритъ, *вѣтромъ, во лжи* (κυβείᾳ) *человѣчестѣй, въ коварствѣ козней лщенія*. Κυβευταί—такъ называются занимающіеся шахматною игрою. Это бываютъ люди хитрые, такъ какъ они обыкновенно выбираютъ для себя людей простыхъ. И они-то все передвигаютъ и переставляютъ. (Апостолъ) коснулся здѣсь мірскихъ обычаевъ. *Истинствующе же въ любви да возрастимъ въ него всяческая, иже есть глава Христосъ, изъ Негоже*, то есть Христа, *все тѣло составляемо и счинѣваемо приличнѣ всяцѣмъ осязаніемъ подаянія, по*
84 *дѣйству въ мѣрѣ единыя коеяждо части, возращеніе тѣла творитъ въ созданіе самаго себе любовію* (ст. 15, 16). Довольно неясно онъ изложилъ свои мысли—оттого, что хотѣлъ высказать все вдругъ. Вотъ что означаютъ слова его: какъ духъ, выходя изъ головного мозга, не просто сообщаетъ, посредствомъ нервовъ, чувствительность всѣмъ членамъ, но—сообразно съ каждымъ изъ нихъ—тому, который способенъ принять больше, и сообщаетъ больше, а который меньше, тому меньше (потому что духъ есть корень жизни), такъ и Христосъ. Такъ какъ наши души такъ же зависимы отъ Него, какъ члены (отъ духа), то Его промышленіе и раздаяніе даровъ, сообразно съ мѣрою того или другого члена, производятъ возращеніе каждаго. Но что такое—*осязаніемъ подаянія?* То есть, посредствомъ ощущенія (αἰσθήσεως). Этотъ духъ, распредѣ-

ляющійся по членамъ отъ головы, прикасаясь къ каждому изъ нихъ, такимъ образомъ производитъ на нихъ свое дѣйствіе. Можно и такъ сказать: тѣло, воспринимая это воздѣйствіе (духа) соразмѣрно своимъ членамъ, возрастаетъ такимъ образомъ. Или иначе: члены, получая соразмѣрное себѣ воздѣйствіе (духа), такъ возрастаютъ. Или и еще: духъ, изливаясь обильно сверху, прикасаясь ко всѣмъ членамъ и распредѣляясь по нимъ, сколько каждый изъ нихъ можетъ принять въ себя, такъ возращаетъ. Но почему онъ прибавилъ слово—*въ любви*? Потому, что этотъ духъ иначе не можетъ сообщиться. Въ самомъ дѣлѣ, если бы случилось рукѣ отдѣлиться отъ тѣла, духъ, (истекающій) изъ головного мозга, ища продолженія и не находя его тамъ, не срывается съ тѣла и не переходитъ на отнятую руку, но если не найдетъ ее тамъ, то и не сообщается ей. То же бываетъ и здѣсь, если мы не связаны между собою любовію.

4. Все это сказано имъ для того, чтобы внушить смиреніе. Что, говоритъ, въ томъ, что такой-то получилъ больше? Онъ получилъ того же самаго духа, ниспосылаемаго отъ той же самой главы, одинаково дѣйствующаго, одинаково прикасающагося, *составляющагося и счинѣвающагося* (со всѣмъ тѣломъ), т. е. имѣющаго о немъ великое попеченіе. Не какъ-нибудь, но очень искусно должно быть расположено тѣло, такъ что, если въ немъ что-нибудь не на своемъ мѣстѣ, то оно уже расположено не такъ. Такимъ образомъ должно не только быть соединеннымъ съ тѣломъ, но и занимать тамъ свое мѣсто,—иначе, если ты нарушишь это, то не будешь соединенъ съ нимъ и не получишь духа. Не видишь ли ты, что бываетъ при перемѣщеніи костей, происходящемъ отъ какого-нибудь несчастнаго случая, когда (одна кость) оставитъ свое мѣсто и займетъ другое,—какъ это вредитъ всему тѣлу и часто бываетъ причиною смерти? А бываетъ и такъ, что (кость) оказывается негодною, чтобы еще удерживать ее (въ тѣлѣ): въ такихъ случаяхъ многіе вырѣзываютъ ее и оставляютъ ея мѣсто пустымъ, потому что излишество во всемъ есть зло. И элементы (тѣла), когда они, потерявши свою пропорціональность, дѣлаются изобильными до излишества, вредятъ цѣлому. Вотъ что значитъ: *составляемо и счинѣваемо приличнѣ*, то есть, чтобы все (въ тѣлѣ) занимало свое мѣсто и не вторгалось въ другое, ему несвойственное. Размысли объ этомъ, сколько возможно. Ты соединяешь члены, а Онъ свыше всѣмъ распоряжается. И какъ въ 85
тѣлѣ есть извѣстные воспринимающіе органы, такъ и у духа, который всецѣло есть небесный корень (жизни). Именно сердце (есть корень) духа, печень—крови, селезенка — желчи, и другіе органы—другихъ элементовъ; но всѣ они зависимы отъ голов-

ного мозга. Согласно съ этимъ и Богъ поступилъ, удостоивая человѣка особенной почести: не желая покинуть его, самъ Онъ сдѣлался для него (конечною) виною всего, учредивъ въ то же время сотрудниковъ для Себя и однимъ изъ нихъ поручивъ то, другимъ—иное. Такъ, апостолъ есть самый удобный сосудъ тѣла (т. е. Церкви Христовой), принимающій отъ него все. Какъ бы посредствомъ жилъ и артерій, онъ посредствомъ слова способствуетъ къ сообщенію всѣмъ жизни вѣчной. Пророкъ предсказываетъ будущее: и онъ (апостолъ) дѣлаетъ то же самое. Тотъ соединяетъ кости, а этотъ сообщаетъ имъ жизнь—*къ совершенію святыхъ въ дѣло служенія.* Любовь возсозидаетъ, соединяетъ, сближаетъ и сопрягаетъ насъ между собою. Итакъ, если хотимъ получить Духа отъ Главы, будемъ въ союзѣ другъ съ другомъ. Есть два рода отдѣленія отъ Церкви: одинъ, когда мы охладѣваемъ въ любви, а другой, когда осмѣливаемся совершить что-нибудь недостойное по отношенію къ этому тѣлу (Церкви). Въ томъ и другомъ случаѣ мы отдѣляемся отъ цѣлаго. Если же еще намъ поручено созидать и другихъ, и мы не созидаемъ, но сами первые производимъ раздѣленія, то чего не придется потерпѣть за это? Ничто не можетъ столько производить раздѣленій въ Церкви, какъ любоначаліе; ничто такъ не оскорбляетъ Бога, какъ раздѣленія въ Церкви. Хотя бы мы совершили тысячу добрыхъ дѣлъ, подвергнемся осужденію не меньше тѣхъ, которые терзали тѣло Его, если будемъ расторгать цѣлость Церкви. Первое совершено было для пользы всего міра, хотя и не съ тѣмъ намѣреніемъ; а послѣднее не доставляетъ никому никакой пользы, напротивъ составляетъ великій вредъ. Сказанное мною относится не къ начальствующимъ только, но и къ подчиненнымъ. Одинъ святой мужъ сказалъ нѣчто такое, что могло бы показаться дерзкимъ, если бы не имъ было сказано. Что же именно? Онъ сказалъ, что такого грѣха не можетъ загладить даже кровь мученическая. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, для чего ты принимаешь мученія? Не для славы ли Христовой? Итакъ, будучи готовъ положить свою душу за Христа, какъ рѣшаешься ты раззорять Церковь, за которую положилъ душу Христосъ? Послушай, что говоритъ о себѣ Павелъ: *нѣсмь достоинъ нарещися апостолъ, зане гонихъ церковь Божію* (1 Кор. xv, 9). Вредъ (отъ раздѣленій) не меньше того, какой причиняютъ враги, а гораздо больше. Тамъ доставляется (Церкви) еще большій блескъ, между тѣмъ какъ тутъ она сама себя роняетъ въ глазахъ враговъ, когда противъ нее воюютъ ея собственныя дѣти. А это потому, что у нихъ (враговъ) считается за сильное доказательство обмана, когда тѣ, которые родились въ Церкви, въ ней воспи-

таны, хорошо узнали ея тайны,—вдругъ, измѣнившись, возстаютъ противъ нея, какъ враги.

5. Сказанное мною направлено противъ тѣхъ, которые безъ 86
разбора пристаютъ къ людямъ, отдѣляющимся отъ Церкви. Если эти послѣдніе содержатъ противные (намъ) догматы, то потому самому не должно съ ними имѣть общенія; если же они мыслятъ одинаково съ нами, то еще больше (должно избѣгать ихъ). Почему такъ? Потому что это недугъ любоначалія. Не знаете развѣ, что случилось съ Кореемъ, Даѳаномъ и Авирономъ? Но одни ли они потерпѣли? Не вмѣстѣ ли съ ними (погибли) и ихъ сообщники? „Что говоришь ты? У нихъ та же самая вѣра, и они также православны". Если такъ, отчего же они не съ нами? *Единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе.* Если у нихъ хорошо, то у насъ худо; а если у насъ хорошо, то у нихъ худо. *Младенцы*, говоритъ, *влающеся и скитающеся всякимъ вѣтромъ.* Скажи мнѣ: ужели вы считаете достаточнымъ то, что ихъ называютъ православными, тогда какъ у нихъ оскудѣла и погибла благодать рукоположенія? Что же пользы во всемъ прочемъ, если у нихъ не соблюдена эта послѣдняя? Надобно одинаково стоять какъ за вѣру, такъ и за нее (благодать священства). А если всякому позволительно, по древней пословицѣ, наполнять свои руки, быть священникомъ, то пусть приступятъ всѣ, и напрасно устроенъ этотъ жертвенникъ, напрасно (установленъ) церковный чинъ, напрасно ликъ іереевъ: ниспровергнемъ и уничтожимъ это. Этого, говорятъ, не должно быть. Но не вы ли дѣлаете это, а потомъ говорите: такъ не должно быть? Что еще говоришь ты: не должно быть, когда такъ на самомъ дѣлѣ? Я говорю это и свидѣтельствую, имѣя въ виду не свою выгоду, но ваше спасеніе. Если кто смотритъ на это дѣло безразлично, такой пусть бы (внимательнѣе) взглянулъ. Если же ему нѣтъ объ этомъ заботы, то намъ она есть. *Азъ насадихъ*, говоритъ (апостолъ), *Аполлосъ напои, Богъ же возрасти.* Какъ перенесемъ мы насмѣшки язычниковъ? Если они укоряютъ насъ за ереси, то чего не скажутъ по поводу ихъ (расколовъ)? Если, говорятъ, одни у нихъ догматы, одни таинства, то ради чего у нихъ одинъ предстоятель (церкви) нападаетъ на другую церковь? Смотрите, говорятъ, у христіанъ все исполнено тщеславія. У нихъ и любоначаліе, у нихъ и обманъ. Отнимите у нихъ народъ, пресѣките болѣзнь, то есть, развращеніе народа,—и они останутся ничѣмъ. Хотите ли, я скажу вамъ, что говорятъ они о нашемъ городѣ, какъ они укоряютъ насъ въ легкомысліи? У нихъ, говорятъ, всякому, кто только пожелаетъ, можно найти людей безъ твердыхъ правилъ, и никогда у нихъ въ такихъ людяхъ не было недостатка. Какое посмѣяніе!

Какой стыдъ! Но вотъ и еще достойное посмѣянія и служащее къ нашему стыду. Если у насъ кто-нибудь будетъ обличенъ въ самыхъ постыдныхъ дѣлахъ и на него захотятъ наложить какую-нибудь эпитимію, то всѣ весьма безпокоятся и боятся, какъ бы,—говорятъ,—онъ не отдѣлился отъ насъ и не присталъ къ другимъ. Пусть отдѣляется хоть тысячу разъ, и пусть пристаетъ къ нимъ; я говорю не о согрѣшившихъ только, но хотя бы кто и вовсе былъ безгрѣшенъ,—если хочетъ отложиться, пусть отложится. Хотя я печалюсь и страдаю, огорчаюсь и мучусь внутренно, лишаясь въ такомъ какъ бы собственнаго члена, но огорчаюсь не такъ, чтобы опасеніе всего этого могло принудить меня сдѣлать что-нибудь недолжное.

87 Мы не повелѣваемъ, возлюбленные, вашей вѣрѣ, не деспотически приказываемъ вамъ это. Мы поставлены для поученія васъ словомъ, а не для начальствованія и самовластія надъ вами; наше дѣло совѣтовать вамъ и увѣщевать. Совѣтникъ говоритъ, что ему должно, но не принуждаетъ слушателя, предоставляя ему полную свободу—принять или не принять совѣтъ. Онъ будетъ виновенъ только въ томъ, если не скажетъ того, что ему поручено. Потому-то и мы говоримъ все это, обо всемъ этомъ напоминаемъ, чтобы вамъ уже нельзя было сказать въ тотъ (послѣдній) день: никто намъ этого не говорилъ, никто не объяснилъ, мы этого не знали и вовсе не считали грѣхомъ. Итакъ, я говорю и свидѣтельствую, что производить раздѣленія въ Церкви не меньшее зло, какъ и впадать въ ереси. Скажи мнѣ: если бы подданный какого-нибудь царя, не переходя къ другому царю и не передаваясь во власть другого, взялъ въ свои руки порфиру своего царя и, спустивши ее всю отъ застежки, разорвалъ на нѣсколько частей,—меньше ли бы онъ былъ наказанъ, чѣмъ и тотъ, кто передался бы другому (царю)? Но что, если бы послѣ этого онъ схватилъ за горло своего царя, закололъ его и разрубилъ на части его тѣло,—какому бы наказанію слѣдовало подвергнуть его, чтобы отплатить по достоинству? Если же тотъ, кто такъ поступитъ съ царемъ, такимъ же рабомъ (по отношенію къ Богу), какъ и онъ самъ, совершитъ преступленіе, превосходящее всякое наказаніе,—то какой геенны заслуживаетъ тотъ, кто закалаетъ самого Христа и разсѣкаетъ на части? Ужели—этой, какою грозятъ намъ? Мнѣ кажется, что какой-нибудь другой, еще болѣе ужасной. Разскажите же вы (женщины), какія находитесь здѣсь,—вѣдь этотъ порокъ большею частію замѣчается въ женщинахъ,—разскажите этотъ примѣръ отсутствующимъ и возбудите въ нихъ страхъ. Если же кто думаетъ огорчить насъ и мстить намъ такимъ обра-

зомъ, то такой пусть знаетъ, что онъ напрасно дѣлаетъ это. Если тебѣ хочется мстить намъ, то я покажу тебѣ способъ, какъ ты можешь мстить безъ вреда для себя, или лучше, не безъ вреда, а съ меньшимъ, по крайней мѣрѣ, вредомъ: ударь меня по лицу, оплюй публично, нанеси мнѣ раны.

6. Ты содрогаешься, слыша это? Когда я говорю: ударь меня, то ты содрогаешься,—и между тѣмъ ты терзаешь своего Владыку безъ содроганія? Разрываешь Владычни члены и не трепещешь? Церковь—это отчій домъ: *едино тѣло, и единъ духъ*. Но если ты хочешь мстить мнѣ, то противъ меня и возставай. Зачѣмъ же, вмѣсто меня, мстишь Христу? Или лучше: зачѣмъ ты наносишь удары по гвоздямъ? И вообще мстить ни въ какомъ случаѣ неодобрительно; но, вмѣсто виновнаго, нанесть обиду другому—гораздо хуже. Ты потерпѣлъ отъ насъ обиду? Для чего же, въ такомъ случаѣ, огорчаешь того, кто тебѣ не сдѣлалъ никакого зла? Это крайне безразсудно. Вотъ что я скажу на этотъ счетъ, и не шутя, не просто, но какъ думаю и какъ чувствую. Именно, я желалъ бы, чтобы всякій изъ тѣхъ, кто вмѣстѣ съ вами питаетъ къ намъ непріязнь и ради этого вре- 88
дитъ себѣ самому, удаляясь отъ насъ къ другимъ, нанесъ намъ ударъ въ самое лицо и, обнаживъ насъ, сталъ бичевать безъ жалости, справедливо ли бы или несправедливо мы были обвинены, и лучше на насъ выместилъ свой гнѣвъ, чѣмъ рѣшался на то, на что рѣшается теперь. Если бы это случилось, то не было бы въ томъ никакой важности, потому что пострадалъ бы въ этомъ случаѣ ничтожный человѣкъ, нестоющій никакой цѣны. Съ другой стороны, потерпѣвъ отъ васъ обиду и безчестіе, я помолился бы за васъ Богу и Онъ простилъ бы вамъ ваши грѣхи,—не потому, что я имѣю такое дерзновеніе, но потому что, когда человѣкъ, которому сдѣлана обида, молится за обидѣвшаго, то получаетъ великое дерзновеніе. *Аще* кто *согрѣшитъ* человѣку, сказано, *помолятся о немъ* (1 Цар. II, 25). Если же бы я самъ не могъ (этого сдѣлать), то поискалъ бы другихъ святыхъ мужей и упросилъ бы ихъ, и они сдѣлали бы это. А теперь кого и просить намъ, когда мы оскорбили Бога? Посмотри, какая у нихъ (производящихъ расколы) несообразность. Изъ тѣхъ, которые такъ поступаютъ по отношенію къ Церкви, одни вовсе никогда не приходятъ сюда, или же однажды въ годъ и то безъ порядка и какъ случится; другіе приходятъ чаще, но также безпорядочно для пустыхъ разговоровъ и ничтожной болтовни. Иные представляются усердными, это—тѣ, которые производятъ такія бѣдствія (въ Церкви). Итакъ, если и вы ради этого обнаруживаете такое усердіе, то лучше бы вамъ быть

въ числѣ нерадивыхъ; а еще гораздо лучше, если бы тѣ не были нерадивы, а вы не были такими. Я говорю не о васъ, находящихся здѣсь, но о тѣхъ отступникахъ. Такое дѣло есть какъ бы прелюбодѣяніе. Если же тебѣ не хочется слышать этого объ нихъ, то (не слушай и того, что они говорятъ) объ насъ,—такъ какъ здѣсь что-нибудь одно изъ двухъ должно быть противузаконно. Если вы насъ подозрѣваете въ этомъ, то мы готовы уступить свою власть, кому вы хотите,—только пусть будетъ Церковь едина. Если же мы поставлены законно, то убѣдите низложить тѣхъ, которые противузаконно заняли каѳедру. Говорю это, не приказывая вамъ, но предохраняя и предостерегая васъ. Такъ какъ каждый изъ васъ имѣетъ возрастъ и дастъ отчетъ въ своихъ поступкахъ, то я прошу васъ о томъ, чтобы вы, все слагая на насъ, не считали невинными самихъ себя и такимъ образомъ въ обольщеніи не повредили напрасно самимъ себѣ. Мы дадимъ отвѣтъ за ваши души, но только тогда, когда что-нибудь будетъ опущено съ нашей стороны, когда мы не будемъ упрашивать васъ, не будемъ увѣщевать, не будемъ свидѣтельствовать противъ васъ. Послѣ этого, позвольте и мнѣ сказать: *чистъ азъ отъ крове всѣхъ* (Дѣян. xx, 26), и: *избавитъ* Богъ душу мою (2 Тим. iv, 18). Скажите, чего вы хотите, укажите справедливую причину, по которой вы отступаете, и я буду оправдываться. Но вы не говорите. Поэтому я прошу васъ и самимъ твердо основаться здѣсь, и отложившихся привести, чтобы намъ воспослать единодушную благодарность Богу, Которому слава во вѣки. Аминь.

БЕСѢДА XII.

87—88 Сіе убо глаголю и послушествую о Господѣ, ктому не ходити вамъ, якоже и прочіи языцы ходятъ, въ суетѣ ума ихъ, помрачени смысломъ (Еф. iv, 17).

1. Учитель долженъ назидать и исправлять души учениковъ не только совѣтомъ и вразумленіемъ, но и страхомъ и напоминаніемъ о Богѣ. Вѣдь когда слова человѣка, какъ такого же раба, не въ состояніи подѣйствовать на душу, тогда уже необходимо напомнить и о самомъ Господѣ. Такъ дѣлаетъ и Павелъ. Сказавши о смиренномудріи и единеніи, равно какъ и о томъ, что не должно возставать одному противъ другого, послушай, что (потомъ) онъ говоритъ: *сіе убо глаголю и послушествую о Господѣ, ктому не ходити вамъ, якоже и прочіи языцы ходятъ*. Не сказалъ: *ктому не ходити вамъ, якоже* вы ходите,—такъ какъ это могло бы

уязвить ихъ,—но указалъ на другихъ, хотя выразилъ то же самое. Также поступаетъ онъ и въ посланіи къ Ѳессалоникійцамъ, когда 89
говоритъ: *не въ страсти похотнѣй, якоже и* прочіи *языцы* (1 Сол. iv, 5). Вы оставили, говоритъ онъ, ихъ (языческія) вѣрованія; но это всецѣло зависѣло отъ Бога; а я требую того, что зависитъ отъ васъ,—именно: жизни и хожденія по Богу. Это вашъ долгъ; а я призываю Господа въ свидѣтели своихъ словъ,—что я не умолчалъ, но сказалъ, какъ вамъ должно вести себя. *Въ суетѣ*, говоритъ, *ума ихъ*. Что такое суета ума? Занятіе суетными предметами. А что суетно, какъ не все настоящее, о чемъ говоритъ Екклесіастъ: *суета суетствій, всяческая суета* (Еккл. i, 2)? Но скажетъ кто-нибудь: если (то или другое) суетно и ведетъ къ суетѣ, то для чего же оно существуетъ? Если при томъ это -дѣло Божье, то какъ же оно можетъ быть суетно? И много возраженій касательно этого предмета. Но послушай, возлюбленный! Не дѣла Божіи назвалъ (Екклесіастъ) суетными,—нѣтъ; не небо суетно, не земля суетна,—нѣтъ; не солнце, не луна, не звѣзды, не тѣло наше. Все это—*добро зѣло*. Что же суетно? Послушаемъ, что говоритъ самъ Екклесіастъ: *сотворихъ ми вертограды, сотворихъ ми поющихъ и поющія, сотворихъ ми купѣли водныя, стяжаніе скота и стадъ ми бысть, собрахъ злато и сребро: и видѣхъ, яко вся суета* (Еккл. ii, 6—11); опять: *суета суетъ, всяческая суета*. Послушай, что говоритъ и пророкъ: *сокровищствуетъ* (человѣкъ), *и не вѣсть, кому соберетъ я* (Пс. xxxviii, 7). Поэтому суета суетъ—великолѣпныя зданія, обиліе и избытокъ золота, толпы слугъ, шумно бѣгущихъ по площади, гордость и тщеславіе, высокомѣріе и надменность. Все это—суета, потому что произошло не отъ Бога, но произведено людьми. Почему, однакожъ, это суетно? Потому, что не имѣетъ никакой доброй цѣли.

Суетны деньги, когда ихъ расточаютъ на удовольствія; но не суетны онѣ, когда ихъ употребляютъ на вспомоществованія бѣднымъ. Когда ты тратишь ихъ на удовольствія,—посмотримъ, какое отсюда происходитъ слѣдствіе. Тучность тѣла, отрыжки, вѣтры, обиліе кала, головная боль, тѣлесное разслабленіе, жаръ и изнеможеніе. Какъ тотъ, кто сталъ бы наливать воду въ просверленный сосудъ, трудился бы напрасно, такъ и человѣкъ, предающійся удовольствіямъ, наливаетъ воду въ просверленный сосудъ. Еще суетными называютъ несбыточные честолюбивые замыслы: они дѣйствительно суетны, ненадежны, тщетны; вообще суетнымъ называютъ то, что ни къ чему не пригодно. Посмотримъ же, не таковы ли (дѣла) человѣческія? *Да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ* (1 Кор. xv, 32). Какое же отсюда послѣдствіе, скажи мнѣ? Тлѣніе. Мы облекаемся въ дорогія одежды и наряды: а что пользы

отъ этого? Никакой. Такъ умствовали и нѣкоторые изъ эллиновъ, но вотще. Они вели строгую жизнь, но попустому, не имѣя въ виду никакой полезной цѣли, поступая такъ изъ тщеславія, для снисканія почета отъ толпы. Но что такое честь, которую намъ оказываетъ толпа? Ничто. Если и сами, воздающіе намъ честь погибаютъ, то тѣмъ болѣе—эта честь. Кто воздаетъ честь другому долженъ напередъ пріобрѣсть ее самъ. Если же онъ не пріобрѣлъ ея для себя, то какъ же доставитъ ее другому? А между тѣмъ мы домогаемся чести отъ безславныхъ и презрѣнныхъ людей, безчестныхъ и позорныхъ: что же это за честь?

90 2. Видишь ли, что все суета суетъ? Поэтому и сказалъ (апостолъ объ язычникахъ): *въ суетѣ ума ихъ*. Но не такова ли у нихъ и вѣра? Въ самомъ дѣлѣ, не кланяются ли они деревамъ и камнямъ? (Богъ) создалъ солнце, чтобы оно служило намъ вмѣсто свѣтильника. Кто же покланяется своему свѣтильнику? Солнце даетъ отъ себя свѣтъ; когда же оно не можетъ свѣтить, тогда свѣтитъ свѣтильникъ. Итакъ, почему же ты не покланяешься свѣтильнику? Да, скажетъ иной, я покланяюсь огню. Нельзя удержаться отъ смѣха, слыша о такомъ безчестіи; и ты не стыдишься? Опять же: для чего ты гасишь то, чему покланяешься? Для чего губишь, для чего умерщвляешь своего бога? Почему ты не даешь ему наполнить собою всего твоего дома? Если огонь—богъ, то поднеси къ нему свое тѣло, а не подкладывай бога подо дно горшка или котла. Внеси его въ твою кладовую, внеси туда, гдѣ твои шелковыя одежды. Но ты не только не вносишь его, напротивъ, если онъ куда-нибудь случайно проникнетъ, ты гонишь его отвсюду, созываешь всѣхъ, плачешь, стенаешь, какъ будто зашелъ къ тебѣ какой-нибудь звѣрь; и когда такимъ образомъ твой богъ посѣтитъ тебя, ты называешь это величайшимъ несчастіемъ. Я имѣю Бога, и дѣлаю все для того, чтобы воспринять Его на свою грудь, и считаю блаженствомъ для себя не только то, когда Онъ посѣтитъ мой домъ, но и то, когда я привлеку Его въ свое сердце. Вовлеки же и ты огонь въ свое сердце. Смѣшно это и суетно! Огонь хорошъ для употребленія, а не для поклоненія, для служенія и рабскаго повиновенія мнѣ, а не для господства надо мною. Онъ созданъ для меня, а не я для него. Если ты покланяешься огню, для чего же самъ почиваешь на ложѣ, а своего повара заставляешь предстоять предъ твоимъ богомъ? Самъ займись поварствомъ, сдѣлайся пекаремъ или, если угодно, кузнецомъ,—для тебя ничего не должно быть почетнѣе этихъ занятій, такъ какъ за ними наблюдаетъ самъ твой богъ. Почему ты почитаешь безчестнымъ то занятіе, гдѣ такъ много твоего бога? Для чего поручаешь его рабамъ и не оставляешь за собою

этой чести? Огонь—хорошая вещь, такъ какъ сотворенъ благимъ Творцемъ, но онъ—не богъ. Онъ называется дѣломъ Божіимъ, но не богомъ. Развѣ ты не видишь, какъ онъ неукротимъ, какъ онъ, охвативши домъ, не останавливается нигдѣ? Если ему попадаетъ непрерывный рядъ какихъ-нибудь предметовъ, онъ уничтожаетъ все, пока руки плотниковъ или другихъ людей не уймутъ его неистовства; онъ не знаетъ ни друзей, ни враговъ, но одинаково поступаетъ со всѣми. Итакъ таковъ-то твой богъ,—и ты не стыдишься? Подлинно, хорошо сказалъ (апостолъ): *въ суетѣ ума ихъ*. Но, говорятъ, нашъ богъ—солнце. А скажи мнѣ, почему это и изъ-за чего? Что оно много даетъ отъ себя свѣту? Но развѣ ты не видишь, какъ его побѣждаютъ облака, какъ оно подчинено закону естественной необходимости, подвержено затмѣніямъ, закрывается луною и облаками? Хотя облако безсильнѣе его, однакожъ часто беретъ перевѣсъ; и это также дѣло премудрости Божіей. Богъ долженъ быть всёдоволенъ, солнце же имѣетъ нужду во многомъ; а это несвойственно Богу. Такъ (солнце) нуждается въ воздухѣ для того, чтобы свѣтить, и при томъ въ тонкомъ воздухѣ, потому что слишкомъ густой воздухъ не пропускаетъ лучей сквозь себя. Нуждается и въ водѣ или въ чемъ-нибудь другомъ, что ограничивало бы его дѣйствіе, чтобы ему не произвесть пожара. Если бы не было источниковъ, ни озеръ, ни рѣкъ, ни морей, которые посредствомъ испареній, выходящихъ изъ нихъ, производятъ нѣкоторую влажность, то солнце могло бы все попалить. Итакъ видишь ли, что это за богъ? Какое безуміе! Какой смѣхъ! Такъ какъ, говорятъ, оно можетъ вредить, то оно—богъ. Напротивъ, потому-то оно и не богъ, что для того, чтобы произвесть вредъ, не нуждается ни въ чьемъ содѣйствіи, а чтобы быть полезнымъ, имѣетъ нужду во многомъ другомъ. Богу несвойственно производить вредъ,—отнюдь,—Ему свойственно благотворить. Если же о солнцѣ надобно сказать противное, то какъ же оно будетъ богомъ? Не видишь ли, что ядо- 91
витыя лѣкарства производятъ вредъ, и (для этого) имъ не нужно больше ничего; но для того, чтобы доставить пользу, имъ нужно многое (другое)? Для тебя солнце создано и прекраснымъ и вмѣстѣ безсильнымъ: прекраснымъ, чтобы (по нему) ты позналъ Владыку, безсильнымъ, чтобы ты не называлъ его своимъ владыкою. Но оно, говорятъ, питаетъ растенія и сѣмена. Что же: ужели поэтому и навозъ—богъ? Вѣдь и онъ также питаетъ растенія. Для чего же ужь не присоединить къ этому серпа и рукъ земледѣльца? Укажи мнѣ, гдѣ бы солнце одно произрастило (растенія), не нуждаясь для этого ни въ землѣ, ни въ водѣ, ни въ трудахъ земледѣльца; пусть оно само посѣетъ сѣмена и, согрѣвъ ихъ

лучомъ своимъ, произведетъ намъ колосья. Если же это зависитъ не отъ него одного, а и отъ дождя, то почему же вода—не богъ? Но пока не объ этомъ рѣчь. Почему земля—не богъ? Почему навозъ и заступъ—не боги? Ужелижъ, скажи мнѣ, всему этому должно покланяться? Какое безуміе! А между тѣмъ колосъ скорѣе выростетъ безъ солнца, чѣмъ безъ земли и воды, равно какъ и деревья и все другое. Безъ земли не можетъ быть ни одного (растенія). Если же кто-нибудь, всыпавъ земли въ глиняный сосудъ,—какъ это дѣлаютъ дѣти и женщины,—и прибавивъ туда нужное количество навоза, становитъ этотъ сосудъ подъ кровлей, то вырастаютъ растенія, хотя и слабыя. Такимъ образомъ существенное значеніе имѣютъ земля и навозъ, и ихъ надобно почитать больше, чѣмъ солнце. Для того, чтобы солнце не производило вреда, нужно небо, нуженъ воздухъ, нужно столько водъ, которыя бы обуздывали его дикую силу и не позволяли лучу его, точно какому неукротимому коню, проникать всюду. Но, скажи мнѣ еще, гдѣ бываетъ солнце ночью? Куда скрывается этотъ твой богъ? Богу не свойственно подлежать стѣсненію и ограниченію; это именно свойственно только тѣламъ. Но, говорятъ, въ немъ есть какая-то сила и оно движется. Что же, скажи мнѣ, эта сила—богъ? Отчего же она является недостаточною и не сдерживаетъ огня? Я опять повторяю прежнее. Что это за сила? Есть ли это сила свѣтящая, или она свѣтитъ посредствомъ солнца, сама не принимая въ этомъ никакого участія? Въ такомъ случаѣ солнце превосходнѣе ея. Впрочемъ, довольно намъ вращаться въ этомъ лабиринтѣ.

3. А вода, говорятъ, ужели и она не богъ? Вотъ и еще споръ, подлинно достойный смѣха! Какъ же не богъ, говорятъ, вода, когда мы имѣемъ въ ней нужду въ столь многихъ случаяхъ? То же самое говорятъ и о землѣ. Вотъ ужъ именно говорящіе это—*въ суетѣ ума ихъ, помрачени смысломъ*. Впрочемъ здѣсь (апостолъ) такъ выразился объ ихъ жизни. Язычники предаются блуду и прелюбодѣянію. И понятно: изобрѣтая себѣ такихъ боговъ, они согласно съ этимъ поступаютъ и во всемъ. Если только они могутъ скрыть (свои поступки) отъ взоровъ людей, то нѣтъ уже ничего, что могло бы удерживать ихъ (отъ худыхъ дѣлъ). Можетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, имѣть для нихъ какую-нибудь силу ученіе о воскресеніи, когда они считаютъ его басней? А о мученіяхъ въ аду? Для нихъ и это—басни; и замѣть здѣсь внушеніе сатанинское. Когда имъ разсказываютъ о распутствѣ ихъ боговъ, они не называютъ этого баснями, но вѣрятъ. А когда имъ говорятъ о наказаніяхъ, то они возражаютъ: все это поэты выдумываютъ для того, чтобы повсюду разстроить счастливый порядокъ жизни.

Но философы, говорятъ они, изобрѣли нѣчто, вполнѣ заслуживающее вниманія и лучшее этихъ (басней). Какіе же это философы? Ужели тѣ, которые выдумали судьбу и утверждаютъ, что все существуетъ безъ Провидѣнія, нѣтъ зиждительнаго Промысла, все сложилось изъ атомовъ? Но, говорятъ, другіе признали Бога дѣйствительнымъ бытіемъ (σῶμα). Какіе же это, скажи мнѣ? Тѣ, которые производятъ души человѣческія отъ душъ 92
собакъ и увѣряютъ людей, что въ извѣстное время тотъ или другой изъ нихъ былъ собакой, львомъ, рыбой? Доколѣ не перестанете пустословить, *помрачени смысломъ?* И подлинно они, какъ въ разсужденіи догматовъ, такъ и касательно жизни, все говорятъ и дѣлаютъ такъ, какъ бы находились въ темнотѣ: человѣкъ, окруженный мракомъ, не видитъ ничего предъ собой, онъ веревку принимаетъ за ползущаго змѣя, или, зашедши въ тѣсное мѣсто, думаетъ, что его схватилъ человѣкъ или демонъ. И сколько тутъ страха и безпокойства! Подобныхъ же вещей боятся (и язычники). *Убоятся страха,* сказано, *идѣже не бѣ страхъ* (Пс. XIII, 5), а чего бы слѣдовало страшиться, того они не страшатся. Подобно тому, какъ дѣти, находясь на рукахъ у своихъ кормилицъ, неразумно протягиваютъ руки къ огню и смѣло порываются къ зажженному свѣтильнику, а между тѣмъ боятся человѣка въ одеждѣ изъ козьей шерсти, такъ и эти эллины—настоящіе младенцы, какъ и сказалъ объ нихъ нѣкто: „эллины—всегда дѣти". Того, что не составляетъ грѣха, они боятся, какъ-то: тѣлесной неопрятности, похоронъ, катафалковъ, тяжелыхъ дней и тому подобнаго. А того, что составляетъ настоящій грѣхъ, какъ-то: сладострастной любви къ отрокамъ, прелюбодѣянія, блуда,—они и не думаютъ считать за грѣхъ. Ты можешь видѣть, какъ (язычникъ) обмывается послѣ мертвеца, но отъ мертвыхъ дѣлъ онъ не омывается никогда. Онъ много прилагаетъ старанія о пріобрѣтеніи денегъ, и въ то же время думаетъ, что одно пѣніе пѣтуха можетъ разрѣшить всякое (недоумѣніе). Такъ они *помрачени смысломъ.* Душа ихъ преисполнена множества примѣтъ. Напримѣръ, такой-то,—говорятъ,—первый встрѣтился со мной, когда я выходилъ изъ дому: непремѣнно случится тысяча непріятностей для меня. Сегодня ненавистный слуга, подавая мнѣ обувь, поднесъ напередъ лѣвую: быть большимъ бѣдамъ и напастямъ. Самъ я, выходя изъ дому, ступилъ за порогъ лѣвою ногою: и это предвѣщаетъ несчастія. Это—домашнія неудачи. Когда же я вышелъ изъ дому, у меня правый глазъ мигнулъ: быть слезамъ. Равнымъ образомъ и женщины,—когда тростниковые прутья, ударившись о ткальное древко, издадутъ звукъ, или сами онѣ оцарапаютъ себя гребнемъ,—принимаютъ это за худое предзнамено-

ваніе; опять, когда онѣ задѣнуть основой о гребень и очень сильно, потомъ верхніе прутья, ударившись о древко, отъ напряженнаго удара издадутъ звукъ, то и это считаютъ за предвѣстіе несчастія, и тысячи другихъ у нихъ достойныхъ смѣха (суевѣрій). Закричитъ ли оселъ, или пѣтухъ, чихнетъ ли кто, и вообще, что бы ни случилось, все ихъ тревожитъ, такъ что они,—какъ я сказалъ,—точно скованы тысячами узъ, точно находятся во мракѣ, во всемъ подозрѣваютъ (худое) и гораздо больше порабощены, чѣмъ тысячи невольниковъ. Но не будемъ мы такими, напротивъ, осмѣявши всѣ такія (суевѣрія),—какъ живущіе въ свѣтѣ, какъ небесные граждане, не имѣющіе ничего общаго съ землею,—будемъ считать для себя страшнымъ одинъ только грѣхъ и оскорбленіе Бога. Если все это пустяки, то и посмѣемся надъ этимъ, равно какъ и надъ первымъ виновникомъ этого—діаволомъ. Возблагодаримъ Бога и будемъ стараться, чтобы намъ самимъ никогда не впасть въ такое рабство, а если кто изъ нашихъ друзей будетъ плѣненъ, разорвемъ его узы, освободимъ его отъ этого несноснаго и постыднаго заключенія, сдѣлаемъ его способнымъ для восхожденія къ небу, выпрямимъ его опустившіяся крылья и научимъ его любомудрію касательно жизни и вѣры.
93-94 Возблагодаримъ Бога за все и будемъ умолять Его, чтобы намъ не оказаться недостойными врученнаго намъ дара; съ тѣмъ вмѣстѣ позаботимся и о томъ, что отъ насъ зависитъ, именно, чтобы намъ поучать другихъ не только словами, но и дѣлами. Отъ этого мы сможемъ получить безчисленныя блага, которыхъ и да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIII.

93 Сіе убо глаголю и послушествую о Господѣ, ктому не ходити вамъ, якоже и прочіи языцы ходятъ, въ суетѣ ума ихъ, помрачени смысломъ, суще отчуждени отъ жизни Божія, за невѣжество сущее въ нихъ, за окаменѣніе сердца ихъ, иже въ нечаяніе вложшеся предаша себе студодѣянію въ дѣланіе всякія нечистоты въ лихоиманіи (Еф. IV, 17—19).

1. Это сказано не ефесянамъ только, но теперь говорится также вамъ, и не нами, но Павломъ, или лучше, ни нами, ни Павломъ, но благодатію Духа. Итакъ намъ должно внимать словамъ этимъ,

какъ словамъ Духа. Что же сказано? Послушай: *сіе убо глаголю и послушествую о Господѣ, ктому не ходити вамъ, якоже и прочіи языцы ходятъ, въ суетѣ ума ихъ, помрачени смысломъ, суще отчуждени отъ жизни Божія, за невѣжество сущее въ нихъ, за окаменение сердца ихъ.* Итакъ, если (такое ихъ состояніе было слѣдствіемъ) невѣжества и окаменения, то за что же обвинять ихъ? Несвѣдущаго должно научить тому, чего онъ не знаетъ, но несправедливо подвергать его упреку и взысканію. Но смотри, какъ (апостолъ) тотчасъ же лишаетъ ихъ такого извиненія: *иже*, говоритъ, *въ нечаяніе вложшеся предаша себе студодѣянію* и *въ дѣланіе всякія нечистоты въ лихоиманіи. Вы же не тако познасте Христа* (ст. 20). Здѣсь онъ показываетъ, что причиною ихъ окаменения была ихъ жизнь; жизнь же ихъ была такою по ихъ собственной безпечности и небреженію. *Иже*, говоритъ, *вложшеся предаша себе.* Итакъ, когда ты услышишь, что *предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ* (Рим. I, 28), то припомни и настоящее изреченіе, что они сами *предаша себе*. Какъ же предалъ ихъ Богъ, когда они сами предали себя? Если же предалъ ихъ Богъ, то какъ они сами себя предали? Тебѣ кажется, что здѣсь есть противорѣчіе? Но слово—*предаде* значитъ здѣсь—*попустилъ*. Видишь ли, что гдѣ нечистая жизнь, тамъ такого же рода придумываются и догматы. *Всякъ бо дѣлаяй злая*, сказано, *ненавидитъ свѣта и не приходитъ къ свѣту* (Іоан. III, 20). Въ самомъ дѣлѣ, какимъ бы образомъ человѣкъ нечистый, валяющійся среди тѣлъ всякихъ женщинъ, гораздо больше чѣмъ сколько свиньи валяются въ грязи, жадный до денегъ и нисколько не любящій цѣломудрія, могъ рѣшиться на такую (добродѣтельную) жизнь? У нихъ, говоритъ (апостолъ), такой образъ дѣйствій обратился какъ бы въ правило. Отъ этого-то (и происходитъ) ихъ окаменение, отъ этого—помраченіе ума. И при сіяніи свѣта для насъ можетъ быть темно, если наши глаза больны; больными же они бываютъ отъ прилива дурныхъ соковъ 94
и излишняго накопленія мокротъ. Такъ и здѣсь: когда многочисленное стеченіе житейскихъ дѣлъ помрачаетъ ясность нашего ума, мы находимся въ темнотѣ. И подобно тому, какъ, погрузившись глубоко въ воду, мы не можемъ видѣть солнца оттого, что надъ нами изобильная вода составляетъ какъ бы какую стѣну,—такъ и въ мысленныхъ очахъ происходитъ окаменение сердца, когда никакой страхъ не тревожитъ души. *Нѣсть*, говоритъ, *страха Божія предъ очима его* (Пс. XXXV, 2). И еще: *рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ* (Пс. XIII, 1). Окаменение происходитъ не отъ иного чего, какъ отъ безчувственности; при этомъ заграждаются поры. Такъ, когда сгустившіяся мокроты сосредоточатся въ одномъ мѣстѣ, тотъ членъ мертвѣетъ и дѣ-

лается безчувственнымъ: хотя бы ты сталъ его жечь или рѣзать, что бы ни дѣлалъ съ нимъ, онъ (ничего) не чувствуетъ. Такъ и они (язычники) послѣ того, какъ разъ навсегда впали въ безпечность, что имъ ни говори, грози имъ хотя бы огнемъ или мечемъ,—на нихъ ничто не подѣйствуетъ, ничто не убѣдитъ ихъ. У нихъ разъ навсегда омертвѣлъ членъ (сердце). И пока ты не уничтожишь въ немъ этого безчувствія, пока твое прикосновеніе къ нему не будетъ такъ же ощутительно, какъ къ здоровымъ членамъ, до тѣхъ поръ всѣ твои усилія будутъ тщетны. *Въ лихоиманіи*, говоритъ: этимъ словомъ (апостолъ) преимущественно устраняетъ отъ нихъ возможность оправданія. Вѣдь имъ можно было бы, если бы они захотѣли, не предаваться корыстолюбію, не быть безпечными, не служить чреву и не вести изнѣженной жизни: можно было бы пользоваться умѣренно и деньгами, и удовольствіями, и отдохновеніемъ. Но такъ какъ они не соблюдали въ этомъ умѣренности, то и испортили все. *Въ дѣланіе*, говоритъ, *нечистоты*. Видишь ли, какъ (апостолъ) лишаетъ ихъ извиненія, сказавши о дѣланіи нечистоты? Не по случайному, говоритъ, увлеченію они грѣшили, но совершали всѣ эти преступныя дѣйствія, сами заботясь объ нихъ. *Во всякой нечистотѣ.*

Нечистота всякая — это любодѣяніе, блудъ, сладострастная любовь къ отрокамъ, зависть, всякая страсть и невоздержаніе. *Вы же не тако познасте Христа: аще убо слышасте его, и о немъ научистеся, якоже есть истина о Іисусѣ* (ст. 20—21). Выраженіе: *аще убо слышасте его*—не означаетъ, будто онъ говоритъ съ сомнѣніемъ, напротивъ показываетъ полную его увѣренность: подобнымъ образомъ онъ и въ другомъ мѣстѣ выражается: *аще убо праведно у Бога воздати скорбь оскорбляющимъ васъ* (2 Өесс. I, 6). То есть, вы не для такихъ дѣлъ познали Христа. *Аще убо слышасте его, и о немъ научистеся, якоже есть истина о Христѣ Іисусѣ,*
95 *отложити вамъ по первому житію ветхаго человѣка* (ст. 22). Познаніе Христа въ томъ и состоитъ, чтобы вести праведную жизнь. Кто ведетъ дурную жизнь, тотъ не знаетъ Бога и Богъ его не знаетъ. Послушай, какъ объ этомъ (апостолъ) говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *Бога исповѣдуютъ вѣдѣти, а дѣлы отмещутся его* (Тит. I, 16). *Якоже есть истина о Іисусѣ, отложити вамъ по первому житію ветхаго человѣка,*—то есть, вы не на такихъ условіяхъ заключили договоръ (чтобъ оставаться при прежней жизни). То, что мы имѣемъ, не есть суета, но истина; какъ наши догматы, такъ и наша жизнь—истинны. Суета—грѣхъ и заблужденія, а праведная жизнь—истина. Она и цѣль имѣетъ высокую, безпорядочная же жизнь приводитъ къ ничтожному концу. *Тлѣющаго,*

говоритъ, *въ похотѣхъ* обольщенія его. Какъ пожеланія его истлѣваютъ, такъ и самъ онъ.

2. Какимъ же образомъ истлѣваютъ его пожеланія? Смерть все разрушаетъ. Такъ пророкъ говоритъ: *въ день той погибнутъ вся помышленія его* (Пс. CXLV, 5). Впрочемъ не одна только смерть, много есть и другихъ причинъ (этого измѣненія). Такъ красота измѣняется, увядаетъ и пропадаетъ отъ болѣзни и съ наступленіемъ старости. Отъ тѣхъ же (причинъ) погибаетъ и сила тѣлесная. Чувственныя удовольствія въ старости уже не такъ привлекательны. На это мы имѣемъ указаніе и въ примѣрѣ Верзеллія,—безъ сомнѣнія, вы знаете эту исторію (2 Царств. XIX, 32—35). А съ другой стороны, похоть растлѣваетъ и губитъ самое существо человѣка. Какъ шерсть отъ чего раждается, отъ того же и погибаетъ, такъ точно и ветхій человѣкъ. Пагубно для него славолюбіе, многихъ погубили удовольствія, обманула похоть. Впрочемъ все это не составляетъ удовольствія въ собственномъ смыслѣ, но есть горечь, обманъ, подлогъ и тѣнь. Наружная сторона этихъ предметовъ приманчива, но сами по себѣ они—не что иное, какъ тяжелое бремя, влекущее за собою великую нищету, пустоту и бѣдность. И если ты снимешь съ нихъ эту личину, откроешь ихъ настоящее лицо, то увидишь обманъ. Въ томъ вѣдь и состоитъ обманъ, когда что-нибудь показывается намъ не тѣмъ, что оно есть, но представляется тѣмъ, чего въ немъ нѣтъ. Отсюда проистекаютъ и ложныя сужденія (о томъ или другомъ предметѣ). (Апостолъ) изображаетъ намъ четырехъ человѣкъ и, если хотите, я вамъ представлю это изображеніе. Въ настоящемъ посланіи (онъ изображаетъ) двухъ, когда говоритъ: отложившись *ветхаго человѣка*, обновитесь *духомъ ума вашего и* облекитесь *въ новаго человѣка* (ст. 23. 24); а въ посланіи къ Римлянамъ—другихъ двухъ, когда говоритъ: *вижду же инъ законъ во удѣхъ моихъ, противувоюющъ закону ума моего, плѣняющъ мя закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ моихъ* (Рим. VII, 28). Эти послѣдніе имѣютъ сродство съ тѣми первыми, именно съ внутреннимъ—новый человѣкъ, а съ внѣшнимъ—ветхій; но трое изъ нихъ растлились. Или лучше, и теперь ихъ трое: новый, ветхій и этотъ существенный (οὐσιώδης) или естественный. *Обновлятися же*, говоритъ, *духомъ ума вашего* (ст. 23). Чтобы кто не подумалъ, будто онъ измышляетъ иного человѣка, когда говоритъ о ветхомъ и новомъ человѣкѣ, смотри, что онъ говоритъ: *обновлятися*. *Обновленіе* происходитъ тогда, когда обветшавшее молодѣетъ, принимаетъ другой видъ, такъ что предметъ остается одинъ и *тотъ же*, но происходитъ перемѣна въ его случайныхъ свойствахъ. Какъ тѣло остается тѣмъ же, хотя происходитъ пе-

ремёна въ случайныхъ его свойствахъ, такъ и здѣсь. Какъ же должно произойти это обновленіе? *Духомъ*, говоритъ, *ума вашего*. Поэтому,
96 кто станетъ совершать что-либо ветхое, тотъ не сдѣлаетъ ничего: духъ не потерпитъ ветхихъ дѣяній. *Духомъ*, говоритъ, *ума вашего*, то есть, духомъ, который въ вашемъ умѣ. *И облецщися въ новаго человѣка*. Видишь ли, что предметъ одинъ, а одежды двѣ: одна, которая совлекается, и другая, въ которую облекаются? *Въ новаго*, говоритъ, *человѣка, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины* (ст. 24). Почему онъ представляетъ человѣка подъ именемъ добродѣтели, и почему подъ именемъ порока? Потому что нельзя опредѣлить (свойство) человѣка, не указавъ на его дѣятельность. Такимъ образомъ (дѣйствія человѣка) не меньше, чѣмъ естественныя его свойства, показываютъ, добръ онъ, или не добръ. Какъ легко раздѣть человѣка, такъ же легко по добродѣтели или пороку видѣть (свойства его). Человѣкъ новый (т. е. молодой) силенъ. Будемъ же и мы сильны въ дѣланіи добрыхъ дѣлъ. Онъ не имѣетъ морщинъ: не будемъ имѣть ихъ и мы. Онъ не подверженъ и нелегко поддается болѣзнямъ: не будемъ и мы. *Созданнаго*. Смотри, какъ онъ называетъ здѣсь осуществленіе (οὐσίωσιν) добродѣтели созданіемъ, то есть приведеніемъ изъ небытія въ бытіе. Что же? А тотъ (порокъ) не есть созданіе по Богу? Никакъ, но по діаволу, который есть виновникъ грѣха. Почему? Потому что (новый) человѣкъ созданъ не изъ воды, не изъ земли, но въ правдѣ и преподобіи истины. Что значитъ это? То, говоритъ, что (Богъ) тотчасъ же—во время крещенія, которое существенно необходимо для нашего возрожденія, содѣлалъ его своимъ сыномъ. Хорошо сказалъ (апостолъ): *въ правдѣ и преподобіи истины*. Была нѣкогда правда, было и преподобіе у іудеевъ, но—не истины; то была праведность прообразовательная. Такъ, тѣлесная чистота была образомъ чистоты, а не истинной чистотой: былъ образъ праведности, а не истинная праведность. *Въ преподобіи*, говоритъ, *и правдѣ истины*. Можетъ быть, это сказано и касательно ложной праведности, потому что многіе у невѣрующихъ считаютъ себя праведными, но они обманываются.

Праведностію называется добродѣтель всеобъемлющая. Послушай, что говоритъ Христосъ: *аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидете въ царствіе небесное* (Мѳ. v, 20); и въ другомъ мѣстѣ праведнымъ названъ тотъ, кто грѣха не творитъ (1 Іоан. III, 9). Такъ и въ судахъ мы называемъ правымъ того, кто терпитъ обиды, а самъ не обижаетъ. О, еслибы и намъ на страшномъ судѣ показаться правыми и получить нѣкоторое снисхожденіе! Вѣдь предъ Богомъ невозможно (оказаться совершенно праведнымъ), какія бы мы ни представили оправда-

нія: предъ Нимъ всякая праведность несостоятельна, какъ и пророкъ говоритъ: *и побѣдиши, внегда судити ти* (Пс. L, 6). Но если мы не будемъ нарушать взаимныхъ правъ, то будемъ правы; если сможемъ доказать, что намъ была сдѣлана несправедливость, и въ такомъ случаѣ мы будемъ правы. Что это значитъ, что (апостолъ) говоритъ имъ: *облекитесь*, когда они уже облеклись? Здѣсь онъ говоритъ о жизни и дѣлахъ. Тогда они облеклись въ крещеніи, а теперь (апостолъ повелѣваетъ имъ облещись) въ своей жизни и дѣлахъ, чтобы уже не жить имъ больше по влеченію обольстительныхъ похотей, но по заповѣдямъ Божіимъ. Но что такое *преподобіе?* Что чисто и согласно съ требованіемъ долга. Потому-то мы и употребляемъ это выраженіе (ὅσιον) о тѣхъ, которые освободились отъ суда,—то есть, (говоримъ): я уже больше ничего имъ не долженъ, я уже ничему не повиненъ. Такъ у насъ въ обычаѣ говорить: я отдѣлался (ἀφωσιωσάμην), и тому подобное, то есть, я больше уже ничего не долженъ.

3. Итакъ нашъ долгъ—не совлекать съ себя этой одежды 97
оправданія, которую пророкъ называетъ одеждою спасенія (Иса. LXI, 10), чтобы намъ сдѣлаться подобными Богу, Который облекся въ правду. Облечемся же въ эту одежду. А облечься значитъ не что иное, какъ то, чтобы уже не совлекаться. Послушай, что говоритъ пророкъ: *облечеся въ клятву, яко въ ризу, и вниде* въ него (Пс. CVIII, 18). И еще: *одѣяйся свѣтомъ, яко ризою* (Пс. CIII, 21). И у насъ въ обычаѣ говорить о людяхъ: такой-то надѣлъ на себя (личину) такого-то. Такимъ образомъ (апостолъ) хочетъ, чтобы мы не одинъ день, не два, не три, но всегда пребыли въ добродѣтели и никогда не снимали съ себя этой одежды. Не такъ непристойно человѣку быть нагимъ по тѣлу, какъ быть обнаженнымъ отъ добродѣтели. При тѣлесной наготѣ его непристойное положеніе видятъ такіе же (какъ онъ) рабы, а тамъ—это видитъ Владыка и ангелы. Скажи мнѣ, еслибы ты увидѣлъ кого-нибудь идущаго нагимъ по площади, не оскорбило ли бы это тебя? Что же сказать о тебѣ, когда ты ходишь безъ этой одежды? Не видалъ ли ты тѣхъ нищихъ, которыхъ мы обыкновенно называемъ флейтщиками, какъ они расхаживаютъ и возбуждаютъ въ насъ жалость къ себѣ? Однакожъ и они не заслуживаютъ никакого извиненія. Мы не прощаемъ имъ того, что они проигрываютъ въ кости свои одежды. Какъ же проститъ насъ Богъ, если мы погубимъ эту одежду? Когда діаволъ видитъ кого-нибудь обнаженнымъ отъ добродѣтели, тотчасъ мараетъ и чернитъ его лице, наноситъ ему раны, дѣлаетъ и еще большія насилія. Обнажимъ себя отъ денегъ, чтобы не обнажиться отъ праведности. Облаченіе, состоящее въ деньгахъ, по-

вреждаетъ эту одежду (оправданія): это—облаченіе изъ терній, и эти тернія таковы, что чѣмъ больше мы покрываемся ими, тѣмъ болѣе совлекаемся (истинной одежды). Чувственныя наклонности также лишаютъ насъ этой одежды: онѣ огонь, а такой огонь сожигаетъ эту одежду. Богатство также есть моль: какъ моль поѣдаетъ все и не щадитъ даже шелковыхъ одеждъ, такъ и богатство. Итакъ оставимъ все это, чтобы намъ быть праведными, чтобы облечься въ новаго человѣка. Не оставимъ у себя ничего ветхаго, ничего преходящаго, ничего тлѣннаго. Добродѣтель не тяжела, не неудобоисполнима.

Не видишь ли тѣхъ, которые проводятъ жизнь въ горахъ? Они оставляютъ и свои домы, и женъ, и дѣтей, и всѣ свои служебныя занятія, и, удалившись изъ міра, облекаются во вретище, посыпаются пепломъ, возлагаютъ на шею вериги, заключаютъ себя въ тѣсной кельѣ и, на этомъ не останавливаясь, изнуряютъ себя постомъ и постояннымъ голодомъ. Еслибы теперь я вамъ предложилъ все это, не отказались ли бы всѣ вы? Не назвали ль бы такого дѣла труднымъ? Но я не говорю, что вы непремѣнно обязаны это дѣлать. Я только желаю этого, но не узаконяю. Даже что скажу еще? Пользуйся и банями, имѣй попеченіе и о тѣлѣ, ходи и на площадь, имѣй у себя домъ, имѣй и слугъ, употребляй и яства и напитки,—изгони только отовсюду корыстолюбіе, потому что оно составляетъ грѣхъ, когда выходитъ изъ надлежащихъ границъ законнаго пріобрѣтенія. Итакъ корыстолюбіе—не что иное, какъ грѣхъ. И смотри: когда нашъ духъ возмутится больше надлежащаго, тогда, выйдя изъ себя, мы начинаемъ злословить, тогда во всемъ поступаемъ несправедливо. (То же бываетъ) и съ любовію къ тѣлу, къ деньгамъ, къ славѣ и ко всему другому. И не говори мнѣ, что тѣ (отшельники) имѣли
83 особенныя силы (къ такой строгой жизни): многіе гораздо тебя слабѣе и богаче и изнѣженнѣе вступили въ эту суровую и скорбную жизнь. И что говорю я о мужахъ? Дѣвы, еще не достигшія двадцатилѣтняго возраста, проводившія все время въ своихъ покояхъ, воспитанныя въ нѣгѣ, почивавшія на мягкомъ ложѣ, пропитанныя благовоніями и дорогими мазями, нѣжныя по природѣ и еще болѣе сдѣлавшіяся изнѣженными отъ этихъ усердныхъ объ нихъ попеченій, не знавшія въ продолженіе цѣлаго дня другого занятія, какъ только — украшать свою наружность, носить на себѣ золотые уборы и предаваться нѣгѣ, не дѣлавшія ничего даже сами для себя, но имѣвшія у себя множество приставленныхъ къ нимъ прислужницъ, носившія на себѣ одежды еще болѣе нѣжныя, чѣмъ самое ихъ тѣло, употреблявшія тонкія и мягкія покрывала, постоянно наслаждавшіяся запа-

хомъ розъ и подобныхъ благовоній, — эти (дѣвы), будучи внезапно объяты огнемъ Христовымъ, оставили всю эту роскошь и пышность и, забывши о своей изнѣженности, о своемъ возрастѣ, разстались со всѣми этими удовольствіями и, подобно храбрымъ борцамъ, вступили на поприще подвиговъ. И быть можетъ покажется невѣроятнымъ, что я скажу, — однакожъ это истинно. Именно я слышалъ, будто эти столь нѣжныя дѣвы достигли такой строгости въ жизни, что надѣвали на свои нагія тѣла самыя грубыя власяницы, что ноги ихъ оставались босыми, и онѣ имѣли своимъ ложемъ тростниковые прутья; преимущественно же большую часть ночи онѣ проводили безъ сна и уже не думали ни о благовонныхъ мазяхъ, ни о чемъ-либо другомъ изъ прежнихъ прихотей, и даже оставляли въ небреженіи свою голову, обыкновенно составляющую особенный предметъ ихъ попеченій, такъ что волоса заплетали просто и какъ-нибудь, лишь бы не нарушить благопристойности. Трапеза у нихъ бываетъ только вечеромъ, и на этой трапезѣ нѣтъ ни овощей, ни хлѣба, а только мука, бобы, горохъ, елей и смоквы. Постоянно онѣ заняты пряденіемъ шерсти и имѣютъ еще занятія, гораздо труднѣйшія, чѣмъ какія (имѣютъ) дома у нихъ служанки. Именно: онѣ взяли на себя трудъ лѣчить тѣла больныхъ, носить ихъ постель, умывать имъ ноги. Многія изъ нихъ занимаются и приготовленіемъ пищи. Такую имѣетъ силу огонь Христовъ! Такъ благое изволеніе превышаетъ самую природу! Однакожъ ничего такого я не требую отъ васъ, потому что вы сами хотите, чтобы женщины опередили васъ (на поприщѣ благочестивой жизни).

4. По крайней мѣрѣ, дѣлайте то, что нетрудно: удержите свою руку (отъ недозволеннаго) и глаза отъ безстыдныхъ (взглядовъ). Что въ этомъ труднаго, скажи мнѣ, что тяжелаго? Будьте справедливы, никому не дѣлайте обиды—никто, ни бѣдный, ни богатый, ни продавецъ, ни наемникъ. Вѣдь и между бѣдными могутъ происходить взаимныя обиды. Развѣ не видите, какіе они производятъ между собой раздоры и все разрушаютъ? Вступай въ бракъ, имѣй дѣтей; самъ Павелъ давалъ наставленія таковымъ (ведущимъ брачную жизнь) и писалъ къ нимъ. Великъ тотъ подвигъ, высока та скала, такъ что высота ея близка къ небу, и ты не въ состояніи подняться до нея? Имѣй же хотя меньшее и достигни нижайшаго. Ты не можешь раздать своихъ денегъ? Не похищай же хотя чужихъ и не обижай. Ты не можешь поститься? Не предавайся же, по крайней мѣрѣ, излишеству. Ты не можешь лежать на тростниковомъ ложѣ? Не устрояй же, по крайней мѣрѣ, себѣ постели, отдѣланной серебромъ, но употребляй постель простую и ложе, сдѣланное не на показъ, а

для отдохновенія, равно не устрояй постели изъ слоновой
кости: ограничивай себя. Для чего наполняешь корабль своимъ
несчетнымъ имуществомъ? Если будешь вести скромную жизнь,
то не будешь бояться ничего, ни зависти, ни воровъ, ни козней.
99 Ты вѣдь богатъ не столько деньгами, сколько заботами; изобилуешь не столько стяжаніями, сколько безпокойствами и опасностями. *Хотящіи богатитися,* сказано, *впадаютъ въ напасти и въ похоти вреждающія* (1 Тим. VI, 9). Вотъ что терпятъ тѣ, которые желаютъ обладать многимъ. Я не говорю (тебѣ): прислуживай больному; прикажи, по крайней мѣрѣ, это своему слугѣ. Видишь ли, какъ это не тяжело? Иначе какъ могли бы такъ далеко превзойти насъ въ этомъ слабыя дѣвы? Устыдимся, прошу васъ, того, что въ мірскихъ дѣлахъ мы нигдѣ имъ не уступаемъ, ни въ войнѣ, ни въ бояхъ; а въ духовныхъ подвигахъ онѣ успѣваютъ больше насъ, первыя похищаютъ награду и воспаряютъ на большую высоту, подобно орламъ; мы же, подобно галкамъ, постоянно находимся внизу около дыму и чадныхъ паровъ. Подлинно это свойственно галкамъ и жаднымъ до лакомствъ псамъ — постоянно думать о поварахъ и приготовленіи кушаній. Послушай о древнихъ женахъ: то были великія жены, великія и достойныя удивленія, каковы: Сарра, Ревекка, Рахиль, Деввора, Анна и тѣ, которыя жили при Христѣ. Но онѣ никогда не превосходили своихъ мужей, а занимали второе мѣсто за ними. А теперь напротивъ: жены превосходятъ и затмеваютъ насъ. Какой смѣхъ! Какой стыдъ! Мы занимаемъ мѣсто главы, и ужели надъ нами должно одержать верхъ тѣло? Мы поставлены начальствовать надъ ними не для того только, чтобы пользоваться правами начальствованія, но чтобы первенствовать и въ добродѣтели. Начальствующій долженъ главнымъ образомъ показывать свое преимущество въ томъ, чтобы превосходить добродѣтелію. А если его самого превосходятъ, то онъ уже не начальникъ.

Видите ли, какова сила пришествія Христова? Какъ оно уничтожило клятву? Теперь между женщинами больше дѣвственницъ, больше у нихъ цѣломудрія, больше вдовствующихъ между ними. Нынѣ женщина не скоро произнесетъ какое-нибудь непристойное слово. Для чего же, скажи мнѣ, срамословишь ты? Женщины любятъ наряды, и это ихъ слабость. Но вы, мужья, и въ
100 этомъ ихъ превосходите, надмеваясь какъ ихъ нарядомъ, такъ и своимъ. Мнѣ кажется, что не столько жена тщеславится своими золотыми украшеніями, сколько мужъ нарядомъ своей жены; не столько гордится онъ своимъ золотымъ поясомъ, сколько тѣмъ, что жена носитъ золотые уборы. Такимъ образомъ вы виновны

и въ этомъ, такъ какъ вы воспламеняете эту искру, вы разжигаете этотъ пламень. Съ другой стороны, такая страсть не столько грѣшна въ женщинѣ, сколько въ мужчинѣ. Ты поставленъ распоряжаться ею; ты вездѣ хочешь имѣть предъ нею первенство. Покажи же и здѣсь своими дѣйствіями, что ты выше страсти къ роскоши. Женщинѣ болѣе извинительно заниматься нарядами, чѣмъ мужчинѣ. Итакъ, когда ты самъ не избѣгаешь (этой страсти), то какъ же будетъ избѣгать ея она? Правда, у женщинъ есть нѣкоторое тщеславіе; но тоже и у мужчинъ. Тѣ склонны къ гнѣвливости; и эти также. А въ чемъ женщины имѣютъ преимущество, то уже не общо у нихъ съ мужчинами: я разумѣю скромность, теплоту (души), стыдливость, любовь ко Христу. Почему же, говорятъ, (апостолъ) возбранилъ имъ учительскую каѳедру? И это знакъ того, что существуетъ большое разстояніе между ними и мужами и что (жены) были тогда велики. Слѣдовало ли бы, скажи мнѣ, приступать женамъ къ этому дѣлу въ то время, какъ учили Павелъ и Петръ и тѣ святые (мужи)? А нынѣ мы дошли до такого зла, что оказывается естественнымъ вопросъ, почему жены не занимаются учительствомъ? Такимъ образомъ мы снизошли на степень ихъ слабой природы. Я сказалъ это не потому, чтобы желалъ возвысить ихъ, но чтобы возбудить стыдъ въ насъ, и насъ научить, насъ побудить къ тому, чтобы мы снова приняли принадлежащее намъ начальство, не въ смыслѣ преобладанія, но въ смыслѣ попеченія и руководства, въ смыслѣ преуспѣянія въ добродѣтели. Такимъ образомъ и тѣло будетъ имѣть приличное благоустройство, когда будетъ имѣть лучшаго правителя надъ собой. Пусть же будетъ дано всѣмъ, какъ женамъ, такъ и мужамъ, пожить согласно съ волею Божіею, чтобы всѣмъ намъ сподобиться въ тотъ страшный день милосердія Владыки и получить обѣтованныя блага во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.

БЕСѢДА XIV.

Тѣмже отложше лжу, глаголите истину кійждо ко искреннему своему, зане есмы другъ другу удове. Гнѣвайтеся и не согрѣшайте: солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ: не дадите мѣста діаволу (Еф. IV, 25—27). 99

1. Представивъ общее ученіе о ветхомъ человѣкѣ, (апостолъ) потомъ изображаетъ его подробно, потому что ученіе о какомъ-либо предметѣ, изложенное въ подробностяхъ, бываетъ удобопо-

пятнѣе. Что же говоритъ онъ? *Тѣмже отложше лжу.* Какую ложь? Не разумѣетъ ли онъ идоловъ? Нѣтъ. Хотя и идолы—ложь, но здѣсь рѣчь не о нихъ, такъ какъ (ефесяне) не имѣли никакого общенія съ идолами. Онъ говоритъ имъ о лжи по отношенію другъ къ другу, т. е. о лукавствѣ и обманахъ: *глаголите истину кійждо ко искреннему своему*,—и представляетъ сильное побужденіе къ этому: *зане есмы другъ другу удове;* поэтому никто пусть не обманываетъ своего ближняго. Объ этомъ и Псалмопѣвецъ повсюду говоритъ: *устнѣ льстивыя въ сердцѣ, и въ сердцѣ глаголаша злая* (Пс. xi, 3). Ничто, рѣшительно ничто столько не производитъ вражды, какъ ложь и обманъ! Замѣть же, какъ вездѣ (апостолъ) пристыжаетъ ихъ, указывая на (взаимную вѣрность членовъ) тѣла. Глазъ, говоритъ онъ, не обманываетъ ноги, ни нога—
100 глаза. Если бы, напримѣръ, случился глубокій ровъ, а поверхъ его положены были на землѣ прутья и закрыты землею, такъ что глазамъ обманчиво представлялась бы здѣсь твердая земля, не воспользуется ли (глазъ) ногою, чтобы узнать, пустое ли пространство внизу, или же мѣсто твердое, на которомъ можно удержаться? Солжетъ ли при этомъ нога, не откроетъ ли того, что есть? А если глазъ увидитъ змія, или звѣря, обманетъ ли онъ ногу? Не дастъ ли тотчасъ знать ей объ этомъ, чтобы она, узнавши это отъ него, шла осторожно? Точно также, когда ни глазъ, ни нога не имѣютъ средствъ узнать вреднаго яда, но все будетъ зависѣть отъ обонянія, ужели обоняніе солжетъ устамъ? Никакъ. А почему? Потому что въ такомъ случаѣ оно погубитъ и себя. Напротивъ, какъ ему (обонянію) представится, такъ оно и говоритъ. А языкъ развѣ обманываетъ желудокъ? Не выбрасываетъ ли онъ того, что находитъ противнымъ, и не глотаетъ ли пріятнаго? Вотъ каковъ взаимный обмѣнъ услугъ (между членами тѣла). Замѣчай же, какъ вѣрно, и при томъ, такъ сказать, чистосердечно производится это взаимное предостереженіе. Такъ и мы не будемъ лгать, если мы члены одного тѣла. Это будетъ знакомъ нашего дружества, а противное этому—вражды. Но какъ
101 же быть, говорятъ, когда такой-то строитъ противъ меня ковы? Познавай истину: если онъ строитъ тебѣ ковы, то онъ уже не членъ (тѣла). А (апостолъ) сказалъ: не обманывайте членъ члена. *Гнѣвайтеся и не согрѣшайте.* Замѣть мудрость: онъ говоритъ о томъ, какъ намъ не согрѣшать, потомъ не оставляетъ и не послушавшихъ этого наставленія: такъ онъ дорожитъ своимъ духовнымъ порожденіемъ! Какъ врачъ, давши наставленія больному касательно того, какъ ему должно вести себя, не оставляетъ его своимъ попеченіемъ и тогда, когда больной не исполнитъ его наставленій, но, убѣдивши его пользоваться даннымъ наставле-

ніемъ, снова врачуетъ его,—такъ точно поступаетъ и Павелъ. Врачъ, заботящійся только о собственной славѣ, оскорбляется, когда (больные) пренебрегаютъ его наставленіями; но кто всегда заботится о здоровьѣ больного, тотъ имѣетъ въ виду одно только то, какъ бы поднять его съ постели. Таковъ именно и Павелъ. Онъ сказалъ: не лгите. Если же случится, что ложь подвигнетъ кого-нибудь на гнѣвъ, то онъ и противъ этого предлагаетъ врачество. Что же говоритъ онъ? *Гнѣвайтеся и не согрѣшайте*. Хорошо не гнѣваться; но если кто впадетъ въ эту страсть, то, по крайней мѣрѣ, не на долгое время: *солнце*, говоритъ, *да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ*. Ты не можешь удержаться отъ гнѣва? Гнѣвайся часъ, два, три; но да не зайдетъ солнце, оставивъ насъ врагами. Оно по благости (Господа) взошло,—да не зайдетъ же, сіявши на недостойныхъ. Если Владыка послалъ его по многой своей благости и самъ оставилъ тебѣ согрѣшенія, а ты не оставляешь ихъ своему ближнему, то подумай, какое это большое зло. При томъ отъ него можетъ происходить и другое зло. Блаженный Павелъ опасается, чтобы ночь, захвативши въ уединеніи человѣка, потерпѣвшаго обиду и еще пламенѣющаго (гнѣвомъ), не разожгла огня еще болѣе. Днемъ, пока еще многое раздражаетъ тебя, тебѣ позволительно дать въ себѣ мѣсто гнѣву; но когда наступаетъ вечеръ, примирись и погаси возникшее зло. Если ночь застанетъ тебя (во гнѣвѣ), то слѣдующаго дня уже не довольно будетъ для погашенія зла, которое можетъ возрасти въ тебѣ въ продолженіе ночи. Если даже большую часть его ты и уничтожишь, то не въ состояніи будешь уничтожить всего, и въ слѣдующую ночь дашь возможность болѣе усилиться оставшемуся огню. Какъ солнце, если дневной теплоты его не довольно бываетъ для осушенія и очищенія воздуха, наполнившагося облаками и испареніями въ продолженіе ночи, даетъ этимъ поводъ быть грозѣ, когда ночь, захвативши остатокъ этихъ паровъ, прибавляетъ къ нимъ еще новыя испаренія,—такъ точно бываетъ и въ гнѣвѣ. *Ниже дадите мѣста діаволу*. Итакъ, враждовать другъ противъ друга значитъ давать мѣсто діаволу. Тогда какъ должно намъ соединиться вмѣстѣ и возстать противъ него, мы, оставивши вражду противъ него, позволяемъ себѣ обратиться другъ на друга. Подлинно, ничто такъ не способствуетъ діаволу находить мѣсто среди насъ, какъ вражда.

2. Тысячи золъ рождаются отсюда. Какъ камни до тѣхъ поръ, пока они сплочены и не имѣютъ пустоты, трудно раскалываются, а какъ скоро окажется въ нихъ скважина, хотя бы такая малая, какъ остріе иглы, или сдѣлается трещина, въ которую можно лишь продѣть одинъ волосъ, распадаются и разрушаются,—такъ

и при (нападеніяхъ) діавола. Пока мы будемъ тѣсно соединены и сближены между собой, до тѣхъ поръ онъ не сможетъ ввести
102 (въ среду насъ) ни одного изъ своихъ (злыхъ навѣтовъ). Но когда хотя немного онъ раздѣлитъ насъ, тогда вторгается подобно бурному потоку. Вездѣ ему нужно только начало,—это для него самое трудное; когда же начало сдѣлано, тогда онъ уже самъ собой все подвигаетъ впередъ. Такъ, лишь только онъ открылъ (твой) слухъ для клеветъ, и лжецы уже пріобрѣтаютъ (твое) довѣріе, потому что (враждующіе) руководствуются своею ненавистію, (все) осуждающею, а не истиною, право судящею. Какъ при дружбѣ даже справедливымъ нехорошимъ слухамъ не хочется вѣрить, такъ при враждѣ напротивъ и ложные слухи принимаются за истину. Другой тогда бываетъ у насъ умъ, другое судилище, выслушивающее не съ спокойствіемъ, но съ большимъ пристрастіемъ и предубѣжденіемъ. Какъ положенный на вѣсы свинецъ все перетягиваетъ, такъ и тягчайшая свинца тяжесть вражды. Потому, прошу васъ, будемъ всячески стараться о томъ, чтобы намъ до захожденія солнца погашать свою вражду. Когда ты не обуздаешь своей вражды въ первый и въ слѣдующій день, то часто продолжишь ее и на цѣлый годъ, и наконецъ она сама собою усилится до того, что уже не будетъ нуждаться ни въ чьемъ (возбужденіи). Она заставляетъ и слова, которыя говорятся въ одномъ смыслѣ, принимать въ другомъ, заставляетъ заподозривать движенія и все, что ни есть, перетолковывать въ худую сторону, и тѣмъ ожесточаетъ и раздражаетъ (человѣка), дѣлая его хуже бѣсноватыхъ, такъ что онъ не хочетъ ни называть, ни слышать имени того, противъ кого враждуетъ, но произноситъ (противъ него) всякія бранныя слова. Какъ же мы смягчимъ свой гнѣвъ? Какъ погасимъ этотъ пламень? Если помыслимъ о своихъ собственныхъ грѣхахъ и о томъ, насколько мы виновны предъ Богомъ; если помыслимъ, что мы мстимъ не врагу, но самимъ себѣ; если помыслимъ, что (враждою) мы доставляемъ радость діаволу, этому врагу, истинному врагу нашему, ради котораго мы наносимъ обиду своему собрату. Ты желаешь злопамятствовать, враждовать? Будь врагомъ, но противъ діавола, а не противъ своего собрата. Для того и далъ намъ Богъ въ оружіе гнѣвъ, чтобы мы не собственныя тѣла поражали мечемъ, но чтобы вонзали все его остріе въ грудь діавола. Вонзи туда свой мечъ по самую рукоять: если хочешь, (вонзи) и рукоять, и не извлекай его никогда оттолѣ, напротивъ присоедини еще и другой мечъ. А это произойдетъ тогда, когда мы будемъ щадить другъ друга, когда будемъ миролюбиво расположены другъ къ другу. Пусть я лишусь денегъ, пусть я погублю свою

славу и честь: мой членъ всего для меня дороже. Такъ будемъ говорить другъ другу; не будемъ оскорблять своей природы для пріобрѣтенія денегъ, для снисканія славы. *Крадый*, говоритъ, *ктому да не крадетъ* (ст. 28). Видишь, какіе члены у ветхаго человѣка? Ложь, памятозлобіе, воровство. Почему онъ не сказалъ: крадый да будетъ наказанъ, да подвергнется пыткѣ и истязанію, но—да не крадетъ? *Но паче да труждается, дѣлая рукама благое, да иматъ подаяти требующему* (ст. 28). Гдѣ тѣ, которые называютъ себя чистыми, которые, будучи исполнены всякой нечистоты, дерзаютъ называть себя такъ? Вѣдь для того, чтобы снять съ себя обвиненіе, нужно не отстать только отъ грѣха, но и сдѣлать что-либо доброе. Смотри, какъ должно заглаждать грѣхи: они крали,—это значитъ совершить грѣхъ; не крали,—это не значитъ загладить грѣхъ; но какъ (могли бы это сдѣлать)? Если бы 103
они трудились и помогали другимъ, то этимъ они загладили бы грѣхъ. Апостолъ хочетъ, чтобы мы не просто дѣлали, но чтобы трудились, чтобы отдавали другимъ. И тотъ, кто крадетъ, также дѣлаетъ, но дѣлаетъ зло. *Всяко слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ* (ст. 29). Какое это слово—*гнило?* То, которое въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ словомъ празднымъ, злословіемъ, срамословіемъ, суесловіемъ, буесловіемъ. Видишь ли, какъ онъ посѣкаетъ самые корни гнѣва — ложь, воровство, необдуманныя рѣчи? Слова: *да не крадетъ* онъ сказалъ не столько для того, чтобы оказать снисхожденіе тѣмъ (кравшимъ), сколько для того, чтобы потерпѣвшимъ отъ этого внушить кротость и убѣдить ихъ удовольствоваться тѣмъ, что они уже больше не подвергнутся этому. Кстати учитъ онъ и относительно словъ, потому что не только за дѣла, но и за слова мы дадимъ отвѣтъ. *Но точію*, говоритъ, *еже есть благо къ созданію вѣры, да дастъ благодать слышащимъ* (ст. 29). То есть, говори только то, что назидаетъ ближняго, и ничего излишняго.

3. Богъ далъ тебѣ уста и языкъ для того, чтобы ты благодарилъ Его и назидалъ ближняго. Если же ты разрушаешь зданіе, то лучше молчать и ничего не говорить. И руки художника, назначенныя для построенія стѣнъ, но вмѣсто того навыкшія разрушать ихъ, справедливо было бы отсѣчь. Такъ и Псалмопѣвецъ говоритъ: *потребитъ Господь вся устны льстивыя* (Псал. 1, 4). Языкъ—причина всѣхъ золъ, или лучше, не языкъ, а тѣ, которые худо имъ пользуются. Отсюда—обиды, злословія, хулы, страсть къ удовольствіямъ, убійства, любодѣяніе, воровство, все раждается отсюда. Какимъ же образомъ, говорятъ, отсюда—убійства? Отъ оскорбительнаго слова ты придешь въ гнѣвъ, разгнѣванный начнешь драться, отъ драки недалеко до убійства. Какимъ

образомъ—любодѣяніе? Тебѣ скажутъ, что такая-то особенно расположена къ тебѣ, она отзывается о тебѣ съ отличной стороны; эти слова поколеблютъ твою твердость, а затѣмъ въ тебѣ возникнутъ и нечистыя пожеланія. Потому-то и сказалъ Павелъ: *еже есть благо.* Такъ какъ словъ великое множество, то онъ справедливо выразился неопредѣленно, повелѣвая касательно ихъ употребленія, и давая правило, какъ вести рѣчь. Какое же правило? *Еже есть къ созданію,* сказалъ онъ. Иначе сказать: (говори такъ), чтобы слушающій тебя былъ благодаренъ тебѣ. Напримѣръ, твой братъ соблудилъ: не поноси его обидными словами, не насмѣхайся надъ нимъ. Ты не доставишь этимъ ни мало пользы слушающему, но рѣшительно повредишь ему, если будешь язвить его (своими словами). Если же ты будешь увѣщевать его, какъ онъ долженъ поступать, то этимъ заслужишь отъ него великую благодарность. Если ты научишь его имѣть доброрѣчивыя уста, научишь не злословить, то этимъ ты многому его обучишь и заслужишь его благодарность. Если будешь говорить съ нимъ о раскаяніи, о стыдливости, о милостынѣ, все это будетъ смягчать его душу. За все это онъ выскажетъ тебѣ свою благодарность. Если же ты возбудишь смѣхъ, произнесешь непристойное слово, а тѣмъ болѣе, если похвалишь порокъ, то ты все разстроишь и погубишь. Такъ можно понимать слова (апостола). Или же слова эти значатъ: чтобы ихъ (слушающихъ) сдѣлать облагодатствованными. Вѣдь подобно тому, какъ миро подаетъ благодать помазующимся имъ, такъ и доброе слово. Потому и сказалъ нѣкто: *муро изліянное имя твое* (Пѣсн. Пѣсн. I, 2). Оно (доброе слово) наполняетъ (слушающихъ) своимъ благовоніемъ. Видишь ли: о чемъ внушаетъ онъ вездѣ, о томъ говоритъ и теперь, когда повелѣваетъ каждому назидать ближняго по мѣрѣ своихъ силъ? Итакъ, увѣщевая другихъ поступать такимъ образомъ, тѣмъ болѣе (располагай къ этому) себя самого. *И не оскорбляйте,* говоритъ, *Духа Святаго.* Это—слова, приводящія въ страхъ и
104 ужасъ, которыя (апостолъ) повторяетъ и въ посланіи къ Ѳессалоникійцамъ. И тамъ онъ выразилъ нѣчто подобное, сказавъ: *тѣмже убо отметаяй не человѣка отметаетъ, но Бога* (1 Сол. IV, 4, 8). Такъ и здѣсь: если ты скажешь оскорбительное слово, если огорчишь брата, то огорчишь не его, а оскорбишь Духа Святого. При этомъ (апостолъ) указываетъ еще и на благодѣяніе (полученное отъ Святого Духа), чтобы тѣмъ сильнѣе было обвиненіе: *и не оскорбляйте,* говоритъ, *Духа Святаго, имже знаменастеся въ день избавленія* (ст. 30). Онъ (Святой Духъ) содѣлалъ насъ пажитію царевою, освободилъ насъ отъ всѣхъ прежнихъ (золъ), не оставилъ насъ въ числѣ тѣхъ, которые подлежатъ гнѣву Божію,

и—ты оскорбляешь Его? Смотри, какой тамъ (внушается) страхъ: *тѣмже убо отметаяй*, говоритъ, *не человѣка отметаетъ, но Бога;* а здѣсь—онъ пристыжаетъ словами: *не оскорбляйте Духа Святаго, имже знаменастеся.* Пусть эти слова, какъ печать, лежатъ на твоихъ устахъ; не уничтожай этихъ знаковъ. Уста, запечатлѣнныя Духомъ, ничего такого (непристойнаго) не изрекаютъ. Не говори: не важно, если я произнесу дурное слово, если оскорблю того или другого. Потому-то это и великое зло, что ты почитаешь его ничтожнымъ. Зло, которое почитаютъ ничтожнымъ, легко оставляютъ въ пренебреженіи, а оставленное въ пренебреженіи оно усиливается, усилившись же, становится неизлѣчимымъ. У тебя уста запечатлѣны Духомъ? Вспомни, какое слово произнесъ ты сейчасъ, по своемъ рожденіи, вспомни о достоинствѣ твоихъ устъ. Ты называешь Бога своимъ Отцемъ и въ то же время поносишь своего брата? Помысли о томъ, почему ты называешь Бога своимъ Отцемъ. (Потому ли, что Онъ отецъ) по природѣ? Но поэтому ты не могъ бы (называть Его такъ). За добродѣтель? Нѣтъ, и не за то. Почему же? По одному человѣколюбію (Божію), по Его благосердію, по Его великой милости. Итакъ, когда ты называешь Бога Отцемъ, то имѣй въ мысли не только то, что, оскорбляя (своего брата), ты поступаешь недостойно этого благородства, но и то, что ты имѣешь это благородство по благости (Божіей). Не срами же своего благородства,—которое самъ ты получилъ по милости,—жестокимъ обращеніемъ съ своими братьями. Называешь Бога своимъ Отцемъ, и оскорбляешь (своего ближняго)? Это не свойственно сыну Божію! Дѣло сына Божія—прощать врагамъ, молиться за своихъ распинателей, проливать кровь за ненавидящихъ его. Вотъ что достойно сына Божія: своихъ враговъ, неблагодарныхъ, воровъ, безстыдныхъ, коварныхъ—сдѣлать своими братьями и наслѣдниками, а не то, чтобы своихъ братьевъ оскорблять, точно какихъ невольниковъ.

4. Подумай, какія слова произносили уста твои, какой они удостоиваются трапезы; подумай, къ чему онѣ прикасаются, что вкушаютъ, какую принимаютъ пищу. Ты полагаешь, что, злословя своего брата, ты не дѣлаешь важнаго преступленія? Какъ же, въ такомъ случаѣ, ты называешь его братомъ? А если онъ тебѣ—не братъ, то какъ же ты говоришь: *Отче нашъ?* Вѣдь слово—*нашъ* указываетъ на множественность лицъ. Подумай, съ кѣмъ ты стоишь во время тайнодѣйствій: съ херувимами, съ серафимами. Серафимы не злословятъ, но ихъ уста имѣютъ одно только занятіе—славословить и прославлять Бога. Какъ же ты будешь вмѣстѣ съ ними говорить: *святъ, святъ, святъ*,—послѣ того какъ произносилъ своими устами злословія? Скажи мнѣ: если бы

царскій сосудъ, всегда наполнявшійся царскими кушаньями и назначенный на такое употребленіе, кто-нибудь изъ слугъ употребилъ для нечистотъ, посмѣлъ ли бы онъ послѣ этого опять ставить вмѣстѣ съ другими, употребляющимися при царскомъ столѣ, сосудами и этотъ, наполненный нечистотами? Отнюдь нѣтъ. Таково же и злословіе, таково и оскорбленіе (ближняго)! *Отче нашъ.*
105 И то ли одно ты произносишь? Вникни и въ слѣдующія слова: *иже еси на небесѣхъ.* Сейчасъ ты сказалъ: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ,*—и эти слова возбудили тебя, окрылили твою мысль, внушили, что ты имѣешь Отца на небесахъ. Не дѣлай же ничего, не говори ничего земного. Они вознесли тебя въ горній чинъ, присоединили тебя къ небесному лику. Зачѣмъ же ты низвергаешься долу? Предстоишь предъ престоломъ Царскимъ, и произносишь злословія! Ужели ты не боишься, что Царь почтетъ твой поступокъ за оскорбленіе Себѣ? Когда рабъ, предъ нашими глазами, наноситъ удары другому рабу и поноситъ его, то, хотя бы онъ дѣлалъ это и по праву, мы тотчасъ взыскиваемъ, принимая такой поступокъ за обиду себѣ: а ты, поставленный вмѣстѣ съ херувимами предъ престоломъ Царя, поносишь своего брата? Видишь ли эти святые сосуды? Они имѣютъ одно назначеніе: кто же осмѣлится употребить ихъ на другое? А ты святѣе ихъ и гораздо святѣе: зачѣмъ же ты оскверняешь себя и мараешь грязью? Стоишь на небесахъ, и предаешься злословію? Живешь съ ангелами, и злословишь? Удостоился лобзанія Владычняго, и произносишь злословія? Богъ украсилъ твои уста столькими ангельскими пѣснопѣніями, удостоилъ ихъ брашна не ангельскаго, но свышеангельскаго—Своего лобзанія и Своихъ объятій, и ты предаешься злословію? Оставь это, прошу тебя. Такое поведеніе производитъ великія бѣдствія и не свойственно душѣ
106 христіанской. Ужели мы не убѣдили тебя своими словами, не пристыдили? Въ такомъ случаѣ необходимо устрашить тебя. Послушай же, что говоритъ Христосъ: *иже речетъ брату своему: уроде, повиненъ есть гееннѣ огненнѣй* (Мѳ. v, 22). Итакъ, если онъ угрожаетъ геенной тому, кто скажетъ самое легкое (изъ обидныхъ словъ), то чего заслуживаетъ тотъ, кто произноситъ болѣе дерзкія укоризны? Научимъ свои уста доброрѣчію. Отсюда происходитъ великая польза, а отъ злорѣчія—великій вредъ. Здѣсь не нужно тратить денегъ,—приставимъ только (къ устамъ) дверь и запоръ, будемъ угрызать самихъ себя, какъ только съ нашего языка сорвется оскорбительное слово, будемъ умолять Бога, будемъ упрашивать оскорбленнаго нами, чтобы намъ не страдать безвинно,—вѣдь мы огорчили себя, а не его,—обратимся къ лѣкарству, къ молитвѣ и къ примиренію съ обиженнымъ. Если мы

должны наблюдать такую осторожность въ словахъ, то тѣмъ болѣе—въ дѣлахъ будемъ къ себѣ строги. Будутъ ли это твои друзья, будетъ ли другой кто, кого ты злословилъ и поносилъ, извинись предъ ними и испроси у нихъ себѣ наказанія. Будемъ знать, по крайней мѣрѣ, что злословіе есть грѣхъ. Если будемъ это знать, то скорѣе отстанемъ отъ него. Богъ же мира да сохранитъ вашъ умъ и языкъ и да оградитъ твердою стѣною—Своимъ страхомъ, во Христѣ Іисусѣ и Господѣ нашемъ, съ Которымъ слава Отцу и Святому Духу.

БЕСѢДА XV.

Всяка горесть и гнѣвъ, и ярость, и кличъ, и хула да 105
возмется отъ васъ со всякою злобою (Еф. IV, 31).

1. Какъ рои пчелъ никогда не садятся въ нечистый сосудъ, и потому люди, опытные въ этомъ, приготовляютъ для нихъ мѣсто, окуривая его куреніями, мастиками и всякаго рода благовоніями, обрызгиваютъ ароматными винами и всякими другими составами корзины, въ которыя они должны садиться, отроившись изъ ульевъ, и дѣлаютъ все это для того, чтобы непріятный запахъ, противный пчеламъ, не заставилъ ихъ летѣть прочь,—такъ все это примѣнимо и къ Святому Духу. Наша душа есть какъ бы какой сосудъ или корзина, въ которой могутъ помѣщаться рои духовныхъ дарованій; но, если она наполнена желчію, горечью и гнѣвомъ, то эти рои отлетаютъ отъ нея прочь. Поэтому-то этотъ блаженный и мудрый домохозяинъ тщательно очищаетъ наши сосуды, не употребляя для этого ни ножа, ни другого какого желѣзнаго орудія. Онъ призываетъ насъ въ этотъ духовный улей и, устрояя его, очищаетъ его молитвами, трудами и всякими другими средствами. Посмотри, какъ онъ очищаетъ наше сердце: отгоните, говоритъ, ложь, отгоните гнѣвъ; и при этомъ показываетъ, какъ можно истребить зло съ корнемъ: да не будемъ, говоритъ, гнѣвливы духомъ. Съ нашею желчію обыкновенно бываетъ, что если ея немного, то и движеніе ея не сильно, когда расторгнется вмѣстилище; но когда ея ѣдкость и острота доведены до слишкомъ сильной степени, то заключавшее ее доселѣ вмѣстилище, будучи уже не въ состояніи долѣе задерживать ее въ себѣ и лопая какъ бы отъ сильнаго огня, дѣйствительно больше не удерживаетъ ее въ надлежащихъ грани- 106
цахъ; треснувъ отъ чрезмѣрнаго напряженія, онъ извергаетъ ее изъ себя и она расходится по всему тѣлу. И дикій и лютый

звѣрь, приведенный въ городъ, пока находится въ огражденномъ мѣстѣ, никому не можетъ сдѣлать вреда, сколько бы ни бѣсновался и ни кричалъ; но если, разъярившись, онъ перескакиваетъ ограду, то производитъ страхъ и тревогу въ цѣломъ городѣ и заставляетъ всѣхъ бѣжать отъ себя: таково же и естественное свойство желчи. Пока она находится въ своихъ границахъ, то не производитъ въ насъ никакого важнаго вреда: но когда лопнетъ ея оболочка, и ей уже ничто не мѣшаетъ разлиться по всему тѣлу, тогда-то она, несмотря на свое крайне незначительное количество, по причинѣ своей качественной силы проникаетъ собою всѣ элементы тѣла и портитъ ихъ своею дурною примѣсью. Такъ, касаясь крови, къ которой она близка и по мѣсту и по качеству, разгорячаетъ ее и все, что ни есть вблизи ея, дѣлаетъ излишне влажнымъ и обращаетъ въ желчь; затѣмъ производитъ безпорядокъ и въ другихъ частяхъ тѣла и, такимъ образомъ, все перепортивъ собою, лишаетъ человѣка употребленія языка и доводитъ его до смерти, изгоняя изъ тѣла душу. Но для чего мы говоримъ обо всемъ этомъ съ такою по-
107 дробностію? Для того, чтобы намъ, чрезъ сравненіе съ чувственною желчію, лучше понять весь нестерпимый вредъ желчи духовной,—какъ она, производя совершенное разстройство въ нашей душѣ, отъ которой раждается, причиняетъ ей совершенную погибель,—и чтобы, зная это, мы береглись, какъ бы не испытать на себѣ (ея вреднаго дѣйствія). Какъ та (желчь вещественная) производитъ воспаленіе въ тѣлесномъ составѣ, такъ эта (духовная) разжигаетъ наши мысли и низводитъ того, кѣмъ овладѣваетъ, въ геенискую пропасть. Итакъ, чтобы намъ, послѣ того какъ мы все это тщательно разсмотрѣли, избѣжать этого зла, обуздать этого звѣря, а лучше—чтобы съ корнемъ вырвать, для этого послушаемъ словъ Павла: *всяка горесть да возмется*,—не сказалъ: да очистится,—*отъ васъ*. Въ самомъ дѣлѣ, какая мнѣ надобность удерживать ее при себѣ? Для чего мнѣ держать у себя звѣря, котораго можно удалить изъ души и прогнать далеко прочь? Послушаемъ же словъ Павла: *всяка горесть да возмется отъ васъ*. Но, къ сожалѣнію, вотъ какое у насъ замѣшательство. Тогда какъ слѣдовало бы всячески стараться объ этомъ, нѣкоторые такъ неразумны, что считаютъ за счастіе для себя такое зло, гордятся имъ, тщеславятся и возбуждаютъ зависть въ другихъ. Такой-то, говорятъ, человѣкъ желчный, настоящій скорпіонъ, змѣй, ехидна: его страшно боятся! Что боишься ты, возлюбленный, желчнаго человѣка? Боюсь, говоритъ, чтобы онъ не сдѣлалъ мнѣ вреда, не оскорбилъ меня. Я неопытенъ въ коварствѣ, какъ онъ, и потому боюсь, чтобы онъ

не завлекъ меня въ свои сѣти, какъ человѣка простого и неспособнаго проникать въ его замыслы, и не опуталъ насъ своими ковами, приготовленными для нашего обмана. Смѣшно! Почему? Потому что такія слова приличны дѣтямъ, которыя боятся того, что нисколько не страшно. Въ самомъ дѣлѣ, никто столько не заслуживаетъ презрѣнія, никто столько не достоинъ посмѣянія, какъ желчный и злой человѣкъ. Вѣдь ничего нѣтъ безсильнѣе злобы: она дѣлаетъ (человѣка) безсмысленнымъ и безумнымъ.

2. Развѣ вы не видите, что злоба слѣпа? Развѣ вы не слышали, что копающій яму ближнему роетъ ее для себя? Но какъ же, скажутъ, не бояться человѣка, предавшагося гнѣву? Если должно бояться демоновъ и сумасшедшихъ, то должно бояться и гнѣвливыхъ людей, какъ безумцевъ, все дѣлающихъ безъ разсужденія. Соглашаюсь и я съ этимъ, но отнюдь не согласенъ съ тѣмъ, будто въ дѣлахъ надобно прибѣгать къ помощи такихъ людей. Для успѣшнаго веденія дѣлъ всего больше необходимо благоразуміе: коварство же, злоба и лукавство болѣе всего препятствуютъ намъ сохранять благоразуміе. Не видите ли, каковы бываютъ тѣла, въ которыхъ разливается желчь, какъ они бываютъ невзрачны, совершенно потерявъ естественный свой цвѣтъ? Какъ они бываютъ слабы, немощны и ни къ чему не способны? Таковы же и души, одержимыя этою болѣзнію. Коварство—это не что иное, какъ желчная болѣзнь души. Итакъ, коварство ни мало не сильно, отнюдь нѣтъ. Хотите ли я опять уясню для васъ свои слова примѣромъ, представивъ вамъ образецъ (человѣка) коварнаго и простого? Авессаломъ былъ коваренъ и всѣхъ привлекъ на свою сторону. Смотри же, каково было это коварство. Онъ ходилъ, какъ сказано, (близъ вратъ) и всякому говорилъ: *нѣсть ти суда* (2 Цар. XV, 3), — желая привлечь этимъ на свою сторону. А Давидъ былъ простъ. Что же? Смотри, каковъ 103
былъ успѣхъ того и другого, смотри, какъ тотъ оказался безразсуднымъ. Такъ какъ онъ имѣлъ въ виду только то, какъ бы вредить своему отцу, то и былъ слѣпъ относительно всего остального. Но Давидъ не такъ, потому что *иже ходитъ просто, ходитъ надѣяся* (Прит. X, 9),—то есть, кто ничего не замышляетъ на другихъ, не готовитъ никому зла. Итакъ, послушаемся блаженнаго Павла и пожалѣемъ о злонравныхъ людяхъ, будемъ оплакивать ихъ и всячески стараться употреблять всѣ мѣры къ тому, чтобы освободить ихъ душу отъ этого зла. И не безразсудно ли это,—что мы стараемся ослаблять силу желчи, — хотя она и необходимый элементъ (въ тѣлѣ), такъ какъ безъ нея человѣкъ не можетъ жить—я разумѣю желчь стихійную,—не безразсудно ли, говорю, что мы стараемся ослаблять ея силу, несмотря на то,

что она весьма полезна для насъ, и между тѣмъ нисколько не заботимся и не стараемся о томъ, чтобы подавлять въ себѣ желчь душевную, которая ни къ чему не полезна, напротивъ производитъ столько зла? *Аще кто мнится мудръ быти въ васъ*, сказано, *буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ* (1 Кор. III, 18); или какъ еще говоритъ св. Лука: *пріимаху* (вѣрующіе) *пищу въ радости и въ простотѣ сердца, хваляще Бога, и имуще благодать у всѣхъ людей* (Дѣян. II, 46). Не видимъ ли мы и теперь, что люди простые и нековарные пользуются отъ всѣхъ общимъ уваженіемъ? Никто такимъ людямъ не завидуетъ въ счастіи, никто не нападаетъ на нихъ въ несчастіи; но всѣ радуются ихъ благополучію и сожалѣютъ объ нихъ, если ихъ постигаетъ несчастіе. Напротивъ, когда благоденствуетъ человѣкъ злонравный, то всѣ скорбятъ объ этомъ, какъ бы о какомъ несчастіи; а если онъ впадаетъ въ несчастіе, то всѣ этому радуются. Пожалѣемъ же о такихъ людяхъ, потому что они вездѣ, на каждомъ шагу, имѣютъ у себя враговъ. Іаковъ былъ простосердеченъ, но побѣдилъ злонравнаго Исава, потому что *въ злохудожну душу не внидетъ премудрость* (Прем. I, 3). *Всяка горесть да возмется отъ васъ*, такъ чтобы ея уже нисколько не оставалось. Иначе этотъ остатокъ, если будетъ возбужденъ, то, подобно искрѣ, произведетъ внутри цѣлый пламень. Итакъ, тщательнѣе разсмотримъ, что такое эта горесть: ей подверженъ человѣкъ коварный, хитрый, злокозненный, подозрительный; отъ нея всегда раждается гнѣвъ и ярость, потому что невозможно такой душѣ оставаться въ спокойствіи. Горесть—корень гнѣва и ярости. Такой (человѣкъ) угрюмъ, никогда не отдыхаетъ душой, всегда задумчивъ, всегда мраченъ, потому что, какъ я сказалъ, эти люди первые испытываютъ на себѣ дурныя послѣдствія своего злого нрава. *И кличъ*. Что это? И почему (апостолъ) запрещаетъ *кличъ?* Потому что таковъ долженъ быть (человѣкъ) кроткій. Крикъ—это конь, имѣющій своимъ всадникомъ гнѣвъ. Смири коня и побѣдишь всадника. Пусть выслушаютъ это съ особеннымъ вниманіемъ женщины, потому что онѣ особенно любятъ кричать и шумѣть во всякомъ дѣлѣ. Въ одномъ только случаѣ полезно говорить громко, это — въ проповѣданіи и ученіи, а болѣе нигдѣ, ни даже въ молитвѣ. Если ты хочешь провѣрить наши слова на дѣлѣ, то воздерживайся всегда отъ крика, и ты никогда не придешь въ гнѣвъ. Вотъ способъ укрощенія гнѣва! И какъ невозможно разгнѣваться тому, кто удерживается отъ крика, такъ невозможно не придти въ гнѣвъ тому, кто кричитъ. Не говори мнѣ здѣсь о людяхъ враждующихъ, злопамятныхъ, злобныхъ и раздражительныхъ: у насъ теперь идетъ рѣчь о немедленномъ погашеніи этой страсти.

3. Итакъ, если мы пріучимъ себя воздерживаться отъ крика 109
и брани, то это немало можетъ способствовать намъ къ укрощенію души. Подави крикъ, и ты этимъ отнимешь крылья у своего гнѣва, укротишь волненіе сердца. И какъ невозможно, не поднимая рукъ, вступить въ кулачный бой, такъ невозможно, не поднимая крика, предаться гнѣву. Свяжи руки у бойца и вели ему биться,—онъ не въ состояніи будетъ этого дѣлать; точно также не можетъ и гнѣвъ. Крикъ же возбуждаетъ гнѣвъ даже и тогда, когда его нѣтъ. Особенно скоро, въ подобномъ случаѣ, (гнѣвъ) овладѣваетъ женщинами. Когда женщина прогнѣвается на своихъ служанокъ, то весь домъ наполняетъ своимъ крикомъ. И какъ часто случается, что домъ бываетъ выстроенъ на тѣсной улицѣ, то всѣ мимоходящіе слышатъ ея брань и вопли служанки. Что можетъ быть постыднѣе, какъ слышать чьи-либо вопли? Всѣ тогда начинаютъ подслушивать и спрашивать: что такое тамъ случилось? Такая-то, говорятъ, бьетъ свою служанку. Какъ это безобразно, какой стыдъ! Но что же, (скажутъ), ужели вовсе не нужно прибѣгать къ наказаніямъ? Я этого не говорю: нужно, но только не безпрестанно, не безъ мѣры, не изъ желанія выместить на другихъ свою досаду, даже и не за неисправность, какъ я постоянно говорю, но лишь тогда, когда она вредитъ своей душѣ. Если ты по этому побужденію взыскиваешь съ нея, то всѣ будутъ хвалить тебя и никто не осудитъ. Если же (ты бьешь ее) по своей прихоти, то всѣ признаютъ твою горячность и жестокость. И что всего постыднѣе, нѣкоторыя такъ бываютъ жестоки и безжалостны, до того бичуютъ (своихъ служанокъ), что раны не сходятъ съ нихъ цѣлый день. Онѣ обнажаютъ дѣвицъ и, при содѣйствіи мужа, часто привязываютъ ихъ къ стульямъ. Увы, скажи мнѣ, ужели въ это время тебѣ не приходитъ на память геенна? Но ты обнажаешь дѣвушку, и показываешь мужу: ты не стыдишься того, что онъ тебя осудитъ? Напротивъ ты, какъ можно сильнѣе, побуждаешь его къ жестокости, настаиваешь связать ее, и прежде всего осыпаешь бѣдную и несчастную тысячею бранныхъ словъ, называя ее ѳессалинкою [1]), бѣглянкою, проституткой. Гнѣвъ не щадитъ твоихъ устъ, имѣя въ виду одно, какъ бы досадить виновной, хотя бы съ позоромъ для себя. Послѣ всего этого, прогнѣванная садится на своемъ мѣстѣ, подобно тирану, призываетъ отроковъ и, давши приказъ глупому мужу, употребляетъ его вмѣсто палача.

---

[1]) *Ѳессалинки* въ древности слыли за чародѣекъ, какъ это можно видѣть у *Аристофана* и его комментаторовъ, также у Свиды и другихъ. У латинскихъ *поэтовъ и писателей* это было общимъ мѣстомъ.

Должно ли это происходить въ христіанскихъ домахъ? Но, говорятъ, такъ поступаютъ съ людьми лукавыми, безсовѣстными, безстыдными и неисправимыми. Знаю это и я. Но ихъ можно бы исправлять инымъ образомъ, напр., страхомъ, угрозами, словами и при томъ такими, которыя бы могли подѣйствовать на нихъ и въ то же время не унижали тебя. Ты, будучи благородной женщиной, произносишь постыдныя слова и этимъ ты не столько ли же безчестишь и себя, сколько ее? Потомъ, если ей понадобится пойти въ баню, то раны на ея обнаженной спинѣ не будутъ ли свидѣтельствовать о твоей жестокости? Но, говорятъ, рабы дѣлаются негодными, если ихъ предоставить самимъ себѣ. Я и это знаю; но исправляй ихъ, какъ я уже говорилъ, иначе, не бичами только, не страхомъ, но и ласкою, и добрымъ обращеніемъ. Она стала твоею сестрою, если она вѣрующая. Помни, что ты ея госпожа, она тебѣ служитъ. Если она склонна къ пьянству, отними у ней возможность пьянствовать, призови мужа, увѣщевай. Ужели ты не понимаешь, какъ тебѣ неприлично бить женщину? Законодатели, установившіе много наказаній для мужчинъ, и костры и пытки, рѣдко приговариваютъ къ этому
110 женщину, но простираютъ строгость только до сѣченія розгами.
Они такъ снисходительны къ ихъ полу, что въ необходимыхъ случаяхъ даже освобождаютъ ихъ отъ тяжелыхъ наказаній, особенно когда онѣ бываютъ беременными. Неприлично мужчинѣ бить женщину; если же (неприлично это) мужчинѣ, то тѣмъ болѣе той, которая съ ней одного пола. Это дѣлаетъ и женъ ненавистными для своихъ мужей. Но что дѣлать, говорятъ, если она предается распутству? Выдай ее замужъ, пресѣки поводъ къ распутству, не позволяй развратничать. Но что, если она воруетъ? Наблюдай и присматривай за ней. О, скажешь, что за претензіи? Мнѣ быть сторожемъ? Какое безуміе! Отчего же, скажи, и не быть тебѣ ея сторожемъ? Развѣ у тебя не такая же душа, какъ и у ней? Развѣ она не удостоена тѣхъ же (даровъ) отъ Бога? Не къ одной ли она приступаетъ съ тобой трапезѣ? Не раздѣляетъ ли она и твоего (духовнаго) благородства? Что же, говоришь ты, если она бранчива, сварлива, склонна къ пьянству? А сколько есть такихъ и между свободными женами? Господь повелѣлъ мужамъ переносить всѣ недостатки женъ. Пусть только, говоритъ, твоя жена не будетъ прелюбодѣйцею, и ты сноси всѣ другіе ея недостатки. Если она склонна къ пьянству, если бранчива и сварлива, если завистлива, если расточительна, если любитъ пышные наряды,—тебѣ необходимо исправлять ее. Для того ты ея глава. Исправляй же, дѣлай для этого то, что отъ тебя зависитъ. Если она остается неисправимою, если воруетъ,—храни

свое имущество, но не наказывай ее такъ жестоко. Если она сварлива, загради ея уста. Это (правило) высшаго любомудрія. А между тѣмъ нѣкоторые доходятъ до такого безстыдства, что срываютъ у служанокъ покрывала съ головы и таскаютъ ихъ за волосы.

4. Что вы всѣ покраснѣли? У насъ рѣчь не о всѣхъ, но только о тѣхъ, которыя предаются такой звѣрской жестокости. *Жена да не будетъ непокровенна* (1 Кор. XI, 6), говоритъ Павелъ; а ты совершенно лишаешь ее покрывала? Видишь ли, какъ ты оскорбляешь саму себя? Если она явится къ тебѣ съ непокрытой головой, ты называешь это оскорбленіемъ; а между тѣмъ сама, обнажая ее, ты не считаешь своего поступка непристойнымъ? Потомъ ты говоришь: что мнѣ дѣлать, если она не исправляется? Вразуми ее розгой и ударами. При томъ (подумай), сколько и у тебя самой недостатковъ, и ты не исправляешь ихъ? Говорится теперь это не въ защиту ихъ (служанокъ), а для вашей пользы, свободныя женщины, чтобы вы не дѣлали ничего неприличнаго и унизительнаго, чтобы не вредили себѣ. Если ты дома пріучишь себя къ тихому и кроткому обращенію съ служанкой, то тѣмъ болѣе такою будешь по отношенію къ своему мужу. Если ты даже тамъ, гдѣ ты свободна въ своихъ поступкахъ, не будешь дѣлать ничего подобнаго, то тѣмъ болѣе не будешь дѣлать этого тамъ, гдѣ есть къ тому препятствіе. Такимъ образомъ благоразумное обращеніе съ служанками весьма много можетъ вамъ способствовать къ пріобрѣтенію благосклонности у своихъ мужей. *Еюже бо мѣрою мѣрите,* сказано, *возмѣрится вамъ* (Мѳ. VII, 2). Обуздай свои уста. И если ты научишься твердо переносить строптивость служанки, то ты не будешь огорчаться и тогда, когда потерпишь обиду отъ равной себѣ; когда же ты не будешь огорчаться этимъ, то ты достигнешь высокаго любомудрія. Но иные во гнѣвѣ употребляютъ даже проклятія: ничего не можетъ быть хуже, какъ выражать свой гнѣвъ такимъ образомъ. Что же мнѣ, скажешь ты, дѣлать, если она (служанка) любитъ украшать свою наружность? Удержи ее отъ этого, и я одобрю, но удержи, начавши съ себя самой, не столько страхомъ, сколько своимъ примѣромъ. Будь ей во всемъ первымъ образцомъ. И *хула,* говоритъ (апостолъ), *да возмется отъ васъ.* Замѣчай, какъ происходитъ зло: горесть раждаетъ гнѣвъ, гнѣвъ—ярость, ярость—крикъ, крикъ—хулу, т. е. бранныя слова, затѣмъ хула—удары, удары—раны, раны—смерть. Но ничего подобнаго Павелъ не хо- 111
тѣлъ сказать, а сказалъ только: *да возмется со всякою злобою.* Что такое—*со всякою злобою?* Всякая злоба ведетъ къ этому концу. Есть (люди, которые) подобны тѣмъ хитрымъ собакамъ, что не

лаютъ и не нападаютъ прямо на проходящихъ, но притворяясь смирными и кроткими, схватываютъ неосторожныхъ и вонзаютъ въ нихъ свои зубы. Такія гораздо хуже нападающихъ прямо. Такъ какъ и между людьми есть собаки, которыя, не прибѣгая къ крику, къ гнѣву, къ оскорбленіямъ и угрозамъ, строятъ тайные ковы и приготовляютъ другимъ тысячу золъ, мстя имъ дѣлами, то (апостолъ) указалъ и на такихъ. *Да возмется*, говоритъ, *отъ васъ со всякою злобою*. Не мсти и дѣлами, если щадишь слова. Для того я удержалъ твой языкъ, остановилъ крикъ, чтобы въ тебѣ не возгорѣлся сильнѣйшій пламень. Если же ты и безъ крика дѣлаешь то же самое, таишь внутри себя пламень и угли, то что пользы въ твоемъ молчаніи? Развѣ ты не знаешь, что тѣ пожары хуже, которые таятся внутри и не бываютъ видны снаружи? Не также ли и раны, которыя не выходятъ наружу, а
112 производятъ воспаленіе внутри? Такъ и тотъ (скрытый) гнѣвъ хуже и вреднѣе для души. Но и онъ, говоритъ (апостолъ), *да возмется отъ васъ со всякою злобою*, какъ малою, такъ и великою. Будемъ же послушны ему и изгонимъ изъ себя всякую горесть, всякую злобу, чтобы намъ не оскорбить Святого Духа. Истребимъ горесть съ корнемъ, отсѣчемъ ее отъ себя. Ничего добраго не можетъ быть душѣ, наполненной горечью, ничего полезнаго, но отъ нея всѣ несчастія, всѣ слезы, всѣ вопли и стенанія. Не видите ли, какъ мы отвращаемся отъ тѣхъ звѣрей, которые кричатъ, именно отъ львовъ, отъ медвѣдей, но не отъ овцы, такъ какъ у ней нѣтъ крикливости, а тихій голосъ? Равнымъ образомъ изъ музыкальныхъ инструментовъ тѣ, которые издаютъ крикливые звуки, непріятны для слуха, какъ, напримѣръ, тимпаны, трубы, а тѣ, которые обладаютъ тихими звуками, пріятны, каковы: флейта, цитра и свирѣли. Итакъ, настроимъ свою душу удерживаться отъ крика, и этимъ мы сможемъ подавить въ себѣ гнѣвъ. А когда мы отгонимъ отъ себя (гнѣвъ), то сами первые насладимся спокойствіемъ и приплывемъ въ тихую пристань, куда да будетъ дано всѣмъ намъ достигнуть во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVI.

Всяка горесть и гнѣвъ, и ярость, и кличъ, и хула да возмется отъ васъ со всякою злобою. Бывайте же другъ ко другу блази, милосерди, прощающе другъ другу, якоже и Богъ простилъ есть вамъ (Еф. IV, 31, 32). 111

1. Если нужно получить царство небесное, то недостаточно освободиться отъ грѣха, но нужно еще много упражняться и въ добродѣтеляхъ. Отъ порочныхъ дѣйствій нужно удерживаться для того, чтобы освободиться отъ геенны; а чтобы наслѣдовать царство (небесное), необходимо стяжать добродѣтель. Развѣ вы не знаете, что такъ бываетъ и въ свѣтскихъ судилищахъ, когда происходитъ изслѣдованіе какого-либо дѣла и въ собраніе стекается весь городъ? И тамъ былъ древній обычай — увѣнчивать золотымъ вѣнцомъ не того, кто не сдѣлалъ зла городу,—потому что за это онъ только не подвергается наказанію,—но того, кто оказалъ много благодѣяній. Таковъ путь къ этой почести! Но я не знаю, какъ случилось, что едва не ускользнуло отъ меня то, что преимущественно необходимо было сказать вамъ; я возстановляю первую часть этого отдѣла, сдѣлавъ въ немъ небольшую поправку. Когда я говорилъ, что для того, чтобы не впасть въ геенну, достаточно намъ воздерживаться отъ худого, то, пока я говорилъ, мнѣ пришла на мысль нѣкоторая страшная угроза, обѣщающая наказаніе не тѣмъ, кто дерзнулъ (сдѣлать) какое-либо зло, но тѣмъ, которые опустили (сдѣлать) что-либо доброе. Что же это за угроза? Когда наступитъ, сказано, и придетъ страшный Господній день, то Судія, возсѣвши на сѣдалищѣ, и поставивши овецъ съ правой стороны, а козлищъ съ лѣвой, скажетъ овцамъ: *пріидите благословенніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра: взалкахся бо, и дасте ми ясти* (Мѳ. XXV, 34, 35). Это прекрасно,—потому что слѣдовало 112
имъ за такое великое милосердіе получить такое воздаяніе. Но когда тѣ, которые не удѣляютъ нуждающимся изъ того, что имѣютъ сами, наказываются не только лишеніемъ благъ, но и посылаются въ огонь геенскій,—какой въ этомъ смыслъ? Конечно, и здѣсь не менѣе благоприличный смыслъ, чѣмъ въ предъидущемъ. Чрезъ это именно мы научаемся, что творящіе благое наслаждятся благами на небесахъ; а тѣ, которыхъ нельзя обличить *ни въ чемъ худомъ*, но которые (опустили) сдѣлать что-либо доброе, *повержены будутъ* въ огонь геенскій вмѣстѣ съ творившими *злое*. Можно сказать, что не дѣлать добра — есть уже отчасти зло, потому что показываетъ лѣность, а лѣность есть (со-

ставная) часть зла, или вѣрнѣе, не часть, а поводъ къ злу и корень зла. Вѣдь всякому злу научила праздность. Послѣ этого не безразсудно ли задаемъ мы вопросы, въ родѣ того: какое займетъ мѣсто ничего не сдѣлавшій худого, и ничего добраго? Не дѣлать добра значитъ—дѣлать зло. Скажи мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, если есть у тебя какой-нибудь слуга, не воръ, не наглецъ, не грубіянъ, къ тому же воздерживающійся отъ пьянства и отъ всего прочаго, но который постоянно сидитъ празднымъ и ничего не дѣлаетъ такого, что слуга обязанъ исполнять для господина,— развѣ ты его не подвергнешь бичеванію и истязаніямъ? Конечно, скажешь ты. А между тѣмъ онъ ничего не сдѣлалъ дурного. Значитъ, это-то самое и худо (что онъ ничего не дѣлалъ добраго). Но, если угодно, поведемъ рѣчь и о другомъ образѣ жизни. Возьмемъ въ примѣръ земледѣльца: пусть онъ нисколько не причиняетъ ущерба нашему имуществу, не клевещетъ, не воруетъ, а только, сложа руки, сидитъ дома,—не сѣетъ, не проводитъ бороздъ, не запрягаетъ воловъ, не ухаживаетъ за виноградникомъ, вообще не прилагаетъ никакого попеченія о землѣ. Развѣ мы не
113 накажемъ такого? И однако онъ не сдѣлалъ никакой неправды, и намъ не въ чемъ обвинить его. Но этимъ самымъ (бездѣйствіемъ) онъ и совершилъ неправду, потому что, по общему понятію, неправедно поступаетъ тотъ, кто не принимаетъ съ своей стороны участія въ общемъ дѣлѣ. Что, скажи мнѣ, еслибы каждый изъ художниковъ и ремесленниковъ нисколько не дѣлалъ вреда ни тому, кто занимается отличнымъ отъ него ремесломъ, ни тому, кто — одинаковымъ, а только находился бы въ бездѣйствіи, не была ли бы для васъ погублена и утрачена такимъ образомъ цѣлая жизнь его? Если угодно, мы распространимъ свою рѣчь и на тѣло: такъ, пусть рука не бьетъ головы, не вырываетъ языка, не выкалываетъ глаза и вообще не дѣлаетъ никакого подобнаго зла, а только остается праздною и не исполняетъ своей службы всему тѣлу: развѣ несправедливо будетъ отсѣчь ее, вмѣсто того, чтобы носить ее праздною и вредною для всего тѣла? Или, если ротъ не съѣдаетъ рукъ, не кусаетъ груди, а только не дѣлаетъ ничего, что ему слѣдовало бы дѣлать,—не гораздо ли лучше зажать его? Итакъ, если и по отношенію къ рабочимъ, и по отношенію къ художникамъ, и по отношенію ко всему тѣлу большая несправедливость — не только совершеніе какого-либо зла, но даже и бездѣйствіе въ добрѣ,—то тѣмъ болѣе это бываетъ (несправедливо) со стороны (членовъ) тѣла Христова.

2. Потому-то и блаженный Павелъ, отвлекая насъ отъ неправды, ведетъ къ добродѣтели. Да и что пользы, скажи мнѣ, въ

томъ, если будутъ вырваны всѣ тернія, но не будутъ посѣяны полезныя сѣмена? Трудъ опять послужитъ намъ къ такому же вреду, если останется недовершеннымъ. Потому-то и Павелъ, усильно заботясь о насъ, даетъ намъ заповѣди не только объ отсѣченіи и удаленіи злыхъ дѣлъ, но и побуждаетъ въ скоромъ времени показать насажденіе дѣлъ добрыхъ. Сказавши: *всяка горесть и гнѣвъ, и ярость, и кличъ, и хула да возмется отъ васъ со всякою злобою*, онъ присовокупилъ: *бывайте же другъ ко другу благи, милосерди, прощающе другъ другу*,—потому что это—навыки и расположенія, и недостаточно удалиться отъ одного навыка, чтобы вмѣсто него пріобрѣсти другой (противоположный), но нужно снова нѣкоторое движеніе и стремленіе, не меньшее, чѣмъ при удаленіи отъ злыхъ дѣлъ, для того, чтобы стяжать дѣла добрыя. И въ отношеніи къ тѣлу, черный, освободившись отъ этого качества, еще не вдругъ дѣлается бѣлымъ. Впрочемъ, не станемъ говорить о предметахъ физическихъ, но приведемъ примѣръ изъ міра нравственнаго. Тотъ, кто не врагъ, не есть и полный другъ: есть нѣчто среднее между враждою и дружбою, въ каковыхъ отношеніяхъ къ намъ большая часть людей преимущественно и находится. Тотъ, кто не плачетъ, еще не всегда смѣется, но есть состояніе среднее. Такъ и здѣсь, кто не досадителенъ, тотъ еще не совершенно добръ, и кто не гнѣвливъ, тотъ не совсѣмъ участливъ. Но нужно еще особое стараніе, чтобы стяжать такое благо.

И смотри, какъ по требованіямъ лучшаго земледѣлія блаженный Павелъ очищаетъ и воздѣлываетъ землю, ввѣренную ему Земледѣльцемъ: онъ выбросилъ гнилыя сѣмена, потомъ увѣщеваетъ пріобрѣсти надлежащія растенія. *Будите благи*, говоритъ онъ. Если послѣ того, какъ тернія будутъ вырваны, земля будетъ оставаться праздною, то снова возраститъ безполезныя травы. По- 114
этому нужно напередъ отдыхъ и праздное состояніе ея смѣнить посѣвомъ добрыхъ сѣмянъ и растеній. (Апостолъ) уничтожилъ гнѣвъ,—положилъ доброту; уничтожилъ досаду,—положилъ сострадательность; вырвалъ злобу и злорѣчіе,—насадилъ помилованіе. Слова: *прощающе другъ другу*—это именно и означаютъ. Будьте, говоритъ онъ, склонны къ прощенію (обидъ), потому что такая милость больше (той, какая оказывается) въ дѣлахъ денежныхъ. Тотъ, кто прощаетъ деньги сдѣлавшему у него заемъ, дѣлаетъ прекрасное и достойное удивленія дѣло; но такая милость (касается) тѣла, хотя онъ и пріемлетъ себѣ воздаяніе сокровищами духовными и относящимися къ душѣ. Но тотъ, кто простилъ грѣхи, принесъ пользу душѣ—и своей собственной, и того, кто получилъ прощеніе, потому что такимъ образомъ дѣйствій онъ сдѣлалъ болѣе кроткимъ не только себя, но и его. Мы

не столько, преслѣдуя обидѣвшихъ насъ, уязвляемъ ихъ души, сколько, прощая ихъ, приводимъ ихъ въ смущеніе и стыдъ. Между тѣмъ (поступая мстительно) мы не приносимъ пользы ни самимъ себѣ, ни имъ, а напротивъ и имъ, и себѣ вредимъ, *гоня воздаяніе* (Иса. I, 21), подобно начальникамъ іудейскимъ, и возжигая гнѣвъ во врагахъ. Если же за несправедливость мы заплатимъ кротостью, то, утоливши весь гнѣвъ его (врага), мы чрезъ это при немъ самомъ какъ бы возсѣли на судилище, рѣшающее дѣло въ нашу пользу и сильнѣе осуждающее его, чѣмъ насъ. Онъ самъ обвинитъ себя и осудитъ, и будетъ искать всякаго случая, чтобы отплатить за оказанную ему долю великодушія еще большею мѣрою, зная, что если онъ отплатитъ равною, то окажется ниже, потому что не первый началъ, но получилъ примѣръ отъ насъ, и потомъ принесъ меньше (насъ). Итакъ, онъ будетъ стараться превысить мѣру, чтобы недостатокъ, какой потерпѣлъ онъ оттого, что вторымъ пришелъ къ отплатѣ, уничтожить чрезмѣрностью отплаты, и чтобы ущербъ, который отъ времени потерпѣлъ тотъ, кто прежде подвергся страданіямъ (отъ обиды), сдѣлать общимъ посредствомъ чрезвычайной кротости. Люди, если они благодарны, не столько сѣтуютъ о злѣ, сколько о добрѣ, которое получаютъ отъ обиженныхъ ими, потому что и нечестиво, позорно и смѣшно, получая благодѣянія, не воздавать тѣмъ же. Когда потерпѣвшій зло не воздаетъ тѣмъ же, это привлекаетъ ему похвалы, рукоплесканія и одобреніе отъ всѣхъ; потому-то въ особенности (получающіе такія благодѣянія) и уязвляются этимъ. Итакъ, если хочешь мстить, мсти этимъ способомъ; воздавай добромъ за зло, чтобы сдѣлать его (врага) должникомъ и одержать дивную побѣду. Потерпѣлъ ты зло? Дѣлай добро, и такимъ образомъ мсти врагу. Если ты его преслѣдуешь, то всѣ порицаютъ равно и тебя, и его; если же ты перенесешь (обиду), то, наоборотъ, тебѣ будутъ рукоплескать и удивляться, а его обвинять.

3. Что можетъ быть непріятнѣе для врага, какъ видѣть, что сопернику его всѣ удивляются и рукоплещутъ? Что горче для врага, какъ видѣть, что его всѣ охуждаютъ въ глазахъ его непріятеля? Если ты ему отмстишь и, можетъ быть, обвинишь его, ты отмстишь одинъ; а если простишь ему, то всѣ отмстятъ ему за тебя, а это (то есть)—имѣть врагу столькихъ мстителей—тягостнѣе, чѣмъ терпѣть зло. Если ты откроешь уста, замолчатъ они;
115 если же замолчишь ты, то поразишь его не одними устами, но тысячами другихъ, и такъ отмстишь гораздо болѣе. Когда ты станешь порицать (врага), то многіе тебя осудятъ, именно скажутъ, что это—слова страсти; а когда ничѣмъ не обиженный станетъ осыпать его порицаніями, тогда мщеніе совершенно чисто отъ

всякаго подозрѣнія. И дѣйствительно, когда тѣ, которые не потерпѣли ничего непріятнаго, по причинѣ чрезмѣрной твоей кротости, вмѣстѣ съ тобою скорбятъ, какъ обиженные, то это мщеніе свободно отъ всякаго подозрѣнія. Что же, скажутъ, неужели никто не мститъ? Быть не можетъ, чтобы люди были каменные, такъ что не удивились бы, при видѣ такого любомудрія. И хотя бы въ то время они и не отмстили, но впослѣдствіи, будучи въ состояніи (это сдѣлать), сдѣлаютъ: насмѣются надъ нимъ и охулятъ его. Да если и никто другой не удивится тебѣ, онъ самъ вполнѣ удивится, хотя и не скажетъ этого. Вѣдь понятіе о добрѣ, хотя бы мы впали въ самую бездну зла, остается у насъ невредимымъ и несокрушимымъ. Почему, думаешь ты, Господь нашъ Христосъ говоритъ: *аще тя кто ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую* (Мѳ. v, 39)? Не потому ли, что чѣмъ болѣе кто будетъ великодушенъ, тѣмъ болѣе и себѣ и ему принесетъ великой пользы? Для того повелѣлъ Онъ обратить и другую (ланиту), чтобы исполнить пожеланіе разъяреннаго. Кто такой звѣрь, чтобы не пришелъ наконецъ въ себя? Говорятъ, что и собаки такъ поступаютъ: когда онѣ залаютъ и нападутъ на кого-нибудь, то стоитъ тому упасть навзничь, и онѣ ничего не сдѣлаютъ, и это потушаетъ всю ихъ ярость. Итакъ, если и онѣ стыдятся того, кто выказываетъ готовность потерпѣть отъ нихъ зло, то тѣмъ болѣе—родъ человѣческій, который разумнѣе. Но стоитъ упомянуть
о томъ, что пришло на память не много прежде и приведено 116
было въ доказательство. Что же это? Мы говорили о іудеяхъ и ихъ начальникахъ, что они обвиняются (Богомъ), какъ гонящіе *воздаяніе* (Иса. I, 23). Хотя имъ и дозволялъ это законъ: *око за око, и зубъ за зубъ* (Лев. xxiv, 20), но не для того, чтобы они выкалывали другъ другу глаза, а чтобы по страху потерпѣть (тоже взаимно) удерживали дерзость, не дѣлали ничего худого другимъ, и сами не терпѣли того же отъ другихъ. (Слова): *око за око* сказаны для того, чтобы связать руки его, а не для того, чтобы направить противъ него твои,—и не для того, чтобы обезопасить отъ вреда только твои глаза, но и для того, чтобы сохранить цѣлыми и его глаза. Но, какъ я уже спрашивалъ, для чего, если мщеніе было позволено, тѣ, которые употребляли его на дѣлѣ, подвергались обвиненію? Что это значитъ? Это направлено противъ злопамятства. Потерпѣвшему зло позволялось тотчасъ дѣйствовать (сообразно съ нимъ), для того, какъ я сказалъ, чтобы удержать обидчика; но отнюдь не позволялось помнить зла. Злопамятство есть дѣло не гнѣва и не пылкаго увлеченія, но обдуманной злобы. Богъ снисходитъ тѣмъ, кто внезапно подвергся оскорбленію и устремился на мщеніе; потому и говорится: *око за*

око. А въ другомъ мѣстѣ: *путіе злопомнящихъ въ смерть* (Притч. XII, 28). Если же, несмотря на то, что дозволено вырвать око за око, полагается такое наказаніе злопамятнымъ, то не тѣмъ ли большее (потерпятъ) тѣ, которымъ повелѣно быть готовыми къ перенесенію зла? Итакъ не будемъ злопамятны, но погасимъ гнѣвъ, чтобы сподобиться милости отъ Бога. *Въ нюже бо мѣру мѣрите*, говоритъ Онъ, *возмѣрится вамъ, и имже судомъ судите, судятъ вамъ* (Мѳ. XII, 2). Будемъ же человѣколюбивы, и сострадательны къ сорабамъ, чтобы и въ настоящей жизни избѣжать сѣтей, и въ день будущій получить отъ Него прощеніе, благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XVII.

115 Бывайте же другъ ко другу блази, милосерди, прощающе другъ другу, якоже и Богъ во Христѣ простилъ есть вамъ. Бывайте убо подражатели Богу, якоже чада возлюбленная, и ходите въ любви, якоже и Христосъ возлюбилъ есть насъ, и предаде себе за ны приношеніе и жертву Богу въ воню благоуханія (Еф. IV, 32; V, 1—2).

1. То, что̀ прошло, имѣетъ бо̀льшую силу и представляется болѣе дивнымъ и вѣроятнымъ, чѣмъ то, что имѣетъ случиться. Потому-то и Павелъ дѣлаетъ увѣщаніе на основаніи того, что было,—такъ какъ оно имѣетъ бо̀льшую силу, по причинѣ Христа. Сказать: отпусти, и отпустится тебѣ, и: если не отпущаете, не отпустится и вамъ,—такія слова много могутъ значить для людей любомудрыхъ и вѣрующихъ въ будущее. Но Павелъ усовѣщиваетъ не только этимъ (будущимъ), но и тѣмъ, что уже случилось, потому что (убѣждаться) тѣмъ значитъ бѣгать наказанія, а этимъ—быть причастникомъ какого-либо блага. Подражай, говоритъ, Христу: этого одного достаточно для увѣщанія къ добродѣтели, т. е. для того, чтобы подражать Богу. Это убѣдительнѣе тѣхъ словъ: *сіяетъ солнце на злыя и благія, и дождитъ*
116 *на праведныя и неправедныя* (Мѳ. V, 45). Онъ не просто сказалъ, чтобы мы подражали Богу, но выражаетъ желаніе, чтобы въ отношеніи къ тому, чѣмъ мы наслаждаемся, мы выказывали другъ къ другу отеческое расположеніе. Расположеніемъ же этимъ называется милосердіе и соболѣзнованіе. И такъ какъ людямъ невозможно не огорчать и не огорчаться, то онъ нашелъ другое

лѣкарство—чтобы мы прощали другъ другу: *прощающе,* говоритъ, *другъ другу.* Но въ этомъ нѣтъ ничего похожаго (на прощеніе Божіе), потому что если ты кому простишь, то и онъ тебѣ проститъ, а Богу ты ничего простить не можешь. При томъ ты (прощаешь) сорабу, а Богъ—рабу и врагу и ненавидящему Его. *Якоже и Богъ,* говоритъ, *во Христѣ простилъ есть намъ.* И эти слова весьма загадочны; впрочемъ, вотъ что онъ говоритъ. Не просто, говоритъ, безъ всякой опасности простилъ, но—съ опасностію для Сына, потому что, для помилованія тебя, принесъ въ жертву Сына. А ты, хотя тебѣ и часто представляется безопасное и ничего не стоющее помилованіе, не дѣлаешь его. *Бывайте убо подражатели Богу, якоже чада возлюбленная, и ходите въ любви, якоже и Христосъ возлюбилъ есть насъ, и предаде себе за ны приношеніе и жертву Богу въ воню благоуханія.* Чтобы ты не подумалъ, что это было дѣломъ необходимости, послушай, что не просто онъ сказалъ, но: *предаде себе,* какъ бы говоря: Владыка возлю- 117
билъ тебя, когда ты былъ врагомъ: люби же ты друга; а если ты не можешь этого, дѣлай, по крайней мѣрѣ, что можешь. О, что можетъ быть благостнѣе этихъ словъ? Назовешь ли ты царство, или другое что-либо,—ничто не будетъ равняться съ ними. Ты подражаешь Богу, ты уподобляешься Богу, когда вмѣстѣ съ Нимъ прощаешь. Грѣхи нужно прощать скорѣе, чѣмъ долги денежные, потому что если ты простишь деньги, ты этимъ не будешь подражать Богу, а если будешь прощать грѣхи, ты будешь подражать Богу. Во всякомъ случаѣ, какъ ты можешь говорить: я бѣденъ и не могу простить,—когда не прощаешь и того, что можешь? Если же и прощеніе грѣховъ ты будешь почитать для себя дѣломъ убыточнымъ, то чтожъ произойдетъ, когда дѣло коснется твоего богатства, имущества, пожитковъ? *Бывайте убо подражатели Богу.* А вотъ и еще прекраснѣйшее увѣщаніе: *якоже,* говоритъ, *чада возлюбленная.* У васъ есть и другая необходимость подражать Ему,—не только потому, что вы Имъ облагодѣтельствованы, но и потому, что содѣлались чадами. *Якоже чада возлюбленная.* Такъ какъ не всѣ сыновья подражаютъ отцамъ, но только возлюбленные, то и говоритъ: *якоже чада возлюбленная. Ходите въ любви.* Вотъ и основаніе всего: если будетъ любовь, то не будетъ ни ярости, ни гнѣва, ни крика, ни брани,—все это будетъ уничтожено. Потому онъ и поставляетъ главнѣйшее на концѣ. Почему ты содѣлался чадомъ? Потому, что тебѣ прощено. На томъ же основаніи, на какомъ удостоенъ ты столь высокой чести, и самъ ты прощай ближнему. Скажи мнѣ: если бы кто-нибудь тебя, узника и виновнаго въ безчестныхъ злодѣяніяхъ, возвелъ на царство.... А лучше, оста-

вимъ это. Если бы кто тебѣ, когда ты былъ въ горячкѣ и боролся со смертію, помогъ какимъ нибудь лѣкарствомъ,—не превознесъ ли бы ты выше всего этого человѣка и даже самое названіе лѣкарства? Если къ временамъ и мѣстамъ, съ которыми связано полученіе пользы, мы тяготѣемъ какъ къ собственной душѣ, — то тѣмъ болѣе—къ самымъ дѣйствіямъ. Будь привержепъ къ любви, потому что чрезъ нее ты спасенъ, чрезъ нее содѣлался сыномъ (Божіимъ); и если въ состояніи будешь спасти другого, то ужели ты не воспользуешься тѣмъ же лѣкарствомъ и не станешь всѣхъ увѣщевать: отпустите, чтобы отпущено было вамъ (Лук. VI, 37)? Такъ поступать—дѣло душъ признательныхъ, свободныхъ и благородныхъ. *Якоже и Христосъ*, говоритъ, *возлюбилъ есть насъ*. Ты милуешь друзей, а Онъ—враговъ; слѣдовательно то, что сдѣлалъ Владыка, гораздо важнѣе. Да и какъ иначе слово—*якоже* удержитъ свой смыслъ? Не ясно ли, что (въ такомъ только случаѣ), если мы будемъ благотворить врагамъ? *И предаде себе приношеніе и жертву Богу въ воню благоуханія*. Видишь ли, что страданіе за враговъ есть благоуханіе пріятное и жертва угодная? Хотя бы ты и умеръ, и тогда будетъ жертва: вотъ что значитъ подражать Богу. *Блудъ же и всяка нечистота, или лихоимство, ниже да именуется въ васъ, якоже подобаетъ святымъ* (ст. 3).

Сказавъ о грубой страсти—о гнѣвѣ, (апостолъ) переходитъ къ меньшему злу. А что сладострастіе есть меньшее зло, послушай, какъ и Моисей въ законѣ говоритъ сначала: *не убій*,—что относится къ гнѣву,—а потомъ: *не прелюбы сотвори*,—что относится къ сладострастію. Какъ горечь, и крикъ, и всякое зло, и злорѣчіе и все подобное происходятъ отъ гнѣвливости, такъ блудъ, нечистота, любостяжаніе—отъ (сладострастнаго) пожеланія, потому что
118 и любовь къ деньгамъ, и любовь плотская—одна и та же страсть.
И какъ тамъ онъ уничтожилъ крикъ, эту колесницу гнѣва, такъ теперь отсѣкаетъ сквернословіе и шутки, колесницу распутства. *И сквернословіе*, говоритъ, *и буесловіе, или кощуны, яже неподобная, но паче благодареніе* (ст. 4). Не произноси словъ ни шутливыхъ, ни постыдныхъ, и не приводи ихъ въ дѣйствіе, и ты угасишь пламя. *Ниже именуется*, говоритъ, *въ васъ*, то есть, чтобы отнюдь даже не казалось (будто это есть у васъ). То же говорилъ онъ, и пиша къ Коринѳянамъ: *отнюдь слышится въ васъ блуженіе* (1 Кор. V, 1), то есть, будьте всѣ чисты, потому что слова ведутъ къ дѣламъ. Потомъ, чтобы не показаться тяжелымъ и суровымъ, и пресѣкая наклонность къ шуткамъ, присовокупилъ и причину, говоря: *яже неподобная*, т. е. онѣ нисколько (неприличны) для насъ, *но паче благодареніе*.

2. Что пользы сказать шутку? Только возбудишь ею смѣхъ.

Скажи мнѣ, сапожникъ возьмется ли за какое-нибудь дѣло, не-
принадлежащее къ ремеслу его, или станетъ ли пріобрѣтать ка-
кой-нибудь (ненадлежащій) инструментъ? Никакъ,—потому что
чего мы не употребляемъ, то ничего для насъ не стоитъ. Пусть
не будетъ ни одного слова празднаго, такъ какъ отъ праздно-
словія можно перейти къ неприличному (разговору). Теперь время
не увеселенія, но плача, скорбей и рыданій. А ты шутишь? Ка-
кой боецъ, вышедши на арену, оставляетъ борьбу съ противни-
комъ и произноситъ шутки? Близъ тебя діаволъ ходитъ вокругъ,
рыкая, чтобы поглотить тебя, все воздвигаетъ и все обращаетъ
на твою голову, замышляетъ, какъ бы выгнать тебя изъ твоего
убѣжища, скрежещетъ зубами, воетъ, раздуваетъ огонь противъ
твоего спасенія,—а ты сидишь и произносишь шутки, пустосло-
вишь и говоришь неприличныя рѣчи? Можешь ли же ты успѣшно
одолѣть его? Мы забавляемся подѣтски, возлюбленные! Хочешь
узнать образъ жизни святыхъ? Послушай, что говоритъ Павелъ:
*три лѣта нощь и день не престаяхъ уча со слезами единаго когождо
васъ* (Дѣян. XX, 31). Если же онъ употреблялъ такое попеченіе о
милетянахъ и ефесянахъ,—не шутки говорилъ, а со слезами пре-
подавалъ ученіе,—то что ты скажешь о другихъ? Послушай, что
онъ говоритъ и къ Коринѳянамъ: *отъ печали многія и туги сердца
написахъ вамъ многими слезами* (2 Кор. II, 4); и еще: *кто изнемо-
гаетъ, и не изнемогаю; кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (XI, 29)?
Послушай, что онъ говоритъ еще въ другомъ мѣстѣ, ежедневно,
такъ сказать, желая переселиться изъ міра: *ибо и мы, сущіи въ
храминѣ, воздыхаемъ* (V, 4). А ты смѣешься и забавляешься? Время
войны,—а ты занимаешься тѣмъ, что свойственно плясунамъ? Не
видишь ли ты лицъ людей воюющихъ, какъ они суровы, какъ
строги, какъ брови ихъ страшны и полны ужаса? У нихъ ты ви-
дишь лице суровое, сердце бодрое, умъ отважный, быстрый, сдер-
жанный, осторожный и безпокойный, большое благочиніе, боль-
шую стройность и великое молчаніе въ рядахъ; не говорю уже,
что они не произносятъ постыднаго слова; они вовсе ничего не
говорятъ. Если же они, сражаясь съ врагами чувственными и не
будучи въ опасности потерпѣть какой-либо вредъ отъ словъ, на- 119
блюдаютъ столь великое молчаніе, то ты, который долженъ вести
войну и за слова, и даже большую часть войны,—какъ ты до-
пускаешь этой твоей части оставаться обнаженною? Развѣ ты не
знаешь, что мы здѣсь подвергаемся многимъ навѣтамъ? Шутишь
и забавляешься, говоришь остроты, возбуждаешь смѣхъ, и ни-
сколько не думаешь о дѣлѣ? Сколько отъ шутокъ происходитъ
клятвопреступленій, сколько вреда, сколько сквернословія! Но,
говорятъ, эти шутки не таковы. Однако, послушай,—(апостолъ)

изгоняетъ всякія шутки. Нынѣ время войны и битвы, бдѣнія и бодрствованія, вооруженія и приготовленія къ борьбѣ. Въ теперешнее время вовсе не можетъ быть мѣста смѣху, потому что это—время міра. Послушай, что говоритъ Христосъ: *міръ возрадуется, вы же печални будете* (Іоан. xvi, 20). Христосъ распялся на крестѣ изъ-за твоихъ злодѣяній, а ты смѣешься? Онъ потерпѣлъ заушенія и столько пострадалъ изъ-за твоихъ бѣдствій и объявшей тебя бури, а ты веселишься? И развѣ не тѣмъ болѣе ты этимъ Его раздражаешь? Но такъ какъ инымъ это дѣло кажется безразличнымъ и такимъ, отъ котораго трудно уберечься, то разсудимъ немного объ этомъ и покажемъ, насколько велико это зло. Это дѣло діавола—нерадѣть о безразличныхъ (поступкахъ). И во-первыхъ, еслибы это было и безразлично, и въ такомъ случаѣ не должно этимъ пренебрегать, зная, что отъ этого происходитъ много золъ, которыя возрастаютъ и часто оканчиваются любодѣяніемъ. А что это не безразлично, видно изъ слѣдующаго. Посмотримъ, откуда (этотъ порокъ) происходитъ. Или лучше, посмотримъ, каковъ долженъ быть святой. Онъ долженъ быть тихимъ, кроткимъ, скорбящимъ, плачущимъ, сокрушеннымъ. Слѣдовательно, кто говоритъ шутки, тотъ не святой, и такой, будь онъ хотя и эллинъ, смѣшонъ. Это позволительно только играющимъ на сценѣ. Гдѣ гнусность, тамъ и шутки; гдѣ безвременный смѣхъ, тамъ и остроты. Послушай, что говоритъ пророкъ: *работайте Господеви со страхомъ, и радуйтеся ему съ трепетомъ* (Пс. II, 11). Шутливость дѣлаетъ душу слабою, лѣнивою, вялою; она возбуждаетъ часто ссоры и порождаетъ войны.

3. Что же? Развѣ ты принадлежишь не къ числу мужей? Оставь же то, что свойственно дѣтямъ. Тебѣ не нравится, если твой рабъ говоритъ на площади что-либо безполезное; а ты, называя себя рабомъ Бога, произносишь на площади шутки? Прекрасно, если душа трезвенна, — ее нельзя увлечь; а разсѣянной кто не увлечетъ? Она будетъ обманута сама собою и ненужно ей будетъ козней и нападеній діавола. А чтобы тебѣ лучше узнать (дѣло), обрати вниманіе на самое названіе. Шутникомъ (εὐτράπελος) называется человѣкъ непостоянный, на все готовый, нетвердый, измѣнчивый, бывающій всѣмъ. Но это—несвойственно тѣмъ, которые служатъ Камню. Такой человѣкъ легко изворачивается и перемѣняется, потому что онъ долженъ подражать и измѣненію лица, и словамъ, и смѣху, и походкѣ (другихъ) и всему; при томъ ему нужно выдумывать остроты, потому что для него и это необходимо. Но играть комедіи несвойственно христіанину. При томъ охотнику до шутокъ необходимо терпѣть сильную вражду со стороны осмѣиваемыхъ имъ, присутствуютъ ли

они при этомъ, или услышать со стороны. Если это дѣло хорошее, то зачѣмъ оно предоставляется мимическимъ актерамъ? Ты дѣлаешься такимъ актеромъ, и не стыдишься? Для чего вы не позволяете этого свободнымъ вашимъ (женщинамъ)? Развѣ этимъ вы не свидѣтельствуете, что это нечестный обычай и неблагопристойное дѣло? Много золъ гнѣздится въ пристрастной до шу- 120
токъ душѣ, большая разсѣянность и пустота: разстроивается порядокъ, ослабляется благоустройство, исчезаетъ страхъ, отсутствуетъ благочестіе. У тебя языкъ не для того, чтобы передразнивать другого, а чтобы благодарить Бога. Развѣ ты не видишь, такъ называемыхъ, смѣхотворовъ, клоуновъ? Вотъ они—шутники. Изгоните, умоляю васъ, изъ душъ своихъ это непривлекательное удовольствіе: это дѣло паразитовъ, мимическихъ актеровъ, плясуновъ и публичныхъ женщинъ. Пусть будетъ оно далеко отъ души свободной и благородной, даже и отъ рабовъ. Если кто безчестенъ, если кто мерзокъ, тотъ и охотникъ шутить. Многимъ это дѣло кажется даже добродѣтелью, и это достойно слезъ. Какъ похоть мало-по-малу доводитъ до любодѣянія, такъ и наклонность къ шуткамъ кажется привлекательною, а между тѣмъ менѣе всего привлекательна. Послушай, что говоритъ Писаніе: *прежде грома предваряетъ молнія, и прежде стыдливаго предваряетъ благодать* (Сир. XXXII, 12). Но ничего нѣтъ безстыднѣе шутника; потому уста его исполнены не пріятности, а горечи. Изгонимъ этотъ обычай изъ-за трапезъ. Есть нѣкоторые, которые учатъ этому даже бѣдняковъ. О, нелѣпость! Шутами дѣлаютъ тѣхъ, которые окружены горестями! Гдѣ нѣтъ этой болѣзни? Она вошла и въ Церковь, она уже коснулась и Писаній. Сказать ли нѣчто, чтобы показать чрезмѣрность зла? Стыжусь, а все-таки скажу. Я хочу показать, до чего дошло зло, чтобы не подумали, что я занимаюсь мелочами и разсуждаю съ вами о чемъ-нибудь маловажномъ, чтобы хотя этимъ способомъ мнѣ можно было отвлечь васъ отъ заблужденія. Пусть никто не полагаетъ, что я выдумываю: я скажу то, что слышалъ. Случилось кому-то быть у одного изъ тѣхъ, которые тщеславятся ученостію,—я знаю, что возбужу смѣхъ, а все же скажу; поставивши столъ, этотъ сказалъ: „хватайте, дѣти, чтобы не распалился желудокъ". Равнымъ образомъ иные говорятъ: „горе тебѣ, мамона, и тому, у кого нѣтъ тебя". И много такихъ нелѣпостей привнесла шутливость, какъ, напрям., когда говорятъ: „теперь нѣтъ рожденія". Я говорю это, показывая нелѣпость постыднаго обычая, потому что подобныя выраженія (происходятъ изъ) души, чуждой благочестія. Не достойны ли такія (слова) молній? Можно бы найти много и другихъ подобныхъ выраженій. Потому, умоляю, изгнавши отвсюду

этотъ обычай, будемъ говорить то, что намъ прилично, и пусть святыя уста не произносятъ словъ, свойственныхъ устамъ безчестнымъ и позорнымъ. *Кое бо причастіе правдѣ къ беззаконію, или кое общеніе свѣту ко тмѣ* (2 Кор. VI, 14)? Лучше, если мы, удалившись отъ всего неприличнаго, въ состояніи будемъ воспользоваться обѣщанными благами, чѣмъ если, занимаясь этимъ, погубимъ чрезъ то трезвенность ума. Человѣкъ шутливый скоро дѣлается злорѣчивымъ; а злорѣчивый способенъ къ безчисленному множеству и другихъ пороковъ. Итакъ, упорядочивши эти два душевныя состоянія и подчинивши ихъ разуму, какъ послушныхъ коней, — я разумѣю похоть и гнѣвъ, — поставимъ надъ ними возницею умъ, чтобы получить награду выш-
121—122 няго званія, которой да сподобимся всѣ мы во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVIII.

121 Сіе бо да вѣсте, яко всякъ блудникъ, или нечистъ, или лихоимецъ, иже есть идолослужитель, не имать достоянія въ царствіи Христа и Бога. Никтоже васъ да льститъ суетными словесы: сихъ бо ради грядетъ гнѣвъ Божій на сыны непокоривыя (Ефес. V, 5, 6).

1. Были, какъ кажется, и у нашихъ предковъ такіе, которые дозволяли народу своевольствовать, приводили въ исполненіе дѣла, упомянутыя у Іезекіиля, даже дѣлали то, что свойственно лжепророкамъ,—которые *горсти ради ячмене оскверняляху* Бога *у людей* Его (Іез. XIII, 19). То же, я думаю, и теперь иные дѣлаютъ. Такъ, когда мы говоримъ, что назвавшій брата уродомъ подлежитъ гееннѣ, нѣкоторые спрашиваютъ: ужели назвавшій брата уродомъ подлежитъ гееннѣ? Нѣтъ!—отвѣчаютъ. И когда говоримъ, что лихоимецъ есть идолослужитель,—и надъ этимъ опять смѣются, говоря, что это выраженіе преувеличено; и всѣ заповѣди унижаютъ подобнымъ образомъ. Ихъ-то имѣя въ виду, и писалъ тогда къ Ефесянамъ блаженный Павелъ, говоря; *сіе бо да вѣсте, яко всякъ блудникъ, или нечистъ, или лихоимецъ, иже есть идолослужитель, не имать достоянія въ царствіи Христа и Бога.* Потомъ присовокупляетъ: *никтоже васъ да льститъ суетными словесы.* Суетныя слова—тѣ, которыя имѣютъ временную прелесть, но никогда не выказываются въ дѣлахъ, потому что дѣло ихъ—обманъ. *Сихъ бо ради грядетъ гнѣвъ Божій на сыны непокоривыя.*

За прелюбодѣяніе, говоритъ, за любостяжаніе, за нечистоту, или и за это и за обманъ, такъ какъ они недобросовѣстны. Непокорными сынами называетъ весьма упорныхъ, которые не слушаютъ (Бога). *Не бывайте убо сопричастницы симъ. Бѣсте бо иногда тма, нынѣ же свѣтъ о Господѣ* (ст. 7, 8). Смотри, какъ мудро сдѣлалъ увѣщаніе,—сперва Христомъ, т. е. любите другъ друга, и никого не обижайте; потомъ опять—наказаніемъ и геенною. *Бѣсте бо иногда тма*, говоритъ, *нынѣ же свѣтъ о Господѣ*. Это же говоритъ и въ посланіи къ Римлянамъ: *кій убо тогда имѣсте плодъ, о нихже нынѣ стыдитеся* (VI, 21)? И напоминаетъ имъ прежніе пороки,—то есть: размыслите, говоритъ, что̀ нѣкогда вы были, и что̀ теперь; не обращайтесь къ прежнему нечестію, и не пренебрегайте Божіею благодатью. *Бѣсте иногда тма, нынѣ же свѣтъ о Господѣ*. Не за вашу, говоритъ, добродѣтель, но по благодати Божіей это съ вами произошло,—то есть: и вы нѣкогда были того достойны, но болѣе уже нѣтъ. Потому *яко чада свѣта ходите* (ст. 8). А что значитъ: *чада свѣта*,—онъ объясняетъ, непосредственно за этимъ прибавляя: *плодъ бо духовный есть во всякой благостыни и правдѣ и истинѣ. Искушающе, что есть благоугодно* Господеви (ст. 9, 10). *Во всякой*, говоритъ, *благостыни:* это противъ гнѣвливыхъ и жестокихъ. *И правдѣ:* это противъ любостяжательныхъ. *И истинѣ*: это противъ ложнаго удовольствія. Не о 122
томъ, говоритъ, заботьтесь, о чемъ я сказалъ, но о противоположномъ. *Во всякой*,—то есть, плодъ духовный долженъ обнаруживаться во всемъ. *Искушающе, что есть благоугодно* Господу. Слѣдовательно то свойственно дѣтскому и несовершенному разумѣнію. *И не пріобщайтеся*, говоритъ, *къ дѣломъ неплоднымъ тмы, паче же и обличайте: бываемая бо отай отъ нихъ срамно есть и глаголати. Вся же, обличаемая отъ свѣта, являются* (ст. 11, 12, 13). Сказалъ, что вы—свѣтъ; свѣтъ же открываетъ все то, что бываетъ во тьмѣ; такъ что, если вы, говоритъ, будете добродѣтельны и достойны удивленія,—нечестивые не будутъ имѣть возможности таиться. Подобно тому, какъ въ то время, когда стоитъ свѣтильникъ, освѣщаются всѣ, и разбойникъ не можетъ приблизиться, такъ, при сіяніи свѣта отъ васъ, обличаемые нечестивцы будутъ поражены. Слѣдовательно, должно изобличать. Но какимъ же образомъ говоритъ (Христосъ): *не судите, да не судими будете* (Мѳ. *VII, 1*)? Обличать, сказалъ (апостолъ), т. е. вразумлять, а не осуждать. И кромѣ того: *не судите, да не судими будете*—сказано о самыхъ незначительныхъ грѣхахъ. Сообразно съ этимъ и присовокупилъ (Христосъ): *что видиши сучецъ, иже во оцѣ брата твоего, бервна же, еже есть во оцѣ твоемъ, не чуеши* (ст. 3)? А слова (апостола) означаютъ слѣдующее: какъ рана тѣлесная до

того времени, пока таится, будучи прикрыта снаружи, и пока углубляется далѣе, не пользуется никакимъ лѣченіемъ, такъ и грѣхъ, доколѣ скрывается какъ бы во мракѣ, до тѣхъ поръ продолжаетъ дѣйствовать весьма смѣло; но какъ скоро будетъ обнаруженъ,—дѣлается свѣтомъ; не самый грѣхъ,—какъ это возможно?—но тотъ, кто содѣлалъ его. Если онъ будетъ выведенъ на средину (собранія), если будетъ вразумленъ, если покается, если получитъ отпущеніе, то не разогналъ ли ты тьмы его? Не исцѣлилъ ли тогда его раны? Не вызвалъ ли плодъ вмѣсто безплодія? Или это онъ говоритъ, или то, что ваша жизнь, будучи открытою, есть свѣтъ,—потому что никто не скрываетъ безукоризненной жизни; все же то, что скрывается, скрывается потому, что помрачено. *Сего ради глаголетъ: востани спяй, и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣтитъ тя Христосъ* (ст. 14). О спящемъ и мертвомъ говоритъ—такомъ, который во грѣхахъ, потому что и онъ издаетъ дурной запахъ, какъ мертвецъ, и онъ неподвиженъ, какъ спящій, и онъ подобно спящему ничего не видитъ, но бредитъ и мечтаетъ. Иные читаютъ: *и прикоснешься* (ἐπιψαύσεις) *Христу*: другіе: *освѣтитъ тя* (ἐπιφαύσει σοι) *Христосъ*. Но это послѣднее лучше. Возстань отъ грѣха, и сможешь увидѣть Христа. *Всякъ бо дѣлаяй злая, ненавидитъ свѣта, и не приходитъ къ свѣту* (1 Іоан. ш, 20). Итакъ, кто не дѣлаетъ (зла), тотъ приходитъ (къ свѣту).

2. Но не о невѣрныхъ только онъ это говоритъ, потому что многіе и изъ вѣрныхъ нисколько не менѣе невѣрующихъ привязаны къ нечестію; есть даже такіе, которые и гораздо болѣе. Потому-то и къ нимъ необходимо сказать: *востани спяй, и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣтитъ тя Христосъ*. Прилично сказать къ нимъ и это: *Богъ нѣсть мертвыхъ, но живыхъ* (Мѳ. ххп, 32). Итакъ, если не мертвыхъ, то будемъ жить. Нѣкоторые говорятъ,
123 что выраженіе: лихоимецъ есть идолослужитель—преувеличено. Но оно не преувеличено, напротивъ—совершенно вѣрно. Какъ и какимъ образомъ? Такимъ, что лихоимецъ отдаляется отъ Бога, подобно тому, какъ идолослужитель. А чтобы ты не подумалъ, что это сказано неосновательно,—вотъ Христово изреченіе, которое гласитъ: *не можете Богу работати и мамонѣ* (Мѳ. vi, 24). Тѣ, которые работаютъ мамонѣ, удалили себя отъ служенія Богу; тѣ же, которые отреклись Его владычества и служатъ бездушному золоту, явно идолослужители. Но я не дѣлалъ, говоритъ (любостяжатель), идола, не ставилъ жертвенника, не приносилъ въ жертву овецъ, не возливалъ вина,—я ходилъ въ церковь, и руки воздѣвалъ къ Единородному Сыну Божію, и въ таинствахъ участвую, и имѣю общеніе въ молитвѣ и во всемъ другомъ, что прилично христіанину. Итакъ, какимъ образомъ я покланяюсь,

говоритъ, идоламъ? Это-то самое и удивительно, что ты, испытавши и вкусивши Божія человѣколюбія, и увидѣвши, что Господь благъ,—оставилъ Благого и принялъ на себя (владычество) жестокаго тирана; говоришь, будто не работаешь ему, а на самомъ дѣлѣ подвергъ самого себя жестокому и невыносимому игу сребролюбія. Ты мнѣ не сказалъ о какомъ-либо своемъ добромъ дѣлѣ, но только—о дарахъ Владыки. Скажи мнѣ, спрашиваю я, на основаніи чего судимъ о воинѣ? На основаніи того ли, что онъ служитъ тѣлохранителемъ царя, отъ него получаетъ содержаніе и украшается его именемъ,—или того, что онъ не думаетъ о дѣлахъ его, но показываетъ только видъ, что держитъ его сторону и заботится о его дѣлахъ, самъ же способствуетъ успѣху его непріятелей? Явно—того, что онъ тѣлохранитель царя. Поэтому и достоинъ онъ болѣе жестокаго наказанія, нежели въ томъ случаѣ, если бы отвергся явно служенія царю и передался врагамъ. Потому и ты дерзко возстаешь противъ Бога, какъ идолослужитель, не одними твоими устами, но обидою безчисленнаго множества людей. Но (лихоимецъ) не есть, говорятъ, идолослужитель. А когда эллины говорятъ: христіанинъ—лихоимецъ, тогда уже не одинъ онъ себя посрамляетъ дѣлами, но и обиженныхъ заставляетъ часто это говорить. Если же не говорятъ, такъ это должно считать слѣдствіемъ ихъ осторожности. Развѣ не видимъ мы, что дѣло бываетъ именно такимъ образомъ? Что такое идолослужитель? Развѣ не тотъ, кто покланяется страстямъ, вмѣсто того, чтобы владѣть страстью? Напримѣръ: когда мы говоримъ, что такой-то покланяется идоламъ, онъ говоритъ: нѣтъ—не имъ, но Афродитѣ и Аресу. И если мы скажемъ: кто сама Афродита?—болѣе знающіе изъ нихъ говорятъ: удовольствіе. А кто Аресъ? Гнѣвъ. Такъ и ты (отвѣчаешь) о мамонѣ. Если скажемъ: что такое мамона? Любостяжаніе,—и ты ему покланяешься. Не покланяюсь, говоришь. Почему? Потому что себя не сгибаешь? Но ты гораздо болѣе воздаешь поклоненія дѣлами и поступками, потому что такое поклоненіе важнѣе. И чтобы ты убѣдился въ этомъ, смотри, по отношенію къ Богу, кто достойнѣе Ему покланяется,—тѣ ли, которые просто стоятъ на молитвѣ, или тѣ, которые исполняютъ Его волю? Явно, что послѣдніе. Такъ и по отношенію къ мамонѣ,—тѣ, которые творятъ его волю, болѣе покланяются ему. При томъ же, покланяющіеся страстямъ (олицетворённымъ) часто бываютъ свободны отъ (собственныхъ) страстей. *Такъ, посмотри* на почитателя Ареса,—онъ часто владѣетъ гнѣ- 124
вомъ. Въ тебѣ же не то,—ты самъ себя дѣлаешь невольникомъ *страсти. Но ты* не закалаешь овецъ? За то—людей и души *разумныя, иныя*—голодомъ, другія—клеветою. Ничего нѣтъ неисто-

вѣе подобной жертвы! Кто видѣлъ, чтобы когда-нибудь души закалались? Проклятъ жертвенникъ любостяжанія! Если придешь къ жертвеннику идоловъ, почувствуешь отъ него запахъ крови козьей и крови быковъ; если же подойдешь къ жертвеннику любостяжанія, почувствуешь тяжелый запахъ человѣческой крови. А если остановишься здѣсь, то не замѣтишь сожигаемыхъ крыльевъ птицъ, ни запаха отъ того и поднимающагося дыма, но—умерщвленныя человѣческія тѣла. Иные бросились съ крутизны, другіе накинули на себя петлю, иные перерѣзали ножемъ горло. Ты видѣлъ жертвы грубыя и безчеловѣчныя? Хочешь ли посмотрѣть еще на болѣе жестокія, сравнительно съ этими? Я покажу тебѣ не только человѣческія тѣла, но и души человѣческія, которыя тамъ закаляются. Вѣдь и душу закалать можно закланіемъ, соотвѣтствующимъ душѣ, потому что какъ для тѣла есть смерть, такъ и для души. *Душа бо, яже согрѣшитъ*, говоритъ (Писаніе), *та умретъ* (Iезек. XVIII, 4). Смерть души не такова, какова смерть тѣла, но гораздо тяжелѣе. Та смерть—тѣлесная, разлучивши душу и тѣло другъ отъ друга, одно избавляетъ отъ многихъ заботъ и трудовъ, другую же препровождаетъ въ извѣстное мѣсто; а потомъ (тѣло), разлученное на время и удаленное, опять соединяется съ нетлѣніемъ, и снова получаетъ свою душу.

3. Такова эта смерть; смерть же души страшна и ужасна. Она не переводитъ души (въ извѣстное мѣсто), какъ бываетъ съ тѣломъ, по разлученіи ея съ нимъ, но связанную опять нетлѣннымъ тѣломъ ввергаетъ въ огонь неугасимый. Такова-то смерть души! Итакъ, подобно тому, какъ есть смерть души, есть и закланіе души. Въ чемъ состоитъ закланіе тѣла? Въ умерщвленіи и въ отнятіи силы душевной. Въ чемъ — закланіе души? И это — тоже умерщвленіе. Въ чемъ же умерщвленіе души? Какъ тѣло тогда умираетъ, когда душа оставляетъ его лишеннымъ своей силы, такъ и душа тогда умерщвляется, когда Духъ Святой оставляетъ ее безъ Своей силы. Эти закланія особенно и совершаются на жертвенникѣ любостяжанія. Не удовлетворяются они, не останавливаются на крови человѣческой, но если вы не принесете самой души, жертвенникъ любостяжанія не насыщается,—если не приметъ душъ обоихъ, души приносящаго жертву и приносимаго. Вѣдь необходимо прежде быть принесеннымъ въ жертву тому, кто ее приноситъ, и такимъ образомъ онъ совершаетъ жертвоприношеніе и, будучи мертвымъ, приноситъ въ жертву живого. Если ты клевещешь, поносишь и негодуешь, не есть ли это раны души неисцѣлимыя? Видишь, что выраженіе не преувеличено?

Хочешь и еще послушать и узнать, какимъ образомъ любо-

стяжаніе есть идолослуженіе, — и тяжелѣе идолослуженія? Идолослужители кланяются творенію Божію. *И почтоша*, говоритъ (апостолъ), *и послужиша твари паче Творца* (Рим. I, 25); ты же покланяешься своему собственному творенію. Богъ не сотворилъ любостяжанія, но изобрѣла его твоя безмѣрная ненасытность. И смотри, какъ это безумно и достойно смѣха. Тѣ, которые покланяются идоламъ, чтутъ тѣхъ, которымъ кланяются, и если кто 125
скажетъ объ этихъ идолахъ худо, если будетъ надъ ними смѣяться, они защищаютъ ихъ. Ты же, какъ бы въ какомъ опьяненіи, покланяешься предмету, который не только не свободенъ отъ порицанія, но и полонъ нечестія. Итакъ, ты гораздо хуже ихъ, потому что не можешь сказать въ свою защиту, что это не зло. Если и тѣ весьма неизвинительны, то ты еще болѣе, какъ несчетное число разъ порицающій любостяжаніе и осмѣивающій тѣхъ, которые служатъ ему, раболѣпствуютъ предъ нимъ, предаются ему. Но не угодно ли,—мы изслѣдуемъ, откуда явилось идолослуженіе? Одинъ мудрый мужъ говоритъ (Прем. XIV, 15), что нѣкто богатый человѣкъ, снѣдаемый преждевременною потерею сына, и не имѣя никакого утѣшенія въ скорби, хотѣлъ утолить страданіе тѣмъ, что, сдѣлавъ бездушное изображеніе умершаго, и затѣмъ смотря на него, думалъ изображеніе принимать за самого умершаго. Нѣкоторые же льстивые люди, которымъ богъ чрево, служа въ его честь предъ изображеніемъ, ввели обычай идолослуженія. Итакъ, оно введено слабостію души, неразумнымъ обычаемъ, невоздержаніемъ. Любостяжаніе же не такъ. И оно отъ слабой души, но только отъ худшей. Не потерялъ кто-либо сына, не ищетъ утѣшенія въ скорби, не понуждается льстецами. Но какъ? Я вамъ скажу. Каинъ обманулъ Бога, потому что то, что слѣдовало дать Ему, удержалъ у себя, а то, что слѣдовало оставить себѣ, принесъ Ему, и началъ зло съ Бога. Если сами мы—Божіи, то тѣмъ болѣе—первые плоды нашихъ стяжаній. Отъ любостяжанія, въ свою очередь, родилось стремленіе къ женщинамъ. Увидѣли дщерей человѣческихъ, и предались похотѣнію (Быт. VI, 3). Отъ нихъ — опять къ деньгамъ, такъ какъ желаніе имѣть средствъ къ жизни больше, нежели сколько у ближняго, происходитъ не отъ иного чего, какъ отъ того, что любовь охладѣла. Желаніе имѣть больше бываетъ не отъ чего другого, а только отъ безумія, человѣконенавистничества и высокомѣрія. Развѣ не видишь, какъ велика земля? Какъ несравненно больше, чѣмъ нужно, воздуха, неба? Богъ устроилъ твореніе въ такомъ объемѣ для того, чтобы погасить твое любостяжаніе. Но ты и при всемъ томъ грабишь и, слыша, что любостяжаніе есть идолослуженіе, не ужасаешься даже предъ этимъ? Хочешь овла-

дѣть землею? Но развѣ нѣтъ на небѣ наслѣдства, котораго ты себя чрезъ то лишаешь?

4. Скажи мнѣ, если бы кто предоставилъ тебѣ право взять все,—развѣ ты не захотѣлъ бы? А можно, если хочешь. Нѣкоторые говорятъ, что они скорбятъ, если наслѣдство переводятъ на другихъ, хотѣли бы лучше истребить его, нежели видѣть другихъ его владѣтелями. Я тебя не извиняю и въ этой слабости, потому что и это свойственно немощной душѣ. Но пусть будетъ такъ. Поставь же въ завѣщаніи наслѣдникомъ Христа. Вѣдь (наслѣднику) должно быть живому; это будетъ свидѣтельствовать и о прекрасно направленной волѣ; къ тому же ты, хотя по необходимости, станешь щедрѣе. Христосъ повелѣлъ давать нищимъ для того, чтобы насъ живыхъ сдѣлать любомудрыми, чтобы
126 убѣдить презирать деньги, чтобы научить не уважать земного. Не въ этомъ состоитъ презрѣніе денегъ, что, умирая и не будучи господиномъ, ты предоставляешь ихъ то тому, то другому. Не добровольно даешь остатокъ, но по крайней необходимости. Смерти--благодарность, не тебѣ! Это не есть дѣло нѣжной любви, но—нужды. Впрочемъ пусть будетъ и такъ, но освободись же хоть тогда отъ страсти. Подумай, сколько ты похитилъ, сколько пріобрѣлъ обманомъ? Все возврати четверицею, и такимъ образомъ оправдаешь себя предъ Богомъ. Но нѣкоторые дошли до такого безумія и испорченности, что даже и тогда (предъ смертію) не понимаютъ должнаго, а поступаютъ такъ, какъ будто бы старались сдѣлать тяжелѣе для себя судъ Божій. Потому-то блаженный тотъ (Павелъ) говоритъ въ посланіи: *яко чада свѣта ходите*. Любостяжатель же преимущественно живетъ во тьмѣ, и на всѣхъ распространяетъ великій мракъ. *Не пріобщайтеся*, говоритъ, *дѣломъ неплоднымъ тмы*, *паче же и обличайте: бываемая бо отай отъ нихъ срамно есть и глаголати. Вся же, обличаемая отъ свѣта, являются.*

Послушайте, увѣщеваю всѣхъ, кто не хочетъ напрасно негодовать. Онъ похищаетъ, и ты не обличаешь? Ты опасаешься гнѣва? Хотя не напрасно негодованіе, хотя ты обличаешь справедливо, а все же боишься гнѣва? Обличи брата, выкажи вражду, по любви ко Христу, по любви къ нему самому; останови его, если онъ идетъ въ пропасть. Общеніе въ трапезѣ, въ добрыхъ рѣчахъ, привѣтливость и нѣжность — небольшое дѣло любви. Мы даемъ друзьямъ такіе дары, которые избавили бы душу ихъ отъ гнѣва Божія. Возставимъ ихъ, видя повергнутыми въ пещь нечестія. Но, говоришь, онъ не исправляется? А ты сдѣлай свое, и будешь правъ предъ Богомъ. Не скрывай таланта. Для того ты имѣешь разумъ, для того — языкъ и уста, чтобы исправлять

ближняго. Одни безсловесныя не заботятся о ближнемъ и не имѣютъ никакого понятія о другихъ. Ты же, называя Бога Отцемъ, и ближняго—братомъ, видя его совершающимъ множество золъ, предпочитаешь расположенность къ нему его пользѣ? Да не будетъ этого, умоляю васъ. Нѣтъ больше доказательствъ любви, какъ не презирать заблуждающихъ братьевъ. Увидѣлъ враждующихъ? Помири. Увидѣлъ обманомъ пріобрѣтающихъ имущества? Помѣшай. Увидѣлъ обижаемыхъ? Защити. Этимъ ты къ себѣ первому выкажешь любовь, а не къ нимъ. Для того мы и друзья, чтобы другъ другу приносили пользу. Другъ иначе слушаетъ друга, иначе кого-нибудь посторонняго. Постороннему онъ, быть можетъ, не будетъ и довѣрять, равно какъ и учителю, а другу не такъ. *Бываемая бо отай отъ нихъ срамно есть и глаголати. Вся же, обличаемая отъ свѣта, являются.* Что онъ хочетъ этимъ сказать? Говоритъ это потому, что одни изъ грѣховъ совершаются здѣсь тайно, а другіе явно. Тамъ же будетъ не такъ, потому что нѣтъ никого, кто бы не сознавалъ за собою грѣха. Потому говоритъ: *вся, обличаемая отъ свѣта, являются.* Что же, не о идолослуженіи ли, скажешь, говорится и здѣсь? Нѣтъ; рѣчь здѣсь о жизни и грѣхахъ. Все являемое, говоритъ, свѣтъ есть.
Потому, умоляю, не отказывайтесь ни другихъ обличать, ни сами 127—128
досадуйте, будучи обличаемы. Доколѣ что совершается во мракѣ, совершается съ большею смѣлостію; но какъ скоро имѣетъ многихъ свидѣтелей происходящаго, тогда освѣщается. Потому будемъ дѣлать все наиболѣе для того, чтобы удалить мертвость отъ братьевъ своихъ, чтобы разсѣять мракъ, чтобы приблизить Солнце правды. Если много будетъ свѣточей, то и для насъ будетъ удобенъ путь добродѣтели, да и тѣ, которые во мракѣ, лучше будутъ обличены, такъ какъ свѣтъ, распространяясь, прогоняетъ и мракъ. А если не будемъ такъ поступать, то можно опасаться, что они угаснутъ отъ преобладанія надъ свѣтомъ мрачной и грѣховной тьмы, которая отгоняетъ блескъ свѣта. Итакъ, будемъ стараться и о другихъ, какъ о самихъ себѣ, чтобы всѣми (дѣлами своими) возсылать славу человѣколюбивому Богу, благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, Которому съ Отцемъ и Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XIX.

127 **Блюдите убо, како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дніе лукави суть. Сего ради не бывайте несмысленни, но разумѣвайте, что есть воля Господня (Ефес. v, 15, 17).**

1. Снова (апостолъ) искореняетъ горечь, снова отсѣкаетъ поводъ къ гнѣву. Что въ самомъ дѣлѣ говоритъ онъ? *Блюдите, како опасно ходите.* Онъ зналъ Учителя своего, что Онъ, посылая учениковъ, какъ овецъ среди волковъ, заповѣдывалъ имъ еще быть подобными голубямъ. *И цѣли,* говоритъ, *будите, яко голубіе* (Мѳ. x, 16). Такъ какъ съ одной стороны (христіане) были среди волковъ, а съ другой—были наставлены не мстить за себя, но переносить обиды, то поэтому они и нуждались въ подобномъ наставленіи. И прежняго уже достаточно было къ тому, чтобы сдѣлать ихъ мужественнѣе; а когда къ двумъ сдѣлано прибавленіе, то пойми, что (наставленіе дано) уже чрезмѣрное. Смотри же, съ какимъ тщаніемъ онъ ихъ предостерегаетъ, говоря: *блюдите, како ходите.* Цѣлые города вели войну противъ нихъ (апостоловъ); эта война перешла и въ домы. Отецъ вооружался на сына, сынъ на отца, мать на дочь, дочь на мать. Что же? Откуда эти раздѣленія? Они слышали, что Христосъ говорилъ: *иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (Мѳ. x, 37). Итакъ, чтобы не подумали, что Онъ напрасно вводитъ войны и распри, такъ какъ могла произойти великая вражда, если бы они и сами вздумали вооружаться, для этого (апостолъ) и говоритъ: *блюдите, како опасно ходите,* т. е. исключая проповѣди, ничѣмъ другимъ не давайте себѣ повода къ враждѣ противъ васъ,—одна она пусть будетъ основаніемъ вражды. Пусть никто не обвиняетъ васъ въ чемъ-нибудь другомъ, оказывайте почтеніе и всякое повиновеніе, если ничто не вредитъ проповѣди, если ничто не препятствуетъ благочестію,—потому что *воздадите,* сказано, *всѣмъ должная, емуже урокъ, урокъ, емуже дань, дань* (Рим. xiii, 7). А когда увидятъ васъ покорными другимъ, то сами устыдятся. *Не якоже не мудри, но якоже премудри, искупующе время.* Увѣщеваетъ такъ, желая не того, чтобы мы были изворотливыми и ловкими, но слова его означаютъ слѣдующее: время не ваше; нынѣ вы странники и пришельцы, чужеземцы и посторонніе; не ищите почестей, не ищите славы, не ищите могущества, не будьте и мстительны; все переносите, и этимъ искупайте время; много платите, все, чего бы отъ васъ ни захотѣли. Это сказано темно: попытаюсь уяснить примѣромъ. Представимъ, что кто-нибудь имѣ-

етъ великолѣпный домъ, потомъ, что нѣкоторые приходятъ, чтобъ 128
его разорить, и онъ много имъ раздаетъ и тѣмъ избавляетъ себя: тогда говоримъ, что онъ искупилъ себя. Подобнымъ образомъ и у тебя великій домъ и истинная вѣра; приходятъ, чтобы взять все; отдай же все, кто бы что отъ тебя ни потребовалъ, только главное спаси, т. е. вѣру. *Дніе бо*, говоритъ, *лукави суть*.

Что такое лукавство дня? Порочность дня должна быть свойственна дню. Если ты узнаешь, что̀ такое порочность въ окружающемъ насъ, узнаешь и то, что̀ такое порочность дня. Что такое порочность тѣла? Болѣзнь. А что—порочность души? Злоба. Что—порочность воды? Горечь. И всякаго рода порочность есть неустройство въ природѣ того предмета, которому порочность приписывается. Итакъ, если и день можетъ имѣть порочность, то она заключается въ самомъ днѣ, въ часахъ, въ свѣтѣ. Такъ и Христосъ говоритъ: *довлѣетъ дневи злоба его* (Мѳ. VI, 34). Чрезъ это мы можемъ понять и то. Итакъ, въ какомъ же смыслѣ онъ называетъ дни лукавыми? Въ какомъ—время лукавымъ? Не сущность, не созданіе (такъ называетъ онъ), а то, что въ продолженіе ихъ дѣлается. Подобно тому и у насъ есть обычай говорить: „тяжелый день провелъ я, дурной." Между тѣмъ какимъ бы образомъ онъ могъ быть тяжелымъ, какъ не въ зависимости отъ того, что случилось въ теченіе его? А то, что въ теченіе его случается,—доброе отъ Бога, злое же отъ порочныхъ людей. Слѣдовательно, люди творцы того, что бываетъ порочнаго во времени, и потому говорятъ: „злыя времена". Такъ и мы называемъ времена порочными. *Сего ради*, говоритъ, *не бывайте несмысленни, но разумѣвайте, что есть воля* Господня. *И не упивайтеся виномъ, въ немже есть блудъ* (ст. 17, 18),—такъ какъ невоздержаніе и въ этомъ дѣлаетъ насъ вспыльчивыми и дерзкими и стремительными, раздражительными и несносными. Вино дано для веселья, а не для пьянства. А нынѣ не напиваться—считается дѣломъ женоподобнымъ и смѣшнымъ. Какая же надежда на спасеніе? „Смѣшно, говоришь ты, не напиваться", тогда какъ пьянство болѣе всего должно быть осмѣяно. Весьма хорошо и частному человѣку быть чуждымъ пьянства; а гораздо болѣе—воину, который имѣетъ дѣло съ оружіемъ, съ кровью, съ смертоубійствами; гораздо болѣе—военачальнику, когда, и безъ того, гнѣвъ его воспламеняется отъ власти, отъ управленія, отъ того, что онъ постоянно живетъ среди засадъ и битвъ. Хочешь знать, гдѣ вино хорошо? Послушай словъ Писанія: *дадите сикера сущимъ въ печалѣхъ, и вино сущимъ въ болѣзнѣхъ* (Прит. XXXI, 6). И справедливо: оно вѣдь имѣетъ силу смягчать огорченіе и тоску и удалять печаль. *Вино*

129 *веселитъ сердце человѣка* (Пс. сш, 15). Какъ же отъ вина происходитъ пьянство? Ничто не можетъ производить противоположныхъ дѣйствій. Значитъ пьянство не отъ вина, но отъ неумѣренности. Вино дано намъ не для чего-нибудь другого, какъ для здоровья тѣла; но и этому препятствуетъ невоздержаніе. Послушай же и того блаженнаго, который пишетъ и говоритъ Тимоѳею: *мало вина пріемли, стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ* (1 Тим. v, 23).

2. Для того Богъ и сотворилъ тѣла наши соразмѣрными, требующими немногаго для своего насыщенія, чтобы отсюда уже научить насъ, что мы созданы для другой жизни. Такую жизнь Онъ и хотѣлъ даровать намъ сначала; но такъ какъ мы сами сдѣлались недостойными ея, то Онъ отсрочилъ ее и во время отсрочки не позволяетъ намъ наслаждаться безъ мѣры. Небольшого стакана вина и одного хлѣба достаточно для наполненія желудка человѣческаго. Владыку всѣхъ безсловесныхъ (Богъ) создалъ нуждающимся гораздо менѣе сравнительно съ ними, и далъ небольшое тѣло, указывая этимъ не иное что, какъ то, чтобы мы стремились къ другой жизни. *Не упивайтеся*, говоритъ, *виномъ, въ немже есть блудъ*. Оно не спасаетъ, а губитъ не только тѣло, но и душу. *Но паче исполняйтеся Духомъ, глаголюще себѣ во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснѣхъ духовныхъ, воспѣвающе и поюще въ сердцѣ вашемъ Господеви: благодаряще всегда о всѣхъ о имени Господа нашего Іисуса Христа Богу и Отцу, повинующеся другъ другу въ страсѣ* Христовѣ (ст. 18—21). Хочешь, говоритъ, веселиться? Хочешь провести день? Я даю тебѣ питье духовное. Пьянство уничтожаетъ благозвучіе рѣчи, заставляя нашъ языкъ заикаться; равнымъ образомъ извращаетъ и глаза, и все. Учись пѣть псалмы, и увидишь сладость этого дѣла,— потому что поющіе псалмы исполняются Духа Святого, а поющіе сатанинскія пѣсни—духа нечистаго. Что означаютъ слова: *въ сердцахъ вашихъ Господеви?* Это значитъ—со вниманіемъ приступай къ этому дѣлу, потому что невнимательные поютъ безъ пользы, произнося только слова, тогда какъ сердце ихъ блуждаетъ въ другомъ мѣстѣ. *Благодаряще всегда о всѣхъ о имени Господа нашего Іисуса Христа Богу и Отцу, повинующеся другъ другу въ страсѣ* Христовѣ. То есть: пусть восходятъ къ Богу прошенія ваши съ благодареніемъ; ничто такъ не радуетъ Бога, какъ то, когда кто-нибудь благодаритъ Его. Преимущественно же мы можемъ выражать свою благодарность удаленіемъ нашей души отъ вышесказаннаго, очищеніемъ ея отъ того, о чемъ сказалъ (апостолъ). *Но исполняйтеся*, говоритъ, *Духомъ*. Въ нашей ли это власти? Да, въ нашей. Когда будемъ очищать душу свою отъ лжи, жестокости, блуда, нечистоты и

любостяжанія, когда сдѣлаемся добродушны, сострадательны, заботливы о себѣ, когда не будетъ въ насъ кощунства, когда сдѣлаемъ себя достойными,—тогда что воспретитъ Св. Духу приближаться и прилетѣть къ намъ? И Онъ не просто приблизится, но наполнитъ сердце наше. Когда же внутри насъ будетъ такой свѣтъ, то послѣ того добродѣтель не будетъ уже намъ трудна, но—легка и пріятна. *Всегда*, говоритъ, *благодаряще о всѣхъ*. Какъ же? Должно благодарить за все, что ни случится? Подлинно такъ,—хотя бы то была болѣзнь, хотя бы бѣдность. Если и въ ветхомъ завѣтѣ нѣкоторый мудрецъ совѣтовалъ, говоря: *все, елико аще нанесено ти будетъ, пріими* радостно, *и во измѣненіи смиренія твоего долготерпи* (Сир. II, 4), то тѣмъ болѣе это должно быть въ 130
новомъ. Хотя бы ты и не понималъ причины чего-нибудь, благодари: въ томъ-то и заключается благодарность. Ничего нѣтъ важнаго, ни удивительнаго въ томъ, если ты благодаришь, когда облагодѣтельствованъ, здоровъ, все тебѣ удается и ты счастливъ. Нужно, чтобы ты благодарилъ въ несчастіяхъ и скорбяхъ. Не говори ничего, кромѣ словъ: благодарю Тебя, Владыко! Но что я говорю о бѣдствіяхъ, которыя случаются здѣсь (на землѣ)? За самую геенну, за наказанія, за муки, которыя будутъ тамъ (за гробомъ), должно благодарить Бога. Если мы будемъ внимательны,—это дѣло принесетъ намъ великую пользу, когда именно страхъ геенны будетъ налагать узду на сердца наши. И не только за явныя благодѣянія, но и за тайныя, посылаемыя противъ желанія, мы должны благодарить. (Богъ) много благодѣтельствуетъ намъ, когда мы не хотимъ или не видимъ этого. Если не вѣрите, я вамъ разъясню это дѣло. Подумай, не все ли приписываютъ солнцу и идоламъ своимъ беззаконные и безбожные эллины? Чтожъ? Развѣ Онъ не посылаетъ благодѣяній и имъ? Не Его ли промыслу обязаны они жизнію, здоровьемъ, дѣтьми и другимъ подобнымъ? А такъ называемые маркіониты? А манихеи? Развѣ не хулятъ Его? Что же? Развѣ не благодѣтельствуетъ Онъ и имъ каждый день? Если же тѣмъ, безъ ихъ вѣдома, благодѣтельствуетъ, то тѣмъ болѣе намъ. И что другое свойственно Богу, какъ не благодѣтельствовать человѣческому роду и въ наказаніяхъ и въ благодѣяніяхъ?

Итакъ, не въ счастіи только мы должны благодарить, потому что тутъ нѣтъ ничего важнаго. Это зналъ и діаволъ; потому и говорилъ: *еда туне чтитъ Іовъ Господа? Не Ты ли оградилъ еси внѣшняя его, и внутренняя? Но коснися всѣхъ, яже иматъ, аще не въ лице Тя благословитъ* (Іов. I, 9, 11). Но злодѣю этому (діаволу) не было отъ того никакой пользы, и пусть не случится, чтобы и относительно насъ было ему что-нибудь большее. Когда

постигаютъ насъ бѣдность, болѣзни, несчастія, тогда-то и должно сильнѣе благодарить. Я разумѣю благодарность не на словахъ, не на языкѣ, а въ поступкахъ, дѣлахъ, мысли и сердцѣ. Всею душою будемъ благодарить Его. Вѣдь Онъ любитъ насъ болѣе, нежели наши родители, и любовь Божія настолько различна отъ любви родительской, насколько благость отстоитъ отъ лукавства.

3. Это не мои слова, но любящаго насъ Христа. Послушай, что говоритъ Онъ: *кто есть отъ васъ человѣкъ, егоже аще воспроситъ сынъ его хлѣба, еда камень подастъ ему? Аще убо вы лукави суще, умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ, кольми паче Отецъ вашъ небесный дастъ блага просящимъ у Него* (Мѳ. VII, 9, 10, 11)? И опять послушай, что говоритъ Онъ въ другомъ мѣстѣ: *еда забудетъ жена, еже не помиловати исчадія чрева своего? Аще же и забудетъ сихъ жена, но Азъ не забуду тебе, глаголетъ Господь* (Иса. XLIX, 15). Если онъ не любитъ насъ, то для чего сотворилъ? Развѣ это Ему было необходимо? Развѣ мы дѣлаемъ что-нибудь Ему полезное и нужное? Развѣ Онъ нуждается въ комъ-либо изъ насъ? Послушай словъ пророка: *рѣхъ Господеви: Господь мой еси Ты, яко благихъ моихъ не требуеши* (Псал. XV, 2). Но не понимающіе и не чувствующіе этого говорятъ: при благости Божіей
131 должно быть равенство для всѣхъ. Но скажи мнѣ, неблагодарный человѣкъ, въ чемъ ты видишь отсутствіе благости Божіей, и что называешь равенствомъ? Одинъ, говорятъ, съ дѣтства калѣка, другой безумствуетъ и одержимъ демономъ, иной всю жизнь до глубокой старости провелъ въ бѣдности, иной въ жестокихъ болѣзняхъ. Таковы ли дѣла Промысла? Одинъ глухъ, другой нѣмъ, третій бѣденъ, иной же золъ и беззаконенъ, исполненъ безчисленныхъ пороковъ, а имѣетъ деньги, содержитъ блудницъ и нахлѣбниковъ, пріобрѣлъ великолѣпный домъ, ведетъ беззаботную жизнь. И много говорятъ подобнаго, сплетая длинное слово осужденія на Промыслъ божественный. Что же? Нѣтъ, стало быть, Промысла? Что намъ сказать противъ нихъ? Если бы это были эллины и сказали намъ: кѣмъ управляется міръ?—мы спросили бы ихъ въ свою очередь: что же? Нѣтъ Промысла? Зачѣмъ же вы почитаете боговъ, покланяетесь демонамъ и героямъ? Вѣдь если есть Промыслъ, то онъ бодрствуетъ надъ всѣми. Если между христіанами и эллинами найдутся отчаивающіеся и сомнѣвающіеся,—что имъ сказать? Скажи мнѣ, ужели отъ случая произошло столько благъ: ежедневный свѣтъ, благоустройство въ существующемъ, хоръ звѣздъ, равномѣрное теченіе дней и ночей, послѣдовательность природы въ растеніяхъ, животныхъ и людяхъ? Кто, скажи мнѣ, управляетъ этимъ? Если нѣтъ никого пекущагося, а все поддерживается случайно, то кто надъ землею и во-

дами, опрокинувши, распростеръ такой прекрасный, такой величественный шатеръ, — я разумѣю небо? Кто далъ плодоносящія времена? Кто вложилъ такую силу въ сѣмена и растенія? Все случайное бываетъ совершенно безпорядочно, между тѣмъ какъ все благоустроенное художественно. Что у насъ изъ случайнаго, скажи мнѣ, бываетъ свободно отъ великой неурядицы, великаго замѣшательства, безпорядка? Я уже не говорю о томъ, что происходитъ безъ причины, но даже о томъ, кто дѣлаетъ, но берется за дѣло безъ умѣнья. Пусть, напримѣръ, будетъ дерево, камни и известь; пусть возьметъ ихъ человѣкъ, не знающій домоустройства, и начнетъ строить и трудиться. Не все ли онъ погубитъ и испортитъ? Опять же, пусть будетъ корабль безъ кормчаго со всѣмъ, что нужно имѣть кораблю, кромѣ кормчаго, не говорю — не оснащенный, но даже оснащенный: онъ не въ состояніи будетъ плыть. Эта земля, стоящая на водѣ, могла ли бы, скажи мнѣ, простоять столько времени безъ поддерживающей силы? И есть въ этомъ смыслъ? И мнѣніе такого рода не стóитъ осмѣять тысячи разъ? Если при этомъ (вода) носитъ и небо—вотъ другая тяжесть. Но на водѣ ли держится небо—другой вопросъ. Все это—дѣло Промысла. Все, носящееся на водѣ, не должно быть вогнутымъ, но выпуклымъ. Почему? Потому что тѣло выпуклое, какъ напримѣръ въ кораблѣ, остается наружу и стремится вверхъ, а тѣло вогнутое все погружается въ воду. Итакъ, для него (неба) нужно тѣло упругое, твердое, способное выдержать напоръ и вынесть наложенную тяжесть. Не воздухъ ли поддерживаетъ небо? Но онъ гораздо жиже, рыхлѣе воды и вещамъ даже самымъ легкимъ не можетъ противопоставлять достаточнаго сопротивле- 132
нія, а тѣмъ болѣе такой громадѣ. Цѣлаго вѣка намъ недостаточно было бы, если бы мы стали разсматривать всѣ дѣла Промысла, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ. Спрошу настоящаго совопросника: отъ Промысла все это произошло, или случайно?— и, если бы онъ сказалъ: нѣтъ Промысла,—опять спрошу: какъ же это произошло? И не найдется онъ указать ни на одну причину. Отсюда уже тѣмъ болѣе ты не долженъ разузнавать и усиливаться разгадывать вопросы, касающіеся жизни человѣка. Почему? Потому что человѣкъ превосходнѣе всего этого и все это произошло для человѣка, а не человѣкъ для этого.

4. Итакъ, если ты не понимаешь премудрости и порядка, заключающихся въ промышленіи о немъ (человѣкѣ), какъ можешь постигнуть причины, заключающіяся (въ Богѣ)? Да, скажи мнѣ, почему (человѣкъ) сотворенъ столь малымъ, до того удаленнымъ отъ высотъ небесныхъ, что сомнѣвается въ являющемся свыше? Почему сѣверныя и южныя страны необитаемы? Почему,

скажи мнѣ, зимою ночь бываетъ больше, лѣтомъ меньше? Къ чему стужа, жаръ, почему тѣло смертно? Я предложу тебѣ бездну и другихъ вопросовъ, даже, если хочешь, не перестану спрашивать, и во всемъ ты будешь безотвѣтенъ предо мной. Въ томъ-то главнымъ образомъ и состоитъ Промыслъ, что причины для насъ непостижимы. Если бы это не превышало нашего разумѣнія, то, пожалуй, кто-нибудь и въ самомъ дѣлѣ счелъ бы человѣка причиною всего. Такой-то, говорятъ, бѣденъ, а бѣдность есть зло. Что такое также болѣзнь, или слѣпота? Все это—ничто, человѣкъ! Одно только несчастіе—грѣшить, и объ этомъ одномъ намъ и должно разсуждать. Оставивши изслѣдованія относительно причинъ дѣйствительныхъ бѣдствій, мы слишкомъ много хлопочемъ о постороннемъ. Отчего никто изъ насъ никогда не старается узнать, почему онъ грѣшилъ? Въ моей ли власти грѣшить, или не въ моей? Нѣтъ нужды тутъ много говорить, поищу отвѣта въ самомъ себѣ. Не побѣдилъ ли я когда-нибудь страстныхъ влеченій, не восторжествовалъ ли надъ гнѣвомъ изъ стыда, или изъ страха предъ людьми? Когда найду такіе случаи, то заключу отсюда, что грѣшить въ моей власти. Никто объ этомъ не любопытствуетъ, никто не беретъ на себя труда это узнать; но безъ размышленія, по словамъ Іова, смертный *инако обилуетъ словесы* (Іов. XI, 12). Что тебѣ за нужда до того, что одинъ слѣпъ, другой бѣденъ? Не объ этомъ Богъ повелѣваетъ разсуждать тебѣ, а о томъ, что самъ ты дѣлаешь. Если ты сомнѣваешься, промышляетъ ли какая-нибудь сила о мірѣ, ты самый безразсудный человѣкъ; если же ты убѣжденъ въ этомъ, то зачѣмъ сомнѣваешься, что должно угождать Богу? *Всегда о всѣхъ*, говоритъ, *благодаряще Богу* (ст. 20). Войди въ лѣчебницу и, когда тамъ бываетъ раненый, посмотри, какъ врачъ рѣжетъ и жжетъ его. Впрочемъ я говорю это не по отношенію къ тебѣ,—ты войди въ мастерскую плотника. И не добьешься ты смысла, ничего почти не поймешь изъ того, что тамъ дѣлается; многое покажется тебѣ безтолковымъ, когда, напримѣръ, онъ сверлитъ, или стругаетъ дерево. Если я приведу тебя къ другому, болѣе простому искусству, напримѣръ къ живописи, то и здѣсь ты растеряешься. Скажи мнѣ, не напраснымъ ли тебѣ покажется дѣлать то, что дѣлаетъ (живописецъ)? Къ чему для него служатъ начертанія и переплетенія линій? Когда же онъ положитъ краски,
133 тогда бросится тебѣ въ глаза красота искусства и все-таки, и послѣ этого, ты не въ состояніи будешь ничего понять въ точности. Но зачѣмъ я говорю о плотникахъ, живописцахъ, такихъ же рабахъ, какъ и мы? Разскажи мнѣ, какъ пчела дѣлаетъ соты, и тогда говори о Богѣ. Изучи искусство муравьевъ, паука, ла-

точки, и послѣ этого говори о Богѣ. Объясни мнѣ это, если ты умѣешь; но ты не въ состояніи. Итакъ, ужели не перестанешь ты, человѣкъ, искать излишняго,—а это поистинѣ излишне,—не перестанешь безразсудно любопытствовать? Нѣтъ ничего мудрѣе такого незнанія, и признающіеся въ полномъ незнаніи въ этомъ случаѣ оказываются умнѣе всѣхъ, а суемудрствующіе неразумнѣе всѣхъ. Такимъ образомъ заявленіе о своемъ знаніи не всегда показываетъ мудрость, а иногда и глупость. Скажи мнѣ, если бы изъ двухъ человѣкъ одинъ объявилъ, что измѣритъ протянутыми веревками воздухъ, простирающійся отъ земли до неба, а другой, осмѣивая перваго, признавался бы, что онъ этого не знаетъ,—кого мы, скажи, осмѣяли бы, называющаго себя знающимъ, или незнающаго? Очевидно,—именуемаго знатока. Итакъ, незнающій мудрѣе того, кто выдаетъ себя за знающаго. Еще: если бы кто объявилъ, что знаетъ, сколько стакановъ (воды) содержитъ въ себѣ море, а другой—что не знаетъ,—здѣсь опять незнаніе не мудрѣе ли знанія? Конечно. А почему? Потому что это незнаніе шире (чѣмъ знаніе). Признающійся въ незнаніи знаетъ кое-что. Именно что? То, что нѣчто сокрыто отъ человѣка; а это немаловажно. Тотъ же, кто говоритъ, что знаетъ, въ особенности не понимаетъ того, о чемъ говоритъ, будто знаетъ; потому-то онъ и заслуживаетъ осмѣянія. Увы, сколько мы имѣемъ побужденій обуздывать неумѣстную пытливость и любопытство,—и все же не удерживаемся, но мѣшаемся въ жизнь другихъ (и спрашиваемъ): почему тотъ бѣденъ, почему этотъ слѣпъ? Съ такими вопросами мы впадемъ и въ другія бредни,—почему, напримѣръ, это женщина, почему не всѣ мущины, почему это оселъ, почему быкъ, почему собака, почему волкъ, почему камень, почему дерево,—и вопросы продлятся въ безконечность. Поэтому-то Богъ и положилъ мѣру нашему знанію и (положилъ основаніе ей) въ нашей природѣ. Посмотри со мной на весьма любопытное явленіе. Когда мы смотримъ съ земли на небо, на такую высоту, то ничего тяжелаго не чувствуемъ, а когда взойдемъ на какую-нибудь высокую башню и захотимъ, нѣсколько наклонясь, посмотрѣть внизъ, то вдругъ ощущаемъ круженіе и помраченіе головы. Скажи мнѣ причину этого; но ты не найдешь, почему глазъ имѣетъ большую силу (чѣмъ другія чувства), и перестаетъ дѣйствовать на значительнѣйшихъ разстояніяхъ

5. И въ отношеніи слуха можно видѣть подобное. Никто не сможетъ наполнить крикомъ весь воздухъ, окидываемый глазомъ, или слышать на такомъ разстояніи. Почему не всѣ члены имѣютъ одинаковую честь, не отправляютъ одинаковаго назначенія и не занимаютъ одного мѣста? И Павелъ любопытствовалъ

объ этомъ, или лучше, не любопытствовалъ,—потому что онъ былъ мудръ,—но, пришедши къ этому вопросу, сказалъ: *(положи) единаго коегождо ихъ, якоже изволи* (1 Кор. xii, 18). Все онъ приписалъ волѣ Божіей. Прекративши изысканія, будемъ же и мы только благодарить за все. Потому, говоритъ, *благодарите о всѣхъ*. Это свойственно рабу мудрому, благоразумному и рачительному, а то (пустое любопытство)—болтливому, лѣнивому, мѣшающемуся не въ свое дѣло. Не знаешь ли, что между слугами самые пустые и ни къ чему негодные бываютъ говорливы, болтливы и стараются разузнать тайны, скрываемыя господами, а благоразум-
131 ные, усердные только и смотрятъ, какъ бы выполнить свою службу? Кто много говоритъ, тотъ ничего не дѣлаетъ; кто много дѣлаетъ, тотъ ничего не говоритъ неумѣстнаго. Поэтому и Павелъ говорилъ, пиша о вдовахъ: *не точію же праздны учатся, но и болтливы* (1 Тим. v, 13).

Скажи мнѣ, гдѣ больше различія: между возрастомъ нашимъ и дѣтскимъ, или между Богомъ и людьми? Между нами и комарами, или между нами и Богомъ? Очевидно, между нами и Богомъ. Итакъ, зачѣмъ же ты такой любопытный? Благодари за все. Но скажешь: что я буду отвѣчать, если меня спроситъ эллинъ и захочетъ отъ меня узнать, есть ли промыслъ, а самъ онъ говоритъ, что нѣтъ никого промышляющаго? Спроси и ты его въ свою очередь. Но онъ говоритъ, что нѣтъ никого промышляющаго? Что промыслъ есть, это ясно изъ сказаннаго; относительно же непостижимаго (укажи на то), что мы не понимаемъ его значенія. Если въ дѣлахъ человѣческихъ мы многаго не понимаемъ, какъ что дѣлается, и хотя многое намъ кажется неумѣстнымъ, однако уступаемъ,—то тѣмъ болѣе (должно такъ поступать) по отношенію къ Богу. Въ Богѣ для вѣрующихъ и не кажется и нѣтъ ничего неумѣстнаго. Поэтому будемъ благодарить за все, за все будемъ прославлять Его. *Повинующеся*, говоритъ, *другъ другу въ страсѣ Божіи*. Если ты повинуешься изъ-за подчиненія, изъ-за денегъ, или изъ-за стыда, то тѣмъ болѣе (повинуйся) изъ-за страха Божія. Пусть будетъ взаимное воздаяніе за рабство и подчиненіе; тогда уже не будетъ рабства. Пусть не занимаетъ исключительно одинъ мѣсто свободнаго, другой—раба, но лучше, если господа и слуги взаимно служатъ другъ другу. Гораздо лучше такъ быть рабомъ, нежели инымъ образомъ быть свободнымъ. Вотъ доказательство: пусть кто-нибудь имѣетъ сто слугъ и никто изъ нихъ ему не служитъ; пусть съ другой стороны будетъ сто друзей, взаимно служащихъ другъ другу. Кто изъ нихъ будетъ лучше жить, у кого будетъ больше радости, больше веселья? Тамъ нѣтъ ни гнѣва, ни досады, ни раздраже-

нія и ничего подобнаго, здѣсь страхъ и рабство; здѣсь все по необходимости, тамъ все по свободному избранію; здѣсь служать по принужденію, тамъ по любви другъ къ другу. Такъ восхотѣлъ и Богъ,—поэтому омылъ ноги учениковъ. Еще болѣе: и господа, если хочешь разсудить тщательно, обязаны вознаграждать другъ друга взаимнымъ служеніемъ. Что произошло бы, если бы гордость не допустила оказывать взаимныхъ воздаяній? Когда кто отправляетъ плотское служеніе, ты питаешь его тѣло, заботишься о пищѣ, одеждѣ, обуви, и это есть одинъ изъ видовъ служенія. Если ты не выполняешь своего служенія, то онъ не будетъ выполнять и своего; никакой законъ не заставитъ его служить, если ты не кормишь его. Если такъ бываетъ по отношенію къ рабамъ, то что неумѣстнаго, если также случится и съ свободными? *Въ страсѣ* Христовѣ, говоритъ, *повинующеся*. Что же это за милость, когда (за службу) имѣемъ и воздаяніе? Но онъ не хочетъ тебѣ подчиняться? Подчиняйся ты ему, и не просто повинуйся, но подчиняйся. Служи всѣмъ, какъ господамъ, и скоро ты будешь имѣть ихъ слугами, порабощенными властью, сильнѣйшею власти суровѣйшаго тирана. Еще болѣе ты пріобрѣтешь ихъ, если, не получая отъ нихъ ничего, будешь отдавать имъ свое. *Повинующеся другъ другу въ страсѣ* Христовѣ—значитъ, чтобы 135—138
мы обуздывали всѣ страсти, служили Богу, питали любовь другъ къ другу, и тогда мы сможемъ удостоиться человѣколюбія Божія, благодатію и щедротами (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XX.

Жены, своимъ мужемъ повинуйтеся, якоже Господу, 135
зане мужъ глава есть жены, якоже и Христосъ глава церкве, и той есть Спаситель тѣла. Но якоже церковь повинуется Господу, такожде и жены своимъ мужемъ во всемъ (Ефес. v, 22—24).

1. Нѣкоторый мудрый мужъ, перечисливъ многія блага, поставилъ въ числѣ ихъ и согласіе (между мужемъ и женою): *и мужъ и жена*, сказалъ онъ, *между собою согласни* (Сир. xxv, 2). Подобнымъ образомъ, и въ другомъ мѣстѣ, въ числѣ же благъ онъ поставляетъ единомысліе между мужемъ и женою (xxv, 11). При томъ извѣстно, что и изначала Богъ прилагалъ особенное попеченіе объ этомъ союзѣ, и, говоря объ обоихъ, Онъ выра-

жается какъ объ одномъ: *мужа и жену сотворилъ я есть* (Марк. x, 6); и еще: *нѣсть мужескій полъ, ни женскій* (Гал. III, 28). Въ самомъ дѣлѣ, не можетъ быть такой близости у мужа съ мужемъ, какая у жены съ мужемъ, если только кто законно сочетался съ нею. Потому-то одинъ блаженный мужъ, выражая чрезмѣрную любовь и оплакивая одного изъ любимыхъ имъ и сердечно ему преданныхъ, беретъ для этого въ примѣръ любовь не отца или матери, ни дитяти или брата, ни друга,—но чью? Паде *любовь твоя* на мя, говорилъ онъ, яко *любовь женская* (2 Царст. I, 26). Поистинѣ, любовь эта насильственнѣе всякой тираніи. Сильны и другія (страсти); но эта страсть имѣетъ такую силу, которая никогда не ослабѣваетъ. Въ самой природѣ нашей есть какое-то страстное влеченіе, непонятное для насъ, которое соединяетъ эти тѣла (мужа и жены). Вотъ и вначалѣ жена произошла отъ мужа, а послѣ отъ жены и мужа мужъ и жена. Замѣчаешь ли союзъ и единство? Почему (Богъ) не попустилъ привзойти сюда другой сущности отвнѣ? И смотри, какъ Онъ устроилъ: Онъ дозволилъ человѣку имѣть женой сестру, еще болѣе—не только сестру, но и дочь, и не только дочь, но нѣчто ближе дочери,—собственную плоть. Все же это Онъ устроилъ изначала, соединяя ихъ въ одно, какъ бы на каменномъ основаніи. Не отвнѣ Онъ жену сотворилъ, для того, чтобы мужъ не смотрѣлъ на нее, какъ на чуждую; а съ другой стороны не ограничилъ брачнаго сожитія только ею, чтобы онъ, стѣсняя и принуждая себя, не отдѣлился вовсе отъ другихъ. И какъ между растеніями тѣ особенно красивы, которыя имѣютъ одинъ стволъ, развѣтвляющійся на многія вѣтви, а тѣ, которыхъ вѣтви развѣтвляются безпорядочно, каждая выростая отъ особеннаго корня, не представляются красивыми, такъ и здѣсь, Богъ изъ одного Адама произрастилъ весь родъ (человѣческій), поставивши его чрезъ то въ совершенную невозможность разъединиться или раздѣлиться. Потомъ, для большаго также единенія, запретилъ вступать въ бракъ съ сестрами и дочерьми, чтобы чрезъ это мы не сосредоточивали всей любви своей на одномъ (родѣ), и тѣмъ не отдѣлялись отъ другихъ. Потому и сказалъ (Христосъ): *сотворивый искони, мужескій и женскій полъ сотворилъ я есть* (Мѳ. XIX, 4). Много отъ этого бываетъ зла, много и добра
136 и для семействъ, и для обществъ. Ничто такъ не укрѣпляетъ нашу жизнь, какъ любовь мужа и жены. Ради ея многіе берутся за оружіе, а иные не щадятъ и своей жизни. Итакъ, не просто и не напрасно Павелъ выказалъ великую заботливость объ этомъ дѣлѣ, когда сказалъ: *жены, своимъ мужемъ повинуйтеся, якоже Господу*. Почему? Потому что, если они единомысленны, то и дѣти ихъ воспитываются хорошо, и слуги благоустроены, и со-

сѣди, и друзья, и сродники, какъ бы наслаждаются ихъ благовоніемъ. Если же гдѣ бываетъ напротивъ, то тамъ во всемъ безпорядокъ и замѣшательство. И какъ, если военачальники въ мирѣ другъ съ другомъ, то все идетъ, какъ слѣдуетъ, а если между ними возникнетъ распря, то тамъ уже не бываетъ порядка,—такъ и здѣсь. Потому и говоритъ: *жены, своимъ мужемъ повинуйтеся, якоже Господу*. Увы! А какъ же въ другомъ мѣстѣ сказано: если кто не оставитъ жены или мужа, не можетъ слѣдовать за Мною (Лук. xix, 26; сн. Мѳ. x, 36, 37)? Если (жена) должна повиноваться (мужу), какъ Господу, то какъ же говорится, что ей должно оставить его ради Господа? И подлинно, должно. Впрочемъ слово: *якоже* не вездѣ означаетъ совершенное равенство. (Апостолъ) или разумѣетъ слѣдующее: *якоже* знающія, что служите Господу, какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что (онѣ должны повиноваться) если не ради мужа, то, въ особенности, ради *Господа* (Колос. iii, 18); или: если повинуешься мужу, то думай, что ты повинуешься, какъ работающая Господу. Если противящійся даже внѣшнимъ общественнымъ властямъ противится *повелѣнію Божію* (Рим. xiii, 2), то тѣмъ болѣе—не повинующаяся мужу. Этого Богъ требовалъ отъ начала. Итакъ, поставимъ мужа въ качествѣ главы, а жену въ качествѣ тѣла. Потомъ, доказывая умозаключеніями, что мужъ есть глава жены, (апостолъ) говоритъ: *якоже и Христосъ церкве, и той есть Спаситель тѣла. Но якоже церковь повинуется Христу, такожде и жены своимъ мужемъ во всемъ*. Сказавъ, что мужъ есть глава жены, *якоже и Христосъ церкве*, онъ затѣмъ присовокупилъ: *и той есть Спаситель тѣла*,—потому что отъ головы зависитъ благосостояніе тѣла. Такимъ образомъ онъ предложилъ мужу и женѣ, какъ основаніе ихъ счастія, взаимную любовь и заботливость, указавъ каждому подобающую область,—ему начальство и попеченіе, а ей—повиновеніе.

2. Итакъ, какъ Церковь, составляемая изъ мужей и женъ, повинуется Христу, такъ и жены должны повиноваться мужьямъ, какъ Богу. *Мужіе, любите своя жены, якоже и Христосъ возлюби церковь* (ст. 25). Ты слышалъ о великомъ послушаніи; ты доволенъ Павломъ и радъ, что онъ, какъ нѣкій дивный и духовный учитель, учитъ насъ порядку въ жизни. Хорошо! Но послушай, чего онъ требуетъ и отъ тебя: тотъ же самый примѣръ онъ приводитъ и далѣе. *Мужіе*, говоритъ онъ, *любите своя жены, якоже* 137
и Христосъ возлюби церковь. Видѣлъ мѣру послушанія? Послушай же и о мѣрѣ любви. Хочешь, чтобы жена повиновалась тебѣ, какъ Христу повинуется Церковь? Заботься и самъ объ ней, какъ Христосъ о Церкви. Хотя бы нужно было пожертвовать за нее

жизнію, хотя бы нужно было тысячекратно быть разсѣченнымъ, или потерпѣть и пострадать что бы то ни было, не отказывайся; но и хотя бы ты потерпѣлъ все это, не думай, что ты сдѣлалъ что-нибудь подобное тому, что сдѣлалъ Христосъ. Ты терпишь это, будучи уже въ союзѣ съ женою; а Онъ (страдалъ за Церковь) отвращавшуюся отъ Него и ненавидѣвшую Его. Какъ Онъ, когда она отвращалась, ненавидѣла, презирала Его и была развратна, по великому своему снисхожденію покорилъ ее подъ ноги Свои, не прибѣгая ни къ угрозамъ, ни къ порицаніямъ, ни къ устрашеніямъ и ни къ чему подобному,—такъ и ты поступай въ отношеніи къ своей женѣ: хотя бы ты видѣлъ, что она пренебрегаетъ тобою, что развратна, что презираетъ тебя, умѣй привести къ своимъ ногамъ твоимъ великимъ объ ней попеченіемъ, любовію и дружбою. Нѣтъ узъ крѣпче этихъ, особенно для мужа и жены. Слугу можно иногда связать страхомъ,—а скорѣе и его этимъ не свяжешь, онъ отскочитъ и сбѣжитъ,—но общницу жизни, мать дѣтей и виновницу всѣхъ радостей нужно привязывать къ себѣ не страхомъ и угрозами, но любовію и расположенностію. Что за супружество, когда жена трепещетъ мужа? Какимъ удовольствіемъ можетъ насладиться мужъ, который сожительствуетъ съ женою, какъ съ рабою, а не какъ съ свободной? Если бы и случилось потерпѣть что за нее, не ропщи: Христосъ этого не дѣлалъ. *И себе*, говоритъ, *предаде за ню, да освятитъ ю, очистивъ* (ст. 25, 26). Значитъ она была нечиста; значитъ, на ней были грязныя пятна; значитъ, была безобразна и ничего не стоила. А ты какую бы ни взялъ жену, твоя невѣста была не такова, какою Христосъ обрѣлъ Церковь; она не такъ отлична отъ тебя, какъ была отлична Церковь отъ Христа. При всемъ томъ Онъ не возгнушался ею и не возненавидѣлъ ее за ея чрезмѣрное безобразіе. Хочешь знать, какъ она была безобразна? Послушай, что говоритъ Павелъ: *бѣсте бо иногда тма* (Ефес. v, 8). Видишь черноту ея? Что чернѣе тьмы? Но посмотри и дерзость ея: *въ злобѣ*, говоритъ, *и зависти живуще* (Тит. III, 3). Посмотри и нечистоту: *несмыслени и непокориви*. Что еще сказать? Она была и безумна, и богохульна. Однако, несмотря на то, что въ ней было такъ много дурного, Онъ и за безобразную предалъ Себя какъ за прекрасную, какъ за возлюбленную, какъ за достойную дивной похвалы. Недоумѣвая предъ этимъ, Павелъ и говорилъ: *едва бо за праведника кто умретъ* (Рим. v, 7); и еще: *яко еще грѣшникомъ сущимъ намъ, Христосъ за ны умре* (ст. 8). И принявши ее такою, Онъ украшаетъ ее и омываетъ и не отказывается отъ этого. *Да освятитъ ю*, говоритъ (апостолъ), *очистивъ банею водною въ глаголѣ. Да представитъ ю себѣ славну церковь, не*

имущу скверны, или порока, или нѣчто отъ таковыхъ, но да будетъ свята и непорочна (ст. 26, 27). Банею омываетъ ея нечистоту. *Въ глаголѣ*, говоритъ. Какомъ? Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. И не только украсилъ ее, но и сдѣлалъ славною, не имѣющею *скверны, или порока, или нѣчто отъ таковыхъ*. Итакъ, будемъ и мы искать этой красоты, и мы сможемъ стать ея творцами. Не требуй отъ жены того, чего у ней нѣтъ. Видишь, что Церковь все получила отъ Владыки? Чрезъ Него она содѣлалась славною, чрезъ Него безпорочною. Не отвращайся же и ты отъ жены изъ-за ея непривлекательности. Послушай, что говоритъ Писаніе: *мала въ пернатыхъ пчела, и начатокъ сладостей плодъ ея* 138
(Сир. xi, 3). Она Божіе созданіе: не ее ты порицаешь, но Того, кто создалъ ее. Чѣмъ виновата жена?

Не хвали ее и за красоту. Развратнымъ душамъ свойственны такая похвала и такая ненависть, да и самая (страстная) любовь. Ищи красоты душевной; подражай Жениху Церкви. Тѣлесная красота производитъ великую наглость и много неразумнаго; она возбуждаетъ ревность и нерѣдко заставляетъ подозрѣвать тебя въ гнусныхъ поступкахъ. Но она, скажешь, доставляетъ удовольствіе? Одинъ мѣсяцъ или два, много, если годъ, но не далѣе; отъ привычки диво это скоро теряетъ свою прелесть. А то, что вслѣдствіе красоты бываетъ дурного, остается навсегда: ослѣпленіе, безуміе, высокомѣріе. Въ (удовольствіи же), доставляемомъ не этою (красотою), ничего нѣтъ подобнаго; тамъ любовь, начавшаяся надлежащимъ образомъ, остается постоянною, какъ любовь къ красотѣ душевной, а не тѣлесной.

3. Скажи мнѣ, что прекраснѣе неба? Что прекраснѣе звѣздъ? Скажешь: тѣло,—но оно не такъ бѣло; укажешь на глаза,—но они не такъ блестящи. Когда созданы были небеса, имъ удивились ангелы; и мы нынѣ удивляемся имъ, хотя и не такъ, какъ сначала. Это отъ привычки, что мы нынѣ уже не такъ поражаемся ими. Не тѣмъ ли болѣе (можно сказать это) по отношенію къ женѣ? А если приключится болѣзнь, то тотчасъ все улетаетъ. Будемъ же искать въ женѣ благоразумія, умѣренности, кротости: таковы признаки (истинной) красоты,—а тѣлесной красоты не будемъ искать, и не станемъ укорять ее за то, что не отъ нея зависитъ, или лучше, и вовсе не станемъ укорять, потому что это свойственно дерзости, не будемъ огорчаться и негодовать. Или не видите, сколько такихъ, которые жили и съ красивыми женами, но бѣдственно окончили свою жизнь; напротивъ сколько такихъ, которые имѣли женъ не очень благообразныхъ, но въ полномъ благополучіи дожили до глубокой старости? Истребимъ внутреннюю скверну, исторгнемъ внутренніе недостатки, уничто-

жимъ пятна душевныя. Богъ желаетъ такой красоты. Уготоваемъ ее (жену) прекрасною для Бога, а не для себя самихъ. Не станемъ искать денегъ, ни внѣшняго благородства, но благородства душевнаго. Пусть никто не думаетъ разбогатѣть чрезъ жену: постыдно и позорно такое богатство; и вообще пусть никто не ищетъ здѣсь богатства, потому что *хотящіи богатитися*, сказано, *впадаютъ въ напасти и въ похоти несмысленны и вреждающія, и въ сѣти и всегубительство и погибель* (1 Тим. VI, 9). Не ищи отъ жены большихъ денегъ, и ты легко найдешь все другое. Кто, скажи мнѣ, оставивъ важнѣйшее, станетъ заботиться о маловажномъ? Но, увы, мы всегда такъ поступаемъ. Если у насъ есть сынъ, то мы не о томъ стараемся, чтобы онъ былъ хорошъ, но какъ бы найти ему богатую жену, не о томъ, чтобъ былъ благонравенъ, а о томъ, чтобъ былъ богатъ. И если начертываемъ образъ жизни, то также не о томъ заботимся, какъ бы намъ жить безгрѣшно, но о томъ, какъ бы намъ пріобрѣтать больше прибытковъ. Деньги стали значить все. Оттого и повредилось все, что мы одержимы этой страстью. *Тако должни суть мужіе*, говоритъ (апостолъ), *любити своя жены, яко своя тѣлеса* (ст. 28). Что это значитъ? Значитъ, что онъ переходитъ къ убѣдительнѣйшему и къ сильнѣйшему примѣру; и мало того, къ
139 примѣру болѣе близкому и ясному, и къ новой причинѣ. То не казалось весьма необходимымъ, и чтобы не сказалъ кто-нибудь: Онъ былъ Христосъ, былъ Богъ, и самъ Себя предалъ, — (апостолъ) инымъ способомъ доказываетъ то же, говоря: *тако должни суть;* итакъ это—не милость, а долгъ. Сказавши: *яко своя тѣлеса*, онъ присовокупилъ: *никтоже бо когда плоть свою возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю* (ст. 29), т. е. заботится о ней съ великимъ тщаніемъ. Но какимъ образомъ (жена)—плоть мужа? Послушай: *се нынѣ*, говорилъ (Адамъ), *кость отъ костей моихъ, и плоть отъ плоти моея* (Быт. II, 23). И не только это, но сказано еще: *и будутъ въ плоть едину. Якоже и Христосъ возлюби церковь:* обращается къ прежнему примѣру. *Зане уди есмы тѣла его, отъ плоти его, и отъ костей его* (ст. 30). Какимъ образомъ? Онъ произошелъ отъ нашего естества, какъ и Ева есть плоть отъ плоти Адама. Онъ кстати упомянулъ о костяхъ и о плоти, потому что это въ насъ главнѣйшее — плоть и кости. Одно какъ бы основаніе, а другое какъ бы зданіе. То, впрочемъ, очевидно; а это какимъ образомъ? Какъ тамъ существуетъ великая близость, такъ, говоритъ, и здѣсь. Что значитъ: *отъ плоти его?* Значитъ — истинно отъ Него. Но какъ чрезъ это мы бываемъ членами Христовыми? Такъ, что мы родились подобно Ему. Какимъ образомъ отъ плоти? Это знаете вы, которые пріобщаетесь тайнамъ: вѣдь чрезъ

это мы тотчасъ преобразуемся. Но какъ? Снова послушай, что говоритъ блаженный (Павелъ): *понеже убо дѣти пріобщишася плоти и крови, и той пріискреннѣ пріобщися тѣхже* (Евр. II, 14). Но здѣсь Онъ намъ пріобщился, а не мы — Ему: какимъ же образомъ мы — *отъ плоти его и отъ костей его?* Нѣкоторые говорятъ въ этомъ случаѣ о крови и о водѣ, но это невѣрно; Онъ впрочемъ благоволилъ показать это, именно — какъ Онъ, безъ сотія, родился отъ Святого Духа, такъ и мы рождаемся въ купели. Смотри, сколько примѣровъ побуждаютъ вѣрить тому рожденію! О, безуміе еретиковъ! Что рождено отъ воды, это они признаютъ истиннымъ рожденіемъ, — то, что раждается; а что мы становимся Его тѣломъ, этого не принимаютъ. Но если мы не дѣлаемся имъ, то какъ согласить съ этимъ слова: *отъ плоти его и отъ костей его?* И замѣть: Адамъ созданъ, Христосъ родился; изъ ребра Адамова произошло тлѣніе, изъ ребра Христова проистекла жизнь; въ раю прозябла смерть, на крестѣ она уничтожена.

4. Итакъ, подобно тому какъ Сынъ Божій — нашего естества, такъ и мы—Его сущности; и какъ Онъ имѣетъ насъ въ Себѣ, такъ и мы имѣемъ Его въ себѣ. *Сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь свою, и прилѣпится къ женѣ своей, и будета два въ плоть едину* (ст. 31). Вотъ и третья причина. Онъ показываетъ, что, когда кто-либо, оставивши родителей, отъ которыхъ произошелъ, совокупляется съ женою, то послѣ того отецъ, мать и дитя ихъ—одна плоть, составленная изъ взаимнаго соединенія, потому что вслѣдствіе смѣшенія сѣмени раждается дитя, такъ что трое они—одна плоть. Такимъ же образомъ и мы дѣлаемся со Хри- 140
стомъ одна плоть, по причастію, и мы гораздо болѣе, чѣмъ дитя (въ отношеніи къ родителямъ). Почему это? Потому, что такъ было изначала. Не говори же мнѣ, что (жена твоя) такая-то и такая-то. Развѣ не видишь, что и въ плоти много бываетъ недостатковъ? Одинъ хромъ, у другого кривыя ноги, у третьяго сухія руки, у четвертаго страдаетъ иной какой-либо членъ. И однако (такой человѣкъ) не скорбитъ, не отсѣкаетъ его, и часто заботится объ немъ болѣе, чѣмъ о другихъ. И справедливо,—такъ какъ онъ его членъ. Итакъ, какую каждый изъ насъ питаетъ любовь къ себѣ, такую же хочетъ (апостолъ), чтобъ мы питали и къ женѣ. И это не потому, что мы съ нею одной природы, но у насъ въ отношеніи къ женѣ гораздо болѣе важная причина, именно—что (мужъ и жена) не два тѣла, а одно: онъ—глава, а она—тѣло. Но какъ же въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ: *глава же Христу Богъ* (1 Кор. XI, 3)? Это говорю и я, то есть, что какъ мы—одно тѣло, такъ и Христосъ и Отецъ — одно. Оказывается

такимъ образомъ, что и Отецъ глава нашъ. (Апостолъ) выставляетъ два сравненія, т. е. съ тѣломъ и со Христомъ. Потому и присовокупляетъ: *тайна сія велика есть: азъ же глаголю во Христа и во церковь* (ст. 32). Что это значитъ? Называетъ (бракъ) великой тайной, потому что на нее указывалъ, какъ на нѣчто великое и дивное, и блаженный Моисей, или лучше — Богъ. При томъ, *азъ глаголю*, говоритъ, *во Христа*, такъ какъ и Онъ, оставивши Отца, сошелъ и пришелъ къ невѣстѣ и сдѣлался *единъ духъ* съ ней: *прилѣпляяйся Господеви, единъ духъ есть* (1 Кор. VI, 17). Хорошо сказалъ: *тайна велика есть*,—какъ бы указывая на то, что иносказательное доказательство не уничтожаетъ необходимости любви. *Обаче и вы по единому, кійждо свою жену сице да любитъ, якоже и себе: а жена да боится мужа* (ст. 33). Подлинно, это—таинство, и великое таинство, потому что человѣкъ, оставивъ произведшаго его, родившаго, воспитавшаго, и ту, которая зачала его, въ болѣзняхъ родила, (оставивши) тѣхъ, которые столько благодѣтельствовали ему, къ которымъ онъ привыкъ,—сочетавается съ тою, которой прежде не видалъ, которая ничего не имѣетъ съ нимъ общаго, и предпочитаетъ ее всему. Подлинно, это—таинство. И родители не печалятся, когда такъ дѣлается, но напротивъ печалятся, когда этого не бываетъ, и, въ знакъ радости, не жалѣютъ денежныхъ издержекъ и расходовъ. Поистинѣ, это—великое таинство, заключающее въ себѣ какую-то сокровенную мудрость. Это показалъ и древній пророкъ Моисей; объ этомъ и нынѣ вопіетъ Павелъ, говоря: *во Христа и во церковь*. Впрочемъ такъ сказано не по отношенію только къ мужу, но и къ женѣ, чтобы онъ согрѣвалъ ее, какъ плоть свою, какъ и Христосъ Церковь, а жена чтобы боялась мужа. Говоритъ не только о любви,—но что? *Да боится мужа*. Жена—вторичная власть; значитъ не должна требовать равенства (съ мужемъ), такъ какъ стоитъ подъ главою; и онъ не долженъ высокомѣрно смотрѣть на нее, какъ на подчиненную, потому что она — тѣло его, а если голова станетъ пренебрегать тѣломъ, то пропадетъ и сама; въ замѣнъ послушанія она должна привносить любовь. Какъ глава, такъ и тѣло: тѣло отдаетъ въ услуженіе главѣ руки, ноги и всѣ прочіе члены; а глава за-
141 ботится о тѣлѣ, посвящая ему все свое разумѣніе. Нѣтъ ничего лучше такого супружества. Но какая, скажутъ, можетъ быть любовь тамъ, гдѣ страхъ? Тамъ-то собственно она и будетъ. Которая боится, та и любитъ: любя, она боится, какъ главы, и любитъ, какъ членъ, потому что и голова есть членъ всего тѣла. Для того онъ и подчиняетъ ее, а мужа возноситъ надъ нею, чтобы былъ миръ. Гдѣ равенство, тамъ не можетъ быть мира, народное ли то будетъ управленіе, или всѣ будутъ повелѣвать,—

необходимо, чтобы было одно начальство. Такъ всегда бываетъ съ существами тѣлесными: если бы люди были духовные, тогда былъ бы миръ. Было нѣкогда пять тысячъ душъ, и *ни единъ же что отъ имѣній глаголаше свое быти*, но всѣмъ дѣлились другъ съ другомъ (Дѣян. IV, 32). Вотъ—знакъ мудрости и страха Божія. Такимъ образомъ (апостолъ) показалъ образъ любви, но образъ страха—нѣтъ

5. Замѣчаешь ли, какъ онъ распространяется о любви, приводитъ въ примѣръ Христа, упоминаетъ о собственной плоти, говоритъ: *сего ради оставитъ человѣкъ матерь свою и отца*, а о страхѣ не распространяется? Почему это? Потому что хочетъ, чтобы преобладала любовь. Если будетъ она, то за нею послѣдуетъ все остальное; а если будетъ страхъ, то — не вполнѣ. Кто любитъ свою жену, тотъ, хотя бы она была и не очень послушна, все перенесетъ; но если (супруги) не связаны силою любви, то единомысліе между ними — дѣло неудобное и трудное. Страхъ же совсѣмъ не производитъ такого дѣйствія. Потому (апостолъ) и останавливается преимущественно на томъ, что сильнѣе. И жена, хотя ей, повидимому, наносится ущербъ тѣмъ, что предписывается страхъ, ничего не теряетъ, потому что мужу предписывается то, что особенно важно—любовь. Но, скажутъ, что, если жена не будетъ бояться мужа? Ты люби, ты исполняй свой долгъ; пусть другіе не исполняютъ того, что слѣдуетъ, — мы должны исполнять. Укажу примѣръ: *повинующеся*, сказано, *другъ другу въ страсѣ* Христовѣ (Ефес. V, 21). Что же? Пусть иные не повинуются, — ты покоряйся закону Божію. Такъ и здѣсь: хотя бы мужъ и не любилъ своей жены, она должна бояться его, чтобы не быть ей въ долгу у него; равнымъ образомъ и наоборотъ, если бы жена и не боялась мужа, онъ долженъ любить ее, чтобы ему не быть въ долгу у нея. Каждый имѣетъ свои обязанности. Таковъ бракъ о Христѣ, бракъ духовный и рожденіе духовное, не отъ кровей, не отъ болѣзней рожденія. Таково и рожденіе Исаака. Послушай, что говоритъ Писаніе: *и престаша Саррѣ бывати женская ея* (Быт. XVIII, 11). И бракъ не вслѣдствіе страсти или тѣлеснаго влеченія, но всецѣло духовный, въ которомъ душа соединяется съ Богомъ неизреченнымъ союзомъ, какъ Онъ одинъ знаетъ. Потому и сказано: *прилѣпляяйся Господеви, единъ духъ есть* (1 Кор. VI, 17). Видишь, съ какимъ тщаніемъ онъ говоритъ и о плотскомъ соединеніи, и о единеніи духовномъ? Гдѣ (послѣ того) еретики? Если бы бракъ былъ дѣломъ нечистымъ, то онъ не назвалъ бы (брачущихся) женихомъ и невѣстой, не привелъ бы для увѣщанія словъ: *оставитъ человѣкъ отца и матерь*, и не присовокупилъ бы, что это сказано *во Христа и во церковь*. Объ ней говоритъ и 142

Псалмопѣвецъ: *слыши, дщи, и виждь, и приклони ухо твое, и забуди люди твоя, и домъ отца твоего: и возжелаетъ царь доброты твоея* (Псал. XLIV, 11, 12). Потому и Христосъ говорилъ: *изыдохъ отъ Отца, и иду* (Іоан. XVI, 28). Но когда я говорю, что Онъ оставилъ Отца, ты не представляй при этомъ, почеловѣчески, перемѣны мѣста: говорится, что Онъ исшелъ, не потому, что Онъ вышелъ, но потому, что воплотился: такъ точно (понимай) и слова: оставилъ Отца. Отчего не сказано и о женѣ: прилѣпится къ мужу своему? Почему это? Потому, что о любви уже было говорено, и говорено мужу. Женѣ же (апостолъ) внушаетъ страхъ и приэтомъ говоритъ: *мужъ есть глава жены*, и еще: *и Христосъ глава церкве.* Съ мужемъ онъ разсуждаетъ о любви и вручаетъ ему то, что (имѣетъ отношеніе) къ ней; говоритъ ему о любви, соединяя и сочетавая его (съ женою). Въ самомъ дѣлѣ, оставившій отца для жены и потомъ оставляющій ее и отпускающій отъ себя можетъ ли быть достоинъ какого-нибудь снисхожденія? Видишь, какою, по волѣ Божіей, она должна пользоваться честію, когда Богъ, отвлекая тебя отъ отца, соединяетъ съ нею? Но что же, скажутъ, если мы исполняемъ все, что слѣдуетъ, а она нѣтъ? *Аще же невѣрный отлучается, да разлучится* (1 Кор. VII, 15). Въ этихъ дѣлахъ братъ или сестра не подчинены рабству. А когда ты слышишь о страхѣ, то требуй страха, приличнаго свободной, а не какъ отъ рабы: вѣдь она—твое тѣло. А если будешь поступать не такъ, то опозоришь себя самого, безчестя свое тѣло. Что же это за страхъ? Чтобы она не противорѣчила, чтобы не выходила у тебя изъ послушанія, чтобы не стремилась къ первенству. Довольно возбуждать только такого рода страхъ. Если же ты любишь, какъ тебѣ указано, то достигнешь гораздо большаго, и достигнешь этого не столько угрозами, сколько собственно любовію. (Женскій) полъ весьма слабъ; ему нужна большая помощь, особенное снисхожденіе. Что же скажутъ тѣ, которые соединяются вторымъ бракомъ? Не въ осужденіе говорю,—да не будетъ,—и апостолъ дозволяетъ это. Но снисходя къ ея немощи, доставляй ей все, все ради нея дѣлай и терпи: это необходимо тебѣ. Въ этомъ случаѣ (апостолъ) не благоволитъ давать совѣта на основаніи внѣшнихъ примѣровъ, какъ это онъ часто дѣлаетъ. Достаточно было великаго и сильнаго примѣра Христова, въ особенности для доказательства (необходимости) повиновенія. *Оставитъ*, говоритъ, *отца и матерь*. Вотъ, это указаніе внѣшнее. Однакожъ не сказалъ: и будетъ жить вмѣстѣ (съ женою), но: *прилѣпится*, означая этимъ тѣснѣйшее единеніе, сильнѣйшую любовь. Не удовольствовался и этимъ, но чрезъ наведеніе такъ изъяснилъ подчиненность (жены), что двое уже не представляются

двумя. Не сказалъ: въ духъ; не сказалъ: въ душу, — такъ какъ это очевидно и вполнѣ возможно,—но (сказалъ, что они соединяются) такъ, что бываютъ *въ плоть едину*.

6. Хотя женѣ принадлежитъ также власть въ домѣ, именно — вторая, хотя она имѣетъ начальство и равночестна мужу,—но при всемъ томъ, мужъ имѣетъ нѣчто большее, именно — преимущественное попеченіе о домѣ. Соотвѣтственно со Христомъ, онъ получилъ и то, чтобы не только любить (свою жену), какъ должно, но и благоустроять (жизнь ея). *Да будетъ*, говоритъ, *свята и непорочна*. Когда говорится—*въ плоть*, разумѣется любовь; равнымъ образомъ, когда говорится — *прилѣпится*, также разумѣется любовь. Если ты сдѣлаешь ее святой и непорочной, то за этимъ 143
послѣдуетъ все. Ищи того, что Божіе, а человѣческое послѣдуетъ весьма легко. Управляй женою, и домъ твой будетъ благоустроенъ. Послушай, что говоритъ Павелъ: *аще ли чесому научитися хотятъ, въ дому своихъ мужей да вопрошаютъ* (1 Кор. XIV, 35). Если мы такъ будемъ управлять своими домами, то будемъ способны и къ управленію церковію, потому что домъ есть малая церковь. Такимъ образомъ, если хороши будутъ мужья и жены, то все будетъ превосходно. Вспомни объ Авраамѣ, о Саррѣ, о Исаакѣ, о трехъ стахъ восемнадцати домочадцахъ: какъ благоустроенъ былъ весь домъ ихъ, какъ онъ весь былъ полонъ благочестія! (Сарра) исполняла апостольскую заповѣдь и боялась мужа. Послушай, что она говорила: *не у было ми убо доселѣ, господинъ же мой старъ* (Быт. XVIII, 12). И (Авраамъ) такъ любилъ ее, что слушалъ ее во всемъ, что она ни приказывала. И сынъ ихъ былъ добродѣтеленъ, и самые домочадцы достойны удивленія, такъ что не усумнились пойти и на опасность съ господиномъ своимъ, не колебались и не требовали объясненія. А одинъ изъ нихъ, начальствовавшій надъ другими, былъ настолько дивный мужъ, что ему ввѣренъ былъ бракъ единороднаго сына и отлучка въ чужую землю. Какъ, если военачальникъ хорошо устроилъ войско, то ни откуда не ворвется врагъ, такъ и здѣсь: когда мужъ, жена, дѣти и слуги заботятся объ одномъ и томъ же, въ такомъ домѣ бываетъ великое единомысліе. Если же, напротивъ, бываетъ не такъ, то часто отъ одного дурного слуги все низвращается и разоряется, часто одинъ все губитъ и портитъ. Итакъ, будемъ прилагать особенное попеченіе о женахъ, дѣтяхъ и рабахъ, зная, что этимъ мы себѣ сдѣлаемъ удобнымъ начальство надъ ними, и снисходительный и благосклонный потребуется отъ насъ отчетъ (въ этомъ начальствѣ),—мы скажемъ: *се азъ и дѣти, яже ми даде Богъ* (Иса. VIII, 18). Если мужъ хорошъ и глава добрая, то и во всемъ тѣлѣ не будетъ никакого безпорядка.

А каковы должны быть добрыя отношенія между женой и мужемъ, это (апостолъ) выразилъ точнымъ образомъ, сдѣлавъ увѣщаніе ей—бояться мужа, какъ главы, а ему—любить ее, какъ жену. Но какимъ образомъ, скажешь, это можетъ быть? Что это должно быть, онъ показалъ; а какъ это можетъ быть, я вамъ скажу. Именно, если будемъ презирать деньги, если будемъ смотрѣть только на одно — на душевную добродѣтель, если будемъ имѣть предъ очами страхъ Божій. Что сказалъ онъ, разсуждая о рабахъ: *кійждо яже содѣла или блага, или зла*, сіе *пріиметъ* отъ Господа (2 Кор. v, 10), то же и здѣсь. Не столько ради ея самой должно любить ее, сколько ради Христа. Имѣя это въ виду, (апостолъ) и сказалъ: *якоже Господу*. Итакъ, дѣлай все изъ повиновенія Господу и какъ бы ты все дѣлалъ ради Него. Этого достаточно для побужденія и убѣжденія, и для того, чтобы не допустить никакого соблазна или безпорядка. Ни одинъ вѣрный не долженъ клеветать женѣ на мужа; но и мужъ не долженъ вѣрить навѣтамъ на свою жену, точно такъ, какъ и жена не должна попустому слѣдить за входами и выходами (своего мужа). Впрочемъ и мужъ отнюдь не долженъ подавать поводъ къ какому-либо подозрѣнію на себя. Для чего, скажи мнѣ, весь день ты проводишь съ друзьями, а съ женою только вечеръ, и чрезъ это ни ее не можешь удовлетворить, ни отдалить подозрѣніе? Если жена укоряетъ тебя, не печалься: это—по дружбѣ, а не по дерзости. Упреки—плодъ горячей любви, страстнаго расположе-
144 нія и опасенія. Она боится, чтобы кто не похитилъ у нея ея ложе, чтобы кто не повредилъ ей въ важнѣйшемъ благѣ, чтобы кто не отнялъ у нея главы, чтобы кто не разорилъ (брачнаго) ложа. Есть и еще поводъ къ несогласію. Никто сверхъ мѣры не долженъ привязываться къ слугамъ, ни мужъ къ служанкѣ, ни жена къ служителю, такъ какъ этого достаточно, чтобы родились подозрѣнія. Припомнимъ еще о тѣхъ праведникахъ. Сама Сарра повелѣла патріарху взять Агарь; сама приказала, никто не принуждалъ; не настаивалъ и мужъ. Но хотя и много времени прожилъ онъ бездѣтнымъ, однако лучше согласился вовсе не быть отцомъ, чѣмъ опечалить жену. И послѣ всего этого, что говоритъ Сарра? *Суди Богъ между мною и тобою* (Быт. xvi, 5). Если бы кто былъ другой (на мѣстѣ Авраама), развѣ не пришелъ бы въ гнѣвъ? Развѣ не поднялъ бы онъ рукъ и не сказалъ бы, напримѣръ, такъ: что ты говоришь? Я не хотѣлъ имѣть связи съ этой женщиной, все произошло отъ тебя самой,—и ты еще упрекаешь меня? Но Авраамъ не сказалъ ничего подобнаго,—а что? *Се раба въ руку твоею: твори ей, якоже ти есть угодно* (ст. 6). Выдалъ общницу ложа, чтобы не опечалить Сарры. А ничто не

можетъ быть столь сильной причиной расположенности. Въ самомъ дѣлѣ, если общеніе въ трапезѣ производитъ то, что разбойники бываютъ расположены къ своимъ врагамъ (и Псалмопѣвецъ говоритъ: *иже купно наслаждался еси со мною брашенъ*— Псал. LIV, 15), то тѣмъ болѣе способно привязать единеніе плоти,—а это и есть общеніе ложа. Но ничто подобное не могло поколебать праведника: онъ выдалъ ее женѣ, показывая, что все случилось не по его винѣ, и, что особенно важно, отпустилъ ее беременною. Кто не сжалился бы надъ тою, которая зачала отъ него ребенка? Но праведникъ не поколебался, потому что любовь къ женѣ предпочиталъ всему.

7. Будемъ и мы подражать ему. Пусть никто не упрекаетъ ближняго въ бѣдности, пусть никто не будетъ привязанъ къ деньгамъ, и—все будетъ рѣшено. Пусть не говоритъ жена мужу: о, ты малодушный и робкій, неповоротливый, трусъ и сопливый! Вотъ такой-то и незначительный человѣкъ, низкаго происхожденія, но онъ презиралъ опасности, предпринималъ странствованія, и за то пріобрѣлъ большое имѣніе, теперь жена его ходитъ въ золотѣ, выѣзжаетъ въ повозкѣ, запряженной бѣлыми мулами, вездѣ принимается, имѣетъ толпы слугъ и множество евнуховъ; а ты прячешься отъ страха и живешь понапрасну. Пусть жена не говоритъ этого и ничего подобнаго, потому что она — тѣло, долгъ ея не управлять главою, но слушаться и повиноваться. Но какъ можно, скажутъ, перенести бѣдность? Откуда почерпнуть утѣшеніе? Пусть въ такомъ случаѣ она представитъ себѣ тѣхъ, которые гораздо бѣднѣе ея; пусть вспомнитъ, сколько почтенныхъ и благородныхъ дѣвицъ не только ничего не получили отъ своихъ мужей, но передали имъ и израсходовали на нихъ все свое имущество; пусть подумаетъ о безпокойствахъ, происходящихъ отъ такихъ богатствъ, и довольствуется жизнью безмятежною. Вообще, если она искренно расположена къ мужу, то ничего такого не скажетъ, и лучше будетъ желать имѣть его при себѣ, хотя бы онъ ничего не пріобрѣталъ, чѣмъ, если бы онъ пріобрѣлъ тысячи талантовъ золота, но жить вдали отъ него съ печалью и заботою, которыя всегда бываютъ у женщинъ вслѣдствіе долгой разлуки. Но и мужъ, который слышитъ это, какъ имѣющій власть, пусть не прибѣгаетъ къ брани и ударамъ, но пусть увѣщеваетъ, уговариваетъ, убѣждаетъ ее, какъ менѣе основательную въ сужденіяхъ, но отнюдь не налагаетъ рукъ,—это неприлично душѣ свободной,—не употребляетъ ни брани, ни упрековъ, ни поношенія, но пусть руководитъ ею, какъ менѣе разумною. Но какъ это можетъ быть? Когда узнаетъ истинное бо- 145
гатство и ознакомится съ высшимъ любомудріемъ, то ни въ чемъ

такомъ не провинится. Пусть онъ научитъ ее, что бѣдность вовсе не есть зло: пусть научитъ не словами только, но и образомъ дѣйствій; пусть научитъ ее пренебрегать славой,—и жена ничего подобнаго не скажетъ и не пожелаетъ. Какъ получившій драгоцѣнное сокровище, онъ съ самаго того вечера, какъ введетъ ее въ спальню, долженъ учить ее цѣломудрію, кротости, чтобы она жила честно и съ самаго начала и при первомъ входѣ въ его домъ покинула любовь къ деньгамъ: пусть наставляетъ ее въ любомудріи и увѣщеваетъ, чтобы не было у ней золотыхъ подвѣсокъ въ ушахъ, надъ щеками и на шеѣ, чтобы не было ихъ въ ея комнатѣ, чтобы не лежали тамъ золотыя и многоцѣнныя одежды,—чтобы были на ней украшенія изящныя, однакожъ не такія, которыхъ изящество предосудительно. Оставивши то, что свойственно играющимъ на сценѣ, укрась домъ съ большимъ благоприличіемъ, чтобы онъ былъ полонъ лучше цѣломудрія, чѣмъ какого-либо благовонія. Отъ этого произойдутъ два или три блага. Первое—не будетъ печалиться невѣста оттого, что, растворивши брачный чертогъ, каждому станутъ показывать одежды и золотые и серебряные сосуды. Второе — женихъ не будетъ безпокоиться о покражѣ и о сохраненіи того, что тамъ собрано. А еще третье, главное благо—то, что во всемъ этомъ онъ покажетъ свое настроеніе, именно, что онъ не восхищается ничѣмъ этимъ, что онъ уничтожитъ и все прочее, и что никогда не дозволитъ быть у себя пляскамъ и безстыднымъ пѣснямъ. Знаю, что, предписывая такія правила, я кажусь, можетъ быть, кому-нибудь смѣшнымъ. Но если повѣрите мнѣ, то, по прошествіи времени, когда сами увидите отъ этого пользу, вы поймете выгоду, и смѣхъ кончится; вы станете смѣяться уже надъ нынѣшними обычаями, увидите, что нынѣшніе обычаи свойственны только неразумнымъ дѣтямъ и людямъ пьянымъ; а то, къ чему убѣждаю я, исполнено цѣломудрія и любомудрія и свойственно высшему образу жизни. Что же, говорю я, нужно? Изгони съ брака всѣ постыдныя сатанинскія пѣсни, неблагопристойные припѣвы, сходбища безстыдныхъ юношей,—и это будетъ весьма назидательно для невѣсты. Тотчасъ она скажетъ сама себѣ: о, какой это мужъ! Онъ человѣкъ любомудрый; эту жизнь онъ считаетъ за ничто; онъ ввелъ меня въ домъ свой для рожденія и воспитанія дѣтей, для ухода за домомъ. Но это будетъ непріятно невѣстѣ? Можетъ быть, одинъ или два дня, но никакъ не далѣе; она почувствуетъ величайшее удовольствіе оттого, что ей не будетъ никакого повода къ подозрѣнію. Вѣдь тотъ, кто даже во время брака не допустилъ ни музыки, ни танцевъ, ни безобразныхъ пѣсенъ, тѣмъ болѣе въ другое время не

позволить себѣ сдѣлать или сказать что-либо постыдное. Послѣ же того, когда все это ты удалишь съ брака, въ отношеніи къ самой невѣстѣ веди себя благопристойно, будь скроменъ въ теченіе долгаго времени и не скоро переставай быть такимъ. Хотя бы дѣвица была и не такъ застѣнчива, но она сумѣетъ себя сдерживать до времени, изъ уваженія къ мужу и по новости дѣла. Итакъ, не вскорѣ теряй эту скромность, какъ это дѣлаютъ люди безстыдные, но храни ее долго. Это тебѣ принесетъ большую 113
пользу: да и невѣста твоя не обвинитъ тебя за это, не станетъ жаловаться на такое твое поведеніе.

8. Итакъ, во все то время, пока стыдъ, какъ нѣкая узда, наложенная на душу, не допускаетъ никакого укора или упрека за твое поведеніе,—во все это время предлагай своей женѣ правила жизни. Если же (вмѣсто этого стыда) будетъ дерзость, тогда не будетъ никакого опасенія, и во всемъ можетъ произойти безпорядокъ и замѣшательство. Поистинѣ нѣтъ столь удобнаго времени для образованія жены, какъ то, когда она еще осторожна съ мужемъ, боится его и стыдится. Тогда-то и должно излагать ей всѣ правила, и она, волею или неволею, всему будетъ покорна. Но какимъ образомъ, спросятъ, сохранить эту стыдливость? Если ты будешь казаться стыдливымъ не менѣе ея, мало будешь говорить съ ней, и то съ большою важностію и разсудительностію. Тогда ты предлагай ей слова любомудрія, потому что тогда ихъ принимаетъ душа; тогда приводи и ее въ наилучшее состояніе, то есть, въ состояніе скромности. Если хотите, то я для примѣра скажу, о чемъ нужно съ ней разговаривать. Вѣдь если Павелъ не усумнился сказать: *не лишайте себе другъ друга* (1 Кор. VII, 5), и высказалъ слова, произносимыя обыкновенно женщиной, приставленной къ невѣстѣ, или лучше, не ея слова, но духовной души,—то тѣмъ болѣе не усумнимся сказать мы. Итакъ, что же нужно говорить ей? Съ великой любовью нужно говорить ей: мы взяли тебя, дѣтушка, въ спутницы жизни и сдѣлали тебя своей общницей въ томъ, что всего честнѣе и необходимѣе, въ дѣторожденіи и управленіи домомъ. О чемъ же намъ просить тебя? Впрочемъ, лучше, если прежде этого ты поговоришь съ ней о любви, потому что ничто такъ не способствуетъ къ убѣжденію слушателя въ томъ, чтобы онъ принялъ слова наши, какъ увѣренность его, что они говорятся съ великой любовью. Какъ же тебѣ выразить свою любовь? Если скажешь: многихъ можно было мнѣ взять, и богаче тебя, и знатнаго рода, но я не взялъ ихъ, а полюбилъ тебя, твой образъ жизни, твою кротость, скромность, цѣломудріе. Потомъ отъ этого тотчасъ старайся повести рѣчь о любомудріи и нападай на богатство, но

съ нѣкоторой осторожностью, потому что, если поведешь рѣчь прямо противъ богатства, то покажешься слишкомъ суровымъ. Но если воспользуешься поводомъ, то покончишь все, потому что будетъ казаться, что ты дѣлаешь это въ видѣ защиты, а не какъ какой-нибудь человѣкъ жестокій, непріятный и придирчивый; а если она подастъ тебѣ поводъ и ты имъ воспользуешься, то она даже порадуется. Итакъ, говори (необходимо опять повторить сказанное), что, хотя бы я могъ взять за себя съ состояніемъ и богатую, но я не захотѣлъ этого. Почему? Не просто и не безъ разсужденія, но потому, что я хорошо наученъ, что богатство не есть какое-либо пріобрѣтеніе, но вещь достойная презрѣнія, которая есть и у разбойниковъ, и у блудницъ, и у гробокопателей.

Поэтому, оставивъ его, я пошелъ къ твоей душевной добродѣтели, которую предпочитаю всему золоту. Благоразумная и благородная молодая дѣвушка, ревнующая при томъ о благочестіи, (въ моихъ глазахъ) стóитъ цѣлой вселенной. Потому-то я и привязался къ тебѣ и люблю, и считаю тебя дороже души моей. Настоящая жизнь ничего не значитъ, и я прошу, и умоляю, и всячески стараюсь сподобиться намъ такъ устроить настоящую свою жизнь, чтобы можно было и тамъ, въ будущемъ вѣкѣ, совершенно безбоязненно встрѣтиться другъ съ другомъ. Настоящее время коротко и ненадежно; если же сподобимся перейти эту жизнь, благоугодивъ Богу, то будемъ пребывать вѣчно и со
147 Христомъ и другъ съ другомъ въ великой радости. Я всему предпочитаю твою любовь, и ничто не можетъ быть для меня такъ тяжело, какъ когда-нибудь разлучиться съ тобою. Хотя бы мнѣ предстояло все потерять, сдѣлаться бѣднѣе Ира, подвергнуться величайшимъ несчастіямъ, словомъ—потерпѣть что бы то ни было, я ничего не устрашусь, все перенесу, пока будетъ продолжаться твоя расположность ко мнѣ; и дѣти для меня лишь тогда будутъ вожделѣнны, когда ты будешь искренно расположена къ намъ. Такъ тебѣ будетъ нужно сдѣлать. Потомъ вставь и апостольскія слова о томъ, какого тѣснаго единенія и благомыслія требуетъ отъ насъ Богъ. Скажи ей: послушай, что говоритъ Писаніе: *сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь, и прилѣпится къ женѣ своей.* Пусть же не будетъ у насъ никакого повода къ неудовольствію. Пусть и деньги, и множество слугъ, и внѣшнія почести имѣютъ свое значеніе; но для меня это (семейное согласіе) всего дороже. Не будутъ ли такія слова убѣдительнѣе для жены, чѣмъ изобиліе золота или сокровищъ? Не бойся, что возлюбленная твоя когда-нибудь измѣнитъ тебѣ; смѣло признайся, что ты ее любишь. Публичныя женщины, ко-

торыя сегодня выражаютъ страсть къ однимъ, а завтра къ другимъ, справедливо возстаютъ на своихъ любовниковъ, когда слышатъ отъ нихъ такія рѣчи. Но свободная женщина и благородная дѣвушка никогда не разгнѣвается по поводу такихъ словъ, а скорѣе будетъ убѣждена ими. Показывай, что ты дорого цѣнишь ея общество и предпочитаешь быть для нея дома, а не на площади; предпочитай также ее всѣмъ друзьямъ и дѣтямъ, родившимся отъ нея: и ихъ люби изъ-за нея. Если она сдѣлаетъ что-нибудь хорошо, хвали и удивляйся; если же — что-нибудь неумѣстное и свойственное молодости, убѣждай и увѣщевай. Всячески нападай на богатство и расточительность; указывай ей украшеніе въ скромности и честности, и постоянно учи тому, что нужно.

9. Молитвы у васъ пусть будутъ общія; каждый пусть ходитъ въ церковь, и мужъ пусть спрашиваетъ на дому у жены отчетъ въ томъ, что тамъ говорилось и читалось, а она — у мужа. Когда постигнетъ бѣдность, припомни святыхъ мужей — Павла, Петра, которые прославились болѣе всѣхъ царей и богачей, а жили какъ? — въ голодѣ и жаждѣ. Учи свою жену, что ничто такъ не страшно въ жизни, какъ оскорбить Бога. Если кто женится такъ и для этой цѣли, то онъ не многимъ меньше монаховъ, и женившійся — не женившихся. Если же хочешь сдѣлать обѣдъ или устроить пиршество, то не зови никого безчестнаго, никого неприличнаго, но если найдешь какого-нибудь святого бѣдняка, который можетъ благословить домъ вашъ, можетъ, ступя къ вамъ ногою, принести всякое благословеніе Божіе, призови его. Скажу еще нѣчто другое. Никто изъ васъ пусть не старается жениться на такой, которая богаче васъ, но лучше на такой, которая бѣднѣе. Вошедши съ деньгами, она принесетъ не столько удовольствія, сколько скорби своими упреками, своими излишними требованіями, своею бранью, расточительностію, грубостію. Она, можетъ быть, будетъ говорить: ты еще ничего не истратилъ на меня; я одѣваюсь на свои деньги, которыми наградили меня родители. Но что ты говоришь, женщина, будто ты одѣваешься еще въ свое? Что несмысленнѣе такихъ словъ? Не имѣешь своего 148
тѣла, а имѣешь свои деньги? Послѣ брака вы уже не двѣ плоти, но сдѣлались *въ плоть едину*; а имѣній два, а не одно? О, сребролюбіе! Оба вы сдѣлались однимъ человѣкомъ, однимъ живымъ существомъ, а ты все говоришь: это мое? Отъ діавола привнесено это проклятое и пагубное слово. Все, что гораздо необходимѣе этого, Богъ сотворилъ общимъ для насъ, а это — не общее? Нельзя сказать: мой свѣтъ, мое солнце, моя вода; все важнѣйшее — у насъ общее, а деньги — не общія? Тысячекратно пусть

погибнуть деньги, или лучше—не деньги, а душевныя расположенія, которыя мѣшаютъ разумно пользоваться деньгами, и побуждаютъ предпочитать ихъ всему. Между прочимъ учи свою жену и этому, только съ великою любовію. Такъ какъ увѣщаніе къ добродѣтели само по себѣ заключаетъ много тягостнаго, особенно для нѣжной и молодой дѣвицы, то, когда будутъ разговоры о любомудріи, придумывай больше ласковыхъ выраженій, и въ особенности исторгни изъ души ея понятія: *мое, твое*. Если она скажетъ: мое, то скажи ей: что ты называешь своимъ? Я не знаю, я не имѣю ничего своего. Какъ ты говоришь: мое, когда все твое? Приласкай ее этими словами. Не видишь ли, что мы такъ поступаемъ въ отношеніи къ дѣтямъ? Когда дитя схватитъ что-нибудь, что мы держимъ, и захочетъ еще взять что-нибудь другое, мы ему уступаемъ и говоримъ: да, это и то твое. Также станемъ поступать съ женой,—такъ какъ разумъ ея скорѣе дѣтскій,—и когда скажетъ: мое, говори: все твое и я твой. Эти слова—слова не лести, но великаго благоразумія. Этимъ ты можешь угасить гнѣвъ ея и потушить досаду. Лесть состоитъ въ томъ, когда кто поступаетъ неблагородно по злому расположенію; а это—величайшее любомудріе. Итакъ говори: и я твой, дѣтушка. Въ этомъ меня убѣдилъ Павелъ, который сказалъ: *мужъ своимъ тѣломъ не владѣетъ, но жена* (1 Кор. VII, 4). Если же я не имѣю власти надъ собственнымъ тѣломъ, но—ты, то тѣмъ болѣе—надъ деньгами. Говоря такъ, ты успокоишь ее, угасишь огонь, посрамишь діавола, сдѣлаешь ее рабою, покорною болѣе, чѣмъ купленная за деньги: этими словами свяжешь ее. Такимъ образомъ посредствомъ того, что ты говоришь, научи ее никогда не говорить: мое, твое. И не просто зови ее, но съ лаской, съ честью, съ большой любовью. Уважай ее, и она не будетъ нуждаться въ уваженіи отъ другихъ, не будетъ нуждаться въ одобреніи другихъ, если будетъ пользоваться твоимъ (уваженіемъ и одобреніемъ). Предпочитай ее всѣмъ, во всѣхъ отношеніяхъ, и въ отношеніи красоты, и благоразумія, хвали ее. Такимъ образомъ ты убѣдишь ее не внимать никому постороннему, но пренебрегать всѣми чужими. Учи ее страху Божію, и все потечетъ къ тебѣ, какъ изъ источника, и домъ твой будетъ исполненъ многочисленныхъ благъ. Если станемъ искать нетлѣннаго, то придетъ и это тлѣнное: *ищите*, сказано, *прежде царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ* (Мѳ. VI, 33). Каковы будутъ дѣти отъ такихъ родителей? Каковы слуги у такихъ господъ? Каковы всѣ приближенные къ нимъ? Не будутъ ли и они исполнены безчисленныхъ благъ?
149—150 Вѣдь и слуги, по большей части, воспринимаютъ обычаи своихъ господъ и подражаютъ ихъ стремленіямъ: то же любятъ, что и

они; говорятъ о томъ, что узнали отъ нихъ; тѣмъ же и занимаются. Итакъ, если подобнымъ образомъ будемъ направлять самихъ себя и внимать Писанію, то многому отъ него научимся, и чрезъ это сможемъ угодить Богу, и всю настоящую жизнь провести въ добродѣтели, и получить блага, обѣщанныя любящимъ Его, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXI.

Чада, послушайте своихъ родителей о Господѣ: сіе бо есть праведно. Чти отца твоего и матерь, яже есть заповѣдь первая во обѣтованіи, да благо ти будетъ и будеши долголѣтенъ на земли (Ефес. xvii, 1—3). 149

1. Какъ художники, изображая тѣла, начинаютъ съ головы, потомъ переходятъ къ шеѣ, и наконецъ къ ногамъ,—точно такъ поступаетъ блаженный Павелъ въ своихъ рѣчахъ. Сказавъ прежде о мужѣ, потомъ о женѣ, второй власти, наконецъ послѣдовательно приступаетъ къ третьей, — говоритъ о дѣтяхъ,—потому что надъ женой господствуетъ мужъ, а надъ дѣтьми мужъ и жена. Итакъ, слушай, что онъ говоритъ: *чада, послушайте своихъ родителей о Господѣ: сія бо есть заповѣдь первая во обѣтованіи.* Здѣсь не бесѣдуетъ ни о Христѣ, ни о (другихъ) возвышенныхъ предметахъ, потому что умы, къ которымъ обращаетъ свою рѣчь, еще нѣжны; поэтому же и увѣщаніе дѣлаетъ краткое, такъ какъ дѣти не могутъ слѣдить за длиннымъ словомъ. По этой же причинѣ и о царствіи (Божіемъ) не говоритъ, — не такому возрасту слушать объ этомъ,—но чего больше всего и особенно желаетъ слышать младенческая душа, о томъ и говоритъ, именно, что она будетъ долголѣтна. Если же кто станетъ доискиваться, отчего (апостолъ) не говоритъ дѣтямъ о царствіи, а предлагаетъ заповѣдь изъ закона (Моисеева),—тѣмъ мы скажемъ, что (онъ поступилъ такъ съ ними потому, что) они еще очень молоды, и потому еще, что весьма хорошо понималъ, что если мужъ и жена вѣрны будутъ тому закону, который онъ имъ изложилъ, то для нихъ не будетъ стоить большого труда подчинить и дѣтей тому же закону. Когда дѣло получаетъ доброе начало и имѣетъ вѣрное и прочное основаніе, тогда оно идетъ и направляется весьма легко. Но положить основаніе и поставить опору—въ этомъ-то и заключается

немаловажная трудность. *Чада*, говоритъ онъ, *послушайте своихъ родителей о Господѣ*, т. е. по волѣ Господа,—Богъ, говоритъ, повелѣлъ такъ. Но какъ поступать, если бы приказанія были непристойныя? Правда, едва ли какой-нибудь отецъ, даже самый безчестный, станетъ приказывать своимъ дѣтямъ что-либо непристойное. Однакожъ и для подобнаго случая (апостолъ) даетъ наставленіе, сказавъ: *о Господѣ*, т. е. такъ, чтобы (исполненіемъ воли родителей) тебѣ не оскорбить Бога. Напримѣръ, если отецъ будетъ язычникъ, или еретикъ, то уже не слѣдуетъ слушаться его, потому что это не *о Господѣ*. Но въ какомъ смыслѣ сказано: *яже есть заповѣдь первая?* Первыми слѣдовало бы назвать: *не убіеши, не прелюбы сотвориши*. (Апостолъ) называетъ эту заповѣдь первою не въ отношеніи къ порядку, а въ отношеніи къ обѣтованію. Однѣ заповѣди, какъ направленныя противъ зла и въ отвращеніе зла, не соединены съ наградою, а къ другимъ, какъ руководящимъ къ совершенію добра, прилагается и обѣтованіе. Замѣть, какое удивительное основаніе для добродѣтели полагаетъ (апостолъ),—и справедливо,—въ почитаніи и уваженіи родителей!
150 Запретивъ худые поступки и намѣреваясь приступить (къ ученію) о добрыхъ дѣлахъ, онъ заповѣдуетъ, прежде всего, почтеніе къ родителямъ, такъ какъ они для насъ послѣ Бога главные виновники жизни; поэтому справедливо они же первые имѣютъ право вкусить отъ насъ добрыхъ (плодовъ), а потомъ и всѣ прочіе люди. Если же кто непочтителенъ къ родителямъ, тотъ будетъ ли когда-нибудь таковымъ въ отношеніи къ стороннимъ лицамъ? Сдѣлавъ увѣщаніе, какое нужно было, дѣтямъ, (апостолъ) переходитъ къ отцамъ, говоря: *и отцы, не раздражайте чадъ своихъ, но воспитовайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господни* (ст. 4). Не сказалъ: любите ихъ; къ этому влечетъ ихъ, хотя бы они этого не хотѣли, самая природа, а потому излишне было полагать законъ касательно этого предмета. Но что говоритъ? *Не раздражайте чадъ своихъ*, какъ это дѣлаютъ многіе родители, лишая дѣтей своихъ наслѣдства, оставляя ихъ безъ призрѣнія, обращаясь съ ними жестоко, какъ съ рабами, а не какъ съ свободными. Поэтому говоритъ: *не раздражайте чадъ своихъ*. Затѣмъ, что самое главное, указываетъ, какъ сдѣлать ихъ послушными, и говоритъ, что это всецѣло зависитъ отъ главы и начальника. Какъ причину послушанія жены онъ указалъ въ ея мужѣ, съ которымъ потому и говоритъ о многомъ, умоляя его, между прочимъ, привлекать къ себѣ жену силою любви, такъ и въ настоящемъ случаѣ въ немъ же полагаетъ причину (послушанія дѣтей), когда говоритъ: *но воспитовайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господни*. Видишь ли, что, когда есть духовное (добро), за нимъ

явится и плотское? Хочешь ли, чтобы сынъ твой былъ послушенъ? Съ дѣтства воспитывай его *въ наказаніи и ученіи Господни*. Не думай, чтобы слушаніе божественныхъ Писаній было для него дѣломъ излишнимъ. Тамъ онъ услышитъ прежде всего: *чти отца твоего и матерь твою*—слова, направленныя къ твоей пользѣ. Не говори: это (слушаніе Писаній) дѣло монаховъ; ужели мнѣ сдѣлать его монахомъ? нѣтъ надобности быть ему монахомъ! Что это въ тебѣ за страхъ, — боишься того, что преисполнено многихъ выгодъ? Сдѣлай его христіаниномъ. И мірянамъ весьма нужно внимать ученію, заключающемуся здѣсь (въ Писаніи), а особенно дѣтямъ. Дѣти въ этомъ возрастѣ многаго не знаютъ, къ незнанію же присоединяется еще то, что они узнаютъ нѣчто изъ сочиненій языческихъ, изучая въ нихъ жизнь дивныхъ, по ихъ понятіямъ, героевъ, которые служили страстямъ и боялись смерти, каковъ, напримѣръ, Ахиллесъ, безутѣшный и умирающій за наложницу, или другой, предающійся пьянству, и проч. въ этомъ родѣ. Итакъ, онъ (сынъ твой) нуждается въ этихъ лѣкарствахъ.

2. Не безразсудно ли учить дѣтей искусствамъ, посылать ихъ для этого въ училище, ничего не жалѣть для этого, а о воспитаніи ихъ *въ наказаніи и ученіи Господни* не заботиться? Сами же мы первые и пожинаемъ плоды такого воспитанія дѣтей своихъ, 151
видя ихъ дерзкими, невоздержными, непослушными, развратными. Не будемъ же поступать такимъ образомъ и послушаемъ увѣщанія блаженнаго (Павла): станемъ воспитывать ихъ *въ наказаніи и ученіи Господни*, подадимъ имъ примѣръ, заставимъ ихъ съ ранняго возраста упражняться въ чтеніи Писаній. Увы! Я постоянно говорю это, только, мнѣ думается, понапрасну. Но, при всемъ томъ, я не перестану исполнять свой долгъ. Отчего, скажите мнѣ, вы не подражаете древнимъ? Особенно вы, женщины, должны бы ревновать дивнымъ древнимъ женамъ. Родилось у тебя дитя, — подражай Аннѣ. Послушай, какъ поступила она: она тотчасъ привела его въ храмъ. Кто изъ васъ не пожелалъ бы, чтобы его сынъ лучше былъ однажды Самуиломъ, чѣмъ тысячу разъ царемъ всей вселенной? Скажете: какъ это можно? А почему же невозможно? Потому только невозможно, что ты не желаешь и не поручаешь его тому, кто можетъ сдѣлать его таковымъ. Кто же, спросите, можетъ это сдѣлать? Богъ. Потому она (Анна) Ему и поручила (своего сына). Самъ Илій не очень былъ способенъ къ тому, чтобы образовать его; да и какъ онъ могъ это сдѣлать, когда не въ силахъ былъ (управиться) съ своими собственными дѣтьми? Но вѣра женщины и ея усердіе всего достигли. Родивъ первенца, одного, и еще не зная, будутъ ли у ней другія дѣти, она не говорила: подожду, вотъ выростетъ ре-

бенокъ; пусть насладится жизнію; позволю ему у себя провести отроческіе годы. Нисколько не думая объ этомъ, она помышляетъ объ одномъ, какъ бы посвятить отъ начатковъ этотъ образъ духовный Богу. Устыдимся мы, мужчины, такого любомудрія женщины: она представила его Богу, и тамъ его оставила. Это прославило и супружескій союзъ ея, потому что, принесши первый плодъ (Богу, она этимъ показала, что) искала прежде всего духовнаго; поэтому-то и чрево ея сдѣлалось благоплоднымъ, и она имѣла потомъ другихъ дѣтей; поэтому же она видѣла, какимъ почетомъ въ мірѣ пользовался (сынъ ея). Если и люди за почтеніе платятъ почтеніемъ, то не гораздо ли болѣе Богъ, который впрочемъ нерѣдко дѣлаетъ это, и не будучи самъ почитаемъ? Доколѣ же мы будемъ оставаться плотскими? Доколѣ будемъ пресмыкаться по землѣ? Все у насъ должно быть второстепеннымъ въ сравненіи съ заботой о дѣтяхъ и съ тѣмъ, чтобы воспитывать ихъ *въ наказаніи и ученіи Господни*. Кто прежде всего научится быть любомудрымъ, тотъ чрезъ это пріобрѣтетъ богатство, превосходящее всякое богатство, и величайшую славу. Не такъ полезно образовать сына, преподавая ему искусство и внѣшнее знаніе, посредствомъ которыхъ онъ станетъ пріобрѣтать деньги, какъ — научить его искусству презирать деньги. Если хочешь сдѣлать его богатымъ, поступай такимъ образомъ. Богатъ не тотъ, кто нуждается въ большомъ имуществѣ и владѣетъ многимъ, а тотъ, кто ни въ чемъ не имѣетъ нужды. Это внушай твоему сыну, этому учи его; въ этомъ — величайшее богатство. Не заботься о томъ, чтобы сдѣлать его извѣстнымъ по внѣшней учености и доставить ему славу, но старайся, чтобы научить его презирать славу настоящей жизни; отъ этого онъ будетъ славнѣе и знаменитѣе. Это возможно сдѣлать и богатому и бѣдному; этому научаются не отъ учителей и не при пособіи наукъ, а изъ божественныхъ Писаній. Не заботься, чтобы сынъ твой здѣсь пожилъ долго, но чтобы тамъ удостоился жизни безпредѣльной и нескончаемой. Давай ему великое, а не малое. Внимай словамъ Павла: *воспитовайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господни*. Не
152 риторомъ старайся сдѣлать его, но научи его любомудрствовать. Если онъ не будетъ риторомъ, отсюда не произойдетъ еще никакого вреда; а при отсутствіи любомудрія, самое обильное риторство не принесетъ никакой пользы. Нужно благоповеденіе, а не остроуміе,—нравственность, а не сила рѣчи,—дѣла, а не слова: вотъ что доставляетъ царство, даруетъ дѣйствительныя блага. Не языкъ изощряй, но душу очищай. Говорю это не съ тѣмъ, чтобы запретить образованіе, но — чтобы не привязывались къ нему исключительно. Не думай, будто однимъ монахамъ нужны

наставленія отъ Писаній; весьма многія изъ этихъ наставленій потребны и для тѣхъ дѣтей, которыя должны вступить въ эту (мірскую) жизнь. Какъ при снаряженіи корабля нуженъ бываетъ кормчій и полное число пловцовъ не тому, кто всегда стоитъ на пристани, но тому, кто постоянно занимается мореходствомъ, точно то же (должно сказать) и относительно монаха и мірского человѣка. Первый, какъ бы находясь на необуреваемой пристани, проводитъ жизнь беззаботную и огражденную отъ всякаго волненія; а послѣдній постоянно обуревается и плыветъ среди моря, сражаясь со множествомъ треволненій. Хотя бы онъ самъ (мірской человѣкъ) и не имѣлъ нужды (въ наставленіи), но ему оно можетъ быть нужно, чтобы, если случится, онъ былъ въ состояніи заградить уста другихъ.

3. Поэтому, кто чѣмъ большимъ пользуется почетомъ въ настоящей жизни, тѣмъ болѣе нужно для него такое образованіе. Вращается ли кто въ царскомъ дворцѣ,—тамъ много эллиновъ, философовъ, людей надутыхъ временною славою,—здѣсь точно мѣсто, наполненное страдающими водянкою. Таковъ именно царскій дворъ. Тамъ всѣ напыщены и надуты, а кто нѣтъ, тѣ стараются сдѣлаться такими. Каково же, подумай, если сынъ твой, вступивши туда, входитъ, какъ самый лучшій врачъ, съ инструментами, которые въ состояніи укротить надменность каждаго, подходитъ къ каждому и разговариваетъ, врачуетъ больное тѣло, прикладываетъ лѣкарство изъ Писаній, расточаетъ любомудрыя рѣчи. Инокъ съ кѣмъ будетъ говорить? Со стѣной (своей кельи) или съ кровлей? Съ пустыней или дебрями? Съ горами или деревьями? Итакъ, для него не очень необходимо подобное ученіе; несмотря на то, онъ старается усовершить себя въ немъ, не съ тѣмъ, чтобы другихъ наставлять, а самого себя. Что же касается людей, живущихъ въ этой (мірской) жизни, то имъ весьма нужно такое ученіе, потому что мірскому человѣку болѣе представляется соблазновъ ко грѣху, нежели монаху. И, если тебѣ угодно, знай, что онъ (съ такимъ образованіемъ) и въ свѣтѣ будетъ самымъ пріятнымъ человѣкомъ. Всѣ станутъ уважать его за такія рѣчи, когда увидятъ, что онъ не вспыльчивъ и не домогается власти; впрочемъ онъ получитъ власть и не домогаясь ея, и у царя будетъ въ большомъ почетѣ. Вѣдь такому нельзя укрыться: здоровый среди множества здоровыхъ можетъ остаться незамѣченнымъ; но если между множествомъ больныхъ найдется одинъ здоровый, то слухъ о немъ скоро достигнетъ ушей царскихъ, и ему будетъ поручено начальство надъ многими народами. Зная это, *воспитовайте дѣтей своихъ въ наказаніи и ученіи Господни*. А если *кто-нибудь* бѣденъ? Пусть останется бѣднымъ. Что онъ не

будетъ находиться при дворѣ, этимъ онъ нисколько не будетъ ниже того, кто служитъ при дворѣ; напротивъ можетъ сдѣлаться
153 предметомъ удивленія, и скоро получитъ власть, какую ему угодно, а не ту, какая достается по назначенію. Если эллины, люди, стоющіе не болѣе трехъ оболовъ, циники (κύνες—собаки), принявши такую же, стоющую не болѣе трехъ оболовъ, философію (подлинно такова эллинская философія), или вѣрнѣе—не самую философію, а только ея имя, облекшись въ мантію и отраставши волосы, посрамляютъ многихъ,—то не къ большему ли способенъ истинный философъ. Если ложная личина, только кажущаяся тѣнь философіи такъ возвышаетъ, то что, когда мы полюбимъ истинную свѣтлую философію? Не всѣ ли станутъ уважать ее? Не поручатъ ли такимъ (философамъ), безъ всякаго опасенія, и домы, и женъ, и дѣтей? Но нѣтъ, нѣтъ нынѣ такихъ философовъ! А потому нельзя найти и примѣра. Есть, впрочемъ, между монахами, между мірянами же нѣтъ. Что между монахами находятся такіе примѣры, въ доказательство можно привести многихъ; но я укажу на одного изъ многихъ.

Вѣроятно вы знаете, слыхали, а нѣкоторые, конечно, и видали человѣка, о которомъ я намѣренъ говорить теперь: я разумѣю дивнаго Юліана. Это былъ человѣкъ простого званія, смиренный; родился онъ въ незнатномъ мѣстѣ и вовсе несвѣдущъ былъ въ свѣтской мудрости, но преисполненъ истиннаго любомудрія. Когда онъ являлся въ городѣ,—что случалось рѣдко,—то около него столько стекалось народа, что ни около риторовъ, ни около софистовъ, ни около другого кого не бывало подобнаго стеченія. Что же сказать объ этомъ? Не болѣе ли всѣхъ царей прославляется имя его и понынѣ? Итакъ, если столько (возвышены истинные любомудры) въ этомъ мірѣ, гдѣ Владыка не обѣщалъ намъ никакого блага,—въ мірѣ, въ которомъ, по Его словамъ, мы чужіе,—то размыслимъ, какія блага уготованы для нихъ на небесахъ? Если здѣсь, гдѣ они пришельцы, такая имъ честь, то какою славою они будутъ наслаждаться тамъ, гдѣ они—граждане? Если здѣсь, гдѣ обѣщана скорбь, таковъ имъ почетъ, то каково будетъ успокоеніе ихъ тамъ, гдѣ обѣщаются дѣйствительныя почести? Хотите ли, чтобы мы указали и на (любомудрствующихъ) мірянъ? Но теперь ихъ нѣтъ у насъ. Правда, и между мірянами есть люди благоговѣйные, но они не восходятъ на высоту любомудрія А потому представлю вамъ примѣры изъ древнихъ и святыхъ. Сколь многіе изъ тѣхъ, которые имѣли женъ и воспитывали дѣтей, были ничуть не хуже, повторяю, ничуть не хуже упомянутыхъ нами! Но теперь ихъ уже нѣтъ, вслѣдствіе наступившей нужды, какъ говоритъ этотъ блаженный. О комъ же, хотите, чтобы я

вамъ сказать? О Ноѣ, или объ Авраамѣ? О сынѣ послѣдняго, или о сынѣ перваго? Или объ Іосифѣ? Или вы хотите послушать о пророкахъ—Моисеѣ, или Исаіи?

4. Но, если угодно, остановимъ слово на Авраамѣ, на котораго особенно всѣ указываютъ намъ постоянно. Не имѣлъ ли онъ жены? Не было ли у него дѣтей? Скажу вамъ и самъ то же самое, что вы говорите намъ. Онъ имѣлъ жену, но не это сдѣлало его знаменитымъ, что у него была жена. Имѣлъ богатство, но не чрезъ богатство сдѣлался угоднымъ Богу. Родилъ дѣтей, но и не за то былъ ублажаемъ, что имѣлъ дѣтей. Пріобрѣлъ триста восемнадцать домочадцевъ, но и не поэтому сдѣлался предметомъ удивленія. Хочешь ли знать, что (его прославило)? То, что онъ любилъ странниковъ, презиралъ богатство, былъ скроменъ. Скажи мнѣ, какое свойство философа? Не презирать ли богатство и славу? Не стоять ли выше зависти и всякой страсти? Теперь поставимъ на средину Авраама, разоблачимъ его и посмотримъ, каковъ онъ былъ философъ? Во-первыхъ, онъ не дорожилъ отечествомъ: *изыди*, сказалъ ему (Господь), *отъ земли твоея и отъ рода твоего* (Быт. XII, 1),—и онъ тотчасъ вышелъ. Его не удержалъ въ этомъ случаѣ ни родительскій домъ, ни узы 154
дружбы, и ничто другое,—иначе онъ бы не вышелъ. Потомъ, онъ нисколько не дорожилъ ни славой, ни богатствомъ; такъ, когда на войнѣ онъ обратилъ въ бѣгство непріятелей, и ему предлагали взять добычу, онъ съ презрѣніемъ отвергъ ее. Равнымъ образомъ и сынъ его не чрезъ богатство свое сдѣлался достойнымъ удивленія, но за страннолюбіе, не потому, что имѣлъ дѣтей, но потому, что былъ послушенъ, и не потому, что имѣлъ жену, а потому, что жена его была неплодна. (Оба они, Авраамъ и Исаакъ) считали за ничто настоящую жизнь, не искали богатства и всѣмъ пренебрегали. Скажи мнѣ, какія изъ растеній самыя лучшія? Не тѣ ли, которыя сами въ себѣ содержатъ силу, и ни отъ дождя, ни отъ града, ни отъ стремленія вѣтровъ, ни отъ другихъ какихъ-нибудь подобныхъ причинъ не терпятъ вреда, но стоя открыто, и не имѣя нужды ни въ кровлѣ ни въ огражденіи, какъ бы все презираютъ? Таковъ истинный философъ, таково его богатство! Онъ ничего не имѣетъ, и все имѣетъ; все имѣетъ, и ничего у него нѣтъ. Стѣна не внутри, а извнѣ, и ограда не отъ природы, а отвнѣ воздвигается. Еще, скажи мнѣ также, какое тѣло бываетъ особенно крѣпко? То ли, которое здорово, которое удобно переноситъ голодъ, не требуетъ пресыщенія, не терпитъ отъ стужи, равно какъ и отъ жара,—или то, которое неспособно переносить всего этого, и, кромѣ того, для своего здоровья нуждается въ поварахъ, ткачахъ, охотникахъ и врачахъ?

Подлинно, только истинный философъ, который не нуждается ни въ чемъ подобномъ, есть богачъ. Поэтому-то блаженный (Павелъ) и говорилъ: *воспитовайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господни*. Итакъ, не во внѣшнихъ благахъ ищите огражденія (для дѣтей своихъ): въ этомъ богатство, въ этомъ слава. Когда (временная слава и богатство) пройдутъ,—а онѣ непостоянны,—то (люди, обладавшіе ими) бываютъ подобны безпомощному, поврежденному растенію, которое не только не приносило никакой прибыли въ прошедшемъ, но еще производило убытокъ. Такъ защита, которая должна была ограждать отъ стремленія вѣтровъ, теперь вдругъ произвела паденіе.

Значитъ, богатство скорѣе вредитъ, если дѣлаетъ насъ неподготовленными къ перенесенію превратностей жизни. Итакъ, образуемъ дѣтей такъ, чтобы они могли переносить все и знали, какъ должно поступать среди несчастій, воспитаемъ ихъ *въ наказаніи и ученіи Господни*,—и намъ воздастся великая награда. Въ самомъ дѣлѣ, если люди, дѣлающіе изваянія царей и пишущіе ихъ портреты, пользуются большимъ почетомъ, то мы, которые украшаемъ образъ Царя небеснаго (потому что человѣкъ есть образъ Божій), не будемъ ли наслаждаться гораздо бо́льшими благами за то, что возстановляемъ Божіе подобіе? Именно съ этимъ можетъ сравниться добродѣтель души, когда научимъ дѣтей быть добрыми, нераздражительными, непамятозлобными, готовыми на благодѣянія, человѣколюбивыми (что все свойственно Богу), и когда наставимъ ихъ не дорожить земными благами. Итакъ, образовать и упорядочить себя и ихъ—вотъ наша обязанность! Иначе, какъ мы дерзнемъ предстать престолу Христову? Ежели тотъ, у кого дѣти необузданны, недостоинъ епископства, то тѣмъ болѣе (онъ недостоинъ) царства небеснаго. Но что ты говоришь? Ужели, если наши жены и дѣти будутъ безпорядочны, то мы будемъ подлежать за нихъ отвѣту? Да, если (это случится) отъ непринятія нами строгихъ мѣръ, потому что для спасенія недостаточно намъ собственной добродѣтели. Если не употребившій въ дѣло одного таланта не только не получилъ никакой награды, но еще наказывается извѣстнымъ образомъ, то ясно, что собственной добродѣтели недостаточно для спасенія, а требуется еще (добродѣтель) другого. Итакъ, позаботимся о женахъ, будемъ особенно предусмотрительны въ отношеніи къ дѣтямъ, домашнимъ и къ себѣ самимъ; когда же начнемъ приводить въ поря-
155—156 докъ и себя и ихъ, то станемъ молить Бога, чтобы Онъ помогъ намъ въ трудахъ нашихъ. И Онъ поможетъ, когда увидитъ, что мы объ этомъ стараемся, къ этому прилагаемъ свои заботы; если же мы ничѣмъ не заняты, то и Онъ не подастъ намъ своей по-

мощи. Вѣдь не тогда Богъ даруетъ намъ помощь, когда мы спимъ, но когда и сами мы трудимся. Помощникъ помогаетъ не праздному, а тому, кто и самъ работаетъ. Впрочемъ благій Богъ силенъ самъ Собою совершить дѣло, чтобы всѣ мы сподобились наслѣдовать обѣтованныя блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому со Отцемъ и Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXII.

Раби, послушайте господій по плоти со страхомъ и трепетомъ, въ простотѣ сердца вашего, якоже и Христа: не предъ очима точію работающе, яко человѣкоугодницы, но якоже раби Христовы, творяще волю Божію отъ души, со благоразуміемъ служаще якоже Господу, а не яко человѣкомъ: вѣдяще, яко кійждо, еже аще сотворитъ благое, сіе пріиметъ отъ Господа, аще рабъ, аще свободь (Ефес. VI, 5—8). 155

1. Итакъ, не мужъ только, не жена, не дѣти, но и слуги съ своими добродѣтелями входятъ въ составъ дома и обусловливаютъ его благоустройство. Поэтому блаженный Павелъ и этой части не оставилъ безъ вниманія, но напослѣдокъ приступаетъ къ ней, такъ какъ и по достоинству она занимаетъ послѣднее мѣсто. И съ ними (рабами) много разсуждаетъ онъ, и уже не какъ съ дѣтьми, но гораздо возвышеннѣе. Онъ не даетъ имъ здѣсь обѣтованія, а указываетъ на послѣдствія: *вѣдяще,* говоритъ онъ, *яко кійждо, еже аще сотворитъ благое, сіе пріиметъ отъ Господа.* Учитъ даже любомудрствовать, потому что хотя они по достоинству ниже дѣтей, но смысла имѣютъ больше ихъ. *Раби,* говоритъ онъ, *послушайте господій по плоти.* Тотчасъ ободрилъ опечаленную душу, тотчасъ утѣшилъ ее. Не скорби, какъ бы такъ онъ говоритъ, что твоя доля ниже положенія жены и дѣтей: это рабство только по имени, и господство по плоти, слѣдовательно господство временное и непродолжительное, потому что все плотское скоропреходяще. *Со страхомъ,* говоритъ, *и трепетомъ.* Видишь ли, что неодинаковаго страха требуетъ отъ жены и отъ рабовъ. Тамъ просто сказалъ: *жена да боится своего мужа,* а здѣсь, усиливая рѣчь, говоритъ: *со страхомъ и трепетомъ. Въ простотѣ сердца вашего, якоже и Христа.* Часто онъ повторяетъ это. Но что говоришь ты, блаженный Павелъ? Онъ (рабъ)—братъ

(своему господину); онъ получилъ одинаковыя съ нимъ блага, одинаковое тѣло, а что всего важнѣе—содѣлался братомъ не только своего господина, но самого Сына Божія, наслаждается равными съ нимъ благами,—и ты говоришь: *послушайте господіи по плоти со страхомъ и трепетомъ?* Но поэтому-то я и говорю такъ, отвѣчаетъ (апостолъ). Если свободнымъ повелѣваю подчиняться другъ другу ради страха Божія, какъ выше сказано: *повинующеся другъ другу въ страсѣ Божіи,* если женѣ приказываю бояться своего мужа, хотя она имѣетъ равную съ нимъ честь, то тѣмъ болѣе слугѣ. Въ этомъ нѣтъ безчестія, напротивъ, это высокое благородство—умѣть уничижаться, вести себя скромно, уступать ближнему. И свободные служили свободнымъ съ большимъ страхомъ и трепетомъ. *Въ простотѣ сердца,* говоритъ. Хорошо сказано, такъ какъ можно служить со страхомъ и трепе-
156 томъ, однакожъ не съ добрымъ расположеніемъ, но кое-какъ. Есть много такихъ, которые втайнѣ весьма много дѣлаютъ зла господамъ своимъ. Такое-то худое поведеніе (апостолъ) и старается устранить, говоря: *въ простотѣ сердца вашего, якоже и Христа: не предъ очима точію работающе, яко человѣкоугодницы, но якоже раби Христовы, творяще волю Божію отъ души, со благоразуміемъ служаще якоже Господу, а не яко человѣкомъ.* Видишь ли, какъ много требовалъ (Павелъ), когда внушалъ добро словами: *со благоразуміемъ и отъ души?* Мы видимъ, что многіе служатъ своимъ господамъ *со страхомъ и трепетомъ,* и къ этому много побуждаетъ строгость господина. Но покажи, говоритъ онъ, что ты служишь какъ рабъ Христовъ, а не какъ рабъ человѣка; сдѣлай такъ, чтобы (твои служебныя занятія) были у тебя добродѣтелію, а не слѣдствіемъ необходимости. Какъ того, кто терпитъ обиды отъ другого, (Христосъ) убѣждаетъ и научаетъ, какъ увидимъ ниже, принимать обиду, какъ благо для себя, и терпѣть ее по собственному изволенію, точно такъ же и рабовъ (учитъ апостолъ). Ударившій въ ланиту рѣшился на такой поступокъ не по мыслямъ того, кого онъ ударилъ, а по собственной злобѣ,—и однако жъ что сказано? *Обрати ему и другую* (Мѳ. v, 39), чтобы ты могъ показать, что и первая не противъ воли тобой подставлена. Рѣшившійся потерпѣть лишній разъ ударъ обратилъ и то, что было не его дѣломъ, въ свое дѣло, когда далъ поразить и другую ланиту, а не ограничился однимъ перенесеніемъ обиды: послѣднее, пожалуй, можно счесть за слѣдствіе страха, но въ первомъ много любомудрія. Итакъ, ты показалъ бы (тогда), что перенесъ это ради любомудрія. Такъ и теперь ты покажи въ свою очередь, что несешь это рабство добровольно, а не какъ человѣкоугодникъ. Человѣкоугодникъ—не рабъ

Христовъ, и рабъ Христовъ—не человѣкоугодникъ. Кто въ самомъ дѣлѣ, будучи рабомъ Божіимъ, захочетъ угождать человѣкамъ? Напротивъ, кто, угождая человѣкамъ, можетъ быть рабомъ Божіимъ? *Отъ души*, говоритъ, *со благоразуміемъ служаще*. Хорошо это сказано, такъ какъ можно служить въ простотѣ и безъ злобы, однако жъ не всѣми силами, а только выполняя долгъ. Поэтому говоритъ: по усердію, а не по необходимости, по доброй волѣ, а не по принужденію. Если будешь служить такимъ образомъ, именно: по доброй волѣ, съ благоразуміемъ, отъ души, ради Христа,—то ты не рабъ. Такое рабство несетъ и Павелъ, человѣкъ свободный, когда, взывая, говоритъ: *не себе проповѣдуемъ, но Христа Іисуса Господа, себе же самѣхъ рабовъ вамъ Іисуса ради* (2 Кор. iv, 5).

2. Видишь ли, какъ у твоего рабства отнимается безчестіе? Подобно тому, какъ если бы какой-нибудь человѣкъ, послѣ того, какъ у него отняты деньги, прибавилъ бы еще отъ себя своему похитителю, не можетъ почитаться обнищавшимъ, но достаточнымъ, не можетъ быть причисленъ къ потерпѣвшимъ зло, но къ дѣлающимъ добро, и такимъ благодѣяніемъ онъ покрылъ бы 157
(своего грабителя) еще бо́льшимъ позоромъ, нежели какой онъ навлекъ на себя своимъ грабительствомъ,—такъ точно и въ настоящемъ случаѣ: если рабъ въ самыхъ изнурительныхъ трудахъ ведетъ себя великодушно, показывая, что онъ не чувствуетъ насилія, то отъ этого большій стыдъ для его господина. Итакъ, будемъ служить господамъ ради Христа. *Вѣдяще*, говоритъ (апостолъ), *яко кійждо, еже аще сотворитъ благое, сіе пріиметъ отъ Господа, аще рабъ, аще свободь*. Такъ какъ вѣроятно между господами было много невѣрующихъ, которымъ этотъ стыдъ былъ неизвѣстенъ, и которые потому не воздавали своимъ слугамъ за послушаніе, то вотъ (апостолъ) утѣшаетъ рабовъ, чтобы они не отчаивались въ воздаяніи, но ободряли себя (ожиданіемъ высшей) награды. Какъ люди облагодѣтельствованные, и не воздающіе благодарности своимъ благодѣтелямъ, тѣмъ самымъ обязываютъ воздавать имъ за себя самого Бога, такъ точно и господа, пользующіеся твоими услугами, если не награждаютъ тебя, то тѣмъ самымъ доставляютъ тебѣ бо́льшую награду, дѣлая должникомъ твоимъ Бога. *И господіе*, говоритъ, *таяжде творите къ нимъ* (ст. 9). Что такое—*таяжде?* Благосклонно служите. Хотя (апостолъ) не сказалъ: „служите", но словомъ: *таяжде* онъ выразилъ эту мысль, потому что и господинъ служитъ. *Не яко человѣкоугодницы*, говоритъ, *со страхомъ и трепетомъ*, т. е., со страхомъ Божіимъ, опасаясь, какъ бы когда-нибудь Онъ не осудилъ насъ за нерадѣніе о рабахъ. *Послабляюще имъ прещенія*. Не будьте,

говоритъ, жестокими и строптивыми. *Вѣдуще, яко и вамъ самѣмъ и тѣмъ Господь есть на небесѣхъ.* Увы! Какой намекъ! Какъ сильно устрашилъ! То есть: *еюже мѣрою мѣрити, возмѣрится тебѣ.* Чтобы тебѣ не услышать: *рабе лукавый, весь долгъ оный отпустихъ тебѣ* (Мѳ. XVIII, 32). *И лицепріятія нѣсть у Него.* Не подумай, говоритъ, что за обиду, причиняемую рабу, (Богъ) проститъ потому, что она причинена рабу. Внѣшніе законы, какъ законы человѣческіе, допускаютъ еще различіе по происхожденію, но законъ общаго Владыки не знаетъ никакого различія, такъ какъ благодѣтельствуетъ всѣмъ вообще и надѣляетъ всѣхъ однимъ и тѣмъ же.

А если кто станетъ спрашивать: откуда же рабство, и зачѣмъ оно явилось въ жизни человѣческой,—какъ многіе, я знаю, съ любопытствомъ спрашиваютъ объ этомъ, и желаютъ знать это,—то я вамъ скажу: отъ любостяжанія произошло рабство, а также отъ зависти, отъ ненасытной алчности. Ной не имѣлъ рабовъ, ни Авель, ни Сиѳъ, ни другіе послѣ нихъ. Это состояніе произвелъ грѣхъ, состоящій въ неуваженіи къ родителямъ. Пусть знаютъ дѣти, что они достойны быть рабами за непочтеніе къ родителямъ! (Кто не почитаетъ своихъ родителей) тотъ лишается своего благородства, потому что презирающій отца своего болѣе уже не сынъ его. Если же презирающій (земного) родителя уже перестаетъ быть его сыномъ, то какъ останется сыномъ Отца нашего (небеснаго) тотъ, кто Его презираетъ? Онъ исключенъ изъ благороднаго сословія, онъ оскорбилъ свою природу. Потомъ (къ появленію рабскаго состоянія) способствовали войны, сраженія, гдѣ стали брать плѣнныхъ. Но, скажутъ, и Авраамъ имѣлъ рабовъ? Да, имѣлъ; но извѣстно, что онъ обращался съ ними не такъ, какъ съ рабами. Такъ (апостолъ) все направляетъ къ главѣ: жену, чтобы мужъ, какъ сказано, любилъ ее,—дѣтей, чтобы воспитывалъ ихъ *въ наказаніи и ученіи Господни,*—рабовъ, *вѣдуще, яко и вамъ самѣмъ и тѣмъ Господь есть на небесѣхъ.* Этимъ какъ бы такъ говоритъ: такъ какъ и сами вы тоже рабы, то будьте человѣколюбивы и снисходительны. Далѣе, если вамъ угодно будетъ выслушать, мы и о слугахъ скажемъ то же самое,
158 что прежде сказали о дѣтяхъ: учите ихъ быть благоговѣйными, и они сдѣлаются такими. Но нынѣ иной, отправляясь въ театръ или идя въ баню, тащитъ съ собою туда же и всѣхъ дѣтей, а въ церковь не беретъ ихъ,—не заставляетъ ихъ ходить туда, чтобъ слушать христіанское ученіе. Какъ же рабъ услышитъ, когда ты, господинъ, прислушиваешься совсѣмъ къ другому? Ты пріобрѣлъ, купилъ раба? Приказывай ему прежде всего жить по волѣ Божіей, чтобы онъ былъ кротокъ въ отношеніи къ

своимъ товарищамъ, чтобы особенно заботился о добродѣтели. Домъ каждаго есть какъ бы городъ, и каждый хозяинъ есть начальникъ надъ собственнымъ домомъ. Что дѣйствительно такъ, это хорошо видно при взглядѣ на домъ людей богатыхъ, гдѣ есть и поля, и управители, и начальники надъ начальниками. Впрочемъ и домъ бѣднаго я уподобляю также городу. И здѣсь есть власти, именно: мужъ управляетъ женой, жена—слугами, слуги—своими женами, а мужья и жены—своими дѣтьми. Итакъ, не представляется ли тебѣ, что (глава семейства) есть какъ бы нѣкій царь, у котораго находится въ подчиненіи столько начальниковъ? И не слѣдуетъ ли ему быть всѣхъ искуснѣе и опытнѣе въ управленіи домомъ? Кто отлично свѣдущъ въ этомъ дѣлѣ, тотъ сумѣетъ выбрать для себя способныхъ начальниковъ, и точно—выберетъ блистательныхъ. А жена все-таки останется другимъ царемъ въ домѣ, хотя безъ діадемы, и кто умѣетъ избирать этого царя, тотъ и остальное все хорошо устроитъ. *Прочее же, братіе моя, возмогайте о Господѣ* (ст. 10). (Апостолъ) когда намѣревается окончить рѣчь, всегда употребляетъ это выраженіе.

3. Не хорошо ли я сказалъ въ началѣ, что домъ каждаго есть цѣлое войско? Кто поставилъ всѣхъ начальниковъ, тотъ же въ свою очередь вооружаетъ ихъ и ведетъ на войну. Если никто не похищаетъ власти у другого, а каждый остается на своемъ мѣстѣ, тогда все будетъ въ хорошемъ состояніи. *Возмогайте*, говоритъ, *о Господѣ, и въ державѣ крѣпости его*, то есть, въ надеждѣ на Него, чрезъ Его помощь. Такъ какъ онъ повелѣлъ многое и притомъ должное, то и говоритъ: не бойтесь, возложите надежду на Господа, и Онъ все облегчитъ для васъ. *Облецытеся во вся оружія Божія, яко возмощи вамъ стати противу кознемъ діавольскимъ* (ст. 11). Не сказалъ: противъ сраженій, противъ войнъ, но: *противу козней*. Врагъ нашъ не просто и не открыто воюетъ съ нами, но съ коварствомъ. Что такое—козни (μεθοδεία)? Строить козни (μεθοδεῦσαι) значитъ обольстить и одолѣть хитростію: это бываетъ и въ искусствахъ, и въ словахъ, и въ дѣлахъ, и въ борьбѣ, когда намъ случается имѣть дѣла съ обманщиками. Скажу для примѣра: (врагъ) никогда не предлагаетъ явныхъ грѣховъ, не называетъ идолослуженія, но, по своему коварству, устрояваетъ это иначе, именно: пользуется предлогами, выставляетъ уважительную причину. Итакъ, (апостолъ) уже и этимъ ободрилъ воиновъ и заставилъ ихъ трезвиться, когда научилъ и убѣдилъ, что у насъ борьба съ врагомъ опытнымъ въ воинскихъ дѣлахъ, что эта война противъ насъ производится не просто и не открыто, но съ великою хитростію. Сначала указаніемъ на свойства и многочисленность врага—онъ побуждаетъ

учениковъ своихъ къ осторожности. Онъ хочетъ не ослабить воиновъ, которые противустоятъ врагу (діаволу), но ободрить ихъ и подвинуть ихъ противъ него. Сказавъ объ ухищреніяхъ врага, этимъ онъ научаетъ трезвенности. Если бы онъ указалъ имъ только на силу враговъ и на этомъ и остановился, то привелъ бы ихъ въ уныніе. Напротивъ, онъ и прежде и послѣ этого
159 показываетъ, что возможно одолѣть врага, и тѣмъ самымъ особенно ободряетъ ихъ. Чѣмъ болѣе мы разъясняемъ своимъ сообщникамъ силу нашихъ непріятелей, тѣмъ болѣе побуждаемъ ихъ къ осторожности. *Яко нѣсть*, говоритъ, *брань наша къ плоти и крови, но къ началомъ, ко властемъ, къ міродержителемъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (ст. 12). Представивъ имъ побужденіе къ особенной бдительности отъ свойства брани, потомъ внушаетъ имъ бодрость указаніемъ предстоящихъ подвиговъ. Какимъ образомъ? Сказавъ, что враги сильны, онъ навелъ на мысль, что и многаго мы отъ нихъ лишаемся. Чего же? Борьба происходитъ въ поднебесной, и не изъ-за денегъ, не изъ-за славы, но изъ-за плѣненія въ рабство. Стало быть, вражда становится непримиримою. Соперничество и борьба бываютъ сильнѣе, когда онѣ происходятъ изъ-за предметовъ важныхъ. Въ поднебесной (ἐν τοῖς ἐπουρανίοις)—это то же, что за (ὑπέρ) небесное. (Враги наши воюютъ съ нами) не для того, чтобы, послѣ побѣды, чѣмъ-нибудь воспользоваться, но для того, чтобы насъ лишить (неба). Такъ, если бы кто-нибудь сказалъ: ἡ συνθήκη ἔν τινι κεῖται (договоръ заключается въ чемъ-нибудь), то здѣсь: ἐν (въ) соотвѣтствовало бы: ὑπέρ (за) или διά (для). Замѣть, какую бдительность возбуждаетъ въ насъ сила врага, и какая трезвенность происходитъ оттого, что мы узнаемъ, что дѣйствительная опасность предстоитъ нашему великому благу, и что также мы должны заботиться о побѣдѣ изъ-за великаго блага,—потому что врагъ нашъ старается свергнуть насъ съ неба. Кого это называетъ (Павелъ) *началами, властями* и *міродержителями тмы вѣка сего?* И какой тьмы? Не ночной ли? Нѣтъ,—грѣховной. Мы были, говоритъ онъ, нѣкогда тьмою,—называя такъ грѣхъ въ настоящей жизни, потому что онъ уже больше не будетъ имѣть мѣста ни на небѣ, ни въ грядущемъ вѣкѣ.

Міродержителями же называетъ (діаволовъ) не потому, чтобы они держали міръ, но потому, что они настоящіе виновники злыхъ дѣлъ. Грѣховныя дѣла Писаніе обыкновенно называетъ міромъ, напримѣръ, въ изреченіи Христа: *вы нѣсте отъ міра сего, якоже Азъ нѣсмь отъ міра* (Іоан. XVII, 14). Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, (апостолы) были не отъ міра? Не были ли они облечены плотію? Не принадлежали ли къ находящимся въ мірѣ? И въ другомъ

мѣстѣ: *міръ Мене ненавидитъ, васъ же не можетъ ненавидѣти*: и здѣсь также міромъ называетъ злыя дѣйствія. Или, быть можетъ, здѣсь подъ міромъ онъ разумѣетъ самихъ злыхъ людей, потому что демоны на нихъ преимущественно простираютъ власть свою. *Къ началомъ*, говоритъ, *ко властемъ, къ духовомъ злобы поднебеснымъ. Началами* и *властями* называетъ ихъ по подобію того, какъ и между небесными (духами) есть престолы, господства, начала, власти. *Сего ради воспріимите вся оружія Божія, да возможете противитися въ день лютъ, и вся содѣявше стати* (ст. 13). Днемъ лютымъ и этимъ лукавымъ вѣкомъ называетъ настоящую жизнь, по причинѣ золъ, въ ней бывающихъ, и требующихъ, чтобы мы постоянно были вооружены. *И вся*, говоритъ, *содѣявше*,— то есть, побѣдивъ и страсти, и непристойныя пожеланія, и все, что причиняетъ намъ зло. Не просто употребилъ: ἐργάσασθαι (дѣлать), но: κατεργάσασθαι (содѣевать, совершенно сдѣлать, покончить), такъ чтобы не только одолѣть, но и одолѣвши стоять; а то случалось, что многіе, одержавши побѣду, тотчасъ падали. *Вся*, говоритъ, *содѣявше*, а не такъ, чтобы одно что-нибудь исполнить, а другого нѣтъ. При томъ послѣ побѣды потребна бодрость; иначе то, что тебѣ удалось низложить, снова можетъ подняться. Если мы не стоимъ, возстаетъ то, что нами низложено. Когда же мы стоимъ, то оно не поднимается отъ паденія. Пока мы 160
бодрствуемъ, побѣжденный нами врагъ не воскресаетъ. *Облечемся во вся оружія Божія.*

4. Видишь ли, какъ (апостолъ) отогналъ страхъ? Если есть возможность одержать побѣду и стать, то зачѣмъ избѣгаешь борьбы? Стой бодро, по окончаніи борьбы, и ты—побѣдитель. Не удивляйся и тому, что такъ много сказано о силѣ враговъ. Знаніе объ этомъ должно производить не страхъ и робость, но можетъ предохранять отъ безпечности. *Да возможете*, говоритъ, *противитися въ день лютъ*, — напоминаніемъ о времени побуждаетъ (къ бодрствованію). Непродолжительно время, какъ бы такъ говоритъ, а потому надобно стоять бодро во время брани; не должно ослабѣвать и послѣ побѣды. Въ самомъ дѣлѣ, если у насъ идетъ война; если противъ насъ составляются такія ополченія: если они состоятъ изъ безплотныхъ началъ и міродержителей и духовъ злобы,—то, скажи мнѣ, какъ можно предаваться нѣгѣ? Какъ можно быть разсѣяннымъ? Можно ли побѣдить, не будучи вооруженнымъ? Пусть каждый размышляетъ объ этомъ всякій день, когда имъ овладѣваетъ гнѣвъ, одолѣваетъ похоть, когда онъ пожелаетъ этой изнѣженной и безпорядочной жизни. Пусть каждый внимаетъ словамъ блаженнаго Павла: *нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началамъ, ко властемъ.* Эта война

тяжелѣе войны съ врагами видимыми; это борьба чрезвычайно сильная. Подумай, сколько времени онъ (діаволъ) ведетъ свою борьбу, изъ-за чего онъ бьется,—и веди себя осторожнѣе. Такъ, говорятъ; но надобно бы было изгнать діавола изъ среды себя, и тогда бы всѣ спасались. Это говорятъ, конечно, какіе-нибудь нерадивые, старающіеся отыскать извиненіе своему нерадѣнію. Тебѣ, человѣкъ, слѣдуетъ быть благодарнымъ за то, что можешь, если захочешь, одолѣть такого врага; а ты, напротивъ, еще досадуешь и говоришь слова, свойственныя какому-нибудь безпечному и сонливому воину. Ты, впрочемъ, если захочешь, можешь понять и причины, почему ты такъ поступаешь. Но будь остороженъ, ограждай себя со всѣхъ сторонъ: не съ однимъ діаволомъ у насъ брань, но и съ его силами. Какъ же, говорятъ еще, мы будемъ бороться со тьмою,—мы, которые содѣлались свѣтомъ? Какъ намъ сражаться съ злыми духами, когда мы содѣлались благими? Злоба противоположна добру, и свѣтъ отгоняетъ тьму; если же мы сами стали тьмою, то мы совершенно будемъ побѣждены. Итакъ, какимъ же образомъ мы побѣдимъ ихъ? Если мы постараемся быть по произволенію тѣмъ, что они—по природѣ, то есть, если мы постараемся стать выше плоти и крови; такимъ образомъ мы одолѣемъ ихъ. Такъ какъ они (ефесяне), вѣроятно, гонимы были многими, то не думайте, какъ бы такъ говорилъ (Павелъ), чтобы тѣ сами по себѣ воевали противъ насъ. Въ нихъ дѣйствуютъ демоны: они-то ведутъ войну, и съ ними у насъ брань. Всѣмъ сказаннымъ производитъ двоякое дѣйствіе: и дѣлаетъ ихъ болѣе смѣлыми въ отношеніи къ воюющимъ на нихъ, и ободряетъ ихъ духъ противъ враговъ. И почему у насъ происходитъ брань съ ними? Потому, что мы имѣемъ непобѣдимаго союзника—благодать Духа; потому, что мы научены такому искусству, что можемъ ратоборствовать не съ людьми только, но и съ демонами. Впрочемъ, если мы захочемъ, то можемъ и не бороться: брань постольку брань, поскольку мы ее хотимъ. Такова именно сила живущаго въ насъ (Св. Духа), согласно словамъ: *се даю вамъ власть наступати на змію и на скорпію и на всю силу вражію* (Лук. x, 19). Онъ далъ намъ всякую власть и бороться и не
161 бороться. Но такъ какъ мы лѣнивы, то и боремся съ ними? А что Павелъ не боролся, объ этомъ послушай его собственныхъ словъ: *кто ны разлучитъ отъ любве Христовы, скорбь ли, или тѣснота, или гладъ, или гоненіе, или нагота, или бѣда, или мечь* (Рим. viii, 35)? И въ другомъ мѣстѣ, слушай, что онъ говоритъ: *Богъ сокрушитъ сатану подъ ноги ваши скоро* (Рим. xvi, 10; Дѣян. xvi, 18). Онъ имѣлъ власть (надъ сатаною), потому и сказалъ: *запрещаю ти именемъ Господа Іисуса, изыди отъ нея* (Дѣян. xvi, 18). Но это уже не зна-

читъ бороться; кто борется, тотъ еще не одержалъ побѣды, и кто побѣдилъ врага, тотъ уже не ведетъ борьбы, потому что такой подчинилъ его себѣ, плѣнилъ. Равнымъ образомъ и Петръ не боролся съ діаволомъ; но его дѣла были таковы, что превышали борьбу. Изъ числа вѣрующихъ, слушающихъ, оглашенныхъ, многіе съ преизбыткомъ одерживали побѣду надъ нимъ (діаволомъ). Потому и блаженный Павелъ сказалъ: *не не разумѣваемъ бо умышленій его* (2 Кор. II, 11),—вслѣдствіе чего въ особенности и бралъ надъ нимъ верхъ. И въ другомъ мѣстѣ, послушай, что онъ говоритъ: *не веліе убо, аще и служителіе его преобразуются, яко служителіе правды* (2 Кор. XI, 14). Такъ онъ вполнѣ зналъ борьбу, и ничто не укрывалось отъ него. И: *тайна бо уже*, говоритъ, *дѣется беззаконія* (2 Сол. II, 7). Но въ отношеніи къ намъ дѣло требуетъ борьбы. Затѣмъ, слушай, что говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ: *извѣстихся, яко ни ангелы, ни начала, ни силы, ни власти, ни настоящая, ни грядущая, ни ина тварь кая возможетъ насъ разлучити отъ любве Христовы* (Рим. VIII, 38—39). Не сказалъ просто: отъ Христа, но: *отъ любве Христовы*. Многіе вѣдь, хотя присоединены ко Христу, но не любятъ Его. Не только, какъ бы такъ говоритъ (Павелъ), не убѣдишь меня отречься Его, но и не уменьшишь во мнѣ любви къ Нему. Если и вышнія силы не могли бы этого сдѣлать, то кто другой былъ бы въ состояніи сдѣлать это? Говоритъ же это не потому, будто бы въ самомъ дѣлѣ вышнія силы рѣшились на подобное, но по предположенію. Потому и сказалъ: *извѣстихся* (πέπεισμαι). Итакъ, онъ не боролся (съ діаволомъ): несмотря на то, боится его лукавства. Выслушай собственныя слова его: *боюся, да не како якоже змій Еву прелсти лукавствомъ своимъ, тако истлѣютъ и разумы ваша отъ простоты, яже о Христѣ* (2 Кор. XI, 3). Мало того, и о самомъ себѣ такъ выражается: *боюся бо, да не како инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (1 Кор. IX, 27). Какъ же ты можешь быть увѣренъ, что тебя никто не отлучитъ (отъ любви Божіей)?

5. Видишь ли, что (апостолъ) говорилъ такъ по смиренномудрію и скромности? Онъ обиталъ уже на небѣ, почему и самъ онъ говорилъ: *ничесоже въ себѣ свѣмъ* (1 Кор. IV, 4); и въ другомъ мѣстѣ: *теченіе скончахъ* (2 Тим. IV, 7). Итакъ, діаволъ не ему собственно полагалъ претыканіе, а его ученикамъ. Почему же такъ? Потому, что они руководствовались не его наставленіями только, но вмѣстѣ и собственнымъ намѣреніемъ. Въ этомъ отношеніи (діаволъ) одерживалъ верхъ; но и здѣсь онъ одерживалъ верхъ собственно не надъ нимъ, а надъ безпечностію невнимательныхъ (людей). Когда они не исполняли приказаній (апостола), по лѣности или по чему другому, то онъ

(діаволъ) одерживалъ надъ ними побѣду. Если же апостолъ съ своей стороны все дѣлалъ, но тѣ не слушались, то, значитъ, (діаволъ) побѣждалъ не его, но ихъ непослушаніе. Такъ болѣзнь имѣетъ силу не надъ врачемъ, а надъ невоздержностію больного. Когда тотъ съ своей стороны представляетъ все
162 нужное для излѣченія, а этотъ все разстроиваетъ, то послѣдній терпитъ пораженіе, а не первый. Итакъ, надъ Павломъ (діаволъ) не одержалъ ни малѣйшей побѣды. Впрочемъ къ нашему благу служитъ то, что намъ предоставляется возможность борьбы. Что касается римлянъ, то имъ не этого желаетъ,—а чего? *Сокрушитъ сатану подъ ноги ваша скоро* (Рим. xvi, 20). Но этимъ (ефесянамъ) желаетъ вотъ чего: *могущему вся по преизбыточествію творити, ихже просимъ или разумѣемъ* (ст. 3). Кто борется, тотъ еще встрѣчаетъ препятствія: за то какъ онъ счастливъ, если не падетъ! Побѣда бываетъ блистательнѣе тогда, когда была борьба. Напримѣръ: если тобой овладѣло какое-нибудь злое пожеланіе, то весьма славное дѣло ты сдѣлаешь, если не поддашься, а погасишь его. Но хотя бы этого совершенно нельзя было сдѣлать, все-таки мы должны бороться и всегда укрощать себя. Если мы не падемъ во время этой борьбы, то мы будемъ побѣдителями. Здѣсь не такъ, какъ у атлетовъ. Тамъ до тѣхъ поръ не сдѣлаешься побѣдителемъ, пока не повергнешь на землю другого: а здѣсь только самъ не будь повергнутъ и ты побѣдитель, ты уже одолѣлъ, если тебя не опрокинули. И это правильно! Тамъ оба бьются о побѣдѣ, и если одинъ упадетъ, другой получаетъ вѣнецъ. Здѣсь же не такъ: здѣсь діаволъ старается поразить насъ. Итакъ, если я лишу его того, о чемъ онъ заботится, то я побѣдилъ. Онъ усиливается не низринуть только, но низринуть вмѣстѣ съ собою: стало быть, онъ уже побѣжденъ, такъ какъ онъ уже свергнутъ и находится въ состояніи погибели: онъ заботится о побѣдѣ не съ тѣмъ, чтобы потомъ получить вѣнецъ, но съ тою цѣлію, чтобы погубить меня. Итакъ, я побѣдитель въ томъ случаѣ, когда не буду опрокинутъ (діаволомъ), хотя бы самъ я не опрокинулъ его. Въ чемъ же состоитъ блистательная побѣда? Въ томъ, чтобы съ крайнимъ презрѣніемъ попирать его, какъ поступалъ Павелъ, считая за ничто блага настоящей жизни. Будемъ и мы подражать (апостолу), постараемся возвыситься надъ земными благами, не будемъ ни съ какой стороны доставлять ему (врагу своему) случаевъ къ торжеству надъ нами.

Богатство даетъ ему къ этому случай, а также—деньги, почести. Все это нерѣдко возстановляло его и дѣлало свирѣпымъ. Но что за надобность въ борьбѣ? Какая нужда въ сраженіи? Сражающійся не знаетъ, когда конецъ сраженія, и можетъ

думать еще—не быть бы самому побѣждену и ранену. А кто уже попираетъ врага своего, тотъ очевидно одержалъ побѣду. Итакъ, будемъ попирать силу діавола, будемъ попирать грѣхи, все житейское, какъ-то: гнѣвъ, похоть, высокомѣріе и всѣ страсти, чтобы, по отшествіи нашемъ туда, не оказалось, что мы отказались отъ власти, какую получили отъ Бога. За это удостоимся наслѣдовать и будущія блага. Если же въ этомъ окажемся худыми, то кто довѣритъ намъ большее? Если того, кто оскорбилъ (Бога), кто самъ обезчещенъ, презрѣнъ, поверженъ къ ногамъ, мы не сможемъ попрать, то какъ Отецъ дастъ намъ свое достояніе? Если не побѣдимъ столько униженнаго, то какъ будемъ имѣть дерзновеніе войти въ домъ отчій? Скажи мнѣ: если бы ты имѣлъ какого-нибудь сына, и онъ, оставивши честныхъ слугъ своихъ, вошелъ въ сношеніе съ тѣми, которые за оскорбленіе тебя изгнаны изъ дома и дѣлаютъ противъ тебя разныя ухищренія, и если бы онъ до конца упорствовалъ въ такомъ поведеніи,—не былъ ли бы онъ лишенъ за это наслѣдства? Очевидно, что такъ. Подобно тому и мы, если, оставивши послушныхъ (Богу) ангеловъ, которые начальствуютъ надъ нами, станемъ жить согласно съ желаніями діавола, то совершенно будемъ лишены наслѣдства. Но да не постигнетъ это никого изъ насъ; лучше же, рѣшившись воевать противъ него и побѣдивши его, при помощи Божіей, да содѣлаемся наслѣдниками царства небеснаго. Имѣетъ 163
ли кто недруга, терпитъ ли кто обиду, питаетъ ли кто злобу, пусть онъ соберетъ и изольетъ всю эту ярость и гнѣвъ на главу діавола. Въ этомъ случаѣ гнѣвъ будетъ дѣломъ добрымъ, негодованіе—полезно, злопамятство—похвально. Какъ въ сношеніяхъ съ посторонними злопамятство составляетъ зло, такъ здѣсь оно есть благо. Итакъ, если у тебя есть недостатки,—исправь ихъ здѣсь; если же не можешь самъ этого сдѣлать, то дѣлай съ сочленами твоими. Тебя ударилъ кто-нибудь,—имѣй зло противъ діавола и никогда не прекращай вражды съ нимъ. Если и не ударилъ,—и въ такомъ случаѣ злобствуй противъ діавола за то, что онъ возсталъ противъ твоего Владыки, оскорбилъ Его, а также за то, что вредитъ братіямъ твоимъ и воюетъ на нихъ. Всегда будь врагомъ, всегда гнѣвнымъ, всегда непримиримымъ съ нимъ. Отъ этого онъ сдѣлается смиреннымъ, неопаснымъ, та- 164
кимъ, что его можно будетъ одолѣть. Если мы сильно разъяримся противъ него, онъ не будетъ намъ страшенъ. А когда станемъ благосклонны, тогда онъ сдѣлается жестокимъ,—не такъ (мы должны *обращаться съ нимъ*), какъ съ нашими братьями. Онъ *врагъ и гонитель* жизни и спасенія нашего и своего собственнаго. *Если онъ* не любитъ самого себя, то какъ можетъ любить

насъ? Итакъ, ополчимся и повергнемъ его, имѣя союзникомъ великаго Господа Іисуса Христа, Который возможетъ содѣлать и насъ неуловимыми для его сѣтей и удостоить вѣчныхъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ, и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XXIII.

163 Станите убо препоясани чресла ваша истиною (Ефес. vi, 14).

1. Устроивъ такое войско, пробудивъ въ немъ воинственный духъ (а нужно было и то и другое, то есть—не только воины, но и воинственный духъ въ нихъ) и ободривъ его (а это также было нужно), наконецъ (Павелъ) и вооружаетъ это войско. Вѣдь никакой пользы не будетъ отъ оружія, если прежде не будутъ собраны воины и въ душахъ ихъ не будетъ возбуждено мужество. Сначала надлежитъ вооружить ихъ извнутри, а потомъ уже извнѣ. Если такъ бываетъ въ отношеніи къ воинамъ, сражающимся противъ внѣшнихъ враговъ, то тѣмъ болѣе такъ должно быть въ отношеніи къ воинамъ духовнымъ, которымъ свойственно вооружаться не съ внѣшней стороны, но всецѣло съ внутренней. И (апостолъ) пробудилъ и воспламенилъ храбрость, придалъ смѣлости, поставилъ ихъ въ добромъ порядкѣ,—и затѣмъ вооружаетъ ихъ. Но смотри, какъ облекаетъ ихъ въ самое оружіе. *Станите убо*, говоритъ онъ. Первое дѣло строевыхъ—умѣть хорошо стоять: отъ этого зависитъ многое. Потому (и апостолъ) нерѣдко бесѣдуетъ о томъ, что должно стоять. Такъ, и въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *стойте, бодрствуйте* (1 Кор. xvi, 13); и опять: *тако стойте о Господѣ* (Филип. iv, 1); или еще: *мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. x, 12); а также: *да возможете вся содѣявше стати*. И замѣть: не о простомъ какомъ-нибудь стояніи онъ говоритъ, но о стояніи стройномъ. Опытные въ воинскихъ дѣлахъ понимаютъ, что значитъ умѣнье стоять. Если кулачникамъ и борцамъ учитель прежде всего другого преподаетъ искусство стоять, то гораздо болѣе нужно это въ сраженіяхъ, вообще въ воинскихъ дѣлахъ. Кто прямо стоитъ, тотъ стоитъ, не развлекаясь и ни къ чему не наклоняясь. Въ стояніи видна строгая прямота. Итакъ, дѣйствительно прямые стоятъ. А кто не стоитъ, тѣ не сохраняютъ прямого положенія, развлекаются и предаются разсѣянности. Тотъ, кто ищетъ удо-

вольствій, находится не въ прямомъ, а въ наклонномъ положеніи, равнымъ образомъ и человѣкъ сладострастный, и сребролюбецъ. Умѣющему стоять самое стояніе можетъ служить какъ бы нѣкоторой опорой, и все, касающееся борьбы, ему представится легкимъ. *Станите убо*, говоритъ, *препоясани чресла ваша истиною*. Не о чувственномъ препоясаніи говоритъ (апостолъ); въ этомъ мѣстѣ онъ выражается иносказательно. И замѣть, какъ онъ поступаетъ: сначала облекаетъ воина поясомъ. Что это значитъ? 164
Человѣка разсѣяннаго и преданнаго пожеланіямъ, у котораго помыслы устремлены долу, онъ обуздываетъ посредствомъ опоясанія, не допуская его такимъ образомъ терпѣть препятствіе отъ одеждъ, покрывающихъ его голени, и давая ногамъ его полную свободу бѣжать. *Станите убо*, говоритъ, *препоясани чресла ваша*. Говоритъ здѣсь о чреслахъ, потому что какъ для кораблей киль, такъ для насъ чресла: они—опора всего тѣла. По словамъ врачей, они составляютъ основаніе, и на этомъ-то основаніи строится все (тѣло). Когда же онъ опоясываетъ чресла, то тѣмъ самымъ укрѣпляетъ нашу душу,—потому что онъ разумѣетъ не тѣлесныя чресла, но чресла въ смыслѣ духовномъ. И какъ (тѣлесныя) чресла служатъ основаніемъ для нижнихъ и верхнихъ частей тѣла, такъ точно и духовныя чресла. Часто больные, опуская на нихъ, какъ на какую подпору, свои руки, тѣмъ самымъ подкрѣпляютъ себя. Равно и поясъ для того и употребляется на войнѣ, чтобы сберечь и охранить наше основаніе. Чтобы намъ было удобнѣе бѣжать, мы опоясываемъ себя: это обезпечиваетъ нашу силу. Пусть то же, говоритъ (апостолъ), наблюдается и въ отношеніи къ душѣ, и тогда во всѣхъ дѣлахъ своихъ мы будемъ имѣть болѣе силы. Особенно это прилично воинамъ. Да, скажутъ, но тѣлесныя чресла мы опоясываемъ кожанымъ поясомъ; а здѣсь чѣмъ опояшемся? Главою нашихъ помысловъ, то есть, истиною. *Препоясани*, говоритъ, *чресла ваша истиною*. Итакъ, оставимъ всякую ложь, будемъ поступать во всемъ по истинѣ, не будемъ обманывать другъ друга. Славы ли станемъ искать,—славы истинной, жизни ли желать,—жизни истинной. Если мы оградимъ себя этимъ, если опояшемся истиною, то никто насъ не одолѣетъ. Кто ищетъ истины, тотъ не пристращается къ землѣ, потому что все неистинное—отъ земли. Это видно изъ того, что всѣ внѣшніе (язычники) служатъ страстямъ, слѣдуя собственнымъ мудрованіямъ. А потому, если мы будемъ трезвиться, то не будемъ нуждаться въ ученіи, заключающемся въ сочиненіяхъ эллиновъ. Видишь ли, какъ они были слабы и безсильны, какъ не могли принять ни одного здраваго и превышаю- 165
щаго умъ человѣческій понятія о Богѣ? Они не были препоя-

саны истиною. Потому-то и ослабли ихъ чресла—этотъ пріемникъ родотворныхъ сѣмянъ, это укрѣпленіе помысловъ. Нѣтъ ничего безсильнѣе ихъ.

2. Не видишь ли, съ другой стороны, какъ манихеи дерзко говорятъ обо всемъ по своимъ собственнымъ мудрованіямъ? Невозможно было, говорятъ они, чтобы Богъ безъ матеріи сотворилъ міръ. Откуда это видно? Такъ говорятъ они, пресмыкаясь долу,—отъ земли заимствуя это и отъ того, что намъ (людямъ) свойственно. Вѣдь человѣкъ, говорятъ они, не можетъ иначе дѣлать. Затѣмъ послушай, что еще говоритъ Маркіонъ: Богъ, воспріявши плоть, не могъ остаться чистымъ. Изъ чего это видно? Изъ того, что не бываетъ этого у людей. Валентинъ, въ свою очередь, имѣя обращенные къ землѣ помыслы, тоже разсуждаетъ по земному; подобнымъ же образомъ учатъ и Павелъ самосатскій и Арій. Что, напримѣръ, говоритъ (послѣдній)? Раждающійся Богъ не могъ родиться безстрастно. Почему ты осмѣлился сказать это, Арій? Потому, что (о Богѣ сталъ разсуждать) по-человѣчески. Итакъ, замѣчаешь, что у всѣхъ помыслы обращены долу, что у всѣхъ они ослаблены и дышатъ землей? Таковы (еретики) въ отношеніи къ ученію вѣры. Что же касается дѣятельности, то они любодѣи, сребролюбцы, они привязаны къ землѣ—къ славѣ и всему прочему. У нихъ нѣтъ крѣпкихъ чреслъ,—такихъ, чтобы, въ случаѣ болѣзни, можно было въ нихъ найти опору. Когда же они сдѣлаются больными, они не кладутъ на нихъ рукъ своихъ, и не стоятъ прямо, а ослабѣваютъ. Напротивъ, препоясанный истиною, во-первыхъ, никогда не почувствуетъ изнеможенія; во-вторыхъ, хотя бы онъ и утомился, все же получитъ подкрѣпленіе въ той же истинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, заставитъ ли страдать его бѣдность? Нисколько. Мысль объ истинномъ богатствѣ успокоитъ его, а бѣдность напомнитъ ему объ истинной нищетѣ (духовной). Не покажется ли ему тяжкимъ рабство? Ни мало, потому что онъ знаетъ истинное рабство. Быть можетъ, болѣзнь? И она—нѣтъ. *Да будутъ чресла ваша*, говоритъ Христосъ, *препоясана и свѣтильницы горящіи* (Лук. xii, 36), чтобы имѣть вамъ свѣтъ неугасимый. Это заповѣдано было дѣлать и при исходѣ изъ Египта,—препоясанные ѣли тогда пасху. Для чего, спрашиваютъ, такъ было? Хотите знать основаніе этому изъ исторіи, или изъ соображеній? Я скажу и то и другое, а вы запомните. Я не просто дѣлаю это, чтобы только отвѣтить на вопросъ, но имѣя въ виду, чтобы слова наши обратились у васъ въ дѣло. Были, повѣствуется, препоясаны, имѣя жезлы въ рукахъ своихъ и сапоги на ногахъ, и такъ ѣли пасху (Исх. xii, 11). Страшное и ужасное таинство, и къ тому же заключающее въ себѣ много глубины.

Если же въ прообразѣ таинство такъ страшно, то тѣмъ болѣе въ самой истинѣ. Выходятъ изъ Египта и ѣдятъ пасху. Внимай: это образъ странниковъ. Имѣть сапоги на ногахъ и жезлы въ рукахъ и ѣсть стоя—не что другое значитъ, какъ именно это. Что вы хотите прежде выслушать—исторію или соображенія? Лучше исторію. Итакъ, что говоритъ исторія? Іудеи были неблагодарны и постоянно забывали благодѣянія Божіи. Потому, желая хоть насильно приводить имъ на память (благодѣянія), (Богъ) узаконяетъ такой способъ вкушенія пасхи. Для чего? Для того, чтобы каждый годъ, по необходимости, соблюдая это узаконеніе, также необходимо воспоминали изведшаго ихъ Бога. Не однимъ 166
временемъ (пасхи) Богъ хотѣлъ напоминать имъ свои благодѣянія, но и самымъ образомъ вкушенія ея. Для того и ѣдятъ они опоясанные и обутые, чтобы, когда спросятъ ихъ объ этомъ, отвѣчали, что мы готовы были къ путешествію и намѣревались выйти изъ Египта въ землю обѣтованную. Таково значеніе образа согласно исторіи; но вотъ истина: и мы также вкушаемъ пасху, т. е. Христа, *пасха бо наша*, какъ сказано, *пожрена бысть Христосъ* (1 Кор. v, 7). Стало быть, и мы вкушаемъ пасху, которая гораздо превосходнѣе пасхи законной. Поэтому и мы должны вкушать ее также обутые и препоясанные. Для чего? Для того, чтобы и намъ быть готовыми къ путешествію, къ исходу отсюда. Никто изъ вкушающихъ эту пасху не долженъ помышлять о Египтѣ, напротивъ долженъ стремиться къ небу, къ вышнему Іерусалиму. Для того ты и вкушаешь опоясанный и обутый, чтобы ты помнилъ, что, начиная вкушать пасху, ты обязываешься идти въ дорогу, путешествовать. Это обозначаетъ двѣ обязанности: во-первыхъ, обязанность—оставить Египетъ и (на землѣ) жить такъ, какъ бы это была для насъ чуждая страна, потому что сказано: *наше житіе на небесѣхъ есть* (Филип. III, 20); во-вторыхъ, обязанность—всегда, во всю жизнь быть готовыми къ тому, чтобы, когда станутъ звать насъ, немедленно сказать: *готово сердце* наше (Пс. CVII, 2). Впрочемъ такъ могъ говорить Павелъ, котораго совѣсть ничѣмъ не была запятнана. Что же касается до меня, то я не могу сказать такъ, потому что мнѣ много нужно времени для покаянія. А что быть препоясаннымъ значитъ—имѣть бодрствующую душу, объ этомъ послушай, какъ говоритъ Богъ одному праведнику: *ни, но препояши, яко мужъ, чресла твои: вопрошу же тя, ты же ми отвѣщай* (Іов. XXXVIII, 3). То же говоритъ Онъ ко всѣмъ святымъ, то же и къ Моисею. Даже самъ является препоясаннымъ у Іезекіиля. Ангелы также являются намъ опоясанными, какъ бы они были настоящіе воины. Чтобы стоять мужественно, для этого нужно опоясаться. Но съ другой стороны,

опоясать себя можно не иначе, какъ стоя. Препояшемъ же и мы себя. И намъ также предстоитъ выйти, и много потомъ придется намъ испытать трудностей. Когда мы проходимъ чрезъ эту область, тотчасъ является діаволъ, начинаетъ хитрить, употреблять всѣ мѣры къ тому, чтобы людей, которые избавились отъ Египта, перешли Чермное море, освободились отъ демоновъ и неисчислимыхъ бѣдъ,—взять и погубить. Но, если будемъ бодрствовать, то и у насъ будетъ столпъ огненный,—благодать Духа, который освѣщаетъ насъ и осѣняетъ,—будетъ манна, или лучше сказать, не манна, а то, что превосходнѣе манны,—будетъ духовное питіе, а не вода истекающая изъ камня, будетъ и станъ для насъ живущихъ и теперь въ пустынѣ. Да! Земля, въ настоящее время—совершенная пустыня, по недостатку добродѣтели; даже болѣе пустыня, чѣмъ та. По какой причинѣ бѣгали той пустыни? Не по той ли, что она имѣла и до сихъ поръ имѣетъ скорпіоновъ? По ней, говорятъ, не проходилъ человѣкъ. При всемъ томъ пустыня та все же не такъ была безплодна, какъ человѣческая природа.

3. Нынѣ въ этой пустынѣ сколько скорпіоновъ, сколько змѣй, сколько порожденій ехидниныхъ,—о чемъ мы уже говорили! Впрочемъ это не должно устрашать насъ. Нашимъ исходомъ (изъ Египта) предводительствуетъ не Моисей, а Іисусъ. Но опять подъ какимъ условіемъ мы этого избѣгнемъ? Подъ тѣмъ, чтобъ мы не дѣлали того же,—тогда и не подвергнемся той же участи. Тѣ роптали, были неблагодарны. Поэтому намъ этого доз-
167 волять себѣ не слѣдуетъ. За что тѣ всѣ пали? За то, что вознерадѣли о землѣ, которой такъ сильно желали. Отчего вознерадѣли? Вѣдь они предъ ней благоговѣли? Оттого, что вышли изнѣженными и не хотѣли ради нея переносить неудобствъ (странствованія). Поэтому не будемъ пренебрегать небомъ: это и есть пренебреженіе. Съ неба намъ принесенъ плодъ—не такой плодъ, какъ виноградная кисть, которую носятъ въ корзинахъ, но—обрученіе Духа, правило небесной жизни, которому учили Павелъ и весь ликъ апостольскій, эти чудные земледѣльцы. Не Халевъ, сынъ Іефоніи, и не Іисусъ, сынъ Навина, принесъ эти плоды; но Іисусъ, Сынъ Отца щедротъ, Сынъ истиннаго Бога, принесъ съ Собой всякое благополучіе и ниспослалъ намъ свыше всѣ плоды,—разумѣю небесныя пѣсни. То самое, что херувимы вѣщаютъ горѣ,—и намъ заповѣдано говорить: *святъ, святъ, святъ*. Онъ принесъ намъ житіе ангельское. Ангелы ни женятся, ни посягаютъ: то же благо насаждено и здѣсь. Ангелы не любятъ денегъ и ничего подобнаго: и это посѣяно у насъ. Ангелы не умираютъ: и это намъ даровано; смерть нынѣ перестала быть

смертью, но сдѣлалась сномъ. Послушай, что говоритъ (Господь): *Лазарь другъ нашъ успе* (Іоан. XI, 11). Видишь ли плоды горняго Іерусалима? И что особенно удивительно—даровалъ намъ (Господь) все это до обѣтованія, прежде окончанія войны. Израильтянамъ, по вступленіи въ обѣтованную землю, предстояли воинскіе труды, хотя, впрочемъ, они могли бы и не трудиться; имъ стоило только повиноваться Богу,—и они безъ оружія и полковъ взяли бы всѣ города: наприм., Іерихонъ они завоевали, имѣя видъ болѣе праздничный, нежели воинскій. А когда мы вступимъ въ землю обѣтованія, т. е. на небо, то намъ не нужно будетъ вести войны. Она продолжается только до тѣхъ поръ, пока находимся въ пустынѣ, т. е., въ настоящей жизни. *Вшедый бо въ покой его, почи отъ дѣлъ своихъ, якоже отъ своихъ Богъ* (Евр. IV, 10). *Доброе же творяще, да не стужаемъ си* (Гал. VI, 9). И мы пожнемъ въ свое время, если не ослабнемъ. Видишь ли, что какимъ путемъ велъ 168
Господь ихъ (израильтянъ), тѣмъ же ведетъ и насъ? О маннѣ въ пустынѣ сказано: *иже многое не преумножилъ есть: и иже малое не умалилъ* (Исх. XVI, 18). А намъ заповѣдано—не собирать сокровищъ на земли.

Если же собираемъ, то уже не чувственный червь будетъ истреблять ихъ, какъ это было съ манною, а совѣчный огню. Итакъ, употребимъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не приготовить пищи червямъ. *Иже многое не преумножилъ есть*, сказано. Это явленіе можетъ повторяться и между нами каждый день. Всѣ мы, конечно, обязаны наблюдать одну, опредѣленную мѣру, при насыщеніи желудка, а излишнее будетъ только прибавленіемъ безумныхъ хлопотъ. Это именно (и Господь) хотѣлъ внушить словами: *довлѣетъ дневи злоба его* (Мѳ. VI, 34). Тому же училъ Онъ выше. И однакожъ Его правило не усвоено (людьми). Но мы не будемъ ненасытны, неблагодарны, не станемъ сооружать великолѣпныхъ домовъ. У насъ нѣтъ здѣсь постояннаго жилища, мы находимся въ пути. И кто помнитъ, что настоящая жизнь есть какъ бы странствованіе и воинская служба, что это—какъ нѣкоторые выражаются—яма, тотъ не станетъ наживать себѣ великолѣпныхъ палатъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, кто, скажи мнѣ, рѣшится строить блестящіе дома въ ямѣ, хотя бы онъ былъ страшный богачъ? Никто. Это было бы смѣшно, значило бы строить для враговъ и тѣмъ больше привлекать ихъ къ себѣ. Если у насъ есть разсудокъ, то и намъ нужно поступать такимъ образомъ. Настоящая жизнь ничѣмъ не отлична отъ воинской службы и похожа на яму. Итакъ, умоляю васъ, употребимъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не собирать здѣсь сокровищъ. Тогда, если воръ придетъ, намъ легче будетъ уйти. *Бдите*, говоритъ (Гос-

подь), *яко не вѣсте, въ кій часъ* тать *пріидетъ* (Мѳ. XXIV, 42),—татемъ Онъ называетъ смерть. Поэтому лучше до ея прихода отправить намъ всѣ (свои пожитки) въ наше отечество. Здѣсь же будемъ ходить хорошо препоясанные, чтобъ одолѣть враговъ и за это сподобиться въ тотъ день вѣнцовъ нетлѣнной славы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Св. Духомъ (слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XXIV.

167 **Станите убо препоясани чресла ваша истиною, и оболкшеся въ броня правды, и обувше нозѣ во уготованіе благовѣствованія мира, надъ всѣми воспріимше щитъ вѣры, въ немже возможете вся стрѣлы лукаваго разженныя угасити, и шлемъ спасенія воспріимите, и мечь духовный, иже есть глаголъ Божій (Ефес. VI, 14—17).**

1. *Препоясани,* говоритъ (Павелъ), *чресла ваша истиною.* Какое значеніе этихъ словъ, объ этомъ сказано въ предыдущей бесѣдѣ. Именно: мы должны сдѣлаться столь легкими, чтобы ничто не мѣшало нашему странствованію. *Оболкшеся въ броня правды.* Какъ броня хранитъ отъ пораненій, такъ и правда (спасаетъ насъ). Правдою же называетъ здѣсь всю вообще добродѣтельпую жизнь. Конечно, многіе наносятъ ей раны; но поразить и низвергнуть ее никто и никогда не можетъ, даже самъ діаволъ. Какъ бы такъ было сказано: внѣдривши въ свою грудь
168 праведныя дѣла. О такихъ людяхъ и Христосъ говоритъ: *блажени алчущіи и жаждущіи правды, яко тіи насытятся* (Мѳ. V, 6). Кто оградилъ свое сердце правдою, тотъ такъ же крѣпокъ, какъ и броня; такой человѣкъ никогда не увлечется гнѣвомъ. *И обувше нозѣ во уготованіе благовѣствованія мира.* Выраженіе, не совсѣмъ понятное. Что оно значитъ? Приготовленіемъ благовѣствованія онъ обуваетъ насъ какъ бы въ прекрасныя сандаліи. Разумѣетъ же здѣсь или готовность къ благовѣстію, такъ что этому дѣлу должны служить ноги, равно какъ предустроеніе и огражденіе евангельскаго пути, или, если это объясненіе невѣрно, то онъ хочетъ сказать, чтобы они (ефесяне) готовились къ исходу. Какъ бы то ни было, но подъ *уготованіемъ благовѣствованія* разумѣется не что иное, какъ самый лучшій образъ жизни. Объ этомъ еще пророкъ сказалъ: *уготованію сердца ихъ вняти ухо твое* (Пс. IX, 38), то есть, сердца, которое было хорошо

настроено. *Благовѣствованія мира*, сказано. И правильно. Выше онъ упомянулъ о войнѣ и сраженіяхъ, а теперь указываетъ на то, съ кѣмъ должно вести сраженія, именно—съ демонами. Поэтому-то благовѣствованіе и дѣлается благовѣствованіемъ мира. Война съ діаволомъ прекращаетъ другую войну—противъ Бога. Враждуемъ съ діаволомъ: это значитъ—находимся въ мирѣ съ 169
Богомъ. Потому, возлюбленный, не опасайся (этой войны); благовѣствованіе мира уже показываетъ побѣду. *Надъ всѣми воспріимше щитъ вѣры*. Говоритъ здѣсь о вѣрѣ, а не о знаніи. Да еслибъ и не упомянулъ о вѣрѣ, все-таки не преминулъ бы сказать о благодати, силою которой совершаются знаменія. И справедливо называетъ вѣру щитомъ. Подобно тому, какъ щитъ заслоняетъ собой все тѣло, дѣлаясь какъ бы стѣною,—такъ точно и вѣра, потому что все ей уступаетъ. *Въ немже возможете вся стрѣлы лукаваго разженныя угасити*. Ничто не въ силахъ разсѣчь этого щита. Послушай, что говоритъ Христосъ своимъ ученикамъ: *аще имате вѣру яко зерно горушно, речете горѣ сей: прейди отсюда тамо, и прейдетъ* (Мѳ. XVII, 20). Но какимъ образомъ мы можемъ пріобрѣсть такую вѣру? Если будемъ выполнять это (угашать разженныя стрѣлы лукаваго). Стрѣлами же лукаваго онъ называетъ какъ искушенія, такъ и непристойныя пожеланія. Кстати прибавилъ онъ еще: *разженныя*. Таково именно свойство страстей; но если вѣра повелѣваетъ и демонами, то тѣмъ легче ей управиться съ душевными страстями. *И шлемъ спасенія воспріимите*. То есть: вашего спасенія. Предохраняетъ ихъ, какъ бы ведя на войну. *И мечь духовный, иже есть глаголъ Божій*. Или онъ говоритъ здѣсь о Духѣ, или же разумѣетъ мечъ, понимаемый въ духовномъ смыслѣ,—мечъ, которымъ, дѣйствительно, все посѣкается, все раздробляется,—которымъ можемъ отсѣчь даже голову дракона. *Всякою молитвою и моленіемъ молящеся на всяко время духомъ, и въ сіе истое бдяще во всякомъ терпѣніи и молитвѣ о всѣхъ святыхъ, и о мнѣ, да дастся ми слово во отверзеніе устъ моихъ, съ дерзновеніемъ сказати тайну благовѣствованія, о немже посольствую во узахъ, да въ немъ дерзаю, якоже подобаетъ ми глаголати* (ст. 18—20). Имѣющій духовное дарованіе, то есть, глаголъ Божій, также силенъ, какъ самый этотъ глаголъ, о которомъ сказано: *живо слово Божіе и дѣйственно, и острѣйше паче всякаго меча обоюду остра* (Евр. IV, 12). Но замѣть мудрость блаженнаго (Павла). Онъ вооружалъ ихъ (ефесянъ) со всякою предосторожностію; въ заключеніе же всего, научаетъ, какъ нужно обращаться къ Царю и просить, чтобы Онъ простеръ имъ руку (помощи),—говоря: *всякою молитвою и моленіемъ молящеся на всяко время духомъ*. Можно молиться и не духомъ, напр., когда кто мо-

лится о суетномъ. *И въ сіе истое бдяще.* Иначе: трезвясь. Именно такимъ, то есть, неусыпнымъ и трезвеннымъ должно быть тому, кто вооруженъ и стоитъ при Царѣ. *Во всякомъ терпѣніи и молитвѣ о всѣхъ святыхъ, и о мнѣ, да дастся ми слово во отверзеніе устъ моихъ.* Что говоришь ты, блаженный Павелъ? Ужели ты имѣешь нужду въ ученикахъ? И хорошо сказано: *во отверзеніе устъ моихъ.* Безъ всякаго сомнѣнія, онъ не учился долго тому, что ему говорить; но какъ сказалъ Христосъ: *егда предаютъ вы, не пецытеся, како или что возглаголете: дастбося вамъ въ той часъ, что возглаголете* (Мѳ. x, 18),—такъ онъ и совершалъ все, по вѣрѣ и при содѣйствіи благодати. *Съ дерзновеніемъ сказати тайну благовѣствованія,* то есть, чтобы, какъ слѣдуетъ, защитить мнѣ ее. Ты окованъ узами: не потому ли и нуждаешься въ другихъ? Да,
170 отвѣчаетъ онъ. Но и когда Петръ заключенъ былъ въ оковы, о немъ также была и при томъ непрестанная молитва. *О немже посольствую во узахъ. да въ немъ дерзаю, якоже подобаетъ ми глаголати* (ст. 20). Другими словами: чтобы я могъ отвѣчать смѣло, мужественно и съ большимъ благоразуміемъ. *Да увѣсте же и вы, яже о мнѣ, что дѣлаю, вся скажетъ вамъ Тихикъ, возлюбленный братъ и вѣренъ служитель о Господѣ* (ст. 21).

2. (Апостолъ самъ только) упомянулъ о томъ, что онъ—въ узахъ; въ подробности же разсказать о своемъ положеніи поручаетъ Тихику. Онъ изъяснилъ въ своемъ посланіи все, что относится къ догматамъ и утѣшенію, что же касается собственно извѣстій—это предоставилъ тому, кто доставитъ посланіе. Потому и прибавилъ: *да увѣсте*, т. е., чтобъ освѣдомились вы, *яже о мнѣ.* А чрезъ это и показалъ къ нимъ свою любовь и далъ случай обнаружиться ихъ любви къ нему. *Егоже послахъ къ вамъ на сіе истое, да увѣсте, яже о насъ, и да утѣшитъ сердца ваша* (ст. 22). И это не просто говоритъ, но сказавши напередъ: *оболкшеся*, и: *препоясани*,—что именно служитъ знакомъ всегдашней и непрерывной готовности къ выходу (на бой). Послушай, что говоритъ пророкъ: *да будетъ ему яко риза, въ нюже облачится, и яко поясъ, имже выну опоясуется* (Псал. CVIII, 19). Пророкъ говоритъ, что самъ Богъ облекался въ броню правды, и тѣмъ даетъ понять, что намъ уже не на короткое время, а навсегда должно облечь себя въ нее, такъ какъ и потребность войны у насъ всегдашняя. И другой въ иномъ мѣстѣ говоритъ: *праведный, яко левъ, уповая* (Притч. XXVIII, 1). Кто облеченъ въ такую броню, тому нечего бояться вражескихъ полчищъ. Напротивъ, онъ смѣло можетъ идти въ самую средину непріятелей. А Исаія говоритъ: *красны ноги благовѣствующихъ миръ* (Иса. LII, 7). Кто же послѣ этого не рѣшится, кто не поспѣшитъ послужить такому дѣлу, каково благо-

вѣстіе мира, при томъ мира Божія съ людьми,—мира, который дарованъ намъ безъ всякихъ усилій со стороны человѣка, а по милости содѣявшаго Бога? Чтобы понять, какое значеніе имѣютъ слова: *уготованіе благовѣствованія*, послушаемъ еще словъ Іоанна: *уготовайте путь Господень, правы творите стези его* (Мѳ. ш, 3). Правда, онъ говорилъ это (приготовляя людей) къ крещенію; но вѣдь и послѣ крещенія требуется другое приготовленіе. На послѣднее указываетъ (Павелъ), когда говоритъ: *во уготованіе благовѣствованія мира*, и тѣмъ внушаетъ, что намъ вовсе не слѣдуетъ дѣлать ничего такого, что не согласно съ условіями мира. Такъ какъ именемъ ногъ нерѣдко обозначается образъ жизни, то (Павелъ), часто говоря о жизни и дѣлая увѣщаніе, употребляетъ выраженія, въ родѣ слѣдующаго: *блюдите, како опасно ходите* (Ефес. v, 15). Итакъ, будемъ вести себя достойно Евангелія, будемъ поступать такъ, чтобы жизнь и дѣла наши были чисты въ теченіе всего нашего земного поприща. Въ Евангеліи возвѣщенъ миръ: идите же путемъ, устроеннымъ по этому благовѣстію. Если же вы опять сдѣлаетесь врагами, въ такомъ случаѣ не будетъ *уготованіе мира*. Будьте же готовы и не отступайте отъ мира. И какую готовность вы показали относительно мира и вѣры, съ такою же и пребывайте въ нихъ. Вѣра есть щитъ, а щитъ первый принимаетъ вражескіе удары, и сохраняетъ въ цѣлости оружіе. Значитъ, если будетъ вѣра правая и жизнь добродѣтельная, то оружіе останется неприкосновеннымъ. О вѣрѣ, равно какъ и о надеждѣ, много разсуждаетъ (Павелъ) и въ другихъ мѣстахъ, особенно въ посланіи къ Евреямъ. Вѣруйте, говоритъ онъ тамъ, въ грядущія блага, и ни одного изъ благъ настоящей жизни вы не потеряете. И дѣйствительно: руководись въ несчастіяхъ и трудныхъ обстоятельствахъ вѣрою и надеждою, и ты удержишь 171
за собой (означенныя блага) цѣлыми, неприкосновенными. *Вѣровати подобаетъ приходящему къ Богу, яко есть, и взыскающимъ Его мздовоздаятель бываетъ*. Вѣра есть щитъ, покрывающій тѣхъ, которые вѣруютъ не испытывая. Когда же кто станетъ вдаваться въ мудрованія, начнетъ обо всемъ умствовать и судить по своему, для такого вѣра не составляетъ собой щита. Напротивъ, тогда мы объ нее только претыкаемся. Вѣра все укрываетъ и осѣняетъ: таково должно быть ея свойство. А потому нельзя ее укоротить; въ противномъ случаѣ ноги или другая какая-нибудь часть тѣла останутся открытыми. Нѣтъ; щитъ долженъ быть соразмѣрной величины. *Разженныя*. Много помысловъ, волнующихъ душу, много сомнѣній и неразрѣшимыхъ вопросовъ; но истинная вѣра на все даетъ успокоительный отвѣтъ. Много внушеній, которыми діаволъ, воспламеняя нашу душу, повергаетъ ее въ разнаго рода недоумѣ-

нія. Напримѣръ, нѣкоторые говорятъ: есть ли воскресеніе? Есть ли судъ? Есть ли воздаяніе? Имѣй только щитъ вѣры, и ты угасишь имъ стрѣлы діавола. Возникло ли въ тебѣ какое-нибудь неистовое желаніе, запылали ль внутри тебя огнемъ лукавые помыслы, покажи ему вѣру въ грядущія блага, и онъ болѣе не явится, мало того—погибнетъ. *Вся стрѣлы*, а не такъ, чтобы однѣ—угасить, а другія—нѣтъ. Послушай, что говоритъ Павелъ: *непщую бо, яко недостойны страсти нынѣшняго времене къ хотящей славѣ явитися въ насъ* (Рим. VIII, 18).

Видишь ли, сколько стрѣлъ угасили нѣкогда праведники? Или ты думаешь, что это не разженная стрѣла, когда патріархъ, сгорая внутреннимъ огнемъ, приноситъ въ жертву сына? И другіе праведники тоже могли угасить вся стрѣлы (лукаваго). Воюютъ ли въ насъ помыслы,—двинемъ впередъ вѣру. Обуреваютъ ли насъ неистовыя пожеланія,—призовемъ на помощь вѣру; находимся ли мы въ трудныхъ обстоятельствахъ и несчастіи,—будемъ искать утѣшенія въ вѣрѣ. Вѣра есть то, чѣмъ оберегается всякое оружіе; если ея нѣтъ, то и оружіе тотчасъ сокрушится. *Надъ всѣми*, сказано, *воспріимше щитъ вѣры*. Что значитъ—*надъ всѣми?* И надъ истиною, и надъ правдою, и надъ *уготованіемъ благовѣствованія*. Иначе сказать, все это нуждается въ вѣрѣ. Поэтому онъ прибавилъ: *и шлемъ спасенія воспріимите*, т. е., вы не иначе можете достигнуть окончательной безопасности и избѣжать всякой бѣды, какъ посредствомъ вѣры. Какъ шлемъ охраняетъ голову отъ всякой опасности, потому что укрываетъ ее тщательно со всѣхъ сторонъ, такъ и вѣра, кромѣ того, что служитъ вмѣсто щита, замѣняетъ еще собой шлемъ спасенія. А когда стрѣлы (лукаваго) будутъ угашены, то сейчасъ же мы получимъ помыслы, которые станутъ охранять владычествующее въ насъ начало (умъ) и не допустятъ, чтобъ оно пострадало въ чемъ-либо. Въ самомъ дѣлѣ, когда угасаютъ противные помыслы, то въ замѣнъ ихъ возникаютъ въ насъ другіе, которые, не такъ, какъ тѣ, охраняютъ насъ и внушаютъ надежду. И какъ шлемъ голову, такъ они будутъ укрывать владычествующее въ насъ начало.

3. И не это только (щитъ и шлемъ) намъ нужно взять, но также и мечъ Духа, чтобы не только обезопасить себя отъ (стрѣлъ) бросаемыхъ въ насъ діаволомъ, но поразить и его самого. Дѣйствительно, владѣя этимъ мечемъ, душа, будучи при этомъ еще ограждена отъ разженныхъ стрѣлъ, можетъ съ полной смѣлостью стать противъ врага; она въ силахъ будетъ этимъ мечемъ сокрушить броню непріятеля, убить дракона и отсѣчь ему голову. И самъ Павелъ тѣмъ же (мечемъ) разрушилъ и плѣнилъ умыслы діавола.
172 *Иже есть глаголъ Божій*. Глаголомъ Божіимъ онъ называетъ здѣсь

заповѣдь или ученіе, которое завѣщалъ Іисусъ Христосъ апостоламъ и которое они повсюду проповѣдывали, совершая во имя Его чудеса. Будемъ же и мы наблюдать одно—какъ бы сохранить во всемъ заповѣди Божіи. Исполненіе ихъ поведетъ насъ къ тому, что такимъ образомъ мы низложимъ и умертвимъ дракона—этого хитраго змія. И замѣть при этомъ благоразуміе Павла. Выше онъ сказалъ: *возможете стрѣлы лукаваго разженныя угасити;* теперь же, чтобы не сдѣлать ихъ надменными, указываетъ на то, что въ этомъ дѣлѣ они болѣе всего имѣютъ нужду въ помощи Божіей. Что именно онъ говоритъ? *Всякою молитвою и моленіемъ.* Какъ бы такъ сказалъ: вы этого достигнете, и все можете совершить, если станете молиться; а того никогда не будетъ, чтобы ты, во время молитвы, имѣя въ виду одного себя, такимъ образомъ привлекъ къ себѣ милость Божію. *Всякою,* говоритъ, *молитвою и моленіемъ молящеся на всяко время духомъ, и въ сіе истое бдяще во всякомъ терпѣніи и молитвѣ о всѣхъ святыхъ.* Не ограничивайся однимъ извѣстнымъ временемъ дня. Слышишь, что говоритъ? Во *всяко время* приступай къ молитвѣ. Безпрестанно, говоритъ, молитесь. Не слышалъ ли ты о вдовицѣ, какъ она побѣдила (судію), благодаря своей настойчивости? Не слышалъ ли, какъ одинъ другъ въ самую полночь крѣпко молилъ и умолилъ (своего друга)? Не слышалъ ли и о хананеянкѣ, какъ она своею неотступною просьбою возбудила къ себѣ участіе Владыки? Эти люди достигли цѣли настойчивостью. *Молящеся на всяко время духомъ.* Это значитъ, что мы должны просить себѣ отнюдь не мірскихъ или житейскихъ вещей, а того, что угодно Богу. Нужно молиться непрестанно, мало того—съ бодростію духа: *и въ сіе истое бдяще,* сказано. Что̀ бы ни разумѣлъ здѣсь (Павелъ)—всенощныя ли бдѣнія или трезвость души,—я принимаю то и другое. Видишь ли, какъ бодрствовала хананеянка, когда, несмотря на невниманіе Господа, Который не только отвергъ ее (сначала), но еще назвалъ псомъ, говорила: *ей, Господи, и пси ядятъ отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы господей своихъ* (Мѳ. xv, 28)? И не отступала отъ Него до тѣхъ поръ, пока не получила просимаго. Какъ поступила вдовица, не перестававшая умолять судію, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился, пока усовѣстила его? Какъ хлопоталъ другъ, который, въ глухую полночь, пришелъ (къ своему другу) и настаивалъ, пока не разбудилъ его и своею неотступною просьбою не пристыдилъ? Таковы плоды бодрствованія! Хочешь ли и ты пріучить свою душу къ бодрствованію? Ступай къ Аннѣ и слушай, что она говоритъ: *Адонаи, Елои Саваоѳъ* (1 Цар. I, 11). Особенно послушай, что происходило, прежде чѣмъ произнесены были эти слова. И встали, сказано, всѣ изъ-за

трапезы, и она тотчасъ пошла не ко сну и не на покой. Поэтому мнѣ думается, что и за трапезой она ничего не вкушала и не обременяла себя какими-либо яствами. Иначе не пролила бы столько слезъ. Если мы и во время поста едва ли, или, лучше сказать, никогда не молимся такъ, какъ молилась Анна, то ей послѣ трапезы вовсе не совершить бы подобной молитвы, еслибъ она за трапезой не подражала обычаю постниковъ. Устыдимся мы, мужчины, этой женщины! Она молилась о дарованіи ей сына и плакала, а мы просимъ о царствѣ (небесномъ), и дѣлаемъ это съ небрежностію. *И ста*, сказано, *предъ Господемъ*. Что же говоритъ она? *Адонаи Господи, Елои Саваоѳъ*—слова, которыя въ объясненіи значатъ: „Господи, Боже силъ". Но слезы лились,
173 прежде чѣмъ она могла что-нибудь выговорить. Ими она и надѣялась преклонить къ себѣ милость Божію. Гдѣ слезы, тамъ полное сокрушеніе; а гдѣ сокрушеніе, тамъ много любомудрія и осмотрительности. *Аще призирая призриши на смиреніе рабы твоея, и даси* ми сына, *то дамъ* его *въ даръ* Господу на все время (ст. 11). Не сказала: на одинъ годъ или на два, какъ дѣлаемъ мы, и не говорила такъ: „если дашь мнѣ ребенка, я дамъ денегъ", но: „когда родится у меня первенецъ, сынъ молитвы, я всецѣло отдамъ его вмѣсто дара". Это поистинѣ была дочь Авраама. У того потребовалъ (Богъ сына), и онъ отдалъ; эта же отдаетъ еще прежде, чѣмъ исполнилась ея просьба. Затѣмъ смотри, какое благоговѣніе и въ томъ, что *устнѣ ея*, какъ сказано, *двизастѣся, и гласъ ея не слышашеся* (ст. 13). Съ такимъ расположеніемъ приступаетъ къ Богу человѣкъ, искренно желающій получить просимое, у котораго лѣность, невнимательность, разсѣянность, пренебреженіе, безпечность не имѣютъ мѣста. А безъ молитвы (скажетъ кто-нибудь) развѣ Богъ не могъ даровать (Аннѣ сына)? Ужели въ самомъ дѣлѣ Онъ не зналъ о желаніи этой женщины еще прежде, чѣмъ она стала молиться? Но еслибъ Онъ даровалъ (ей сына) безъ прошенія, то не открылось бы усердіе жены, не сдѣлалась бы явною добродѣтель ея, и она не получила бы такой награды. Такимъ образомъ не зависть или ненависть была причиной долгаго неплодія, а (божественная) благопопечительность.

4. Итакъ, когда услышишь слова Писанія, что (Богъ) заключилъ ея утробу и что она терпѣла досаду отъ своей соперницы, то знай, что этимъ (Богъ) хотѣлъ показать любомудріе жены. Смотри въ самомъ дѣлѣ: (у Анны) былъ мужъ, совершенно ей покорный, говорившій ей: *нѣсмь ли азъ тебѣ добрѣе паче десяти чадъ* (ст. 8)? Между тѣмъ ея соперница выводила ее изъ терпѣнія своими упреками и нападками. И однакожъ (Анна)

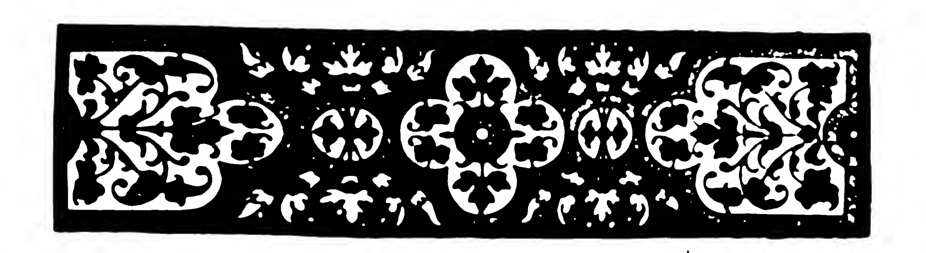
не грозила ей, не ругалась съ нею, не говорила (мужу): „такъ какъ моя соперница обижаетъ меня, то взыщи съ нее за это". У той были дѣти. Но вѣдь и эта пользовалась любовью мужа. Потому-то онъ и утѣшалъ ее, говоря: *нѣсмь ли азъ тебѣ добрѣе паче десяти чадъ?* Но обратимся опять къ любомудрію жены. *Имяше ю*, сказано, *Илій піяну сущу* (ст. 13). Смотри же, что говоритъ она ему: *не даждь рабы твоея во дщерь погибели, яко отъ множества глумленія моего истаяхъ даже доселѣ* (ст. 16). Оставить гнѣвъ и не досадовать на людей, которые укоряютъ насъ, не огорчаться, даже не оправдывать себя предъ ними—такъ поступать можетъ только человѣкъ съ истинно сокрушеннымъ сердцемъ. Ничто столько не располагаетъ души къ любомудрію, какъ сокрушеніе. Нѣтъ ничего сладостнѣе, какъ плачъ по Богѣ. *Отъ множества глумленія моего истаяхъ даже доселѣ.* Будемъ подражать ей всѣ. Внимайте неплодныя! Внимайте нѣжно любящія дѣтей своихъ! Внимайте мужья и жены! Вѣдь и мужья нерѣдко помогали въ этомъ случаѣ. Послушай, что говоритъ Писаніе: *и моляшеся Исаакъ о Ревеккѣ, женѣ своей, яко неплоды бяше* (Быт. XXV, 21). И въ самомъ дѣлѣ, вѣра можетъ производить великія дѣла. *Во всякомъ терпѣніи и молитвѣ о всѣхъ святыхъ и о мнѣ*,—себя ставитъ напослѣдокъ. Чего же ты хочешь, блаженный Павелъ, въ заключеніе ставя себя самого? Вотъ чего, отвѣчаетъ онъ: *да дастся ми слово во отверзніе устъ моихъ, съ дерзновеніемъ сказати тайну благовѣствованія, о немже посольствую во узахъ.* Къ кому ты посольствуешь? Къ людямъ, отвѣчаетъ. Какое человѣколюбіе со стороны Бога! Онъ послалъ съ небесъ посланниковъ съ вѣстію о Себѣ и о мирѣ. А люди между тѣмъ взяли ихъ и 174
связали, не уваживъ даже всеобщаго закона, по которому посланникъ во всякомъ случаѣ освобождается отъ какой бы то ни было непріятности. Но и въ узахъ посольствую. Узы угрожаютъ мнѣ лишеніемъ свободы говорить; за то молитва ваша отверзаетъ мои уста, *да въ немъ дерзаю, якоже подобаетъ ми глаголати*, то есть, чтобы сказать все, что я посланъ возвѣстить. *Да увѣсте же и вы, яже о мнѣ, что дѣлаю, вся скажетъ вамъ Тихикъ, возлюбленный братъ и вѣренъ служитель о Господѣ.* Вѣренъ, значитъ--ни въ чемъ не солжетъ, напротивъ, все разскажетъ по истинѣ. *Егоже послахъ къ вамъ на сіе истое, да увѣсте, яже о насъ, и да утѣшитъ сердца ваша.* О, сколько тутъ любви! Чтобы не было, говоритъ, повода, кому только и чѣмъ вздумается, устрашать васъ. По всей вѣроятности, они находились въ какомъ-нибудь несчастіи, такъ какъ и выраженіе: *да утѣшитъ сердца ваша*—значитъ: чтобы онъ (Тихикъ) не допустилъ васъ до паденія. *Миръ братіи и любовь съ вѣрою отъ Бога Отца и Господа*

Іисуса Христа (ст. 23). (Павелъ) желаетъ имъ (ефесянамъ) мира и любви съ вѣрою. И не безъ цѣли такъ выразился. Онъ хочетъ, чтобъ они не просто содержали слово любви, (но разумно), и не смѣшивались съ иновѣрцами. Или это онъ имѣетъ въ виду, или то, что бы они содержали вѣру, чтобы ободряли себя надеждою на будущее. *Миръ* съ Богомъ и *любовь*. Если есть миръ, то будетъ и любовь. И наоборотъ, гдѣ любовь, тамъ явится и миръ. *Съ вѣрою*. Никакой нѣтъ пользы отъ любви безъ вѣры. или, лучше сказать, безъ вѣры любовь вовсе и существовать не можетъ. *И благодать со всѣми любящими Господа нашего Іисуса Христа въ нетлѣніи. Аминь* (ст. 24). Здѣсь онъ допустилъ раздѣленіе, миръ помѣстивъ особо, и благодать тоже. Сказано: *въ нетлѣніи. Аминь*. Что значитъ: *въ нетлѣніи?* Или: прилично, какъ слѣдуетъ, или же: съ нетлѣнными, то есть, такими, которые живутъ не для славы и богатства, а для благъ нетлѣнныхъ. Ἐν (въ) стоитъ вмѣсто: διά (посредствомъ). Итакъ—посредствомъ нетлѣнія; все равно, какъ сказать: посредствомъ добродѣтели,—потому что тлѣніемъ называются всѣ вообще грѣхи. Какъ о дѣвахъ употребляемъ выраженіе: „такая-то подверглась растлѣнію", такъ говорится и относительно души. Потому и Павелъ сказалъ: *да не истлѣютъ разумы ваши* (2 Кор. XI, 3). И въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *во ученіи нетлѣніе* (Тит. II, 7).

5. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, въ чемъ состоитъ тлѣніе тѣла? Не въ томъ ли, когда все оно разлагается и составъ его распадается на части? Такъ бываетъ и съ душею, когда въ ней воцарится грѣхъ. Цѣломудріе и правда—вотъ красота души, а мужество и благоразуміе—это здоровье для нея. Итакъ, тому угрожаетъ опасность, кто гнусенъ и безобразенъ, кто преданъ корыстолюбію и лукавству, кто обнаруживаетъ малодушіе, боязливость и слабость. Что грѣхи производятъ тлѣніе,—это видно прямо изъ того, что они дѣлаютъ людей срамными и слабосильными, и причиняютъ недуги. Когда говоримъ, что дѣвство подверглось растлѣнію, то имѣемъ въ виду не одно растлѣніе тѣла, но главнымъ образомъ то, что подобное дѣло соединено бываетъ съ нарушеніемъ закона. Самый поступокъ при этомъ состоитъ въ совокупленіи. Но еслибъ совокупленіе называлось растлѣніемъ, то и бракъ былъ бы тѣмъ же. Значитъ, не въ совокупленіи растлѣніе, а въ грѣхѣ—въ нарушеніи закона; онъ-то и дѣлаетъ первое постыднымъ. Возьмемъ другой примѣръ. Тлѣніе какого-нибудь дома въ чемъ другомъ состояло бы, какъ не въ гніеніи (составляющихъ его частей)? Да и вездѣ тлѣніе есть та или другая перемѣна, но перемѣна къ худшему; вездѣ оно разрушаетъ прежнее состояніе вещей и повергаетъ ихъ въ иное. Слушай, что го-

воритъ Писаніе: *растли всяка плоть путь свой* (Быт. VI, 12); и въ другомъ мѣстѣ: *въ тлѣніи невыносимомъ*; еще: *человѣцы растлѣнни* 175
умомъ (2 Тим. III, 8). Тѣло у насъ тлѣнно, а душа нетлѣнна. Какъ бы намъ и ее не подвергнуть тлѣнію? Первородный грѣхъ сдѣлалъ это (возможнымъ). Онъ даже послѣ крещенія можетъ растлить душу и сдѣлать ее добычею неумирающихъ червей. Но, съ другой стороны, (черви) не могутъ и прикоснуться къ душѣ, когда найдутъ ее нетлѣнною. Адаманта, напр., червь не грызетъ; да еслибъ и сталъ грызть, ничего бы не сдѣлалъ. Смотри же, не растлѣвай души твоей, —вѣдь что тлѣетъ, то полно зловонія. Послушай, что говоритъ пророкъ: *возсмердѣша и согниша раны моя отъ лица безумія моего* (Псал. XXXVII, 6). Впрочемъ самое тлѣніе облечется въ нетлѣніе, а не нетлѣніе (въ тлѣніе),—потому что гдѣ нетлѣніе, тамъ нѣтъ тлѣнія. Такимъ образомъ возможны тлѣніе нетлѣнное, безъ конца, и смерть безсмертная. Это именно и будетъ, когда тѣла сдѣлаются безсмертными. Потому, если отойдемъ туда съ тлѣніемъ въ душѣ, то оно сдѣлается для насъ нетлѣннымъ и не будетъ имѣть конца. Постоянно горѣть и быть всегдашнею пищею червей, это, конечно, есть тлѣніе нетлѣнное. Подобное случилось съ блаженнымъ Іовомъ. Онъ истлѣвалъ, однакожъ не разрушался,—и такъ продолжалось много времени. Только и зналъ, что постоянно обливалъ *грудіе земли, гной стружа* (Іов. VII, 5). Нѣчто, похожее на это, испытываетъ душа въ то время, когда обступятъ ее черви и станутъ пожирать, не два года, не три, десять или сто, даже не тысячи лѣтъ, а безконечно, такъ какъ сказано: *червь ихъ не умираетъ* (Марк. IX, 44). Устрашимся же, умоляю васъ, убоимся этихъ словъ, чтобы не испытать намъ того на самомъ дѣлѣ. Корыстолюбіе есть тлѣніе—и такое тлѣніе, которое ужаснѣе всѣхъ видовъ тлѣнія: оно ведетъ къ идолослуженію. Бросимъ же это тлѣніе и изберемъ то, что не- 176
тлѣнно. Нажилъ ли ты богатство на счетъ кого-нибудь? Нажитое потратится, а корыстолюбіе останется при тебѣ. Опять тлѣніе служитъ поводомъ къ нетлѣнію. Удовольствіе проходитъ, грѣхъ же остается,—потому что онъ не тлѣетъ. Крайняя бѣда, если еще въ настоящей жизни не совлечемся всего этого,—и кто отойдетъ туда, обремененный тяжестію грѣховъ, тотъ подвергнется великому несчастію. *Во адѣ*, сказано, *кто исповѣстся тебѣ* (Псал. VI, 6)? Тамъ мѣсто суда,—и каяться тогда уже будетъ не время. Какъ рыдалъ тогда богачъ? И все напрасно. Какъ оправдывали себя не питавшіе Христа? Но и тѣ пошли въ огонь вѣчный. Какъ тогда говорили тѣ, которые провели жизнь свою въ беззаконіи? *Господи, не въ твое ли имя пророчествовахомъ, и твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ* (Мѳ. VII, 22)? Но ихъ даже не призналъ (Господь сво-

ими). Правда, все это будетъ по смерти; но вѣдь тогда и помощь не въ помощь, если не поможемъ себѣ въ настоящее время. Убоимся же, чтобъ и намъ не сказать тогда этихъ словъ: *Господи, когда тя видѣхомъ алчуща и не напитахомъ* (Мѳ. xxv, 37)? Станемъ теперь питать Его—и не одинъ день, не два или три. Вѣдь сказано: *милостыни и вѣра да не оскудѣваютъ тебѣ* (Прптч. ш, 3), а не говорится: „сдѣлай (какое-либо добро) одинъ разъ или два". Дѣвы имѣли елей, но его не достало. Поэтому нужно запасаться большимъ количествомъ елея, и для этого надобно самимъ сдѣлаться какъ бы плодоносными маслинами въ дому Божіемъ. Подумаемъ, сколько каждый изъ насъ имѣетъ у себя грѣховной тяжести, и въ соотвѣтствіе съ тѣмъ, сколько мы сдѣлали грѣховъ, столько же, а еще лучше—гораздо больше постараемся совершить подвиговъ человѣколюбія. Тогда не только изгладятся грѣхи, но еще явятся праведныя дѣла, которыя послужатъ къ нашему оправданію. Въ противномъ случаѣ, если, то есть, наши добродѣтели не въ состояніи будутъ съ одной стороны загладить преступленій, а съ другой сдѣлаться для насъ оправданіемъ за опущенное, то никто не исхититъ насъ отъ мученій, отъ которыхъ и да избавимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ которымъ Отцу и Св. Духу (слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).



СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО
БЕСѢДЫ НА ПОСЛАНІЕ КЪ ФИЛИППІЙЦАМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

1. Филиппійцы были жители македонскаго города *Филиппы*, 177
такъ названнаго по имени основателя города—колоніи (римской),
по словамъ Луки (Дѣян. XVI, 12). Здѣсь обратилась *порфиропро-
дальница*, женщина весьма богобоязненная и внимательная (ст. 14);
здѣсь увѣровалъ начальникъ синагоги; здѣсь Павла вмѣстѣ съ
Силою били палками (ст. 23); здѣсь начальники испугавшись
просили ихъ удалиться изъ города (ст. 38 и 39). Блистательно
было здѣсь начало проповѣди! Въ похвалу филиппійцевъ самъ
(Павелъ) говоритъ много великаго, называя ихъ своимъ вѣнцемъ
и много пострадавшими: *вамъ*, говоритъ онъ, *даровася отъ Бога
не токмо еже въ Него вѣровати, но и еже по Немъ страдати* (Филип. I,
29). Писалъ же онъ къ нимъ тогда, какъ былъ въ узахъ,—по- 178
тому и говоритъ: *яко узы мои явлены о Христѣ быша во всемъ су-
дищи* (ст. 13), называя судищемъ (πραιτώριον) дворецъ Нерона. Впро-
чемъ отъ этихъ узъ онъ былъ освобожденъ, что и объяснилъ въ
посланіи къ Тимоѳею, говоря: *въ первый мой отвѣтъ никтоже
бысть со мною, но вси мя оставиша: да не вмѣнится имъ: Господь же
мнѣ предста, и укрѣпи мя* (2 Тим. IV, 16, 17). Слѣдовательно онъ
указываетъ на тѣ узы, въ которыхъ находился прежде этого
отвѣта. А что тогда не было съ нимъ Тимоѳея, ясно изъ словъ:
въ первый мой отвѣтъ никтоже бысть со мною. Это именно онъ и

объясняетъ въ посланіи. Если бы (Тимоѳей) зналъ это обстоятельство, то (апостолъ) и не написалъ бы ему. Когда же онъ писалъ настоящее посланіе (къ филиппійцамъ), тогда Тимоѳей
179 былъ при немъ, что показываютъ слѣдующія слова: *уповаю же о Господѣ Іисусѣ Тимоѳея вскорѣ послати къ вамъ* (Филип. II, 19): и еще: *сего убо уповаю послати абіе, повнегда увѣмъ, яже о мнѣ* (ст. 23). Онъ освобожденъ былъ отъ узъ, и опять заключенъ былъ послѣ того, какъ приходилъ къ нимъ. А слова: *аще и жренъ бываю о жертвѣ и службѣ вѣры вашея* (ст. 17)—не то значатъ, будто бы это уже случилось, но то, что хотя бы это и случилось, я *радуюся*, говоритъ онъ, утѣшая ихъ чрезъ это въ скорби объ узахъ его. И что тогда надѣялся остаться въ живыхъ, это видно изъ словъ его: *надѣюся же о Господѣ, яко и самъ скоро пріиду къ вамъ* (Филип. II, 24); и еще: *и сіе извѣстнѣ вѣмъ, яко буду и спребуду всѣмъ вамъ* (I, 25). Филиппійцы между тѣмъ посылали къ нему Епафродита, чтобы онъ отнесъ ему деньги и узналъ о его обстоятельствахъ, потому что они весьма любили его. А что дѣйствительно посылали, объ этомъ послушай, что онъ самъ говоритъ: *пріяхъ вся, и избыточествую, исполнихся, пріемъ отъ Епафродита посланная отъ васъ* (IV, 18). Итакъ, они посылали для того, чтобы и утѣшить его и узнать. А что они посылали съ намѣреніемъ и узнать о его обстоятельствахъ, это онъ показываетъ въ самомъ началѣ посланія, гдѣ пишетъ о себѣ такъ: *разумѣти же хощу вамъ, яко, яже о мнѣ, паче во успѣхъ благовѣствованія пріидоша* (I, 12); и еще: *уповаю Тимоѳея вскорѣ послати къ вамъ, да и азъ благодушествую, увѣдѣвъ, яже о васъ* (II, 19). Слова—*да и азъ* явно означаютъ слѣдующее: какъ вы для совершеннаго удостовѣренія послали узнать о моихъ обстоятельствахъ, такъ и я (пошлю), *да благодушествую, увѣдѣвъ, яже о васъ*. А такъ какъ они долгое время не посылали къ нему, но (послали только) тогда,—это именно онъ выражаетъ словами: *яко уже когда воспомянусте пещися о мнѣ* (IV, 10),—и тогда только услышали, что онъ въ узахъ,—вѣдь если они услышали о болѣзни Епафродита, человѣка не столь знаменитаго, какъ Павелъ, то тѣмъ болѣе (услышали бы) о Павлѣ,—и такъ какъ имъ естественно было безпокоиться, то онъ въ началѣ посланія много распространяется въ утѣшеніи относительно узъ, показывая, что не только не надобно безпокоиться, но надобно еще радоваться. Потомъ даетъ совѣтъ касательно единомыслія и смиренномудрія, внушая имъ, что это составляетъ величайшую ихъ крѣпость, и что такимъ образомъ они удобно могутъ побѣждать враговъ. Для учителей вашихъ не то прискорбно, что они въ узахъ, но то, что ученики не единодушны. Первое служитъ даже къ распространенію Евангелія, а послѣднее къ разстройству.

2. Преподавъ такимъ образомъ увѣщаніе къ единодушію, и показавъ, что единодушіе происходитъ отъ смиренномудрія, онъ затѣмъ сильно нападаетъ на іудеевъ, которые подъ предлогомъ христіанства всюду вредили ученію, называетъ ихъ псами и злыми дѣлателями, и увѣщеваетъ беречься ихъ; показываетъ, къ кому должно быть внимательными, много разсуждаетъ о нравственныхъ предметахъ, настраиваетъ и ободряетъ ихъ словами: *Господь близъ;* вспоминаетъ съ свойственнымъ ему благоразуміемъ 180
и о присланномъ отъ нихъ,—и такимъ образомъ много утѣшаетъ ихъ. Видно, что онъ пишетъ къ нимъ съ особеннымъ почтеніемъ, и нигдѣ не употребляетъ ничего укорительнаго, а это было знакомъ ихъ добродѣтели,—то именно, что они подали учителю поводъ написать къ нимъ все посланіе не въ тонѣ порицанія, а въ тонѣ увѣщанія. И какъ я въ началѣ сказалъ, такъ и теперь повторю, что городъ этотъ проявилъ великую готовность къ вѣрѣ. Напримѣръ, темничный стражъ,—а вы знаете, что эта должность сопряжена со всякимъ нечестіемъ,—отъ одного чуда тотчасъ прибѣгнулъ (къ Павлу), и крестился со всѣмъ домомъ своимъ. Совершившееся чудо видѣлъ онъ одинъ, а пользу получилъ не одинъ, но съ женою и со всѣмъ домомъ. Да и сами начальники, бившіе Павла, сдѣлали это болѣе вслѣдствіе общаго смятенія, нежели по злобѣ, какъ видно изъ того, что тотчасъ послали и отпустили его, и послѣ испугались. Впрочемъ онъ свидѣтельствуетъ не только о вѣрѣ ихъ и опасностяхъ, но и о благотворительности, когда говоритъ: *и въ началѣ благовѣствованія и единою и дващи въ требованіе мое посласте ми* (IV, 15 и 16), тогда какъ никто другой этого не сдѣлалъ: *ни едина ми*, говоритъ, *церковь общевася въ слово даянія и пріятія.* Опущеніе же онъ приписываетъ болѣе неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, нежели преднамѣренію: не то, чтобы вы не заботились о мнѣ, говоритъ онъ, *но непогоднымъ временемъ обдержастеся* (ст. 10). Этимъ онъ выражаетъ великую свою къ нимъ любовь. А что онъ весьма любилъ ихъ, это ясно: *ни единаго бо,* говоритъ, *имамъ равнодушна, иже присные о васъ печется* (II, 20); и еще: *за еже имѣти ми въ сердцѣ васъ, во узахъ моихъ* (I, 7).

3. Зная это и имѣя такіе образцы любви, покажемъ и мы себя достойными таковыхъ примѣровъ готовностію пострадать за Христа. Но нынѣ нѣтъ гоненія. Будемъ въ такомъ случаѣ подражать имъ, если не въ другомъ чемъ, то по крайней мѣрѣ въ усерднѣйшей ихъ благотворительности, и не будемъ думать, что все сдѣлано нами, какъ скоро дадимъ разъ или два. Дѣлать это надобно во всю жизнь,—не однажды надобно угождать (Богу), а непрестанно. Состязающійся въ бѣгѣ, если, пробѣжавъ десять круговъ,

отсталъ на послѣднемъ, все потерялъ: и мы, если начавъ добрыя дѣла, впослѣдствіи ослабѣемъ, то все погубимъ, все испортимъ. Выслушай слѣдующее весьма полезное увѣщаніе: *милостыни*, сказано, *и вѣра да не оскудѣваютъ тебѣ* (Притч. ш, 3). Не сказано: сдѣлай однажды, дважды, трижды, десять, сто разъ,—но постоянно: *да не оскудѣваютъ тебѣ*, сказано. И не сказано: ты не оставляй, но—онѣ пусть не оставляютъ тебя, чѣмъ показывается, что мы имѣемъ въ нихъ нужду, а не онѣ въ насъ, и внушается, что мы
181 все должны дѣлать, чтобы удержать ихъ при себѣ. *Обложи же я*, сказано, *на твоей выи* (Притч. ш, 3). Какъ дѣти богачей имѣютъ на шеѣ золотое украшеніе, и никогда не снимаютъ его, въ знакъ благородства, такъ и намъ всегда должно возлагать на себя милостыню, чтобы показать, что мы дѣти Милосердаго, Который *солнце Свое сіяетъ на злыя и благія* (Мѳ. v, 45). Но невѣрные не вѣрятъ этому? Вотъ именно, если мы будемъ поступать такъ, то чрезъ это они увѣрятся. Если они увидятъ, что мы ко всѣмъ милосерды, и наставникомъ (въ этой добродѣтели) признаемъ Его, то будутъ заключать, что мы это дѣлаемъ изъ подражанія Ему. И не кое-какъ должно это дѣлать, но со вниманіемъ и неукоризненно, потому что сказано: милостыня и вѣра *истинная* да будетъ въ тебѣ. Хорошо сказано: истинная,—не отъ хищенія, не отъ воровства хочетъ (ея Богъ). Это уже не вѣра, не истинная милостыня. Вору необходимо лгать и божиться, а ты, сказано, не такъ, но съ милостынею имѣй и вѣру. Возложимъ на себя это украшеніе. Сдѣлаемъ душѣ золотое ожерелье, то есть, милостыню, доколѣ мы здѣсь. Вѣдь когда пройдетъ этотъ вѣкъ, тогда уже не придется намъ ею пользоваться. Почему? (Потому что) тамъ нѣтъ бѣдныхъ, тамъ нѣтъ денегъ, тамъ нѣтъ нищеты. Пока мы дѣти, не лишимъ себя этого украшенія, потому что какъ съ дѣтей, достигшихъ возмужалости, снимаютъ прежній нарядъ, и надѣваютъ другой,—такъ и съ нами. Тамъ милостыня будетъ уже не изъ денегъ, а какая-то другая, гораздо большая. Поэтому, чтобы намъ не остаться безъ нея, постараемся украсить ею душу. Милостыня—это великая красота и драгоцѣнность, великій даръ, или лучше, великое благо. Если мы научимся презирать деньги, то научимся и прочему. Смотри, сколько добра происходитъ отсюда: подающій милостыню, какъ должно давать, научается презирать деньги; научившійся презирать деньги исторгъ корень золъ. Потому-то онъ дѣлаетъ добро не столько другимъ, сколько себѣ; не только потому, что милостынѣ предлежитъ воздаяніе и награда, но и потому, что душа дѣлается любомудрою, высокою и богатою. Дающій милостыню пріучается не дорожить ни деньгами, ни золотомъ, а пріучившійся къ

этому сдѣлалъ весьма великій шагъ къ небу и уничтожилъ 182
безчисленные предлоги къ враждѣ, ссорѣ, зависти и печали. Вы знаете, сами вы знаете, что все зло отъ денегъ, и что изъ-за денегъ безчисленныя брани. А кто научился презирать ихъ, тотъ поставилъ себя въ тихомъ пристанищѣ, и уже не боится лишеній: этому научила его милостыня. Онъ уже не желаетъ принадлежащаго ближнему: какъ въ самомъ дѣлѣ (можетъ поступать такъ) тотъ, кто отказывается отъ своего и отдаетъ? Онъ уже не завидуетъ богатому: какъ въ самомъ дѣлѣ (можетъ завидовать) тотъ, кто желаетъ быть бѣднымъ? Онъ очищаетъ око души своей. И это здѣсь; а сколькихъ благъ онъ сподобится тамъ, и сказать нельзя. Онъ не останется внѣ (чертога) съ юродивыми дѣвами, но, имѣя горящіе свѣтильники, войдетъ съ мудрыми и съ женихомъ. Чрезъ милостыню станетъ даже выше потрудившихся въ дѣвствѣ тотъ, кто не испыталъ трудовъ этого рода. Такова сила милостыни! Она съ великимъ дерзновеніемъ ведетъ своихъ питомцевъ. Она знакома небеснымъ привратникамъ, охраняющимъ двери брачнаго чертога, и не только знакома, но и въ чести у нихъ: тѣхъ, кого она признаетъ своими почитателями, введетъ съ большою смѣлостію, и никто не будетъ противорѣчить, но всѣ уступятъ. Если она и Бога низвела на землю и преклонила сдѣлаться человѣкомъ, то тѣмъ болѣе человѣка сможетъ возвести на небо. Велика ея сила! Итакъ, если по милосердію и человѣколюбію Богъ сталъ человѣкомъ, и благоволилъ сдѣлаться рабомъ, то тѣмъ болѣе Онъ введетъ рабовъ въ домъ Свой. Возлюбимъ эту добродѣтель, возжелаемъ ее не на одинъ день и не на два, но навсегда, чтобы она признала насъ. Если она признаетъ насъ, то и Господь признаетъ; а если она не признаетъ, то и Господь не признаетъ, и скажетъ: *не вѣмъ васъ* (Лук. XIII, 25). Но да не услышимъ мы этотъ голосъ, а услышимъ слѣдующій блаженный: *пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Мѳ. XXV, 34),—каковаго царствія и да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу (и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА I.

181—182 **Павелъ и Тимоѳей, раби Іисусъ Христовы, всѣмъ святымъ о Христѣ Іисусѣ сущимъ въ Филиппѣхъ, со епископы и діаконы, благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа (Филип. I, 1, 2).**

1. Здѣсь (апостолъ) пишетъ какъ бы къ равночестнымъ себѣ, и выставляетъ не учительское свое достоинство, но другое, и при томъ великое. Какое же именно? Называетъ себя рабомъ, а не апостоломъ, потому что быть рабомъ Христовымъ, быть, а не называться только, дѣйствительно великое достоинство и высшее благо. Кто рабъ Христовъ, тотъ безъ сомнѣнія свободенъ отъ грѣха, а рабъ истинный не согласится быть рабомъ ни у кого другого. Иначе онъ былъ бы рабомъ Христовымъ только на половину. Такъ и Римлянамъ онъ писалъ: *Павелъ рабъ Іисусъ Христовъ* (Рим. I, 1); а въ посланіи къ Коринѳянамъ и къ Тимоѳею называетъ себя апостоломъ. Почему же онъ это дѣлаетъ? Не
183 потому, чтобы они были лучше Тимоѳея, нѣтъ; но потому, что онъ почиталъ и уважалъ ихъ болѣе всѣхъ, къ кому писалъ. Этимъ свидѣтельствуетъ о великой ихъ добродѣтели. Сверхъ того, въ другихъ (посланіяхъ) онъ имѣлъ намѣреніе сдѣлать многія постановленія, почему и ставилъ на видъ свое апостольское достоинство; а здѣсь онъ повелѣваетъ имъ только то, что они и сами по себѣ знали. *Святымъ о Христѣ Іисусѣ сущимъ въ Филиппѣхъ*. Такъ какъ прилично было и іудеямъ называть себя *святыми* на основаніи древняго пророчества, въ которомъ они назывались народомъ *святымъ, избраннымъ*, то онъ присовокупилъ: *святымъ о Христѣ Іисусѣ* (Второз. VII, 6; XIV, 2). Они одни святые, а тѣ уже сдѣлались нечистыми.

Со епископы и діаконы. Что это? Ужели въ одномъ городѣ было много епископовъ? Нѣтъ; (апостолъ) такъ назвалъ пресвитеровъ. Тогда названія эти были еще общія; епископъ назывался даже діакономъ. Потому въ посланіи къ Тимоѳею и пишетъ: *служеніе (διακονίαν) твое извѣстно сотвори* (2 Тим. IV, 5), хотя онъ былъ епископъ. И такъ какъ онъ былъ епископъ, то говоритъ ему: *руки скоро не возлагай ни на когоже* (1 Тим. V, 22); и въ другомъ мѣстѣ: (дарованіе) *еже дано тебѣ бысть съ возложеніемъ рукъ священничества* (IV, 14). А пресвитеры не могли рукополагать епископа. Также и въ посланіи къ Титу говоритъ: *сего ради оставихъ тя въ Критѣ, да устроиши по градомъ пресвитеры, якоже тебѣ азъ повелѣхъ: аще кто есть непороченъ, единыя жены мужъ* (Тит. I, 5, 6). Это говоритъ о епископѣ. И сказавъ это, тотчасъ присовокупилъ: *подобаетъ бо епископу безъ порока быти, якоже Божію строителю, не себѣ угождающу* (Тит. I, 7). Итакъ въ древнее время, какъ я сказалъ, и пресвитеры назывались епископами и діаконами Христовыми, и епископы—пресвитерами. Потому-то и нынѣ многіе епископы пишутъ: сопресвитеру и содіакону. А впослѣдствіи каждому присвоено особенное имя: епископа или пресвитера. *Со епископы и діаконы*, говоритъ, *благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа.* Здѣсь можетъ быть иной спроситъ: почему онъ ни въ какомъ другомъ посланіи ни въ Римъ, ни въ Коринѳъ, ни въ Ефесъ не пишетъ клиру, но вообще всѣмъ святымъ, или вѣрнымъ, или возлюбленнымъ, а здѣсь пишетъ клиру? Потому что (клиръ) писалъ, благотворилъ и посылалъ къ нему Епафродита. *Благодарю Бога моего о всей*, говоритъ, *памяти вашей всегда.* Въ другомъ посланіи говорилъ: *повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покаряйтеся, тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще, да съ радостію сіе творятъ, а не воздыхающе* (Евр. XIII, 17). Если же неисправность учениковъ производитъ (въ учителѣ) воздыханіе, то успѣхъ ихъ—радость. Потому слова (апостола) имѣютъ такой смыслъ: когда только вспоминаю о васъ, (всегда) хвалю Бога. А это дѣлаетъ потому, что зналъ въ нихъ многія добродѣтели. И хвалю, говоритъ, и молюсь, потому что вы успѣли въ добродѣтели; я не перестаю молиться, но постоянно молюсь о васъ. *Благодарю*, говоритъ, *Бога о всей памяти вашей. Всегда во всякой* 184
молитвѣ моей за всѣхъ васъ съ радостію молитву мою творя (ст. 4). Всегда, а не только тогда, когда молюсь. Хорошо прибавилъ: *съ радостію*, потому что можно дѣлать это и съ печалію, какъ онъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *отъ печали бо многія и туги сердца написахъ вамъ многими слезами. О общеніи вашемъ въ благовѣствованіе, отъ перваго дне даже и донынѣ* (2 Кор. II, 4, 5).

2. Здѣсь (апостолъ) говоритъ въ похвалу ихъ (филиппійцевъ) много, даже весьма много, сколько иной сказалъ бы объ апостолахъ и евангелистахъ. Вы, говоритъ, не объ одномъ ввѣренномъ вамъ городѣ имѣете попеченіе, но все дѣлаете, чтобы раздѣлять со мною мои труды, вездѣ присутствуете и содѣйствуете и соучаствуете въ моей проповѣди. И въ теченіе не одного, или двухъ, или трехъ лѣтъ, но всегда съ того времени, какъ вы приняли вѣру, даже донынѣ сохраняете ревность апостольскую. Посмотри, какъ римляне оставили его; послушай, что онъ говоритъ: *вѣси ли сіе, яко отвратишася отъ мене вси, иже отъ Асіи* (2 Тим. I, 15)? И еще: *Димасъ мене остави* (IV, 10). И опять: *въ первый мой отвѣтъ никтоже бысть со мною* (IV, 16). А они (филиппійцы) и въ отдаленіи отъ него участвовали въ его скорбяхъ, посылали къ нему мужей, служили ему по силамъ, и вообще ни въ чемъ не оставляли его. И дѣлаете вы это, говоритъ, не только нынѣ, но и всегда, всякимъ способомъ помогая мнѣ. Помогать же (апостолу) значитъ участвовать въ благовѣствованіи. Когда онъ проповѣдуетъ, а ты служишь проповѣдующему, то участвуешь и въ его вѣнцахъ. И во внѣшнихъ состязаніяхъ вѣнецъ принадлежитъ не одному борцу, но и его наставнику, и прислуживающему, и всѣмъ вообще заботящимся о борцѣ, потому что тѣ, которые укрѣпляютъ его и ободряютъ, по справедливости могутъ быть участниками и въ побѣдѣ. И въ сраженіяхъ не одинъ отличившійся, но и всѣ служащіе ему по праву могутъ присвоять себѣ трофеи и раздѣлять славу, насколько своими услугами участвовали въ его подвигѣ. Оказывать услуги святымъ—дѣло не маловажное, а великое: это дѣлаетъ насъ общниками уготованныхъ имъ наградъ. Напримѣръ, иной оставилъ для Бога великія стяжанія, всегда полагается на Бога, много подвизается въ добродѣтели, наблюдая великую строгость во всемъ, даже въ словахъ и мысляхъ; а ты и безъ такой строгости можешь участвовать въ наградахъ, уготованныхъ ему за таковые подвиги. Какимъ образомъ? Если послужишь ему и словомъ и дѣломъ; если утѣшишь его доставленіемъ нужнаго для него, и услугою всякаго рода. Вѣдь этимъ ты трудный путь сдѣлаешь для него легче. Потому, если вы удивляетесь живущимъ въ пустыняхъ, избравшимъ жизнь ангельскую и подвизающимся въ церквахъ подобно имъ; если удивляетесь и жалѣете, что вы очень отстаете отъ нихъ,—то вамъ можно сдѣлаться ихъ участниками другимъ образомъ—чрезъ услуги, чрезъ
185 усердіе. И это дѣло человѣколюбія Божія, что Онъ даже тѣхъ, кто менѣе ревностенъ и не въ состояніи проводить жизнь суровую, трудную и строгую, инымъ путемъ возводитъ на ту же

степень. Вотъ что Павелъ называетъ общеніемъ! Они, говоритъ, сообщаютъ намъ плотское, а мы сообщаемъ имъ духовное (Рим. xv, 27). И если Богъ за малое и ничтожное даруетъ царство, то и рабы Его за малое и чувственное воздаютъ духовное; или лучше, чрезъ нихъ самъ (Богъ) даетъ и то и другое. Ты не можешь поститься, жить уединенно, спать на землѣ, проводить въ бдѣніи цѣлыя ночи? Но тебѣ возможно получить за все это награду инымъ образомъ: если будешь усердствовать подвизающемуся въ этомъ, если постоянно будешь успокаивать и ободрять его, если будешь облегчать трудъ его. Онъ стоитъ на сраженіи, онъ и раны получаетъ; а ты послужи ему, когда онъ возвратится съ поля битвы, прими его съ распростертыми объятіями, осуши потъ его, успокой, утѣшь, обласкай, ободри утружденную душу. Если мы съ такимъ усердіемъ послужимъ святымъ, то будемъ участниками наградъ ихъ. Объ этомъ и Христосъ говоритъ: *сотворите себѣ други отъ мамоны неправды, да пріимутъ вы въ вѣчныя ихъ кровы* (Лук. xvi, 9). Видишь ли, какъ они сдѣлались участниками? *Отъ перваго дне*, говоритъ, *даже донынѣ*. Поэтому я *радуюсь*, говоритъ, *о общеніи вашемъ*, и радуюсь не о прошедшемъ только, но и о будущемъ, потому что по прошедшему я заключаю и о будущемъ. *Надѣяся на сіе истое, яко начный дѣло благо въ васъ совершитъ е, даже до дне Іисусъ Христова* (ст. 6).

3. Смотри, какъ онъ учитъ ихъ и смиренію. Такъ какъ онъ засвидѣтельствовалъ о великой ихъ заслугѣ, то, чтобы они не потерпѣли чего-нибудь свойственнаго человѣку, тотчасъ наставляетъ ихъ относить ко Христу и прошедшее и будущее. Какимъ образомъ? Не сказалъ: будучи увѣренъ въ томъ, что какъ начали вы, такъ и закончите; но что? *Начный дѣло благо въ васъ, совершитъ е.* Впрочемъ не отнимаетъ у нихъ подвига, а говоритъ: *радуюсь о общеніи вашемъ*, конечно потому, что они подвизались; и не имъ только приписываетъ ихъ добродѣтели, но особенно Богу. Надѣюсь, говоритъ, *яко начный*, т. е. Богъ, *дѣло благо въ васъ, совершитъ е, даже до дне Іисусъ Христова.* Такъ я думаю, говоритъ, не только объ васъ, но и о потомкахъ вашихъ. И это не малая похвала, что Богъ дѣйствуетъ въ комъ-либо. Если Онъ нелицепріятенъ, каковъ и дѣйствительно, а помогаетъ намъ въ добрыхъ дѣлахъ по расположенію нашему, значитъ причина того, что Онъ преклоняется къ намъ, заключается въ насъ. Слѣдовательно, и такимъ образомъ (апостолъ) не отнимаетъ у нихъ похвалы,—вѣдь если бы Богъ дѣйствовалъ безусловно, если бы Онъ двигалъ насъ, какъ дерева и камни, и не требовалъ нашего участія, то ничто не препятствовало бы Ему дѣйствовать и въ язычникахъ и во всѣхъ людяхъ. Потому въ словахъ: *Богъ совершитъ*

опять для нихъ похвала, за то, что они привлекли къ себѣ благодать Божію, которая помогла имъ возвыситься надъ природою
186 человѣческою. А съ другой стороны и то похвала, что вы имѣете такія добродѣтели, которыя не есть дѣло человѣческое, но требуютъ божественнаго содѣйствія. Если же Богъ *совершитъ*, то съ нашей стороны не много потребуется труда, а должно надѣяться, что при Его помощи мы все легко выполнимъ. *Якоже есть праведно мнѣ сіе мудрствовати о всѣхъ васъ, за еже имѣти ми въ сердцѣ васъ, во узахъ моихъ и во отвѣтѣ моемъ и извѣщеніи благовѣстія, сообщниковъ мнѣ благодати всѣхъ васъ сущихъ* (ст. 7). Здѣсь (апостолъ) выражаетъ великую свою любовь къ филиппійцамъ, которыхъ онъ имѣлъ въ сердцѣ, и о которыхъ помнилъ даже въ самой темницѣ, находясь въ оковахъ. Не малая для людей похвала быть въ памяти у этого святого. Любовь этого святого происходитъ не отъ предразсудка, но отъ здраваго сужденія и вѣрныхъ понятій. И потому быть любимымъ отъ Павла такъ сильно, есть вѣрный признакъ человѣка великаго и достойнаго удивленія. *И во отвѣтѣ*, говоритъ, *и извѣщеніи благовѣстія*. И что удивительнаго, если онъ въ темницѣ имѣлъ ихъ (въ сердцѣ)? Даже, говоритъ, и въ то время, какъ я введенъ былъ въ судилище для отвѣта, вы не выходили изъ моей памяти. Любовь духовная такъ сильна, что не побѣждается никакими обстоятельствами, но всегда владѣетъ душой любящаго, и никакой скорби, никакой болѣзни не допускаетъ одолѣть. Какъ въ пещи вавилонской, при столь сильномъ пламени, для тѣхъ блаженныхъ отроковъ была роса, такъ и любовь, объявшая душу любящаго и угождающаго Богу, погашаетъ всякій пламень и производитъ чудесную росу. *И извѣщеніи благовѣстія*, говоритъ; слѣдовательно, узы послужили къ утвержденію Евангелія, къ защищенію. И совершенно правильно. Вѣдь если бы онъ уклонился отъ узъ, то показалъ бы себя обманщикомъ. Теперь же, перенося все—и узы и скорби, онъ ясно показываетъ, что терпитъ это не за вину какую-либо, свойственную человѣку, но ради Бога—мздовоздаятеля. Никто не рѣшился бы умереть и подвергнуть себя столькимъ опасностямъ, никто не рѣшился бы оскорбить такого царя, разумѣю Нерона, если бы взоръ его не былъ обращенъ на другого Царя, несравненно высшаго. Итакъ, узы были утвержденіемъ Евангелія. Смотри, съ какимъ избыткомъ онъ обратилъ все въ противную сторону! Что почитали слабостію и укоризною, то онъ называетъ утвержденіемъ, такъ что, если бы этого не случилось, онъ былъ бы немощнымъ. Потомъ (апостолъ) показываетъ, что его любовь не есть плодъ предразсудка, но (здраваго) сужденія. Какъ? Я имѣю, говоритъ, васъ въ сердцѣ во узахъ моихъ, и при защищеніи,

потому что вы соучастники благодати. Что это значитъ? Ужели для апостола было благодатію то, что онъ былъ заключенъ въ узы, былъ гонимъ, и терпѣлъ безчисленныя бѣдствія? Подлинно такъ, потому что сказано: *довлѣетъ ти благодать Моя: сила бо Моя въ немощи совершается* (2 Кор. xii, 9). *Тѣмъ же*, говоритъ, *благоволю въ немощехъ, въ досажденіихъ* (ст. 10). Такъ какъ я вижу, что вы дѣлами доказываете эту добродѣтель, участвуете въ этой благодати, и при томъ съ усердіемъ, то я не безъ основанія такъ сужу о васъ. Я испыталъ и болѣе всѣхъ знаю васъ и ваши добродѣтели,—то, что вы и при такомъ отъ насъ разстояніи стараетесь не разстаться съ нами въ скорбяхъ, но участвовать въ искушеніяхъ ради Евангелія,—и я по справедливости долженъ свидѣтельствовать, что вы, будучи далеко отъ меня, подвизаетесь ничѣмъ не менѣе меня, вступившаго въ эти подвиги. Для чего же онъ не сказалъ: общниковъ, но: *сообщниковъ?* Я и самъ, говоритъ, состою общникомъ другого, чтобы быть сообщникомъ благовѣствованія, т. е. чтобы имѣть участіе въ благахъ, уготованныхъ за благовѣствованіе. И то достойно удивленія, что всѣ они были такъ расположены, что могли назваться сообщниками Павловыми: *сообщниковъ*, говоритъ, *мнѣ благодати всѣхъ васъ сущихъ.* Эти начатки производятъ во мнѣ увѣренность, что вы пребудете таковыми и до конца. Не можетъ же быть, чтобы такое блистательное начало погасло и уничтожилось; напротивъ, оно будетъ имѣть славный конецъ.

4. И вотъ, такъ какъ можно участвовать въ благодати, опасностяхъ и скорбяхъ и инымъ образомъ, то, прошу васъ, постараемся и мы быть участниками. О, какъ многіе изъ стоящихъ здѣсь, или лучше, всѣ вы хотѣли бы быть соучастниками Павлу въ уготованныхъ благахъ! А это возможно, если захотите содѣйствовать и помогать тѣмъ, которые приняли его служеніе, которые терпятъ ради Христа какое-либо несчастіе. Ты видишь брата въ искушеніи? Протяни руку (помощи). Видишь учителя въ борьбѣ? Помоги. Но, скажешь, нѣтъ никого равнаго Павлу? Это и гордость и вмѣстѣ осужденіе. Согласенъ и я, что нѣтъ никого равнаго Павлу; но *пріемляй пророка во имя пророче*, сказано, *мзду пророчу пріиметъ* (Мѳ. x, 41). И они (филиппійцы) тѣмъ ли заслужили похвалу, что содѣйствовали Павлу? Нѣтъ,—но тѣмъ, что (содѣйствовали) принявшему на себя проповѣдь. Павелъ потому достоинъ былъ чести, что онъ столько терпѣлъ за Христа. Нѣтъ никого равнаго Павлу. Что я говорю—равнаго Павлу? Даже и сколько-нибудь близкаго къ этому блаженному. А проповѣдь (и нынѣ) та же, какая и тогда была. И соучастниками ему были (филиппійцы) не только тогда, какъ онъ

находился въ узахъ, но и съ самаго начала (проповѣди). Послушай въ самомъ дѣлѣ, что онъ самъ говоритъ: *вѣсте же и вы, филипписіане, яко въ началѣ благовѣствованія ни една ми церковь общевася въ слово даянія и пріятія, точію вы едини* (Филип. IV, 15). И кромѣ искушеній, учителю предстоитъ много труда, бодрствованія, подвига въ словѣ, ученія, неудовольствій, упрековъ, порицанія, зависти. Легко ли терпѣть это отъ тысячи языковъ, когда нужно заботиться о своихъ дѣлахъ? О, что мнѣ дѣлать! Я поставленъ между двумя трудностями: и хочу побуждать васъ и умолять о содѣйствіи и помощи святымъ Божіимъ, и боюсь, чтобы кто не предположилъ другого, будто я говорю это не для васъ, а для нихъ. Знайте же, что я не для нихъ это говорю, но для васъ самихъ; и если хотите внимать, то я для убѣжденія васъ представляю и самыя доказательства. Не одинаковая польза (отъ милостыни) для васъ, и для нихъ. Если вы даете, даете то, что немного спустя волею и неволею оставите, и уступите другимъ; а что принимаете, то гораздо важнѣе и больше. Или вы не увѣрены, что чрезъ даяніе получите? Если не увѣрены, то и не хочу, чтобы вы давали. Такимъ образомъ я говорю не для нихъ. Если
188 кто напередъ не убѣжденъ въ томъ, что онъ получаетъ болѣе, нежели даетъ, что онъ получаетъ величайшую пользу, что бываетъ облагодѣтельствованъ болѣе, нежели благодѣтельствуетъ,— тотъ не давай; если кто думаетъ, что онъ оказываетъ милость принимающему,—тотъ не давай. Не о пропитаніи святыхъ я такъ сильно забочусь: не дашь ты, дастъ другой. Если я чего хочу, такъ именно того, чтобы вы получили облегченіе вашихъ грѣховъ; а кто даетъ не съ такимъ расположеніемъ, тотъ не получитъ облегченія. Творить милостыню, значитъ не просто давать, но съ усердіемъ, съ радостію и съ чувствомъ благодарности къ принимающему: *не отъ скорби*, сказано, *ни отъ нужды: доброхотна бо дателя любитъ Богъ* (2 Кор. IX, 7). Итакъ, если кто даетъ не съ такимъ расположеніемъ, тотъ лучше не давай, потому что это не милостыня, а напрасная трата. Поэтому если вы знаете, что отсюда происходитъ польза для васъ, а не для нихъ, то знайте, что для васъ выгоднѣе. У нихъ питается тѣло, а у васъ душа дѣлается пріятною Богу. Имъ, когда принимаютъ, не отпускается ни одинъ грѣхъ, а вамъ прощаются многія прегрѣшенія. Итакъ, будемъ принимать участіе въ ихъ подвигахъ, чтобы участвовать съ ними и въ великихъ наградахъ. Усыновляющіе себѣ царей не думаютъ о томъ, что даютъ больше, нежели получаютъ. Усынови и ты себѣ Христа, и будешь весьма обезпеченъ. Хочешь ли ты быть соучастникомъ Павловымъ? Но что я говорю—Павловымъ, когда самъ Христосъ принимаетъ (твою милостыню)?

5. Знайте же, что я все и говорю и дѣлаю для васъ, а не объ успокоеніи другихъ забочусь. Если кто изъ предстоятелей Церкви живетъ въ изобиліи, и ни въ чемъ не нуждается, то, хотя бы онъ и святой былъ, не давай, но предпочти ему бѣднаго, хотя и не такъ почтеннаго. Почему же? Потому, что и Христосъ этого хочетъ, когда говоритъ: *егда сотвориши обѣдъ или вечерю, не зови другов твоихъ, ни сродникъ, но нищія, хромыя, слѣпыя, иже не имутъ ти что воздати* (Лук. XIV, 12—14). Да, не безъ разбора должно приглашать, но алчущихъ, жаждущихъ, нагихъ, странныхъ, впавшихъ послѣ богатства въ бѣдность. (Христосъ) не просто сказалъ: вы напитали Меня, но—алчущаго: видѣли меня алчущаго, говоритъ, и напитали (Мѳ. XXV, 35). (Здѣсь) двойная заповѣдь: если должно напитать всякаго алчущаго, то тѣмъ болѣе алчущаго святого. Если же кто и святъ, но не нуждается,— не давай ему, потому что это безполезно, и этого Христосъ не заповѣдалъ; да тотъ и не святъ, кто находится въ довольствѣ, и принимаетъ. Видишь, что это сказано не для нашего постыднаго прибытка, но для вашей пользы? Питай алчущаго, чтобы тебѣ не питать (собою) огня геенскаго,—алчущій съѣдаетъ часть твоего имущества, а остальное освящаетъ. Подумай, какъ вдова питала Илію. Она не столько питала, сколько питалась; не столько отдала, сколько получила. И теперь бываетъ то же, даже гораздо большее: наградою таковымъ служитъ не мука, и не сосудъ елея,— но что? сто разъ большее—вѣчная жизнь. Будетъ милость Божія, 189
и ты будешь пищею духовною, закваскою чистою. Она была вдова, свирѣпствовалъ голодъ, и ничто ее не остановило; были у нея дѣти, но и это не послужило препятствіемъ. Она была подобна положившей двѣ лепты. Она не сказала самой себѣ: что я получу отъ него? Онъ проситъ у меня (пищи). Если бы онъ имѣлъ какую-либо силу, то не терпѣлъ бы голода, прекратилъ бы засуху, и не подпалъ бы тѣмъ же (бѣдствіямъ). Можетъ быть и онъ оскорбилъ Бога? Ничего такого она не подумала. Видишь ли, какъ хорошо благотворить съ простотою, и не быть слишкомъ разборчивымъ относительно принимающаго благодѣяніе? Еслибъ она захотѣла много любопытствовать, то пришла бы въ недоумѣніе и не повѣрила бы. Такъ и Авраамъ, еслибъ захотѣлъ много любопытствовать, то не принялъ бы ангеловъ, потому что не бываетъ, никогда не бываетъ, чтобы слишкомъ разборчивый въ таковыхъ случаяхъ принялъ святого,—чаще всего онъ попадаетъ на обманщиковъ. Какъ это происходитъ, я объясню. Благочестивый не хочетъ казаться благочестивымъ, и не принимаетъ на себя такого вида, хотя бы ему грозило подвергнуться изъ-за этого презрѣнію; а обманщикъ, у котораго обманъ составляетъ ремесло, 190

представляется весьма благочестивымъ, такъ что его трудно распознать. Отъ этого бываетъ, что тотъ, кто дѣлаетъ добро людямъ повидимому неблагочестивымъ, попадаетъ на благочестивыхъ: а кто ищетъ почитаемыхъ благочестивыми, часто попадаетъ на неблагочестивыхъ. Итакъ, умоляю васъ, будемъ дѣлать все въ простотѣ. Положимъ, что предъ тобою и обманщикъ; но тебѣ не велѣно испытывать этого. *Всякому*, сказано, *просящему у тебе, дай* (Лук. vi, 30); и еще: *искупи убиваемыхъ, не щади* (Притч. xxiv, 11). Хотя многіе изъ подвергаемыхъ смерти подвергаются ей потому, что пойманы въ преступленіяхъ, но ты не жалѣй (подать), сказано. Чрезъ это мы уподобимся Богу, чрезъ это прославимся и получимъ нетлѣнныя блага, которыхъ и да удостоимся всѣ мы (благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА II.

189 Свидѣтель бо ми есть Богъ, яко люблю всѣхъ васъ по милости Іисусъ Христовѣ. И о семъ молюся, да любовь ваша еще паче и паче избыточествуетъ въ разумѣ и во всякомъ чувствіи. Во еже искушати вамъ лучшая, да будете чисти и непреткновенни въ день Христовъ, исполнени плодовъ правды Іисусъ Христомъ, въ славу и похвалу Божію (Филип. i, 8—11).

1. Павелъ призываетъ Бога въ свидѣтели не потому, будто не имѣли къ нему довѣрія, но дѣлаетъ это по великому расположенію, а также для большаго убѣжденія и ободренія. Такъ какъ онъ сказалъ, что они (филиппійцы) были соучастниками ему (чрезъ милостыню), то чтобы не подумали, что онъ за это любитъ ихъ, а не просто ради нихъ самихъ,—прибавилъ: *по милости Христовѣ* (ἐν σπλάγχνοις Χριστοῦ). Что это значитъ? То же, что—по Христѣ: за то, что вы вѣрны, за то, что вы любите Христа, за любовь по Христѣ. Даже не сказалъ—по любви, но гораздо сильнѣе—*по милости Христовѣ*, какъ бы такъ говоря: люблю васъ, какъ отецъ вашъ, по родству во Христѣ. Оно и даетъ намъ сердце (σπλάγχνα), сердце горячее, пламенное; такое сердце дается только истиннымъ рабамъ Его. Такимъ-то сердцемъ, говоритъ, (я люблю васъ); какъ бы такъ сказалъ: люблю васъ сердцемъ не плотскимъ, но пламеннѣйшимъ, Христовымъ. *Яко люблю всѣхъ васъ*, говоритъ.
190 Люблю всѣхъ, потому что и вы всѣ любите меня; а какъ сильно

люблю, нельзя и выразить, словами не могу изобразить любви моей, предоставляю видѣть ее Богу, проникающему сердца. (Апостолъ) не призвалъ бы Бога въ свидѣтели, если бы льстилъ имъ, потому что это небезопасно. *И о семъ*, говоритъ, *молюся, да любовь ваша еще паче и паче избыточествуетъ.* Хорошо сказано, потому что любовь—ненасытное благо. Смотри, какъ онъ, будучи любимъ, хочетъ еще болѣе быть любимымъ. Кто такъ любитъ любимаго, тотъ не хочетъ, чтобы любовь послѣдняго имѣла когда-либо предѣлъ. Нѣтъ мѣры этому благу. Потому Павелъ хочетъ, чтобы этимъ благомъ они всегда были обязаны: *ни единому же ничимже должни бывайте*, говоритъ онъ, *точію еже любити другъ друга* (Рим. XIII, 8). Мѣра любви есть безконечность. *Да любовь ваша*, говоритъ, *еще паче и паче избыточествуетъ.* Замѣть сочетаніе словъ. Сказано: *да еще паче и паче избыточествуетъ въ разумѣ и во всякомъ чувствіи.* Высоко цѣнитъ не просто дружбу, не просто любовь, но любовь происходящую отъ *разума*, то есть, не ко всѣмъ одинаковую любовь, потому что такая любовь будетъ не любовь, а равнодушіе. Что такое—*въ разумѣ?* То есть, съ разсужденіемъ, съ размышленіемъ, съ чувствомъ. Есть вѣдь и такіе, которые любятъ безразсудно, зря, какъ случится, отчего и дружба ихъ не бываетъ крѣпка. *Въ разумѣ*, говоритъ, *и во всякомъ чувствіи, во еже искушати вамъ лучшая*, то есть, полезное. Я это го- 191
ворю не для себя, но для васъ, говоритъ (апостолъ), потому что опасно, какъ бы кто, любя еретиковъ, не заразился отъ нихъ. На все это намекаетъ онъ, когда говоритъ такимъ образомъ. И замѣть, какъ онъ располагаетъ слова: не для себя это говорю я, но *да вы будете чисти*, то есть, чтобы вы подъ личиною любви не приняли ложнаго ученія. Какъ же онъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *аще возможно, со всѣми человѣки миръ имѣйте* (Рим. XII, 18)? Выраженіе: *миръ имѣйте*, не значитъ: любите такъ, чтобы отъ дружбы терпѣть вамъ вредъ: *аще бо*, сказано, *око твое десное соблажняетъ тя, изми е, и верзи отъ себе* (Мѳ. V, 29),—но: *да будете чисти*, т. е. предъ Богомъ, *и непреткновенни*, т. е. предъ людьми. Дружба часто многимъ вредитъ; если тебѣ самому и не вредитъ нисколько, зато другой соблазняется. *Въ день Христовъ*, то есть, чтобы вамъ тогда явиться чистыми, никого не соблазнившими. *Исполнени плодовъ правды Іисусъ Христомъ, въ славу и похвалу* Божію, то есть, при правомъ ученіи и живя праведно. Слѣдуетъ быть не просто праведнымъ, но исполненнымъ плодовъ правды,—потому что есть правда и не по Христѣ, какъ напримѣръ обыкновенная честная жизнь,—*плодовъ Іисусъ Христомъ*, говоритъ, *въ славу и похвалу Божію.* Видишь ли, что я говорю не о своей славѣ, но о правдѣ Божіей? Во многихъ же мѣстахъ

(апостолъ) правдою называетъ и милостыню. Пусть не препятствуетъ вамъ любовь, говоритъ, познавать полезное, и пусть не падешь по любви къ кому-либо. Я желаю, чтобы ваша любовь возрастала, однакожъ не такъ, чтобы вы терпѣли вредъ; и желаю, чтобы вы не просто согласились со мною, но чтобы испытали, справедливо ли мы говоримъ. Онъ не сказалъ: примите мои наставленія, но—искушайте, и не сказалъ прямо: не сближайтесь съ такимъ-то, но—я хочу, чтобы любовь служила къ вашей пользѣ, чтобы ваше расположеніе не было безразсудно. Вѣдь неразумно, если вы совершаете правду не для Христа, и не чрезъ Него. Вотъ еще выраженіе: чрезъ Него! Ужели онъ пользовался Богомъ, какъ слугою? Вовсе нѣтъ: не для того я такъ сказалъ, говоритъ (апостолъ), чтобы меня хвалили, но чтобы прославлялся Богъ. *Разумѣти же хощу вамъ, братіе, яко, яже о мнѣ, паче во успѣхъ благовѣствованія пріидоша. Яко узы мои явленны о Христѣ быша во всемъ судищи и въ прочихъ всѣхъ* (ст. 12, 13).

2. Вѣроятно, (филиппійцы) услышавъ, что (апостолъ) въ узахъ, скорбѣли и думали, что проповѣдь прекратилась. Что же онъ дѣлаетъ? Тотчасъ уничтожаетъ это предположеніе, и говоритъ: *яже о мнѣ, паче во успѣхъ благовѣствованія пріидоша.* И это свойство любящаго—объяснить свои обстоятельства, потому что о нихъ безпокоились. Что ты говоришь? Ты въ узахъ, тебѣ пре-
192 пятствуютъ,—какъ же преуспѣваетъ Евангеліе? *Яко узы мои,* говоритъ, *явленны о Христѣ быша во всемъ судищи.* Это не только не заградило устъ другимъ и не сдѣлало ихъ боязливыми, но напротивъ еще сдѣлало ихъ больше дерзновенными. Итакъ, если тѣ, которые находились близъ опасностей, не потерпѣли никакого вреда, напротивъ еще больше получили дерзновенія, то тѣмъ болѣе вы должны быть дерзновенны. Если бы связанный носилъ узы съ прискорбіемъ, и молчалъ, то естественно было бы и имъ находиться въ такомъ же состояніи; а какъ связанный дѣйствовалъ еще смѣлѣе, то придавалъ имъ смѣлости болѣе, нежели если бы не былъ связанъ. Какъ же узы послужили къ успѣху Евангелія? Богъ такъ устроилъ, говоритъ (апостолъ), что узы мои во Христѣ и для Христа не оставались неизвѣстными *во всемъ судищи,*—каковымъ именемъ называли тогда дворецъ. И не только *въ судищи,* но и во всемъ городѣ. *И множайшіи братія о Господѣ, надѣявшіися о узахъ моихъ, паче дерзаютъ безъ страха слово глаголати* (ст. 14). Этимъ показываетъ, что и прежде они поступали смѣло, и говорили съ дерзновеніемъ; а теперь гораздо болѣе. Итакъ, если другіе, говоритъ, по причинѣ моихъ узъ становятся дерзновенными, то гораздо болѣе я (самъ); если я другихъ сдѣлалъ дерзновенными, то тѣмъ болѣе самъ долженъ

быть таковымъ. *И множайшіи братія о Господѣ.* Такъ какъ много значило сказать, что мои узы произвели въ нихъ дерзновеніе, то напередъ сказалъ: *о Господѣ.* Видишь ли, какъ (апостолъ), и при необходимости похвалиться, не оставляетъ скромности? *Паче дерзаютъ*, говоритъ, *безъ страха слово Божіе глаголати.* Словомъ—*паче* показываетъ, что они уже начали. *Нѣцыи убо по зависти и ревности, друзіи же и за благоволеніе Христа проповѣдаютъ* (ст. 15). Значеніе этихъ словъ достойно изслѣдованія. Такъ какъ Павелъ былъ въ узахъ, то многіе изъ невѣрныхъ, желая возбудить царя къ жестокому гоненію, и сами проповѣдывали Христа, чтобы распространеніемъ проповѣди увеличить гнѣвъ царя, и чтобы всю ярость обратить на главу Павлову. Итакъ, узы произвели двоякое дѣйствіе: въ однихъ возбудили великое дерзновеніе, а другихъ, ободренныхъ надеждою моей погибели, расположили проповѣдывать Христа. *Нѣцыи убо по зависти*, т. е.: завидующіе моей славѣ и (хорошему) началу, желающіе моей погибели, и состязающіеся со мною, содѣйствуютъ мнѣ, или же: думающіе уменьшить сколько-нибудь мою славу для того, чтобы и самимъ быть въ чести. *Друзіи же и за благоволеніе*, т.е. безъ лицемѣрія, со всѣмъ усердіемъ. *Ови убо отъ рвенія Христа возвѣщаютъ нечисто* (ст. 16), т. е. не безъ примѣси (лжи), и не для самаго дѣла,—но для чего? *Мняще печаль нанести узамъ моимъ*,—думая такимъ образомъ ввергнуть меня въ бóльшую бѣду, они скорбь прилагаютъ къ скорби. О, жестокость! О, діавольское дѣйствованіе! Видѣли, что онъ въ узахъ и заключенъ въ темницѣ,—и еще злоумышляли, хотѣли увеличить его несчастія и подвергнуть большему гнѣву. Хорошо сказалъ (апостолъ): *мняще*,—по- 193
тому что случилось не такъ. Они думали чрезъ это опечалить меня; а я радовался успѣху проповѣди. Такъ-то возможно и доброе дѣло дѣлать не съ добрымъ намѣреніемъ,—за что не только не будетъ награды, но еще наказаніе. Если проповѣдывали Христа съ тою цѣлію, чтобы проповѣдника Христова ввергнуть въ большія бѣды, то не только не получатъ награды, но будутъ подлежать наказанію и мученію. *Ови же отъ любве, вѣдяще, яко во отвѣтъ благовѣствованія лежу* (ст. 17). Что значитъ: *яко во отвѣтъ благовѣствованія лежу?* Это значитъ: они облегчаютъ мою отвѣтственность предъ Богомъ, и нѣкоторымъ образомъ помогаютъ мнѣ въ отвѣтѣ. Какъ бы такъ говоритъ (апостолъ): мнѣ заповѣдано проповѣдывать, и я долженъ буду дать отчетъ и отвѣчать за дѣло, которое мнѣ заповѣдано; потому они мнѣ помогаютъ такъ, что отвѣчать мнѣ стало легче; если найдется много наученныхъ и увѣровавшихъ, то отвѣчать будетъ мнѣ легко. *Что убо? Обаче всяцѣмъ образомъ, аще виною, аще истиною. Христосъ*

проповѣдаемь есть (ст. 18). Замѣть благоразуміе мужа: онъ не сильно ихъ обвинилъ, а высказалъ то, что было. Что мнѣ до того, говоритъ, такъ или иначе? *Обаче всяцѣмъ образомъ, аще виною, аще истиною, Христосъ проповѣдаемь есть.* Не сказалъ повелительно: пусть проповѣдуется; но, во-первыхъ, высказалъ случившееся, а во-вторыхъ, если и повелительно сказалъ, то и такимъ образомъ не ввелъ ересей.

3. Изслѣдуемъ дѣло, если угодно, и мы найдемъ, что хотя онъ и приказывалъ проповѣдывать такъ, какъ) они (проповѣдывали, однакожъ отъ этого не произошло ереси. Почему? Потому что они проповѣдывали здраво, только цѣль и намѣреніе, съ которыми такъ поступали, были извращены, а самая проповѣдь не измѣнена. И весьма необходимо было имъ такъ проповѣдывать. Почему? Потому, что если бы они проповѣдывали иначе, нежели Павелъ, еслибъ учили иначе, нежели онъ, то не усилили бы гнѣва царскаго. А теперь тѣмъ, что распространяли его проповѣдь и учили подобно ему, и такихъ же учениковъ ему пріобрѣтали, они могли вооружить царя, такъ какъ появилось великое множество учениковъ. Но какой-нибудь нечестивецъ и глупецъ, привязавшись къ этому мѣсту, скажетъ: еслибъ они хотѣли огорчить Павла, то конечно дѣйствовали бы наоборотъ: разогнали бы и увѣровавшихъ уже, а не стали бы умножать вѣрныхъ. Что же мы скажемъ на это? То, что они имѣли въ виду одно—подвергнуть Павла настоящимъ опасностямъ, не допустить избѣжать ихъ, и этимъ они думали болѣе, нежели тѣмъ, опечалить его, и прекратить проповѣдь. А иначе они укротили бы гнѣвъ царя, и дали бы (апостолу) выйти изъ заключенія, и опять проповѣдывать; умертвивъ же его, они думали такимъ образомъ все съ нимъ уничтожить. Но это постигали не многіе, а нѣкоторые жестокіе и самые дурные. Потомъ (апостолъ) говоритъ: *и о семъ радуюся, но и возрадуюся.* Что значитъ: *но и возрадуюся?* Значитъ: если бы больше и больше (такъ) дѣлали,—потому что они про-
194 тивъ воли содѣйствуютъ мнѣ, и за труды свои потерпятъ наказаніе, а я, нисколько не помогая (имъ), получу награду. Что можетъ быть злѣе діавола, который додумался до того, чтобы самую проповѣдь обратить въ причину наказанія для тѣхъ, кому внушилъ принять эту проповѣдь? Видишь ли, въ какую бѣду ввергаетъ онъ своихъ (слугъ)? За проповѣдь и труды придумываетъ имъ наказаніе и мученіе. И какой бы другой непріятель и врагъ спасенія ихъ все такъ устроилъ? Видишь ли, что врагъ истины нисколько не силенъ, а больше уязвляетъ себя самого, подобно идущему противу рожна? *Вѣмъ бо, яко сіе сбудется ми во спасеніе вашею молитвою и поданіемъ Духа Іисусъ Христова*

(ст. 19). Нѣтъ ничего злѣе діавола. Такъ онъ повсюду обременяетъ и развлекаетъ своихъ безполезными трудами, и не только не допускаетъ получить награду, но умѣетъ еще сдѣлать ихъ достойными наказанія. Онъ предписываетъ имъ не только проповѣдь, но и такой постъ и дѣвство, которые не только лишатъ ихъ награды, но и причинятъ великое зло соблюдающимъ ихъ. О нихъ-то и говоритъ (апостолъ) въ другомъ мѣстѣ: *сожженныя своею совѣстію* (1 Тим. IV, 2). Потому, прошу васъ, будемъ за все благодарить Бога,—что Онъ и труды облегчилъ для насъ, и награды умножилъ. Наградъ, какія получаютъ у насъ живущіе цѣломудренно въ бракѣ, не получаютъ тѣ, которые у нихъ соблюдаютъ дѣвство; соблюдающіе дѣвство у еретиковъ подлежатъ тому же наказанію, какому и блудники. Почему? Потому что они ничего не дѣлаютъ съ доброю цѣлью, но съ цѣлью клеветы на Божье твореніе и Его неизреченную премудрость. Итакъ, не будемъ безпечны; Богъ назначилъ намъ подвиги умѣренные, никакого труда не требующіе. Впрочемъ, не будемъ изъ-за этого пренебрегать ими. Вѣдь если еретики напрягаютъ силы свои на труды безполезные, то чѣмъ мы будемъ извиняться въ томъ, что не хотимъ понести трудовъ и меньшихъ, между тѣмъ сопровождающихся большею наградою? Какая въ самомъ дѣлѣ изъ заповѣдей Христовыхъ тяжка и трудна? Ты не можешь оставаться въ дѣвствѣ? Можешь жениться. Не можешь оставить всего своего имѣнія? Можешь изъ того, что у тебя есть, удѣлять: *ваше избыточествіе*, говоритъ, *во онѣхъ лишеніе* (2 Кор. VIII, 14). Труднымъ представляется презирать деньги и побѣждать плотскую похоть, а все другое не требуетъ никакихъ издержекъ, никакого усилія. Нужно ли, скажи мнѣ, какое усиліе, чтобы безъ причины не злословить и не клеветать? Нужно ли какое усиліе, чтобы не завидовать благамъ другихъ? Нужно ли какое усиліе, чтобы не плѣняться славою? Подвергаться мученіямъ и переносить ихъ—это дѣло терпѣнія; упражняться въ любомудріи—дѣло терпѣнія; переносить бѣдность—дѣло терпѣнія; бороться съ голодомъ и жаждою—дѣло терпѣнія. Но хотя бы и ничего такого не было, все же можно, наслаждаясь тѣмъ, что имѣешь, какъ прилично христіанину, не завидовать чужому: какое (тутъ) усиліе? Зависть раждается не отчего другого, какъ отъ привязанности къ настоящему, или лучше (отсюда) и всякое зло. Еслибъ ты считалъ за ничто богатство и славу міра, то не завидовалъ бы тѣмъ, которые этимъ обладаютъ.

4. Но такъ какъ ты смотришь на нихъ съ изумленіемъ, вы- 195
соко цѣнишь и боишься за нихъ, то и тревожитъ тебя зависть и тщеславіе. Все происходитъ оттого, что высоко цѣнятъ (блага)

настоящей жизни. Ты завидуешь, что такой-то богатъ? Между тѣмъ онъ-то и достоинъ сожалѣнія и слезъ. Но ты скажешь тотчасъ съ усмѣшкою: я достоинъ слезъ, а не онъ. И ты достоинъ слезъ, не потому, что бѣденъ, но потому, что считаешь себя жалкимъ. Тѣхъ, которые горюютъ, не имѣя никакого горя, мы оплакиваемъ не потому, что ихъ постигло какое-либо несчастіе, но потому, что они безъ несчастія считаютъ себя несчастными. Если бы кто, освободясь отъ горячки и совершенно выздоровѣвши, продолжалъ стонать и ворочаться, лежа на постелѣ,—такой, скажи мнѣ, не достоинъ ли былъ бы слезъ болѣе, нежели тѣ, которые страдаютъ горячкою, не потому, что онъ въ горячкѣ (вѣдь онъ уже не въ горячкѣ), но потому, что онъ, будучи внѣ всякой опасности, думаетъ, что еще въ опасности? И ты достоинъ слезъ потому, что считаешь себя жалкимъ, а не по бѣдности; ради бѣдности ты даже очень благополученъ. Почему ты завидуешь богачу? Потому ли, что онъ подвергаетъ себя большимъ безпокойствамъ и тягчайшему рабству? Что онъ своими стяжаніями связанъ, какъ бы какой песъ безчисленными цѣпями? Пришелъ вечеръ, настала ночь; но для него и это время покоя есть время смятенія, неудовольствія, печали и заботы. Послышался шумъ? Онъ тотчасъ вскочилъ. Кого-нибудь ограбили? Онъ, не лишившись ничего, безпокоится болѣе того, кто лишился; тотъ однажды потерялъ, и поскорбѣвши пересталъ безпокоиться; а онъ озабоченъ непрестанно, (даже когда) настаетъ ночь, предѣлъ нашихъ бѣдъ, облегченіе нашихъ несчастій, врачество ранъ. И одержимые сильною какою-либо болѣзнію, будучи утѣшаемы друзьями, родственниками и домашними, а часто и родителями, не внимали и не склонялись, но даже негодовали на ихъ слова, потому что жестокая болѣзнь болѣе всякаго жара мучитъ наши души; но когда сонъ заставлялъ успокоиться, то не въ силахъ были и поднять вѣкъ. И какъ тѣло разгоряченное и изнуренное отъ борьбы съ знойными лучами находитъ успокоеніе въ какомъ-нибудь мѣстѣ, орошаемомъ многими источниками, и прохлаждаемомъ легкимъ вѣтеркомъ, такъ ночь успокоиваетъ во снѣ нашу душу, а лучше сказать—не ночь, и не сонъ дѣлаетъ это, но Богъ, предвидя бѣдственность рода (человѣческаго), все это устроилъ.

Однакожъ мы не жалѣемъ сами себя, а, какъ враги самимъ себѣ, выдумали мученіе, которое сильнѣе естественной необходимости и покоя—безсонницу отъ богатства. *Попеченіе богатства*, сказано, *отгоняетъ сонъ* (Сирах. XXXI, 1). Смотри, какъ велико попеченіе Божіе! Онъ не оставилъ отдыха на волю и пользованія сномъ на нашъ произволъ, но подчинилъ естественной не-

обходимости, чтобы мы и противъ воли получали благодѣяніе: вѣдь спать—дѣло естественное. А мы, какъ бы сильно ненавидя самихъ себя, какъ бы противъ другихъ (а не противъ себя) враждуя и другихъ угнетая, изъ-за денегъ выдумываемъ мученіе, которое сильнѣе этой естественной необходимости. Насталъ день? (Богачъ) боится доносчиковъ. Настала ночь? Трепещетъ разбойниковъ. Угрожаетъ смерть? Онъ болѣе смерти поражается тѣмъ, что его (стяжанія) достанутся другимъ. Имѣетъ дитя? Хо- 198
четъ быть богаче, и все-то ему кажется, что онъ бѣденъ. Не имѣетъ (дѣтей)? Еще больше скорбитъ. Ужели же ты почитаешь счастливымъ того, кого ничто не можетъ порадовать? Тому ли, кого обуреваютъ волны, завидуешь ты, находящійся въ тихой пристани—въ бѣдности? Подлинно и это слабость человѣческой природы, что не надлежащимъ образомъ пользуются благами, но, находясь въ счастіи, удручаются. И это здѣсь. А когда перейдемъ туда, то послушай, что говоритъ богачъ, обладатель безчисленныхъ благъ, какъ ты говоришь, хотя я не назвалъ бы ихъ благами, а вещію безразличною. Итакъ послушай, что говоритъ этотъ обладатель безчисленныхъ благъ и въ чемъ имѣетъ нужду: *отче Аврааме*, говоритъ, *посли Лазаря, да концомъ перста устудитъ языкъ мой, яко стражду* (Лук. XVI, 24). Если этотъ богачъ не терпѣлъ ничего такого, о чемъ я говорилъ, если всю жизнь провелъ спокойно и безъ заботъ,—впрочемъ что я говорю всю жизнь? одно мгновеніе, потому что (жизнь) мгновеніе: какъ бы одно мгновеніе, говорится, весь нашъ вѣкъ предъ вѣкомъ безконечнымъ,—итакъ, если все шло по его желанію, то не жалокъ ли онъ по тѣмъ словамъ своимъ; а болѣе по своимъ дѣламъ? Не вино ли лилось на твоемъ столѣ? А теперь и капля воды не въ твоей власти,—и въ этомъ ты весьма нуждаешься. Не презиралъ ли ты бѣднаго, покрытаго ранами? А теперь желалъ бы увидѣть его, но никто не допускаетъ. Онъ былъ у твоихъ воротъ, а теперь въ нѣдрахъ Авраамовыхъ; ты же возлежалъ подъ пространными кровлями, а теперь въ огнѣ геенскомъ.

5. Пусть выслушаютъ это богатые, или лучше, не богатые, а немилосердые. Онъ не за то наказанъ, что былъ богатъ, но за то, что былъ немилостивъ; богатый же и вмѣстѣ милостивый можетъ получить всякое благо. Богачъ не видитъ никого другого, кромѣ того нищаго (Лазаря) для того, чтобы, вспомнивъ дѣла свои, узналъ, что праведно терпитъ это. Не великое ли множество было бѣдныхъ праведниковъ? Но ему является тотъ самый, который лежалъ предъ его воротами, научая его и насъ, какъ хорошо не надѣяться на богатство. Ему бѣдность нисколько не попрепятствовала получить царство, а тому богатство ни-

сколько не помогло избѣжать геенны. Ктожъ бѣдные? Кто нищіе? Не тотъ, истинно не тотъ бѣденъ, кто ничего не имѣетъ, но кто желаетъ многаго; и не тотъ богатъ, кто пріобрѣлъ много, но кто ни въ чемъ не нуждается. Какая польза пріобрѣсть всю вселенную, а жить печальнѣе ничего не имѣющаго? Свободная воля дѣлаетъ богатыми и бѣдными, а не изобиліе стяжаній, и не скудость. Ты, бѣдный, хочешь быть богатымъ? Можешь, если хочешь, и никто не препятствуетъ; пренебреги богатствомъ міра; почитай его за ничто, какъ бы его и не было; отринь желаніе богатства,—и ты богатъ. Тотъ богатъ, кто не хочетъ быть богатымъ; и тотъ бѣденъ, кто не хочетъ быть бѣднымъ. Какъ боленъ тотъ, кто и при здоровьѣ стонетъ, а не тотъ, для кого болѣзни легче всякаго здоровья,—такъ и здѣсь: бѣденъ тотъ, кто не можетъ сносить бѣдности, и при богатствѣ считаетъ себя бѣднѣе
197 бѣдныхъ, а не тотъ, кто лучше богатыхъ сноситъ бѣдность,—последній гораздо богаче. Скажи мнѣ: отчего ты боишься бѣдности? Отчего ты дрожишь? Отъ голода ли, или жажды, или стужи, или не отъ этого? Но нѣтъ, нѣтъ человѣка, который бы терпѣлъ когда-либо такіе недостатки. *Воззрите на древнія роды, и видите: кто вѣрова Господеви, и оставися, или кто упова на Него, и постыдѣся* (Сир. II, 10)? И еще: *воззрите на птицы небесныя, яко не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ* (Мѳ. VI, 26). Никто не можетъ указать намъ ни одного такого, кто вдругъ погибъ бы отъ голода и стужи. Почемужъ ты трепещешь бѣдности? Нечего тебѣ (на это) сказать. Если у тебя есть необходимое, то почему боишься (бѣдности)? Потому ли, что нѣтъ у тебя множества рабовъ? Это избавленіе отъ господства, это постоянное счастье, это свобода отъ заботъ. Или потому, что не имѣешь сосудовъ, кроватей, утвари, сдѣланныхъ изъ серебра? Но что болѣе тебя имѣетъ для наслажденія тотъ, кто пріобрѣлъ все это? Ничего. Польза (отъ вещей) одинакова, изъ того или изъ другого вещества онѣ будутъ. Или потому, что для многихъ ты нестрашенъ? Но и не будь (таковымъ) никогда. Какое удовольствіе въ томъ, что нѣкоторые дрожатъ и боятся тебя? Или потому, что ты боишься другихъ? Но можно не бояться. *Хощеши ли не боятися власти? Благое твори, и имѣти будеши похвалу отъ нея* (Рим. XIII, 3). Но, говорятъ, мы въ пренебреженіи, и насъ легко оби-
198 дѣть? Но не бѣдность, а порокъ наиболѣе производитъ это. Въ то время, какъ многіе бѣдняки проводятъ всю жизнь безъ заботъ, начальникамъ, богатымъ и сильнымъ труднѣе избавиться отъ всѣхъ злодѣевъ, разбойниковъ и гробокопателей. Что тебѣ причиняетъ бѣдность, то богатому богатство. Желающіе дѣлать

зло дѣлають его какъ тебѣ изъ презрѣнія, такъ богатому по ненависти и зависти,—и въ послѣднемъ случаѣ зла больше, чѣмъ въ первомъ, потому что побудительная причина къ злу здѣсь сильнѣе. Ненавистникъ дѣлаетъ все со всевозможнымъ напряженіемъ и силою, а презритель часто и щадитъ презираемаго. Для бѣднаго уже то самое, что онъ бѣденъ, что не можетъ имѣть силы, служитъ ко спасенію. Когда мы скажемъ обидчику нищаго: великое ли дѣло ты сдѣлаешь, если истребишь такого-то, если убьешь одного бѣдняка, велика ли будетъ твоя награда?—то этими словами укротимъ его гнѣвъ. А когда противъ богачей возстаетъ зависть, то не прежде она утихаетъ, какъ совершивши то, что хочетъ, и изливши ядъ свой. Видишь ли, что добро не въ бѣдности и не въ богатствѣ, но въ нашемъ намѣреніи? Итакъ, направимъ его къ добру и сдѣлаемъ благоразумнымъ. Если ему будетъ дано хорошее направленіе, то ни богатство не сможетъ насъ лишить царства, ни бѣдность причинить намъ вреда; мы будемъ съ кротостію сносить бѣдность, не имѣя (въ ней) препятствія къ полученію будущихъ благъ, даже и настоящихъ, но и настоящими благами насладимся, и небесныхъ достигнемъ, которыхъ и да сподобимся всѣ мы (благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому со Отцемъ и Святымъ Духомъ слава, держава и честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА III.

И о семъ радуюся, но и возрадуюся. Вѣмъ бо, яко сіе 197
сбудется ми во спасеніе вашею молитвою, и поданіемъ Духа Іисусъ Христова, по чаянію и упованію моему, яко ни о единомъ же постыжуся, но во всякомъ дерзновеніи, якоже всегда, и нынѣ возвеличится Христосъ въ тѣлѣ моемъ, аще животомъ, аще ли смертію (Филип. і, 18—20).

1. Никакая скорбь изъ случающихся въ настоящей жизни, ни вражда, ни порицанія, ни клеветы, ни бѣды, ни козни не могутъ возмутить великую и любомудрую душу,—потому что она какъ бы убѣжала на вершину нѣкоторой высокой горы, гдѣ стала безопасна отъ всѣхъ стрѣлъ, пускаемыхъ снизу, съ земли. Такова была душа Павлова, нашедшая себѣ высшее всякой вершины мѣсто—мѣсто любомудрія духовнаго, истинной философіи. То, чѣмъ заняты люди внѣшніе (язычники), это — только слова

и дѣтскія забавы. Но теперь рѣчь не о нихъ, пока мы говоримъ о дѣлахъ Павловыхъ. Этотъ блаженный, будучи преслѣдуемъ царемъ, имѣлъ еще и другихъ враговъ, которые причиняли ему различныя огорченія и жестоко клеветали на него. И однако, что онъ говоритъ? Не только не скорблю объ этомъ и не уны-
198 ваю, но даже *радуюся, и возрадуюся*, т. е. не теперь только, но всегда буду этому радоваться. *Вѣмъ бо, яко сіе сбудется мнѣ во спасеніе* будущее. И можетъ ли не сбыться, когда и вражда противъ меня и зависть содѣйствуютъ моей проповѣди? *Вашею молитвою*, говоритъ, *и поданіемъ Духа Іисусъ Христова, по чаянію и упованію моему*. Замѣть смиренномудріе этого блаженнаго. Онъ подвизался на трудномъ поприщѣ, совершилъ безчисленное множество дѣлъ, находился уже у самаго вѣнца, — вѣдь это былъ Павелъ, а что еще больше можно сказать?—и однакожъ онъ, безчисленными добродѣтелями стяжавшій спасеніе, пишетъ филиппійцамъ, что могу спастись *вашею молитвою. И поданіемъ*, говоритъ, *Духа Іисусъ Христова*. Что значитъ—*поданіемъ*? Значитъ: чтобы за ваши молитвы удостоиться благодати. Выраженіе: *поданіемъ* равносильно слѣдующему: чтобы прибавлено было, чтобы болѣе дано было мнѣ Духа. *Во спасеніе*, то есть, для освобожденія, для того, чтобы мнѣ и настоящей бѣды избѣгнуть такъ же, какъ и первой. О первой онъ сказалъ: *въ первый мой отвѣтъ никтоже бысть со мною: да не вмѣнится имъ: но Господь мнѣ предста,*
199 *и укрѣпи мя* (2 Тим. IV, 16). То же и теперь уже предсказываетъ, говоря: *вашею молитвою, и поданіемъ Духа Іисусъ Христова, по чаянію и упованію моему*. На этомъ, говоритъ, основывается моя надежда. Чтобы мы, полагаясь во всемъ на молитвы другихъ, сами не оставались безъ всякаго участія, для этого смотри, какъ (апостолъ) указываетъ и на свою долю—на надежду, причину всѣхъ благъ, по слову пророка: *буди, Господи, милость Твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя* (Псал. XXXII, 22); и въ другомъ мѣстѣ: *воззрите на древнія роды, и видите: кто упова на Господа, и постыдѣся* (Сир. II, 10)? и еще блаженный (Павелъ) сказалъ: *упованіе же не посрамитъ* (Рим. V, 5). *По чаянію*, говоритъ, *и упованію моему, яко ни о единомъ же постыжуся*. Такова надежда Павлова: надѣюсь, что никогда не буду посрамленъ. Видишь ли, каково надѣяться на Бога? Что бы ни случилось, говоритъ (апостолъ), *не постыжуся*, т. е. (враги) не одолѣютъ меня. *Но во всякомъ дерзновеніи, якоже всегда, и нынѣ возвеличится Христосъ въ тѣлѣ моемъ*. (Враги) надѣялись своею сѣтію уловить Павла, проповѣданное имъ ученіе истребить, какъ будто коварство ихъ могло это сдѣлать. Потому онъ говоритъ, что этого не будетъ, я умру не теперь: *но якоже всегда, и нынѣ возвеличится Христосъ въ*

тѣлѣ моемъ. Какъ? Часто я находился въ такихъ бѣдахъ, въ которыхъ не только всѣ отчаивались о насъ, но и мы сами о себѣ,—*сами бо въ себѣ осужденіе смерти имѣхомъ* (2 Кор. 1, 9); но Господь избавилъ насъ отъ всего. Такъ *и нынѣ возвеличится въ тѣлѣ моемъ.* А чтобы кто не подумалъ и не сказалъ: если ты умрешь, то неужели возвеличится?—говоритъ: да, я увѣренъ, потому-то я и не сказалъ, что жизнію только возвеличится, но и смертію. Сперва впрочемъ сказалъ: *жизнію,*—не умертвятъ меня; но если и умертвятъ, то и чрезъ это возвеличится Христосъ. Какъ? Жизнію, потому что Онъ спасъ меня; смертію, потому что и смерть не принудила меня отречься отъ Него, потому что Онъ даровалъ мнѣ столько ревности, и сдѣлалъ меня сильнѣе смерти. Въ первомъ случаѣ Онъ избавилъ меня отъ бѣдъ, а въ послѣднемъ не допустилъ меня убояться насильственной смерти. Вотъ какъ (Господь) возвеличится жизнію и смертію.

2. Говоритъ же это не потому, будто уже предстояла ему смерть, но чтобы они и въ случаѣ смерти его не сокрушались по-человѣчески. А что онъ сказалъ это не потому, будто предстояло ему умереть,—чѣмъ весьма огорчилъ бы ихъ,—то смотри, какъ онъ утѣшаетъ, какъ бы такъ говоря: я говорю это не какъ имѣющій умереть. Потому и присовокупляетъ далѣе: *и сіе извѣстнѣ вѣмъ, яко буду и спребуду вамъ всѣмъ.* А слова: *ни о единомъ же постыжуся* значатъ: умереть мнѣ нестыдно, напротивъ весьма полезно. Почему? Потому, что я не безсмертенъ,—впрочемъ буду въ большей славѣ, нежели въ какой былъ бы, оставаясь безсмертнымъ на землѣ, такъ какъ не одно и то же 200
презирать смерть будучи безсмертнымъ, и будучи смертнымъ. Поэтому ни мало непостыдно умереть и теперь, хотя я и не умру. *Ни о единомъ же постыжуся,*—т. е. буду ли живъ, или умру: то и другое приму благодушно—жить ли мнѣ или умереть. Хорошо сказано: таково именно (свойство) христіанской души. *Но во всякомъ,* говоритъ, *дерзновеніи.* Видишь ли, какъ не посрамляюсь? Если бы страхъ смерти отнялъ у меня дерзновеніе, то умереть было бы постыдно. Когда же и приближающаяся смерть нимало не страшитъ, то непостыдно. Живу ли я, мнѣ нестыдно жить, потому что проповѣдую благовѣстіе; умру ли, нестыдно умереть, потому что не страшусь. (Въ томъ и другомъ случаѣ) я показываю равное дерзновеніе. Не почтите постыднымъ дѣломъ того, что я сказалъ объ узахъ. Онѣ были причиною столь великихъ благъ для меня, что и другимъ придали дерзновенія. Стыдно не то, чтобы быть въ узахъ за Христа, но (стыдно) въ чемъ-нибудь измѣнить Христу, убоявшись узъ, такъ что, пока этого нѣтъ, узы производятъ во мнѣ дерзновеніе.

Я часто не избѣгалъ опасностей, и этимъ могу похвалиться предъ невѣрными, а если со мною случится что-нибудь противное, тогда считайте меня посрамленнымъ, потому что и послѣднее не меньше перваго и даетъ вамъ дерзновеніе. Смотри, какъ (апостолъ) сводитъ это къ своему лицу; это же дѣлаетъ онъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ посланіи къ Римлянамъ говоритъ: *не стыжуся бо благовѣствованіемъ* (Рим. I, 16), и къ Коринѳянамъ: *сія же преобразихъ на себе и Аполлоса* (1 Кор. IV, 6). *Аще животомъ, аще ли смертію.* Говоритъ онъ это не потому, чтобы не зналъ,—онъ зналъ, что не тогда, а послѣ умереть,—но заблаговременно подготовляетъ къ этому ихъ душу. *Мнѣ бо*, говоритъ, *еже жити Христосъ, и еже умрети пріобрѣтеніе* (ст. 21): и умерши, говоритъ, я не умру, такъ какъ имѣю жизнь въ себѣ самомъ. Только тогда (враги) умертвили бы меня, когда бы могли страхомъ исторгнуть вѣру изъ моей души; доколѣ Христосъ со мною, я живъ, хотя бы и смерть случилась. Даже и въ настоящемъ вѣкѣ не то составляетъ жизнь мою, что живу, но—Христосъ. Если и въ этомъ вѣкѣ не въ томъ состоитъ жизнь, *а еже нынѣ живу во плоти, вѣрою живу*, то и о будущемъ вѣкѣ я говорю, что *живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. II, 20). Таковъ долженъ быть христіанинъ. Не живу, говоритъ, обыкновенною жизнію. Какъ же ты живешь, блаженный Павелъ? Ужели не смотришь на солнце? Ужели не дышешь общимъ воздухомъ? Ужели не питаешься общею всѣмъ пищею? Ужели не ходишь по землѣ, какъ мы, не имѣешь нужды во снѣ, въ одеждѣ, въ обуви? Что ты говоришь: не живу? Какъ не живешь? Что ты хвалишься? (Нѣтъ), это не тщеславіе. Если бъ объ этомъ не свидѣтельствовали дѣла, то конечно можно бы назвать тщеславіемъ. А такъ какъ дѣла свидѣтельствуютъ, то какое тщеславіе? Изслѣдуемъ же, какимъ образомъ онъ не живетъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *мнѣ міръ распяся, и азъ міру* (Гал. VI, 14). Итакъ, послушайте, въ какомъ смыслѣ онъ говоритъ: *живу не ктому азъ* (II. 20), и еще: *мнѣ еже жити, Христосъ.*

291 Имя жизни, возлюбленные, многозначительно, т. е. имѣетъ много значеній, такъ же какъ и имя смерти. Есть жизнь тѣлесная, и есть жизнь грѣховная, какъ (апостолъ) говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *иже бо умрохомъ грѣху, како паки оживемъ о немъ* (Рим. VI, 2)? Слѣдовательно, можно жить жизнію грѣховною. Прошу васъ, обратите строгое вниманіе, чтобы нашъ трудъ не былъ напрасенъ. Есть жизнь вѣчная и безсмертная, а вмѣстѣ и небесная: *наше бо житіе*, говоритъ, *на небесѣхъ есть* (Филип. III, 20). Есть также жизнь тѣлесная, о которой сказано: *о Немъ бо живемъ*

и движемся и есмы (Дѣян. xvii, 28). Итакъ, онъ говоритъ не о естественной жизни, что не живетъ; но о жизни грѣховной, какою живутъ всѣ люди. И справедливо (говоритъ). Кто не привязанъ къ настоящей жизни, тотъ какъ живетъ ею? Какъ живетъ ею тотъ, кто стремится къ другой? Какъ живетъ ею тотъ, кто презираетъ смерть? Какъ живетъ ею тотъ, кто не желаетъ ничего здѣшняго? Какъ составленный изъ адаманта, хотя бы наносили ему тысячу ударовъ, никогда не поворотится, такъ (твердъ) и Павелъ: *живу же*, говоритъ онъ, *не ктому азъ*, то есть ветхій человѣкъ: и въ другомъ мѣстѣ: *окаяненъ азъ человѣкъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея* (Рим. vii, 24)? Такимъ образомъ, кто не дѣлаетъ ничего для пищи, ничего для одежды, ничего для настоящаго, какъ тотъ живетъ? Онъ не живетъ естественною жизнію. Кто не печется ни о чемъ житейскомъ, тотъ не живетъ. Мы живемъ этою жизнію, такъ какъ для нея все дѣлаемъ; а онъ не жилъ, такъ какъ не занимался ничѣмъ здѣшнимъ. Какъ же онъ жилъ? Такъ, какъ и мы говоримъ о нѣкоторыхъ: такой-то не существуетъ для меня, когда онъ не дѣлаетъ ничего до меня относящагося; или что то же опять: такой-то для меня не живетъ. А что онъ не пренебрегалъ и жизнію естественною, видно изъ другого мѣста: *а еже нынѣ живу во плоти, вѣрою живу Сына Божія, возлюбившаго мене и предавшаго Себе по мнѣ* (Гал. ii, 20), то есть, живу нѣкоторою новою, отличною (отъ обыкновенной), жизнію.

3. Все же это говоритъ для утѣшенія филиппійцевъ. Не думайте, говоритъ, о томъ, что меня лишатъ этой жизни, потому что я, и живя, не этою жизнію жилъ, но тою, какой хотѣлъ Христосъ. Скажи мнѣ въ самомъ дѣлѣ: этою ли жизнію живетъ, кто презираетъ и деньги, и удовольствія, и голодъ, и жажду, и бѣды, и здоровье, и счастіе? Этою ли жизнію живетъ, кто ничего здѣсь не имѣетъ, кто часто рѣшается оставить ее, когда нужно, и не заботится о ней? Вовсе не этою. Это нужно пояснить вамъ примѣромъ. Такъ, представь, что какой-либо великій богачъ имѣетъ рабовъ и золото, и ничѣмъ изъ этого не пользуется: богатъ ли онъ отъ такого богатства. Нисколько. Представь еще, что онъ видитъ, какъ дѣти его расточаютъ имѣніе, и живутъ разсѣянно въ праздности, и нисколько не печется о нихъ, а если угодно, представь, что и побои переноситъ онъ безъ скорби: назовемъ ли его богатымъ? Никакъ, хотя богатство и принадлежитъ ему. Такъ и Павелъ говоритъ: *мнѣ еже жити Христосъ*. Если хочешь изслѣдовать жизнь мою, то Христосъ жизнь моя. *А еже умрети пріобрѣтеніе*. Почему? Потому что (по 202
смерти) гораздо яснѣе познаю Его, такъ что умереть значитъ

начать истинную жизнь. Никакой бѣды не причинять мнѣ тѣ, которые умертвятъ меня, потому что они препроводятъ меня къ моей жизни, и избавятъ меня отъ этой мнѣ несвойственной. Что же? Находясь здѣсь, развѣ ты не Христовъ? И очень. *Аще же, еже жити ми тѣломъ, сіе мнѣ плодъ дѣла, и что изволю, не вѣмъ* (ст. 22). Чтобы кто-нибудь не сказалъ: если же въ томъ состоитъ жизнь, то для чего Христосъ оставилъ тебя здѣсь?— онъ объясняетъ, что это—*плодъ дѣла*. Значитъ и настоящею жизнію можно пользоваться, проводя ее какъ должно, а не такъ, какъ многіе (проводятъ). Это сказано имъ для того, чтобы ты не подумалъ, что онъ взвелъ клевету на жизнь, и не сказалъ: если мы здѣсь не пріобрѣтаемъ себѣ никакой пользы, то для чего не умерщвляемъ себя, не убиваемъ? Нѣтъ, говоритъ, можно получить пользу и здѣсь, если мы живемъ не этою жизнію, а иною. Но можетъ быть кто-нибудь скажетъ: такъ это-то и приноситъ тебѣ плодъ? Подлинно, говоритъ. Гдѣ послѣ этого еретики? Вотъ теперь—*еже жити во плоти* (апостолъ) называетъ *плодомъ дѣла*, и именно *дѣла*. Какъ плодъ дѣла? *А еже нынѣ живу во плоти, вѣрою живу*. Вотъ почему плодъ дѣла. *И что изволю, не вѣмъ*.

О, какое любомудріе! Какъ онъ и отринулъ любовь къ настоящей жизни, и не оклеветалъ ее! Именно словами: *еже умрети пріобрѣтеніе* онъ отринулъ любовь къ ней, а словами: *еже жити ми тѣломъ, плодъ дѣла*, показалъ, что и настоящая жизнь нужна. Какимъ образомъ? Если пользуемся ею, какъ должно, если приносимъ плодъ. Если же она безплодна, то уже не жизнь. Деревья, не приносящія плода, равно и сухія, мы бросаемъ и предаемъ огню. Жить—это нѣчто среднее и безразличное; а жить хорошо или худо—въ нашей волѣ. Потому не должно намъ ненавидѣть жизни, такъ какъ можно жить и хорошо; если же будемъ злоупотреблять жизнію, то и въ такомъ случаѣ не должно обвинять ее. Почему? Потому что не жизнь тому причиною, но воля злоупотребляющихъ ею. Богъ далъ тебѣ жизнь, чтобы ты жилъ для Него; а ты, по наклонности ко злу живя грѣховно, самъ себя подвергаешь всякой винѣ. Что ты говоришь, Павелъ, скажи мнѣ? Не знаешь, что избрать? Здѣсь онъ открываетъ великую тайну, что въ его власти было умереть, такъ какъ, когда есть выборъ, то значитъ мы властны. *Что изволю*, говоритъ, *не вѣмъ*. Значитъ (это) въ твоей волѣ? Да, говоритъ, если захочу испросить у Бога эту благодать. *Обдержимь бо есмь отъ обою, желаніе имый* (ст. 23). Замѣть нѣжную любовь этого блаженнаго: онъ и тѣмъ утѣшаетъ ихъ, что видятъ, какъ онъ самъ властенъ въ выборѣ, какъ это зависитъ не отъ

злобы человѣческой, но отъ устроенія Божія. Итакъ, для чего вы, говоритъ, печалитесь о смерти? Гораздо лучше было бы давно умереть. *Разрѣшитися*, говоритъ, *и со Христомъ быти, много паче лучше. А еже пребывати во плоти, нужнѣйше есть васъ ради* (ст 24). Этимъ (апостолъ) подготовляетъ (филиппійцевъ) къ тому, чтобы они приближающуюся кончину его перенесли мужественно, этимъ научаетъ ихъ любомудрію. Хорошо говоритъ: *разрѣшитися, и со Христомъ быти*, потому что смерть—вещь безразличная, не смерть—зло, но зло—послѣ смерти мучиться. Равно смерть 203
и не добро, но добро—по смерти быть со Христомъ; что бываетъ по смерти, то добро или зло. Итакъ, мы должны скорбѣть не просто объ умирающихъ, и радоваться не просто о живущихъ. Какъ же? Мы должны плакать о грѣшникахъ не умирающихъ только, но и живущихъ, а радоваться о праведникахъ не только живыхъ, но и скончавшихся. Первые и при жизни умерли, а послѣдніе и по смерти живутъ; первые и въ этой жизни жалки для всѣхъ, такъ какъ оскорбляютъ Бога, а послѣдніе, и туда переселясь, блаженны, такъ какъ отошли ко Христу. Грѣшники, гдѣ бы ни были, далеки отъ Царя,—потому достойны слезъ; а праведные, здѣсь ли, тамъ ли, вмѣстѣ съ Царемъ, и тамъ они еще гораздо ближе къ Нему, не созерцаніемъ, не вѣрою, но, какъ сказано, *лицемъ къ лицу*.

4. Итакъ, будемъ оплакивать не просто умершихъ, но умершихъ во грѣхахъ. Они-то достойны плача, рыданія и слезъ. Какая, скажи мнѣ, надежда отойти во грѣхахъ туда, гдѣ уже нельзя сложить съ себя грѣховъ? Доколѣ они были здѣсь, то очень можно было ожидать, что они перемѣнятся, что будутъ лучше; а когда пошли во адъ, то тамъ нельзя получить пользы отъ покаянія: *во адѣ же*, сказано, *кто исповѣстся тебѣ* (Псал. XVII, 6)? Какъ же они недостойны слезъ? Будемъ плакать о тѣхъ, которые такъ умираютъ, я не препятствую; будемъ плакать, но безъ нарушенія благопристойности, какъ-то: не будемъ рвать (на себѣ) волосъ, обнажать рукъ, терзать лице, надѣвать черныя одежды, а только въ душѣ будемъ тихо проливать горькія слезы. И безъ этого обряда можно горько плакать, а не шутить только: въ самомъ дѣлѣ, нисколько не отличается отъ шутокъ то, что нѣкоторые дѣлаютъ. Эти публичныя терзанія бываютъ не отъ сострадания, но на показъ, изъ честолюбія и тщеславія; многія (женщины) дѣлаютъ это по ремеслу. Плачь горько и стенай долго, гдѣ никто не видитъ; это будетъ дѣломъ сострадания, это и тебѣ принесетъ пользу. Кто плачетъ такъ о другомъ, тотъ тѣмъ болѣе самъ будетъ стараться, чтобъ не подвергнуться тому же,—послѣ того и грѣхъ тебѣ будетъ страшенъ. Плачь о невѣрныхъ, плачь о

тѣхъ, которые нисколько не отличаются отъ нихъ, которые умираютъ безъ крещенія и миропомазанія; подлинно такіе достойны слезъ и сѣтованія, они внѣ царскаго чертога съ обвиненными и осужденными: *аминь глаголю вамъ, аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ царствіе небесное* (Іоан. III, 5). Плачь о тѣхъ, которые умерли въ богатствѣ, и изъ своего богатства не придумали сдѣлать ничего къ утѣшенію душъ своихъ, которые имѣли возможность очистить грѣхи свои, и не хотѣли. О нихъ будемъ плакать всѣ и порознь и вмѣстѣ, только съ благопристойностію, не
204 теряя степенности, такъ, чтобы не выставить себя на позорище. Будемъ плакать о нихъ не одинъ, не два дня, но во всю нашу жизнь. Эти слезы—слѣдствіе не безразсудной страсти, но нѣжной любви; а тѣ происходятъ отъ безумной страсти, и потому скоро осушаются. Лишь то, что происходитъ изъ страха Божія, бываетъ постоянно. Итакъ, будемъ оплакивать ихъ, будемъ помогать имъ по силамъ, придумаемъ для нихъ какое-либо пособіе, хотя небольшое, однакожъ могущее помочь. Какъ и какимъ образомъ? Сами молясь, и другихъ убѣждая молиться за нихъ, всегда подавая за нихъ бѣднымъ. Это доставитъ нѣкоторое облегченіе. Въ самомъ дѣлѣ, послушай, что говоритъ Богъ: *защищу градъ сей Мене ради, и Давида ради раба Моего* (4 Цар. XX, 6). Если память только праведника была столько сильна, то какъ не сильны будутъ дѣла, творимыя за усопшаго? Не напрасно установили апостолы, чтобы при совершеніи страшныхъ таинъ поминать усопшихъ: они знали, что отъ этого много имъ выгоды, много пользы. Когда весь народъ и священный ликъ стоитъ съ воздѣяніемъ рукъ, и когда предлежитъ страшная жертва, то какъ не умолимъ Бога, прося за нихъ? Но это (говоримъ) о тѣхъ, которые скончались въ вѣрѣ; а оглашенные не удостоиваются этого утѣшенія, но лишены всякой такой помощи, кромѣ одной. Какой же именно? За нихъ можно подавать бѣднымъ; это доставляетъ имъ нѣкоторую отраду, потому что Богу угодно, чтобы мы помогали другъ другу. Иначе для чего бы Онъ повелѣлъ молиться о мирѣ и благосостояніи міра? Для чего бы—о всѣхъ людяхъ? Хотя здѣсь между всѣми есть и разбойники, и гробокопатели, и воры, и исполненные безчисленныхъ пороковъ, однакожъ мы молимся за всѣхъ: быть можетъ это послужитъ сколько-нибудь къ ихъ обращенію. Потому какъ мы молимся за живыхъ, которые нисколько не отличаются отъ мертвыхъ, такъ можно молиться и за умершихъ. Іовъ приносилъ жертвы о дѣтяхъ и очищалъ ихъ отъ грѣховъ: *негли*, говорилъ онъ, *когда и въ сердцѣ своемъ помыслиша* (Іов. I, 5). Такъ-то пекутся о дѣтяхъ. Не сказалъ, какъ теперь многіе люди говорятъ: я оставлю имъ имѣніе; не сказалъ:

передамъ имъ славу; не сказалъ: пріобрѣту власть; не сказалъ: куплю поля. Но что? *Негли когда и въ сердцѣ своемъ помыслиша.* Какая въ самомъ дѣлѣ польза отъ всего того, что остается здѣсь? Никакой. Умилостивлю, говоритъ, Царя всѣхъ для нихъ, и тогда они ни въ чемъ не будутъ имѣть недостатка. *Господь пасетъ мя,* говоритъ (пророкъ), *и ничтоже мя лишитъ* (Псал. ххп, 1). Вотъ великое богатство, вотъ сокровище! Если мы имѣемъ страхъ Божій, то ни въ чемъ у насъ нѣтъ нужды; а если не имѣемъ его, то хотя бы владѣли самымъ царствомъ, мы всѣхъ бѣднѣе. Нѣтъ равнаго боящемуся Господа: *страхъ бо Господень,* сказано, *паче всего предуспѣ* (Сирах. xxv, 14). Пріобрѣтемъ его, будемъ дѣлать все ради него; хотя бы надобно было положить душу и предать на смерть тѣло, не пощадимъ себя; будемъ дѣлать все, чтобы пріобрѣсти этотъ страхъ. Такимъ образомъ мы будемъ богаче всѣхъ, и получимъ будущія блага во Христѣ Іисусѣ, Господѣ 205—206
нашемъ, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IV.

И что изволю, не вѣмъ. Обдержимь же есмь отъ обою, 205
желаніе имый разрѣшитися, и со Христомъ быти: много бо паче лучше. А еже пребывати во плоти, нужнѣйше есть васъ ради. И сіе извѣстнѣ вѣмъ, яко буду и спребуду вамъ всѣмъ въ вашъ успѣхъ и радость вѣры: яко да похвала ваша избыточествуетъ о Христѣ Іисусѣ во мнѣ, моимъ пришествіемъ паки къ вамъ (Филип. i, 22—26).

1. Не было ничего блаженнѣе души Павловой, такъ какъ не было ничего мужественнѣе ея. А нынѣ о всѣхъ прилично сказать напротивъ: нѣтъ ничего злосчастнѣе, нѣтъ ничего слабѣе. Потому-то всѣ мы боимся смерти: одни, изъ числа которыхъ и я самъ, по причинѣ множества грѣховъ, другіе по привязанности къ жизни и по трудности умирать,—въ числѣ каковыхъ не дай Богъ мнѣ быть никогда, потому что боящіеся смерти суть люди *душевные.* Итакъ, чего всѣ мы боимся, того Павелъ желалъ, къ тому стремился: *разрѣшитися,* говоритъ онъ, *много паче лучше, и что изволю, не вѣмъ.* Что ты говоришь? Ты преставишься отсюда на небо и будешь со Христомъ, а не знаешь, что избрать? Нѣтъ, это не свойственно душѣ Павловой. И кто не избралъ бы этого (быть со Христомъ), если бы кто-нибудь сказалъ ему о томъ, и твердо въ томъ его увѣрилъ? Конечно—никто. Но не въ нашей

власти ни то, чтобы разрѣшиться и быть со Христомъ, ни то, чтобы оставаться еще здѣсь, когда придетъ время. Для Павла же и души его было возможно и то и другое. Что же ты говоришь? Знаешь и увѣренъ, что будешь со Христомъ, а недоумѣваешь, говоришь: *не вѣмъ, что изволю?* Мало того,—ты даже рѣшаешься остаться здѣсь, т. е. пребыть во плоти. Почему бы это? Не горькую ли проводилъ ты жизнь? *Не во бдѣніихъ ли*, въ кораблекрушеніяхъ, *въ алчбѣ и жаждѣ, въ наготѣ*, въ заботахъ и безпокойствахъ? Съ немощными и ты немоществовалъ, о соблазнявшихся сгаралъ. *Въ терпѣніи мнозѣ*, говоритъ, *въ скорбѣхъ, въ бѣдахъ, въ тѣснотахъ, въ ранахъ, въ темницахъ, въ нестроеніихъ, въ пощеніихъ, во очищеніи: пять краты четыредесять развѣ единыя пріяхъ, трищи палицами біенъ быхъ, единою каменьми наметанъ быхъ, нощь и день во глубинѣ сотворихъ: бѣды въ рѣкахъ, бѣды отъ разбойникъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды во лжебратіи* (2 Кор. VI, 4—6; XI, 24—26). Когда весь народъ галатійскій обратился къ соблюденію закона, не взывалъ ли ты: *иже закономъ оправдаетеся, отъ благодати отпадосте* (Гал. V, 4)? Сколько слезъ тогда ты пролилъ,— и еще къ тому же желаешь этой преходящей жизни? Да если бы и ничего такого съ тобою не случилось, но всѣ дѣла ты совершилъ бы безопасно и съ удовольствіемъ,—и тогда не надлежало ли бы тебѣ, убоявшись неизвѣстности будущаго, спѣшить къ какому-нибудь пристанищу? Какой купецъ, скажи мнѣ, имѣя корабль, наполненный безчисленными сокровищами, захочетъ
206 еще оставаться на морѣ, когда онъ у пристани, въ которую можетъ взойти и успокоиться? Какой борецъ захочетъ продолжать борьбу, когда онъ уже заслужилъ вѣнецъ побѣдный? Какой боецъ захочетъ снова вступить въ бой и сломить себѣ голову, когда возлагаютъ на него вѣнецъ? Какой военачальникъ станетъ утруждать себя и сражаться, когда можно освободиться отъ войны съ честію и трофеями, и вкусить покой съ царемъ въ его чертогахъ? Какъ же ты, проводя столь горькую жизнь, желаешь еще остаться здѣсь? Не ты ли говорилъ: *боюся, да не како инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (1 Кор. IX, 27)? Если уже не по другой какой причинѣ, то по этой одной слѣдовало бы тебѣ желать освобожденія. Даже если бы настоящая (жизнь) исполнена была безчисленныхъ благъ, и въ такомъ случаѣ надлежало бы желать отрѣшенія отъ нихъ для возлюбленнаго Христа. О, душа Павлова! Не было ей равной и не будетъ. Ты безчисленными окруженъ бѣдами, и боишься будущаго, и не желаешь быть у Христа? Нѣтъ, говоритъ онъ: и это для Христа, чтобы тѣхъ, которыхъ я сдѣлалъ рабами Его, еще болѣе утвердить въ добромъ расположеніи, чтобы ниву, мною насажденную, сдѣлать плодоносною.

Развѣ ты не слышалъ, что я ищу не своей пользы, но (пользы) ближнихъ? Развѣ не слышалъ, что я желалъ бы быть отлученнымъ отъ Христа, только бы многіе обратились къ Нему? Если я на это рѣшался, то не съ большимъ ли удовольствіемъ рѣшусь пожертвовать своимъ замедленіемъ и пребываніемъ здѣсь, только бы это сколько-нибудь послужило къ ихъ спасенію?

Кто возглаголетъ силы Твоя, Господи (Псал. cv, 2), что Ты не сокрылъ отъ насъ Павла, что явилъ вселенной такого мужа? Восхвалили Тебя единодушно всѣ ангелы, когда Ты сотворилъ звѣзды и солнце, однакожъ не столько, какъ въ то время, когда намъ и всей вселенной явилъ Ты Павла. Отъ этого земля стала блистательнѣе неба: онъ, будучи свѣтлѣе солнечнаго свѣта, испускалъ блистательнѣйшія молніи и разливалъ свѣтлые лучи. И какой великій произвелъ онъ для насъ плодъ? Онъ не растеніе утучнялъ, не древа питалъ, но и порождалъ и приводилъ въ зрѣлость плодъ благочестія, а упадающій безпрестанно поднималъ. И въ самомъ дѣлѣ, солнце никакъ не можетъ исправить однажды загнившее плодоносное дерево; а Павелъ отвратилъ отъ грѣховъ (людей), покрытыхъ безчисленными струпьями. Солнце уступаетъ ночи, а Павелъ побѣдилъ и діавола. Ничто его не сокрушило, ничто не одолѣло. Солнце, держась на высотѣ, простираетъ внизъ лучи свои; а Павелъ, снизу восходя, не пространство между небомъ и землею наполнилъ свѣтомъ, но едва отверзъ уста свои, какъ и ангеловъ исполнилъ великой радости. Какимъ образомъ? Если *радость бываетъ на небесѣхъ о единѣмъ грѣшницѣ кающемся* 207
(Лук. xv, 10), то когда онъ первою проповѣдію уловилъ многихъ, какъ не исполнилъ радости горнія силы?

2. И что я говорю? Павлу довольно было заговорить только, и небеса отъ этого скачутъ и веселятся. Если *во исходѣ Израилевѣ отъ Египта, горы взыграшася яко овни* (Псал. cxiii, 1 и 4), то когда люди переводимы были отъ земли на небо, какая, думаешь ты, была радость? Вотъ почему *еже пребывати во плоти нужнѣйше есть васъ ради*. Послѣ этого чѣмъ мы будемъ оправдываться? Часто человѣкъ, владѣя малымъ и небогатымъ имѣніемъ, не рѣшается перейти въ другое мѣсто, дорожа своимъ спокойствіемъ. А Павелъ могъ отойти ко Христу, и не хотѣлъ ко Христу,—ко Христу, Котораго онъ столько любилъ, что для Него готовъ былъ даже въ геенну,—а остался подвизаться еще для людей. Чѣмъ же мы будемъ оправдываться? Но можно ли говорить просто, въ общихъ чертахъ, о Павлѣ? Смотри, что онъ сдѣлалъ. (Сперва) онъ сказалъ, что отойти ему лучше, убѣждая ихъ не скорбѣть; (потомъ) говоритъ, что если онъ останется, то остается единственно для нихъ, что этого нельзя производить отъ злонамѣрен-

ности людей коварныхъ. А чтобы убѣдить ихъ, онъ присовокупилъ и причину. Если это нужно, то я подлинно пребуду и не просто пребуду, но съ вами. Таково именно значеніе слова: *спребуду*, т. е. увижусь съ вами. Для чего? *Въ вашъ успѣхъ и радость вѣры.* Этими словами онъ побуждаетъ ихъ быть внимательными къ себѣ, какъ бы такъ говоря: если я для васъ останусь, то смотрите, не посрамите моего пребыванія. Имѣя возможность узрѣть Христа, я рѣшился остаться для вашего успѣха. Такъ какъ мое присутствіе споспѣшествуетъ и вѣрѣ и радости вашей, то я и рѣшился остаться. Что же? Для однихъ ли только филиппійцевъ онъ остался? Нѣтъ, не для нихъ только онъ остался, а говоритъ это для того, чтобы утѣшить ихъ. Какъ же это служило къ успѣху ихъ въ вѣрѣ? Такъ, чтобы вы больше укрѣпились, подобно птенцамъ, имѣющимъ нужду въ матери, доколѣ они не оперятся. Это—доказательство великой любви. Подобнымъ образомъ и мы возбуждаемъ иныхъ, когда говоримъ: я остался для тебя, чтобы тебя сдѣлать добрымъ. *Да похвала ваша*, говоритъ, *избыточествуетъ о Христѣ Іисусѣ во мнѣ, моимъ пришествіемъ паки къ вамъ.* Видишь ли, что значеніе слова: *спребуду*—именно таково? Но замѣть смиренномудріе (апостола). Сказавши—*въ вашъ успѣхъ*, онъ показываетъ, что вмѣстѣ и въ свою пользу. То же дѣлаетъ онъ и въ посланіи къ Римлянамъ, когда говоритъ: *сіе же есть соутѣшитися въ васъ* (Рим. I, 12), сказавъ прежде: *да нѣкое подамъ вамъ дарованіе духовное.* Что же значитъ: *да похвала ваша избыточествуетъ?* То, чтобы изобиловало служащее къ похвалѣ, именно—утвержденіе въ вѣрѣ (это и есть похвала во Христѣ) и праведная жизнь. Итакъ, во мнѣ ли *похвала ваша, моимъ пришествіемъ паки къ вамъ?* Да, говоритъ онъ: *кто бо намъ упованіе или вѣнецъ похваленія? Не и вы ли?* (1 Өесс. II. 19). *Яко похваленіе* намъ вы есте, *якоже* и мы вамъ (2 Кор. I, 14), т. е. чтобы мнѣ побольше было чѣмъ похвалиться въ васъ. Какимъ образомъ? *Да избыто-*
208 *чествуетъ похвала ваша.* Я болѣе могу хвалиться тогда, когда вы преуспѣваете. *Моимъ пришествіемъ паки къ вамъ.* Что же? Пришелъ ли онъ къ нимъ? Сами доищитесь, пришелъ ли. *Точію достойнѣ*, говоритъ, *благовѣствованію Христову жительствуйте.* Видишь ли, что онъ все говорилъ для того, чтобы этимъ побудить ихъ къ преспѣянію въ добродѣтели? *Точію достойнѣ благовѣствованію Христову жительствуйте.* Что значитъ—*точію?* Значитъ: это одно составляетъ предметъ стремленій, и ничто другое; если это будетъ, то съ вами не случится ничего прискорбнаго. *Да аще пришедъ и видѣвъ васъ, аще и не сый у васъ, услышу, яже о васъ.* Говоритъ такъ не потому, будто бы онъ перемѣнилъ намѣреніе и не хотѣлъ уже придти къ нимъ, но на случай, если бы это

произошло, прибавляетъ, что *и не сый у васъ* могу радоваться. *Аще услышу, яко стоите во единомъ дусѣ и единодушнѣ.*

3. Это въ особенности и соединяетъ вѣрныхъ, и поддерживаетъ любовь. Потому Христосъ сказалъ: *да будутъ едино* (Іоан. XVII. 11), такъ какъ *царство раздѣльшееся на ся, не станетъ* (Мѳ. XII. 25). Потому и Павелъ повсюду сильно убѣждаетъ къ согласію. Потому же и Христосъ говоритъ: *о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. XIII, 35). Итакъ, ожидая моего прихода, не будьте безпечны, какъ обыкновенно бываетъ съ ожидающими, а если не дождетесь меня, не унывайте, потому что и вѣсть о васъ можетъ меня столько же радовать. Что значитъ: *во единомъ дусѣ?* Значитъ—въ одномъ и томъ же дарованіи единомыслія и ревности. Духъ одинъ; это доказывается многими мѣстами, гдѣ говорится объ этомъ. Равнымъ образомъ и *стоять единодушнѣ* значитъ то же, что всѣмъ имѣть одинъ духъ. Словомъ *единодушнѣ* выражается единомысліе: многія души называются одною. Такъ было въ древности: *всѣмъ бѣ*, сказано, *сердце и душа едина* (Дѣян. IV, 32). *Сподвизающеся по вѣрѣ благовѣствованія.* Развѣ вѣра была сама съ собою въ борьбѣ, что онъ говоритъ: *сподвизающеся* другъ другу? Какая же у него мысль? У нихъ не было междоусобія; слѣдовательно, его слова значатъ: вспомоществуйте другъ другу, подвизаясь за вѣру евангельскую. *И не колеблющеся ни о единомъ же отъ сопротивныхъ, еже тѣмъ убо есть явленіе погибели, вамъ же спасенія* (ст. 28). Хорошо сказано: *не колеблющеся* (не устрашаясь),—потому что дѣйствія враговъ таковы, что только устрашаютъ. Говоритъ: *ни о единомъ же:* что бы ни случилось, опасности ли, козни ли. Таково свойство людей мужественныхъ. Враги ничего не могутъ сдѣлать (имъ), развѣ только устрашить. Такъ какъ, вѣроятно, (филиппійцевъ) приводили въ смущеніе безчисленныя страданія Павла, то онъ не говоритъ: не безпокойтесь, но—не устрашайтесь, и даже совершенно пренебрегайте (врагами). И если вы будете въ такомъ расположеніи духа, то это будетъ явнымъ признакомъ ихъ погибели, а вашего спасенія. Когда они увидятъ, что безчисленныя ихъ козни не могутъ даже устрашить васъ, то убѣдятся въ своей собственной погибели. Когда гонители не преодолѣваютъ гонимыхъ, строящіе козни—тѣхъ, кому строятъ эти козни, властители—подвластныхъ, то не явно ли для нихъ бываетъ, что они сами гибнутъ, 209
что они не имѣютъ никакой силы, что (надежды) ихъ тщетны, (усилія) ихъ слабы? *И сіе отъ Бога: яко вамъ даровася, еже о Христѣ, не токмо еже въ Него вѣровати, но и еже по Немъ страдати* (ст. 29). Здѣсь, все приписывая Богу, и страданіе за Христа называя благодатію, дарованіемъ и даромъ, онъ поучаетъ ихъ не думать

о себѣ высоко. Итакъ, не стыдитесь дарованія; оно гораздо чудеснѣе дара воскрешать мертвыхъ и творить чудеса, потому что въ послѣднемъ случаѣ должникъ я, а въ первомъ должникомъ имѣю Христа. Потому вы, какъ имѣющіе дарованіе, не только не должны стыдиться, а, напротивъ, должны радоваться. Добродѣтели (апостолъ) называетъ дарованіями; впрочемъ не въ такомъ смыслѣ, какъ другіе (дары): послѣдніе всецѣло отъ Бога, а первыя и отъ насъ. Но такъ какъ и здѣсь болѣе дѣйствуетъ Богъ, то (апостолъ) говоритъ, что все—Его, не отвергая этимъ свободной воли, а располагая къ смиренномудрію и благодарности. *Той же подвигъ имуще, яковъ же во мнѣ видѣсте* (ст. 30), — т. е. вы имѣете и примѣръ. Здѣсь теперь хвалитъ ихъ. Именно— показываетъ, что они вездѣ подвизаются въ томъ же (въ чемъ и онъ), и въ одинаковой борьбѣ, хотя отдѣльно и сами по себѣ, потому что переносятъ вмѣстѣ съ нимъ искушенія. Не сказалъ: слышасте, но—*видѣсте*, потому что онъ подвизался и въ Филиппахъ. Подлинно это великая добродѣтель. Потому онъ и въ посланіи къ Галатамъ говорилъ: *толика пострадасте туне, аще точію и туне* (Гал. ш, 4); и въ посланіи къ Евреямъ писалъ: *воспоминайте же первыя дни, въ нихъ же просвѣтившеся, многъ подвигъ подъясте страданій, ово убо поношеньми и скорбьми позоръ бывше, ово же общницы бывше живущимъ тако* (Евр. х, 32); и къ македонянамъ, т. е. къ Ѳессалоникійцамъ писалъ: *тіи бо о насъ возвѣщаютъ, каковъ входъ имѣхомъ къ вамъ* (1 Ѳесс. i, 9); и еще: *сами бо вѣсте, братіе, входъ нашъ иже къ вамъ, яко не вотще бысть* (ii, 1). И для всѣхъ равно одобряетъ одно и то же—подвиги и страданія. А теперь у насъ не найдете этого, — теперь и то хорошо, если кто переноситъ какой-нибудь убытокъ въ имуществѣ. (Современникамъ же своимъ апостолъ) и по отношенію къ имуществу приписываетъ великую похвалу. Однимъ говоритъ: *разграбленіе имѣній вашихъ съ радостію пріясте* (Евр. х, 34); другимъ пишетъ: *благоволиша Македонія и Ахаія общеніе нѣкое сотворити къ нищимъ* (Рим. xv, 26); а третьимъ: *яже отъ васъ ревность раздражи множайшихъ* (2 Кор. ix, 2).

4. Видишь ли, какъ (апостолъ) хвалитъ мужей того времени? А мы не терпимъ ни заушеній, ни удара какого-нибудь; даже не переносимъ ни оскорбленія, ни лишенія въ имуществѣ. Они сверхъ того были ревнители, и всѣ подвизались до мученичества; а въ насъ охладѣла любовь ко Христу. Опять вынужденъ я обличать настоящія дѣла. Что дѣлать? Не хотѣлъ бы, но вынужденъ. Если бы возможно было умолчать и, не сказавъ ничего о прежде бывшемъ, молчаніемъ устранить настоящее, то слѣдовало бы смолчать. Но такъ какъ напротивъ бываетъ,—при нашемъ

молчанія не только не устраняется, но дѣлается еще тягостнѣе, — то необходимо говорить. Обличающій грѣшниковъ, если и ничего другого не дѣлаетъ, по крайней мѣрѣ не попу- 210
скаетъ имъ идти далѣе. Вѣдь нѣтъ ни одной души настолько безстыдной и ожесточенной, чтобы, будучи непрестанно обличаема, она не устыдилась и не отстала бы отъ великаго нечестія: есть, подлинно есть и въ безстыдныхъ людяхъ немножко стыда, потому что стыдливость Богъ вложилъ въ природу нашу. Такъ какъ не довольно было одного страха для того, чтобы удержать насъ въ порядкѣ, то (Богъ) уготовалъ и другія средства для отклоненія насъ отъ грѣховъ, какъ-то: обличеніе со стороны людей, страхъ постановленныхъ законовъ, любовь къ славѣ, воздѣйствіе дружбы. Все это—средства для отклоненія отъ грѣховъ. Часто бываетъ, что чего не дѣлаютъ для Бога, то самое дѣлаютъ отъ стыда; чего не дѣлаютъ для Бога, то дѣлаютъ по страху человѣческому. Сперва надобно научиться не грѣшить; а потомъ достигнемъ наконецъ и того, что не будемъ грѣшить для Бога. И дѣйствительно, почему Павелъ къ торжеству надъ врагами побуждаетъ не страхомъ Божіимъ, а ожиданіемъ отмщенія: *сіе бо творя*, говоритъ, *угліе огненно собираеши на главу его* (Рим. XII. 20)? Между прочимъ и потому, что желаетъ преспѣянія въ добродѣтели. Итакъ, есть въ насъ, какъ я сказалъ, нѣкоторая стыдливость. Впрочемъ много мы имѣемъ и естественныхъ расположеній къ добродѣтели, напр., всѣ мы, люди, природою побуждаемся къ милосердію, и нѣтъ въ природѣ нашей другого настолько добраго свойства, какъ это. Послѣ этого иной, можетъ быть, спроситъ: для чего особенно вложено въ природу нашу трогаться, разумѣю, при видѣ слезъ, преклоняться и быть готовыми къ милости? Никто по природѣ не лѣнивъ, никто по природѣ не тщеславенъ, никто по природѣ чуждъ зависти. Но милосердіе вложено природой во всѣхъ, даже въ грубыхъ и жестокихъ. И что удивительнаго, если мы оказываемъ (милосердіе) людямъ? Мы и звѣрей милуемъ. Въ такомъ избыткѣ вложено въ насъ милосердіе! И если при видѣ львенка мы нѣсколько трогаемся, то гораздо болѣе при видѣ однороднаго (съ нами). Посмотри, какіе калѣки!—такъ часто мы говоримъ, зная, что и этого довольно для возбужденія въ насъ милосердія.

Ничто столько не пріятно Богу, какъ милостыня. Вотъ почему и священники, и цари, и пророки были помазываемы елеемъ: елей принимали они, какъ символъ человѣколюбія Божія. Сверхъ того (такимъ помазаніемъ) давалось имъ разумѣть, что въ начальникѣ должно быть болѣе милосердія; это показывало, что и Духъ нисходитъ на человѣка для милосердія же, такъ какъ Богъ

милуетъ людей и поступаетъ человѣколюбиво: *милуеши бо всѣхъ*, сказано, *яко вся можеши* (Прем. Солом. xi, 24). Вотъ для чего они помазывались елеемъ! Вѣдь и священство учреждено по милосердію, и цари помазывались елеемъ. И если бы кто вздумалъ похвалить начальника, то всего лучше похвалитъ, когда скажетъ, что онъ милостивъ: милость есть существенное свойство власти. Припомни, что и міръ сотворенъ по милости, и подражай Владыкѣ. *Милость человѣча на искренняго своего, милость же Господня на всяку плоть* (Сир. xviii, 12). Какъ—*на всяку плоть*? О грѣшни-
211 кахъ ли станешь говорить, о праведникахъ ли,—всѣ нуждаемся въ милости Божіей, всѣ пользуемся ею, даже самъ Павелъ, и Петръ, и Іоаннъ. Послушай, что они сами говорятъ, и наши слова будутъ излишни. Что же говоритъ блаженный (Павелъ)? *Но помилованъ быхъ, яко не вѣдый сотворихъ* (1 Тим. i, 13). Итакъ что же? Послѣ того развѣ не имѣлъ онъ нужды въ милости? Выслушай, что онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *паче всѣхъ ихъ потрудихся, не азъ же, но благодать Божія, яже со мною* (1 Кор. xv, 10); и объ Епафродитѣ говоритъ: *ибо и болѣ близъ смерти, но Богъ помилова его, не егоже токмо, но и мене, да не скорбь на скорбь пріиму* (Филип. ii, 27); и еще: *паче силы отяготихомся, яко не надѣятися намъ и жити. Но сами въ себѣ осужденіе смерти имѣхомъ, да не надѣющеся будемъ на ся, но на Бога, иже отъ толикія смерти избавилъ ны есть, и избавляетъ* (2 Кор. i, 8—10); и еще: *избавленъ быхъ отъ устъ львовъ, и избавитъ мя Господь* (2 Тим. iv, 17). И вездѣ найдемъ—хвалится тѣмъ, что спасенъ по милости.

5. И Петръ былъ таковымъ потому, что былъ помилованъ. Послушай, что говоритъ ему Христосъ: *Петръ, Петръ, се сатана проситъ васъ, дабы сѣялъ яко пшеницу, и Азъ молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя* (Лук. xxii, 31). И Іоаннъ таковъ былъ по милости; и вообще всѣ апостолы. Послушай, какъ Христосъ намекаетъ на это, говоря: *не вы Мене избрасте, но Азъ избрахъ васъ* (Іоан. xv, 16). Такъ, мы всѣ имѣемъ нужду въ милости Божіей: *милость бо Божія*, сказано, *на всяку плоть*. Но если эти (мужи) имѣли нужду въ милости Божіей, то что сказать о прочихъ? Почему, скажи мнѣ, *(Богъ) солнце сіяетъ на злыя и благія* (Мѳ. v, 45)? Что, если бы Онъ въ продолженіе только года удержалъ дождь,—не погубилъ ли бы всѣхъ? Что, если бы произвелъ наводненіе? Что, если бы одождилъ огнь? Что, если бы послалъ мухъ? Но что я говорю? Если бы Онъ произвелъ мглу, какъ нѣкогда,—не погубилъ ли бы всѣхъ? Если бы потрясъ землю,—не всѣ ли бы погибли? Теперь прилично сказать: *что есть человѣкъ, яко помниши его* (Псал. viii, 5)? Если Богъ только погрозитъ землѣ, то всѣ сдѣлаются однимъ гробомъ. *Яко капля воды отъ кади*, го-

ворить (Исаія), *тако языцы предъ Нимъ: яко плюновеніе вмѣнятся, яко претяженіе вѣса* (Иса. xl, 15). Какъ для насъ легко наклонить вѣсы, такъ для Него погубить все, и вновь сотворить. Потому Тотъ, Кто имѣетъ такую власть надъ нами, видитъ, что мы ежедневно грѣшимъ, и не наказываетъ,—не по милости ли терпитъ? И скоты существуютъ и сохраняются по милости же: *человѣки*, сказано, *и скоты спасеши, Господи* (Псал. xxxv, 7). Онъ призрѣлъ на землю, и наполнилъ ее животными. Для чего? Для тебя. А тебя для чего сотворилъ? Не для благотворенія ли? Ничего нѣтъ превосходнѣе милости. Она есть виновница свѣта и тамъ (на небѣ), и здѣсь (на землѣ). *И возсіяетъ*, говоритъ пророкъ, *рано* 212
свѣтъ твой, аще сотвориши милость ко искреннему (Иса. lviii, 10). И въ самомъ дѣлѣ. Какъ елей даетъ свѣтъ плавающимъ по морю, такъ милостыня даетъ намъ великій и чудный свѣтъ тамъ. Объ этомъ елеѣ много сказано у Павла. Послушай, какъ онъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: *точію нищихъ да помнимъ* (Гал. ii, 10); въ другомъ: *аще достойно будетъ и мнѣ ити* (1 Кор. xvi, 4). И вездѣ, такъ или иначе, увидишь его заботливость объ этомъ. Такъ онъ говоритъ: *да учатся и наши добрымъ дѣломъ прилѣжати* (Тит. iii, 14); еще: *сія бо суть полезна и добра человѣкомъ* (ст. 8). Послушай, какъ и еще нѣкто говоритъ: *милостыня отъ смерти избавляетъ* (Тов. iv, 11). Другой говоритъ: если милость отнимешь, и если внидешь *въ судъ съ рабомъ Твоимъ, Господи, Господи, кто постоитъ* (Псал. cxlii, 2; cxxix, 3)? Еще иной говоритъ: *велика вещь человѣкъ, и драгая мужъ творяй милость* (Прит. xx, 6). Милостивый-то и есть человѣкъ; или лучше—миловать значитъ быть Богомъ. Видишь, какая сила милости Божіей? Она произвела все, она создала міръ, она сотворила ангеловъ, единственно по благости. И геенною угрожаетъ Богъ для того, чтобы намъ получить царство (небесное); а царство получаемъ мы по милости. Для чего, скажи, Богъ, будучи единъ, сотворилъ такъ много (существъ)? Не по благости ли? Не по человѣколюбію ли? Если ты будешь спрашивать, почему то, почему другое,—вездѣ найдешь (что причина) благость. Итакъ, будемъ милостивы къ ближнимъ, чтобы намъ и самимъ быть помилованными. Не столько для нихъ, сколько для самихъ себя мы собираемъ этотъ елей на будущій день. Когда будетъ сильный пламень огненный, то этотъ елей *) угаситъ огонь и будетъ для насъ виною свѣта. Такимъ образомъ чрезъ нее (милость) мы избавимся отъ огня геенскаго. Въ противномъ случаѣ за что умилосердится и помилуетъ насъ (Богъ)? Милосердіе происходитъ

*) Слова ἔλαιον елей и ἔλεος милость св. Златоустъ употребляетъ какъ тожественныя.

отъ любви. И ничто такъ не раздражаетъ Бога, какъ немилость. Приведенъ былъ къ Нему нѣкто должный тысячами талантовъ, и Онъ умилосердившись отпустилъ (ему долгъ). Но когда онъ началъ душить подобнаго себѣ раба, который долженъ былъ ему сто динаріевъ, то за это Господь *предаде его мучителемъ* (Мѳ. XVIII), пока не отдастъ долга. Слыша это, будемъ милостивы къ тѣмъ, которые должны намъ деньгами, грѣхами; никто не будь злопамятенъ, если не хочешь обидѣть себя самого. Не прощая другому, ты не столько его огорчаешь, сколько себя обижаешь. Когда ты мстишь ему, то не мститъ ему Богъ. Когда же ты прощаешь, то Богъ или мститъ ему, или твои грѣхи прощаетъ. А не прощая ближнему, какъ ты ищешь царствія? Итакъ, чтобы намъ не пострадать, будемъ прощать всѣмъ; чрезъ это и сами получимъ прощеніе; будемъ прощать, чтобы и Богъ простилъ намъ грѣхи наши, и, такимъ образомъ, чтобы мы достигли будущихъ благъ (благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА V.

Аще убо кое утѣшеніе о Христѣ, или аще кая утѣха любве, аще кое общеніе духа, аще кое милосердіе и щедроты, исполните мою радость, да тожде мудрствуете, туже любовь имуще, единодушни, единомудренни: ничтоже по рвенію или тщеславію, но смиренномудріемъ другъ друга честію больша себе творяще, не своихъ си кійждо, но и дружнихъ кійждо смотряйте. (Филип. II, 1—4).

1. Нѣтъ ничего добрѣе, ничего любвеобильнѣе духовнаго учителя: въ благожеланіи онъ превосходитъ всякаго естественнаго отца. Посмотри, наприм., какъ этотъ блаженный умоляетъ филиппійцевъ о полезномъ для нихъ. Что именно говоритъ онъ, убѣждая ихъ къ единомыслію, причинѣ всѣхъ благъ? Вотъ, какъ внушительно, какъ убѣдительно, съ какимъ сильнымъ чувствомъ говоритъ онъ: *аще убо кое утѣшеніе о Христѣ*, т. е.—если вы имѣете какое-либо утѣшеніе во Христѣ. Какъ бы такъ сказалъ: если ты сколько-нибудь внимателенъ ко мнѣ, если ты заботишься обо мнѣ, если ты когда-либо получилъ отъ меня какое-нибудь благодѣяніе, то сдѣлай это. Такой образъ рѣчи мы употребляемъ тогда, когда просимъ о такомъ предметѣ, который предпочитаемъ всему. Если чего не предпочитаемъ всему, того не захотимъ получить въ

замѣнъ всего, и не скажемъ, что чрезъ то все сдѣлано. Мы (въ
подобномъ случаѣ) приводимъ на память плотскія права. Наприм.,
отецъ сказалъ бы сыну: если ты имѣешь какое-либо уваженіе къ
отцу, если сколько-нибудь помнишь воспитаніе, если сколько-ни-
будь любишь меня, если сколько-нибудь дорожишь честью, по-
лученною отъ меня, если сколько-нибудь расположенъ ко мнѣ,—
то не будь врагомъ брату, т. е., въ воздаяніе за все прошу только
этого. А Павелъ говоритъ иначе: онъ не упоминаетъ ни о чемъ
плотскомъ, но все о духовномъ. Смыслъ его словъ такой: если
хотите доставить мнѣ какую-либо отраду въ искушеніяхъ и обод-
реніе во Христѣ, какое-либо утѣшеніе любви, показать какое-либо
общеніе въ духѣ, если имѣете какое-либо милосердіе и состра-
дательность въ сердцѣ,—то *исполните мою радость. Аще кое ми-
лосердіе и щедроты*. Щедротами Павелъ называетъ единомысліе
своихъ учениковъ, показывая этимъ крайнюю опасность въ томъ
случаѣ, когда они не будутъ единомысленны. Если мнѣ, говоритъ,
можно получить отъ васъ утѣшеніе, если можно получить какую-
нибудь отраду отъ вашей любви, если можно имѣть общеніе съ
вами въ духѣ, и общеніе съ вами въ Господѣ, если можно на-
дѣяться отъ васъ на милосердіе и сострадакіе,—то воздайте за все
это любовію. Все это я получилъ, если вы любите другъ друга.
Исполните мою радость. Смотри: чтобы не показалось, что онъ
убѣждаетъ ихъ, какъ не исполняющихъ своего долга, для этого
не говоритъ: сдѣлайте для меня, но—*исполните*, т. е.: вы начали
насаждать во мнѣ, уже успокоили меня, но я желаю достигнуть
конца. Чего же ты желаешь, скажи мнѣ? Того ли, чтобы мы из-
бавили тебя отъ опасностей, чтобы снабдили тебя чѣмъ-нибудь?
Ничего такого, говоритъ онъ, но *да тожде мудрствуете, туже
любовь имуще*, съ какою вы начали, *единодушни, единомудренни*. О, 214
какъ часто отъ великаго расположенія повторяетъ (Павелъ) одно
и то же! *Да тожде мудрствуете*, говоритъ, или лучше—да одно и
то же мыслите. Это онъ и объясняетъ далѣе словомъ—*единомудренни*,
которое сильнѣе слова—*тожде (мудрствуете). Туже любовь имуще*,
т. е. не просто въ вѣрѣ только, но и во всемъ прочемъ, потому
что можно мыслить одно и то же, и не имѣть любви. *Туже лю-
бовь имуще*, т. е. любите столько же, сколько васъ любятъ. Когда
пользуешься отъ другихъ великою любовію, то и самъ оказывай
другимъ не меньшую, чтобы и въ этомъ не быть тебѣ свое-
корыстнымъ. Пусть нѣкоторые допускаютъ это, а ты не допускай.
Единодушни, говоритъ, т. е., пусть во всѣхъ тѣлахъ будетъ одна
душа, не въ отношеніи существа,—это невозможно,—но въ отно-
шеніи желанія и мысли; пусть все происходитъ какъ бы отъ одной
души. Что значитъ—*единодушни*? (Апостолъ) изъясняетъ это сло-

вомъ—*единомудренни*: пусть будетъ (у всѣхъ) одна мысль, какъ у одной души. *Ничтоже по рвенію*. Апостолъ внушаетъ затѣмъ и излагаетъ способъ, какъ этого достигнуть. *Ничтоже по рвенію или тщеславію*. Вотъ что, какъ я всегда говорю, составляетъ причину всѣхъ золъ: вотъ откуда брани и ссоры, откуда клеветы и препирательства, откуда охлажденіе любви,—когда мы пристрастимся къ славѣ человѣческой, когда сдѣлаемся рабами чести, воздаваемой толпой. Рабъ славы не можетъ быть истиннымъ рабомъ Божіимъ. Итакъ, скажутъ, какъ же можемъ мы избѣгнуть тщеславія? Ты еще намъ не показалъ пути. Слушай слѣдующее: *но смиренномудріемъ другъ друга честію больша себе творяще*. О, какое предложилъ онъ правило, исполненное всякаго любомудрія, и какое руководство для нашего спасенія! Если ты предполагаешь, говоритъ, что другой лучше тебя и увѣришься въ томъ; а еще болѣе, если не на словахъ только, но и совершенно убѣжденъ въ томъ, и честь ему воздаешь,—то не будешь чувствовать неудовольствія, видя, что другой почитаетъ того, кому ты воздаешь честь. Итакъ, почитай другого не просто лучшимъ себя, но и высшимъ,—что означаетъ великое превосходство,—и для тебя не будетъ ни странно, ни больно видѣть (другого) почитаемымъ; даже, если онъ и обидитъ тебя, ты перенесешь великодушно, потому что ты призналъ его лучшимъ себя; бранить ли тебя онъ станетъ,—снесешь: зло ли какое причинитъ,—стерпишь молча. Когда ты однажды въ душѣ своей совершенно убѣдился, что онъ лучше тебя, то не будешь гнѣваться, какое бы зло ни сдѣлалъ онъ тебѣ, не будешь и завидовать ему. Тѣмъ, которые гораздо выше, никто не завидуетъ, потому что каждый думаетъ, что высшимъ все принадлежитъ.

2. Здѣсь (апостолъ) поучаетъ держаться такого расположенія духа. Если же, говоритъ онъ, и другой, получившій отъ тебя такую честь, будетъ въ подобномъ же расположеніи къ тебѣ, то представь, какая это будетъ двойная стѣна благодушія. Пока ты считаешь другого достойнымъ почтенія, равно и онъ тебя, до
215 тѣхъ поръ не произойдетъ ничего непріятнаго. Если такое поведеніе со стороны одного достаточно, чтобы уничтожить всякую раздражительность, то при взаимномъ кто разрушитъ такую твердыню? Ни самъ даже діаволъ, потому что составится тройное укрѣпленіе, четверное, и больше. Смиренномудріе есть причина всего добраго. А чтобы понять это, выслушай слова пророка: *яко аще бы восхотѣлъ еси жертвы, далъ бымъ убо: всесожженія не благоволиши. Жертва Богу духъ сокрушенъ: сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Псал. L, 18, 19). Богъ требуетъ не просто смиренномудрія, но стремленія къ смиренномудрію. Какъ въ

тѣлахъ разбитое никогда не можетъ противостоять твердому, но при всякомъ сотрясеніи само разрушается прежде, нежели столкнется съ другимъ, такъ и въ душѣ: угнетаемая постоянно несчастіемъ, она рѣшится лучше умереть, нежели нападать и защищаться. Доколѣ мы будемъ надмеваться гордостію, достойною посмѣянія? Мы смѣемся, когда видимъ, что дѣти вытягиваются и поступаютъ величаво; смѣемся, когда они то берутъ камень, то опять бросаютъ. Такъ и глупая гордость человѣческая есть плодъ дѣтскаго размышленія и несовершеннаго ума. *Почто гордится земля и пепелъ* (Сир. x, 9)? Человѣкъ, ты высокоумствуешь? Для чего? Какая прибыль тебѣ, скажи мнѣ? Отчего ты высокоумствуешь предъ тѣми, которые одного съ тобою рода? Развѣ ты не того же естества? Развѣ въ тебѣ не такая же душа? Развѣ не въ равной мѣрѣ ты почтенъ отъ Бога? Но ты мудръ? Слѣдовательно, долженъ благодарить, а не надмеваться. Первая черта неблагодарности—это гордость, потому что благодѣянія она не почитаетъ за даръ. Надменный потому и надмевается, что почитаетъ себя совершеннымъ. А почитающій себя совершеннымъ, неблагодаренъ къ Даровавшему честь. Имѣешь ли ты что доброе? Благодари Давшаго. Послушай, что говоритъ Іосифъ, и что Даніилъ. Когда царь египетскій призвалъ (Іосифа) изъ темницы, и предъ всѣмъ собраніемъ спрашивалъ его о дѣлѣ, отъ котораго отступились всѣ египтяне, наиболѣе въ немъ искусные,—тогда онъ могъ бы всячески вознестись и выказать себя мудрѣе звѣздочетовъ, прорицателей, чародѣевъ, волхвовъ и всѣхъ философовъ того времени, хотя былъ невольникомъ, въ плѣну и рабствѣ (и въ этомъ случаѣ слава его была бы еще больше, потому что не все равно—прославиться ли будучи уже извѣстнымъ, или неожиданно,—неожиданность сдѣлала бы его болѣе достойнымъ удивленія). Однакожъ что онъ сказалъ, представши предъ фараономъ? Да, я это знаю? Нѣтъ, не то, — а что же? Не будучи никѣмъ обличаемъ, по великой кротости, что говоритъ онъ? *Еда не Богомъ изъявленіе ихъ есть* (Быт. xl, 8)? Смотри: сначала онъ прославилъ Владыку; за то и самъ былъ прославленъ. А это не маловажно въ отношеніи къ славѣ: гораздо важнѣе, когда Богъ ее обнаружитъ, нежели когда самъ себѣ ее усвоишь. Съ другой стороны, чрезъ это и слова его пріобрѣли достовѣрность, и получено весьма сильное доказательсто его близости къ Богу. А нѣтъ ничего лучше, какъ быть близкимъ къ Богу. *Аще бо отъ дѣлъ оправдася,* сказано, *имать похвалу, но не у Бога* (Рим. iv, 2). Кто удостоился благодати, тотъ имѣетъ похвалу у Бога, потому что (Богъ) любитъ его, и прощаетъ ему (грѣхи); а кто заслужилъ дѣлами, тотъ тоже 216
имѣетъ похвалу, но не у Бога, какъ первый. Это—доказательство

великой немощи нашей. И тотъ, кто получилъ мудрость отъ Бога, насколько большаго достоинъ удивленія! Онъ прославилъ Бога, и самъ прославленъ отъ Него: *зане прославляющія Мя прославлю* (1 Цар. II, 30), говоритъ (Богъ). Также поступилъ потомокъ (Іосифа), мудрѣе котораго никого не было,—такъ какъ сказано: *еда премудрѣе ты еси Даніила* (Іезек. XXVIII, 3)? Этотъ-то Даніилъ, когда всѣ мудрецы вавилонскіе, самые даже звѣздочеты, прорицатели, волхвы, чародѣи, всѣ философы были не только посрамлены, но и истреблены (а истребленіе ихъ указывало на то, что и прежде они обманывали),—представши (предъ царемъ) для разрѣшенія вопроса, не хвалится, но напередъ все приписываетъ Богу, и говоритъ: *царю! мнѣ же не премудростію, сущею во мнѣ паче всѣхъ человѣкъ, открыся* (Даніил. II, 30). *И поклонися ему царь, и рече манаа (дары и благовонія) возліяти ему* (ст. 46). Видишь ли смиреніе? Видишь ли признательность? Видишь ли нравъ, чуждый гордости? Послушай еще апостоловъ. Въ одно время они говорятъ: *на ны что взираете, яко своею ли силою, или благочестіемъ сотворихомъ его ходити* (Дѣян. II, 12)? Въ другое время: *мы подобострастни есмы вамъ человѣцы* (XIV, 15). Если же они такъ отвергали воздаваемыя имъ почести, они—люди, которые смиренномудріемъ во Христѣ и Его силою сотворили большія дѣла, нежели Христосъ, какъ Онъ самъ говоритъ: *вѣруяй въ Мя, больша сихъ сотворитъ, яже Азъ творю* (Іоан. XIV, 12),—то какъ не бѣдны, какъ не несчастны тѣ, которые не могутъ прогнать и комаровъ, не только демоновъ,—тѣ, которые не въ силахъ принести пользы и одному человѣку, не только цѣлой вселенной,—и при этомъ столько мечтаютъ, сколько не мечтаетъ и самъ діаволъ?

3. Ничего нѣтъ болѣе несвойственнаго христіанской душѣ, какъ гордость,—говорю—гордость, а не дерзновеніе, не мужество, которыя хотя близки между собою, однакожъ не одно и то же, такъ что иное—смиренномудріе, а иное—низость, лесть и пресмыкательство. И если хотите, то я представлю вамъ на все примѣры. Извѣстно, что противоположныя вещи существуютъ какимъ-то образомъ вмѣстѣ, какъ-то: плевелы съ пшеницею, терны съ розами. Но легко обмануться могутъ дѣти; а мужи совершенные, опытные въ духовномъ дѣланіи, умѣютъ отличать истинно доброе отъ худого. Пожалуй, мы представимъ вамъ примѣры того изъ Писаній. Что такое лесть, низость и пресмыкательство? Сива безвременно льстилъ Давиду, и оклеветалъ господина своего; еще болѣе Ахитофелъ льстилъ Авессалому (2 Цар. XVI). Но Давидъ былъ не таковъ, а смиренномудръ. Льстецы бываютъ лукавы. Такъ, напр., волхвы нѣкогда говорили: *царю, во вѣки живи* (Дан. II 4). О Павлѣ же въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ найдемъ

много такого, когда онъ, бесѣдуя съ іудеями, не льстилъ, но смиренномудрствовать, потому что умѣлъ говорить и съ дерзновеніемъ. Такъ, онъ говорилъ: *мужіе братіе, азъ ничтоже противно сотворивъ людемъ или обычаемъ отеческимъ, узникъ отъ Іерусалимлянъ преданъ быхъ* (Дѣян. xxviii, 17). А что слова эти происхо- 217
дили отъ смиренномудрія, то слушай, какъ онъ упрекаетъ ихъ далѣе, говоря: *добрѣ Духъ святый глагола: слухомъ услышите, и не имате разумѣти, и видяще узрите, и не имате видѣти* (ст. 26). Видишь ли мужество? Посмотри и на мужество Іоанна Крестителя, какое онъ показалъ предъ Иродомъ, говоря: *не достоитъ тебѣ имѣти жену Филиппа брата твоего* (Мар. vi, 18). Вотъ дерзновеніе, вотъ мужество! А слова Семея: *изыди мужу кровей* (2 Цар. xvi, 7)—не то выражають, хотя и онъ говоритъ дерзновенно. Это не мужество, а дерзость, наглость и необузданность языка. Іезавель обругала Іиуя, назвавъ его *убійцею господина своего* (4 Цар. ix, 31); но это дерзость, а не дерзновеніе. Укоризненно говорилъ и Илія, но то было дерзновеніе и мужество: *не развращаю азъ людей, но развѣ ты и домъ отца твоего* (3 Цар. xviii, 18). Еще и предъ цѣлымъ народомъ Илія говорилъ дерзновенно: *доколѣ вы храмлете на обѣ плеснѣ ваши* (ст. 21)? Порицать такимъ образомъ, какъ дѣлали пророки, есть дерзновеніе и мужество; а то была дерзость. Хочешь ли слышать и слова смиренномудрія и благородства? Послушай Павла, который говоритъ: *мнѣ же не велико есть, да отъ васъ истяжуся, или отъ человѣческаго дне: но ни самъ себе истязую. Ничесоже бо въ себѣ свѣмъ: но ни о семъ оправдаюся* (1 Кор. iv, 3, 4). Вотъ сужденіе, приличествующее христіанину! И опять (апостолъ говоритъ): *смѣетъ ли кто отъ васъ, вещь имѣя ко иному, судитися отъ неправедныхъ, а не отъ святыхъ* (vi, 1)? Хочешь ли видѣть лесть безразсудныхъ іудеевъ? Слушай, какъ говорятъ они: *не имамы царя, токмо Кесаря* (Іоан. xix, 15). Хочешь ли видѣть смиренномудріе? Послушай еще Павла, который говоритъ: *не себе бо проповѣдаемъ, но Христа Іисуса Господа, себе же самѣхъ рабовъ вамъ Іисуса ради* (2 Кор. iv, 5). Желаешь ли видѣть лесть и дерзость: дерзость Навала, а лесть Зифеевъ? Какъ 218
тотъ поносилъ Давида, а эти умышленно предали его? Желаешь ли видѣть любомудріе Давида, а не льстивость? Какъ онъ захватилъ Саула, и пощадилъ его? Желаешь ли видѣть лесть убійцъ Мемфивосѳея, которыхъ Давидъ предалъ смерти? Просто, вообще и кратко сказать, дерзость—это когда кто-нибудь гнѣвается и ругаетъ другого безъ всякой причины, или мстя за себя, или чрезмѣрно раздражаясь; дерзновеніе же и мужество—когда кто отваживается на опасности и смерть, презираетъ и дружбу и вражду для угожденія Богу. Лесть и низость—это когда кто

служитъ другимъ не ради необходимаго чего-либо, но чтобы уловить что-нибудь житейское; а смиренномудріе—когда кто дѣлаетъ это для угожденія Богу и уничижается, чтобы совершить что-либо великое и достойное похвалы. Блаженны мы, если знаемъ это и если дѣлаемъ, потому что не достаточно знать: *не слышателіе бо закона*, сказано, *но творцы закона оправдятся* (Рим. II, 13); даже болѣе того, знаніе безъ дѣятельности и добродѣтелей подвергаетъ осужденію. Итакъ, будемъ дѣятельны, чтобы избѣжать осужденія, и получить обѣщанныя блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа (съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА VI.

217 Сіе бо да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ: иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу, но Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся якоже человѣкъ, смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя (Филип. II, 5—8).

1. Господь нашъ Іисусъ Христосъ, побуждая учениковъ Своихъ къ великимъ подвигамъ, представляетъ въ примѣръ то Себя самого, то Отца Своего, то пророковъ. Такъ, Онъ говоритъ: *тако бо сотвориша пророкомъ, иже быша прежде васъ* (Мѳ. V, 12); и опять: *аще Мене изгнаша, и васъ изженутъ* (Іоан. XV, 20); и еще: *научитеся отъ Мене, яко крото́къ есмь* (Мѳ. XI, 29); и еще: *будите милосерди, якоже Отецъ вашъ небесный* (Лук. VI, 36). То же дѣлаетъ и блаженный Павелъ. Побуждая (филиппійцевъ) къ смиренномудрію, онъ представляетъ въ примѣръ Христа, и не здѣсь только, но и когда бесѣдуетъ о нищелюбіи. Такъ Онъ говоритъ: *вѣсте бо благодать Господа нашего Іисуса Христа, яко васъ ради обнища богатъ сый* (2 Кор. VIII, 9). Великую и любомудрую душу ничто столько не поощряетъ къ добрымъ дѣламъ, какъ сознаніе, что она чрезъ это уподобляется Богу. И что можетъ быть равносильно этому для побужденія? Ничто. Зная это, Павелъ, при убѣжденіи (филиппійцевъ) къ смиренномудрію, сперва просилъ ихъ и умолялъ, потомъ сказалъ внушительно: *яко стоите во единомъ духѣ*, сказалъ также: *яко тѣмъ убо есть явленіе погибели, вамъ же спасенія*; наконецъ присовокупилъ: *сіе бо да мудрствуется*

въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ: иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу, но Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ. Внемлите, прошу васъ, и воспряните. Какъ мечъ, отточенный съ обѣихъ сторонъ, куда бы ни былъ направленъ, хотя бы на многочисленные ряды войска, легко посѣкаетъ и истребляетъ ихъ, потому что отовсюду остръ, и ничто не можетъ устоять противъ острія его,—точно таковы и изреченія Духа. Этими изреченіями Онъ низложилъ послѣдователей Арія александрійскаго, и Павла самосатскаго, и Маркелла галатійскаго, и Савеллія ливійскаго, и Маркіона понтійскаго, и Валентина, и Манеса, и Аполлинарія лаодикійскаго, и Фотина, и Софронія, и
вообще всѣ ереси. Итакъ, ожидая видѣть такое зрѣлище, и 219
столько рядовъ, падающихъ отъ одного удара, воспряните, чтобы вамъ не лишиться удовольствія отъ этого зрѣлища. Если во время состязанія колесницъ на конскихъ ристалищахъ всего пріятнѣе видѣть, когда кто, ударивши, опрокинетъ совсѣмъ колесницы съ возницами, и опрокинувъ многія четвероконныя колесницы съ стоящими на нихъ возницами, одинъ промчится отъ исходнаго столба до конечнаго,—многочисленныя отвсюду рукоплесканія и клики поднимаются къ небу, а онъ, какъ бы окрыленный этою радостію и рукоплесканіями, стремится на коняхъ чрезъ все поприще,—то не гораздо ли больше будетъ удовольствія здѣсь, когда мы, при благодати Божіей, опровергнемъ вдругъ и однимъ разомъ всѣ еретическія системы и діавольскія ухищренія вмѣстѣ съ ихъ возницами? И если угодно, сначала представимъ самыя ереси по порядку.

Въ какомъ порядкѣ хотите—по нечестію, или по времени? Но порядокъ по времени мы знаемъ, а порядокъ по нечестію понять трудно. Итакъ, пусть первый предстанетъ Савеллій ливійскій. Что же онъ говоритъ? Что Отецъ, Сынъ и Святый Духъ только имена, принадлежащія одному лицу. А Маркіонъ понтійскій говоритъ, что Богъ, устроившій все, не благъ; что не Онъ Отецъ благого Христа, но другой нѣкто праведный, и что Сынъ не принялъ плоти ради насъ. Маркеллъ же, Фотинъ и Софроній говорятъ, что Слово не есть существо ипостасное, а сила, и что эта сила обитала въ одномъ изъ потомковъ Давидовыхъ. Арій признаетъ Сыномъ (Іисуса Христа), но только по имени,—говоритъ, что Онъ есть твореніе, и гораздо ниже Отца. Иные говорятъ, что Онъ (Іисусъ Христосъ) не имѣетъ души. Видишь ли наставленныя колесницы? Смотри же и паденіе ихъ,—какъ поражающій ниспровергаетъ всѣ вмѣстѣ, однимъ ударомъ, вдругъ. Какъ же ниспровергаетъ? *Сіе да мудрствуется въ васъ,* говоритъ, *еже и во Христѣ Іисусѣ, иже во образѣ Божіи сый, не восхище-*

ніемъ непщева быти равенъ Богу. Отъ этого пали и Павелъ самосатскій, и Маркеллъ, и Савеллій. *Во образѣ Божіи сый,* говоритъ (апостолъ). Если во образѣ, то какъ ты, нечестивецъ, говоришь, что Онъ получилъ начало отъ Маріи, а до того времени не существовалъ? Опять, какъ ты говоришь, что Онъ былъ сила? Сказано: *во образѣ Божіи сый, зракъ раба пріимъ.* Скажи мнѣ: образъ раба—сила ли раба, или естество раба? Конечно, скажешь, естество раба. Слѣдовательно и образъ Бога есть естество Божіе, а не сила. Вотъ и Маркеллъ галатійскій, и Софроній, и Фотинъ пали!

2. Вотъ и Савеллій (опровергнутъ). Сказано: *не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу.* А объ одномъ и томъ же лицѣ не говорится, что оно равно самому себѣ: равное бываетъ равно чему-нибудь. Видишь ли ипостась двухъ лицъ, а не имена только безъ предметовъ? Ты слышалъ о предвѣчномъ существованіи Единороднаго? И это противъ нихъ. Что же теперь скажемъ противъ Арія, который говоритъ, что Сынъ имѣетъ другую сущность? Скажи мнѣ, что значатъ слова: *зракъ раба пріимъ?*
220 Они значатъ, отвѣчаешь, что Онъ сдѣлался человѣкомъ. Слѣдовательно слова—*во образѣ Божіи сый* значатъ: былъ Богъ. И тамъ и здѣсь стоитъ одно и то же слово: *образъ.* Если истинно первое, то и послѣднее. Быть въ образѣ раба значитъ быть человѣкомъ по естеству, и быть въ образѣ Божіемъ значитъ быть Богомъ по естеству. И не только это доказывается (сказаннымъ), но и равенство (съ Богомъ), подобно тому, какъ и у Іоанна, и то, что Сынъ ничѣмъ не менѣе Отца: *не восхищеніемъ,* говоритъ, *непщева быти равенъ Богу.* Но каково мудрованіе еретиковъ? Они говорятъ, что (слова эти) выражаютъ противное. Какъ бы такъ сказалъ (апостолъ): Онъ (Іисусъ Христосъ), будучи въ образѣ Божіемъ, не восхитилъ того, чтобы быть равнымъ Богу. Но если Онъ дѣйствительно былъ Богъ, то какъ могъ восхитить? И какъ можно было бы это понять? Кто скажетъ, что такой-то, будучи человѣкомъ, не восхитилъ того, чтобы быть человѣкомъ? Какъ похитить кому-нибудь то, чѣмъ онъ есть? Не то, говорятъ они. Но будучи меньшимъ Богомъ, Онъ не восхитилъ того, чтобы равняться Богу великому, большему. Значитъ, есть малый и великій Богъ? Такъ вы привносите къ церковнымъ догматамъ языческіе? У язычниковъ дѣйствительно есть великій и малый богъ, у васъ есть ли, не знаю. Но въ Писаніяхъ нигдѣ не найдешь; великаго найдешь вездѣ, а малаго нигдѣ. И въ самомъ дѣлѣ, если онъ малый, то что онъ за Богъ? Если нѣтъ человѣка малаго, и человѣка великаго, но одно естество, а что не одного и того же естества, то и не человѣкъ,—то какъ можно почесть

Богомъ малымъ и великимъ того, кто не имѣетъ божескаго естества? Кто малъ, тотъ не Богъ, потому что въ Писаніи Богъ вездѣ называется великимъ: *велій Господь*, говоритъ (Давидъ), *и хваленъ зѣло* (Псал. XLVII, 1). То же и о Сынѣ,—вездѣ называетъ Его Господомъ. Еще: *велій еси ты и творяй чудеса: ты еси Богъ единъ* (Псал. CXLVI, 5). И еще: *велій Господь нашъ, и велія крѣпость Его, и величію Его нѣсть конца* (CXLIV, 3). Но говорятъ: это сказано объ Отцѣ, а Сынъ малый (Богъ). Это ты такъ говоришь, а Писаніе напротивъ: оно говоритъ и о Сынѣ такъ же, какъ объ Отцѣ. Слушай, что говоритъ Павелъ: *ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога* (Тит. II, 13). Неужели объ Отцѣ сказалъ онъ: *(ждуще) явленія?* А чтобъ еще болѣе обличить васъ, онъ прибавилъ: *явленія великаго Бога.* Объ Отцѣ ли сказано это? Никакъ. Этого не допускаютъ прибавленныя (апостоломъ) слова: *и явленія великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа.* Вотъ и Сынъ великъ. Итакъ, почему ты говоришь о маломъ и великомъ? Знай, что и пророкъ называетъ Его *Ангеломъ великаго совѣта.* Ангелъ великаго совѣта ужели не великъ? *Богъ крѣпкій*—ужели не великъ, а малъ? Какъ же послѣ этого говорятъ безстыдные и дерзкіе, что Онъ малый Богъ? Я часто повторяю слова ихъ, чтобы вы болѣе удалялись отъ нихъ. Будучи малымъ Богомъ, говорятъ, Онъ не восхитилъ того, чтобъ быть (на равной степени) съ великимъ. Что это, скажи мнѣ? (Не думайте впрочемъ, что это наши слова). Если Сынъ, по ихъ мнѣнію, малъ, и по силѣ гораздо ниже Отца, то какъ Онъ могъ восхитить то, чтобъ быть равнымъ Богу? Будучи меньшимъ по естеству, Онъ не могъ бы похитить великаго естества. Напримѣръ, человѣкъ не можетъ похитить того, чтобъ быть по природѣ равнымъ ангелу; конь, хотя бы и захотѣлъ, не можетъ похитить того, чтобы быть по 221
природѣ равнымъ человѣку. Кромѣ этого и то еще скажу: чему Павелъ хочетъ научить этимъ примѣромъ? Безъ сомнѣнія, скажешь, онъ хочетъ побудить филиппійцевъ къ смиренномудрію. Итакъ, къ чему бы онъ привелъ этотъ примѣръ, скажи мнѣ? Никто вѣдь, желая побудить къ смиренію, не говоритъ такъ: будь смиренъ, и почитай себя меньшимъ противъ своихъ равночестныхъ, потому что такой-то рабъ не противился господину своему. Итакъ, подражай ему. Да это же, сказалъ бы иной, не смиреніе, а гордость! Вы, имѣющіе діавольскую гордость, научитесь, что такое смиренномудріе. Чтожъ такое смиренномудріе? Смиренно думать о себѣ; а смиренно думаетъ не тотъ, кто по необходимости уничиженъ, но кто самъ себя уничижаетъ. Я укажу примѣръ, а вы послушайте. Когда кто-нибудь, имѣя возможность думать о себѣ высоко, думаетъ смиренно, то онъ смиренномудръ. Если же кто,

не имѣя такой возможности, думаетъ смиренно, тотъ еще не смиренномудръ. Напримѣръ, если царь подчиняется эпарху, онъ смиренномудръ, потому что нисходитъ съ высоты; но когда эпархъ это дѣлаетъ, онъ еще не смиренномудръ. Почему? Потому что не самъ себя низвелъ съ высоты. Смиренномудрствовать можетъ только имѣющій власть. Если необходимость заставляетъ смириться противъ воли, то это—дѣло не ума и воли, а необходимости; смиренномудріе же потому такъ и называется, что оно есть усмиреніе мысли.

3. Скажи мнѣ: если кто, не имѣя возможности разбогатѣть (на счетъ другихъ), остается при томъ, что пріобрѣлъ,—похвалимъ ли его за справедливость? Никакъ. Почему же? Потому что необходимость отняла похвалу у его доброй воли. Скажи еще: если кто, не имѣя возможности владычествовать и царствовать, остается частнымъ человѣкомъ,—похвалимъ ли его, какъ неискательнаго? Никакъ. Такъ точно и въ этомъ случаѣ. О, вы несмысленнѣйшіе изъ всѣхъ! Хвалятъ не за воздержаніе только отъ этого, но за совершеніе добрыхъ дѣлъ. Первое, хотя не заслуживаетъ порицанія, но не стóитъ и похвалы; а послѣднее достойно похвалы. Смотри, какъ и Христосъ въ этомъ смыслѣ хвалитъ, когда говоритъ: *пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра: взалкахся бо, и дасте ми ясти: возжадахся, и напоисте Мя* (Мѳ. XXV, 34). Не сказалъ: за то, что вы не присвояли чужого, за то, что не похищали (это неважно); но—за то, что увидѣли Меня алчущимъ, и напитали. И кто сталъ бы хвалить такимъ образомъ друзей, или враговъ? Никто—даже Павла. Но что я говорю—Павла? Даже и никакого другого человѣка не сталъ бы хвалить такъ, какъ ты хвалишь Христа, т. е., что Онъ не присвоилъ Себѣ ненадлежащей власти. Удивляться этому значитъ обнаруживать въ себѣ большую порочность. Почему? Потому что такая похвала прилична порочнымъ, напримѣръ—вору, за то, что онъ уже не крадетъ. А въ отношеніи къ добрымъ не такъ: того еще не хвалятъ, кто
222 не похитилъ непринадлежащей ему власти и чести. И какъ безумно это! Да и кто,—будьте, прошу васъ, внимательны, хотя и длинно слово,—кто могъ бы такимъ образомъ побудить къ смиренію? Примѣры должны быть гораздо выше того предмета, къ которому убѣждаемъ, и едва ли кто убѣдится (примѣрами) отдаленными. Такъ, Христосъ, убѣждая благотворить врагамъ, представилъ великій примѣръ въ Отцѣ Своемъ: *яко солнце Свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя* (Мѳ. V, 45). А убѣждая къ долготерпѣнію, представилъ въ примѣръ самого Себя: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Мѳ. XI, 29);

и еще: *аще Азъ умыхъ вамъ нозѣ Господь и учитель, кольми паче вы*. Видишь ли, какъ примѣры не бываютъ ниже? И они нисколько не должны быть ниже; такъ и мы дѣлаемъ. А иначе примѣръ здѣсь не былъ бы близокъ. Почему? Потому что если рабъ, то онъ и меньше, и подчиненъ большему. А это—не смиренномудріе. Нужно было напротивъ представить кого-либо большаго повинующимся меньшему. Но такъ какъ (апостолъ) въ Богѣ не нашелъ этого, т. е. большаго и меньшаго, то и представилъ равнаго. Если же Сынъ меньше (Отца), то побужденіе къ смиренномудрію недостаточно. Почему? Потому что это не смиренномудріе, когда меньшій не возстаетъ противъ большаго, не восхищаетъ власти, послушливъ даже до смерти. Впрочемъ смотри, что говоритъ (апостолъ) и кромѣ примѣра: *смиренномудріемъ другъ друга честію больша себе творяще* (ст. 3). Говоритъ: *творяще* (считая). Такъ какъ вы одно по существу, и по чести, отъ Бога полученной, то это дѣло предоставляется вашему разсужденію. А касательно отношенія низшихъ къ высшимъ, онъ не говоритъ—*творяще*; но: почитайте высшихъ себя, какъ и въ другомъ мѣстѣ: *повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покаряйтеся* (Евр. XIII, 17). Тамъ покорность—въ природѣ вещей, а здѣсь она должна зависѣть отъ нашего разсужденія. *Смиренномудріемъ*, говоритъ, *другъ друга честію больша себе творяще*, какъ поступилъ и Христосъ. Такимъ образомъ (мудрованія еретиковъ) ниспровергнуты. Высказавши сначала кратко ихъ мнѣнія, остается затѣмъ сказать намъ и свое,—именно: почему (Павелъ), убѣждая къ смиренномудрію, не представилъ меньшаго покоряющимся большему. Если бы онъ убѣждалъ рабовъ повиноваться господамъ, то это было бы кстати; а такъ какъ онъ убѣждалъ свободныхъ покоряться свободнымъ, то къ чему было представлять покорность раба господину, меньшаго большему? Онъ не сказалъ: меньшіе покоряйтесь большимъ; но: будучи равночестны между собою, покоряйтесь, *другъ друга честію больша себе творяще*. Почему же онъ не привелъ въ примѣръ отношенія жены (къ мужу, не сказалъ): какъ жена покоряется мужу, такъ и вы покоряйтесь? Если же равнаго и свободнаго не привелъ онъ въ примѣръ, потому что здѣсь есть нѣкоторая, хотя малая, подчиненность, то не тѣмъ ли болѣе онъ не могъ представить въ примѣръ отношеній раба? Прежде я сказалъ, что никто такимъ образомъ не хвалитъ никого за воздержаніе отъ пороковъ, даже не упоминаетъ о такомъ. 223
Напримѣръ, желающій похвалить цѣломудреннаго не скажетъ, что онъ не любодѣйствовалъ, а скажетъ, что онъ воздерживался отъ собственной жены. И никогда мы не ставимъ (въ похвалу) одного воздержанія отъ пороковъ: это было бы смѣшно. Я ска-

залъ также, что образъ раба есть истинный, и ничѣмъ не меньше: такъ и образъ Бога есть совершенный, и ничѣмъ не меньше. Потому (апостолъ) не сказалъ: *въ образѣ Божіи* бывшій, но—*сый*. Это выраженіе равносильно словамъ: *Азъ есмь сый* (Исх. III, 14). Образъ, какъ образъ, показываетъ совершенное сходство. Не можетъ быть, чтобы кто-нибудь имѣлъ сущность одного, а образъ другого. Напримѣръ, ни одинъ человѣкъ не имѣетъ образа ангела, никакое безсловесное не имѣетъ образа человѣка. Какъ же Сынъ?

4. Далѣе: такъ какъ мы сложны, то образъ въ насъ относится къ тѣлу; въ простомъ же и совершенно несложномъ онъ относится къ сущности. Если же ты скажешь, что слово (Θεός) безъ члена не означаетъ Бога Отца, то можно указать много мѣстъ, гдѣ это слово употребляется безъ члена. И что я говорю—много мѣстъ? Въ этомъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ сказано: *не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу*, (апостолъ) сказалъ безъ члена, а между тѣмъ говоритъ о Богѣ Отцѣ. Хотѣлъ бы я прибавить и свое; но боюсь обременить ваши умы. Помните хотя доселѣ вамъ сказанное въ опроверженіе еретиковъ. Сперва исторгнемъ терніе; а по искорененіи тернія, когда земля нѣсколько отдохнетъ, посѣемъ и доброе сѣмя, чтобы она, очистившись такимъ образомъ отъ всего худого, была болѣе способна къ принятію божественныхъ сѣмянъ. Возблагодаримъ Бога за сказанное; будемъ просить Его, чтобы Онъ помогъ намъ соблюсти и сохранить это, чтобы и вы и мы возрадовались, а еретики постыдились. Будемъ молить Его, чтобы Онъ отверзъ намъ уста и на послѣдующее, чтобы намъ съ такимъ же тщаніемъ предложить и свое. Будемъ умолять Его, чтобы Онъ даровалъ намъ жизнь достойную вѣры, чтобы мы жили во славу Его, и чтобы не хулилось чрезъ насъ имя Его. *Горе бо вамъ*, сказано, *имиже имя Божіе хулится* (Иса. LII, 5)! Если мы, имѣя сына,—а что для насъ ближе сына?—итакъ, если, имѣя сына, мы отрицаемся отъ него, отвращаемся и не принимаемъ, когда подвергаемся поношенію за него, то не болѣе ли Богъ отвратится и возненавидитъ безразсудныхъ рабовъ, хулящихъ и оскорбляющихъ его? А кого Богъ возненавидитъ и отринетъ, кто того приметъ? Никто, развѣ діаволъ и демоны. А кого возьмутъ демоны, какую тотъ будетъ имѣть надежду на спасеніе? Какое утѣшеніе въ жизни? Доколѣ находимся въ рукѣ Божіей, никто не можетъ похитить насъ, потому что она крѣпка. Когда же ниспадемъ изъ руки Его и лишимся Его помощи, тогда мы погибли, доступны всѣмъ на расхищеніе, всѣмъ на попраніе, *яко стѣна преклонена и оплотъ возриновенъ* (Псал.
224 LXI, 4). Когда стѣна слаба, тогда легко всякому разрушить ее. Не думайте, что объ Іерусалимѣ только говорится то, что я на-

мѣрен сказать; но и о всякомъ человѣкѣ. Что же сказано объ Іерусалимѣ? *Воспою нынѣ возлюбленному пѣснь возлюбленнаго моего, винограду моему. Виноградъ бысть возлюбленному въ розѣ, на мѣстѣ тучнѣ. И огражденіемъ оградихъ, и окопахъ, и насадихъ лозу Сорикъ, и создахъ столпъ посредѣ его, и предточиліе ископахъ въ немъ, и ждахъ да сотворитъ гроздіе: сотвори же терніе. И нынѣ, живущіи во Іерусалимѣ, и человѣки Іудины, судите между мною и виноградомъ моимъ. Что сотворю еще винограду моему, и не сотворихъ ему: зане же ждахъ, да сотворитъ гроздіе, сотвори же терніе? Нынѣ убо возвѣщу вамъ, что азъ сотворю винограду моему: отыму огражденіе его, и будетъ въ разграбленіе, и разорю стѣну его, и будетъ въ попраніе: и оставлю виноградъ мой, и ктому не обрѣжется, ниже покопается: и взыдетъ на немъ, якоже на лядинѣ, терніе: и облакомъ заповѣмъ, еже не одождити на него дождя. Виноградъ бо Господа Саваоѳа домъ Израилевъ есть, и человѣкъ Іудинъ, новый садъ возлюбленный. Ждахъ, да сотворитъ судъ: сотвори же беззаконіе, и не правду, но вопль* (Иса. v, 1—7). Это относится и къ каждой душѣ. Когда человѣколюбивый Богъ сдѣлаетъ все нужное, а она вмѣсто винограда произведетъ терніе, то Онъ отнимаетъ ограду и разрушаетъ стѣну, и мы предаемся на расхищеніе. Послушай, какъ еще другой пророкъ съ плачемъ говорилъ: *вскую низложилъ еси оплотъ его, и объимаютъ и вси мимоходящіи путемъ? Озоба и вепрь отъ дубравы и уединенный дивій пояде и* (Псал. LXXIX, 13, 14). Тамъ говорится о мидянахъ и вавилонянахъ, а здѣсь сказаннаго нельзя отнести къ нимъ: вепрь и уединенный — это діаволъ и вся его сила. (Пророкъ) назвалъ его уединеннымъ, чтобы изобразить его лютость и нечистоту. А выражая его хищность, Писаніе говоритъ: *яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. v, 8). Когда же показываетъ его ядовитость, смертоносность и губительность, то называетъ его зміемъ и скорпіономъ: *наступайте*, говоритъ, *на змію и на скорпію, и на всю силу вражію*. Наконецъ, когда выражаетъ силу и вмѣстѣ ядовитость, то называетъ его дракономъ, говоря: *змій* (драконъ) *сей, егоже создалъ еси ругатися ему* (Псал. CIII, 26). И дракономъ, змiемъ извивающимся, и аспидомъ называетъ его (Писаніе) вездѣ, — потому что звѣрь этотъ хитеръ, разноцвѣтенъ, и имѣетъ большую силу; онъ все приводитъ въ движеніе, все возмущаетъ, все извращаетъ. Впрочемъ не бойтесь и не ужасайтесь; бодрствуйте только, — и онъ будетъ какъ воробей: *наступайте*, сказано, *на змію и скорпію*. Богъ сдѣлаетъ его попраніемъ ногъ нашихъ, только бы мы захотѣли.

5. Итакъ, смотри, какъ смѣшно, какъ тягостно видѣть, что 225
тотъ, кто данъ намъ на попраніе, становится выше головы нашей? Какъ же бываетъ это? Отъ насъ самихъ (зависитъ): если мы хо-

тимъ, то онъ бываетъ великъ, и если хотимъ, бываетъ малъ. Если мы внимательны къ себѣ, и находимся вмѣстѣ съ Царемъ нашимъ, то онъ умаляется, и въ борьбѣ съ нами бываетъ не сильнѣе малаго дитяти; а когда мы отдаляемся (отъ Царя своего), тогда (діаволъ) весьма надмевается, рыкаетъ и скрежещетъ зубами, замѣтивъ, что мы лишились великой помощи, такъ какъ онъ не приближается, доколѣ не допуститъ Богъ. Если діаволъ не осмѣлился безъ позволенія Божія войти въ стадо свиное, то тѣмъ болѣе въ души человѣческія. Попускаетъ же Богъ или для вразумленія, или для наказанія, или для большаго испытанія, какъ было съ Іовомъ. Помнишь ли ты, что діаволъ не приступалъ къ нему, даже не смѣлъ приблизиться, но боялся и трепеталъ его? Но что я говорю объ Іовѣ? И къ Іудѣ приступая, діаволъ не смѣлъ совершенно овладѣть имъ и войти въ него, доколѣ Христосъ не отлучилъ его отъ священнаго лика. До того времени онъ подходилъ къ нему отвнѣ, а внутрь войти не смѣлъ. Когда же увидѣлъ, что онъ отлученъ отъ священнаго стада, то напалъ на него лютѣе всякаго волка, и до тѣхъ поръ не отсталъ, пока не умертвилъ его сугубою смертію. Это написано для нашего назиданія. Какая однакожъ прибыль знать, что одинъ изъ двѣнадцати былъ предатель? Какая польза? Какая выгода? Великая. Узнавъ, отчего онъ пошелъ на такой пагубный совѣтъ, мы будемъ беречься этого, чтобы и съ нами не случилось того же. Отчего же онъ пошелъ на это? Отъ сребролюбія. Онъ былъ тать, и такъ упоенъ былъ этою страстію, что за тридцать сребренниковъ продалъ Владыку вселенной. Что хуже такого безумія? Кому нѣтъ ничего равноцѣннаго, ничего равнаго, предъ Кѣмъ *вси языцы въ ничтоже вмѣнишася* (Иса. XL, 17),—Того продалъ онъ за тридцать сребренниковъ. Тяжко господство сребролюбія; оно можетъ довести душу до изступленія. Не столько дѣлается иной безумнымъ отъ пьянства, сколько отъ сребролюбія; не столько отъ бѣшенства и сумасшествія, сколько отъ сребролюбія. За что ты продалъ, скажи мнѣ? Незнатнаго и неизвѣстнаго—тебя Онъ призвалъ, и сдѣлалъ однимъ изъ двѣнадцати, преподалъ тебѣ ученіе, обѣщалъ безчисленныя блага, далъ силу творить чудеса, сдѣлалъ общникомъ Своей трапезы, путешествій, бесѣдъ, сожительства и всего, наравнѣ съ прочими (апостолами). Или это не могло удержать тебя? По какой же причинѣ ты продалъ? Нечестивецъ, на что могъ ты пожаловаться? Чѣмъ ты не былъ облагодѣтельствованъ? Онъ зналъ твою душу, однакожъ не переставалъ сообщать тебѣ Свое. Многократно говорилъ: *единъ отъ васъ предастъ Мя* (Мѳ. XXVI, 21); многократно намекалъ, щадилъ тебя и, зная тебя таковымъ, не отлучалъ отъ лика; еще сносилъ, и какъ близкаго и какъ одного изъ двѣна-

ждати, столько почиталъ, столько любилъ. Наконецъ, взявъ полотенце Своими пречистыми руками умылъ скверныя ноги твои; но,—о, нечестіе!—и это тебя не удержало. Ты утаивалъ доли нищихъ,—и это Онъ сносилъ, чтобы ты не впалъ въ большее зло; но тебя ничто не убѣдило. Если бы ты былъ звѣрь, если бы камень, и тогда отъ такихъ благодѣяній, отъ чудесъ, отъ ученія не должно ли было тебѣ перемѣниться? Но тебя, сдѣлавшагося такимъ звѣремъ и ставшаго безчувственнѣе камня, Онъ все же призывалъ и утверждалъ чудесами. А ты и при всемъ томъ не сдѣлался лучше. Конечно, вы удивляетесь такому безумію преда- 226
теля. Страшитесь же въ такомъ случаѣ и его язвы: отъ сребролюбія, отъ пристрастія къ деньгамъ онъ сдѣлался таковымъ. Отсѣки эту страсть; она раждаетъ слѣдующія болѣзни: дѣлаетъ нечестивыми, ведетъ къ забвенію Бога, несмотря на Его безчисленныя благодѣянія. Отсѣки, прошу; (эта страсть) не маловажна; она способна произвесть тысячи гибельныхъ смертей. Мы видѣли страсть (Іуды); убоимся, чтобы и намъ самимъ не впасть въ подобную же. Для того и написано объ этомъ, чтобы мы не подверглись тому же. Для того всѣ евангелисты повѣствуютъ объ этомъ, чтобы сдѣлать насъ осторожными. Бѣги подальше; сребролюбіе не въ томъ только, чтобы любить множество денегъ, но и вообще въ любви къ деньгамъ. Желать болѣе, чѣмъ нужно—великое сребролюбіе. Развѣ таланты золота склонили предателя? Всего тридцать сребренниковъ, за тридцать сребренниковъ онъ продалъ Владыку. Помните ли сказанное мною предъ этимъ, что корыстолюбіе проявляется не только въ принятіи многаго, но гораздо болѣе въ принятіи малаго? Вотъ какое беззаконіе учинилъ Іуда за малое количество золота, даже не за золото, а за сребренники! Нельзя, подлинно нельзя человѣку сребролюбивому видѣть когда-либо лице Христово; это одна изъ невозможностей. Сребролюбіе есть корень золъ. И если имѣющій одинъ порокъ лишается славы, то куда станетъ носящій въ себѣ этотъ корень? Рабъ денегъ не можетъ быть истиннымъ рабомъ Христовымъ. Самъ Христосъ открылъ, что это—дѣло невозможное: *не можете*, сказалъ Онъ, *Богу работати и мамонѣ;* и еще: *никтоже можетъ двѣма господинома работати* (Мѳ. VI, 24). Они повелѣваютъ противное: Христосъ говоритъ: щади бѣдныхъ, а мамона внушаетъ: отнимай и то, что они имѣютъ; Христосъ говоритъ: истощай свое имѣніе, а мамона внушаетъ: бери и то, что у нихъ есть.

6. Видишь ли ты противоположность? Видишь ли борьбу? Хотите ли, покажемъ, какъ нельзя повиноваться обоимъ, но одного должно презрѣть? Или не нужно говорить? Какъ? Не видимъ ли на дѣлѣ, что Христа презираютъ, а мамону почитаютъ? Замѣ-

чаете ли вы, какъ даже слова эти противны? Не тѣмъ ли болѣе дѣла? Но въ дѣйствительности это не кажется нисколько противнымъ, потому что нами обладаетъ страсть. Душа, хотя немного освободившаяся отъ страсти, пока находится въ такомъ состояніи, можетъ судить правильно. Но, поддавшись опять страсти, будучи одержима горячкою, и услаждаясь предметомъ страсти, не можетъ судить здраво, не можетъ судить безпристрастно. Христосъ говоритъ: аще кто *не отречется всего своего имѣнія, не можетъ быти Мой ученикъ* (Лук. XIV, 33); а мамона говоритъ: возьми хлѣбъ у алчущаго. Христосъ говоритъ: *нага одѣй* (Иса. LVIII, 7); а мамона говоритъ: раздѣнь нагого. Христосъ говоритъ: *отъ свойственныхъ сѣмене твоего не презри* (Иса. LVIII, 7); а мамона говоритъ: не жалѣй кровныхъ своихъ, пренебреги даже матерью и отцомъ. И что я говорю—отцомъ и матерью? Самую душу твою и ту погуби.
227 И однакожъ (люди) повинуются. Увы, того, чьи повелѣнія столь жестоки, грубы и звѣрски, слушаютъ болѣе, нежели Того, чьи заповѣди человѣколюбивы и спасительны для насъ. За то и геенна, за то огонь, за то рѣка огненная, за то червь неумирающій. Знаю, что многіе съ неудовольствіемъ слушаютъ наши слова. Я и самъ неохотно говорю это. Да и какая надобность говорить объ этомъ? Я желалъ бы всегда бесѣдовать съ вами о царствіи, о покоѣ, о водѣ упокоенія, о мѣстѣ злачномъ: *на мѣстѣ бо злачнѣ*, говоритъ (Давидъ), *тамо всели мя, на водѣ покойнѣ воспита мя* (Псал. XXII, 2). Я желалъ бы бесѣдовать о томъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ болѣзни, ни печали, ни воздыханія; желалъ бы повѣдать сладость общенія со Христомъ. Хотя это превыше всякаго слова и всякаго ума, а все же, по силѣ возможности, я желалъ бы говорить объ этомъ. Но что дѣлать? Неприлично говорить о царствѣ съ тѣмъ, кто страдаетъ горячкою, и находится въ худомъ состояніи. Съ нимъ прежде надобно поговорить о здоровьѣ. Не кстати бесѣдовать о чести съ осужденнымъ на казнь. Прежде нужно найти средство освободиться отъ суда, наказанія и мученія. Если послѣдняго не будетъ, какъ приступать къ первому? Потому я и говорю непрестанно о послѣднемъ, чтобы скорѣе достигнуть перваго. И Богъ для того угрожаетъ геенною, чтобы никто не попалъ въ геенну, чтобы всѣ взошли въ царство. И мы для того непрестанно напоминаемъ о гееннѣ, чтобы подвигнуть васъ къ царству, чтобы, умягчивши страхомъ сердце ваше, расположить къ дѣламъ достойнымъ царства. Итакъ, не досадуйте на тяжесть словъ; тяжесть словъ облегчаетъ души наши отъ грѣховъ. И желѣзо тяжело, и молотъ тяжелъ, но онъ выдѣлываетъ полезные сосуды золотые и серебряные, а испорченные поправляетъ. Какъ (молотъ), если бы не былъ тяжелъ, не могъ бы исправить испор-

чной вещи, такъ и наше тяжкое слово имѣетъ силу устроять душу. Итакъ, не будемъ бѣгать отъ тяжести словъ, и отъ нано- 228
симыхъ ими ударовъ. Не для того наносится ударъ, чтобы поразить и сокрушить душу, но чтобы исправить. По благодати Божіей мы знаемъ, какъ поражать, какъ наносить ударъ, чтобы не раздробить сосуда, но выгладить, выправить, и сдѣлать благопотребнымъ для Владыки,—чтобы сообщить ему съ блескомъ крѣпость и прекрасный видъ въ тотъ день, когда явится рѣка огненная,—чтобы представить его не имѣющимъ нужды въ томъ огнѣ. А если мы не будемъ жечь васъ здѣсь, то конечно необходимо будутъ жечь васъ тамъ, иначе и быть не можетъ: *день бо Господень огнемъ открывается* (1 Кор. ш, 13). Для васъ лучше въ продолженіе краткаго времени потерпѣть жженіе отъ нашихъ словъ, нежели вѣчно (страдать) отъ того пламени. А что такъ непремѣнно будетъ, это ясно, и я многократно приводилъ вамъ на это неоспоримыя доказательства. Надлежало бы только изъ Писанія представить убѣжденія; но такъ какъ нѣкоторые любятъ спорить, то мы многое опровергали умозаключеніями. И теперь ничто не препятствуетъ сказать въ этомъ родѣ. Какъ же? Вотъ какъ: Богъ правосуденъ; всѣ это исповѣдуемъ—и эллины, и іудеи, и еретики, и христіане. Между тѣмъ многіе грѣшники отходятъ отсюда, не будучи наказаны; и напротивъ,—многіе добродѣтельные отходятъ, претерпѣвши безчисленныя бѣдствія. Итакъ, если Богъ правосуденъ, то гдѣ Онъ воздастъ послѣднимъ награды, а первымъ наказанія, если нѣтъ геенны и воскресенія? Это доказательство всегда повторяйте и другимъ и себѣ самимъ, и оно не допуститъ васъ усомниться въ воскресеніи. А кто вѣритъ воскресенію, тотъ постарается жить съ великимъ вниманіемъ, чтобы получить вѣчныя блага, которыхъ всѣ мы и да сподобимся благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VII.

227 **Сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ: иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу, но Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся якоже человѣкъ: смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя. Тѣмже и Богъ Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене, да о имени Іисусовѣ всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца (Филип. II, 5—11).**

1. Нами изложены мнѣнія еретиковъ; теперь время уже изложить и наше ученіе. Они говорятъ, что выраженіе: *не восхищеніемъ непщева* значитъ—восхитилъ. А мы показали, что это совершенно нелѣпо и неумѣстно, что такимъ образомъ никто не
228 доказываетъ смиренномудрія, и не хвалитъ не только Бога, но и человѣка. Итакъ, чтожъ оно значитъ, возлюбленные? Внимайте настоящимъ словамъ. Такъ какъ многіе люди полагаютъ, что они, сдѣлавшись смиренными, лишились бы собственнаго достоинства, умалились бы и унизились, то (апостолъ), устраняя этотъ страхъ, и показывая, что не должно такъ думать, говоритъ о Богѣ, что Богъ, единородный Сынъ Отца, *во образѣ Божіи сый*, имѣющій нисколько не менѣе, чѣмъ Отецъ, равный Ему, *не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу*. А что это значитъ, послушай: если кто-либо восхититъ что, и присвоитъ себѣ не по праву, то не рѣшается оставить этого, боясь, чтобы не утратилось и не погибло, но удерживаетъ это постоянно. Напротивъ, кто имѣетъ естественное какое-либо достоинство, тотъ не боится стать и ниже этого достоинства, зная, что онъ ничего подобнаго не потерпитъ. Укажу примѣръ: Авессаломъ восхитилъ власть, и потомъ не
229 рѣшился сложить ее съ себя. Приведемъ и другой примѣръ. А если примѣры несильны объяснить всего,—вы не досадуйте на меня: таково уже свойство примѣровъ, что большая часть оставляется уму для размышленія. Возсталъ на царя и восхитилъ царство; онъ уже не рѣшается оставить и скрыть этого дѣла, и если бы онъ хоть однажды скрылъ его,—тотчасъ бы погубилъ. Обратимся еще къ другому какому-либо примѣру. Предположимъ, кто-нибудь похитилъ что-либо; онъ уже удерживаетъ это постоянно, и какъ только выпустилъ изъ рукъ, тотчасъ и потерялъ. И вообще, завладѣвшіе чѣмъ-либо чрезъ хищеніе, боятся оставить

это и скрыть, боятся и на минуту разстаться съ тѣмъ, чѣмъ завладѣли. Но не то бываетъ съ тѣми, которые не чрезъ хищеніе чѣмъ-либо владѣютъ. Напримѣръ, человѣкъ имѣетъ достоинство, состоящее въ томъ, что онъ разуменъ. (Впрочемъ и) примѣра не нахожу, потому что у насъ нѣтъ природной власти, ни одно изъ благъ не зависитъ отъ природы нашей, а всѣ они принадлежатъ естеству Божію. Итакъ, что же скажемъ? То, что Сынъ Божій не убоялся стать ниже своего достоинства. Онъ не почиталъ божество хищеніемъ, и не боялся, чтобы кто-нибудь отнялъ у Него естество или достоинство Его. Потому и отложилъ его, будучи твердо увѣренъ, что опять приметъ его; сокрылъ его, не думая нисколько умалиться чрезъ это. Потому-то (апостолъ) не сказалъ: не восхитилъ, но: *не восхищеніемъ непщева*,—т. е. имѣлъ власть не похищенную, но естественную, не данную, но постоянно и неотъемлемо Ему принадлежащую. Потому не отказывается принять видъ даже тѣлохранителя. Тиранъ боится на войнѣ сложить порфиру, а царь дѣлаетъ это безъ всякаго опасенія. Почему? Потому что имѣетъ власть не похищенную. Итакъ, Онъ не сложилъ ее, потому что не похитилъ; но сокрылъ, потому что имѣлъ ее какъ естественную и навсегда неотъемлемую. (Достоинство) быть равнымъ Богу у Него было не похищенное, но естественное: а потому и *умалилъ Себе*. Гдѣ говорящіе, что Онъ покорился, что Онъ подчинился необходимости? (Апостолъ) говоритъ: *Себе умалилъ, смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти*. Какъ умалилъ? *Зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся, якоже человѣкъ*. Здѣсь слова: *Себе умалилъ* сказаны (апостоломъ) въ соотвѣтствіе словамъ: *другъ друга честію больша себе творяще* (Филип. II, 3),—потому что если бы Онъ былъ подчиненъ, если бы не по собственному побужденію, и не самъ по Себѣ рѣшился умалить Себя, то это не было бы и дѣломъ смиренія. Если Онъ не зналъ, что это должно было совершиться, то Онъ несовершенъ; если, не зная, ожидалъ времени повелѣнія, то Онъ не зналъ времени; если же Онъ зналъ и то, что это должно было совершиться, и то, когда должно совершиться, то для чего сталъ въ подчиненіи? Для того, скажутъ, чтобы показать превосходство Отца. Но это значитъ показать не превосходство Отца, а собственную ничтожность. И одно имя Отца не довольно ли показываетъ первенство Отца? А кромѣ этого все (что у Отца) то же есть и у Сына. Иначе говоря, одна эта честь не можетъ перейти отъ Отца къ Сыну; а кромѣ нея все у Отца съ Сыномъ общее.

2. Здѣсь маркіониты, привязываясь къ словамъ, говорятъ: Онъ не былъ человѣкъ, но *въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ*. Какъ

230 же можно быть въ подобіи человѣческомъ? Облекшись тѣнію? Но это призракъ, а не подобіе человѣка. Подобіемъ человѣка можетъ быть другой человѣкъ. А что скажешь на слова Іоанна: *Слово плоть бысть* (Іоан. I, 14)? Да и этотъ самый блаженный въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *въ подобіи плоти грѣха* (Рим. VIII, 3). *И образомъ обрѣтеся якоже человѣкъ.* Вотъ, говорятъ: и *образомъ*, и: *якоже человѣкъ:* а быть какъ человѣкъ, и въ образѣ человѣка, еще не значитъ быть въ самомъ дѣлѣ человѣкомъ, потому что быть человѣкомъ по образу не значитъ быть человѣкомъ по естеству. Видите ли, съ какою добросовѣстностію я передаю слова враговъ? Вѣдь блистательная и совершенная побѣда бываетъ та, когда мы не скрываемъ ихъ мнѣній кажущихся сильными; скрывать—значитъ болѣе обманывать, нежели побѣждать. Итакъ, что они говорятъ? Повторимъ опять то же: по образу не значитъ по естеству, и быть *якоже человѣкъ*, и *въ подобіи человѣчестѣмъ* не значитъ быть человѣкомъ. Слѣдовательно, и зракъ раба принять—не значитъ естество раба принять. Здѣсь возраженіе противъ тебя,—и почему бы не тебѣ первому разрѣшить его? Какъ то̀ считаешь ты противорѣчіемъ у насъ, такъ и мы называемъ это противорѣчіемъ у тебя. (Апостолъ) не сказалъ: какъ зракъ раба, ни—въ подобіи зрака раба, ни—въ образѣ зрака раба, но—*зракъ раба пріимъ.* Чтожъ это значитъ? И это противорѣчіе, скажутъ. Противорѣчія нѣтъ никакого, а какое-то пустое и смѣшное съ ихъ стороны умствованіе. Говорятъ: Онъ принялъ образъ раба, потому что, препоясавшись полотенцемъ, умылъ ноги учениковъ. Это ли образъ раба? Это не образъ раба, а дѣло раба. Иное заниматься дѣломъ раба, а иное принять образъ раба. Иначе—почему не сказано, что Онъ совершилъ дѣло раба, что̀ было бы яснѣе? Да и нигдѣ въ Писаніи не употребляется (слово) *образъ* вмѣсто дѣла, потому что между ними большое различіе: одно—принадлежность естества, а другое дѣятельности. И въ обыкновенномъ разговорѣ мы никогда не употребляемъ образъ вмѣсто дѣла. Иначе говоря, Онъ, по ихъ мнѣнію, и дѣла не сдѣлалъ, и не препоясывался. Если дѣло было мечта, то не было истиною; если Онъ не имѣлъ рукъ, то какъ умылъ? Если не имѣлъ бедръ, то какъ препоясался полотенцемъ? Да и какія *ризы* взялъ? А вѣдь сказано: *пріятъ ризы своя* (Іоан. VIII, 12). Допустивъ, что здѣсь представляется не то, что на самомъ дѣлѣ было, а призракъ только, надобно допустить, что Онъ не умылъ и ногъ ученикамъ. Если безплотное естество не сдѣлалось видимымъ, значитъ оно не было и въ тѣлѣ. Итакъ, ктожъ умылъ учениковъ? Что еще скажемъ противъ Павла самосатскаго? А что, спросите, онъ говоритъ? Онъ говоритъ то же: имѣющему естество человѣческое и настоящему человѣку умыть

подобныхъ себѣ рабовъ—не есть умаленіе. То же самое, что мы сказали противъ аріанъ, нужно сказать и противъ нихъ. Все различіе между ними состоитъ только въ небольшомъ промежуткѣ времени: и тѣ и другіе называютъ Сына Божія твореніемъ. Итакъ, что же скажемъ противъ нихъ? Если человѣкъ умылъ человѣковъ, то Онъ не умалилъ и не унизилъ Себя: если, будучи человѣкомъ, Онъ не восхитилъ равенства съ Богомъ, то въ этомъ 231
еще нѣтъ похвалы. Богу сдѣлаться человѣкомъ—это великое, неизреченное и неизъяснимое смиреніе; а человѣку совершать дѣла человѣческія—что за смиреніе? И гдѣ образъ Божій называется дѣломъ Божіимъ? Если Онъ былъ простой человѣкъ и называется образомъ Божіимъ за Свои дѣла, то почему не говоримъ того же и о Петрѣ, который сдѣлалъ больше Его? Почему и о Павлѣ не говоришь, что Онъ имѣлъ образъ Божій? Почему Павелъ не представилъ въ примѣръ себя самого, хотя исполнялъ множество рабскихъ дѣлъ, и ни отъ чего не отказывался, какъ самъ говоритъ: *не себе бо проповѣдаемъ, но Христа Іисуса Господа, себе же самѣхъ рабовъ вамъ Іисуса ради* (2 Кор. IV, 5)? Смѣшно это и нелѣпо. *Себе умалилъ.* Скажи, какъ Онъ *умалилъ,* и что это за умаленіе, и что за смиреніе? Тѣмъ ли (умалилъ), что творилъ чудеса? Но это дѣлали и Павелъ и Петръ, такъ что это не есть особенность Сына. Что же значатъ слова: *въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ?* То, что Онъ имѣлъ много нашего, а многаго и не имѣлъ,—напримѣръ: Онъ родился не отъ соитія, Онъ грѣха не сотворилъ. А вотъ что имѣлъ Онъ, чего изъ людей никто не имѣетъ. Онъ былъ не тѣмъ только, чѣмъ являлся, но и Богомъ. Онъ являлся человѣкомъ, но во многомъ не былъ подобенъ (намъ), хотя по плоти и былъ подобенъ. Слѣдовательно, Онъ не былъ простымъ человѣкомъ. Потому-то и сказано: *въ подобіи человѣчестѣмъ.* Мы—душа и тѣло; Онъ же—Богъ, душа и тѣло. Поэтому сказано: *въ подобіи.* И чтобы ты, услышавши, что Онъ *Себе умалилъ,* не представилъ измѣненія, превращенія и какого-либо уничтоженія, для этого (Писаніе) говоритъ, что Онъ, пребывая тѣмъ, чѣмъ былъ, принялъ то, чѣмъ не былъ, и сдѣлавшись плотію, пребылъ Богомъ Словомъ.

3. Такъ какъ въ этомъ отношеніи Онъ подобенъ человѣку, то (апостолъ) и говоритъ: *и образомъ,*—чѣмъ выражаетъ не то, будто природа измѣнилась, или произошло какое-либо смѣшеніе, но что Онъ по *образу* сталъ (человѣкомъ). Сказавши: *зракъ раба пріимъ,* онъ смѣло потомъ сказалъ и эти слова: *образомъ обрѣтеся,* потому что они заграждаютъ уста всѣмъ. Равно и словами: *въ подобіи плоти грѣха* (Рим. VIII, 3) не то выражаетъ, будто Онъ не имѣлъ плоти, но что плоть эта не грѣшила, между тѣмъ была

подобна плоти грѣховной. Почему подобна? По естеству, а не по грѣховности,—потому и подобна душѣ грѣшника. Какъ тамъ сказано—*въ подобіи*, потому что не во всемъ равенство, такъ и здѣсь сказано—*въ подобіи*, потому что не во всемъ равенство, какъ-то: Онъ родился не отъ соитія, былъ безъ грѣха, не простой человѣкъ. И хорошо сказалъ (апостолъ): *якоже человѣкъ*, потому что Онъ былъ не одинъ изъ многихъ, но какъ бы одинъ изъ многихъ,—потому что Богъ Слово не превратился въ человѣка, и существо Его не измѣнилось, но Онъ явился какъ человѣкъ, не призракъ намъ представляя, но поучая смиренію. Вотъ что выражаетъ апостолъ словами—*якоже человѣкъ*, хотя въ другомъ мѣстѣ и называетъ Его (прямо) человѣкомъ, говоря: *единъ Богъ, и единъ ходатай, человѣкъ Христосъ Іисусъ* (1 Тим. II, 5). Вотъ мы сказали
232 и противъ этихъ (еретиковъ); теперь нужно сказать также противъ тѣхъ, которые не признаютъ, что (Христосъ) принялъ душу. Если образъ Бога есть совершенный Богъ, то и образъ раба есть совершенный рабъ. Опять рѣчь противъ аріанъ. *Во образѣ Божіи сый*, говоритъ (апостолъ), *не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу*. Здѣсь, говоря о божествѣ, не употребляетъ словъ: сталъ (ἐγένετο), и: принялъ. *Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ*. Здѣсь же говоря о человѣчествѣ, употребляетъ слова: принялъ, и: сталъ. Въ послѣднемъ случаѣ—*бывъ*, *пріимъ*, въ первомъ—*сый*. Итакъ, не будемъ ни смѣшивать, ни раздѣлять (этихъ понятій). Единъ Богъ, единъ Христосъ Сынъ Божій. А когда я говорю—единъ, то выражаю соединеніе, а не смѣшеніе, такъ какъ одно естество не превратилось въ другое, но только соединилось съ нимъ. *Смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя*. Вотъ, говорятъ, былъ послушенъ,—значитъ не равенъ Тому, Кому послушенъ. О, несмысленные и неразумные! Это нисколько не дѣлаетъ Его меньше. И мы часто слушаемся своихъ друзей, но это нисколько не дѣлаетъ насъ меньшими. Онъ, какъ Сынъ, покорясь Отцу добровольно, не ниспалъ въ состояніе раба, но этимъ самымъ—великимъ почтеніемъ къ Отцу—особенно сохранилъ дивное сродство съ Нимъ. Онъ почтилъ Отца не для того, чтобы ты Его безчестилъ, но чтобы болѣе изумлялся, и изъ этого, изъ того именно, что болѣе всѣхъ почтилъ Отца, позналъ, что Онъ есть истинный Сынъ. Никто такимъ образомъ не чтилъ Бога. Насколько Онъ былъ высокъ, настолько же смирилъ Себя. Такъ какъ Онъ больше всѣхъ, и нѣтъ никого Ему равнаго, то и почтеніемъ къ Отцу превзошелъ всѣхъ, не по принужденію и не по неволѣ. И это есть дѣло Его доблести, или ужъ и не знаю, какъ сказать. О, и рабомъ стать—дѣло великое и весьма неизреченное, а подвергнуться смерти—еще

гораздо большее! Но есть и другое нѣчто большее и удивительнѣйшее. Что же такое? То, что не всякая смерть была подобна (Его смерти), такъ какъ Его смерть считалась поноснѣйшею изъ всѣхъ, постыднѣйшею и проклятою: *проклятъ*, сказано, *всякъ висяй на древѣ* (Втор. xxi, 23). Для того-то іудеи и постарались умертвить Его такою смертію, и чрезъ то сдѣлать презрѣннымъ, чтобы самый родъ смерти отвратилъ всякаго отъ Него, если бы (просто) смерть не отвратила никого. Для того-то и два разбойника были распяты съ Нимъ, чтобы Онъ раздѣлялъ съ ними ихъ безчестіе, и чтобы исполнилось сказанное: *и со беззаконными вмѣнися* (Иса. LIII, 12). Но истина тѣмъ болѣе просіяваетъ, тѣмъ блистательнѣе становится. Когда столько было отъ враговъ злоумышленій противъ Его славы, она тѣмъ не менѣе сіяетъ, и блескъ ея даже гораздо больше проявляется. Не простымъ умерщвленіемъ, но умерщвленіемъ именно такого рода, они думали сдѣлать Его отвратительнымъ, представить Его отвратительнѣе всѣхъ; но ни мало не успѣли. Даже оба разбойника были настолько нечестивы (одинъ изъ нихъ обратился уже послѣ), что и находясь на крестѣ, поносили Его. Ни сознаніе собственныхъ преступленій, 233
ни казнь, ни то, что они сами терпятъ то же, не удержали ихъ неистовства. Это одинъ изъ нихъ даже высказалъ другому, заградивъ уста его словами: *ни ли ты боишися Бога, яко въ томъ же осужденъ еси* (Лук. xxIII, 40)? Таково было ихъ нечестіе! Впрочемъ, это нисколько не повредило Его славѣ,—почему и говоритъ (апостолъ): *тѣмже и Богъ Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене.*

4. Блаженный Павелъ когда коснулся плоти, то все уничижительное говоритъ уже безбоязненно. А доколѣ не сказалъ, что Онъ принялъ зракъ раба, но говорилъ только о божествѣ, смотри, какъ возвышенно (говорилъ)! Возвышенно, разумѣю—по силѣ: достоинства Его не выражаетъ, потому что не можетъ: *во образѣ Божіи сый*, говоритъ, *не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу.* Когда же сказалъ, что Онъ вочеловѣчился, то безбоязненно уже говоритъ объ уничиженіи, зная вѣрно, что уничижительныя выраженія ни мало не унижаютъ божества, такъ какъ относятся къ Его плоти. *Тѣмже и Богъ Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене: да о имени Іисусовѣ всяко колѣно поклонится, небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца.* Скажемъ противъ еретиковъ. Если это говорится не о воплотившемся, если о Богѣ Словѣ, то какъ *превознесе Его?* Ужели давши что-либо большее? Въ такомъ случаѣ Онъ былъ бы несовершенъ, и чрезъ насъ сдѣлался бы совершеннымъ, а если бы Онъ не благодѣтельствовалъ

намъ, то не получилъ бы чести. *И дарова*, говоритъ, *Ему имя*. Вотъ, по вашему, Онъ не имѣлъ даже и имени. Если же принялъ должное, то какъ признавать Его принявшимъ по благодати и дару даже *имя, еже паче всякаго имене?* Какое же имя, посмотримъ. *Да о имени* Іисуса Христа, говоритъ, *всяко колѣно поклонится*. Подъ именемъ сами они разумѣютъ славу. Слѣдовательно, эта слава выше всякой славы: слава же состоитъ въ поклоненіи Ему. Далеки отъ величія Божія вы, думающіе знать Бога, какъ Онъ знаетъ самъ Себя. И изъ этого уже видно, сколько далеки вы отъ (праваго) понятія о Богѣ, видно также и изъ слѣдующаго. Если (въ поклоненіи) состоитъ слава Его, то скажи мнѣ: прежде чѣмъ произошли люди, ангелы, архангелы, Онъ не былъ въ славѣ? Если эта слава выше всякой славы,—а таково значеніе словъ: *паче всякаго имене*,—если Онъ (до сотворенія міра) хотя и былъ въ славѣ, но въ меньшей, нежели теперь, то значитъ все существующее Онъ сотворилъ для того, чтобы быть въ славѣ, (сотворилъ) не по благости, но имѣя нужду въ славѣ отъ насъ. Видите ли неразуміе? Видите ли нечестіе? А когда (апостолъ) сказалъ это о воплотившемся, онъ имѣлъ для этого основаніе. Слово Божіе позволяетъ говорить такъ о плоти, потому что все это не касается естества (Божія), но имѣетъ отношеніе къ домостроительству (воплощенію). Послѣ того не остается никакого прощенія тѣмъ, которые злоумствуютъ, будто слова эти относятся къ божеству. Потому, когда говоримъ: Богъ сотворилъ человѣка безсмертнымъ, я, хотя и о цѣломъ говорю, знаю, что говорю. Что же значитъ: *небесныхъ, и земныхъ, и преисподнихъ?* Т. е. весь міръ, и ангелы, и люди, и демоны, и праведники, и грѣшники. *И всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца*, т. е., чтобы всѣ говорили это; а въ этомъ состоитъ слава Отца. Видишь ли, что вездѣ славится Отецъ, когда славится Сынъ? Такъ равно, когда Сынъ безчестится, безчестится и Отецъ. Если такъ бываетъ у насъ, гдѣ между отцами и сыновьями много различія, то тѣмъ болѣе у Бога, гдѣ нѣтъ никакого различія, честь и безчестіе переходятъ (отъ Сына на Отца). Если вселенная покорена Сыну, какъ сказано, то это слава Отца,—слѣдовательно и въ томъ слава Отца, когда мы говоримъ, что (Сынъ) совершенъ, ни въ чемъ не имѣетъ недостатка, что Онъ не меньше Отца. Это служитъ важнымъ свидѣтельствомъ и силы (Отца), и Его благости и премудрости, что Онъ родилъ такого Сына, Который нисколько не меньше ни по благости, ни по премудрости. Когда я говорю, что (Сынъ) премудръ, какъ Отецъ, и ничѣмъ не меньше Его, то въ этомъ свидѣтельство о великой премудрости Отца. Когда говорю, что Онъ всемогущъ, какъ Отецъ, то въ этомъ сви-

дѣтельство о могуществѣ Отца. Когда говорю, что Онъ благъ, какъ Отецъ, то въ этомъ величайшее доказательство благости Отца, что Онъ родилъ такого Сына, Который ничѣмъ не меньше Его, и ни въ чемъ не имѣетъ недостатка. Когда говорю, что (родилъ Сына) не меньшаго по сущности, но равнаго, и не другой сущности, то и этимъ также восхваляю Бога и Его силу, и благость, и премудрость, что Онъ явилъ намъ изъ Себя другого такого же, кромѣ того только, что Онъ не Отецъ. Такимъ образомъ все, что говорю великаго о Сынѣ, переходитъ на Отца. И если это малое и ничтожное (а подлинно мало для славы Божіей, что Ему поклоняется вселенная) служитъ во славу Божію, то не гораздо ли болѣе—все прочее?

5. Итакъ, будемъ вѣровать во славу Его и жить во славу Его. Одно безъ другого безполезно, такъ что, если прославляемъ хорошо, а живемъ нехорошо, то весьма оскорбляемъ Его, потому что, признавая Его Владыкою и Учителемъ, презираемъ Его и не боимся страшнаго суда Его. Нечистая жизнь эллиновъ (язычниковъ) ни мало неудивительна, и не заслуживаетъ большого осужденія; но подобная нечистая жизнь христіанъ, участвующихъ въ таковыхъ таинствахъ, наслаждающихся такою славою, всего хуже и несноснѣе. Скажи мнѣ: (Христосъ) былъ послушливъ до крайней степени повиновенія, и за это получилъ высокую честь; Онъ сдѣлался рабомъ, и за это Онъ Владыка всего, и ангеловъ и всѣхъ прочихъ. Потому и мы не должны думать, что становимся ниже своего достоинства, когда сами смиряемся. Тогда-то по всей справедливости мы и выше; тогда-то особенно и достойны почтенія. А что высокій низокъ, смиренный же вы- 235
сокъ,—(въ доказательство этого) достаточно и словъ Христовыхъ, выражающихъ это. Впрочемъ, изслѣдуемъ самое дѣло. Что значитъ быть смиреннымъ? Не то ли, что терпѣть униженіе, порицаніе и клеветы? А что значитъ быть высокимъ? Не то ли, что быть въ почтеніи, въ похвалѣ, въ славѣ? Хорошо. Посмотримъ же, какъ это бываетъ. Сатана былъ ангелъ, и превознесся. Что же, не болѣе ли всѣхъ униженъ? Не землю ли имѣетъ онъ своимъ жилищемъ? Не всѣ ли порицаютъ и хулятъ его? Павелъ, будучи человѣкомъ, уничижилъ себя. Что же, не почитаютъ ли его? Не хвалятъ ли его? Не прославляютъ ли его? Не другъ ли онъ Христовъ? Не совершилъ ли онъ дѣлъ больше тѣхъ, которыя Христосъ сотворилъ? Не повелѣвалъ ли онъ часто діаволу, какъ невольнику? Не оглашалъ ли его, какъ палача? Не смѣялся ли надъ нимъ? Не попиралъ ли головы его своими ногами? Не молился ли объ этомъ съ великимъ дерзновеніемъ и для другихъ? Что объ этомъ говорить? Вознесся Авессаломъ, смирился

Давидъ: кто же изъ нихъ сталъ высокъ, кто славенъ? Что, въ самомъ дѣлѣ, могло быть смиреннѣе словъ, которыя блаженный этотъ пророкъ произнесъ касательно Семея: *оставите его проклинати мя: яко Господь рече ему* (2 Цар. XVI, 11)? Если угодно, изслѣдуемъ также и самыя дѣла. Смирился мытарь; хотя поступокъ этотъ и не былъ смиренномудріемъ, но какъ-то кротки сказанныя имъ слова. Вознесся фарисей. Но, пожалуй, оставимъ лица, изслѣдуемъ дѣла. Пусть предстанутъ двое какіе-нибудь, оба и богатые, и имѣющіе великую честь, и гордящіеся мудростію, властію и другими мірскими преимуществами. И пусть одинъ изъ нихъ ищетъ отъ всѣхъ почестей, и, не получая ихъ, гнѣвается, требуетъ сверхъ должнаго и возносится. А другой пусть пренебрегаетъ этимъ, ни на кого не досадуетъ за то, даже и воздаваемую честь отвергаетъ. Кто же изъ нихъ больше—не получающій и ищущій, или же пренебрегающій и тѣмъ, что даютъ? Ясно, что послѣдній. И справедливо. Вѣдь не иначе можно получить славу, какъ избѣгая славы: доколѣ мы гоняемся за нею, она убѣгаетъ отъ насъ; а когда бѣгаемъ отъ нея, она преслѣдуетъ насъ. Если хочешь быть славенъ, не желай славы; если хочешь быть высокъ, не будь высокъ. Но есть и другая причина, почему чуждающагося чести всѣ почитаютъ, а ищущаго ея презираютъ,—именно та, что родъ человѣческій по природѣ какъ-то любитъ спорить и противодѣйствовать. Итакъ, будемъ пренебрегать славой: такимъ образомъ сможемъ сдѣлаться смиренными, или лучше, высокими. Чтобы быть вознесеннымъ отъ другого, не возноси самъ себя. Кто самъ себя возноситъ, того не возносятъ другіе; а кто уничижаетъ самъ себя, того другіе не уничижаютъ. Гордость—великое зло. Лучше быть глупымъ, нежели гордымъ: у перваго обнаруживается лишь глупость, какъ недостатокъ ума, а у послѣдняго хуже—глупость вмѣстѣ съ неистов-
236 ствомъ. Глупый—зло для самого себя; а гордый и для другихъ язва. Гордость раждается отъ глупости; нельзя быть высокоумнымъ, не будучи глупымъ; кто слишкомъ глупъ, тотъ и гордъ. Послушай, что говоритъ одинъ мудрецъ: *видѣхъ мужа непщевавша себе мудра быти: упованіе же иматъ безумный паче его* (Притч. XXVI, 12). Видишь ли, не напрасно я сказалъ, что это зло хуже глупости? *Упованіе*, сказано, *иматъ безумный паче его.* Потому и Павелъ говоритъ: *не бывайте мудри о себѣ* (Рим. XII, 16). Въ тѣлахъ, скажи мнѣ, какія (части) мы называемъ здоровыми? Тѣ ли, которыя слишкомъ вздулись и очень наполнены воздухомъ и водою, или ровныя и имѣющія умѣренную величину? Очевидно, что послѣднія. Такъ и душа надменная имѣетъ болѣзнь хуже водянки, а смиренная свободна отъ всякаго недуга. А сколько добраго

раждаетъ въ насъ смиренномудріе? Чего хочешь? Терпѣнія ли въ напастяхъ? Незлобія ли? Человѣколюбія ли? Трезвенности ли? Внимательности ли? Всѣ эти добродѣтели (происходятъ) отъ смиренномудрія; а отъ гордости противное. Гордый необходимо бываетъ и обидчикъ, и драчунъ, и гнѣвливъ, и жестокъ, и угрюмъ, и болѣе звѣрь, нежели человѣкъ. Ты силенъ и высокоумствуешь? Но поэтому тебѣ слѣдуетъ болѣе смиряться. Для чего ты много думаешь о ничтожной вещи? Вѣдь и левъ смѣлѣе тебя, и вепрь сильнѣе; а ты въ сравненіи съ ними ничтожнѣе даже комара. И разбойники, и гробокопатели, и единоборцы, и собственные твои рабы, въ томъ числѣ, быть можетъ, самые глупые, сильнѣе тебя. Итакъ, стоитъ ли хвалиться этимъ, и не унижаешь ли ты самъ себя, гордясь этимъ? Ты благообразенъ и красивъ? Это хвастовство свойственно воронамъ. Ты не красивѣе павлина, ни по цвѣту, ни по перьямъ; въ этомъ птица имѣетъ преимущество; она много превосходитъ тебя перьями, цвѣтомъ. И лебедь весьма красивъ, и многія другія птицы, съ которыми если ты сравнишь себя, то самъ себѣ покажешься ничтожнымъ. При томъ часто и дѣти низкаго состоянія, и дѣвицы незамужнія, и блудныя жены, и мужи женоподобные хвалятся этимъ. Итакъ, стоитъ ли этимъ гордиться?

6. Но ты богатъ? Чѣмъ? Что ты пріобрѣлъ? Золото, серебро, драгоцѣнные камни? Этимъ могутъ хвалиться и разбойники, и человѣкоубійцы, и работающіе въ рудникахъ. Значитъ трудъ осужденныхъ для тебя похвала. Но ты украшаешься и наряжаешься? И коней можно видѣть въ нарядной упряжи; у персовъ можно видѣть и верблюдовъ красиво убранныхъ; а между людьми—и всѣхъ появляющихся на сценѣ. Итакъ, не стыдно ли тебѣ много думать о томъ, что у тебя общо съ безсловесными животными, и рабами, и человѣкоубійцами, и женоподобными, и разбойниками, и гробокопателями? Но ты строишь великолѣпныя палаты? Чтожъ такое? Многія галки живутъ еще въ болѣе великолѣпныхъ, привитаютъ даже въ священныхъ (мѣстахъ). Развѣ не видишь, что дома сумасбродныхъ богачей, построенные на поляхъ и пустыхъ мѣстахъ, служатъ пристанищемъ для галокъ? Ты гордишься голосомъ? Однакожъ ты никогда не можешь пѣть пріятнѣе лебедя и соловья. Гордишься разносторонностію въ искусствѣ? Но кто въ этомъ отношеніи мудрѣе пчелы? Какой искусникъ, какой живописецъ, какой геометръ сможетъ подражать 237
работамъ ея? Гордишься тонкостію одежды? Но въ этомъ превосходятъ тебя пауки. Гордишься быстротою ногъ? И въ этомъ преимущество принадлежитъ безсловеснымъ, зайцу и сернѣ, да и многіе изъ домашняго скота не уступятъ тебѣ въ быстротѣ

ногъ. Ты путешествуешь? Но не больше птицъ; онѣ гораздо удобнѣе совершаютъ путешествіе, не имѣютъ нужды ни въ путевомъ запасѣ, ни во вьючномъ скотѣ, довольствуются для всего крыльями; крылья у нихъ и корабль, и вьючный скотъ, и повозка, и вѣтеръ, и вообще все, что угодно. Ты имѣешь острое зрѣніе? Но не какъ серна, и не какъ орелъ. Ты имѣешь тонкій слухъ? Но у осла еще тоньше. Ты имѣешь обоняніе? Но собака не дастъ тебѣ превзойти себя въ этомъ. Ты способенъ приготовлять запасы? Но уступаешь въ этомъ муравью. Ты носишь золотую одежду? Но не такую, какъ индійскіе муравьи. Ты здоровъ? Но безсловесные много превосходятъ насъ и здоровьемъ и средствами; они не боятся нищеты. *Воззрите*, сказано, *на птицы небесныя, яко не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы* (Мѳ. VI, 26). Итакъ, скажутъ, Богъ сотворилъ безсловесныхъ лучшими, нежели насъ. Видишь ли, какое безразсудство? Видишь ли, какая необдуманность? Видишь ли, сколько предметовъ открываетъ намъ изслѣдованіе? Почитающій себя выше всѣхъ людей оказался ниже и безсловесныхъ. Но пощадимъ его, подражать же ему не будемъ, и низведши его на степень безсловесныхъ за то, что онъ возмечталъ о себѣ выше нашего естества, не оставимъ его, но возведемъ отсюда, не ради него,—онъ заслужилъ такое состояніе,—но ради того, чтобы проявилось человѣколюбіе Божіе и та честь, которой мы удостоены. Есть, подлинно есть у насъ нѣчто такое, къ чему безсловесные вовсе непричастны. Чтожъ это такое? Благочестіе и добродѣтельная жизнь. Здѣсь не можетъ быть рѣчи ни о блудникахъ, ни о женоподобныхъ, ни о человѣкоубійцахъ: мы далеки отъ нихъ. Чтожъ это такое? Мы знаемъ Бога, признаемъ Его промыслъ, любомудрствуемъ о безсмертіи: въ этомъ отношеніи безсловесные уступаютъ. Мы судимъ объ этомъ здраво, не сомнѣваясь: въ этомъ отношеніи безсловесные не имѣютъ ничего общаго съ нами. Мы, будучи слабѣе
238 всѣхъ животныхъ, обладаемъ ими. Въ томъ и состоитъ превосходство власти, что мы, при всѣхъ недостаткахъ въ сравненіи съ животными, царствуемъ надъ ними; а это для того, чтобы ты понялъ, что не ты виновникъ этого, но Богъ, сотворившій тебя и даровавшій тебѣ разумъ. Мы ставимъ для нихъ сѣти и тенета, загоняемъ ихъ, и овладѣваемъ ими. У насъ цѣломудріе, скромность, кротость, презрѣніе къ деньгамъ. Но такъ какъ ты, принадлежащій къ числу гордыхъ, не имѣешь ни одной изъ этихъ добродѣтелей, то конечно ты ставишь себя либо выше людей, либо ниже и безсловесныхъ. Такова-то гордость и дерзость: она или слишкомъ возносится, или слишкомъ унижается, ни въ чемъ не соблюдая мѣры. Мы (своими добродѣте-

лями) равняемся ангеламъ; намъ обѣщано царство и торжество со Христомъ. Человѣкъ терпитъ удары и не падаетъ, онъ презираетъ смерть, не трепещетъ, не боится ея и не желаетъ большаго. Потому всѣ, которые не таковы, хуже безсловесныхъ. Дѣйствительно, если ты имѣешь много тѣлесныхъ преимуществъ, а душевныхъ не имѣешь, то какъ же ты не хуже безсловесныхъ? Представь себѣ кого-либо самаго порочнаго, живущаго въ нѣгѣ и изобиліи: конь способнѣе его къ войнѣ, вепрь крѣпче, заяцъ быстрѣе, павлинъ красивѣе, лебедь благозвучнѣе, слонъ больше, орелъ зорче, всѣ птицы богаче. Почему же ты достоинъ чести обладать безсловесными? По разуму? Но нѣтъ. Если ты употребляешь его не надлежащимъ образомъ, то опять ты хуже ихъ, потому что когда ты, имѣя разумъ, бываешь глупѣе безсловесныхъ, то лучше было бы, еслибъ ты сначала не былъ разумнымъ. Не одно и то же—принявши власть, потерять ее, и не принимать въ самомъ началѣ. Для царя, который хуже оруженосцевъ, было бы лучше, если бы онъ не облекался въ порфиру. Такъ точно и здѣсь. Итакъ, зная, что безъ добродѣтели мы хуже безсловесныхъ, будемъ подвизаться въ ней, чтобы быть людьми, или лучше—ангелами, и наслаждаться обѣщанными благами, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VIII.

Тѣмже, возлюбленніи мои, якоже всегда послушасте, не якоже въ пришествіи моемъ точію, но и нынѣ много паче во отшествіи моемъ, со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвайте. Богъ бо есть дѣйствуяй въ васъ, и еже хотѣти и еже дѣяти о благоволеніи. Вся творите безъ роптанія и размышленія, да будете неповинни и цѣли, чада Божія непорочна посредѣ рода строптива и развращена, въ нихже являетеся якоже свѣтила въ мірѣ, слово животно придержаще, въ похвалу мнѣ въ день Христовъ (Филип. II, 12—16). 237—238

1. Увѣщанія должно соединять съ похвалою. Тогда они и удобопріемлемы бываютъ, когда увѣщеваемымъ указываемъ на на ихъ собственную ревность, какъ и Павелъ здѣсь дѣлаетъ. И смотри, какъ благоразумно: *тѣмже, возлюбленніи мои*, говоритъ. Не сказалъ просто: послушайте, но сперва похвалилъ, и сказалъ:

якоже всегда послушасте, т. е. прошу васъ подражать не другимъ,
а себѣ самимъ. *Не якоже въ пришествіи моемъ точію, но много
паче во отшествіи моемъ*. Почему *много паче во отшествіи моемъ*?
Тогда могло бы показаться, что вы все дѣлаете изъ почтенія ко
239 мнѣ и изъ стыда; а теперь нѣтъ. Потому, если окажется, что вы
теперь ревностны, то явно, что и тогда вы были таковы не для
меня, а для Бога. Чего ты хочешь (Павелъ), скажи? Того (говоритъ), чтобы вы не слушали только меня, но и со страхомъ и
трепетомъ содѣлывали свое спасеніе, такъ какъ, живя безъ страха,
нельзя совершить ничего благороднаго и удивительнаго. И не
просто сказалъ: *со страхомъ*, но присовокупилъ: *и трепетомъ*,—
что составляетъ высшую степень страха,—желая сдѣлать (филиппійцевъ) болѣе внимательными. Такой страхъ имѣлъ Павелъ.
Потому онъ и говорилъ: боюся, *да не како инымъ проповѣдуя,
самъ неключимъ буду* (1 Кор. IX, 27). Дѣйствительно, если житейскихъ дѣлъ нельзя совершать безъ страха, то не тѣмъ ли болѣе
духовныхъ? Скажи мнѣ: кто выучился грамотѣ безъ страха? Кто
сдѣлался опытнымъ въ искусствѣ безъ страха? Если же тамъ,
гдѣ не подстерегаетъ діаволъ, а только лѣность тяготитъ, нуженъ намъ такой страхъ, чтобы отвратить естественное только
нерадѣніе, то при такой борьбѣ, при такихъ препятствіяхъ, какъ
можно спастись когда-либо безъ страха? Какъ же можетъ родиться этотъ страхъ? Если мы будемъ помышлять, что Богъ вездѣ
присутствуетъ, все слышитъ, все видитъ, не только дѣла и слова,
но и все происходящее въ сердцѣ, и въ глубинѣ души: *судителенъ бо есть помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ* (Евр. IV, 12). Если
такъ настроимъ себя, то и не сдѣлаемъ, и не скажемъ, и не помыслимъ ничего худого. Вотъ, скажи мнѣ, если бы ты всегда
стоялъ близъ твоего начальника, то не со страхомъ ли бы стоялъ?
Какъ же, предстоя предъ Богомъ, смѣешься, прислоняешься (къ
стѣнѣ), не боишься и не трепещешь? Не пренебрегай Его долготерпѣніемъ, съ которымъ Онъ ведетъ тебя къ покаянію; что бы
ты ни дѣлалъ,—дѣлай съ мыслію о вездѣприсутствіи Божіемъ.
Онъ дѣйствительно вездѣ присутствуетъ, а потому, принимаешь ли пищу, располагаешься ли спать, гнѣваешься ли, похищаешь ли что, предаешься ли удовольствіямъ, или что другое
дѣлаешь,—вспомни о присутствіи Божіемъ, и никогда не предашься смѣху, никогда не воспламенишься гнѣвомъ. Если такую мысль будешь имѣть постоянно, то постоянно будешь въ
страхѣ и трепетѣ, какъ бы стоялъ близъ самого царя. Зодчій,
хотя и опытенъ, хотя и очень искусенъ, все же стоитъ со страхомъ
и трепетомъ, боясь упасть съ зданія. И ты увѣровалъ, совершилъ много добраго, взошелъ на высоту: держи же себя крѣпко,

стой со страхомъ, и смотри бодро, чтобы не упасть оттуда. Много вѣдь духовъ злобы, хотящихъ низвергнуть тебя. *Работайте*, сказано, *Господеви со страхомъ и радуйтеся Ему съ трепетомъ* (Псал. II, 11). Какъ же можетъ быть радость съ трепетомъ? Она-то одна и есть радость. Мы тогда только и радуемся, когда сдѣлаемъ что-либо доброе, и такое, что свойственно дѣлающимъ съ трепетомъ. *Со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвайте*. (Апостолъ) не сказалъ: дѣлайте, но: *содѣвайте*, т. е. съ великимъ стараніемъ, съ великимъ усердіемъ. А такъ какъ словами: *со страхомъ и трепетомъ* сдѣлалъ ихъ боязливыми, то смотри, какъ 240
онъ смягчаетъ боязливость. Что именно говоритъ? *Богъ есть дѣйствуяй въ васъ*. Не бойся, что я сказалъ: *со страхомъ и трепетомъ*. Я сказалъ не для того, чтобы ты отказался, чтобы почиталъ добродѣтель чѣмъ-то недоступнымъ; но чтобы ты былъ внимателенъ, чтобы не разсѣивался. Если это будетъ, то Богъ все сдѣлаетъ, а ты дерзай: *Богъ бо есть дѣйствуяй въ васъ*. Потому, если Онъ самъ дѣйствуетъ, то мы должны (съ своей стороны) показывать намѣреніе постоянно твердое, сосредоточенное, не разсѣянное. *Богъ бо есть дѣйствуяй въ васъ, и еже хотѣти и еже дѣяти*. Если Онъ дѣйствуетъ въ насъ *еже хотѣти*, то какъ же ты побуждаешь насъ? Если Богъ дѣйствуетъ въ насъ *еже хотѣти*, то напрасно говоришь намъ: *послушасте*,—мы не (сами по себѣ) слушаемся. Напрасно говоришь: *со страхомъ и трепетомъ*, потому что все есть дѣло Божіе. Не для того я сказалъ: *Богъ бо есть дѣйствуяй, и еже хотѣти и еже дѣяти*: но для того, чтобы ослабить вашу боязливость. Когда ты захочешь, тогда и Онъ будетъ дѣйствовать *еже хотѣти*. Не бойся и не изнемогай; Онъ даетъ намъ и усердіе и самую дѣятельность. Когда мы захотимъ, то Онъ еще усилитъ наше хотѣніе. Напримѣръ, я хочу сдѣлать что-либо доброе: Онъ совершаетъ это доброе, Онъ же производитъ и хотѣніе. Или (такъ нужно понимать слова апостола, или онъ) говоритъ это по особенной предусмотрительности, подобно тому, какъ и добродѣтели наши называетъ дарами (Божіими).

2. Потому, какъ, называя добродѣтели дарами (Божіими), не отнимаетъ у насъ самодѣятельности, но оставляетъ ее въ насъ, такъ и словами: *Богъ есть дѣйствуяй* въ насъ *еже хотѣти* не лишаетъ насъ самодѣятельности, но показываетъ, что чрезъ доброе дѣйствованіе мы пріобрѣтаемъ большую расположенность (къ хотѣнію). Какъ отъ дѣланія раждается охота дѣлать, такъ отъ недѣланія происходитъ нежеланіе дѣлать. Подалъ ты милостыню? Болѣе расположилъ себя къ даянію. А не подалъ? Меньше сталъ расположенъ къ даянію. Провелъ воздержно одинъ день? Имѣешь побужденіе и на другой. Облѣнился ли? Усилилъ лѣность

нечестивый, сказано, *егда пріидетъ во глубину золъ, нерадитъ* (Притч. XVIII, 3). Слѣдовательно, какъ пришедшій во глубину золъ нерадитъ, такъ пришедшій во глубину благъ тщится. Какъ тотъ, отчаявшись, дѣлается болѣе нерадивымъ, такъ этотъ, помышляя о множествѣ добрыхъ дѣлъ, дѣлается рачительнѣе, боясь, чтобы не потерять всего. *О благоволеніи*, говоритъ, т. е. по любви (къ Богу), для угожденія Ему, чтобы совершалось пріятное Ему и по Его волѣ. Здѣсь (апостолъ) показываетъ и увѣряетъ, что точно (Богъ) дѣйствуетъ, такъ какъ Онъ желаетъ, чтобы мы жили по Его волѣ. А если Онъ желаетъ этого, и при томъ самъ дѣйствуетъ, то конечно и это сдѣлаетъ, потому что Онъ хочетъ, чтобы мы жили праведно. Видишь ли, какъ не отнимается самодѣятельность? *Сія вся творите*, говоритъ, *безъ роптанія и размышленія*. Діаволъ, когда не въ силахъ отвлечь насъ отъ дѣланія добра, тогда инымъ образомъ старается лишить насъ награды: онъ внушаетъ или тщеславіе, или гордость, а если не это, то ропотъ;
241 если же ничего такого, то сомнѣніе. Итакъ, смотри, какъ Павелъ очищаетъ это. Онъ сказалъ о смиренномудріи, что вы уже слышали, чтобы истребить гордость; сказалъ о тщеславіи, чтобы низложить надменность. Выше говорилъ: *не якоже въ пришествіи моемъ точію*; а здѣсь говоритъ о ропотѣ и сомнѣніи. Почему же онъ, истребляя эту страсть въ коринѳянахъ, упомянулъ и объ израильтянахъ; а здѣсь не сказалъ ничего такого, но просто повелѣлъ? Потому что тамъ (страсть) эта уже была, вслѣдствіе того нужно было нанести и ударъ сильнѣе, и сдѣлать большій выговоръ; а здѣсь онъ увѣщеваетъ, чтобы не было ея. Не согрѣшившихъ еще было бы излишне предостерегать укоризнами. Потому и побуждая къ смиренномудрію, не предложилъ примѣра евангельскаго, гдѣ гордые унижены; но для убѣжденія представилъ въ примѣръ Бога, и бесѣдуетъ съ ними, какъ съ свободными, какъ съ родными дѣтьми, а не какъ съ рабами. Вѣдь благоразумный и благородный побуждается къ добрымъ дѣламъ примѣромъ добродѣтельныхъ, а безразсудный—не ихъ примѣромъ, но наказываемыхъ; тотъ—честію, а этотъ—наказаніемъ. Потому и въ посланіи къ Евреямъ вывелъ на сцену Исава, который за одну снѣдь продалъ первородство; и еще: *аще обинется, не благоволитъ душа моя о немъ* (Авв. II, 4; Евр. X, 38). И между коринѳянами много было любодѣйствовавшихъ, почему (апостолъ) и сказалъ: *да не паки пришедша мя смиритъ Богъ мой у васъ, и восплачуся многихъ прежде согрѣшшихъ и не покаявшихся о нечистотѣ и блуженіи и студоложствіи, яже содѣяша* (2 Кор. XII, 21). *Да будете*, говоритъ, *неповинни и цѣли*, т. е. безпорочны и чисты, такъ какъ ропотъ налагаетъ немалое пятно. Что же значитъ: *безъ размы-*

шленія? Хорошо ли это, или нехорошо? Не разсуждайте, говорить, хотя бы трудъ предстоялъ, хотя бы скорбь, хотя бы что другое. Не сказалъ: да не будете наказаны,—потому что наказаніе полагается за дѣло, въ посланіи къ Коринѳянамъ онъ и на это указалъ, здѣсь же ничего такого не сказалъ,—но: *да будете неповинни и цѣли, чада Божія непорочна посредѣ рода строптива и развращенна, въ нихъ же являетеся, якоже свѣтила въ мірѣ, слово животно придержаще, въ похвалу мнѣ въ день Христовъ*. Видишь ли, что (апостолъ) научаетъ (филиппійцевъ) не роптать? Ропотъ свойственъ рабамъ непризнательнымъ и безчувственнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, какой сынъ ропщетъ, трудясь на пользу отца, и трудясь для самого себя? Подумай, говоритъ онъ, что ты трудишься для самого себя, что собираешь себѣ самому. Роптать—дѣло тѣхъ, которые трудятся для другихъ, работаютъ на другихъ; а тому, кто собираетъ для себя самого, изъ-за чего роптать? Изъ-за того ли, что не увеличивается его богатство? Но это не причина. Зачѣмъ роптать тому, кто трудится добровольно, безъ принужденія? Лучше ничего не дѣлать, нежели дѣлать съ ропотомъ, такъ какъ при этомъ и самое дѣло теряетъ цѣну. Или не видишь, что 242
и въ домахъ нашихъ мы всегда говоримъ такъ: лучше бы этого не дѣлать, нежели дѣлать съ ропотомъ? И часто рѣшаемся лучше лишиться своей прислуги, нежели терпѣть ропщущаго. Тяжелъ, несносенъ ропотъ; онъ близокъ къ хулѣ. Иначе за что бы тѣ (роптавшіе) были такъ наказаны? Ропотъ—это неблагодарность. Ропщущій неблагодаренъ Богу; а неблагодарный Богу подлинно есть и хульникъ. И что особенно важно—тогда были непрерывныя искушенія, и частыя опасности, не было никакого покоя, никакой отрады, тысячи бѣдъ лились отвсюду; а нынѣ глубокій миръ, нынѣ спокойствіе.

3. Отчего же ты ропщешь? Оттого ли, что бѣденъ? Но подумай объ Іовѣ. Оттого ли что боленъ? Что же было бы, если бы ты и одержимъ былъ болѣзнію, и вмѣстѣ сознавалъ въ себѣ столько совершенствъ и добродѣтелей, сколько тотъ святой? Представь еще и то, что онъ долго былъ весь въ червяхъ, сидѣлъ на гноищи и непрестанно соскабливалъ гной: *времени же*, сказано, *многу минувшу, рече къ нему жена: доколѣ терпиши глаголющи, се пожду время еще мало? Рцы глаголъ нѣкій ко Господу, и умри* (Іов. II, 9). Но у тебя умеръ сынъ? Что жъ, если бы ты, подобно ему, лишился всѣхъ, и притомъ лютою смертію? Вы знаете, хорошо знаете, что (для родителей) много утѣшенія,—сидѣть при больномъ, сомкнуть уста, закрыть глаза, прикоснуться къ щекамъ, услышать послѣднія слова. Но этотъ праведникъ ничего такого не сподобился: всѣ (его дѣти) вмѣстѣ были засыпаны. И что я го-

ворю это? Если бы тебѣ, какъ блаженному тому патріарху, повелѣно было самому заклать своего сына, принесть въ жертву и видѣть его сожженнымъ,—что бы ты сдѣлалъ? А каковъ онъ былъ, когда созидалъ жертвенникъ, возлагалъ дрова и вязалъ отрока? Тебя нѣкоторые поносятъ? Что же было бы съ тобою, когда бы ты услышалъ это отъ друзей, пришедшихъ для утѣшенія? Нынѣ мы имѣемъ много грѣховъ, и справедливо поносятъ насъ: а тогда *истиненъ, праведенъ, благочестивъ, удаляяйся отъ всякія лукавыя вещи* (Іов. I, 1) отъ друзей слышалъ противное (этимъ его качествамъ). Что же, скажи мнѣ, если бы ты отъ жены услышалъ укоризны: *азъ скитающияся и служащи, мѣсто отъ мѣста преходящи, и домъ отъ дому, ожидающи солнца, когда зайдетъ, и почію отъ болѣзней, яже мя одержатъ* (Іов. II, 9)? Для чего ты говоришь это, безумная? Ужели мужъ — виновникъ этого для тебя? Не онъ, а діаволъ. *Рцы*, говоритъ, *глаголъ нѣкій ко Господу, и умри*. Развѣ легче было бы тебѣ, когда бы лежащій (мужъ твой) сказалъ, и умеръ? Нѣтъ болѣзни, которая была бы тяжелѣе этой, хотя бы ты указалъ тысячи. Она (болѣзнь Іова) такова была, что онъ не могъ даже оставаться въ домѣ и подъ кровомъ, такова, что всѣ отступились (отъ него). Если бы
243 онъ не страдалъ неизлѣчимо, то не сидѣлъ бы внѣ города, будучи въ худшемъ состояніи, нежели одержимые проказою. Эти и въ домы входятъ, и собираются другъ съ другомъ; а онъ, проводя ночи подъ открытымъ небомъ на гноищи нагой, не могъ надѣть на себя и одежды. Почему? Потому, вѣроятно, что приложилась бы болѣзнь къ болѣзнямъ. *Обливаю*, говоритъ, *грудіе земли гной стружа* (Іов. VII, 5). Плоть его производила гной и червей, и это непрестанно. Видишь ли, какъ каждый изъ насъ цѣпенѣетъ, слыша это? Если же несносно слышать это, то сносно ли видѣть? А если несносно видѣть, то тѣмъ болѣе терпѣть. Однакожъ праведникъ терпѣлъ и при томъ не два или три дня, но долгое время, и не согрѣшилъ даже и устами своими. Какую ты можешь назвать мнѣ болѣзнь, которая была бы соединена съ столь многими страданіями? Не хуже ли слѣпоты это было? *Смрадъ бо зрю*, говоритъ, *брашна моя* (Іов. VI, 7). И мало того, даже ночь и сонъ, доставляющіе другимъ покой, ему не приносили никакой отрады, но были тяжелѣе всякой пытки. Послушай, что онъ говоритъ: для чего *устрашаеши мя соніями, и видѣніями ужасаеши мя* (VII, 14)? При наступленіи утра, я говорю: когда-то вечеръ? И въ такихъ страданіяхъ онъ не роптал. И не въ нихъ только было горе, но и въ худомъ мнѣніи многихъ: на него наконецъ стали смотрѣть, какъ на виновнаго въ безчисленныхъ порокахъ, за которые онъ страдалъ.

Даже друзья говорили ему: ты наказанъ по мѣрѣ твоихъ грѣховъ (Іов. xi, 6). Поэтому и онъ говорилъ: *и учатъ мя малѣйшіи, ихже не вмѣняхъ достойными псовъ моихъ стадъ* (xxx, 1). Сколькихъ смертей это не тяжелѣе? Однакожъ, несмотря на то, что былъ отвсюду обуреваемъ такими волнами, что отвсюду поднималась страшная непогода, тучи, буря, громъ, водовороты, вихри,—онъ во время этихъ великихъ и страшныхъ волнъ пребылъ непоколебимъ, какъ бы въ тихую погоду, и не роптал ъ. И это было прежде благодати, прежде чѣмъ сказано было что-либо о воскресеніи, или о гееннѣ, наказаніи и мученіи. А мы, слыша и пророковъ, и апостоловъ, и евангелистовъ, видя безчисленные примѣры, и узнавши ученіе о воскресеніи, все еще негодуемъ, хотя никто не можетъ сказать, что его постигли столь многія бѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, если кто и лишился имущества, то не лишился еще столькихъ сыновей и дочерей; если же и лишился, то, быть можетъ, за грѣхи. А онъ (лишился) внезапно, во время жертвоприношенія, во время служенія Богу. Если даже кто лишился и дѣтей и вмѣстѣ такого богатства,—что впрочемъ невозможно, — то не былъ весь въ ранахъ, и не соскабливалъ гноя; а если и случилось такъ, то не имѣлъ нападающихъ и поносящихъ—что обыкновенно уязвляетъ насъ болѣе всего, болѣе самыхъ бѣдствій. Дѣйствительно, если мы во время бѣдъ, имѣя утѣшающихъ и ободряющихъ и возбуждающихъ благую надежду, такъ сѣтуемъ, то подумай, что было бы, когда бы мы имѣли еще поносящихъ? Если тяжело и несносно (выраженное въ словахъ): *ждахъ соскорбящаго, и не бѣ, и утѣшающихъ, и не обрѣтохъ* (Псал. lxviii, 21), то каково—вмѣсто утѣшающихъ найти поносящихъ? *Утѣшителіе золъ вси*, говоритъ (Іовъ) (xvi, 2).

4. Если бы мы всегда имѣли это предъ глазами, если бы 244 размышляли объ этомъ, то никакія обстоятельства не огорчали бы насъ при видѣ этого подвижника, этой адамантовой души, этого крѣпкаго—мѣднаго сердца. Онъ какъ будто обложенъ былъ мѣднымъ или каменнымъ тѣломъ,—все переносилъ мужественно и терпѣливо. Помышляя объ этомъ, будемъ все дѣлать безъ ропота и сомнѣнія. Дѣлаешь ты что-либо доброе, и ропщешь? Почему? Развѣ настоитъ тебѣ необходимость? Знаю, говоритъ (Павелъ), что многіе изъ ближнихъ ставятъ васъ въ необходимость — роптать (на это онъ намекаетъ словами: *посредѣ рода строптива и развращена*); но это-то и удивительно—быть раздражаемымъ, и нисколько того не чувствовать. Звѣзды блистаютъ ночью, видятся во тьмѣ, и нисколько не теряютъ своей красоты, являются даже блистательнѣе, а при свѣтѣ являются не въ такомъ видѣ: такъ и ты сіяешь болѣе, когда остаешься

правымъ среди развратныхъ. Удивительное дѣло быть непорочнымъ. А чтобы этого не говорили, — (апостолъ) предварительно самъ сказалъ это. Что значитъ: *слово животно придержаще?* Значитъ: имѣя жить (въ будущемъ вѣкѣ), принадлежа къ числу спасаемыхъ. Смотри, какъ скоро онъ полагаетъ награды. Свѣтила, говоритъ, заключаютъ причину свѣта, а вы причину жизни. Что значитъ: *слово животно?* Значитъ: имѣя сѣмя жизни, т. е. имѣя залогъ жизни, содержа самую жизнь, т. е. имѣя сѣмя жизни въ васъ. Вотъ что называетъ словомъ жизни. Слѣдовательно прочіе всѣ мертвы: на это именно указалъ онъ, сказавъ такимъ образомъ, а иначе, и прочіе заключали бы слово жизни. *Въ похвалу мнѣ*, говоритъ. Это что значитъ? И я, говоритъ, участвую въ вашихъ благахъ. Добродѣтель ваша такова, что не только васъ спасаетъ, но и меня прославляетъ. Что же за похвала тебѣ, блаженный Павелъ? За насъ тебя мучатъ, гонятъ, обижаютъ. Потому-то и говоритъ: *въ день Христовъ, яко не вотще текохъ, не вотще трудихся;* но всегда имѣю хвалиться, говоритъ, *яко не вотще текохъ*. *Но аще и жренъ бываю* (ст. 17). Не сказалъ: но если и умираю, подобно какъ и въ посланіи къ Тимоѳею, гдѣ употребилъ то же слово, говоря: *азъ бо уже жренъ бываю* (2 Тим. IV, 6). И утѣшаетъ ихъ относительно своей смерти, и научаетъ охотно переносить смерть за Христа. Я дѣлаюсь, говоритъ, какъ бы возліяніемъ и жертвою. О, блаженная душа! Жертвою называетъ приведеніе ихъ. Подлинно, принести въ жертву душу гораздо лучше, нежели принести воловъ. Итакъ, если къ этому приношенію и самъ себя присоединю, какъ возліяніе, то радуюсь, говоритъ, о смерти моей. На это онъ и намекаетъ, говоря: *о жертвѣ и службѣ вѣры радуюся, и сорадуюся всѣмъ вамъ: тако же и вы радуйтеся, и сорадуйтеся мнѣ* (ст. 18). Почему сорадуешься? Видишь ли, какъ показываетъ, что и они должны радоваться? Радуюсь, говоритъ, потому что дѣлаюсь возліяніемъ; а сорадуюсь, какъ приносящій жертву. Объ этомъ же и вы радуйтесь, и сорадуйтесь, что я приношусь въ жертву.
245 Сорадуйтесь, говоритъ, мнѣ радующемуся о своей смерти. Подлинно, кончина праведниковъ достойна не слезъ, но радости. Если они радуются, то должно сорадоваться имъ. И неприлично намъ плакать, когда они радуются. Но мы, говорятъ, желаемъ сожительства съ ними! Это предлогъ, отговорка. Смотри, что завѣщеваетъ онъ филиппійцамъ: *радуйтеся мнѣ и сорадуйтеся*. И ты желаешь сожительства съ ними? Если бы ты самъ здѣсь оставался, то справедливо бы такъ говорилъ; если же немного спустя будешь тамъ, гдѣ отшедшій, то какого сожительства желаешь? Сожительства желаетъ тотъ, кто навсегда разлученъ: а

если онъ идетъ съ тобою по одному пути, то какого сожительства желаешь? Отчего мы не оплакиваемъ отправляющихся въ путешествіе, или, немного поплакавши, спустя день, два, перестаемъ? Если желаешь сожительства, то плачь лишь столько, сколько нужно для обнаруженія въ себѣ природы (человѣческой); а потомъ радуйся, какъ и Павелъ, который говорилъ: не чувствую ни малѣйшей скорби, и даже радуюсь, отходя ко Христу: *и вы радуйтеся*, говоритъ, *и сорадуйтеся мнѣ*. Будемъ же радо- 246
ваться и мы, когда видимъ умирающимъ праведника, а болѣе—когда видимъ умирающимъ кого-либо изъ отчаянныхъ. Тотъ отходитъ съ надеждою получить награду за труды свои, а этотъ пресѣкаетъ грѣхи свои. Но можетъ быть скажутъ: оставаясь въ живыхъ, онъ перемѣнился бы? Не взялъ бы его Богъ, если бы онъ намѣренъ былъ перемѣниться. Все устрояющій для нашего спасенія почему бы не оставилъ (въ живыхъ) того, кто намѣренъ благоугождать Ему? Если Онъ оставляетъ не исправляющихся, то тѣмъ болѣе исправляющихся. Итакъ, вовсе перестанемъ печалиться, вовсе перестанемъ плакать, будемъ благодарить Бога за все, будемъ дѣлать все безъ ропота, будемъ радоваться и благоугождать Ему во всемъ, чтобы получить и будущія блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IX.

Уповаю же о Господѣ Іисусѣ Тимоѳеа вскорѣ послати 245
къ вамъ, да и азъ благодушествую, увѣдѣвъ, яже о васъ. Ни единаго бо имамъ равнодушна, иже приснѣе о васъ попечется. Вси бо своихъ си ищутъ, а не яже Христа Іисуса (Филип. II, 19—21).

1. (Апостолъ) сказалъ: *яко, яже о мнѣ, паче во успѣхъ благовѣствованія пріидоша: яко узы мои явленны быша во всемъ судищи;* и еще: *аще и жренъ бываю о жертвѣ и службѣ вѣры вашея* (Филип. 1, 12, 13). Этимъ утверждалъ ихъ (филиппійцевъ). Быть можетъ они подумали бы, что прежнее сказано для утѣшенія. Что жъ онъ дѣлаетъ, и какъ отклоняетъ такую мысль? Говоритъ: Тимоѳея посылаю къ вамъ,—такъ какъ они сильно желали слышать обо всемъ касательно его. Почему же онъ не сказалъ: чтобы вы узнали о моихъ обстоятельствахъ, но—чтобы я узналъ о вашихъ? (Потому что) о его обстоятельствахъ, прежде Тимоѳея, могъ возвѣстить

Епафродитъ. Поэтому далѣе и говоритъ: *потребнѣе же возмнѣхъ Епафродита брата послати къ вамъ* (ст. 25). Желаю знать, говоритъ, о вашихъ обстоятельствахъ. Вѣроятно, (Епафродитъ) по тѣлесной болѣзни долго пробылъ при Павлѣ,—потому и говоритъ, что непремѣнно хочу знать о вашихъ обстоятельствахъ. Смотри, какъ все относитъ ко Христу, даже отправленіе Тимоѳея, говоря: *уповаю же о Господѣ Іисусѣ*, т. е. я увѣренъ, что Богъ мнѣ поможетъ въ этомъ, *да и азъ благодушествую, увѣдѣвъ, яже о васъ*. Какъ васъ, говоритъ, ободрилъ я извѣстіемъ о томъ, о чемъ вы молились касательно меня,—что евангеліе преуспѣваетъ, что (враги) посрамлены, что они доставили (мнѣ) радость тѣмъ самымъ, чѣмъ думали вредить,—такъ и я желаю знать о вашихъ обстоятельствахъ, *да и азъ благодушествую, увѣдѣвъ, яже о васъ*. Здѣсь показываетъ, что они должны радоваться объ его узахъ,
246 и послѣдовать ему въ этомъ: а дѣйствительно (узы) доставили ему великое утѣшеніе. Слова: *да и азъ благодушествую* значатъ: какъ и вы (благодушествуете). О, какую нѣжную любовь имѣлъ онъ къ Македоніи! И ѳессалоникійцамъ то же изъявляетъ, когда говоритъ: *мы же осиротѣвше отъ васъ ко времени часа* (1 Ѳесс. II, 17). И здѣсь говоритъ: *уповаю послати Тимоѳеа*, чтобы мнѣ знать о вашихъ обстоятельствахъ. Это знакъ величайшаго попеченія. Когда самъ не могъ придти, то посылалъ учениковъ своихъ, не вынося даже и на короткое время оставаться въ невѣдѣніи о происходящемъ у нихъ: вѣдь не отъ духа же онъ все узнавалъ. Этому и надлежало быть. Если бы ученики были увѣрены въ томъ, то сдѣлались бы безстыдными; а теперь, въ чаяніи укрыться, они удобнѣе исправлялись. Словами же: *да и азъ благодушествую*—дѣлалъ ихъ болѣе внимательными къ себѣ и болѣе рачительными, такъ что если бы Тимоѳей не пришелъ, то онъ нашелъ бы и другого, который бы извѣстилъ его. (Однажды) и самъ (апостолъ) употребилъ этотъ способъ, отложивъ свое пришествіе для того, чтобы исправились коринѳяне. Потому и писалъ: *щадя васъ ктому не пріидохъ въ Коринѳъ* (2 Кор. I, 23). Любовь обнаруживается не чрезъ извѣщеніе только о своихъ обстоятельствахъ, но и чрезъ стараніе узнать объ ихъ обстоятельствахъ. Таково свойство души попечительной, души заботливой и всегда безпокоющейся. А вмѣстѣ и честь имъ дѣлаетъ, посылая Тимоѳея. Что ты говоришь? Посылаешь Тимоѳея? Почему? Да, говоритъ: *ни единаго бо имамъ равнодушна*, т. е. подобно мнѣ заботливаго, *иже присно о васъ попечется*. Итакъ, онъ не имѣлъ при себѣ никого равноусерднаго? Никого. Что жъ это значитъ? То же, что—подобно мнѣ заботящагося и пекущагося о васъ. Иной не такъ легко, говоритъ, рѣшился бы по этой причинѣ совершить столь дальній

путь. А Тимоѳей любитъ васъ, какъ я. Можно бы послать и другихъ, но такого никого нѣтъ. Слѣдовательно быть равноусерд- 247
нымъ—значитъ любить учениковъ, подобно ему. *Иже*, говоритъ, *присно о васъ попечется*, т. е. отечески. *Вси бо своихъ си ищутъ, а не яже Христа Іисуса*, т. е. своего собственнаго покоя и безопасности. То же говоритъ онъ и въ посланіи къ Тимоѳею. Для чего онъ скорбитъ объ этомъ? Въ намѣреніи научить слушающихъ—не быть таковыми, научить слушающихъ—не искать праздности. Ищущій праздности ищетъ *не яже Христа*, но *своихъ си*; а мы должны быть готовы на всякій трудъ, на все тягостное. *Искусство же его*, говоритъ, *знаете, зане якоже отцу чадо, со мною поработалъ въ благовѣстіи* (ст. 22). Не безъ причины говорю это; вы сами знаете, что онъ, какъ сынъ отцу, служилъ мнѣ въ благовѣствованіи. Здѣсь справедливо похваляетъ Тимоѳея, чтобы они приняли его съ великою честію. Это дѣлаетъ и въ посланіи къ Коринѳянамъ, говоря: *да никтоже его уничижитъ: дѣло бо Господне дѣлаетъ, якоже и азъ* (1 Кор. XVI, 10, 11),—заботится не о немъ, но о принимающихъ его, чтобы они получили за то великую награду. *Сего же убо*, говоритъ, *уповаю послати абіе, повнегда увѣмъ, яже о мнѣ* (ст. 23), т. е., когда увижу, въ какомъ состояніи буду, и какой конецъ будутъ имѣть мои дѣла. *Надѣюся же о Господѣ, яко и самъ скоро пріиду къ вамъ* (ст. 24). Не потому посылаю его (Тимоѳея), будто самъ не приду, но чтобы мнѣ ободриться, узнавъ о вашихъ обстоятельствахъ, и чтобы въ этотъ промежутокъ времени не находиться въ невѣдѣніи. *Надѣюся же о Господѣ*, говоритъ, т. е. ежели Богу будетъ угодно.

2. Смотри, какъ все приписываетъ Богу, и ничего не говоритъ отъ своего ума. *Потребнѣе же возмнѣхъ Епафродита брата и спостѣшника и своинника моего* (ст. 25). И его посылаетъ опять съ такими же похвалами, съ какими и Тимоѳея. Въ этомъ послѣднемъ онъ указываетъ слѣдующія два качества: что онъ любитъ ихъ, словами: *иже присно о васъ попечется*, и—что онъ заслужилъ похвалу въ благовѣстіи. И Епафродита похвалилъ за то же, и для той же цѣли, для какой и Тимоѳея. Какъ? Сказать: *брата и спостѣшника*, и не остановиться на этомъ, но прибавить еще: *и своинника*, значитъ показать его великое участіе въ бѣдахъ и засвидѣтельствовать о немъ то же, что и о себѣ самомъ. *Своинника же* больше значитъ, нежели *спостѣшника*. Иной могъ быть сотрудникомъ въ дѣлахъ легкихъ, но не въ брани и бѣдахъ; а словомъ: *своинника* (апостолъ) показалъ и это послѣднее. *Вашего же*, говоритъ, *посланника, и служителя потребѣ моей, послати къ вамъ*,—т. е., ваше вамъ дарю. Или иначе: вашего, или—учащаго васъ, къ вамъ посылаю. Потомъ многое присовокупляетъ о любви его,

говоря: *понеже желаніемъ желаше видѣти всѣхъ васъ, и тужаше, зане слышасте, яко болѣ. Ибо и болѣ близъ смерти: но Богъ помилова его, не егоже токмо, но и мене, да не скорбь на скорбь пріиму* (ст. 26 и 27). Здѣсь (апостолъ) внушаетъ и другое, т. е. что и
248 онъ (Епафродитъ) очень знаетъ, что вы его любите. А это немалое побужденіе къ любви. Какимъ образомъ? Онъ боленъ былъ, говоритъ, и вы болѣзновали; онъ выздоровѣлъ, и васъ избавилъ отъ печали, которую вы имѣли по причинѣ его болѣзни. Самъ однакожъ былъ не безъ печали; но скорбѣлъ о томъ, что, выздоровѣвши, не видалъ васъ. Здѣсь и другое внушаетъ,—оправдывается въ томъ, что посылаетъ къ нимъ спустя довольно времени: не по безпечности, говоритъ, но потому удерживалъ Тимоѳея, что никого не имѣлъ *(ни единаго бо имамъ*, говоритъ, *равнодушна)*, Епафродита же—по болѣзни. Потомъ, показывая, что болѣзнь его была продолжительна и долго изнуряла (его), говоритъ: *ибо и болѣ близъ смерти.* Видишь ли, сколько Павелъ заботится о томъ, чтобы отклонить отъ души учениковъ всякую мысль о безпечности и небреженіи, и чтобы они не подумали, будто онъ пренебрегаетъ ими, и потому не пришелъ? Ничто не способно такъ привлечь ученика, какъ убѣжденіе, что учитель и печется, и скорбитъ о немъ. Это знакъ чрезвычайной любви. *Слышасте*, говоритъ, *яко болѣ. Ибо и болѣ близъ смерти.* И что я говорю не притворяясь, то послушайте: *но Богъ помилова его.* Что скажешь ты, еретикъ? Здѣсь (апостолъ) называетъ милостію Божіею то, что Онъ сохранилъ человѣка близкаго къ смерти, и возвратилъ его къ жизни. Но если міръ зло, то оставлять во злѣ не есть милость. Впрочемъ съ еретикомъ легко говорить; а что скажемъ христіанину? Вѣдь и онъ, можетъ быть, усомнится и скажетъ: если *много паче лучше разрѣшитися и со Христомъ быти* (Филип. I, 23), то для чего говоритъ, что (Богъ) помиловалъ его? А я спрошу: почему онъ говоритъ: *еже пребывати во плоти, нужнѣйше есть васъ ради* (Филип. I, 24)? Это нужно было сколько апостолу, столько же и Епафродиту, имѣвшему отойти къ Богу съ бóльшимъ богатствомъ и съ бóльшимъ дерзновеніемъ. И хотя этого теперь не случилось, но имѣло быть потомъ; а пріобрѣсти души, отошедши туда, уже невозможно. Павелъ говоритъ также многое и примѣнительно къ обычному понятію слушающихъ, и не вездѣ любомудрствуетъ, такъ какъ слово его было къ людямъ мірскимъ, которые боялись еще смерти. Потомъ показываетъ, какимъ у него мнѣніемъ пользуется Епафродитъ, и чрезъ то дѣлаетъ его достопочтеннымъ, называя именно его спасеніе настолько полезнымъ для себя, что самъ чрезъ него помилованъ. Впрочемъ и кромѣ того, настоящая жизнь есть добро; а если не добро, то для

чего (апостолъ) преждевременную смерть поставляетъ въ числѣ наказаній? Напримѣръ, онъ говоритъ: *сего ради въ васъ мнози немощни и недужливи, и спятъ довольни* (1 Кор. xi, 30). Будущая жизнь для человѣка злого не лучше, потому что она не добра, а для добраго лучше. *Да не скорбь*, говоритъ, *на скорбь пріиму*—скорбь о смерти на скорбь о болѣзни. Этимъ показываетъ, насколько онъ почитаетъ Епафродита. *Скорѣе убо послахъ его* (ст. 28). Что значитъ—*скорѣе?* Значитъ—безъ отлагательства, безъ замедленія, съ большою поспѣшностію, приказавши все оставить и идти къ вамъ, чтобы освободить отъ печали. Мы радуемся не столько тогда, когда слышимъ, что любимые (нами) здоровы, сколько въ то время, когда видимъ (ихъ таковыми), и особенно если это случится сверхъ чаянія, какъ случилось тогда съ Епафродитомъ. *Скорѣе убо*, говоритъ, *послахъ его, да видѣвше его возрадуетеся, и азъ безпечальнѣйшій пребуду*. Какъ *безпечальнѣйшій?* Такъ, что если вы радуетесь, то и я радуюсь, и онъ радуется такою же радостію. *И азъ безпечальнѣйшій пребуду*. Не сказалъ: безпечаленъ, но—*безпечальнѣйшій*, показывая, что душа его никогда не была безъ печали. Когда въ самомъ дѣлѣ былъ безъ печали говорящій: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. xi, 29)? Какъ бы такъ сказалъ: эту печаль отлагаю. *Пріимите убо его о Господѣ со всякою радостію* (ст. 29). *О Господѣ*—то же, что духовно, то есть, съ великимъ тщаніемъ; а лучше, *о Господѣ*—значитъ по волѣ Божіей. Примите, какъ слѣдуетъ святымъ, и какъ надлежитъ принимать святыхъ: *со всякою*, говоритъ, *радостію*

3. Все это дѣлаетъ для нихъ самихъ, а не для посылаемыхъ, потому что больше пользы дѣлающему добро, нежели кому его дѣлаютъ. *И таковыя честны имѣйте*,—т. е., примите его, какъ слѣдуетъ принимать святыхъ. *Зане за дѣло Христово даже до смерти приближися, понудивъ себе вседушно, да исполнитъ ваше лишеніе службы, яже ко мнѣ* (ст. 30). Епафродитъ былъ посланъ филиппійцами отъ лица всего города, чтобы послужить Павлу, или, можетъ быть, пришелъ къ нему и для доставленія чего-нибудь. А что онъ принесъ и деньги, на это указываетъ (апостолъ) въ концѣ посланія, говоря: *пріемъ отъ Епафродита посланная отъ васъ* (Филип. iv, 18). Вѣроятно, онъ, пришедши въ городъ Римъ, нашелъ Павла въ такой большой и тяжкой бѣдѣ, что даже приближеннымъ невозможно было приходить къ нему безопасно, но и они приходили съ опаской. Это обыкновенно бываетъ, особенно въ большихъ бѣдахъ, и въ случаѣ чрезвычайнаго царскаго гнѣва. Когда кто, оскорбивши царя, бываетъ заключенъ въ темницу, и находится подъ крѣпкою стражею, тогда воспрещается

249

къ нему приходить даже домашнимъ,—что вѣроятно было тогда и съ Павломъ; а Епафродитъ, какъ мужъ неустрашимый, пренебрегъ всею опасностью, только бы придти и послужить (Павлу), и сдѣлать все, что нужно было. Итакъ, (апостолъ) по двумъ причинамъ представляетъ его достойнымъ почтенія: во-первыхъ, говоритъ, онъ подвергался для меня смертной опасности; а во-вторыхъ, онъ потерпѣлъ это, будучи представителемъ города, такъ что награда за его опасность вмѣнялась пославшимъ его,—потому что городъ отправилъ его въ видѣ посланника. Поэтому принять его съ почтеніемъ и благодарить за услуги значитъ—сдѣлаться особеннымъ участникомъ въ томъ, на что онъ отваживался. И не сказалъ: для меня, но, съ цѣлью большаго удостовѣренія, го-
250 воритъ: *за дѣло* Божіе. Не для меня, но для Бога онъ былъ *близъ смерти*. Что же? Хотя онъ и не умеръ, по Божію устроенію, однакожъ подвергался опасности и предавалъ себя самого такъ, что не отрекся бы отъ служенія мнѣ, что бы ни привелось потерпѣть. Если же онъ для служенія Павлу предавалъ себя на смерть, тѣ тѣмъ болѣе сдѣлалъ бы это для проповѣди; или лучше—умереть для Павла было то же, что и для проповѣди. Не только за отказъ принести жертву (идоламъ) можно получить вѣнецъ мученическій, но и таковые случаи дѣлаютъ мученикомъ; и если что слѣдуетъ назвать удивительнымъ, то скорѣе послѣдніе случаи, нежели первые. Кто за меньшее дѣло рѣшается на смерть, тотъ тѣмъ болѣе (рѣшится) за большее. Потому и мы, когда увидимъ святыхъ въ бѣдахъ, то не будемъ щадить себя. Нерѣшительный никогда не можетъ сдѣлать ничего благороднаго; кто заботится о безопасности здѣсь, тотъ необходимо лишается ея въ будущемъ. *Да исполнитъ*, говоритъ, *ваше лишеніе службы, яже ко мнѣ*. Что это значитъ? Городъ не былъ со мною, но оказалъ мнѣ всякую услугу чрезъ него, приславъ его. Слѣдовательно недостатокъ вашего служенія онъ восполнилъ. И потому онъ имѣетъ право получить великую честь, такъ какъ онъ одинъ сдѣлалъ за васъ то, что слѣдовало сдѣлать всѣмъ. (Апостолъ) указываетъ и на первую услугу, которую оказали бѣдствующимъ находящіеся въ безопасности. Слова: *лишеніе служенія* указываютъ именно на нее. Видишь ли высокое чувство апостола? Оно происходитъ не отъ гордости, но отъ великой заботливости объ нихъ. Дѣло ихъ онъ называетъ служеніемъ и лишеніемъ, чтобы они не возносились, но были скромны; чтобы не думали, что сдѣлали нѣчто великое, но смирялись. Потому не будемъ и мы высокоумствовать, когда что-либо даемъ святымъ, и не будемъ думать, что въ этомъ случаѣ мы имъ даримъ. Мы обязаны дѣлать это святымъ, и ничего имъ не даримъ. Какъ состоящимъ

въ войскѣ и ведущимъ войну остающіеся на мирномъ положеніи и не участвующіе въ войнѣ обязаны доставлять содержаніе,— потому что тѣ стоятъ за нихъ,—такъ и здѣсь. Если бы Павелъ не училъ, то кто бы его ввергнулъ тогда въ темницу? Слѣдовательно должно служить святымъ. Если ополчающемуся за царя земного слѣдуетъ доставлять все, и одежду и пищу, не въ мѣру надобности только, но и съ избыткомъ, — то какъ не доставлять самаго даже необходимаго воинствующему за Царя небеснаго, и борющемуся съ врагами болѣе страшными, о которыхъ сказано: *нѣсть брань къ крови и плоти* (Ефес. VI, 12)? Какая непризнательность! Какая неблагодарность! Какая скупость!

4. Но, какъ видно, на насъ дѣйствуетъ больше страхъ человѣческій, нежели (страхъ) геенны и будущихъ мученій. Потому-то все извратилось,—гражданскія дѣла отправляются ежедневно съ великимъ раченіемъ и опущенія не бываетъ, а о духовныхъ нигдѣ и мысли никакой нѣтъ. Чего требуютъ съ принужденіемъ и вымогательствомъ, какъ отъ рабовъ и невольниковъ, то выполняется съ великою готовностію, а предоставляемое 261
доброй нашей волѣ и свободѣ—все оставляется. Говорю не противъ всѣхъ, но противъ тѣхъ, которые отказываютъ въ подаяніи. Ужели Богъ не можетъ поставить этого въ необходимую обязанность? Но Онъ не хочетъ: Онъ щадитъ васъ болѣе, нежели питаемыхъ вами. Потому Онъ хочетъ, чтобы вы дѣлали это не по принужденію, такъ какъ за то нѣтъ награды. Однакожъ многіе изъ находящихся здѣсь ниже іудеевъ. Подумай, сколько іудеи давали—десятинъ, начатковъ, еще десятинъ, и еще другихъ десятинъ, да еще иныхъ тридесятинъ и сикль, — и никто не говорилъ, что (священники) много съѣдаютъ. Чѣмъ больше они получили бы, тѣмъ больше награды (дающимъ). (Іудеи) не говорили: много берутъ, объѣдаются, что̀ нынѣ, слышу, говорятъ нѣкоторые. И строющіе дома, и покупающіе поля представляютъ себя ничего не имѣющими; а если кто изъ іереевъ надѣнетъ одежду посвѣтлѣе, или обладаетъ въ достаточномъ количествѣ потребной пищей, или же имѣетъ прислугу, чтобы не быть вынужденнымъ самому дѣлать непристойное (сану), то это считается богатствомъ. Подлинно, и тѣмъ мы богаты, — сами они противъ воли это признаютъ, — мы, хотя имѣемъ мало, богаты; а они, хотя и всѣмъ владѣютъ, бѣдны. Доколѣ будемъ поступать неразумно? Или не довольно для васъ наказанія за то, что вы ничего не дѣлаете,— нужно еще прилагать наказаніе и за злорѣчіе? Если бы ты даже самъ далъ ему то, что онъ имѣетъ, то потерялъ бы награду, когда бы упрекнулъ его тѣмъ, что ты далъ: вообще, если ты далъ, то за что упрекаешь? Говоря, что ты далъ ему то, что онъ

имѣетъ, этимъ прежде всего ты свидѣтельствуешь о его нищетѣ: для чего же упрекаешь? Ненужно было давать, когда ты намѣренъ былъ упрекать. Но ты говоришь такъ, когда другой даетъ? Грѣхъ еще болѣе тяжкій, потому что, самъ ничего не давши, упрекаешь тѣмъ. что другой благотворитъ. Какая, полагаешь ты, награда тѣмъ, которые слушаютъ эти упреки? Та, что они терпятъ это для Бога. Какъ и почему? Они могли бы, если бы захотѣли, заниматься мелочной торговлей, хотя и не наслѣдовали (этого) отъ предковъ. Еще, когда мы говоримъ, что такой-то бѣденъ, то слышу, многіе безстыдно говорятъ: если бы захотѣлъ, то могъ бы быть богатымъ; потомъ язвительно прибавляютъ: дѣдъ его и прадѣдъ его и такой-то были таковы-то; а онъ вотъ въ какую нарядился одежду. Что жъ? Скажи мнѣ, ужели ему надлежало ходить нагимъ? Ты что-то очень старательно разсказываешь объ этомъ: смотри, какъ бы слова твои не обратились противъ тебя самого. Слушай увѣщаніе Христово: *не судите, да не судими будете* (Мѳ. VII, 1). Онъ могъ бы, если бы захотѣлъ, заниматься торговымъ и купеческимъ дѣломъ, и конечно не терпѣлъ бы недостатка; но не захотѣлъ. Какая же отсюда для него польза, скажи мнѣ? Носитъ шелковыя одежды? Въ сопровожденіи толпы, гордо расхаживаетъ по рынку? Несется на конѣ? Или строитъ дома, имѣя гдѣ прожить? Если онъ дѣлаетъ это, то и я осуждаю и не щажу его, даже признаю его недостойнымъ священства. Какъ въ самомъ дѣлѣ онъ можетъ убѣждать другихъ, чтобы не занимались этими излишествами, когда самъ себя не можетъ убѣдить? Если же грѣшитъ онъ тѣмъ, что имѣетъ въ изобиліи необходимую пищу, то неужели слѣдовало ему ходить по міру и просить подаянія? И не стыдно ли было бы тебѣ, ученику (его), скажи мнѣ? Если бы и отецъ плотской это дѣлалъ,
252 ты почелъ бы безчестіемъ; а если (отецъ) духовный принужденъ это дѣлать, ужели тебѣ не стыдно? Ужели не почтешь за лучшее скрыться? *Отчее безчестіе*, сказано, *поношеніе чадомъ* (Сир. III, 11). Что же? Или умереть ему съ голоду? Но и это несвойственно человѣку благочестивому, потому что неугодно Богу. Впрочемъ, когда мы говоримъ имъ это, они тотчасъ предлагаютъ свои умствованія. Написано, говорятъ: *не стяжите злата, ни сребра, ни двою ризу, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ, ни жезла* (Мѳ. X, 9, 10); а они имѣютъ по три и по четыре одежды, и убранныя постели. Пришлось мнѣ горько воздохнуть теперь; а если бы не было неприлично, то и заплакалъ бы. Отчего? Оттого, что мы такъ тщательно замѣчаемъ сучцы у другихъ, а сами, имѣя въ глазахъ бревна, и не чувствуемъ того. Скажи мнѣ, почему ты не говоришь этого о себѣ самомъ? Потому, говорятъ, что это заповѣдано только учи-

телямъ. Слѣдовательно, когда Павелъ говоритъ: *имѣюще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ* (1 Тим. VI, 8), говоритъ однимъ учителямъ? Нѣтъ,—всѣмъ людямъ. Это ясно будетъ, если прочтемъ это мѣсто, начавъ повыше. Апостолъ, сказавши: *есть же снисканіе веліе благочестіе съ довольствомъ* (ст. 6), потомъ: *ничтоже внесохомъ въ міръ сей, явѣ, яко ниже изнести что можемъ* (ст. 7), тотчасъ присовокупилъ: *имѣюще же пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ. А хотящіи богатитися, впадаютъ въ напасти и сѣть, и въ похоти многи несмысленны и вреждающія* (ст. 9).

5. Видишь ли, что рѣчь относится ко всѣмъ? Что же, когда говоритъ опять: *плотоугодія не творите въ похоти* (Рим. XIII, 14), не ко всѣмъ ли вообще говоритъ? Что же, когда говоритъ: *брашна чреву, и чрево брашномъ: Богъ же и сіе и сія упразднитъ* (1 Кор. VI, 13)? Что же, когда, бесѣдуя о вдовицѣ, говоритъ: *питающаяся пространно, жива умерла* (1 Тим. V, 6)? Ужели и вдовица—учитель? Не самъ ли онъ сказалъ: *женѣ учити не повелѣваю, ниже владѣти мужемъ* (II, 12)? Если же и вдовицѣ, которая по преклоннымъ лѣтамъ (а старость требуетъ великаго попеченія), и по самой природѣ (а женскій полъ, какъ слабый, требуетъ большаго успокоенія), — если той, которая и по возрасту и по природѣ заслуживаетъ снисхожденія, (апостолъ) не позволяетъ питаться пространно, но говоритъ, что таковая *жива умерла* (вѣдь не просто сказалъ: не питаться пространно, но — *питающаяся пространно, жива умерла*, и такимъ образомъ исключилъ ее изъ среды живыхъ, потому что умершая уже исключена), — то какъ можно простить мужу то, за что наказывается престарѣлая жена? Но объ этомъ никто и не думаетъ, никто объ этомъ не разсуждаетъ. А я вынужденъ теперь сказать это, не съ намѣреніемъ избавить священниковъ отъ упрековъ, но радѣя о васъ. Они отъ васъ не терпятъ никакого вреда, хотя заслуженно и по справедливости слышатъ упреки, какъ собиратели богатства; но говорите ли вы, или не говорите, они дадутъ отвѣтъ Судіи тамъ, — а потому ваши слова ни мало не вредятъ имъ. Если же ваши слова еще и ложны, то они, будучи оклеветаны вами напрасно, получаютъ отъ того пользу, а вы вредите самимъ себѣ. Въ отношеніи же къ вамъ не такъ: правду ли говорите объ нихъ или ложь, все вредите себѣ тѣмъ самымъ, что говорите объ нихъ 253
худо. Почему? Если говорите правду, то и въ этомъ случаѣ вредите себѣ, потому что осуждаете учителей и извращаете порядокъ, такъ какъ и брата не должно судить, тѣмъ болѣе учителя; если же (говорите) ложь, то (васъ постигнетъ) невыносимое наказаніе и мука, такъ какъ за всякое праздное слово дадите отвѣтъ. Итакъ, мы все дѣлаемъ и трудимся для васъ. Но,

какъ я сказалъ, никто объ этомъ не разсуждаетъ, никто этимъ не занимается, никто не говоритъ себѣ ничего такого. Хотите ли, я прибавлю и другое? *Иже не отречется* (Лук. XIV, 33), говоритъ Христосъ, *всего своего имѣнія, нѣсть Мене достоинъ* (Мѳ. X, 37). Что же, когда говоритъ: *не удобь богатый внидетъ въ царствіе небесное* (XIX, 23)? Что же, когда говоритъ: *горе вамъ богатымъ, яко отстоите утѣшенія вашего* (Лук. VI, 24)? Никто не вникаетъ въ это, никто объ этомъ не помышляетъ, никто не разсуждаетъ самъ съ собою, а дѣла другихъ всѣ очень строго обсуживаютъ. Но это значитъ дѣлаться участникомъ въ дѣлахъ осуждаемыхъ. А чтобы освободить для васъ священниковъ и отъ нареканія въ томъ, въ чемъ вы почитаете ихъ виновными,—послушайте: вѣдь увѣренность въ томъ, что они преступаютъ законъ Божій, много преклоняетъ (васъ) ко злу. Такъ вотъ изслѣдуемъ и это. Христосъ сказалъ: *не стяжите злата, ни сребра, ни двою ризу, ни сапогъ*, ни пояса, *ни жезла* (Мѳ. X, 9, 10). Что же, скажи мнѣ? Петръ преступалъ эту заповѣдь? Какъ же иначе, когда онъ имѣлъ и поясъ, и одежду, и обувь? А что онъ имѣлъ ихъ,—послушай словъ ангела, обращенныхъ къ нему: *препояшися, и вступи въ плесницы твоя* (Дѣян. XII, 8); хотя и не очень нужна была такая обувь,—въ ту пору можно было быть и необутымъ, а обувь особенно нужна въ зимнее время,—однакожъ онъ имѣлъ ее. А что Павелъ? Онъ въ посланіи къ Тимоѳею говоритъ: *потщися прежде зимы пріити* (2 Тим. IV, 21); потомъ повелѣваетъ и говоритъ: *фелонь, егоже оставихъ въ Троадѣ у Карпа, грядый принеси, и книги, паче же кожаныя* (ст. 13). Вотъ о фелони сказалъ; а нельзя сказать, чтобы онъ не имѣлъ и другого, который носилъ. Если бы онъ вовсе не носилъ его, то излишне было бы приказывать принести тотъ; а если нельзя было не носить одежды, то очевидно онъ имѣлъ другой (фелонь). А что изъ того, что онъ цѣлыя *два лѣта* (Дѣян. XXVIII, 30) пребылъ на собственномъ иждивеніи? Ужели онъ преслушалъ Христа, онъ—этотъ избранный сосудъ, который говоритъ: *живу же не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. II, 20), о которомъ засвидѣтельствовалъ Христосъ, говоря: *яко сосудъ избранъ Ми есть сей* (Дѣян. IX, 15). Такое недоумѣніе надлежало бы оставить при васъ, и не давать никакого рѣшенія на вопросъ, подвергнувъ васъ этому наказанію за невниманіе къ Писаніямъ. Дѣйствительно, отсюда все это происходитъ. Потому мы и бываемъ строгими судьями чужихъ грѣховъ, а на свои не обращаемъ никакого вниманія, что не знаемъ Писаній, что не изучаемъ законовъ божественныхъ. Итакъ, слѣдовало бы васъ подвергнуть этому наказанію. Но что мнѣ дѣлать? Я отецъ. А отцы много и сверхъ должнаго

угождаютъ дѣтямъ, потому что родительское ихъ сердце пламенѣетъ къ нимъ любовію; если они видятъ дитя печальнымъ и унылымъ, сами больше его болѣзнуютъ, и не успокоиваются, пока не уничтожатъ причину скорби. Впрочемъ пусть бы это и 254
случилось, пусть бы вы и поскорбѣли о томъ, что не понимали (прежде),—только бы (теперь) хорошо поняли.

6. Что же должно сказать? Нѣтъ, (апостолы) не противились, но съ точностію послѣдовали заповѣдямъ Христовымъ, а заповѣди тѣ были даны на время, а не навсегда. И это говорю я не по догадкѣ, но согласно божественному Писанію. Какъ? Лука повѣствуетъ, что Христосъ сказалъ ученикамъ: *егда посла̀хъ вы безъ влагалища и безъ мѣха* и безъ пояса *и безъ сапогъ, еда чесого лишени бысте? Они же рѣша: ничесоже* (Лук. XXII, 35). Итакъ, теперь уже пріобрѣтайте. Но что слѣдовало (дѣлать), скажи мнѣ? Имѣть одинъ хитонъ? Что же? Если нужно было вымыть его, то ужели надобно было сидѣть дома нагому? Или, въ случаѣ нужды, ходить нагому и нарушать благопристойность? Подумай, каково бы было Павлу, для столь важныхъ дѣлъ обходившему вселенную, сидѣть дома за неимѣніемъ одежды, и при столь многихъ дѣлахъ встрѣчать препятствіе? Что же, если бы настала сильная стужа, и пошелъ сильный дождь, или заморозило, то какъ бы можно было обсушиться? Опять нужно было сидѣть нагому? Что же, если бы холодъ разстроилъ тѣло, пришлось бы чахнуть, и не проповѣдывать? А что имъ даны были не адамантовыя тѣла, — послушай, что сказано Тимоѳею: *мало вина пріемли, стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ* (1 Тим. V, 23); и еще касательно другого: *потребнѣе возмнѣхъ послати къ вамъ посланника вашего, и служителя потребѣ моей. Ибо болѣ близъ смерти, но Богъ помилова его: не егоже токмо, но и мене* (Филип. II, 25—27). Слѣдовательно и они подвержены были всякимъ болѣзнямъ. Что же? Нужно было гибнуть? Никакъ. Для чего же тогда (Христосъ) заповѣдалъ такъ? Для того, чтобы показать Свою силу, что и послѣ Онъ могъ сдѣлать такъ, но не сдѣлалъ? Почему же не сдѣлалъ? Апостолы были гораздо важнѣе израильтянъ, у которыхъ не истерлась ни обувь, ни одежда, хотя они и проходили по такой пустынѣ, гдѣ солнечные лучи настолько жарки, что могли разрушать и самые камни. Почему же сдѣлалъ это? Для тебя. Такъ какъ ты не (всегда) могъ быть здоровымъ, но могъ быть больнымъ, то (Богъ) далъ тебѣ способъ врачеваться. И это очевидно изъ слѣдующаго. Скажи мнѣ, ужели Онъ самъ не могъ ихъ пропитать? Если Онъ (все нужное) далъ тебѣ, оскорбителю, то не тѣмъ ли болѣе далъ бы Павлу? Кто далъ израильтянамъ—ропотникамъ, блудни-

камъ, идолослужителямъ, Тотъ не тѣмъ ли болѣе далъ бы Петру, который все для Него оставилъ? Кто попустилъ имѣть (нужное) беззаконникамъ, Тотъ не тѣмъ ли болѣе даровалъ бы Іоанну, который для Него оставилъ и отца? Но Онъ не захотѣлъ; а питаетъ ихъ чрезъ тебя, чтобы ты освятился. И замѣть избытокъ человѣколюбія. Онъ благоволилъ быть ученикамъ Своимъ уничиженными, чтобы ты сколько-нибудь воодушевился. Но если бы Онъ далъ имъ все нужное, скажутъ, то они были бы гораздо почтеннѣе, гораздо славнѣе. Но въ такомъ случаѣ былъ бы ущербъ твоему спасенію. Потому Онъ восхотѣлъ, чтобы они были не славными, но болѣе уничиженными, чтобы тебѣ спастись: и попустилъ имъ быть уничиженными, чтобы ты могъ спастись.
255 Не столько достопочтененъ бываетъ учитель берущій, сколько не берущій; но ученикъ не получаетъ пользы, а лишается плода. Видишь ли премудрость человѣколюбиваго Бога? Какъ Онъ самъ не искалъ Своей славы, и не имѣлъ въ виду Своего, но, будучи въ славѣ, восхотѣлъ быть въ безславіи для тебя,—такъ и въ отношеніи къ учителямъ. Имѣя силу сдѣлать ихъ славными, благоволилъ, чтобы они были презираемы для тебя, чтобы ты могъ получить пользу, чтобы ты могъ обогатиться. У него недостатокъ въ житейскомъ для того, чтобы ты имѣлъ изобиліе въ духовномъ. А что Онъ могъ дать имъ все нужное, на это много доказательствъ; равнымъ образомъ доказывается и то, что Онъ попустилъ имъ быть въ скудости для тебя. Итакъ, зная это, обратимся не къ осужденію, но къ благотворенію; будемъ не чужіе грѣхи разбирать, но свои обсуживать; будемъ въ другихъ замѣчать добродѣтели, а въ себѣ находить грѣхи,—и такимъ образомъ будемъ благодарить Бога. Кто смотритъ и на чужіе грѣхи,
256 и на свои добродѣтели, тотъ вдвойнѣ вредитъ себѣ: отъ этихъ (добродѣтелей) надмевается гордостію, а отъ тѣхъ (грѣховъ) впадаетъ въ нерадѣніе. Когда онъ представитъ, что такой-то согрѣшилъ, то и самъ легко впадетъ въ грѣхъ, а когда представитъ, что самъ совершилъ доброе, то легко возгордится. А кто, предавая забвенію свои добродѣтели, смотритъ на одни (свои) грѣхи, и замѣчаетъ въ другихъ не грѣхи, но добродѣтели, тотъ получаетъ много пользы. Какъ,—слушай. Когда видитъ, что такой-то поступаетъ добродѣтельно, то возбуждается къ равной ревности; а когда видитъ, что самъ согрѣшилъ, то проникается смиренномудріемъ и скромностью. Если будемъ такъ поступать и такъ устроять дѣла свои, то сможемъ достигнуть обѣщанныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА X.

Прочее же, братіе моя, радуйтеся о Господѣ: таяжде бо писати вамъ, мнѣ убо нелѣностно, вамъ же твердо. Блюдитеся отъ псовъ, блюдитеся отъ злыхъ дѣлателей, блюдитеся отъ сѣченія. Мы бо есмы обрѣзаніе, иже духомъ Богу служимъ, и хвалимся о Христѣ Іисусѣ, а не въ плоти надѣемся (Филип. ш, 1—3). 255

1. Когда печали и заботы чрезмѣрно угнетаютъ душу, то отнимаютъ у нея силу. Потому-то Павелъ и ободряетъ филиппійцевъ, которые находились въ великой печали. А печалились они потому, что не знали, каковы обстоятельства Павловы: печалились потому, что почитали его умершимъ, (печалились) о проповѣди, объ Епафродитѣ. Итакъ, сообщая имъ обо всемъ этомъ удовлетворительное извѣстіе, онъ и присовокупляетъ: *прочее, братіе моя, радуйтеся.* Теперь, говоритъ онъ, вы не имѣете причины печалиться: Епафродитъ, о которомъ скорбѣли, съ вами, съ вами же и Тимоѳей, и я иду, евангеліе преуспѣваетъ. Чего же недостаетъ вамъ? *Радуйтеся.* Галатовъ (апостолъ) называетъ чадами (Гал. IV, 19), а этихъ братьями. Когда онъ хочетъ или исправить что-либо, или показать особенную любовь, то называетъ чадами; а когда бесѣдуетъ съ большимъ почтеніемъ, то называетъ братьями. *Прочее, братіе моя,* говоритъ онъ, *радуйтеся о Господѣ* (Филип. ш, 1). Хорошо сказалъ: *о Господѣ,* а не мірскою (радостію), потому что послѣднее не значитъ радоваться. Самыя скорби за Христа, говоритъ (апостолъ), заключаютъ въ себѣ радость. *Таяжде писати вамъ, мнѣ убо нелѣностно, вамъ же твердо. Блюдитеся отъ псовъ* (ст. 2). Видишь ли, какъ онъ предлагаетъ совѣтъ не въ началѣ, а тогда, когда много похвалилъ ихъ, когда почтилъ ихъ,—тогда это дѣлаетъ, и опять хвалитъ. Такъ какъ его рѣчь кажется жестокою, то онъ отвсюду и прикрываетъ ее. Кого жъ онъ называетъ псами? (Въ Филиппахъ) были нѣкоторые, на кого онъ намекаетъ во всѣхъ посланіяхъ,—іудеи мерзкіе и 256
гнусные, корыстолюбивые и властолюбивые, которые, желая отторгнуть многихъ изъ вѣрующихъ, проповѣдывали и христіанство и іудейство, искажая Евангеліе. Такъ какъ трудно было распознать ихъ, то (апостолъ) и говоритъ: *блюдитеся отъ псовъ.* Іудеи уже не чада. Нѣкогда назывались (псами) язычники, а теперь они; почему? Потому, что какъ язычники были отчуждены отъ Бога и Христа, такъ и они отчуждены нынѣ. Этимъ показываетъ ихъ безстыдство и наглость, и великое удаленіе отъ чадъ. А что язычники нѣкогда назывались псами,—послушай,

какъ говоритъ хананеянка: *ей, Господи: ибо и псы ядятъ отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы господей своихъ* (Мѳ. xv, 27). А такъ какъ и псы бываютъ при столѣ, то чтобы они (іудеи) лишены были и этого, (апостолъ) присовокупляетъ причину, по которой и отчуждаетъ ихъ, говоря: *блюдитеся отъ злыхъ дѣлателей* (Филип. ш, 2). Достойны удивленія слова: *блюдитеся отъ злыхъ дѣлателей*: они дѣйствуютъ, говоритъ, на зло, и дѣйствованіе ихъ гораздо хуже самаго бездѣйствія—они разстроиваютъ благоустроенное. *Блюдитеся*, говоритъ, *отъ сѣченія*. Обрѣзаніе у іудеевъ считалось важнымъ, ему уступалъ и законъ, и суббота была ниже его; для совершенія обрѣзанія нарушалась и суббота, а для соблюденія субботы никогда не нарушался (законъ) обрѣзанія. Обрати вниманіе на домостроительство Божіе: обрѣзаніе ставится выше субботы: оно не оставлялось ни въ какое время. Итакъ, если обрѣзаніе отмѣнено, то тѣмъ болѣе суббота. Потому-то Павелъ не употребляетъ имени (обрѣзанія), и говоритъ: *блюдитеся отъ сѣченія* (κατατομή). Не сказалъ, что обрѣзаніе худо, обрѣзаніе излишне, чтобъ не поразить этихъ людей; но поступаетъ благоразумнѣе: отъ предмета отводитъ, и выраженіе употребляетъ пріятное, заботясь преимущественно о дѣлѣ. Къ галатамъ же не такъ (пишетъ). Такъ какъ у нихъ была великая болѣзнь, то (апостолъ) открыто и полновластно употребляетъ сѣченіе (τομή): филиппійцамъ же, которые ничего такого не дѣлали, угождаетъ выраженіемъ. И тѣхъ и другихъ опровергаетъ, говоря: *блюдитеся отъ сѣченія. Мы бо есмы обрѣзаніе* (περιτομή) (Филип. ш, 3). Какимъ образомъ? *Иже духомъ Богу служимъ, а не въ плоти надѣемся*. Не сказалъ: наслѣдуемъ то и другое обрѣзаніе, которое лучше, но даже перваго не назвалъ по имени: что же говоритъ? Обрѣзаніе, то есть, сѣченіе. Почему? Потому, что совершающіе его не что иное дѣлаютъ, какъ только отсѣкаютъ плоть. Когда это дѣйствіе перестало быть законнымъ, то оно—уже не что иное, какъ сѣченіе и отсѣченіе плоти. Слѣдовательно (обрѣзаніе) онъ такъ называетъ или по этой причинѣ, или потому, что покушались разсѣчь Церковь. И мы употребляемъ слово: сѣченіе, говоря о тѣхъ, которые дѣлаютъ это ненамѣренно, неосторожно и неискусно. Если же должно искать истиннаго обрѣзанія, говоритъ (апостолъ), то найдете его у насъ, *иже духомъ Богу служимъ*, т. е. служимъ духовно.

2. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, что лучше, душа или тѣло? Очевидно, душа. Потому и то (плотское) обрѣзаніе не лучше, но это одно (духовное) и есть обрѣзаніе. Пока оставался прообразъ, до тѣхъ поръ справедливо примѣнялось сравненіе: *обрѣжите жестокосердіе ваше* (Іер. iv, 4). Такъ и въ посланіи къ

Римлянамъ (апостолъ) отвергаетъ обрѣзаніе, говоря: *не бо иже явѣ, Іудей есть, ни еже явѣ во плоти, обрѣзаніе, но иже въ тайнѣ Іудей, и обрѣзаніе сердца духомъ, не писаніемъ* (Рим. п, 28, 29). Здѣсь же лишаетъ его даже имени: не есть и обрѣзаніе, говоритъ. Прообразъ называется такъ до тѣхъ поръ, пока не пришла истина; когда же пришла истина, то уже не называется. Подобное бываетъ въ живописи: если кто-нибудь набросалъ эскизъ царя, то пока еще не наложены краски, не называютъ царемъ; когда же наложатся, то прообразъ закрывается истиною и невидѣнъ,—мы тогда говоримъ: вотъ царь. При томъ (апостолъ) не сказалъ: обрѣзаніе есть въ насъ, но—*мы есмы (обрѣзаніе)*,—и справедливо: это обрѣзаніе, состоящее въ добродѣтели, и есть человѣкъ, оно-то есть истинно человѣкъ. О нихъ же (іудеяхъ) сказалъ не такъ, но—*блюдитеся отъ сѣченія*,—потому что они погибали и были нечестивы. Потомъ, показывая, что обрѣзаніе совершается не въ тѣлѣ, а въ сердцѣ, говоритъ: *а не во плоти надѣюмся, ибо и азъ имѣю надѣяніе такожде во плоти* (Филип. ш, 4). Что онъ выражаетъ здѣсь словами: *надѣяніе*, и—*во плоти?* Похвалу себѣ, дерзновеніе, важность. И хорошо присовокупилъ это. Если бы онъ, будучи изъ язычниковъ, охуждалъ обрѣзаніе, и не обрѣзаніе только, но и тѣхъ, которые уже не во время принимаютъ его, то показалось бы, что онъ нападаетъ на него потому, что лишенъ благороднаго происхожденія іудейскаго, не зналъ 258
великихъ его преимуществъ, и не имѣлъ въ нихъ участія; но когда онъ имѣетъ участіе и охуждаетъ, то охуждаетъ не потому, что не имѣетъ участія, но потому, что не признаетъ,—не по невѣдѣнію, но вслѣдствіе совершеннаго знанія. Смотри, что онъ говоритъ и въ посланіи Галатамъ, будучи поставленъ въ необходимость высказать свои достоинства, (смотри) какъ вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ и смиренномудріе: *слышасте бо*, говоритъ, *мое житіе иногда въ жидовствѣ* (Гал. i, 13); и еще здѣсь: *аще кто инъ мнитъ надѣятися во плоти, азъ паче* (Филип. ш, 4), и тотчасъ присовокупляетъ: *Евреинъ отъ Еврей.* Не сказалъ этого прежде, но лишь послѣ словъ: *аще кто инъ*, показывая этимъ необходимость, показывая, что онъ для нихъ сказалъ. Если и вы надѣетесь, говоритъ онъ, то *азъ паче.* Говорю это теперь; иначе бы умолчалъ. Замѣть легкость обличеній: тѣмъ, что обличаетъ безлично, даетъ имъ возможность уклониться отъ обличенія. *Аще кто мнитъ надѣятися.* Хорошо сказалъ: *мнитъ*,—или потому, что они не имѣли такого надѣянія, или потому, что надѣяніе ихъ не было истинное надѣяніе, такъ какъ все было дѣломъ необходимости, а не свободной воли. *Обрѣзанъ осмодневно* (ст. 5). Сперва выставляетъ то, чѣмъ особенно хвалились они—обрѣзаніе; по-

томъ—*отъ рода Израилева*. То и другое показывало, что онъ ни пришлецъ, ни отъ пришельцевъ; изъ словъ—*обрѣзанъ осмодневно* видно, что онъ не пришлецъ, а изъ словъ—*отъ рода Израилева* видно, что онъ и отъ родителей не пришельцевъ. Но чтобы ты не подумалъ, что—*отъ рода Израилева* значитъ отъ десяти колѣнъ, то говоритъ: *колѣна Веніаминова:* слѣдовательно изъ почетнѣйшаго, потому что въ удѣлѣ этого колѣна были участки священниковъ. *Евреинъ отъ Еврей*. Этимъ онъ показываетъ, что онъ не пришлецъ, но издревле отъ почтенныхъ іудеевъ. Можно было быть и отъ Израиля, но не евреемъ отъ евреевъ, такъ какъ многіе уже привели въ упадокъ свой родъ и забыли свой языкъ, смѣшавшись съ другими народами. Такимъ образомъ онъ показываетъ здѣсь или это самое (чистоту), или особенное благородство своего происхожденія. *По закону Фарисей*. Далѣе переходитъ къ тому, что было дѣломъ его свободной воли. Все вышесказанное было непроизвольно, не отъ него зависѣло быть обрѣзаннымъ, быть отъ рода Израилева и отъ колѣна Веніаминова. Впрочемъ и въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ больше преимуществъ, хотя въ нихъ участвовали многіе. Въ чемъ же *паче?* Конечно и въ томъ, что онъ не пришлецъ, что онъ изъ почетнѣйшаго колѣна, и издревле отъ такихъ предковъ, какихъ не многіе имѣли. Но такъ какъ все это было непроизвольно, то онъ переходитъ къ дѣламъ произволенія, въ чемъ видно это *паче: по закону Фарисей, по ревности гонихъ церковь Божію* (ст. 6). Послѣднія слова говоритъ онъ потому, что раньше сказанныя недостаточно объясняютъ слово: *паче*. Можно быть и фарисеемъ, однакожъ не великимъ ревнителемъ *по правдѣ*; можно отваживаться на опасности и дѣлать это по властолюбію, а не по ревности о законѣ, какъ и дѣлали первосвященники; но онъ былъ не таковъ, *по правдѣ законнѣй бывъ непороченъ*. Итакъ, если я, говоритъ онъ, превосходилъ всѣхъ и благороднымъ происхожденіемъ, и ревностію, и нравомъ, и жизнію, то для чего я оставилъ эти высокія преимущества, какъ не для того, чтобы пріобрѣсть Христовы большія, и гораздо большія? Вотъ почему онъ присовокупляетъ:
259 *но яже ми бяху пріобрѣтенія, сія вмѣнихъ Христа ради тщету*
(ст. 7).

3. Павелъ отвергнулъ образъ жизни, который такъ тщательно проходилъ, начавши съ перваго возраста,—столь благородное происхожденіе, столько опасностей, столько козней, труды, ревность,—и то, что прежде было выгодно, почелъ убыткомъ, чтобы пріобрѣсть Христа; а мы для пріобрѣтенія Христа не презираемъ и денегъ, но готовы лучше лишиться будущей жизни, нежели вещей настоящихъ, хотя онѣ не что иное, какъ убытокъ.

Дѣйствительно, если порознь изслѣдовать всѣ предметы богатства, то, скажи, не убытокъ ли они, требующіи чрезвычайнаго труда, и не приносящіи никакой пользы? Скажи мнѣ, какая польза отъ многихъ и дорогихъ одеждъ? Какую получаемъ прибыль, когда надѣваемъ ихъ? Никакой, кромѣ только убытка. Почему? Потому, что и нищій въ бѣдной и изношенной одеждѣ, находясь на жару, ничѣмъ не труднѣе тебя переноситъ зной, даже гораздо легче, такъ какъ изношенная и при томъ одна одежда даетъ тѣлу болѣе свободы, нежели вновь сшитая, хотя бы она была тоньше паутины. Къ тому же по чрезмѣрному тщеславію ты носишь по двѣ и по три одежды, часто еще и плащъ, и поясъ, и нижнее платье (ἀναξυρίδας); а его и въ одной одеждѣ никто не осуждаетъ, между тѣмъ онъ легче переноситъ зной. Отъ этого-то, какъ мы видимъ, богачи потѣютъ, а нищіе ничего такого не терпятъ. Итакъ, если и бѣдная и ничего не стоющая одежда доставляетъ нищему ту же или еще большую пользу, а тѣ при большей тратѣ денегъ достигаютъ того же, то не убытокъ ли это великое излишество? По отношенію къ пользѣ и употребленію, тебѣ не прибавилось отъ нихъ ничего, а денегъ истрачено больше; употребляются же и служатъ онѣ также. Ты, богачъ, купилъ (одежды), можетъ быть, за сто золотыхъ, либо и дороже, а бѣднякъ—за малую серебряную монету. Видишь ли убытокъ? Но тщеславіе не позволяетъ тебѣ видѣть его. Хочешь ли, поговоримъ и о золотыхъ уборахъ, которыми украшаютъ коней и женъ? Сверхъ другихъ, богатство производитъ въ людяхъ и эту глупость. Одной и той же чести удостоиваютъ и женъ и коней; у тѣхъ и другихъ украшеніе одно; и жены хотятъ блистать тѣмъ же, чѣмъ и упряжь и кожаные занавѣсы, за которыми возятъ ихъ.

Скажи, какая прибыль украшать мула или коня золотомъ? И что особеннаго получаетъ твоя жена, обремененная такою тяжестію золота и камней? Но, говорятъ, золотыя вещи не портятся. Напротивъ, и это случается весьма часто, какъ утверждаютъ знатоки въ этихъ вещахъ,—потому что въ баняхъ и во многихъ мѣстахъ и камни и золотыя вещи много теряютъ цѣны. Но пусть будетъ и такъ, пусть они нисколько не повреждаются: какая же прибыль отъ нихъ, скажи мнѣ? Что жъ, если они выпадутъ и потеряются, не убытокъ ли это? Что жъ, если они возбудятъ зависть и злоумышленіе, не убытокъ ли? Не убытокъ ли, когда они для нарядившейся не приносятъ никакой пользы, а 260
между тѣмъ воспламеняютъ глаза завистниковъ, и даже возбуждаютъ грабителей? Скажи, не убытокъ ли, когда мужъ, имѣя право употребить ихъ на дѣло, приносящее прибыль, не можетъ (этого сдѣлать) вслѣдствіе большихъ издержекъ своей жены, и

бываетъ принужденъ терпѣть голодъ и крайнюю нужду, а ее видѣть въ золотѣ? Деньги для того и называются вещами употребительными (χρήματα), чтобы мы употребляли ихъ не какъ вывѣски золотыхъ дѣлъ мастеровъ, но чтобы дѣлали изъ нихъ что-нибудь доброе. Итакъ, если тебѣ не позволяетъ этого пристрастіе къ золоту, то не убытокъ ли все? Кто не смѣетъ пользоваться ими, какъ бы чужими, тотъ и не пользуется, и вовсе нѣтъ отъ нихъ пользы. Что пользы и тогда, когда мы строимъ свѣтлые и огромные дома, украшаемъ ихъ колоннами, мраморомъ, галлереями и балконами, и ставимъ всюду истуканы и статуи? Многіе вызываютъ изъ этихъ истукановъ и демоновъ; но мы не будемъ этого касаться. Къ чему и золотая кровля? Не такую же ли пользу доставляетъ она, какъ и тому, у кого скромный домъ? Но, скажутъ, за то большое удовольствіе. Да, но только на день или на два, не больше. Если и солнце не поражаетъ насъ, по привычкѣ къ нему, то тѣмъ болѣе произведенія искусства: мы занимаемся ими столько же, сколько и глиною. Что, скажи мнѣ, придаетъ изяществу дома множество колоннъ, красота статуй, и позолота стѣнъ? Ничего; это—дѣло только глупости, гордости, чрезмѣрнаго тщеславія и безумія. Изъ всего даже полезнаго намъ должно имѣть необходимое, а не излишнее.

4. Видишь ли, что это (украшеніе) убытокъ? Видишь ли, что оно излишне и безполезно? Если оно не доставляетъ ни большей пользы, ни удовольствія,—такъ какъ со временемъ производитъ пресыщеніе,—то не что иное, какъ убытокъ. Но тщеславіе препятствуетъ, не даетъ намъ видѣть этого. Такъ Павелъ оставилъ и то, что почиталъ выгодою, а мы не оставимъ и убытка для Христа? До какихъ поръ еще будемъ привязываться къ землѣ? До какихъ поръ не будемъ устремлять взора на небо? Не видите ли, что старики вовсе не чувствуютъ прошедшаго? Не видите ли, что умираютъ и въ старости и въ юности? Не видите ли, что еще при жизни лишаются имѣнія? Зачѣмъ же прилѣпляемся къ непостоянному? Зачѣмъ привязываемся къ непрочному? До какихъ поръ не будемъ заботиться о вѣчномъ? Чего бы не дали старики, если бъ имъ можно было избавиться отъ старости? Потому не крайнее ли безуміе, что мы желаемъ возвратить прошедшую молодость, и готовы отдать все, чтобъ сдѣлаться моложе, а когда можно получить юность никогда не старѣющуюся, при томъ юность съ великимъ богатствомъ, духовнѣйшую, не хотимъ пожертвовать и малаго, но жалѣемъ и того, что и въ настоящее время вовсе безполезно? Богатство не можетъ избавить тебя отъ смерти, не сильно прогнать болѣзни,
261 воспрепятствовать старости и всему тому, что необходимо и совер-

шается по закону природы,—и ты еще привязанъ къ нему? Что за выгода, скажи мнѣ? Не отсюда ли пьянство, объяденіе, неприличныя и разнообразныя удовольствія, изнуряющія насъ болѣе, нежели жестокіе господа? Вотъ какую только выгоду можно получить отъ богатства, а другой никакой,—оттого никакой, что не хотимъ; а если бы мы захотѣли, то чрезъ богатство наслѣдовали бы и самое небо. Поэтому богатство—хорошая вещь, скажутъ мнѣ? Не отъ богатства это зависитъ, а отъ свободной воли владѣющаго имъ. А что это зависитъ отъ воли, ты увидишь вотъ изъ чего: небо можно наслѣдовать и бѣдному. Богъ, какъ я часто говорилъ, смотритъ не на мѣру подаваемаго, но на намѣреніе подающихъ. И будучи бѣднымъ и подавая мало, можно получить все, потому что Богъ требуетъ того, что по силамъ; и ни богатство не ведетъ къ небу, ни бѣдность къ геєннѣ, но къ тому или другому ведетъ добрая или злая воля. Итакъ, исправимъ ее, возстановимъ ее, устроимъ ее, и все для насъ будетъ удобно. Какъ плотникъ, желѣзная ли у него будетъ сѣкира или золотая, одинаково обдѣлываетъ бревна, и даже лучше желѣзною,—такъ и здѣсь: добродѣтель гораздо удобнѣе совершается при бѣдности. Вѣдь о богатствѣ говоритъ Христосъ: *удобѣе есть велбуду сквозѣ иглины уши проити, неже богату въ царствіе небесное* (Мѳ. XIX, 24). О бѣдности же ничего подобнаго не сказалъ, но говоритъ даже противное: *елика имаши, продаждь, и даждь нищимъ, и ходи въ слѣдъ Мене* (Марк. X, 21), такъ какъ отъ свободной воли зависитъ послѣдованіе за Нимъ.

5. Итакъ, не будемъ убѣгать бѣдности, какъ бы зла, потому что она есть залогъ царствія; не будемъ также гоняться и за богатствомъ, какъ бы за благомъ, потому что неблагоразумныхъ оно губитъ; но во всякомъ состояніи, возводя взоръ свой къ Богу, будемъ, какъ должно, употреблять блага, дарованныя намъ отъ Него, и тѣлесную силу, и богатство, и все прочее. Неприлично намъ, созданнымъ Богомъ, употреблять эти блага на другое, а не для Создателя нашего. Онъ далъ тебѣ глаза? Для Него и употребляй ихъ, а не для діавола. Какъ же употреблять для Него? Разсматривай Его творенія, и прославляй Его, и не обращай взоровъ на женщинъ. Онъ далъ тебѣ руки? Для Него и употребляй ихъ, а не для діавола; не на хищеніе и любостяжаніе, а на исполненіе заповѣдей и на благотворенія; простирай ихъ въ продолжительныхъ молитвахъ и на помощь падшимъ. Онъ далъ тебѣ уши? Для Него и употребляй ихъ, а не для слушанія шумныхъ пѣсенъ и срамныхъ разсказовъ: *вся бо повѣсть твоя*, сказано, *въ законѣ Вышняго* да будетъ (Сир. IX, 20); и еще: *во множествѣ старѣйшинъ ставай, и аще*

кто премудръ, тому прилѣпися (VI, 35). Онъ далъ тебѣ уста? Пусть же не произносятъ они ничего неблагоугоднаго Ему, но
262 поютъ псалмы, гимны, духовныя пѣсни: *да дадутъ благодать слышащимъ* (Ефес. IV, 29), въ созиданіе, а не на разореніе, на славословіе, а не на злорѣчіе, не на клеветы, но на все противное. Онъ далъ тебѣ ноги для того, чтобы ты спѣшилъ не ко злу, но къ добру. Онъ далъ тебѣ желудокъ не для того, чтобы ты слишкомъ наполнялъ его, но чтобъ жилъ воздержно. Онъ вложилъ вожделѣніе для дѣторожденія, а не для блуда и прелюбодѣйства. Далъ тебѣ умъ не для того, чтобы ты хулилъ, не для того, чтобы поносилъ Его, но чтобы прославлялъ. Далъ и деньги, чтобы мы употребляли ихъ какъ должно; далъ силу, чтобы и ее употребляли какъ должно. Далъ искусства для поддержанія жизни, а не для того, чтобы мы уклонялись отъ духовныхъ занятій; для того, чтобъ изучали искусства не пустыя, но необходимыя; для того, чтобы другъ другу служили, а не козни строили другъ противъ друга. Далъ кровъ, но для того, чтобъ онъ защищалъ только отъ дождя, а не для того, чтобъ былъ украшаемъ золотомъ, а бѣднякъ погибалъ бы съ голоду. Далъ одежды для того, чтобы мы прикрывались ими, а не тщеславились; не для того, чтобы на нихъ много было золота, а Христосъ умиралъ бы нагой. Далъ домъ не для того, чтобы ты жилъ въ немъ одинъ, но чтобы принималъ и другихъ. Далъ землю не для того, чтобы ты, отдѣливши себѣ большую часть ея, тратилъ блага Божьи на блудницъ, плясуновъ, актеровъ, флейтщиковъ и арфистовъ, но на алчущихъ и нуждающихся. Далъ тебѣ море, чтобы ты плавалъ, чтобы не утруждался отъ путешествія, а не для того, чтобы ты изслѣдовалъ глубины его и извлекалъ оттуда камни и т. п., не для того, чтобы ты занимался этимъ. Итакъ, для чего же, скажешь, камни? Скажи мнѣ лучше ты, для чего камни, и почему они столь драгоцѣнны? По внутреннему ли достоинству, или пользѣ? Но болѣе полезны недрагоцѣнные. Они по крайней мѣрѣ годны для строенія, а тѣ ни къ чему не годны; при томъ же они и крѣпче. Но, скажешь, драгоцѣнные составляютъ украшеніе. Какъ? Это предразсудокъ. Бѣлѣе ли они? Нѣтъ, не бѣлѣе самаго бѣлаго мрамора; даже и не равняются ему. Крѣпче ли? Едва ли кто-нибудь это скажетъ. Быть можетъ полезнѣе, больше? И этого нѣтъ. Почему же ими восхищаются? Не почему другому, какъ по предразсудку. Если они не красивѣе,—такъ какъ найдемъ свѣтлѣе и бѣлѣе ихъ,—если не полезнѣе, не крѣпче, то почему же такъ восхищаются? Не по одному ли предразсудку? Для чего же Богъ далъ ихъ? Не Онъ далъ, а ты почелъ ихъ за нѣчто великое. А почему, скажешь, Писаніе представляетъ ихъ важными?

Оно говоритъ уже сообразно твоему понятію, подобно тому, какъ и учитель, разговаривая съ дитятей, часто представляетъ важнымъ то, къ чему хочетъ склонить его и привлечь. Что ты ищешь красоты въ одеждѣ? Надѣвай на себя одежду и обувь, этимъ украшайся, этимъ довольствуйся. *Вожделѣнны*, говоритъ Давидъ, *паче злата и камене честна многа судьбы Божія* (Псал. xviii, 11); а о красивыхъ одеждахъ сказалъ ли гдѣ-нибудь? Не полезны онѣ, возлюбленные! Если бъ онѣ были полезны, то Богъ не повелѣлъ бы пренебрегать ими. А божественное Писаніе гово- 263
ритъ приспособительно къ нашему понятію,—и это дѣло человѣколюбія Божія. Для чего же, скажешь, Богъ далъ порфиру, и тому подобное? Это—дѣло величія Божія. Онъ благоволилъ явить богатство Свое и въ другихъ вещахъ: такъ, Онъ далъ тебѣ одну пшеницу; а ты приготовляешь многое—пироги, разнородные и разновидные пирожки, весьма вкусные. Впрочемъ все это изобрѣло и тщеславіе: тебѣ показалось, что это будетъ всего превосходнѣе. А если бы какой-нибудь чужестранецъ или сельчанинъ, не употреблявшій ихъ, видя, что ты ими восхищаешься, спросилъ тебя, почему ты восхищаешься,—что бы ты отвѣтилъ? Что хороши на взглядъ? Нѣтъ. Итакъ, оставимъ такой предраз- 264
судокъ, и возлюбимъ непреложно истинное, а не то, что не существуетъ, а лишь проходитъ подобно протекающей рѣкѣ. Поэтому, прошу, поставимъ себя на камнѣ, чтобы и избѣжать удобопревратнаго, и получить будущія блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XI.

Но яже ми бяху пріобрѣтенія, сія вмѣнихъ Христа 263
ради тщету. Но убо и вмѣняю вся тщету быти за превосходящее разумѣніе Христа Іисуса Господа моего, егоже ради всѣхъ оттщетихся, и вмѣняю уметы быти, да Христа пріобрящу, и обрящуся въ Немъ, не имый моея правды, яже отъ закона, но яже вѣрою Іисусъ Христовою, сущую отъ Бога правду въ вѣрѣ, яко разумѣти Его, и силу воскресенія Его (Филип. iii, 7—10).

1. Въ спорахъ съ еретиками надобно препираться мыслями сильными, и непрестанно. Не давая имъ нисколько времени отдохнуть, можно такимъ образомъ привести ихъ полчище въ смяте-

ніе, и совершенно преодолѣть. Потому, желая отъ Писанія приготовить васъ къ такимъ спорамъ, чтобы вы могли и этимъ способомъ заграждать уста возражателей, я начинаю настоящую бесѣду свою концемъ прежней. Какой же, скажутъ, былъ конецъ той? Апостолъ, перечисливши всѣ отличія іудейскія, какъ отъ природы, такъ и отъ свободной воли, присовокупилъ: *но яже мй бяху пріобрѣтенія, сія вмѣнихъ вся тщету быти за превосходящее разумѣніе Христа Іисуса Господа моего, егоже ради всѣхъ оттщетихся, и вмѣняю уметы быти, да Христа пріобрящу*. На эти слова нападаютъ еретики. Вотъ и то—дѣло премудрости Духа, что Онъ допустилъ имъ надѣяться на побѣду, чтобы они предприняли борьбу. Если бы (апостолъ) сказалъ ясно, то они поступили бы съ этими словами такъ же, какъ поступали съ другими: бросили бы книги, отреклись бы отъ Писанія, будучи совершенно не въ силахъ смотрѣть на него. Но, какъ поступаютъ при ловлѣ рыбы, именно—то, чѣмъ можно поймать ее, не открыто ставятъ, а скрываютъ, почему она сама и набѣгаетъ,—такъ точно случилось и здѣсь, когда Павелъ назвалъ законъ тщетою. Законъ у него названъ уметами, названъ тщетою: невозможно, говоритъ онъ, пріобрѣсть Христа, если бы я не почелъ закона тщетою. Это все заманило еретиковъ принять это мѣсто, какъ благопріятствующее имъ. Когда же они приняли, то со всѣхъ сторонъ окружены были сѣтями. Что говорятъ эти нападающіе? Вотъ законъ названъ тщетою, вотъ названъ уметами: какъ же вы гово-
264 рите, что онъ Божій? Но и это самое служитъ въ пользу закона; а какъ, увидимъ изъ слѣдующаго. Вникнемъ тщательнѣе въ сказанное. (Апостолъ) не сказалъ, что законъ тщета, но *вмѣнихъ* его *тщету*; говоря о пріобрѣтеніи, не сказалъ—вмѣнихъ, но: *бяху пріобрѣтенія*, а говоря о тщетѣ, сказалъ: *вмѣнихъ*,—и справедливо: первое по природѣ таково, а послѣднее только по нашему мнѣнію. Итакъ что же? По словамъ апостола, законъ не тщета? Тщета, но *Христа ради*. Но теперь онъ сталъ пріобрѣтеніемъ. Законъ, говоритъ, не считался только, но былъ пріобрѣтеніемъ,—какъ бы такъ сказалъ: подумай, чего стоило людей, сдѣлавшихся по природѣ звѣрями, преобразить въ людей! Если бы не было закона, не была бы дана и благодать. Почему? Потому что онъ былъ (къ ней) какъ бы мостомъ. Когда нельзя съ весьма низкаго мѣста взойти на возвышенное, то ставится лѣстница; а кто взошелъ, тотъ хотя болѣе и не имѣетъ нужды въ лѣстницѣ, однакожъ поэтому не пренебрегаетъ ею, но остается еще благодарнымъ къ ней. Она поставила его въ такое состояніе, что онъ болѣе не имѣетъ нужды въ ней; и за это-то самое, что не имѣетъ нужды въ ней, онъ считаетъ справедливымъ изъявить ей благо-

дарность, потому что (безъ нея) не взошелъ бы. То же (должно сказать) и о законѣ. Онъ возвелъ насъ на высоту, потому былъ пріобрѣтеніемъ; но теперь мы почитаемъ его убыткомъ,—почему? Не потому, что онъ убытокъ, но потому, что благодать гораздо больше его. Голодный бѣднякъ, доколѣ имѣетъ серебро, избавляется отъ голода; а когда найдетъ золото, между тѣмъ не можетъ обладать тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, то обладаніе первымъ считаетъ убыткомъ и, бросивъ его, беретъ золото; бросаетъ же серебро не потому, что оно убытокъ,—оно неубыточно,—но потому, что ему нельзя взять и то и другое вмѣстѣ, а необходимо одно оставить. Такъ и здѣсь. Слѣдовательно убыточенъ не законъ, а отступленіе отъ Христа по привязанности къ закону; потому когда онъ отводитъ насъ отъ Христа, тогда бываетъ убыткомъ, а когда приводитъ къ Нему, то не бываетъ таковымъ. Вотъ почему (апостолъ) говоритъ: *Христа ради тщету*. Если же *Христа ради*, то (законъ) не по природѣ тщета. Почему же законъ не допускаетъ придти ко Христу? Онъ для того, скажешь, и данъ, и исполненіе закона Христосъ, и *кончина закона Христосъ* (Рим. x, 4). Допускаетъ, если мы будемъ вѣрить ему. Значитъ, кто вѣритъ закону, тотъ 266
оставляетъ самый законъ? Оставляетъ, если мы внимательны; а если невнимательны, то не оставляетъ. *Но убо и вмѣняю вся тщету быти* (Филип. III, 8). Что я отношу это къ закону только, говоритъ (апостолъ)? Міръ развѣ не благо? Настоящая жизнь развѣ не благо? Но если они удаляютъ меня отъ Христа, то я считаю и ихъ убыткомъ. Почему? *За превосходящее разумѣніе Христа Іисуса, Господа моего.* При солнечномъ освѣщеніи сидѣть за свѣчею—убытокъ,—такъ что убыткомъ становится (что-нибудь) отъ сравненія съ предметомъ превосходнѣйшимъ. Видишь ли, что—(у апостола) сравненіе? *За превосходящее*, говоритъ онъ, а не за что-нибудь разнородное, такъ какъ преимущество имѣетъ мѣсто между предметами однородными. Такимъ образомъ, выводя по сравненію превосходство одного разумѣнія предъ другимъ, (апостолъ) вмѣстѣ показываетъ и однородность ихъ. *Егоже ради всѣхъ оттщетихся, и вмѣняю уметы быти, да Христа пріобрящу. Уметы:* называетъ ли (апостолъ) законъ отбросомъ, еще не видно; вѣроятно, онъ называетъ такъ предметы міра. Сказавши: *яже ми бѣху пріобрѣтенія, сія вмѣнихъ Христа ради тщету*, говоритъ: *но убо и вмѣняю вся тщету*. Сказалъ—*вся*, т. е. и древнее и настоящее. Впрочемъ, если ты хочешь относить это и къ закону, то чрезъ это онъ не будетъ поруганъ. Отбросъ есть у пшеницы, и именно грубое у пшеницы есть отбросъ, т. е. мякина. Поэтому прежде пшеницы нуженъ отбросъ, и мы собираемъ его вмѣстѣ съ пшеницею; и если бы не было отброса, то не было бы и пшеницы. Это же надобно сказать и о законѣ.

2. Видишь, какъ (апостолъ) вездѣ называетъ убыткомъ вещь не саму въ себѣ, но Христа ради? *Но убо и вмѣняю вся тщету.* Почему? *За превосходящее*, говоритъ, *разумѣніе* Того, *егоже ради всѣхъ отщетихся.* Далѣе присовокупляетъ: потому *и вмѣняю вся тщету быти, да Христа пріобрящу.* Видишь, какъ онъ вездѣ опирается на Христа, и нигдѣ не позволяетъ безчестить и поносить законъ, но отвсюду ограждаетъ его. *И обрящуся въ Немъ, не имый моея правды, яже отъ закона* (ст. 9). Если имѣющій правду (отъ закона) прибѣгнулъ къ правдѣ (Христовой), потому что та ничего не значитъ, то не гораздо ли болѣе должны прибѣгать (ко Христу) тѣ, которые не имѣютъ ея? И хорошо онъ сказалъ: *не имый моея правды*, т. е. не той, которую стяжалъ я пòтомъ и трудами, говоритъ онъ, но той, которую пріобрѣлъ по благодати. Итакъ, если и добродѣтельный спасается по благодати, то тѣмъ болѣе вы. Вѣроятно, (филиппійцы) говорили, что правда, пріобрѣтаемая трудами, важнѣе; поэтому (апостолъ) и показываетъ, что эта правда предъ тою—отбросъ. Если бы я когда-либо совершилъ ее, то не отвергъ бы ея, и не прибѣгнулъ бы къ той. Какая же это правда? Та, которая бываетъ отъ вѣры Божіей, т. е., которая дана отъ Бога: вотъ правда Божія,—она всецѣло даръ Божій. Даръ же Божій гораздо превосходнѣе маловажныхъ добрыхъ дѣлъ, совершаемыхъ нашимъ стараніемъ. А что такое вѣра? *Въ вѣрѣ*, говоритъ, *еже разумѣти Его* (ст. 10). Итакъ, вѣрою пріобрѣтается познаніе (о Богѣ), и безъ вѣры невозможно познать Его. Какимъ образомъ? Вѣрою должно познавать силу воскресенія Его. Какое
266 въ самомъ дѣлѣ умствованіе убѣдитъ насъ въ воскресеніи? Никакое, а только одна вѣра. Если же воскресеніе Христово по плоти познается вѣрою, то какими умствованіями можетъ быть постигнуто рожденіе Бога Слова? Вѣдь воскресеніе менѣе рожденія. Почему? Потому что примѣровъ воскресенія было много, а примѣра такого рожденія ни одного; прежде Христа многіе умершіе воскресали, хотя воскресши и умирали, но отъ дѣвы не родился никто никогда. Итакъ, если и то, что менѣе важно рожденія по плоти, должно быть постигаемо вѣрою, то какъ можетъ быть постигнуто умствованіемъ то, что гораздо важнѣе, безконечно, несравненно важнѣе? Вотъ что составляетъ правду. Надобно вѣрить, что это могло быть, а какъ могло быть, этого невозможно представить. Отъ вѣры зависитъ и общеніе въ страданіяхъ. Какимъ образомъ? Если бы мы не вѣровали, то и не страдали бы; если бы не вѣровали, что спострадавши (Христу) мы будемъ и соцарствовать (Ему), то не терпѣли бы страданій. Итакъ, и рожденіе и воскресеніе постигается вѣрою. Видишь ли, что нужна вѣра не просто, но вѣра соединенная съ дѣлами? Тотъ преимуще-

ственно вѣруетъ, что Христосъ воскресъ, кто смѣло идетъ на опасности, кто имѣетъ общеніе въ Его страданіяхъ, такъ какъ имѣетъ общеніе съ воскресшимъ, съ живущимъ. Потому-то и сказалъ (апостолъ): *и обрящуся въ Немъ, не имый моея правды, яже отъ закона, но яже вѣрою Христовою, сущую отъ Бога правду въ вѣрѣ, еже разумѣти Его и силу воскресенія Его, и сообщеніе страстей Его, сообразуяся смерти Его, аще како достигну въ воскресеніе мертвыхъ* (ст. 10 и 11). *Сообразуяся*, говоритъ, *смерти Его*, т. е. участвуя въ ней, потому что какъ Онъ пострадалъ отъ людей, такъ и я. Вотъ почему (апостолъ) сказалъ, *сообразуяся;* и въ другомъ мѣстѣ: *исполняю лишеніе скорбей Христовыхъ во плоти моей* (Кол. I, 24), т. е. гоненія и страданія мои составляютъ этотъ образъ Его смерти, потому что (апостолъ) не своей пользы искалъ, но (пользы) многихъ. Потому и гоненія, и скорби, и тѣсныя обстоятельства не только не должны смущать васъ, но еще (должны) радовать, такъ какъ чрезъ нихъ мы сообразуемся смерти Іисуса Христа, такъ сказать—изображаемъ (Его въ себѣ), какъ и говоритъ (апостолъ) въ другомъ мѣстѣ: *мертвость Господа Іисуса въ тѣлѣ носяще* (2 Кор. IV, 10). Но и это происходитъ отъ великой вѣры, такъ какъ мы вѣруемъ не только тому, что Христосъ воскресъ, но и тому, что по воскресеніи Онъ имѣетъ великую силу,—почему и идемъ тѣмъ же путемъ, которымъ Онъ шелъ, т. е. дѣлаемся и поэтому братіями Ему, такъ сказать—дѣлаемся и поэтому христами. О, какъ велико достоинство страданій! Мы вѣруемъ, что чрезъ страданія мы сообразуемся смерти Его; какъ въ крещеніи мы *спогребохомся подобію смерти Его*, такъ здѣсь сообразуемся смерти Его. Правильно тамъ сказалъ (апостолъ): *подобію смерти Его* (Рим. VI, 5), такъ какъ мы не всецѣло умерли,—умерли не тѣломъ по плоти, но грѣху. Такъ какъ и то и другое называется смертію, Христосъ умеръ тѣломъ, а мы для грѣха, тамъ умеръ человѣкъ, котораго Онъ воспріялъ, человѣкъ въ 267
тѣлѣ нашемъ, а здѣсь человѣкъ грѣха,—то въ одномъ случаѣ (апостолъ) и сказалъ: *подобію смерти Его*, а въ другомъ—не подобію смерти, но самой смерти.

3. Такъ, Павелъ среди гоненій умеръ не для грѣха, но самимъ тѣломъ; а потому претерпѣлъ такую же смерть. *Аще како достигну*, говоритъ, *въ воскресеніе мертвыхъ* (Филип. III, 11). Что ты говоришь? Безъ сомнѣнія и всѣ достигнутъ его: *вси бо не успнемъ*, сказалъ (ты самъ), *вси же измѣнимся* (1 Кор. XV, 51), и не только воскресенія, но и нетлѣнія (достигнутъ) всѣ, одни къ чести, а другіе для наказанія. Если же всѣ достигнутъ воскресенія, и не только воскресенія, но и нетлѣнія, то для чего ты, какъ будто желая получить что-то особенное, сказалъ: *аще како*

достигну (Филип. ш, 11)? Я, говоритъ, для того и терплю это: *аще како достигну въ воскресеніе мертвыхъ*; а если не умрешь, то и не воскреснешь. Что это значитъ? Кажется, онъ дѣлаетъ намекъ здѣсь на что-то важное. Дѣйствительно, это было настолько важно, что онъ даже не рѣшился сказать о томъ прямо, но говоритъ только: *аще како*. Я увѣровалъ (какъ бы такъ говоритъ онъ) во Христа и въ Его воскресеніе, и даже страдаю за Него; но еще не могу быть совершенно увѣренъ въ своемъ воскресеніи. О какомъ воскресеніи говоритъ онъ здѣсь? О томъ, которое ведетъ къ самому Христу. Я, сказалъ (апостолъ), увѣровалъ въ Него и, въ силу воскресенія, участвую въ Его страданіяхъ и сообразуюсь смерти Его; но за всѣмъ тѣмъ я еще не совершенно увѣренъ,—что говоритъ и въ другомъ мѣстѣ: *мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. х, 12); и еще: *боюсь, да не како инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (ix, 27). *Не занс уже достигохъ, или уже совершихся, гоню же, аще и постигну, о немъ же и постиженъ быхъ отъ Христа Іисуса* (Филип. ш, 12). *Не зане уже достигохъ*. Что такое: *уже достигохъ*? Т. е. награды. Если же столько пострадавшій, если гонимый, если носящій мертвость еще не совсѣмъ былъ увѣренъ въ томъ воскресеніи, то что скажемъ мы? Что значатъ слова: *аще постигну?* То же, что и выше сказанныя—*аще достигну въ воскресеніе мертвыхъ*. Если я, говоритъ онъ, достигну Его воскресенія, т. е. если я смогу столько же пострадать, если смогу уподобиться Ему, если смогу сдѣлаться сообразнымъ Ему. Такъ, Христосъ много пострадалъ, былъ оплеванъ, заушаемъ, бичеванъ, наконецъ умеръ. И вотъ поприще: чрезъ все это должны достигать Его воскресенія и всѣ подвижники (Его). Такимъ образомъ или это (апостолъ) выражаетъ здѣсь, или слѣдующее: если я удостоюсь достигнуть славнаго воскресенія, соединеннаго съ упованіемъ, то достигну воскресенія Христова; если я совершу всѣ подвиги, то и воскресенія Его достигну, и возстану со славою. Теперь, говоритъ, я еще недостоинъ: *гоню же, аще и постигну*. Жизнь моя еще въ подвигахъ, я еще далекъ отъ цѣли, еще не близокъ къ наградамъ, еще бѣгу, еще гоню. Не сказалъ: бѣгу, но—*гоню*, и справедливо. Вы знаете, съ какимъ напряженіемъ стремится гонящій: онъ не смотритъ ни на кого, съ великимъ усиліемъ отталкиваетъ всѣхъ препятствующихъ, и умъ, и взоры, и силу, и душу, и тѣло
268 устремляетъ къ одному, не имѣя въ виду ничего другого, кромѣ награды. Если же и Павелъ, такъ гонящій, столько пострадавшій, говоритъ еще: *аще и постигну*, то что скажемъ мы, лежащіе на боку? Далѣе, желая показать, что это составляетъ обязанность, (апостолъ) говоритъ: *о немже и постиженъ быхъ отъ Христа Іисуса*.

Я былъ, говоритъ, изъ числа погибающихъ, утопалъ, былъ близокъ къ погибели; но Богъ спасъ меня, такъ какъ Онъ гонится за нами—убѣгающими отъ Него съ великою стремительностію. Все это (апостолъ) и выражаетъ, именно словами: *постиженъ быхъ* указалъ и на ревность Бога, желающаго настигнуть насъ, и на наше великое отвращеніе отъ Него и заблужденіе, и на то, что мы убѣжали отъ Него.

4. Потому достойно слезъ, что всѣ мы пришли опять въ прежнее состояніе и сдѣлались великими должниками, а между тѣмъ никто изъ насъ не печалится (о томъ), никто не плачетъ, никто не стенаетъ. Не подумайте, что я говорю это притворно. Какъ до пришествія Христова мы удалялись отъ Бога, такъ удаляемся отъ Него и нынѣ, а удаляться можно отъ Бога не мѣстомъ,—такъ какъ Онъ вездѣсущъ,—но дѣлами. Что мѣстомъ нельзя удалиться отъ Него, объ этомъ послушай, какъ говоритъ пророкъ: *камо пойду отъ Духа Твоего, и отъ лица Твоего камо бѣжу* (Псал. cxxxviii, 7)? Итакъ, какъ же можно убѣжать отъ Бога? Такъ же, какъ можно быть далеко отъ Него, такъ же, какъ можно удалиться отъ Него: *удаляющіи себе отъ Тебе*, говорится, *погибнутъ* (lxxii, 27); и еще: *не грѣси ли ваши разлучаютъ между Мною и вами* (Иса. lix, 2)? Какъ же бываетъ это удаленіе (отъ Бога)? Какъ же бываетъ это отлученіе? Произволеніемъ и душею, а мѣстомъ невозможно: кто жъ можетъ убѣжать отъ Вездѣсущаго? Только грѣшникъ убѣгаетъ отъ Него. Объ этомъ говоритъ и Писаніе: *бѣгаетъ нечестивый, ни единому же гонящу* (Притч. xxviii, 1). Мы стремительно убѣгаемъ отъ Бога, хотя Онъ всегда гонится за нами. Апостолъ стремился приблизиться къ Нему, а мы стремимся удалиться отъ Него. Не достойно ли это плача? Не достойно ли это слезъ? Куда бѣжишь ты, бѣдный и несчастный? Куда бѣжишь ты отъ жизни и спасенія своего? Если убѣжишь отъ Бога, то у кого будешь имѣть прибѣжище? Если убѣжишь отъ свѣта, то какъ будешь видѣть? Если убѣжишь отъ жизни, то какъ послѣ того жить будешь? Будемъ лучше убѣгать отъ врага спасенія нашего. Когда мы грѣшимъ, то мы убѣгаемъ отъ Бога, уходимъ, удаляемся отъ Него въ чужую землю, подобно тому расточителю отцовскаго имущества, который, отшедши въ чужую страну и растративъ все отцовское имѣніе, терпѣлъ голодъ. И у насъ есть отцовское имѣніе. Какое? (Богъ) освободилъ насъ отъ грѣховъ, даровалъ намъ силу и крѣпость для совершенія добродѣтели, даровалъ намъ ревность и терпѣніе, въ крещеніи даровалъ намъ Духа Святаго. Если мы расточимъ это, то послѣ будемъ терпѣть голодъ. И какъ больные, доколѣ страждутъ отъ горячки и поврежденія соковъ, ни встать, ни заняться ничѣмъ, ни

дѣйствовать не могуть: а если и по освобожденіи ихъ кѣмъ-либо отъ болѣзни. и по возвращеніи имъ здоровья ничѣмъ не занимаются, то это зависитъ уже отъ нхъ собственнаго нерадѣнія,—такъ точно бываетъ съ нами. Мы одержимы были жестокою
269 болѣзнію, сильною горячкою, и лежали не на одрѣ, но въ самомъ злѣ, погрязши въ нечестіи, какъ въ навозѣ, покрытые ранами, смердящіе, скверные, изможденные, и болѣе статуи, нежели люди; насъ окружали злые демоны, князь этого міра издѣвающійся и нападающій. Пришелъ къ намъ Единородный (Сынъ) Божій, простеръ лучи Своего присутствія,—и тотчасъ прогналъ тьму; пришелъ къ намъ Царь, сый на престолѣ Отчемъ, оставивъ Отчій престолъ (а когда я говорю: оставивъ, ты не представляй перемѣны мѣста, потому что и небо и землю наполняетъ Онъ,—я говорю это только по отношенію къ домостроительству); пришелъ къ врагу, который ненавидитъ Его, отвращается отъ Него, не можетъ видѣть Его, каждодневно хулитъ Его. Увидѣлъ, что (врагъ) лежитъ въ навозѣ, источенъ червями, одержимъ горячкою и голодомъ, подверженъ всякаго рода болѣзни. И горячка мучила его,—это похоть злая,—и отъ воспаленія страдалъ онъ,—это гордость,—и такъ называемый волчій голодъ мучилъ его,—это любостяжаніе,—были и гнилыя раны у него,—это блудъ,—и слѣпота очей,—это идолослуженіе,—и глухота и помѣшательство ума,—это поклоненіе камнямъ и деревамъ и бесѣды съ ними,—и великое безобразіе,—это нечестіе, нѣчто отвратительное и болѣзнь тягчайшая. Увидѣлъ, что мы говоримъ еще хуже бѣснующихся, и дерево и камень называемъ Богомъ; увидѣлъ насъ въ такомъ нечестіи и—не возгнушался, не огорчился, не отвратился, не возненавидѣлъ. Такъ какъ Онъ Владыка, то и не возненавидѣлъ Своего творенія. Но что дѣлаетъ? Какъ наилучшій врачъ, Онъ приготовляетъ многоцѣнныя лѣкарства и самъ первый вкушаетъ ихъ: Онъ первый совершилъ добродѣтель, и такимъ образомъ намъ преподалъ. И первое лѣкарство, какъ бы нѣкоторое противоядіе, Онъ далъ намъ купѣль, которою мы освободились отъ всякаго зла—и все вдругъ прошло: воспаленіе кончилось, горячка прекратилась, и гнилыя раны подсохли. Все, что происходитъ и отъ любостяжанія, и отъ ярости, и всякое другое зло истреблено Духомъ; отверзлись очи, отверзся слухъ,
270 языкъ началъ говорить хорошо, душа получила силу, тѣло получило красоту и цвѣтъ такой, какой прилично имѣть Сыну Божію, рожденному отъ благодати Духа,—такую славу, какую прилично имѣть новорожденному и воспитываемому въ порфирѣ царскому сыну. О, какое благородство даровано намъ, а мы остаемся неблагодарными къ такъ возлюбившему насъ! Мы ро-

ждены, воспитаны, облагодѣтельствованы: зачѣмъ же мы опять удаляемся отъ Благодѣтеля? Кто все это сдѣлалъ, Тотъ конечно дастъ и силу; иначе мы, будучи подвержены болѣзни, не могли бы переносить ея, когдабъ Онъ не далъ намъ силы. Онъ даровалъ намъ оставленіе грѣховъ, а мы отвергли этотъ даръ; Онъ даровалъ намъ богатство, а мы растратили его, промотали все; даровалъ намъ крѣпость, а мы истощили ее; даровалъ намъ благодать, а мы погасили ее. Какимъ образомъ? Расточили ее вовсе не на должное, употребили вовсе на безполезное. Это-то и погубило насъ, и всего хуже то, что, находясь въ странѣ чужой и питаясь рожцами, мы не говоримъ: возвратимся къ Отцу и скажемъ: согрѣшили на небо и предъ Тобою (Лук. xv, 18)!—между тѣмъ какъ имѣемъ Отца, Который столь нѣжно любитъ насъ и сильно желаетъ нашего возвращенія. Только бы мы отстали отъ нечестія, только бы мы возвратились къ Нему,—Онъ не станетъ потомъ упрекать насъ за прежніе грѣхи. Отстанемъ только,—возвращеніе—уже достаточное оправданіе. Что я говорю: Онъ не станетъ упрекать? Онъ не только самъ не упрекаетъ, но если и другой упрекаетъ, то Онъ заграждаетъ уста, хотя бы упрекающій былъ и благонамѣренный. Итакъ возвратимся: доколѣ будемъ въ удаленіи отъ Него? Восчувствуемъ свое безчестіе, восчувствуемъ свою бѣдность: нечестіе дѣлаетъ насъ свиньями, нечестіе мучитъ душу голодомъ. Войдемъ опять въ самихъ себя, образумимся и возвратимся къ прежнему благородству, чтобы сподобиться будущихъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XII.

Братіе, азъ себе не у помышляю достигша: едино же, задняя убо забывая, въ предняя же простираяся, гоню къ цѣли, къ почести вышняго званія Божія о Христѣ Іисусѣ (Филип. ш, 13 и 14). 269

1. Ничто такъ не дѣлаетъ тщетными нашихъ добродѣтелей и не надмеваетъ насъ, какъ памятованіе о содѣланномъ нами добрѣ. Оно производитъ двоякое зло: дѣлаетъ насъ безпечнѣйшими и гордыми. Потому-то Павелъ, знавшій, что природа наша очень наклонна къ безпечности, и много похваливишій филиппійцевъ, смотри, какъ удерживаетъ ихъ отъ гордости, сверхъ многихъ другихъ предложенныхъ выше, особенно настоящими сло-

вами. Что онъ говорить? *Братіе, азъ себе не у помышляю достигша.*
270 А если и Павелъ еще не достигъ и не имѣетъ полной увѣренности въ своемъ воскресеніи и въ будущемъ, то едва ли (возможно это) для тѣхъ, которые не совершили и малѣйшей части его добродѣтелей. (Апостолъ) выражаетъ своими словами слѣдующее: я еще не считаю себя достигшимъ полнаго совершенства,—говоря такъ, какъ сказалъ бы кто о скороходѣ: онъ еще не достигъ. Я еще не все, говоритъ, совершилъ. Правда, въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *подвигомъ добрымъ подвизахся* (2 Тим. IV, 7), а здѣсь: *не у помышляю достигша*; но кто прочитаетъ оба эти мѣста, тотъ пойметъ причину тѣхъ и другихъ словъ. Не всегда же надобно повторять одно и то же, не всегда же внушать намъ все, даже и то, что эти слова имъ сказаны гораздо прежде, а тѣ предъ кон-
271 чиною. *Не у помышляю*, говоритъ, *достигша*, но объ одномъ только думаю,—чтобы простираться впередъ; это и значатъ его слова: *едино, задняя убо забывая, въ преднян же простираяся, гоню къ цѣли, къ почести вышняго званія Божія о Христѣ Іисусѣ* (Филип. III, 13, 14). Смотри, какъ онъ ясно показалъ этими словами, что побуждало его простираться впередъ. Такъ, кто думаетъ о себѣ, что онъ уже совершенъ и что нѣтъ у него никакого недостатка для полноты добродѣтели, тотъ и перестаетъ стремиться, какъ достигшій всего; напротивъ, кто думаетъ, что онъ еще далекъ отъ цѣли, тотъ никогда не перестанетъ стремиться къ ней. Это и мы всегда должны помышлять, хотя бы мы совершили и весьма много добраго. Если Павелъ послѣ безчисленныхъ смертей, послѣ столькихъ бѣдъ помышлялъ объ этомъ, то тѣмъ болѣе мы. Я не упалъ (духомъ), говоритъ (апостолъ), и не пришелъ въ отчаяніе отъ того, что, совершивши такое поприще, не достигъ, но еще стремлюсь, еще подвизаюсь. Я имѣю въ виду только то, какъ бы успѣть дѣйствительно. Такъ надобно поступать и намъ — забывать добрыя дѣла и оставлять ихъ позади себя. Скороходъ думаетъ не о томъ, сколько онъ пробѣжалъ поприща, но о томъ, сколько ему остается еще. И мы будемъ помышлять не о томъ, сколько совершили добрыхъ дѣлъ, но о томъ, сколько еще остается намъ (совершить). Что пользы отъ того, что мы сдѣлали, когда еще остается что-либо не додѣланнымъ? И (апостолъ) не сказалъ: не помышляю, не помню, но: *забывая*, чтобы сдѣлать насъ внимательнѣе, такъ какъ мы тогда дѣлаемся ревностнѣйшими, когда все усердіе прилагаемъ къ тому, что еще не сдѣлано, когда сдѣланное предаемъ забвенію. *Простираяся*, говоритъ, мы стараемся взять что-либо прежде, нежели достигли. Кто простирается, тотъ старается предупредить свои ноги, еще бѣгущія, остальными частями тѣла, протягиваясь впередъ и вытягивая свои руки, чтобы какъ-нибудь

выгадать въ бѣгѣ. Но это происходитъ отъ великаго усердія, отъ сильнаго желанія. Такъ-то надлежитъ стремиться тому, кто стремится, съ такимъ-то тщаніемъ, съ такимъ-то усердіемъ, а не на боку лежа; но сколько различается лежащій на боку отъ стремящагося сказаннымъ образомъ, столько различаемся и мы отъ Павла. Онъ каждодневно умиралъ, каждодневно пріобрѣталъ славу; не было случая, не было времени, когда бы его стремленіе не увеличивалось; онъ хотѣлъ восхитить, а не получить награду, потому что такимъ образомъ можно и получить ее. На небѣ пребываетъ Тотъ, Кто даетъ награду; на небѣ уготована награда.

2. Смотри, какое пространство: его-то нужно пробѣжать; смотри, какая высота: туда-то нужно взлетѣть на крыльяхъ духа: а иначе нельзя пролетѣть на эту высоту. Туда должно перейти съ тѣломъ; и это возможно: *наше бо житіе на небесѣхъ есть* (ст. 20). Тамъ наша награда. Видишь ли, какъ правильно живутъ тѣ, которые состязаются въ бѣгѣ? Какъ они не позволяютъ себѣ ничего, что ослабляетъ ихъ силы? Какъ они каждодневно упражняются въ палестрѣ подъ руководствомъ учителя и съ соблюденіемъ правилъ? Подражай имъ и ты, а лучше—покажи усердіе еще большее, такъ какъ награда неодинакова и много препятствующихъ; живи по закону, такъ какъ есть много такого, что ослабляетъ силы; укрѣпи голени ногъ твоихъ, такъ какъ это возможно, и зависитъ не отъ природы, но отъ свободной воли. Облегчимъ движеніе, чтобы остальной грузъ не препятствовалъ быстротѣ ногъ. Пріучи ноги твои ступать твердо: много вѣдь мѣстъ скользкихъ, и если ты упадешь, то много потеряешь. Впрочемъ, если и упадешь, вставай, потому что и въ такомъ случаѣ можно побѣдить. Никогда не ступай на предметы скользкіе, и ты не упадешь; бѣги по мѣстамъ твердымъ, головой къ небу, глазами къ небу, какъ совѣтуютъ и наставники упражняющимся въ бѣганіи: такимъ образомъ укрѣпляется сила. Если же наклонишься, то упадешь, ослабѣешь. Вверхъ гляди,—туда, гдѣ находится награда: самый видъ награды усиливаетъ рѣшимость, боязнь пораженія не даетъ чувствовать усталости, и дѣлаетъ то, что долгій путь представляется короткимъ. Какая же это награда? Не финиковая вѣтвь, но что? Царство небесное, вѣчный покой, слава со Христомъ, наслѣдіе, братство, безчисленныя блага, какихъ невозможно выразить. Нельзя изъяснить красоты этой награды: постигаетъ ее только тотъ, кто получилъ ее, и тотъ, кто имѣетъ получить ее. Она не изъ золота, не изъ драгоцѣнныхъ камней, но гораздо драгоцѣннѣе ихъ: золото предъ этой наградою—грязь, драгоцѣнные камни предъ красотой награды - кир-

почти. Если ты, удостоившись ея, отойдешь на небо, то великою
честію будешь пользоваться тамъ: съ такою наградой будутъ
почитать тебя и ангелы, съ великимъ дерзновеніемъ ты будешь
обращаться со всѣми. *О Христѣ Іисусѣ* (ст. 14). Смотри, какъ
хорошо разсуждаетъ (апостолъ). *О Христѣ Іисусѣ*, говоритъ, я
дѣлаю это (т. е. стремлюсь къ почести). Безъ Его содѣйствія
нельзя пройти такого пространства: для этого потребна великая
помощь, великое содѣйствіе. Богу угодно, чтобы ты подвизался
на землѣ, а вѣнецъ получилъ на небѣ, не такъ, какъ здѣсь: земной вѣнецъ дается на мѣстѣ подвига, а тотъ вѣнецъ дается въ
мѣстѣ свѣтломъ. Да не видите ли, что и здѣсь тѣхъ борцовъ и
наѣздниковъ, которыхъ особенно отличаютъ, не увѣнчиваютъ на
зрѣлищѣ, внизу: но наверхъ призвавъ, тамъ царь вѣнчаетъ ихъ.
Подобнымъ образомъ и ты получишь награду на небѣ. *Елицы убо
совершенни,* продолжаетъ (апостолъ), *сіе да мудрствуимъ: и еже
аще ино что мыслите, и сіе Богъ вамъ открыетъ* (ст. 15). Что такое—*сіе?* То, что заднее должно забывать, почему свойство совершеннаго—не считать себя совершеннымъ. Какъ же ты говоришь: *елицы совершенни?* Такъ ли мы разсуждаемъ, какъ ты разсуждаешь, скажи мнѣ? Если ты не достигъ и не усовершился,
то почему же совершеннымъ повелѣваешь мудрствовать то же,
что самъ мудрствуешь, не будучи еще самъ совершеннымъ? Потому, говоритъ, что это и составляетъ совершенство. *И еже аще
ино что мыслите, и сіе Богъ вамъ открыетъ*, т. е., если кто думаетъ (и иначе), что онъ совершилъ всѣ добродѣтели. (Апостолъ)
предостерегаетъ (филиппійцевъ), но сказалъ не такъ,—а что? *И
еже аще ино что мыслите, и сіе Богъ вамъ открыетъ.* Смотри, какъ
онъ скромно сказалъ это. Богъ васъ научитъ, т. е. Богъ васъ
увѣритъ, а не просто научитъ, потому что училъ Павелъ, но вразумлялъ Богъ; впрочемъ (апостолъ) не сказалъ—вразумитъ, но:
открыетъ, чтобы показать, что дѣло происходитъ преимущественно отъ невѣдѣнія. Это сказано не о догматахъ, но о совершенствѣ жизни, и о томъ, чтобы не считали себя совершенными,
273 такъ какъ кто думаетъ о себѣ, что онъ уже достигъ всего, тотъ
не имѣетъ ничего. *Обаче въ неже достигохомъ, тоже да мудрствуемъ,
тѣмже правиломъ жительствуемъ* (ст. 16). *Обаче въ неже достигохомъ:* что это значитъ? Это значитъ: а между тѣмъ будемъ держаться того, что мы совершили, т. е. любви, единомыслія, мира.
Это мы совершили. *Въ неже достигохомъ, тоже да мудрствуемъ,
тѣмже правиломъ жительствуемъ. Въ неже достигохомъ,* т. е. что
мы уже совершили. Видишь ли, что онъ свое ученіе хочетъ поставить правиломъ? Правило не терпитъ ни прибавленія, ни убавленія: иначе оно перестаетъ быть правиломъ. *Тѣмже правиломъ*,

т. е. тою же вѣрою, тѣмъ же наставленіемъ. *Подобни ми бывайте, братіе, и смотряйте тако ходящія, якоже имате образъ насъ* (ст. 17). Вышесказанными словами: *блюдитеся отъ псовъ*, (апостолъ) отклонялъ (филиппійцевъ отъ злыхъ людей), а теперь обращается къ тѣмъ, кому они должны подражать. Если кто хочетъ, говоритъ, подражать намъ, если кто (хочетъ) идти тѣмъ же путемъ, то помните слѣдующее: хотя я и не съ вами, но вы знаете образъ моего хожденія, т. е. препровожденія жизни. Онъ училъ не словами только, но и дѣлами,—подобно тому, какъ въ хорѣ и въ войскѣ всѣ должны послѣдовать правящему хоромъ или войскомъ, и такимъ образомъ дѣйствовать стройно; а стройность можетъ нарушиться и отъ остановки.

3. Итакъ, апостолы были образцомъ, заключая въ себѣ черты, служащія какъ бы нѣкоторымъ первообразомъ. Подумайте, какъ строга была жизнь ихъ, когда они поставлены первообразомъ и примѣромъ и одушевленными законами! То самое, что говорило Писаніе, они показывали всѣмъ своими дѣлами. Вотъ наилучшій способъ ученія: такимъ образомъ учитель можетъ наставить своего ученика. Но если онъ говоритъ и разсуждаетъ хорошо, а дѣлаетъ худо, то онъ еще не учитель: разсуждать на словахъ легко можетъ и ученикъ, потребно же наставленіе и руководство дѣлами. Это и учителя дѣлаетъ почтеннымъ, и ученика располагаетъ къ послушанію. Какимъ образомъ? Когда (ученикъ) замѣтитъ, что (учитель) только разсуждаетъ на словахъ, то скажетъ, что онъ требуетъ невозможнаго, а что (требуетъ) невозможнаго, самъ же учитель первый доказываетъ своимъ неисполненіемъ; но если ученикъ увидитъ, что добродѣтель совершается на дѣлѣ, то уже не можетъ этого сказать. Впрочемъ, хотя бы жизнь учителя была и небрежна, намъ должно быть внимательными къ себѣ и слушать пророка, который говоритъ, что будутъ всѣ *научены Богомъ* (Иса. LIV, 13); и: *не научитъ кійждо брата своего, глаголя: познай Господа, яко вси познаютъ Мя отъ мала даже и до великаго ихъ* (Іер. XXXI, 34). Ты не имѣешь добродѣтельнаго учителя? Но имѣешь учителя истиннаго, Кого одного и должно называть учителемъ. Отъ Него учитесь. Онъ сказалъ: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь* (Мѳ. XI, 29). Такъ, не тому учителю внимай, но этому и Его наставленіямъ. Съ Него бери примѣръ,— вотъ тебѣ прекрасный образецъ,—съ Нимъ сообразжайся. Въ Писаніи есть множество образцовъ добродѣтельной жизни,— перейди, если угодно, отъ учителя и къ ученикамъ: иной прославился нищетою, другой богатствомъ,—нищетою, наприм., Илія, 274
богатствомъ Авраамъ. Какая жизнь тебѣ кажется легче и удобнѣе, той и слѣдуй. Еще, иной прославился супружествомъ,

другой дѣвствомъ,—Авраамъ, наприм., супружествомъ, а тотъ (Илія) дѣвствомъ. Иди какимъ угодно путемъ: тотъ и другой ведетъ къ небу. Иной прославился постомъ, наприм. Іоаннъ, другой и безъ поста, какъ Іовъ. Сверхъ того послѣдній заботился и о женѣ, и о сыновьяхъ, и о дочеряхъ, и о домѣ, и имѣлъ великое богатство, а первый не имѣлъ ничего, кромѣ волосяной одежды. И что я говорю о домѣ, о богатствѣ и деньгахъ, когда, и будучи царемъ, можно стяжать добродѣтель? Въ царскомъ дворцѣ дѣлъ гораздо болѣе, нежели во всякомъ частномъ домѣ; однакожъ Давидъ прославился и будучи царемъ, порфира и діадема нисколько не разстроили его. Другой прославился и управляя цѣлымъ народомъ—я разумѣю Моисея,—что еще труднѣе, такъ какъ здѣсь было больше власти, а потому больше и трудности. Ты видѣлъ, что прославлялись и при богатствѣ и въ бѣдности, и въ супружествѣ и въ дѣвствѣ; теперь посмотри и на противоположную сторону, на погибавшихъ и въ супружествѣ и въ дѣвствѣ, и въ богатствѣ и въ бѣдности. Такъ, въ супружествѣ погибли многіе люди, наприм. Сампсонъ, не отъ супружества впрочемъ, но отъ своей воли; въ дѣвствѣ—пять дѣвъ; въ богатствѣ—тотъ богачъ, который презиралъ Лазаря; въ бѣдности и нынѣ погибаютъ весьма многіе нищіе. Могу показать многихъ, которые погибли въ царскомъ достоинствѣ и управляя народомъ. Но ты хочешь видѣть, спасаются ли и въ воинскомъ званіи? Посмотри на Корнилія. Спасаются ли домоправители? Посмотри на евнуха еѳіоплянки. Такимъ образомъ изъ всѣхъ примѣровъ видно, что когда мы пользуемся богатствомъ, какъ должно, то оно насъ не погубитъ, а если иначе, то все будетъ служить къ погибели—и царское достоинство, и бѣдность, и богатство. Кто остороженъ, тому ничто не можетъ сдѣлать вреда. Скажи мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлалъ ли какой вредъ плѣнъ? Нѣтъ. Припомни, что Іосифъ, и находясь въ рабствѣ, сохранилъ добродѣтель; припомни, что Даніилъ и три отрока были въ плѣну, и между тѣмъ прославились еще болѣе. Добродѣтель во всякомъ состояніи славна и бываетъ непобѣдима, и ничто не можетъ быть для нея препятствіемъ. Что я говорю о бѣдности, плѣнѣ и рабствѣ? Добродѣтели не могутъ причинить вреда ни голодъ, ни язва, ни болѣзнь,—а болѣзнь тяжелѣе и рабства. Таковъ былъ Лазарь, таковъ Іовъ, таковъ Тимоѳей, который былъ одержимъ частыми недугами.

Видишь ли, что ничто не можетъ побѣдить добродѣтели— ни богатство, ни бѣдность, ни власть, ни подчиненность, ни управленіе дѣлами, ни болѣзнь, ни безславіе, ни ссылка, что она, оставивъ все это долу, на землѣ, поспѣшаетъ на небо. Только

имѣй благородную душу, и не будетъ препятствія быть добродѣтельнымъ; когда дѣйствующій силенъ, то ничто внѣшнее не препятствуетъ ему. И въ искусствахъ, когда художникъ опытенъ, терпѣливъ и совершенно знаетъ искусство, то хотя бы постигла его болѣзнь, искусство при немъ, хотя бы онъ впалъ въ бѣдность, искусство при немъ, хотя бы онъ имѣлъ въ рукахъ инструментъ, хотя бы не имѣлъ, хотя бы работалъ, хотя бы не работалъ,
оно нисколько не умаляется, потому что знаніе находится въ 275
немъ самомъ. Такъ и добродѣтельный и преданный Богу человѣкъ равно является добродѣтельнымъ, находясь и въ богатствѣ и въ бѣдности, и въ болѣзни и въ здравіи, и въ славѣ и въ безславіи.

4. Не чрезъ все ли это прошли апостолы? *Славою*, сказано, *и безчестіемъ, гажденіемъ и благохваленіемъ* (2 Кор. VI, 8). Готовность на все—вотъ что дѣлаетъ подвижникомъ. Таково и свойство добродѣтели. Если же ты скажешь, что не могу управлять многими, что я долженъ жить въ одиночествѣ, то ты оскорбилъ добродѣтель. Она можетъ все употреблять въ свою пользу, и во всякомъ случаѣ обнаружиться, только пусть она будетъ въ твоей душѣ. Случается ли голодъ, случается ли обиліе,—она равно оказываетъ свою силу, какъ говоритъ Павелъ: *вѣмъ и избыточествовати и лишатися* (Филип. IV, 12). Нужно ли было трудиться? Онъ не стыдился, но два года трудился. Нужно ли было терпѣть голодъ? Онъ не ослабѣлъ, не колебался. Надлежало ли умереть? Не унывалъ, во всѣхъ обстоятельствахъ показывалъ благоразуміе, благородство и искусство. Будемъ же подражать ему и мы,—и для насъ не будетъ причины печалиться. Да и что, скажи мнѣ, можетъ опечалить такого человѣка? Ничто. Доколѣ никто не отнялъ у насъ добродѣтели, мы будемъ блаженнѣе всѣхъ людей и здѣсь, не только тамъ. Кто добродѣтеленъ, тотъ хотя имѣетъ и жену, и дѣтей, и деньги, и великую славу, при всемъ этомъ равно остается добродѣтельнымъ; отними у него это, онъ также пребудетъ добродѣтельнымъ, отъ несчастія не упадетъ, и отъ счастія не возгордится; какъ скала и во время морского волненія и во время тишины одинаково стоитъ непоколебимой, ни волнами не сокрушается, ни отъ тишины ничего не терпитъ,—такъ и душа твердая остается непоколебимой и во время тишины и во время волненія. И хотя дѣти, плывя въ лодкѣ, и пугаются, но кормчій сидитъ улыбаясь и спокойно, смотритъ и забавляется ихъ страхомъ: такъ и душа любомудрая, при благоразуміи, какъ бы на кормѣ и у руля, пребываетъ непоколебимой, тогда какъ всѣ остальные мятутся, или же, при перемѣнѣ обстоятельствъ,
не кстати смѣются. Что, скажи мнѣ, можетъ возмутить благора- 276

зумную душу? Смерть? Но (такая душа) знаетъ, что смерть есть начало лучшей жизни. Бѣдность? Но бѣдность помогаетъ ей въ добродѣтели. Болѣзнь? Но она считаетъ ее за ничто. И что я говорю о болѣзни? Тоже—и разслабленіе, и скорбь: вѣдь еще прежде она сама себя подвергла скорби. Безславіе? Но для нея распялся весь міръ. Потеря дѣтей? Но (такая душа) чужда страха: если она увѣрена въ воскресеніи, то что можетъ сокрушить ее? Ничто совершенно. Быть можетъ, богатство надмеваетъ? Нѣтъ: она знаетъ, что деньги—ничто. Такъ слава? Но ей внушено, что *всяка слава человѣча аки цвѣтъ травный* (Иса. XL, 6). Такъ удовольствія? Но она слышала слова Павла, что *питающаяся пространно жива умерла* (1 Тим. V, 6). Когда же она ни возносится, ни унижается, то что можетъ сравниться съ ея благосостояніемъ? Другія души однакоже не таковы, но мѣняются чаще моря и хамелеона. Потому-то и бываетъ весьма смѣшно, когда видишь, что одинъ и тотъ же то смѣется, то плачетъ, то чрезъ мѣру занятъ, то разсѣянъ. И когда Павелъ говоритъ: *не сообразуйтеся вѣку сему* (Рим. XII, 2), то не по другой какой-нибудь причинѣ, а по той, что наше жительство на небѣ, гдѣ нѣтъ измѣненія (Филип. III, 20). Намъ обѣщаны неизмѣняемыя награды: будемъ же проводить такую жизнь, за которую бы получить намъ вѣчныя блага. Зачѣмъ намъ бросаться въ эту пучину, въ эти волны, въ бурю и вихрь? Пребудемъ въ тишинѣ. Это вовсе не зависитъ ни отъ богатства, ни отъ бѣдности, ни отъ славы, ни отъ безславія, ни отъ болѣзни, ни отъ здоровья, ни отъ немощи, но (зависитъ) отъ души нашей. Если она тверда и хорошо наставлена въ наукѣ добродѣтели, то для нея все будетъ легко. Она и здѣсь уже увидитъ покой и тихое пристанище, а перешедши туда получитъ безчисленныя блага, которыхъ и да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIII.

**Мнози бо ходятъ, ихже многажды глаголахъ вамъ, ны- 275
нѣ же и плачя глаголю, враги креста Христова: имже
кончина погибель, имже богъ чрево, и слава въ студѣ
ихъ, иже земная мудрствуютъ. Наше бо житіе на небе-
сѣхъ есть, отонуду же и Спасителя ждемъ, Господа
Іисуса Христа, иже преобразитъ тѣло смиренія нашего,
яко быти ему сообразну тѣлу славы Его, по дѣйству
еже возмогати Ему и покорити Себѣ всяческая (Филип.
III, 18—21).**

1. Всего неприличнѣе и несвойственнѣе христіанину—искать праздности и покоя; ничто такъ не противно призванію нашему и воинствованію, какъ сильная привязанность къ настоящей жизни. Твой Владыка былъ распятъ, а ты ищешь покоя? Твой
Владыка былъ пригвожденъ, а ты предаешься удовольствіямъ? 276
Это ли дѣло благороднаго воина? Потому и Павелъ говоритъ: *мнози ходятъ, ихже многажды глаголахъ вамъ, нынѣ же и плачя глаголю, враги креста Христова*. Такъ какъ были люди, которые лицемѣрно держались христіанства, а жили въ праздности и нѣгѣ,—что противно кресту,—поэтому (апостолъ) и говоритъ такимъ образомъ. Крестъ составляетъ принадлежность души, выступившей на борьбу, готовой на смерть, и вовсе не ищущей покоя; а они живутъ совсѣмъ напротивъ. Итакъ, хотя они называютъ себя Христовыми, но они враги креста: иначе, если бы они любили крестъ, то старались бы проводить и жизнь свой-
ственную Распятому. Не распятъ ли былъ твой Владыка? Если 277
ты не можешь такъ же (распяться), можешь другимъ образомъ подражать ему: распинай самого себя, хотя бы и никто не распиналъ тебя; распинай, говорю, себя, не для того, чтобы умертвить себя,—отнюдь нѣтъ, это и беззаконно,—а по слову Павлову: *мнѣ міръ распяся, и азъ міру* (Гал. VI, 14).

Если ты любишь твоего Владыку, умри Его смертію: познай, какъ велика сила креста, какія благотворныя производилъ онъ и производитъ дѣйствія, какое онъ прибѣжище въ жизни. Имъ совершается все: крещеніе—крестомъ (такъ какъ должно принять печать), рукоположеніе—крестомъ, и вообще бываемъ ли на пути, или дома, или въ другомъ какомъ мѣстѣ,—крестъ великое благо, спасительное оружіе, непреодолимый щитъ, непріязненный діаволу. Итакъ, когда ты ратуешь противъ него, то уже несешь крестъ, не просто напечатлѣвая (на себѣ знаменіе креста), но претерпѣвая страданія креста. Христосъ крестомъ обыкновенно

называетъ страданія, когда говоритъ: *иже не пріиметъ креста своего, и въ слѣдъ Мене грядетъ* (Мѳ. XVI, 24), т. е., если кто не готовъ на смерть. А люди чувственные, любящіе жизнь и плоть, являются врагами креста; да и всякій, преданный удовольствіямъ и земному спокойствію, есть врагъ креста, которымъ Павелъ хвалится, который объемлетъ и съ которымъ онъ старается тѣсно соединиться, какъ это видно изъ словъ его: *мнѣ міръ распяся, и азъ міру. Нынѣ же*, говоритъ, *и плача глаголю*. Почему? Потому что зло усилилось, потому что таковые (люди) достойны слезъ. Въ самомъ дѣлѣ достойны слезъ тѣ, которые проводятъ жизнь въ удовольствіяхъ, которые одежду своей души, т. е. тѣло, утучняютъ, а вовсе не помышляютъ о наказаніяхъ въ будущей жизни. Вотъ ты живешь въ удовольствіи, вотъ упиваешься сегодня и завтра, и десять, и двадцать, и тридцать, и пятьдесятъ, и сто лѣтъ,—это невозможно, однакожъ допустимъ, если угодно. Какой же конецъ? Какая польза? Никакой. А потому не достойна ли слезъ и плача такая жизнь? Богъ поставилъ насъ на это поприще, чтобы увѣнчать насъ, а мы сходимъ съ него, не сдѣлавши ничего доблестнаго. Итакъ, Павелъ плачетъ о томъ, чему другіе смѣются, чѣмъ другіе услаждаются: столько-то онъ сострадателенъ, такъ-то онъ заботится о всѣхъ людяхъ! *Имже*, говоритъ, *богъ чрево*. Потому богъ у нихъ—*да ямы и піемъ* (1 Кор. XV, 22). Видишь ли, какъ худо удовольствіе? У однихъ богъ деньги, а у другихъ—чрево. Таковые не идолопоклонники ли, даже не хуже ли ихъ? *И слава*, говоритъ, *въ студѣ ихъ*. Нѣкоторые говорятъ, что этими словами указывается на обрѣзаніе; а я говорю совсѣмъ другое, именно вотъ что значатъ эти слова: они величаются тѣмъ, чего бы надлежало имъ стыдиться. То же говоритъ (апостолъ) въ другомъ мѣстѣ: *кій убо тогда имѣсте плодъ, о нихже нынѣ стыдитеся* (Рим. VI, 21)? Дѣлать постыдное—тяжкій грѣхъ; грѣхъ вполовину уменьшается, если дѣлающій стыдится; а когда кто еще хвалится постыднымъ, то это верхъ безчувствія. Но объ нихъ ли однихъ сказано это? Не подлежитъ ли кто изъ присутствующихъ здѣсь съ нами тому же обвиненію? Или никто изъ васъ не заслуживаетъ его? Никто не почитаетъ чрева богомъ? Не поставляетъ славы своей въ студѣ? Желаю, сильно желаю, чтобы подобнаго ничего нельзя было приложить къ намъ, желалъ бы даже не знать такого, кому бы сказанное можно было поставить въ упрекъ; но боюсь, не къ намъ ли болѣе, нежели
278 къ своимъ современникамъ, говоритъ (апостолъ). Вѣдь если кто всю жизнь тратитъ на то, чтобы пить и ѣсть, нищимъ удѣляетъ мало, а больше издерживаетъ на чрево,—то не прилично ли и къ такому отнести сказанное?

2. Ничто не можетъ болѣе возбудить стыдъ, и быть укоризненнѣе этого изреченія: *имже богъ чрево, и слава въ студѣ ихъ*. Кто это такіе? Тѣ, которые *земная мудрствуютъ*, которые говорятъ: мы построимъ домы. Гдѣ? На землѣ. Говорятъ: купимъ поля,—опять на землѣ; получимъ власть,—опять на землѣ; достигнемъ славы,—тоже на землѣ; разбогатѣемъ,—все на землѣ. Вотъ тѣ, *имже богъ чрево!* Тѣ, которые не думаютъ о духовномъ, которыхъ всѣ заботы и помышленія ограничиваются землею, поистинѣ имѣютъ богомъ чрево, говоря: *да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ* (1 Кор. XV, 32). И послѣ того ты еще сѣтуешь, что тѣло твое изъ земли, хотя это нисколько не вредитъ тебѣ по отношенію къ добродѣтели; между тѣмъ, скажи мнѣ, ты смѣешься и забавляешься, низводя удовольствіями душу до праха, и вовсе не думая объ этомъ? Какое же прощеніе получишь ты, повергнувъ себя въ такую безчувственность, тогда какъ и самое тѣло должно сдѣлать духовнымъ? И это возможно, если бы ты пожелалъ. Тебѣ дано чрево для того, чтобы питать, а не расширять его; чтобы управлять имъ, а не подчиняться ему; чтобы оно тебѣ служило для питанія прочихъ частей, а не ты ему служилъ,—не для того, чтобы ты выходилъ изъ границъ. Не столько золъ причиняетъ выступившее изъ береговъ море, сколько желудокъ вредитъ тѣлу нашему и вмѣстѣ душѣ. Море потопляетъ всю землю, а желудокъ (обременяетъ) все тѣло. Положи ему предѣломъ довольство, какъ Богъ оградилъ море пескомъ. И если онъ волнуется, если свирѣпствуетъ,—запрети ему властію тебѣ данною. Смотри, какъ Богъ почтилъ тебя разумомъ, чтобы ты подражалъ Ему; а ты не хочешь, но, видя желудокъ переполненнымъ и разстраивающимъ всю твою природу, и обращающимся въ болото, не смѣешь сдержать и сдѣлать умѣреннымъ. *Имже*, говоритъ, *богъ чрево*. Посмотримъ, какъ Павелъ служилъ Богу; посмотримъ, какъ и чревоугодники (служатъ) чреву. Не подвергаются ли они безчисленнымъ смертямъ? Не боятся ли отказать ему въ какомъ бы то ни было требованіи? Не раболѣпствуютъ ли ему даже въ невозможномъ? Не хуже ли они невольниковъ? Но Павелъ не таковъ, потому онъ и сказалъ: *наше житіе на небесѣхъ есть*. Не будемъ же и мы искать покоя здѣсь (на землѣ); пожелаемъ сдѣлаться славными тамъ, гдѣ и житіе наше. *Отонуду же*, говоритъ, *и Спасителя ждемъ, Господа Іисуса, иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его*. Постепенно возводитъ насъ: съ неба, говоритъ, Спаситель нашъ, доказывая величіе мѣстомъ и лицемъ. *Иже преобразитъ тѣло*, говоритъ, *смиренія нашего*. Тѣло наше нынѣ много терпитъ; его вяжутъ, бьютъ, оно претерпѣваетъ безчисленныя бѣды. Но и тѣло

Христово столько же терпѣло. На это онъ намекаетъ, говоря: *яко быти сему сообразну тѣлу славы Его.* Потому, хотя тѣло то же
279 самое, но облекается въ безсмертіе. *Преобразитъ,* говоритъ. Слѣдовательно (оно будетъ имѣть) и другой образъ; или же онъ такъ назвалъ измѣненіе въ несобственномъ смыслѣ. Сказалъ же—*тѣло смиренія нашего* потому, что оно нынѣ уничижено, подвержено тлѣнію, болѣзни: нынѣ оно кажется ничтожнымъ и ничѣмъ не лучше прочихъ (тѣлъ). *Яко быти сему,* говоритъ, *сообразну тѣлу славы Его.* Увы! Это тѣло будетъ сообразно тому тѣлу, которое сидитъ одесную Отца, которому покланяются ангелы, которому предстоятъ безплотныя силы, которое превыше всякаго начальства, власти и силы,—вотъ какому оно сообразно будетъ. Итакъ, если вся вселенная будетъ слезно оплакивать (людей), потерявшихъ эту надежду, то оплачетъ ли она достойно, что и при данномъ намъ обѣщаніи—*быти сему сообразну* тѣло наше отходитъ вмѣстѣ съ демонами? Я не упоминаю уже о гееннѣ; что бы ты ни сказалъ—все почитаю за ничто въ сравненіи съ такою потерею. Что ты говоришь, Павелъ? Тому ли сообразно будетъ? Да, говоритъ. А для удостовѣренія приводитъ и доказательство: *по дѣйству,* говоритъ, *еже возмогати Ему и покорити Себѣ всяческая.* Христосъ имѣетъ силу, говоритъ (апостолъ), покорить Себѣ все, слѣдовательно и тлѣніе и смерть, и преимущественно тою же самою силою Онъ сдѣлаетъ и это. И для чего, скажи мнѣ, потребно больше силы: покорить ли ангеловъ, и архангеловъ, и херувимовъ, и серафимовъ, и демоновъ, или сдѣлать тѣло нетлѣннымъ и безсмертнымъ? Безъ сомнѣнія гораздо болѣе для перваго, нежели для послѣдняго. Онъ показалъ большія дѣла Своей силы, чтобы ты и послѣднему повѣрилъ. Итакъ, хотя вы видите (міролюбцевъ) въ радости, хотя видите въ славѣ,—стойте, не соблазняйтесь ихъ примѣромъ, и не страшитесь. Надежда (на прославленіе тѣла) сильна возбудить самаго лѣниваго и сонливаго. *Тѣмже, братіе моя возлюбленная и вожделѣнная, радосте и вѣнче мой, тако стойте о Господѣ, возлюбленніи* (IV, 1). *Тако,*—какимъ образомъ? Какъ вы стояли непреклонными. Смотри, какъ онъ послѣ увѣщанія присовокупляетъ похвалы: *радосте и вѣнче мой.* Не только радость, но и слава; не только слава, но и вѣнецъ. Той славѣ ничего нѣтъ равнаго,—когда они составляютъ вѣнецъ Павла. *Тако стойте о Господѣ, возлюбленніи,* т. е. въ надеждѣ на Бога. *Еводію молю, и Синтихію молю, тожде мудрствовати о Господѣ. И молю и тебе, супружниче присный, спосѣшествуй имъ* (ст. 2, 3).

3. Нѣкоторые говорятъ, что (апостолъ) этими словами—*супружниче присный* проситъ жену свою; но это несправедливо:

онъ проситъ какую-то жену, или мужа одной изъ нихъ. *Споспѣшествуй имъ*, говоритъ, *яже во благовѣствованіи сподвизашася со мною, съ Климентомъ и съ прочими споспѣшники моими, ихже имена въ книзѣ животнѣй*. Видишь ли, какъ онъ свидѣтельствуетъ объ ихъ добродѣтели? Что Христосъ сказалъ (апостоламъ): *не радуйтеся, яко дуси вамъ повинуются, но яко имена ваша написана* въ книзѣ животнѣй (Лук. х, 20), то же свидѣтельство онъ даетъ имъ (филиппійцамъ) словами: *ихже имена въ книзѣ животнѣй*. Мнѣ кажется, что эти жены были важны въ церкви (филиппійской), и онъ препоручаетъ ихъ мужу, конечно—достойному уди- 280
вленія, котораго и называетъ сотрудникомъ,—которому, быть можетъ, онъ обыкновенно поручалъ какъ споспѣшнику, сподвижнику, соучастнику и брату. Это онъ дѣлаетъ и въ посланіи къ Римлянамъ, говоря: *вручаю вамъ Ѳиву сестру нашу, сущу служительницу церкве, яже въ Кегхреехъ* (Рим. XVI, 1). *Супружниче*. Такъ онъ называетъ или какого-нибудь брата ихъ, или мужа одной изъ нихъ: какъ бы такъ сказалъ: нынѣ ты искренній братъ, нынѣ ты истинный мужъ, потому что сдѣлался членомъ. *Яже во благовѣствованіи сподвизашася со мною*. Твоя честь въ тебѣ, не въ дружбѣ, но въ добрыхъ дѣлахъ. *Сподвизашася со мною*. Что ты говоришь? Жены подвизались вмѣстѣ съ тобою? Да, говоритъ; немало и онѣ помогали. Хотя у него и много было сотрудниковъ, но въ числѣ многихъ содѣйствовали и жены. Слѣдовательно церкви тогда возрастали немало, и то, что такою честію отъ другихъ пользовались почтенные мужи и жены, производило много добра, во-первыхъ, потому, что и прочіе возбуждались къ равной ревности, во-вторыхъ, чрезъ почтеніе они получали пользу, въ-третьихъ, и сами они дѣлались ревностнѣе и усерднѣе. Потому ты видишь, что (Павелъ) вездѣ старается объ этомъ, и поставляетъ таковыхъ на видъ; объ этомъ онъ говоритъ и въ посланіи къ Коринѳянамъ: *яко есть начатокъ Ахаіи* (1 Кор. XVI, 15). А нѣкоторые говорятъ, что имя—*супружниче* есть собственное. Но какое бы это имя ни было, нѣтъ нужды со всею точностію изыскивать; а должно удивляться, что онъ повелѣваетъ воздавать имъ великое почтеніе.

4. Все для насъ на небесахъ, и Спаситель, и градъ, и—что ни сказалъ бы кто. *Отонудуже*, говоритъ, *и Спасителя ждемъ Господа Іисуса Христа*. И это—дѣло Его человѣколюбія. Самъ опять грядетъ къ намъ, а не насъ туда влечетъ, и такимъ образомъ, взявши насъ, отходитъ: и это великая честь для насъ. Если Онъ пришелъ къ намъ, когда мы были Его врагами, то тѣмъ болѣе (придетъ), когда мы содѣлались (Его) друзьями. Не поручаетъ этого ни ангеламъ, ни рабамъ; но самъ грядетъ на обла-

кахъ, чтобы призвать насъ въ царство Свое. А можетъ быть и тѣ, которые Его почитаютъ, восхищены будутъ на облакахъ: и *мы*, сказано, почитающіе Его *восхищени будемъ на облацѣхъ, и тако всегда съ Господемъ будемъ* (1 Өесс. IV, 17). Кто же окажется вѣрнымъ и мудрымъ рабомъ? Кто тѣ, которые удостоятся такихъ благъ? Какъ жалки отпадшіе! Если бы мы и всегда оплакивали потерявшихъ царство, оплачемъ ли достойно (участь ихъ)? Если бы ты насказалъ и тысячи гееннъ, то не скажешь ничего равнаго тому мученію, какое будетъ терпѣть душа тогда, когда потрясется вся вселенная, и прозвучатъ трубы,—когда будутъ предходить ангелы перваго чина, потомъ второго, затѣмъ третьяго, послѣ того безчисленные сонмы сойдутъ на землю, потомъ херувимы, которые также многочисленны и безконечны, далѣе серафимы,—когда наконецъ придетъ самъ (Христосъ) въ той неизреченной славѣ,—когда пришедшіе впередъ будутъ поспѣшно выводить избранныхъ на средину,—когда потомъ Павелъ и всѣ прославившіеся подобно ему, предъ лицемъ всего небеснаго воин-
281 ства, будутъ увѣнчаны отъ Царя, провозглашены и почтены. Даже если бы не было геенны, каково бы и тогда было однимъ получить честь, а другимъ безчестіе? Нестерпима геенна, признаюсь, весьма нестерпима; но лишеніе царства нестерпимѣе ея. Скажи мнѣ, если бы какой царь, или сынъ царя, отправившись, окончивши множество войнъ и заслуживъ себѣ удивленіе, въ сопровожденіи всего войска вошелъ въ какой-нибудь городъ на колесницѣ съ трофеями, съ безчисленными полками (воиновъ) покрытыхъ золотомъ, съ тѣлохранителями, имѣющими золотые щиты, и весь городъ былъ бы украшенъ, и при немъ находились бы всѣ властители вселенной, а за нимъ слѣдовали бы всякаго возраста чужеземцы, заключенные въ оковы, съ эпархами, сатрапами, ипатами, тиранами и архонтами,—если бы при всей этой славѣ онъ однихъ изъ встрѣчающихъ его гражданъ и принималъ и привѣтствовалъ, и подавалъ имъ руку, и позволялъ имъ говорить съ полною откровенностію, или даже со всѣми стоящими разговаривалъ какъ съ друзьями, говорилъ, что весь этотъ путь онъ совершилъ для нихъ, но затѣмъ однихъ ввелъ въ свои царскіе чертоги, а другихъ оставилъ,—то какому бы наказанію не было это равносильно, хотя бы (оставленные) и не были наказываемы? Если же столь горько лишиться такой славы отъ человѣка, то тѣмъ болѣе отъ Бога, когда всѣ горнія силы будутъ съ Царемъ, а демоны связаны и унижены, и когда самъ діаволъ и вся сила вражья поведется въ узахъ, когда силы небесныя, когда самъ (Христосъ) придетъ на облакахъ. Повѣрьте мнѣ, что отъ скорби, угнетающей мою душу при этомъ повѣствованіи, я

не могу докончить слова. Подумаемъ, какой великой славы мы лишаемся, тогда какъ можно бы не лишиться. Мучительно то, что мы, при всей возможности съ нашей стороны — не терпѣть этого, терпимъ. Когда (Христосъ) однихъ приметъ и поведетъ къ Отцу на небеса, а другихъ оставитъ; и когда этихъ послѣднихъ противъ ихъ воли, плачущихъ и поникшихъ долу, нѣкоторые ангелы взявши повлекутъ въ огонь геенскій, напередъ обличивъ предъ цѣлою вселенною,—какая тогда, полагаешь ты, будетъ скорбь? Итакъ, постараемся, пока есть время, и съ великою ревностію позаботимся о своемъ спасеніи. Сколько можемъ мы сказать такого, что говорилъ богатый? Если бы кто теперь позволилъ намъ, то мы надавали бы полезныхъ совѣтовъ; но никто не позволяетъ. А что мы (много) наговорили бы, это извѣстно не отъ одного (богача) того, но и отъ многихъ другихъ. Или ты не знаешь, сколько было такихъ, которые находились въ горячкѣ и говорили: если бы намъ выздоровѣть, то уже не подвергнемся такимъ (мученіямъ)? Много такого наговоримъ мы тогда; но подобно тому богачу услышимъ, что есть пропасть, что мы здѣсь 232
восприяли благая (Луки XVI, 26). Итакъ, умоляю васъ, будемъ горько воздыхать; или лучше, не воздыхать только, но и жить добродѣтельно. Будемъ теперь плакать для спасенія, чтобы не плакать тогда тщетно, рыдать теперь, и не рыдать тогда о нечестіи. Нынѣшній плачъ (происходитъ) отъ добродѣтели, а будущій отъ безполезнаго раскаянія,—будемъ же скорбѣть нынѣ, чтобы не скорбѣть тогда. Не все равно скорбѣть здѣсь, или тамъ: здѣсь ты скорбишь кратковременно, или лучше вовсе не чувствуешь скорби, зная, что скорбишь о благѣ; а тамъ скорбь ужаснѣйшая, такъ какъ безнадежна, безпрерывна, безконечна и вѣчна. О, если бы всѣ мы, избѣгши такой скорби, получили успокоеніе! Но такъ какъ для того, чтобы не лишиться этого, потребно усильное стараніе и непрестанныя молитвы, то прошу васъ, будемъ стараться. Если мы стараемся и молимся, то достигаемъ; если будемъ прилежно молиться, то Богъ подастъ. Если же не просимъ Его и не дѣлаемъ чего-либо такого, и вовсе остаемся въ бездѣйствіи, то какъ можно спящимъ сдѣлать доброе когда-либо? Никакъ. Довольно, что текущіе, стремящіеся и сообразующіеся смерти Его, какъ сказалъ Павелъ, могутъ получать, а спящіе отнюдь не могутъ. *Аще*, говоритъ, *како достигну* (Филип. III, 11). Если же Павелъ говорилъ: *аще како достигну*, то что скажемъ мы? Спящіе вовсе не могутъ совершать и мірскихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе духовныхъ; спящіе никогда ничего не могутъ получить и отъ друзей, не могутъ и отъ Бога; спящихъ и отцы не почитаютъ, также и Богъ. Потрудимся немного, чтобы всегда на-

слаждаться покоемъ. Скорбѣть совершенно необходимо, и если не поскорбимъ здѣсь, то будемъ скорбѣть тамъ. Для чего не рѣшаемся скорбѣть здѣсь, чтобы тамъ успокоиться? О, если бы всѣмъ намъ, пожившимъ достойно Христа, и сообразовавшимся смерти Его, сподобиться неизреченныхъ благъ во Христѣ Іисусѣ, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIV.

281—282 **Радуйтеся всегда о Господѣ: паки реку, радуйтеся. Кротость ваша разумна да будетъ всѣмъ человѣкомъ. Господь близъ: ни о чемже пецытеся, но во всемъ молитвою и моленіемъ со благодареніемъ прошенія ваша да сказуются къ Богу, и миръ Божій, превосходяй всякъ умъ, да соблюдетъ сердца ваша и разумѣнія ваша о Христѣ Іисусѣ (Филип. IV, 4—7).**

1. *Блажени плачущіи*, и: *горе смѣющимся* (Мѳ. V, 4; Луки VI, 25), говоритъ Христосъ. Почему же Павелъ говоритъ: *радуйтеся всегда о Господѣ?* (Апостолъ) не противорѣчитъ Христу,—нисколько. Христосъ сказалъ: *горе смѣющимся*, разумѣя смѣхъ этого міра въ отношеніи къ дѣламъ настоящимъ: а блаженными назвалъ не тѣхъ плачущихъ, которые оплакиваютъ только потерю собственности, но тѣхъ, которые скорбятъ и плачутъ о своихъ неправдахъ, размышляя о грѣхахъ своихъ, или о чужихъ. Этому
283 плачу непротивна та радость; даже болѣе—отъ этого плача она и происходитъ, потому что оплакивающій и исповѣдующій свои неправды радуется. Иначе (сказать), можно плакать о грѣхахъ своихъ, а радоваться о Христѣ. И вотъ, такъ какъ (филиппійцы) томились подъ бременемъ страданій,—*яко вамъ даровася*, сказано, *не токмо еже въ Него вѣровати, но и еже по Немъ страдати*,—то онъ и говоритъ: *радуйтеся о Господѣ*. Слова эти значатъ не иное что, какъ: ведите такую жизнь, чтобы радоваться. Поэтому, когда дѣла для Бога совершаются у васъ безпрепятственно,—радуйтесь. Итакъ, или это говоритъ (апостолъ), или предлогъ *о* (ἐν) употребленъ вмѣсто *съ* (σύν); какъ бы такъ сказалъ: *радуйтеся всегда съ Господомъ. Паки реку, радуйтеся*. Такъ говорить свойственно крѣпко увѣренному, и показывающему, что пребывающій въ Богѣ всегда радуется. Скорбитъ ли такой, терпитъ ли что,—всегда онъ радуется. Послушай, что повѣствуетъ Лука объ апостолахъ: *идяху радующеся отъ лица собора, яко за имя Его сподо-*

бившася безчестіе пріяти (Дѣян. v, 41). Если бичи и узы, которые повидимому всего тягостнѣе, производятъ радость, то что другое можетъ причинить намъ печаль? *Паки реку, радуйтеся.* Кстати онъ повторилъ слово. Такъ какъ обстоятельства были таковы, что раждали печаль, то чрезъ повтореніе слова показываетъ, что точно должно радоваться. *Кротость ваша разумна да будетъ всѣмъ человѣкомъ.* Выше онъ сказалъ: *имже богъ чрево, и слава въ студѣ ихъ, иже земная мудрствуютъ.* А такъ какъ представлялось вѣроятнымъ, что (филиппійцы) отнесутся недружелюбно къ злымъ (людямъ), то (апостолъ) и увѣщеваетъ, чтобы они, не имѣя ничего общаго съ таковыми, въ то же время съ великою кротостію обходились бы не только съ братіями, но даже съ врагами и непріятелями. *Господь близъ, ни о чемже пецытеся.* Отчего, скажите мнѣ, вы унываете? Оттого, что возстаютъ противъ васъ? Оттого, что вы видите ихъ веселую жизнь? *Ни о чемже пецытеся.* Уже насталъ судъ; скоро они дадутъ отвѣтъ въ дѣлахъ своихъ. Но вы въ скорби, а они въ веселіи? Это скоро кончится. Но они коварствуютъ и угрожаютъ? И это не надолго будетъ имъ попущено; уже близокъ судъ, когда все будетъ напротивъ. *Ни о чемже пецытеся:* уже настало (время) возмездія. Будете ли обходиться кротко съ тѣми, которые готовятъ вамъ бѣдствія, постигаетъ ли васъ нищета, смерть, или другое какое-либо зло,— все прекратится. *Ни о чемже пецытеся: но во всемъ молитвою и моленіемъ со благодареніемъ прошенія ваша да сказуются къ Богу.* Итакъ, первое утѣшеніе—въ томъ, что *Господь близъ*, и въ обѣтованіи: *буду съ вами во вся дни до скончанія вѣка* (Мѳ. xxviii, 20). Вотъ и другое утѣшеніе, которое и въ скорби, и въ несчастіи, и во всѣхъ горестныхъ случахъ служитъ облегчительнымъ лѣкарствомъ. Какое же это? Молитва, и благодареніе за все. Потому онъ желаетъ, чтобы въ молитвахъ мы не только просили, но и благодарили за то, что имѣемъ. Да и какъ станетъ просить о будущемъ тотъ, кто не умѣетъ благодарить за прошедшее? Но *во всемъ*, говоритъ, т. е. во всякой вещи, *молитвою и моленіемъ.* Итакъ, должно благодарить за все, даже и за то, что кажется прискорбнымъ: это—свойство истинно благодарнаго. Перваго (бла- 284
годаренія за все) требуетъ самое существо вещей; а послѣднее (благодареніе за прискорбное) происходитъ отъ души благодарной и сильно преданной Богу. Таковыя молитвы пріятны Богу, а другимъ Онъ не внемлетъ. Потому молитесь о томъ, что угодно Ему. Онъ все устрояетъ къ нашей пользѣ, хотя мы и не понимаемъ. Даже то самое, что мы не понимаемъ, весьма полезно. *И миръ Божій, превосходяй всякъ умъ, да соблюдетъ сердца ваша и разумѣнія ваша о Христѣ Іисусѣ.* Что это значитъ? *Миръ Божій,*

т. е. миръ, который устроилъ Богъ съ человѣками, превосходитъ всякій умъ. Кто въ самомъ дѣлѣ могъ ожидать, кто могъ надѣяться на такія блага? Они выше не только всякаго слова, но и всякаго ума человѣческаго: за враговъ своихъ, за тѣхъ, которые ненавидятъ Его, отвращаются отъ Него,—за нихъ Онъ не пощадилъ предать Единороднаго Сына, чтобы примириться съ нами. Этотъ-то миръ, т. е. примиреніе и любовь Божія, *да соблюдетъ сердца ваша и разумѣнія ваша.*

2. Дѣло учителя не только увѣщевать, но и молиться и молитвою помогать (ученикамъ), чтобы они не пали подъ тяжестію искушеній, и не были обмануты; какъ бы такъ сказалъ онъ: кто избавилъ васъ такимъ непостижимымъ для ума образомъ, Тотъ да сохранитъ и утвердитъ васъ, чтобы вы ничего не потерпѣли. Итакъ, или это объясняетъ (апостолъ), или разумѣетъ тотъ миръ, о которомъ сказалъ Христосъ: *миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ* (Іоан. XIV, 27),—онъ да сохранитъ васъ. Этотъ именно миръ превосходитъ всякій умъ человѣческій. Если же ты спросишь: какимъ образомъ?—то слушай. Когда Господь заповѣдуетъ имѣть миръ съ врагами, которые обижаютъ, вооружаются противъ насъ и ненавидятъ насъ,—не выше ли это ума человѣческаго? Но обратимъ особенное вниманіе на первыя слова: *миръ превосходяй всякъ умъ.* Если миръ (превосходитъ всякій умъ), то тѣмъ болѣе самъ Богъ, податель мира, превосходитъ всякій умъ, не только нашъ, но даже умъ ангеловъ и горнихъ силъ. А что значитъ—*о Христѣ Іисусѣ?* Въ Немъ да сохранитъ, говоритъ, чтобы вы были непоколебимы и не отпали отъ вѣры въ Него. *Прочее же, братія, елика суть истинна, елика честна, елика праведна* (ст. 8). Что значитъ: *прочее же?* То есть, все уже намъ сказано. Это выраженіе свойственно тому, кто поспѣшаетъ и нисколько не останавливаетъ вниманія на настоящемъ. *Прочее же, братія, елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродѣтель и аще кая похвала, сія помышляйте: имже и научистеся, и пріясте, и слышасте, и видѣсте во мнѣ* (ст. 9). Что значитъ—*елика прелюбезна?* Любезное вѣрующимъ, любезное Богу. *Елика суть истинна.* Совершенно истинное то же, что добродѣтель, а ложь то же, что порокъ, такъ какъ и удовольствіе порока ложь, и слава его ложь, и все, что въ мірѣ, ложь. *Елика пречиста*—сказано въ противоположность выраженію: *иже земная мудрствуютъ. Елика честна*—въ противоположность: *имже богъ чрево. Елика праведна, елика достохвальна*—вотъ о чемъ, гово-
285 ритъ, *(помышляйте). Аще кая добродѣтель, и аще кая похвала.* Здѣсь онъ внушаетъ имъ попеченіе и въ отношеніи къ людямъ.

ся, говоритъ, *помышляйте*. Видишь ли, что онъ хочетъ изгнать изъ душъ нашихъ всякое злое помышленіе? Вѣдь отъ (злыхъ) помысловъ происходятъ злыя дѣла. *Имже и научистеся, и пріясте.* Вотъ прекрасное ученіе—при всѣхъ увѣщаніяхъ (апостолъ) представляетъ въ образецъ самого себя, какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *якоже имате образъ насъ* (Филип. III, 17); и здѣсь опять: *имже научистеся и пріясте*, т. е. наставлены, *и слышасте и видѣсте во мнѣ*—и изъ словъ, и изъ дѣйствій, и изъ образа жизни. Видишь ли, что заповѣдь эта касается всего? Такъ какъ невозможно было подробно говорить о всемъ, и о входахъ, и объ исходахъ, и о словахъ, и о наружномъ видѣ, и о дружествѣ,—а христіанину о всемъ этомъ слѣдуетъ заботиться,—то онъ кратко и вообще сказалъ: *во мнѣ слышасте и видѣсте*, т. е. въ присутствіи моемъ; какъ бы такъ сказалъ: я руководствовалъ васъ и дѣлами и словами. *Сія творите*,—не только говорите, но и дѣлайте,—*и Богъ мира будетъ съ вами*, т. е., если вы такъ это соблюдете и будете имѣть миръ между собою, то пребудете въ спокойствіи и великой безопасности, не испытаете ничего непріятнаго, и ничего противнаго вашимъ желаніямъ. Если мы имѣемъ миръ съ Богомъ,—а имѣемъ его чрезъ посредство добродѣтели,—то тѣмъ болѣе Онъ пребудетъ съ нами. Тотъ, Кто столько возлюбилъ насъ, что пришелъ и къ нежелавшимъ (пришествія Его),—не гораздо ли болѣе покажетъ Свою любовь, если увидитъ обращающихся къ Нему? Нѣтъ ничего настолько враждебнаго нашей природѣ, какъ порокъ. А какимъ образомъ порокъ враждебенъ, а добродѣтель дружественна,—это видно изъ всего. Если угодно, разсмотримъ это сперва относительно одного порока—блуда. Блудъ дѣлаетъ людей безчестными, нищими, смѣшными и презрѣнными у всѣхъ,—дѣлаетъ то, что свойственно дѣлать врагамъ; а часто онъ ввергалъ въ болѣзни и опасности; многіе же и погибли отъ блудницъ, и получили раны. Если же блудъ производитъ это, то тѣмъ болѣе прелюбодѣяніе. Ужели таковы слѣдствія и милостыни? Никакъ; напротивъ она, какъ чадолюбивая мать, дѣлаетъ свое дѣтище весьма скромнымъ, благонравнымъ, истинно славнымъ, побуждаетъ заниматься необходимымъ, не оставляетъ насъ, не отвлекаетъ отъ нужныхъ дѣлъ, и содѣлываетъ душу разумнѣйшею. Ничего нѣтъ безразсуднѣе блудниковъ. Впрочемъ не угодно ли тебѣ видѣть любостяжаніе? И оно производитъ то же, что сдѣлалъ бы для насъ врагъ. Какимъ образомъ? И оно дѣлаетъ насъ ненавистными для всѣхъ; оно производитъ то, что всѣ насъ проклинаютъ—и обиженные и не обиженные,—послѣдніе о первыхъ соболѣзнуютъ, а за самихъ себя боятся; всѣ смотрятъ на нихъ (любостяжателей), какъ на

всеобщихъ враговъ, какъ на дикихъ звѣрей, какъ на демоновъ; вездѣ безчисленные упреки, коварства, зависть,—все, что свойственно врагамъ. Правда же напротивъ всѣхъ дѣлаетъ намъ друзьями, всѣхъ пріятелями и доброжелателями; всѣ молятся за насъ; вслѣдствіе того положеніе наше становится совершенно безопаснымъ, вовсе не бываетъ бѣды, подозрѣнія, мы засыпаемъ
286 безбоязненно, спокойно, ни о чемъ не тревожимся, ничѣмъ не терзаемся.

3. Видишь ли, что она гораздо лучше? Что жъ, скажи мнѣ, лучше—завидовать, или сорадоваться другому? Изслѣдуемъ все это, и найдемъ, что добродѣтель, какъ истинно чадолюбивая мать, дѣлаетъ безопасными; а порокъ, ввергая въ опасности, есть вещь ненадежная и опасная. Послушай, что говоритъ пророкъ: *держава Господь боящихся Его, и завѣтъ Его явитъ имъ* (Псал. xxiv, 14). Тотъ никого не боится, кто не сознаетъ въ себѣ никакого зла: а порочно живущій ни на кого не надѣется, но трепещетъ даже предъ рабами и смотритъ на нихъ подозрительно. Что я говорю предъ рабами? Онъ не можетъ сносить суда совѣсти. Не только внѣшніе, но и внутренніе помыслы тревожатъ его, и не позволяютъ ему быть спокойнымъ. Итакъ что же, скажешь? Для похвалъ должно жить? (Павелъ) не сказалъ: взирай на похвалу, но—дѣлай и похвальное, впрочемъ не для похвалы. *Елика истинна:* а похвалы—ложь. *Елика честна, елика пречиста:* честнымъ означается внѣшнее, а пречистымъ душевное достоинство. Не полагайте, говоритъ, претыканія и не давайте повода (2 Кор. vi, 3). Такъ какъ онъ сказалъ: *елика доброхвальна*, то чтобы ты не подумалъ, что говоритъ просто объ отношеніи къ людямъ, присовокупилъ: *аще кая добродѣтель, и аще кая похвала, сія помышляйте, сія творите.* Желаетъ, чтобы непрестанно въ этомъ пребывали, объ этомъ старались, объ этомъ помышляли. Если мы будемъ имѣть миръ между собою, то и Богъ будетъ съ нами: а если поднимемъ войну, то Богъ мира не будетъ съ нами. Ничто такъ не враждебно для души, какъ порокъ; и наоборотъ, ничто столько не дѣлаетъ ее безопасною, какъ миръ и добродѣтель. Потому должно начать съ того, что до насъ касается, и тогда привлечемъ Бога къ себѣ. Богъ не есть Богъ вражды и войны. Потому оставь вражду и войну и съ Богомъ и съ ближнимъ, живи мирно со всѣми. Подумай, кого спасаетъ Богъ: *блажени*, говоритъ Онъ, *миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся* (Мѳ. v, 9). Таковые непрестанно подражаютъ Сыну Божію, и ты подражай Ему: живи мирно. Чѣмъ болѣе враждуетъ противъ тебя братъ, тѣмъ большая ожидаетъ тебя награда. Послушай, что говоритъ пророкъ: *съ ненавидящими мира бѣхъ миренъ* (Псал. cxix, 6). Вотъ

это добродѣтель, это выше ума человѣческаго, это приближаетъ къ Богу.

Нѣтъ ничего такъ пріятнаго Богу, какъ непамятозлобіе. Оно освобождаетъ тебя отъ грѣховъ, изглаждаетъ твои вины; а когда бранимся и деремся, то удаляемся отъ Бога. Отъ препирательства происходитъ вражда, а отъ вражды памятозлобіе. Подсѣки корень, и не будетъ плода; такимъ образомъ научимся презирать житейское. Не бываетъ, истинно не бываетъ борьбы изъ-за предметовъ духовныхъ; но все, что—ты видишь—ни случается, борьба ли, зависть ли, и что бы кто ни назвалъ, случается изъ-за предметовъ житейскихъ: всякая борьба имѣетъ свое начало или въ любостяжаніи, или въ зависти, или въ тщеславіи. Потому, если мы будемъ жить мирно, то научимся и презирать земное. Похитилъ ли кто-нибудь твое имѣніе? Онъ нисколько не обидѣлъ тебя, лишь бы не похитилъ богатства горняго. Попрепятствовалъ ли 287
твоей славѣ? Лишь бы не славѣ у Бога, а славѣ ничтожной, которая собственно и не слава, а только имя славы, или лучше—безславіе. Похитилъ ли честь у тебя? Не у тебя (похитилъ), а у себя. Какъ обидчикъ обижаетъ не другого, а себя, такъ и коварствующій противъ ближняго прежде всего губитъ себя, потому что кто копаетъ яму для ближняго, тотъ самъ падаетъ въ нее. Итакъ, не будемъ коварствовать противъ другихъ, чтобы не причинить вреда себѣ. Когда станемъ ниспровергать славу другихъ, припомнимъ, что вредимъ себѣ, что коварствуемъ болѣе противъ себя. И дѣйствительно, хотя преодолѣвши (врага) повредимъ ему предъ людьми, за то самихъ себя обидимъ предъ Богомъ, раздраживъ Его. Итакъ, не будемъ вредить себѣ. И какъ, обижая ближнихъ, мы обижаемъ себя, такъ, благодѣтельствуя имъ, благотво- 288
римъ себѣ. Потому, когда врагъ причинилъ тебѣ вредъ, въ такомъ случаѣ, размысливши, что онъ оказалъ тебѣ благодѣяніе, ты, если благоразуменъ, не только не плати ему равнымъ зломъ, но еще благотвори. Но ты скажешь: ударъ весьма ощутителенъ. Подумай же о томъ, что ты не только не дѣлаешь добра врагу твоему, но еще наказываешь его, а себѣ благодѣтельствуешь,—и ты тотчасъ начнешь благодѣтельствовать. Что жъ? Ужели, скажешь, съ такимъ намѣреніемъ должно дѣлать (добро)? Не съ такимъ намѣреніемъ должно дѣлать; но когда сердце твое не можетъ перенести (обиды), то хотя такимъ образомъ преклони его, и ты скоро рѣшишься оставить вражду; послѣ же того будешь благотворить врагу, какъ другу,—и такимъ образомъ получишь будущія блага, которыхъ всѣ мы и да сподобимся достигнуть во Христѣ Іисусѣ (Господѣ нашемъ, Которому со Отцемъ и Святымъ Духомъ слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XV.

287 **Возрадовахся же о Господѣ вельми, яко уже когда воспомянусте пещися о мнѣ: понеже и печастеся, но непогоднымъ временемъ обдержастеся. Не яко по скудости глаголю: азъ бо навыкохъ, въ нихже есмь, доволенъ быти. Вѣмъ и смиритися, вѣмъ и избыточествовати: во всемъ и во всѣхъ навыкохъ, и насыщатися и алкати, и избыточествовати и лишатися. Вся могу о укрѣпляющемъ мя Христѣ. Обаче добрѣ сотвористе, сприобщившеся печали моей (Филип. IV, 10—14).**

1. Часто я говорилъ, что милостыня введена не для принимающихъ, а для подающихъ, такъ какъ послѣдніе пріобрѣтаютъ наибольшую пользу. Это самое и здѣсь показываетъ Павелъ. Какимъ образомъ? Филиппійцы, спустя много времени, послали ему нѣчто, поручивъ это Епафродиту. Потому (апостолъ), намѣреваясь отправить его обратно съ этимъ посланіемъ, смотри, какъ и хвалитъ ихъ, и показываетъ, что присланное принесло пользу не принимающимъ, но дающимъ. Дѣлаетъ же это для того, чтобы благодѣтельствующіе не надмевались, и были ревностнѣе въ благотвореніи, такъ какъ чрезъ это они приносятъ болѣе пользы самимъ себѣ, а принимающіе (благодѣянія) не безъ страха бы спѣшили принимать, чтобы не подвергнуться осужденію, такъ какъ сказано: *блаженнѣе есть паче даяти, нежели пріимати* (Дѣян. XX, 35). Итакъ, что показываетъ онъ словами: *возрадовахся же о Господѣ вельми*? Я возрадовался, говоритъ онъ, не тому, чему радуются въ мірѣ и въ настоящей жизни, но *о Господѣ;* (возрадовался) не тому, что я успокоился, но тому, что вы преуспѣли,— а въ этомъ и состоитъ мое спокойствіе. Поэтому также сказалъ: *вельми*,—потому что радость его была не плотская, и не о покоѣ своемъ радовался онъ, а объ ихъ преспѣяніи. И смотри, какъ онъ, упрекнувши ихъ немного за прошедшее время, тотчасъ это прикрылъ, поучая непрестанно и всегда пребывать въ благотвореніи. *Яко уже когда*, говоритъ. Выраженіемъ: *уже когда*—онъ показываетъ продолжительное время. *Воспомянусте* (ἀνεθάλετε, процвѣли)— говоритъ какъ бы о деревахъ, которыя дали ростки, потомъ засохли, и опять дали ростки. А этимъ показываетъ, что они прежде, процвѣтши, увяли, потомъ, увядши, опять дали побѣги; потому въ словѣ *воспомянусте* заключается и укоризна и похвала, такъ какъ немаловажное дѣло—процвѣсти увядшему. Этимъ онъ по-
288 казываетъ, что все случилось съ ними отъ нерадѣнія. *Пещися о мнѣ, понеже и печастеся.* Здѣсь разъясняетъ, что они и прежде

въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно отличались щедростію,—почему и присовокупилъ: *пещися о мнѣ, понеже и печастеся*. И чтобы ты не подумалъ, что ихъ прежняя великая ревность и въ другихъ отношеніяхъ увяла, но лишь въ одномъ этомъ (въ отношеніи благотворенія),—для этого смотри, какъ онъ предостерегаетъ, говоря: *уже когда воспомянусте пещися о мнѣ;* какъ бы такъ сказалъ: я говорю—*уже когда* относительно къ этому только, потому что въ другихъ отношеніяхъ вы не таковы. Можетъ быть здѣсь спроситъ кто-нибудь: какимъ образомъ тотъ, который говоритъ: *блаженнѣе есть паче даяти, нежели пріимати* (Дѣян. XX, 35), и: *яко требованію моему и сущимъ со мною послужисте руцѣ мои* (с. 34), и который опять къ Коринѳянамъ написалъ: *добрѣе бо мнѣ паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднитъ* (1 Кор. IX, 15),—(какимъ образомъ онъ) теперь не видитъ, что уничтожаетъ похвалу свою? Какъ? Принявши (посланное). Вѣдь если похвала состояла въ томъ, чтобы ничего не принимать, то какъ теперь онъ принимаетъ? Что же должно сказать? Тамъ справедливо онъ не принималъ по причинѣ лжеапостоловъ. *Да о немже хвалятся*, говоритъ, *обрящутся якоже и мы* (2 Кор. XI, 12). Апостолъ не сказалъ—суть (безкорыстны), но—*хвалятся*, показывая чрезъ это, что они брали, только тайно. Вотъ почему сказалъ: *о немже хвалятся*. И онъ принималъ, хотя не тамъ. Потому онъ же говорилъ: *похваленіе сіе не заградится о мнѣ* (2 Кор. XI, 10). И не просто сказалъ: *не заградится*,—но что? *въ странахъ Ахайстѣхъ;* и еще: *отъ иныхъ церквей уяхъ, пріимъ оброкъ къ вашему служенію* (ст. 8). Изъ этого видно, что онъ принималъ. Впрочемъ Павелъ, если гдѣ и принималъ, правильно принималъ, имѣя столь важное дѣло; а какъ могутъ брать тѣ, которые ничего не дѣлаютъ? Но я, скажешь, молюсь? Это еще не дѣло: можно и молиться и дѣло дѣлать. Но я пощусь? И это не дѣло. Смотри, какъ этотъ блаженный во многихъ мѣстахъ и проповѣдуетъ, и работаетъ. *Непогоднымъ*, говоритъ, *временемъ обдержастеся*. Что значитъ: *непогоднымъ временемъ обдержастеся?* Это зависѣло, говоритъ, не отъ вашего нерадѣнія, но отъ необходимости; вы не имѣли въ рукахъ, сами были небогаты. Вотъ что значатъ слова: *непогоднымъ временемъ обдержастеся*. Это заимствовано отъ общаго обыкновенія; такъ говоритъ большая часть людей, когда житейскія потребности текутъ къ нимъ не обильно, а скудно. *Не яко по скудости глаголю*, т. е. я сказалъ: *уже когда*, и этимъ укорилъ (васъ) не по желанію собственной пользы, и не жалуясь на скудость, будто я бѣденъ,—такъ какъ не этого искалъ. Откуда видно, Павелъ, что ты не тщеславишься? *Не иная бо*, говоритъ онъ къ Коринѳянамъ, *пишемъ вамъ, но яже чтете и разумѣваете* (2 Кор. I, 13). И къ фи- 289

липпійцамъ не сказалъ бы такъ, чтобы не быть обличеннымъ (во лжи). Не сказалъ бы этого, если бы тщеславился, потому что говорилъ знающимъ (его), и отъ нихъ было бы стыднѣе слышать обличеніе (во лжи). *Азъ бо*, говоритъ, *навыкохъ, въ нихже есмь, доволенъ быти.* Значитъ это—дѣло наученія, упражненія и старанія; это не легко, напротивъ, весьма трудно и весьма утомительно. *Въ нихже есмь*, говоритъ, *доволенъ быти. Вѣмъ и смиритися, вѣмъ и избыточествовати: во всемъ и во всѣхъ навыкохъ*, то есть, я умѣю и малымъ пользоваться, и сносить голодъ и бѣдность. *И избыточествовати и лишатися.* Да, скажутъ; но *избыточествовати* не есть искусство, равно какъ и не добродѣтель. И очень даже добродѣтель, такъ же какъ *и лишатися.* Какимъ образомъ? Такимъ, что какъ скудость располагаетъ дѣлать много зла, такъ и изобиліе.

2. Многіе, разбогатѣвши, часто дѣлались нерадивѣе, и не умѣли быть счастливыми. Для многихъ богатство послужило поводомъ къ праздности. Но Павелъ поступалъ иначе: принимая, онъ употреблялъ на другихъ, издерживалъ на другихъ. А въ этомъ и состоитъ умѣнье—хорошо пользоваться имуществомъ. Онъ не веселился и не радовался о своемъ изобиліи, но былъ одинаковъ и въ скудости и въ изобиліи,—и первою не стѣснялся, и послѣднимъ не надмевался. *И насыщатися*, говоритъ, *вѣмъ и алкати, и избыточествовати и лишатися.* Многіе не умѣютъ *насыщатися*, какъ израильтяне, которые *ядоша и отвергошася* (Втор. XXXII, 15). Но я, (говоритъ апостолъ), всегда остаюсь въ томъ же расположеніи духа. Этимъ показываетъ, что онъ и теперь не веселился, и прежде не печалился; если же и скорбѣлъ, то не о себѣ, а объ нихъ; самъ онъ всегда былъ одинаковъ. *Во всемъ*, говоритъ, *и во всѣхъ навыкохъ*, т. е. въ теченіе столь долгаго времени я испыталъ все, и во всемъ этомъ усовершился. Но такъ какъ рѣчь (апостола) могла показаться преувеличенною, то смотри, какъ онъ тотчасъ дѣлаетъ поправку, и говоритъ: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Христѣ.* Это, говоритъ, не мое совершенство, но Давшаго крѣпость. Но съ другой стороны, такъ какъ благотворители, видя въ принимающемъ не доброе расположеніе, а пренебреженіе къ подаянію, дѣлаются нерадивѣе (такъ какъ они тогда щедро даютъ, когда вызываютъ благодарность и доставляютъ успокоеніе), то чтобы этого не случилось, и чтобы кто-нибудь не сказалъ—Павелъ пренебрегаетъ успокоеніемъ, поэтому они по необходимости сдѣлались нерадивѣе,—смотри, какъ онъ и это предотвращаетъ. Предыдущими словами разрушилъ ихъ мечтаніе, а слѣдующими возбуждаетъ
290 ихъ усердіе, говоря: *обаче добрѣ сотвористе, сопріобщившеся печали моей.* Видишь ли, какъ онъ и отдѣлилъ себя, и опять соединилъ?

Это знакъ искренней, духовной дружбы. Не подумайте, говоритъ, будто я не имѣю нужды въ вашемъ пособіи потому, что не терплю нужды; я терплю нужду ради васъ. Какъ же они были участниками его скорбей? Такъ, что онъ, будучи даже узникомъ, говоритъ: *сообщниковъ мнѣ благодати всѣхъ васъ сущихъ* (Филип. 1, 7),—потому что пострадать за Христа есть благодать, какъ и самъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *яко вамъ даровася отъ Бога, не токмо еже въ Него вѣровати, но и еже по немъ страдати* (ст. 29). Слова эти, отдѣльно сказанныя, могли опечалить (филиппійцевъ); поэтому (апостолъ) утѣшаетъ, принимаетъ ихъ, и опять хвалитъ, впрочемъ умѣренно. Именно не сказалъ—давши, но—*спріобщившеся*, чтобы показать, что и они получили пользу, потому что сдѣлались участниками въ наградахъ. Не сказалъ—облегчая скорби мои, но—*спріобщившеся печали моей*, что̀ важнѣе.

Видишь ли смиреніе Павлово? Видишь ли его благородство? Онъ, послѣ того какъ показалъ, что для себя не имѣетъ нужды въ ихъ подаяніи, уже безбоязненно произноситъ и слова уничиженныя, какія употребляются и бѣдными: какъ ты обыкновенно подаешь. Онъ ни отъ чего не отказывается, ни отъ дѣлъ, ни отъ словъ, только бы совершить желаемое. Что жъ это значитъ? Не думайте, говоритъ, будто мой упрекъ и слова—*уже когда воспомянусте* происходятъ отъ безстыдства и отъ моей нужды. Нѣтъ, я говорю это не отъ нужды,—но почему? По особенной надеждѣ на васъ, и вы сами виновники этой надежды. Видишь ли, какъ онъ заботится о нихъ, и какъ говоритъ имъ: вы виновники, вы прежде другихъ приступившіе къ этому дѣлу, и подавшіе намъ смѣлость напомнить вамъ объ этомъ? Замѣть и важность (апостола): (филиппійцы) не посылаютъ, онъ не укоряетъ ихъ, чтобы не показалось, что онъ заботится о самомъ себѣ; а когда послали, тогда онъ укорилъ за прошедшее время, и они перенесли (укоризну), такъ какъ нельзя уже было думать, что онъ заботится о себѣ. *Вѣсте*, говоритъ, *и вы, Филипписіане, яко въ началѣ благовѣствованія, егда изыдохъ отъ Македоніи, ни едина ми церковь общевася въ слово даянія и пріятія, точію вы едини* (ст. 15). О, какая похвала! Коринөяне и римляне побуждаются тѣмъ, что слышатъ объ этомъ отъ него; а филиппійцы, прежде чѣмъ началась какая-нибудь церковь (потому что говоритъ—*въ началѣ благовѣствованія*), показали столько усердія къ этому святому, что, не имѣя вовсе примѣра, сами первые начали такое плодоношеніе. И нельзя сказать, будто они такъ дѣлали потому, что Павелъ пребывалъ у нихъ, или потому, что получили отъ него какое-нибудь благодѣяніе. *Егда изыдохъ*, говоритъ, *отъ Македоніи, ни едина ми церковь общевася въ слово даянія и пріятія, точію вы едини.* Что зна-

чить—*пріятія?* И что значитъ—*общевася?* Почему не сказалъ, что ни одна церковь мнѣ не подавала, но—*общевася въ слово даянія и пріятія?* Потому что въ томъ именно и состоитъ общеніе. *Аще бо мы духовная сѣяхомъ вамъ, велико ли*, говоритъ, *аще мы тѣлесная ваша пожнемъ* (1 Кор. IX, 11)? И еще: *ваше избыточествіе да будетъ*
291 *въ онѣхъ лишеніе* (2 Кор. VIII, 14). Видишь ли, какъ они имѣли общеніе—подавая тѣлесное, а принимая духовное? Какъ продавцы и покупатели имѣютъ взаимное общеніе, другъ отъ друга получая и другъ другу отдавая,—это и есть общеніе,—такъ точно и здѣсь. И нѣтъ, ничего нѣтъ полезнѣе этой купли и этого торга; онъ производится на землѣ, а оканчивается на небѣ. Покупающіе находятся на землѣ, а покупаютъ и заключаютъ условіе о небесномъ, полагая цѣну земную

3. Впрочемъ ты не смущайся: не за деньги продаются блага небесныя, не деньгами покупаютъ ихъ, а свободнымъ рѣшеніемъ дающаго деньги, любомудріемъ, возвышеніемъ надъ вещами житейскими, человѣколюбіемъ и милостынею. Если бы на серебро покупались, то жена, положившая двѣ лепты, немного получила бы; но такъ какъ не серебро, а доброе намѣреніе имѣло силу, то она, показавши всю готовность, получила все. Итакъ, мы не должны говорить, что царство (небесное) покупается за деньги: не за деньги, но за свободное рѣшеніе, обнаруживаемое чрезъ деньги. Деньги однакожъ нужны, скажешь? Не деньги нужны, а рѣшеніе. Имѣя это послѣднее, ты можешь и за двѣ лепты купить небо; а безъ него и за тысячу золотыхъ талантовъ не купишь того, что можешь купить за двѣ лепты. Почему? Потому что, когда ты отъ многаго далъ меньшее, то хотя сотворилъ милостыню, но не такую, какую вдова; ты подалъ не съ такимъ усердіемъ, съ какимъ она; она сама себя лишила всего, или лучше—не лишила, а все себѣ даровала. Богъ обѣщалъ царство не за таланты золота, но за чашу студеной воды, за усердіе, не за смерть, которая не есть что-нибудь великое, но за намѣреніе. Что въ самомъ дѣлѣ значитъ отдать одну душу? Отдается одинъ человѣкъ; а одинъ человѣкъ не равноцѣненъ (царству). *Яко и въ Солунь и единою и дващи въ требованіе мое посласте ми* (ст. 16). Опять великая похвала,—потому что онъ, находясь въ главномъ городѣ, получалъ содержаніе отъ города малаго. И смотри: чтобы, всегда представляя себя вполнѣ довольнымъ, не сдѣлать ихъ, какъ я прежде сказалъ, беззаботными, онъ многократно показалъ, что не терпитъ нужды, а здѣсь выразилъ однимъ только словомъ: *въ требованіе*, не прибавивъ даже—въ мое, но просто (въ требованіе), сохраняя свою важность; и не только здѣсь, но и въ слѣдующихъ словахъ. Такъ какъ (апостолъ) находилъ это выра-

женіе весьма унизительнымъ, то и дѣлаетъ послѣ поправку, говоря: *не яко ищу даянія* (ст. 17). Этими словами онъ выражаетъ то же самое, что и вышесказанными: *не яко по скудости глаголю*—хотя первое (выраженіе) сильнѣе послѣдняго. Иное вѣдь дѣло—при бѣдности не искать, и иное—находясь въ нищетѣ, даже и не считать себя бѣднымъ. *Не яко ищу даянія*, говоритъ, *но ищу плода множащагося въ слово ваше*, не въ мое. Видишь ли, что плодъ произрастаетъ для нихъ? Не для себя, говоритъ, я это сказываю, но для васъ, для вашего спасенія. Принимая отъ васъ, я ничего не пріобрѣтаю; благодать принадлежитъ дающимъ: дающимъ сохраняется тамъ награда, а принимающимъ расточается 292
здѣсь даяніе. Опять, говоря и о нуждѣ, хвалитъ ихъ, и выражаетъ свое сочувствіе. Такъ какъ сказалъ—*не ищу*, то, чтобы опять не сдѣлать ихъ беззаботными, говоритъ: *пріяхъ же вся, и избыточествую* (ст. 18), т. е. чрезъ это даяніе вы восполнили и прежнія опущенія,—что особенно возбуждало въ нихъ ревность. Вѣдь извѣстно, что благотворящіе чѣмъ добрѣе бываютъ, тѣмъ болѣе желаютъ благодарности отъ облагодѣтельствованныхъ. *Пріяхъ вся, и избыточествую*, т. е. вы не только восполнили то, что было опущено въ прошедшее время, но еще сдѣлали болѣе. Потомъ, чтобы это не показалось обличеніемъ, смотри, какъ онъ подтверждаетъ (прежнія слова). Такъ какъ сказалъ: *не яко ищу даянія*, и: *уже когда*, и показалъ, что это была обязанность (это и значитъ *пріяхъ*), то опять показываетъ, что они сдѣлали болѣе, нежели сколько обязаны были, и говоритъ: *пріяхъ вся, и избыточествую, исполнихся*. Говорю это не просто, и не по пристрастію,—но что? *Пріемъ отъ Епафродита посланная отъ васъ, воню благоуханія, жертву пріятну, благоугодну Богу*. О, какъ онъ превознесъ ихъ даръ! Не я, говоритъ, принялъ,—не я, но чрезъ меня Богъ. Потому, хотя я не терплю нужды, вы однакожъ на это не смотрите; и Богъ не имѣлъ нужды, однакожъ принялъ, такъ что божественное Писаніе не уклонилось сказать: *обоня Богъ воню благоуханія* (Быт. VIII, 21), а это значитъ, что Ему пріятно было. Вы знаете, хорошо знаете, въ какое расположеніе приводится наша душа, сколько радуется, и сколько услаждается благоуханіями. Итакъ, Писаніе не уклонилось сказать о Богѣ по человѣчески и столь уничижительно, чтобы показать людямъ, что ихъ дары пріятны были; дѣлали же ихъ пріятными не запахъ и не дымъ, но намѣреніе приносившихъ. Иначе и дары Каина были бы пріятны. Потому (апостолъ) сказалъ, что Богъ услаждается, и какъ услаждается; безъ этого люди не поняли бы. Итакъ, Онъ, не имѣющій нужды, говоритъ, что столько услаждается (дарами), чтобы люди не сдѣлались нерадивыми, узнавъ, что Онъ не имѣетъ

нужды. Когда же они впослѣдствіи вознерадѣли о другой добродѣтели, понадѣявшись только на жертвы, то смотри, какъ Онъ опять исправляетъ ихъ, говоря: *еда ямъ мяса юнча, или кровь козловъ пію* (Псал. XLIX, 13)? Подобно и Павелъ говоритъ: *не ищу даянія. Богъ же мой да исполнитъ всякое требованіе ваше по богатству Своему въ славѣ, о Христѣ Іисусѣ* (ст. 19).

4. Смотри, какъ онъ и молится подобно нищимъ. Если же Павелъ молится о дающихъ, то тѣмъ болѣе мы, принимая (благодѣянія), не должны стыдиться поступать такимъ образомъ. Мы не должны принимать, какъ будто сами имѣемъ нужду, не должны и радоваться о самихъ себѣ, но о дающихъ. Такимъ образомъ, если мы радуемся о нихъ, намъ будетъ награда и тогда, какъ принимаемъ. Равнымъ образомъ не будемъ негодовать, когда не даютъ, но лучше будемъ скорбѣть о нихъ. Такимъ образомъ сдѣлаемъ и ихъ усерднѣе, вразумивъ, что мы дѣлаемъ это не для себя. *Богъ же мой*, говоритъ, *да исполнитъ всякое требованіе ваше*,—или всякую благодать, или всякую радость. Но если разумѣетъ всякую благодать, то говоритъ не объ этой только
293 земной милостынѣ, но о всякомъ добромъ дѣлѣ; если же разумѣетъ всякое требованіе (а объ этомъ болѣе, по моему мнѣнію, и говорится), то онъ хочетъ объяснить слѣдующее: такъ какъ прежде онъ сказалъ: *непогоднымъ временемъ обдержастеся*, то здѣсь присовокупляетъ то же, что и въ посланіи къ Коринѳянамъ, говоря: *даяй сѣмя сѣющему, и хлѣбъ въ снѣдь да подастъ, и умножитъ сѣмя ваше, и да возраститъ жита правды вашея* (2 Кор. IX, 10). Онъ молится о нихъ, чтобы имъ быть въ изобиліи, и имѣть что сѣять,—и молится не просто о томъ, чтобы быть въ изобиліи, но—*по богатству* Божію. Слѣдовательно и это сдѣлалъ примѣнительно (къ ихъ состоянію). Если бы они были подобны (Павлу), столько же любомудры, и столько распяты (міру), то онъ не сдѣлалъ бы этого. Но такъ какъ они были люди ремесленные, бѣдные, имѣли женъ, воспитывали дѣтей, управляли домами, и изъ малаго давали ему, и при томъ еще имѣли нѣкоторую привязанность и къ вещамъ настоящимъ,—то онъ молится, снисходя (къ ихъ состоянію). Нѣтъ ничего неприличнаго молиться о томъ, чтобы люди такъ пользовавшіеся (богатствомъ) имѣли довольство и обиліе. Итакъ, смотри же, о чемъ онъ молится: не сказалъ—(Богъ) да содѣлаетъ васъ богатыми и пребогатыми,—но что? *Да исполнитъ всякое требованіе ваше*, такъ чтобы вамъ не быть въ нуждѣ, но имѣть все потребное. Проситъ объ этомъ заповѣдалъ и Христосъ въ данной Имъ молитвѣ, научая насъ говорить: *хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь* (Мѳ. VI, 11). *По богатству своему.* Что это значитъ? По щедродательности, т. е. поскольку для Него

удобно и возможно сдѣлать, и при томъ въ скоромъ времени. И такъ какъ сказалъ—*требованіе*, то чтобы не подумали, что онъ намѣренъ ограничить ихъ, присоединилъ: *по богатству своему въ славѣ, о Христѣ Іисусѣ*. Вы будете, говоритъ, столько изобиловать во всемъ, сколько употребляете во славу Его. Итакъ, онъ говоритъ или то, что вы не будете имѣть нужды ни въ чемъ (*и благодать*, сказано, *бѣ велія на всѣхъ ихъ: не бяше бо нищъ ни единъ въ нихъ*) (Дѣян. IV, 33 и 34), или побуждаетъ ихъ—все дѣлать во славу Его,—какъ бы такъ сказавъ: пользуйтесь вашимъ достаткомъ во славу Его. *Богу же и Отцу нашему слава во вѣки вѣковъ. Аминь* (ст. 20). А эта слава принадлежитъ не Сыну только, но и Отцу. Когда славится Сынъ, то славится и Отецъ. И такъ какъ онъ сказалъ, что это бываетъ во славу Христа, то, чтобы кто-нибудь не представлялъ (славы) Его одного, прибавилъ: *Богу же и Отцу нашему слава*, т. е. та самая, которая воздается Сыну. *Цѣлуйте всякаго свята о Христѣ Іисусѣ* (ст. 21). Немаловажно и это: и чрезъ посланія привѣтствовать ихъ есть знакъ великой любви. *Цѣлуютъ вы сущая со мною братія*. Но ты говорилъ: *ни единаго имамъ равнодушна, иже присно о васъ попечется:* какъ же теперь говоришь: *сущая со мною братія?* Онъ или говоритъ о находившихся съ нимъ братьяхъ, показывая, что изъ нихъ ни одного нѣтъ единомысленнаго, не касаясь тѣхъ, которые находились въ городѣ (да и какая имъ была нужда брать на себя дѣла апостольскія?), или же онъ не отказывается называть и ихъ братьями. 294
Цѣлуютъ вы святіи вси, паче же иже отъ Кесарева дому. Благодать Господа нашего Іисуса Христа со всѣми вами. Ободрилъ и одушевилъ ихъ, показавъ, что проповѣдь дошла и до царскаго дома. Если находившіеся въ царскомъ дворцѣ все презрѣли для Царя небеснаго, то гораздо болѣе надлежало сдѣлать это имъ. И то было доказательствомъ любви Павловой, что онъ разсказывалъ и говорилъ о нихъ многое и важное, чѣмъ и въ царедворцахъ возбудилъ желаніе привѣтствовать ихъ, хотя никогда ихъ не видали. Велика была любовь между вѣрующими въ особенности вслѣдствіе того, что они тогда находились въ угнетеніи. Какимъ образомъ? Такъ, что жившіе въ отдаленіи другъ отъ друга были взаимно соединены, и находясь вдали, точно близъ живущіе, привѣтствовали другъ друга и каждый былъ расположенъ къ другимъ, какъ членамъ своимъ. Бѣдный былъ расположенъ къ богатому, такъ же какъ и богатый къ бѣдному; и никакого не было преимущества, потому что всѣ равно были ненавидимы и гонимы за одно и то же. Подобно тому, какъ какіе-либо плѣнники, вышедшіе изъ различныхъ городовъ, собравшись въ одинъ городъ, тѣсно между собою сдружаются, потому что общее бѣд-

ствіе соединяетъ ихъ,—такъ точно и (вѣрующіе) въ то время, когда ихъ соединяли общія страданія и скорби, имѣли великую другъ къ другу любовь.

5. Скорбь есть какая-то неразрывная связь, усиленіе любви, условіе сокрушенія (сердечнаго) и благомыслія. Послушай, что говоритъ Давидъ: *благо мнѣ, Господи, яко смирилъ мя еси, яко да научуся оправданіемъ Твоимъ* (Псал. cxviii, 71); и еще другой пророкъ говоритъ: *благо есть мужу, егда возметъ яремъ въ юности своей* (Плач. Іер. ш, 27); и еще: *блаженъ человѣкъ, егоже аще накажеши Господи* (Пс. xliii, 12); и нѣкто иной говоритъ: *не пренебрегай наказанія Господня* (Притч. ш, 11); и въ другомъ мѣстѣ: *аще приступаеши работати Господеви, уготови душу твою во искушеніе* (Сир. п, 1). Также и Христосъ говорилъ ученикамъ Своимъ: *въ мірѣ скорбни будете, но дерзайте* (Іоан. xvi, 33); и еще: *восплачетеся и возрыдаете вы, а міръ возрадуется* (ст. 20); и еще: *узкій и тѣсный путь* (Мѳ. vii, 14). Видишь ли, что скорбь повсюду восхваляется, повсюду представляется необходимою для насъ? Дѣйствительно, если и при внѣшнихъ подвигахъ безъ нея никто не получаетъ вѣнца,—безъ того, чтобы укрѣпить себя трудами, отреченіемъ отъ пищи, правилами воздержанія, бдѣніями и безчисленными другими средствами,—то тѣмъ болѣе здѣсь. Кого желаешь ты (представить)? Царя ли? Но и онъ ведетъ жизнь не беззаботную, напротивъ, полную многихъ скорбей и заботъ. Ты смотри не на діадему, а на бурю безпокойствъ, отъ которой раждается для него смятеніе, не на порфиру, а на душу его, затуманившуюся болѣе этой порфиры. Не
295 столько вѣнецъ охватываетъ голову, сколько безпокойство душу. Смотри не на множество тѣлохранителей, но на множество печалей,—нельзя вѣдь найти ни одного частнаго дома, который былъ бы исполненъ такихъ заботъ, какихъ (исполнены) царскіе чертоги. Различные роды смерти каждодневно тамъ ожидаются отъ своихъ же, и кровь видится и предъ трапезой, и предъ напитками. А въ ночное время, какъ они часто вскакиваютъ и вспрыгиваютъ тревожимые мечтаніями,—этого и сказать нельзя! И это бываетъ въ мирное время; а если настаетъ война, то заботы еще болѣе увеличиваются. Итакъ, что можетъ быть жалостнѣе этой жизни? А сколько безпокойства отъ своихъ—разумѣю подчиненныхъ? Вѣрно также и то, что царскій помостъ всегда напитанъ бываетъ родственною кровію. Если угодно, я кое-что разскажу, — и вы тотчасъ узнаете, что это (дѣйствительно) такъ бываетъ. Въ особенности я скажу о (событіяхъ) древнихъ, впрочемъ хорошо сохранившихся въ памяти, и о нѣкоторыхъ, случившихся въ наши времена. Нѣкто, говорятъ, подозрѣвая жену въ прелюбодѣяніи, привязалъ ее нагую къ горамъ и предалъ звѣрямъ, тогда какъ

она была уже у него матерію многихъ царей. Какую же, вы думаете, онъ велъ жизнь? Если бы онъ не истаивалъ отъ сильной страсти, то не употребилъ бы такого наказанія. Онъ же самый умертвилъ и сына своего: къ тому же братъ его умертвилъ самъ себя съ дѣтьми своими. А говорятъ, что онъ умертвилъ и брата своего. Еще—одинъ самъ себя лишилъ жизни, будучи схваченъ тираномъ, а другой умертвилъ своего племянника, имѣвшаго съ нимъ участіе въ царствѣ, которое самъ ему предоставилъ. Иной видѣлъ жену свою погибшею отъ лѣкарствъ: она не раждала, и какая-то несчастная и бѣдная женщина (подлинно несчастная и бѣдная, потому что своимъ искусствомъ надѣялась доставить даръ Божій), давши лѣкарства, и царицу погубила, и сама вмѣстѣ погибла. Другой опять послѣ того умерщвленъ ядовитыми лѣкарствами, и чаша была уже для него не питьемъ, но смертію. Сыну же его, не сдѣлавшему никакого преступленія, по страху будущаго, былъ выколотъ глазъ. Иной—нехорошо и сказать, насколько жалостно кончилъ жизнь! А изъ бывшихъ послѣ, одинъ, какъ бы какой бѣдный и несчастный, сожженъ былъ съ лошадьми, домами и всѣми другими вещами, жена же осталась вдовою. Невозможно и высказать, какія жизненныя огорченія онъ принужденъ былъ претерпѣть въ то время, когда поднялъ оружіе. И этотъ нынѣ царствующій не съ того ли времени, какъ украшенъ діадемою, находится въ трудахъ, опасностяхъ, скорбяхъ, печаляхъ, напастяхъ, и среди козней? Но царство небесное не таково: съ пріобрѣтеніемъ его—миръ, жизнь, радость и веселіе. А (здѣшняя) жизнь, какъ я сказалъ, не можетъ быть безбѣдною. Если состояніе царское, въ отношеніяхъ житейскихъ блаженнѣйшее, исполнено такихъ несчастій, то что же сказать о состояніяхъ частныхъ? А сколько другихъ золъ,—и пересказать нельзя. Сколько и басенъ изъ этого составилось? Всѣ почти трагедіи, представляемыя на сценѣ, взяты отъ царей, равно и миѳы, въ которыхъ тоже большая часть заимствована изъ того, что въ дѣйствительности было, почему они и доставляютъ удовольствіе, каковы, напр., Ѳіестовы пиршества, и (миѳъ о томъ) какъ весь этотъ домъ погибъ отъ несчастій.

6. Но это мы знаемъ изъ сочиненій свѣтскихъ. Если же хотите, то мы скажемъ и отъ Писанія. Саулъ первый царствовалъ, 296
но вы знаете, какъ и онъ погибъ, испытавши безчисленныя бѣдствія. Послѣ него Давидъ, Соломонъ, Авія, Езекія, Осія—также, потому что невозможно пройти настоящую жизнь безъ скорби, безъ трудовъ и безъ печали. Но мы скорбимъ не о томъ, о чемъ цари, а о томъ, отъ чего получаемъ великую пользу. *Печаль бо по Бозѣ покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ* (2 Кор. VII, 10).

Объ этомъ надлежитъ печалиться, объ этомъ скорбѣть, объ этомъ сокрушаться. Такъ Павелъ сокрушался о согрѣшающихъ, о нихъ онъ плакалъ: *отъ печали бо многія*, говоритъ онъ, *и туги сердца писахъ вамъ многими слезами* (2 Кор. II, 4). Такъ какъ онъ не имѣлъ причины скорбѣть о своихъ грѣхахъ, то скорбѣлъ о чужихъ, и такъ скорбѣлъ, что считалъ ихъ собственными. Другіе соблазнялись, и онъ воспламенялся; другіе были немощны, и онъ сочувствовалъ немощамъ (2 Кор. XI, 29). Такая печаль—благо, она лучше всякой мірской радости. Кто сѣтуетъ такимъ образомъ, того я предпочитаю всѣмъ людямъ: даже и самъ Господь ублажаетъ этихъ плачущихъ, сострадательныхъ. Не столько я удивляюсь Павлу, подвергавшемуся опасностямъ, или лучше, не менѣе удивляюсь ему по причинѣ бѣдствій, отъ которыхъ онъ умиралъ ежедневно, чѣмъ сколько это меня восхищаетъ (т. е. что онъ скорбѣлъ за другихъ). Это происходило отъ души боголюбивой и любвеобильной, отъ любви, какой самъ Христосъ желалъ, отъ сострадапія братскаго и отеческаго, или даже гораздо большаго, чѣмъ то и другое (состраданіе). Въ такомъ должно быть расположеніи, такъ должно плакать: такія слезы преисполнены великаго веселія; такое рыданіе есть условіе радости. И не говори мнѣ: какая польза отъ моихъ слезъ тѣмъ, о которыхъ я плачу? Хотя мы ни мало не поможемъ оплакиваемымъ, но самимъ себѣ безъ сомнѣнія принесемъ пользу. Кто столько скорбитъ о (грѣхахъ) чужихъ, тотъ тѣмъ болѣе будетъ скорбѣть о собственныхъ; кто такъ оплакиваетъ чужія, тотъ и своихъ согрѣшеній не оставитъ безъ слезъ, а вѣрнѣе даже не скоро и согрѣшитъ. Но, что всего ужаснѣе, мы, которымъ заповѣдано плакать такимъ образомъ о согрѣшающихъ, не показываемъ никакого раскаянія и въ собственныхъ (грѣхахъ); напротивъ, погибая (въ беззаконіяхъ), не обнаруживаемъ ни малѣйшей скорби, и о всемъ заботимся болѣе, о всемъ помышляемъ болѣе, чѣмъ о своихъ согрѣшеніяхъ. Потому-то мы радуемся безполезною мірскою радостію, которая скоро исчезаетъ и раждаетъ безчисленныя горести. Итакъ, будемъ скорбѣть скорбію, раждающею радость: не станемъ услаждаться радостію, раждающею скорбь. Прольемъ слезы, посѣвающія великое удовольствіе, и не станемъ смѣяться смѣхомъ, раждающимъ для насъ скрежетъ зубовъ. Будемъ печалиться печалію, отъ которой происходитъ отрада, и не будемъ искать увеселеній, отъ которыхъ раждается великая скорбь и болѣзнь. Потрудимся на землѣ мало, чтобы вкушать непрерывное веселіе на небесахъ. Будемъ подвергать себя скорби въ этой тлѣнной жизни, чтобы въ вѣчности получить покой. Не будемъ веселиться въ этомъ краткомъ вѣкѣ, чтобы не воздыхать въ вѣчности. Или не

видите, какъ многіе скорбятъ здѣсь о вещахъ житейскихъ? Подумай, что и ты одинъ изъ таковыхъ, и переноси скорбь и болѣзнь, укрѣпляясь надеждою на будущія блага). Ты не лучше Павла, не лучше Петра, которые никогда не имѣли покоя, но провели всю жизнь въ голодѣ, жаждѣ и наготѣ. Если ты хочешь получить то же, что и они, то для чего идешь противоположнымъ путемъ? Если хочешь достигнуть того града, котораго удостоены они, то иди путемъ, ведущимъ туда. А ведетъ туда путь не отрады, но скорби; первый пространенъ, послѣдній тѣсенъ. Пойдемъ же этимъ послѣднимъ, чтобы намъ получить вѣчную жизнь во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. 207—208

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО,
АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО,
ТОЛКОВАНІЕ НА ПОСЛАНІЕ КЪ КОЛОССЯНАМЪ.

БЕСѢДА I.

299 **Павелъ апостолъ Іисусъ Христовъ волею Божіею, и Тимоѳей братъ, сущимъ въ Колоссаехъ святымъ и вѣрнымъ братіямъ о Христѣ, благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа (Кол. I, 1, 2).**

1. Всѣ посланія Павла святы; но тѣ, которыя онъ писалъ, находясь въ узахъ,—каковы къ ефесянамъ, къ Филимону, къ Тимоѳею, къ филиппійцамъ, и каково это настоящее,—заключаютъ въ себѣ что-то болѣе; а и это онъ послалъ, находясь въ узахъ, какъ самъ говоритъ: *сяже ради и связанъ есмь, да явлю ю, якоже подобаетъ ми глаголати* (Кол. IV, 4). Но это посланіе, кажется, позднѣе посланія къ римлянамъ; послѣднее писалъ онъ, еще не видавши римлянъ, а это, когда уже видѣлъ ихъ и приближался къ концу проповѣдническаго служенія, что очевидно изъ слѣдующаго: въ посланіи къ Филимону онъ говоритъ: *таковъ сый, якоже Павелъ старецъ* (Фил. 9), и проситъ объ Онисимѣ; а въ этомъ посылаетъ самого Онисима, какъ говоритъ: *со Онисимомъ вѣрнымъ и возлюбленнымъ братомъ* (Кол. IV, 9), называя его вѣрнымъ, возлюбленнымъ и братомъ. Потому въ этомъ посланіи выражается увѣренно: *отъ упованія благовѣствованія, еже слышасте, проповѣданное всей твари поднебеснѣй* (Кол. I, 23), такъ какъ про-

повѣдь уже имѣла время. Посланіе же къ Тимоѳею, думаю, написано позднѣе этого,—оно написано предъ самою кончиною, такъ какъ въ немъ говоритъ: *азъ бо уже жренъ бываю* (2 Тим. IV, 6). Но все же оно старше посланія къ филиппійцамъ, такъ какъ въ 300
немъ является онъ при началѣ узъ въ Римѣ. Почему же я говорю, что эти посланія заключаютъ въ себѣ нѣчто болѣе? Потому, что онъ писалъ ихъ, находясь въ узахъ. Какъ писалъ бы мужественный воинъ съ поля битвы, на которомъ онъ поставилъ трофеи,—такъ дѣлаетъ и онъ. Онъ самъ зналъ, что это—дѣло великое. Такъ, пиша къ Филимону, онъ говоритъ: *егоже родихъ во узахъ моихъ* (Фил. 10). И это сказалъ, чтобы мы не только не унывали въ бѣдствіяхъ, но и радовались. При этомъ былъ съ ними Филимонъ, потому что и тамъ говоритъ: *и Архиппу совоинственнику нашему* (Фил. 2), и тутъ: *рцыте Архиппу* (Кол. IV, 17). Мнѣ кажется, что ему поручено было какое-либо церковное дѣло. Павелъ не видѣлъ ни ихъ, ни римлянъ, ни евреевъ, когда писалъ къ нимъ. О послѣднихъ упоминаетъ онъ во многихъ мѣстахъ, а о тѣхъ—послушай, что говоритъ: *и елицы не видѣша лица моего во плоти* (Кол. II, 1), и опять: *аще бо и плотію отстою, но духомъ съ вами есмь* (Кол. II, 5). Онъ зналъ, что его присутствіе вездѣ весьма важно, а потому, и не находясь у нихъ, онъ всегда представлялъ себя какъ бы находящимся: такъ, смотри, когда онъ наказываетъ блудника, онъ представляетъ себя на судилищѣ: *азъ убо аще*, говоритъ, *не у васъ сый тѣломъ, ту же живый духомъ, уже судихъ, яко тамо сый* (1 Кор. V, 3); и опять: *пріиду къ вамъ и уразумѣю не слово разгордѣвшихся, но силу* (1 Кор. IV, 19); и опять: *не якоже въ пришествіи моемъ точію, но много паче во отшествіи моемъ* (Филип. II, 12). *Павелъ апостолъ Іисусъ Христовъ волею Божіею.* Нужно сказать и о содержаніи, какое мы находимъ въ 301
посланіи. Въ чемъ же состоитъ оно? (Колоссяне) приводимы были къ Богу чрезъ ангеловъ, держались многихъ іудейскихъ и языческихъ обычаевъ: (въ посланіи) это исправляется. Для того (Павелъ) въ самомъ началѣ говоритъ: *волею Божіею* (διὰ θελήματος θεοῦ), при чемъ опять употребилъ διὰ (чрезъ). *И Тимоѳей братъ.* Слѣдовательно и онъ былъ апостолъ; вѣроятно, знали и его. *Въ Колоссаехъ святымъ.* Колоссы былъ городъ фригійскій и, какъ извѣстно, недалеко отстоялъ отъ Лаодикіи. *И вѣрнымъ братіямъ о Христѣ.* Какъ, скажи мнѣ, ты сдѣлался святымъ? Почему называешься вѣрнымъ? Не потому ли, что освятился смертію Христа? Не потому ли, что вѣруешь во Христа? Какъ ты сталъ братомъ? Вѣдь ни въ дѣлѣ, ни въ словѣ, ни въ подвигѣ ты не показалъ себя вѣрнымъ: почему же, скажи мнѣ, ввѣрены тебѣ такія тайны? Не ради ли Христа? *Благодать вамъ и миръ отъ Бога*

Отца нашего. Откуда вамъ благодать? Откуда миръ? *Отъ Бога Отца нашего,* говоритъ. Но имени Христа онъ не вноситъ сюда. Спрашиваю хулителей Духа: откуда Богъ Отецъ рабовъ? Кто (изъ рабовъ) совершилъ столь великія дѣла? Кто сдѣлалъ тебя святымъ? Кто—вѣрнымъ? Кто—сыномъ Божіимъ? Содѣлавшій тебя достойнымъ вѣры,—тотъ самъ и виновникъ того, что тебѣ ввѣрено.

2. Вѣрными мы называемся не потому только, что вѣруемъ, но и потому, что Богъ ввѣрилъ намъ тайны, которыхъ прежде насъ и ангелы не знали. Впрочемъ Павелъ полагаетъ это безразлично. *Благодаримъ Бога Отца Господа нашего Іисуса Христа.* Мнѣ кажется, онъ все относитъ къ Отцу, такъ чтобы не вдругъ обратить къ нимъ слово. *Всегда о васъ молящеся* (ст. 3). Онъ показываетъ любовь свою къ нимъ не только благодареніемъ, но и непрестанною молитвою, потому что и кого не видѣлъ, и тѣхъ всегда имѣлъ въ себѣ. *Слышавше вѣру вашу, яже во Христѣ Іисусѣ.* Выше упомянулъ о Господѣ нашемъ, а здѣсь объ Іисусѣ Христѣ. Самъ Онъ—Господь, говоритъ онъ,—не (сказалъ): рабы Іисуса Христа,—и вотъ знаменія благодѣянія: *Той бо спасетъ люди своя отъ грѣхъ ихъ* (Мѳ. I, 21), сказалъ (евангелистъ). *Слышавше вѣру вашу, яже во Христѣ Іисусѣ, и любовь, юже имате ко всѣмъ святымъ* (ст. 4). Павелъ уже располагаетъ ихъ къ себѣ; тотъ, кто возвѣщаетъ это, бываетъ пріятенъ. Посланіе отправляетъ онъ съ Тихикомъ, котораго удержалъ у себя. *И любовь,* говоритъ, *юже имате ко всѣмъ святымъ,*—а не къ нѣкоторымъ только,—слѣдовательно и къ намъ. *За упованіе отложенное вамъ на небесѣхъ:* говоритъ о будущихъ благахъ. Это—противъ искушеній, чтобы успокоенія не искать здѣсь. А иначе кто-нибудь сказалъ бы: что пользы любить святыхъ, когда они бѣдствуютъ? Мы радуемся, говоритъ, что вы стяжали себѣ великія (блага) на небесахъ. *За*
302 *упованіе отложенное:* указываетъ на нѣчто безопасное. *Еже прежде слышасте въ словеси истины.* Это—укорительное слово для нихъ за то, что, имѣя съ давняго времени, они измѣнили. *Еже прежде слышасте,* говоритъ, *въ словеси истины благовѣствованія* (ст. 5). И истину свидѣтельствуетъ словомъ—справедливо, потому что лжи въ немъ нѣтъ. *Благовѣствованія:* не говоритъ—проповѣди, но называетъ благовѣствованіемъ, непрестанно напоминая имъ о благодѣяніяхъ Божіихъ, и самое напоминаніе имъ объ этомъ дѣлаетъ, сперва похваливъ ихъ. *Сущаго въ васъ, якоже и во всемъ мірѣ.* Здѣсь уже (Павелъ) говоритъ пріятное имъ. *Сущаго въ васъ*—сказано метафорически: не то, что пришло оно, говоритъ, и удалилось, но тамъ остается и пребываетъ. Потомъ, такъ какъ многіе тогда особенно утверждаются въ ученіи, когда имѣютъ многихъ

собвшиковъ, то и прибавляетъ: *якоже и во всемъ міръ.* Оно вездѣ присуще, вездѣ владычествуетъ, вездѣ стоитъ. *И есть плодоносно и растимо, якоже и въ васъ.* Плодоносно оно дѣлами, растимо—тѣмъ, что многихъ принимаетъ, что болѣе утверждаетъ; вѣдь и растенія тогда бываютъ густы, когда растеніе стоитъ твердо. *Якоже и въ васъ.* Похвалами (Павелъ) напередъ овладѣваетъ слушателемъ, чтобы онъ не удалился противъ воли. *Отъ негоже дне слышасте.* Удивительно, что вы скоро пришли и увѣровали и тотчасъ въ самомъ началѣ показали плоды. *Отъ негоже дне слышасте, и разумѣсте благодать Божію во истинѣ* (ст. 6),—не въ рѣчи, не въ обманѣ, а въ самыхъ дѣлахъ. Это выражаетъ онъ словомъ: *плодоносно,* то есть богато знаменіями и чудесами, которыя вы тотчасъ приняли, какъ скоро познали благодать Божію. А что тотчасъ показываетъ свою силу, тому развѣ не тяжело не вѣрить? *Якоже и увѣдѣсте отъ Эпафраса возлюбленнаго сработника нашего:* онъ, вѣроятно, тамъ проповѣдывалъ,—отъ него узнали вы евангеліе. Потомъ, показавъ, что этотъ мужъ достоинъ довѣрія, говоритъ: *сработника нашего. Иже есть вѣренъ о васъ служитель Христовъ, иже и яви намъ вашу любовь въ Дусѣ* (ст. 7—8). Не сомнѣвайтесь, говоритъ, касательно будущей надежды,—видите, что вселенная обращается. И нужно ли говорить, что происходитъ у другихъ? Помимо этого, и происходящее у васъ достойно вѣры,—потому что *разумѣсте благодать Божію въ истинѣ,* то есть въ дѣлахъ. Этими двумя (вещами) утверждается будущее—тѣмъ, что всѣ увѣровали, и тѣмъ, что—вы. И не иное произошло, а иное говорилъ Эпафрасъ,—нѣтъ, говоритъ,—онъ *есть вѣренъ,* то есть истиненъ. Но почему онъ—*служитель о васъ?* Потому, что пошелъ (къ Павлу): *иже и яви намъ,* говоритъ, *вашу любовь въ Дусѣ,* т. е. духовную любовь къ намъ. Если же онъ—служитель Христовъ, то какъ вы говорите, что приведены чрезъ ангеловъ? *Иже и яви намъ,* говоритъ, *вашу любовь въ Дусѣ:* это любовь дивная и твердая, тогда какъ другія носятъ только имя любви. Нѣкоторыя бываютъ не таковы; но это—не дружба, а потому и легко расторгается.

3. Много есть случаевъ пріобрѣтать дружбу: о постыдныхъ мы теперь упоминать не будемъ,—никто вѣдь не станетъ возра- 303
жать противъ того, что они дурны,—но, если хотите, выведемъ наружу случаи естественные и житейскіе. Житейскіе бываютъ, напримѣръ, тѣ, когда кто-либо получаетъ (отъ другого) нѣчто доброе, пріобрѣтаетъ друга отъ предковъ, раздѣляетъ съ кѣмъ-нибудь трапезу или путешествіе, либо живетъ въ сосѣдствѣ. Хороши и эти случаи. Къ нимъ относится также одинаковость занятій, хотя тутъ не бываетъ искренности, тутъ—мѣсто ревности и

зависти. Естественные же случаи дружбы,—напримѣръ, отца къ сыну, сына къ отцу, брата къ брату, дѣда къ внуку, матери къ дѣтямъ,—прибавимъ, если угодно,—и жены къ мужу,—потому что всѣ случаи брачные принадлежать къ числу житейскихъ и земныхъ. Послѣдніе кажутся сильнѣе первыхъ; говорю—кажутся, потому что часто преодолѣваются первыми: иногда друзья (по житейскимъ отношеніямъ) бываютъ искреннѣе расположены, чѣмъ братья (къ братьямъ) и сыновья къ отцамъ; иной, и состоя въ родствѣ, не поможетъ, а иной, не будучи и знакомъ, придетъ и поможетъ. Но любовь духовная—выше всякой другой любви, она, точно какая-то царица, владычествуетъ надъ своими, и потому блистательнѣе (ихъ) одѣта; ничто земное не раждаетъ ее, какъ ту,—ни привычка, ни благодѣяніе, ни природа, ни время: она нисходитъ свыше, съ небесъ. И что̀ удивительнаго, если для своего существованія она не имѣетъ нужды въ благодѣяніи, если и отъ злостраданій не гибнетъ? А что она болѣе той, выслушай слова Павла: *молилбыхся самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей* (Рим. IX, 3). Какой отецъ пожелалъ бы (ради дѣтей) быть въ несчастіи? И опять: *разрѣшитися и со Христомъ быти много паче лучше: а еже пребывати во плоти нужнѣйше есть васъ ради* (Филип. I, 23, 24). Какая мать рѣшилась бы сказать это, выражая пренебреженіе къ дѣтямъ? И опять послушай, что говоритъ: *осиротѣвше бо отъ васъ ко времени часа, лицемъ, а не сердцемъ* (1 Θесс. II, 17). Тамъ отецъ, будучи оскорбленъ, прекращаетъ дружбу; а здѣсь не такъ,—здѣсь онъ идетъ къ побивавшимъ его камнями, съ цѣлію благодѣтельствовать имъ. Нѣтъ ничего, подлинно ничего столь крѣпкаго, какъ узы духа. Кто становится другомъ, получая благодѣянія, тотъ, если они не будутъ непрерывны, сдѣлается врагомъ; кто сталъ неразлученъ по привычкѣ, тотъ, когда привычка прервется, погашаетъ дружбу. Жена, когда (между супругами) происходитъ драка, оставляетъ мужа и прекращаетъ любовь; сынъ, когда видитъ, что отецъ его долго живетъ, начинаетъ тяготиться. Но въ любви духовной нѣтъ ничего такого; она ничѣмъ такимъ не разрушается, такъ какъ и составъ ея не таковъ. Ни время, ни долгій путь (жизни), ни злостраданіе, ни выслушиваніе непріятностей, ни гнѣвъ, ни оскорбленіе,—ничто не проникаетъ въ эту любовь и не можетъ разрушить ее. Знай,—Моисей побиваемъ былъ камнями (отъ евреевъ) и просилъ за нихъ (Исх. XVII). Какой отецъ сдѣлалъ бы это за (сына) бросившаго въ него камень? Напротивъ, не напалъ ли бы онъ на него самъ? Этой-то дружбы духовной должны мы искать, потому что она крѣпка и неразрывна, а не (дружбы) застольной, которую туда (въ жизнь духа) и вводить возбраняется. Послу-

шай, въ самомъ дѣлѣ, что говоритъ Христосъ въ Евангеліи: *не зови друговъ твоихъ, ни сосѣдъ твоихъ, егда сотвориши обѣдъ, но* 304
маломощныя и хромыя (Лук. XIV, 12, 13). И это справедливо,—потому что за нихъ (назначена) великая награда. Но ты не можешь, ты не въ силахъ пировать съ хромыми и слѣпыми, ты почитаешь это тяжелымъ и скучнымъ? Не слѣдовало бы, конечно (избѣгать этого): впрочемъ въ этомъ нѣтъ необходимости: если уже ты не сажаешь ихъ съ собою, то посылай къ нимъ кушанья съ своего стола. Вѣдь кто пригласилъ друзей, тотъ не сдѣлалъ ничего великаго, и здѣсь уже получилъ награду; а кто приглашаетъ маломощнаго и бѣднаго, тотъ имѣетъ своимъ должникомъ Бога. Итакъ, мы должны скорбѣть не о томъ, что не получаемъ здѣсь (воздаянія), а о томъ, что получаемъ, потому что тамъ уже не получимъ. Или, что то же, если человѣкъ воздастъ, Богъ не воздастъ; а если не воздастъ человѣкъ, воздастъ Богъ. Постараемся же благодѣтельствовать не тѣмъ, которые могутъ воздать намъ, и благодѣтельствовать не съ такими надеждами: это—холодный расчетъ. Если приглашаешь друга, то пріобрѣтаешь благодарность до вечера, слѣдовательно эта временная дружба истрачивается скорѣе издержекъ: если же зовешь бѣднаго и маломощнаго, то благодарность никогда не гибнетъ, потому что (въ этомъ случаѣ) ты имѣешь должникомъ Бога, который всегда помнитъ и никогда не забываетъ. И какъ велика, скажи мнѣ, мелочность души—не смочь посидѣть съ бѣдными! Что говоришь ты? Бѣдный нечистъ, грязенъ? Такъ умой его, и потомъ веди за свою трапезу. У него изорванная одежда? Перемѣни же ее и дай ему чистое платье.

4. Не видишь ли, сколько тутъ пользы? Чрезъ него приходитъ къ тебѣ Христосъ, и ты изъ-за него уничижаешь Христа? Приглашая къ трапезѣ Царя, ты въ лицѣ бѣдныхъ боишься Его? Пусть будутъ поставлены два стола, и одинъ будетъ полонъ этими—слѣпыми, сгорбленными, хромыми, не имѣющими то руки, то голени, не обутыми, покрытыми только верхнею одеждою, да и то изорванною; а за другимъ пусть сядутъ вельможи, военачальники, мѣстоблюстители, великіе правители, облеченные дорогими одеждами и тонкими тканями, и опоясанные золотыми поясами. Опять, тамъ—на трапезѣ бѣдныхъ пусть не будетъ ни серебра, ни изобилія вина, а лишь сколько нужно, чтобы развеселить человѣка, кубки же и прочіе сосуды пусть будутъ только стеклянные; напротивъ здѣсь—на трапезѣ богатыхъ всѣ сосуды пускай будутъ изъ серебра и золота, а полукруглый столъ пусть будетъ такой, что одному нельзя будетъ и снести его, и только два прислужника едва смогутъ его двинуть, пусть и чаша бу-

детъ вызолоченная, вѣсомъ въ пол-таланта, такъ чтобы съ трудомъ могли нести ее два юноши, пускай также стоитъ здѣсь цѣлый рядъ амфоръ, блестящихъ не серебромъ, но гораздо лучше—золотомъ, и полукруглый столъ пусть будетъ весь накрытъ мягкою скатертью. Опять—здѣсь пускай стоитъ много слугъ, разукрашенныхъ нарядами не меньше, чѣмъ возлежащіе, и пусть будутъ они блистательно одѣты, въ широкихъ шароварахъ, прекрасны видомъ, цвѣтущи возрастомъ, сильные и полнотѣлые: а тамъ пускай стоятъ только два служителя, поправшіе всякую пышность. И предъ этими пусть будетъ поставлено много дорогихъ кушаній, а предъ тѣми лишь столько, сколько нужно для утоле-
302 нія голода и подкрѣпленія (человѣка). Довольно ли сказалъ я? Надлежащимъ ли образомъ приготовлены обѣ трапезы? Нѣтъ ли въ чемъ недостатка? Не думаю; я коснулся и гостей, и многоцѣнности сосудовъ, и убранствъ, и яствъ. Впрочемъ, если что и пропустили мы, то пропущенное найдемъ въ дальнѣйшей рѣчи. Итакъ, когда та и другая трапеза получила у насъ приличный видъ,—посмотримъ, гдѣ вы возляжете. Я-то пойду туда, гдѣ сидятъ слѣпые и хромые; а многіе изъ васъ изберутъ, быть можетъ, эту торжественную и блестящую трапезу военачальниковъ. Посмотримъ же, которая исполнена большаго удовольствія. Будущаго мы не станемъ еще изслѣдовать, потому что въ будущемъ-то преимуществуетъ моя. Почему? Потому что за нею будетъ возлежать Христосъ, а за этою—люди, за тою Владыка, а за этою рабы. Но объ этомъ пока не будемъ говорить, а посмотримъ, за которою трапезою больше удовольствія въ настоящемъ. И съ этой стороны удовольствіе (сидѣть съ бѣдными) болѣе велико: возлежаніе за трапезою съ царемъ приноситъ конечно больше удовольствія, чѣмъ возлежаніе съ рабами; но исключимъ это и изслѣдуемъ дѣло само по себѣ. Я и другіе, вмѣстѣ со мною избравшіе эту трапезу, съ большою свободою и смѣлостію будемъ обо всемъ говорить и слушать другъ друга; а вы, страшась и трепеща, и стыдясь совозлежащихъ, не дерзнете даже протянуть руку, точно пришли не на обѣдъ, а въ школу, и точно трепещете предъ жестокими господами. Не такъ бываетъ у тѣхъ. Но какая великая честь, скажешь ты! Да, я пользуюсь большею честію. Ваше ничтожество тогда-то рѣзко и обнаруживается, когда, принимая участіе въ этой трапезѣ, вы говорите рабски, потому что рабъ тогда-то особенно и является рабомъ, когда возлежитъ за трапезою съ господиномъ. Находясь тамъ, гдѣ ему не слѣдуетъ быть, онъ чрезъ это сближеніе не столько получаетъ чести, сколько подвергается униженію,—тогда именно онъ и бываетъ очень унижаемъ. И раба увидишь ты славнымъ, когда

онъ—самъ по себѣ, и бѣднаго славнымъ, когда онъ—самъ по себѣ, а не тогда, когда идетъ рядомъ съ богатымъ. Низкое тогда является низкимъ, когда стоитъ подлѣ высокаго: отъ сравненія низкое становится ниже, а не выше. Такимъ же образомъ возлежаніе съ тѣми за трапезою ничтожнѣе дѣлаетъ васъ, а не насъ. Мы имѣемъ преимущество предъ вами въ двухъ отношеніяхъ,—въ свободѣ и чести, съ которыми, когда дѣло идетъ объ удовольствіи, ничто сравниться не можетъ. Лучше соглашусь я питаться хлѣбомъ, наслаждаясь свободою, чѣмъ многочисленными кушаньями, терпя рабство. *Лучше*, говоритъ (Премудрый), *учрежденіе отъ зелій съ любовію и благодатію, нежели представленіе тельцевъ со враждою* (Прит. XV, 17). Ставшіе въ рядъ нахлѣбниковъ или сдѣлавшіеся еще хуже ихъ, что ни говорили бы, необходимо должны либо хвалить присутствующихъ, либо оскорблять ихъ. Они, хотя со стыдомъ и досадою, все же имѣютъ смѣлость говорить; а у васъ нѣтъ и этого. Таково ваше ничтожество: вы боитесь и ползаете, а чести никакой. Итакъ, та трапеза лишена всякаго удовольствія; а эта напротивъ исполнена всяческой утѣхи.

5. Но изслѣдуемъ и самое свойство кушаній. Тамъ, хотя и 306
не хочешь, по необходимости вредишь себѣ множествомъ вина: а здѣсь, кто не желаетъ, можетъ не ѣсть и не пить. Такимъ образомъ тамъ и предшествующее чувство упиженія, и послѣдующая за пресыщеніемъ тягость уничтожаютъ удовольствіе, возбуждаемое качествомъ кушаній. А дѣйствительно, пресыщеніе не менѣе, чѣмъ голодъ, даже гораздо сильнѣе, разрушаетъ тѣла и подвергаетъ ихъ болѣзнямъ. Дай мнѣ кого хочешь, я скорѣе расторгну его пресыщеніемъ, чѣмъ голодомъ: безспорно послѣдній сноснѣе перваго. Голодъ можно перенести дней двадцать; а пресыщенія не перенесть и два дня. Непрестанно борясь съ голодомъ, поселяне пользуются здоровьемъ и не нуждаются во врачахъ; а этого, разумѣю пресыщенія, не могутъ выдержать и тѣ, которые то и дѣло призываютъ врачей,—или, лучше сказать, тиранство его часто посрамляетъ ихъ помощь. Итакъ, что касается до удовольствія,—трапеза бѣдныхъ имѣетъ преимущество. Если быть въ чести пріятнѣе, чѣмъ въ безчестіи, имѣть власть пріятнѣе, чѣмъ подчиняться, сохранить смѣлость пріятнѣе, чѣмъ трепетать и бояться, наслаждаться, сколько нужно, пріятнѣе, чѣмъ свыше мѣры погружаться въ волнахъ роскоши,—то въ отношеніи къ удовольствію эта трапеза лучше той. Лучше она и по отношенію къ издержкамъ: та разорительна, а эта нѣтъ. Но что? Возлежащимъ ли только пріятнѣе эта трапеза, или и приглашающему приноситъ она больше удовольствія, чѣмъ та? Вотъ то, о чемъ особенно спрашивается. Созывающій (знатныхъ) приготовляется за

много дней, принужденъ бываетъ хлопотать, заботиться и безпокоиться, забыть сонъ ночью и отдыхъ днемъ, долженъ о многомъ думать самъ съ собою, разговаривать съ поварами, съ пекарями, съ устроителями трапезы. Потомъ, когда наступилъ назначенный день, видишь, что онъ болѣе безпокоенъ, чѣмъ тотъ, кто вступаетъ въ бой, какъ бы не случилось чего непредвидѣннаго, какъ бы не стали говорить худо, какъ бы не нажить многихъ обвинителей. Напротивъ этотъ (приглашающій бѣдныхъ), приготовляя трапезу по домашнему и не тревожась о ней за много дней, свободенъ отъ всѣхъ такихъ заботъ и хлопотъ. И послѣ этого, тотъ немедленно лишается благодарности, а этотъ имѣетъ своимъ должникомъ Бога и питается благими надеждами, находя въ своей трапезѣ пищу для ежедневнаго ликованія. Хлѣбъ иждивается, а благость не иждивается, но ежедневно радуетъ и веселитъ болѣе, чѣмъ (сколько веселятся люди) обильно напояемые виномъ. Ничто столько не питаетъ души, какъ добрая надежда и чаяніе благъ. Но посмотримъ еще, что слѣдуетъ за этимъ. Тамъ—флейты, цитры и свирѣли; здѣсь—ни одной неприличной пѣсни,—а что?—гимны и псалмопѣнія; тамъ воспѣваются демоны, здѣсь—Богъ, Владыка всяческихъ. Смотри, сколько благодарности здѣсь, и сколько непризнательности и безчувственности тамъ. Скажи мнѣ: Богъ напиталъ тебя Своими благами, и напитавшись, надобно бы благодарить Его; а ты вводишь демоновъ? Вѣдь подъ свирѣль распѣваются пѣсни демонамъ. Надлежало бы сказать:
307 благословенъ Ты, Господи, что напиталъ меня Твоими благами; а ты, будто какая не знающая чести собака, даже не помнишь (о Богѣ), а вводишь демоновъ? Да и собаки,—получаютъ ли что, или не получаютъ,—ласкаются къ домашнимъ; а у тебя и этого нѣтъ. Собака, и ничего не получая, ласкается къ господину; а ты, и получая, лаешь на него. Опять, — собака, и благодѣтельствуемая чужимъ, не оставляетъ отъ того вражды къ нему и не вступаетъ съ нимъ въ дружбу; а ты, и терпя отъ демоновъ безчисленныя злодѣянія, вводишь ихъ на обѣды. Поэтому ты вдвое хуже собаки. Кстати вспомнилъ я теперь о собакахъ, примѣнительно къ людямъ, благодарнымъ за получаемое ими добро. Устыдитесь, прошу васъ, собакъ, которыя и голодая ласкаются къ господамъ, тогда какъ ты, слыша, что кому-нибудь послужилъ демонъ, тотчасъ оставляешь Господа, о, безсмысленнѣйшій собаки! Но блудницы, говоришь, возбуждаютъ, когда смотрятъ на нихъ, удовольствіе. Какое удовольствіе? Не всяческое ли безчестіе? Домъ твой сдѣлался домомъ непотребства, бѣшенства и неистовства,— и ты не стыдишься называть это удовольствіемъ? Вѣдь если позволительно наслаждаться всѣми удовольствіями, то величайшимъ

срамомъ будетъ и происходящее отъ нихъ огорченіе. Какимъ образомъ? Не тяжко ли домъ свой сдѣлать непотребнымъ, и наслаждаться удовольствіемъ, подобно свиньямъ, валяющимся въ грязи? Если же это такъ только по наружности, то опять великое горе, потому что воззрѣніе—не удовольствіе, когда за нимъ не слѣдуетъ дѣло, но большее пожеланіе и сильнѣйшій огонь. А хочешь ли знать конецъ? Тѣ, вставая изъ-за стола, уподобляются неистовымъ и бѣснующимся, обнаруживаютъ дерзость, задорливость, и бываютъ смѣшны даже для рабовъ, такъ какъ и домочадцы выходятъ трезвыми, а они пьяными. Какой срамъ! Здѣсь же, напротивъ, не бываетъ ничего такого,—здѣсь обѣдавшіе, заключивъ трапезу благодареніемъ, возвращаются въ свои дома и радостно засыпаютъ, радостно пробуждаются и бываютъ свободны отъ всякаго стыда и отвѣтственности.

6. Если хочешь видѣть и самихъ званныхъ, то увидишь ихъ такими же внутренно, каковы эти внѣшно, то есть слѣпыми, калѣками, хромыми. И каковы у этихъ тѣла, таковы у тѣхъ души—пораженныя водянкою и воспаленіемъ: такова именно надменность. Послѣ роскошнаго пира бываетъ уродство: таковы именно пресыщеніе и пьянство, дѣлающія людей хромыми и кривыми. А этихъ увидишь ты таковыми же по душѣ, каковы тѣ по тѣлу, т. е. свѣтлыми, украшенными: проводя жизнь въ благодареніи, неища ничего, кромѣ довольства, и любомудрствуя, они чрезъ это бываютъ всегда веселы. Посмотримъ здѣсь и тамъ на конецъ. Тамъ необузданное удовольствіе, громкій хохотъ, пьянство, остроты, срамословіе; если сами они стыдятся произносить постыдное, то это дѣлается чрезъ блудницъ; напротивъ здѣсь—человѣколюбіе, кротость. Того, кто зоветъ тѣхъ, вооружаетъ тщеславіе; а кто приглашаетъ этихъ, тотъ возбуждается человѣколюбіемъ и кротостію; эту трапезу устрояетъ человѣколюбіе, а ту—тщеславіе и жестокость въ связи съ несправедливостію и любостяжаніемъ. Та оканчивается, какъ я сказалъ, надменностію, изступленіемъ, неистовствомъ,—таково именно порожденіе тщеславія,—а эта благодареніемъ и славою Божіею. Та больше восхваляется людьми (чѣмъ 308
эта): тому и завидуютъ, а этого всѣ, даже и не облагодѣтельствованные, почитаютъ какъ бы общимъ отцемъ. И какъ не обиженные сострадаютъ обиженнымъ и всѣ сообща бываютъ врагами (обижающихъ), такъ и не облагодѣтельствованные сочувствуютъ облагодѣтельствованнымъ и вмѣстѣ хвалятъ и прославляютъ сдѣлавшаго благодѣяніе. Тамъ много ненависти; а здѣсь много попеченія, много отъ всѣхъ молитвъ. Это такъ теперь; тогда же, когда Христосъ придетъ, этотъ станетъ съ великимъ дерзновеніемъ *и предъ* всею вселенною услышитъ: ты видѣлъ Меня алчу-

щимъ, и напиталъ,—нагимъ, и одѣлъ,—странникомъ, и ввелъ, и т. д., а тотъ выслушаетъ противное: лукавый рабъ и лѣнивый (Мѳ. xxv, 35), и опять: горе нѣжащимся на постеляхъ своихъ и спящимъ на ложахъ изъ слоновой кости, пьющимъ процѣженное вино и мажущимся первѣйшими мазями, какъ бы думали они стоять, а не бѣжать (Амос. vi, 4, 5). Это сказано намъ не просто, но съ тѣмъ, чтобы вы измѣнили свои помыслы и не дѣлали ничего безполезнаго. Почему же, скажешь, не дѣлать мнѣ и этого и того? Такой вопросъ всѣ то и дѣло повторяютъ. Но, скажи мнѣ, что за необходимость, имѣя возможность все дѣлать съ пользою, раздѣлять (свои дѣйствія), и одни направлять не только къ ненужному, но и къ суетному, а другія къ полезному? Скажи мнѣ, если бы во время посѣва одни сѣмена бросилъ ты на камень, а другія на добрую землю,—было ли бы это для тебя безразлично, и сказалъ ли бы ты: какой тутъ вредъ, что тѣ сѣмена бросили мы по пустому, а эти на добрую землю? Почему же бы всѣ не на добрую? Для чего уменьшать пользу? Когда нужно бываетъ пріобрѣтать деньги,—ты не говоришь этого, но отвсюду пріобрѣтаешь; а тамъ—не такъ. Когда нужно бываетъ пустить деньги въ ростъ,—ты не говоришь: для чего однѣ давать бѣднымъ, другія богатымъ, но—все тѣмъ? Почему же такимъ образомъ не расчитываешь и здѣсь, гдѣ столько пользы, и позволяешь себѣ попусту тратиться и суетно растрачивать (свое имущество)? Но и въ этомъ, говоришь, есть польза. Какая, скажи мнѣ? Это увеличитъ дружбу. Нѣтъ ничего холоднѣе людей, дѣлающихся отъ этого друзьями,—отъ трапезы и паразитнаго пресыщенія: нѣтъ ничего непріятнѣе дружбы, получившей такое начало. Не оскорбляй того дивнаго дѣла,—той любви (ἀγάπη), и не говори, что она есть корень твоей трапезы; иначе ты сказалъ бы подобное тому, кто утверждалъ бы, что корень дерева, приносящаго золото и драгоцѣнные камни—не таковъ же, но что это раждается изъ гнили. Хотя бы твоя дружба отсюда родилась, ничего не было бы холоднѣе ея. Тѣ трапезы установляютъ дружбу не къ людямъ, а къ Богу, и (та дружба) опредѣлена постановленіями, какъ (и трапезы) опредѣлены ими. Кто истрачиваетъ иное тамъ, иное здѣсь, тотъ хотя бы и много далъ, не сдѣлалъ ничего великаго; а кто все истрачиваетъ здѣсь, тотъ хотя и немного даетъ, все совершаетъ. Вопросъ—не въ томъ, чтобы дать много или мало, а въ томъ, чтобы дать не меньше, чѣмъ сколько мо-
309—310 жешь. Припомнимъ пять талантовъ и два таланта; припомнимъ положившую двѣ лепты; припомнимъ вдовицу во времена Иліи. Не сказала та, положившая двѣ лепты: какой вредъ, если одну лепту удержу у себя и одну дамъ? Нѣтъ, она отдала всѣ свои

средства. А ты, живущій въ столь великомъ изобиліи, скупѣе ея. Итакъ, не будемъ нерадивы о своемъ спасеніи, но позаботимся о милостынѣ. Ничего нѣтъ лучше ея; это покажетъ время будущее, это же показываетъ и настоящее. Будемъ же жить во славу Бога, и творить то, что Ему благоугодно, чтобы удостоиться намъ обѣтованныхъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА II.

Сего ради и мы, отъ негоже дне слышахомъ, не пре- 309
стаемъ о васъ молящеся и просяще, да исполнитеся въ разумѣ воли его во всякой премудрости и разумѣ духовнѣмъ: яко ходити вамъ достойнѣ Господу во всякомъ угожденіи, во всякомъ дѣлѣ благѣ плодоносяще, и возрастающе въ разумѣ Божіи (Кол. I, 9—10).

1. *Сего ради*: чего ради? Ради того, что мы слышали о вашей вѣрѣ и любви. Имѣя добрую надежду, мы благонадежны въ своихъ прошеніяхъ и на будущее время. Какъ на аренѣ мы особенно возбуждаемъ тѣхъ, которые близки къ побѣдѣ, такъ и Павелъ особенно увѣщеваетъ ихъ, обнаружившихъ большіе успѣхи въ добродѣтели. *Отъ негоже дне слышахомъ*, говоритъ, *не престаемъ о васъ молящеся*. Не одинъ день провели мы въ молитвѣ, не два, не три. Этимъ показываетъ онъ и свою любовь, и слегка намекаетъ, что они еще не дошли до конца,—это выражается словами: *да исполнитеся*. И замѣть благоразуміе этого блаженнаго (апостола): нигдѣ не говоритъ, что они лишены всего, но вездѣ—что имъ недостаетъ. Это значитъ выраженіе: *да исполнитеся;* и опять: *во всякомъ угожденіи, во всякомъ дѣлѣ благѣ;* и еще: *всякою силою возмогающе;* и: *во всякомъ терпѣніи и долготерпѣніи*. Говоря: *во всякомъ*, свидѣтельствуетъ, что они нѣчто совершили, хотя и не все. *И да исполнитеся*, говоритъ, а не (говоритъ): да пріимете,—потому что приняли; напоминаетъ о недостающемъ—*да исполнитеся*. Такимъ образомъ и обличеніе было не тяжелое, и похвала не давала имъ пасть и сдѣлаться безпечными, будто все исполнено. Но что значитъ: *да исполнитеся въ разумѣ воли его?* То, что вы должны быть приведены къ Нему чрезъ Сына, а не чрезъ ангеловъ. Что должны быть приведены, это вы познали; теперь остается вамъ еще узнать, для чего послалъ Онъ Сына

Вѣдь если бы спастись надлежало чрезъ ангеловъ, Онъ не послалъ бы и не предалъ бы Сына. *Во всякой премудрости*, говоритъ, *и разумѣ духовнѣмъ*. Такъ какъ философы обманывали ихъ, то я хочу, говоритъ, чтобы вы водились мудростію духовною, а не человѣческою. Если же для уразумѣнія воли Божіей нужна мудрость духовная, то для уразумѣнія сущности ея (мудрости духовной) нужны непрестанныя молитвы. И Павелъ показываетъ здѣсь, что съ того времени онъ молится, и не окончилъ молитвы, и не оставилъ ея,—это и значитъ выраженіе: *отъ негоже дне слышахомъ*. Такимъ образомъ онъ поставляетъ имъ на видъ великое осужденіе, если съ того времени, вспомоществуемые молитвами, они не исправились. *И просяще*, говоритъ, то есть, съ великою ревно-
310 стію,—на это указываетъ слово: узнали (ἔγνωτε). Но чтобы *ходити вамъ достойнѣ Богу*, нужно еще нѣчто *познать* (ἐπιγνῶναι),—чѣмъ указывается на жизнь и дѣла, такъ какъ онъ и это всегда дѣлаетъ, всегда съ вѣрою соединяетъ образъ жизни. *Во всякомъ угожденіи*. Какимъ же образомъ *во всякомъ угожденіи? Во всякомъ дѣлѣ благѣ плодоносяще, и возрастающе въ разумѣ Божіи*. Какъ онъ вообще открылъ Себя вамъ, говоритъ, и какъ такое знаніе вы приняли, такъ проявите и жизнь достойную вѣры; а наша вѣра требуетъ особенной жизни, гораздо высшей, чѣмъ древняя. Вѣдь кто знаетъ Бога и удостоился быть рабомъ Божіимъ, даже сыномъ,—отъ того, смотри, какая требуется добродѣтель. *Всякою силою возмогающе*. Здѣсь (Павелъ) говоритъ объ искушеніяхъ и гоненіяхъ: молимся, *да исполнитеся возмогающе*, чтобы, то есть, вы не предались нерадѣнію и отчаянію. *По державѣ славы его*. Чтобы вы восприняли, говоритъ, такое рвеніе, какое прилично приписать силѣ славы Его. *Во всякомъ терпѣніи и долготерпѣніи* (ст. 11). Смыслъ этихъ словъ такой: мы усиленно молимся, говоритъ, чтобы вы вели жизнь добродѣтельную и достойную вашего званія, и стояли твердо, какъ слѣдуетъ укрѣпляемымъ отъ Бога. Поэтому пока еще не касается догматовъ, но вращается въ жизни, въ которой не видѣлъ ничего, заслуживающаго обвиненія, и, похваливъ ихъ, за что надлежало, потомъ уже переходитъ къ обвиненію. Такъ поступаетъ онъ и вездѣ: когда пишетъ къ кому-либо, намѣреваясь за одно обвинить, а за другое и похвалить, то прежде хвалитъ и потомъ уже переходитъ къ обвиненіямъ; прежде располагаетъ къ себѣ слушателя и ограждаетъ обвиненіе отъ всякаго подозрѣнія, показывая, что онъ хотѣлъ все только хвалить, и что лишь по необходимости входитъ въ эти обвинительныя разсужденія. Такъ поступаетъ онъ и въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ (гл. v): воздавъ имъ множество похвалъ за то, что они любятъ его, онъ потомъ, начавъ отъ блудника,

переходитъ къ обвиненію. Но въ посланіи къ галатамъ—уже не такъ, а напротивъ (гл. 1); впрочемъ, кто глубже изслѣдуетъ, тотъ найдетъ, что и это обвиненіе предполагаетъ похвалу. Такъ какъ въ то время нельзя было сказать ни о какомъ добромъ ихъ поступкѣ, а обвиненіе было велико, всѣ развратились, и имѣли силу перенести (обвиненіе), то онъ начинаетъ обвиненіемъ, говоря: *дивлюся* (Гал. i, 6), — что также есть похвала, — а потомъ хвалитъ ихъ не за настоящее, а за прошедшее, говоря: *аще бы было мощно, очеса ваша извертѣвше, дали бысте ми* (Гал. iv, 15).

2. *Плодоносяще*, говоритъ, — это о дѣлахъ; *возмогающе*,—это объ искушеніяхъ. *Во всякомъ терпѣніи и долготерпѣніи*, то есть, въ долготерпѣніи другъ къ другу, а въ терпѣніи относительно 311
внѣшнихъ, такъ какъ долготерпѣніе бываетъ тамъ, гдѣ можно бы и отмстить, а терпѣніе тамъ, гдѣ месть невозможна. Потому Богу никогда не приписывается терпѣніе, а долготерпѣніе всегда. Такъ говоритъ этотъ блаженный, пиша и въ другомъ мѣстѣ: *или о богатствѣ благости его и кротости и долготерпѣніи нерадиши* (Рим. ii, 4)? *Во всякомъ*. Не то, что теперь только, а послѣ уже нѣтъ. *Во всякой*, говоритъ, *премудрости и разумѣ духовнѣмъ*,—такъ какъ иначе нельзя познать волю Его. Хотя и думали они, что знаютъ волю Божію, но это была мудрость не духовная. *Ходити вамъ*, говоритъ, *достойнѣ Господа:* это—путь наилучшей жизни, когда кто позналъ Божіе человѣколюбіе; а познаетъ его тотъ, кто можетъ видѣть преданнаго Сына,—онъ будетъ имѣть большее рвеніе. Впрочемъ мы не о томъ только молимся, чтобы вы знали (волю Божію), но чтобы показывали это и самыми дѣлами, такъ какъ знающій и не дѣлающій будетъ наказанъ. *Ходити вамъ*, говоритъ, то есть, всегда, не однажды, а во всякое время. Какъ ходить намъ необходимо, такъ и правильно жить; и такую жизнь справедливо называетъ онъ хожденіемъ, показывая, что эта-то жизнь предложена намъ, и что мірская не такова. И велика похвала въ словахъ его: *ходити вамъ достойнѣ Богу*, и: *во всякомъ дѣлѣ благѣ*, т. е., чтобы вы всегда возрастали и никогда не останавливались, и метафорически: *плодоносяще и возрастающе въ разумѣ Божіи*, т. е., чтобы вы столько облеклись въ силу Божію, сколько это возможно человѣку. *По державѣ его*. Велико утѣшеніе. Не сказалъ: по силѣ, но—по державѣ, что больше. *По державѣ*, говоритъ, *славы его*, такъ какъ вездѣ владычествуетъ слава Божія. Уже тѣмъ былъ утѣшенъ, что вы, терпя поношеніе, снова ходите достойно Господа. Это говоритъ онъ о Сынѣ, Который владычествуетъ всюду—и на небѣ, и на землѣ, слава Котораго всюду царитъ. Не просто говоритъ: возмогли, но: возмогли, какъ свойственно рабамъ столь сильнаго Владыки. *Въ разумѣ Божіи*.

Вмѣстѣ касается и условій знанія: не знать, какъ надобно, Бога— это значитъ заблуждаться. Вы должны, говоритъ, возрастать въ познаніи Бога. Если незнающій Сына не знаетъ и Отца, то справедливо требуется познаніе, такъ какъ безъ него нѣтъ никакой пользы отъ жизни. *Во всякомъ терпѣніи и долготерпѣніи,* говоритъ, *съ радостію благодаряще Бога.* Намѣреваясь потомъ убѣждать ихъ, онъ вначалѣ не упомянулъ, что отложено имъ въ будущемъ, а только намекнулъ объ этомъ, говоря: *за упованіе, отложенное вамъ на небесѣхъ;* здѣсь же упоминаетъ о томъ, что уже было, потому что это служитъ причиной того. Такъ поступаетъ онъ и во многихъ случаяхъ, потому что сбывшемуся уже больше вѣрятъ, и сбывшееся больше занимаетъ слушателя. *Съ радостію,* говоритъ, *благодаряще Бога.* Послѣдовательность мыслей такова: мы не перестаемъ молиться о васъ и благодарить Бога за прежнее. Видишь ли, какъ приступаетъ онъ къ слову о Сынѣ? Вѣдь
312 если благодаримъ съ великою радостію, то велико и то, о чемъ говорится. Можно благодарить и по одному страху, можно благодарить и находясь въ скорби, какъ напр. благодарилъ поверженный въ скорбь Іовъ, почему и сказалъ: *Господь даде, Господь отъятъ* (Іов. I, 21). Пусть никто не говоритъ, что случившееся съ нимъ не возбуждало въ немъ скорби и не повергало его въ уныніе; пусть никто не отнимаетъ великой похвалы у праведника. Если же такъ, то не по страху, не по боязни предъ властію только, а по самому свойству вещей, мы благодаримъ *призвавшаго насъ въ причастіе наслѣдія святыхъ во свѣтѣ* (ст. 12). О великомъ дѣлѣ сказалъ онъ. Дарованное, говоритъ, таково, что оно не только дано, но и сдѣлало насъ сильными для принятія (дарованнаго). Итакъ слово: *призвавшаго* (сдѣлавшаго насъ способными—τῷ ἱκανώσαντι) имѣетъ здѣсь важное значеніе. Пусть бы напримѣръ кто-нибудь изъ низкаго званія сдѣлался и царемъ; въ его власти ввѣрить начальство кому захочетъ; однакожъ онъ въ состояніи даровать только достоинство, а не самую способность начальствовать (а часто честь дѣлаетъ такого человѣка смѣшнымъ); если бы онъ и достоинство далъ ему, и сдѣлалъ его способнымъ къ чести и годнымъ къ управленію, въ такомъ случаѣ честь была бы на дѣлѣ. То же самое говорится и здѣсь, что Онъ не только даровалъ намъ честь, но и содѣлалъ насъ сильными къ принятію ея

3. Дѣйствительно, двойная честь—дать, и приготовить способность (для принятія) дара. (Павелъ) сказалъ не просто—давшаго, но: *призвавшаго* (ἱκανώσαντι) *въ причастіе наслѣдія святыхъ во свѣтѣ,* то есть, поставившаго насъ со святыми. При томъ сказалъ не просто—поставившаго, но и—позволившаго наслаждаться тѣми

же благами, такъ какъ частію *(въ причастіе)* называется то, что получаетъ каждый. Вѣдь можно жить въ томъ же городѣ, не пользуясь тѣми же выгодами; но имѣть ту же часть, не пользуясь тѣми же выгодами, нельзя. Можно принадлежать къ тому же наслѣдію, и не имѣть той же части,—напримѣръ, всѣ мы принадлежимъ къ наслѣдію, но не ту же всѣ имѣемъ часть. Впрочемъ здѣсь говоритъ онъ не объ этомъ, а о части съ наслѣдіемъ. Для чего же называетъ это наслѣдіемъ? Съ цѣлью показать, что добрыми своими дѣлами никто не пріобрѣтаетъ царства, но какъ наслѣдіе зависитъ больше отъ счастія, такъ и здѣсь: никто не обнаруживаетъ такой жизни, чтобы быть достойнымъ царства,—все есть даръ Божій. Потому-то говоритъ (евангелистъ): *егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключими есмы: яко еже должни бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* (Лук. XVII, 10). *Въ причастіе наслѣдія святыхъ во свѣтѣ*, то есть, въ знаніи. Мнѣ кажется, что это говоритъ онъ и о настоящемъ, и о будущемъ. Потомъ показываетъ, чего мы удостоены. Не то только удивительно, что мы удостоены царства, но—должно еще прибавить, что удостоены будучи таковыми; а это не все равно, какъ и говоритъ (апостолъ) въ посланіи къ римлянамъ: *едва бо за праведника кто умретъ: за благаго бо негли кто и дерзнетъ умрети* (Рим. V, 7). *Иже избави насъ*, говоритъ, *отъ власти темныя*. Все зависитъ отъ Него—и это дать, и то, потому что ни у кого изъ насъ нѣтъ добраго дѣла. *Отъ власти темныя*, говоритъ, то есть, отъ заблужде- 313
нія и отъ власти діавола. Не сказалъ просто: отъ тьмы, но отъ власти, такъ какъ (діаволъ) надъ нами имѣетъ великую силу и господствуетъ. Тяжко быть и просто подъ діаволомъ, а (подъ діаволомъ) со властію—и того тяжелѣе. *И престави*, говоритъ, *въ царство Сына любве своея* (ст. 15). Итакъ, (Господь) явилъ свое человѣколюбіе не въ освобожденіи только насъ отъ тьмы. Великое конечно дѣло и освободиться отъ тьмы; но быть введеннымъ въ царство еще больше. Смотри же, какъ многосложенъ даръ: Онъ освободилъ насъ, лежащихъ на днѣ, и не только освободилъ, но и перевелъ въ царство. *Иже избави насъ*. Не сказалъ—извергъ, но—избавилъ (ἐῤῥύσατο, исторгъ), показывая съ одной стороны несчастное состояніе наше и плѣнъ тѣхъ, съ другой—безпрепятственность силы Божіей. *И престави*, говоритъ, какъ бы кто воина перевелъ съ мѣста на мѣсто. И не сказалъ—перевелъ, или—перемѣстилъ, такъ какъ всѣмъ этимъ выражалось бы переложеніе, а не перехожденіе, но—переставилъ,—такъ что это было и нашимъ и Его дѣломъ. *Въ царство Сына любве своея*. Не просто сказалъ: въ царство небесное, но сообщилъ слову большую важность, назвавъ (царство небесное) царствомъ Сына, потому что

нѣтъ похвалы больше этой, какъ и въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *аще терпимъ, съ нимъ и воцаримся* (2 Тим. II, 12). Того же удостоилъ насъ, говоритъ, чего и Сына, и къ этому еще прибавилъ—возлюбленнаго. Омраченныхъ враговъ вдругъ переставилъ туда, гдѣ Сынъ, облекъ одинаковою съ Нимъ честію. Не удовлетворился и этимъ однимъ, но, чтобы показать великость дара, не счелъ достаточнымъ сказать — царство, а прибавилъ еще — Сына; и этого не довольно,—присоединилъ—возлюбленнаго; даже и этимъ не ограничился, но показалъ (божественное) достоинство Его естества. Что именно говоритъ? *Иже есть образъ Бога невидимаго.* Впрочемъ не вдругъ пришелъ къ этому, но привнесъ благодѣяніе къ намъ; чтобы ты, слыша, что все есть дѣло Отца, не подумалъ, будто Сынъ исключается, онъ все дастъ и Сыну, даетъ и Отцу: Сынъ переставилъ, а Отецъ подалъ причину. Что именно говоритъ? *Иже избави насъ отъ власти темныя:* а это—то же, что: *о немъ же имамы избавленіе, оставленіе грѣховъ,*—потому что, если бы не были оставлены намъ грѣхи, то не были бы мы и переставлены. Вотъ здѣсь опять — *о немъ же.* И не сказалъ: освобожденіе (λύτρωσιν), а *избавленіе* (ἀπολύτρωσιν), чтобы уже больше не падать и не дѣлаться мертвыми. *Иже есть образъ Бога невидимаго, перворожденъ всея твари.* Здѣсь мы встрѣчаемся съ возраженіемъ еретиковъ, а потому сегодняшнюю бесѣду надобно перенесть на завтра, чтобы предложить ее освѣженному вашему слуху. Если же сверхъ того надлежитъ сказать нѣчто, такъ это то, что большее дѣло есть дѣло Сына. Какимъ образомъ? Такимъ, что одно было невозможно, т. е. пребывающимъ во грѣхахъ даровать царство, а другое было легче, т. е. уготовить путь дару. Что ты говоришь? Онъ самъ отпустилъ тебѣ грѣхи,—слѣдовательно самъ и привелъ тебя. Здѣсь уже напередъ заложенъ корень ученія.

314 4. Но прежде, чѣмъ скажемъ объ этомъ, необходимо окончить слово. Что же это такое? То, что, пользуясь такимъ благодѣяніемъ, мы всегда должны о немъ помнить, должны непрестанно представлять себѣ даръ Божій и размышлять, отъ чего мы избавились и что получили, чтобы такимъ образомъ быть благодарными и усиливать любовь (къ Богу). Что ты говоришь, человѣкъ? Призываешься въ царство, въ царство Сына Божія, и всецѣло предаешься зѣвотѣ, почесываешься и засыпаешь? Да если бы надлежало ежедневно подвергаться тысячѣ смертей, не слѣдовало ли бы вытерпѣть все? Для полученія вліятельнаго мѣста ты все дѣлаешь; а имѣя пріобщиться царству Единороднаго, неужели не устремишься на тысячу мечей, не бросишься въ огонь? И не это еще страшно, а то, что, и имѣя отойти, плачешь и, бу-

души привязанъ къ тѣлу, любовно вращаешься среди здѣшнихъ предметовъ. Что же это? Развѣ и смерть почитаешь страшнымъ дѣломъ? Причина тутъ—роскошь и праздность, потому что кто проводитъ жизнь скорбную, тотъ охотно вооружился бы крыльями, чтобы улетѣть отсюда. Мы теперь въ такомъ же состояніи, въ какомъ птенцы, ослабѣвающіе оттого, что хотятъ всегда оставаться въ гнѣздѣ. Чѣмъ долѣе будемъ здѣсь пребывать, тѣмъ слабѣе сдѣлаемся.

Дѣйствительно, настоящая жизнь—гнѣздо, слѣпленное изъ соломинокъ и грязи. Хотя бы ты указалъ мнѣ на большія зданія, хотя бы даже на царскія палаты, блистающія изобильно золотомъ и камнями, я буду думать, что они ничѣмъ не отличаются отъ гнѣзда ласточки: когда наступитъ зима, всѣ упадутъ сами собою. А зимою я называю тотъ день, который будетъ зима не для всѣхъ,—потому что то время и Богъ называетъ ночью и вмѣстѣ днемъ,—ночью для грѣшниковъ, а днемъ для праведниковъ. Въ такомъ же смыслѣ и я тотъ день называю зимою. Если въ продолженіе лѣта мы не будемъ хорошо вскормлены, такъ чтобы по наступленіи зимы могли летать, то матери не возьмутъ насъ, но оставятъ умереть отъ голода, или, когда упадетъ гнѣздо—погибнуть. Тогда Богъ, все возсозидая и поставляя въ новый порядокъ, разоритъ всяческая, какъ гнѣздо, только съ большею легкостію (чѣмъ разоряются гнѣзда). Тогда неоперенные и не могущіе встрѣтить Господа въ воздухѣ, но такъ скупо вскормленные, что не получили легкихъ крыльевъ, потерпятъ все то, что естественно терпѣть находящимся въ такомъ состояніи. Итакъ, когда гнѣздо ласточки падаетъ, птенцы ея тотчасъ погибаютъ; но мы не погибнемъ, а будемъ вѣчно подъ наказаніемъ. Тогдашнее время будетъ зима, но только жесточе зимы: тогда польются не потоки воды, а рѣки огня; будетъ не тьма отъ облаковъ, а тьма неразсѣеваемая и непроникаемая свѣтомъ, такъ что нельзя будетъ видѣть ни неба, ни воздуха, но придется чувствовать тѣсноту больше, чѣмъ чувствовали бы ее закопанные въ землю. Мы часто говоримъ объ этомъ, только иныхъ не убѣждаемъ. И не удивительно, что мы—люди слабые, когда говоримъ объ этомъ, испытываемъ такое невѣріе, если то же испытывали и пророки, бесѣдовавшіе не о такихъ только предметахъ, а о войнѣ и плѣнѣ. И Седекія обличаемъ былъ Іеремією, но не устыдился. Потому пророки говорили: *горе глаголющимъ: скоро да приближатся, яже сотворитъ Богъ, да видимъ, и да пріидетъ совѣтъ святаго Израилева, да разумѣемъ* (Иса. v, 19). Не будемъ удивляться этому: и 315
жившіе во времена ковчега не вѣрили, а повѣрили, когда уже не было пользы въ вѣрѣ; и содомляне не ожидали, а повѣрили

и они, когда это ни къ чему уже имъ не служило. Но что я говорю о будущемъ? Кто ожидалъ того, что произошло нынѣ въ разныхъ мѣстахъ? Кто ожидалъ этихъ землетрясеній, разрушенія городовъ? А это было вѣроятнѣе того, разумѣю, ковчега. Изъ чего видно? Изъ того, что тѣ не имѣли въ виду другого примѣра и не слышали Писаній; а у насъ бывало ихъ множество и въ наши времена, и прежде. Откуда же невѣріе въ такія явленія? Отъ разслабленія души: пили да ѣли, и потому не вѣрили. Вѣдь чего кто хочетъ, о томъ и думаетъ, того и ожидаетъ; противорѣчащіе этому считаются болтунами.

5. Да не приключится и съ нами того же: а теперь будетъ уже не потопъ и не смертельное наказаніе; теперь начало (лишь) казней есть смерть не вѣрящихъ тому, что будетъ судъ. А кто, скажешь, пришелъ оттуда и возвѣстилъ объ этомъ? Если такія слова говоришь въ шутку, — и то уже нехорошо; въ подобныхъ вещахъ шутить не слѣдуетъ; не надъ шуточными, а надъ опасными предметами шутимъ мы. Если же ты въ самомъ дѣлѣ таковъ и не думаешь, что будетъ что-либо послѣ этой жизни, то почему называешь себя христіаниномъ? А съ нехристіанами я не говорю. Для чего принимаешь ты купель? Для чего входишь въ церковь? Развѣ мы обѣщаемъ тебѣ (правительственныя) мѣста? Вся наша надежда въ будущемъ. Такъ для чего приступаешь, если не вѣришь Писаніямъ, если не вѣруешь въ Христа? А будучи такимъ, ты,—не скажу, не-христіанинъ,—ты хуже язычниковъ. Почему? Потому, что признавая Христа Богомъ, не вѣруешь въ Бога. То нечестіе по крайней мѣрѣ послѣдовательно: кто не думаетъ, что Христосъ есть Богъ, тотъ по необходимости не вѣруетъ въ Него; а это нечестіе даже лишено послѣдовательности,—признаетъ Его Богомъ и не почитаетъ достовѣрнымъ того, что Онъ сказалъ. Это слова пьянства, роскоши, нѣги: *да ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ* (1 Кор. xv, 32). Не завтра, но и тогда, какъ говорите это, вы уже умерли. Скажи мнѣ, неужели мы ничѣмъ не отличаемся отъ свиней иословъ? Если нѣтъ ни суда, ни воздаянія, ни судилища, то для чего почтены мы такимъ даромъ—словомъ, и все имѣемъ въ подчиненіи? Для чего мы начальствуемъ, а намъ подчиняются? Смотри, какъ діаволъ тѣснитъ насъ со всѣхъ сторонъ съ цѣлью внушить намъ не признавать дара Божія. Онъ смѣшиваетъ рабовъ съ господами; какъ продавецъ невольниковъ и неблагодарный слуга, старается благороднаго человѣка привесть въ одинакое ничтожество съ собою—оскорбителемъ. Повидимому онъ отвергаетъ судъ; а этимъ отвергается бытіе Бога. Діаволъ всегда таковъ,—все предлагаетъ съ хитростію, а не прямо, чтобы мы не остерегались. Если нѣтъ суда, то Богъ, судя по-человѣчески,

несправедливъ; а если Богъ несправедливъ, то Онъ и не Богъ; когда же Онъ не Богъ,—все сразу рушится: нѣтъ ни добродѣтели, ни порока. Но явно ничего такого не говоритъ онъ. Видишь ли помыслъ сатанинскаго духа, какъ изъ людей хочетъ онъ сдѣлать безсловесныхъ, или лучше—звѣрей, а еще лучше—демоновъ. Итакъ, не будемъ вѣрить ему. Есть судъ, жалкій ты и несчастный человѣкъ! Знаю, откуда приходишь ты къ этимъ рѣчамъ. 316
Много у тебя грѣховъ, много сдѣлано тобою обидъ, открыто говорить ты не смѣешь, думаешь, что вслѣдъ за твоими рѣчами пойдетъ и природа вещей. До времени я не буду, говоришь, огорчать душу ожиданіемъ геенны. Хотя бы и была геенна, я постараюсь убѣждать себя, что ея нѣтъ; а между тѣмъ здѣсь погуляю. Для чего прилагаешь согрѣшенія къ согрѣшеніямъ? Если, согрѣшивъ, будешь вѣрить, что есть геенна, то отойдешь, очистившись отъ грѣховъ только наказаніемъ; а когда приложишь и это нечестіе,—подвергнешься крайнему мученію и за самое нечестіе и за этотъ помыслъ. Въ послѣднемъ случаѣ кратковременно льстившее тебѣ холодное утѣшеніе будетъ для тебя причиною непрерывнаго мученія. Пусть такъ согрѣшилъ ты самъ: зачѣмъ же располагаешь ко грѣху другихъ, говоря, что нѣтъ геенны? Зачѣмъ обманываешь простецовъ? Зачѣмъ разслабляешь руки народа? По твоему, все навыворотъ: люди старательные не будутъ еще болѣе старательными, а беззаботными, злые не отстанутъ отъ зла. Вѣдь если станемъ развращать другихъ,—грѣхи наши не будутъ прощены намъ. Не видишь ли, какъ діаволъ вознамѣрился низвергнуть Адама? Было ли прощено ему? Это послужило поводомъ къ большему наказанію. За то и онъ такъ устрояетъ свои сѣти, чтобы мы несли наказаніе не за собственные только, но и за чужіе грѣхи. Не станемъ же думать, что, вводя другихъ въ одинакую съ нами погибель, мы сдѣлаемъ судилище, въ отношеніи къ намъ, болѣе кроткимъ; напротивъ, отъ этого будетъ оно строже. Зачѣмъ намъ толкать себя и губить? Все это—дѣло сатанинское. Согрѣшилъ ты, человѣкъ? Имѣешь человѣколюбиваго Владыку: моли Его, проси, плачь, стенай, устрашай другихъ и уговаривай, чтобы они не впали въ тѣ же грѣхи. Если въ домѣ кто-нибудь изъ грубыхъ слугъ говоритъ своему сыну: дитя! я оскорбилъ господина, старайся же угождать ему, чтобы и съ тобою не случилось того же,—то, скажи мнѣ, не приготовитъ ли онъ себѣ сколько-нибудь прощенія, не преломитъ ли гнѣва господина и не преклонитъ ли его? Но пусть онъ, оставивъ эти слова, скажетъ, напримѣръ, слѣдующія: господинъ мой не воздаетъ всякому по достоянію, у него просто все перемѣшано—и *добро и зло*, въ этомъ домѣ не дождаться благодарности,—что,

по твоему мнѣнію, господинъ подумаетъ о немъ? Не подвергнетъ ли его за его проступки еще большему наказанію? И справедливо: тамъ душевное потрясеніе послужитъ къ извиненію, хотя и слабому, а здѣсь ничего. Итакъ, подражай, если не иному кому, то по крайней мѣрѣ богачу въ геенпѣ, который говоритъ: *отче Аврааме, посли Лазаря* къ сродникамъ моимъ, *да не и тіи пріидутъ на мѣсто сіе* (Лук. XVI, 27, 28), не подвергнутся тому же,— самъ же онъ пойти не могъ. Воздержимся отъ тѣхъ сатанинскихъ словъ.

6. А что, скажешь, если спрашиваютъ насъ язычники,— развѣ не захочешь помочь имъ? Но ввергнувъ въ недоумѣніе христіанина подъ видомъ попеченія о язычникѣ, ты хочешь подтвердить сатанинское ученіе; не убѣдившись въ немъ самъ, посредствомъ собесѣдованія съ одною душею, ты хочешь привесть другихъ въ свидѣтели. Если же нужно разговаривать съ язычникомъ, то не съ этого слѣдуетъ начинать разговоръ, а вотъ съ чего: Христосъ—Богъ ли и Сынъ ли Божій, и исповѣдуемые ими демоны—боги ли? Какъ скоро это разсмотрится,—все прочее само собою вытечетъ; а прежде, чѣмъ изложено будетъ начало, напрасно стали бы мы разговаривать о концѣ; прежде, чѣмъ узнаны
317 элементы, излишне и безумно было бы приступать къ концу. Не вѣритъ язычникъ суду,—и находится въ такомъ же состояніи, какъ ты, потому что и онъ знаетъ многихъ, которые философствовали объ этомъ: хотя они говорили это о человѣкѣ, отрѣшившемъ свое тѣло отъ души, однакожъ допускали судилище; и ясность этого дѣла представлялась столь сильною, что почти никого не было, кто не зналъ бы о томъ, даже и поэты, и всѣ соглашались какъ относительно судилища, такъ и относительно суда. Значитъ и язычникъ не невѣритъ своимъ, и іудей не сомнѣвается въ этомъ, и вообще ни одинъ человѣкъ. Зачѣмъ же мы обманываемъ себя? Вотъ ты говоришь мнѣ: что скажешь Богу, сотворившему отдѣльно сердце каждаго изъ насъ, знающему все, что есть въ умѣ, живущему и дѣйствующему, и проникающему болѣе всякаго обоюдуостраго меча? Скажи мнѣ по правдѣ: не сознаешься ли ты самъ въ себѣ, что грѣшишь? Есть ли (на свѣтѣ) человѣкъ, который не порицалъ бы себя за лѣность? Какимъ же образомъ произошла сама собою такая великая мудрость, что грѣшникъ обвиняетъ самъ себя? Вѣдь это — дѣло великой мудрости. Ты обвиняешь себя; а тотъ, кто далъ тебѣ такой умъ,— оставилъ все на произволъ? Итакъ, вотъ что будетъ всеобщимъ правиломъ и опредѣленіемъ: никто изъ людей, живущихъ добродѣтельно, хотя бы то былъ язычникъ или еретикъ, не невѣритъ этому слову суда; никто изъ людей, вращающихся въ величай-

шемъ злѣ, кромѣ немногихъ, не принимаетъ слова о воскресеніи. Это говоритъ и Псалмопѣвецъ: *отъемлются судьбы твоя отъ лица его.* Почему? Потому что *оскверняются путіе его на всяко время* (Псал. IX, 26). *Да ямы*, говоритъ, *и піемъ, утрѣ бо умремъ* (1 Кор. XV, 32). Видишь ли, что говорить это свойственно людямъ низкимъ? Эти слова, отвергающія воскресеніе, происходятъ отъ пищи и питія. Не переноситъ душа, не переноситъ суда совѣсти, и поступаетъ такъ же, какъ человѣкоубійца: сперва поставляетъ себя въ такія обстоятельства, чтобы не поймали, а потомъ убиваетъ; находясь предъ судомъ совѣсти, не скоро переходитъ къ преступленію,—и знаетъ, и притворяется, что не знаетъ, 318
чтобы не мучиться совѣстію и страхомъ, и не ослабить себя для убійства. Такъ-то и согрѣшающіе знаютъ, что грѣшить—худо, и ежедневно колеблются въ злыхъ своихъ поступкахъ, не желая знать, что они злы, хотя совѣсть и укоряетъ ихъ въ этомъ. Но не станемъ на нихъ останавливаться. Будетъ, непремѣнно будетъ судъ и воскресеніе, и не оставитъ Богъ втуне столь великихъ дѣлъ. Потому, умоляю, будемъ удаляться отъ зла и держаться добродѣтели, чтобы намъ принять истинное слово во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.

При томъ, что легче: принять ли слово о воскресеніи, или слово о судьбѣ? Послѣднее полно неправды, полно безсмыслія, полно жестокости, полно безчеловѣчія; а первое есть слово правды, воздающее по достоинству. И однакожъ не принимаютъ его. А причина—лѣность. Но послѣднее не принимается никѣмъ, въ комъ есть разсудокъ; и между язычниками тотъ лишь принималъ судьбу, кто цѣлію жизни почиталъ удовольствіе, а любителями добродѣтели судьба была изгоняема, какъ нѣчто несмысленное. Если же язычники такъ (думали о судьбѣ), то тѣмъ болѣе (должны были они склоняться) къ слову о воскресеніи. Но смотри, какъ діаволъ устроилъ двѣ противуположности: чтобы мы нерадѣли о добродѣтели, онъ ввелъ необходимость; а чтобы усердно служили демонамъ, внушилъ два противныхъ понятія и обоими достигалъ того и другого. Итакъ, какое оправданіе сможетъ принесть тотъ, кто не вѣритъ столь дивной вещи, а вѣритъ тѣмъ баснямъ? Не питайся даже и тѣмъ утѣшеніемъ, что ты получишь прощеніе, но обратимся и подвигнемся для добродѣтели, и поживемъ истинно Богу во Христѣ (Которому съ Отцемъ и Св. Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА III.

317 **Иже есть образъ Бога невидимаго, перворожденъ всея твари. Яко тѣмъ создана быша всяческая, яже на небеси и яже на земли, видимая и невидимая, аще престоли, аще господствія, аще начала, аще власти: всяческая тѣмъ и о немъ создашася. И той есть прежде всѣхъ, и всяческая въ немъ состоятся. И той есть глава тѣлу Церкве (Кол. I, 15—18).**

1. Сегодня я долженъ отдать вамъ долгъ, который принялъ на себя вчера, чтобы предложить его, когда оживится ваше вниманіе. Разсуждая о достоинствѣ Сына, Павелъ, какъ мы сказали, говоритъ слѣдующее: *иже есть образъ Бога невидимаго.* Чьимъ образомъ, ты думаешь, онъ называетъ Его? Если Божіимъ—хорошо, потому что Онъ—Богъ и Сынъ Божій. Образъ Божій означаетъ неизмѣняемость,—поэтому и Онъ неизмѣняемъ. Если же ты скажешь, что (называетъ образомъ) человѣческимъ, то я отступлюсь отъ тебя, какъ отъ безумнаго. Но почему нигдѣ не названъ ни образомъ, ни сыномъ какой-нибудь ангелъ, а человѣкъ (называется) тѣмъ и другимъ? Отчего это? Оттого, что тамъ, при высокой природѣ (ангеловъ), это для многихъ послужило бы поводомъ къ нечестію (т. е. къ обоготворенію твари), а здѣсь ничтожество и уничиженность (нашей природы) совершенно ручаются за безопасность, и даже тому, кто желалъ бы, не позволяютъ подозрѣвать чего-нибудь подобнаго и изъ-за этого употреблять бо-
318 лѣе скромныя выраженія. Потому-то тамъ, гдѣ было глубокое уничиженіе, Писаніе смѣло указываетъ на почесть; а гдѣ—высшая природа, тамъ нѣтъ. Но онъ говоритъ: образъ невидимаго. Итакъ, если Онъ невидимъ, то и образъ Его также невидимъ, потому что въ противномъ случаѣ не былъ бы образомъ. Образъ, поскольку онъ образъ, и у насъ долженъ быть неизмѣннымъ какъ со стороны свойствъ, такъ и сходства. Но у насъ этого никакъ не можетъ быть потому, что здѣсь—искусство человѣческое, которое часто не удается, даже никогда не удается, если тщательно изслѣдуешь; а гдѣ Богъ, тамъ никогда нѣтъ ошибки, тамъ не бываетъ никакой неудачи. Если же (Сынъ)—твореніе, то какимъ образомъ Онъ есть образъ Создателя? И конь не можетъ быть образомъ человѣка. Если образъ не представляетъ неизмѣнности Невидимаго, такъ что препятствуетъ и ангеламъ быть образомъ? Вѣдь и они невидимы,—хотя и не для себя самихъ,—и душа невидима; но, изъ-за того только, что она не-

видима, развѣ она — образъ? Если и образъ, то не такой, какъ Онъ. *Перворожденъ всея твари.*

2. Что же, говоритъ? Значитъ онъ созданъ? Почему это такъ, скажи мнѣ? Потому, что онъ назвалъ Его перворожденнымъ. Но онъ не сказалъ: первосозданный, а—перворожденный. Затѣмъ, если ты называешь Его сотвореннымъ потому, что (апостолъ) назвалъ 319
Его перворожденнымъ, то что ты скажешь, когда услышишь, что Онъ называется братомъ? Дѣйствительно Писаніе называетъ Его также братомъ, уподобившимся по всему намъ. Ужели вслѣдствіе этого мы будемъ отвергать даже и то, что Онъ—Творецъ, и утверждать, что Онъ не имѣетъ никакого преимущества предъ нами ни по достоинству, ни по чему-нибудь другому? И кто, имѣя умъ, можетъ говорить это? Слово—перворожденный не показываетъ достоинства и чести, а выражаетъ только время. Но если Онъ не имѣетъ никакого преимущества предъ нами, то въ этомъ смыслѣ Онъ—перворожденный по отношенію ко всему, а въ такомъ случаѣ Богъ Слово будетъ подобосущенъ и камнямъ, и деревьямъ, и прочему. *Перворожденъ*, говоритъ, *всея твари.* Но скажешь: Онъ названъ перворожденнымъ, значитъ—созданъ. Да, если бы такъ, если бы не приписывались Ему и другія подобныя свойства, какъ-то: *перворожденъ изъ мертвыхъ, перворожденъ во многихъ братіяхъ.* Скажи мнѣ, что показываютъ (слова): *перворожденъ изъ мертвыхъ?* Конечно не то, что Онъ первый воскресъ; (апостолъ) не сказалъ просто, что (Онъ первый изъ) мертвыхъ, но что Онъ перворожденный изъ мертвыхъ, и не сказалъ также, что Онъ первый умеръ, но что Онъ воскресъ, какъ перворожденный изъ мертвыхъ, такъ что (апостолъ тѣми словами) показываетъ только то, что (Христосъ) былъ начаткомъ воскресенія. Стало быть не иное что-нибудь (говоритъ онъ) и въ настоящемъ мѣстѣ. Затѣмъ онъ приступаетъ наконецъ къ самому догмату. Такъ какъ Онъ древле приводимъ былъ ангелами, а нынѣ (приходитъ) самъ, то, чтобы не подумали, будто Онъ моложе (ангеловъ), (апостолъ) показываетъ, во-первыхъ, что (ангелы) не имѣли никакой силы, въ противномъ случаѣ не Онъ извелъ бы насъ отъ тьмы, а потомъ утверждаетъ, что Онъ былъ раньше ихъ, и въ доказательство того, что Онъ раньше ихъ, приводитъ то, что они отъ Него созданы. *Яко тѣмъ*, говоритъ, *создана быша всяческая.*

Что скажутъ здѣсь послѣдователи Павла самосатскаго? Все чрезъ Него произошло: вотъ вѣдь сказано, что *тѣмъ создана быша всяческая.* И еще (апостолъ) сказалъ: *яже на небеси и яже на земли.* То, въ чемъ можно было усомниться, онъ поставилъ напередъ, а затѣмъ присоединяетъ: *видимая и невидимая*, подъ не-

видимымъ разумѣя душу, а подъ видимымъ—всѣхъ людей. То, чему всѣ вѣрили, онъ опускаетъ, а то, въ чемъ сомнѣвались, онъ ставитъ на видъ. Затѣмъ говоритъ: *аще престоли, аще господствія, аще начала, аще власти*. Слово: *аще* обнимаетъ все; но ко властямъ онъ не могъ сопричислить и Духа, а чрезъ высшее могъ обозначить и низшее. *Всяческая*, говоритъ, *тѣмъ, и о немъ создашася*. Такимъ образомъ *тѣмъ* значитъ то же, что и *чрезъ него*, потому что сказавши: *тѣмъ* (ἐν αὐτῷ), онъ прибавилъ: *и о немъ* (δι' αὐτοῦ). А что значитъ: *на немъ* (εἰς αὐτόν)? Это значитъ: на Немъ утверждается (εἰς αὐτὸν χρέμαται) сущность всего. Онъ не только привелъ это изъ небытія въ бытіе, но и теперь содержитъ это, такъ что если бы что-нибудь изъято было изъ Его промысла, разрушилось бы и погибло. Но (апостолъ) не сказалъ: содержитъ,—это было бы нѣсколько погрубѣе, — онъ употребилъ выраженіе болѣе тонкое: на Немъ утверждается, потому что достаточно только опереться на Него, а Онъ ужъ поддержитъ и крѣпко сдержитъ. Такимъ образомъ и названіе: *перворожденъ* употребляется въ томъ же значеніи, какъ—составляющій опору. Но это показываетъ не то, будто Онъ подобосущенъ тварямъ, а то, что все существуетъ Имъ и чрезъ Него. Такъ и въ другомъ мѣстѣ, говоря: *основаніе положихъ* (1 Кор. III, 10), говоритъ не о сущности, а о дѣйствіи. Чтобы ты не подумалъ, что Онъ служебное
320 орудіе, (апостолъ) говоритъ, что Онъ это содержитъ, а это не менѣе значитъ, чѣмъ самое твореніе, для насъ даже и болѣе, такъ какъ первое соединено съ искусствомъ, а послѣднее нѣтъ: содержимое Имъ не разрушается. *И той есть прежде всѣхъ*, говоритъ. Это свойственно Богу. Гдѣ же теперь Павелъ самосатскій? *И всяческая въ немъ состоятся*, т. е. все на Немъ утверждено. Онъ постоянно вращается около этой (мысли), чтобы настойчивостію въ словахъ, какъ бы частыми ударами, исторгнуть съ корнемъ тлетворное ученіе. Въ самомъ дѣлѣ, если даже и теперь, послѣ того какъ столь много говорилъ объ этомъ, и по прошествіи столь долгаго времени явился Павелъ самосатскій, то не тѣмъ ли легче было ему явиться, если бъ объ этомъ не было говорено? *И всяческая*, говоритъ, *въ немъ состоятся*. Какимъ образомъ могло состояться въ томъ, чего нѣтъ? Значитъ и то, что производится чрезъ ангеловъ, принадлежитъ Ему. *И той есть глава тѣлу Церкве*. Сказавъ о достоинствѣ, онъ говоритъ потомъ о человѣколюбіи. *Той*, говоритъ, *есть глава тѣлу Церкве*. Не сказалъ: полноты (πληρώματος), выражая этимъ то же самое, но желая показать бóльшую близость Его къ намъ, такъ какъ тотъ, кто до такой степени высокъ и выше всѣхъ, присоединился къ низшимъ. Онъ вездѣ первый: первый въ горнихъ, первый въ Церкви,

какъ ея глава, первый и въ воскресеніи; это и означаютъ (слова): *да будетъ той первенствуя.*

3. Такимъ образомъ Онъ первый и по бытію, и это-то особенно старается показать Павелъ. А какъ скоро будетъ доказано, что Онъ былъ прежде всѣхъ ангеловъ, то понятно будетъ и то, что творимое ангелами Онъ самъ творилъ, какъ повелитель. И что удивительно, такъ это то, что (апостолъ) постарался представить Его первымъ въ ряду послѣднихъ существъ, хотя въ другомъ мѣстѣ первымъ онъ назвалъ Адама, какъ и на самомъ дѣлѣ было. Но онъ принимаетъ Церковь вмѣсто всего человѣческаго рода; въ Церкви же Онъ—первый, а въ ряду людей, какъ творенія, Онъ первый по плоти. Вотъ почему здѣсь (апостолъ) представляетъ Его перворожденнымъ. Что значитъ здѣсь—перворожденный? Прежде всѣхъ созданный, или прежде всѣхъ воскресшій, равно какъ и тамъ: *прежде всѣхъ* сущій? Здѣсь онъ представляетъ Его начаткомъ, сказавъ: *иже есть начатокъ, перворожденъ изъ мертвыхъ, да будетъ во всѣхъ той первенствуя,*—выражая мысль, что и прочіе таковы же, какъ и Онъ; а тамъ Онъ не начатокъ творенія, тамъ Онъ—*образъ Бога невидимаго,* и въ этомъ смыслѣ тамъ и сказано: *перворожденъ. Яко въ немъ благоизволи всему исполненію вселитися, и тѣмъ примирити всяческая къ себѣ, умиротворивъ кровію креста его, аще земная, аще ли небесная* (ст. 19—21). Все, что принадлежитъ Отцу, онъ приписываетъ и Сыну, и особенно заботится объ этомъ потому, что Онъ былъ мертвъ и соединился съ нами. А начаткомъ онъ назвалъ Его какъ бы въ смыслѣ (начатка) какого-нибудь плода. Онъ не сказалъ: воскресеніе, а—начатокъ, показывая, что Онъ освятилъ насъ всѣхъ и какъ бы принесъ жертву. *Исполненіе*—онъ сказалъ о божествѣ, подобно тому, какъ говоритъ Іоаннъ: *отъ исполненія его мы вси пріяхомъ* (Іоан. I, 16), т. е. былъ ли то Сынъ, или Слово, но тамъ вселилось не дѣйствіе какое-нибудь, а сущность. И онъ не находитъ тому никакой другой причины, кромѣ воли Божіей: это и означаютъ (слова): *яко въ немъ благоизволи, и тѣмъ примирити всяческая къ себѣ.* Чтобы ты не подумалъ, что Онъ принялъ на 321
себя должность раба, (апостолъ) прибавляетъ: *къ себѣ;* и въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что (Христосъ) примиряетъ Богу, какъ въ посланіи къ Коринѳянамъ сказалъ, и сказалъ вѣрно: *тѣмъ примирити,* потому что (люди) уже были примирены, а требовалось только окончательное умиротвореніе, такъ чтобы они противъ Него уже не враждовали. Какимъ образомъ это дѣлается, онъ показываетъ вслѣдъ затѣмъ, не только возвѣщая о примиреніи, но и объясняя самый способъ примиренія: *умиротворивъ кровію креста его.* Одно здѣсь указываетъ на вражду, именно — *прими-*

рити, а другое на войну, именно—*умиротворивъ. Кровію*, говоритъ, *креста его чрезъ него, аще земная, аще ли небесная.* Великое дѣло—примиреніе, еще болѣе—(примиреніе) чрезъ Него, а еще болѣе—(примиреніе) кровію Его, и не просто кровію, но, что еще больше, крестомъ, такъ что здѣсь пять вещей, достойныхъ удивленія: Онъ примирилъ (насъ) съ Богомъ, самъ Собою, смертію, крестомъ. О, какъ онъ (съ другой стороны) соединилъ все это! Чтобы ты не подумалъ, будто это все одно и то же, и крестъ самъ по себѣ не значитъ ничего, онъ говоритъ: *чрезъ него.* На какомъ основаніи онъ считаетъ это важнымъ? На томъ, что (Сынъ Божій) совершилъ все это не такъ, что только сказалъ нѣсколько словъ, а такъ, что предалъ Себя самого для примиренія. Но что значитъ: *небесная*? Что касается до земного, то это понятно, потому что здѣсь все было наполнено враждою и раздѣлилось на множество (частей); каждый изъ насъ былъ въ несогласіи самъ съ собою и со многими другими. Но какъ Онъ умиротворилъ *небесная*? Ужели и тамъ былъ раздоръ и несогласіе? Какъ же мы говоримъ въ молитвѣ: *да будетъ воля твоя, яко на небеси, и на земли* (Мѳ. VI, 10)? Что на это сказать? Земля была отдѣлена отъ неба, ангелы враждовали противъ людей, видя оскорбляемымъ своего Владыку. *Возглавити*, говоритъ, *всяческая во Христѣ, небесная и земная* (Еф. I, 10). Какъ? Небесное вотъ такъ: Онъ переселилъ туда человѣка, возвелъ туда того, кто былъ врагомъ, кого тамъ не любили. Онъ не только водворилъ миръ на землѣ, но и возвелъ его (человѣка) къ нимъ (ангеламъ),—человѣка, который былъ непріятелемъ и врагомъ. Это—глубокій миръ. Ангелы опять являются на землѣ, потому что человѣкъ явился на небѣ. А мнѣ кажется, что Павелъ для того и былъ восхищенъ (на небо), чтобы онъ увидѣлъ, что Сынъ взятъ туда. И вѣдь на землѣ (водворенъ) сугубый миръ: по отношенію къ небеснымъ (обитателямъ) и по отношенію другъ къ другу, а на небесахъ—только одинъ. Если ужъ объ одномъ кающемся грѣшникѣ радуются ангелы, то гораздо болѣе о такомъ большомъ ихъ числѣ. И все это устроила сила Божія. Что же вы, скажутъ, слишкомъ полагаетесь на ангеловъ? Они не только не способны привести васъ (къ Богу), но даже были нѣкогда враждебны вамъ, и если бы самъ Богъ не примирилъ васъ съ ними, то вы не имѣли бы мира. Итакъ, зачѣмъ вы прибѣгаете къ нимъ? Хочешь ли знать, какова была у ангеловъ вражда къ намъ, и какое они всегда питали къ намъ отвращеніе? Они были посылаемы для наказанія къ израильтянамъ, къ Давиду, къ содомлянамъ, въ юдоль плача. Но теперь не такъ; напротивъ, они весьма радостно воспѣвали на землѣ; Богъ низвелъ ихъ къ людямъ, а людей возвелъ туда.

4. При этомъ обрати вниманіе на вещь необычайную: (Господь) сначала ихъ низвелъ къ намъ, а потомъ человѣка возвелъ къ нимъ; земля стала небомъ, потому что небо имѣло принять къ себѣ земныхъ (обитателей). Потому мы съ благодарностью взываемъ: *слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе* (Лук. II, 14). Вотъ, говоритъ, и люди наконецъ стали угодными (Богу). Что значитъ: *благоволеніе*? Примиреніе. Теперь 322
небо уже не заграждено отъ насъ непроходимою преградою. Прежде ангелы были распредѣлены по числу народовъ, а теперь уже не по числу народовъ, а по числу вѣрныхъ. Откуда это видно? Выслушай слова Христовы: *блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ. Яко ангели ихъ выну видятъ лице Отца моего небеснаго* (Мѳ. XVIII, 10). Каждый вѣрующій имѣетъ ангела, такъ какъ и съ самаго начала каждый благочестивый человѣкъ имѣлъ ангела, какъ говоритъ Іаковъ: *ангелъ, иже питаетъ мя, и иже мя избавляетъ отъ юности моея* (Быт. XLVIII, 16). Итакъ, если у насъ есть ангелы, то будемъ вести себя осмотрительно, какъ бы съ нами были наставники, потому что съ нами есть и демонъ. Поэтому будемъ молиться и взывать, прося себѣ ангела мирна; мы и вездѣ просимъ мира, потому что съ нимъ ничто не можетъ сравниться,—мира и въ церквахъ, и въ молитвахъ, какъ частныхъ, такъ и общественныхъ, и въ привѣтствіяхъ; предстоятель церкви подаетъ его намъ и разъ, и два, и три, и много разъ, произнося: *миръ вамъ*. Почему такъ? Потому что миръ есть источникъ всѣхъ благъ; онъ приноситъ съ собою радость. Поэтому-то и Христосъ заповѣдалъ апостоламъ, входя въ домы, тотчасъ говорить о немъ, какъ о символѣ всѣхъ благъ: *входяще въ домъ*, говорите: *миръ вамъ* (Мѳ. X, 12), такъ какъ безъ него ничто не имѣетъ цѣны. И опять Онъ говоритъ ученикамъ: *миръ оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ* (Іоан. XIII, 27), потому что имъ обусловливается и самая любовь. И предстоятель церкви не просто говоритъ: миръ вамъ, но—*миръ всѣмъ*. Да и какая польза намъ съ однимъ имѣть миръ, а съ другимъ ссориться и враждовать? Какая прибыль? И тѣло не можетъ быть тогда здоровымъ, когда нѣкоторыя части его находятся въ согласіи, а другія дѣйствуютъ несогласно, но лишь тогда, когда во всемъ порядокъ, согласіе, миръ; не будь мира во всемъ, тогда все выйдетъ изъ своихъ границъ, все извратится. Подобнымъ образомъ и въ умѣ нашемъ, если мысли не находятся всѣ въ спокойномъ состояніи, мира не будетъ. Миръ—это столь великое благо, что тѣ, которые водворяютъ и поддерживаютъ его, называются сынами Божіими. И справедливо: самъ Сынъ Божій пришелъ на землю умиротворить земная и небесная. Если же миротворцы—сыны Божіи, то возмутители—сыны діавола. Что ты гово-

ришь? Ты и въ самомъ дѣлѣ производишь раздоры и междоусобія? Неужели, скажешь, есть гдѣ-нибудь такой несчастный? Есть и много такихъ, которые радуются злу и съ большею жестокостію терзаютъ тѣло Христово, чѣмъ воины, пронзившіе его копьемъ, чѣмъ іудеи, пронзившіе его гвоздями. То зло меньше, чѣмъ это; тѣ члены, будучи растерзаны, снова соединились, а эти, будучи отторгнуты, если здѣсь не соединятся между собой, то никогда не будутъ соединены, а останутся внѣ цѣлаго (церкви). Когда ты хочешь завести ссору съ братомъ, вспомни, что ты возстаешь противъ членовъ Христовыхъ и укроти свой гнѣвъ. Что тебѣ до того, если это человѣкъ нетерпимый и низкій; что тебѣ, если это — презрѣнный? *Нѣсть*, говоритъ; *воля предъ Отцемъ* моимъ, *да погибнетъ единъ отъ малыхъ сихъ* (Мѳ. XVIII, 14); и опять: *ангели ихъ выну видятъ лице Отца моего небеснаго.* Для него Богъ сдѣлался даже рабомъ и подвергся закланію; а ты считаешь его за ничто? Чрезъ это ты возстаешь противъ Бога, возвышая голосъ наперекоръ Ему. Предстоятель церкви, какъ только входитъ, сей-
323 часъ же говоритъ: *миръ всѣмъ*; когда начинаетъ бесѣду (говоритъ): *миръ всѣмъ*; когда благословляетъ (говоритъ): *миръ всѣмъ*; когда повелѣваетъ принести другъ другу цѣлованіе (говоритъ): *миръ всѣмъ*; когда совершится жертва: *миръ всѣмъ*, и во время совершенія также: *благодать вамъ и миръ.* Какъ же не безразсудно, если мы, столько разъ слыша (напоминаніе объ обязанности) имѣть миръ между собою, враждуемъ другъ противъ друга, если, и сами принимая, и другимъ преподавая, возстаемъ противъ того, кто подаетъ намъ миръ? Ты говоришь: *и духови твоему*, а выйдешь (изъ церкви) и начинаешь обносить его клеветою? Увы, то, что особенно дорого въ церкви, стало однимъ внѣшнимъ обрядомъ, а не настоящею истиною! Увы, всѣ символы этого воинства (церкви) ограничиваются словами! Поэтому вы даже и не знаете, для чего говорится: *миръ всѣмъ*. Но послушайте далѣе, что говоритъ Христосъ: *въ оньже аще градъ или весь внидете, входяще въ домъ, цѣлуйте его: и аще будетъ домъ достоинъ, да пріидетъ миръ вашъ нань: аще ли же не будетъ достоинъ, миръ вашъ къ вамъ да возвратится* (Мѳ. X, 11, 13). Мы потому и не знаемъ, что считаемъ эти слова однимъ образнымъ выраженіемъ и не вникаемъ въ смыслъ ихъ. Вѣдь не я подаю миръ, а Христосъ благоволитъ говорить чрезъ насъ. Хотя бы во всякое другое время мы чужды были благодати, но теперь не чужды ея для васъ. Если благодать Божія, по устроенію (Промысла), дѣйствовала для пользы израильтянъ чрезъ осла и чрезъ волшебницу, то несомнѣнно, что она не откажется дѣйствовать и въ насъ, и соизволитъ на это для насъ.

5. Итакъ, никто пусть не говоритъ обо мнѣ того, что я не совершенъ, ничего не значу и ничего не стою; и всякій пусть слушаетъ меня со вниманіемъ. Я тоже вѣдь принадлежу къ числу тѣхъ (чрезъ которыхъ дѣйствуетъ благодать Божія). Богъ обыкновенно присутствуетъ постоянно въ такихъ людяхъ, для пользы многихъ. Знайте, что Онъ благоволилъ говорить съ Каиномъ ради Авеля, съ діаволомъ ради Іова, съ фараономъ ради Іосифа, съ Навуходоносоромъ ради Даніила, съ Валтасаромъ ради него же. И волхвамъ было откровеніе, и Каіафа пророчествовалъ ради достоинства священнаго сана, несмотря на то, что былъ убійцею Христа и недостойнымъ. Говорятъ, что и Ааронъ изъ-за этого же не былъ пораженъ проказою. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, почему только она одна (сестра Ааронова) понесла наказаніе, тогда какъ они оба противорѣчили (Моисею)? Не удивляйся; если между свѣтскими властями бываетъ такъ, что хотя бы въ безчисленныхъ преступленіяхъ обвиняли кого-нибудь, но онъ не прежде приводится въ судилище, какъ по снятіи съ него власти, чтобы вмѣстѣ съ нимъ не нанести оскорбленія и ей, то тѣмъ болѣе въ духовной власти, какова бы она ни была, благодать Божія всегда дѣйствуетъ; въ противномъ же случаѣ все бы погибло. Но когда человѣкъ сложитъ ее съ себя, тогда подвергнется тягчайшему наказанію или по отшествіи (изъ этой жизни), или даже еще здѣсь непосредственно вслѣдъ затѣмъ. Не думайте, что я это отъ себя говорю. Божія благодать дѣйствуетъ и чрезъ недостойнаго, не для насъ, а для васъ. Послушайте же, что говоритъ Христосъ: *аще будетъ домъ достоинъ, да пріидетъ миръ вашъ нань* (Мѳ. x, 13). Какъ же онъ дѣлается достойнымъ? Если 324
примутъ васъ, говоритъ Онъ. Если же не примутъ васъ, и не послушаютъ слова вашего, *аминь глаголю вамъ, отраднѣе будетъ земли Содомстѣй и Гоморрстѣй въ день судный, неже граду тому* (Мѳ. x, 15). Итакъ, какая польза оттого, что вы принимаете насъ и не слушаете словъ нашихъ? Что прибыли, что вы почитаете насъ и не внимаете тому, что мы говоримъ вамъ? Вотъ для насъ честь, вотъ для насъ удивительное уваженіе, благотворное для васъ и для насъ,—если вы слушаетесь насъ. Послушайте и Павловыхъ словъ: *не вѣдахъ, братіе, яко архіерей есть* (Дѣян. xxiii, 5). Послушайте и Христовыхъ словъ: *вся, елика аще рекутъ вамъ блюсти, соблюдайте и творите* (Мѳ. xxiii, 3). Ты не меня презираешь, а священство. Если ты видишь меня лишеннымъ его, презирай: тогда и я не стану проявлять власть. Но доколѣ мы возсѣдаемъ на этомъ престолѣ, доколѣ мы имѣемъ предсѣдательство, дотолѣ имѣемъ достоинство и силу, хотя сами и недостойны. Если сѣдалище Моисея было столь почтенно, что изъ-за него

слушали возсѣдавшихъ на немъ (Мѳ. XXIII, 2, 3), то тѣмъ болѣе престолъ Христовъ. Его унаслѣдовали мы. Мы вѣщаемъ вамъ съ того самаго (престола), съ котораго и Христосъ учредилъ въ насъ служеніе примиренія. Посланники, каковы бы они ни были, пользуются великою честію изъ-за своего посольскаго достоинства. Посмотри въ самомъ дѣлѣ: они приходятъ одни во внутренность варварской земли, посреди столькихъ враговъ; и такъ какъ законъ о посольствѣ имѣетъ великую силу, то ихъ всѣ почитаютъ, всѣ смотрятъ на нихъ съ уваженіемъ, всѣ отпускаютъ ихъ съ безопасностію. И мы имѣемъ значеніе посланниковъ и пришли отъ Бога: таково епископское достоинство. Мы пришли къ вамъ въ качествѣ посланниковъ, прося прекращенія войны и объявляя условія, обѣщая дать вамъ не города, или столько-то мѣръ хлѣба, или плѣнниковъ, или золото, но царство небесное, жизнь вѣчную, сожительство со Христомъ и другія блага, которыхъ ни мы не въ состояніи высказать, ни вы выслушать, доколѣ находимся въ этомъ тѣлѣ и въ настоящей жизни. Итакъ, мы исполняемъ должность посланниковъ, и желаемъ пользоваться честію не для насъ самихъ,—нѣтъ, мы знаемъ, какъ она ничтожна,—а для васъ, чтобы вы охотно слушались словъ нашихъ, чтобы вы получали пользу, чтобы вы безъ разсѣянности и лѣности внимали словамъ нашимъ. Не видите ли, какъ много вниманія всѣ обращаютъ на посланниковъ? Мы Божіи посланники у людей; если это для васъ тягостно, то вѣдь не мы (тягостны), а самое епископство, не тотъ или другой (человѣкъ), а епископъ. Пусть всякій не меня слушаетъ, а сана моего. Будемъ же все дѣлать такъ, какъ угодно Богу, чтобы жить во славу Божію и удостоиться благъ, какія обѣщаны любящимъ Его, благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА IV.

325 **И васъ иногда враговъ сущихъ и отчужденныхъ помышленьми въ дѣлѣхъ лукавыхъ, нынѣ же примири въ тѣлѣ плоти его смертію представити васъ святыхъ и непорочныхъ и неповинныхъ предъ собою (Кол. I, 21, 22).**

1. Здѣсь (апостолъ) показываетъ, что (Христосъ) примирилъ (людей), тогда какъ они недостойны были примиренія,—выраженіе: были подъ властію тьмы—указываетъ на бѣдственное по-

ложеніе, въ которомъ они находились. Но чтобы ты, услышавъ о темной власти, не вообразилъ себѣ какой-нибудь необходимости, онъ прибавляетъ: *и васъ сущихъ отчужденныхъ*. Хотя здѣсь, повидимому, онъ говоритъ то же самое, но (на самомъ дѣлѣ) не то: не одно и то же—избавить отъ зла человѣка, который по необходимости потерпѣлъ зло, и (человѣка), который добровольно подвергся ему: первый достоинъ сожалѣнія, а послѣдній—отвращенія. Однакоже Онъ, по словамъ (апостола), освободилъ насъ, отступившихъ отъ Него не по неволѣ, ни по принужденію, но добровольно, и примирилъ насъ, несмотря на наше недостоинство. И такъ какъ (апостолъ) выше упомянулъ о небесномъ, то онъ теперь показываетъ, что вся вражда имѣетъ начало отсюда, а не оттуда: они (обитатели неба) давно желали (примиренія), и Богъ тоже, а вы не хотѣли. Онъ дѣлаетъ совершенно яснымъ, что если бы люди до послѣднихъ временъ оставались врагами, то ангелы ничего не могли бы сдѣлать: они не могли и убѣдить (людей) и, убѣдивши, освободить отъ діавола. Вѣдь не было бы никакой пользы убѣдить ихъ, не связавши властителя (діавола), равно не было бы никакой пользы связать (властителя), когда бы содержимые (подъ его властію) не захотѣли избавиться. Надлежало сдѣлать то и другое; (ангелы) ни того, ни другого не могли сдѣлать, а Христосъ то и другое исполнилъ. И вѣдь убѣдить (людей) было дѣломъ болѣе удивительнымъ, чѣмъ разрушить смерть: послѣднее всецѣло зависѣло отъ Него, и Онъ одинъ былъ въ немъ господиномъ; а въ первомъ не Онъ одинъ дѣйствовалъ, но и мы принимали участіе, мы же удобнѣе совершаемъ то, что отъ насъ самихъ зависитъ. Итакъ то, что было важнѣе, (апостолъ) полагаетъ послѣ; и онъ не просто сказалъ: враждующихъ, но—*отчужденныхъ*, что означаетъ сильную вражду, и даже не только отчужденныхъ, но и не ожидавшихъ возсоединенія. *И враговъ помышленьми*, говоритъ онъ, показывая тѣмъ, что отчужденіе ихъ было не только въ намѣреніи,—а что?—*и въ дѣлѣхъ лукавыхъ*, т. е. вы и были врагами, и дѣйствовали, какъ враги. ***Нынѣ же примири въ тѣлѣ плоти его смертію, представити васъ святыхъ и непорочныхъ и неповинныхъ предъ собою.*** Здѣсь онъ представляетъ и образъ примиренія,—что (Христосъ примирилъ насъ) *въ тѣлѣ*, будучи не просто язвенъ, или біенъ, или преданъ, но и претерпѣвши самую поносную смерть. Онъ снова упоминаетъ о крестѣ, и снова указываетъ на другое благодѣяніе: не только (говоритъ): избавилъ, но намекаетъ и здѣсь на то, о чемъ сказалъ выше—что сдѣлалъ насъ способными (къ полученію избавленія). *Смертію его*, говоритъ, ***представити васъ святыхъ и непорочныхъ и неповинныхъ предъ собою.*** Онъ не только

освободилъ насъ отъ грѣховъ, но и поставилъ въ числѣ прославленныхъ. Онъ претерпѣлъ столько не для освобожденія только отъ зла, но и для того, чтобы возвести насъ къ первоначальному состоянію, подобно тому, какъ если бы кто, освободивъ осужденнаго отъ наказанія, возвелъ его еще въ почетное состояніе. И Онъ поставилъ насъ въ числѣ несогрѣшившихъ ни въ чемъ,
326 или лучше, въ числѣ не только несогрѣшившихъ, а и совершившихъ величайшіе подвиги, и что еще больше, даровалъ святость предъ Собою. Слово же: *неповинныхъ* выражаетъ болѣе, чѣмъ непорочность, такъ какъ названіе: неповинный прилагается къ намъ тогда, когда мы своими дѣлами не доводимъ себя даже до осужденія или упрека. Но такъ какъ, сказавъ, что Онъ совершилъ это Своею смертію, (апостолъ) все приписалъ Ему, то, чтобы не сказалъ кто-нибудь, будто съ нашей стороны ничего не требуется, онъ для этого прибавилъ: *аще пребываете въ вѣрѣ основани и тверди, и неподвижими отъ упованія благовѣствованія* (ст. 23). Этими словами онъ предохраняетъ ихъ отъ безпечности. И не просто сказалъ: *пребываете*, потому что есть пребываніе шаткое и колеблющееся, и есть стояніе и пребываніе твердое. *Аще пребываете*, говоритъ, *основани и тверди, и неподвижими*. О, какой онъ употребилъ оборотъ рѣчи! Не только не колеблющіеся, говоритъ, но и непоколебимы. И смотри: онъ пока ничего не требуетъ тяжелаго, ничего труднаго, а лишь вѣры и надежды,— какъ бы такъ говоритъ: если вы пребудете въ вѣрѣ, то надежда на полученіе будущихъ благъ несомнѣнна. Здѣсь возможно (не усомниться): но въ добродѣтели невозможно хотя бы нѣсколько не поколебаться; такимъ образомъ это нетрудно. *Отъ упованія благовѣствованія, еже слышасте*, говоритъ, *проповѣданнаго во всей твари поднебеснѣй* (ст. 23). Но что такое упованіе благовѣствованія, какъ не Христосъ? Онъ есть миръ нашъ, и Онъ все это сдѣлалъ: а потому, кто приписываетъ это другимъ, тотъ уклонился (отъ истины), и если Онъ не вѣруетъ во Христа, то все потерялъ. *Слышасте*, говоритъ. Онъ опять призываетъ во свидѣтели ихъ, а потомъ всю вселенную. Онъ не говоритъ: (благовѣствованія) проповѣдуемаго, но—*проповѣданнаго*, въ которое уже увѣровали. Такъ онъ сдѣлалъ и въ началѣ, желая свидѣтельствомъ многихъ утвердить и ихъ. *Емуже бысь азъ Павелъ служитель* (ст. 23). И это онъ дѣлаетъ для удостовѣренія. *Азъ*, говоритъ, *Павелъ служитель*: а онъ имѣлъ большую важность, такъ какъ былъ всюду прославляемъ, и былъ учителемъ вселенной. *Нынѣ радуюся во страданіихъ моихъ о васъ, и исполняю лишеніе скорбей Христовыхъ во плоти моей за тѣло его, еже есть Церковь* (ст. 24).

2. Какая здѣсь связь? Какъ будто незамѣтна, но въ самомъ

дѣлѣ большая. И—*служитель*, говоритъ, вмѣсто того, чтобы сказать: я ничего не ввожу самъ отъ себя, а возвѣщаю ученіе другого; я такъ вѣрю, что и страдаю изъ-за Него же, и не только страдаю, а и радуюсь въ страданіяхъ, взирая на то, чего ожидаемъ въ будущемъ; и страдаю не за себя, а за васъ. *И исполняю*, говоритъ, *лишеніе скорбей Христовыхъ въ плоти моей*. Мнѣ кажется, онъ сказалъ великое; но это не по дерзости,—нѣтъ!—а по сильной любви ко Христу. Онъ не хочетъ, чтобы эти скорби присвоялись ему, а Христу; и сказалъ такимъ образомъ потому, что желалъ привлечь ихъ (слушателей) ко Христу. *И яже азъ стражду*, говоритъ, *его ради стражду*. Поэтому не мнѣ воздавайте благодарность, а Ему: Онъ терпитъ это. Это подобно тому, какъ если бы кто, будучи къ кому-нибудь посланъ, попросилъ другого, 327 сказавъ: прошу тебя, поди вмѣсто меня къ такому-то, и послѣдній послѣ того сказалъ бы: я дѣлаю это вотъ для кого. Такъ онъ не стыдится и эти страданія приписывать Ему, потому что (Христосъ) не только умеръ за насъ, но и послѣ смерти готовъ страдать ради насъ. (Апостолъ) желалъ и постарался доказать, что (Христосъ) и теперь собственнымъ Своимъ тѣломъ подвергаетъ Себя опасности ради Церкви. Къ этому направлена его рѣчь, т. е., что вы не нами бываете приводимы, а Имъ, хотя дѣлаемъ это мы,—мы приняли на себя не свое дѣло, а Его. Это все равно, какъ если бы какой-нибудь отрядъ находился въ битвѣ подъ защитою военачальника; а потомъ, въ отсутствіи послѣдняго, второстепенный военачальникъ сталъ бы принимать на себя направленные противъ него удары до окончанія сраженія. А что (апостолъ) дѣйствительно за Него (Христа) это дѣлалъ, объ этомъ послушай, какъ онъ самъ говоритъ: *за тѣло его*, желая этимъ сказать, что я не вамъ угождаю, а Христу, потому что терплю за Него то, что должно было терпѣть Ему. Посмотри, какъ много онъ высказываетъ, обнаруживая сильную любовь. Какъ во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ онъ писалъ: *въ насъ положи служеніе примиренія* (2 Кор. v, 18), и еще: *во Христѣ посольствуемъ, яко Богу молящу нами* (ст. 20),—такъ и здѣсь, чтобы болѣе привлечь ихъ, говоритъ то же: *его ради стражду*, т. е., хотя тотъ, кто долженъ вамъ, и удалился, но я отдаю Его долгъ. Вотъ и о *лишеніи* онъ говоритъ съ цѣлію показать, что, по его мнѣнію, Христосъ еще не все претерпѣлъ. За васъ, говоритъ, Онъ и по смерти страдаетъ, если требуетъ нужда. То же онъ представляетъ иначе и въ посланіи къ Римлянамъ, говоря: *иже и молится за ны* (viii, 32), показывая, что Онъ не удовольствовался только смертію, а и послѣ того дѣлаетъ за насъ безконечно многое. Такимъ образомъ онъ говоритъ это не для собственнаго превозношенія, но

желая показать, что Христосъ и доселѣ заботится объ нихъ, а для удостовѣренія въ своихъ словахъ прибавляетъ: *за тѣло его*. Что это дѣйствительно такъ, что здѣсь нѣтъ никакой несообразности, видно изъ того самаго, что это дѣлается *за тѣло его*. Видишь, какая связь между нами и Имъ? Итакъ, зачѣмъ же вы вводите тутъ еще посредство ангеловъ? *Емуже*, говоритъ, *азъ быхъ служитель*. Зачѣмъ еще вводите тутъ другихъ—ангеловъ? *Азъ есмь служитель*. Затѣмъ показываетъ, что самъ онъ ничего не сдѣлалъ, хотя и служитель. *Емуже быхъ*, говоритъ, *азъ служитель по смотрѣнію Божію, данному мнѣ въ васъ, исполнити слово Божіе* (ст. 25). *По смотрѣнію*. Этимъ онъ или то сказалъ: такъ Онъ желалъ, чтобы, по отшествіи Его, мы сдѣлались преемниками служенія въ дѣлѣ домостроительства, чтобы вы не остались покинутыми,—самъ же Онъ страдалъ, самъ и посланникомъ былъ,—или выразилъ такую мысль: мнѣ, жесточайшему изъ всѣхъ гонителю, для того и попустилъ (Богъ) преслѣдовать (Христа), чтобы сдѣлаться достойнымъ вѣроятія при проповѣданіи,—или онъ упомянулъ о домостроительствѣ въ томъ смыслѣ, что требовалъ не дѣлъ, или подвиговъ, или заслугъ, а вѣры и крещенія. Вѣдь иначе вы не приняли бы его ученія. *Въ васъ*, говоритъ, *исполнити слово Божіе*. Слово: *исполнити* онъ употребляетъ по отношенію къ язычникамъ, показывая, что они доселѣ еще колеблются: то, что язычники могли воспринять столь высокіе догматы, было дѣломъ не Павла, а домостроительства Божія: я, говоритъ самъ не имѣлъ бы силы. Указавши же на болѣе важное, т. е., что страданія его—Христовы (страданія), онъ представляетъ за-
326 тѣмъ болѣе понятное, т. е., что и *исполнити слово Божіе въ васъ*— также дѣло Божіе. Здѣсь онъ, хотя неясно, показываетъ, что и въ томъ обнаружилось домостроительство, что вы теперь признаны способными слушать слово (Божіе), и это не отъ небреженія, а съ тою цѣлію, чтобы вы сдѣлались способными и къ принятію его. Богъ не вдругъ все дѣлаетъ, но, по великому человѣколюбію Своему, приспособляется къ намъ; и вотъ причина, по которой Христосъ пришелъ нынѣ, а не въ древнее время. Такъ и въ Евангеліи (Богъ) показываетъ, что Онъ для того посылалъ прежде рабовъ, чтобы (іудеи) не подвиглись на убійство Сына. Если они не устыдились Сына, когда Онъ пришелъ послѣ рабовъ, то тѣмъ болѣе, если бы пришелъ прежде. Если ужъ они не послушались меньшихъ приказаній, то какъ слушались бы бóльшихъ? Итакъ, что же говоритъ онъ? Развѣ іудеи и язычники до сихъ поръ не находятся еще въ худшемъ состояніи, чѣмъ были прежде? Это наконецъ верхъ безпечности! Послѣ такого долгаго времени, послѣ столькихъ наставленій все еще оставаться несовершенными—это крайнее нерадѣніе!

3. Итакъ, когда язычники будутъ спрашивать, почему только теперь пришелъ Христосъ, мы не позволимъ говорить имъ это, а сами спросимъ: а развѣ Онъ не исполнилъ своего дѣла? Какъ въ томъ случаѣ, если бы Онъ и съ самаго начала пришелъ и не совершилъ Своего дѣла, недостаточно было бы, для оправданія Его, указать на время Его пришествія, такъ и теперь, когда Онъ совершилъ Свое дѣло, намъ несправедливо было бы требовать отчета во времени Его пришествія. И у врача, который исцѣлилъ болѣзнь и возвратилъ больному здоровье, никто не станетъ требовать отчета касательно лѣченія; и у полководца, который одержалъ побѣду, никто не станетъ выпытывать, почему онъ сдѣлалъ это въ такое-то время и въ такомъ-то мѣстѣ. Спрашивать объ этомъ можно было бы тогда, когда бы онъ не сдѣлалъ этого; а если сдѣлалъ, то нужно принимать. Скажи мнѣ, что̀ болѣе достойно вѣры: твои ли выдумки и разсужденія, или выполненіе самаго дѣла? Ты мнѣ вотъ что скажи: побѣдилъ ли Онъ, или нѣтъ? Одержалъ ли верхъ, или нѣтъ? Привелъ ли къ окончанію то, что говорилъ, или нѣтъ? Вотъ въ чемъ долженъ состоять отчетъ. Скажи мнѣ, ты конечно исповѣдуешь, что есть Богъ, хотя и не признаешь Христа? Я спрашиваю тебя: вѣдь Богъ безначаленъ? Ты конечно подтвердишь это. Скажи же мнѣ: почему Онъ не сотворилъ людей за тысячи лѣтъ прежде? Тогда бы они больше времени уже прожили; а если бытіе составляетъ благо, то тѣмъ большее благо—существовать дольше. Но теперь развѣ они понесли какой-нибудь ущербъ за то время, когда ихъ не было? Нѣтъ, ущерба не понесли; почему,—это знаетъ тотъ, кто сотворилъ ихъ. Опять спрашиваю тебя: почему Онъ не сотворилъ всѣхъ вдругъ, а сдѣлалъ такъ, что душа одного, который сотворенъ первымъ, существуетъ уже столько лѣтъ, между тѣмъ какъ на долю другой, которая еще не произошла на свѣтъ, достается жить меньше? Зачѣмъ Онъ устроилъ такъ, что тотъ является на свѣтъ первымъ, а этотъ—послѣднимъ? Подобныя вещи дѣйствительно стоютъ того, чтобы изслѣдовать ихъ, но—не изъ празднаго любопытства; послѣднее само по себѣ еще не составляетъ и изслѣдованія. Но я тебѣ покажу настоящую причину того, о чемъ началъ говорить (т. е. почему Христосъ явился поздно). Согласись, что человѣческая природа имѣетъ свои возрасты,— что въ первыя времена нашъ родъ находился въ состояніи младенчества, въ слѣдующія затѣмъ времена—въ положеніи юности, а въ тѣ времена, которыя приближаются къ старости, въ положеніи старца; наконецъ, когда, по ослабленіи тѣлесныхъ членовъ и по прекращеніи борьбы, душа окрѣпла,—мы достигли и до любомудрія. Ты скажешь: напротивъ, мы учимъ дѣтей съ

малыхъ лѣтъ. Правда, учимъ, но только неважнымъ предметамъ, а развѣ тому, чтобы только правильно говорить, развивая въ нихъ даръ слова; да и то уже тогда, когда они начнутъ подростать. Посмотри, и Богъ поступалъ точно такимъ же образомъ съ іудеями; точь-въ-точь какъ къ дѣтямъ, Онъ приставилъ къ іудеямъ учителя грамоты, Моисея, который возводилъ ихъ, такъ же
329 какъ мы дѣтей, къ постепенному изученію письменныхъ знаковъ, изображая ихъ на доскѣ. *Сѣнь бо имый законъ грядущихъ благъ, а не самый образъ вещей* (Евр. x, 1). И какъ мы покупаемъ дѣтямъ гостинцы и даемъ имъ денегъ, требуя отъ нихъ только одного, чтобы они тотчасъ же шли въ училище, такъ и Богъ въ то время посылалъ (іудеямъ) изобиліе и довольство, желая получить отъ нихъ, за такое вниманіе къ нимъ, одно, чтобы только слушали Моисея. Для этого-то Онъ поручилъ ихъ наставнику, чтобы они не пренебрегали имъ, а смотрѣли бы на него, какъ на нѣжнаго отца. И смотри, они и боялись только его одного,—не спрашивали: гдѣ Богъ? А—гдѣ Моисей? Онъ наводилъ на нихъ страхъ однимъ своимъ присутствіемъ. Когда же они поступали худо, смотри, какъ онъ ихъ наказывалъ. Богъ хотѣлъ отвергнуть ихъ, но Моисей не допустилъ; вѣрнѣе же сказать, тутъ все было дѣломъ Божіимъ. Онъ изрекалъ угрозы такъ же, какъ отецъ; а Моисей, какъ учитель, умолялъ Его и говорилъ: предоставь мнѣ, съ этихъ поръ я беру ихъ на свои руки. Такимъ образомъ пустыня была настоящимъ училищемъ. И какъ дѣти, проведши нѣсколько времени въ занятіяхъ, стараются уйти, такъ и они въ то время постоянно стремились въ Египетъ, плакали, говорили: мы пропали, мы прожились, мы погибли. Моисей разбилъ и скрижаль, на которой написалъ было имъ какъ бы названія (вещей). Онъ поступилъ такъ же точно, какъ и учитель, который, взявъ доску и увидѣвъ на ней худое письмо, бросаетъ и доску, желая показать этимъ сильный гнѣвъ; и хоть и разобьетъ ее, отецъ не будетъ гнѣваться, потому что тотъ старался и писалъ, а они не смотрѣли на него, зѣвали только по сторонамъ и шалили. И какъ дѣти, во время занятій своихъ, бьютъ другъ друга, такъ и онъ, въ то время, повелѣвалъ однимъ бить и убивать другихъ. И опять, онъ наказывалъ ихъ, какъ (учитель), который давалъ уроки и, спросивъ, находилъ ихъ неприготовленными. (Какіе это уроки) представлю примѣръ: были такія письмена, которыя указывали на силу Божію, явленную въ Египтѣ. Да, говоритъ, но эти письмена объявляли о казняхъ (египетскихъ), о томъ, что Богъ наказываетъ враговъ, и заключали въ себѣ урокъ, весьма поучительный (для іудеевъ). Чѣмъ инымъ было наказаніе враговъ для васъ, какъ не благодѣяніемъ?

Да и другими способами Онъ вамъ благодѣтельствовалъ. Это все равно, какъ если бы кто-нибудь сталъ бы увѣрять, что онъ знаетъ буквы, а когда стали бы спрашивать его въ разбивку, онъ не въ состояніи былъ отвѣчать и за то былъ наказанъ: такъ и они говорили, что знаютъ силу Божію, но когда требовалось показать это знаніе въ различныхъ случаяхъ, они не находились отвѣчать и за то были наказываемы. Ты видишь воду? Долженъ вспомнить при этомъ о водѣ египетской: кто превратилъ воду въ кровь, тотъ можетъ сдѣлать и это. Все равно какъ мы часто говоримъ дѣтямъ: когда увидишь въ книгѣ букву: а, помни, что это тотъ самый знакъ, какой и у тебя на досчечкѣ. Видишь голодъ? Вспомни, что онъ истребилъ (въ Египтѣ) все, что ни уродилось. Видишь войны? Вспомни о потопѣ. Видишь, что землю населяютъ сильные народы? Но они не сильнѣе египтянъ, и тотъ, кто изъялъ тебя изъ среды ихъ, не гораздо ли легче можетъ спасти тебя, когда ты не въ ихъ рукахъ? Но они не умѣли отвѣчать въ перемежку на всѣ вопросы, относящіеся до ихъ азбуки, и за то были наказываемы. Они только и знали, что ѣли, пили и буйствовали. Испытавши вредъ отъ удовольствій, они не должны бы были искать ихъ въ маннѣ. Они дѣлали то же самое, какъ если бы сынъ свободныхъ родителей, когда стали посылать его въ училище, захотѣлъ жить вмѣстѣ съ рабами и служить у нихъ; какъ если бы, получая все необходимое для содержанія, приличнаго человѣку свободному, занимая мѣсто за столомъ своего отца, онъ 330
нашелъ для себя пріятнымъ безпорядочный и шумный столъ рабовъ. Такъ и они все стремились въ Египетъ, хотя говорили Моисею: ей, Господи, *вся елика* глаголеши, *сотворимъ и послушаемъ* (Исх. XXIV, 7). И какъ бываетъ съ сильно распущенными дѣтьми, что отецъ хотѣлъ бы иногда убить ихъ, а учитель постоянно упрашиваетъ его за нихъ, такъ и въ то время происходило то же самое.

4. Но почему объ этомъ разсказано намъ? Потому, что и мы ничѣмъ не отличаемся отъ дѣтей. Хочешь ли еще слышать ученіе ихъ, чтобы видѣть, какъ много въ немъ дѣтскаго? *Око за око*, говоритъ, *и зубъ за зубъ* (Лев. XXIV, 20). И это естественно. Нигдѣ склонность къ мщенію не бываетъ такъ сильна, какъ въ душѣ ребенка. Такъ какъ мстительность есть страсть самая безразсудная, а этому возрасту особенно свойственна неразсудительность и недостатокъ обдуманности, то понятно, почему гнѣвъ имѣетъ неограниченную власть надъ дѣтьми. И владычество гнѣва до такой степени сильно, что часто бросаются на землю и потомъ, вскочивъ, бьютъ себѣ отъ злости колѣна, или опрокидываютъ скамейки, и уже только послѣ этого начинаетъ утихать въ нихъ

мучительная страсть и остывать ихъ бѣшенство. Въ этомъ родѣ Богъ дѣйствовалъ, когда позволилъ имъ исторгать око за око и зубъ за зубъ, или когда поражалъ египтянъ и амаликитянъ за обиды, наносимыя имъ (іудеямъ). Богъ даетъ позволеніе поступать такимъ образомъ, какъ отецъ, который, когда какой-нибудь (малютка) скажетъ: отецъ, такой-то меня прибилъ,—отвѣчаетъ: онъ злой человѣкъ, мы не будемъ его любить. Въ такомъ же смыслѣ и Богъ говоритъ: я буду врагомъ враговъ твоихъ, и возненавижу ненавидящихъ тебя. И опять, когда молился Валаамъ, имъ оказано было такое же снисхожденіе, какъ дѣтямъ. Подобно тому, какъ бываетъ съ дѣтьми, что, когда они увидятъ что-нибудь такое, что само по себѣ вовсе нестрашно,—напр. шерсть, или что-нибудь подобное,—вдругъ начинаютъ пугаться, а мы, чтобы эта вещь не наводила на нихъ страха, подносимъ ее къ нимъ и даемъ въ руки, или заставляемъ кормилицу показать ее,—такъ поступилъ и Богъ. Такъ какъ прорицатель былъ для нихъ страшенъ, Онъ превратилъ ихъ страхъ въ смѣлость. И какъ дѣтямъ, отучаемымъ отъ груди, въ утѣшеніе дается рожокъ, такъ и іудеямъ Богъ не отказывалъ ни въ чемъ, и посылалъ имъ полное довольство. Но дитя и послѣ того все еще проситъ груди: и они также все искали Египта и египетскаго мяса.

Такимъ образомъ, тотъ не погрѣшитъ, кто назоветъ Моисея ихъ учителемъ, воспитателемъ и руководителемъ. А это былъ человѣкъ весьма мудрый; вѣдь не одно и то же—руководить людьми, уже способными разсуждать зрѣло, и управлять неразумными дѣтьми. Если угодно, можно сказать и еще что-нибудь. Какъ воспитатель говоритъ ребенку: когда пойдешь ты для естественной нужды, то будь осторожнѣй, оберегай свое платье, пока будешь сидѣть,—такъ поступалъ и Моисей. И какъ въ дѣтяхъ,—у которыхъ еще нѣтъ возницы,—господствуютъ всѣ страсти: тщеславіе, своенравіе, безразсудство, гнѣвъ, зависть,—такъ и надъ іудеями господствовали всѣ эти (страсти): они плевали на Моисея, они его били. И какъ дитя поднимаетъ на кого-нибудь камень, и всѣ мы кричимъ: не бросай,—такъ и они поднимали камни на своего отца, хотя впрочемъ онъ и избѣгалъ ихъ. И какъ дитя, если видитъ на отцѣ какія-нибудь украшенія, проситъ ихъ себѣ, потому что они ему нравятся,—такъ поступили и сообщники Даѳана и Авирона, возставшіе противъ священства.
331 Они были завистливы, малодушны больше, чѣмъ всякій другой, и во всѣхъ отношеніяхъ (были люди) съ недостатками. Итакъ, скажи мнѣ, неужели надлежало Христу явиться въ то время? Давать заповѣди, имѣющія такой глубокій смыслъ въ такое

время, когда они находились подъ властію неистовой страсти,—когда, по своему сладострастію, это были настоящіе кони,—когда они были рабами корыстолюбія и чревоугодія? Онъ напрасно сталъ бы расточать уроки любомудрія, и разсуждать съ людьми безумными. Они не поняли бы ни того, ни другого. Какъ тотъ, кто началъ бы учить чтенію прежде, чѣмъ азбукѣ, никогда не научилъ бы даже и азбукѣ,—такъ было бы и тогда. Но теперь не то: теперь, по благодати Божіей, всюду насаждена великая кротость и великая добродѣтель. Будемъ же благодарны за все и не станемъ предаваться праздному любопытству. Не намъ знать время, а тому, кто сотворилъ время и создалъ вѣка. Предоставимъ же все Ему. Воздавать славу Богу значитъ не требовать у Него отчета въ Его дѣлахъ. Такъ воздалъ славу Богу и Авраамъ, 332
извѣстенъ бывъ, яко, еже обѣща, силенъ есть и сотворити (Рим. IV, 21). Онъ даже и о будущемъ не спрашивалъ; а мы ищемъ причины тому, что уже прошло. Посмотри, какое тутъ неразуміе, какая неблагодарность! Но оставимъ это наконецъ,—потому что отъ этого не будетъ никакой пользы, а даже еще большой вредъ: будемъ питать въ душѣ признательность къ нашему Владыкѣ и возсылать славу Богу, чтобы, вознося благодареніе за все, удостоиться Его человѣколюбія, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ: Аминь.

БЕСѢДА V.

Тайну сокровенную отъ вѣкъ и отъ родовъ, нынѣ же 331
явися святымъ его, имже восхотѣ Богъ сказати, кое богатство славы тайны сея во языцѣхъ, иже есть Христосъ въ васъ, упованіе славы, егоже мы проповѣдуемъ, наказующе всякаго человѣка, и учаще всякаго человѣка во всякой премудрости, да представимъ всякаго человѣка совершенна о Христѣ Іисусѣ (Кол. 1, 26—28).

1. Сказавъ о томъ, что мы получили, и показавъ изъ величія дарованныхъ намъ (благъ) человѣколюбіе и славу Божію, (Павелъ) *присовокупляетъ* еще другое дополненіе,—что прежде насъ никто не зналъ этой (тайны). То же онъ дѣлаетъ и въ *посланіи къ Ефесянамъ*, когда говоритъ: ни ангелы, ни начала, ни *иная какая-либо* созданная сила, но одинъ Сынъ Божій знаетъ

(Еф. ш, 5). Потому и не сказалъ просто: скрытую (κεκρυμμένον), но: *сокровенную* (ἀποκεκρυμμένον), какъ потому, что, хотя она и нынѣ совершилась, однако она древняя, такъ и потому, что Богъ издавна восхотѣлъ этого и такъ предначерталъ. Но почему,—объ этомъ еще не говоритъ. *Отъ вѣкъ*, говоритъ, *изначала*. И справедливо назвалъ тайною то, чего никто не зналъ, кромѣ Бога. Гдѣ же *сокровенную?* Во Христѣ, какъ говоритъ въ посланіи къ Ефесянамъ, или, какъ нѣкогда сказалъ пророкъ: *отъ вѣка и до вѣка ты еси* (Псал. LXXXIX, 3). *Нынѣ же явися*, говоритъ, *святымъ его*. Итакъ, все это есть дѣло домостроительства Божія. *Нынѣ же*, говоритъ, *явися*. Не сказалъ: совершилась, но: *явися святымъ его*. Если явилась однимъ только святымъ, то, значитъ, еще и нынѣ скрывается. Пусть же они (еретики) не прельщаютъ васъ: не знаютъ, почему (апостолъ) сказалъ: (только тѣмъ) *имже восхотѣ*. Смотри, какъ онъ вездѣ предупреждаетъ ихъ вопросы. *Имже*, говоритъ, *восхотѣ Богъ сказати*; а воля Его не неразумна. Онъ сказалъ это для того, чтобы они болѣе покорялись благодати, и не превозносились своими добрыми дѣлами. *Кое богатство славы тайны сея во языцѣхъ*. Глубокомысленно сказалъ и усилилъ рѣчь, пріискивая отъ преизбытка чувства поясненія къ поясненіямъ. Самая эта неопредѣленная рѣчь: *богатство славы тайны сея во языцѣхъ* тоже содержитъ въ себѣ поясненіе,—потому что слава болѣе всего является въ язычникахъ, какъ и говоритъ въ дру-
332 гомъ мѣстѣ: *а языкомъ по милости прославити Бога* (Рим. XV, 9). И въ другихъ является великая слава тайны; но въ нихъ гораздо болѣе. Людей болѣе безчувственныхъ, чѣмъ камни, вдругъ возвести къ достоинству ангеловъ, единственно посредствомъ безыскусственныхъ словъ и одной вѣры, безъ всякаго труда,— это дѣйствительно слава и богатство тайны, подобно тому, какъ если бы кто-нибудь пса, издыхающаго отъ голода и паршей, гнуснаго и отвратительнаго, уже не могущаго двигаться и заброшеннаго, вдругъ сдѣлалъ человѣкомъ и показалъ на царскомъ престолѣ. Смотри: они поклонялись камнямъ и землѣ,—считая ихъ лучшими неба и солнца, думая, что весь міръ служитъ имъ,— были плѣнниками и узниками діавола, и вдругъ наступили на главу его, и стали повелѣвать имъ и бичевать его. Слуги и рабы демоновъ сдѣлались тѣломъ Владыки ангеловъ и архангеловъ. Не знавшіе даже, что есть Богъ, вдругъ стали сопрестольниками Бога. Хочешь видѣть безчисленныя ступени, которыя они перешагнули? Нужно было имъ, во-первыхъ, узнать, что камни не боги; во-вторыхъ, что они не только не боги, но и ниже людей; въ-третьихъ, ниже безсловесныхъ; въ-четвертыхъ, ниже растеній; въ-пятыхъ, что они (язычники) смѣшали совершенно

противоположные предметы, что не только камни, но ни земля, ни животныя, ни растенія, ни человѣкъ, ни небо, ни то, что выше неба (не есть Богъ); опять,—что ни камнямъ, ни животнымъ, ни растеніямъ, ни стихіямъ, ни горнему, ни дольнему, ни человѣку, ни демонамъ, ни ангеламъ, ни архангеламъ, ни другой какой-либо изъ тѣхъ высшихъ силъ не должна поклоняться человѣческая природа. Какъ бы черпая изъ нѣкоей глубины, имъ надлежало познать, что Владыка всего—Онъ есть Богъ, что Ему одному должно служить, что дивное устройство жизни есть благо, что настоящая смерть не есть смерть, а настоящая жизнь—не жизнь, что тѣло возстаетъ, дѣлается нетлѣннымъ, восходитъ на небеса, сподобляется безсмертія, водворяется съ ангелами, преселяется. Человѣка, стоявшаго такъ низко, послѣ того, какъ онъ перешагнулъ всѣ эти (ступени, Христосъ) посадилъ на небесахъ, на тронѣ: того, который былъ ниже камней, поставилъ выше ангеловъ, архангеловъ, престоловъ, господствъ. Дѣйствительно, хорошо сказалъ: *кое богатство славы тайны сея?* Дѣло подобно тому, какъ если бы кто-нибудь глупаго вдругъ сдѣлалъ философомъ. А лучше сказать, что ни говори, ничего не объяснишь, 333
потому что и Павловы слова неопредѣленны. *Кое*, говоритъ, *богатство славы тайны сея во языцѣхъ, иже есть Христосъ въ васъ?* Еще надлежало познать, что Тотъ, кто выше всѣхъ, кто господствуетъ надъ ангелами и имѣетъ власть надъ всѣми прочими силами, нисшелъ долу, сдѣлался человѣкомъ, претерпѣлъ безчисленныя мученія, воскресъ и вознесся.

2. Все это было слѣдствіемъ тайны, и Павелъ торжественно возвѣщаетъ это, когда говоритъ: *иже есть Христосъ въ васъ*. Если же Онъ въ васъ, то для чего вы ищете себѣ учителей изъ ангеловъ? *Тайны сея*. Есть и другая тайна; но это, по преимуществу, тайна, которой никто не зналъ, которая досточудна, которой никто не ожидалъ, и она была сокрыта. *Иже есть Христосъ въ васъ*, говоритъ, *упованіе славы*, *Егоже мы проповѣдуемъ*, принявъ Его свыше. *Егоже* (проповѣдуемъ) *мы*, а не ангелы, *учаще и наказующе*, а не повелѣвая и не принуждая: вѣдь и то, что люди приводятся къ Богу не насильственно, есть дѣло человѣколюбія Божія. Такъ какъ *учаще*—слово великое, то онъ прибавилъ: *и наказующе*, что болѣе свойственно отцу, чѣмъ учителю. *Егоже*, говоритъ, *мы проповѣдуемъ, наказующе всякаго человѣка, и учаще* всякаго человѣка во *всякой премудрости*, то есть, со всякою премудростію и разумомъ, или—все говоря въ премудрости. Поэтому, здѣсь нужна вся премудрость, такъ какъ познать это не всякій можетъ. *Да представимъ всякаго человѣка совершенна о Христѣ Іисусѣ*. Что ты говоришь—*всякаго человѣка?* Да, говоритъ, мы объ

этомъ заботимся. Что же, если бы это не исполнилось? Все-таки блаженный Павелъ старался сдѣлать совершеннымъ. Итакъ, это—совершенство, а то—несовершенно. Слѣдовательно, кто имѣетъ не всю мудрость, тотъ несовершенъ. *Совершенна о Христѣ Іисусѣ:* не о законѣ, и не объ ангелахъ, потому что это несовершенно. *О Христѣ*, то есть, въ познаніи Христа. Кто знаетъ, что̀ сдѣлалъ Христосъ, тотъ постигъ болѣе ангеловъ. *О Христѣ Іисусѣ: въ немже и труждаюся и подвизаюся* (ст. 29). Не просто стараюсь, говоритъ, не какъ случилось; но *труждаюся и подвизаюся* съ великимъ тщаніемъ, то есть, съ великимъ бодрствованіемъ. Если я такъ бодрствую для вашего блага, то сами вы должны (бодрствовать) гораздо болѣе. Затѣмъ, чтобы показать, что это дѣло Божіе, говоритъ: *по дѣйству его дѣйствуемому во мнѣ силою* (ст. 29). Показываетъ, что это—дѣло Божіе. Дающій мнѣ силы для этого, очевидно, этого желаетъ. Потому и въ началѣ сказалъ: *волею Божіею* (ст. 1). Итакъ (апостолъ) сказалъ такъ не только по смиренію, но и по истинѣ. *И подвизаюся.* Этимъ словомъ онъ показалъ, что противъ него воюютъ многіе. Затѣмъ (выражаетъ) великую любовь. *Хощу убо васъ вѣдѣти, коликъ подвигъ имамъ о васъ и о сущихъ въ Лаодикіи* (п, 1). Чтобы не показалось, что причиною такого желанія ихъ слабость, онъ присовокупилъ и другихъ, и еще не упрекаетъ (ихъ). *И елицы не видѣша лица моего во плоти.* Здѣсь ясно показываетъ, что они постоянно видѣли его духомъ, и свидѣтельствуетъ имъ великую любовь свою. По-
334 тому и прибавилъ: *да утѣшатся сердца ихъ, снемшихся въ любви, и во всякомъ богатствѣ извѣщенія разума, въ познаніе тайны Бога Отца и Христа: въ немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (ст. 2, 3). Вотъ уже онъ спѣшитъ и заботится перейти къ ученію, и не обвиняя, и не освобождая ихъ отъ обвиненія. *Подвигъ*, говоритъ, *имамъ*. Съ какою цѣлію? Чтобы соединиться. Это значитъ: чтобы они твердо стояли въ вѣрѣ. Но онъ не говоритъ такъ, устраняя все, клонящееся къ обвиненію. Это для того, чтобы они соединились по любви, а не по необходимости, или насилію. Онъ, какъ я сказалъ, неутомимо и постоянно поучалъ ихъ. Потому и говоритъ: *подвизаюся*, потому что я хочу, чтобы (это сдѣлалось) по любви и добровольно. Я хочу не того только, чтобы было собраніе, не уста только, но *да утѣшатся сердца ихъ, снемшихся въ любви, и во всякомъ богатствѣ извѣщенія разума*, то есть, чтобы они ни въ чемъ не сомнѣвались, чтобы во всемъ были убѣждены. Онъ говоритъ о томъ убѣжденіи, которое происходитъ отъ вѣры. Бываетъ убѣжденіе и вслѣдствіе умозаключеній; но оно не имѣетъ никакой цѣны. Я знаю, говоритъ, что вы вѣруете; но хочу, чтобы вы были убѣждены не въ

одномъ богатствѣ, но *во всякомъ богатствѣ,* чтобы вы были убѣждены и во всемъ и твердо. Смотри, какое благоразуміе у блаженнаго Павла. Онъ не сказалъ имъ: вы худо дѣлаете, что не имѣете убѣжденія,—не обвинилъ ихъ; но: вы не знаете, какъ забочусь я о томъ, чтобы вы были убѣждены разумно, а не безотчетно. Такъ какъ сказалъ о вѣрѣ, то и прибавляетъ: не думайте, что я сказалъ просто и необдуманно; нѣтъ,—разумно, съ любовію. *Въ познаніе тайны Бога Отца и Христа.* Слѣдовательно, привлеченіе (къ Отцу) чрезъ Сына есть тайна Божія. *И Христа, въ Немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна.* Если же они въ Немъ, то Онъ премудро пришелъ нынѣ (на землю). За что же обвиняютъ насъ нѣкоторые неразумные? Смотри, какъ онъ говоритъ людямъ малосвѣдущимъ: *въ Немже вся сокровища:* Онъ все знаетъ. *Сокровенна.* Не думайте же, что вы уже имѣете все: *сокровенна* и отъ ангеловъ, не только отъ васъ. Значитъ, у Него должно всего просить; Онъ даетъ премудрость и знаніе. Итакъ, словомъ: *сокровища* показываетъ множество, словомъ: *вся*—что Онъ (все) знаетъ, а словомъ: *сокровенна*—что Онъ одинъ знаетъ. *Сіе же глаголю, да никтоже васъ прелститъ въ словопрѣніи* (ст. 4).

3. Видишь, говоритъ, я это сказалъ для того, чтобы вы не искали (знанія) у людей. *Прелститъ,* говоритъ, *въ словопрѣніи.* Что же, если (кто-нибудь) говоритъ убѣдительно? *Аще бо и плотію отстою, но духомъ съ вами есмь* (ст. 5). Послѣдовательность требовала бы сказать: хотя я и отстою плотію, тѣмъ не менѣе знаю обманщиковъ; но теперь онъ оканчиваетъ похвалою. *Радуяся и видя вашъ чинъ и утвержденіе вашея вѣры, яже во Христа* (ст. 5). Чиномъ онъ называетъ благоустройство. *И утвержденіе вашея вѣры, яже во Христа.* Это величайшая похвала. И не сказалъ: вѣру, но: *утвержденіе,* какъ будто говоритъ воинамъ, стройно и твердо стоящимъ. Кто твердъ, того не поколеблютъ ни обольщенія, ни искушенія. Вы, говоритъ, не только не пали; но у васъ 335
никто не разстроилъ и чина. Онъ поставилъ себя между ними, чтобы они боялись его, какъ бы онъ при нихъ находился, потому что чрезъ это сохраняется чинъ (благоустройство). Сплоченность—отъ твердости. Твердость же происходитъ тогда, когда ты, собравъ много (вещей), склеишь ихъ плотно и неразрывно; тогда происходитъ твердость, какъ, напр., въ стѣнѣ. То же дѣлаетъ любовь. Когда она плотно совокупитъ и соединитъ людей, живущихъ отдѣльно, она дѣлаетъ ихъ твердыми. То же дѣлаетъ и вѣра, когда она не позволяетъ господствовать въ насъ размышленію, потому что какъ размышленіе раздѣляетъ и колеблетъ, такъ вѣра укрѣпляетъ и утверждаетъ. Такъ какъ Богъ даро-

валъ намъ блага, превышающія человѣческое разумѣніе, то Онъ по справедливости требуетъ вѣры, потому что не можетъ быть твердымъ тотъ, кто ищетъ объясненій. Всѣ наши важнѣйшіе (догматы) чужды умствованій и доступны только вѣрѣ. Богъ нигдѣ и вездѣ: что непонятнѣе этого для разума? И въ томъ, и въ другомъ содержится много необъяснимаго. Онъ не заключается въ мѣстѣ, и въ Немъ нѣтъ мѣста. Онъ не произошелъ (ни отъ кого), ни самъ себя не сотворилъ, и не начиналъ своего бытія. Какой разумъ принялъ бы это, если бы не было вѣры? И не показалось ли бы это смѣшнымъ? А не имѣть конца,—развѣ это не труднѣе всякой загадки? Онъ безначаленъ, нерожденъ, неописуемъ и безпредѣленъ,—и это также непостижимо. Не можемъ ли мы, по крайней мѣрѣ, объяснить умомъ безтѣлесность Его? Посмотримъ. Богъ безтѣлесенъ. Что такое—безтѣлесенъ? Одно голое слово; умъ ничего не извлекаетъ изъ него, и ничего себѣ не представляетъ. Если бы онъ представилъ себѣ что-нибудь такое, то перешелъ бы къ вещественному, къ тому, изъ чего образуется тѣло. Значитъ, когда уста говорятъ о безтѣлесномъ, умъ не понимаетъ, о чемъ они говорятъ, или понимаетъ только то, что безтѣлесное—не тѣло. Да что я говорю о Богѣ? Что такое безтѣлесность нашей души, имѣющей начало, заключенной (въ тѣлѣ), описуемой? Скажи, покажи! Но ты не можешь. Она воздухъ? Но воздухъ—тѣло, хотя и нетвердое; изъ многихъ явленій видно, что онъ есть жидкое тѣло. Она огонь? Но огонь—тѣло; а дѣйствіе души безтѣлесно. Почему? Потому, что она всюду проникаетъ. Если же она—не тѣло, то безтѣлесное въ (опредѣленномъ) мѣстѣ; поэтому и описуема; описуемое же имѣетъ фигуру; фигура же состоитъ изъ линій; линіи же—принадлежность тѣлъ. Опять, что значитъ безформенный? Не имѣющій ни формы, ни вида, ни образа. Видишь, какъ путается мысль! Еще: прородѣ (Божіей) несвойственно зло; но добрымъ каждый бываетъ только по своей волѣ; слѣдовательно, зло свойственно ей. Но этого сказать нельзя, да не будетъ! Еще: по волѣ (Богъ) имѣетъ бытіе, или по неволѣ? Но и этого нельзя сказать. Еще: ограничиваетъ (Онъ) вселенную, или нѣтъ? Если не ограничиваетъ, то самъ ограничивается ею; если же ограничиваетъ, то Онъ безпредѣленъ по природѣ. Еще: ограничиваетъ ли Онъ самъ себя? Если ограничиваетъ, то, значитъ, Онъ и безначаленъ не въ отношеніи къ самому себѣ, а въ отношеніи къ намъ; слѣдовательно безначаленъ не по природѣ. Вездѣ приходимъ къ противорѣчивымъ заключеніямъ. Видишь, какой мракъ и какъ вездѣ нужна вѣра! Одна она тверда. Но, если хотите, перейдемъ къ меньшимъ предметамъ. Существо (Божіе) дѣйствуетъ. Что же такое въ немъ дѣятельность? Дви-

жение какое-нибудь? Въ такомъ случаѣ оно не неизмѣняемо, потому что движущееся измѣняется, изъ состоянія неподвижности переходитъ въ состояніе движенія. Однакоже (существо 336
Божіе) движется и никогда не бываетъ въ неподвижномъ состояніи. Какое же это движеніе, скажи мнѣ? У насъ есть семь различныхъ движеній: внизъ, вверхъ, внутрь, наружу, вправо, влѣво и вокругъ. Кромѣ этого бываетъ: увеличеніе, уменьшеніе, рожденіе, разрушеніе, измѣненіе. Но то движеніе несходно ни съ однимъ изъ этихъ движеній, а совершается подобно движенію ума? Вовсе не такъ,—да не будетъ,—потому что умъ движется иногда глупо. Дѣйствіе (Божіе) есть желаніе? Но Онъ хочетъ, чтобы всѣ люди были добродѣтельны и спаслись: почему же это не исполняется? Значитъ, желаніе—не то, что дѣйствіе? Въ такомъ случаѣ для дѣйствія недостаточно одного желанія. А какъ же говоритъ Писаніе: *вся елика восхотѣ, сотвори* (Псал. cxiii, 11)? Какъ и прокаженный говоритъ Христу: *аще хощеши, можеши мя очистити* (Мѳ. viii, 2)? Скажу и другое, если хотите. Какимъ образомъ сущее произошло изъ не-сущаго? Какимъ образомъ оно обращается въ ничто? Что выше неба? И опять: что выше того высшаго? И что выше этого? И что за тѣмъ? И такъ до безконечности. Что ниже земли? Море. А ниже его что? И ниже этого опять что? А вправо, влѣво,—развѣ не такая же неизвѣстность?

4. Но это—невидимое. Хотите, скажу о предметахъ видимыхъ, о томъ, что было? Скажи мнѣ, какъ Іона былъ во чревѣ звѣря и не погибъ? Развѣ это согласно съ разумомъ? Не напрасно ли (стараніе) объяснить это? Какъ (китъ) пощадилъ праведника? Какъ не задушилъ его жаръ? Какъ не сгноилъ? Если трудно быть только въ глубинѣ моря, то гораздо труднѣе находиться во внутренностяхъ (кита) и въ такомъ жару. Какъ Іона дышалъ тамъ? Какъ доставало вдыхаемаго воздуха для двухъ живыхъ существъ? Какъ (китъ) извергъ пророка невредимымъ? Какъ говорилъ (Іона)? Какъ онъ сознавалъ себя и молился? Развѣ вѣроятно все это? Если будемъ изслѣдовать разумомъ, невѣроятно; если же вѣрою, то весьма вѣроятно. Скажу нѣчто болѣе этого. Зерно въ нѣдрахъ земли гніетъ и возстаетъ. Смотри, (тутъ два) противоположныхъ чуда, и одно другого удивительнѣе. Удивительно и то, что зерно не истлѣваетъ, и то удивительно, что гніющее возстаетъ.

Гдѣ невѣрующіе воскресенію и говорящіе: какъ эта кость соединится съ этою? и вводящіе тому подобныя басни? Скажи мнѣ: какъ Илія вознесся на огненной колесницѣ (4 Цар. ii, 11)? Огню свойственно жечь, а не возносить. Какъ (Илія) живетъ (на небѣ) столько времени? Въ какомъ находится мѣстѣ? Для чего

это случилось? Куда преселенъ Энохъ? Вкушаетъ ли такую же пищу, какъ мы? Что мѣшаетъ быть ему здѣсь? Но онъ не вкушаетъ нашей пищи? Зачѣмъ онъ взятъ отсюда? Смотри, какъ Богъ постепенно наставляетъ насъ. Онъ преселилъ Эноха: это не очень важно: то же показалъ намъ въ вознесеніи Иліи. Заключилъ Ноя въ ковчегѣ: но и это не очень важно: тому же научилъ насъ, заключивъ пророка въ китѣ. Такъ и ветхозавѣтныя событія имѣли нужду въ предтечахъ и прообразахъ. Какъ въ лѣстницѣ первая ступень ведетъ ко второй, а нельзя съ нея ступить на четвертую, и эта (имѣетъ отношеніе) къ той, чтобы та служила путемъ къ этой, и прежде первой нельзя ступить на вторую,—такъ и здѣсь. Замѣчай знаки знаковъ, и увидишь это въ лѣстницѣ, которую видѣлъ Іаковъ. Вверху, говорится, утверждался Господь, а внизу восходили и нисходили ангелы. Это предвозвѣщало, что Отецъ имѣетъ Сына. Надлежало вѣрить этому. Откуда показать тебѣ знаки этого? Какъ ты хочешь: сверху ли внизъ, или снизу вверхъ? Нужно было показать, что (Отецъ) родитъ безстрастно; и вотъ сна-
337 чала родила неплодная. А лучше начнемъ сверху. Надлежало вѣровать, что (Сынъ раждается) отъ Отца. Что же? Было и это (предвозвѣщено), хотя неясно, какъ бы въ образѣ и тѣни, однакоже было; а съ теченіемъ времени становится нѣсколько яснѣе. Жена (Евва) изъ одного человѣка, и онъ остается цѣлымъ. Кромѣ того, надлежало быть какому-нибудь знаменію рожденія отъ Дѣвы. Раждаетъ неплодная, и не однажды, но дважды, трижды и многократно. Итакъ, неплодная была прообразомъ рожденія отъ Дѣвы и побуждаетъ нашъ разумъ къ вѣрѣ. (Рожденіе отъ неплодной) было знаменіемъ и того, что Богъ (Отецъ) одинъ можетъ раждать. Если человѣкъ, совершеннѣйшее существо, раждается и безъ него (безстрастно), то тѣмъ болѣе онъ раждается изъ существа, которое совершеннѣе (человѣка). Есть и другое рожденіе, которое есть образъ истины, наше (рожденіе) отъ Духа. Неплодная была образомъ и этого рожденія, потому что оно не изъ кровей. А это (рожденіе отъ Духа) есть образъ высшаго рожденія (Сына отъ Отца). То рожденіе показало безстрастіе, а это—что можетъ родиться отъ одного (Бога Отца). Христосъ есть Владыка, выше всѣхъ; надлежало вѣровать этому. Это показано въ (образѣ) земли при (сотвореніи) человѣка: *сотворимъ*, сказано, *человѣка по образу и по подобію нашему и да обладаетъ* всѣми безсловесными (Быт. I, 26). Такъ (Богъ) научилъ насъ не словами, но дѣлами. Рай показалъ различіе въ природѣ и превосходство человѣка предъ всѣми (тварями). Христу надлежало воскреснуть,—смотри же, сколько прообразовъ этого: Энохъ, Илія,
338 Іона, отроки въ пещи, потопъ во дни Ноя, сѣмена, растенія, ро-

жденіе, какъ наше, такъ и всѣхъ животныхъ. Такъ какъ (сомнѣніе) о воскресеніи все могло подвергнуть опасности, то воскресеніе имѣло много прообразовъ,—гораздо болѣе, чѣмъ все прочее. Что все происходитъ не безъ провидѣнія, объ этомъ можно заключать изъ того, какъ у насъ бываетъ: у насъ ничто не остается безъ надзора; и для стада и для всего другого нужно, чтобы кто-нибудь управлялъ. А что неслучайно все произошло, показываетъ геенна, показалъ потопъ при Ноѣ, огонь, потопленіе египтянъ, (чудеса), совершившіяся въ пустынѣ. Нужно было многое, что служило бы предзнаменованіемъ крещенія; и (предзнаменованія) были: то, что совершено въ водѣ, и многое другое, что было въ ветхомъ завѣтѣ, что было въ купели, очищеніе больного, самый потопъ, крещеніе Іоанна. Надлежало вѣровать, что Богъ предастъ (на смерть) Сына своего: напередъ сдѣлалъ это человѣкъ. Кто же это? Патріархъ Авраамъ. Такимъ образомъ, мы найдемъ прообразы всего этого, если захотимъ, если поищемъ въ Писаніи. Но не будемъ утомлять себя; ограничимся этимъ; будемъ имѣть твердую вѣру, и постараемся объ исправленіи своей жизни, чтобы, благодаря Бога о всемъ, удостоиться благъ, обѣщанныхъ любящимъ Его, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VI.

Якоже убо пріясте Христа Іисуса Господа, такожде въ немъ ходите, укоренени и наздани въ немъ, и извѣствовани вѣрою, якоже научистеся, избыточествующе въ ней благодареніемъ (Кол. II, 6, 7). 337

1. Опять предваряетъ ихъ собственнымъ свидѣтельствомъ, говоря: *якоже пріясте*. Мы, говоритъ, не вводимъ ничего чуждаго; поэтому и вы не должны вводить. *Въ немъ ходите*, потому что Онъ есть путь, приводящій къ Отцу. Такой путь не въ ангелахъ,—этотъ не ведетъ туда. *Укоренени*, то есть, утверждены; не увлекаясь то на тотъ, то на другой путь, но *укоренени*; а укорененное никогда не передвигается. Видишь, какія точныя выраженія употребляетъ (Павелъ)! *И наздани*, говоритъ, то есть, возносясь къ Нему умомъ. *И извѣствовани* въ Немъ, то есть, держась на Немъ, какъ устроенные на основаніи. Показываетъ, что они пали,—это видно изъ слова: *наздани*. Вѣра, дѣйствительно,

есть зданіе, требующее крѣпкаго основанія и прочнаго построенія. Оно колеблется, если кто построитъ его не на крѣпкомъ основаніи; а если и на крѣпкомъ построитъ, но не утвердитъ, не будетъ стоять. *Якоже научистеся.* Словомъ: *якоже* опять показываетъ, что онъ ничего не говоритъ новаго. *Избыточествующе*, говоритъ, *въ ней благодареніемъ.* Такъ поступаютъ благомыслящіе люди: я не говорю просто: благодаря, но съ великимъ избыткомъ, болѣе, чѣмъ научены, если можно, и съ великимъ соревнованіемъ. *Блюдитеся, да никтоже васъ будетъ прелщая* (ст. 8). Видишь, какъ онъ показалъ татя, чуждаго и тихо входящаго!
338 Онъ представилъ его уже входящимъ. И хорошо сказалъ: *прелститъ* (συλαγωγῶν, обкрадетъ). Какъ иной, подкапывая снизу насыпь, не даетъ себя замѣтить, а насыпь ослабляетъ, такъ и онъ поступаетъ. Итакъ, берегитесь: онъ всегда такъ дѣлаетъ,—не даетъ даже замѣтить себя. *Философіею.* Но такъ какъ философствованіе кажется дѣломъ похвальнымъ, то прибавилъ: *и тщетною лестію.* Лесть (обманъ) бываетъ и добрая; такою были прельщены многіе, и ее не должны называть лестію; о ней говоритъ Іеремія: *прелстилъ мя еси, Господи, и прелщенъ есмь* (Іер. XX, 7). Этого не должно называть лестію. Такъ, когда Іаковъ прельстилъ отца,—это не была лесть, а (Божіе) устроеніе. *Философіею*, говоритъ, *и тщетною лестію, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христѣ* (ст. 8).

Теперь начинаетъ обличеніе въ наблюденіи дней, называя стихіями міра солнце и луну, подобно тому, какъ сказалъ въ посланіи къ галатамъ: *како возвращаетеся паки на немощныя и худыя стихіи* (Гал. IV, 9)? И не сказалъ: въ наблюденіи дней, но: всего настоящаго *міра*,—чтобы показать ничтожество его. Дѣйствительно, если міръ—ничто, то еще болѣе ничтожны стихіи его. Итакъ, показавъ сначала, сколь великія получили они благодѣянія, какими великими благами насладились, потомъ начинаетъ обвиненіе, чтобы дать ему больше силы и тронуть слушателей. Такъ всегда дѣлаютъ и пророки. Они показываютъ сначала благодѣянія (Божіи), и тѣмъ увеличиваютъ силу обвиненія, какъ говоритъ Исаія: *сыны родихъ и возвысихъ, тіи же отвергошася мене* (Иса. I, 2); и опять: *людіе мои, что сотворихъ вамъ, или чимъ оскорбихъ васъ, или чимъ стужихъ вамъ* (Мих. VI, 3); и Да-
339 видъ говоритъ: *услышахъ тя въ тайнѣ бурнѣ*, и еще: *расшири уста моя, и исполню я* (Псал. LXXX, 8, 11). И вездѣ найдешь это. Итакъ, что бы ни говорили они (обольщающіе), не должно вѣрить; нынѣ и безъ (напоминанія) о благодѣяніяхъ должно избѣгать стихійныхъ мудрованій). *А не по Христѣ*, говоритъ. Если бы даже и такъ было, что вы могли бы служить пополамъ и тому

и другому,—и этого не должно бы быть; нынѣ же этого не позволяетъ вамъ то, что *по Христѣ*,—оно удерживаетъ васъ отъ нихъ (суевѣрій). Поколебавъ сначала эллинскія суевѣрія, затѣмъ разрушаетъ іудейскія. У эллиновъ и іудеевъ было много суевѣрій. у первыхъ они происходили отъ философіи, а у послѣднихъ отъ закона. (Павелъ) прежде обращается къ тѣмъ, которыя подлежатъ большему осужденію. Какъ же *не по Христѣ? Яко въ томъ живетъ всяко исполненіе божества тѣлеснѣ, и да будете въ немъ исполнени, иже есть глава всякому началу и власти* (ст. 9 и 10).

2. Смотри, какъ, обличая ихъ, онъ опровергаетъ сказанное (заблужденіе): сначала предложилъ рѣшеніе, а потомъ возраженіе. Такое рѣшеніе устраняетъ подозрѣніе, и слушатель скорѣе соглашается, когда говорящій не о томъ заботится, чтобы опровергнуть возраженіе. Въ послѣднемъ случаѣ, слушатель старается о томъ, чтобы не быть побѣжденнымъ; а тутъ—не бываетъ этого. *Яко въ томъ живетъ*, то есть, такъ какъ Богъ живетъ въ Немъ. Но чтобы ты не подумалъ, будто Богъ заключенъ въ Немъ, какъ въ тѣлѣ, говоритъ: *всяко исполненіе божества тѣлеснѣ, и да будете въ немъ исполнени*. Нѣкоторые говорятъ, что (апостолъ) называетъ здѣсь церковь исполненною божества Его, какъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *исполняющаго всяческая во всѣхъ* (Еф. I, 23), а слово: тѣлеснѣ значитъ здѣсь: какъ въ головѣ тѣло. Почему же въ такомъ случаѣ не прибавилъ онъ: яже есть церковь? Другіе думаютъ, что онъ говоритъ здѣсь объ Отцѣ, что полнота божества живетъ въ Немъ. Но это несправедливо: во-первыхъ, потому, что слово: жить не въ собственномъ смыслѣ говорится о Богѣ; во-вторыхъ, потому, что полнота не есть то, что принимается: *Господня земля, и исполненіе ея* (Псал. XXIII, 1), и апостолъ говоритъ: *дондеже исполненіе языковъ внидетъ* (Рим. XI, 25): здѣсь исполненіемъ называется цѣлое. Потомъ, что значитъ слово: *тѣлеснѣ?* Какъ въ главѣ. Для чего же опять говоритъ то же: *и да будете въ немъ исполнени?* Что значатъ эти слова? То, что вы имѣете столько же, сколько и Онъ; какъ жило въ Немъ, такъ и въ васъ живетъ. Павелъ постоянно старается приблизить насъ ко Христу, напримѣръ, когда говоритъ: *съ нимъ воскреси и спосади* насъ (Ефес. II, 6), и: *аще терпимъ, съ нимъ и воцаримся* (2 Тим. II, 12), и: *како не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ* (Рим. VIII, 32), и называетъ (насъ) *сонаслѣдниками* (Рим. VIII, 17). Затѣмъ (говоритъ) о достоинствѣ: *иже есть глава всякому началу и власти* (ст. 10). Ужели Тотъ, кто выше всего, причина всего, не единосущенъ (Отцу)? Потомъ онъ прекрасно присовокупилъ здѣсь о благодѣяніи, даже лучше, чѣмъ въ посланіи къ римлянамъ: тамъ онъ говоритъ: *обрѣзаніе сердца духомъ, не писаніемъ*

(Рим. II, 29); а здѣсь: во Христѣ. *О немже и обрѣзани бысте обрѣзаніемъ нерукотвореннымъ, въ совлеченіи тѣла грѣховнаго плоти, во обрѣзаніи Христовѣ* (ст. 11). Смотри, какъ онъ приближается къ дѣлу. *Въ совлеченіи*, говоритъ,—не сказалъ: снятіи. *Тѣла грѣховнаго*,—говоритъ о прежней жизни. Это онъ постоянно и различно
340 выражаетъ, какъ и выше сказалъ: *иже избави насъ отъ власти темныя* (Кол. I, 13), *и сущихъ отчужденныхъ примири представити насъ святыхъ и непорочныхъ* (ст. 21, 22). Теперь, говоритъ, обрѣзаніе не отъ ножа, но отъ самого Христа; не рука, какъ тамъ (въ ветхомъ завѣтѣ), совершаетъ это обрѣзаніе, но духъ; обрѣзывается не часть, но весь человѣкъ. Тѣло и это, тѣло и то; но то обрѣзывается плотію, а это духовно,—не такъ, какъ іудеи (обрѣзывали),—потому что вы совлеклись не плоти, но грѣховъ. Когда и гдѣ? Въ крещеніи. Что (Павелъ) называетъ обрѣзаніемъ, то называетъ и гробомъ. Смотри, какъ онъ опять переходитъ къ оправданію. *Грѣховнаго*, говоритъ, *плоти*, т. е., грѣховъ, содѣланныхъ во плоти; говоритъ болѣе, чѣмъ объ обрѣзаніи, такъ какъ (іудеи) не отвергли того, что обрѣзано, но потеряли и повредили. *Спогребшеся ему*, говоритъ, *крещеніемъ, о немже и совостасте вѣрою дѣйствія Бога воскресившаго его изъ мертвыхъ* (ст. 12). Но (крещеніе) есть не гробъ только: смотри, въ самомъ дѣлѣ, что говоритъ: *о немже совостасте вѣрою дѣйствія Бога воскресившаго его изъ мертвыхъ*. Хорошо сказалъ,—потому что все отъ вѣры. Вы повѣрили, что Богъ можетъ воскресить,—и чрезъ это воскресли. Затѣмъ (присовокупляетъ) достовѣрное: *воскресившаго*, говоритъ, *его изъ мертвыхъ*. Уже показываетъ воскресеніе. *И васъ мертвыхъ сущихъ въ прегрѣшеніихъ и въ необрѣзаніи плоти вашея, сооживилъ есть съ нимъ* (ст. 13). Вы были повинны смерти. Но если вы и умирали, то не напрасно,—смерть была полезна вамъ. Смотри, какъ онъ опять показываетъ, чего они были достойны, въ словахъ, которыя присовокупляетъ: *даровавъ намъ вся прегрѣшенія. Истребивъ еже на насъ рукописаніе ученми, еже бѣ сопротивно намъ, и то взятъ отъ среды, пригвоздивъ е на крестѣ, совлекъ начала и власти, изведе въ позоръ дерзновеніемъ, изобличивъ ихъ въ себѣ* (ст. 14—15). *Даровавъ намъ*, говоритъ, *вся прегрѣшенія*. Какія? Тѣ, которыя произвели смерть. И что же? Позволилъ имъ остаться? Нѣтъ; истребилъ ихъ; не только даровалъ, но совсѣмъ истребилъ, чтобы они никогда не показывались. *Ученми*, говоритъ. Какими ученіями? Вѣрою. Слѣдовательно, (для спасенія) достаточна вѣра. (Павелъ) присоединилъ не дѣла къ дѣламъ, но дѣла къ вѣрѣ. Что же затѣмъ? Къ отпущенію опять присоединяетъ истребленіе (грѣховъ). *И то*, говоритъ, *взятъ отъ среды;* но не сохранилъ его, а разорвалъ, *пригвоздивъ е на крестѣ. Совлекъ начала и власти*,

изведе въ позоръ дерзновеніемъ, побѣдивъ ихъ на немъ. Никогда онъ не говорилъ такъ сильно!

3. Видишь, какъ онъ заботился объ уничтоженіи рукописанія? Такъ какъ всѣ мы были подъ грѣхомъ и наказаніемъ, то Онъ, претерпѣвъ наказаніе, освободилъ насъ и отъ грѣха, и отъ наказанія. Наказаніе же Онъ претерпѣлъ на крестѣ. Къ нему-то и пригвоздилъ (рукописаніе), а потомъ, какъ имѣющій власть, и совсѣмъ разорвалъ его. Какое рукописаніе? (Павелъ) говоритъ о томъ рукописаніи, которое (израильтяне) дали Моисею, говоря: *вся словеса, яже глагола Господь, сотворимъ, и послушаемъ* (Исх. xxiv, 3). Если же не объ этомъ, такъ о томъ, что мы обязаны повиноваться Богу. Если же и не объ этомъ, то о томъ рукописаніи, которое держалъ діаволъ, которое изрекъ Богъ Адаму въ словахъ: *въ оньже аще день снѣси отъ древа, смертію умреши* (Быт. ii, 17). Это рукописаніе было у діавола. И Христосъ не отдалъ 341
его намъ; но самъ разорвалъ его, какъ свойственно прощающему съ радостію. *Совлекъ начала и власти.* (Апостолъ) говоритъ это о силахъ діавольскихъ, или потому, что они были облечены человѣческою природою, или потому, что (Христосъ) держалъ ихъ какъ рукоятку меча, и, сдѣлавшись человѣкомъ, обнажилъ ихъ. Это и значитъ: *изведе въ позоръ.* И хорошо это сказано, потому что діаволъ никогда такъ не безчинствовалъ. Онъ надѣялся овладѣть Имъ (Христомъ), а лишился и тѣхъ, кого имѣлъ; въ то время, когда тѣло (Христа) пригвождалось, мертвые воскресали. Тогда діаволъ потерпѣлъ пораженіе, получивъ смертельный ударъ отъ мертваго тѣла. Какъ борецъ, считающій своего противника пораженнымъ, самъ получаетъ отъ него смертельную рану, такъ и Онъ показалъ, что умереть съ спокойнымъ духомъ значитъ посрамить діавола. Если бы могъ, діаволъ сдѣлалъ бы все, чтобы увѣрить людей въ томъ, что (Христосъ) не умиралъ. Но, такъ какъ доказательствомъ воскресенія служило все послѣдовавшее затѣмъ время, а для доказательства смерти не было другого времени кромѣ этого, то Онъ и умеръ открыто, въ виду всѣхъ, но воскресъ не открыто, зная, что послѣдующее затѣмъ время засвидѣтельствуетъ истину. Что въ виду всего міра, на высотѣ, на древѣ былъ умерщвленъ змій,—это достойно удивленія. И чего не сдѣлалъ діаволъ, чтобы только (Христосъ) умеръ тайно? Послушай, что говоритъ Пилатъ: *поимите его вы, и распните: азъ бо не обрѣтаю въ немъ вины* (Іоан. xix, 6); и потомъ іудеи говорили Ему: *аще Сынъ еси Божій, сниди со креста* (Мѳ. xxvii, 40). Но Онъ уже получилъ смертельный ударъ; не сошелъ (*со креста*), и потому преданъ былъ гробу. Онъ могъ тотчасъ же воскреснуть: но (не сдѣлалъ этого), чтобы увѣрены были въ

смерти Его. И въ смерти людей обыкновенныхъ малодушіе предосудительно; здѣсь нѣтъ его. Даже и воины *не пребиша Ему голеній*, какъ другимъ, чтобы очевидно было, что Онъ умеръ. Извѣстны и тѣ, которые погребли тѣло Его; поэтому сами же іудеи, вмѣстѣ съ воинами, запечатываютъ камень. Здѣсь преимущественно старались о томъ, чтобы (смерть Его) не была сокрыта. Свидѣтели—изъ враговъ, изъ іудеевъ. Послушай, что они говорятъ Пилату: *льстецъ онъ рече еще сый живъ: по тріехъ днехъ востану: повели убо* воинамъ стеречь *гробъ* (Мѳ. xxvii, 63). Это и сдѣлано было; они еще запечатали гробъ. Послушай, какъ они и послѣ говорятъ это апостоламъ: *хощете навести на ны кровь человѣка сего* (Дѣян. v, 28). Онъ не попустилъ, чтобы образъ креста Его былъ посрамленъ. Да и ангелы ничего такого не перенесли бы. Онъ исполняетъ на крестѣ все, показывая, что смертію совершено великое дѣло. Это было похоже на единоборство: смерть поразила Христа; а Христосъ, пораженный ею, потомъ умертвилъ ее. Мертвымъ тѣломъ умерщвленъ тотъ, кто казался безсмертнымъ. Вселенная это видѣла. И, что удивительно, не поручилъ этого другому; дано новое рукописаніе, не такое, какое было прежде.

4. Смотрите, чтобы это рукописаніе не обвинило насъ послѣ того, какъ мы сказали: отрицаемся сатаны и сочетаваемся Тебѣ,
342 Христе! Но лучше и не называть этого рукописаніемъ, а договоромъ. Рукописаніе дается въ томъ случаѣ, когда кто-нибудь признаетъ себя должникомъ; а это договоръ. Онъ не назначаетъ наказаній; не сказано: если то, или: если не то. Такъ говорилъ Моисей, кропя кровію завѣта, и Богъ обѣщалъ вѣчную жизнь. А это все — договоръ. Тамъ рабъ съ господиномъ, здѣсь другъ съ другомъ; тамъ: *въ оньже аще день снѣси*, говорится, *смертію умреши* (Быт. ii, 17),—тотчасъ угроза; а здѣсь ничего такого нѣтъ. Здѣсь нагота и тамъ нагота; но тамъ (грѣшникъ) былъ обнаженъ, потому что согрѣшилъ; а здѣсь обнажается, чтобы освободиться (отъ грѣха). Тогда онъ совлекся славы, которую имѣлъ; а нынѣ совлекается ветхаго человѣка, и, прежде чѣмъ выйдетъ (изъ купели), совлекаетъ его такъ же легко, какъ одежду. Онъ помазывается какъ борцы, выступающіе на поприще; въ то же время и раждается,—и не мало-по-малу, какъ тотъ первый, но вдругъ; у него не голова только помазывается, какъ у ветхозавѣтныхъ священниковъ, но гораздо болѣе. У тѣхъ, для побужденія къ послушанію и добрымъ дѣламъ, помазывались: голова, правое ухо и рука; а у него все,—потому что онъ приходитъ не для того только, чтобы поучаться, но чтобы посредствомъ борьбы и подвиговъ сдѣлаться новою тварію. Когда онъ исповѣдалъ вѣчную

жизнь, то исповѣдалъ и новую тварь. *Возмъ персть отъ земли, созда человѣка:* а нынѣ уже не персть, но—Святаго Духа: Онъ создаетъ, Онъ образуетъ (человѣка), какъ и самого (І. Христа) во чревѣ Дѣвы. Не сказалъ: *въ раю*, но: *на небѣ*, чтобы ты, когда будетъ сказано: земля, не подумалъ, что это происходитъ на землѣ. Ты перенесенъ туда—на небо; тамъ это совершается, среди ангеловъ: Богъ возноситъ твою душу на небо, пересоздаетъ ее тамъ, ставитъ тебя подлѣ царскаго трона. Создается въ водѣ, а получаетъ духъ, соотвѣтствующій душѣ. Когда создаетъ (новаго человѣка), не приводитъ къ нему звѣрей, но демоновъ и князя ихъ, и говоритъ: *наступайте на змію и на скорпію* (Лук. x, 19). Не говоритъ: *сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію;* но что? — *даде имъ чадомъ Божіимъ быти, иже не отъ крове, но отъ Бога*, говоритъ, *родишася* (Іоан. i, 12, 13). Чтобы ты не слушалъ змія, сейчасъ же научаешься говорить: отрицаюся тебя (сатана), то есть, что бы ты ни сказалъ, не послушаю тебя. Но чтобы онъ не уловилъ тебя посредствомъ другихъ, говоришь: и гордыни его, и служенія его, и ангеловъ его. Поставилъ его (возрожденнаго) не рай хранить, но жить на небѣ. Именно, восходя (отъ купели), онъ тотчасъ говоритъ слѣдующія слова: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли* (Мѳ. vi, 9, 10). Предъ тобою не дитя, ты видишь на дерево, не источникъ, но самого Владыку вдругъ объемлешь, совокупляешься съ тѣломъ, соединяешься съ тѣломъ, находящимся горѣ, куда не можетъ взойти діаволъ. Это не жена, чтобы онъ могъ подойти и обольстить, какъ слабѣйшую: *нѣсть бо*, говоритъ, *мужескій полъ, ни женскій* (Гал. ш, 28). Если ты самъ не снизойдешь къ нему, онъ не сможетъ взойти туда, гдѣ ты; ты на небѣ, а небо недоступно діаволу. Тамъ нѣтъ древа познанія добра и зла, но только—древо жизни. Уже не отъ ребра твоего жена, но всѣ мы едино отъ ребра Христова. Если помазанные людьми не получаютъ никакого вреда отъ змѣй, то и тебѣ не приключится 343
ничего, доколѣ ты сохранишь помазаніе, дающее тебѣ силы схватить и задушить змія, наступать на змѣй и скорпіоновъ. Но, какъ велики дары, такъ велико и наказаніе: изгнанному изъ рая нельзя жить противу рая и нельзя возвратиться туда, откуда изгнанъ. Что же будетъ? Геенна и червь неумирающій. Но, да не будетъ, чтобы кто-нибудь изъ насъ подвергся этому наказанію. Будемъ, живя добродѣтельно, стараться дѣлать угодное 344
(Богу); будемъ угождать Богу, чтобы мы могли избѣжать наказанія и сподобиться вѣчныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VII.

343 **Да никтоже убо васъ осуждаетъ о яденіи или о питіи, или о части праздника, или о новомѣсячіихъ, или о субботахъ, яже суть стѣнь грядущихъ, тѣло же Христово. Никтоже васъ да прелщаетъ изволеннымъ ему смиренномудріемъ и службою ангеловъ, яже не увѣдѣ ходя, безъ ума дмяся отъ ума плоти своея, а не держа главы, изъ неяже все тѣло составы и соузы подаемо и снемлемо, раститъ возращеніе Божіе (Кол. п, 16—19).**

1. Сказавъ сначала загадочно: *блюдитеся да никтоже васъ будетъ прелщая по преданію человѣческому* (ст. 8), и еще прежде: *сіе же глаголю, да никтоже васъ прелститъ въ словопрѣніи* (ст. 4), и тѣмъ предрасположивъ душу ихъ и сдѣлавъ ее внимательною, упомянувъ потомъ о благодѣяніяхъ (Божіихъ) и тѣмъ еще болѣе усиливъ вниманіе, наконецъ, (Павелъ) начинаетъ обличеніе, и говоритъ: *да никтоже убо васъ осуждаетъ о яденіи, или о питіи, или о части праздника, или о новомѣсячіихъ, или о субботахъ.* Видишь, какъ онъ разрушаетъ это. Если, говоритъ, вы достигли такого (величія), то для чего подчиняете себя маловажному? Далѣе смягчаетъ (обличеніе), говоря: *о части праздника,* такъ какъ они не все прежнее удержали. *Или о новомѣсячіихъ, или о субботахъ.* Не сказалъ: не сохраняйте же, но: *да никтоже васъ осуждаетъ;* показалъ, что они преступаютъ и разрѣшаютъ, но вину сложилъ на другихъ. Не подчиняйтесь, говоритъ, тѣмъ, которые васъ осуждаютъ. Нѣтъ, впрочемъ, и этого: онъ только разсуждаетъ съ ними, а не заграждаетъ ихъ устъ, не запрещаетъ имъ разсуждать. Онъ и не коснулся этого. Не сказалъ: (въ различеніи) чистаго и нечистаго, не сказалъ: (въ соблюденіи праздника) кущей, или опрѣсноковъ, или пятидесятницы, но: *о части праздника,*—такъ какъ они не дерзали сохранять все, а если и сохраняли, то не какъ праздники. *О части,* говоритъ, показывая тѣмъ, что большая часть уже оставлена. И если они и соблюдали субботу, то невполнѣ. *Яже суть стѣнь грядущихъ,* новаго, говоритъ, завѣта. *Тѣло же Христово.* Нѣкоторые ставятъ знаки такимъ образомъ: *тѣло же Христово,*—истина же была во Христѣ; а другіе такъ ставятъ: *тѣло же Христово никтоже васъ да прелщаетъ* (καταβραβευέτω), т. е. лишитъ; слово: καταβραβευθῆναι употребляется въ томъ случаѣ, когда одинъ одержитъ побѣду, а другой получитъ награду,—когда побѣдитель бываетъ обманутъ. Ты сталъ выше діавола и грѣха: зачѣмъ же опять подчиняешься грѣху?
344 Потому-то и говорилъ: *яко долженъ есть весь законъ творити* (Гал.

v, 3), и еще: *Христосъ убо грѣху ли служитель* (Гал. II, 17)? Это сказалъ въ посланіи къ галатамъ. Возбудивъ въ нихъ словомъ: *да прельщаетъ* чувство негодованія, онъ затѣмъ начинаетъ: *изволеннымъ*, говоритъ, *ему смиренномудріемъ и службою ангеловъ, яже не уввдѣ ходя, безъ ума дмяся отъ ума плоти своея*. Какъ—*смиренномудріемъ*? Какъ—*дмяся*? Показываетъ, что все это происходитъ отъ тщеславія. Что же означаютъ всѣ эти слова? Нѣкоторые говорили, что мы должны быть приводимы (къ Богу) не чрезъ Христа, но чрезъ ангеловъ, потому что приведеніе чрезъ Христа больше, чѣмъ сколько нужно для насъ. Поэтому (Павелъ) объясняетъ со всѣхъ сторонъ сказанное о Христѣ: мы примирены *кровію креста Его* (Кол. I, 20), *зане пострада по насъ* (1 Петр. II, 21), *зане возлюби насъ* (Еф. II, 4). При томъ, они погрѣшили еще въ томъ самомъ, что (апостолъ) не сказалъ: приведеніемъ, но: *службою*. *Яже не уввдѣ ходя*. Онъ (такой учитель) не зналъ ангеловъ, и однакоже думалъ, что знаетъ. Поэтому и говоритъ: *дмяся отъ ума плоти своея всуе*. Онъ надмевается не дѣйствительнымъ чѣмъ-нибудь, а своимъ мнѣніемъ, и прикрывается одеждою смиренія. (Павелъ) сказалъ какъ бы такъ: человѣческое разсужденіе есть дѣло плотского, а не духовнаго ума. *А не держа главы*, говоритъ, *изъ неяже все тѣло*, т. е. откуда (тѣло) получаетъ бытіе и здоровье. Какимъ же образомъ ты можешь имѣть члены, отрѣшившись отъ главы? Какъ только ты отдѣлился отъ ней, ты погибъ. *Изъ неяже все тѣло*. Всякій, говоритъ, обязанъ главѣ не только жизнію, но и самымъ союзомъ своимъ съ нею. Вся церковь, пока имѣетъ главу, возрастаетъ; это не есть дѣйствіе безразсудства и тщеславія, не изобрѣтеніе человѣческаго разума. Выраженіе—*изъ неяже* употреблено о Сынѣ. *Составы и соузы*, говоритъ, *подаемо и снемлемо, раститъ возращеніе Божіе*: (возращеніе) по Богу, говоритъ, по наилучшему устройству жизни. *Аще убо умросте со Христомъ*. Это онъ ставитъ въ срединѣ; а что сильнѣе, то—впереди и позади. *Аще убо умросте со Христомъ отъ стихій міра*, говоритъ, *почто аки живуще въ мірѣ стязаетеся* (ст. 29)? Здѣсь нѣтъ послѣдовательности. Слѣдовало бы сказать: для чего подчиняетесь стихіямъ, какъ будто живые? Но, оставивъ это, что онъ говоритъ? *Не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи: яже суть вся во истлѣніе употребленіемъ, по заповѣдемъ и ученіемъ человѣческимъ* (ст. 21, 22).

2. Вы, говоритъ, не принадлежите къ міру: зачѣмъ же поко- 315
ряетесь стихіямъ? Зачѣмъ (подчиняетесь) тому, что соблюдаетъ міръ? И смотри, какъ онъ осмѣиваетъ ихъ: *не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи*,—какъ будто онъ удерживаетъ ихъ отъ чего-то важнаго. *Яже суть вся во истлѣніе употребленіемъ*; посрамилъ надмен-

ность многихъ, и прибавилъ: *по заповѣдемъ и ученіемъ человѣческимъ*. Что говоришь ты? Если говоришь о законѣ, то съ нѣкотораго времени и онъ—ученіе человѣческое. Павелъ сказалъ это или потому, что (іудеи) извратили законъ, или намекаетъ на (ученіе) эллиновъ. Все, говоритъ, есть ученіе человѣческое. *Яже суть слово убо имуща премудрости въ самовольнѣй службѣ и смиренномудріи и непощадѣніи тѣла, не въ чести коей, къ сытости плоти* (ст. 23). *Слово*, говоритъ, а не силу, слѣдовательно не истину. Потому будемъ отвращаться того, кто имѣетъ *слово* премудрости. Вѣдь иной кажется и благочестивымъ, и скромнымъ, и презирающимъ тѣло; а въ самомъ дѣлѣ онъ не таковъ. *Не въ чести коей. къ сытости плоти.* Богъ далъ (тѣлу) честь; но они пользовались имъ не въ честь. Такимъ образомъ, когда было опредѣленіе (Божіе), онъ умѣлъ назвать честью. Они, говоритъ, безчестятъ плоть, лишая ее (должнаго), отнимая у ней силу, не позволяя ей дѣйствовать безъ принужденія. Богъ даровалъ честь плоти. *Аще убо воскреснусте со Христомъ.* Доказавъ прежде, что Онъ умеръ, теперь убѣждаетъ ихъ, и потому говоритъ: *аще убо воскреснусте со Христомъ, вышнихъ ищите* (ш, 1). Тамъ нѣтъ соблюденія. *Вышнихъ ищите, идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя.* О, куда онъ возвелъ умъ нашъ! Какою великою мыслію онъ исполнилъ ихъ! Не удовольствовался тѣмъ, что сказалъ: *вышнихъ*, ни словами: *идѣже есть Христосъ*; но прибавилъ: *одесную Бога сѣдя*,—далъ понять, что оттуда не должно смотрѣть на земное. *Горняя мудрствуйте, а не земная* (ст. 2). *Умросте бо и животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ* (ст. 3). *Егда же Христосъ явится, животъ вашъ, тогда и вы съ нимъ явитеся въ славѣ* (ст. 4). Жизнь настоящая, говоритъ, не ваша; ваша жизнь иная нѣкая. Онъ уже спѣшитъ перенести ихъ (отъ земли), старается показать, что они находятся на небѣ, что уже умерли, давая изъ того и другого понять, что не должно искать здѣшняго (земного). Если вы умерли, то вамъ не должно искать (здѣшняго); если вы на небѣ, то не должны искать (земного). Не является Христосъ; значитъ и жизнь ваша еще не наступила,—она въ Богѣ, на небѣ. Итакъ, что же? Когда мы будемъ жить? Когда явится Христосъ—жизнь ваша, тогда ищите и славы, и жизни, и радости. Это сказано съ тою цѣлію, чтобы удержать ихъ отъ развлеченій и праздности. (Павелъ) обыкновенно такъ дѣлаетъ,—доказывая одно, переходитъ къ другому. Такъ, напр., говоря о тѣхъ, которые предваряли трапезу, онъ вдругъ перешелъ къ соблюденію таинствъ. Вѣдь обличеніе бываетъ сильнѣе, когда оно неожиданно. *Сокровенъ*, говоритъ, отъ васъ. *Тогда и вы съ нимъ явитеся.* Стало быть нынѣ не являетесь. Смотри, какъ онъ пере-

несъ ихъ въ самое небо. Онъ, какъ я сказалъ, всегда старается показать, что они имѣютъ то же, что и Христосъ. Во всѣхъ посла- 346
ніяхъ своихъ онъ говоритъ объ этомъ, чтобы показать, что они (вѣрующіе) имѣютъ во всемъ общеніе съ Нимъ. Для этого онъ говоритъ и о главѣ, и о тѣлѣ, и дѣлаетъ все, служащее къ объясненію этого. Итакъ, если мы явимся тогда, то не будемъ скорбѣть, если теперь не наслаждаемся славою. Если настоящая жизнь—не жизнь, если жизнь сокровенна, то мы должны проводить настоящую жизнь какъ мертвые. *Тогда*, говоритъ, *и вы съ нимъ явитеся въ славѣ*. Не безъ цѣли сказалъ: *въ славѣ*: и жемчужина скрыта, пока она въ раковинѣ. Итакъ, оскорбляютъ ли насъ, другое ли что терпимъ, не будемъ скорбѣть, такъ какъ настоящая жизнь—не наша жизнь: мы странники и пришельцы. *Умросте бо*, говоритъ. Кто настолько безразсуденъ, чтобы для мертваго и погребеннаго тѣла покупать рабовъ, или строить дома, или приготовлять драгоцѣнныя одежды? Никто. Потому и мы не должны поступать такъ. Мы обыкновенно желаемъ только одного: не быть обнаженными; и здѣсь также будемъ искать только одного. Нашъ первый человѣкъ погребенъ; не въ землѣ погребенъ, но въ водѣ; не смерть побѣдила его, но Побѣдителемъ смерти онъ погребенъ; не по закону природы, но по повелѣнію власти, болѣе сильной, чѣмъ природа. Что бываетъ по законамъ природы, то еще можетъ разрушить кто-нибудь, но того, что происходитъ по Его повелѣнію,—никто. Ничего нѣтъ блаженнѣе этого погребенія. О немъ радуются всѣ: и ангелы, и люди, и Владыка ангеловъ. Для этого погребенія не нужно ни одеждъ, ни гроба, и ничего подобнаго. Хочешь видѣть прообразъ? Я тебѣ покажу купель, въ которой одинъ былъ погребенъ, а другой возсталъ. Въ Чермномъ морѣ египтяне потонули, а израильтяне вышли изъ него. Отъ одного и того же можетъ произойти погребеніе одного и рожденіе другого.

3. Не удивляйся, что въ крещеніи бываетъ и рожденіе, и истлѣніе. Развѣ, скажи мнѣ, разложеніе не противоположно соединенію? Это очевидно для всякаго. А огонь производитъ и то, и другое: воскъ онъ растопляетъ и уничтожаетъ, а золотоносную руду сплавляетъ и дѣлаетъ золотомъ. Такъ и здѣсь (въ крещеніи): огненная сила, расплавивъ восковую статую, обнаружила вмѣсто нея золотую. Въ самомъ дѣлѣ, до крещенія мы были глиняные, послѣ крещенія—мы золотые. Откуда это видно? Послушай, что говоритъ самъ (Павелъ): *первый человѣкъ отъ земли перстенъ, вторый человѣкъ* небесный *съ небесе* (1 Кор. XV, 47). Я сказалъ, какое разстояніе между глинянымъ и золотымъ; нахожу, что еще большее различіе между небеснымъ и земнымъ; не

столько отличается глина отъ золота, сколько земное отъ небеснаго. Мы были восковые и глиняные и отъ пламени пожеланія мы таяли гораздо болѣе, чѣмъ воскъ отъ огня, и встрѣтившееся искушеніе сокрушало насъ гораздо болѣе, чѣмъ камень—глиняныя вещи. Изобразимъ, если хотите, прежнюю жизнь. Не все ли въ ней было земля, и вода, и вѣтеръ, и пыль, непостоянно и преходяще? Разсмотримъ, если угодно, не прежнее, а настоящее. Не найдемъ ли, что все существующее—прахъ и вода? О чемъ
347 еще желаешь—сказать тебѣ? О начальствахъ и властяхъ? Въ настоящей жизни ничего, кажется, не домогаются съ такимъ стараніемъ, какъ этого. Но скорѣе увидишь пыль, неподвижно стоящую въ воздухѣ, чѣмъ постоянство въ этомъ, особенно въ наше время. Кому не подчинены (начальники)? Тѣмъ, которые любятъ ихъ, эвнухамъ, дѣлающимъ все за деньги, злобѣ народа, гнѣву болѣе сильныхъ. Тотъ, кто вчера стоялъ на верхнихъ ступеняхъ трона, имѣлъ глашатаевъ, взывавшихъ громкимъ голосомъ, множество передовыхъ слугъ, гордо выступавшихъ на площади, тотъ сегодня малъ, низокъ и лишенъ всего этого; все исчезло, какъ пыль, поднятая вѣтромъ, какъ унесшаяся волна. И какъ наши ноги поднимаютъ пыль, такъ властителей производятъ тѣ, у которыхъ деньги въ рукахъ; они во всю жизнь свою дѣлаютъ то же, что ноги наши (поднимая пыль). Поднявшаяся пыль занимаетъ много мѣста въ воздухѣ, а сама невелика; такова и власть. Какъ пыль ослѣпляетъ глаза, такъ гордыня власти помрачаетъ зрѣніе ума.

Что же? Ты хочешь, чтобы я разсмотрѣлъ вожделѣнный предметъ—богатство? Пожалуй,—разсмотримъ его по частямъ. Въ немъ есть удовольствія, есть почести, есть власть. Сначала, если хочешь, изслѣдуемъ удовольствія. Развѣ они не пыль? Развѣ они проходятъ не скорѣе пыли? Сладость пріятна, пока она на языкѣ; а когда наполненъ желудокъ, тогда и на языкѣ нѣтъ ея. За то почести пріятны, говоришь ты. Но есть-ли что-нибудь непріятнѣе той чести, которая пріобрѣтается посредствомъ денегъ? Если честь пріобрѣтена не усиліемъ воли, не доблестью душевною, то не ты пользуешься честью, а богатство: такая честь дѣлаетъ богача безчестнѣе всѣхъ. Если бы ты, имѣя друга, пользовался общимъ уваженіемъ, и всѣ открыто говорили бы, что самъ ты ничего не стоишь, что они принуждены уважать тебя изъ-за друга твоего, скажи мнѣ: могли ли бы они чѣмъ-нибудь болѣе безчестить тебя? Слѣдовательно, богатство, когда его чтутъ болѣе, чѣмъ обладателей его, есть причина безчестія нашего, свидѣтельство слабости, а не могущества. Не глупо ли, въ самомъ дѣлѣ, если насъ не считаютъ достойными этой земли и

пепла,—а таково золото,—получать намъ почтеніе изъ-за него? Подлинно, лучше не пользоваться честію, чѣмъ пріобрѣтать ее такимъ способомъ. Но такъ не бываетъ съ тѣмъ, кто презираетъ богатство. Если бы кто-нибудь сказалъ тебѣ: я не считаю тебя достойнымъ никакой чести, но уважаю тебя за твоихъ слугъ,— скажи,—какое безчестье было бы для тебя хуже этого? Если постыдно пріобрѣтать честь чрезъ рабовъ, имѣющихъ одинаковую съ нами душу и природу, то еще постыднѣе (пріобрѣтать ее) посредствомъ того, что гораздо ничтожнѣе,—я разумѣю стѣны домовъ, дворы, золотые сосуды, одежды. Это, дѣйствительно, смѣшно и постыдно! Лучше умереть, чѣмъ пользоваться такою честію. Скажи мнѣ: если бы ты, гордящійся своимъ величіемъ, подвергся опасности, и какой-нибудь незначительный и презрѣнный человѣкъ захотѣлъ бы избавить тебя отъ нея,—что могло бы быть для тебя хуже этого? Что вы разсказываете другъ другу о городѣ (Антіохіи), о томъ же я хочу сказать вамъ. Нѣкогда нашъ городъ оскорбилъ императора, и императоръ приказалъ уничтожить его весь до основанія, и мужей, и дѣтей, и жилища. Такъ цари гнѣваются! Они пользуются властію, какъ хотятъ. Таково-то зло власть! Итакъ, (городъ нашъ) былъ въ крайней опасности. Со- 348
сѣдній приморскій городъ отправилъ къ царю ходатаевъ за насъ. А жители нашего города говорили, что это хуже, нежели истребленіе города. Такая честь хуже безчестья. Смотри же, гдѣ честь имѣетъ свой корень. Насъ дѣлаютъ почетными и руки поваровъ, которыхъ мы обязаны благодарить за это, и свинопасы, доставляющіе богатый столъ, и ткачи, и поденщики, и дѣлатели металловъ, и пирожники, и устроители трапезъ.

4. Итакъ, не лучше ли не пользоваться честію, чѣмъ быть обязаннымъ благодарностью за нее такимъ людямъ? Но и безъ этого я постараюсь ясно показать, что пріобрѣтеніе богатства соединено съ великимъ безчестіемъ. Оно душу дѣлаетъ гнусною,— а что безчестнѣе этого? Скажи мнѣ: если бы къ благообразному и красивѣйшему тѣлу подошло богатство и объявило, что оно сдѣлаетъ его гнуснымъ, вмѣсто здороваго—больнымъ, вмѣсто хорошо сложеннаго—опухшимъ, и, наполнивъ всѣ его члены водяною болѣзнію, вздуло бы лице, растянуло бы его во всѣ стороны, раздуло бы ноги и сдѣлало бы ихъ тяжелѣе бревенъ, вспучило бы животъ такъ, что онъ былъ бы больше всякой бочки, и затѣмъ объявило бы, что, если кто захочетъ исцѣлить его,— оно не позволитъ,—въ этомъ его воля,—если бы, наконецъ, дошло до такого своеволія, что подвергало бы наказанію всякаго, приближающагося къ тѣлу для его исцѣленія,—скажи мнѣ: какая жестокость могла бы быть больше этой? Если же богатство по-

ступаетъ такъ съ душею,—какое же оно добро? Но власть его тяжелѣе болѣзни. Если больной не слушается предписаній врачей—это хуже болѣзни. А богатство именно это производитъ, отовсюду воспаляя душу и не позволяя врачамъ приблизиться къ ней. Не будемъ же считать богачей блаженными за ихъ власть, но пожалѣемъ объ нихъ. Если я увижу одержимаго водяною болѣзнію, употребляющаго напитки и вредныя мяса, какія хочетъ, и никто не можетъ запретить ему,—я не назову его счастливымъ за власть его. Власть, равно и почести, не всегда благо, потому что онѣ надмеваютъ душу. Ты, безъ сомнѣнія, не согласишься, чтобы тѣло получило съ богатствомъ такую болѣзнь: какъ же ты нерадишь о душѣ, которая принимаетъ (съ богатствомъ), кромѣ болѣзни, и другое наказаніе? Ее отовсюду жгутъ горячки и воспаленія, и никто не можетъ угасить этотъ жаръ; богатство не позволяетъ этого, считая пріобрѣтеніемъ то, что въ самомъ дѣлѣ есть потеря, то есть, ничему не подчиняться и все дѣлать по своему произволу. Ничья душа не наполнена столь многими и столь безразсудными пожеланіями, какъ (души) желающихъ обогащаться. Какихъ сумасбродствъ они не представляютъ себѣ? Всякій согласится, что они измышляютъ гораздо болѣе, чѣмъ тѣ, которые измышляютъ иппокентавровъ, химеръ, звѣрей съ змѣями вмѣсто ногъ, скиллъ и чудовищъ. Если ты захочешь представить себѣ какое-нибудь изъ ихъ пожеланій,— увидишь, что это такое страшилище, въ сравненіи съ которымъ и скилла, и химера, и иппокентавръ—ничто; найдешь, что оно совмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ звѣрей. Кто-нибудь, пожалуй, подумаетъ, что я самъ имѣлъ большія богатства, когда такъ вѣрно изображаю жизнь богачей. Разсказываютъ, что какой-то,—въ
349 подтвержденіе словъ своихъ, я сначала приведу нѣчто изъ эллинскихъ пѣснопѣній,—разсказываютъ, что какой-то царь ихъ до того обезумѣлъ отъ роскоши, что приказалъ сдѣлать изъ золота платановое дерево выше неба, и сидѣлъ подъ нимъ въ то время, когда воевалъ съ непріятелями, искусными въ военномъ дѣлѣ. Развѣ такая прихоть не стоитъ иппокентавровъ или скиллъ? Другой бросалъ людей внутрь деревяннаго быка. Развѣ это не скилла? А нѣкоего изъ древнѣйшихъ царей и воиновъ (богатство) сдѣлало женщиной вмѣсто мущины,—да что я говорю женщиной?—звѣремъ безсмысленнымъ, и еще хуже того, потому что звѣри, когда они находятся подъ деревьями, удерживаютъ свои природныя склонности и ничего больше не желаютъ, а тотъ и природу звѣрей превзошелъ. Итакъ, не крайнее ли безуміе—собирать богатства? А всему причиною неумѣренность пожеланій. Но, скажете, богачу многіе удивляются? Да; за то они и подвер-

гаются такому же смѣху, какъ и онъ. Не богатство здѣсь представляется глазамъ, а безуміе. Выросшее изъ земли платановое дерево не гораздо ли лучше того золотого? Все, согласное съ природою, пріятнѣе того, что противно природѣ. На что хотѣлось тебѣ золотого неба, безумецъ? Видишь, какъ большое богатство доводитъ людей до безумія? Какъ надмеваетъ ихъ? Я думаю, что оно еще не знаетъ моря, и скоро захочетъ по немъ ходить. Развѣ это не химера? Развѣ это не иппокентавръ? Есть и нынѣ такіе, которые ничѣмъ не уступаютъ, даже болѣе безумствуютъ. Чѣмъ, скажи мнѣ, отличаются по безумію отъ золотого платана тѣ, которые дѣлаютъ золотые кувшины, горшки и сосуды? Чѣмъ отличаются отъ него тѣ женщины, которыя—стыдно, а необходимо сказать!—дѣлаютъ серебряные ночные горшки? Надлежало бы стыдиться вамъ, дѣлающимъ это. Христосъ алчетъ, а ты такъ роскошничаешь, или, лучше сказать, безумствуешь. Какого наказанія не заслуживаютъ онѣ? И ты еще спрашиваешь, отчего разбойники, отчего убійцы, отчего бѣдствія, когда діаволъ такъ овладѣлъ вами? И блюда серебряныя имѣть несвойственно любомудрой душѣ,—все это роскошь,—а дѣлать изъ серебра нечистые сосуды—развѣ не роскошь? Не скажу: роскошь, а безуміе, и не безуміе, а бѣшенство, даже хуже бѣшенства.

5. Я знаю, что многіе за это смѣются надо мной. Но я не перестану говорить, лишь бы только принести пользу. Подлинно, богатство дѣлаетъ (людей) безумными и бѣшеными. Если бы у нихъ была такая власть, они пожелали бы, чтобы и земля была золотая, и стѣны золотыя, а пожалуй, чтобы и небо и воздухъ были изъ золота. Какое сумасшествіе! Какое беззаконіе! Какая горячка! Другой, созданный по образу Божію, гибнетъ отъ холода, а ты заводишь такія (прихоти)! О, гордость! Можетъ ли безумный сдѣлать больше этого? Изверженія свои ты такъ почитаешь, что собираешь ихъ въ серебро! Знаю, что вы приходите въ ужасъ отъ моихъ словъ; но должны ужасаться жены, которыя такъ дѣлаютъ, и мужья, которые потворствуютъ такимъ недугамъ. Это необузданность, свирѣпость, безчеловѣчіе, звѣрство, наглость. Какая скилла, какая химера, какой драконъ, или лучше какой демонъ, какой діаволъ сталъ бы поступать такъ? Какая польза тебѣ отъ Христа? Какая польза отъ вѣры, когда иной эллинъ (язычникъ) сноснѣе, даже не эллинъ, а демонъ? Если голову не 350
должно украшать золотомъ и камнями, то можетъ ли ожидать прощенія тотъ, кто употребляетъ серебро на такія грязныя надобности? Развѣ не довольно того, что другія вещи,—хотя и это несносно,—стулья, скамейки—все изъ серебра? Безумно и это; и вездѣ чрезмѣрная пышность, вездѣ тщеславіе; нигдѣ (нѣтъ соот-

вѣтствія) нуждѣ, всюду излишество. Я опасаюсь, чтобы женщины, продолжая такое сумасшествіе, не сдѣлались похожими на чудовищъ. Можно вѣдь ожидать, что онѣ захотятъ имѣть и волоса золотые. Можете ли вы сказать, что нимало не сочувствуете ничему изъ сказаннаго, что оно не трогаетъ васъ, не возбуждаетъ пожеланія? Если бы не удерживалъ стыдъ, вы не отперлись бы. Если вы позволяете себѣ и поступки болѣе нелѣпые, то тѣмъ болѣе я могу думать, что появляется желаніе имѣть золотые и волоса, и губы, и брови, и всѣ (члены) обмазать растопленнымъ золотомъ. Если вы этому не вѣрите и думаете, что я шутя говорю это, то разскажу вамъ, что я слышалъ, что даже и теперь есть. У персидскаго царя золотая борода, искусные слуги вплетаютъ въ волоса ея, какъ въ утокъ, золотыя пластинки и онъ лежитъ точно чудовище. Слава Тебѣ, Христе! Какихъ великихъ благъ исполнилъ Ты насъ! Какъ все устроилъ Ты, чтобы сохранилось здравіе (души) нашей! Отъ какой чудовищности, отъ какого безумія избавилъ Ты насъ! Теперь предувѣдомляю, уже не увѣщеваю, но приказываю и объявляю,—кто хочетъ, пусть слушаетъ, а кто не хочетъ, пусть не исполняетъ: если вы будете продолжать такую жизнь, я не потерплю болѣе; я не приму васъ; не позволю переступить этотъ порогъ. Что мнѣ до того, что больныхъ много? Что же будетъ, если, уча васъ, не воспрепятствую прихотямъ? Павелъ запретилъ и золото, и жемчугъ. Эллины смѣются надъ нами; наше ученіе имъ кажется баснею. Внушаю это мужамъ. Ты вошелъ въ училище, изучаешь духовную философію? Прекрати эту пышность. Внушаю это и мужамъ, и женамъ. Пусть кто-нибудь поступаетъ иначе; я не стану болѣе терпѣть. Двѣнадцать было учениковъ; а послушай, что говоритъ имъ Христосъ: *еда и вы хощете ити* (Іоан. VI, 67)? Если мы будемъ все потворствовать,—когда же исправимъ васъ? Когда принесемъ пользу? Но есть, говоришь, другія ереси; переходятъ и туда. Это слова пустыя. Лучше одинъ, творящій волю Господню, чѣмъ тысяча беззаконниковъ. А самъ ты, скажи мнѣ, чего бы хотѣлъ: имѣть ли тысячу слугъ бѣглецовъ и воровъ, или одного благоразумнаго? Итакъ, я увѣщеваю и приказываю: эти украшенія для лицъ и эти сосуды сокрушить и раздать бѣднымъ и не безумствовать такъ. Пусть кто хочетъ уходитъ (отъ меня), кто хочетъ осуждаетъ,— я никому не буду потворствовать. Когда я буду судиться предъ престоломъ Христовымъ, вы будете стоять въ сторонѣ; ваша любовь не поможетъ мнѣ, когда я буду давать отчетъ. Все портятъ эти слова: лишь бы, говорятъ, не отступилъ, не перешелъ въ другую ересь; онъ слабъ; окажи ему снисхожденіе. Но до чего же? До какого времени? Одинъ разъ, два, три раза; но не всегда же.

Итакъ, я опять объявляю и свидѣтельствуюсь словами блажен- 351
наго Павла, что *аще пріиду паки, не пощажду* (2 Кор. xııı, 2). Когда исправитесь, узнаете тогда, какое пріобрѣтеніе, какая польза (въ этомъ). Да, совѣтую вамъ, прошу васъ, я не отказался бы обнять колѣна ваши и умолять объ этомъ. Какая изнѣженность! Какая роскошь! Какая наглость! Да, это не роскошь,—это именно наглость! Какое безуміе! Какое неистовство! Такъ много нищихъ стоитъ около церкви; а церковь, имѣя столько чадъ и столько богатыхъ чадъ, не можетъ помочь ни одному бѣдному. Одинъ голодаетъ, а другой напивается; одинъ употребляетъ серебро даже для нечистотъ своихъ, а у другого нѣтъ и хлѣба. Что за неистовство, что за звѣрство такое! Пусть же мы не будемъ доведены до искушенія наказывать непослушныхъ и дѣлать это съ досадой, но пусть они все это выполнятъ добровольно и съ терпѣніемъ, чтобы жить намъ въ славѣ Божіей, избѣжать будущаго наказанія, и сподобиться благъ, обѣщанныхъ любящимъ Его, благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА VIII.

**Умертвите убо уды вашя, яже на земли, блудъ, нечи- 351
стоту, страсть, похоть злую, и лихоиманіе, еже есть идолослуженіе, ихже ради грядетъ гнѣвъ Божій на сыны противленія, въ нихже и вы иногда ходисте, егда живясте въ нихъ (Кол. ııı, 5—7).**

1. Знаю, что многіе оскорбились предшествовавшею бесѣдою. Но какъ мнѣ быть? Слышали, что повелѣлъ Владыка? Виноватъ ли я? Что мнѣ дѣлать? Развѣ вы не видите, какъ заимодавцы ввергаютъ въ оковы несостоятельныхъ должниковъ? Вы слышали, что сегодня Павелъ возвѣстилъ? *Умертвите*, говоритъ, *уды вашя, яже на земли, блудъ, нечистоту, страсть, похоть злую, и лихоиманіе, еже есть идолослуженіе.* Что хуже этого лихоиманія? Оно несноснѣе того, о чемъ я говорилъ, — того бѣшенства, того сумасбродства въ употребленіи серебра. *И лихоиманіе*, говоритъ, *еже есть идолослуженіе.* Видите, гдѣ оканчивается зло? Не огорчайтесь же! Я не хочу имѣть враговъ по своей волѣ и безразсудно; но я желаю вамъ достигнуть такой степени добродѣтели, чтобы мнѣ слышать объ васъ, что должно. Не по самомнѣнію, и не по власти (я говорилъ), но по скорби и печали. Простите мнѣ,

простите. Говоря о такихъ вещахъ, я не желаю нарушать приличіе; но нужда заставляетъ. Не ради скорби бѣдныхъ говорю это, но ради вашего спасенія, потому что погибнутъ не напитавшіе Христа, погибнутъ. Важное ли дѣло, если ты питаешь бѣднаго? Но когда ты такъ нѣжишься, такъ роскошествуешь,—все это прихоти. Не того отъ тебя требуютъ, чтобы ты далъ много: но чтобы далъ по своему состоянію, — кто даетъ менѣе, тотъ забавляется. *Умертвите убо уды ваша*, говоритъ, *яже на земли*. Что ты говоришь? Не ты ли сказалъ: вы погребены, спогребены, обрѣзаны, мы совлеклись тѣла грѣховнаго плоти? Какъ же ты опять говоришь: *умертвите?* Не шути: ты говоришь такъ, какъ бы эти (уды) въ насъ были? Тутъ нѣтъ противорѣчія. Если бы кто-нибудь, очистивъ загрязненную статую, или даже переливъ ее и сдѣлавъ совершенно блестящею, сказалъ, что ее точитъ и губитъ ржавчина, и сталъ бы совѣтовать снова постараться очистить ее отъ ржавчины,—онъ не противорѣчилъ бы себѣ, потому что онъ совѣтовалъ бы очистить не отъ той ржавчины, которую уже счистилъ, но отъ той, которая показалась послѣ. Такъ (и Павелъ) говоритъ не о прежнемъ умерщвленіи, не о прежнихъ блудодѣяніяхъ, но о послѣдующихъ. Но вотъ, говорятъ еретики, Павелъ осуждаетъ твореніе; прежде сказалъ: *горняя мудрствуйте, а не*
352 *земная* (ш. 2), и опять говоритъ: *умертвите уды ваша, яже на земли*. Но здѣсь выраженіемъ—*земная* указывается на грѣхъ, а не осуждается твореніе. Самые грѣхи онъ такъ называетъ: *яже на земли*, или потому, что они совершаются по земному мудрованію и на землѣ, или потому, что показываютъ земляность грѣшниковъ. *Блудъ, нечистоту*, говоритъ. Онъ не упомянулъ о тѣхъ дѣлахъ, которыя и назвать непристойно; но указалъ все словомъ: *нечистота. Страсть*, говоритъ, *похоть злую*. Вотъ онъ сказалъ вообще обо всемъ, потому что все похоть злая—зависть, гнѣвъ, уныніе. *И лихоиманіе*, говоритъ, *еже есть идолослуженіе. Ихже ради грядетъ гнѣвъ Божій на сыны противленія*. Разными способами онъ удерживалъ ихъ (отъ грѣха): оказанными благодѣяніями, будущими бѣдствіями, отъ которыхъ мы, будучи такими, избавились, и почему, и—прочимъ всѣмъ, какъ-то: кто мы были, въ какихъ (обстоятельствахъ), что мы отъ нихъ избавились, какъ, какимъ способомъ и почему: этого достаточно, чтобы удержать отъ грѣха. Но это (гнѣвъ Божій) сильнѣе всего. Непріятно это говорить, но вовсе не безполезно; напротивъ — полезно. *Ихже ради*, говоритъ, *грядетъ гнѣвъ Божій на сыны противленія*. Не сказалъ: *на васъ*, но: *на сыны противленія. Въ нихже и вы иногда ходисте, егда живясте въ нихъ*. Для возбужденія въ нихъ стыда сказалъ: *егда живясте въ нихъ;* но тутъ же и похвала,—что нынѣ они

не живутъ (въ нихъ), что это можно сказать только о прежнемъ. *Нынѣ же отложите и вы та вся* (ст. 8). Онъ всегда говоритъ и вообще и въ частности; это происходитъ отъ расположенности: *гнѣвъ, ярость, злобу, хуленіе, срамословіе отъ устъ вашихъ. Не лжите другъ на друга.* Выразительно говоритъ: *срамословіе отъ устъ вашихъ*, потому что оно грязнитъ (уста). *Совлекшеся ветхаго человѣка съ дѣяньми его, и облекшеся въ новаго, обновляемаго въ разумъ по образу создавшаго его* (ст. 9 и 10). Здѣсь умѣстно спросить: почему онъ, назвавъ члены, и человѣка и тѣло, растлѣнною жизнію, опять то же самое называетъ добродѣтельною? И, если грѣхи и человѣкъ — одно и то же, то какъ говоритъ онъ: *съ дѣяньми его?* Онъ сказалъ однажды о ветхомъ человѣкѣ и показалъ, что не это человѣкъ, но другое, потому что свобода (въ человѣкѣ) важнѣе сущности; первая болѣе человѣкъ, нежели послѣдняя. Не сущность ввергаетъ въ геенну, не она вводитъ въ царство (Божіе), но одна свобода. И мы любимъ, или ненавидимъ кого-нибудь не за то, что онъ человѣкъ, но за то, что онъ такой-то человѣкъ. Итакъ, если тѣло есть сущность, а сущность ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не подлежитъ отвѣтственности, то какъ онъ тѣло называетъ зломъ? 353

2. О чемъ же онъ говоритъ: *съ дѣяньми?* О свободѣ съ дѣлами. Ветхимъ же называетъ его, желая показать его гнусность, безобразіе и слабость. *Въ новаго*,—какъ бы такъ говоритъ: не ожидайте, чтобы и съ этимъ случилось то же; напротивъ, чѣмъ болѣе онъ живетъ, тѣмъ болѣе приближается не къ старости, а къ юности, которая лучше прежней. Чѣмъ больше онъ пріобрѣтаетъ знанія, тѣмъ большаго удостоивается, и болѣе цвѣтетъ, и болѣе имѣетъ силы, не отъ юности только, но и отъ образа, къ которому приближается. Потому-то наилучшая жизнь называется тварію—по образу Христа; это и значитъ *по образу создавшаго его*, такъ какъ и Христосъ умеръ не въ старости, а Онъ имѣлъ тогда такую красоту, что и выразить нельзя. *Идѣже нѣсть Еллинъ ни Іудей, обрѣзаніе и необрѣзаніе, варваръ, Скиѳъ, рабъ, свободь, но всяческая и во всѣхъ Христосъ* (ст. 11). Вотъ третья похвала этого мужа! Онъ не различаетъ ни по племени, ни по достоинству, ни по предкамъ. Онъ не имѣетъ ничего внѣшняго и не нуждается въ немъ. Обрѣзаніе и необрѣзаніе, рабъ и свободный, эллинъ, то есть, пришлецъ, и іудей, то есть, природный,—все это внѣшнее. Если ты имѣешь только это, то и достигнешь того же, чего достигли другіе. имѣющіе это. *Но всяческая*, говоритъ, *и во всѣхъ Христосъ*,—то есть, Христосъ да будетъ для васъ все,—и достоинство, и родъ, и во всѣхъ васъ — Онъ самъ. Или же нѣчто другое говоритъ, именно: всѣ вы сдѣлались однимъ Христомъ, будучи тѣломъ

Его. *Облецытеся убо якоже избраннія Божія святи и возлюбленни* (ст. 12). Показываетъ легкость добродѣтели, чтобы они непрестанно имѣли ее, и пользовались ею, какъ величайшимъ украшеніемъ. Увѣщаніе (соединено) съ похвалою, такъ какъ отъ этого оно получаетъ больше силы. Они были святыми, но не были избранными; а нынѣ и избранные, и святые, и возлюбленные. *Во утробы щедротъ.* Не сказалъ: въ милосердіе, но гораздо выразительнѣе, двумя словами. И не сказалъ: вы должны имѣть расположеніе (другъ къ другу), какъ братья, но: какъ отцы къ дѣтямъ. Чтобы ты не сказалъ мнѣ, что онъ ошибся, для этого онъ прибавилъ: *во утробы.* И не сказалъ: въ щедроты,—чтобы не унизить ихъ,—но: *во утробы щедротъ. Благость, милосердіе, кротость и долготерпѣніе: пріемлюще другъ друга, и прощающе себѣ, аще кто на кого имать пореченіе: якоже и Христосъ простилъ есть вамъ, тако и вы* (ст. 12 и 13). Опять говоритъ по частямъ; отъ благости смиренномудріе, а отъ смиренномудрія долготерпѣніе. *Пріемлюще,* говоритъ, *другъ друга,* то есть, прощая другъ другу. И смотри, какъ онъ показалъ ничтожность этого, назвавъ *пореченіемъ.* Затѣмъ прибавляетъ: *якоже и Христосъ простилъ есть вамъ.* Великій примѣръ! (Павелъ) всегда такъ дѣлаетъ, убѣждаетъ ихъ примѣромъ Христа. *Пореченіе,* говоритъ. Выше показалъ, что это ничтожно; но когда привелъ примѣръ, утверждаетъ, что если бы
354 мы имѣли и важныя обвиненія, должны прощать. Слова: *якоже и Христосъ* означаютъ это; и не это одно, но и то, что должно прощать отъ всего сердца; и даже не это только, но и то, что должно любить (оскорбляющихъ насъ). Христосъ, представленный въ примѣръ, научаетъ всему этому, и еще тому, что (должно прощать обиды), хотя бы онѣ были велики, хотя бы мы ничѣмъ напередъ не оскорбили обидѣвшихъ насъ, хотя бы мы были люди великіе, а обидѣвшіе насъ — незначительны, хотя бы они и послѣ прощенія намѣревались оскорбить насъ, и наконецъ—что должно душу свою полагать за нихъ. Слово: *якоже* требуетъ этого; оно (показываетъ) еще, что должно стоять (за обидѣвшихъ насъ) не только до смерти, но, если возможно, и послѣ смерти.

Надъ всѣми же сими (стяжите) любовь, яже есть союзъ совершенства (ст. 14). Видишь, онъ говоритъ это самое. Такъ какъ можно простить, но не любить, то онъ говоритъ: да, и любить (непремѣнно должно), и показываетъ путь, который можетъ привести къ прощенію. Путь этотъ—если кто бываетъ и добръ, и кротокъ, и смиренномудръ, и долготерпѣливъ, и нераздражителенъ. Потому-то онъ и сказалъ прежде: *утробы щедротъ,* и *любовь,* и *милость. Надъ всѣми же сими (стяжите) любовь, яже есть союзъ совер-*

шенства. Онъ вотъ что хочетъ сказать: тѣ (качества) души безполезны; всѣ они ослабѣваютъ, если не соединены съ любовію,—всѣ они только ею укрѣпляются. Все, что бы ты ни назвалъ благомъ, безъ любви не имѣетъ никакой цѣны,—скоро исчезаетъ. Это подобно тому, какъ для корабля безполезны были бы большія стѣны, если бы онъ не имѣлъ обшивки, равно какъ и для дома, если бы не были положены перекладины, или какъ въ тѣлѣ безполезны были бы большія кости, если бы онѣ не имѣли связокъ. Какія бы ни были у кого добрыя дѣла, безъ любви всѣ они ничтожны. Не сказалъ, что она (любовь) есть вершина, но, что гораздо важнѣе—*союзъ*; это болѣе необходимо, чѣмъ то. Вершина означаетъ предѣлъ совершенства; а связь, подобно корню, есть удержаніе того, что составляетъ совершенство. *И миръ Божій да водворяется въ сердцахъ вашихъ, въ оньже и звани бысте въ единомъ тѣлѣ: и благодарни бывайте* (ст. 15).

3. Миръ Божій—это твердый и прочный миръ. Если ты имѣешь миръ отъ людей, то онъ скоро разрушится; но если отъ Бога, то—никогда. Онъ сказалъ о любви вообще; а теперь переходитъ опять къ частностямъ. Есть и неумѣренная любовь, какъ, напримѣръ, если кто-нибудь по великой любви (къ одному) напрасно обвиняетъ (другого), вступаетъ въ борьбу и отвращается. Не сказалъ: я не хочу этого, но: какъ Богъ примирился съ вами, такъ и вы дѣлайте. Какъ же Онъ примирился? Самъ восхотѣлъ, не получивъ ничего отъ насъ. Что значитъ: *миръ Божій да водворяется въ сердцахъ вашихъ?* Когда борются (въ тебѣ) два помышленія, не останавливайся на томъ, которое возбуждаетъ гнѣвъ, или имѣетъ цѣлью возмездіе; а на томъ, которое преклоняетъ къ миру. Положимъ, напр., что кого-нибудь несправедливо обидѣли. Отъ обиды у него родились два помышленія, изъ которыхъ одно требуетъ мщенія, а другое терпѣнія, и борются они между собою. Если бы явился предъ ними миръ Божій съ наградою,—онъ далъ бы ее тому, которое требовало терпѣнія, а другое пристыдилъ бы. Какимъ образомъ? Увѣривъ, что Богъ есть миръ, что Онъ примирился съ нами. Не безъ намѣренія показываетъ великую борьбу въ этомъ дѣлѣ. Пусть, говоритъ, опредѣляетъ награду не гнѣвъ, не соперничество, не человѣческій миръ, потому что человѣческій миръ происходитъ изъ того, что мы не мстимъ, изъ того, 355
что ничего тяжелаго не терпимъ. Не этого, говоритъ, мира я хочу, но того, который самъ Христосъ оставилъ намъ. Въ душѣ, въ помыслахъ Онъ устроилъ поприще, и состязаніе, и борьбу, и раздаятеля наградъ. Затѣмъ опять побужденіе: *въ оньже и звани бысте,* говоритъ, т. е. ради него вы и призваны были. Напомнилъ, сколько благъ произошло отъ мира. Ради него (Богъ) призвалъ

тебя, призвалъ такъ, что, вѣроятно, ты получишь награду. Для чего Онъ устроилъ едино тѣло? Не для того ли, чтобы владычествовалъ миръ? Не для того ли, чтобы мы имѣли возможность жить въ мирѣ? Для чего всѣ мы—едино тѣло? И какъ мы—едино тѣло? Для мира мы—едино тѣло, и для того, чтобы было едино тѣло, мы находимся въ мирѣ. Почему же онъ не сказалъ: миръ Божій да побѣждаетъ, но: *да водворяется?* Чтобы сдѣлать его (миръ) болѣе достовѣрнымъ. Онъ не позволилъ злому помышленію бороться съ миромъ, но поставилъ его ниже; а именемъ награды (безъ борьбы) возбудилъ вниманіе слушателя. Если бы онъ далъ награду доброму помышленію, когда то (злое) боролось со всею наглостію,—это не принесло бы ему никакой пользы. А теперь то (злое) помышленіе, зная, что оно не получитъ награды, что бы ни дѣлало, какъ бы ни усиливалось, какъ бы ни были стремительны его нападенія,—оставитъ безполезные труды. Хорошо также прибавилъ: *и благодарни бывайте*. Быть благодарнымъ и чувствительно благодарнымъ, значитъ—поступать подобно сорабамъ: рабъ чтитъ господина, какъ Бога, во всемъ соглашается съ нимъ, повинуется ему, за все благодаритъ, хоть бы оскорбилъ кто, хоть бы ударилъ. Кто благодаритъ Бога за понесенную обиду, тотъ не мститъ обидящему; а мстящій не благодаритъ (Бога). Не будемъ же поступать по примѣру того, который требовалъ ста динаріевъ, чтобы и намъ не услышать: *рабе лукавый*. Нѣтъ ничего хуже такой неблагодарности. Итакъ, тѣ неблагодарны, которые мстятъ. Почему онъ опять началъ говорить о блудѣ? Сказавъ: *умертвите уды ваша, яже на земли*, тотчасъ прибавляетъ: *блудъ*, и это почти вездѣ дѣлаетъ. Потому, что эта страсть болѣе всего господствуетъ. То же онъ сдѣлалъ и въ посланіи къ ѳессалоникійцамъ, даже—что достойно удивленія—когда и Тимоѳею говоритъ: *себе чиста соблюдай* (1 Тим. v, 22), и еще въ другомъ мѣстѣ: *миръ имѣйте и святыню со всѣми, ихже кромѣ никтоже узритъ Господа* (Евр. xii, 15). *Умертвите*, говоритъ, *уды ваша*. Вы знаете, каково мертвое: гнусно, отвратительно, гнило. Когда умертвишь,—мертвое уже не будетъ (жить); тотчасъ начнетъ тлѣть, какъ тѣло. Итакъ, угаси похоть,—и будетъ мертва. Показываетъ, что онъ дѣлаетъ то же, что и Христосъ въ крещеніи. Потому-то онъ и называетъ членами, какъ будто представляетъ какого-нибудь героя, и тѣмъ дѣлаетъ рѣчь болѣе выразительною. И хорошо сказалъ: *яже на земли*. Они (члены) здѣсь находятся, здѣсь и тлѣютъ, гораздо болѣе, чѣмъ эти (тѣлесные) члены. Не столько тѣло изъ земли, сколько землянъ грѣхъ. Тѣло бываетъ иногда и красиво, а онъ—никогда. И вожделаютъ эти члены всего, что на землѣ. Если таковъ глазъ, то онъ не видитъ того,

что на небѣ, также и слухъ, и рука, и всѣ прочіе члены. Глазъ 356
видитъ тѣла, красоту, формы земныхъ вещей,—этимъ и наслаждается; а слухъ—нѣжнымъ пѣніемъ, цитрою, свирѣлью, сквернословіемъ. Все это земное. Итакъ, поставивъ ихъ (вѣрующихъ) горѣ, предъ престоломъ, (Павелъ) говоритъ: *умертвите уды ваша, яже на земли.* Нельзя съ этими членами стоять горѣ; тамъ нѣтъ предметовъ для нихъ. Эта глина (изъ которой они состоятъ) хуже той. Та бываетъ золотомъ: *подобаетъ бо,* сказано, *тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе* (1 Кор. XV, 54); а эту глину нельзя и переплавить. Эти (члены) болѣе на землѣ, нежели тѣ. Потому-то онъ и не сказалъ: *отъ земли,* но: *яже на земли,* такъ какъ эти могутъ быть и не отъ земли. Этимъ необходимо быть на землѣ, а тѣмъ не необходимо. Если слухъ не внимаетъ ничему здѣшнему (земному), но только небеснымъ рѣчамъ, если глазъ не смотритъ ни на что здѣшнее, но только на горнее,—они не на землѣ; если уста не говорятъ ни о чемъ здѣшнемъ,—они не на землѣ; если руки не дѣлаютъ ничего худого,—они принадлежатъ не къ тому, что на землѣ, но къ тому, что на небѣ.

4. Это говоритъ и Христосъ: *аще око твое десное соблазняетъ тя,* то есть, если ты смотришь безстыдно, *изми е,* то есть, худую мысль (Мѳ. V, 29). Мнѣ кажется, что слова: блудъ, нечистота, страсть, похоть—означаютъ одно и то же, именно блудъ, что всѣми этими названіями онъ отвращаетъ насъ отъ (сквернаго) дѣла. Это, дѣйствительно, страсть; и какъ тѣло страдаетъ, безразлично—отъ лихорадки ли, или отъ раны, такъ и это. И не сказалъ: обуздывайте, но: *умертвите,* чтобы они и не могли возстать. *И отложите.* Мы отлагаемъ мертвое; если, напр., на тѣлѣ есть мозоли, мы срѣзываемъ ихъ, какъ тѣло мертвое. Если ты обрѣжешь живое тѣло, тебѣ больно: если же мертвое, боли вовсе не чувствуешь. То же должно сказать и о страстяхъ: они дѣлаютъ безсмертную душу нечистою, страстною. Мы не разъ говорили, почему любостяжаніе называется идолослуженіемъ. Надъ родомъ человѣческимъ болѣе всего владычествуютъ: любостяжаніе, невоздержаніе и похоть злая. *Ихже ради, говоритъ, грядетъ гнѣвъ Божій на сыны противленія* (ст. 6). Называетъ сынами противленія, чтобы лишить ихъ прощенія и показать, что, по причинѣ непослушанія, они принадлежатъ къ числу таковыхъ. *Въ нихже,* говоритъ, *и вы иногда ходисте* и покорились: показываетъ, что они еще находятся въ числѣ таковыхъ. Говоря такъ, онъ и хвалитъ ихъ: *нынѣ же отложите и вы та вся, гнѣвъ, ярость, злобу, хуленіе, срамословіе* (ст. 8). Не къ нимъ, но къ другимъ обращаетъ рѣчь, чтобы не поразить ихъ. Хуленіемъ онъ называетъ ругательства, также какъ яростью называетъ нечестіе. А въ другомъ мѣстѣ, съ цѣлью пристыдить,

говоритъ: *зане есмы другъ другу удове* (Еф. IV, 25). Онъ представляетъ ихъ какъ бы творцами людей, отвергающими одного и принимающими другого. Тамъ сказалъ: *уды:* здѣсь перечисляетъ все: сердце—ярость, уста—хуленіе, глаза—блудъ, любостяжаніе,
357 руки и ноги—ложь, самую мысль и ветхій умъ. У него одинъ царскій образъ—образъ Христа. Показывая, что члены, велики ли они или малы, имѣютъ одинъ царскій образъ, онъ, мнѣ кажется, имѣетъ въ виду преимущественно (христіанъ) изъ язычниковъ. Какъ земля дѣлается золотомъ, лишившись прежняго вида своего—вида песка, какъ шерсть, какая бы она ни была, принимаетъ другую форму, потерявъ прежнюю, такъ и вѣрующій. *Пріемлюще*, говоритъ, *другъ друга*,—показалъ, въ чемъ справедливость: прими ты его, и онъ тебя (приметъ), что̀ и въ посланіи къ галатамъ говоритъ: *другъ друга тяготы носите* (Гал. VI, 2). *И благодарни*, говоритъ, *бывайте.* Этого онъ вездѣ требуетъ больше всего, такъ какъ это—верхъ добрыхъ дѣлъ.

5. Итакъ, будемъ благодарить (Бога) во всѣхъ случаяхъ: въ этомъ и состоитъ благодареніе. Благодарить въ счастіи нетрудно, здѣсь самая природа вещей побуждаетъ къ тому; достойно удивленія то, если мы благодаримъ, находясь въ крайнихъ обстоятельствахъ. Если мы за то благодаримъ, за что другіе злословятъ, отъ чего приходятъ въ отчаяніе,—смотри, какое здѣсь любомудріе: во-первыхъ, ты возвеселилъ Бога; во-вторыхъ, посрамилъ діавола; въ-третьихъ, показалъ, что случившееся (съ тобою) ничто. Въ то самое время, когда ты благодаришь, и Богъ отъемлетъ печаль, и діаволъ отступаетъ. Если ты приходишь въ отчаяніе, то діаволъ, какъ достигшій того, чего хотѣлъ, становится возлѣ тебя; а Богъ, какъ оскорбленный хулою, оставляетъ тебя и увеличиваетъ твое бѣдствіе. Если же ты благодаришь, то діаволъ, какъ не получившій никакого успѣха, отступаетъ: а Богъ, какъ пріявшій честь, въ воздаяніе награждаетъ тебя бо̀льшею честію. И не можетъ быть, чтобы человѣкъ, благодарящій въ несчастіи, страдалъ. Душа его радуется, дѣлая благое, имѣя чистую совѣсть,—она услаждается своими похвалами, а (душѣ) веселящейся нельзя быть печальною. Тамъ (въ отчаяніи), вмѣстѣ съ бѣдствіемъ, еще наказываетъ совѣсть; а здѣсь она вѣнчаетъ и провозглашаетъ. Нѣтъ ничего святѣе того языка, который въ несчастіяхъ благодаритъ Бога, онъ, поистинѣ, ничѣмъ не отличается отъ языка мучениковъ и получаетъ такой же вѣнецъ, какъ и тотъ. Вѣдь и у него стоитъ палачъ, принуждающій отречься отъ Бога богохульствомъ, стоитъ діаволъ, терзающій мучительными мыслями, помрачающій (душу) скорбію. Итакъ, кто перенесъ скорбь и благодарилъ Бога, тотъ получилъ

вѣнецъ мученическій. Если, наприм., болитъ дитя, а (мать) благодаритъ Бога, это—вѣнецъ ей. Не хуже ли всякой пытки скорбь ея? Однакоже она не заставила ее сказать жесткое слово. Умираетъ дитя, (мать) опять благодаритъ (Бога). Она сдѣлалась дщерью Авраама. Хотя она не заклала (дитяти) своею рукою, но радовалась надъ закланною жертвою; а это все равно; она не скорбѣла, когда брали у ней даръ (Божій). Заболѣло другое (дитя)? Она не сдѣлала волшебныхъ повязокъ, и это вмѣнено ей въ мученичество, потому что мыслію она принесла сына въ жертву. Что за дѣло до того, что эти (повязки) не приносятъ никакой пользы, что это—дѣло обмана и насмѣшки? Есть и такіе, которые вѣрятъ, что онѣ полезны. Но она лучше согласилась видѣть свое дитя мертвымъ, чѣмъ предаться идолослуженію. И, какъ эта (мать) есть мученица, съ собою ли она, съ дитятею ли поступила такъ, съ мужемъ, или съ кѣмъ бы то ни было изъ наибо- 358
лѣе любимыхъ, такъ другая есть идолослужительница, потому что она, очевидно, и жертву принесла бы, если бы только могла принести, а лучше сказать, она уже сдѣлала то, что составляетъ жертву. Вѣдь эти повязки, сколько бы ни мудрствовали употребляющіе ихъ, утверждая, что мы призываемъ Бога, а больше ничего не дѣлаемъ, и тому подобное, что (повязывающая) старуха—христіанка и вѣрная, все же представляютъ собою идолослуженіе. Ты вѣрная? Перекрестись; скажи: вотъ единственное мое оружіе, вотъ мое лѣкарство, другого не знаю. Скажи мнѣ: если бы врачъ, придя (къ больному), вмѣсто того, чтобы употребить медицинскія средства, началъ напѣвать,—назвали ли бы мы его врачемъ? Нѣтъ, потому что мы не видѣли бы врачебныхъ пособій. Такъ и здѣсь (въ употребленіи повязокъ) ничего нѣтъ христіанскаго. Другіе еще вѣшаютъ (на шею) названія рѣкъ и множество подобнаго позволяютъ себѣ. Вотъ я объявляю и предупреждаю всѣхъ васъ: не буду болѣе щадить, если о комъ-нибудь узнаю, что онъ дѣлалъ повязку, или заклинаніе, или другое что, относящееся къ этому искусству. Что же, скажешь, умеретъ дитяти? Когда оно станетъ жить отъ этихъ средствъ, тогда оно умерло; а когда умретъ безъ нихъ, тогда ожило. Если бы ты увидѣла, что (сынъ твой) пошелъ къ блудницамъ, ты скорѣе пожелала бы, чтобы онъ былъ погребенъ; ты сказала бы: какая польза, что онъ живетъ? А видя, что онъ находится въ опасности лишиться спасенія, ты хочешь, чтобы онъ жилъ? Развѣ ты не слышала, что сказалъ Христосъ: *погубивый душу свою, обрящетъ ю: а обрѣтый погубитъ ю* (Мѳ. x, 39). Вѣришь ты сказанному, или оно тебѣ кажется баснею? Скажи мнѣ: если бы кто-нибудь сказалъ тебѣ: сведи меня въ капище, я буду живъ: согласилась ли

бы ты? Нѣтъ, говоришь. Почему же? Потому что онъ заставляетъ служить идоламъ. Но здѣсь, скажешь, нѣтъ идолослуженія, а просто—заклинаніе. Это сатанинская мысль, это дьявольская хитрость—скрывать заблужденіе и въ медѣ подавать ядъ. Когда діаволъ увидѣлъ, что тѣмъ способомъ не убѣдилъ тебя, онъ пошелъ этимъ путемъ—повязками и бабьими баснями. И вотъ, крестъ пренебрегаютъ, (суевѣрныя) надписи предпочитаютъ ему. Христа изгоняютъ и вводятъ пьяную сумазбродную старуху. Таинство наше попрано; а дьявольское заблужденіе торжествуетъ. Такъ почему же, говоришь, Богъ не обличитъ? Онъ часто обличалъ (мнимую) помощь отъ этихъ средствъ; но ты не повѣрилъ. Наконецъ, Онъ оставилъ тебя при твоемъ заблужденіи: *предаде ихъ*, сказано, *Богъ въ неискусенъ умъ* (Рим. I, 28). Этимъ средствамъ не повѣрилъ бы и разсудительный эллинъ. Говорятъ, что въ Аѳинахъ одинъ демагогъ пользовался ими; но какой-то философъ, учитель его, встрѣтившись съ нимъ, укорялъ его, бранилъ, язвилъ и осмѣялъ. А мы, несчастные, вѣримъ этимъ (предразсудкамъ)!

Отчего же, скажешь, нѣтъ нынѣ такихъ, которые бы воскрешали мертвыхъ и совершали исцѣленія? Отчего?—не скажу пока. А отчего нѣтъ нынѣ такихъ, которые бы презирали настоящую жизнь? Отчего мы служимъ Богу изъ-за награды? Когда природа человѣческая была слабѣе, когда вѣра только насаждалась, тогда много было и такихъ людей; нынѣ же (Богъ) не хочетъ, чтобы мы зависѣли отъ этихъ знаменій, но чтобы готовы были къ смерти. Почему же ты дорожишь настоящею жизнію? Почему не смотришь на будущее? Для настоящей жизни ты рѣшаешься на идолослуженіе, а для будущей и поскорбѣть не хочешь? Потому-то и нѣтъ нынѣ такихъ людей, что мы презираемъ будущую жизнь и ничего для ней не дѣлаемъ, а для настоящей на все
359 рѣшаемся. А что сказать о другихъ смѣшныхъ (суевѣріяхъ)—о золѣ, сажѣ, соли? И опять—эта старуха тутъ. Подлинно, смѣхъ и стыдъ! Отъ глазу, говоритъ, погибло дитя.

6. Доколѣ же будутъ продолжаться эти сатанинскія (дѣла)? Какъ не смѣяться эллинамъ? Какъ не издѣваться, когда мы говоримъ имъ: велика сила крестная? Повѣрятъ ли они намъ, когда видятъ, что мы ожидаемъ помощи отъ того, надъ чѣмъ они смѣются? Для этого Богъ далъ врачей и лѣкарства. Но что же, если они не помогаютъ, а дитя отходитъ? Куда отходитъ, скажи мнѣ, бѣдный ты и несчастный? Къ демонамъ что ли отходитъ? Къ тирану какому-нибудь отходитъ? Не на небо ли отходитъ? Не къ Владыкѣ ли своему? О чемъ же ты скорбишь? О чемъ плачешь? О чемъ сокрушаешься? Зачѣмъ ты любишь дитя больше Владыки своего? Не

Онъ ли даровалъ тебѣ дитя? Зачѣмъ же ты столь неблагодаренъ, что даръ любишь болѣе, чѣмъ даровавшаго? Но я слабъ, говоришь, и не перенесу страха Божія. Но если въ тѣлесныхъ болѣзняхъ большею (болью) подавляется меньшая, то тѣмъ болѣе въ душѣ: отъ страха, если бы онъ былъ въ ней, разсѣялся бы страхъ и отъ печали печаль. Дитя было красиво? Но каково бы оно ни было, оно не красивѣе Исаака; тотъ былъ къ тому же единородный. Твое родилось въ старости? И тотъ также. Прекрасно было дитя? Но каково бы оно ни было, оно не прекраснѣе Моисея, который даже въ варварскомъ взглядѣ возбудилъ любовь къ себѣ, будучи въ такомъ возрастѣ, когда красота еще не раскрывается. Однакоже родители бросили въ рѣку своего возлюбленнаго (сына). Ты и лежащее дитя видишь, и гробу предаешь, и ходишь къ памятнику; а они не знали, чьею пищею онъ сдѣлается—рыбъ ли, собакъ ли, или какого-нибудь изъ звѣрей, живущихъ въ морѣ, и это совершили, ничего еще не зная ни о царствѣ (Божіемъ), ни о воскресеніи. Дитя твое не единородное; но оно умерло послѣ смерти многихъ (другихъ дѣтей)? Все же это не было такъ ужасно и горестно, какъ бѣдствіе Іова. Не падала храмина (твоя), не во время пиршества (дѣтей это было), предъ тѣмъ не получалъ ты извѣстій о своихъ потеряхъ. Твое любимое было (дитя)? Не болѣе же, чѣмъ Іосифъ, пожранный звѣремъ; однакоже отецъ перенесъ горе и въ этомъ случаѣ и въ бывшемъ затѣмъ. Онъ плакалъ, но не поступилъ нечестиво; сѣтовалъ, но не предался отчаянію; былъ столько твердъ, что говорилъ: *Іосифа нѣсть, Симеона нѣсть, и Веніамина ли поймете? на мя быша сія вся* (Быт. XLII, 36). Видишь, какъ сильный голодъ заставилъ его пожертвовать дѣтьми! А на тебя страхъ Божій столько не дѣйствуетъ, сколько голодъ. Плачь—я не запрещаю; но не богохульствуй—ни словомъ, ни дѣломъ. Каковъ бы ни былъ сынъ твой, все же нельзя сравнить его съ Авелемъ; но Адамъ ничего такого не сказалъ, несмотря на то, что несчастіе его было весьма велико,—что, въ самомъ дѣлѣ, ужаснѣе братоубійства? Кстати, я вспомнилъ о другихъ братоубійцахъ; напр. Авессаломъ убилъ первенца Амнона (2 Цар. XIII, 28, 29). Царь Давидъ любилъ отрока, сидѣлъ во вретищѣ и пеплѣ (во время его болѣзни); однако не позвалъ ни гадателей, ни заклинателей,—а они были тогда, какъ показываетъ Саулъ,—но молился Богу. Такъ и ты дѣлай; что сдѣлалъ праведникъ, то дѣлай и ты; тѣ же слова говори, когда умретъ дитя (твое): *азъ имамъ ити къ нему, тоеже не возвратится ко мнѣ* (2 Цар. XII, 23). Вотъ что свойственно любомудрію и нѣжной любви! Какъ ты ни любилъ бы свое дитя, ты не столько любишь, сколько онъ тогда, несмотря на то, что (отрокъ его)

360

былъ плодъ беззаконія. Блаженный Давидъ весьма любилъ мать его; а взаимная любовь родителей переходитъ, какъ вамъ извѣстно, на дѣтей. Онъ такъ любилъ отрока, что, хотя и худо о немъ говорили, все же хотѣлъ, чтобы онъ остался живъ. Однакоже онъ благодарилъ Бога. Какъ, думаешь ты, страдала Ревекка, когда братъ угрожалъ смертію Іакову? Однакоже она по опечалила мужа, а велѣла (Іакову) бѣжать. Когда постигнетъ тебя какое-нибудь горе, думай о большихъ бѣдствіяхъ и получишь достаточное утѣшеніе. Подумай: что, если бы пришлось умереть на войнѣ? Что, если бы въ огнѣ? Если будемъ думать о несчастіяхъ большихъ, чѣмъ тѣ, которыя мы терпимъ, то получимъ достаточное утѣшеніе. Будемъ размышлять или о тѣхъ болѣе тяжкихъ бѣдствіяхъ, которыя другіе терпѣли во всѣ времена, или о тѣхъ, которыя мы сами терпѣли когда-нибудь прежде. Такое и Павелъ даетъ наставленіе, когда говоритъ: *не у до крове стасте, противу грѣха подвизающеся* (Евр. xii, 4); и въ другомъ мѣстѣ: *искушеніе васъ не достиже точію человѣческое* (1 Кор. x, 13). Итакъ, находясь въ бѣдѣ, будемъ размышлять о большихъ бѣдствіяхъ, а найдемъ такія,—и тогда будемъ благодарны. Но болѣе всего будемъ усердно благодарить Бога за все. Такимъ образомъ и несчастія прекратятся, и жить мы будемъ въ славѣ Божіей, и получимъ обѣщанныя блага, которыхъ да удостоимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА IX.

359—360 **Слово Христово да вселяется въ васъ богатно, во всякой премудрости учаще и вразумляюще себе самѣхъ, во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ, во благодати поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви: и все еже аще что творите словомъ или дѣломъ, вся во имя Господа Іисуса, благодаряще Бога и Отца тѣмъ (Кол. iii, 16. 17).**

1. Убѣдивъ (колоссянъ) быть благодарными, (Павелъ) показываетъ имъ и способъ къ этому. Какой же именно? Тотъ, о которомъ мы уже бесѣдовали съ вами. Какими словами (показываетъ)? *Слово Христово да вселяется въ васъ богатно.* Или лучше— не этотъ только (способъ), но и другой. Я сказалъ, что надобно представлять себѣ тѣхъ, которые претерпѣли болѣе ужасныя

страданія, тѣхъ, которые перенесли болѣе тяжелыя, чѣмъ наши, бѣдствія, и благодарить, что не случилось того же съ нами; а что говоритъ самъ онъ? *Слово Христово да вселяется въ васъ богатно*, то есть, (да вселяются) ученіе, догматы, убѣжденія, по силѣ которыхъ, говоритъ, настоящая жизнь и ея блага—ничто. Если бы мы видѣли это, то никакой непріятности не поддались бы. *Да вселяется*, говоритъ, *въ васъ*—не просто, но—*богатно*, съ 361
великимъ изобиліемъ. Послушайте всѣ вы, люди мірскіе и пекущіеся о женѣ и дѣтяхъ, какъ и вамъ внушаетъ (апостолъ) больше читать Писаніе,—и не просто, какъ случится, а съ великимъ стараніемъ. Вѣдь подобно тому, какъ богатый деньгами можетъ перенесть убытокъ и неудачу, такъ и имѣющій достаточныя познанія въ любомудріи легко перенесетъ не только бѣдность, но и всѣ несчастія. И послѣдній еще легче, чѣмъ первый, потому что тамъ, когда оказывается убытокъ, богатый необходимо становится бѣднѣе и это дѣлается извѣстнымъ для другихъ, и если онъ терпитъ это часто, то уже нелегко ему бываетъ переносить свои потери; а здѣсь не такъ: когда намъ случается переносить, чего бы мы и не хотѣли, мы не теряемъ здраваго разсудка, но сохраняемъ его постоянно. И замѣть мудрость этого блаженнаго. Не сказалъ: *слово Христово* да будетъ въ насъ, просто,—но что? *да вселяется*, и—*богатно. Во всякой премудрости учаще и вразумляюще себе самѣхъ*. Премудростію называетъ добродѣтель. И справедливо, потому что дѣйствительно и смиренномудріе, и милостыня, и все подобное есть мудрость. Слѣдовательно, противное этому будетъ глупость, такъ какъ отъ глупости происходитъ жестокость. Отсюда часто всякій грѣхъ называется безуміемъ. *Рече*, говоритъ, *безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ* (Пс. XIII, 1); и опять: *возсмердѣша и согниша раны моя отъ лица безумія моего* (Пс. XXXVII, 6). Что, скажи мнѣ, несмысленнѣе того человѣка, который возлагаетъ на себя дорогія одежды, а братій своихъ, не имѣющихъ одѣянія, презираетъ; кормитъ собакъ, а на образъ Божій въ алчущемъ ближнемъ смотритъ съ презрѣніемъ; совершенно убѣжденъ въ ничтожествѣ земныхъ вещей, а привязанъ къ нимъ, будто къ нетлѣннымъ? Но какъ нѣтъ ничего несмысленнѣе такого (человѣка), такъ нѣтъ ничего мудрѣе подвижника добродѣтели. Посмотри, говоритъ, какъ онъ мудръ: удѣляетъ изъ своего имущества, является милосердымъ, человѣколюбивымъ; онъ уразумѣлъ общность естества, уразумѣлъ значеніе денегъ, то есть, что они ничего не стоятъ, что болѣе должно беречь свои тѣла, чѣмъ деньги. Потому кто презираетъ почести, тотъ и любомудръ, онъ знаетъ дѣла человѣческія, а въ знаніи-то дѣлъ божескихъ а человѣческихъ и состоитъ любомудріе. Итакъ, зная,

какія дѣла—Божіи и какія—человѣческія, онъ отъ однихъ воздерживается, а другія совершаетъ. Знаетъ онъ это и за все благодаритъ Бога; настоящую жизнь онъ вмѣняетъ ни во что, и потому, какъ не радуется въ счастіи, такъ не скорбитъ и въ несчастіи. И не ожидай другого учителя; есть у тебя слово Божіе,—никто не научитъ тебя такъ, какъ оно. Вѣдь другой учитель часто многое скрываетъ то изъ тщеславія, то изъ зависти. Послушайте, прошу васъ, всѣ привязанные къ этой жизни, пріобрѣтайте книги—врачество души. Если не хотите ничего другого, пріобрѣтите по крайней мѣрѣ Новый Завѣтъ, Дѣяніе апостоловъ, Евангеліе—постоянныхъ нашихъ наставниковъ. Постигнетъ ли тебя скорбь, приникай къ нимъ, какъ къ сосуду, наполненному цѣлебнымъ веществомъ. Случается ли утрата, смерть, потеря ближнихъ—оттуда почерпай утѣшеніе въ своемъ несчастіи. Или лучше—не приникай только къ нимъ, но принимай ихъ всецѣло и храни въ своемъ умѣ. Отъ незнанія Писанія—всякое зло. Мы
362 выходимъ на войну безъ оружія,—и какъ намъ спастись? Легко спасаться съ Писаніями, а безъ нихъ невозможно. Не возлагайте всего на насъ: вы, конечно, овцы, но не безсловесныя, а разумныя. Павелъ многое внушаетъ и вамъ. Научаемые не всегда проводятъ время въ пріобрѣтеніи познаній, потому что не всегда учатся; если всегда будешь только учиться, то никогда не выучишься; не съ тѣмъ приходи сюда, что будто тебѣ самому всегда нужно только учиться,—иначе никогда не будешь знать,—а съ тѣмъ, что тебѣ нужно выучиться и потомъ учить другого. Скажи мнѣ, не опредѣленное ли время всѣ посвящаютъ наукамъ и всякимъ вообще искусствамъ? Всѣ мы назначаемъ для этого извѣстный срокъ. А если всегда учишься,—это знакъ, что ты ничего не знаешь.

2. Укоряя за это іудеевъ, Богъ сказалъ: *носиміи отъ чрева и наказуеми даже до старости* (Иса. XLVI, 3). Если бы не всегда ожидали вы этого, не шло бы все такъ назадъ. Если бы оказывалось, что одни уже научились, а другіе имѣютъ научиться, то дѣло у насъ простиралось бы впередъ: тогда вы приступили бы къ другимъ и помогли бы намъ. Скажи мнѣ: тѣ, которые ходятъ къ учителю, но постоянно сидятъ надъ азбукою, не доставляютъ ли большихъ трудовъ для учителя? Доколѣ намъ бесѣдовать съ вами объ (этой) жизни? У апостоловъ такъ не бывало: они всегда миновали тѣхъ учениковъ, которые учились у нихъ прежде, поставляя ихъ учителями другихъ желающихъ учиться. Потому-то они и могли обойти вселенную, что не были привязаны къ одному мѣсту. Подумайте, сколько нужно преподать ученія братіямъ вашимъ по деревнямъ и самимъ учителямъ ихъ? А вы держите

меня, приковавъ къ себѣ,—потому что прежде чѣмъ хорошо будетъ настроена голова, не слѣдуетъ идти къ прочимъ членамъ. Вы все возлагаете на насъ, тогда какъ только бы вамъ надлежало учиться у насъ, а женамъ вашимъ у васъ, дѣтямъ тоже у васъ; напротивъ, вы все оставляете намъ. Оттого-то и много труда. *Учаще*, говоритъ, *и вразумляюще себе самѣхъ во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ*. Смотри, какъ снисходителенъ Павелъ. Такъ какъ чтеніе утомительно и можетъ наскучить,—онъ располагаетъ не къ повѣствованіямъ, а къ псалмамъ, чтобы ты вмѣстѣ и увеселялъ душу пѣніемъ, и не замѣчалъ трудовъ. *Въ пѣніихъ*, говоритъ, *и пѣснехъ духовныхъ*. А нынѣ ваши дѣти любятъ сатанинскія пѣсни и пляски, подражая поварамъ, пекарямъ и танцовщикамъ; псалма же никто ни одного не знаетъ,—нынѣ такое знаніе кажется неприличнымъ, унизительнымъ и смѣшнымъ. Въ этомъ-то и все зло; на какой землѣ стоитъ растеніе, такой приноситъ и плодъ: на песчаной и сланцовой—такой, на доброй и тучной—другой. Итакъ, ученіе есть какъ бы какой благотворный источникъ. Научи сына пѣть тѣ преисполненные любомудрія псалмы, напримѣръ: сначала о воздержаніи, или прежде всего о несообщеніи съ нечестивыми, т. е. псаломъ въ самомъ началѣ книги [съ этою-то цѣлію и пророкъ началъ отсюда, говоря: *блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ* (Пс. I, 1); и опять: *не сѣдохъ съ сонмомъ суетнымъ* (Пс. XXV, 4); и еще: *уничиженъ есть предъ нимъ лукавнуяй: боящіяжеся Господа славитъ* (Пс. XIV, 4)], объ обращеніи съ добрыми [это тоже найдешь тамъ, и многое другое], о воздер- 363
жаніи чрева, объ удержаніи рукъ, о нестяжательности, о томъ, что и деньги, и слава, и все подобное—ничто. Если научишь его этому съ дѣтства, то постепенно возведешь его и выше. Псалмы заключаютъ въ себѣ все, а затѣмъ гимны—ничего человѣческаго; когда онъ будетъ свѣдущъ въ псалмахъ, тогда узнаетъ и гимны, представляющіе собою дѣло болѣе святое, такъ какъ вышнія силы гимнословятъ, а не псалмословятъ: *не красна*, сказано, *похвала во устѣхъ грѣшника* (Сир. XV, 9); и опять: *очи мои на вѣрныя земли, посаждати я со мною* (Пс. C, 6); и опять: *не живяше посреде дому моего творяй гордыню* (Пс. C, 7); и опять: *ходяй по пути непорочну, сей ми служаше* (Пс. C, 6). Такимъ образомъ вы должны опасаться, какъ бы они не завели связей не только съ друзьями, но и съ слугами: безчисленное бываетъ зло для свободныхъ, если приставляемъ къ нимъ развратныхъ рабовъ. Если едва спасаются они, пользуясь попеченіемъ и любомудріемъ отца, то что изъ нихъ будетъ, когда ввѣримъ ихъ безпечности слугъ? Слуги будутъ смотрѣть на нихъ, какъ на враговъ, въ той мысли, что господствованіе ихъ будетъ кротче, если они

сдѣлают ихъ безтолковыми, глупыми и ничего нестоющими. Итакъ, станемъ заботиться объ этомъ болѣе всего другого. *Я возлюбилъ*, говоритъ, *возлюбившихъ законъ твой* (Пс. cxvIII): будемъ же, подражая ему, и мы любить ихъ. А чтобы дѣти были воздержны, пусть послушають, что говоритъ пророкъ: *лядвія моя наполнишася поруганій* (Пс. xxxvII, 8); и опять: *потребилъ еси всякаго любодѣющаго отъ тебе* (Пс. LXXII, 27). Также, чтобы они не были сластолюбивы, пусть опять послушаютъ: *и уби*, говоритъ, *множайшая ихъ, еще брашну сущу во устѣхъ ихъ* (Пс. LXXVII, 30, 31). Равнымъ образомъ, что они не должны быть побѣждаемы дарами, научатся изъ слѣдующаго: *богатство*, говоритъ, *аще течетъ, не прилагайте сердца* (Пс. LXI, 11); что надобно стоять выше славы, найдутъ слѣдующее: *ниже снидетъ съ нимъ слава его* (Пс. XLVIII, 18); что не должно завидовать лукавымъ: *не ревнуй лукавнующимъ* (Пс. xxxvI, 1); что властвованіе надобно вмѣнять ни во что: *видѣхъ нечестиваго превозносящася и высящася, яко кедры ливанскія, и мимоидохъ, и се не бѣ* (Пс. xxxvI, 35, 36); что настоящее должно почитать ничтожнымъ: *ублажиша люди, имже сія суть: блажени людіе, имже Господь Богъ помощникъ ихъ* (Пс. CXLIII, 15); что не безнаказанно грѣшимъ мы, но будетъ воздаяніе: *ты воздаси комуждо по дѣломъ его* (Пс. LXI, 13); почему же не воздаетъ ежедневно?—потому, говоритъ, что *Богъ судитель праведенъ, и крѣпокъ и долготерпѣливъ* (Пс. vII, 12); что смиренномудріе — благо: *Господи*, говоритъ, *не вознесеся сердце мое* (Пс. cxxx, 1); что высокомѣріе—зло: *сего ради*, говоритъ, *удержа я гордыня до конца* (Пс. LXXII, 6); и опять: *Господь гордымъ противится* (Іак. IV, 6); и опять: *изыдетъ, яко изъ тука, неправда ихъ* (Пс. LXXII, 7); что милостыня—благо: *расточи, даде убогимъ: правда его пребываетъ въ вѣкъ вѣка* (Пс. cxI, 9); что милосердіе похвально: *благъ мужъ щедря и дая* (Пс. cxI, 5). Найдешь тамъ и много другихъ догматовъ любомудрія, — напримѣръ, что злословить не должно: *оклеветающаго тай искренняго своего, сего изгоняхъ* (Пс. с, 5). Вѣрные знаютъ, каковъ гимнъ вышнихъ силъ, что говорятъ херувимы, что говорили ангелы на землѣ. *Слава въ вышнихъ Богу*. Потому, послѣ псалмопѣнія, гимны—дѣло болѣе совершен-
364 ное. *Во псалмѣхъ*, говоритъ, *и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ во благодати поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви*. (Павелъ) этимъ говоритъ или что Богъ даровалъ имъ это для благодати, или что пѣсни ихъ были благодатныя, или что они должны были вразумлять себя и научать благодатію, или что въ нихъ благодатно были эти дары, или же это есть объясненіе. Отъ благодати Духа, говоритъ, *поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви:* не просто, говоритъ, устами, но со вниманіемъ. Это послѣднее и значитъ

пѣть Богу, а то первое—воздуху, такъ какъ голосъ попросту разливается (въ воздухѣ). Не для того, чтобы высказать себя, говоритъ. Будь ты хоть на торговой площади,—можешь сосредоточиться въ себѣ и пѣть Богу, не будучи никѣмъ слышимъ. Вѣдь и Моисей такъ молился, и былъ услышанъ. Что взываешь ко мнѣ, говоритъ ему Богъ? А онъ ничего не высказалъ, но взывалъ мысленно, съ сокрушеннымъ сердцемъ. Потому и Богъ слышалъ его одинъ. Не мѣшаетъ и во время пути молиться сердцемъ и быть горѣ. *И все*, говоритъ, *еже аще что творите словомъ или дѣломъ, вся во имя Господа нашего Іисуса Христа, благодаряще Бога и Отца тѣмъ*. Если мы будемъ такъ поступать, то тамъ, гдѣ призывается Христосъ, не найдется ничего мерзкаго, ничего нечистаго. Ѣшь ли, пьешь ли, женишься ли, отправляешься ли въ путь,—все дѣлай во имя Божіе, т. е. призывая Бога на помощь. Берись за дѣло, прежде всего помолившись Богу. Хочешь ли что произнесть? Поставь это напередъ. Потому-то и мы въ своихъ письмахъ впереди поставляемъ имя Господа. Гдѣ—имя Господа, тамъ все благополучно. Если имена консуловъ скрѣпляютъ грамоты, то тѣмъ болѣе—имя Христово. Или же то разумѣетъ Павелъ, что все говорите и дѣлайте по-божески; не вводите ангеловъ. Ѣшь? Благодари Бога, съ рѣшимостію то же дѣлать и послѣ. Спишь? Благодари Бога, съ рѣшимостію то же дѣлать и послѣ. Идешь на площадь? То же дѣлай. (Пусть не будетъ) ничего мірского, ничего житейскаго; все совершай во имя Господне, и все у тебя будетъ благоуспѣшно. Что ни запечатлѣешь именемъ Божіимъ, все выйдетъ счастливо. Если оно изгоняетъ демоновъ, устраняетъ болѣзни, то тѣмъ болѣе облегчаетъ совершеніе дѣлъ. И что значитъ—*творить словомъ или дѣломъ?* Этимъ указываетъ или на допускающаго, или на дѣлающаго что-либо подобное. Послушай, какъ Авраамъ во имя Божіе посылалъ раба. Давидъ во имя Божіе умертвилъ Голіаѳа. Дивно и велико имя Его. Потомъ опять Іаковъ, посылая дѣтей, говоритъ: *Богъ же мой да дастъ вамъ благодать предъ мужемъ* (Быт. XLIII, 14). Кто дѣлаетъ это, тотъ помощникомъ имѣетъ Бога, безъ котораго не дерзалъ ничего дѣлать. Такимъ образомъ чествуемый призываніемъ (Богъ) воздаетъ обратно честь дарованіемъ успѣха въ дѣлахъ. Призывай Сына, благодари Отца; призывая Сына, ты призываешь и Отца, а благодаря Отца, благодаришь и Сына. Будемъ учиться исполнять это не одними словами, но и дѣлами. Этому имени нѣтъ ничего равнаго; оно всегда дивно: *миро излїянное*, говорится, *имя твое* (Пѣсн. Пѣсн. I, 2). И кто произнесъ его, тотъ вдругъ исполнился благоуханія. *Никтоже можетъ рещи Господа Іисуса, точію Духомъ Святымъ* (1 Кор. XII, 3). Вотъ какъ столь

365 много совершается этимъ именемъ! Если слово: *во имя Отца и Сына и Святаго Духа* ты произнесъ съ вѣрою, то ты все совершилъ. Смотри, сколько ты сдѣлалъ: ты возсоздалъ человѣка, и произвелъ все прочее, въ таинствѣ крещенія. Такимъ же образомъ это страшное имя владычествуетъ и надъ болѣзнями. Потому, завидуя намъ въ чести, діаволъ ввелъ подобающее ангеламъ. Таковы демонскіе напѣвы. Но будетъ ли то ангелъ, или архангелъ, или херувимъ,—не терпи этого; вѣдь и эти силы не примутъ тебя, но отвергнутъ, когда увидятъ, что Владыка безчестится. Я почтилъ тебя, говоритъ, и сказалъ: призывай меня. А ты безчестишь Его? Если бы ты пѣлъ этотъ напѣвъ съ вѣрою,
366 то прогонялъ бы и болѣзни, и демоновъ. А если бы и не прогналъ болѣзни, то не по безсилію, а вслѣдствіе того, что (болѣзнь) полезна. По величію твоему, говоритъ, и хвала твоя. Этимъ именемъ обращена вселенная, разрушено тиранство, попранъ діаволъ, отверзлись небеса. Но что я говорю—небеса? Этимъ именемъ возрождены мы, и если не оставляемъ его, то просіяваемъ. Оно раждаетъ и мучениковъ, и исповѣдниковъ. Его должны мы держать, какъ великій даръ, чтобы жить въ славѣ, благоугождать Богу и сподобиться благъ, обѣтованныхъ любящимъ Его, благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА X

335 Жены, повинуйтеся своимъ мужемъ, якоже подобаетъ о Господѣ. Мужіе, любите жены, и не огорчайтеся къ нимъ. Чада, послушайте родителей во всемъ: сіе бо угодно есть Господеви. Отцы, не раздражайте чадъ вашихъ, да не унываютъ. Раби, послушайте по всему плотскихъ господей, не предъ очима точію работающе, яко человѣкоугодницы, но въ простотѣ сердца, боящеся Бога. Всяко еже аще что творите, отъ души дѣлайте, якоже Господу, а не человѣкомъ, вѣдяще, яко отъ Господа пріимете воздаяніе достоянія: Господу бо Христу работаете. А обидяй воспріиметъ, еже обидѣ, и нѣсть лицепріятія у Бога. Господіе, правду и уравненіе рабомъ подавайте, вѣдяще, яко и вы имате Господа на небесѣхъ (Кол. III, 18—25; IV, 1).

1. Почему (Павелъ) повелѣваетъ это не вездѣ и не во всѣхъ посланіяхъ, но здѣсь, и въ посланіяхъ къ ефесянамъ, къ Тимоѳею

и Титу? Потому что въ этихъ городахъ, вѣроятно, происходили несогласія, или потому, что иное въ нихъ, быть можетъ, было исполняемо хорошо, а въ этомъ они погрѣшили,—такъ что надлежало имъ слышать и объ этомъ. Справедливѣе же будетъ сказать, что (апостолъ) говоритъ это сколько къ нимъ, столько же и ко всѣмъ (христіанамъ). Посланіе это весьма сходно съ посланіемъ къ ефесянамъ. Въ другихъ мѣстахъ онъ не дѣлаетъ того же—или потому, что мужамъ, уже умиротвореннымъ, которые, какъ не знавшіе высокихъ догматовъ, должны были учиться имъ, писать объ этомъ не слѣдовало, или потому, что получившимъ утѣшеніе въ искушеніяхъ излишне было слышать объ этомъ. Эти соображенія позволяютъ мнѣ догадываться, что здѣсь Церковь была уже тверда и что онъ говоритъ это при концѣ (своей жизни). *Жены, повинуйтеся своимъ мужемъ, якоже подобаетъ о Господѣ*, вмѣсто—повинуйтеся для Бога, такъ какъ это украшаетъ васъ, говоритъ, а не ихъ. Повиновеніе же я разумѣю не (рабское) къ господамъ и не то, которое зависитъ отъ природы, но которое бываетъ для Бога. *Мужіе, любите жены, и не огорчайтеся къ нимъ.* Смотри, какъ онъ увѣщеваетъ соблюдать взаимныя отношенія. Какъ тамъ внушаетъ страхъ и любовь, такъ и здѣсь, потому что и любящему можно огорчаться. Итакъ, слова его значатъ: не враждуйте; нѣтъ ничего огорчительнѣе той вражды, которой подвергается жена отъ мужа; вражда, направляемая противъ любимыхъ лицъ, бываетъ самая горькая; она показываетъ, 366
что огорченіе велико, когда кто возстаетъ противъ своего члена. Итакъ, любить—дѣло мужей, а уступать—дѣло женъ. Потому, если всякій будетъ исполнять свой долгъ, то все будетъ крѣпко; видя себя любимою, жена бываетъ дружелюбна, а встрѣчая повиновеніе, мужъ бываетъ кротокъ. Смотри, такъ устроено это и въ природѣ, чтобы мужъ любилъ, а жена была послушна. Когда начальствующій любитъ подначальное, тогда все благоустроено. Любовь не столько требуется отъ подначальнаго, сколько отъ начальствующаго къ подначальному, а отъ подначальнаго (требуется) послушаніе. Да и то, что красота—въ женѣ, а пожеланіе—въ мужѣ, показываетъ не иное что, какъ устроеніе для любви. Потому, когда подчиняется жена,—не величайся; и ты жена, когда тебя любитъ мужъ,—не надмевайся; ни дружба мужа пусть не возбуждаетъ превозношенія въ женѣ, ни подчиненіе жены пусть не надмеваетъ мужа. Богъ подчинилъ ее тебѣ для того, чтобы она была болѣе любима; а любить тебя, жена, внушилъ Онъ мужу для того, чтобы легче было тебѣ подчиняться. Не бойся подчиненія; подчиняться любящему нисколько нетрудно. Не бойся любви; (жена твоя) уступчива предъ тобою. Союзъ не иначе воз-

можешь. Ты имѣешь власть, необходимую по природѣ; имѣй же и союзъ по любви, (этотъ же союзъ) позволяетъ терпѣть слабѣйшую. *Чада, послушайте родителей во всемъ: сіе бо угодно есть Господеви.* Опять полагаетъ—*Господеви*, полагаетъ законы послушанія, усовѣщеваетъ, смиряетъ. *Сіе бо*, говоритъ, *угодно есть Господеви.* Смотри, какъ хочетъ, чтобы мы все дѣлали не по одной природѣ, но сверхъ того и по волѣ Божіей, чтобы намъ получить награду. *Отцы, не раздражайте чадъ своихъ, да не унываютъ.* Вотъ и здѣсь опять—подчиненіе и любовь. Не сказалъ: любите дѣтей,—потому что это было бы лишнее (слово), къ этому влечетъ сама природа; а исправилъ то, что надлежало, именно, что любовь здѣсь бываетъ сильнѣе, насколько и послушаніе больше. Вѣдь нигдѣ не полагаетъ онъ примѣра мужа и жены,—но что? Послушай, что говоритъ пророкъ: *якоже щедритъ отецъ сыны, ущедри Господь боя-*
367 *щихся его* (Пс. ci, 13); и опять говоритъ Христосъ: *кто есть отъ васъ человѣкъ, егоже аще воспроситъ сынъ его хлѣба, еда камень подастъ ему? или аще рыбы проситъ, еда змію подастъ ему* (Мѳ. vii, 9, 10)? *Отцы не раздражайте чадъ вашихъ, да не унываютъ.* Что особенно, зналъ онъ, будетъ чувствительно для отцовъ, то и полагаетъ и повелѣніе дружелюбно преподаетъ самъ, нигдѣ не приводя Бога; этимъ возбуждаетъ онъ чувство родителей и смягчаетъ сердце ихъ. Выраженіе же: *не раздражайте* значитъ: не дѣлайте ихъ спорщиками. Есть случаи, въ которыхъ вы должны уступать имъ. Потомъ переходитъ къ третьему (предмету) власти: *раби*, говоритъ, *послушайте плотскихъ господей.* Здѣсь хотя и есть нѣчто, относящееся къ любви, но эта любовь предписывается не природою, какъ было выше, а обычаемъ, и требуется съ одной стороны властію, съ другой дѣлами. Здѣсь такимъ образомъ начало любви уменьшено, а начало послушанія усилено, и этимъ выражается желаніе, чтобы то, что первые имѣютъ по природѣ, послѣдніе воздавали имъ изъ послушанія,—такъ что здѣсь (Павелъ) бесѣдуетъ не за господъ съ одними рабами, но за самихъ (рабовъ), чтобы господамъ сдѣлались они желанными. Впрочемъ, выражаетъ это не явно; иначе привелъ бы ихъ въ недоумѣніе. *Раби*, говоритъ, *послушайте по всему плотскихъ господей.*

2. И смотри, какъ всегда ставитъ имена—жены, дѣти, рабы—въ смыслѣ обязанности повиноваться; а чтобы ты не скорбѣлъ, прибавляетъ: *плотскихъ господей.* Лучшее твое, говоритъ, твоя душа свободна; рабство же временно. Подчини же ему свое тѣло, чтобы не рабствовать необходимости. *Не предъ очима точію работающе, яко человѣкоугодницы.* Сдѣлай, говоритъ, такъ, чтобы рабство отъ закона было рабствомъ отъ страха Христова. Если бы даже господинъ и не видѣлъ, что ты совершаешь должное и для

его чести,—все же ты совершаешь ради недремлющаго Ока. *Не предъ очима точію*, говоритъ, *работающе, яко человѣкоугодницы*, такъ какъ (работая только предъ очами) вы подвергаетесь вреду. Послушай, что говоритъ пророкъ: *разсыпа Господь кости человѣкоугодниковъ* (Пс. LII, 6). Смотри, какъ онъ щадитъ ихъ и упорядочиваетъ. *Но въ простотѣ сердца*, говоритъ, *боящеся Бога*, потому что одно имѣть въ сердцѣ, а другое дѣлать, инымъ казаться въ присутствіи господина, и инымъ въ отсутствіи,—это не простота, а притворство. Потому не просто сказалъ: *въ простотѣ сердца*, но—*боящеся Бога*. Это именно и значитъ бояться Бога, когда мы не дѣлаемъ ничего худого, хотя бы никто не видѣлъ насъ; если же дѣлаемъ, то боимся не Бога, а людей. Видишь ли, что онъ упорядочиваетъ ихъ? *Всяко еже аще что творите*, говоритъ, *отъ души дѣлайте, якоже Господу, а не человѣкомъ*. Этимъ хочетъ избавить ихъ не только отъ притворства, но и отъ лѣности. Если они не имѣютъ нужды въ надзорѣ со стороны господъ, то чрезъ это онъ дѣлаетъ ихъ вмѣсто рабовъ свободными. *Отъ души*—значитъ съ благорасположеніемъ, не съ рабскою необходимостію, а свободно и добровольно. И какая награда? *Вѣдяще*, говоритъ, *яко отъ Господа пріимете воздаяніе достоянія вашего: Господу бо работаете*, слѣдовательно отъ Него получите и награду. А что Господу работаете, видно изъ слѣдующаго: *обидяй*, говоритъ, 368
воспріиметъ, еже обидѣ. Здѣсь (Павелъ) подтверждаетъ сказанное прежде: чтобы слова его не показались лестію, говоритъ: *воспріиметъ, еже обидѣ*, то есть, получитъ наказаніе, потому что у Бога нѣтъ лицепріятія. Что, если ты и рабъ? Не стыдись. Однакожъ это слѣдовало сказать господамъ, какъ и въ посланіи къ ефесянамъ; но здѣсь подъ именемъ господъ, мнѣ кажется, разумѣются язычники. Что, если онъ—язычникъ, а ты христіанинъ? Испытываются не лица, а дѣла,—такъ что и въ этомъ случаѣ должно работать съ благорасположеніемъ и отъ души. *Господіе, правду и уравненіе рабомъ подавайте*. А что такое правда, что—уравненіе? Доставлять имъ все въ изобиліи и не допускать, чтобы они въ чемъ-либо нуждались, но вознаграждать ихъ за труды, такъ какъ, если я сказалъ, что они отъ Бога получатъ награду, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ты лишалъ ихъ мзды. И въ другомъ мѣстѣ сказалъ: *послабляюще прещенія* (Еф. VI, 9),—желая сдѣлать болѣе кроткими, такъ какъ тѣ были совершенны. То есть: *въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ* (Мѳ. VII, 2). Да и слова: *нѣсть лицепріятія*—къ нимъ же относятся, приложены же они къ тѣмъ, чтобы они приняли это, такъ какъ когда касающееся одного мы говоримъ другому, тогда исправляемъ не столько его, сколько виновнаго. *И вы* съ ними, говоритъ. Здѣсь рабство дѣлаетъ онъ

общимъ. *Бдяще*, говоритъ, *яко и вы имате Господа на небесѣхъ. Въ молитвѣ терпите, бодрствующе въ ней со благодареніемъ.* Такъ какъ пребываніе въ молитвахъ часто бываетъ причиною нерадѣнія, то и говоритъ—*бодрствующе*, то есть трезвясь, а не вертясь туда и сюда. Діаволъ знаетъ, хорошо знаетъ, какое великое благо—молитва, и потому тяжело налегаетъ (на молящагося). Знаетъ и Павелъ, насколько безпечны многіе молящіеся, и потому говоритъ: *въ молитвѣ терпите*, какъ въ дѣлѣ трудномъ, *бодрствующе въ ней со благодареніемъ*. Это, говоритъ, пусть будетъ вашимъ дѣломъ—въ молитвахъ благодарить и за явное и за неявное, и за тѣ блага, которыя (Богъ) совершилъ для васъ по вашему желанію, и за тѣ, которыя дарованы вамъ противъ желанія, и за царство, и за геенну, и за скорбь, и за облегченіе ея. Такъ обыкновенно молятся святые и благодарятъ за общія благодѣянія.

3. Знаю я одного святого мужа, который молился такъ, что прежде этого слова ничего не говорилъ, но прямо взывалъ: „благодаримъ за всѣ твои благодѣянія, оказанныя намъ недостойнымъ съ перваго дня нашей жизни до настоящаго,—благодаримъ за все, что знаемъ и чего не знаемъ, за все явное и неявное, обнаруживающееся дѣломъ и словомъ, совершившееся по волѣ и противъ нашей воли, за все съ нами недостойными бывшее, за скорбь и ослабленіе скорби, за геенну, за мученіе, за царство небесное. Молимъ Тебя сохранить нашу душу святою, чистою, совѣстливою и вполнѣ достойною твоего человѣколюбія. Возлюбившій насъ до того, что предалъ за насъ Единороднаго твоего, удостой насъ быть достойными любви твоей. Даруй намъ въ словѣ твоемъ мудрость, и въ страхѣ твоемъ, Единородный Христе,
369 вдохни въ насъ исходящую отъ Тебя силу. Давшій за насъ Единороднаго и пославшій Духа твоего Святого во отпущеніе нашихъ грѣховъ, прости насъ и не осуди, если въ чемъ согрѣшили мы волею или неволею. Помяни всѣхъ, призывающихъ имя твое въ истинѣ. Помяни всѣхъ, хотящихъ и не хотящихъ намъ добра, потому что всѣ мы человѣки“. Потомъ, присоединивъ молитву вѣрныхъ и вознесши моленіе, какъ бы нѣкое возглавіе и общій голосъ всѣхъ, онъ замолкалъ. Въ самомъ дѣлѣ, Богъ творитъ для насъ много благъ вопреки нашей волѣ, а много и еще больше совершаетъ ихъ помимо нашего сознанія. Когда мы молимъ Его о чемъ-нибудь, а Онъ дѣлаетъ противное тому,—тогда, очевидно, Онъ дѣлаетъ блага помимо нашего сознанія. *Молящеся и о насъ вкупѣ.* Смотри, каково смиренномудріе: себя полагаетъ послѣ ихъ. *Да Богъ отверзетъ намъ двери слова, проглаголати тайну Христову.* (Молитву) называетъ входомъ и основаніемъ дерзнове-

нія. О, такой подвижникъ не сказалъ: да избавлюсь отъ узъ, но, находясь въ узахъ, просилъ другихъ, и просилъ о дѣлѣ великомъ, чтобы получить дерзновеніе! Здѣсь двѣ великія вещи: качество лица, и качество дѣла. О, какое достоинство! *Тайну*, говоритъ, *Христову*, показывая, что для него нѣтъ ничего желательнѣе проповѣди о ней. *Еяже ради и связанъ есмь, да явлю ю, якоже подобаетъ ми глаголати*. Съ великимъ, говоритъ, дерзновеніемъ и ничего не умалчивая. Видишь ли, узы проявляютъ его, а не скрываютъ. Съ великимъ, говоритъ, дерзновеніемъ. Скажи мнѣ: ты связанъ и просишь другихъ? Да, говоритъ; но узы даютъ мнѣ большее дерзновеніе, и я требую только Божіей помощи,—потому что слышалъ слово Христово: *егда предаютъ вы, не пецытеся, како или что возглаголете* (Мѳ. x, 19). И смотри, какъ иносказательно говоритъ: *да Богъ отверзетъ намъ двери слова*. Смотри, какъ онъ чуждъ надменности, какъ смиренно провѣщеваетъ въ узахъ, чтобы, то есть, смягчить сердца ихъ. И сказалъ такъ не для себя,—такъ смиренномудренно выразился, чтобы внушить дерзновеніе намъ; онъ проситъ себѣ того, что уже имѣлъ. Называя въ этомъ посланіи (ветхій завѣтъ) тѣнію, онъ этимъ самымъ показываетъ, почему Христосъ пришелъ не тогда: *тѣло же Христово* (Кол. II, 17), говоритъ онъ, такъ что къ тѣни надлежало привыкнуть. Вмѣстѣ съ этимъ онъ обнаруживаетъ и величайшее доказательство любви своей къ нимъ. Чтобы вы, говоритъ, слышали о моихъ узахъ. Опять поставляетъ на видъ узы, которыя я очень люблю, которыя возбуждаютъ мое сердце и всегда приводятъ къ желанію видѣть Павла связаннымъ и въ узахъ пишущимъ, проповѣдующимъ, крещающимъ, оглашающимъ. Ему связанному доносилось о всѣхъ Церквахъ, и онъ связанный назидалъ тысячи (христіанъ). Тогда скорѣе былъ онъ отрѣшенъ (отъ узъ). Слушай, что онъ говоритъ: *множайшіи братія надѣявшіися о узахъ моихъ паче дерзаютъ безъ страха слово глаголати* (Филип. I, 14). Онъ же опять свидѣтельствуетъ объ этомъ, говоря: *егда бо немоществую, тогда силенъ есмь* (2 Кор. XII, 10). Потому и сказалъ: *но слово Божіе не вяжется* (2 Тим. II, 9). Онъ былъ въ узахъ съ злодѣями, съ заключенными, съ человѣкоубійцами, былъ связанъ учитель вселенной, восходившій на третье небо, слышавшій глаголы неизреченные. Но тогда бѣгъ его былъ тѣмъ быстрѣе. Связанный тогда былъ разрѣшенъ, а несвязанный—связанъ; тотъ, что хотѣлъ, 370
дѣлалъ, а этотъ и ему не помѣшалъ и собственнаго намѣренія не исполнилъ. Что ты дѣлаешь, безумный? Развѣ это плотской гонецъ? Развѣ на нашемъ поприщѣ подвизается онъ? Онъ обитаетъ на небѣ. Бѣгущаго на небѣ не можетъ связать и удержать земное. Развѣ не видишь этого солнца? Наложи узы на его лучи

и останови его бѣгъ. Но ты не можешь. Такъ (не сможешь удержать) и Павла, и еще менѣе, чѣмъ солнце,—потому что онъ охраняется большимъ промысломъ, чѣмъ послѣднее,—вѣдь и свѣтъ онъ приноситъ намъ не такой (вещественный), но истинный. Гдѣ теперь тѣ, которые ничего не хотѣли потерпѣть ради Христа,—но что я говорю, потерпѣть?—не хотѣли даже и жертвовать деньгами? Вязалъ нѣкогда и Павелъ и ввергалъ въ темницу: но какъ скоро сдѣлался рабомъ Христовымъ, сталъ хвалиться уже не дѣйствованіемъ, а страданіемъ. И таково чудо проповѣди, что она была возбуждаема и возрастала не отъ (дѣятельности) злодѣйствующихъ, а отъ (страданія) терпящихъ. Гдѣ виданы такіе подвиги? Злостраждущій побѣждаетъ, а злодѣйствующій испытываетъ пораженіе. Первый выходитъ славнѣе послѣдняго и проповѣдуетъ посредствомъ узъ. Не стыжусь, а напротивъ хвалюсь, говоритъ, проповѣдуя Распятаго. Подумай только: вся вселенная оставляетъ несвязанныхъ и приходитъ къ узникамъ, отвращается отъ вяжущихъ и чтитъ заключенныхъ въ оковы, ненавидитъ распинателей и покланяется Распятому.

4. Не то только дивно, что проповѣдниками были рыбари, люди простые, но и то, что встрѣтились и другія препятствія, препятствія по природѣ, и однакожъ дѣло шло успѣшно. Простота не только не мѣшала, но она-то особенно и дѣлала проповѣдь замѣтною. Послушай, что говоритъ Лука: *и разумѣвше, яко человѣка некнижна еста и проста, дивляхуся* (Дѣян. IV, 13). И узы также не только не мѣшали, но еще дѣлали (апостоловъ) болѣе дерзновенными. Не столько дерзали ученики, когда Павелъ былъ свободенъ, какъ тогда, когда онъ находился въ узахъ: *паче дерзаютъ*, говоритъ, *безъ страха слово Божіе глаголати*. Гдѣ возражатели, говорящіе, что эта проповѣдь была не божественная? Развѣ простота оказалась недостаточною для обличенія ихъ? Развѣ въ этомъ состояніи они не должны были испугаться? Вѣдь вы знаете, что простой народъ водится двумя чувствованіями: тщеславіемъ и робостью. Простота не позволяла имъ стыдиться; опасности же, конечно, должны были внушить имъ робость. Но они, говорятъ, творили чудеса. Такъ вы вѣрите, что они творили чудеса. А если не творили? Вотъ чудо больше тѣхъ, какія творили,—что безъ чудесъ приводимы были (люди ко Христу).

Связанъ былъ и Сократъ эллинами. Что же? Не тотчасъ ли ученики его ушли въ Мегару? Конечно,—потому что не принимали ученія о безсмертіи. Но смотри, какъ здѣсь. Связанъ былъ Павелъ, и ученики его стали тѣмъ дерзновеннѣе. Такъ и слѣдовало,—потому что они видѣли, что это не препятствуетъ пропо-

вѣди,—языка связать нельзя, а языкъ особенно и ускоряетъ ее. Какъ не помѣшаешь ты бѣжать гонцу, если не свяжешь ему 371
ногъ, такъ не помѣшаешь и бѣгу благовѣстника, если не свяжешь ему языка; и какъ тотъ быстрѣе бѣжитъ и мчится, когда подвяжешь ему бедра, такъ и этотъ больше проповѣдуетъ и съ большимъ дерзновеніемъ, когда на немъ узы. Боится узникъ, если смотритъ только на узы; а кто презираетъ смерть, того какъ связать? Они сдѣлали то же, какъ если бы напримѣръ связали тѣнь Павла и заградили ей уста. Это была борьба съ тѣнью. Имѣя на себѣ узы, какъ воздаяніе за мужество, (Павелъ) и для своихъ сталъ вожделеннѣе, и для враговъ почтеннѣе. Вѣнецъ украшаетъ главу и дѣлаетъ ее славнѣе, а не посрамляетъ. Узами своими они нехотя увѣнчали его. Скажи мнѣ: желѣзо можетъ ли устрашить того, кому не страшны были адамантовыя врата смерти?

Поревнуемъ этимъ узамъ, возлюбленные. Всѣ вы, жены, украшающіяся золотыми ожерельями, возжелайте узъ Павловыхъ. Не столько сіяютъ эти украшенія на вашихъ шеяхъ, сколько блистаетъ красота желѣзныхъ узъ на его душѣ. И кто желаетъ послѣднихъ, пусть возненавидитъ первыя, потому что какое общеніе малодушія съ мужествомъ, тѣлеснаго украшенія съ любомудріемъ? Эти узы уважаются ангелами, а на тѣ смотрятъ они, какъ на дѣтскія игрушки. Эти узы обыкновенно влекутъ отъ земли на небо, а тѣ — съ неба низводятъ на землю. Поистинѣ, эти узы не то, что тѣ: эти—украшеніе, а тѣ—узы; тѣ вмѣстѣ съ тѣломъ сокрушаютъ и душу, а эти вмѣстѣ съ тѣломъ украшаютъ и душу. Хочешь ли узнать, что эти—дѣйствительно украшеніе? Скажи мнѣ, кто больше привлекалъ зрителей,—ты или Павелъ? Но что я говорю — ты? Сама царица, вся покрытая золотомъ, не можетъ привлечь къ себѣ болѣе зрителей. Если бы случилось въ одно и то же время войти въ церковь и Павлу въ узахъ, и царицѣ,—всѣ направили бы свои глаза отъ послѣдней на перваго. Да такъ и слѣдовало бы, потому что видѣть мужа, стоящаго выше человѣческой природы, не имѣющаго ничего человѣческаго, но являющагося ангеломъ на землѣ, — любопытнѣе, чѣмъ видѣть наряженную женщину. Послѣднюю можно видѣть и въ театрахъ, и въ торжественныхъ собраніяхъ, и въ баняхъ, и въ другихъ мѣстахъ, а человѣка заключеннаго въ узы, почитающаго ихъ величайшимъ украшеніемъ и не страшащагося узъ,—такого человѣка видѣть—значитъ быть на зрѣлищѣ не земномъ, но достойномъ неба. Душа, которой тѣло увѣшано драгоцѣнностями, наблюдаетъ, кто смотритъ на нихъ, кто не смотритъ, исполняется надменностію, обнаруживаетъ безпокойство и волнуется

множествомъ другихъ чувствъ; напротивъ, отягощенный узами не надмевается, душа его покойна, свободна отъ всякой заботливости, весела и смотритъ на небо, какъ окрыленная. Если бы кто отдалъ мнѣ на волю видѣть Павла сходящимъ съ неба и изрекающимъ слово, или выходящимъ изъ темницы, то я предпочелъ бы исхожденіе его изъ темницы, потому что, когда онъ былъ въ темницѣ,—съ неба къ нему нисходили. Узы Павла—это
372 союзъ проповѣди; его кандалы—это основаніе. Пожелаемъ и мы этихъ узъ.

5. Но какъ это возможно, скажешь? Если сокрушимъ и переломаемъ (тѣ украшенія). Отъ этихъ узъ нѣтъ никакой пользы, а скорѣе — вредъ. Они сдѣлаютъ насъ узниками тамъ; а узы Павловы разрѣшатъ насъ тамъ отъ узъ. Душа, связанная этими узами здѣсь, будетъ связана по рукамъ и ногамъ нетлѣнными узами тамъ; а связанная узами Павла будетъ имѣть ихъ на себѣ тогда, какъ украшеніе. Разрѣши же и себя отъ узъ, и бѣднаго отъ голода. Что ты вяжешь цѣпи грѣховъ? Какъ, скажешь? Такъ, что ты накопляешь золото, а другой погибаетъ; ты для пріобрѣтенія суетной славы бережешь массу золота, а другому и ѣсть нечего. Этимъ развѣ не грѣхи вяжешь ты? Облекайся во Христа, а не въ золото. Гдѣ мамона, тамъ нѣтъ Христа, а гдѣ Христосъ, тамъ нѣтъ мамоны. Ужели ты не хочешь облечься въ Царя всяческихъ? Если бы кто далъ тебѣ порфиру и діадему, — не принялъ ли бы ты этого вмѣсто всякаго золота? Я даю тебѣ не царское украшеніе, а предлагаю облечься въ самого Царя. Но какъ облечься во Христа, скажешь? Послушай, что говоритъ Павелъ: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. III, 27); Послушай и увѣщанія апостольскаго: *плоти угодія*, говоритъ, *не творите въ похоти* (Рим. XIII, 14). Итакъ, облекается во Христа тотъ, кто не угождаетъ плоти до похотѣнія. Если облечешься во Христа, то и демоны будутъ бояться тебя; а если въ золото, то и люди станутъ смѣяться надъ тобою; если облечешься во Христа, то и люди будутъ уважать тебя.

Хочешь ли казаться прекрасною и благопристойною? Довольствуйся тѣмъ образомъ, какой далъ тебѣ Творецъ. Что привѣшиваешь золото, какъ бы поправляя образъ Божій? Хочешь ли казаться благопристойною? Облекись въ милосердіе, облекись въ человѣколюбіе, облекись въ цѣломудріе, въ смиреніе. Все это дороже золота; все это и красивую дѣлаетъ еще благопристойнѣе, и некрасивую благообразною. Кто взглянетъ на лицо, выражающее доброту, тотъ произнесетъ свое мнѣніе отъ любви, а злое (лицо), хотя бы оно было и красиво, никто не можетъ назвать прекраснымъ: возмущенное сердце правильнаго мнѣнія не

произноситъ. Украшена была та египтянка, украшенъ былъ и Іосифъ; но кто красивѣе? Не говорю о томъ времени, когда первая была въ царскомъ дворцѣ, а послѣдній—въ темницѣ. Этотъ былъ нагъ, но облекался одеждою цѣломудрія; а та была одѣта, но оказалалась постыднѣе обнаженной, потому что не имѣла цѣломудрія. Когда ты, женщина, слишкомъ украшаешься, тогда бываешь постыднѣе обнаженной, потому что снимаешь съ себя благоприличіе. Была нага и Ева; но она стала постыднѣе, когда одѣлась, потому что, будучи нагою, украшалась славою Божіею, а облекшись въ одежду грѣха, сдѣлалась постыдною. Такъ и ты, надѣвъ на себя принадлежности щегольства, являешься болѣе постыдною, потому что роскошная одежда не въ состояніи обнаружить благообразіе; напротивъ, одѣтая въ нее можетъ быть срамнѣе обнаженной. Спрашиваю: если бы ты надѣла когда-нибудь принадлежности флейтщицы или танцовщицы,—не стыдно ли было бы тебѣ? Хотя эти одежды и золотыя, но оттого-то тебѣ и стыдно, что золотыя, такъ какъ сценическая роскошь приличествуетъ трагикамъ, комикамъ, мимикамъ, танцовщикамъ и гла- 373
діаторамъ; а женѣ вѣрной дана отъ Бога иная одежда, — самъ единородный Сынъ Божій. *Елицы*, говоритъ, *во Христа креститеся, во Христа облекостеся*. Скажи мнѣ: если бы кто далъ тебѣ царскую одежду, а ты взяла бы и сверхъ ея надѣла рубище плота,—не понесла ли бы за это, кромѣ срама, и наказаніе? Ты облеклась во Владыку неба и ангеловъ, и еще вращаешься около земли? Это сказано мною съ цѣлію—показать, что щегольство и само по себѣ великое зло, хотя бы изъ него не происходило ничего другого и хотя бы можно было позволять его себѣ безопасно. Но оно располагаетъ къ тщеславію и надменности, а потомъ изъ прикрасъ раждается и многое другое,—явныя подозрѣнія, неблаговременныя издержки, порицанія, поводы къ лихоимству. Для чего ты украшаешься, скажи мнѣ? Чтобы нравиться мужу? Такъ дѣлай это дома. А здѣсь выходитъ противное. Если хочешь нравиться своему мужу, — другимъ не нравься; а когда нравишься другимъ, — не можешь нравиться своему. Итакъ, выходя на площадь, или вступая въ церковь, ты должна была отложить всякое украшеніе. При томъ, не тѣмъ нравься мужу, чѣмъ нравятся и блудницы, но особенно тѣмъ, чѣмъ нравятся жены честныя. Чѣмъ, скажи мнѣ, отличается жена отъ блудницы? Тѣмъ, что эта смотритъ только на одно,—какъ бы красотою тѣла привлечь любимаго; а та и управляетъ домомъ, и обращается съ дѣтьми, и (завѣдываетъ) всѣмъ другимъ. Имѣешь ты дочурку: смотри, какъ бы не позаимствовала она отъ тебя чего вреднаго: дѣти любятъ поддѣлываться подъ нравы воспитателей

и подражать нравамъ матерей. Будь для твоей дочери примѣромъ цѣломудрія; украшайся этимъ украшеніемъ, а тѣмъ, смотри, пренебрегай. Это вѣдь и есть дѣйствительное украшеніе, а то — безобразіе. Довольно сказаннаго. Богъ, создавшій красоту и давшій намъ украшеніе души, да украситъ насъ и облечетъ своею славою, чтобы всѣ мы сіяли добрыми дѣлами и, живя во славу Его, возсылали славу Отцу и Сыну и Святому Духу.

БЕСѢДА XI.

373 **Въ премудрости ходите ко внѣшнимъ, время искупующе. Слово ваше (да бываетъ) всегда во благодати, солію растворено, вѣдѣти, како подобаетъ вамъ единому комуждо отвѣщавати (Кол. IV, 5, 6).**

1. То, что Христосъ говорилъ ученикамъ, внушаетъ теперь и Павелъ. Что же говорилъ Христосъ? *Се Азъ посылаю васъ яко овцы посредѣ волковъ. Будите убо мудри яко змія, и цѣли яко голубіе* (Мѳ. X, 16), т. е. бывайте осторожны, не подавая имъ никакого повода уловить васъ. Вѣдь для того и прибавлено: *ко внѣшнимъ*, чтобы мы знали, что по отношенію къ своимъ членамъ намъ не столько нужно осторожности, какъ по отношенію къ чужимъ. Гдѣ братья, тамъ бываетъ больше и снисходительности и любви. Но и здѣсь нужна осторожность, а тѣмъ болѣе между чужими, потому что жить между непріятелями и врагами не то, что между друзьями. Такъ какъ (своими словами апостолъ) устрашилъ, то посмотри, какъ онъ потомъ снова ободряетъ. *Время*, говоритъ, *искупующе*, т. е. настоящее время непродолжительно. Это онъ сказалъ, не того желая, чтобы они были перемѣнчивы и лицемѣрны,—такія качества свойственны не мудрости, а безумію,—но что? Вы не давайте, говоритъ онъ, уловлять себя въ такихъ дѣлахъ, которыя не наносятъ вреда. Это онъ говоритъ и въ посланіи къ римлянамъ: *воздадите всѣмъ должная: емуже урокъ, урокъ, емуже дань дань, емуже честь честь* (Рим. XIII, 7). Пусть, говоритъ, только изъ-за проповѣди будетъ у тебя борьба съ ними; ни отъ какой другой причины она не должна происходить,—потому что если у насъ будетъ съ ними вражда и изъ-за чего-нибудь еще другого, напримѣръ, если не станемъ платить податей, если не будемъ воздавать приличныхъ почестей, если не будемъ смиренны, то и намъ не будетъ награды, и они сами (враги наши) сдѣлаются хуже, и ихъ обвиненія противъ насъ будутъ казаться справедливыми. Не видишь ли ты, какъ былъ

уступчивъ Павелъ, когда это нисколько не вредило проповѣди? Послушай его словъ, сказанныхъ Агриппѣ: *непщую себе блаженна быти, яко предъ тобою отвѣщати днесь имамъ, паче же вѣдца тя* 374
суща всѣдый іудейскихъ обычаевъ и взысканій (Дѣян. XXVI, 2, 3). А если бы онъ считалъ необходимымъ говорить начальнику оскорбительныя слова, то испортилъ бы все дѣло. Послушай также, съ какою умѣренностію отвѣчаютъ іудеямъ тѣ, которые были съ блаженнымъ Петромъ: *повиноватися подобаетъ Богови паче, нежели человѣкомъ* (Дѣян. V, 29). Хотя люди, рѣшившіеся положить свою душу, могли бы и говорить дерзости и дѣлать все, что угодно, но вѣдь они рѣшились жертвовать жизнію не по тщеславію (это именно было бы тщеславіемъ!), а для того, чтобы проповѣдывать и чтобы о всемъ говорить смѣло, тщеславіе же показываетъ недостатокъ скромности. *Слово ваше (да бываетъ) всегда во благодати солію растворено*, т. е. ваша любезность пусть не доходитъ до того, чтобы она употреблялась безъ разбора: можно говорить любезно, но нужно дѣлать это съ должнымъ приличіемъ. *Вѣдѣти, како подобаетъ вамъ единому комуждо отвѣщавати*. Итакъ, не со всѣми должно говорить одинаковымъ образомъ, т. е., съ эллинами и съ братьями; нѣтъ,—это было бы большимъ безразсудствомъ. *Яже о мнѣ вся скажетъ вамъ Тихикъ, возлюбленный братъ и вѣренъ служитель и соработникъ о Господѣ* (ст. 7). О, каково благоразуміе Павлово! Онъ помѣщаетъ въ своихъ посланіяхъ не все, а что необходимо, въ чемъ настоятельная нужда. Это потому, во-первыхъ, что не хотѣлъ слишкомъ распространять (посланія); во-вторыхъ, съ цѣлью предоставить больше чести лицу, отходившему (съ посланіемъ), чтобы ему было что разсказать; въ-третьихъ, показывая, какъ самъ онъ къ нему расположенъ, потому что въ противномъ случаѣ не поручилъ бы ему этого. Наконецъ, было что-нибудь и такое, чего нельзя было объявлять письменно. *Возлюбленный братъ*, говоритъ онъ. Если возлюбленный, то онъ зналъ все, и (Павелъ) ничего не скрывалъ отъ него. *И вѣренъ служитель и соработникъ о Господѣ*. Если онъ вѣренъ, то ни въ чемъ не солжетъ; если сотрудникъ, то участвовалъ въ искушеніяхъ. Такимъ образомъ, (апостолъ) изобра- 375
зилъ все то, что дѣлало его достойнымъ довѣрія. *Егоже послахъ вамъ на сіе истое* (ст. 8). Здѣсь (апостолъ) показываетъ сильную любовь, такъ какъ по этому побужденію онъ и послалъ его и это было причиною его отправленія въ путь. То же говорилъ онъ, когда писалъ и къ ѳессалоникійцамъ: *тѣмже уже не терпяще, благоволихомъ остатися во Аѳинѣхъ едини, и послахомъ Тимоѳея, брата нашего* (1 Сол. III, 12). Того же самаго и по той же причинѣ онъ посылаетъ и къ ефесянамъ (Еф. VI, 22). *Да разумѣетъ*,

говоритъ онъ, *яже о васъ, и утѣшитъ сердца ваша* (ст. 8). Смотри, что онъ говоритъ: не говоритъ: чтобы узнать вамъ о моихъ дѣлахъ, но—чтобы мнѣ узнать о вашихъ; и вообще онъ нигдѣ не выставляетъ на видъ то, что касается собственно его. Онъ указываетъ также и на то, что они находятся въ искушеніяхъ, говоря: *да утѣшитъ сердца ваша. Со Онисимомъ вѣрнымъ и возлюбленнымъ братомъ, иже есть отъ васъ. Вся вамъ скажутъ, яже здѣ* (ст. 9). Это тотъ Онисимъ, о которомъ онъ говорилъ въ посланіи къ Филимону: *егоже азъ хотѣхъ у себе держати, да вмѣсто тебе служитъ ми во узахъ благовѣствованія: безъ твоея же воли ничтоже восхотѣхъ сотворити* (Филим. 13—14). Онъ присовокупляетъ нѣчто и въ похвалу городу, чтобы они не только не стыдились, но и ставили себѣ это въ честь: *иже есть отъ васъ*, говоритъ онъ. *Вся вамъ скажутъ, яже здѣ. Цѣлуетъ вы Аристархъ, сплѣнникъ мой* (ст. 9, 10).

2. Нѣтъ ничего выше такой похвалы. Это тотъ человѣкъ, который былъ вмѣстѣ съ нимъ уведенъ изъ Іерусалима. (Апостолъ) сказалъ болѣе, чѣмъ пророки: тѣ называли себя странниками и пришельцами, а онъ (называетъ себя) даже плѣнникомъ, потому что его, какъ плѣнника, водили и волочили, и всякій могъ наносить ему оскорбленія. А лучше сказать—ему было даже хуже (чѣмъ плѣнникамъ), потому что, когда враги захватятъ, то прилагаютъ затѣмъ большое попеченіе, заботясь какъ о своей собственности; а его, какъ врага и непріятеля, всѣ гнали и преслѣдовали — побоями, мученіями, оскорбленіями, клеветами. А для нихъ (его учениковъ) это служило утѣшеніемъ; когда и учитель находится въ подобныхъ же обстоятельствахъ, то для учениковъ получается болѣе утѣшенія. *Марко, анепсій Варнавинъ* (ст. 10). Онъ хвалитъ и этого (Марка) за его родство, такъ какъ Варнава былъ великій мужъ. *О немже пріясте заповѣди: аще пріидетъ къ вамъ, пріимите его* (ст. 10). Что же? Ужели безъ этого они и не приняли бы его? Конечно (приняли бы); но (апостолъ) выражаетъ желаніе, чтобы они сдѣлали это съ большимъ усердіемъ, и тѣмъ показываетъ, что этотъ человѣкъ былъ великій мужъ. Но откуда они приняли заповѣди, онъ не говоритъ. *И Іисусъ, нареченный Іустъ* (ст. 11). Можетъ быть, это былъ коринѳянинъ. Высказавши приличное каждому въ отдѣльности одобреніе, (апостолъ) наконецъ воздаетъ общую всѣмъ хвалу: *сущіи отъ обрѣзанія: сіи едини споспѣшницы во царство Божіе, иже быша мнѣ утѣшеніе* (ст. 11). Смотри, какъ онъ выставляетъ это на видъ и ободряетъ ихъ, чтобы, сказавши—*сплѣнникъ*, не ослабить духа въ слушателяхъ: *споспѣшницы во царство Божіе*, говоритъ онъ; такимъ образомъ участвующіе (съ нимъ) въ искушеніяхъ уча-

ствуютъ и въ царствѣ (Божіемъ). *Иже быша мнѣ утѣшеніе.* Отсюда видно, что это были великіе люди, какъ скоро они служили утѣшеніемъ для Павла. Но обратимъ вниманіе на благоразуміе Павла. *Въ премудрости*, говоритъ онъ, *ходите ко внѣшнимъ, время искупующе*, т. е. время это—не ваше, а ихъ; поэтому вы не ищите владычества, а искупайте время. И онъ не сказалъ просто: покупайте, но—искупайте время, давая понять, что такимъ 376
поведеніемъ вы иначе пріобрѣтаете его себѣ. Вѣдь крайне безразсудно выдумывать различные предлоги къ ссорамъ и враждѣ. Кромѣ того, что вы безъ нужды и безъ пользы подвергаете себя опасностямъ, отъ этого происходитъ и другой вредъ,—что эллины не присоединяются къ намъ. Когда ты находишься между братьями, то справедливо не имѣешь опасеній; но между чужими не такъ должно быть. Видишь, какъ онъ повсюду эллиновъ называетъ чужими. Поэтому и въ посланіи къ Тимоѳею онъ говорилъ: *подобаетъ же ему и свидѣтельство добро имѣти отъ внѣшнихъ* (1 Тим. III, 7); и опять: *что бо ми и внѣшнихъ судити?* *Въ премудрости*, говоритъ, *ходите ко внѣшнимъ*. Они—внѣшніе потому, что, хотя живутъ въ одномъ и томъ же съ нами мірѣ, но находятся внѣ царствія и отеческаго дома. Называя ихъ внѣшними, (апостолъ) чрезъ это выражаетъ вмѣстѣ и ободреніе для своихъ, какъ высказалъ онъ это выше: *животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ* (Кол. III, 3). Тогда, говоритъ, вы ищите славы, почестей, и всего другого, а теперь не ищите, но все имъ предоставляйте. Затѣмъ, чтобы ты не подумалъ, будто онъ говоритъ о деньгахъ, онъ прибавляетъ: *слово ваше всегда во благодати (да бываетъ), солію растворено, вѣдѣти како подобаетъ вамъ единому комуждо отвѣщавати.* Пусть, говоритъ, въ немъ не будетъ притворства, потому что это не будетъ благодать и не будетъ растворено солію. Напримѣръ: если тебѣ приходится оказать кому-нибудь услугу, и это будетъ безопасно (для спасенія), то не отказывайся; если обстоятельства требуютъ вѣжливаго разговора, то не считай этого дѣла за льстивость. Дѣлай все, относящееся къ чести, безъ вреда для благочестія. Не видишь ли ты, какъ служилъ нечестивому человѣку Даніилъ? Не видишь ли, съ какимъ благоразуміемъ обращались съ царемъ три отрока, показывая мужество и дерзновеніе, но ничего дерзкаго и оскорбительнаго? Послѣднее происходитъ не отъ дерзновенія, а отъ тщеславія. *Вѣдѣти*, говоритъ, *како подобаетъ вамъ единому комуждо отвѣщавати*, потому что иначе (должно отвѣчать) начальнику и иначе подчиненному, иначе богатому и иначе бѣдному. Почему такъ? Потому что у людей богатыхъ и у начальниковъ души бываютъ слабѣе, вспыльчивѣе и раздражительнѣе, такъ что здѣсь

требуется сдержанность: а у людей бѣдныхъ и находящихся подъ властію душа крѣпче и сосредоточеннѣе, такъ что здѣсь можно допустить и болѣе свободы (въ рѣчи), имѣя въ виду одну цѣль — назиданіе. Нужно уважать одного болѣе, другого менѣе—не потому, что одинъ богатъ, а другой бѣденъ, но по причинѣ немощи съ первымъ должно обращаться терпѣливо, а съ послѣднимъ не такъ. Напримѣръ: когда ты не имѣешь повода, то не называй эллина нечестивымъ и не дѣлайся обидчикомъ; но если тебя спросятъ объ ученіи вѣры, то отвѣчай, что это безбожно и нечестиво: когда же тебя никто не спрашиваетъ и не заставляетъ говорить, то не слѣдуетъ безъ причины поднимать вражду. Да и какая необходимость напрасно вооружать противъ себя? Опять: если ты наставляешь кого-нибудь вѣрѣ, то говори, что относится къ предмету, потомъ молчи. Если слово твое будетъ растворено солію, то хотя бы оно попало и въ раздражительную душу, произведетъ въ ней нѣжную привязанность, и хотя бы въ жестокую, умягчитъ ея суровость. Будь обходителенъ и не будь грубъ, но опять—и не слишкомъ слабъ, а имѣй твердость, соединенную съ пріятностью. Если будешь безъ мѣры строгъ, то сдѣлаешь болѣе
377 вреда, чѣмъ пользы; если будешь чрезмѣрно любезенъ, то доставишь болѣе печали, чѣмъ радости. Такъ должна быть мѣра во всемъ. Не будь суровымъ и угрюмымъ, потому что это непріятно; не будь и излишне веселымъ, потому что чрезъ это можно подпасть пренебреженію и презрѣнію; но усвояя то, что составляетъ совершенство въ томъ и другомъ, избѣгай недостатковъ, подобно пчелѣ заимствуя отъ одного веселость, а отъ другого—важность. Если врачъ неодинаково обходится съ тѣломъ каждаго, то тѣмъ болѣе учитель. Но тѣло еще легче выдержитъ негодное для него лѣкарство, чѣмъ душа—слово. Напримѣръ: приходитъ эллинъ и становится тебѣ другомъ. Ты не говори ему объ этомъ ничего, доколѣ онъ не сдѣлается твоимъ другомъ окончательно; а когда сдѣлается, то (веди рѣчь) постепенно.

3. Посмотри, съ какою рѣчью обратился къ нимъ (т. е. къ эллинамъ) самъ Павелъ, когда прибылъ въ Аѳины. Онъ не говорилъ имъ: о, беззаконники и нечестивцы! Но что (сказалъ)? *Мужіе Аѳинейстіи, по всему зрю вы аки благочестивыя* (Дѣян. xvii, 22). Но опять онъ не отказался и упрекнуть, когда это было нужно, и съ большимъ жаромъ говорилъ Елиму: *о исполненне всякія льсти и всякія злобы, сыне діаволь, враже всякія правды* (Дѣян. xiii, 10). Вѣдь какъ порицать (аѳинянъ) было безразсудно, такъ точно оставить безъ упрека (Елима) было бы малодушіемъ. Опять,—являешься ли ты къ начальнику по какому-нибудь дѣлу? Окажи ему приличную почесть. *Вся вамъ скажутъ, яже здѣ*, го-

воритъ онъ. Для чего, спросишь, они не пришли вмѣстѣ? А что значитъ: *вся вамъ скажутъ, яже здѣ?* Это значитъ: (скажутъ) объ узахъ и о всемъ другомъ, что меня удерживаетъ. Итакъ, при моемъ желаніи видѣть васъ, я, отправляя другихъ, и самъ не замедлилъ бы (къ вамъ), если бы важная необходимость не удерживала меня. И это развѣ не должно было утѣшить ихъ? И очень должно было утѣшить извѣстіе о томъ, что онъ подвергся искушеніямъ и мужественно перенесъ ихъ, должно было успокоить ихъ и ободрить ихъ души.

Со Онисимомъ, говоритъ, *возлюбленнымъ и вѣрнымъ братомъ.* Раба Павелъ называетъ братомъ, — и справедливо, потому что и себя онъ называетъ рабомъ вѣрныхъ. Отложимъ же всѣ гордость и подавимъ въ себѣ высокомѣріе. Павелъ, который стоитъ вселенной и тысячи небесъ, называетъ себя рабомъ, и ты ли много о себѣ думаешь? Тотъ, кто всѣмъ распоряжался и дѣйствовалъ, какъ хотѣлъ, кто имѣетъ преимущества въ царствѣ небесномъ, кто былъ увѣнчанъ, кто восшелъ на третье небо, называетъ рабовъ братьями и сорабами. Гдѣ безумная гордость? Гдѣ высокомѣріе? Вотъ сколько достоинъ былъ довѣрія Онисимъ, что ему и это было повѣрено. *И Марко*, говоритъ, *анепсій Варнавинъ, о немже пріясте заповѣди: пріимите его.* Можетъ быть, они отъ Варнавы приняли заповѣди. *Сущіи отъ обрѣзанія.* Онъ укрощаетъ гордость іудеевъ, а ихъ ободряетъ тѣмъ, что *сущихъ отъ обрѣзанія* немного, а большая часть (вѣрныхъ)—изъ язычниковъ. *Иже быша ми утѣшеніе*, говоритъ. Онъ показываетъ, что находится въ великихъ искушеніяхъ. Итакъ, это не малое дѣло, когда мы утѣшаемъ святыхъ и присутствіемъ, и словомъ, и постоянною заботливостію объ нихъ, когда вмѣстѣ съ ними переносимъ несчастія (съ узниками, говоритъ онъ, какъ бы узники); если мы принимаемъ на себя ихъ страданія, то будемъ участниками ихъ и въ вѣнцахъ. Ты не приведенъ на поприще? Ты не вышелъ на борьбу? Другой сражается; но если захочешь, будешь участни- 378
комъ и ты: ободряй его въ борьбѣ, будь ему другъ и сотрудникъ, провозглашай о его подвигахъ, возбуждай его силы, укрѣпляй духъ. Такъ слѣдуетъ поступать въ отношеніи ко всѣмъ другимъ: вѣдь самъ Павелъ не имѣлъ нужды (въ такомъ участіи), а говорилъ объ этомъ (о своихъ искушеніяхъ) съ цѣлью ихъ ободрить. Такъ и ты относись ко всѣмъ другимъ: заграждай уста тѣмъ, кто захотѣлъ бы злословить (находящагося въ искушеніяхъ брата), пріобрѣтай ему друзей и, если онъ выйдетъ— принимай его съ особеннымъ усердіемъ: такимъ образомъ ты будешь участникомъ и вѣнцовъ, и славы. Хотя бы ты ничего больше не сдѣлалъ, а только сталъ бы радоваться о томъ, что дѣлается,

—и то уже ты принялъ участіе, и не какое-нибудь, потому что оказалъ любовь, которая есть главнѣйшее изъ всѣхъ благъ. Если плачущіе, представившись раздѣляющими чужую скорбь, одними своими слезами много утѣшаютъ и значительно облегчаютъ горесть, то тѣмъ болѣе удовольствія долженъ доставлять другимъ тотъ, кто радуется съ ними. А какъ велико несчастіе—не видѣть къ себѣ состраданія, объ этомъ послушай пророка, который говоритъ: *ждахъ соскорбящаго, и не бѣ* (Псал. LXVIII, 21). Поэтому и Павелъ говоритъ: *радоватися съ радующимися и плакати съ плачущими* (Рим. XII, 15). Усиливай радость; если видишь, что братъ твой пользуется доброй славой, не говори: „вѣдь слава принадлежитъ ему, изъ-за чего же мнѣ-то радоваться?“ Такъ говоритъ можетъ не братъ, а врагъ. Если угодно, эта слава—не его, а твоя: отъ тебя зависитъ увеличить ее, какъ скоро ты отъ этого не сдѣлаешься угрюмымъ, а будешь радоваться, веселиться и торжествовать. А что это дѣйствительно такъ, видно изъ слѣдующаго. Завистники завидуютъ не только тѣмъ людямъ, которые пользуются добрымъ мнѣніемъ, но и тѣмъ, которые радуются ихъ доброй славѣ; значитъ они понимаютъ, что и эти послѣдніе тоже заслуживаютъ добраго мнѣнія,—какъ и дѣйствительно, ихъ-то особенно и стóитъ уважать. Одинъ даже краснѣетъ, когда выслушиваетъ большія себѣ похвалы, а другой получаетъ отъ этого особенное удовольствіе и возвышается въ собственныхъ глазахъ. Развѣ не знаете, какъ бываетъ у борцовъ: одинъ удостоивается вѣнка, другой его не удостоивается, а печаль и радость отъ этого бываетъ ихъ друзьямъ и врагамъ: они скачутъ и прыгаютъ. Видишь, что значитъ не имѣть зависти: иной трудится, а ты получаешь удовольствіе; иному надѣваютъ вѣнокъ, а ты прыгаешь и ликуешь. Скажи мнѣ: побѣду иной одержалъ, — зачѣмъ же ты торжествуешь? Но и они (завистники) хорошо понимаютъ, что это дѣло общее. Потому завистники не возстаютъ противъ того (человѣка, который одержалъ побѣду), а стараются унизить его побѣду, и ты слышишь отъ нихъ такія слова: я уничтожилъ тебя, или: я посрамилъ тебя,—хотя дѣло не твое, а похвала тебѣ. Если же въ отношеніи къ внѣшнимъ такъ хорошо бываетъ не имѣть зависти и близко принимать къ сердцу блага другого, то тѣмъ болѣе въ отношеніи побѣды надъ діаволомъ, потому что тогда именно онъ большею яростію дышетъ противъ насъ, когда очевидно, что мы больше веселимся. Хотя онъ и погрязъ во злѣ, ясно однакожъ видитъ, что эта радость больше. Хочешь ли заставить его печалиться? Веселись и радуйся. Хочешь ли порадовать его? Будь унылъ; своимъ уныніемъ ты облегчаешь скорбь, которую причинила ему побѣда твоего брата; вмѣстѣ съ нимъ

становишься противникомъ твоего брата; дѣлаешь зло большее, чѣмъ онъ. Не все вѣдь равно—будучи врагомъ, дѣйствовать повражески, и — будучи пріятелемъ, стоять за враговъ; этотъ (послѣдній) и есть самый ненавистный врагъ. Если братъ твой пріобрѣлъ себѣ добрую славу своимъ ли словомъ, умѣньемъ ли держать себя, или своими поступками, ты раздѣляй съ нимъ его 379
добрую славу, покажи, что онъ—часть твоя.

4. Но какъ же? скажешь ты; вѣдь не обо мнѣ идетъ хорошая слава? Не говори никогда такъ, закрой уста. Если бы ты былъ подлѣ меня и сталъ говорить такъ, я закрылъ бы тебѣ уста рукою, чтобы не услышалъ врагъ. Часто мы враждуемъ другъ съ другомъ, но не подаемъ виду предъ врагами; а ты обнаруживаешь это діаволу. Не говори такъ, не имѣй даже и такой мысли: напротивъ (говори): онъ часть моя, слава отъ него переносится и на все тѣло. Но скажешь: зачѣмъ же внѣшніе не имѣютъ такихъ расположеній? Этому виною—ты. Когда они видятъ, что ты чуждаешься ихъ радости, то и сами чуждаются. Если бы они видѣли, что ты считаешь (ихъ радость) своею, то не посмѣли бы (вести себя такъ). Но впрочемъ и ты такъ же славенъ, (какъ и братъ твой). Ты не пріобрѣлъ славы краснорѣчіемъ, зато участіемъ въ чужой радости ты заслужилъ ее въ большей степени, чѣмъ тотъ. Если любовь есть дѣло важное и вершина всего, то ты пріобрѣлъ вѣнецъ за любовь: онъ — за искусство краснорѣчія, а ты—за сильную любовь; онъ выказалъ силу слова, а ты дѣломъ побѣдилъ зависть, подавилъ недоброжелательство, и за это по справедливости увѣнчанъ болѣе, чѣмъ онъ. Твой подвигъ славнѣе; ты не только подавилъ зависть, но сдѣлалъ и нѣчто другое; онъ имѣетъ одинъ только вѣнецъ, а ты—два, и оба они блистательнѣе, чѣмъ (его) одинъ. Какіе же это (вѣнцы)? Одинъ, который ты пріобрѣлъ (въ борьбѣ) противъ зависти, другой, которымъ увѣнчался за любовь. Сорадованіе служитъ доказательствомъ не только того, что ты чистъ отъ зависти, но и того, что въ сердцѣ твоемъ укоренилась любовь. Его часто отягощаетъ и человѣческая страсть тщеславія, а ты свободенъ отъ всякой страсти, потому что, если бы въ тебѣ было тщеславіе, ты не радовался бы счастію другого. Скажи мнѣ: онъ возвысилъ Церковь, увеличилъ собраніе (церковное)? Опять похвали его: ты имѣешь двойное право на вѣнецъ, потому что побѣдилъ зависть и украсился любовію. Да, я прошу и умоляю. Хочешь ли услышать и о третьемъ вѣнцѣ? Ему рукоплещутъ люди—на землѣ, а тебѣ ангелы — на небѣ. Вѣдь не все равно — отличаться краснорѣчіемъ, и побѣждать страсти. За первое похвала временная, за послѣднее—вѣчная; за первое—отъ людей,

за послѣднее — отъ Бога. Тотъ (кто славится краснорѣчіемъ) увѣнчивается явно, а ты увѣнчиваешься втайнѣ, гдѣ видитъ тебя Отецъ твой. Если бъ можно было, отрѣшившись отъ тѣла, видѣть душу каждаго, то я показалъ бы тебѣ, что этотъ послѣдній почтеннѣе, чѣмъ первый, и сіяетъ больше противъ него. Будемъ же, возлюбленные, подавлять въ себѣ завистливыя побужденія; воспользуемся выгодами, отсюда происходящими; возложимъ вѣнецъ сами на себя.

Завистникъ идетъ противъ Бога, а не противъ того (кому онъ завидуетъ). Когда онъ видитъ, что кто-нибудь пользуется добрымъ расположеніемъ (у людей), и огорчается этимъ, и желаетъ
390 разорить Церковь, онъ идетъ не противъ этого человѣка, а противъ Бога. Скажи, въ самомъ дѣлѣ, если бы кто сталъ украшать царскую дочь, чтобы этимъ убранствомъ сдѣлать ее почтеннѣе и доставить ей возможность пользоваться между людьми уваженіемъ, а другой кто-нибудь захотѣлъ бы обезобразить ее и его лишить возможности украсить ее, то противъ кого онъ возсталъ бы, противъ него ли, или противъ нея и отца ея? Такъ и ты, завистникъ, идешь противъ Церкви, возстаешь противъ Бога; какъ скоро съ доброю славою твоего брата соединена польза самой Церкви, то съ уничтоженіемъ первой необходимо разрушается и послѣдняя, такъ что чрезъ это, дѣйствуя во вредъ тѣлу Христову, ты совершаешь сатанинское дѣло. Ты досадуешь на того, кто не причинилъ тебѣ никакого оскорбленія, а еще болѣе—на самого Христа. Что Онъ сдѣлалъ тебѣ, что ты не даешь Его тѣлу процвѣсть красотою, не даешь Его невѣстѣ явиться въ своемъ убранствѣ? Но посмотри, какое и наказаніе. Ты радуешь враговъ своихъ, и даже того, кто пріобрѣлъ добрую славу и кому ты, по зависти, стараешься причинить огорченіе, заставляешь напротивъ радоваться, потому что своею завистію еще очевиднѣе доказываешь, что онъ дѣйствительно возбудилъ хорошее о себѣ мнѣніе (иначе тебѣ нечему было бы и завидовать), еще яснѣе обнаруживаешь, что для тебя это сущее наказаніе. Мнѣ стыдно представлять вамъ такіе доводы; но, такъ какъ мы находимся въ такомъ опасномъ положеніи, то хотя бы послѣ такихъ вразумленій избавиться намъ отъ этой пагубной страсти. Ты досадуешь, что онъ пріобрѣлъ добрую славу? Зачѣмъ же ты еще увеличиваешь славу его своею завистію? Ты желаешь отмстить ему? Зачѣмъ же показываешь, что самъ ты мучишься? Зачѣмъ вызываешь наказаніе скорѣе на себя, чѣмъ на того, чьей славы ты не терпишь? Наконецъ, для него будетъ двойная радость, а для тебя— (двойное) наказаніе: прежде всего ты своею завистію не только свидѣтельствуешь о его большихъ достоинствахъ, но и

доставляешь ему другое удовольствіе, потому что караешь самъ себя; а потомъ еще онъ радуется тому, что тебѣ причиняетъ досаду, и радуется именно вслѣдствіе твоей зависти. Видишь, какіе жестокіе удары наносимъ мы сами себѣ, и не чувствуемъ. Но онъ врагъ. А почему врагъ? Какую обиду онъ нанесъ? Однакоже славѣ врага мы придаемъ новый блескъ, а самихъ себя болѣе мучимъ. Опять, мы находимъ сами себѣ наказаніе въ томъ, когда чувствуемъ, что ему это извѣстно. Онъ вѣдь, можетъ быть, и не радуется; а мы, думая, что онъ радуется, этимъ тоже мучимся. Итакъ, перестань завидовать. Зачѣмъ наносить раны себѣ самому? Возлюбленные! Будемъ имѣть въ виду все это,—и двоякій вѣнецъ для людей независтливыхъ, т. е. похвалу отъ людей и отъ Бога, и то зло, какое происходитъ отъ зависти,—и тогда мы въ состояніи будемъ умертвить этого звѣря, пріобрѣсть славу у Бога, и получить то же самое, чего достигаютъ люди, удостоившіеся славы. Быть можетъ, и получимъ; а если и не получимъ, то для нашей же пользы не получимъ; вѣдь и безъ того намъ можно будетъ пожить во славу Божію и сподобиться благъ, обѣщанныхъ любящимъ Его, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Св. Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XII.

Цѣлуетъ вы Епафрасъ, иже отъ васъ рабъ Христа, всегда подвизаяйся о васъ въ молитвахъ, да будете совершенни и исполнени во всякой воли Божіей. Свидѣтельствую бо о немъ, яко имать ревность многу о васъ и о сущихъ въ Лаодикіи и во Іераполи (Кол. IV, 12, 13). 379—380

1. И въ началѣ посланія (апостолъ) рекомендуетъ этого человѣка со стороны любви; а о любви свидѣтельствуетъ и то, что, въ похвалу ему, сказалъ онъ сначала: *иже и яви*, говоритъ, 381
намъ вашу любовь въ дусѣ (I, 8). О любви также свидѣтельствуетъ и любовь къ нему возбуждаетъ и то еще, что онъ молится за нихъ. А рекомендуетъ его онъ съ цѣлію споспѣшествовать его проповѣди,—потому что, когда наставникъ человѣкъ почтенный, то это полезно и для учениковъ, и опять же словами: *отъ васъ* внушается имъ то, что они должны гордиться такимъ человѣкомъ, тѣмъ, что изъ нихъ выходятъ такіе люди. *И всегда*, говоритъ, *подвизаяйся о васъ въ молитвахъ*. Не просто сказалъ: который молится,

но—*подвизаяйся*, съ трепетомъ и страхомъ. *Свидѣтельствую бо о немъ*, говоритъ, *яко имать ревность многу о васъ*. Достовѣрный свидѣтель! *Яко имать*, говоритъ, *ревность многу о васъ*, т. е. что онъ васъ пламенно любитъ, что имѣетъ къ вамъ сильную привязанность. *И о сущихъ въ Лаодикіи*, говоритъ, *и въ Іераполи*. И этимъ его рекомендуетъ. Но откуда они могли это знать? Конечно, они могли слышать; но достовѣрно узнали, когда стали читать это посланіе: *сотворите*, говоритъ онъ, *да и въ Лаодикійстѣй церкви прочтено будетъ* (ст. 16). *Да будете*, говоритъ, *совершенни*. Здѣсь онъ въ одно и то же время и обличаетъ ихъ, и слегка убѣждаетъ, и подаетъ имъ совѣтъ. Вѣдь возможно и быть совершеннымъ, и не стоять, когда кто знаетъ все, а между тѣмъ еще колеблется. Возможно и не быть совершеннымъ и стоять, когда кто знаетъ только часть, а стоитъ, хоть и нетвердо. Но онъ желаетъ и того и другого, *да будете* (ἵνα στῆτε—да станете), говоритъ, *совершенни*. Посмотри, какъ онъ снова напомнилъ имъ слово объ ангелахъ, и о жизни. *И исполнени*, говоритъ, *во всякой воли Божіей*. Недостаточно—исполнять лишь волю (Божію). Вполнѣ узнавшій (волю Божію) не допуститъ, чтобы у него была другая воля: иначе онъ не вполнѣ узналъ ее. *Свидѣтельствую бо*, говоритъ, *о немъ, яко имать ревность многу. Ревность*, да еще *многу*: тутъ каждое слово имѣетъ вѣсъ; такъ и о себѣ въ посланіи къ коринѳянамъ онъ говоритъ: *ревную бо по васъ Божіею ревностію* (2 Кор. XI, 2). *Цѣлуетъ вы Лука врачь возлюбленный* (ст. 14). Это—евангелистъ. Онъ ставитъ его послѣ (Епафраса), не унижая его этимъ, а только возвышаетъ Епафраса. Конечно, были вѣдь и другіе, которые носили это же имя. *И Димасъ*. Сказавъ: *цѣлуетъ вы Лука врачь*, прибавилъ: *возлюбленный*. И это—немаловажная похвала, а напротивъ слишкомъ большая—быть возлюбленнымъ Павла. *Цѣлуйте братію, сущую въ Лаодикіи, и Нимфана и домашнюю его церковь* (ст. 15). Посмотри, какъ онъ ихъ сближаетъ, какъ привязываетъ ихъ другъ къ другу: онъ не только посылаетъ имъ съ этою цѣлію свой привѣтъ, но и ведетъ съ ними переписку. А потомъ еще онъ показываетъ расположеніе свое (къ Нимфану) тѣмъ, что обращается къ нему особо. Дѣлаетъ же это не безъ намѣренія, но чтобы и въ другихъ пробудить соревнованіе: вѣдь что-нибудь да значитъ, когда отличаютъ кого отъ другихъ. Между тѣмъ посмотри,—изъ словъ его видно, что это былъ человѣкъ знаменитый, такъ какъ домъ его служилъ церковію. *И егда прочтется посланіе сіе у васъ, сотворите, да и въ Лаодикійстѣй церкви прочтено будетъ* (ст. 16). Мнѣ кажется, что здѣсь было написано что-нибудь такое, что нужно было слышать и этимъ (лаодикійцамъ) и для нихъ отсюда проистекала

тѣмъ большая польза, когда изъ обличенія, направленнаго про- 382
тивъ другихъ, они узнавали свои собственные недостатки. *И написанное отъ Лаодикіи да и вы прочтете* (ст. 16). Нѣкоторые утверждаютъ, что (здѣсь разумѣется) не посланіе Павла къ нимъ (лаодикійцамъ), а ихъ посланіе къ Павлу; въ самомъ дѣлѣ, онъ не сказалъ: написанное къ лаодикійцамъ, а говоритъ: *написанное отъ Лаодикіи. И рцыте Архиппу: блюди служеніе, еже пріялъ еси о Господѣ, да довершиши е* (ст. 17). Зачѣмъ онъ не пишетъ къ нему? Вѣроятно въ этомъ не было нужды, а нужно было только одно легкое напоминаніе, чтобы онъ былъ ревностнѣе. *Цѣлованіе моею рукою Павлею* (ст. 18). Вотъ доказательство близости и пріязни,— что они, видя его письма, питали къ нимъ какое-то особенное чувство. *Поминайте мои узы* (ст. 18). О, какое утѣшеніе! Этого было довольно, чтобы заставить ихъ дѣлать все, что угодно, чтобы вдохнуть въ нихъ благородную рѣшимость на всѣ подвиги; и не только это придавало имъ мужества, но и тѣснѣе соединяло ихъ между собою. *Благодать со всѣми вами. Аминь.*

2. Большая похвала,—даже больше всякой другой похвалы,— что онъ объ Епафрасѣ выражается такимъ образомъ: *иже отъ васъ рабъ Іисуса Христа.* Онъ называетъ его еще служителемъ ихъ, подобно тому, какъ и самого себя называетъ служителемъ Церкви, когда говоритъ: *ейже быхъ азъ служитель* (I, 25). Въ это же достоинство онъ возводитъ и этого человѣка: выше онъ называлъ его сорабомъ, здѣсь—рабомъ. *Иже отъ васъ*, говоритъ. Какъ будто онъ бесѣдуетъ съ матерью и говоритъ ей: вѣдь отъ твоей утробы! Но эта похвала могла породить зависть. Поэтому онъ рекомендуетъ его не съ этой только стороны, а и со стороны того, что относилось уже собственно къ нимъ. И тамъ онъ устраняетъ зависть, и здѣсь. *Всегда*, говоритъ, *подвизаяйся о васъ:* не теперь только у насъ—чтобы показать себя, и не у васъ только—чтобы показать себя вамъ. Сказавъ: *подвизаяйся*, онъ выразилъ этимъ особенное усердіе (Епафраса). Затѣмъ, чтобы не показалось кому, будто онъ имъ льститъ,—онъ присовокупилъ: *яко иматъ ревность многу о васъ, и о сущихъ въ Лаодикіи, и въ Іераполи.* Равнымъ образомъ и слова: *да будете совершенни* также не заключаютъ въ себѣ нисколько лести, а напротивъ, какъ нельзя болѣе естественны въ устахъ достопочтеннаго наставника. *Исполнени*, говоритъ, и *совершенни.* Первое онъ далъ имъ (т. е. исполнилъ ихъ познаніями вѣры), а послѣдняго (совершенства), по его словамъ, у нихъ недостаетъ еще. И не сказалъ: чтобы вы не колебались, но: чтобы стояли. Между тѣмъ привѣтствія, получаемыя ими отъ многихъ, успокоивали ихъ увѣренностію, что объ нихъ помнятъ не только свои люди, изъ числа ихъ же самихъ, но и другіе. *И рцыте*

Архиппу: блюди служеніе, еже пріялъ еси о Господѣ. Онъ подчиняетъ ихъ ему. Они уже не могли болѣе жаловаться на него, зачѣмъ онъ обличаетъ ихъ, когда сами все приняли: вѣдь это неправильно, если ученики судятъ о своемъ учителѣ. Чтобы заградить имъ уста, онъ и пишетъ это. *Рцыте*, говоритъ, *Архиппу: блюди* (βλέπε, смотри). Это слово всегда заключаетъ въ себѣ предостереженіе,—какъ напр. говорится: *блюдитеся отъ псовъ* (Филип. ш, 2); *блюдитеся, да никтоже васъ будетъ прелщая* (Кол. ц, 8); *блюдите, да не како власть ваша сія претыкновеніе будетъ немощнымъ* (1 Кор. vш, 9); и вообще всегда такъ говорятъ, когда предостерегаютъ. *Блюди*, говоритъ, *служеніе, еже пріялъ еси о Господѣ, да довершиши е.* Не позволяетъ ему быть господиномъ, какъ и о себѣ сказалъ: *аще убо волею сіе творю, мзду имамъ: аще же неволею, строеніе ми есть предано* (1 Кор. ıx, 17). *Да довершиши е*,—
383 постоянно прилагая свое стараніе. *Еже пріялъ еси о Господѣ.* Вотъ опять—*о (Господѣ)* значитъ то же, что—чрезъ Господа. Онъ, то есть, возложилъ на тебя эту обязанность, а не мы. И ихъ онъ подчиняетъ ему, показывая, что онъ данъ имъ самимъ Богомъ. *Поминайте моя узы. Благодать съ вами. Аминь.* Онъ уничтожилъ страхъ. Если учитель и въ узахъ,—за то благодать его разрѣшаетъ. И это дѣло благодати,—что она попустила ему сдѣлаться узникомъ. Послушай, какъ говоритъ Лука: апостолы возвратились *отъ лица собора радующеся, яко за имя Его сподобишася безчестіе пріяти* (Дѣян. v, 41). И дѣйствительно, чтобы принять (за Христа) безчестіе и узы,—этого нужно еще сподобиться. Если тотъ, у кого есть любимый человѣкъ, считаетъ находкою для себя—потерпѣть что нибудь изъ-за него, то тѣмъ большее (счастіе страдать) за Христа.

Не будемъ же досадовать на оскорбленія за Христа, но будемъ и мы вспоминать узы Павловы,—пусть это (воспоминаніе) будетъ служить для насъ ободреніемъ. Положимъ, напримѣръ,—ты убѣждаешь кого-нибудь подавать бѣднымъ Христа ради: напомни этимъ (людямъ) узы Павловы, скажи имъ, что вотъ мы съ тобою—люди несчастные, если онъ предалъ свое тѣло узамъ ради Его (Христа), а ты не хочешь подѣлиться и пищею. Или ты уже сталъ великъ по своимъ дѣламъ? Вспомни узы Павловы, вспомни, что ты не потерпѣлъ еще ничего подобнаго,—и ты перестанешь превозноситься. Тебѣ захотѣлось того, что имѣетъ твой ближній? Вспомни узы Павловы, и ты увидишь, какая тутъ несообразность,—когда онъ въ несчастіи, а ты живешь въ свое удовольствіе. Но все-таки тебѣ сильно хочется удовольствій? Такъ приведи же себѣ на память темницу Павлову. Ты ученикъ его, ты—соратникъ его. Есть ли тутъ здравый смыслъ—когда

твой соратникъ въ узахъ, а ты наслаждаешься удовольствіями? Или тебя постигло огорченіе, ты считаешь себя покинутымъ? Послушай словъ Павловыхъ, и ты увидишь, что терпѣть огорченія еще не значитъ быть покинутымъ. Тебѣ желательно носить шелковое платье? Вспомни узы Павловы, и все это тебѣ покажется презрѣннѣе самаго грязнаго рубища. Ты хочешь надѣть золотыя украшенія? Приведи на память узы Павловы, и тогда покажется тебѣ, что все это нисколько не лучше старой веревки. Или ты захотѣла убрать свои волосы и казаться красавицей? Подумай о томъ, какой жалкій видъ имѣлъ Павелъ въ темницѣ, и повѣрь,— ты воспламенишься (любовію) къ той красотѣ, а эту будешь считать крайнимъ безобразіемъ, и тяжело будешь вздыхать объ этихъ вожделѣнныхъ узахъ. Хочешь подкрасить себя притираніями, румянами и еще чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ? Подумай объ его слезахъ: три года, день и ночь, онъ плакалъ безпрестанно. Вотъ этимъ украшеніемъ лучше укрась свои щеки; эти слезы придадутъ имъ блестящую красоту. Я не требую, чтобы ты плакала о другихъ,—хотѣлось бы правда и этого, но это превышаетъ твои силы,—по крайней мѣрѣ прошу тебя плакать о своихъ грѣхахъ. Ты приказала связать своего слугу, ты разгнѣвалась, разгорячилась? Вспомни объ узахъ Павловыхъ, и у тебя въ ту же минуту пройдетъ гнѣвъ. Припомни только, что мы сами принадлежимъ къ числу связанныхъ, а не тѣхъ, которые вяжутъ, — къ числу сокрушенныхъ сердцемъ, а не тѣхъ, которые приводятъ въ сокрушеніе. Ты слишкомъ развеселилась, расхохоталась? Приведи себѣ на мысль его рыданія и вздохи; эти слезы сдѣлаютъ тебя несравненно прекраснѣе. Увидала пирующихъ и пляшущихъ? Вспомни его слезы: какой источникъ выпустилъ изъ себя столько потоковъ, сколько эти глаза — слезъ? Помните, говоритъ онъ (Дѣян. xx, 31), мои слезы, подобно тому, какъ здѣсь — узы. И 384
справедливо онъ сказалъ имъ это, когда призвалъ ихъ изъ Ефеса въ Милетъ. Онъ говорилъ съ наставниками: отъ тѣхъ требовалъ онъ того, чтобы они собирали (вѣрующихъ), а отъ этихъ только, чтобы переносили опасности.

3. Какой источникъ ты хотѣлъ бы сравнить съ этими слезами? Тотъ, который былъ въ раю и орошалъ всю землю? Но между тѣмъ и другимъ нѣтъ никакого сравненія, потому что этотъ источникъ слезъ напаялъ души, а не землю. Если бы кто показалъ намъ Павла плачущаго и вздыхающаго, то не правда ли, что гораздо пріятнѣе было бы смотрѣть на него, чѣмъ на безчисленный сонмъ (людей), украшенныхъ блестящими вѣнцами? Не говорю уже о васъ; но если бы даже кто привелъ изъ театра, прямо со сцены какого-нибудь самаго необузданнаго человѣка,

воспламененнаго до безумія плотскою любовію, и показать ему непорочную дѣвицу въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, которая превосходитъ своихъ сверстницъ и красотою лица, и стройностью прочихъ частей, и другими достоинствами, которая имѣетъ взоръ нѣжный и томный, слегка углубленный, слегка разсѣянный, взоръ влажный, кроткій, ясный, улыбающійся, полный робкой стыдливости и вмѣстѣ великой прелести, взоръ, увѣнчанный сверху и снизу темными рѣсницами,—показалъ бы дѣвицу что называется съ душею, у которой ясное чело, а ланита подъ челомъ съ розовымъ оттѣнкомъ, которая стройна, точно вытесанная изъ мрамора,—а потомъ показалъ бы мнѣ Павла въ слезахъ,—я оставилъ бы ее и бросился бы смотрѣть на него, такъ какъ въ его глазахъ сіяла бы духовная красота. Та красота приводитъ души молодыхъ людей въ восторгъ, воспламеняетъ ихъ, сжигаетъ, а эта напротивъ укрощаетъ; кто смотритъ въ глаза этого человѣка, тотъ дѣлаетъ глазъ своей души прекраснѣе, укрощаетъ чрево, исполняется любомудрія, становится человѣкомъ въ высшей степени сострадательнымъ, и можетъ смягчить даже адамантовое сердце. Этими слезами орошается Церковь, ими возращаются души. Будь огонь, даже чувственный и плотской, эти слезы могутъ погасить его, эти слезы погашаютъ разженныя стрѣлы лукаваго. Такъ будемъ же вспоминать объ его слезахъ, и тогда все въ настоящей жизни покажется намъ смѣшнымъ. Эти слезы ублажалъ Христосъ, когда говорилъ: блаженны плачущіе, блаженны рыдающіе, потому что они будутъ смѣяться. Эти слезы проливалъ Исаія, проливалъ и Іеремія; одинъ говорилъ: *оставите мене, да горцѣ восплачуся* (Иса. ххп, 4), а другой взывалъ: *кто дастъ главѣ моей воду и очесемъ моимъ источникъ слезъ* (Іерем. іх, 1)?—какъ будто естественнаго (источника) было мало. Нѣтъ ничего сладостнѣе этихъ слезъ; онѣ пріятнѣе всякаго смѣха. Пусть же будетъ извѣстно тѣмъ, которые проливаютъ слезы, какъ много утѣшенія въ нихъ заключается. Мы не должны считать ихъ чѣмъ-нибудь для себя непріятнымъ, а напротивъ крайне желательнымъ. Будемъ же вспоминать эти слезы, эти узы, не для того, чтобы другіе грѣшили, а для того, чтобы намъ чувствовать сокрушеніе при видѣ ихъ грѣховъ. Можетъ быть, эти слезы текли отчасти и вслѣдствіе узъ: чувствовать удовольствіе отъ узъ ему не позволяла смерть тѣхъ погибшихъ (людей), которые наложили на него эти узы. И о нихъ онъ соболѣзновалъ: вѣдь это былъ ученикъ Того, Кто
365 оплакивалъ іудейскихъ священниковъ не потому, что они имѣли Его распять, но потому, что они сами погибали. А этотъ (Учитель) не самъ только поступаетъ такимъ образомъ, но убѣждаетъ къ тому и другихъ словами: *не плачитеся о мнѣ, дщери Іеруса-*

лимская (Лук. xxiii, 28). Эти глаза видѣли рай, видѣли третье небо: но я называю ихъ блаженными не столько потому, что они это видѣли, сколько—за эти слезы, за которыя они узрѣли Христа, а это—дѣйствительно блаженство! Онъ и самъ ставитъ это для себя за большую честь, когда говоритъ: *не Іисуса Христа ли Господа нашего видѣхъ* (1 Кор. ix, 1)? Но еще большее блаженство заключается въ этомъ плачѣ. Того видѣнія удостоивались многіе, да и тѣхъ, которые не сподобились его, Христосъ все же называетъ блаженными, когда говоритъ: *блажени невидѣвшіи и вѣровавшие* (Іоан. xx, 29); а это (плакать ради Христа) доставалось не многимъ. Если оставаться ради Христа здѣсь нужнѣе для спасенія другихъ, чѣмъ разрѣшиться, чтобы потомъ быть съ Нимъ, то естественно, что и видѣть Его—дѣло не такой важности, какъ соболѣзновать о другихъ. Если даже быть въ геевнѣ ради Него—большее благо, чѣмъ быть съ Нимъ, и отдѣлиться отъ Него ради Него—гораздо привлекательнѣе, чѣмъ быть постоянно съ Нимъ,—это самое и разумѣлъ (Павелъ), когда говорилъ: *молилбыхся бо самъ азъ отлученъ быти отъ Христа* (Рим. ix, 3),—то тѣмъ болѣе (желалъ онъ) проливать ради Него слезы. *Не престаяхъ*, говоритъ онъ, *уча со слезами единаго когождо васъ* (Дѣян. xx, 31). Почему? Не потому, что боялся опасностей, но—подобно тому, кто сидитъ при больномъ и, не зная исхода болѣзни, плачетъ вслѣдствіе сильной привязанности къ нему, изъ опасенія, чтобы онъ не умеръ—и онъ, когда видѣлъ больного (духовно) и не имѣлъ возможности вразумить его, начиналъ плакать. Такъ и Христосъ поступалъ для того, чтобы по крайней мѣрѣ постыдились Его слезъ. Напримѣръ, если кто согрѣшалъ, Онъ сначала вразумлялъ его; но если вразумляемый плевалъ на Него и отходилъ прочь,—тогда Онъ плакалъ, чтобы хоть этимъ способомъ привлечь его къ себѣ.

4. Будемъ вспоминать эти слезы. Будемъ воспитывать такимъ образомъ своихъ дочерей и своихъ сыновей,—проливая слезы, когда видимъ ихъ дурное поведеніе. Которыя хотятъ, чтобы ихъ любили, пусть вспоминаютъ слезы Павловы,—и сокрушаются сердцемъ. Если вы считаетесь счастливыми, если живете въ чертогахъ, если пользуетесь удовольствіями,—вспоминайте эти слезы. Если вы испытываете горе,—прогоняйте слезы слезами; онъ плакалъ не объ умершихъ, а объ живыхъ, которые шли на погибель. Укажу вамъ еще и на другія слезы. И Тимоѳей проливалъ слезы, потому что онъ былъ ученикъ его (Павла). Потому (Павелъ) и писалъ ему: *поминая слезы твоя, да радости исполнюся* (2 Тим. i, 4). Многіе плачутъ навзрыдъ и отъ радости; слѣдовательно слезы бываютъ и слѣдствіемъ радости, и при томъ самой сильной

радости. Послѣ этого, конечно, не бываютъ тяжелы и слезы, если онѣ происходятъ отъ такой радости; но и эти слезы, происходящія отъ мірской радости, далеко не такъ сладостны, какъ тѣ. Послушай, что говоритъ пророкъ: *услыша Господь гласъ плача моего* (Псал. vi, 9). И могутъ ли быть такіе случаи, чтобы слезы не были полезны—во время молитвы и при увѣщаніяхъ? Мы порицаемъ ихъ; но это потому, что онѣ у насъ идутъ не на то, для чего даны. Когда мы уговариваемъ брата, живущаго въ грѣхѣ,—слѣдуетъ плакать, если только мы соболѣзнуемъ и вздыхаемъ объ немъ. Когда кого убѣждаемъ, а тотъ не слушаетъ и идетъ на погибель,—нужно плакать. Это слезы разумныя. Но если кто сдѣлается бѣденъ, или заболитъ тѣлесно, или умретъ,—плакать не слѣдуетъ, потому что это не стоитъ слезъ. Такъ, подобно тому, какъ порицаемъ мы смѣхъ, если онъ бываетъ не ко времени, мы порицаемъ и слезы, когда онѣ являются не ко времени.
386 Тогда только вѣдь и открывается истинное достоинство каждаго, когда онъ стремится къ соотвѣтствующимъ дѣйствіямъ; а когда—не къ соотвѣтствующимъ, то совсѣмъ напротивъ. Напр. вино дано для увеселенія, а не для пьянства; хлѣбъ для питанія; супружеская жизнь для дѣторожденія. И какъ это подвергается порицанію вслѣдствіе злоупотребленій, такъ бываетъ и со слезами. Будь такой законъ, чтобы слезы проливались только на молитвѣ и при увѣщаніяхъ,—посмотри, какъ привлекательна сдѣлалась бы тогда эта вещь. Ничто такъ хорошо не можетъ загладить грѣхи, какъ слезы; и даже самый тѣлесный обликъ представляется отъ слезъ привлекательнымъ; онѣ располагаютъ зрителя къ милосердію и придаютъ человѣку видъ, внушающій намъ уваженіе. Ничто такъ сильно не располагаетъ, какъ глаза, проливающіе слезы. Это у насъ благороднѣйшій и прекраснѣйшій членъ, это (органъ) души. Насъ трогаютъ онѣ до такой степени, что какъ будто мы видимъ самую душу въ слезахъ. Все это говорится вамъ не безъ цѣли, но для того, чтобы вы не присутствовали при свадебныхъ увеселеніяхъ, пляскахъ и сатанинскихъ сборищахъ. Вѣдь посмотри, что выдумалъ діаволъ! Такъ какъ отъ сцены и отъ тѣхъ гнусностей, какія тамъ бываютъ, женщины удалены самою природою, онъ проникъ съ театральными (мерзостями) въ жилище женщины,—я говорю объ изнѣженныхъ и развратныхъ женщинахъ. Эту язву принесъ съ собою законъ супружества, или лучше не супружества,—да не будетъ!—а нашей безпечности. Что дѣлаешь ты, человѣкъ? Ты самъ не знаешь, что дѣлаешь. Жена предназначается для цѣломудренной жизни и для чадородія: для чего же тутъ развратныя женщины? Для того, говоришь ты, чтобы веселѣе было. Развѣ же это не безуміе? Ты оскорбляешь невѣсту,

оскорбляешь приглашенныхъ. Если въ этихъ (вещахъ) они находятъ для себя удовольствіе, то—это оскорбленіе. Если это придастъ нѣсколько блеску, когда смотрятъ на безчинства развратницъ, такъ зачѣмъ ужъ ты не тащишь сюда и невѣсту, чтобы и она посмотрѣла? Во всякомъ случаѣ срамъ и позоръ приводить въ домъ распущенныхъ мужчинъ и плясуновъ со всею ихъ сатанинскою пышностію. *Поминайте*, говоритъ онъ, *моя узы*. Бракъ есть узы, и узы, установленныя Богомъ; развратная женщина разрываетъ и уничтожаетъ эти узы; инымъ способомъ можно достигать того, чтобы брачное торжество было веселѣе,—напримѣръ: приготовлять богатый столъ и роскошное платье; я не возбраняю этого, чтобы не показаться слишкомъ строгимъ. Правда, Ревеккѣ было довольно одного покрывала; но я не возбраняю. Можно для торжества надѣть лучшее платье, могутъ явиться на это торжество почтенные люди—мужчины и женщины. Но зачѣмъ заводишь ты эти забавы, эти причуды? Ну, скажи же, что отъ нихъ выслушиваешь? Тебѣ стыдно сказать? Если стыдно, такъ зачѣмъ же заставляешь ихъ это дѣлать? Если это хорошо, такъ почему и самъ ты не дѣлаешь того; а если это скверно,—зачѣмъ другого заставляешь дѣлать? Все должно быть проникнуто скромностію, благопристойностію и хорошимъ вкусомъ. Между тѣмъ я вижу теперь совершенно противное: скачутъ, какъ верблюды или какъ мулы. Для дѣвицы нужна лишь одна спальня. Ты скажешь, она бѣдна? Но потому уже самому, что бѣдна, должно вести себя благоприлично. Пусть вмѣсто богатства у нея будетъ добрый нравъ. Она не имѣетъ приданаго? Но зачѣмъ же ты отнимаешь у ней и другія достоинства, развращая ея душу? По моему хорошо, что приходятъ дѣвицы почтить свою сверстницу,—приходятъ также и женщины почтить ту, которая вступаетъ въ ихъ общество. Это хорошій обычай. Тутъ два кружка: одинъ состоитъ изъ дѣвицъ, другой изъ женщинъ; тѣ отдаютъ, эти принимаютъ; невѣста между ними—не дѣвица и не женщина. Оттуда она выходитъ, а въ это общество поступаетъ.

Но для чего же тутъ распутныя женщины? Вмѣсто того, 387
чтобы укрываться и спасаться отъ нихъ, когда случится бракъ,—потому что распутство есть порча брака,—мы приводимъ ихъ на бракъ. Вѣдь когда что-нибудь другое вы дѣлаете,—вы даже и на словахъ остерегаетесь того, что вредитъ дѣлу. Наприм., когда у тебя посѣвъ, или когда ты переливаешь вино, только что выжатое, ты даже не скажешь, что значитъ закваска. А тутъ, гдѣ совершается такое цѣломудренное дѣло, (бракъ), у тебя является закваска,—потому что развратная женщина—настоящая закваска. Когда вы приготовляете благовонную мазь, вы заботитесь о

томъ, чтобы даже и вблизи не было ничего такого, что издаетъ дурной запахъ. А бракъ—благовонная мазь. Какъ же ты туда, гдѣ приготовляешь благовонную мазь, приносишь смрадную грязь? Что ты говоришь? Дѣвица веселится и ей не до того, чтобы стыдиться своей сверстницы? Да ей-то и нужно быть почтеннѣе, чѣмъ послѣдняя. Но вѣдь она вышла изъ рукъ (родительскихъ), а не изъ палестры (школы борцовъ). Лучше уже дѣвицѣ вовсе и не показываться на брачномъ торжествѣ.

5. Развѣ не знаешь ты, какъ бываетъ въ царскомъ дворцѣ, какъ допускаются тамъ внутрь и окружаютъ царя только тѣ, кто заслужилъ эту честь, а кто не заслужилъ, тотъ стоитъ на дворѣ? И ты будь внутри—около невѣсты; но будь чистой въ домѣ; не безславь дѣвства. Здѣсь присутствуютъ родные съ обѣихъ сторонъ: одни показываютъ, какую отдаютъ, а другіе—имѣютъ соблюдать ее: зачѣмъ же ты наносишь безчестіе дѣвству? Вѣдь если ты такая,—женихъ въ правѣ думать такъ же точно и объ невѣстѣ. Если ты хочешь быть любимой, то и торговка, и зеленщица, и ремесленница того же (хотятъ). И это не срамъ? Конечно срамъ, если ты ведешь себя безпорядочно, хотя бы ты была царская дочь. Не скажешь ли ты, что мѣшаетъ бѣдность, или ремесло? Но будь дѣвица даже рабою,—все же должна жить въ цѣломудріи: *о Христѣ бо Іисусѣ ни рабъ, ни свободь* (Гал. ш, 28). Вѣдь бракъ не зрѣлище. Это—таинство и образъ великой вещи. Если тебѣ не стыдно передъ нимъ самимъ, постыдись хоть того, образомъ чего онъ служитъ. *Тайна сія*, говоритъ (апостолъ), *велика есть, азъ же глаголю во Христа и во церковь* (Еф. v, 31). Это—образъ Церкви и Христа, а ты приводишь развратныхъ женщинъ? Но если, скажешь, не будутъ танцовать ни дѣвицы, ни женщины, такъ кто жъ будетъ танцовать? Никто. Что за необходимость—танцы? Пляска (умѣстна) въ таинствахъ эллиновъ, а въ нашихъ тишина и благопристойность, скромность и сдержанность. Великое таинство совершается: вонъ развратныхъ женщинъ, вонъ нечистыхъ! Какое же таинство? Соединяются два человѣка и дѣлается изъ нихъ одинъ. И почему въ то время, какъ входитъ (невѣста), не бываетъ ни пляски, ни кимваловъ, а наблюдается глубокая тишина и спокойствіе, а когда соединятся они, составляя не бездушный образъ, не образъ чего-нибудь земного, а самого Бога, ты поднимаешь такой шумъ, нарушаешь спокойствіе присутствующихъ, срамишь и возмущаешь душу? Приходятъ тѣ, которые будутъ единымъ тѣломъ. Вотъ опять таинство любви! Если двое не будутъ одно, они, пока останутся двоими, не произведутъ многихъ; а когда достигнутъ соединенія, тогда только и начинаютъ производить. Какое

отсюда вытекаетъ заключеніе? То, что единство имѣетъ большую силу. Творческая премудрость Божія съ самаго начала раздѣлила одного на два и, желая показать, что и по раздѣленіи остается одно, устроила такъ, что одного недостаточно бываетъ для рожденія. Вѣдь кто еще не объединился (узами брака), тотъ не составляетъ и цѣлаго, а половину. Это видно изъ того, что онъ не производитъ дѣтей, по прежнему. Видишь ли тайну брака? Изъ одного Онъ сдѣлалъ двоихъ, а потомъ изъ двоихъ сдѣлалъ и до сихъ поръ дѣлаетъ одного, такъ что и теперь человѣкъ раждается отъ одного,—потому что жена и мужъ—не два человѣка, а одинъ человѣкъ. И въ этомъ можно убѣдиться изъ 388
многихъ мѣстъ, какъ-то изъ примѣра Іакова, Маріи, матери Христовой, изъ словъ: *мужа и жену сотворилъ ихъ* (Быт. I, 27). И если онъ глава, а она тѣло, такъ какимъ же образомъ ихъ двое? Поэтому-то ей предназначено быть ученицей, а ему учителемъ; онъ долженъ быть начальникомъ, она—подчиненною. И изъ самаго образованія тѣла видно, что они—одно,—потому что (жена) произошла отъ ребра мужа и оба они составляютъ какъ бы двѣ части одного цѣлаго. Для того-то Онъ называетъ ее и помощницею, чтобы показать, что они одно. Для того-то Онъ супружеское сожительство поставляетъ выше отца и матери, чтобы показать, что они одно. И отецъ одинаково радуется, выходитъ ли замужъ дочь, или женится сынъ, точно одно тѣло влечется къ другому, какъ своей части; нужды нѣтъ, что тутъ бываютъ такія большія издержки, такая трата денегъ,—все же для него невыносимо видѣть ихъ безбрачными. Каждый изъ нихъ въ отдѣльности неполонъ, какъ будто бы у него отнята какая-нибудь часть тѣла, и не въ состояніи ни раждать дѣтей, ни устроить, какъ слѣдуетъ, настоящую жизнь. Потому-то и пророкъ говоритъ: *останокъ духа твоего* (Малах. II, 15). А какимъ образомъ они бываютъ въ плоть едину? Все равно, какъ если бы ты отдѣлилъ самое чистое золото и смѣшалъ его съ другимъ золотомъ,—и здѣсь происходитъ нѣчто подобное: жена принимаетъ плодотворное вещество въ то самое мгновеніе, какъ жаръ наслажденія приводитъ его какъ бы въ расплавленное состояніе, и, принявъ, питаетъ и согрѣваетъ его, привносить къ нему, что нужно, и съ своей стороны,—и производитъ человѣка. И ребенокъ служитъ чѣмъ-то въ родѣ мостика, такъ что тутъ уже трое составляютъ одну плоть, потому что дитя соединяетъ обѣ стороны одну съ другою. Все равно какъ два города, раздѣленные рѣкою, составляютъ одинъ городъ, если есть мостъ, который поддерживаетъ между ними взаимное сообщеніе,—и здѣсь то же, или еще больше, такъ какъ этотъ мостикъ устроенъ изъ

существа ихъ обоихъ. Въ этомъ отношеніи они одно такъ же, какъ голова и туловище составляютъ одно тѣло: они, правда, отдѣляются шеей, но не столько отдѣляются, сколько соединяются; это средина, которая связываетъ ихъ другъ съ другомъ. Это все равно, какъ если хороводъ, раздѣленный (на двѣ части), составитъ одно, взявъ одну часть свою отсюда, а другую - съ другой стороны. Или еще это подобно тому, какъ если люди, которые стоятъ, опустивъ руки, потомъ ихъ протянутъ, и все же каждый составляетъ одно лицо, потому что протянутыя руки еще не дѣлаютъ изъ одного (человѣка) двухъ. Потому-то онъ и выразился точно,—не сказалъ: будутъ одна плоть, а—*въ плоть едину*, то есть, соединятся въ плоть младенца. Что же, если младенца не будетъ,—и тогда они не будутъ составлять два лица? Конечно. Вѣдь это (единство) происходитъ отъ совокупленія, которое соединяетъ и смѣшиваетъ тѣла обоихъ. Все равно, какъ если ты въ масло вольешь благовонныя капли, у тебя изо всего выйдетъ одно,—такъ бываетъ и здѣсь.

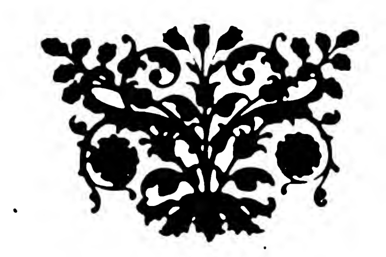
6. Знаю, что многія стыдятся того, о чемъ я говорю: причиною тому неумѣренность и невоздержность. Это дѣло унижено оттого, что браки совершаются у насъ такимъ образомъ,—оттого, что ихъ портятъ, между тѣмъ какъ *честна женитва и ложе нескверно* (Евр. xIII, 4). Что за стыдъ—дѣло честное? Зачѣмъ краснѣть отъ того, что чисто? Это свойственно только еретикамъ, да тѣмъ еще, которые приводятъ распутныхъ женщинъ. Потому-то мнѣ и хочется очистить (бракъ), возвести его на ту степень благородства, какая ему приличествуетъ, и этимъ заградить уста
389 еретикамъ. Осрамленъ даръ Божій, корень нашего бытія! А все оттого, что около этого корня много навоза и грязи. Вычистимъ же его своимъ разумомъ. Потерпите немного,—вѣдь и тотъ, у кого есть грязь, терпитъ ея зловоніе. Мнѣ хочется показать вамъ, что этого не нужно стыдиться, а нужно стыдиться того, что вы дѣлаете. А ты между тѣмъ не думаешь стыдиться послѣдняго, а стыдишься перваго, и такимъ образомъ осуждаешь Бога, который такъ устроилъ. Скажу и то еще, что это—таинственное изображеніе Церкви. Христосъ пришелъ къ Церкви, изъ нея произошелъ, и съ нею соединился духовнымъ общеніемъ. *Обручихъ вы*, говоритъ (апостолъ), *единому мужу дѣву чисту* (2 Кор. xI, 2). А что мы отъ Него происходимъ, послушай, какъ объ этомъ онъ говоритъ: мы всѣ отъ удовъ его и отъ плоти его (Еф. v, 30). Подумаемъ же обо всемъ этомъ и не станемъ стыдиться такого таинства. Бракъ есть образъ того, какъ Христосъ присутствуетъ (въ Церкви), а ты напиваешься? Скажи мнѣ: если бы ты увидалъ образъ царя, сталъ ли бы ты его стыдиться? Конечно, нѣтъ. То,

что дѣлается у насъ при совершеніи брака, кажется дѣломъ безразличнымъ, а между тѣмъ служитъ виною большихъ золъ. Тутъ все—нарушеніе закона. *Сквернословіе*, говоритъ (апостолъ), *и буесловіе, или кощуны* не должны исходить изъ устъ вашихъ (Еф. v, 4). А все это (что дѣлается на бракахъ) и есть сквернословіе, и буесловіе, и кощунство, да еще въ высшей степени, потому что это сдѣлалось искусствомъ и большую славу доставляетъ тѣмъ, кто упражняется въ немъ. Пороки сдѣлались искусствомъ! Мы не какъ-нибудь (ненамѣренно) впадаемъ въ нихъ, а съ особеннымъ стараніемъ и умѣньемъ; тутъ есть и предводитель—діаволъ, управляющій своимъ воинствомъ. Дѣйствительно, гдѣ пьянство, гдѣ безчинство, гдѣ сквернословіе, тамъ непремѣнно присутствуетъ діаволъ, который присовокупляетъ нѣчто и отъ себя. Скажи же мнѣ: ты пируешь съ ними, совершаешь таинство Христово и призываешь діавола? Вѣроятно, вы считаете меня человѣкомъ тяжелымъ. Вѣдь и то бываетъ отъ крайняго развращенія, что, если кто станетъ вразумлять (другихъ), онъ подвергается осмѣянію, какъ человѣкъ суровый. Развѣ не слышите, что говоритъ Павелъ: что ни дѣлаете вы, *аще ясте, аще ли піете, аще ли ино что творите, вся во славу Божію творите* (1 Кор. x, 31)? А вы напротивъ—(дѣлаете все) къ безславію и къ посрамленію. Не слышите ли, что говоритъ пророкъ: *работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся Ему съ трепетомъ* (Псал. II, 11). А вы совершенно забываетесь. Развѣ нельзя и повеселиться, но безъ вреда для себя? Ты хочешь послушать пріятныхъ пѣсенъ? Но лучше бы не слушать. Впрочемъ, если угодно, я уступаю тебѣ; но слушай не сатанинскія, а духовныя (пѣсни). Хочешь посмотрѣть ликующихъ, — смотри на ликъ ангеловъ. Ты скажешь: какъ возможно ихъ видѣть? Если ты удалишь эти (безпорядки), то придетъ къ тебѣ на такое брачное торжество и самъ Христосъ: а если гдѣ присутствуетъ Христосъ, тамъ, конечно, является и ликъ ангеловъ. Если хочешь, и нынѣ Онъ совершитъ чудо, какъ тогда (въ Канѣ Галилейской), и нынѣ претворитъ воду въ вино, а что еще гораздо удивительнѣе—остановитъ нескромную веселость, обуздаетъ холодную страсть и обратитъ ее на предметы духовные: это значитъ сдѣлать изъ воды вино. Но гдѣ флейтщики, тамъ рѣшительно нѣтъ Христа; если же Онъ и придетъ, то сначала выгонитъ ихъ, а потомъ уже совершитъ чудо. Что можетъ быть ненавистнѣе сатанинской роскоши, гдѣ все какъ-то нескладно, все безъ толку, а если и есть въ чемъ нибудь стройность, такъ за то все гнусно, все отвратительно.

7. Нѣтъ ничего пріятнѣе добродѣтели; нѣтъ ничего сладостнѣе благопристойности, нѣтъ ничего привлекательнѣе скром-

ности. Начни кто-нибудь устроять бракъ такъ, какъ я говорю,—
390 онъ увидитъ, какъ это будетъ пріятно. А какъ устроять бракъ, послушайте. Прежде всего ищи для дѣвицы мужа, настоящаго мужа и покровителя,—вѣдь ты хочешь приставить къ тѣлу голову, вѣдь хочешь отдать ему не рабыню, а дочь свою. Не ищи денегъ, ни знатности по роду, ни высокаго происхожденія,—все это неважно,—а ищи душевнаго расположенія, кротости, истиннаго благоразумія и страха Божія, если хочешь, чтобы твоей дочкѣ пріятно было жить съ нимъ. Если ты (мать) будешь искать побогаче, ты не только не принесешь ей никакой пользы, но причинишь еще вредъ, потому что сдѣлаешь ее изъ свободной рабою. Отъ золотыхъ украшеній она не получитъ столько удовольствій, сколько огорченій доставитъ ей ея рабское положеніе. Нѣтъ, ты не этого ищи, а всего лучше ищи ровню; если же нельзя, скорѣе ищи бѣднѣе себя, чѣмъ богаче, если только не хочешь отдать свою дочь господину, а хочешь отдать мужу. Когда достовѣрно разузнаешь о нравственныхъ достоинствахъ человѣка и порѣшишь отдать,—призови Христа, чтобы Онъ присутствовалъ при этомъ дѣлѣ. Онъ не почтетъ этого для себя унизительнымъ, если бракъ таинственно изображаетъ Его присутствіе (въ Церкви). И тутъ-то всего больше проси Его, чтобы Онъ далъ тебѣ именно такого жениха. Не будь хуже Авраамова раба: хотя того отправили въ такое дальнее путешествіе, онъ зналъ однакожъ, куда нужно было ему обратиться, и потому-то нашелъ все. И ты, когда начинаешь хлопотать и искать мужа, молись; скажи Богу: кого Ты хочешь, того и опредѣли мнѣ: поручи Ему это дѣло, и Онъ наградитъ тебя за то, что ты предоставишь Ему такую честь. Двухъ правилъ тутъ надобно держаться: довѣрить это дѣло Ему и искать такого, какого желаетъ Онъ,—скромнаго и честнаго. Итакъ, ты (мать), когда выдаешь замужъ (дочь), не ходи по домамъ и не бери зеркалъ и платьевъ; вѣдь не на показъ дѣлается это дѣло, и не на выставку ты выводишь свою дочку; но украсивши домъ тѣмъ, что есть, позови сосѣдей, друзей, родныхъ. Зови тѣхъ, которые извѣстны тебѣ, какъ люди кроткаго нрава: проси быть довольными тѣмъ, что есть. Музыкантовъ пусть не будетъ ни одного, потому что съ ними лишнія и пустыя издержки. Но прежде всѣхъ позови Христа. Знаешь ли, какъ Его позвать? Если кто сотворитъ, говоритъ Онъ, *единому сихъ меньшихъ, мнѣ* сотворитъ (Мѳ. XXV, 45). Не думай, что звать нищихъ ради Христа—дѣло непріятное. Непріятно только звать распутныхъ женщинъ. Если звать бѣдныхъ,—это ведетъ къ богатству, а то — къ распутству. Украшай невѣсту не этими украшеніями изъ золота, но кротостію, скромностію и обычными

платьями,—вмѣсто всякаго золотого украшенія и плетеній пусть
украшеніемъ для нея будутъ стыдливость, застѣнчивость и со-
вершенное равнодушіе къ украшеніямъ перваго рода. Пусть не
будетъ тутъ ни малѣйшаго шума и никакой тревоги. Пусть по-
зовутъ жениха,—и онъ возьметъ дѣвицу. Обѣды и ужины не
должны изобиловать пьянствомъ, а духовнымъ веселіемъ. Отъ
такого брака будетъ весьма много добра и житейскія дѣла бу-
дутъ упрочены. А отъ нынѣшнихъ браковъ (если только можно
назвать ихъ браками, а не церемоніей) смотри—сколько происхо-
дитъ зла? Черезъ нихъ въ столовыхъ—разгромъ, сейчасъ же за-
бота и опасеніе, какъ бы изъ вещей, взятыхъ на подержаніе, что-
нибудь не пропало, и веселье смѣняется несносной тоской. Это—
мученье для родныхъ, но нельзя сказать, чтобы и невѣста была 391—392
отъ него свободна; что слѣдуетъ послѣ того, все падаетъ на саму
невѣсту. Видѣть, какъ все рушится, — тутъ есть о чемъ пожа-
лѣть; смотрѣть на запустѣніе дома,—тутъ есть отчего придти въ
уныніе. Тамъ Христосъ, здѣсь сатана; тамъ веселье, а здѣсь за-
боты: тамъ удовольствіе, здѣсь печаль; здѣсь издержки, тамъ
ихъ отсутствіе; здѣсь безпорядокъ, тамъ благоприличіе; здѣсь за-
висть, тамъ радушіе; здѣсь пьянство, тамъ воздержность, тамъ
спасенье, тамъ благоразуміе. Подумаемъ же обо всемъ этомъ и
поставимъ предѣлъ злу, чтобы намъ угодить Богу и удостоиться
получить блага, обѣщанныя любящимъ Его, благодатію и чело-
вѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу
со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во
вѣки вѣковъ. Аминь.



Оглавленіе первой книги XI тома.

Бесѣды на посланіе къ Ефесеянамъ.

Бесѣды на посланіе къ Филиппійцамъ.

Толкованіе на посланіе къ Колоссянамъ.

ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТА,

Архіепископа Константинопольскаго,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Δόξα τῷ Θεῷ πάντων ἕνεκα. Ἀμήν.
Слава Богу за все. Аминь.

Св. Іоаннъ Златоустъ.

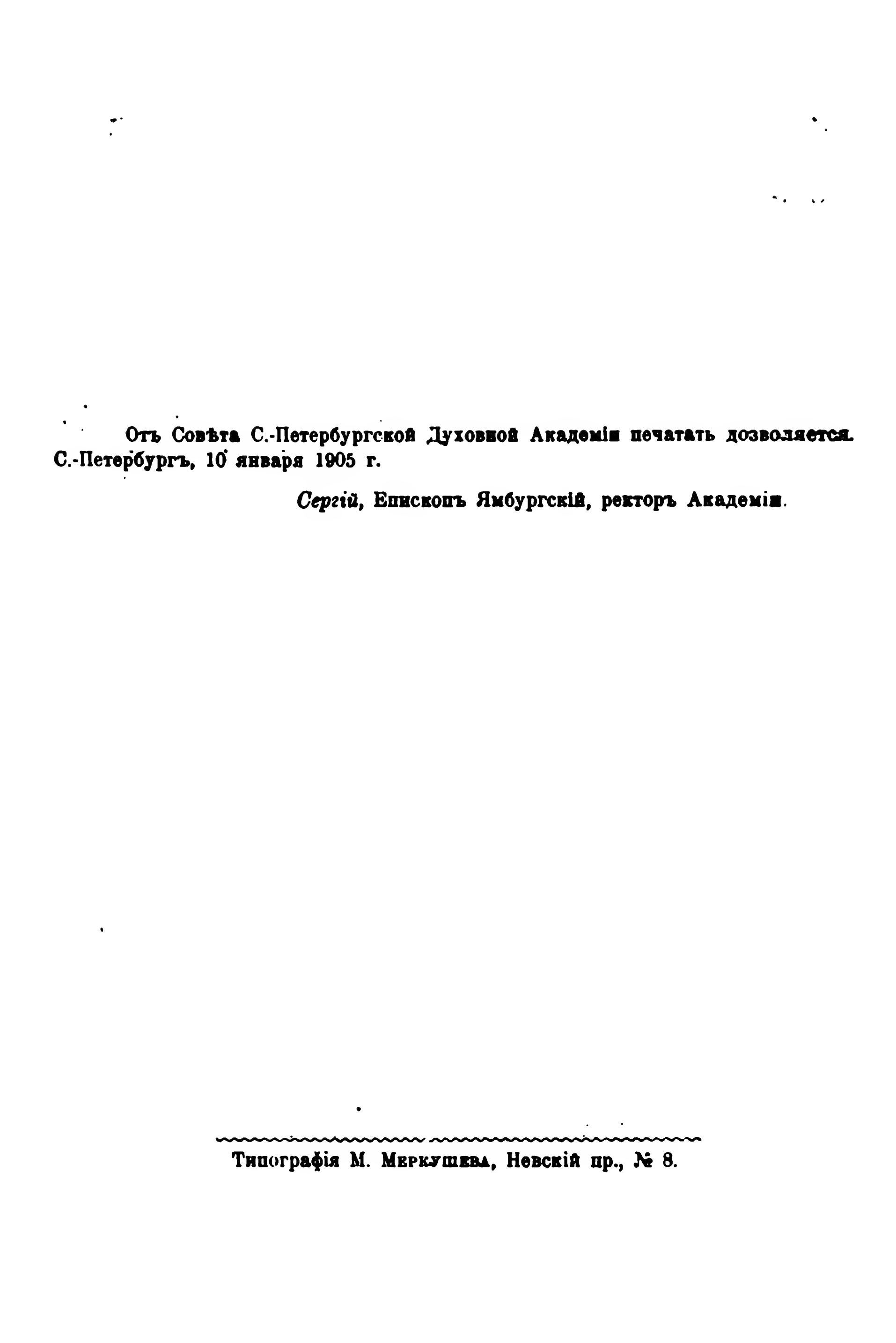
— —

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

въ двухъ книгахъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

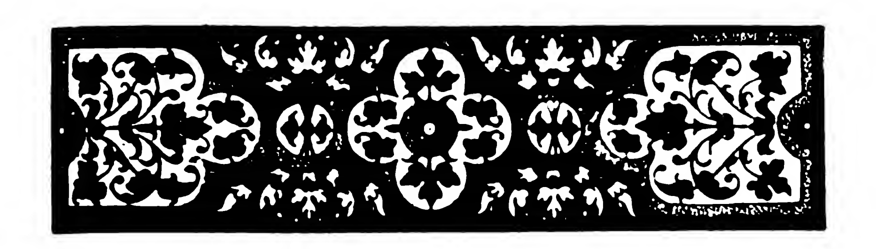
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе С.-Петербургской Духовной Академіи.
1905.



От Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 10 января 1905 г.

Сергій, Епископъ Ямбургскій, ректоръ Академіи.

Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8.



СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

ТОЛКОВАНІЕ НА ПЕРВОЕ ПОСЛАНІЕ КЪ ѲЕССАЛОНИКІЙЦАМЪ [1]).

БЕСѢДА I.

Павелъ и Силуанъ и Тимоѳей, церкви Солунстѣй о 391—392
Бозѣ Отцѣ и Господѣ Іисусѣ Христѣ: благодать вамъ
и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа.
Благодаримъ Бога всегда о васъ, поминаніе о васъ творяще въ молитвахъ нашихъ, непрестанно поминающе ваше дѣло вѣры, и трудъ любве, и терпѣніе упованія Господа нашего Іисуса Христа, предъ Богомъ и Отцемъ нашимъ (1 Сол. I, 1—3).

1. Почему (апостолъ), когда писалъ посланіе къ Ефесянамъ [2]), хотя имѣлъ при себѣ Тимоѳея, не упомянулъ о немъ вмѣстѣ съ собою, несмотря на то, что онъ былъ извѣстенъ имъ и пользовался ихъ уваженіемъ (*искусство его знаете*, говоритъ,
зане якоже отцу чадо, со мною поработалъ—Филип. II, 22,—и еще: 393
ни единаго имамъ равнодушна, иже присно о васъ печется—Филип. II, 20), а здѣсь ставитъ его наряду съ собою? Мнѣ кажется, потому, что онъ имѣлъ намѣреніе немедленно послать его (Тимо-

---

[1]) Эти бесѣды произнесены святителемъ въ Константинополѣ въ 399 г.

[2]) Слѣдовало сказать „къ Филиппійцамъ“, судя по приводимымъ ниже мѣстамъ изъ посланія къ Филиппійцамъ. Между тѣмъ въ посланіи къ Филиппійцамъ имя Тимоѳея поставлено наряду съ именемъ апостола Павла, а въ посланіи къ Ефесянамъ этого, дѣйствительно, нѣтъ. Это могло произойти отъ того, что святитель, приводя тексты изъ посланія къ Филиппійцамъ на память, почелъ ихъ принадлежащими посланію къ Ефесянамъ.

ѳея); поэтому излишнимъ было писать отъ лица того, кто вскорѣ долженъ былъ получить самое посланіе для отнесенія: *сего же*, говоритъ, *уповаю послати абіе* (Филип. II, 23). А теперь не то: (Тимоѳей) недавно возвратился отъ ѳессалоникійцевъ,—слѣдовательно, прилично было и ему писать: *нынѣ же*, говоритъ, *пришедшу Тимоѳею къ намъ отъ васъ* (1 Сол. III, 6). Но почему онъ ставитъ Силуана прежде его (Тимоѳея), хотя самъ свидѣтельствуетъ о безчисленныхъ достохвальныхъ свойствахъ его и предпочитаетъ его всѣмъ? Вѣроятно, (Тимоѳей), по своему глубокому смиренію, самъ хотѣлъ того и просилъ объ этомъ Павла; когда видѣлъ въ своемъ учителѣ столь великое смиренномудріе, что онъ ставитъ наряду съ собою ученика, то тѣмъ болѣе могъ пожелать явить въ себѣ подобное свойство. Итакъ, говоритъ (апостолъ): *Павелъ и Силуанъ и Тимоѳей, церкви Солунстѣй*. Здѣсь онъ ничего не ставитъ предъ своимъ именемъ, ни—апостолъ, ни—рабъ. Не выставляетъ своего достоинства, мнѣ кажется, потому, что они (ѳессалоникійцы) были новооглашенные, еще не узнали его коротко; можетъ быть даже, только еще начиналась проповѣдь его къ нимъ. *Церкви*, говоритъ, *Солунстѣй*. Прекрасно сказано. Такъ какъ, вѣроятно, общество (солунянъ) было немногочисленно и еще неустроенно, то названіемъ Церкви онъ утѣшаетъ ихъ. Тамъ, гдѣ Церковь существовала давно и составъ ея былъ значителенъ, онъ не употребляетъ этого слова. Между тѣмъ онъ даетъ это названіе (ѳессалоникійцамъ) потому, что слово Церковь обыкновенно имѣетъ значеніе множества и собранія людей, уже тѣсно съ собою соединившихся. *О Бозѣ*, говоритъ, *Отцѣ и Господѣ Іисусѣ Христѣ*. Церкви ѳессалоникской, говоритъ, которая есть *о Бозѣ*. Вотъ опять слово Богъ предъ именами Отца и Сына. *О Бозѣ* же говоритъ потому, что много было церквей и іудейскихъ, и эллинскихъ. Велико и ни съ чѣмъ несравнимо достоинство Церкви, если она *о Бозѣ*. О, если бы и эта Церковь могла быть такъ названа! Но я боюсь, чтобы она не сдѣлалась недостойною этого названія. Если кто рабъ грѣха, то о немъ нельзя сказать, что онъ *о Бозѣ*. *Благодать вамъ и миръ*. Видишь ли, что посланіе начинается прямо похвалами? *Благодаримъ Бога всегда о всѣхъ васъ, поминаніе о васъ творяще въ молитвахъ нашихъ*. Благодареніемъ за нихъ Бога (апостолъ) свидѣтельствуетъ о великомъ ихъ преспѣяніи, когда не только хвалитъ ихъ, но и благодаритъ Бога, какъ совершителя всего ихъ преспѣянія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ научаетъ ихъ и смиренію, какъ бы говоря, что все это есть дѣло силы Божіей. Итакъ, онъ говоритъ о благодареніи по причинѣ ихъ добрыхъ дѣлъ, а о воспоминаніи ихъ въ молитвахъ—по своей любви къ нимъ. Потомъ, желая показать, что онъ вспоми-

наетъ о нихъ не только въ молитвахъ, но и помимо молитвы, говоритъ, подобно какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ: *непрестанно поминающе ваше дѣло вѣры, и трудъ любве, и терпѣніе упованія Господа нашего Іисуса Христа, предъ Богомъ и Отцемъ нашимъ.* Что значитъ—*непрестанно поминающе?* Или то, что памятуя предъ Богомъ и Отцемъ, или—памятуя трудъ любви, сущій предъ Богомъ и Отцемъ нашимъ. Не сказалъ просто: *непрестанно поминающе (дѣло вѣры),* но—*ваше.* И опять, чтобы ты не подумалъ, что 394
самое это: *ваше* сказано безъ цѣли, прибавилъ—*предъ Богомъ и Отцемъ нашимъ.* Такъ какъ никто изъ людей не прославлялъ ихъ подвиговъ, никто не воздавалъ имъ награды, то онъ и присовокупилъ это, какъ бы говоря: дерзайте—вы подвизаетесь предъ Богомъ. Что же такое—*дѣло вѣры?* Это значитъ: ничто не поколебало вашего постоянства. Вотъ что есть дѣло вѣры! Если вѣруешь, все терпи; а если не терпишь, то и не вѣруешь. Развѣ не таковы (данныя намъ) обѣтованія, что они могутъ склонить вѣрующаго къ перенесенію тысячи смертей? Намъ обѣщаны небесное царство, безсмертіе, вѣчная жизнь. Итакъ, кто вѣруетъ, тотъ все перенесетъ, потому что вѣра показывается дѣлами. Справедливо поэтому такъ сказалъ (апостолъ), желая выразить: вы не только показали вѣру, но оправдали ее дѣлами, постоянствомъ, усердіемъ. *И трудъ любве.* Что за трудъ кое-какъ любить? Нѣтъ никакого. Но любить въ собственномъ смыслѣ—трудъ великій. Въ самомъ дѣлѣ, когда возстаютъ безчисленныя искушенія, чтобы отвлечь насъ отъ любви, между тѣмъ мы твердо противостоимъ всему,—не трудъ ли это, скажи мнѣ? А чего не потерпѣли (ѳессалоникійцы), чтобы не измѣнить любви? Не приступили ли враги проповѣди къ принявшему въ домъ свой Павла, и, не нашедши (апостола), не повлекли ли самого Іасона къ городскимъ начальникамъ (Дѣян. XVII, 5. 6)? Малый ли это трудъ, скажи мнѣ, перенесть такую бурю, такія искушенія, когда сѣмена проповѣди еще не успѣли укорениться? И требовали отъ него удостовѣренія. И когда, говорится, было дано удостовѣреніе, онъ отослалъ Павла (Дѣян. XVII, 9). Малый ли это подвигъ,—скажи мнѣ? Не подвергалъ ли онъ даже себя самого опасности для него (апостола)? Вотъ это и называетъ (апостолъ) трудомъ любви,—до такой степени простиралась преданность (къ нему ѳессалоникійцевъ).

2. Замѣть при томъ: прежде онъ говоритъ объ ихъ подвигахъ, а потомъ уже о своихъ, чтобы не показалось, что онъ превозносится и что не полюбилъ ихъ прежде обнаруженія ихъ любви. *И терпѣніе,* говоритъ,—потому что упомянутое преслѣдованіе было не однократное, но непрерывное, и гонители враждовали не только противъ учителя, Павла, но и противъ научае-

мыхъ. Если они были такъ враждебны къ тѣмъ, кто творилъ чудеса, къ людямъ, внушавшимъ благоговѣніе, то-какъ, ты думаешь, смотрѣли они на тѣхъ, кто жилъ вмѣстѣ съ ними, принадлежалъ къ ихъ обществу и вдругъ потомъ отдѣлился отъ нихъ. Именно на это и указываетъ (апостолъ), говоря: *подобницы бысте церквамъ Божіимъ сущимъ во Іудеи* (1 Сол. II, 14). *И упованія*, продолжаетъ далѣе, *Господа нашего Іисуса Христа, предъ Богомъ и Отцемъ нашимъ*. Справедливо сказалъ онъ такъ. Все это произошло отъ вѣры и упованія, такъ что въ случившемся выразилось не только мужество ихъ, но и то, что они съ полнымъ убѣжденіемъ увѣровали въ обѣтованныя награды. А Богъ попустилъ немедленно быть гоненіямъ на нихъ для того, чтобы кто не сказалъ, что проповѣдь Христова утвердилась случайно, или чрезъ обманъ,—чтобы обнаружилась теплота ихъ вѣры. и явно было, что не убѣжденіе человѣческое, но сила Божія дала такую крѣпость душамъ вѣрующихъ, что они готовы были перенесть даже тысячу смертей; а этого не могло бы быть, если бы проповѣдь вскорѣ же не укоренилась глубоко и не содѣлалась непоколебимою. *Вѣдяще, братіе возлюбленная, отъ Бога избраніе*
395 *ваше, яко благовѣствованіе наше не бысть къ вамъ въ словѣ точію, но и въ силѣ, и въ Дусѣ Святѣ, и во извѣщеніи мнозѣ, якоже и вѣсте, какови быхомъ въ васъ ради васъ* (ст. 4 и 5). Что такое говоритъ онъ: *вѣсте, какови быхомъ въ васъ?* Здѣсь онъ и своихъ касается подвиговъ, но прикровенно; главнымъ же образомъ хочетъ ихъ похвалить. Смыслъ его словъ такой: мы знаемъ, что вы принадлежите къ числу благородныхъ и великихъ, къ числу избранныхъ; поэтому-то и мы терпимъ все ради васъ; слова: *какови быхомъ въ васъ* и означаютъ то, что мы съ великимъ усердіемъ и великимъ мужествомъ готовы были положить за васъ и души свои, и однакоже за это благодарность не намъ, а вамъ, такъ какъ вы избранные. Потому онъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *и* это *терплю избранныхъ ради* (2 Тим. II, 10). Подлинно, за возлюбленныхъ Божіихъ чего бы кто не согласился потерпѣть? И, упоминая о себѣ, онъ говоритъ какъ бы такъ: если вы и возлюбленные и избранные, то намъ и должно терпѣть все. Такимъ образомъ служили ободреніемъ для нихъ не только похвала, но и напоминаніе о томъ, что и сами (апостолы) являли мужество, соотвѣтствующее ихъ ревности. Далѣе говоритъ: *и вы подобницы бысте намъ и Господу, пріемше слово въ скорби мнозѣ съ радостію Духа Святаго* (ст. 6). Смотри, какая похвала! Ученики вдругъ сдѣлались учителями. Они не только вняли ученію, но и достигли высоты одинаковой съ Павломъ. Но это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что слѣдуетъ далѣе. Въ самомъ дѣлѣ, посмотри, куда онъ

возводитъ ихъ, говоря: *подобницы бысте Господу.* Какимъ же образомъ? *Пріемше слово въ скорби мнозѣ съ радостію Духа Святаго.* Не просто—со скорбію, но—со многою. И это можно видѣть въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ,—какое гоненіе воздвигли противъ нихъ. Встревожили, говорится тамъ, всѣхъ градоначальниковъ, и весь городъ подвигли противъ нихъ (Дѣян. XVII, 8). Не довольно было сказать: вы скорбѣли и среди бѣдствій не переставали вѣровать; но: вы вѣровали съ великой радостію. Такъ поступили и апостолы: *радующеся,* говорится о нихъ, *яко за имя Христово сподобишася безчестіе пріяти* (Дѣян. V, 41). Это именно и удивительно. Если уже и то не мало, чтобы переносить скорби какъ-нибудь, то переносить ихъ съ радостію свойственно тѣмъ, кто выше человѣческой природы, кто имѣетъ тѣло какъ бы безстрастное. Чѣмъ же они содѣлались *подобницы Господу?* Тѣмъ, что и Онъ самъ претерпѣвалъ великія страданія и не предавался скорби, но радовался. Онъ для того и пришелъ добровольно, для того и истощилъ Себя за насъ, чтобы претерпѣть заплеваніе, заушеніе и распятіе; и претерпѣвая все это, такъ радовался, что говорилъ Отцу своему: *прослави* Мя (Іоан. XVII, 5). *Съ радостію,* говоритъ, *Духа Святаго.* Чтобы кто не сказалъ: какъ ты говоришь о скорби и вмѣстѣ о радости,—какъ та и другая могутъ быть совмѣстны?—онъ прибавилъ: *съ радостію Духа Святаго.* Скорбь въ нихъ, какъ въ тѣлесныхъ, а радость, какъ въ духовныхъ. Какъ же это? Обстоятельства скорбны, а то, что они производятъ, не таково, такъ какъ Духъ не попускаетъ этого. Оттого можно не радоваться среди страданій, когда кто страдаетъ за грѣхи, но можно и веселиться среди бичеванія, когда кто страдаетъ за Христа.

3. Такова-то радость Духа! Вмѣсто кажущихся печалей Духъ Божій производитъ радость. Васъ, говоритъ, огорчали и преслѣдовали; но Духъ не оставлялъ васъ и тогда, и какъ три отрока 396
орошаемы были въ огнѣ, такъ и вы въ скорбяхъ. Но какъ тамъ орошеніе было дѣйствіемъ не естества огня, но Духа прохлаждающаго, такъ и здѣсь не естество скорби производитъ радость, но страданіе за Христа и Духъ, орошающій и чрезъ пещь искушеній приводящій къ прохладѣ и покою. Не просто говоритъ: *съ радостію,* но: великою, такъ какъ это именно означаютъ слова: *Духа Святаго. Яко быти вамъ образъ всѣмъ вѣрующимъ въ Македоніи и Ахаіи* (ст. 7). Хотя онъ приходилъ къ нимъ проповѣдывать позже, нежели къ другимъ, но говоритъ: вы такъ просіяли, что сдѣлались учителями принявшихъ вѣру прежде васъ. И это-апостольское достоинство. Въ самомъ дѣлѣ онъ не сказалъ: такъ что стали образцемъ для имѣющихъ увѣровать, но—стали образцемъ уже *вѣрующимъ,* то есть, вы, вступивъ съ самаго начала

въ борьбу, научили этимъ, какъ должно вѣровать въ Бога. *И въ Ахаіи*, говоритъ, то есть, въ Элладѣ. Видишь ли, какъ много значитъ усердіе? При усердіи, не нужно ни времени, ни промедленія, ни отлагательства; достаточно только приняться за дѣло, и все будетъ приведено въ исполненіе. Оттого-то и они, принявъ проповѣдь послѣ другихъ, сдѣлались учителями принявшихъ ее прежде. Итакъ, пусть никто не отчаивается, хотя бы, и много потративъ времени, ничего не сдѣлалъ. И въ короткое время онъ имѣетъ возможность сдѣлать столько, сколько не сдѣлалъ бы во всю прежнюю жизнь. Если невѣровавшій прежде такъ просіялъ въ самомъ началѣ, то тѣмъ болѣе (могутъ достигнуть этого) уже увѣровавшіе.

Впрочемъ, имѣя это въ мысли, — что въ короткое время можно вознаградить все, — пусть никто не остается безпечнымъ. Будущее неизвѣстно, и день Господень, какъ тать, внезапно застигнетъ насъ спящихъ. Если же мы не будемъ спать, то онъ не застигнетъ насъ, какъ тать, и не представитъ (на судъ) неприготовленными. Если мы будемъ бодрствовать и трезвиться, то онъ придетъ къ намъ не какъ тать, а какъ царскій вѣстникъ, призывающій насъ къ уготованнымъ для насъ благамъ. Если же будемъ спать, то онъ предстанетъ какъ тать. Итакъ, пусть никто не спитъ, пусть никто не будетъ лѣнивымъ въ добродѣтели; а это и есть сонъ. Ужели не знаете, какъ небезопасно наше имущество, когда мы спимъ,—какъ легко бываетъ тогда дѣлать покушенія на него? Когда бодрствуемъ, тогда намъ нѣтъ надобности въ особенныхъ предосторожностяхъ. Напротивъ, когда спимъ, то и при всѣхъ предосторожностяхъ часто погибаемъ. Есть и двери, и запоры, и стражи, и караульные; между тѣмъ воръ успѣваетъ войти. Но къ чему я говорю это? Къ тому, что если мы будемъ бодрствовать, то не будемъ нуждаться въ помощи другихъ, а если будемъ спать, то помощь другихъ не принесетъ намъ никакой пользы, но и при ней можемъ погибнуть. Хорошо уповать на молитву святыхъ, но — тогда, когда мы и сами трудимся. Для чего же нужна мнѣ, скажетъ кто-нибудь, молитва другихъ, когда я самъ буду дѣятеленъ и такимъ образомъ не доведу себя до нужды въ ней? И я не желаю вамъ того; но если судить здраво, то мы всегда испытываемъ эту нужду. Павелъ не говорилъ: что мнѣ за нужда въ молитвѣ другихъ? хотя молившіеся за него не были достойнѣе его, и даже не были равны ему; а ты говоришь: какая мнѣ нужда въ молитвѣ другихъ? Петръ не говорилъ: что мнѣ за нужда въ молитвѣ?—*молитва*,
397 сказано, *бѣ прилѣжна бываемая отъ церкве къ Богу о немъ* (Дѣян. XII, 5); а ты говоришь: зачѣмъ мнѣ нужна молитва другихъ? За-

тѣмъ тебѣ нужна, что ты считаешь ее для себя ненужною. Хотя бы ты былъ равенъ Павлу, ты имѣешь нужду въ молитвѣ. Не возносись, чтобы не унизиться. Но, какъ я уже сказалъ, только тогда приносятъ намъ пользу молитвы за насъ, когда мы и сами трудимся. Послушай, что говоритъ Павелъ. *Вѣмъ бо*, говоритъ, *яко сіе сбудется ми во спасеніе вашею молитвою и подаяніемъ Духа Іисусъ Христова* (Филип. I, 19),—и еще: *да отъ многихъ лицъ еже въ насъ дарованіе многими благодарится о насъ* (2 Кор. I, 11). А ты говоришь: какая мнѣ нужда въ молитвѣ? Конечно, если мы сами будемъ безпечны, никто не въ состояніи будетъ помочь намъ своими молитвами. Какую пользу принесъ іудеямъ Іеремія? Не троекратно ли онъ приступалъ къ Богу и не троекратно ли слышалъ: *не молися о людехъ сихъ и не проси, яко не услышу тя* (Іерем. VII, 16)? Какую пользу оказалъ Саулу Самуилъ? Не до послѣдняго ли дня онъ плакалъ о немъ, а не просто молился только? Какую пользу принесъ онъ израильтянамъ? Не говорилъ ли онъ: *да никакоже ми согрѣшити — оставити еже молитися о насъ* (1 Цар. XII, 23)? И не погибли ли они всѣ? Итакъ, скажутъ, молитвы не приносятъ никакой пользы? Приносятъ, и большую, но—когда и мы дѣлаемъ что-нибудь; молитвы (другихъ) содѣйствуютъ и помогаютъ, а содѣйствовать кто-либо и помогать можетъ только тому, кто уже самъ дѣйствуетъ; если же самъ остаешься въ бездѣйствіи, то не получишь большой пользы.

4. Дѣйствительно, если бы молитвы (другихъ), при бездѣйствіи съ нашей стороны, имѣли силу вводить насъ въ царствіе, то почему не всѣ эллины — христіане? Не за весь ли міръ мы молимся? Не дѣлалъ ли того же и Павелъ? Не молимся ли мы, чтобы всѣ обратились ко спасенію? Почему же, скажи, нечестивые не дѣлаются благочестивыми? Не оттого ли, очевидно, что они ничего не хотятъ привнести съ своей стороны? Итакъ, молитвы (другихъ) доставляютъ великую пользу, когда и сами мы привносимъ къ нимъ то, что требуется отъ насъ. Хочешь ли знать, какъ бывали полезны молитвы? Вспомни о Корнилiѣ (Дѣян. X, 4), о Тавиѳѣ (Дѣян. IX, 36). Послушай также, что говорилъ Іаковъ Лавану: *аще не бы страхъ отца моего былъ мнѣ, нынѣ тща отпустилъ бы мя еси* (Быт. XXXI, 42). Послушай еще, что говоритъ самъ Богъ: *защищу градъ сей мене ради, и Давида ради раба моего* (4 Цар. XIX, 34). Но когда это? При Езекіи, который былъ праведенъ. Между тѣмъ если бы молитвы имѣли силу и для великихъ нечестивцевъ, то почему, и во время нашествія Навуходоносора, Богъ не сказалъ того же, а предалъ городъ? Потому, что тогда болѣе усилилось нечестіе. Опять, тотъ же самый Самуилъ молился объ израильтянахъ, и имѣлъ успѣхъ. Но когда?

Когда и сами они благоугождали предъ Богомъ, тогда Богъ прогонялъ враговъ ихъ. Какая же мнѣ нужда, скажетъ кто-нибудь, въ молитвѣ другого, когда я живу богоугодно? Никогда не говори этого, человѣкъ! Есть нужда, и нужда во многихъ молитвахъ. Послушай, что говоритъ Богъ о друзьяхъ Іова. Онъ *помолится*, говоритъ, *о васъ*, и отпустится вамъ согрѣшеніе (Іов. XLII, 8), потому что, хотя они и согрѣшили, но не великъ былъ ихъ грѣхъ. А этотъ же самый праведникъ, спасшій тогда молитвою друзей своихъ, во время іудейскаго царства не могъ спасти іудеевъ отъ погибели. И чтобы тебѣ это понятно было, послушай, что говоритъ Богъ чрезъ пророка: *аще станетъ Ное, и Іовъ, и*
398 *Даніилъ, не избавятъ сыновъ и дщерей* (Іезек. XIV, 14—18), потому что превозмогло нечестіе. И опять: *аще станутъ Моисей и Самуилъ* (Іерем. XV, 1). И замѣть, какъ это говорится двумъ пророкамъ, потому что оба они предстательствовали за іудеевъ, но не имѣли успѣха. Такъ какъ Іезекіиль говорилъ: *горе мнѣ, Господи, еда потребляеши ты останки Израилевы* (Іезек. IX, 8), то Богъ, давая знать, что дѣлаетъ это праведно, и не по небреженію къ нему не принимаетъ его ходатайства за нихъ, указываетъ ему на ихъ грѣхи, какъ бы говоря: и эти уже грѣхи достаточно могутъ увѣрить тебя, что Я не по небреженію къ тебѣ не принимаю твоего предстательства, но по множеству ихъ грѣховъ,— при всемъ томъ прибавляетъ и эти слова: *аще станетъ Ное, и Іовъ, и Даніилъ*. И въ особенности нужно было сказать къ нему эти слова, потому что онъ самъ много пострадалъ для израильтянъ. Ты сказалъ мнѣ, Господи, говоритъ онъ, чтобы я ѣлъ въ нечистотахъ, и я ѣлъ; Ты сказалъ мнѣ, и я обрился; Ты сказалъ мнѣ, и я лежалъ на одномъ боку; Ты сказалъ мнѣ съ ношею пройти сквозь стѣнное отверстіе, и я прошелъ; Ты взялъ у меня жену и запретилъ мнѣ плакать, и я не плакалъ, но претерпѣлъ благодушно. Я сдѣлалъ тысячи и другихъ самопожертвованій ради нихъ, и вотъ я умоляю Тебя о нихъ,—а Ты не внимаешь! Итакъ, Богъ, показывая, что дѣлаетъ это не по небреженію къ нему, говоритъ: хотя бы былъ Ной, хотя бы Іовъ, хотя бы Даніилъ, и стали умолять о сынахъ и дщеряхъ, Я не послушаю. И опять, что говоритъ Богъ Іереміи, менѣе страдавшему вслѣдствіе повелѣній Божіихъ, но гораздо болѣе отъ нечестія іудеевъ? *Еда не видиши, что сіи творятъ* (Іерем. VII, 17)? Правда, говоритъ пророкъ, они творятъ; но Ты сдѣлай ради меня. На это Богъ говоритъ ему: *аще станетъ Моисей и Самуилъ*. Моисей— первый законодатель, много разъ избавлявшій ихъ отъ опасностей, сказавшій: *аще убо оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави: аще же ни, и мя изглади* (Исх. XXXII, 32),—если бы даже онъ былъ теперь

и говорилъ это, то и онъ не успѣлъ бы, равно какъ и Самуилъ, также избавлявшій ихъ и съ самыхъ малыхъ лѣтъ заслужившій у нихъ великое уваженіе. О первомъ Я сказалъ, что бесѣдовалъ съ нимъ, какъ другъ съ другомъ, а не въ притчахъ, а о послѣднемъ, что Я въ отрочествѣ его явился ему и, преклонившись на просьбу его, отверзъ заключенный даръ пророчества: *и глаголъ Господень*, сказано, *бѣ честенъ, и не бѣ видѣніе посылаемо* (1 Цар. III, 1). Итакъ, если бы оба они предстали, не имѣли бы никакого успѣха. Равнымъ образомъ говорится и о Ноѣ: *праведенъ, совершенъ въ родѣ своемъ* былъ Ной (Быт. VI, 9),—и объ Іовѣ, что онъ *непороченъ, праведенъ, истиненъ, богочестивъ* (Іов. I, 1). Но если бы и они предстали, и Даніилъ, котораго халдеи почитали даже какъ Бога, то не могли бы, говоритъ Богъ, избавить сыновъ и дщерей ихъ. Итакъ, зная это, не будемъ ни пренебрегать молитвами святыхъ, ни полагаться на нихъ всецѣло. Соблюдемъ послѣднее для того, чтобы не облѣниться и не проводить жизни въ праздности, а первое для того, чтобы не лишиться великой пользы. Напротивъ, будемъ и ихъ просить, чтобы они молились о насъ и помогали намъ, и сами — пребывать въ добродѣтели, чтобы быть въ состояніи достигнуть благъ, обѣщанныхъ любящимъ Бога, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА II.

Отъ васъ бо промчеся слово Господне не токмо въ 399
Македоніи и Ахаіи, но и во всяко мѣсто вѣра ваша, яже къ Богу, изыде, яко не требовати намъ глаголати что. Тіи бо о насъ возвѣщаютъ, каковъ входъ имѣхомъ къ вамъ, и како обратистеся къ Богу отъ идолъ, работати Богу живу и истинну, и ждати Сына его съ небесъ, егоже воскреси изъ мертвыхъ, Іисуса, избавляющаго насъ отъ гнѣва грядущаго (1 Сол. I, 8—10).

1. Какъ благовонное миро не удерживаетъ благоуханія въ себѣ самомъ, но разливаетъ его далеко и, растворяя имъ воздухъ, услаждаетъ чувства близъ стоящихъ, такъ точно благородные и досточтимые мужи не могутъ скрыть своихъ доблестей въ себѣ самихъ, но чрезъ распространяющуюся о нихъ славу многимъ приносятъ пользу, дѣлая ихъ лучшими. То же самое совершилось и тогда (съ ѳессалоникійцами). Поэтому (апостолъ) и сказалъ:

яко быти вамъ образъ всѣмъ вѣрующимъ въ Ахаіи и Македоніи. Отъ васъ бо, говоритъ, *промчеся слово Господне не токмо въ Македоніи и Ахаіи, но и во всяко мѣсто вѣра ваша, яже къ Богу, изыде*. Вы, говоритъ, представили собою поучительный примѣръ для всѣхъ живущихъ близъ васъ, и исполнили удивленія всю вселенную: слова: *во всяко мѣсто* такой именно имѣютъ смыслъ. И не сказалъ онъ: распространилась (διατεθρύλληται) вѣра ваша, но *промчеся* (ἐξήχηται), внушая тѣмъ, что подобно тому, какъ гласъ звучащей трубы наполняетъ всѣ окрестныя мѣста, такъ и слава о вашей доблести, громкая точно звукъ трубный, наполнила всю вселенную и повсюду до всѣхъ достигла съ равною силою. Великія дѣянія тамъ, гдѣ они совершаются, громогласно бываютъ прославлены, а въ отдаленіи, хотя и прославляются, но не такъ. Но съ вами иначе: слава о васъ съ одинаковою силою разнеслась по всей землѣ. И пусть никто не думаетъ, что въ этихъ словахъ есть преувеличеніе. Народъ этотъ, народъ македонскій, былъ знаменитъ еще до пришествія Христова и повсюду славился болѣе римлянъ. Сами римляне тѣмъ знамениты, что покорили его.

То, что совершилъ царь македонскій, выше всякаго слова: выступивъ въ походъ изъ незначительнаго государства, онъ овладѣлъ всею вселенною. Вотъ почему пророкъ видитъ его подъ образомъ летучаго барса, изображая этимъ скорость, силу, пылкость и ту быстроту, съ которою онъ промчался чрезъ всю вселенную со своими трофеями и побѣдою. Говорятъ, что онъ, услышавъ отъ нѣкоего философа о существованіи безчисленнаго множества міровъ, горько жалѣлъ, что несмотря на ихъ безчисленность онъ не завоевалъ даже и одного. Такъ онъ былъ предпріимчивъ и великъ душею и такъ былъ славенъ по всей землѣ! Но со славою царя соединялась и слава народа: вѣдь Александра называли македоняниномъ. Поэтому вмѣстѣ со славою о немъ самомъ, естественно, распространялась повсюду слава и о событіяхъ его царства, такъ какъ ничто знаменитое не можетъ оставаться въ неизвѣстности. Итакъ, дѣянія македонянъ были не менѣе славны, какъ и дѣянія римлянъ. *Вѣра ваша яже къ Богу*,
400 говоритъ, *изыде*. Смотри, что онъ говоритъ какъ бы о чемъ-то одушевленномъ, употребляя слово: *изыде*. И этотъ образъ выраженія внушенъ, конечно, силою ихъ (вѣры). Потомъ, желая показать, что они точно обнаружили вѣру крѣпкую и дѣйственную, прибавляетъ далѣе: *яко не требовати намъ глаголати что: тіи бо о насъ возвѣщаютъ, каковъ входъ имѣхомъ къ вамъ*. То есть,—нигдѣ не ждутъ услышать наше повѣствованіе о васъ, но люди, не посѣщавшіе васъ и не видѣвшіе ничего, предваряютъ своими разсказами о васъ тѣхъ, которые у васъ были и видѣли ваши по-

двиги. Такъ всюду по слухамъ сдѣлалась извѣстною ваша вѣра! Итакъ, намъ нѣтъ надобности разсказывать о вашихъ дѣлахъ, для возбужденія въ другихъ подобнаго же соревнованія,—потому что о чемъ надлежало бы имъ слышать отъ насъ, о томъ они, предупреждая насъ, разсказываютъ сами. Хотя при такихъ случаяхъ въ людяхъ часто дѣйствуетъ зависть, но ваше превосходство побѣдило и ее, и они сдѣлались провозвѣстниками вашихъ подвиговъ. Несмотря на то, что они и отстали отъ васъ, они все-таки не молчатъ, но даже прежде другихъ разсказываютъ о васъ. Если же такъ поступаютъ они, то нельзя не довѣрять нашимъ словамъ. Что значитъ: *каковъ входъ имѣхомъ къ вамъ?* То, что онъ былъ соединенъ съ опасностями, съ тысячею смертей, и однако ничто васъ не возмутило, напротивъ—вы обращались съ нами такъ, какъ будто бы ничего не случилось, вы приняли насъ послѣ этого такъ, какъ будто не претерпѣли никакого зла, а насладились безчисленными благами. Упоминаемый здѣсь входъ былъ вторичный. Именно, (апостолъ и его спутники) отправились (изъ Ѳессалоники) въ Веррію, будучи преслѣдуемы, и впослѣдствіи, пришедши опять (къ ѳессалоникійцамъ), такъ были приняты ими, что и сами (ѳессалоникійцы) были почтены (апостолами), такъ что эти послѣдніе готовы были положить за нихъ свою душу. Слѣдовательно, значеніе выраженія: *каковъ входъ имѣхомъ къ вамъ*—обоюдно: оно содержитъ въ себѣ похвалу и апостолу съ его спутниками, и ѳессалоникійцамъ; но апостолъ обратилъ его въ похвалу ѳессалоникійцевъ. *И како*, говоритъ онъ, *обратистеся къ Богу отъ идолъ, работати Богу живу и истинну*, то есть,—вы обратились весьма легко, съ большою готовностію, и не чувствовали нужды въ особенномъ усиліи для того, чтобы рѣшиться служить Богу живому и истинному. Къ этому (апостолъ) присоединилъ и увѣщаніе, дѣлая чрезъ это свою рѣчь менѣе тяжелой. *И ждати*, говоритъ, *Сына его съ небесъ*, *егоже воскреси изъ мертвыхъ*, *Іисуса*, *избавляющаго насъ отъ гнѣва грядущаго. И ждати Сына его съ небесъ*—Того, который былъ распятъ, который былъ погребенъ; поэтому, поясняя сказанное, онъ прибавляетъ: *егоже воскреси изъ мертвыхъ*. Видишь все вмѣстѣ: и воскресеніе, и вознесеніе, и второе пришествіе, судъ, воздаяніе праведнымъ и наказаніе злыхъ? *Іисуса*, говоритъ, *избавляющаго насъ отъ гнѣва грядущаго*. Здѣсь и ободреніе, и утѣшеніе, и наставленіе для нихъ. Если (Богъ) воскресилъ Его изъ мертвыхъ, если Онъ на небесахъ, и придетъ оттуда (а вы увѣровали, что это дѣйствительно такъ, потому что, не увѣровавъ, вы не перенесли бы такихъ страданій), то въ этомъ заключается уже достаточное ободреніе. А если еще и гонители непремѣнно будутъ наказаны, о чемъ

говоритъ (апостолъ) и во второмъ посланіи (2 Сол. I, 8—9), то вы имѣете и другое, также не малое, ободреніе. Съ другой стороны, онъ сказалъ объ ожиданіи Сына Его съ небесъ и для того, чтобы показать, что бѣдствія на лицо, а блага въ будущемъ, когда Христосъ придетъ съ небесъ. Смотри же, сколько надобно имѣть надежды,—надѣйся, что Распятый воскресъ, что онъ воз-
401 несся на небеса, что придетъ судить живыхъ и мертвыхъ. *Сами бо вѣсте, братіе, входъ нашъ иже къ вамъ, яко не вотще бысть, но предпострадавше и досаждени бывше, якоже вѣсте, въ Филиппѣхъ, дерзнухомъ о Бозѣ нашемъ глаголати къ вамъ благовѣствованіе Божіе со многимъ подвигомъ* (II, 1—2).

2. Велики и ваши подвиги; но и мы не человѣческое проповѣдывали слово. Здѣсь (апостолъ) хочетъ выразить то, что и выше говорилъ, именно, что свойства проповѣди обнаруживаются съ обѣихъ сторонъ—какъ со стороны чудесъ и рѣшимости проповѣдниковъ, такъ и со стороны ревности и усердія принимающихъ. *Сами бо вѣсте*, говоритъ, *входъ нашъ иже къ вамъ, яко не вотще бысть*, то есть, не обыкновенный, не случайный. Едва избавившись отъ великихъ опасностей, отъ смертей, отъ пораженій, мы тотчасъ же впали въ новыя опасности. *Но предпострадавше*, говоритъ, *и досаждени бывше, якоже вѣсте, въ Филиппѣхъ, дерзнухомъ о Бозѣ нашемъ*. Видишь ли, какъ опять все приписываетъ Богу? *Глаголати къ вамъ благовѣствованіе Божіе со многимъ подвигомъ*. Нельзя, говоритъ, сказать, чтобы тамъ мы подвергались опасностямъ, а здѣсь—нѣтъ. Знаете и вы, какова эта опасность и каковъ нуженъ былъ подвигъ—быть у васъ. (Апостолъ) говоритъ это и коринѳянамъ въ посланіи къ нимъ: *въ немощи и трудѣ и страсѣ и трепетѣ мнозѣ быхъ въ васъ* (1 Кор. II, 3). *Утѣшеніе бо наше не отъ прелести, ни отъ нечистоты, ни лестію: но якоже искусихомся отъ Бога вѣрни быти пріяти благовѣствованіе, тако глаголемъ, не аки человѣкомъ угождающе, но Богу, искушающему сердца наша* (ст. 3—4). Видишь ли, что, какъ я уже сказалъ, отъ твердости проповѣдниковъ заимствуется доказательство божественности ихъ проповѣди? Если бы, значитъ, проповѣдь наша была не такова, если бы она была обманомъ, то мы не подвергли бы себя такимъ бѣдствіямъ, которыя не даютъ намъ и вздохнуть свободно. Что же изъ этого слѣдуетъ? Если бы насъ не одушевляло нѣчто, ожидаемое въ будущемъ, если бы мы не увѣрены были, что надежда наша несомнѣнна, то мы не оставались бы столь бодрыми среди страданій. Въ самомъ дѣлѣ, кто рѣшился бы ради здѣшнихъ благъ потерпѣть столько бѣдствій и проводить жизнь страдальческую и полную опасностей? Да и кого бы убѣдилъ такой проповѣдникъ? Не достаточно ли было бы для

устрашенія учениковъ одного того, что они видѣли бы учителей своихъ постоянно въ опасностяхъ? Но съ вами не случилось этого. *Утѣшеніе бо наше*, то есть ученіе, *не отъ прелести*. Дѣло наше, говоритъ, не обманъ, не обольщеніе, въ которое бы мы вдались, не изъ рода дѣлъ темныхъ, каковы дѣла чародѣевъ и волшебниковъ,—это выражается словомъ: *отъ нечистоты*, — не злонамѣренное, не мятежническое какое-нибудь, какъ дѣло Өевды: *но якоже искусихомся отъ Бога вѣрни быти пріяти благовѣствованіе, тако глаголемъ, не аки человѣкомъ угождающе, но Богу*. Видишь ли, что это не тщеславіе? *Но Богу*, говоритъ, *искушающему сердца наша*. Мы ничего, говоритъ, не дѣлаемъ изъ угожденія людямъ; да и для чего мы стали бы дѣлать что-нибудь такое? Похваливъ такимъ образомъ самихъ себя, въ словахъ: не потому, чтобы мы хотѣли угождать людямъ, или домогались отъ людей чести,—апостолъ продолжаетъ: *но якоже искусихомся отъ Бога вѣрни быти пріяти благовѣствованіе*. Если бы Богъ не зналъ, какъ бы такъ говоритъ онъ, что мы совершенно отреклись отъ всего житейскаго, то не избралъ бы насъ. Какъ Онъ искусилъ насъ, такими мы и остаемся. *Искусихомся*, говоритъ, *отъ Бога*, то есть, 402
(Богъ) искусилъ насъ и ввѣрилъ намъ благовѣствованіе. Итакъ, какъ оказались мы предъ Богомъ безукоризненными, такими и остаемся. Доказательствомъ подобнаго достоинства нашего служитъ то, что намъ ввѣрено благовѣствованіе. Если бы въ насъ было что-нибудь дурное, то Богъ не искусилъ бы насъ. Слово же—искусилъ (ἐδοκίμασεν) употреблено здѣсь въ смыслѣ—нашелъ стоющими довѣрія (δοκίμους) и ввѣрилъ, а не въ смыслѣ—испробовалъ, потому что мы только дѣйствуемъ вслѣдствіе испытанія, а Богъ не имѣетъ нужды въ испытываніи. Такимъ образомъ мы говоримъ такъ, какъ свойственно искушеннымъ отъ Бога и признаннымъ достойными благовѣствованія. И *глаголемъ, не аки человѣкомъ угождающе*, то есть, не ради васъ все это дѣемъ. Такъ какъ онъ предъ этимъ похвалилъ ихъ, то, чтобы не навлечь на свои слова подозрѣнія, продолжаетъ: *никогда же бо въ словеси ласканія быхомъ, якоже вѣсте, ниже въ винѣ лихоиманія, Богъ свидѣтель, ни ищуще отъ человѣкъ славы, ни отъ васъ, ни отъ инѣхъ, могуще въ тяготѣ быти, якоже Христовы апостоли* (ст. 5—7). *Никогда же бо*, говоритъ, *въ словеси ласканія быхомъ*,—то есть, мы не льстили, какъ это дѣлаютъ обманщики, люди, ищущіе корысти или власти. Нельзя сказать, что мы льстили, чтобы достигнуть власти, или что мы рѣшились на это для денегъ. Въ свидѣтели этого, хотя это было очевидно, онъ призываетъ наконецъ ихъ самихъ. Льстили ли мы, говоритъ, вы знаете. Во свидѣтели же того, что было неочевидно, то есть, проповѣдывалъ ли

онъ ради любостяжанія, призываетъ самого Бога. *Ни ищуще отъ человѣкъ славы, ни отъ васъ, ни отъ инѣхъ, могуще въ тяготѣ быти, якоже Христовы апостоли*, то есть, не требуя почестей, не тщеславясь и не окружая себя копьеносцами, хотя, если бы мы и дѣлали это, не сдѣлали бы ничего страннаго. Если посланники царей пользуются честію, тѣмъ болѣе можно намъ. И не сказалъ: мы терпѣли безчестіе, или: не пользовались честію, что̀ значило бы упрекать (ѳессалоникійцевъ), но: мы не искали. Итакъ, если мы не искали славы, хотя и можно было искать, и самая проповѣдь того требовала, то какимъ образомъ мы дѣлаемъ что-нибудь для славы? Между тѣмъ, если бы мы и искали, то и того нельзя было бы поставить намъ въ вину, потому что тѣмъ, которые посланы къ людямъ отъ Бога, по всей справедливости надлежитъ, какъ явившимся нынѣ съ неба вѣстникамъ, пользоваться большою честію. И, несмотря на все это, мы не дѣлаемъ ничего подобнаго, чтобы заградить уста противниковъ.

3. И нельзя сказать, будто мы съ вами поступали такъ, а съ другими иначе. Въ самомъ дѣлѣ, (апостолъ) то же говорилъ и въ посланіи коринѳянамъ: *пріемлете бо, аще кто васъ порабощаетъ, аще кто поядаетъ, аще кто отъемлетъ, аще кто величается, аще кто по лицу біетъ вы* (2 Кор. XI, 20). И еще: *пришествіе тѣла немощно, и слово уничиженно* (2 Кор. X, 10). И еще: *дадите ми неправду сію* (2 Кор. XII, 13). Такимъ образомъ и тамъ показываетъ, что онъ былъ весьма смиреннымъ, потому что перенесъ много (бѣдствій). А здѣсь говоритъ и о деньгахъ: *могуще въ тяготѣ быти, якоже Христовы апостоли. Но быхомъ тиси посредѣ васъ: якоже доилица грѣетъ своя чада, како желающе васъ, благоволихомъ подати вамъ не точію благовѣствованіе Божіе, но и души своя, занеже возлюблени бысте намъ* (ст., 7—8). *Но быхомъ*, говоритъ, *тиси*, то есть, мы не обнаружили ни грубости, ни притѣсненія, ни высокомѣрія, ни хвастовства; а слова: *посредѣ васъ* означаютъ то же, какъ если бы кто сказалъ: мы такіе же, какъ и вы, и не получили никакого высшаго жребія.
403

Якоже доилица, говоритъ, *грѣетъ своя чада*. Такимъ должно быть учителю. Льститъ ли кормилица дитяти, чтобы заслужить у него славу? Ищетъ ли она денегъ отъ малютокъ? Бываетъ ли высокомѣрна съ ними и сурова? Напротивъ, не бываетъ ли она нѣжнѣе самихъ матерей? Здѣсь (апостолъ) обнаруживаетъ въ себѣ нѣжную любовь. *Тако*, говоритъ, *желающе васъ*, то есть, усердствуя къ вамъ; мы, говоритъ, преданы вамъ до такой степени, что не только ничего не беремъ отъ васъ, но, если бы нужно было, не отказались бы отдать вамъ и свои души. Итакъ, человѣческій ли это разсчетъ, скажи мнѣ? Но кто будетъ столько

безразсуденъ, чтобы сказать это? *Благоволихомъ*, говоритъ, *подати вамъ не точію благовѣствованіе Божіе, но и души своя*. Послѣднее, слѣдовательно, труднѣе перваго. А что больше приноситъ пользы? Отъ благовѣствованія дѣйствительная польза для нихъ; но предать душу—подвигъ большій по своей трудности. Въ самомъ дѣлѣ, не все равно—проповѣдывать только, и—отдать душу. Первое само по себѣ досточтимѣе, послѣднее гораздо труднѣе. Мы готовы были, говоритъ, если бы это было нужно, и души свои истощить для васъ. Такъ какъ (апостолъ) и прежде хвалилъ и теперь хвалитъ (ѳессалоникійцевъ), то и говоритъ поэтому: мы дѣлаемъ это не для выпрашиванія денегъ, не изъ лести, не для снисканія у васъ славы. Обрати однако вниманіе! Такъ какъ (ѳессалоникійцы) оказали много подвиговъ, и нхъ слѣдовало безмѣрно хвалить и имъ удивляться, чтобы они явили себя еще болѣе непреклонными, то похвала такого рода могла показаться подозрительною. Поэтому, устраняя всякое подозрѣніе, онъ говоритъ о своихъ бѣдствіяхъ. Съ другой стороны, опасаясь, чтобы не подумали, что онъ говоритъ о бѣдствіяхъ съ цѣлію показать, какъ онъ трудился для нихъ и какою, слѣдовательно, честію долженъ у нихъ пользоваться, онъ, сказавъ о бѣдствіяхъ, прибавилъ: *занеже возлюблени бысте намъ*, показывая такимъ образомъ, что мы даже охотно отдали бы вамъ свои души, потому что были вамъ совершенно преданы. Итакъ, благовѣствованіе мы возвѣщаемъ вамъ потому, что Богъ повелѣлъ намъ это; но съ своей стороны мы васъ столько любимъ, что, если бы нужно было, отдали бы вамъ даже свои души. Такъ-то долженъ любить истинно любящій. Онъ не откажетъ даже въ своей душѣ, если бы у него потребовали ея и если бы это было возможно. Но что я говорю: потребовали? Онъ самъ вызовется на такое пожертвованіе. Ничего, подлинно ничего не можетъ быть сладостнѣе такой любви. Для нея ничто не представляется прискорбнымъ. Вѣрный другъ поистинѣ—услада жизни. Вѣрный другъ поистинѣ—твердый покровъ.

Чего, въ самомъ дѣлѣ, не сдѣлалъ бы искренній другъ? Какого не доставилъ бы онъ удовольствія? Какой пользы? Какой безопасности? Укажи ты на безчисленныя сокровища, и все это—ничто въ сравненіи съ искреннимъ другомъ. Но скажемъ прежде, сколько удовольствія заключаетъ дружба въ себѣ самой. Взирающій на друга просвѣтляется отъ радости, таетъ отъ удовольствія и соединяется съ нимъ по душѣ какимъ-то особеннымъ союзомъ, заключающимъ въ себѣ неизъяснимое наслажденіе. Онъ оживаетъ духомъ и окрыляется даже при одномъ только воспоминаніи о немъ. Я говорю о друзьяхъ искреннихъ, единодушныхъ, готовыхъ умереть другъ за друга, горячо любящихъ другъ друга.

Не думайте опровергнуть мои слова, воображая себѣ обыкновенныхъ пріятелей, сообщниковъ застольныхъ, друзей по одному
404 имени. Кто имѣетъ такого друга, о какомъ говорю я, тотъ пойметъ мои слова. Хотя бы онъ видѣлъ его каждый день, онъ не пресытится; онъ желаетъ ему того же, чего и себѣ самому. Я зналъ одного человѣка, который, призывая въ молитвѣ за друга святыхъ Божіихъ мужей, молилъ ихъ предстательствовать прежде за него, а потомъ уже за себя. Другъ такъ милъ, что даже мѣста и времена становятся любезны отъ него. Какъ свѣтлыя тѣла разливаютъ свѣтъ на окружающіе предметы, такъ и друзья самымъ мѣстамъ, въ которыхъ случалось имъ бывать, сообщаютъ свою пріятность. И часто бываетъ, что, посѣтивъ эти мѣста безъ друзей, мы плачемъ, вспоминая о тѣхъ дняхъ, въ которые были здѣсь вмѣстѣ, и рыдаемъ. Невозможно однако словами выразить, сколько удовольствія доставляетъ присутствіе друзей; это понимаютъ только тѣ, которые испытали. Отъ друга можно безъ зазрѣнія и просить услуги, и принимать услугу. Когда они приказываютъ намъ, мы имъ благодарны,—и скорбимъ, когда они стѣсняются. У насъ нѣтъ ничего, что не принадлежало бы имъ. Часто, презирая все здѣшнее, мы однако не хотимъ разстаться съ здѣшнею жизнію только для нихъ. Они вожделѣннѣе намъ самаго свѣта.

4. И дѣйствительно, другъ вожделѣннѣе самаго свѣта. Я говорю о другѣ искреннемъ. И не дивись этому. Въ самомъ дѣлѣ, лучше для насъ, чтобы солнце померкло, чѣмъ лишиться друзей; лучше проводить жизнь во тьмѣ, нежели жить безъ друзей. И я скажу, почему это. Многіе, взирающіе на солнце, находятся во тьмѣ, а богатые друзьями никогда не бываютъ скорбны. Я говорю о друзьяхъ духовныхъ, ничего не предпочитающихъ дружбѣ. Таковъ былъ Павелъ, который, охотно отдавая (друзьямъ) свою душу, хотя они и не просили его о томъ, охотно бросился бы за нихъ въ геенну. Такъ надобно любить пламенною любовію! Я хочу представить примѣръ дружбы. Друзья дороже отцевъ и сыновей,—друзья о Христѣ. Не говори мнѣ о друзьяхъ нынѣшнихъ, потому что вмѣстѣ со многимъ другимъ утрачено нынѣ и это благо; но вспомни, что при апостолахъ,—не говорю о первостоятеляхъ, а о самихъ даже вѣровавшихъ,—у всѣхъ, какъ сказано, *бѣ сердце и душа едина, и ни единъ же что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти: и даяшеся коемуждо, егоже аще кто требоваше* (Дѣян. IV, 32, 35). Тогда не было моего и твоего. Вотъ дружба, когда кто не почитаетъ своего своимъ, но принадлежащимъ ближнему, а собственность ближняго считаетъ чуждою для себя,—когда одинъ такъ бережетъ жизнь другого, какъ свою собствен-

ную, а тотъ платитъ ему взаимно такимъ же расположеніемъ. Но гдѣ же, скажутъ, можно теперь отыскать такого друга? Именно, нигдѣ нельзя, потому что мы не хотимъ быть такими, а если бы захотѣли, было бы даже очень можно. Если бы это было въ самомъ дѣлѣ невозможно, то Христосъ не заповѣдалъ бы этого и не говорилъ бы такъ много о любви. Великое дѣло дружба, и въ какой мѣрѣ великое, этого никто не можетъ понять, этого не выразитъ даже никакое слово, развѣ кто узнаетъ по своему опыту. Непониманіе ея произвело ереси: оно заставляетъ эллиновъ досел҃ѣ еще оставаться эллинами. Любящій не желаетъ ни повелѣвать, ни начальствовать; но радъ лучше самъ находиться подъ начальствомъ и принимать приказанія. Онъ желаетъ лучше благодѣтельствовать, нежели принимать благодѣянія, потому что онъ любитъ и, слѣдовательно, всегда находится въ состояніи человѣка, какъ бы не удовлетворившаго своему желанію. Онъ не столько радуется, принимая благодѣяніе, сколько дѣлая благодѣяніе, потому что желаетъ лучше обязать другого, нежели быть обязаннымъ ему, лучше же сказать—хочетъ и быть обязаннымъ ему и его имѣть своимъ должникомъ. Онъ и хочетъ благодѣтельствовать и не хочетъ показать, что благодѣтельствуетъ, но представляетъ себя какъ бы должникомъ другого. Думаю, что многіе изъ васъ, можетъ быть, не понимаютъ сказаннаго: поэтому 405
считаю необходимымъ опять повторить то же. Онъ хочетъ и начать благодѣяніе и не казаться начинающимъ, а только какъ бы платящимъ за одолженіе. Такъ и Богъ поступилъ съ людьми. Онъ восхотѣлъ даровать за насъ Сына своего: однако, чтобы не показать, что (единственно по благодати) даруетъ Его, но—какъ бы отдаетъ намъ долгъ, Онъ повелѣлъ Аврааму дать (Себѣ) своего сына, чтобы казалось, что Онъ, дѣлая нѣчто великое, ничего не дѣлаетъ великаго. Когда нѣтъ дружбы, то мы ставимъ въ укоръ другимъ наши благодѣянія, превозносимъ ихъ даже при всей ихъ незначительности. А когда есть дружба, мы скрываемъ ихъ, и великія хотимъ выдать за малыя, чтобы не показать, что другъ у насъ въ долгу, но—что мы сами одолжены ему тѣмъ, что онъ позволилъ намъ одолжить его. Знаю, что многіе не понимаютъ того, о чемъ я говорю; причина этого въ томъ, что я говорю о такой вещи, которая имѣетъ мѣсто теперь только на небѣ. Если бы я сталъ говорить о какомъ-нибудь растеніи, произрастающемъ въ Индіи, котораго никто здѣсь не знаетъ по опыту, то сколько бы я ни говорилъ, слово было бы не въ состояніи вполнѣ изобразить его: такъ и въ настоящемъ случаѣ, сколько я ни стану говорить, буду говорить напрасно, потому что никто не въ состояніи будетъ понять. На небѣ насаждено это растеніе; вѣтви его

отличены не жемчугами, но плодомъ гораздо пріятнѣйшимъ—
жизнью добродѣтельною. Какое хочешь, представь себѣ удоволь-
ствіе—низкое ли, благородное ли—сладость дружбы будетъ выше
всѣхъ ихъ. Укажи даже на сладость меда, но и медъ дѣлается
приторнымъ; а другъ никогда, пока остается другомъ, напротивъ—
403 любовь къ нему болѣе и болѣе возрастаетъ, между тѣмъ происте-
кающее изъ нея удовольствіе никогда не производитъ пресыще-
нія. Другъ милѣе этой временной жизни. Потому-то многіе по
кончинѣ друзей не желали болѣе жить. Съ другомъ иной съ удо-
вольствіемъ можетъ жить и въ ссылкѣ; а безъ друга и дома жить не
захотѣлъ бы. Съ другомъ и бѣдность не тяжела, а безъ него въ тя-
гость и здоровье и богатство. Имѣющій друга имѣетъ другого
себя. Жалѣю, что не могу объяснить этого примѣромъ, такъ какъ
сознаю, что все сказанное будетъ гораздо менѣе того, что слѣдо-
вало бы сказать. Вотъ что значитъ дружба для этой жизни. А у
Бога уготована ей такая великая награда, что и выразить нельзя.
Онъ дастъ намъ награду для того, чтобы мы любили другъ друга.
Люби, говоритъ, и прими за это награду,—между тѣмъ какъ мы за
это должны бы воздавать награду. Молись, говоритъ, и получи за
это награду,—тогда какъ мы должны бы принести воздаяніе, потому
что мы просимъ у Него благъ. За то, что просишь, говоритъ,
получи награду. Постись, и получи награду. Будь добродѣте-
ленъ, и получи награду, хотя ты самъ долженъ бы вознаградить.
Истинно, какъ отцы, когда сдѣлаютъ своихъ дѣтей благоправ-
ными, даютъ имъ тогда награды, потому что считаютъ себя долж-
никами за то, что (дѣти) доставили имъ удовольствіе, такъ и
Богъ. Получи, говоритъ, награду, если ты добродѣтеленъ, потому
что ты радуешь Отца, и Я долженъ тебя за это наградить. А
если ты золъ, нѣтъ тебѣ ничего, потому что ты оскорбляешь
Родившаго тебя. Не будемъ же оскорблять Бога, но постараемся
радовать Его, чтобы сподобиться царства небеснаго во Христѣ
Іисусѣ Господѣ нашемъ (съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ
слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА III.

Помните бо братіе трудъ нашъ и подвигъ: нощь бо и день дѣлающе, да не отяготимъ же единаго отъ васъ, проповѣдахомъ вамъ благовѣствованіе Божіе. Вы свидѣтели и Богъ, яко преподобно и непорочно и праведно вамъ вѣрующимъ быхомъ, якоже вѣсте, зане единаго когождо васъ, якоже отецъ чада своя, молящe и утѣшающе васъ и свидѣтельствующе ходити вамъ достойно Богу, призвавшему вы въ свое царство и славу (1 Сол. II, 9—12). 405

1. Учитель ничего не долженъ считать для себя обременительнымъ, что клонится ко спасенію учениковъ. Если блаженный Іаковъ днемъ и ночью до изнуренія трудился на стражѣ овецъ, то тѣмъ болѣе долженъ дѣлать все тотъ, кому ввѣрены души, (хотя бы) занятія его были изнурительны или унизительны, имѣя въ виду только одно—спасеніе поучаемыхъ и проистекающую отсюда славу Божію. Смотри поэтому, какъ и Павелъ, будучи проповѣдникомъ и апостоломъ вселенной и удостоившись столь высокой чести, работалъ собственными руками, чтобы не отяготить поучаемыхъ. *Помните бо*, говоритъ, *братіе, трудъ нашъ и подвигъ*. Выше сказалъ онъ: *могуще въ тяготѣ быти, якоже Христовы апостоли* (ст. 7). То же говоритъ и въ посланіи къ коринѳянамъ: *не вѣсте ли, яко дѣлающіи священная, отъ святилища ядятъ? Тако и Господь повелѣ проповѣдающимъ благовѣстіе отъ благовѣстія жити* (1 Кор. IX, 13—14). Но я, говоритъ, не хотѣлъ этого, а трудился самъ. И не просто трудился, но съ великимъ стараніемъ. И смотри, что говоритъ: *помните бо*,—не сказалъ: благодѣянія мои, но: *трудъ нашъ и подвигъ: нощь бо и день дѣлающе,* 406
да не отяготимъ ни единаго отъ васъ, проповѣдахомъ вамъ благовѣствованіе Божіе. Но коринѳянамъ говоритъ иное: *отъ иныхъ церквей уяхъ, пріимъ оброкъ къ вашему служенію* (2 Кор. XI, 8). Тамъ онъ тоже работалъ, но не упомянулъ объ этомъ, а употребилъ другое (выраженіе), болѣе язвительное, какъ бы говоря: вамъ служа, я питался отъ другихъ. Но здѣсь (говоритъ) не то,—а что же?—*ночь и день дѣлающе*. Хотя и тамъ онъ говоритъ: *и пришедъ къ вамъ, и въ скудости бывъ, не стужихъ ни единому*, и: *пріимъ оброкъ къ вашему служенію* (2 Кор. XI, 8), но здѣсь показываетъ, что люди (которымъ онъ пишетъ) находятся въ бѣдности, а тамъ нѣтъ. Поэтому-то онъ постоянно призываетъ ихъ самихъ въ свидѣтели: *вы бо*, говоритъ, *свидѣтели и Богъ*, доставляя чрезъ это словамъ своимъ большую степень достовѣрности и присо-

вокупляя (доказательство), которое особенно могло ихъ убѣдить, такъ какъ первое для несвѣдущихъ можетъ показаться невѣрнымъ, а послѣднее не оставляетъ никакого сомнѣнія. И ты не удивляйся этому,—потому что (апостолъ) не обращалъ вниманія на то, что онъ, Павелъ, говоритъ это, а на то, что онъ очень желалъ убѣдить ихъ. Поэтому говоритъ: *вы свидѣтели и Богъ, яко преподобно и праведно и непорочно вамъ вѣрующимъ быхомъ.* Нужно было опять похвалить ихъ: поэтому онъ предпосылаетъ то, что достаточно могло увѣрить ихъ (въ его безкорыстіи). Онъ разсуждаетъ такъ: если я, находясь въ нуждѣ тамъ, ничѣмъ не пользовался, то тѣмъ болѣе—теперь. *Яко преподобно и праведно и непорочно вамъ вѣрующимъ быхомъ, якоже вѣсте, зане единого когождо васъ, якоже отецъ чада своя, моляще и утѣшающе васъ.* Ска-
407 завъ выше о своемъ обращеніи съ ними, здѣсь говоритъ о своей любви къ нимъ, и въ этомъ выражалось болѣе, нежели одно покровительство. И сказанное имъ чуждо надменности: *яко отецъ чада своя, моляще и утѣшающе васъ, и свидѣтельствующе ходити вамъ достойно Богу, призвавшему вы во свое царство и славу.* Сказавъ: *и свидѣтельствующе,* онъ упомянулъ объ отцахъ, показывая тѣмъ, что хотя мы *и свидѣтельствовали,* однако не употребляли при этомъ насилія, а (поступали) какъ отцы. *Единаго когождо васъ.* Удивительно! При такомъ множествѣ не пропустить никого—ни малаго, ни великаго, ни богатаго, ни бѣднаго! *Моляще,* сказалъ онъ,—о чемъ? О перенесеніи всего. *И утѣшающе и свидѣтельствующе. Моляще:* слѣдовательно (апостолы) не искали славы; *и свидѣтельствующе:* слѣдовательно не льстили. *Ходити вамъ достойно Богу, призвавшему вы въ свое царство и славу.* Смотри опять, какъ (апостолъ), повѣствуя (о прежде случившемся), и учитъ и убѣждаетъ: если (Богъ) призвалъ въ царство, то должно переносить все. Мы молимъ не о томъ, чтобы вы дали намъ что-нибудь, но о томъ, чтобы вы получили царство небесное. *Сего ради и мы благодаримъ Бога непрестанно, яко пріемше слово слышанія Божія отъ насъ, пріясте не аки слово человѣческо, но якоже есть воистину слово Божіе, еже и дѣйствуется въ васъ, вѣрующихъ* (ст. 13). Нельзя сказать, говоритъ онъ, что мы одни поступали во всемъ безукоризненно, а вы дѣлали нѣчто несообразное съ тѣмъ, какъ мы съ вами обращались, потому что вы слушали насъ не съ такимъ расположеніемъ, съ какимъ слушаютъ людей, но внимали намъ такъ, какъ будто наставлялъ (васъ) самъ Богъ. Откуда это видно? Подобно тому, какъ онъ, (ссылаясь) на свои искушенія, свидѣтельства ѳессалоникійцевъ и совершенныя имъ дѣла, доказываетъ то, что проповѣдывалъ не изъ лести и не ради пустой славы, такъ и то, что они приняли слово его надлежа-

щимъ образомъ, онъ доказываетъ искушеніями (которымъ они подвергались). Какъ бы вы, говоритъ, стали переносить такія опасности, если бы не внимали словамъ нашимъ, какъ словамъ самого Бога? Впрочемъ, посмотри и на доказательство. *Вы бо*, говоритъ, *подобницы бысте, братіе, Церквамъ Божіимъ сущимъ во Іудеи о Христѣ Іисусѣ, зане таяжде и вы пострадасте отъ своихъ сплеменникъ, якоже и тіи отъ Іудей, убившихъ и Господа Іисуса и своя пророки, и насъ изгнавшихъ, и Богу не угодившихъ, и всѣмъ человѣкомъ противящихся, возбраняющихъ намъ глаголати языкомъ, да спасутся, во еже исполнити имъ грѣхи своя всегда. Постиже же на нихъ гнѣвъ до конца* (ст. 14—16).

2. *Вы*, говоритъ, *подобницы бысте Церквамъ Божіимъ сущимъ во Іудеи*. Утѣшеніе великое! Нѣтъ ничего удивительнаго, говоритъ, если (ваши единоплеменники) съ вами такъ же поступаютъ, какъ тѣ (іудеи) съ своими единоплеменниками. Но если и іудеи рѣшились съ терпѣніемъ перенести все, то это служитъ немаловажнымъ доказательствомъ того, что проповѣдь истинна. *Зане таяжде*, говоритъ, *и вы пострадасте отъ своихъ сплеменникъ, якоже и тіи отъ Іудей*. Говоря: и тѣ во Іудеи, онъ хочетъ сказать нѣчто особенное, именно указываетъ на то, что (іудеи) повсюду радовались тому, что подвизались. Поэтому-то и говоритъ: *зане и вы таяжде пострадасте*. И опять, что удивительнаго, если они съ вами (такъ поступали), когда дерзнули возстать противъ самого Господа? Видишь, какъ (апостолъ) ввелъ то, что содержитъ 408
въ себѣ великое утѣшеніе? И къ этой мысли онъ постоянно возвращается, такъ что, при внимательномъ изслѣдованіи, во всѣхъ почти посланіяхъ найдешь, какъ онъ, говоря объ искушеніяхъ, всегда, какимъ бы то ни было образомъ, упоминаетъ о Христѣ. Вотъ и здѣсь, обвиняя іудеевъ, приводитъ имъ на память Господа и страданія Господни. До такой степени увѣренъ былъ онъ, что въ этомъ заключается величайшее утѣшеніе! *Убившихъ и Господа*, говоритъ онъ. Но, можетъ быть, іудеи не познали Его? Напротивъ, они знали Его очень хорошо. Да что? Не они ли убили и камнями побили своихъ пророковъ, которыхъ писанія повсюду носятъ съ собою? Конечно, они поступали такъ не изъ любви къ истинѣ. Итакъ, онъ не только предлагаетъ утѣшеніе въ искушеніяхъ, но и убѣждаетъ не думать, будто іудеи такъ поступаютъ изъ любви къ истинѣ, и не смущаться этимъ. *И насъ*, говоритъ, *изгнавшихъ*,—т. е. и мы претерпѣли отъ нихъ безчисленныя напасти. *И Богу не угодившихъ и всѣмъ человѣкомъ противящихся, возбраняющихъ намъ глаголати языкомъ, да спасутся. Всѣмъ человѣкомъ*, говоритъ, *противящихся*. Какимъ образомъ? Такимъ, что если должно проповѣдывать всей вселенной, а они

препятствуютъ, то они общіе враги вселенной. Они убили Христа и пророковъ, оскорбляютъ Бога; они — общіе враги вселенной; они и насъ, пришедшихъ на дѣло спасенія, гонятъ; что же удивительнаго, если они поступили и съ вами такъ же, какъ и въ Іудеи? *Возбраняющихъ намъ*, говоритъ, *глаголати языкомъ, да спасутся.* Подлинно, (одной) зависти свойственно препятствовать спасенію всѣхъ. *Во еже исполнити грѣхи своя всегда. Постиже же на нихъ гнѣвъ до конца.* Не будетъ уже болѣе того, что было прежде, не будетъ возврата, не будетъ предѣла,—наступаетъ гнѣвъ неизбѣжный. Изъ чего же это видно? Изъ предсказанія Христова. Вѣдь утѣшительно не только имѣть соучастниковъ въ скорбяхъ, но и слышать о казни своихъ притѣснителей. Если же опечаливаетъ ихъ замедленіе (грядущаго гнѣва), то да послужитъ утѣшеніемъ то, что притѣснители уже болѣе не востанутъ. При томъ, сказавъ слово: *гнѣвъ*, (апостолъ) сократилъ даже самое замедленіе, снова показывая, что онъ (гнѣвъ) долженъ послѣдовать, такъ какъ предназначенъ и предсказанъ. *Мы же, братіе, осиротѣвше отъ васъ ко времени часа, лицемъ, не сердцемъ, лишше тщахомся лице ваше видѣти многимъ желаніемъ* (ст. 17). Не сказалъ: разлучившись, но: *(осиротѣвше)*, что гораздо сильнѣе. Выше говорилъ о лести, доказывая, что не льститъ, что не ищетъ славы; здѣсь говоритъ о любви. Такъ какъ выше сказалъ: *якоже отецъ чада, якоже доилица*, то здѣсь говоритъ и другое: *осиротѣвше*, что свойственно дѣтямъ, ищущимъ родителей. Да при томъ, они ли осиротѣли? Не они, говоритъ, а мы. Въ самомъ дѣлѣ, кто изслѣдовалъ это чувство, (тотъ знаетъ), что подобно тому, какъ малыя дѣти, беззащитныя, подвергшіяся безвременному сиротству, сильно тоскуютъ о своихъ родителяхъ, не въ силу самой природы только, но и вслѣдствіе одиночества,—такъ точно и мы. Этимъ онъ показываетъ и печаль свою, въ которой находился по причинѣ разлуки. И того, говоритъ, нельзя сказать, чтобы мы разлучены были на продолжительное время, но—ко времени, и при томъ только *лицемъ, не сердцемъ:* вѣдь мы всегда имѣемъ васъ въ мысли. Смотри, какая любовь! Хотя всегда имѣлъ ихъ въ сердцѣ, но желалъ и личнаго ихъ
409 присутствія. Не говори мнѣ, что это излишнее мудрствованіе. Воистину, таково свойство пламенной любви, что она желаетъ и видѣть, и слушать любимыхъ, и говорить съ ними; и это много содѣйствовало (появленію такого желанія). *Лишше*, говоритъ, *тщахомся.* Что же значитъ—*лишше*? Полагать можно—или то, что мы весьма дорого цѣнимъ васъ, или, какъ вѣроятно, то, что мы, разлучившись на короткое время, старались опять видѣть ваше лице. Смотри, какъ блаженный Павелъ, не имѣя воз-

можности самъ лично исполнить свое желаніе, исполняетъ его чрезъ другихъ: такъ, посылая Тимоѳея къ филиппійцамъ и опять его же къ коринѳянамъ, онъ пребываетъ съ ними при посредствѣ другихъ, когда не можетъ быть лично. Онъ любилъ какъ бы до изступленія, и въ чувствахъ дружества былъ неудержимъ и неукротимъ. *Тѣмже хотѣхомъ пріити къ вамъ.* Таково свойство любви! Впрочемъ, говоритъ, я не нахожу никакого къ тому другого побужденія, кромѣ того, чтобы видѣть васъ. *Азъ убо Павелъ, и единою и дважды: и возбрани сатана* (ст. 18).

3. Что ты говоришь? *Сатана возбрани?* Такъ точно, потому что это не было дѣло Божіе. Въ посланіи къ римлянамъ онъ говоритъ, что Богъ воспрепятствовалъ (Рим. XV, 22); и Лука въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что не допустилъ ихъ Духъ идти въ Асію (Дѣян. XVI, 6); и къ коринѳянамъ говоритъ, что это было дѣло Духа,—и только здѣсь, что это дѣло сатаны. Какое же онъ разумѣетъ препятствіе отъ сатаны? Какія-нибудь внезапныя и сильныя искушенія. *Когда противъ него,* говорится, *произведено было іудеями возмущеніе,* онъ удерживаемъ былъ въ Элладѣ три мѣсяца (Дѣян. XX, 3). Но иное дѣло медлить ради устроенія чего-нибудь, и при томъ добровольно, и иное вслѣдствіе препятствій. Тамъ именно (апостолъ) говоритъ: *ктому мѣста не имый въ странахъ сихъ* (Рим. XV, 23), и: *щадя васъ ктому не пріидохъ въ Коринѳъ* (2 Кор. I, 23). Здѣсь же онъ не говоритъ ничего такого,—а что? *Сатана возбрани. Азъ убо Павелъ,* говоритъ, *и единою и дважды.* Смотри, какое онъ обнаруживаетъ честолюбіе, какъ хвалитъ себя, когда хочетъ показать, что онъ любилъ ихъ больше всѣхъ. Говоритъ: *азъ убо Павелъ,* вмѣсто того, чтобы сказать: я не какъ другіе: другіе только желали придти къ вамъ, а я и рѣшался. *Кто бо намъ упованіе или радость или вѣнецъ похваленія? Не и вы ли предъ Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ во пришествіи его* (ст. 19)? Одни ли македоняне упованіе твое, скажи мнѣ, блаженный Павелъ? Не одни они, отвѣчаетъ. Поэтому-то онъ присовокупилъ: *не и вы ли? Кто бо намъ,* говоритъ, *упованіе или радость и вѣнецъ похваленія?* Не узнаете ли (здѣсь) языка женщинъ, пламенѣющихъ нѣжнѣйшею любовію, и разговаривающихъ съ малыми дѣтьми? *И вѣнецъ,* говоритъ, *похваленія.* Одного слова: *вѣнецъ* ему недостаточно было, чтобы показать блескъ (своего украшенія), но еще присовокупилъ и—*похваленія.* Какая пламенность! Мать и отецъ, сойдясь вмѣстѣ и сливъ свою любовь, никогда не могли бы выразить любви своей наравнѣ съ Павломъ. *Радость,* говоритъ, *и вѣнецъ,*—т. е. я болѣе, говоритъ, радуюсь о васъ, нежели о вѣнцѣ. И подлинно, представь, насколько возможно, всю Церковь, насажденную и утвержденную Павломъ: кто бы не возра-

довался о такомъ ея многочадіи и благочадіи? Итакъ, и это не лесть; онъ не просто сказалъ: *вы*, но: *и вы* вмѣстѣ съ другими. *Вы бо есте слава наша и радость* (ст. 20). *Тѣмже уже не терпяще,*
410 *благоволихомъ остатися въ Аѳинѣхъ едини*, — это сказалъ онъ вмѣсто: мы рѣшились. *И послахомъ Тимоѳея, брата нашего и служителя Божія и споспѣшника нашего во благовѣстіи Христовѣ* (III, 1—2). И это говоритъ, не Тимоѳея возвышая, а имъ воздавая честь тѣмъ, что послалъ къ нимъ сотрудника и служителя благовѣствованія, говоря какъ бы такъ: отвлекши отъ дѣлъ, мы послали къ вамъ служителя Божія и споспѣшника нашего во благовѣстіи Христовомъ. Потомъ показываетъ и причину: *утвердити васъ и утѣшити о вѣрѣ вашей, яко ни единому смущатися въ скорбѣхъ сихъ* (ст. 3). Что здѣсь говоритъ (апостолъ)? Такъ какъ искушенія учителей смущаютъ учениковъ, а онъ тогда находился среди многихъ искушеній, какъ и самъ говоритъ: *возбрани намъ сатана*,—то говоритъ это для ихъ ободренія. Смыслъ его словъ такой: и разъ и два хотѣлъ я идти къ вамъ, но не могъ, потому что встрѣчалось много препятствій. И это, вѣроятно, смущало ихъ, такъ какъ ученики смущаются не столько отъ собственныхъ искушеній, сколько отъ искушеній учителей, подобно тому, какъ воинъ не столько приходитъ въ смущеніе отъ своихъ собственныхъ искушеній, сколько тогда, когда увидитъ раненымъ своего вождя. *Утвердити васъ*, говоритъ. Слѣдовательно, посылалъ Тимоѳея для того, чтобы они не смущались, а не потому, что будто замѣтилъ какой-либо недостатокъ въ вѣрѣ ихъ, или нужду научить ихъ чему-либо. *И утѣшити о вѣрѣ вашей, яко ни единому смущатися въ скорбѣхъ сихъ: сами бо вѣсте, яко на сіе лежимъ. Ибо егда у васъ бѣхомъ, предрекохомъ вамъ, яко имамы скорбѣти, якоже и бысть, и вѣсте* (ст. 3—4). Не должно, говоритъ, смущаться, потому что ничего необыкновеннаго и неожиданнаго не случается съ нами. И этого довольно было для ободренія ихъ. Видишь ли, что и Христосъ для того же предсказывалъ ученикамъ своимъ? Послушай, въ самомъ дѣлѣ, что говоритъ Онъ: *и нынѣ рѣхъ вамъ, прежде даже не будетъ, да егда будетъ, вѣру имете* (Іоан. XIV, 29). Много, поистинѣ много (служитъ) къ утѣшенію учениковъ, когда они слышатъ отъ наставниковъ о томъ, что съ ними случится. Какъ больной, если напередъ услышитъ отъ врача, что съ нимъ будетъ то и то, не слишкомъ смущается; а если случится съ нимъ что-нибудь неожиданно, такъ что и самъ врачъ приходитъ въ недоумѣніе, и болѣзнь превышаетъ его искусство, то больно тоскуетъ и смущается,—такъ и здѣсь. Павелъ, предвидя это, предсказалъ имъ: *яко имамы скорбѣти. Якоже*, говоритъ, *и бысть, и вѣсте*. Не о томъ только говоритъ

(апостолъ), что случилось, но и о томъ, что онъ предсказывалъ многое другое, что также сбылось. *На сіе лежимъ*. Слѣдовательно, не только прошедшими искушеніями не должно тревожиться и безпокоиться,—а это и значитъ: смущаться,—но и будущими, если бы таковыя случались. *На сіе бо лежимъ*.

4. У кого изъ насъ есть уши слышать, пусть слышитъ: на это предназначенъ христіанинъ. *На сіе лежимъ*—(апостолъ) говоритъ о всѣхъ вѣрующихъ. *На сіе лежимъ*,—а мы, точно предназначенные къ нѣгѣ, избѣгаемъ страданій. Почему же однакожъ мы избѣгаемъ страданій? Въ самомъ дѣлѣ, насъ не постигло ни время скорби, ни искушеніе, кромѣ какъ *человѣческое* (1 Кор. x, 13). Благовременно и къ вамъ сказать: *не у до крове стасте, противу грѣха подвизающеся* (Евр. xii, 4); или лучше, не это благовременно къ вамъ сказать,—а что? То, что вы еще не отрѣшились отъ привязанности къ имуществу. Тѣмъ (евреямъ), которые лишились всего своего достоянія, дѣйствительно, умѣстно было сказать это; 411
но тѣмъ, которыхъ имѣніе цѣло, скажу слѣдующее: у кого изъ васъ разграблено имущество за Христа? Кто битъ былъ палицами? Кто обиженъ, даже словами? Чѣмъ ты можешь похвалиться? На что можешь надѣяться? Христосъ столько претерпѣлъ за насъ *враговъ сущихъ* (Кол. i, 21); а мы на какія можемъ указать страданія, которыя претерпѣли за Него? Страданій за Него мы не переносили никакихъ, между тѣмъ блага, которыя получаемъ отъ Него, безчисленны. Откуда у насъ возьмется дерзновеніе *въ день онъ* (2 Тим. i, 18)? Ужели вы не знаете, что и воинъ тогда только можетъ заслужить вниманіе царя, когда покажетъ ему множество ранъ и язвъ? Если же не можетъ показать ни одного отличнаго подвига, то, хотя бы не нанесъ никакого оскорбленія, будетъ считаться въ ряду послѣднихъ. Но теперь, скажутъ, не время брани. А если бы оно было, то, скажи мнѣ, кто бы сталъ сражаться? Кто бы напалъ (на враговъ)? Кто бы разогналъ полчище? Вѣроятно, никто. Въ самомъ дѣлѣ, когда я вижу, что ты не презираешь имущества для Христа, то какъ я повѣрю тебѣ, что ты ни во что вмѣнишь язвы? Скажи, благодушны ли вы къ оскорбляющимъ васъ и благословляете ли ихъ? Ты этого не дѣлаешь и не повинуешься. Ты не дѣлаешь того, что не соединено съ опасностію: будешь ли переносить, скажи мнѣ, удары, причиняющіе столь великую боль и скорбь? Ужели вы не знаете, что во время мира надобно упражняться въ военномъ искусствѣ? Не видите ли, какъ эти воины и тогда, когда вовсе не угрожаетъ война, а царствуетъ глубокій миръ, вычистивши оружіе, вмѣстѣ съ своими вождями, обучающими ихъ военному искусству, почти каждый день вы-

ходятъ на открытыя и широкія поля, и съ величайшимъ тщаніемъ упражняются въ военномъ дѣлѣ? Дѣлалъ это кто изъ воиновъ духовныхъ? Ни одинъ. Вотъ почему на войнѣ мы робки и нерадивы, и всякій удобно можетъ насъ захватить въ плѣнъ. И какое безразсудство не считать настоящаго времени временемъ войны, когда Павелъ взываетъ: *вси хотящіи благочестно жити о Христѣ Іисусѣ гоними будутъ* (2 Тим. ш, 12), и когда самъ Христосъ говоритъ: *въ мірѣ скорбни будете* (Іоан. xvi, 33), и когда тотъ же блаженный Павелъ громогласно взываетъ: *нѣсть наша брань къ крови и плоти*, и еще: *станите убо препоясани чресла ваша истиною* (Ефес. vi, 12. 14)? И никто изъ нихъ не сказалъ тогда: зачѣмъ ты насъ вооружаешь, когда нѣтъ войны? Зачѣмъ понапрасну налагаешь на насъ труды,—облекаешь воиновъ въ броню, когда можно покоиться и отдыхать? А если бы кто сказалъ такъ, то получилъ бы въ отвѣтъ: тогда-то особенно и нужно заботиться о войнѣ, когда ея еще нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто заботится о войнѣ во время мира, тотъ страшенъ будетъ и во время войны; а кто неопытенъ въ военномъ дѣлѣ, тотъ и во время мира больше будетъ тревожиться. Почему? Потому что онъ станетъ плакать надъ своимъ имуществомъ и жалѣть, что не въ состояніи защитить его, такъ какъ имущество человѣка робкаго, неопытнаго и непривыкшаго къ сраженіямъ принадлежитъ всякому храброму и умѣющему воевать. Итакъ, во-первыхъ, я вооружаю васъ по этой причинѣ, а потомъ—потому, что все время нашей жизни есть время борьбы. Какъ и какимъ образомъ? Діаволъ нападаетъ всегда. Послушай, что объ немъ сказано: онъ ходитъ, рыкая какъ левъ, желая поглотить (1 Петр. v, 8). На насъ устремляется безчисленное множество плотскихъ страстей, которыя намъ необходимо указать (здѣсь), чтобы напрасно не обольщаться. Скажи мнѣ: что не ведетъ войны съ нами? Богатство,
412 красота, удовольствіе, сила, власть, зависть, слава, высокомѣріе? Противъ насъ воюетъ не только наша собственная слава, препятствуя намъ нисходить до смиренномудрія, но и слава другихъ, возбуждая въ насъ зависть и ненависть. А что сказать про противоположныя (состоянія): бѣдность, незнатность, безславіе, уничиженіе, совершенное безсиліе? Но это (зараждается) въ насъ; а со стороны другихъ людей (возстаютъ противъ насъ) злоба, коварство, козни, клеветы, безчисленные обманы. Тоже и со стороны демоновъ: начальства, власти, міродержители тьмы вѣка сего, духи злобы. Иными бываемъ въ радости, иными — въ печали; то и другое можетъ отклонять отъ прямого пути, равно какъ и здоровье и болѣзнь. Откуда не дается повода ко грѣху? Если хотите, я, начавъ и отъ Адама, разскажу вамъ съ начала?

Что погубило первозданнаго? Удовольствіе, яства и страсть любоначалія. Что—слѣдующаго за нимъ сына его? Зависть и ненависть. Что современниковъ Ноя? Плотскія удовольствія и происходящіе отъ нихъ пороки. Что—сына его? Наглость и дерзость. Что—содомлянъ? Наглость, распутство и *сытость хлѣба* (Іезек. XVI, 49). А часто и бѣдность производитъ это. Вотъ почему одинъ мудрецъ сказалъ: *богатства и нищеты не даждь ми* (Прит. XXX, 8). Вѣрнѣе сказать—не богатство и не бѣдность, а наша воля, которая не умѣетъ пользоваться ни тѣмъ, ни другимъ. *Познавай*, говоритъ (мудрый), *яко посредѣ сѣтей ходиши* (Сир. IX, 18).

5. Чудно сказалъ блаженный Павелъ: *на сіе лежимъ*. Не сказалъ просто: мы терпимъ искушенія, но: *на сіе лежимъ*, вмѣсто: мы на это родились. Это нашъ долгъ, это наша жизнь,—и ты ищешь покоя? Передъ тобой нѣтъ палача, терзающаго ребра твои и принуждающаго принести жертву; но стоитъ передъ тобой сильное желаніе богатства и корыстолюбіе, исторгающее у насъ глаза. Никакой воинъ не возжегъ для насъ костра, и не положилъ насъ на (раскаленную) рѣшетку; но разжженіе плотское сильнѣе того воспаляетъ душу. Не предстоитъ царь, обѣщая безчисленныя блага и угрожая муками; но предстоитъ неистовая страсть къ славѣ, которая сильнѣе его прельщаетъ насъ. Подлинно (намъ предстоитъ) великая, и очень великая борьба, если мы захотимъ бодрствовать: и настоящее время имѣетъ вѣнцы. Послушай, что говоритъ Павелъ: *прочее соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми праведный Судія: не токмо же мнѣ, но и всѣмъ возлюбившимъ явленіе его* (2 Тим. IV, 8). Если ты лишился сына любимаго, единороднаго, воспитаннаго въ великомъ богатствѣ, подававшаго о себѣ добрыя надежды, и единственнаго твоего наслѣдника, то не сокрушайся, но благодари Бога, и прославляй взявшаго (его), и въ этомъ отношеніи ты будешь ничѣмъ не ниже Авраама: какъ тотъ отдалъ сына Богу, когда Онъ повелѣлъ, такъ и ты не сокрушался, когда Онъ взялъ у тебя.

Ты впалъ въ тяжкую болѣзнь, и многіе приходятъ къ тебѣ и убѣждаютъ унять боль—одни заговорами, другіе привязками, третьи инымъ чѣмъ-либо? Но ты, ради страха Божія, перенесъ (болѣзнь) мужественно и непоколебимо, и рѣшился лучше претерпѣть все, нежели позволить сдѣлать что-нибудь идольское? Это доставляетъ тебѣ мученическій вѣнецъ; и не сомнѣвайся въ этомъ. Какъ это и какимъ образомъ? Я скажу тебѣ. Какъ тотъ мужественно переноситъ боль, причиняемую пытками, чтобы не поклониться кумиру, такъ и ты переносишь страданія, причиняемыя болѣзнію, чтобы только не нуждаться ни въ чемъ такомъ, 413
что она предлагаетъ, и не исполнять ея повелѣній. Но первыя

(страданія) сильнѣе? Зато послѣднія продолжительнѣе; слѣдовательно, равносильны. А часто даже послѣднія бываютъ сильнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, когда внутренній жаръ мучитъ и палитъ, и ты, несмотря на убѣжденія другихъ, отвергъ нашептыванія, то не мученическій ли вѣнецъ возложилъ на себя? Еще: лишился кто-нибудь денегъ? Многіе совѣтуютъ идти къ гадателямъ; но ты, по страху Божію, такъ какъ это запрещено, рѣшился лучше не получить денегъ, нежели преступить заповѣдь Божію? Ты имѣешь равную награду съ тѣмъ, кто раздалъ деньги бѣднымъ. Если, лишившись (денегъ), ты будешь благодарить (Бога) и, имѣя возможность идти къ гадателямъ, рѣшишься лучше не получить ихъ, нежели получить такимъ образомъ, то равную будешь имѣть прибыль съ тѣмъ, кто расточилъ ихъ для Бога. Вѣдь какъ этотъ, по страху Божію, раздалъ ихъ нуждающимся, такъ и ты, по страху же Божію, не получилъ ихъ обратно отъ похитившихъ. Въ нашей власти и обижать себя самихъ и не обижать; а другой никто не властенъ. И если хотите, мы объяснимъ это самымъ (случаемъ съ) воровствомъ. Воръ проломалъ стѣну, вломился въ сокровищницу, унесъ многоцѣнные золотые (сосуды) и дорогіе камни, словомъ: все сокровище похитилъ,—и не былъ пойманъ. Случай непріятный, повидимому наносящій вредъ, но на самомъ дѣлѣ нѣтъ,—и отъ тебя зависитъ обратить это или во вредъ, или въ прибыль. Но какимъ образомъ, скажутъ, это можетъ быть прибылью? Попытаюсь показать, какимъ образомъ. Если ты хочешь, будетъ великою прибылью, а если не хочешь, будетъ вредомъ, тягчайшимъ прежняго. Подобно тому какъ между художниками опытный въ искусствѣ употребляетъ данное вещество какъ должно, а неопытный только портитъ и дѣлаетъ себѣ убытокъ, такъ бываетъ и въ (подобнаго рода) обстоятельствахъ. Итакъ, какимъ образомъ будетъ прибылью? Если ты будешь благодарить Бога, если не будешь горько плакать, если будешь говорить словами Іова: *Господь даде, Господь и отъя: нагъ изыдохъ отъ чрева матере моея, нагъ и отъиду* (Іов. I, 21). Что ты говоришь: *Господь отъя?* Воръ *отъя:* и какъ же, говоришь, ты можешь сказать: *Господь отъя?* Не удивляйся. И Іовъ о томъ, что отнялъ діаволъ, говорилъ: *Господь отъя.* Если же онъ дерзнулъ такъ сказать, то какъ же не сказать тебѣ, что *Господь отъя* то, что взялъ воръ? Скажи мнѣ, кому ты (болѣе) удивляешься? Тому ли, кто истощилъ свое имѣніе на бѣдныхъ, или Іову—за эти слова. Ужели онъ, не подавая тогда (т. е. среди страданій) милостыни, заслуживаетъ менѣе въ сравненіи съ тѣмъ, кто подавалъ? Не говори: я не заслуживаю милости; это случилось не по моей волѣ; воръ взялъ, когда я и не зналъ, и не хотѣлъ

того; какая будетъ мнѣ награда? И у Іова взялъ, когда онъ не зналъ и не хотѣлъ. Тѣмъ не менѣе онъ совершилъ подвигъ. И тебѣ можно получить такую же награду, какую получилъ бы ты, раздавъ свое имущество добровольно. И мы по справедливости болѣе удивляемся тому, кто переноситъ обиды съ благодареніемъ, нежели тому, кто добровольно раздаетъ (имѣніе). Почему? Потому что одинъ находитъ утѣшеніе въ похвалахъ и (въ свидѣтельствѣ своей) совѣсти и имѣетъ благія надежды, и, когда уже напередъ мужественно рѣшился на то, чтобы лишиться денегъ, тогда жертвуетъ ими; а другой, будучи еще привязанъ къ деньгамъ, насильно лишенъ былъ ихъ. А не все равно, напередъ рѣшившись оставить деньги, потомъ расточить ихъ, и лишиться, еще владѣя ими. Если ты будешь говорить тѣ же слова, какія Іовъ, то получишь блага, гораздо большія и важнѣйшія, нежели онъ. Онъ по- 414
лучилъ вдвое здѣсь; а тебѣ Христосъ обѣщалъ воздать сторицею. Ты, по страху Божію, не богохульствовалъ, не прибѣгалъ къ гадателямъ, воздавалъ благодареніе (Богу), претерпѣвая обиды? Ты уподобился тому, кто презираетъ (свое богатство), такъ какъ этого не было бы съ тобою, когда бы ты напередъ не презрѣлъ его. При томъ не одно и то же презирать деньги, по долговременномъ размышленіи, и перенесть лишеніе, внезапно случившееся. Такъ потеря обращается въ прибыль, и діаволъ не только не повредитъ тебѣ, но еще послужитъ къ пользѣ.

6. Но когда происходитъ тяжкій вредъ? Тогда, когда ты причиняешь вредъ (своей) душѣ. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, воръ лишилъ тебя денегъ? Но для чего ты самъ себя лишаешь спасенія? Для чего, жалуясь на обиды, которыя терпишь отъ другихъ, самъ себя ввергаешь въ бо́льшія напасти? Воръ, можетъ быть, повергъ тебя въ бѣдность; а ты, какъ злодѣй, вредишь себѣ въ дѣлѣ, особенно важномъ для тебя. Онъ лишилъ тебя внѣшнихъ благъ, которыя впослѣдствіи и противъ твоей воли оставили бы тебя; а ты отнимаешь у себя вѣчное богатство. Опечалилъ ли тебя діаволъ, отнявши деньги? Опечаль и ты его, воздавъ (Богу) благодареніе, и не дай ему порадоваться. Если ты ходилъ къ гадателямъ, то возвеселилъ его; если возблагодарилъ Бога, то нанесъ ему смертельный ударъ. И гляди, что происходитъ: несмотря на то, что ты сходишь къ гадателямъ, ты не найдешь денегъ, потому что не ихъ дѣло знать (гдѣ твои деньги), а если бы случайно и сказали—гдѣ, то ты и свою душу погубишь, и подвергнешься осмѣянію своихъ братій, и снова дурнымъ образомъ ихъ (деньги) потеряешь. Демонъ, зная, что ты неравнодушно переносишь потерю (денегъ), изъ-за нихъ отрицаешься и Бога, возвращаетъ тебѣ ихъ опять для того, чтобы

вновь имѣть поводъ обольстить тебя. Но не удивляйтесь, если бы и сказали гадатели (гдѣ деньги). Демонъ безтѣлесенъ, онъ всюду обходитъ, самъ онъ вооружаетъ грабителей,—такія дѣла происходятъ не безъ демона. Слѣдовательно, если онъ вооружаетъ ихъ, то знаетъ, гдѣ прячутъ (деньги),—ему нельзя не знать своихъ слугъ. Это и неудивительно. Если увидитъ, что ты скорбишь о потерѣ, то причиняетъ тебѣ и другую. Если же увидитъ, что ты посмѣиваешься и презираешь, то уступитъ съ этого пути. Подобно тому какъ мы стараемся врагамъ своимъ сдѣлать то, что причиняетъ печаль, и, если увидимъ, что они не опечаливаются, то, не имѣя возможности уязвить ихъ, отступаемъ отъ нихъ, такъ и діаволъ.

Да что говорить? Развѣ ты не знаешь, какъ плывущіе по морю не только не заботятся о деньгахъ во время бури, но даже и бросаютъ, что имѣютъ. И никто не скажетъ: что ты дѣлаешь, человѣкъ? Ты помогаешь бурѣ и кораблекрушенію? Прежде нежели волна отняла у тебя богатство, ты самъ дѣлаешь это собственными руками? Зачѣмъ ты прежде кораблекрушенія подвергаешь себя кораблекрушенію? Пожалуй, и сказалъ бы это какой-нибудь простецъ, вовсе незнакомый съ морскими опасностями; но мореплаватель, хорошо знающій, что производитъ тишину, и что возбуждаетъ бурю, посмѣется надъ тѣмъ, кто говоритъ такія слова. Я, скажетъ онъ, для того-то и бросаю, чтобы не погрузиться въ волнахъ. Такъ точно и человѣкъ, искушенный опасностями и напастями жизни, когда видитъ наступающую бурю и духовъ злобы, желающихъ произвесть кораблекрушеніе, бросаетъ и остальныя деньги. У тебя случилась покража? Подавай милостыню, и этимъ ты облегчишь корабль. Тебя ограбили
415 разбойники? Отдай остальное Христу. Такимъ образомъ утѣшишься и въ прежней потерѣ. Облегчи корабль, не удерживай оставшагося, чтобы судно не потонуло. Тѣ (мореплаватели), для спасенія тѣлъ, выбрасываютъ грузъ и не дожидаются, пока набѣжавшая волна опрокинетъ судно; а ты, для спасенія душъ, ужели не остановишь кораблекрушенія? Сдѣлайте опытъ, если не вѣрите, умоляю васъ,—сдѣлайте опытъ, и узрите славу Божію. Когда постигнетъ тебя что-либо прискорбное, подай тотчасъ милостыню, возблагодари (Бога) за то, что случилось,—и ты увидишь, какая радость наполнитъ душу. Польза духовная, хотя бы и малая, такова, что можетъ покрыть всякій вещественный ущербъ. Пока ты имѣешь (что-либо) подать Христу, ты богатъ. Скажи мнѣ, если бы къ тебѣ ограбленному подошелъ царь и протянулъ руку, желая что-нибудь принять отъ тебя: ужели ты не почелъ бы себя богаче всѣхъ, когда и при такой бѣдности царь не стыдится

тебя? Чтобы не быть ограблену, побѣди только самого себя,—и побѣдишь козни діавола. Ты можешь получить великую прибыль. Презримъ богатство, чтобы не презрѣть души. А какъ 416
можно презрѣть его? Развѣ вы не знаете, что бываетъ съ прекрасными тѣлами и съ тѣми, которые плѣняются ими? Пока они находятся предъ глазами, то (въ душѣ) воспламеняется огонь и возгарается яркій пламень; но какъ скоро кто удалитъ ихъ отъ глазъ, все погаснетъ и успокоится. То же бываетъ и съ богатствомъ. Пусть никто не пріобрѣтаетъ ни золота, ни дорогихъ камней, ни ожерельевъ: находясь передъ глазами, они обольщаютъ взоръ. А если хочешь быть богатымъ, то подобно древнимъ собирай не золото, а необходимыя вещи, чтобы отъ готоваго удѣлять и другимъ. Не будь пристрастенъ къ украшеніямъ. Такое богатство привлекаетъ козни разбойниковъ и намъ причиняетъ заботы. Не пріобрѣтай золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ; но пусть будутъ у тебя житницы, наполненныя хлѣбомъ, виномъ и елеемъ, не для того, чтобы черезъ продажу получить серебро, а для того, чтобы раздавать нуждающимся. Если мы будемъ удаляться отъ этихъ излишествъ, то пріобрѣтемъ небесныя блага, которыя да получимъ всѣ мы во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IV.

Сего ради и азъ ктому нетерпя, послахъ разумѣти вѣру 415
вашу, да не како искусилъ вы искушаяй и вотще будетъ трудъ нашъ. Нынѣже пришедшу Тимоѳею къ намъ отъ васъ, и благовѣстившу намъ вѣру вашу и любовь, и яко имате память о насъ всегда благу, желающе насъ видѣти, якоже и мы васъ: сего ради утѣшихомся, братіе, о васъ во всякой скорби и нуждѣ нашей, вашею вѣрою: яко нынѣ живи есмы, аще вы стоите о Господѣ (1 Сол. ш, 5—8).

1. Сегодня предстоитъ намъ вопросъ, задаваемый многими и выводимый изъ многихъ мѣстъ (Писанія). Какой же это вопросъ? *Сего ради*, говоритъ, *и азъ ктому нетерпя, послахъ Тимоѳея разумѣти вѣру вашу*. Что ты говоришь? Ужели тотъ, кто такъ много зналъ, кто слышалъ неизреченные глаголы, кто восходилъ до третьяго неба, не зналъ, даже находясь въ Аѳинахъ, когда и небольшое было разстояніе и недавно съ ними разлучился, какъ

самъ говоритъ: *осиротѣвше отъ васъ ко времени часа?* Слѣдовательно, и онъ не зналъ, что происходило съ ѳессалоникійцами и былъ вынужденъ послать Тимоѳея, чтобы узнать о вѣрѣ ихъ: *да не како*, говоритъ, *искусилъ вы искушаяй и вотще будетъ трудъ нашъ?* Что жъ, если бы кто и сказалъ, что и святые не все знали? Что дѣйствительно они не все знали, въ этомъ каждый можетъ удостовѣриться изъ многихъ примѣровъ, какъ древнихъ, такъ и позднѣйшихъ. Такъ Елисей не зналъ о женѣ (4 Цар. IV); такъ Илія говорилъ Богу: *остахъ азъ единъ и ищутъ души моея* (3 Цар. XIX, 10), и потому услышалъ отъ Бога: *оставихъ себѣ седмь тысячъ мужей* (3 Цар. XIX, 18); такъ опять Самуилъ, посланный помазать Давида, говоритъ: *рече Господь къ нему: не зри на лице его, ниже на возрастъ величества его, яко уничижихъ его: понеже не яко человѣкъ зритъ Богъ: понеже человѣкъ зритъ на лице, Богъ же на сердце* (1 Цар. XVI, 7). И это бываетъ по особенному попеченію
416 Божію. Для чего и какимъ образомъ? И для самихъ святыхъ и для вѣрующихъ въ нихъ. Подобно тому какъ Богъ попускаетъ, чтобы были гоненія, такъ и не даетъ имъ (святымъ) знать о многомъ, чтобы они смирялись. Потому-то и Павелъ говорилъ: *дадеся ми пакостникъ плоти, ангелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ, да не превозношуся* (2 Кор. XII, 7). Опять же для того, чтобъ и другіе не слишкомъ много о нихъ воображали. Въ самомъ дѣлѣ, если ихъ считали богами изъ-за чудесъ, то тѣмъ болѣе (такъ думали бы объ нихъ), если бы они всегда все знали. И объ этомъ самъ же (Павелъ) опять говоритъ: *да не како кто вознепщуетъ о мнѣ паче, еже видитъ мя, или слышитъ что отъ мене* (2 Кор. XII, 6). Еще послушай, что говоритъ Петръ, когда онъ исцѣлилъ хромого: *что на ны взираете, яко своею ли силою или благочестіемъ сотворихомъ его ходити* (Дѣян. III, 12)? Если же, несмотря на то, что они такъ говорили и дѣйствовали, и при томъ въ то время, когда они совершали немногія и маловажныя чудеса, раждались о нихъ неправые толки, то тѣмъ болѣе (это могло случиться) при великихъ чудесахъ. Это было допускаемо и по другой причинѣ. Именно, чтобы кто-нибудь не сказалъ, что они, какъ будто переставъ быть людьми, совершали тѣ подвиги, которые совершали, и чтобы оттого не предались всѣ безпечности, — Богъ являетъ, что и они немощны, чтобы чрезъ это у желающихъ оставаться въ заблужденіи отнять всякій предлогъ къ безстыдству. Вотъ почему (Павелъ) не знаетъ; вотъ почему, и послѣ многократныхъ обѣщаній (придти), не приходитъ, чтобы узнали, что и онъ многаго не зналъ. Отъ этого немалая была польза. Вѣдь были еще и такіе, которые утверждали, что онъ—великая сила Божія, другіе же говорили, что онъ такой-то и такой. Если бы этого не

было (въ Павлѣ), то чего бы еще не подумали? Такимъ образомъ, хотя это и кажется въ нихъ (святыхъ) недостаткомъ, но если кто тщательно вникнетъ, для того ясно откроется и дивная сила ихъ, и чрезмѣрность искушеній. Какимъ же образомъ? Внимай. Если ты (Павелъ) выше сказалъ имъ: *на сіе лежимъ*, и: *яко ни единому смущатися*,—то для чего послѣ этого посылаешь Тимоѳея, какъ бы опасаясь, чтобы чего не случилось вопреки твоему желанію? Но онъ дѣлаетъ это отъ преизбытка любви: любящіе отъ пламенной ревности опасаются и за то, что безопасно, а это (происходитъ) отъ множества искушеній. Правда, я сказалъ: *на сіе лежимъ*; но чрезмѣрное множество золъ устрашило меня. 417
Потому-то онъ не сказалъ, что, замѣтивъ въ васъ нѣчто худое, посылаю, но—*ктому не терпя*, что собственно происходило отъ любви. Что значитъ: *да не како искусилъ вы искушаяй?* Видишь ли, что смущеніе въ скорби есть дѣйствіе діавола и его коварства? Когда онъ не можетъ (поколебать) насъ самихъ, то чрезъ насъ колеблетъ слабѣйшихъ,—что и служитъ признакомъ ихъ крайняго и ничѣмъ неизвиняемаго безсилія. Такъ поступилъ онъ съ Іовомъ, возбудивъ (противъ него) жену. *Рцы*, сказала она, *глаголъ нѣкій ко Господу и умри* (Іов. п, 9). Смотри, въ какое искушеніе ввелъ ее. Но почему (апостолъ) не сказалъ: поколебалъ, а: *искусилъ?* Потому, говоритъ, что я опасался только, не подвергались ли вы искушенію. Искушенія отъ діавола онъ не называетъ колебаніемъ, потому что тотъ только поколебался, кто уже принялъ обаяніе его. О, какъ велика сердобольность Павлова! Онъ не заботился о скорбяхъ и навѣтахъ (которымъ самъ подвергался). А я думаю, что въ это время онъ тамъ находился (среди искушеній), такъ какъ Лука говоритъ, что въ Элладѣ онъ пробылъ *мѣсяца три, бывшу нань навѣту отъ Іудей* (Дѣян. xx, 3).

2. Итакъ, онъ заботился не объ опасностяхъ, ему (угрожавшихъ), но объ ученикахъ. Видишь ли, что онъ превзошелъ всякаго отца по плоти? Мы въ скорбяхъ и опасностяхъ перестаемъ помнить обо всѣхъ, а онъ такъ боялся и трепеталъ за дѣтей, что даже того, кто былъ единственно для него утѣшеніемъ—Тимоѳея, сообщника и споспѣшника своего, послалъ къ нимъ, (находясь самъ) посреди опасностей. *И вотще*, говоритъ, *будетъ трудъ нашъ*. Почему? Вѣдь если бы они и совратились, то не по твоей винѣ, не по твоему нерадѣнію. Но все же и въ этомъ случаѣ, по причинѣ сильной братской любви, я считалъ бы трудъ мой потеряннымъ. *Да не како искусилъ вы искушаяй*. Онъ искушаетъ, не зная, одолѣетъ ли. Но хотя бы онъ наступалъ и не зная, а мы знали бы, что мужественно преодолѣемъ,—ужели мы не должны трезвиться? А что нападаетъ на насъ, не зная (одолѣетъ ли), это

показалъ на Іовѣ. Злой тотъ духъ говорилъ Богу: *не ты ли еси оградилъ внѣшняя его, и внутренняя дому его? Коснися яже иматъ: аще не въ лице тя благословитъ* (Іов. I, 10, 11). Искушаетъ и, если видитъ нѣчто слабое, нападаетъ, а если—сильное, отступаетъ. *И вотще*, говоритъ, *будетъ трудъ нашъ*. Послушаемъ всѣ, какъ трудился Павелъ. Не сказалъ: дѣло, но: *трудъ*; не сказалъ: и вы погибнете, но: *трудъ нашъ*. Поэтому, если бы что-нибудь и случилось, то (случилось бы) то, что было вѣроятнымъ; но такъ какъ не случилось ничего, то большое диво. Мы, говоритъ, ожидали того, а случилось противное. Мы не только не получили отъ васъ никакого усиленія печали, но даже утѣшеніе. *Нынѣ же*, говоритъ, *пришедшу Тимоѳею къ намъ отъ васъ, и благовѣстившу намъ вѣру вашу и любовь. И благовѣстившу*, говоритъ. Видишь ли великую радость Павла? Не сказалъ: возвѣстившу, но: *благовѣстившу*,—столь великимъ благомъ онъ считаетъ ихъ твердость въ вѣрѣ и любовь! И необходимо, чтобы усиливалась послѣдняя, когда пребываетъ непоколебимою первая. Потому онъ и радовался о любви ихъ, что она была признакомъ ихъ вѣры. *И яко*, говоритъ, *имате память о насъ благу, всегда желающе насъ ви-*
418 *дѣти, якоже и мы васъ*,—то есть съ похвалами. Не только когда мы находились у васъ и когда совершали чудеса, но и теперь, когда мы пребываемъ вдали отъ васъ, терпимъ побои и переносимъ безчисленныя бѣдствія, вы имѣете о насъ добрую память. Послушайте, какъ восхваляютъ и какъ ублажаютъ учениковъ, сохраняющихъ добрую память о своихъ наставникахъ. Будемъ подражать имъ: (чрезъ это) мы доставимъ пользу себѣ самимъ, а не тѣмъ, которыхъ любимъ. *Желающе*, говоритъ, *насъ видѣти, якоже и мы васъ*. И это ихъ радовало. Для любящаго вѣдь весьма пріятно и утѣшительно, если любимый знаетъ, что онъ любимъ. *Сего ради утѣшихомся, братіе, о васъ, во всякой скорби и нуждѣ нашей вашею вѣрою: яко нынѣ живи есмы, аще вы стоите о Господѣ*. Что можетъ сравниться съ Павломъ, который спасеніе ближнихъ считалъ за свое собственное, имѣя такое же отношеніе ко всѣмъ, какое тѣло къ членамъ? Кто бы могъ нынѣ говорить такимъ языкомъ? Или лучше: кто бы могъ когда-либо помыслить такъ? Онъ не хотѣлъ, чтобы они изъявляли благодарность ему за перенесенныя имъ ради ихъ искушенія; но имъ изъявляетъ благодарность за то, что не поколебались по причинѣ искушеній, съ нимъ случившихся, говоря какъ бы такъ: вамъ предстояло болѣе опасности отъ искушеній, чѣмъ намъ; вы болѣе подвергались искушеніямъ, нежели мы,—хотя вы и не страдали во время страданій нашихъ. Съ тѣхъ поръ, говоритъ далѣе, какъ Тимоѳей принесъ намъ радостную вѣсть, мы не чувствуемъ ни-

какой горести, но *утѣшихомся во всякой скорби*, и не въ скорби только, но и въ *нуждѣ нашей*, говоритъ. И подлинно, добраго учителя ничто не можетъ смутить до тѣхъ поръ, пока дѣла учениковъ текутъ по желанію его. *О васъ утѣшихомся*, т. е. вы насъ подкрѣпили. Между тѣмъ, было наоборотъ, такъ какъ то, что они не изнемогли отъ страданій, а мужественно перенесли ихъ, содѣйствовало укрѣпленію учениковъ. Но Павелъ представляетъ все съ противоположной стороны, и обращаетъ это въ похвалу имъ: вы, говоритъ, насъ умастили, вы намъ дали вздохнуть, вы не допустили насъ до того, чтобы мы чувствовали искушенія. И не сказалъ: мы воодушевились, не сказалъ также: мы утѣшились,— а что же? Мы *нынѣ живи есмы*, показывая этимъ, что и искушеніемъ и смертію для себя считаетъ не иное что, какъ ихъ преткновеніе, почему и жизнію (считаетъ для себя) ихъ преспѣяніе. Какимъ образомъ кто-либо иной высказалъ бы (такъ) и печаль о немощи учениковъ, и радость? Не сказалъ: радуемся, но: *живи есмы*, разумѣя жизнь будущую.

3. Итакъ, безъ этого жизнь не считаемъ жизнію. Таковы должны быть расположенія наставниковъ и учениковъ,—и тогда не будетъ ничего неумѣстнаго. Потомъ, распространяя эту мысль, смотри, что онъ говоритъ: *кое бо благодареніе Богу можемъ воздати о васъ, о всякой радости, еюже радуемся васъ ради предъ Богомъ нашимъ? Нощь и день преизлиха молящеся видѣти лице ваше, и совершити лишеніе вѣры вашея* (ст. 9—10). Вы, говоритъ, были для насъ виновниками не только жизни, но и великой радости,— столь великой, что мы не въ силахъ и возблагодарить достойно Бога. Успѣхъ вашъ мы считаемъ, говоритъ, даромъ Божіимъ. Вы столько облагодѣтельствовали насъ, что мы считаемъ это 419
(дѣломъ совершившимся) по внушенію Божію, или лучше — дѣломъ самого Бога, такъ какъ столь возвышенныя чувствованія несвойственны человѣческой душѣ и заботливости. *Нощь и день преизлиха молящеся*. И это признакъ радости. Какъ земледѣлецъ, слыша о своемъ полѣ, которое онъ воздѣлалъ, что оно изобилуетъ плодами, нетерпѣливо желаетъ видѣть самъ то, что ему доставляетъ такое удовольствіе, такъ и Павелъ—Македонію. *Преизлиха молящеся*. Замѣть гиперболу! *Видѣти лице ваше и совершити лишеніе вѣры вашея*. Здѣсь возникаетъ важный вопросъ. Если ты теперь живъ, потому что (ѳессалоникійцы) устояли, и Тимоѳей благовѣстилъ тебѣ ихъ вѣру и любовь, и ты исполненъ столь великой радости, что не можешь достойно возблагодарить Бога,—то какъ здѣсь говоришь ты о недостаткѣ въ ихъ вѣрѣ? Тѣ слова не составляютъ ли лести? Никакъ,— да не будетъ! Выше онъ свидѣтельствовалъ, что они оказали великіе подвиги и не

менѣе перенесли, чѣмъ и церкви, находящіяся въ Іудеи. Что же это значитъ? То, что они еще не всѣмъ ученіемъ воспользовались и не всему научились, чему надлежало научиться; и это онъ поясняетъ къ концу (посланія). А быть можетъ, между ними были и состязанія о воскресеніи, и много было такихъ, которые смущали ихъ уже не искушеніями и опасностями, но тѣмъ, что выдавали себя за учителей. Это-то онъ и называетъ: *лишеніе вѣры*, — и потому-то и выразился такимъ образомъ; не сказалъ: утвердити, но: *совершити*. Когда онъ страшился за самую вѣру, то *послахъ*, говоритъ, *Тимоѳея утвердити васъ;* а здѣсь говоритъ: *совершити лишеніе*, что болѣе относится къ наученію, нежели къ утвержденію, подобно тому, какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *да будете совершенны во всякомъ дѣлѣ благѣ* (Евр. XIII, 21). Совершенное же—то, чему не достаетъ немногаго, и оно восполняется. *Самъ же Богъ и Отецъ нашъ, и Господь нашъ Іисусъ Христосъ да исправитъ путь нашъ къ вамъ. Васъ же Господь да умножитъ. и да избыточествитъ любовію другъ ко другу и ко всѣмъ, якоже и мы къ вамъ* (ст. 11, 12). Молиться не только внутренно, но и излагать молитву въ посланіи, это — свойство чрезвычайной любви, свойство души пламенной и поистинѣ непреоборимой, а также свидѣтельство о томъ, что молитвы приносились за нихъ и тамъ (въ Элладѣ), и вмѣстѣ оправданіе въ томъ, что они не пришли не по собственному произволу или нерадѣнію. Онъ говоритъ какъ бы такъ: самъ же Богъ да прекратитъ искушенія, отовсюду препятствующія намъ имѣть прямой къ вамъ путь. *Васъ же Господь да умножитъ и да избыточествитъ.* Видишь ли неудержимый порывъ любви, выражающійся въ этихъ словахъ? *Да умножитъ*, говоритъ онъ, *и да избыточествитъ*, — вмѣсто: да возраститъ. Какъ бы съ преизбыткомъ, такъ можно сказать, онъ желаетъ быть любимымъ отъ нихъ. *Якоже*, говоритъ, *и мы къ вамъ*, т. е. съ нашей стороны уже есть (любовь къ вамъ); желаемъ, чтобы была и съ вашей. Видишь, куда хочетъ распространить эту любовь? Не только другъ къ другу, но и ко всѣмъ. Въ томъ поистинѣ обнаруживается любовь по Богу, что (она стремится) обнять собою всѣхъ. Если же ты одного любишь, а другого нѣтъ, то твоя любовь—человѣческая. Но наша не такова. *Якоже и мы*
120 *къ вамъ. Во еже утвердити сердца ваша непорочна во святыни предъ Богомъ и Отцемъ нашимъ, въ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа со всѣми святыми его* (ст. 13). Показываетъ, что эта любовь приноситъ пользу имъ самимъ, а не тѣмъ, которыхъ любятъ. Хочу, говоритъ, чтобы эта любовь преизбыточествовала настолько, чтобы не было никакого порока. Не сказалъ: утвердить васъ, но: *сердца ваша, — отъ сердца бо исходятъ помышленія*

злая (Мѳ. xv, 19). Можно быть злымъ, не дѣлая никакого зла, какъ-то: имѣть ненависть, невѣріе, быть коварнымъ, радоваться несчастіямъ, быть недружелюбнымъ, держаться превратнаго ученія: все это—дѣло сердца. Быть чистымъ отъ всего этого составляетъ святость. Правда, святостію главнымъ образомъ и по преимуществу называется цѣломудріе, такъ же какъ и нечистотою блудъ и прелюбодѣяніе; но, вообще, всякій грѣхъ есть нечистота, и всякая добродѣтель чистота: *блажени*, говоритъ (Спаситель), *чистіи сердцемъ* (Мѳ. v, 8), разумѣя подъ чистыми чистыхъ по всему.

4. Знаю, что и другіе пороки не менѣе оскверняютъ душу. Что (вообще) порокъ оскверняетъ душу, послушай, что говорить пророкъ: *омый отъ лукавства сердце твое, Іерусалиме* (Іер. iv, 14), и еще: *измыйтеся, чисти будите, отымите лукавства отъ душъ вашихъ* (Иса. i, 16). Не сказалъ—*(отымите)* блудодѣянія, потому что не одинъ блудъ, но и прочіе пороки оскверняютъ душу. *Утвердити сердца ваша непорочна во святыни предъ Богомъ и Отцемъ нашимъ, въ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа со всѣми святыми Его.* Судіею тогда будетъ Христосъ; но мы не предъ Нимъ, а и предъ Отцемъ будемъ предстоять во время суда. Или здѣсь (апостолъ) разумѣетъ то, что намъ должно быть непорочными предъ Богомъ, о чемъ и я всегда говорю, что именно—не предъ лицемъ людей, а предъ лицемъ Божіимъ,—въ этомъ и состоитъ истинная добродѣтель. Итакъ, любовь дѣлаетъ непорочными, и притомъ воистину непорочными дѣлаетъ она. И когда я нѣкоторому человѣку однажды изъяснялъ это и говорилъ, что любовь дѣлаетъ насъ непорочными, и что любовь къ ближнему заграждаетъ всякій входъ грѣху, равно и о многомъ другомъ подробно разсуждалъ и говорилъ,—тогда одинъ мой знакомый, подошедши ко мнѣ, сказалъ: „а что же блудъ? Развѣ нельзя и любить и блудодѣйствовать? Вѣдь и это происходитъ отъ любви. Любостяжаніе, прелюбодѣяніе, зависть, коварство и прочее тому подобное можетъ удалить насъ отъ любви къ ближнимъ; но блудъ какимъ же, говоритъ, образомъ?“ Я сказалъ, что любовь можетъ отсѣчь и это. Кто полюбитъ распутную женщину, тотъ будетъ стараться удалять ее и отъ другихъ мужчинъ и самъ не предаться грѣху съ нею. Поэтому только тому, кто весьма ненавидитъ блудницу, свойственно творить съ нею блудъ, а истинно любящему ее—отклонять ее отъ этого постыднаго дѣла. И нѣтъ, рѣшительно нѣтъ ни одного грѣха, котораго бы, подобно огню, не истребляла сила любви. Удобнѣе слабому хворосту устоять противъ сильнаго огня, нежели естеству грѣха противъ силы любви. Возрастимъ же эту любовь въ душахъ своихъ, чтобы

421 стать со всѣми святыми. Вѣдь и они всѣ благоугодили (Богу) любовію къ ближнему. Отчего Авель убитъ, а не убилъ? Конечно оттого, что, сильно любя брата, не могъ и помыслить объ этомъ. Откуда Каинъ воспринялъ ядъ зависти? Впрочемъ я не хотѣлъ бы называть его и братомъ Авеля, такъ какъ не утвердились въ немъ незыблемо основанія любви. Чѣмъ заслужили похвалу два сына Ноевы? Не тѣмъ ли, что сильно любили отца и не могли видѣть наготы его? А за что одинъ подпалъ проклятію? Не за то ли, что не любилъ? Чѣмъ также Авраамъ прославился? Не любовію ли, съ какою онъ заботился о племянникѣ, и тѣмъ, что ходатайствовалъ о содомлянахъ? Святые были весьма любвеобильны и сострадательны. Представь, какъ размягчается отъ любви Павелъ, даже огнь ни во что вмѣнявшій, адамантовый, твердый, непоколебимый, всегда сильный, проникнутый страхомъ Божіимъ, непреклонный! *Кто ны*, говоритъ онъ, *разлучитъ отъ любве* Христовой, *скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечь* (Рим. VIII, 35)? Но и онъ, который такъ дерзаетъ противъ всего этого и на сушѣ и на морѣ, который посмѣивается и адамантовымъ вратамъ ада, котораго рѣшительно ничто не останавливало,—этотъ адамантъ, когда увидѣлъ слезы нѣкоторыхъ возлюбленныхъ, до того былъ сокрушенъ и растроганъ, что не могъ скрыть сильнаго душевнаго волненія и тотчасъ сказалъ: *что творите плачуще и сокрушающе ми сердце* (Дѣян. XXI, 13)? Что ты говоришь, скажи мнѣ? Эту адамантову душу могла сокрушить слеза? Да, отвѣчаетъ, противъ всего могу устоять, кромѣ любви. Она одолѣваетъ меня и порабощаетъ. Такъ угодно Богу. Бездна водъ не сокрушила его, а немногія слезы сокрушили: *что творите, плачуще и сокрушаще ми сердце?* Подлинно, велика сила любви! Хочешь ли видѣть его опять плачущимъ? Послушай, что говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ: *три лѣта нощь и день не престаяхъ уча со слезами единого когождо* (Дѣян. XX, 31). Отъ великой любви онъ боялся, чтобы не приключилось какого-либо вреда. И еще: *отъ печали бо многія и туги сердца написахъ вамъ многими слезами* (2 Кор. II, 4). Что же Іосифъ, скажи мнѣ, этотъ твердый, устоявшій противъ такого насилія, проявившій столько доблести противъ такого пламени любви, такъ славно подвизавшійся и преодолѣвшій такое неистовство госпожи? Что тогда не соблазняло его? И красивое лице, важность сана, многоцѣнность и великолѣпіе одеждъ, благовоніе ароматовъ,—вѣдь и это можетъ разнѣживать душу,—слова самыя нѣжныя.

5. Вы знаете, что (женщина) любящая, и при томъ такъ сильно, не откажется ни отъ чего унизительнаго, принявъ видъ умоляющей (рабыни). До того поражена была страстію эта жена, носящая

златотканныя одежды и имѣвшая почти царское достоинство, что припадала можетъ быть къ колѣнамъ плѣннаго раба, а можетъ быть, и съ плачемъ умоляла его, обнимая колѣна; и дѣлала это не однажды, не дважды, а много разъ. Тогда можно было видѣть и ея весьма блестящій взоръ. Конечно, и украшалась она не кое-какъ, а съ величайшею изысканностью, потому что старалась разными сѣтями уловить агнца Христова. Прибавь къ этому и многія волхвованія. И однако этотъ непреклонный, крѣпкій, твердый какъ камень, когда увидѣлъ братьевъ, которые его продали, ввергли въ ровъ, предали, хотѣли убить, были виновниками его заключенія въ темницу и возвышенія, когда отъ нихъ услышалъ слова, опечалившія отца,—скажемъ, говорится, что онъ былъ пожранъ звѣрями (Быт. XXXVII, 20),—поколебался, размягчился, смутился и заплакалъ, и, будучи не въ силахъ преодолѣть душевнаго волненія, выходя (къ братьямъ), *удержася* (Быт. XLIII, 422
31), т. е. обтеръ слезы. Что это? Ты плачешь, Іосифъ? Но предстоящее не слезъ достойно, а гнѣва и ярости, негодованія и строгаго наказанія и отмщенія. У тебя въ рукахъ враги, братоубійцы; ты можешь вполнѣ удовлетворить своему гнѣву. При томъ, это не будетъ несправедливостію, потому что не ты начнешь наносить обиды, а (только) отмстишь обидѣвшимъ. Не обращай вниманія на свой санъ: это случилось не по ихъ намѣренію, а по волѣ Бога, изливающаго на тебя милость Свою. Почему плачешь? Но онъ сказалъ бы: не дай Богъ, чтобы я, пріобрѣвъ у всѣхъ добрую славу, потерялъ все это чрезъ такое памятозлобіе. Подлинно, (теперь) время слезъ. Я не лютѣе звѣрей: и тѣ поступаютъ согласно своей природѣ, какое бы зло ни потерпѣли. Я плачу, говоритъ, потому что меня это совершенно растрогало. Будемъ и мы подражать ему и станемъ оплакивать обидѣвшихъ насъ, а не гнѣваться на нихъ,—они подлинно достойны слезъ, потому что содѣлываютъ себя повинными осужденію и наказанію. Я вижу, какъ вы теперь плачете, какъ радуетесь, удивляясь Павлу и изумляясь Іосифу, и ублажая (того и другого). Но если кто имѣетъ врага, тотъ пусть его теперь приведетъ себѣ на память, пусть представитъ его въ умѣ, чтобы сердце, пока еще оно согрѣвается воспоминаніемъ объ этихъ святыхъ, могло отложить ярость гнѣва и смягчить свою суровость и жестокость. Знаю, что по выходѣ отсюда, послѣ того, какъ я перестану говорить, хотя и останется (въ васъ) нѣкоторый жаръ и ревніе, но уже не столь сильный, какъ теперь во время слушанія. Итакъ, если кто покрылся инеемъ, то пусть отряхнетъ его. А памятозлобіе дѣйствительно—иней и ледъ. Но воззовемъ къ Солнцу правды, будемъ умолять Его, да ниспошлетъ лучи свои и не будетъ болѣе

жестокаго инея, а будетъ вода утоляющая жажду. Если огонь Солнца правды коснется нашей души, то ничего не останется въ ней затвердѣлаго, ничего жестокаго, ничего жгучаго, ничего безплоднаго. Все явится зрѣлымъ, все сладкимъ, все исполненнымъ великой пріятности. Если будемъ любить другъ друга, то этотъ лучъ низойдетъ (на насъ). Дайте мнѣ (возможность), умоляю, говорить объ этомъ съ усердіемъ; пусть я услышу, что вы отъ этихъ словъ получили нѣкоторую пользу, что кто-нибудь изъ васъ, выйдя отсюда, тотчасъ простеръ обѣ руки своему врагу, обнялъ его, прижалъ, облобызалъ, заплакалъ! Если бы онъ былъ даже звѣрь, если бы камень, если бы что-нибудь другое, то и тогда онъ смягчился бы отъ такого дружелюбія. Отчего въ самомъ дѣлѣ онъ твой врагъ? Поносилъ тебя? Но не причилъ никакой обиды. Не изъ-за денегъ ли ты презираешь враждующаго брата? Прости его,—прошу; прекратимъ все. Время въ нашемъ распоряженіи, будемъ пользоваться имъ, какъ должно; разорвемъ грѣховныя узы; прежде нежели предстанемъ на судъ, сами разсудимъ другъ друга. *Солнце*, сказано, *да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ* (Евр. IV, 26). Пусть никто не медлитъ. Замедленіе производитъ закоснѣніе. Если промедлишь сегодня, будетъ больше стыда; еще больше, если отложишь до завтра; несравненно больше, если до послѣзавтра. Не будемъ же срамить самихъ себя, но отпустимъ, чтобы отпустилось намъ. А если отпустится, то мы наслѣдуемъ всѣ блага небесныя во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА V.

423 Тѣмже, братіе, просимъ вы и молимъ о Христѣ Іисусѣ, якоже пріясте отъ насъ, како подобаетъ вамъ ходити и угождати Богови, да избыточествуете паче. Вѣсте бо, какова повелѣнія дахомъ вамъ Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. Сія бо есть воля Божія, святость ваша (1 Сол. IV, 1—3).

1. Довольно побесѣдовавъ о томъ, что не терпѣло отлагательства и было какъ бы подъ руками, и затѣмъ намѣреваясь уже приступить къ тому, что постоянно (заслуживаетъ вниманія) и о чемъ всегда нужно слушать, (апостолъ) предпосылаетъ такое слово: *тѣмже убо*, т. е. всегда и непрестанно, *просимъ вы и молимъ о Господѣ*. Смотри! Онъ не признаетъ себя даже до-

стойнымъ умолять отъ своего имени, между тѣмъ какъ кто былъ въ такой мѣрѣ достоинъ этого? Онъ представляетъ Христа: Богомъ умоляемъ васъ, говоритъ,—это именно и значитъ слово: *о Господѣ*. То же говорилъ и коринѳянамъ: Богъ васъ молитъ чрезъ насъ (2 Кор. v, 20). *Якоже пріясте отъ насъ*. Выраженіе: *пріясте* относится не къ словамъ только, но и къ дѣламъ. *Како подобаетъ вамъ ходити*. Этимъ указываетъ на весь образъ жизни. *И угождати Богови, да избыточествуете паче*, т. е. чтобы вы, при умноженіи усердія, не останавливались на исполненіи заповѣдей, но восходили бы и выше. Это и значитъ слово: *да избыточествуете*. Въ предыдущей бесѣдѣ онъ выхваляетъ твердость ихъ вѣры, а здѣсь научаетъ преуспѣвать въ жизни. Преспѣяніе же состоитъ въ томъ, чтобы превосходить заповѣди и постановленія: тогда уже все совершается не по понужденію отъ наставника, а по собственной волѣ. Подобно тому, какъ земля должна производить не то только, что въ нее брошено, такъ и душа должна не останавливаться на заповѣдяхъ, ей предложенныхъ, но восходить выше. Видишь ли, какъ справедливо сказалъ онъ—превосходить? Вѣдь добродѣтель совмѣщаетъ въ себѣ двѣ стороны: уклоненіе отъ зла и дѣланіе добра. Поэтому, чтобы быть добродѣтельнымъ, не довольно только уклоняться отъ зла,—въ этомъ состоитъ начало (совершенства) и какъ бы путь, ведущій къ добродѣтели: кромѣ того, еще нужно много усилій. Поэтому, правила касательно того, чего должно избѣгать, предлагаетъ имъ въ видѣ повелѣнія. И справедливо,—потому что дѣланіе того, чего должно избѣгать, влечетъ за собою наказаніе, а недѣланіе не заслуживаетъ вовсе похвалы. Между тѣмъ дѣла добродѣтели, какъ напр. раздаяніе имущества и тому подобныя, предлагаетъ уже не въ видѣ повелѣнія,—а какъ? *Могій вмѣстити, да вмѣститъ* (Мѳ. xix, 12). Вѣроятно въ этомъ посланіи (апостолъ) напоминаетъ имъ о томъ же, о чемъ говорилъ уже со многимъ опасеніемъ и страхомъ,—о святости. Поэтому не излагаетъ самыхъ повелѣній, а только напоминаетъ имъ объ нихъ. *Вѣсте бо*, говоритъ, *какова повелѣнія дахомъ вамъ Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. Сія бо есть воля Божія, святость ваша*. Замѣть, что онъ никогда ни на что иное такъ часто не намекаетъ, какъ на это. И въ другомъ мѣстѣ пиша, заповѣдуетъ: *миръ гоните и святыню со всѣми, ихже кромѣ никтоже узритъ Господа* (Евр. xii, 14). И что удивляться, если онъ вездѣ пишетъ объ этомъ ученикамъ, когда даже въ посланіи Тимоѳею сказалъ: *себе чиста соблюдай* (1 Тим. v, 22)? И во второмъ посланіи къ коринѳянамъ говорилъ: *въ терпѣніи мнозѣ, въ пощеніихъ, во очищеніи* (2 Кор. vi, 4, 5, 6). И во многихъ мѣстахъ можно найти это—и въ посланіи къ римлянамъ, 424

и во всѣхъ другихъ посланіяхъ. И подлинно, это зло для всѣхъ пагубно. Какъ свинья, извалявшаяся въ грязи, куда бы ни вошла, все наполняетъ зловоніемъ, и поражаетъ чувство отвратительнымъ запахомъ, такъ и блудъ; зло это омывается съ трудомъ. Когда же дѣлаютъ это и имѣющіе женъ, то какое это крайнее безуміе? *Сія бо есть*, говоритъ, *воля Божія, святость ваша, храните себе самѣхъ отъ* всякаго *блуда*. Много видовъ безчинія, многообразны и многоразличны любострастныя наслажденія, о которыхъ и говорить несносно. Сказавъ же: *отъ* всякаго *блуда*, оставляетъ (перечисленіе видовъ) знающимъ. *Вѣдѣти комуждо отъ васъ свой сосудъ стяжавати во святыни и чести. Не въ страсти похотнѣй, якоже и языцы невѣдящіи Бога* (ст. 4, 5). *Вѣдѣти*, говоритъ, *комуждо отъ васъ свой сосудъ стяжавати*. Слѣдовательно, надобно учиться, и много, чтобы не предаваться нечистотѣ. Слѣдовательно, когда сосудъ чистъ, и пребываетъ въ святости, мы владѣемъ имъ; когда же нечистъ, тогда владѣетъ имъ грѣхъ. И дѣйствительно,—потому что онъ дѣлаетъ тогда не то, чего мы хотимъ, но то, что повелѣваетъ грѣхъ. *Не въ страсти похотнѣй*, говоритъ. Здѣсь показываетъ и способъ, какъ должно уцѣломудряться, т. е. отсѣкая страсти похотѣнія. Дѣйствительно, и роскошь, и богатство, и лѣность, и нерадѣніе, и праздность,—все это приводитъ насъ къ гнусной похоти. *Якоже*, говоритъ, *и языцы невѣдящіи Бога*; язычники же таковы потому, что не ожидаютъ будущаго наказанія. *Еже не преступати и лихоимствовати въ вещи брата* (ст. 6).

2. Хорошо сказалъ: *не преступати*. Богъ каждому далъ жену и положилъ предѣлы природѣ, именно совокупленіе съ одною. Поэтому совокупленіе съ другою есть уже преступленіе, и разбой, и лихоимство, даже ужаснѣе всякаго разбоя, потому что мы не столько скорбимъ тогда, когда похищаютъ у насъ деньги, сколько тогда, когда окрадываютъ бракъ. Называешь братомъ, и причиняешь обиду въ томъ, въ чемъ (преимущественно) не должно? Здѣсь (апостолъ) говоритъ о прелюбодѣяніи, а выше говорилъ о всякомъ блудѣ. Такъ какъ онъ намѣревался сказать о томъ, чтобы не поступать съ братомъ противозаконно и корыстолюбиво, то, предупреждая (ложное толкованіе), онъ говоритъ: не подумай, что я говорю это только о братьяхъ; нѣтъ, любодѣйствовать не должно ни съ чужими женами, ни съ незамужними, и (вообще) не должно имѣть женъ общихъ; должно хранить себя отъ всякаго блуда,—почему и прибавляетъ: *зане мститель есть Господь о всѣхъ сихъ*. Сперва онъ умолялъ, заставлялъ краснѣть, говоря: *якоже и языцы*; потомъ посредствомъ доводовъ показалъ гнусность дѣла, употребивъ выраженіе: *лихоимствовати брата*;

наконецъ присовокупляетъ главное: *мститель есть Господь о всѣхъ сихъ, якоже и прежде рекохомъ къ вамъ и засвидѣтельствовахомъ.* Дѣлая это, мы не останемся безъ наказанія и не испытаемъ такого удовольствія, которое бы равнялось ожидающему насъ мученію. *Не призва бо* насъ *Богъ на нечистоту, но во святость* (ст. 7). Такъ какъ онъ сказалъ: *(лихоимствовати въ вещи) брата,* и присовокупилъ, что *Господь отмщаетъ,* то этими словами внушаетъ, что нанесшій обиду не останется безъ наказанія и тогда, когда претерпѣвшій ее будетъ невѣрный. Смыслъ его словъ такой: Богъ 425
накажетъ тебя не съ цѣлью отомстить за него, но потому, что ты въ немъ оскорбилъ самого Бога; Онъ тебя призвалъ, а ты Призвавшаго оскорбилъ. Поэтому (апостолъ) присовокупилъ: *тѣмже убо отметаяй, не человѣка отметаетъ, но Бога, давшаго Духа своего святаго въ насъ* (ст. 8). Такимъ образомъ, говоритъ, одинаковое совершишь преступленіе, когда растлишь царицу или же рабу твою замужнюю. Почему? Потому что (Богъ) мститъ не за лица, тобою оскорбленныя, но за Себя; а ты одинаково осквернилъ себя, одинаково оскорбилъ Бога. Вѣдь и то и другое есть прелюбодѣяніе, такъ какъ и то и другое—бракъ. Хотя ты и не прелюбодѣйствуешь, а блудодѣйствуешь, хотя блудница и не имѣетъ мужа, однакоже Богъ отмщаетъ, такъ какъ Онъ мститъ за Себя. Дѣлая это, ты оказываешь презрѣніе не столько къ мужу, сколько къ Богу; это видно изъ того, что отъ мужа по крайней мѣрѣ скрываешь это, а о Богѣ, который видитъ, и не думаешь. Скажи мнѣ, если бы царь удостоилъ кого-либо багряницы и многихъ иныхъ почестей, а тотъ, получивъ приказаніе жить сообразно съ саномъ, пошелъ и осквернился съ какою-либо женщиною,—кого бы онъ оскорбилъ: женщину, или царя, удостоившаго его награды? Оскорблена была бы, конечно, и она, но не столько. Поэтому, умоляю, будемъ хранить себя отъ этого грѣха. Подобно тому, какъ мы наказываемъ женъ, когда онѣ, живя съ нами, отдаютъ себя другимъ, такъ и мы сами будемъ наказаны, если не по законамъ римскимъ, то отъ Бога,—потому что и это есть прелюбодѣяніе. Прелюбодѣяніе, вѣдь, бываетъ не только тогда, когда прелюбодѣйствуетъ (женщина) связанная бракомъ съ другимъ, но и тогда, когда прелюбодѣйствуетъ женатый. Внимательно слушай, о чемъ я говорю. Хотя для многихъ и тяжко, что я говорю, но сказать объ этомъ необходимо, чтобы впослѣдствіи исправиться. Не то только прелюбодѣяніе, когда растлѣваемъ замужнюю женщину, но и то также прелюбодѣяніе, когда, сами будучи женаты, (совершаемъ блудъ) съ отпущенною и свободною. Что изъ того, что прелюбодѣйствующая не сопряжена съ мужемъ? Ты сопряженъ, ты законъ преступилъ,

ты обидѣлъ свою плоть. За что, въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, наказываешь ты жену свою, когда она сотворитъ блудъ съ свободнымъ и не имѣющимъ жены мужчиною? За прелюбодѣяніе (скажешь), такъ какъ хотя соблудившій съ нею не имѣетъ жены, но она замужняя. Слѣдовательно, если и ты женатъ, то и твой поступокъ одинаково прелюбодѣяніе. *Отпущаяй жену свою*, говорится, *развѣ словесе любодѣйнаго, творитъ ю прелюбодѣйствовати, и иже пущеницу поиметъ, прелюбодѣйствуетъ* (Мѳ. v, 32). Если женящійся на отпущенной прелюбодѣйствуетъ, то не тѣмъ ли болѣе виновенъ въ прелюбодѣяніи тотъ, кто согрѣшаетъ съ нею, имѣя свою жену? Конечно, это для всякаго очевидно. Но для васъ, мужья, довольно будетъ того, что сказано; а о таковыхъ и Христосъ говоритъ: *червь ихъ не умираетъ, и огнь не угасаетъ* (Марк. ix, 44). Однако надобно говорить къ вамъ ради юношей, или лучше не столько ради нихъ, сколько ради васъ; не къ нимъ это идетъ, а къ вамъ. Какъ именно—сейчасъ скажу. Не узнавшій блуда, не будетъ знать и прелюбодѣйства; а осквернившійся съ блудницами, скоро дойдетъ и до этого и будетъ творить блудъ если не съ замужними женами, то съ отпущенными.

426 3. Итакъ, какое преподамъ вамъ наставленіе? Чтобы отсѣчь самые корни (зла), пусть тѣ, которые имѣютъ дѣтей, находящихся въ юношескомъ возрастѣ, и намѣреваются ввести ихъ въ мірскую жизнь, скорѣе соединяютъ ихъ узами брака. Такъ какъ еще въ юности возмущаютъ ихъ страстныя пожеланія, то до времени брака воздерживайте ихъ увѣщаніями, угрозами, страхомъ, обѣщаніями и другими безчисленными средствами; а когда наступитъ пора брака,—пусть никто не медлитъ связывать дѣтей своихъ брачными узами. Не правда ли, что я говорю, точно сваха; но я не стыжусь говорить это, потому что и Павелъ не стыдился, когда говорилъ: *не лишайте себе другъ друга* (1 Кор. vii, 5). Этого повидимому болѣе надлежало стыдиться, однако онъ не стыдился, потому что обращалъ вниманіе не на слова, а на поступки, которые (хотѣлъ) исправить при помощи словъ.

Итакъ, когда сынъ возрастетъ, то прежде, чѣмъ вступитъ въ воинское званіе, или въ другой родъ жизни, позаботься объ его супружествѣ. И если онъ будетъ знать, что ты скоро приведешь ему невѣсту и что уже немного остается времени до брака, то въ состояніи будетъ терпѣливо переносить пламень (страсти). Если же онъ узнаетъ, что ты нерадишь объ этомъ, и медлишь, и выжидаешь, когда онъ будетъ получать большіе доходы, чтобы тогда женить его, то, пришедши въ отчаяніе отъ долгаго ожиданія, легко устремится къ блуду. Но,—увы,—и здѣсь корень зла составляетъ сребролюбіе! И такъ какъ никто не заботится о

томъ, чтобы сдѣлать сына цѣломудреннымъ и скромнымъ, а всѣ съ неистовствомъ прилѣпляются къ золоту, ради котораго никто и не имѣетъ попеченія (о цѣломудріи), то умоляю васъ прежде всего заботиться объ ихъ душахъ. Въ самомъ дѣлѣ, если онъ вступитъ въ бракъ съ невѣстою непорочною, если будетъ знать только ея тѣло, то и любовь будетъ пламеннѣе, и страха Божія будетъ больше, и бракъ будетъ подлинно честный, связывая тѣла чистыя и нескверныя, и рождаемыя будутъ исполнены всякаго благословенія; и будутъ угождать другъ другу—женихъ и невѣста, такъ какъ, будучи оба незнакомы съ привычками другихъ людей, будутъ взаимно подчиняться другъ другу. А кто съ юныхъ лѣтъ началъ вести жизнь распутную и ознакомился съ обычаями блудницъ, тотъ въ первый и второй вечеръ будетъ любоваться своею женою, а затѣмъ скоро обратится къ прежнему распутству, къ чрезмѣрному и безчинному смѣху,—будетъ искать рѣчей, исполненныхъ безстыдства, тѣлодвиженій страстныхъ и всякой другой мерзости, о которой намъ и говорить неприлично. Жена же благородная не допуститъ этого, и не позволитъ осквернять себя. Она вышла замужъ для сожительства и для дѣторожденія, а не для распутства и смѣха,—для того, чтобы беречь домъ, чтобы научить и мужа быть честнымъ, а не для того, чтобы воспламенять въ немъ сладострастіе. Но тебѣ пріятными являются тѣлодвиженія блудницы? Знаю. И Писаніе говоритъ объ этомъ: *медъ каплетъ отъ устъ жены блудницы* (Притч. V, 3). Для того я и говорю все это, чтобы ты не отвѣдывалъ этого меда, такъ какъ онъ тотчасъ обращается въ желчь. То же самое говоритъ и Писаніе: *яже на время наслаждаетъ твой гортань, послѣди же горчае желчи обрящеши, и изощренну паче меча обоюду остра* (ст. 3, 4).

Что ты говоришь (скажете)? Будьте снисходительны ко мнѣ, 427
если я говорю нѣчто, такъ сказать, нечистое, не стыдясь и не краснѣя. Не по доброй волѣ дѣлаю это, а вынуждаюсь говорить такія слова для тѣхъ, которые не стыдятся такихъ дѣлъ. Много подобнаго мы видимъ и въ Писаніи. Такъ Іезекіиль, укоряя Іерусалимъ, много говоритъ подобнаго,—и не стыдится. И справедливо. Вѣдь не по собственному желанію говорилъ онъ это, но изъ благопопечительности. Хотя мои слова, повидимому, неприличны, но цѣль не неприлична, а даже весьма хороша для того, кто хочетъ истребить нечистоту души. Дѣйствительно, если не услышитъ такихъ словъ безстыдная душа, то не устрашится. Какъ врачъ, желая пресѣчь гніеніе, сперва влагаетъ персты въ раны и, если прежде не осквернитъ цѣлебныхъ рукъ, то не сможетъ уврачевать, такъ и я. Если сперва не оскверню устъ, исцѣ-

ляющихъ ваши страсти, то не смогу васъ исцѣлить. Лучше же сказать, здѣсь уста точно такъ же не оскверняются, какъ тамъ руки. Почему именно? Потому, что это не есть нечистота естественная, и не отъ нашего тѣла происходитъ она, подобно какъ и тамъ—не отъ рукъ врача, но отъ чужихъ (ранъ). Если же тамъ онъ не отказывается вкладывать свои руки въ чужое тѣло, то здѣсь, гдѣ наше тѣло, скажи мнѣ, откажемся ли мы? А вы—наше тѣло, хотя больное и нечистое, но все же наше.

4. Итакъ, что же значитъ то, что я говорю, и для чего я сдѣлалъ такое наставленіе? Одежды, которую носитъ рабъ, конечно ты не согласишься когда-либо надѣть, гнушаясь ею по причинѣ нечистоты, но лучше согласишься быть нагимъ, нежели пользоваться ею; а тѣло нечистое и скверное, которымъ пользуется не только рабъ твой, но и другіе безъ числа, ты будешь употреблять во зло и не будешь имъ гнушаться? Вамъ стыдно стало слышать это. Стыдитесь дѣлъ, а не словъ. Я умалчиваю о всемъ остальномъ, о развращеніи и нечистотѣ нравовъ, и о прочемъ, что есть рабскаго и низкаго въ жизни. Скажи мнѣ, не къ одной ли и той же (ходишь) и ты, и рабъ твой? И, о, если бы только рабъ,—но вѣдь и палачъ! Ты не рѣшился бы взять палача за руку; между тѣмъ ту, которая была съ нимъ одно тѣло, обнимаешь и лобызаешь,—и не трепещешь, не боишься? Не стыдишься? Не краснѣешь? Не смущаешься? Говорилъ я вашимъ отцамъ, что скорѣе надобно васъ женить; впрочемъ и вы не изъяты отъ наказанія. Если бы не было много другихъ юношей, цѣломудренно живущихъ и прежде и нынѣ, то, можетъ быть, нашлось бы для васъ какое-нибудь оправданіе; но такъ какъ они существуютъ, то какъ можете сказать, что мы не были въ силахъ подавить пламя вожделѣнія? Тѣ, которые могли (преодолѣть), будутъ вашими обвинителями, потому что они одной съ вами природы. Послушайте, что говоритъ Павелъ: *миръ гоните и святыню*, безъ которой *никтоже узритъ Господа* (Евр. XII, 14). Ужели эта угроза не можетъ устрашить васъ? Видишь, что другіе всю жизнь хранятъ цѣломудріе и живутъ въ чистотѣ; а ты до юношескихъ лѣтъ
428 не хочешь потерпѣть? Видишь, что другіе тысячекратно препобѣждали похоть; а ты и однажды не устоялъ? Если хотите, я скажу причину. Не молодость тому причиною, потому что тогда всѣ юноши были бы невоздержны; но мы сами себя повергаемъ на костеръ. Въ самомъ дѣлѣ, когда ты войдешь въ театръ и сядешь тамъ, услаждая взоръ свой обнаженными членами женщинъ, то, конечно, сначала будешь чувствовать удовольствіе, но потомъ сильный воспламенишь въ себѣ жаръ. Когда видишь женщинъ, являющихся какъ бы въ образѣ (обнаженнаго) тѣла;

когда и зрѣлище, и пѣсни не что иное выражаютъ, какъ только одну гнусную любовь, именно: такая-то, говорятъ, полюбила такого-то, и не имѣла успѣха и удавилась; когда предаются даже преступной любви къ матерямъ; когда все это принимаешь въ себя и чрезъ слухъ, и чрезъ женщинъ, и чрезъ образы, и даже чрезъ стариковъ-мужчинъ (вѣдь и изъ нихъ многіе, надѣвъ на себя маски, представляютъ намъ женщинъ),—то какъ, скажи мнѣ, можешь ты послѣ этого быть цѣломудреннымъ, когда такіе разсказы, такія зрѣлища, такіе слухи обдержатъ твою душу и потомъ уступятъ мѣсто такимъ же сновидѣніямъ, потому что душѣ прирождено видѣть во снѣ призраки многихъ такихъ вещей, которыхъ она днемъ ищетъ и желаетъ? Итакъ, если тамъ и дѣла видишь срамныя, и рѣчи слышишь еще срамнѣйшія, если раны получаешь, а лѣкарства не принимаешь,—то какъ, въ самомъ дѣлѣ, не увеличиться гнилости? Какъ не усилиться болѣзни, и притомъ въ гораздо большемъ размѣрѣ нежели это бываетъ въ тѣлахъ нашихъ? Воля, если только захотимъ, легче принимаетъ исправленіе, нежели тѣло. Тамъ нужны и лѣкарства, и врачи, и время; а здѣсь довольно захотѣть, чтобы быть или добрымъ или злымъ. Поэтому въ тебѣ усилилась болѣзнь. Итакъ, если мы собираемъ только то, что вредитъ намъ, а о томъ, что приноситъ пользу нимало не помышляемъ, то какъ можемъ мы быть здоровыми? Потому-то Павелъ и сказалъ: *якоже языцы невѣдящіи Бога.* Если язычники, невѣдущіе Бога, часто бываютъ цѣломудренны, то какой стыдъ и страхъ долженъ овладѣть нами? Мы хуже ихъ, и потому должны стыдиться. Проводить жизнь въ цѣломудріи легко, если захотимъ, если будемъ удаляться отъ того, что вредитъ. Если же не захотимъ, то и блуда не легко избѣгнуть. Что легче, какъ ходить на площадь? Но, по причинѣ великой изнѣженности, и это сдѣлалось труднымъ, не для женщинъ только, но даже и для мужчинъ. Что легче сна? Но и это сдѣлали мы труднымъ. Много богачей всю ночь ворочаются съ боку на бокъ, потому что ложатся спать, не дожидаясь, когда появится потребность сна. И вообще ничто не трудно при нашемъ желаніи, равно какъ ничто не легко при нашемъ нежеланіи. Мы надъ всѣмъ властны. Потому-то и (говоритъ) Писаніе: *аще хощете, и послушаете мене;* и еще: *аще не хощете, ниже послушаете мене* (Иса. I, 19, 20),—такъ что все зависитъ отъ желанія, или нежеланія, и въ зависимости отъ этого мы и заслуживаемъ наказанія или похвалы. О, если бы мы, находясь въ числѣ заслужившихъ похвалу, сподобились получить обѣщанныя блага, благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, Которому съ Отцемъ и Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА VI.

429 **О братолюбіи же не имамы потребы, да пишется къ вамъ. Сами бо вы Богомъ учени есте, еже любити другъ друга. Ибо и творите то ко всей братіи сущей во всей Македоніи (1 Сол. IV, 9—10).**

1. Что это значитъ, что (апостолъ), много побесѣдовавъ съ ними о цѣломудріи и намѣреваясь столь же пространно говорить о томъ, что должно трудиться и не скорбѣть объ умершихъ, главу всѣхъ благъ—любовь какъ бы отлагаетъ въ сторону, говоря: не имѣемъ нужды, *да пишется къ вамъ?* Это тоже проистекаетъ изъ великаго благоразумія и духовной его мудрости. Онъ чрезъ это достигаетъ двухъ цѣлей: во-первыхъ, показываетъ, что эта добродѣтель до того необходима, что ненужно и учиться ей, такъ какъ всякому извѣстно то, что имѣетъ особенную важность для всѣхъ: во-вторыхъ, выражаясь такимъ образомъ, онъ больше вразумляетъ ихъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы обратился къ нимъ прямо съ назиданіемъ. Предполагая, что они ведутъ жизнь праведную,—хотя бы они и не жили такъ,—и потому не побуждая ихъ къ этому, онъ скорѣе приводитъ ихъ (къ такой жизни). И замѣть, не говоритъ о любви ко всѣмъ, но о любви къ братіи. Не имѣемъ нужды, *да пишется къ вамъ.* Конечно, если не было нужды, то надлежало молчать и не говорить ничего. Но теперь, говоря, что нѣтъ нужды, онъ сдѣлалъ болѣе, нежели когда бы сказалъ (т. е. о любви). *Сами бо вы Богомъ учени есте.* Смотри, какую воздаетъ имъ честь, говоря, что самъ Богъ учитъ ихъ этому! Вамъ ненужно, говоритъ, учиться у человѣка. Объ этомъ и пророкъ говоритъ: *и будутъ вси научени Богомъ* (Иса. LIV, 13; ср. Іоан. VI, 45). *Сами бо вы Богомъ учени есте, еже любити другъ друга. Ибо и творите то ко всей братіи, сущей во всей Македоніи:* и ко всѣмъ другимъ, говоритъ. Это служитъ сильнымъ побужденіемъ исполнять (долгъ любви). И не безъ основанія говорю, что *вы Богомъ учени есте,* но знаю это изъ дѣлъ вашихъ. Такъ и объ этомъ онъ многое сказалъ имъ. *Молимъ же вы, братіе, избыточествовати паче,* то есть болѣе преуспѣвать, *и любезно прилѣжати, еже безмолвствовати, и дѣяти своя, и дѣлати своими руками, якоже повелѣхомъ вамъ, да ходите благообразно ко внѣшнимъ, и ничесоже требуете* (ст. 11—12). Здѣсь даетъ разумѣть, сколькихъ золъ причиною бываетъ праздность, и напротивъ сколькихъ благъ—трудолюбіе, и объясняетъ это, ссылаясь на то, что бываетъ между нами. Онъ часто поступаетъ такъ и дѣлаетъ очень благоразумно, потому что такимъ обра-

зомъ легче вразумляются люди, нежели при помощи умозрѣній. Долгъ любви къ ближнимъ состоитъ въ томъ, чтобы не отъ нихъ принимать, но имъ давать. Замѣть его благоразуміе: намѣреваясь наставлять и увѣщевать ихъ, онъ начинаетъ говорить о томъ, что видитъ хорошаго у нихъ, чтобы они ободрились послѣ прежнихъ увѣщаній и упрека (выраженнаго) въ словахъ: *тѣмже убо отметаяй не человѣка отметаетъ, но Бога*, и чтобы такимъ образомъ не отпали. А это зависитъ отъ трудолюбія—чтобы не принимать (отъ другихъ ничего) и не жить въ праздности, но трудясь давать другимъ: *блаженнѣе есть*, сказано, *паче даяти, нежели пріимати* (Дѣян. xx, 35). *И дѣлати*, говоритъ, *своими руками*. Итакъ, гдѣ пребываютъ ревнующіе только о духовномъ подвигѣ? Видишь, какъ онъ отнялъ у нихъ всякій предлогъ къ извиненію себя, сказавши: своими руками. Совершаетъ ли кто руками постъ? 430
Всенощное бдѣніе? Возлежаніе на голой землѣ? Конечно, никто не скажетъ этого; онъ говоритъ о трудѣ духовномъ, потому что давать другимъ отъ своихъ трудовъ есть подвигъ подлинно духовный, и ничего нѣтъ равнаго ему. *Да ходите*, говоритъ, *благообразно*. Видишь ли, какимъ образомъ онъ обращается съ ними? Не сказалъ: не срамите себя, нищенствуя; но далъ понять то же самое, хотя и употребилъ снисходительный способъ выраженія, чтобы и дать почувствовать имъ (какъ это неприлично) и не слишкомъ огорчить ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если собратія наши соблазняются таковыми, то внѣшніе, которые изыскиваютъ тысячу обвиненій и укоризнъ, тѣмъ болѣе соблазняются, когда видятъ, что человѣкъ здоровый, могущій прокормить себя, проситъ милостыни и нуждается въ пособіи другихъ. За то и называютъ насъ христопродавцами: этимъ, говоритъ, *имя Божіе хулится* (Рим. II, 24). Но онъ ничего такого не выставилъ на видъ, а только то, что особенно могло тронуть ихъ, именно—неблагочиніе. *Не хотимъ же васъ, братіе, невѣдѣти о усопшихъ* (κεκοιμημένων), *да не скорбите, якоже и прочіи не имущіи упованія* (ст. 13).

2. Ихъ, какъ и всѣхъ людей, особенно сокрушали эти два бѣдствія—бѣдность и скорбь. Смотри же, какъ онъ врачуетъ ихъ. Бѣдность произошла у нихъ отъ разграбленія ихъ имущества. Если же питаться трудами онъ заповѣдуетъ тѣмъ, у которыхъ было разграблено имущество за Христа, то тѣмъ болѣе другимъ. А что ихъ имущество было разграблено, это видно изъ словъ: *вы подобницы бысте, братіе, церквамъ сущимъ во Іудеи* (1 Сол. II, 14). Чѣмъ? Тѣмъ, что, пиша къ послѣднимъ, (онъ тоже) сказалъ: *и разграбленіе имѣній вашихъ съ радостію пріясте* (Евр. x, 34). Потомъ здѣсь говоритъ о воскресеніи,—и для чего? Развѣ онъ не говорилъ имъ объ этомъ? Но здѣсь имѣетъ въ мысли нѣкую другую

тайну. Какую же именно? *Яко мы*, говоритъ, *живущіи*, *оставшіи въ пришествіе Господне*, *не имамы предварити умершихъ*. Конечно, слово о воскресеніи можетъ утѣшить скорбящихъ, а сказанное теперь можетъ содѣлать воскресеніе достовѣрнымъ. Но мы прежде должны сказать о томъ, о чемъ и самъ (апостолъ) сказалъ: *не хощу же васъ, братіе, невѣдѣти о усопшихъ, да не скорбите, якоже и прочіи не имущіи упованія*. Смотри, какъ и здѣсь говоритъ кротко! Не сказалъ имъ, какъ коринѳянамъ: вы столь безсмысленны, столь безразсудны, что, зная о воскресеніи, скорбите, какъ невѣрующіе; но сказалъ весьма кротко: *не хощу*, изъ уваженія къ другой ихъ добродѣтели. И не сказалъ: *объ умершихъ* (ἀποθανόντων),— тотчасъ, въ самомъ началѣ подавая утѣшеніе.

Да не скорбите, говоритъ, *якоже прочіи не имущіи упованія*. Слѣдовательно, скорбѣть объ отшедшихъ свойственно неимущимъ упованія. И подлинно. Душа, совершенно не зная о воскресеніи и эту смерть почитая смертію, естественно скорбитъ (объ умершихъ), какъ о погибшихъ, сѣтуетъ и безутѣшно плачетъ; а ты, чающій воскресенія, для чего плачешь? Итакъ, плакать свойственно неимущимъ упованія. Послушайте, жены, которыя любите плакать и предаетесь безмѣрной скорби: вы поступаете поязы-
431 чески. Если же скорбѣть объ умершихъ свойственно язычникамъ, то, скажи мнѣ, кому прилично сокрушаться и терзать ланиты? Зачѣмъ плачешь ты, если вѣруешь, что умершій воскреснетъ, что онъ не погибъ, что смерть есть сонъ и покой? Затѣмъ, говоришь, что я лишилась въ немъ супруга, защитника, попечителя и помощника во всѣхъ дѣлахъ и нуждахъ. Но когда ты лишилась сына въ младенческомъ возрастѣ, который еще ничего не могъ для тебя сдѣлать, тогда о чемъ плачешь, о чемъ жалѣешь? Онъ, говоришь, подавалъ добрыя надежды, и я ожидала, что онъ будетъ имѣть обо мнѣ попеченіе. Вотъ почему я сожалѣю о мужѣ, вотъ почему о сынѣ, вотъ почему терзаюсь и рыдаю,—не потому, чтобы я не вѣровала въ воскресеніе, но потому, что стала безпомощною и лишилась покровителя, сожителя, сообщника во всемъ, утѣшителя. Вотъ почему плачу я. Знаю, что онъ воскреснетъ, но не могу переносить и временной разлуки.. Множество угрожаетъ мнѣ непріятностей: всякій, кто бы ни захотѣлъ, можетъ обидѣть меня; рабы, прежде боявшіеся, теперь презираютъ и наносятъ оскорбленіе; кто былъ облагодѣтельствованъ умершимъ, тотъ забылъ его благодѣянія; кто былъ имъ обиженъ, тотъ по злобѣ къ нему изливаетъ гнѣвъ на меня. Вотъ почему я не могу равнодушно переносить вдовства и не плакать горько, вотъ почему терзаюсь, вотъ почему плачу. Итакъ, чѣмъ утѣшимъ ихъ? Что скажемъ? Чѣмъ утолимъ печаль ихъ? Во-первыхъ, я

постараюсь доказать имъ, что плачъ ихъ происходитъ не отъ этихъ причинъ, а отъ безразсудной страсти. Въ самомъ дѣлѣ, если ты по этимъ причинамъ скорбишь, то тебѣ надлежитъ по умершемъ скорбѣть безпрестанно. Если же по прошествіи одного года ты до того забываешь его, что какъ будто ничего не случилось съ тобою, то очевидно оплакиваешь не умершаго, и не покровительство его. Но ты не можешь перенести разлуки и прекращенія супружества? Что же скажутъ вступившія во второй бракъ? Конечно, онѣ уже не жалѣютъ о прежнихъ мужьяхъ. Впрочемъ не къ нимъ мы обратимъ слово, а къ тѣмъ, которыя питаютъ искреннюю привязанность къ умершимъ. Почему плачешь ты о сынѣ, почему о мужѣ? О первомъ, говоришь, потому, что онъ не принесъ мнѣ ожидаемой радости, а о второмъ потому, что я надѣялась долѣе дѣлить съ нимъ радости. Но не дѣло ли крайняго невѣрія думать, что мужъ или сынъ защитятъ тебя, а не Богъ? Какъ тебѣ не придетъ на мысль, что ты этимъ оскорбляешь Бога? Для того вѣдь онъ часто и отнимаетъ ихъ, чтобы ты не была привязана къ нимъ до такой степени, чтобы на нихъ единственно возлагать свои надежды. Богъ ревнивъ и хочетъ, чтобы мы болѣе всего любили Его, и это происходитъ изъ того, что Онъ весьма любитъ насъ. Вы вѣдь знаете, что таково свойство пламенно любящихъ: они крайне ревнивы и скорѣе согласны потерять жизнь, нежели видѣть торжество своихъ соперниковъ. Поэтому Богъ и отнялъ его,—именно по этимъ причинамъ.

3. Въ самомъ дѣлѣ, почему, скажи мнѣ, въ древности не было преждевременнаго ни вдовства, ни сиротства? Почему Аврааму и Исааку (Богъ) позволилъ жить долгое время? Конечно потому, что (Авраамъ), еще когда жилъ (Исаакъ), предпочелъ ему Бога. Богъ сказалъ: заколи, и онъ закололъ. Почему лѣта Сарры онъ продолжилъ до такой старости? Потому, что во все время ея жизни Авраамъ слушался болѣе Бога, нежели ея. Поэтому-то Богъ и сказалъ ему: (послушай Сарры жены твоей) (Быт. XXI, 12). Тогда никто не навлекалъ на себя гнѣва Божія ни любовію къ мужу, ни любовію къ женѣ, ни заботливостію о сынѣ. Нынѣ же, такъ какъ мы пристрастны къ земному и глу- 432
боко пали, и мужья больше любятъ женъ, нежели Бога, а жены больше почитаютъ мужей, нежели Бога, то Онъ противъ воли нашей хочетъ заставить насъ любить Себя. Не люби мужа больше, чѣмъ Бога, и никогда не испытаешь вдовства, а хотя бы оно и постигло тебя, не почувствуешь его (тяжести). Почему? Потому что покровителемъ ты имѣешь Безсмертнаго, болѣе любящаго тебя. Если ты Бога любишь больше, то не плачь: болѣе Любимый безсмертенъ и не попуститъ сокрушаться о потерѣ того, кого ты

меньше любишь. Поясню тебѣ это примѣромъ. Если бы ты имѣла мужа, во всемъ поступающаго по твоему желанію, почтеннаго, ради котораго и тебя всюду уважали бы и почитали, уважаемаго всѣми, умнаго, разсудительнаго, любящаго тебя, если бы ты была съ нимъ счастлива и прижила съ нимъ дитя, которое потомъ, не достигши зрѣлаго возраста, умерло бы,—то, скажи мнѣ, неужели бы ты стала сокрушаться отъ скорби? Нѣтъ,—потому что потерю его восполнилъ бы болѣе тобою любимый (мужъ). Такъ и въ настоящемъ случаѣ, если ты больше любишь Бога, нежели мужа, то Онъ, конечно, не скоро возьметъ его, а если бы и взялъ, то ты не стала бы горько скорбѣть. Поэтому-то и блаженный Іовъ нисколько не предался горести, услышавши о внезапной смерти дѣтей,—потому что больше любилъ Бога, нежели ихъ. Слѣдовательно эта потеря не могла опечалить его, потому что живъ былъ Тотъ, кого онъ любилъ. Что говоришь ты, жена? Мужъ или сынъ былъ бы тебѣ защитою? А Богъ развѣ не печется о тебѣ? А его самого кто далъ тебѣ? Не Онъ ли? А тебя кто сотворилъ? Не Онъ ли? Ужели Тотъ, который привелъ тебя изъ небытія въ бытіе, вдохнулъ въ тебя душу, вложилъ умъ, благоволилъ даровать тебѣ познаніе о Себѣ, и который Сына своего единороднаго не пощадилъ для тебя, не жалѣетъ тебя, а пожалѣетъ тебя такой же, какъ и ты, рабъ? Какой великій гнѣвъ возбуждаютъ слова эти! Что подобное получила ты отъ мужа? Ничего не можешь указать. Если онъ и оказалъ тебѣ какое-либо благодѣяніе, то сдѣлалъ это, будучи напередъ облагодѣтельствованъ тобою. Но о Богѣ никто ничего подобнаго сказать не можетъ: Богъ не потому благотворитъ намъ, чтобы воздать за наши прежде оказанныя Ему благодѣянія, но, не имѣя ни въ чемъ нужды, по одной своей благости благотворитъ роду человѣческому. Онъ обѣщалъ тебѣ царство, даровалъ жизнь вѣчную, славу, братство, усыновленіе, сдѣлалъ сонаслѣдницею Единороднаго; а ты послѣ стольких благъ воспоминаешь еще о мужѣ? Что такое онъ даровалъ тебѣ? (Богъ) повелѣлъ взойти солнцу Своему, посылать дождь, питаетъ плодами ежегодно произрастающими. Горе намъ крайне неблагодарнымъ! Для того Богъ и отнимаетъ мужа, чтобы ты не была (исключительно) привязана къ нему, а ты, еще и по смерти его, желала бы имѣть его, и оставляешь Бога, тогда какъ должна благодарить Его и всецѣло обратиться къ Нему. Что получала ты отъ мужа? Болѣзни чадородія, труды, оскорбленія, частыя укоризны, выговоры и огорченія,—не это ли (терпятъ жены) отъ мужей? Но съ другой стороны есть, говоришь, и выгоды. Какія же это? Онъ наряжалъ тебя въ дорогія одежды? Возлагалъ на лице твое золотыя украшенія? Заставлялъ всѣхъ

уважать тебя? Но если ты захочешь, то (Богъ) украситъ тебя украшеніемъ гораздо лучшимъ, нежели умершій. Честность болѣе украшаетъ женщину, нежели золотые уборы. Есть и у этого Царя одежды, но не такія, а гораздо лучшія. Въ эти-то одежды, если хочешь, нарядись. Какія же это? Это риза, съ рясны златыми, которою, если хочешь, облеки душу. Но при немъ я не 433
была въ презрѣніи у людей? Что жъ въ этомъ важнаго? За то вдовство воспрепятствуетъ тому, чтобы ты подвергалась поруганію отъ демоновъ. Тогда ты управляла рабами своими, если подлинно управляла; а теперь, вмѣсто прислуги домашней, ты имѣешь власть надъ безплотными силами, началами, властями,—надъ міродержителемъ. Кромѣ того ты не говоришь о непріятностяхъ, которыя ты съ нимъ раздѣляла, каковы, напр., опасеніе начальниковъ, предпочтеніе ему сверстниковъ? Теперь ты свободна отъ всего этого—отъ страха и боязни. Но ты заботишься, кто будетъ кормить оставшихся дѣтей? Отецъ сиротъ! Кто далъ ихъ, скажи мнѣ? Не слышишь ли, что Христосъ говоритъ въ Евангеліи: *не душа ли больши есть пищи и тѣло одежди* (Мѳ. VI, 25)?

4. Видишь ли, что причина плача не во вдовствѣ, а въ невѣріи? Но послѣ смерти отца дѣти становятся не столь знаменитыми? Почему же? Бога имѣютъ отцемъ,—и становятся менѣе знаменитыми? Сколько укажу тебѣ воспитанныхъ вдовами, и пріобрѣтшихъ извѣстность! Сколько напротивъ такихъ, которые воспитались при отцахъ, и между тѣмъ погибли! Если ты съ юныхъ лѣтъ будешь воспитывать ихъ, какъ должно воспитывать, то это для нихъ будетъ гораздо благодѣтельнѣе, нежели если бы они пользовались покровительствомъ отца. А что дѣйствительно воспитывать дѣтей обязаны вдовы, послушай, что говоритъ Павелъ: *аще чада воспитала есть* (1 Тим. V, 10), и еще: *спасется же чадородія ради*—не сказалъ: мужа ради,—*аще пребудетъ въ вѣрѣ и любви и во святыни съ цѣломудріемъ* (1 Тим. II, 15). Съ юныхъ лѣтъ внушайте имъ страхъ Божій,—и онъ сохранитъ ихъ лучше всякаго отца, онъ будетъ стѣною нерушимою. Вѣдь когда этотъ стражъ обитаетъ внутри насъ, то намъ ненужны никакія внѣшнія огражденія; а когда нѣтъ его, тщетно все внѣшнее. Онъ будетъ для нихъ и богатствомъ, и славою, и украшеніемъ; онъ сдѣлаетъ ихъ славными не на землѣ только, но и на небесахъ. Не смотри ни на опоясанныхъ золотыми поясами, ни на тѣхъ, которые ѣздятъ на коняхъ, которые за заслуги предковъ блистаютъ въ царскихъ чертогахъ и которые ходятъ съ провожатыми и пѣстунами. Можетъ быть, это заставляетъ вдовъ плакать надъ судьбою сиротъ,—потому что каждая изъ нихъ думаетъ, что вотъ и мой сынъ, если бы у него живъ былъ отецъ, наслаждался бы

такимъ же счастіемъ, а теперь онъ въ униженіи и неизвѣстности, такъ что никто даже не хочетъ съ нимъ говорить. Но не объ этомъ, женщина, думай, а воспари мыслію за врата небесныя, разсмотри тамъ царскіе чертоги, возри на сидящаго тамъ Царя, помысли, могутъ ли эти земные счастливцы быть тамъ славнѣе твоего сына — и тогда скорби. А объ этомъ ненужно и думать, что кто-либо знаменитъ на землѣ. Онъ можетъ, если хочешь, содѣлаться воиномъ на небесахъ, можетъ въ это записаться воинство. Записанные тамъ не на коняхъ ѣздятъ, а носятся на обла-
434 кахъ, не по землѣ ходятъ, а восхищаются на небо, и провожатыми имѣютъ не рабовъ, а самихъ ангеловъ. Они предстоятъ не царю смертному, а безсмертному, Царю царствующихъ и Господу господствующихъ: не кожаными поясами опоясаны по чресламъ, но тою неизреченною славою, ради которой они становятся знаменитѣе самихъ царей и вообще всѣхъ людей, когда-либо прославившихся. Въ тѣхъ царскихъ чертогахъ требуется не богатство, не благородство, и не другое что-либо, а только добродѣтель, и, если есть она, то ничего больше ненужно для того, чтобы стать въ ряду первыхъ. Если будемъ судить правильно, то ничего не найдемъ такого, что бы могло насъ огорчать. Посмотри на небо и гляди, насколько оно блистательнѣе крова царскихъ чертоговъ. Если же подножіе горнихъ царскихъ чертоговъ до такой степени величественнѣе дольнихъ, что послѣдніе въ сравненіи съ первыми можно почесть грязью, то какимъ блаженнымъ почелъ бы себя тотъ, кто удостоился бы подробно разсмотрѣть самые эти царскіе чертоги? *А сущая*, говоритъ, *истинная вдовица, и уединена, уповаетъ на Бога* (1 Тим. v, 5). Къ кому это сказано? Къ тѣмъ, которыя имѣютъ дѣтей, потому что онѣ болѣе достойны почтенія и больше имѣютъ средствъ угождать Богу, такъ какъ у нихъ расторгнуты всѣ узы. Некому удерживать ихъ, некому принуждать ихъ, чтобы онѣ влачили эти цѣпи. Ты разлучена съ мужемъ, но соединена съ Богомъ; не имѣешь собесѣдникомъ равнаго тебѣ раба, но имѣешь Господа. Когда молишься, то не съ Богомъ ли бесѣдуешь, скажи мнѣ? Когда читаешь, то внимай, какъ Онъ съ тобою бесѣдуетъ. Но что Онъ говоритъ тебѣ? Слова, несравненно сладостнѣйшія, чѣмъ говоритъ мужъ. Если мужъ и говоритъ ласково, то невеликая бываетъ честь,— потому что онъ такой же рабъ (какъ и ты); но когда Господь говоритъ ласково къ рабѣ, то это признакъ высочайшаго благоволенія. Какъ же Онъ утѣшаетъ насъ? Послушай, въ какихъ словахъ Онъ выражаетъ это. *Пріидите*, говоритъ, *ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и азъ упокою вы* (Мѳ. xi, 28). И еще чрезъ пророка взываетъ, говоря: *еда забудетъ жена, еже не поми-*

ловати исчадія чрева своего? Аще же и забудетъ жена, но азъ не забуду, глаголетъ Господь (Иса. XLIX, 15). Какая нѣжная любовь въ этихъ словахъ! И еще: *обратитеся ко мнѣ;* и въ другомъ мѣстѣ: *обратися ко мнѣ, и спасешися* (Иса. XLV, 22 и XLIV, 22). Если же кому угодно заимствовать (изреченіе) изъ книги Пѣснь Пѣсней, то, читая эти таинственнѣйшія пѣсни, онъ услышитъ, какъ Господь говоритъ преданной Ему душѣ: *добрая моя, голубице моя* (Пѣсн. Пѣсн. II, 10)! Что сладостнѣе этихъ словъ? Видишь, какъ Богъ говоритъ съ людьми? Что же, скажи мнѣ? Развѣ не знаешь, сколько у этихъ блаженныхъ женъ умерло дѣтей и покоятся въ гробахъ,—какъ многія изъ нихъ потерпѣли еще большія несчастія, лишившись вмѣстѣ съ мужьями и дѣтей? На это будемъ обращать вниманіе, объ этомъ будемъ помнить,—и ничего скорбнаго не будетъ для насъ, но будемъ проводить все время въ духовной радости, и насладимся вѣчныхъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА VII.

Не хощу же васъ, братіе, не вѣдѣти о усопшихъ, да не скорбите, якоже и прочіи не имущіи упованія (1 Сол. IV, 13). 435

1. Многіе предметы повергаютъ насъ въ скорбь потому только, что мы не знаемъ ихъ, когда же хорошо узнаемъ ихъ—отлагаемъ скорбь. Указывая на это, Павелъ и сказалъ: *не хощу же васъ не вѣдѣти, да не скорбите, якоже и прочіи не имущіи упованія*. Чего не хочешь ты, чтобы они не знали? Ученія, говоритъ, о воскресеніи. Но почему не говоришь о наказаніи, которое ожидаетъ людей за незнаніе ученія о воскресеніи? Потому, что это (само собою) открывается изъ этого ученія и всѣми признается. Между тѣмъ и отъ этого будетъ немаловажная польза. Онъ говоритъ съ ними такъ, не потому что они не вѣрили въ воскресеніе, но потому что, несмотря на эту вѣру, они оплакивали (умершихъ). Именно, иначе онъ говоритъ съ невѣрующими, иначе—съ ними; а они, какъ видно изъ того, что изслѣдовали времена и лѣта, знали (о воскресеніи). *Аще бо*, говоритъ, *вѣруемъ, яко Іисусъ умре и воскресе и оживе, тако Богъ и усопшія во Іисусѣ приведетъ съ Нимъ* (ст. 14). Гдѣ отвергающіе плоть? Если онъ не принялъ плоти, то и не умеръ; если же не умеръ, то и

не воскресъ. Какимъ же образомъ онъ приводитъ этимъ насъ къ вѣрѣ? Не подумаютъ ли они объ немъ, что онъ обманщикъ, и льстецъ? Если смерть есть слѣдствіе грѣха, а Христосъ не согрѣшилъ, то какимъ образомъ это можетъ служить для насъ назиданіемъ? При томъ, почему сказалъ онъ: *якоже прочіи не имущіи упованія*? Онъ разсуждалъ какъ бы такъ: кого вы, люди, оплакиваете, о комъ скорбите — о грѣшникахъ ли, или просто объ умирающихъ? Тѣ (неимущіе упованія) оплакиваютъ (умершихъ), потому что всѣ умершіе—для нихъ ничто. *Перворожденъ*, говоритъ, *изъ мертвыхъ* (Кол. I, 18), т. е. начатокъ. Слѣдовательно должны быть и другіе. Замѣть при томъ, что здѣсь не приводитъ ни одного доказательства отъ разума,— потому что они были люди простые. Между тѣмъ, когда писалъ къ коринѳянамъ, онъ сперва много привелъ доказательствъ и отъ разума, и потомъ уже присовокупилъ: *безумне, ты еже сѣеши не оживетъ* (1 Кор. XV, 36). (Сказанное здѣсь) болѣе имѣетъ силы тогда, когда бесѣда ведется съ вѣрнымъ; но какую это можетъ имѣть силу для невѣрующаго? *Тако Богъ*, говоритъ, *и усопшія во Іисусѣ приведетъ съ нимъ*. Опять *усопшія* (κοιμηθέντας),- нигдѣ не говоритъ: умершія (ἀποθανόντας). Но о Христѣ сказалъ: *умре*, потому что присовокупилъ: *и воскресе*, а здѣсь: *усопшія во Іисусѣ*, разумѣя или усопшихъ въ вѣрѣ Іисусовой, или то, что чрезъ Іисуса (Богъ) приведетъ усопшихъ, то есть вѣрныхъ. Еретики говорятъ, будто здѣсь онъ разумѣетъ крещенныхъ. Но отчего употребилъ выраженіе—*тако*? Вѣдь Іисусъ не уснулъ чрезъ крещеніе. Почему же говоритъ: *усопшія*? Потому что разсуждаетъ не о всеобщемъ, а о частномъ воскресеніи. *Усопшія во Іисусѣ приведетъ*, говоритъ онъ, и во многихъ мѣстахъ говоритъ такимъ образомъ. *Сіе бо вамъ глаголемъ словомъ Господнимъ, яко мы живущіи оставшіи въ пришествіе Господне, не имамы предварити усопшихъ* (ст. 15). Говоря о вѣрныхъ, сказалъ: *и усопшія во Христѣ*, и еще: *мертвіи востанутъ*. Потомъ говоритъ не о воскресеніи только, но о воскресеніи и о чести, какою будутъ они окружены, находясь въ
436 состояніи прославленія. Въ воскресеніи, говоритъ, всѣ будутъ участвовать; но въ славѣ не всѣ, а только усопшіе во Христѣ. И такъ какъ онъ хочетъ утѣшить ихъ, то утѣшаетъ не только говоря имъ о воскресеніи, — они уже знали объ немъ,—но и о великой чести и быстротѣ (съ какою послѣдуетъ воскресеніе). Желая утѣшить ихъ ожидающею ихъ честію, далѣе говоритъ: *и всегда съ Господемъ будемъ*, и еще: *восхищени будемъ на облацѣхъ*. Какъ же вѣрные умираютъ во Іисусѣ? Очевидно, имѣя Христа въ себѣ. А слова: *приведетъ съ нимъ* даютъ разумѣть, что будутъ собраны изъ многихъ мѣстъ. *Сіе бо вамъ*, говоритъ, *глаго-*

гемъ словомъ Господнимъ. Намѣревался сказать нѣчто необыкновенное и потому присовокупилъ удостовѣреніе. *Словомъ Господнимъ,* говоритъ, то есть, мы говоримъ не сами отъ себя, но узнавши отъ Христа, *яко мы живущіи оставшіи въ пришествіе Господне, не имамы предварити усопшихъ.* То же говоритъ и въ посланіи къ коринѳянамъ: *вскорѣ во мгновеніи ока* (1 Кор. XV, 52); но здѣсь въ удостовѣреніе воскресенія представилъ способъ (какимъ должно оно совершиться).

2. И такъ какъ дѣло представляется трудноисполнимымъ, то онъ показываетъ, что столь же удобно могутъ быть восхищены умершіе, какъ и живые. Употребивъ выраженіе—*мы,* онъ имѣетъ въ виду не себя, такъ какъ не располагалъ оставаться (въ живыхъ) до воскресенія, но разумѣетъ вѣрныхъ. Поэтому присовокупилъ: *оставшіи въ пришествіе Господне не имамы предварити усопшихъ.* Онъ какъ будто говорилъ такъ: когда слышишь, что живущіе тогда не предварятъ истлѣвшихъ, въ прахъ обратившихся, умершихъ за нѣсколько тысячъ лѣтъ, то не представляй себѣ въ этомъ какой-нибудь трудности,—Богъ творитъ это, а для Него столь же легко привести оставшихся цѣлыми, какъ и истлѣвшихъ. Есть правда такіе, которые не вѣрятъ этому, потому что не знаютъ Бога. Но скажи мнѣ, что легче, изъ небытія ли привести въ бытіе, или снова возставить истлѣвшее?

Что однакожъ они говорятъ? Такой-то потерпѣлъ кораблекрушеніе и утонулъ; утонувшаго схватили многія рыбы и каждая изъ рыбъ съѣла по части. Потомъ изъ этихъ самыхъ рыбъ одна поймана въ одномъ, другая въ другомъ заливѣ и съѣдена одна однимъ (человѣкомъ), а другая другимъ. И опять, эти люди, съѣвшіе рыбъ, пожравшихъ человѣка, умерли въ различныхъ странахъ, и сами, можетъ быть, съѣдены звѣрями. Какъ же послѣ такого смѣшенія и разсѣянія опять оживетъ человѣкъ? Кто соберетъ этотъ прахъ? Но для чего это говоришь, человѣкъ? Для чего сплетаешь цѣпи пустыхъ вымысловъ и полагаешь, что этого нельзя разрѣшить? Если бы даже человѣкъ и не упалъ въ море, если бы не былъ поглощенъ рыбою, и эта рыба опять не была съѣдена тысячами людей, но при погребеніи онъ былъ бы положенъ во гробъ, и ни черви, ни иное что-либо не коснулось бы его,—то какъ, скажи мнѣ, воскреснетъ разрушившееся? Какъ свяжется прахъ и пепелъ? Откуда потомъ возьмется цвѣтъ тѣла? Развѣ это объяснимо? Если будутъ сомнѣваться въ этомъ эллины, то мы можемъ сказать имъ весьма многое. Что же именно? Есть у нихъ такіе, которые (учатъ) переселенію душъ и въ растенія, и въ деревья, и въ собакъ. Скажи мнѣ, что легче, свое ли вос- 437
пріять тѣло или чужое? Другіе еще говорятъ, что (тѣла) въ

огнѣ истлѣваютъ и что потомъ послѣдуетъ возстановленіе одеждъ и обуви,—и не смѣются надъ ними! Иные вводятъ атомы. Но мы не къ нимъ обращаемъ нашу рѣчь, а къ вѣрнымъ, если только должно называть вѣрными вопрошающихъ; впрочемъ укажемъ на то апостольское (ученіе), что всякая жизнь возникаетъ изъ тлѣнія, всѣ растенія, всѣ сѣмена. Не видишь ли, какой большой стволъ имѣетъ смоковница, какіе большіе побѣги, и сколько листьевъ, сучьевъ и вѣтвей, сколько корней, такъ расширившихся и углубившихся въ землю? И до такой степени высокою и широкою она становится изъ зерна, брошеннаго въ землю и при томъ сгнившаго. Если бы оно не сгнило и не разрушилось, то ничего бы и не выросло. Скажи мнѣ, какъ это бываетъ? Такъ и виноградъ, столько пріятный для взора и вкуса, родится изъ этого же безобразнаго зародыша. Кромѣ того, скажи мнѣ, не одинаковая ли вода падаетъ сверху? Какимъ же образомъ она измѣняется во столько видовъ? Это удивительнѣе воскресенія. Тамъ какое сѣмя обращаетъ на себя (твое вниманіе), такое же (возникаетъ),—и видишь растеніе и совершенное сходство (зерна съ растеніемъ); а здѣсь, скажи мнѣ, какимъ образомъ то, что имѣетъ одинаковыя качества и одинаковую природу, превращается во столько видовъ? Въ виноградной лозѣ (вода) дѣлается виномъ, и не виномъ только, но и листьями и сокомъ, потому что ею не только кисть питается, но и прочія части виноградной лозы; въ маслинѣ дѣлается масломъ,—и многимъ другимъ, чего нельзя и пересказать. И—чудное дѣло! Здѣсь дѣлается влажнымъ, тамъ сухимъ, здѣсь сладкимъ, тамъ кислымъ,—то вяжущимъ, то горькимъ. Какимъ же образомъ она превращается во столько видовъ? Укажи причину. Но ты не въ силахъ. Да и въ тебѣ самомъ,—это ближе,—скажи мнѣ, какъ извергаемое сѣмя устрояется и преобразуется въ глаза, какъ въ уши, какъ въ руки, какъ въ сердце, какъ въ столь многіе члены? Не безконечное ли въ тѣлѣ разнообразіе видовъ, величины, свойствъ, положенія, силъ, составовъ? Сколько нервовъ, жилъ, мышцъ, костей, перепонокъ, артерій, членовъ, железъ; сколько еще кромѣ нихъ такого, что входитъ въ составъ нашей природы, о чемъ подробно говорятъ врачи,—и все это отъ одного сѣмени! Развѣ не покажется для тебя гораздо непонятнѣе то, какимъ образомъ влажное и нѣжное превращается въ твердую и холодную кость,—какъ оно дѣлается теплою и влажною кровію,—какъ холоднымъ и нѣжнымъ нервомъ,—какъ холодною и влажною артеріею? Какъ это, скажи мнѣ? Не понимаешь этого? Не усматриваешь ли каждый день воскресенія и смерти въ возрастахъ? Куда дѣвалась юность? Откуда взялась старость? Какимъ образомъ состарѣвшійся, который самого себя не можетъ

сдѣлать юнымъ, раждаетъ другого—дитя, самое юное, и чего не можетъ дать себѣ самому, то даетъ другому?

3. То же самое можно видѣть и въ деревьяхъ и въ животныхъ, несмотря на то, что повидимому кто даетъ другому что-либо, прежде самъ долженъ имѣть то, что даетъ. Но этого требуетъ только человѣческій разумъ. Когда же созидаетъ Богъ, тогда ничего не нужно. Если же это въ такой степени неудобоизъяснимо и даже больше нежели неудобоизъяснимо, то какъ безумствуютъ тѣ—они теперь пришли мнѣ на мысль—которые силятся постигнуть безтѣлесное рожденіе Сына! Того, что совершается ежедневно, что находится подъ руками и уже тысячу разъ было изслѣдовано, никто и никогда не могъ еще уразумѣть: какъ же, скажи мнѣ, можно надѣяться постигнуть неиз- 438
реченное и непостижимое рожденіе? Развѣ не приходитъ въ изнеможеніе умъ ихъ отъ тщетныхъ этихъ усилій? Развѣ не запутывалъ онъ самого себя въ безчисленныхъ недоумѣніяхъ? Развѣ не безмолствовалъ (отъ изумленія)? И однако они не вразумляются этимъ. Будучи не въ силахъ сказать что-либо опредѣленное о виноградѣ и смоковницѣ, разсуждаютъ о Богѣ. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, какимъ образомъ изъ этого зерна виноградной ягоды развиваются листья и вѣтви? Вѣдь въ немъ прежде этого не было и не замѣчалось? Но они говорятъ, что это происходитъ не отъ зерна, а отъ земли. А отчего же безъ него земля сама собою ничего не можетъ произвести? Перестанемъ безумствовать! Это происходитъ не отъ земли и не отъ зерна; а отъ Того, кто есть Господь и земли и сѣмянъ. Поэтому Онъ и устроилъ такъ, чтобы это происходило и при посредствѣ ихъ и безъ нихъ (сѣмянъ), чтобы такимъ образомъ съ одной стороны проявить Свое могущество, ради чего и сказалъ: *да прорастить земля быліе травное* (Быт. 1, 11), съ другой—чтобы, вмѣстѣ съ проявленіемъ Своего могущества, научить насъ трудолюбію и дѣятельности. Для чего же все это сказано нами? Не безъ цѣли, но для того, чтобы мы и въ воскресеніе вѣровали, и чтобы мы не огорчались и не досадовали, если опять, несмотря на наше желаніе постигнуть что-либо умомъ, не будемъ имѣть возможности достичь этого, но—благоразумно обуздывая и смиряя умъ свой, находили успокоеніе въ томъ, что Богъ можетъ все сдѣлать и ни въ чемъ не находитъ препятствія. Итакъ, узнавши это, обуздаемъ наши мысли и не будемъ переступать предѣловъ и границъ познанія, которые положены для насъ. *Аще кто мнится*, говоритъ, *вѣдѣти что, не у что разумѣ, якоже подобаетъ разумѣти* (1 Кор. VIII, 1). Я говорю не о Богѣ только, но и о всякой вещи. Что, напримѣръ, желаешь узнать о землѣ? Что

знаешь,—скажи мнѣ? Какъ велико ея протяженіе? Какая величина? Какое положеніе? Какая природа? Какое мѣсто? Гдѣ она утверждена и на чемъ? Но ты ничего не можешь отвѣтить на это; а можешь только сказать, что она холодна, суха и черна,— больше ничего. А о морѣ? И тутъ встрѣтишь недоумѣніе, котораго не можешь разрѣшить,—не знаешь вѣдь, гдѣ оно начинается, гдѣ оканчивается, на чемъ носится, на чемъ держится дно его, какое оно занимаетъ мѣсто, твердая ли земля за нимъ, или оно оканчивается водою и воздухомъ? Знаешь ли что-либо о томъ, что находится въ немъ? Спрошу ли еще о воздухѣ, о стихіяхъ? Ничего не скажешь. Но оставимъ лучше это. Если хочешь, выберемъ самое малое растеніе. Скажи мнѣ, какъ раждается этотъ злакъ, не приносящій плодовъ, который мы всѣ видимъ? Не составляютъ ли его сущности вода, земля и навозъ? Отчего же онъ является такъ прекраснымъ на видъ и отчего имѣетъ такой удивительный цвѣтъ? Отчего эта красота вянетъ? Конечно, это не есть дѣйствіе воды или земли. Видишь ли, какъ вездѣ необходима вѣра? Какъ раждаетъ земля? Каковы болѣзни ея рожденія, скажи мнѣ? Но ты ничего не можешь на это сказать. Изучай же, человѣкъ, то, что находится долу—здѣсь, и не трудись попустому, не любопытствуй много о небѣ, — и если бы только о небѣ, а то и о Владыкѣ неба! Скажи, ты не знаешь земли, отъ которой родился, на которой воспитанъ, на которой живешь, по которой ходишь, безъ которой и дохнуть не можешь, а любопытствуешь знать о такихъ отдаленныхъ предметахъ? Поистинѣ человѣкъ—суета! Если бы кто велѣлъ спуститься въ глубину и узнать, что находится на днѣ моря,—ты отвергъ бы приказаніе; а самъ, безъ всякаго принужденія, хочешь изслѣдовать неизслѣдимую пучину. Не мудрствуй, прошу тебя. Будемъ
439—440 плавать по поверхности, не будемъ слѣдовать влеченію мудрованій; иначе скоро утомимся и утонемъ. Но пользуясь божественнымъ Писаніемъ, какъ бы нѣкоторымъ кораблемъ, распустимъ паруса вѣры. Если мы будемъ плавать на немъ, то и кормчимъ у насъ будетъ слово Божіе; если же станемъ плавать на мудрованіяхъ человѣческихъ, то не будетъ (кормчаго). Кому въ самомъ дѣлѣ изъ плавающихъ такимъ образомъ помогаетъ кормчій? Слѣдовательно, намъ будетъ угрожать двойная опасность: съ одной стороны та, что не будетъ корабля, съ другой та, что не будетъ кормчаго. Если же судно безъ кормчаго подвержено опасности, то какая надежда на спасеніе, когда нѣтъ ни того, ни другого? Итакъ, не будемъ подвергаться явной опасности, но будемъ плавать въ безопасномъ мѣстѣ, утверждаясь на священномъ якорѣ. Такимъ образомъ, несмотря на тяжелый грузъ, съ совершенною

безопасностію достигнемъ тихой пристани и получимъ блага, уготованныя любящимъ Его во Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава (во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА VIII.

Сіе бо вамъ глаголемъ словомъ Господнимъ, яко мы 439
живущіи оставшіи въ пришествіе Господне, не имамы предварити усопшихъ: яко самъ Господь въ повелѣніи, во гласѣ архангеловѣ, и въ трубѣ Божіи снидетъ съ небесе, и мертвіи о Христѣ воскреснутъ первѣе. Потомъ мы живущіи оставшіи купно съ ними восхищени будемъ на облацѣхъ въ срѣтеніе Господне на воздусѣ, и тако всегда съ Господемъ будемъ (1 Сол. IV, 15—17).

1. Пророки, желая показать достовѣрность того, о чемъ намѣревались говорить, прежде всего другого, говорятъ: *видѣніе, еже видѣ Исаія* (Иса. I, 1); или: *слово Господне, еже бысть ко Іереміи* (Іерем. I, 1); и еще: *тако глаголетъ Господь* (Иса. VIII, 11),— и тому подобное. Многіе видѣли и самого Бога сидящаго (Иса. VI, 1), насколько имъ возможно было видѣть. Но Павелъ, который не сидящаго видѣлъ, а имѣлъ въ себѣ самомъ Христа говорящаго, вмѣсто того, чтобы сказать: *тако глаголетъ Господь*, говорилъ: или *искушенія ищете глаголющаго* въ насъ *Христа* (2 Кор. XIII, 3). и еще: *Павелъ, посланникъ Іисусъ Христовъ* (2 Кор. I, 1),— показывая, что онъ ничего не говоритъ отъ себя, потому что посланникъ передаетъ только слова пославшаго. И еще: *мнюся же и азъ Духа Божія имѣти* (1 Кор. VII, 40). Впрочемъ все это онъ изрекалъ по внушенію Духа; между тѣмъ то, что говоритъ теперь, онъ слышалъ отъ Бога словесно, подобно тому какъ онъ слышалъ тайно то, что сказалъ въ бесѣдѣ съ ефесскими старѣйшинами: *блаженнѣе есть паче даяти, нежели пріимати* (Дѣян. XX, 35). Посмотримъ же, что здѣсь говоритъ онъ: *сіе бо вамъ глаголемъ словомъ Господнимъ, яко мы живущіи оставшіи въ пришествіе Господне, не имамы предварити усопшихъ: яко самъ Господь въ повелѣніи, во гласѣ архангеловѣ и въ* послѣдней *трубѣ снидетъ съ небесе*. То же и Христосъ въ свое время говорилъ: *силы небесныя подвигнутся* (Мѳ. XXIV, 29). Почему же въ трубѣ? Потому что и на Синаѣ мы видимъ это, и ангеловъ тоже. Но какое значеніе имѣетъ гласъ архангела? Такое же, какъ и то, что было сказано о дѣвахъ: возстаните, пріиде женихъ (Мѳ. XXV, 6). Или объ этомъ онъ здѣсь говоритъ, или о томъ, что тогда, когда

ангелы будутъ служить при воскресеніи, совершится нѣчто подобное тому, что бываетъ при царѣ. Именно, (Богъ) скажетъ: да воскреснутъ мертвые!—и это будетъ приведено въ исполненіе не силою ангеловъ, а—Его слова,—подобно тому, какъ если бы царь повелѣлъ и сказалъ: пусть выйдутъ заключенные, и пусть слуги изведутъ ихъ, то они исполнили бы это не своею властію, а вслѣдствіе повелѣнія царскаго. Объ этомъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ Христосъ: *послетъ ангелы своя съ трубнымъ гласомъ*
440 *веліимъ и соберутъ избранныя его отъ четырехъ вѣтръ, отъ конецъ небесъ до конецъ ихъ* (Мѳ. XXIV, 31),—и повсюду видишь ангеловъ, поспѣшающихъ исполнить повелѣніе Божіе. Слѣдовательно, архангелъ, какъ полагаю, есть начальникъ посланныхъ, который будетъ взывать (къ нимъ): готовьте всѣхъ, Судія предстоитъ. Что значитъ: въ послѣдней *трубѣ*? Значитъ то, что трубъ будетъ много, и что Судія сойдетъ при (звукѣ) послѣдней трубы. *И мертвіи о Христѣ*, говоритъ, *воскреснутъ первѣе, потомъ же мы живущіи оставшіи купно съ ними восхищени будемъ на облацѣхъ въ срѣтеніе Господне на воздусѣ, и тако всегда съ Господемъ будемъ. Тѣмже утѣшайте другъ друга въ словесѣхъ сихъ* (ст. 18). Если (Господь) намѣренъ сойти, то для чего мы будемъ восхищены? Чести ради. Вѣдь и тогда, когда царь въѣзжаетъ въ городъ, почетные граждане выходятъ къ нему на встрѣчу, а преступники внутри ожидаютъ судію; и тогда, когда возвращается нѣжный отецъ, дѣти и тѣ, которые заслуживаютъ названіе дѣтей, выѣзжаютъ на колесницѣ (къ нему навстрѣчу), чтобы видѣть и привѣтствовать его, а тѣ изъ домочадцевъ, которые оскорбили его, остаются дома. Мы понесемся на колесницѣ Отца. Какъ Онъ подъялъ самого (Господа) на облакахъ (Дѣян. I, 9), такъ и мы восхищены будемъ на облакахъ. Видишь, какая честь? Мы и встрѣтимъ сходящаго, и, что всего радостнѣе, *тако* съ Нимъ *будемъ. Кто возглаголетъ силы Господни, слышаны сотворитъ вся хвалы его* (Пс. CV, 2)? Какихъ великихъ благъ удостоилъ Онъ родъ человѣческій! Прежде возстанутъ умершіе, и такимъ образомъ всѣ вмѣстѣ встрѣтятъ его. Авель, умершій прежде всѣхъ, выйдетъ тогда навстрѣчу вмѣстѣ съ оставшимися въ живыхъ, такъ что они при этомъ не будутъ имѣть никакого преимущества, и истлѣвшій, столько лѣтъ лежавшій въ землѣ—встрѣтитъ его вмѣстѣ съ живыми, равно какъ и всѣ прочіе. Если они ждали насъ, чтобъ и мы увѣнчались, какъ говоритъ (апостолъ) въ другомъ мѣстѣ: *Господу лучшее что о насъ предзрѣвшу, да не безъ насъ совершенство пріимутъ* (Евр. XI, 40), то тѣмъ болѣе должны мы подождать ихъ. Или лучше: они насъ ждали, а мы ихъ не будемъ, потому что воскресеніе произойдетъ вдругъ, *во*

мгновеніи ока (1 Кор. XV, 52). Слово же—соберутся показываетъ, что воскреснутъ повсюду, собраны же будутъ ангелами. Слѣдовательно, воскресить есть дѣло всемогущаго Бога, повелѣвающаго землѣ возвратить ввѣренное, безъ всякаго содѣйствія слугъ, подобно тому, какъ было и тогда, когда Господь воззвалъ къ Лазарю: *Лазаре, гряди вонъ* (Іоан. XI, 43); а привести (воскресшихъ) будетъ дѣло слугъ. Но если ангелы повсюду будутъ обтекать (землю) и собирать (воскресшихъ), то какъ же говорится здѣсь, что (воскресшіе) восхищены будутъ? Они восхищены будутъ послѣ того, какъ (Господь) сойдетъ, послѣ того, какъ (всѣ народы) собраны будутъ. Все это произойдетъ вдругъ, и притомъ такъ, что никто напередъ не будетъ знать. Только когда увидятъ, что земля колеблется, что прахъ опять соединяется въ одинъ составъ, 441 въ то же время повсюду возстаютъ тѣла, безъ всякаго съ чьей-либо стороны содѣйствія, а только по велѣнію (Господню), котораго одного довольно, чтобы землю, преисполненную (мертвыхъ тѣлъ), освободить отъ этого бремени,—представь въ самомъ дѣлѣ, что всѣ умершіе, сколько ни будетъ ихъ, отъ Адама и до пришествія (Господня), востанутъ тогда съ женами и дѣтьми,—когда, говорю, увидятъ такое на землѣ смятеніе, тогда только узнаютъ (что наступилъ конецъ міра). Поэтому какъ они ничего напередъ не могли предвидѣть касательно рожденія по плоти (Господа), такъ и тогда (ничего напередъ не узнаютъ).

2. Итакъ, когда это произойдетъ, тогда будетъ и гласъ архангела, повелѣвающаго ангеламъ и взывающаго, и будутъ трубы, или лучше звукъ трубъ. Какой страхъ, какой ужасъ обниметъ тогда оставшихся на землѣ! *Едина поемлется, и едина оставляется* (Мѳ. XXIV, 41); и *единъ поемлется, а другій оставляется* (Лук. XVII, 36). Каково будетъ состояніе душъ ихъ, когда увидятъ, что другіе будутъ восхищены, а они будутъ оставлены! Не больше ли всякой геенны приведетъ это ихъ въ ужасъ? Представимъ себѣ въ мысли, что это уже теперь совершается. Если внезапная смерть, разрушеніе городовъ отъ землетрясенія и другія ужасъ наводящія событія столько поражаютъ наши души, то каково будетъ состояніе нашей души тогда, когда увидимъ, что земля разверзается и ея поверхность покрывается всѣми умершими,—когда услышимъ звукъ трубъ и гласъ архангела, который громче всякой трубы,—(когда увидимъ) что небеса свиваются и грядетъ Царь всяческихъ—Богъ? Вострепещемъ, умоляю васъ, и убоимся такъ, какъ будто это уже нынѣ свершается; не станемъ успокоивать себя тѣмъ, что это еще не скоро будетъ; вѣдь если это неминуемо должно быть, то замедленіе нисколько намъ не поможетъ. Какой тогда будетъ страхъ, какой ужасъ! Видали ли вы

когда-нибудь ведомыхъ на смертную казнь? Каково бываетъ, полагаете вы, состояніе ихъ душъ, когда они проходятъ путь до мѣста казни? Не мучительнѣе ли оно всякой смерти? Чего бы не рѣшились они и сдѣлать, и претерпѣть, чтобы только избавиться отъ этой мрачной участи? Я слышалъ отъ многихъ, которые, по милосердію царскому, возвращены были назадъ съ мѣста казни, что они въ то время и людей не узнавали: въ такомъ смятеніи, ужасѣ и трепетѣ находилась ихъ душа. Если же тѣлесная смерть такъ ужасаетъ насъ, то что будемъ ощущать, когда наступитъ смерть вѣчная? Но что я говорю о ведомыхъ на казнь? Ихъ окружаетъ въ то время толпа народа, изъ котораго многіе даже не знаютъ ихъ. Но если бы кто проникъ въ души ихъ, то, конечно, онъ не остался бы ни столько жестокимъ, ни столько безжалостнымъ, ни столько неустрашимымъ, чтобъ не возмутиться самому и не почувствовать страха и скорби. Поэтому, если въ такой степени приходятъ въ смущеніе совершенно посторонніе люди тогда, когда другіе умираютъ смертію, ничѣмъ не отличающеюся отъ сна, то каково будетъ наше состояніе, когда мы сами подвергнемся гораздо большимъ (мученіямъ)? Невозможно, повѣрьте, невозможно словами изобразить (этого) страданія. Правда, говорятъ; но Богъ человѣколюбивъ и ничего подобнаго не случится. Слѣдовательно, напрасно объ этомъ и написано? Нѣтъ, говорятъ, но это только угроза, чтобы мы вразумились. Если же мы не вразумимся, а будемъ коснѣть во злѣ, то, скажи мнѣ, ужели (Богъ) не пошлетъ наказанія? Слѣдовательно, Онъ и добродѣтельнымъ не воздастъ награды? Воздастъ, говорятъ, потому что Ему свойственно благотворить и сверхъ заслугъ. Такимъ образомъ это на самомъ дѣлѣ и непремѣнно послѣдуетъ; а наказаній вовсе не будетъ, и говорится объ нихъ только ради угрозы и внушенія страха. Не знаю, чѣмъ мнѣ увѣрить васъ. Если скажу,
442 что червь ихъ не умретъ и огонь не угаснетъ (Марк. IX, 44); если скажу, что пойдутъ въ огонь вѣчный; если укажу на богача, уже претерпѣвающаго наказаніе, — вы скажете, что все это только угроза. Чѣмъ же мнѣ увѣрить васъ? Поистинѣ, это—сатанинская мысль, тщетно ласкающая милосердіемъ и повергающая въ безпечность! Какъ же намъ истребить ее? Если приведемъ что-нибудь изъ Писаній, вы скажете, что это сказано въ видѣ угрозы. Но такъ можно разсуждать о будущемъ, а о томъ, что уже сбылось и вполнѣ совершилось, вовсе нельзя. Всѣ вы слышали о потопѣ. Неужели и объ этомъ сказано въ видѣ угрозы? Неужели его на самомъ дѣлѣ не было? И допотопные люди много подобнаго говорили, и въ продолженіе ста лѣтъ, когда строился ковчегъ, сплачивались деревья и проповѣдовалъ праведникъ, никто

не нашелся, кто бы повѣрилъ. Но такъ какъ они не повѣрили угрозѣ на словахъ, то понесли наказаніе на дѣлѣ. То же будетъ и съ нами, если не станемъ вѣрить. Потому-то Господь и сравниваетъ свое пришествіе со днями Ноя: подобно тому, какъ нѣкоторые не вѣрили тому потопу, такъ и нынѣ не вѣрятъ многіе потопу геенскому. Ужели это только угроза? Ужели на самомъ дѣлѣ этого не было? Ужели Тотъ, кто послалъ тогда такое неожиданное наказаніе, тѣмъ болѣе не пошлетъ его нынѣ? Вѣдь то, что дѣлается теперь, нисколько не извинительнѣе того, что было тогда. Почему? Потому, что тогда вошли, сказано, сыны Божіи къ дщерямъ человѣческимъ (Быт. vi, 2), и это смѣшеніе было тяжкимъ (преступленіемъ), а нынѣ нѣтъ ни одного вида зла, на который бы (люди) не рѣшились. Итакъ, вѣрите ли вы, что потопъ былъ, или вамъ кажется это баснею? Но и горы, на которыхъ остановился ковчегъ, я разумѣю горы Арменіи, свидѣтельствуютъ о немъ.

3. Впрочемъ изъ великаго множества (свидѣтельствъ) я приведу и другое, которое будетъ яснѣе указаннаго. Путешествовалъ ли кто-нибудь изъ васъ когда по Палестинѣ? Я уже не буду больше доказывать посредствомъ словъ, а посредствомъ событій, хотя первыя и достовѣрнѣе послѣднихъ, такъ какъ то, что говоритъ Писаніе, достовѣрнѣе того, что мы видимъ. Итакъ, путешествовалъ ли кто-нибудь изъ васъ когда по Палестинѣ? Думаю, что путешествовалъ. Что же? Пусть тѣ изъ васъ, которые видѣли тѣ мѣста, будутъ мнѣ свидѣтелями предъ тѣми, которые тамъ не были. Выше Аскалона и Газы, при самомъ устьѣ рѣки Іордана, есть нѣкоторая обширная и плодоносная страна, или лучше сказать—была, потому что теперь она не такова. Эта страна дѣйствительно была похожа на рай. *Видѣ*, сказано, *Лотъ всю окрестную страну Іорданскую, и наполнена бяше водою, яко рай Божій* (Быт. xiii, 10). Эта-то страна, цвѣтущая, не уступающая никакимъ странамъ, равняющаяся плодородіемъ раю Божію, теперь пустыннѣе всѣхъ пустынь. Правда, ростутъ тамъ деревья и приносятъ плодъ; но этотъ плодъ—памятникъ гнѣва Божія. Тамъ ростутъ гранатовыя яблоки—разумѣю и дерево и плодъ, которыя имѣютъ прекрасную наружность, и незнающему подаютъ многія надежды; но когда возьметъ кто-либо ихъ въ руки, то разломивъ не найдетъ никакого плода, а прахъ и пепелъ, обильно въ нихъ накопившійся. Такова тамъ и вся земля; даже если возьмешь камни, то и тѣ, найдешь, превращены въ пепелъ. Но что я говорю о камнѣ, о деревьяхъ и землѣ? Тамъ и самый воздухъ и вода подверглись такой же бѣдственной участи. Подобно тому какъ тѣло, которое подверглось дѣйствію огня и сгорѣло, хотя и сохраняетъ среди

огня прежній видъ, и образъ, и величину, и соразмѣрность ча-
стей, но жизни вовсе не имѣетъ,—такъ точно и тамъ видишь
землю, но въ ней нѣтъ ничего свойственнаго землѣ, а все—
прахъ; видишь деревья и плоды, но они ничего не имѣютъ свой-
ственнаго деревьямъ и плодамъ; видишь воздухъ и воду, но они
не имѣютъ ничего свойственнаго ни воздуху, ни водѣ, потому
что и они превратились въ пепелъ. Какъ же могъ сгорѣть воз-
443 духъ? Какъ могла сгорѣть вода, оставаясь водою? Сожигать можно
только деревья и камни, а воздуха и воды никакъ невозможно.
Невозможно для насъ, а для Сотворившаго ихъ возможно. Итакъ,
воздухъ тамъ не что иное, какъ огонь, и вода—огонь: все без-
плодно, все пусто, все служитъ образомъ гнѣва прежде бывшаго,
знаменіемъ грядущаго. Неужели и это угрозы только на сло-
вахъ? Неужели и это пустой звукъ словъ? Для меня не невѣ-
роятно и прежде сказанное, и невидѣнное мною столь же досто-
вѣрно, какъ и видѣнное; а невѣрующаго можетъ убѣдить только
это послѣднее. Кто не вѣритъ въ геенну, тотъ пусть подумаетъ
о Содомѣ, пусть вспомнитъ о Гоморрѣ, объ этомъ прежде быв-
шемъ и еще до сихъ поръ продолжающемся наказаніи. Это слу-
житъ предзнаменованіемъ тому, что мученія будутъ вѣчны. Тя-
жела эта рѣчь? А развѣ это не тяжело, когда ты говоришь, что
нѣтъ геенны, но Богъ только угрожаетъ ею,—когда ты развязы-
ваешь руки у народа? Ты самъ своимъ невѣріемъ принуждаешь
меня сказать это. Если бы ты вѣрилъ словамъ Христовымъ, то я
не былъ бы вынужденъ приводить тебя къ вѣрѣ, ссылаясь на
событія. Но такъ какъ ты уклоняешься отъ первыхъ, то волею или
неволею долженъ будешь повѣрить послѣднимъ. Въ самомъ дѣлѣ,
что ты можешь сказать о Содомѣ? Хочешь ли знать и причину,
ради которой случилось это? Былъ одинъ грѣхъ, конечно, тяжкій
и проклятія достойный,—однакожъ одинъ: жившіе тогда пылали
неистовою страстію къ отрокамъ, и за это потерпѣли такое нака-
заніе. А нынѣ совершается множество грѣховъ и равныхъ этому,
и тяжелѣе его. Ужели же Тотъ, который за одно прегрѣшеніе
излилъ такой гнѣвъ и не обратилъ вниманія ни на мольбы
Авраама, ни на живущаго въ томъ городѣ Лота, который для
сохраненія чести рабовъ (Его) отдавалъ на поруганіе собствен-
ныхъ дочерей,—пощадитъ насъ, когда мы совершаемъ столько
грѣховъ? Подлинно (такая мысль) есть насмѣшка и пустословіе,
заблужденіе и діавольское обольщеніе. Хочешь ли, я приведу
тебѣ и другой примѣръ? Конечно, ты слышалъ о фараонѣ, еги-
петскомъ царѣ,—слѣдовательно знаешь и о казни, какая постигла
его, равно какъ и о томъ, какъ онъ потонулъ въ Чермномъ морѣ
съ своими колесницами, конями и со всѣмъ своимъ воинствомъ

Хочешь ли знать еще другіе примѣры? Онъ, можетъ быть, былъ нечестивъ, и даже не только—можетъ быть, а дѣйствительно былъ нечестивъ. Хочешь ли знать, что наказаніе постигаетъ и тѣхъ, которые хотя и вѣруютъ въ Бога и внимаютъ (его ученію), однако живутъ неправедно? Послушай, что говоритъ Павелъ: *ниже соблудимъ, якоже нѣцыи отъ нихъ соблудиша и падошя во единъ день двадесять три тысящи: не будемъ роптать, якоже нѣцыи отъ нихъ ропташа, и погибоша отъ всегубителя: ниже да искушаемъ Христа, якоже нѣцыи отъ нихъ искусиша, и отъ змій погибоша* (1 Кор. x, 8—10). Если блудъ и ропотъ были столь гибельны, то чего не произведутъ наши (грѣхи)? Если же Богъ не посылаетъ теперь наказанія,—не удивляйся,—потому что тѣ не знали о геенѣ, и потому немедленно подвергались наказанію; а ты, когда согрѣшишь, хотя бы здѣсь и не подвергся никакому наказанію, будешь тамъ наказанъ. Затѣмъ, ужели Тотъ, кто подвергъ столь строгому наказанію тѣхъ, которые менѣе были опытны и не такъ много согрѣшали, проститъ насъ? Это было бы несогласно съ разумомъ. Мы заслуживаемъ большаго наказанія, хотя бы совершили такіе же грѣхи, какъ и они. Почему? Потому что мы сподобились большей благодати. А когда мы согрѣшаемъ и больше и тяжелѣе ихъ, то какому наказанію мы должны подвергнуться? Тѣ (впрочемъ пусть никто не думаетъ, что я, говоря 444
такъ, удивляюсь имъ, или извиняю ихъ,—нисколько: когда Богъ наказываетъ, то тотъ, кто держится противоположнаго мнѣнія, дѣлаетъ это по наущенію отъ діавола; слѣдовательно я говорю это не съ тою цѣлью, чтобы хвалить или извинять ихъ, но чтобы показать собственное наше развращеніе), тѣ, говорю, если и роптали, то (дѣлали это) когда странствовали по пустынѣ; а мы ропщемъ, живя въ отечествѣ и пребывая въ собственныхъ домахъ. Тѣ, если и блудодѣйствовали, то (дѣлали это) когда едва удалились отъ египетскихъ мерзостей и почти еще не слыхали этого закона; а мы блудодѣйствуемъ, принявъ отъ предковъ спасительныя заповѣди; слѣдовательно, достойны большаго наказанія. Хочешь ли знать и другія казни, какія они претерпѣли въ Палестинѣ—голодъ, моръ, войну, плѣнъ какъ у вавилонянъ, такъ и у ассиріянъ, бѣдствія отъ македонянъ, при Адріанѣ и Веспасіанѣ? Хотѣлось бы мнѣ, возлюбленный, разсказать тебѣ еще нѣчто; но боюсь, чтобъ ты не удалился отъ меня,—и потому прежде того разскажу другое. Былъ нѣкогда голодъ, говоритъ (Писаніе), и царь обходилъ городскія стѣны; тогда жена нѣкая, приступивъ къ нему, сказала слѣдующія слова: царь, *сія жена ко мнѣ рече: спечемъ сына твоего днесь и съядимъ, а утро моего. И испекохомъ и снѣдохомъ;* но своего еще до сихъ поръ не дала

(4 Цар. vi, 28—29). Что ужаснѣе этого несчастія? Еще въ другомъ мѣстѣ говоритъ пророкъ: *руцѣ женъ милосердыхъ свариша дѣти своя* (Плач. Іер. iv, 10). Итакъ, ежели іудеи понесли такое наказаніе, то не подвергнемся ли мы гораздо большему?

4. Хочешь ли знать и о другихъ бѣдствіяхъ (которыя постигли) ихъ? Прочти Іосифа (Флавія), и узнаешь всю ихъ плачевную исторію. По крайней мѣрѣ этимъ, можетъ быть, увѣримъ тебя, что геенна существуетъ. Посуди самъ: если іудеи подвергались наказанію, то почему мы должны остаться ненаказанными? Или: какъ это возможно, чтобы мы не были наказаны, хотя больше ихъ согрѣшили? Не потому ли (такъ думаемъ), что наказаніе только ожидаетъ насъ впереди? Но, если угодно, я покажу и то, какъ наказываемы были разныя лица порознь. Каинъ убилъ брата. Подлинно ужасное преступленіе: кто станетъ отрицать это? За то онъ понесъ наказаніе и тяжкое, и равняющееся безчисленнымъ смертямъ, — такое, которому онъ тысячу разъ предпочелъ бы смерть. Послушай, что онъ самъ говоритъ: *аще изгониши мя отъ земли, и отъ лица твоего скрыюся, и будетъ всякъ, обрѣтаяй мя, убіетъ мя* (Быт. iv, 14). Но, скажи мнѣ, не дѣлаютъ ли многіе и теперь того же, что онъ? Не то ли самое дѣлаешь, когда убиваешь брата—не плотского, а духовнаго? Не убиваешь ли ты его, хотя не оружіемъ, а инымъ образомъ, когда, будучи въ состояніи утолить его голодъ, ты пренебрегъ этимъ? Итакъ, что же? Развѣ нынѣ никто не завидуетъ брату? Развѣ никто не подвергаетъ опасности его жизнь? Правда, они здѣсь не несутъ за это наказанія; но будутъ наказаны. Затѣмъ, одинъ, который не зналъ ни письменнаго закона, ни пророковъ, не видѣлъ великихъ знаменій, подвергается такому тяжкому наказанію; а другой, который совершилъ такое же преступленіе и даже не вразумился такими примѣрами, неужели останется ненаказаннымъ? Гдѣ же правда Божія? Гдѣ его благость? Еще: нѣкто, собиравшій дрова въ субботу, былъ побитъ за то камнями, несмотря на то, что заповѣдь
445 (о субботѣ) не столь важна и ниже обрѣзанія. Итакъ, собиравшій дрова въ субботу былъ побитъ камнями; между тѣмъ другіе, которые часто совершали безчисленные противузаконные поступки, отойдутъ безъ наказанія? Поэтому, если нѣтъ геенны, то гдѣ правосудіе, гдѣ безпристрастіе? При томъ (Господь) подвергъ подобному наказанію многихъ другихъ, которые не хранили субботъ. Еще: другой, нѣкій сынъ Харміевъ (Ахаръ), за то, что укралъ вещь, принесенную въ даръ Богу, былъ побитъ камнями со всѣмъ родомъ. Что же? Ужели послѣ того не было ни одного святотатца? Еще: Саулъ, пощадившій (врага) вопреки Божію повелѣнію, понесъ тяжкое наказаніе: ужели же послѣ того никто не щадилъ

(враговъ)? О, если бы мы только это совершали и не пожирали — ставъ лютѣе звѣрей — другъ друга вопреки Божію повелѣнію! Однако никто не палъ за это на брани. Еще: сыновья Илія потерпѣли самое тяжкое наказаніе вмѣстѣ съ своимъ отцемъ за то, что вкушали (мяса) прежде кажденія. Но ужели (послѣ того) не было ни одного отца, нерадѣющаго о дѣтяхъ, или не было дѣтей развратныхъ? Однако никто не понесъ наказанія. Когда же они понесутъ, если нѣтъ геенны? Можно привести еще безчисленное множество другихъ примѣровъ. Что же? Развѣ Ананія и Сапфира не тотчасъ были наказаны за то, что утаили часть изъ того, что посвятили Богу? Но ужели послѣ того никто не сдѣлалъ ничего подобнаго? Отчего же они не понесли равнаго наказанія? Итакъ, убѣждаешься ли ты, что есть геенна, или нужно тебѣ больше примѣровъ? Обратимся же къ тому, что не предано письмени, а свершается теперь въ жизни: намъ вѣдь нужно отовсюду обозрѣть этотъ предметъ, чтобы вслѣдствіе неблагоразумнаго снисхожденія не нанести себѣ самимъ вреда. Не видишь ли многихъ въ несчастіи, изувѣченныхъ, претерпѣвающихъ многоразличныя бѣдствія, между тѣмъ какъ другіе наслаждаются благополучіемъ? Почему одни наказываются за убійства, а другіе нѣтъ? Послушай, что говоритъ Павелъ: *нѣкихъ грѣхи предъявлени суть, нѣкимъ же и послѣдствуютъ* (1 Тим. VIII, 24). Сколько смертоубійцъ избѣжало наказанія! Сколько расхитителей гробницъ! Но оставимъ это. Сколько неизвѣстно тебѣ такихъ людей, которые претерпѣваютъ жестокія наказанія! Одни подвержены долговременной болѣзни, другіе безпрестаннымъ мукамъ, иные инымъ безчисленнымъ бѣдствіямъ. Поэтому, когда ты увидишь, что какой-либо человѣкъ 446
дерзнулъ совершить подобное тому, что они (сдѣлали), или еще большее, и не понесъ наказанія, то не согласишься ли даже противъ воли, что геенна существуетъ? Представь себѣ тѣхъ, которые здѣсь до тебя тяжко были наказаны; помысли, что Богъ нелицепріятенъ, и что ты, совершивъ безчисленныя преступленія, не потерпѣлъ никакого наказанія — и въ твоемъ умѣ родится мысль о гееннѣ. Богъ такъ глубоко всѣялъ ее въ насъ, что никогда не было ни одного человѣка, который бы не имѣлъ понятія о ней. И поэты, и философы, и баснописцы, и всѣ вообще люди разсуждали о воздаяніи за гробомъ и говорили о наказаніи многихъ въ адѣ. Если же сказанное ими баснословно, то не баснословно то, что мы сказали. Это я говорилъ вамъ не потому, чтобы только навести на васъ страхъ и привести въ уныніе ваши души, но чтобы сдѣлать ихъ и болѣе воздержными, и кроткими. Я самъ, . а ке больше другихъ, желалъ бы, чтобы не было наказанія. Почему же? Потому что каждый изъ васъ страшится только за свою душу:

а я буду подлежать отвѣтственности и за это предстоятельство, такъ что мнѣ болѣе всѣхъ невозможно избѣжать геенны. Но быть не можетъ, чтобы не было наказанія и геенны. Что мнѣ дѣлать? Опять рождается сомнѣніе, опять говорятъ: гдѣ же Божіе человѣколюбіе? Вездѣ! Но объ этомъ я болѣе поговорю въ другое время, чтобы не затемнить слова о гееннѣ. Теперь же пусть не пропадаетъ польза, какую нынѣ мы получили изъ сказаннаго о гееннѣ,—такъ какъ немаловажная польза убѣдиться въ существованіи геенны. Памятованіе сказаннаго о ней, постоянно пребывая въ нашихъ мысляхъ, какъ нѣкое ѣдкое лѣкарство, будетъ истреблять всякую злобу. Воспользуемся же этимъ лѣкарствомъ, чтобы, очищая имъ свое сердце, мы сподобились увидѣть, чего ни око не видѣло, ни ухо не слышало, ни на сердце человѣку не входило (1 Кор. II, 9), чего и да сподобимся всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IX.

445 **А о лѣтѣхъ и о временѣхъ, братіе, не требѣ есть вамъ писати. Сами бо вы извѣстно вѣсте, яко день Господень, якоже тать въ нощи, тако пріидетъ (1 Сол. v, 1—2).**

1. Ни въ чьей, кажется, природѣ нѣтъ столько пытливости и жадности къ знанію невидимаго и сокрытаго, какъ въ человѣческой. Это въ ней обыкновенно обнаруживается тогда, когда умъ еще несовершенъ и необразованъ. Такъ неопытныя дѣти неотступно безпокоятъ и воспитателей, и наставниковъ, и родителей множествомъ вопросовъ, въ которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ какъ: когда бываетъ то-то и когда то-то. Это же случается и (съ возрастными) отъ нѣги, или оттого, что имъ нечего дѣлать. Итакъ, умъ нашъ сильно желаетъ узнать и постигнуть многое, а особенно время кончины (міра). И что удивительнаго, если это занимаетъ насъ, когда и самихъ святыхъ апостоловъ это всего болѣе занимало? Такъ прежде страданія (Христова) они присту-
446 пили къ Христу съ словами: *рцы намъ, когда сія будутъ, и что есть знаменіе твоего пришествія и кончины вѣка* (Мѳ. XXIV, 3)? И послѣ страданія и воскресенія Его изъ мертвыхъ также говорили Ему: скажи намъ, *аще въ лѣто сіе устрояеши царствіе Исраилево* (Дѣян. I, 6)?—и ни о чемъ иномъ прежде этого не спрашивали Его. Но не такъ было послѣ. Когда они сподоби-

лись Духа Святого, то не только сами не спрашиваютъ и не скорбятъ о такомъ невѣдѣніи, но удерживаютъ отъ этого и другихъ, страдающихъ такимъ неумѣстнымъ любопытствомъ. Послушай, что говоритъ теперь блаженный Павелъ: *а о лѣтѣхъ и о временѣхъ, братіе, не требѣ есть вамъ писати*. Почему не сказалъ онъ, что никто того не знаетъ? Почему не сказалъ, что это не открыто, но—*не требѣ есть вамъ писати?* Потому, что тѣми словами онъ болѣе опечалилъ бы ихъ; напротивъ этими успокоилъ. Словами: *не требѣ* онъ воспретилъ имъ спрашивать объ этомъ, какъ о чемъ-то излишнемъ и безполезномъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая была бы польза (знать это), скажи мнѣ? Положимъ, что кончина послѣдуетъ черезъ двадцать лѣтъ, черезъ тридцать, черезъ сто лѣтъ: какое это имѣетъ къ намъ отношеніе? Не соста- 447
вляетъ ли для каждаго кончины вѣка конецъ его жизни? Отчего много любопытствуешь о всеобщей кончинѣ и отчего причиняешь себѣ этимъ печаль? Но что бываетъ съ нами въ другихъ (случаяхъ), то же и въ настоящемъ. Какъ въ другихъ (случаяхъ) мы, не обращая вниманія на собственныя дѣла, безпокоимся о чужихъ, говоря: такой-то блудникъ, такой-то прелюбодѣй, тотъ укралъ, этотъ обидѣлъ, а о своихъ не говоримъ ни слова, напротивъ больше печемся о поступкахъ всѣхъ другихъ людей, нежели о своихъ собственныхъ,—такъ и здѣсь каждый изъ насъ, оставивъ заботу о своемъ концѣ, желаетъ узнать объ общей кончинѣ. Что ты имѣешь общаго съ нею? Если ты хорошо приготовишься къ своей кончинѣ, то отъ всеобщей не потерпишь никакого зла. Будетъ ли она далеко, будетъ ли близко,—это нисколько къ намъ (не относится). Потому-то и не сказалъ о ней Христосъ, то есть потому, что это было безполезно. Почему же, скажутъ, безполезно? Тотъ, кто сокрылъ это, самъ знаетъ, почему безполезно. Послушай, что говоритъ Онъ апостоламъ: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта, яже Отецъ положилъ во своей власти* (Дѣян. I, 7). Для чего же любопытствовать вамъ? Вотъ что услышали находившіеся съ Петромъ, верховнымъ (апостоломъ), пожелавъ узнать болѣе, нежели сколько нужно было имъ знать. Да, скажутъ, но тогда можно было бы заграждать уста эллинамъ. Какъ, скажи мнѣ? Такъ какъ они, скажете, учатъ, что этотъ міръ есть Богъ, то, зная время разрушенія его, мы этимъ заградили бы имъ уста. Конечно; но чтобы заградить уста эллинамъ, нужно ли доказать то, что міръ разрушится когда-нибудь, или то, когда именно онъ разрушится? Если желаете заградить имъ уста, то скажите, что міръ будетъ имѣть конецъ. Если они этимъ не убѣдятся, то не убѣдятся и тѣмъ. Послушай, что говоритъ Павелъ: *сами бо вы извѣстно вѣсте, яко день Господень, якоже тать*

въ нощи, тако пріидетъ, не только день всеобщій, но и каждаго собственный. Этотъ послѣдній уподобляется первому, потому что имѣетъ сходство и сродство съ нимъ. Какое значеніе имѣетъ первый для всѣхъ въ совокупности, такое же послѣдній для каждаго въ частности. Время всеобщей кончины началось съ Адама, а конецъ жизни каждаго изъ насъ есть образъ этой кончины,—даже не погрѣшилъ бы тотъ, кто назвалъ бы его всеобщею кончиною. Въ самомъ дѣлѣ, если каждый день люди умираютъ тысячами, если всѣ умершіе ожидаютъ того дня и прежде его никто не воскресаетъ, то не слѣдуетъ ли отнести этого къ кончинѣ всеобщей? Если же хотите знать, для чего сокрытъ этотъ день и почему онъ придетъ какъ *тать въ нощи*, то я, какъ мнѣ кажется, справедливо скажу вамъ: никто никогда во всю жизнь свою не сталъ бы заботиться о добродѣтели, если бы этотъ день былъ извѣстенъ и не былъ сокрытъ, но всякій, зная послѣдній день свой, совершалъ бы безчисленныя преступленія и уже въ тотъ день приступалъ бы къ купели, когда бы сталъ отходить. Если и теперь, когда страхъ неизвѣстности потрясаетъ души всѣхъ, всѣ, которые порочно вели прежнюю свою жизнь, позволяютъ себя крестить только при послѣднемъ издыханіи, то если бы люди опредѣленно знали послѣдній день свой, кто тогда позаботился бы когда-нибудь о добродѣтели? Если при этомъ постоянномъ страхѣ многіе отошли безъ крещенія,—если даже и такой страхъ не научилъ ихъ позаботиться въ теченіе своей жизни объ угожденіи Богу, то когда бы страхъ этотъ былъ отнятъ, кто былъ бы тогда цѣломудренъ, кто кротокъ? Никто. Съ другой стороны теперь иного удерживаетъ отъ зла не только великій страхъ смерти, но и любовь къ жизни. А если бы каждый зналъ, что онъ завтра непремѣнно умретъ, то предъ этимъ днемъ онъ ни отъ чего не сталъ бы удерживаться, напротивъ—сталъ бы убивать, кого бы только захотѣлъ, и надѣлалъ бы тысячи злодѣйствъ, мстя врагамъ.

448 2. Человѣкъ развратный, потерявъ надежду на продолженіе здѣшней жизни, ни во что ставитъ даже облеченнаго въ порфиру. Тотъ, кто былъ бы увѣренъ, что ему непремѣнно должно умереть, старался бы отомстить врагу, и тогда уже, насытивши напередъ свою душу, воспріялъ бы смерть. Скажу, въ-третьихъ, и еще нѣчто иное: люди, привязанные къ жизни и слишкомъ пристрастные къ здѣшнимъ благамъ, истаевали бы отъ унынія и печали. Напримѣръ, если бы кто-нибудь изъ юношей зналъ, что скончается прежде (нежели достигнетъ) старости, то мучился бы такъ, какъ мучатся ожиданіемъ смерти самыя робкія животныя, когда ихъ поймаютъ. Кромѣ того и самые неустрашимые мужи тогда не заслуживали бы награды. Въ самомъ

дѣлѣ, если бы они знали, что именно послѣ трехъ лѣтъ должны умереть, а прежде не могутъ, то какое право имѣли бы они на награду за то, что рѣшались на опасные подвиги? Тогда имъ могъ бы всякій сказать: вы надѣетесь жить три года, поэтому и подвергаетесь опасностямъ, зная, что вамъ невозможно прежде умереть. Тотъ только совершенно ясно обнаруживаетъ мужество и презрѣніе къ здѣшней жизни, кто въ каждой опасности видитъ для себя смерть и знаетъ, что онъ останется живъ, если не рѣшится на опасность, но потеряетъ жизнь, если отважится на нее. Объясню вамъ это примѣромъ. Скажи мнѣ, имѣлъ ли бы патріархъ Авраамъ какое-нибудь право на награду, если бы возложилъ сына на (жертвенникъ), зная напередъ, что не заколетъ его? Что еще? Возбуждалъ ли бы Павелъ въ насъ удивленіе, если бы онъ презиралъ опасности, заранѣе зная, что не умретъ? Вѣдь и самый робкій пошелъ бы въ огонь, если бы нашелъ въ комъ-либо достовѣрнаго поручителя въ томъ, что избѣгнетъ опасности. Но не таковы были три отрока. Что же именно? Послушай, что говорятъ они: царь, *есть Богъ на небесѣхъ, который изыметъ насъ отъ руку твоею и отъ сей пещи: аще ли ни, вѣдомо да будетъ тебѣ, яко богомъ твоимъ не служимъ, и* образу *златому, егоже поставилъ еси, не покланяемся* (Дан. III, 17—18). Видите ли, какую великую пользу приноситъ намъ незнаніе времени смерти? Есть еще и другая, больше этой, но пока довольно знать и это. Для того, *якоже тать въ нощи, тако пріидетъ*, чтобы мы не предавались порокамъ, чтобы не были нерадивы, и чрезъ то не лишились награды. *Сами бо вы*, говоритъ, *извѣстно вѣсте*. Зачѣмъ же вамъ и изслѣдовать это, когда сами достовѣрно знаете? А что будущее неизвѣстно, познай изъ того, что сказалъ Христосъ. А что Онъ дѣйствительно для того сказалъ это, послушай, что Онъ говоритъ: *бдите убо, яко не вѣсте, въ кій часъ* тать *пріидетъ* (Мѳ. XXIV, 42). Для того и Павелъ говорилъ: *егда бо рекутъ: миръ и утвержденіе, тогда внезапу нападетъ на нихъ всегубительство, якоже болѣзнь во чревѣ имущей, и не имутъ избѣжати* (1 Сол. V, 3). Здѣсь (апостолъ) указалъ на то, о чемъ сказалъ и во второмъ посланіи. Такъ какъ (ѳессалоникійцы) находились въ скорби, а враги ихъ въ покоѣ и удовольствіи, то онъ утѣшалъ ихъ въ настоящихъ злостраданіяхъ словомъ о воскресеніи, а враги оскорбляли ихъ, распространяли мнѣнія своихъ предковъ и говорили: когда это будетъ? Поэтому, подобно тому, какъ пророки говорили: горе *глаголющимъ: скоро да приближатся, яже сотворитъ Богъ, да видимъ, и да пріидетъ совѣтъ святаго Израилева, да разумѣемъ* (Иса. V, 19), или еще: *увы лютѣ желающимъ дне Господня*, —имѣя въ виду не просто желающихъ, но желающихъ по невѣ-

рію,—а также: день Господень, говоритъ (пророкъ), *тма, а не свѣтъ* (Амос. V, 18),—такъ (и апостолъ) сказалъ здѣсь это. И смотри, какъ онъ утѣшаетъ ихъ. Онъ какъ бы такъ говоритъ: изъ того, что они находятся въ счастіи, пусть не заключаютъ, что не будетъ суда: онъ такъ и застигнетъ ихъ. Стоитъ однако
449 обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: если придетъ антихристъ, если придетъ Илія, то какимъ же образомъ, *когда скажутъ: миръ и утвержденіе*, внезапно нападетъ на нихъ всегубительство? Эти событія, какъ признаки пришествія (Христова), не позволятъ не знать объ этомъ днѣ. Но (апостолъ) и этого времени, то есть, антихристова, не указываетъ и не говоритъ, что день его пришествія будетъ знаменіемъ пришествія Христова; но (утверждаетъ), что (Христосъ) не будетъ давать предзнаменованія о Себѣ, а придетъ внезапно и неожиданно. Такъ и беременной, говоритъ, не нечаянно приходитъ время (родить),—она знаетъ, что чрезъ девять мѣсяцевъ будутъ роды. Между тѣмъ (время это) ей очень неизвѣстно, потому что иныя рождали чрезъ семь мѣсяцевъ, иныя же чрезъ девять, а день и часъ родовъ во всякомъ случаѣ неизвѣстны. Итакъ, вотъ къ чему Павелъ говоритъ объ этомъ. И вѣрное сравненіе! Дѣйствительно, немного бываетъ признаковъ времени рожденія; отъ этого многія, не предвидя его, рождали на дорогахъ и внѣ дома. Но (апостолъ) хотѣлъ указать въ этомъ сравненіи не на одну только неизвѣстность (времени), а вмѣстѣ и на жестокость страданія. Какъ рождающая, играя, смѣясь, ничего совершенно не предвидя, внезапно бываетъ объята невыразимыми страданіями и терзается муками рожденія, такъ точно (будутъ поражены) души по наступленіи того дня. *И не имутъ избѣжати.* Показывая далѣе, что онъ говоритъ это не о нихъ (еессалоникійскихъ христіанахъ), прибавилъ: *вы же, братіе, нѣсте во тмѣ, да день васъ якоже тать постигнетъ* (ст. 4).

3. Здѣсь онъ говоритъ о темной и нечистой жизни, такъ какъ развратные и злые люди все дѣлаютъ ночью, скрываясь отъ всѣхъ и окружая себя тьмою. Скажи мнѣ въ самомъ дѣлѣ, не вечера ли поджидаетъ прелюбодѣй, и не ночи ли—воръ? И тотъ, кто грабитъ могилы, не ночью ли приводитъ въ исполненіе свое предпріятіе? Итакъ что же? Ужели послѣдній день не постигнетъ ихъ, какъ тать? Ужели не настанетъ онъ для нихъ неожиданно? Ужели они впередъ узнаютъ объ немъ? Какимъ же образомъ (апостолъ) говоритъ: *не требѣ вамъ есть писати?* Здѣсь онъ намекаетъ не на неизвѣстность времени, а на соединенное съ нимъ злополучіе, то есть—послѣдній день придетъ не къ ихъ злополучію: и для нихъ онъ наступитъ внезапно, однако не при-

несетъ имъ никакой скорби. *Да день васъ*, говоритъ, *якоже тать постигнетъ*. Какъ воръ не можетъ сдѣлать никакого вреда бодрствующимъ и пребывающимъ во свѣтѣ, хотя бы и успѣлъ войти къ нимъ, такъ точно и тотъ день — достодолжно живущимъ: напротивъ, онъ уходитъ, вполнѣ лишивъ всего тѣхъ, которые спятъ и уповаютъ на здѣшнія блага. Потомъ (апостолъ) примѣняетъ къ нимъ и другое выраженіе,—именно, продолжаетъ: *вси бо вы сынове свѣта есте и сынове дне* (ст. 5). Но какъ можно, скажете, сдѣлаться сынами дня? Такъ же, какъ сынами погибели, какъ сынами геенны. Поэтому Христосъ говорилъ фарисеямъ: *горе вамъ, яко преходите море и сушу сотворити единаго пришельца: и егда будетъ, творите его сына геенны* (Мѳ. XXIII, 15),—а равно и Павелъ: *ихже ради грядетъ гнѣвъ Божій на сыны противленія* (Кол. III, 6), т. е. на творящихъ достойное геенны, на творящихъ дѣла противленія. Подобно тому, какъ сыны Божіи—тѣ, которые дѣлаютъ угодное Богу, такъ и сыны дня, и сыны свѣта—тѣ, которые дѣлаютъ дѣла свѣта. *Нѣсмы нощи, ниже тмы. Тѣмже, убо да не спимъ якоже и прочіи, но да бодрствуимъ и трезвимся. Спящіи бо, въ нощи спятъ: и упивающіися, въ нощи упиваются:* 450
мы же сынове суще дне, да трезвимся (ст. 6—8). Здѣсь (апостолъ) показываетъ, что отъ насъ зависитъ пребываніе среди дневного свѣта. И здѣсь—я говорю объ обыкновенномъ днѣ и ночи—это не зависитъ отъ насъ, но и ночь приходитъ противъ нашей воли, и сонъ является противъ нашего желанія; напротивъ съ тою ночью и тѣмъ сномъ бываетъ не такъ, но можно непрестанно бодрствовать, можно постоянно пребывать среди дня. Смежать очи духовныя и предаваться грѣховному усыпленію есть дѣло не природы, а произволенія. *Но да бодрствуимъ*, говоритъ, *и трезвимся*. И тотъ, кто бодрствуетъ, если не будетъ творить добра, можетъ спать; поэтому и присовокупилъ: *и трезвимся*. Подлинно, и днемъ, если кто бодрствуетъ, но не трезвится, тотъ можетъ подвергнуться безчисленнымъ опасностямъ. Итакъ, трезвость есть усиленіе бодрствованія.

Спящіи, говоритъ, *въ нощи спятъ: и упивающіися, въ нощи упиваются*. (Апостолъ) говоритъ объ опьяненіи не только отъ вина, но и отъ всякаго грѣха; опьяненіе души составляютъ и любостяжаніе, и пристрастіе къ деньгамъ, и плотская любовь,—и все, о чемъ бы ты ни упомянулъ въ этомъ родѣ, есть опьяненіе души. Но почему онъ сномъ назвалъ грѣхъ? Потому, во-первыхъ, что (грѣшникъ) не имѣетъ силы на добродѣтель, далѣе потому, что онъ безпрестанно увлекается воображеніемъ и ничего не видитъ въ истинномъ свѣтѣ, напротивъ исполненъ грезъ и часто безразсудныхъ мечтаній, а если бы, наконецъ, и видѣлъ что

хорошее, то не извлекаетъ отсюда ничего твердаго и неизмѣннаго. Такова настоящая жизнь! Она исполнена только грезъ и мечтаній. Богатство, слава и все подобное есть сонное мечтаніе. Спящій не видитъ того, что есть и дѣйствительно существуетъ, а о томъ, чего вовсе нѣтъ, грезитъ какъ о существующемъ. Таковъ грѣхъ, и такова грѣховная жизнь! Она не видитъ существеннаго, то есть духовнаго, небеснаго, неизмѣннаго, а только то, что течетъ, улетаетъ и скоро насъ оставляетъ. Впрочемъ не довольно бодрствовать и трезвиться; надобно и быть вооруженнымъ. Если кто не имѣетъ оружія, то хотя бы онъ былъ бодръ и трезвъ, его могутъ тотчасъ умертвить разбойники. Итакъ, если необходимо и бодрствовать, и трезвиться, и быть вооружену, а мы будемъ оставаться безъ оружія, будемъ наги и еще—спать, то кто помѣшаетъ вонзить въ насъ мечъ? Поэтому, показывая, что для насъ нужно оружіе, (апостолъ) прибавилъ: *мы же сынове суще дне, да трезвимся, оболкшеся въ броню вѣры и любве, и шлемъ, упованіе спасенія* (ст. 8). *Вѣры и любве*, говоритъ, указывая здѣсь на жизнь и правые догматы. Смотри, какъ онъ объяснилъ, что значитъ бодрствовать и трезвиться, именно (это значитъ) имѣть броню вѣры и любви. Не какую-нибудь вѣру, но пламенную, искреннюю, содѣлывающую непобѣдимыми тѣхъ, которые ограждены ею. Подобно тому какъ ничто не можетъ скоро разсѣчь броню, и она составляетъ оплотъ для груди, такъ и ты огради душу вѣрою и любовію, и ни одна изъ раженныхъ стрѣлъ діавола не въ состояніи будетъ вонзиться въ нее. Подлинно, гдѣ сила души будетъ ограждена оружіемъ любви, тамъ напрасны и суетны всѣ покушенія злоумышляющихъ. Ни злость, ни вражда, ни зависть, ни лесть, ни лицемѣріе и ничто другое не въ состояніи будетъ коснуться такой души. Не сказалъ просто: въ любовь; но сказалъ, что надобно облечься въ нее, какъ въ крѣпкую броню. Сказавши
451 это, далѣе прибавляетъ: *и шлемъ, упованіе спасенія*. Какъ шлемъ охраняетъ самое важное въ насъ, то есть голову, окружая и покрывая ее со всѣхъ сторонъ, такъ и упованіе не даетъ упасть нашему уму, но держитъ его прямо, какъ голову, не попуская ничему постороннему упасть на него. А до тѣхъ поръ, пока на нее ничто не падаетъ, и мы не наклоняемся внизъ. Въ самомъ дѣлѣ, тому, кто огражденъ этимъ оружіемъ, невозможно никогда упасть: *пребываютъ*, сказано, *вѣра, надежда, любы, три сія* (1 Кор. XIII, 13). Потомъ, сказавши: облекитесь и вооружитесь, (апостолъ) приготовляетъ оружіе и показываетъ, откуда рождаются вѣра, надежда и любовь, и какъ онѣ содѣлываются самымъ крѣпкимъ оружіемъ, когда присовокупляетъ: *яко не положи насъ Богъ въ гнѣвъ, но въ полученіе спасенія, Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ, умершимъ за насъ* (ст. 9—10).

4. Итакъ, Богъ призвалъ насъ не для того, чтобы погубить, но—чтобы спасти. Откуда видно, что Онъ именно этого хочетъ? *Сына своего*, сказано, *далъ есть* за насъ (Іоан. ш, 16). Онъ столько желаетъ нашего спасенія, что далъ Сына своего, и не просто далъ, но на смерть. Изъ такихъ размышленій рождается надежда. Не отчаивайся же, человѣкъ, приходя къ Богу, который не пощадилъ даже своего Сына ради тебя. Не страшись настоящихъ бѣдствій. Тотъ, кто предалъ Единороднаго, чтобы спасти тебя и исхитить изъ геенны, пожалѣетъ ли чего-нибудь еще для твоего спасенія? Слѣдовательно, надобно ожидать всего добраго. Вѣдь мы не устрашились бы, если бы намъ надлежало предстать предъ судьею, имѣющимъ судить насъ, который показалъ бы такую любовь къ намъ, что заклалъ бы за насъ своего сына. Итакъ, будемъ ждать всего добраго и великаго, потому что главное мы получили, если вѣруемъ. Но мы видимъ примѣръ; будемъ поэтому и мы любить (Его). Вѣдь было бы крайнимъ безуміемъ не любить Того, кто столько возлюбилъ насъ. *Да аще*, говоритъ, *бдимъ, аще ли спимъ, купно съ нимъ живемъ. Сего ради утѣшайте другъ друга, и созидайте кійждо ближняго, якоже и творите* (ст. 10—11). То же говоритъ и въ другомъ мѣстѣ: бодрствуемъ ли, спимъ ли [1]) (ст. 6). Но подъ сномъ онъ разумѣетъ иное тамъ, и иное здѣсь. Здѣсь онъ разумѣетъ тѣлесную смерть, а тамъ нерадѣніе о жизни. Сказанное здѣсь имѣетъ такой смыслъ: не бойтесь опасностей; если мы и умремъ, то будемъ живы. Не приходи въ отчаяніе оттого, что бѣдствуешь: ты имѣешь вѣрный залогъ. Онъ не предалъ бы своего Сына, если бы не имѣлъ къ намъ чрезвычайной любви. Слѣдовательно, хотя и умрешь, будешь живъ, потому что и самъ Онъ умеръ. Итакъ, умремъ ли мы, или будемъ жить, вмѣстѣ съ Нимъ жить будемъ. Я не нахожу въ этомъ ни малѣйшаго различія; мнѣ все равно, живъ ли я, или умру, потому что съ Нимъ мы будемъ жить. Будемъ поэтому дѣлать все для той жизни; будемъ все исполнять, устремляя взоръ къ ней. Возлюбленный! Порокъ есть тьма, есть смерть, есть ночь; (вслѣдствіе его) мы не видимъ того, что нужно, не дѣлаемъ того, что должно. Какъ мертвые безобразны и зловонны, такъ и души погрязшихъ во злѣ исполнены великой нечистоты. Глаза ихъ закрылись, уста сжаты; они лежатъ неподвижно на одрѣ порока и достойны гораздо большаго сожалѣнія, нежели тѣ, съ которыми приключилась (смерть). Эти послѣдніе мертвы для всего; а они для добродѣтели безчувственны, но живы для зла. Мертваго хотя бы кто

[1]) Вѣроятно, Златоустъ имѣлъ въ виду именно слова ст. 6: *не спимъ, но да бодрствуимъ.*

452 и ударялъ, онъ не чувствуетъ, не мститъ, но (лежитъ) какъ засохшее дерево; столько же воистину безчувственна душа, которая лишилась жизни. Каждый день она получаетъ безчисленныя раны, и ни одной не ощущаетъ, остается безчувственною ко всему. Не погрѣшилъ бы тотъ, кто сравнилъ бы такихъ людей съ бѣшеными, съ опьянѣвшими, или сумасшедшими. Между тѣмъ порокъ имѣетъ въ себѣ все это и есть хуже всего этого. Бѣшеный встрѣчаетъ великое снисхожденіе у зрителя, потому что его болѣзнь не есть слѣдствіе произволенія, а одной только природы; но въ комъ найдетъ снисхожденіе пребывающій во злѣ? Итакъ, откуда зло? Отчего такъ много злыхъ? Ты спрашиваешь откуда? Скажи мнѣ самъ, откуда происходятъ злыя болѣзни? Откуда сумасшествіе? Откуда тяжелый сонъ? Не отъ безпечности ли? Если естественныя болѣзни берутъ свое начало отъ произволенія, то тѣмъ болѣе преднамѣренныя. Откуда пьянство? Не отъ душевнаго ли невоздержанія? Сумасшествіе не отъ излишества ли жара? А этотъ жаръ не отъ преумноженія ли въ насъ жизненныхъ началъ (στοιχείων)? Преумноженіе же этихъ началъ не отъ невниманія ли? Въ самомъ дѣлѣ, когда мы или чрезъ оскудѣніе, или чрезъ преумноженіе чего-либо въ насъ приводимъ въ несоразмѣрность (части нашего состава), тогда возжигаемъ этотъ огонь. Опять, если остаемся невнимательны послѣ того, какъ уже возгорится этотъ пламень, то производимъ тогда въ самихъ себѣ пожаръ, котораго погасить уже не можемъ. Такъ бываетъ и со зломъ. Когда въ началѣ мы не поставляемъ ему препятствій и не отсѣкаемъ его, то впослѣдствіи уже не можемъ пріостановить его,—напротивъ оно становится выше силъ нашихъ. Поэтому, умоляю васъ, будемъ всегда поступать такъ, чтобы никогда не заснуть. Ужели вы не видали, что часто продолжительное стояніе на стражѣ оставалось безполезнымъ потому, что стерегущіе на малое время предавались сну? Чрезъ этотъ короткій (сонъ) они губили все, давъ покушающемуся на воровство большую смѣлость. Подобно тому, какъ мы не столько обращаемъ вниманія на воровъ, сколько они подсматриваютъ за нами, такъ и діаволъ болѣе всего слѣдитъ за нами, подстерегаетъ и скрежещетъ зубами. Итакъ, не будемъ засыпать; не будемъ говорить: ни съ этой стороны ничто (намъ не угрожаетъ), ни съ этой. Часто мы бываемъ ограблены, откуда и не думали. Такъ и по отношенію ко злу: можемъ погибнуть, откуда и не ожидали. Будемъ все тщательно осматривать, не станемъ упиваться—и не заснемъ; не будемъ пресыщаться—и не задремлемъ; не станемъ безумно бросаться на внѣшнія блага—и пребудемъ трезвенны. Оградимъ самихъ себя со всѣхъ сторонъ. Какъ ходящимъ по натянутому

канату нельзя быть даже и мало безпечными, потому что отъ этого малаго происходитъ великое зло,—оступившись, они тотчасъ упадаютъ внизъ и погибаютъ,—такъ и намъ не должно оставаться безпечными. Мы идемъ путемъ узкимъ, съ обѣихъ сторонъ окруженнымъ стремнинами, на которомъ не могутъ стоять обѣ ноги вмѣстѣ. Видишь, сколько нужно намъ осмотрительности? Ужели не видишь, что тѣ, которые идутъ путемъ, окруженнымъ стремнинами, не только осторожно ступаютъ ногами, но и внимательно смотрятъ глазами? Хотя бы идущій ступалъ въ извѣстномъ мѣстѣ повидимому и осторожно и хотя бы нога его твердо стояла, но глазъ, помутившись оттого, что посмотрѣлъ въ пропасть, можетъ низвергнуть его: ему надобно думать и о себѣ и о томъ, какъ ступать,—почему и сказано: *ни на десно, ни на шуе* (Притч. IV, 27). Глубока пропасть зла, велики стремнины, густъ мракъ внизу, узокъ путь. Будемъ внимать себѣ со страхомъ, будемъ идти съ трепетомъ. Идя по такому пути, никто не предается смѣху и не обременяетъ себя пьянствомъ,—идетъ по 453
такому пути трезвенно и со вниманіемъ. Идя такимъ путемъ, никто не несетъ ничего лишняго. И счастливъ тотъ, кто, будучи хорошо препоясанъ, можетъ благополучно пройти, и никто въ такомъ случаѣ не связываетъ себѣ ногъ, но оставляетъ ихъ свободными.

5. Мы же, связывая самихъ себя безчисленными заботами и возлагая на себя безчисленныя житейскія бремена, будучи невнимательны и разсѣянны, какъ можемъ надѣяться, что пройдемъ по столь узкому пути? Не просто сказалъ: узокъ (путь), но выражая изумленіе: *что* [1]) узокъ путь! то есть, весьма узокъ,—какъ дѣлаемъ и мы, говоря о предметахъ весьма изумительныхъ. И еще: *тѣсный*, говоритъ, *путь, вводяй въ животъ* (Мѳ. VII, 14). И справедливо сказалъ: *узокъ*. Когда мы должны отдать отчетъ и въ словахъ, и въ мысляхъ, и въ дѣлахъ, и во всемъ, то поистинѣ (такой путь) узокъ. А мы дѣлаемъ его еще уже, утучняя и расширяя самихъ себя и ступая небрежною ногою. Узкій путь труденъ для всякаго, но особенно для тучнаго; между тѣмъ, напротивъ, истощающій себя даже не будетъ чувствовать тѣсноты,—кто научился стѣснять себя, тотъ не будетъ жаловаться на стѣсненіе.

Итакъ, пусть никто не ожидаетъ при нѣгѣ увидѣть небо,—этого нельзя! При роскоши пусть никто не надѣется пройти узкимъ путемъ,—это невозможно! Пусть никто изъ идущихъ по широкому пути не надѣется (достигнуть) жизни. Итакъ, если ты увидишь, что кто-нибудь услаждаетъ себя ваннами, дорогимъ сто-

[1]) Вмѣсто ὅτι στενὴ Златоустъ читаетъ: Τί στενὴ ἡ ὁδός.

ломъ или (многочисленною) прислугою, то не почитай себя несчастнымъ ради того, что не имѣешь этого, а пожалѣй о немъ, потому что онъ идетъ путемъ погибели. Въ самомъ дѣлѣ, какая польза отъ этого пути, когда онъ оканчивается скорбію? Напротивъ, какой вредъ отъ той тѣсноты, когда она вводитъ въ покой? Скажи мнѣ, если бы кто-нибудь, будучи позванъ въ царскіе чертоги, шелъ узкими, скользкими проходами, а другой кто-либо, обреченный на смерть, влеченъ былъ срединою площади, то кого почли бы мы счастливымъ и о комъ пожалѣли бы? Не о томъ ли, кто шелъ бы по пути широкому? Такъ и въ настоящемъ случаѣ, будемъ почитать счастливцами не тѣхъ, которые живутъ въ роскоши, но тѣхъ которые не живутъ въ роскоши. Эти послѣдніе спѣшатъ на небо, а тѣ въ геенну. Можетъ быть, многіе изъ нихъ будутъ и смѣяться надъ нашими словами; но потому-то особенно я и плачу, потому-то и рыдаю, что они не знаютъ, надъ чѣмъ нужно смѣяться и о чемъ всего болѣе надобно плакать, но спутываютъ, извращаютъ и искажаютъ все. Потому-то я и плачу о нихъ. Что говоришь ты, человѣкъ? Имѣя воскреснуть, отдать отчетъ въ своихъ дѣлахъ и понести строжайшее наказаніе, ты на это не обращаешь ни малѣйшаго вниманія, а заботишься о пресыщеніи и пьянствѣ, и сверхъ того еще
454 смѣешься? Но я плачу о тебѣ, зная, какія ожидаютъ тебя несчастія и какое должно постигнуть тебя наказаніе,—потому-то особенно и плачу, что ты смѣешься. Плачь же со мною, рыдай со мною о своихъ бѣдствіяхъ. Скажи мнѣ, если бы погибъ кто-нибудь изъ твоихъ домашнихъ, то не отворотился ли бы ты отъ смѣющихся надъ его кончиною и не почелъ ли бы ихъ врагами; напротивъ, не полюбилъ ли бы тѣхъ, которые вмѣстѣ съ тобою плакали бы и сѣтовали? Итакъ, когда бы жена твоя лежала мертвою, ты отворотился бы отъ того, кто сталъ бы смѣяться; а когда умерла въ тебѣ душа, ты отворачиваешься отъ плачущаго о ней, а самъ смѣешься? Видишь ли, какъ діаволъ расположилъ насъ къ тому, чтобы мы самимъ себѣ были врагами и непріятелями? Воспрянемъ же когда-нибудь, откроемъ глаза, пробудимся, займемся вѣчною жизнію, прервемъ долговременный сонъ! Есть судъ, есть наказаніе, есть воскресеніе и испытаніе дѣлъ. Господь грядетъ на облакахъ, *огнь предъ нимъ возгорится, и окрестъ его буря зельна*, говоритъ (Псалмопѣвецъ) (Псал. XLIX, 3). Рѣка огненная течетъ предъ Нимъ,—червь не умирающій, огнь не угасающій, тьма кромѣшняя, скрежетъ зубовъ. Хотя бы вы тысячекратно досадовали на это, я не перестану объ этомъ говорить. Если пророки, будучи побиваемы камнями, не умолкали, то тѣмъ болѣе намъ должно переносить неудовольствія и не говорить бесѣдъ въ угоду

вамъ, чтобы за обольщеніе васъ самимъ не быть разсѣченными. Тамъ мука вѣчная, безотрадная,—защитника не будетъ. *Кто помилуетъ*, говорится, *обаянника, зміемъ уязвлена* (Сирах. XII, 13)? Когда мы сами себя не помилуемъ, кто помилуетъ насъ, скажи мнѣ? Если бы ты увидѣлъ кого-либо, пронзающаго себя мечемъ, то могъ ли бы ты пощадить его когда-нибудь? Нѣтъ! Тѣмъ болѣе, когда мы имѣемъ возможность исправиться, и не исправляемся, кто пожалѣетъ насъ? Никто! Помилуемъ же самихъ себя. Когда мы молимся Богу, говоря: помилуй мя Господи, — будемъ говорить это и самимъ себѣ, и самихъ себя помилуемъ. Въ нашей власти то, чтобы Богъ насъ помиловалъ. Онъ самъ даровалъ намъ это. Если будемъ дѣлать достойное помилованія, достойное Его человѣколюбія, то Богъ насъ помилуетъ. Если же мы самихъ себя не помилуемъ, то кто пожалѣетъ насъ? Помилуй ближняго, и будешь помилованъ отъ самого Бога. Какъ много людей ежедневно подходятъ къ тебѣ, говоря: помилуй меня,—а ты и не оборачиваешься! Сколько нагихъ, сколько увѣчныхъ,—а мы и не преклоняемся къ ихъ мольбамъ, но отвращаемся! Какъ же ты хочешь быть помилованъ, не дѣлая самъ ничего достойнаго помилованія? Будемъ сострадательны, будемъ милостивы, чтобы такимъ образомъ угодить Богу и сподобиться благъ, обѣщанныхъ любящимъ Его, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА X.

Молимъ же вы, братіе, знайте труждающихся у васъ, 455
и настоятелей вашихъ о Господѣ, и наказующихъ вы,
и имѣйте ихъ по преизлиха въ любви за дѣло ихъ:
мирствуйте въ нихъ (1 Сол. V, 12—13).

1. Начальникъ по необходимости имѣетъ много причинъ къ тому, чтобы огорчать (другихъ). Подобно тому, какъ врачи часто бываютъ принуждены во многомъ огорчать больныхъ, приготовляя имъ и пищу и лѣкарства, которыя не имѣютъ пріятности, хотя приносятъ великую пользу, или подобно тому, какъ отцы бываютъ часто суровы къ своимъ сыновьямъ, такъ и учители, и даже гораздо больше. Врачъ, хотя на него и негодуетъ больной, встрѣчаетъ однако ласковый пріемъ у его родныхъ и друзей, а часто и у самого больного. Равнымъ образомъ отецъ, основываясь на естественныхъ и внѣшихъ законахъ, весьма легко

можетъ пользоваться властью надъ сыномъ. Хотя бы этотъ последній и неохотно выслушивалъ отъ него уроки и обличенія, никто не помѣшаетъ ему (давать ихъ), и даже онъ самъ (сынъ) не посмѣетъ выразить неудовольствіе во взорѣ своемъ. Напротивъ у священника множество затрудненій. И во-первыхъ, онъ долженъ управлять такъ, чтобы ему повиновались добровольно и были ему благодарны за его управленіе. А этого не скоро можно достигнуть, потому что тотъ, кого обличаютъ и укоряютъ, каковъ бы онъ ни былъ, вообще вмѣсто благодарности чувствуетъ досаду. Такъ же будетъ поступать и тотъ, къ кому обращаемся съ совѣтомъ, вразумленіемъ и просьбою. Поэтому, если я скажу: раздай деньги нищимъ, то скажу нѣчто непріятное и тягостное. Если скажу: укроти гнѣвъ, погаси ярость, обуздай постыдную похоть, умѣрь сколько-нибудь роскошь, то все это покажется тягостнымъ и непріятнымъ. Если накажу безпечнаго, выведу его изъ церкви, или возбраню (участвовать) въ общественной молитвѣ, то онъ будетъ скорбѣть, не потому, что удаленъ отъ этого, а потому, что всенародно посрамленъ. Между тѣмъ это есть усиленіе болѣзни, когда мы, будучи удаляемы отъ духовныхъ благъ, скорбимъ не о томъ, что лишаемся ихъ, а о томъ, что посрамлены предъ глазами людей,—не боимся, не ужасаемся самаго дѣла. Потому-то въ разныхъ мѣстахъ Павелъ много говоритъ объ этомъ. И самъ Христосъ до того признавалъ необходимою зависимость ихъ (поучаемыхъ), что сказалъ: *на Моисеовѣ сѣдалищи сѣдоша книжницы и фарисее. Вся убо елика аще рекутъ вамъ блюсти, соблюдайте: по дѣломъ же ихъ не творите* (Мѳ. XXIII, 2, 3). И еще, когда исцѣлилъ прокаженнаго, сказалъ: *шедъ покажися іереови, и принеси даръ* твой, *егоже повелѣ Моисей, во свидѣтельство имъ* (Мѳ. VIII, 4). Но Ты же (Господи) говоришь: *творите его сына геенны сугубѣйша васъ* (Мѳ. XXIII, 15)? Потому-то, говоритъ, и прибавилъ Я: что они творятъ, *не творите*. Такимъ образомъ Христосъ отнялъ у подчиненнаго всякій предлогъ (къ непослушанію). А (Павелъ) говоритъ и въ посланіи къ Тимоѳею: *прилежащіи же добрѣ пресвитеры сугубыя чести да сподобляются* (1 Тим. V, 17); и въ посланіи къ Евреямъ говоритъ: *повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покаряйтеся* (Евр. XIII, 17); и здѣсь опять: *молимъ же вы, братіе, знайте труждающихся у васъ, и настоятелей вашихъ о Господѣ*. Такъ какъ онъ сказалъ: *созидайте кійждо ближняго* (ст. 11), то чтобы они не заключили, что ихъ самихъ возводитъ онъ въ достоинство учителей, онъ присовокупилъ эти слова, какъ бы такъ говоря: я и вамъ поручаю назидать другъ
456 друга, такъ какъ учителю сказать всего невозможно. *Труждающихся*, говоритъ онъ, *у васъ, и настоятелей вашихъ о Господѣ, и*

наказующихъ вы. Но умѣстно ли это, скажешь? Что ты говоришь? Если кто-нибудь предстательствуетъ за тебя предъ человѣкомъ, то ты дѣлаешь для него все, изъявляешь ему полную признательность. А этотъ (священникъ) предстательствуетъ за тебя предъ Богомъ, и ужели ты не будешь чувствовать къ нему признательности? Но какъ онъ предстательствуетъ, спрашиваешь? Такъ, что онъ молится за тебя, что подаетъ тебѣ духовный даръ, сообщаемый чрезъ крещеніе, надзираетъ за тобою, поучаетъ, вразумляетъ тебя,—въ полночь, если позовешь, идетъ. Онъ ничего за это (не получаетъ), развѣ только то, что подвергается твоему злословію, и долженъ сносить твои укоризны. Какая ему нужда? Хорошо онъ сдѣлалъ или худо? Ты имѣешь жену, наслаждаешься удовольствіями, занятъ житейскими выгодами; а священникъ на то только посвятилъ себя,—для него нѣтъ другого занятія въ жизни, кромѣ (служенія) Церкви. *Имѣйте ихъ*, говоритъ, *по преизлиха въ любви за дѣло ихъ: мирствуйте* въ нихъ. Видишь ли, какъ онъ зналъ встрѣчающіяся (въ жизни) огорченія? Не просто говоритъ: *любите*, но: *по преизлиха*, какъ дѣти родителей, потому что чрезъ нихъ вы родились рожденіемъ вѣчнымъ, чрезъ нихъ получили царство, ихъ руками совершается все, чрезъ нихъ отверзаются вамъ врата небесныя. Пусть никто не противится, пусть никто не прекословитъ! Кто любитъ Христа, тотъ будетъ любить и священника, каковъ бы онъ ни былъ, потому что чрезъ него сподобился страшныхъ таинъ. Скажи мнѣ, если бы ты, пожелавъ видѣть царскіе чертоги, повсюду блистающіе золотомъ и сіяющіе драгоцѣнными камнями, нашелъ человѣка, у котораго отъ нихъ ключи, и онъ, по твоей просьбѣ, тотчасъ отворилъ бы ихъ и пустилъ тебя внутрь, то не предпочелъ ли бы ты его всѣмъ? Не полюбилъ ли бы его, какъ свои очи? Не цѣловалъ ли бы его? А этотъ (священникъ) отверзъ тебѣ небо, и ты его не любишь и не обнимаешь? Если ты имѣешь жену, то не любишь ли болѣе всѣхъ того, кто доставилъ тебѣ ее? Такъ, если любишь Христа, если любишь царство небесное, то уважай тѣхъ, чрезъ кого ты получилъ его! Вотъ почему (апостолъ) говоритъ: *за дѣло ихъ: мирствуйте* въ нихъ. *Молимъ же вы, братіе, вразумляйте безчинныя, утѣшайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всѣмъ* (ст. 14).

2. Здѣсь онъ обращаетъ рѣчь къ начальникамъ. *Вразумляйте*, говоритъ, *безчинныя*, то есть, не съ строгостію и надменностію дѣлайте имъ выговоры, но съ снисхожденіемъ, съ кротостію. *Утѣшайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всѣмъ*. Вѣдь тотъ, кому дѣлаютъ строгіе выговоры, ожесточившись, становится болѣе дерзкимъ, и пренебрегаетъ ими:

поэтому чрезъ увѣщаніе надлежитъ сдѣлать лѣкарство пріятнымъ. Но кто эти безчинные? Конечно тѣ, которые поступаютъ противъ воли Божіей. Церковный чинъ стройнѣе чина воинскаго; вслѣдствіе того и ругатель безчиненъ, и пьяница безчиненъ, и любостяжатель, и всѣ согрѣшающіе: они идутъ въ строѣ
457 не чинно, а въ безпорядкѣ, почему и нарушаютъ строй. Но есть и другого рода зло, которое хотя не такъ велико, однако не перестаетъ быть зломъ. Какое это? Малодушіе. И оно бываетъ причиною погибели, подобно безпечности. Малодушенъ не переносящій обидъ, малодушенъ не переносящій искушеній: онъ именно и есть посѣянный на камнѣ. Есть и еще иного рода зло,—немощь. *Заступайте*, говоритъ, *немощныя*, разумѣя немощныхъ по вѣрѣ, потому что и по отношенію къ ней бываетъ немощь. Но смотри, какъ онъ не допускаетъ того, чтобы ихъ презирали. Такъ и въ другомъ посланіи онъ сказалъ: *изнемогающихъ въ вѣрѣ пріемлите* (Рим. XIV. 1). Вѣдь и въ нашихъ тѣлахъ мы не даемъ погибнуть немощному члену. *Долготерпите*, говоритъ, *ко всѣмъ*. Что же это? И къ безчиннымъ? Именно такъ, потому что нѣтъ лѣкарства болѣе приличнаго учителю и столько полезнаго подчиненнымъ, какъ это. Имъ (священникъ) можетъ вполнѣ обратить, вполнѣ пристыдить самаго грубаго и самаго безстыднаго.

Блюдите, да никтоже зла за зло кому воздаетъ (ст. 15). Если не должно воздавать зломъ за зло, то тѣмъ болѣе — зломъ за добро, тѣмъ болѣе воздавать зломъ, когда напередъ не сдѣлано зла. Но такой-то, говоришь, человѣкъ злой; онъ оскорбилъ меня и много причинилъ обидъ. Ты хочешь мстить ему? Не мсти. Оставь его безъ наказанія. Довольно ли будетъ этого? Нѣтъ! *Но всегда доброе гоните и другъ ко другу и ко всѣмъ* (ст. 15). Въ томъ состоитъ высшее любомудріе, чтобы не только не платить зломъ за зло, но (платить) добромъ. Поистинѣ это такое мщеніе, которое приноситъ и вредъ другому и пользу тебѣ, вѣрнѣе же сказать—великую пользу и ему, если онъ захочетъ. И чтобы ты не подумалъ, что это сказано по отношенію къ однимъ только вѣрнымъ, для этого (апостолъ) сказалъ: *и другъ ко другу и ко всѣмъ. Всегда радуйтеся* (ст. 16). Это сказано объ искушеніяхъ, которыя причиняютъ скорбь. Послушайте всѣ, кого постигла бѣдность, всѣ, кого постигло несчастіе: вотъ чѣмъ порождается радость! Именно, когда мы имѣемъ такую душу, что никому не мстимъ, но всѣмъ благодѣтельствуемъ, тогда какимъ образомъ, скажи мнѣ, можетъ проникнуть въ нее жало скорби? Какимъ образомъ вообще можетъ быть опечаленъ тотъ, кто столько радуется въ злостраданіи, что причинившему зло платитъ благодѣяніями? Но какъ это возможно, говорятъ? Возможно, если за-

хотимъ. (Апостолъ) показалъ далѣе и путь къ этому: *непрестанно молитеся, о всемъ благодарите: сія бо есть воля Божія* (ст. 17, 18). Всегда благодарить есть свойство любомудрствующей души. Ты потерпѣлъ какое-нибудь зло? Но если хочешь, оно вовсе не будетъ зломъ. Возблагодари Бога, и зло обратится въ добро. Скажи и ты подобно Іову: *буди имя Господне благословено во вѣки* (Іов. I, 21). Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, что такое потерпѣлъ ты? Тебя постигла болѣзнь? Но въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, потому что тѣло наше смертно и подвержено болѣзнямъ. У тебя случился недостатокъ въ деньгахъ? Но ихъ можно и пріобрѣсть, и потерять, и онѣ остаются здѣсь. Противъ тебя злоумышляютъ и клевещутъ враги? Но виновники этого не намъ причиняютъ обиду, а самимъ себѣ. *Душа же*, сказано, *согрѣшающая, та и умретъ* (Іезек. XVIII, 20). А согрѣшилъ не тотъ, кто потерпѣлъ зло, но тотъ, кто причинилъ зло. Слѣдовательно, должно не мстить умершему, а молиться за него, чтобы исхитить его у смерти. Не видите ли, что пчела, ужаливши, умираетъ? Чрезъ это насѣкомое Богъ научаетъ насъ тому, чтобы мы не оскорбляли ближнихъ, потому что въ такомъ случаѣ сами напередъ под- 458
вергнемся смерти. Уязвляя ихъ, мы, можетъ быть, причиняемъ имъ нѣкоторую боль: но сами, подобно этому насѣкомому, уже не останемся живы. Хотя Писаніе и похваляетъ пчелу, когда говоритъ: *коль дѣлательница есть: еяже трудовъ царіе и простіи въ здравіе употребляютъ* (Притч. VI, 8), однако ничто не можетъ избавить ее отъ смерти и она непремѣнно должна погибнуть. Если же и ея не спасаетъ превосходство въ другихъ отношеніяхъ, когда она дѣлаетъ зло, то тѣмъ болѣе—насъ.

3. Подлинно, однимъ только лютѣйшимъ звѣрямъ свойственно напередъ наносить обиду, когда еще никто не обижалъ тебя; или лучше, это даже и звѣрямъ несвойственно. Въ самомъ дѣлѣ, они, если ты оставишь ихъ обитать въ пустынѣ и нападеніемъ не доведешь ихъ до крайности, никогда не причинятъ вреда, не придутъ, не укусятъ, но пойдутъ своей дорогой. А ты, будучи человѣкомъ, существомъ разумнымъ, будучи почтенъ такою властію, честію и славою, даже звѣрямъ не подражаешь въ обращеніи съ соплеменными тебѣ, но обижаешь и снѣдаешь брата? Чѣмъ же ты можешь оправдаться? Не слышишь ли, что говоритъ Павелъ: *почто не паче обидими есте, почто не паче лишени бываете? Но вы сами обидите и лишаете, да еще братію* (1 Кор. VI, 7, 8). Видишь ли, что злополучіе состоитъ въ дѣланіи зла, а благополучіе въ перенесеніи зла? Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, если кто злословитъ начальниковъ, если кто оскорбляетъ властителей, то кого онъ обижаетъ — себя, или ихъ? Очевидно, себя. Если же

оскорбляющій начальника не его оскорбляетъ, а себя, то оскорбляющій человѣка не оскорбляетъ ли чрезъ него Христа? Нисколько, говоришь. Что ты говоришь? Кто бросаетъ камни въ изображенія царя, тотъ въ кого бросаетъ? Не въ самого ли себя? Итакъ, если бросающій камни въ изображеніе царя земного побиваетъ самого себя, то оскорбляющій образъ Христовъ,—а человѣкъ есть образъ Божій,—не обижаетъ ли самого себя? До какихъ поръ будемъ мы любить деньги? Я не перестану вопіять противъ нихъ, потому что онѣ причиною всѣхъ золъ. Когда же мы насытимъ эту ненасытную страсть? Что привлекательнаго имѣетъ въ себѣ золото? Я прихожу въ изумленіе отъ этого. Подлинно, это (есть слѣдствіе) какого-то обаянія, что золото и серебро цѣнятся у насъ такъ высоко. О душахъ нашихъ у насъ нѣтъ попеченія, между тѣмъ о бездушныхъ идолахъ великая забота. Откуда вошелъ этотъ недугъ во вселенную? Кто можетъ совершенно искоренить его? Какое слово можетъ поразить и совершенно убить этого лютаго звѣря? Страсть эта внѣдрилась въ сердца даже такихъ людей, которые повидимому благочестивы. Устыдимся евангельскихъ заповѣдей: слова содержатся только въ Писаніи, а въ дѣлахъ нашихъ совсѣмъ не проявляются. Но какое благовидное объясненіе приводятъ многіе? У меня, говорятъ, дѣти, и я боюсь, чтобы и мнѣ не встрѣтилась необходимость (переносить) голодъ и бѣдность, чтобы я самъ когда-нибудь не имѣлъ нужды въ помощи другихъ: мнѣ стыдно просить милостыни. Такъ поэтому-то ты заставляешь другихъ просить милостыни? Не могу, говоришь, голодать. Такъ поэтому ты другихъ подвергаешь голоду? Ты знаешь, какъ страшно просить милостыни, какъ мучительно томиться голодомъ. Пощади поэтому своихъ братьевъ. Скажи мнѣ, терпѣть голодъ тебѣ стыдно, а грабить не стыдно? Ты боишься умереть съ голоду, а заставлять другихъ, чтобы они умирали съ голоду, не боишься? Напротивъ, въ этомъ нѣтъ ни стыда, ни преступленія, чтобы са-
459 мому быть голоднымъ; между тѣмъ какъ подвергать другихъ голоду—дѣло, влекущее за собою не только стыдъ, но и тягчайшее наказаніе. Но все это выдумка, обманъ и пустословіе. Что дѣйствительно вы дѣлаете это не для дѣтей, тому свидѣтели тѣ изъ васъ, которые хотя дѣтей не имѣютъ и имѣть не будутъ, однакоже столько трудятся, изнуряютъ себя и собираютъ такое богатство, какъ будто бы надобно оставить его безчисленному множеству дѣтей. Не забота о дѣтяхъ дѣлаетъ тебя жаднымъ до денегъ, а душевный недугъ. Вслѣдствіе такого недуга многіе, и не имѣя дѣтей, до безумія пристрастны къ деньгамъ; тогда какъ другіе и при многосемейности презираютъ даже и то, что у нихъ

есть. Они обвинятъ тебя въ тотъ день. Въ самомъ дѣлѣ, если бы нужды дѣтей заставляли тебя копить деньги, то и имъ надлежало бы имѣть то же желаніе, ту же страсть. Если же они ея не имѣютъ, то мы до безумія пристрастны къ деньгамъ не отъ многосемейности, а по сребролюбію. Но кто, скажете, имѣя дѣтей, презираетъ деньги? Многіе, и повсюду; если хочешь, укажу даже на древнихъ. Не двѣнадцать ли сыновъ имѣлъ Іаковъ? Не въ наемникахъ ли проводилъ онъ жизнь? Не терпѣлъ ли онъ обидъ отъ тестя? Не часто ли тесть обманывалъ его? А развѣ многосемейность заставляла его желать того, чего не должно? Или Авраамъ? Не имѣлъ ли, кромѣ Исаака, многихъ другихъ дѣтей? Но что же? Не для странниковъ ли пріобрѣталъ онъ имущество? Видишь ли, что онъ не только не обижалъ, но еще уступалъ изъ своего имущества, не только оказывая благодѣяніе, но и добровольно перенося обиды отъ племянника? А переносить ради Бога расхищеніе имущества гораздо болѣе значитъ, нежели благотворить. Почему? Потому, что это послѣднее есть плодъ (расположенія) души и доброй воли, — оттого оно и легко, а то — наглость и насиліе. Иной легче добровольно отдалъ бы тысячи талантовъ и не почелъ бы этого какою-нибудь потерею для себя, нежели кротко перенесъ бы, чтобы у него противъ его воли отняли три обола. Въ этомъ-то особенно и состоитъ любомудріе души. И это-то на самомъ дѣлѣ видимъ мы въ Авраамѣ: *видѣ*, сказано, *окрестную страну* Лотъ, и *напаяема бяше, яко рай Божій*, и *избра* ее (Быт. XIII, 10, 11). И (Авраамъ) ни мало не прекословилъ ему. Видишь ли, что онъ не только не обижалъ, но еще самъ былъ обижаемъ? Отчего же ты, человѣкъ, ссылаешься на своихъ дѣтей? Не для того Богъ даровалъ намъ дѣтей, чтобы мы похищали чужое. Смотри, не прогнѣви Бога, говоря это. Если, какъ ты говоришь, они виновники твоего хищенія и корыстолюбія, то я боюсь, чтобы тебѣ не лишиться ихъ, какъ вредныхъ и злоумышляющихъ. Богъ даровалъ тебѣ дѣтей для того, чтобы они имѣли попеченіе о тебѣ въ старости, чтобы научались отъ тебя добродѣтели.

4. Онъ для того восхотѣлъ такъ устроить родъ человѣческій, чтобы предуготовить чрезъ это двѣ важнѣйшія вещи: во-первыхъ, поставить отцевъ учителями (дѣтей), во-вторыхъ, породить большую любовь. Въ самомъ дѣлѣ, если бы люди просто появлялись на свѣтъ, то никто не имѣлъ бы расположенія ни къ кому. Если уже теперь, когда есть отцы, дѣти и внуки, многіе не имѣютъ попеченія о многихъ, то тѣмъ болѣе тогда. Вотъ для чего Богъ даровалъ тебѣ дѣтей. Итакъ, не слагай вину на дѣтей. Если же тѣ, у кого есть дѣти, не имѣютъ никакого извине-

нія, то что скажутъ въ свое оправданіе тѣ, которые, не имѣя дѣтей, изнуряютъ себя трудами для пріобрѣтенія богатства? Впрочемъ и у нихъ есть нѣкоторое оправданіе, которое, конечно, нисколько ихъ не оправдываетъ. Какое же именно? Мы хотимъ, говорятъ, вмѣсто дѣтей оставить по себѣ памятникомъ богатство. Поистинѣ, весьма смѣшно! Вмѣсто дѣтей, говоришь, домъ будетъ вѣчнымъ памятникомъ моей славы. Не славы твоей, чело-
400 вѣкъ, онъ будетъ памятникомъ, а твоего любостяжанія. Или ты не видишь, какъ многіе теперь, проходя мимо великолѣпныхъ домовъ, говорятъ между собою: сколько такой-то лихоимствовалъ, сколько онъ награбилъ, чтобы выстроить этотъ домъ! Теперь самъ онъ сталъ пепломъ и прахомъ, а этотъ домъ его достался въ наслѣдство другимъ! Итакъ, ты оставляешь по себѣ памятникъ не славы своей, а любостяжанія. Тѣло твое уже сокрыто въ землѣ, но памяти о твоемъ любостяжаніи, которая могла бы истребиться въ теченіе времени, ты не даешь погибнуть, и своимъ домомъ невольно возобновляешь и поддерживаешь ее, такъ что до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ стоять, нося твое имя и называясь домомъ такого-то, уста всѣхъ непремѣнно будутъ отверсты противъ тебя. Видишь ли, что лучше ничего не имѣть, чѣмъ подпасть такому осужденію? И это только здѣсь; а тамъ что будемъ дѣлать, скажи мнѣ, обладая здѣсь такимъ богатствомъ и никому изъ него ничего не удѣляя, или удѣляя весьма мало? Какъ мы оправдаемся въ любостяжаніи? Вѣдь тотъ, кто хочетъ искупить любостяжаніе, не малое даетъ изъ многаго, но гораздо болѣе того, что награблено, и вмѣстѣ съ тѣмъ еще перестаетъ грабить.

Послушай, что говоритъ Закхей: *возвращу четверицею* противъ того, что я похитилъ (Лук. XIX, 8). А ты, отнимая десятки тысячъ талантовъ, если и отдаешь нѣсколько драхмъ, да и то съ трудомъ,—думаешь, что возвратилъ все, и успокоиваешься, какъ будто отдалъ болѣе, чѣмъ должно, между тѣмъ какъ надлежало бы отдать не только то, что награблено, но и прибавить изъ своего имущества. Какъ воръ не оправдывается тѣмъ только, что отдаетъ украденное, но часто отдаетъ еще сверхъ того свою жизнь, или освобождается тѣмъ, что отдаетъ въ нѣсколько разъ болѣе украденнаго, такъ и любостяжатель. Вѣдь и любостяжатель—воръ и разбойникъ, даже хуже, потому что безчеловѣчнѣе. (Воръ) не настолько, по крайней мѣрѣ, дерзокъ, онъ таится и налагаетъ руку ночью, какъ бы стыдясь и боясь грѣха; напротивъ любостяжатель, поправъ всякій стыдъ, съ открытымъ лицемъ среди площади грабитъ всѣхъ, будучи въ одно и то же время и воромъ, и мучителемъ. Онъ не подкапываетъ стѣнъ, не гаситъ свѣтильника, не открываетъ сундука, не разламываетъ печатей.

Но что? Онъ поступаетъ болѣе дерзко, нежели тѣ: на глазахъ обижаемыхъ онъ выкидываетъ все вонъ, съ дерзостію открываетъ все и заставляетъ ихъ самихъ выкладывать свое имущество. Это верхъ насилія! Онъ тѣмъ гнуснѣе (воровъ и разбойниковъ), чѣмъ безстыднѣе и безчеловѣчнѣе. Потерявшій что-нибудь вслѣдствіе обмана, хотя и скорбитъ, но немало утѣшается тѣмъ, что обидѣвшій его, по крайней мѣрѣ, боится его самого; а тотъ не только претерпѣлъ зло, но еще подвергся презрѣнію, не имѣя возможности противиться наглости, такъ какъ (возбудилъ бы) только большій смѣхъ. Скажи мнѣ, если бы одинъ скрытно соблудилъ съ женою, а другой сдѣлалъ это въ глазахъ мужа, то который изъ нихъ болѣе оскорбилъ бы его и болѣе въ состояніи былъ бы его уязвить? Не послѣдній ли? Онъ не только сдѣлалъ зло, но и выказалъ презрѣніе; а тотъ, если не другое что-либо показалъ, то, по крайней мѣрѣ—то, что боится обиженнаго. То же должно сказать въ разсужденіи денегъ: похитившій ихъ тайно показалъ нѣкотораго рода уваженіе тѣмъ самымъ, что тайно взялъ; а тотъ, кто взялъ явно и всенародно, вмѣстѣ съ убыткомъ нанесъ и безчестіе. Перестанемъ поэтому похищать чужое, и бѣдные и богатые,—не къ богатымъ только я обращаю свое слово, но и къ бѣднымъ. Дѣйствительно, и они грабятъ у тѣхъ, кто бѣднѣе ихъ,—и ремесленники, болѣе достаточные и зажи- 461—462
точные, обманываютъ менѣе достаточныхъ и бѣднѣйшихъ, и лавочники—лавочниковъ, и всѣ торгующіе. Поэтому я отвсюду хочу изгнать неправду. Не въ количествѣ похищеннаго и украденнаго состоитъ преступленіе, но въ намѣреніи ворующаго. А что тѣ, которые и малымъ не пренебрегаютъ, въ большей степени воры и любостяжатели, объ этомъ,—знаю и помню,—я говорилъ вамъ, если только и вы помните. Впрочемъ не будемъ распространяться объ этомъ: пусть и они живутъ такъ же, какъ (должны жить) богатые. Пріучимъ наконецъ сердца свои не желать большаго, не домогаться многаго. Пусть желаніе пріобрѣтать больше на небесахъ не находитъ себѣ предѣла, и тамъ пусть каждый постоянно стремится дальше; но на землѣ всякій пусть довольствуется тѣмъ, что необходимо и что удовлетворяетъ наши нужды, и больше пусть никто ничего не ищетъ, чтобы такимъ образомъ мы могли достигнуть истинныхъ благъ, благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XI.

461 Духа не угашайте: пророчествія не уничижайте. Вся же искушайте: добрая держите. Отъ всякія вещи злыя отгребайтеся (1 Сол. v, 19—21).

1. Какая-то густая мгла, мракъ и туманъ разлиты надъ всею землею. Указывая на это, апостолъ говорилъ: *бѣхомъ бо иногда тма*, и еще: *вы, братіе, нѣсте во тмѣ, да день васъ якоже тать постигнетъ* (Ефес. v, 8 и 1 Сол. v, 4). Итакъ, вслѣдствіе того, что теперь ночь, такъ сказать, безлунная и мы среди этой ночи ходимъ, Богъ далъ намъ ясную лампаду, возжегши въ душахъ нашихъ благодать Святого Духа. Но принявъ этотъ свѣтъ, одни содѣлали его болѣе яркимъ и яснымъ, какъ, напримѣръ, Павелъ, какъ Петръ, какъ всѣ святые; а другіе погасили, какъ пять дѣвъ, какъ тѣ, которые претерпѣли кораблекрушеніе въ вѣрѣ, какъ коринѳскій блудникъ, какъ отпадшіе галаты. Поэтому Павелъ говоритъ теперь: *духа не угашайте*, то есть, дара,—потому что такъ обыкновенно называетъ онъ даръ Святого Духа. Погашаетъ же его нечистая жизнь. Подобно тому, какъ тотъ, кто нальетъ воды, или броситъ земли на этотъ свѣтъ въ свѣтильникѣ, или, даже ничего такого (не дѣлая), только выльетъ изъ него масло, тушитъ свѣтъ, такъ бываетъ и съ даромъ благодати. Если ты привнесъ земное, если ты предался заботамъ о текущихъ дѣлахъ, то ты уже погасилъ духъ, или, хотя бы ты не сдѣлалъ ничего подобнаго, но если откуда-нибудь со стороны пришедшее искушеніе сильно устремилось на тебя, подобно нѣкотораго рода вѣтру, и если пламень въ тебѣ несильно горѣлъ или много было для него масла, или ты не закрылъ отверстіе (въ свѣтильникѣ), или не притворилъ дверей, то все погибло.

Что же составляетъ это отверстіе? Подобно тому, какъ въ свѣтильникѣ, такъ и въ насъ (есть отверстіе); это—глазъ и ухо. Не попускай вторгаться въ эти отверстія сильному духу лукавства,—иначе онъ погаситъ свѣтильникъ,—но огради ихъ страхомъ Божіимъ. Двери—это наши уста; затвори, загради ихъ, чтобы и свѣтъ чрезъ нихъ проходилъ и они отражали нападеніе отвнѣ. Напримѣръ, если кто-либо обидѣлъ тебя или оскорбилъ словами, ты затвори уста, потому что, если откроешь ихъ, то воздвигнешь бурю. Развѣ не видишь въ домахъ, когда двѣ противоположныя двери стоятъ одна прямо противъ другой, и когда поднимется сильный вѣтеръ, то какъ скоро затворишь одну изъ дверей и сквозного вѣтра не будетъ, вѣтеръ ничего не сдѣлаетъ, напротивъ потеряетъ много силы? Такъ и здѣсь двѣ двери: твои

уста и уста оскорбляющаго тебя и злословящаго. Если закроешь 462
уста свои и не откроешь воздуху свободнаго теченія съ противоположной стороны,—уничтожишь всю (силу) вѣтра; если же откроешь ихъ, то онъ сдѣлается неукротимымъ. Итакъ, не будемъ угашать его (духа). Но случается часто, что этотъ пламень погасаетъ и безъ всякой посторонней причины. Когда не достаетъ елея, когда не творимъ милостыни, духъ угасаетъ. Такъ какъ онъ самъ пришелъ къ тебѣ по милости Божіей, то когда не находитъ въ тебѣ этого плода, отлетаетъ отъ тебя, потому что онъ не пребываетъ въ душѣ немилостивой. А что бываетъ послѣ того, когда духъ угасаетъ, объ этомъ знаютъ изъ васъ тѣ, которые ходили въ безлунную ночь. И если трудно идти ночью путемъ, ведущимъ съ земли на землю, то какъ можно идти безопасно путемъ, ведущимъ отъ земли на небо? Ужели не знаете, сколько демоновъ на этомъ разстояніи, сколько звѣрей, сколько духовъ лукавства? Но если мы имѣемъ въ себѣ тотъ свѣтъ, то они не будутъ въ силахъ повредить намъ; а если погасимъ его, немедленно они уловятъ насъ, немедленно отнимутъ у насъ все. Такъ и разбойники сперва гасятъ свѣтильникъ, и тогда уже грабятъ: они видятъ въ этой тьмѣ, потому что дѣлаютъ дѣла тьмы; а мы непривычны къ такому свѣту. Итакъ, не будемъ угашать его. Всякое злое дѣло погашаетъ этотъ свѣтъ: и злорѣчіе, и обида, и всякій грѣхъ, какой бы ты ни указалъ. Какъ бываетъ съ огнемъ—что все чуждое ему уничтожаетъ его, а все сродное съ нимъ его усиливаетъ, такъ и съ этимъ свѣтомъ: что сухо, что жарко, что пламенно, то усиливаетъ пламень духовный. Итакъ, не будемъ привносить къ нему ничего холоднаго, ничего влажнаго; это истребляетъ его. Впрочемъ есть другое изъясненіе (приведеннаго изъ посланія мѣста). Въ тѣ времена многіе пророчествовали, одни истинно, другіе ложно. Объ этомъ (апостолъ) упоминаетъ и въ посланіи къ Коринѳянамъ, (говоря), что по этой причинѣ Богъ далъ *различеніе духовъ* (1 Кор. хп, 10). Именно діаволъ, будучи лукавъ, хотѣлъ чрезъ этотъ даръ пророчества низвратить все въ Церкви. Вслѣдствіе того и тотъ и другой предсказывали будущее—и демонъ и духъ, хотя первый ложно, а второй истинно, и неоткуда было взять признака, по которому можно было бы отличать одного отъ другого, такъ какъ и тѣ и другіе (пророки) учили, не давая отчета, подобно Іереміи, или Іезекіилю. Но съ теченіемъ времени (лживые пророки) были обличены и дарована была (способность) различать духовъ. Поэтому, такъ какъ въ то время у ѳессалоникійцевъ многіе пророчествовали, на что и въ другомъ мѣстѣ намекаетъ (апостолъ), говоря: не ужасайтеся *ниже словомъ, ни посланіемъ, аки отъ насъ*

(посланнымъ), яко уже настоитъ день Христовъ (2 Сол. II, 2), то, сказавши: *духа не угашайте*, онъ благовременно присовокупилъ
463 и слѣдующія слова: *пророчествія не уничижайте*. Итакъ, онъ хочетъ здѣсь выразить слѣдующую мысль: по той причинѣ, что у васъ есть нѣсколько лжепророковъ, вы ради ихъ не противодѣйствуйте пророкамъ истиннымъ и не отвращайтесь отъ нихъ,— *не угашайте* ихъ, то есть, *пророчествія не уничижайте*.

2. Видишь, что значатъ слова его: *вся искушайте*. Такъ какъ онъ сказалъ: *пророчествія не уничижайте*, то чтобы не подумали, что онъ всѣмъ даетъ право пророчествовать, онъ говоритъ: *вся искушайте, добрая же держите*, то есть, истинныя пророчества. *Отъ всякія вещи злыя отгребайтеся*,—не только отъ той или другой, но отъ всякой. Испытывайте и ложное и истинное, чтобы съ знаніемъ дѣла отличать вамъ одно отъ другого, и отъ перваго удаляться, а держаться послѣдняго. Въ самомъ дѣлѣ, мы только тогда будемъ особенно ненавидѣть первое и любить послѣднее, когда станемъ дѣлать все не просто и безъ испытанія, но послѣ точнаго изслѣдованія. *Самъ же Богъ мира да освятитъ васъ всесовершенныхъ, и всесовершенъ вашъ духъ и душа и тѣло непорочно въ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа да сохранится* (ст. 22—23). Замѣть любовь учителя. Къ увѣщанію онъ присоединяетъ и молитву, и при томъ еще въ посланіи, такъ какъ нужны и наставленіе и молитва. Потому-то и мы, преподавъ сначала наставленіе, потомъ молимся за васъ,—и это знаютъ посвященные въ тайны. Правда, Павелъ по праву дѣлалъ это, имѣя великое дерзновеніе предъ Богомъ, а мы—находясь въ уничиженіи и не имѣя дерзновенія; но такъ какъ мы поставлены на это, то и дѣлаемъ то же самое, несмотря на то, что мы недостойны и ходатайствовать и даже занимать мѣсто послѣднихъ учениковъ. Именно, вслѣдствіе того, что благодать дѣйствуетъ и чрезъ недостойныхъ, не ради ихъ, но ради ищущихъ пользы,—и мы присоединяемъ наши (молитвы). *Да освятитъ васъ*, говоритъ, *всесовершенныхъ, и всесовершенъ вашъ духъ и душа и тѣло непорочно въ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа да сохранится*. Что обозначаетъ онъ здѣсь словомъ — духъ? Даръ (Святого Духа). Если мы выйдемъ съ горящими свѣтильниками, то войдемъ въ брачный чертогъ; а если съ погасшими, то—нѣтъ. Поэтому-то говоритъ: *всесовершенъ вашъ духъ*; когда всецѣло сохранимъ въ себѣ дарованіе (Святого Духа), тогда и нашъ духъ останется невредимъ. *И душа*, говоритъ, *и тѣло*,—никакое зло не коснется ни души, ни тѣла. *Вѣренъ призвавый васъ, иже и сотворитъ* (ст. 24). Смотри, какое смиренномудріе! Послѣ того, какъ онъ произнесъ молитву, онъ сказалъ: не подумайте, что это исполнится вслѣд-

ствіе моихъ молитвъ, но вслѣдствіе того намѣренія, по которому Богъ призвалъ васъ. Если Онъ призвалъ васъ ко спасенію, а Онъ истиненъ, то несомнѣнно спасетъ, потому что желаетъ этого. *Братіе, молитеся* и *о насъ* (ст. 25). О, какое смиренномудріе! Но если онъ сказалъ это по смиренномудрію, то мы не по смиренномудрію, а ради великой пользы и вслѣдствіе желанія пріобрѣсть чрезъ васъ нѣчто великое, говоримъ: молитеся и о насъ. Если вы и не получили отъ насъ значительной пользы, ничего такого, что было бы достойно удивленія, то по крайней мѣрѣ (молитесь за насъ) ради самаго нашего сана, ради самаго имени. Нѣкто имѣлъ дѣтей, и хотя они не получили отъ него никакой пользы, но такъ какъ онъ былъ отцемъ ихъ, то онъ обратилъ въ укоризну имъ то, (что и они также не принесли ему пользы), сказавъ: даже въ продолженіе одного дня вы меня не называли отцемъ. Поэтому и мы говоримъ: молитесь и о насъ, и говоримъ это не ради того только, чтобы говорить, но искренно желая ва- 464
шихъ молитвъ. Если я принялъ на себя обязанность ходатайствовать о всѣхъ васъ и долженъ буду дать отчетъ въ этомъ, то тѣмъ необходимѣе становится для меня ваша молитва. Ради васъ я принялъ на себя большую отвѣтственность; слѣдовательно, и вы должны подавать мнѣ большую помощь. *Цѣлуйте братію всю лобзаніемъ святымъ* (ст. 26). О, какая теплота! О, какія мысли! Такъ какъ онъ, будучи въ отсутствіи, не могъ самъ привѣтствовать ихъ лобзаніемъ, то привѣтствуетъ чрезъ другихъ. Такъ и мы дѣлаемъ, когда говоримъ: поцѣлуй его за меня. Такъ и вы сохраняйте въ себѣ огонь любви,—разстояніе не составляетъ для нея препятствія, напротивъ она наполняетъ собою раздѣляющее пространство и вездѣ находится. *Заклинаю вы Господемъ, прочести посланіе предъ всею святою братіею* (ст. 27). И здѣсь не столько наставленіе, сколько любовь: чтобы такимъ образомъ, говоритъ, мнѣ и съ ними бесѣдовать. *Благодать Господа нашего Іисуса Христа съ вами, аминь* (ст. 28). И не просто повелѣваетъ онъ (прочитать посланіе всѣмъ), но съ заклинаніемъ, дѣлая и это по влеченію пламеннаго своего сердца,—чтобы они, если бы и не захотѣли обратить вниманіе на его просьбу, ради заклятія исполнили то, что было имъ заповѣдано. Тогда весьма боялись этого; а нынѣ и это попрано. И часто бываетъ, что наказываемый рабъ, заклиная и Богомъ и Христомъ Его, говоритъ: дай Богъ тебѣ умереть христіаниномъ,—и никто не слушаетъ, никто не обращаетъ на это вниманія; если же будетъ заклинать (наказывающаго) собственнымъ его сыномъ, то всякій тотчасъ, хотя противъ воли, хотя съ скрежетомъ зубовъ, уменьшаетъ однако свою ярость. Опять иной, котораго влекутъ и ведутъ на средину

площади, въ присутствіи эллиновъ и іудеевъ, заклинаетъ влекущаго самыми страшными клятвами,—и никто не слушаетъ его. Чего не скажутъ эллины, когда вѣрный заклинаетъ вѣрнаго и христіанина, и это не приноситъ ему никакой пользы, напротивъ мы еще больше обнаруживаемъ къ нему презрѣніе?

3. Хотите ли, я разскажу вамъ одно происшествіе, о которомъ самъ слышалъ? Говорю не выдуманное мною, а слышанное отъ лица, заслуживающаго довѣрія. Одна рабыня выдана была за-мужъ за человѣка злого, преступнаго, бродягу. Мужъ ея надѣлалъ много зла, и госпожа рѣшилась продать его, потому что проступки его были непростительны, между тѣмъ госпожа была вдова, не состояніи была сама наказывать человѣка, разоряющаго домъ ея, вотъ и рѣшилась его продать. Но считая дѣломъ нечестивымъ—разлучать мужа съ женою, она вмѣсто того, чтобы развести ихъ, надумала продать вмѣстѣ и жену, несмотря на то, что эта рабыня была ей полезна. Тогда рабыня, видя себя въ затруднительномъ положеніи, пришла къ одной почтенной, коротко знакомой съ ея госпожею, особѣ, которая и разсказывала мнѣ объ этомъ, и, припавши къ колѣнамъ ея, со многими слезами, умоляла заступиться за нее предъ ея госпожею. Истощивши множество словъ, она наконецъ присоединила одно страшное заклятіе, надѣясь при посредствѣ его болѣе всего убѣдить ее. Заклятіе было такого рода: не презри моего прошенія, чтобы и Христосъ не презрѣлъ тебя въ день судный. Сказавъ это, она удалилась. Но женщина, которую рабыня просила, будучи озабочена какими-то не терпящими отлагательства дѣлами, обыкновенно встрѣчающимися въ домашней жизни, забыла (объ ея просьбѣ). Потомъ въ самый полдень вдругъ пришло ей на память то страшное заклятіе. Она весьма встревожилась, отправилась немедленно, съ полнымъ усердіемъ ходатайствовала, и дѣло устроила. Въ ту же ночь она вдругъ увидѣла отверстыя небеса и самого Христа; впрочемъ видѣла настолько, насколько воз-
465 можно женщинѣ видѣть. И именно потому она удостоилась такого видѣнія, что всецѣло обратила вниманіе на это заклятіе,—потому, что убоялась его. Я разсказалъ объ этомъ для того, чтобы мы не пренебрегали заклятіями, особенно когда кто-либо умоляетъ насъ о дѣлахъ добрыхъ, о милостынѣ, о человѣколюбіи. Но вотъ сидятъ нищіе, лишенные ногъ, и смотрятъ, когда ты проходишь мимо ихъ. Такъ какъ они не въ состояніи идти за тобою, то надѣются удержать тебя страхомъ заклятія, какъ бы нѣкотораго рода удочкою, и, простирая къ тебѣ руки, заклинаютъ подать одинъ или два обола; а ты несмотря на то, что тебя заклинаютъ твоимъ Господомъ, проходишь мимо. Когда тебя

заклинаютъ твоими очами, отсутствующимъ мужемъ, сыномъ или дочерью,—ты тотчасъ уступаешь, твое сердце приходитъ въ сильное движеніе, согрѣвается; а когда заклинаютъ тебя Господомъ,—проходишь мимо. Я зналъ многихъ (женщинъ), которыя, услышавши имя Христа, проходили мимо; но, когда подходящіе къ нимъ хвалили ихъ красоту, онѣ смягчались, таяли отъ удовольствія и протягивали руку. Такимъ образомъ онѣ сами заставляли несчастныхъ нищихъ рѣшаться на это смѣха достойное дѣло. Такъ какъ они, употребляя сильныя и скорбныя выраженія, не трогали ихъ души, то должны были прибѣгнуть къ такому средству, чрезъ которое могли доставить имъ особенное удовольствіе. Такимъ образомъ великое наше нечестіе принудило и убогаго, и томимаго голодомъ говорить, когда онъ проситъ милостыни, похвальныя рѣчи нашей красотѣ.

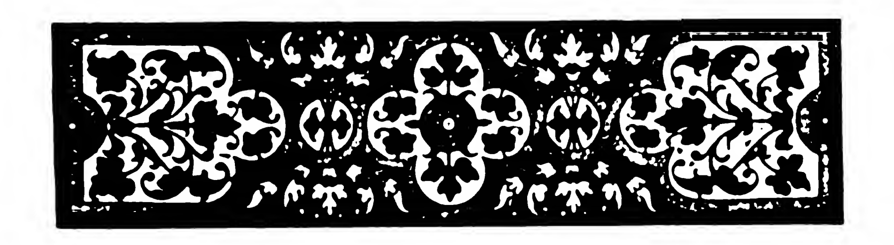
И, о, если бы только это! Но, что еще несноснѣе, это заставило бѣдныхъ сдѣлаться фиглярами, срамословцами и шутами. Когда нищій, потрясая и повертывая въ рукахъ чашечки, стаканчики, или ковшички, звенитъ ими, или, имѣя свирѣль, играетъ на ней срамныя и сладострастныя пѣсни и припѣваетъ голосомъ, между тѣмъ его обступаетъ толпа, и подаютъ ему, кто—кусокъ хлѣба, кто—оболъ, кто—что-нибудь другое, держатъ его долго и забавляются имъ, какъ мужчины, такъ женщины,—то что можетъ быть несноснѣе этого? Не достойно ли это горькихъ слезъ? Конечно, это мелочи,—онѣ и считаются за мелочи; но онѣ порождаютъ въ нашихъ нравахъ великіе пороки. Вѣдь всякое постыдное слово, всякая соблазнительная пѣснь разслабляетъ сердце и растлѣваетъ самую душу. Нищаго, который призываетъ Бога и испрашиваетъ вамъ безчисленныхъ благъ, вы не удостоиваете и слова; а кто вмѣсто этого представляетъ какія-нибудь ребячества, на того вы глядите съ удивленіемъ. Но я скажу вамъ то, что мнѣ пришло теперь на мысль сказать вамъ. Что же это такое? Когда ты подвергнешься бѣдности, или болѣзни, тогда не отъ иного кого, а именно отъ нищихъ, скитающихся по переулкамъ, научишься благодарить Владыку. Всю жизнь свою проводя въ нищенствѣ, они не богохульствуютъ, не досадуютъ, не ропщутъ, но всегда говорятъ о своей бѣдности съ благодареніемъ, называя Бога великимъ и человѣколюбивымъ. Истаевающій отъ голода называетъ Бога человѣколюбивымъ; а ты, живя въ достаткѣ, если не присвоишь себѣ того, что принадлежитъ всѣмъ, называешь Его жестокимъ! Насколько же (нищій) превосходнѣе тебя! Какъ онъ осудитъ насъ тогда! Богъ опредѣлилъ, чтобы нищіе были во всемъ мірѣ общими для насъ учителями и утѣшеніемъ въ несчастіи. Можетъ быть ты претерпѣлъ что-нибудь такое,

чего бы не хотѣлъ? Но этого нельзя сравнить съ тѣмъ, что терпитъ онъ. Ты лишился глаза? А онъ обоихъ. Ты страдаешь отъ продолжительной болѣзни? А онъ одержимъ болѣзнію неисцѣлимою. Ты лишился дѣтей? А онъ—и собственнаго тѣлеснаго здоровья. Ты потерпѣлъ великій убытокъ? Но ты не дошелъ еще
466 до того, чтобы нуждаться въ другихъ. Поэтому благодари Бога. Ты видишь, что они, находясь въ самой крайней бѣдности, просятъ у всѣхъ, но получаютъ отъ немногихъ. Когда ты молишься до изнеможенія и не получаешь просимаго, то подумай, сколько разъ ты слышалъ, какъ просилъ у тебя нищій, и ты не внималъ ему, между тѣмъ онъ не досадовалъ, не оскорбилъ тебя. Ты поступалъ такъ по жестокосердію; но Богъ по человѣколюбію дѣлаетъ и то, что не внемлетъ тебѣ. Итакъ, если ты не считаешь себя заслуживающимъ порицанія за то, что по жестокосердію не внимаешь подобному тебѣ рабу, то можешь ли порицать Владыку, когда онъ не внимаетъ рабу своему по человѣколюбію? Видишь ли, какое неравенство, какая несправедливость?

4. Будемъ постоянно размышлять объ этомъ,—о низшихъ, о тѣхъ, которыхъ постигло большее, нежели насъ, несчастіе,—и въ этомъ будемъ находить побужденіе благодарить Бога. Въ жизни весьма много такихъ поучительныхъ примѣровъ. Бдительный и внимательный человѣкъ многому можетъ научиться, взирая тоже на молитвенные домы. Въ самомъ дѣлѣ, въ церквахъ и при гробницахъ мученическихъ для того сидятъ въ преддверіи нищіе, чтобы мы, глядя на нихъ, получали великую пользу. Именно, подумай, что мы, когда входимъ въ земные царскіе чертоги, не можемъ видѣть ничего подобнаго,—отовсюду выходятъ тебѣ навстрѣчу мужи важные, знаменитые, богатые и разумные; а въ чертогахъ поистинѣ царскихъ, то есть, въ церкви и молитвенныхъ домахъ, устроенныхъ надъ гробами мучениковъ—бѣсноватые, убогіе, нищіе, старые, слѣпые и увѣчные. Для чего же это? Для того, чтобы ты, глядя на нихъ, научался, во-первыхъ, тому, что, если входишь (во храмъ) съ нѣкоторою надменностію, ты долженъ, при видѣ ихъ, оставить надменность, привести въ сокрушеніе свое сердце и тогда уже входить и слушать то, что читаютъ,—потому что молящійся съ гордостію не можетъ быть услышанъ,—далѣе тому, что ты, увидѣвъ старца, не долженъ гордиться молодостію,—потому что и эти старики были молоды,—еще тому, что ты, когда слишкомъ тщеславишься воинскимъ званіемъ и властію, предоставленною тебѣ отъ царя, долженъ подумать, что и въ числѣ ихъ есть люди, которые нѣкогда были знатными при дворахъ царей, наконецъ, тому, что ты, когда надѣешься на тѣлесное здоровье, долженъ, обративъ на нихъ вни-

маніе, смирить свою гордость. Такимъ образомъ, постоянно приходя сюда, здоровый не будетъ много мечтать о своемъ здоровьѣ, а больной получитъ немалое утѣшеніе. Впрочемъ не для того только они садятся здѣсь, но и для того, чтобы ты становился милосерднѣе и преклонялся на милость, еще для того, чтобы ты благоговѣлъ предъ человѣколюбіемъ Божіимъ,—потому что если Богъ не гнушается ими, но поставилъ ихъ въ преддверіи дома Своего, то тѣмъ болѣе ты (не долженъ гнушаться ими),—наконецъ для того, чтобы ты не слишкомъ гордился великолѣпными чертогами земными. Итакъ, не стыдись, когда нищій зоветъ тебя по имени, и не отталкивай его, когда онъ подойдетъ къ тебѣ и обниметъ твои колѣни. Вѣдь они въ нѣкоторомъ смыслѣ достойныя удивленія собаки царскихъ чертоговъ. Я назвалъ ихъ собаками не потому, чтобы хотѣлъ унизить ихъ,—нѣтъ,—наоборотъ, чтобы воздать имъ великую похвалу. Они стерегутъ дворецъ Царя небеснаго; поэтому питай ихъ; этимъ можешь воздать честь самому Царю. Тамъ, то есть, въ земныхъ чертогахъ царскихъ, все—гордость; здѣсь все—смиренномудріе. Отъ самыхъ уже преддверій ты вполнѣ узнаешь, что все человѣческое ничтожно; отъ сидящихъ тамъ ты научаешься, что богатствомъ нельзя благоугодить Богу. Ихъ сидѣніе и собраніе служитъ нѣкотораго рода назиданіемъ для всего человѣческаго рода, громогласно вѣщая, что дѣла человѣческія — ничто, что они—тѣнь и дымъ. Если бы богатство было добро, то Богъ не посадилъ бы нищихъ въ преддверіи своего дома. А если Онъ и 467
богатыхъ допускаетъ сюда, то не удивляйся, потому что не для того допускаетъ ихъ, чтобы они оставались богатыми, но чтобы отложили гордость. Послушай, что говоритъ имъ Христосъ: *не можете Богу работати и мамонѣ* (Мѳ. VI, 24); и еще: *не удобь богатый внидетъ въ царствіе небесное;* или опять: *удобѣе есть вельбуду сквозѣ иглины уши проити, неже богату въ царствіе Божіе внити* (Мѳ. XIX, 23—24). Онъ для того принимаетъ здѣсь богатыхъ, чтобы они слышали слова эти, чтобы возлюбили богатство вѣчное, чтобы возжелали благъ небесныхъ. И что удивительнаго въ томъ, что Богъ не почитаетъ нищихъ недостойными сидѣть въ своихъ преддверіяхъ? Онъ не считаетъ ихъ недостойными того, чтобы они были призваны къ его духовной трапезѣ и содѣлались причастниками вечери его; напротивъ хромой и увѣчный, одѣтый въ рубище, грязный и неопрятный старикъ, вмѣстѣ съ красивымъ юношею, даже съ облеченнымъ въ багряницу и имѣющимъ на главѣ своей діадему, приступаетъ пріобщиться къ трапезѣ и удостоивается духовной вечери,—тѣ и другіе сподобляются одного и того же, и нѣтъ никакого различія.

5. Такимъ образомъ Христосъ не считаетъ ихъ недостойными того, чтобы они были призваны къ его трапезѣ вмѣстѣ съ царемъ,—и они и онъ призываются вмѣстѣ, - а ты, можетъ быть, считаешь унизительнымъ для себя, если другіе увидятъ, что ты подаешь нищимъ, или говоришь съ ними? О, какое высокомѣріе, какая надменность! Смотри, чтобы намъ не претерпѣть того же, что нѣкогда претерпѣлъ богачъ. Онъ тоже не хотѣлъ и взглянуть на Лазаря и не давалъ ему ни пристанища, ни крова, и Лазарь лежалъ внѣ его дома, за воротами, и не удостоивался отъ него ни одного слова. Но смотри, какъ онъ, когда имѣлъ крайнюю нужду въ его помощи, тоже не получилъ ея. Если мы
468 стыдимся тѣхъ, кого не стыдится Христосъ, то стыдимся Христа, стыдясь друзей Его. Пусть наполнится трапеза твоя хромыми, увѣчными; Христосъ приходитъ въ лицѣ ихъ, а не въ лицѣ богатыхъ. Ты, можетъ быть, смѣешься, слыша это. Поэтому, чтобы ты не подумалъ, что это мои слова, послушай, что говоритъ самъ Христосъ, и не смѣйся, а трепещи. *Егда сотвориши обѣдъ или вечерю*, говоритъ Онъ, *не зови другонъ твоихъ, ни братіи твоея, ни сродникъ твоихъ, ни сосѣдъ богатыхъ, еда когда и тіи тя такожде воззовутъ, и будетъ ти воздаяніе: но егда твориши пиръ, зови нищыя, маломощныя, слѣпыя, и блаженъ будеши, яко не имутъ ти что воздати: воздастжетися въ воскресеніе праведныхъ* (Лук. XIV, 12—14). Здѣсь и славы больше, если ты любишь ее. Въ самомъ дѣлѣ, отъ первыхъ и зависть, и ненависть, и пересуды, и злословіе, и большое опасеніе, какъ бы не случилось чего-нибудь неприличнаго; при томъ, если званные будутъ важнѣе тебя, ты стоишь передъ ними, какъ рабъ предъ господиномъ, опасаясь съ ихъ стороны укоризнъ и злословія. А со стороны послѣднихъ ничего такого не бываетъ; но что бы ты ни подалъ имъ, они все принимаютъ съ удовольствіемъ, и за все—великая благодарность, громкая слава и глубокое уваженіе. Всѣ, которые узнаютъ объ этомъ, не столько хвалятъ тѣхъ (кто угощаетъ знатныхъ), сколько этихъ (кто угощаетъ бѣдныхъ). Если не вѣришь этому ты, богачъ, созывающій вождей и правителей, то сдѣлай опытъ, созови бѣдныхъ, наполни ими трапезу,—и увидишь, не всѣ ли будутъ хвалить тебя, не всѣ ли будутъ тебя любить, не всѣ ли будутъ считать тебя за отца. Отъ тѣхъ угощеній нѣтъ никакой пользы, а за эти уготовано небо и небесныя блага,—коихъ и да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.



СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

ТОЛКОВАНІЕ НА ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ КЪ ӨЕССАЛОНИКІЙЦАМЪ [1]).

ВВЕДЕНІЕ. БЕСѢДА I.

1. Сказавъ въ первомъ посланіи, что день и ночь молимся 467—4
о томъ, чтобы видѣть васъ, и что, не терпя болѣе, мы остались въ Аөинахъ одни, и я послалъ Тимоөея (1 Сол. ш, 10, 1—2), (апостолъ) во всѣхъ этихъ (мѣстахъ) выражаетъ (предъ өессалоникійцами) свое желаніе, которое онъ имѣлъ—придти къ нимъ. Но такъ какъ, вѣроятно, онъ еще не имѣлъ возможности отправиться къ нимъ и восполнить недостатки ихъ вѣры, то по этой
причинѣ присовокупилъ это второе посланіе, желая посланіями 469
замѣнить для нихъ недостатокъ своего личнаго присутствія. А что онъ не ходилъ къ нимъ, объ этомъ можно догадываться изъ того, что онъ въ (этомъ) посланіи къ нимъ говоритъ: *молимъ же вы о пришествіи Господа нашего Іисуса Христа* (2 Сол. п, 1). Между тѣмъ въ первомъ посланіи онъ имъ говорилъ, что *о лѣтѣхъ и временѣхъ не требѣ есть вамъ писати* (1 Сол. v, 1). Итакъ, если бы онъ былъ у нихъ, то не имѣлъ бы надобности писать. Но такъ какъ изслѣдованіе (этого вопроса) обращало на себя особенное вниманіе, то онъ и прибавилъ (къ первому) это посланіе, подобно тому, какъ онъ говоритъ и въ посланіи къ Тимоөею, что иные *возмущаютъ нѣкоторыхъ вѣру, глаголюще, яко воскресеніе уже бысть* (2 Тим. п, 18).

Это они дѣлали съ тою цѣлію, чтобы вѣрующіе, не ожидая въ будущемъ ничего великаго или свѣтлаго, отказались отъ сво-

---

[1]) Бесѣды эти произнесены святителемъ въ Константинополѣ въ 400 г.

ихъ подвиговъ. Такъ какъ эта надежда укрѣпляла ихъ и не позволяла изнемогать имъ (въ борьбѣ) съ настоящимъ, то діаволъ, желая похитить у нихъ этотъ якорь,—здѣсь онъ, не будучи въ состояніи увѣрить ихъ въ томъ, что будущее ложно, пошелъ къ цѣли другимъ путемъ,—и воздвигнувъ нѣкоторыхъ злонамѣренныхъ людей, покушался обольстить легковѣрныхъ тѣмъ, что будто всѣ эти великія и свѣтлыя (надежды) уже исполнились. Итакъ, прежде эти люди говорили, что было уже воскресеніе мертвыхъ, а теперь они утверждали, что уже приближается судъ и пришествіе Христово, чтобы такимъ образомъ и на самого Христа взвести обвиненіе во лжи и, доказавъ, что въ будущемъ нѣтъ ни воздаянія, ни суда, ни наказанія, ни мученій для тѣхъ, которые творили зло, однихъ содѣлать еще болѣе дерзкими, а другихъ повергнуть въ уныніе. Но, что хуже всего, одни изъ нихъ покушались только возвѣщать слова, будто бы сказанныя Павломъ, а другіе даже выдумывали подложныя посланія, будто бы имъ написанныя. Потому, преграждая имъ всякій путь, (апостолъ) говоритъ: *не ужасайтеся ниже духомъ, ниже словомъ, ни посланіемъ яко отъ насъ* (2 Сол. II, 2). *Ниже духомъ*, говоритъ, указывая этимъ на лжепророковъ. Но откуда узнаемъ это, спроситъ кто-либо? Изъ того, что прибавлено ниже; для того (апостолъ) и присовокупилъ: *цѣлованіе* моею *рукою Павлею, еже есть знаменіе во всякомъ посланіи, сице пишу: благодать Господа нашего Іисуса Христа со всѣми вами* (2 Сол. III, 17, 18). Онъ не то говоритъ, что слова эти служатъ признакомъ,—вѣроятно, и другіе могли подражать ему въ этомъ,—но то, что я пишу привѣтствіе моею собственною рукою, какъ это и теперь у насъ бываетъ: по подписи можно узнать того, кто посылаетъ письмо. (Въ этомъ посланіи апостолъ) утѣшаетъ (ѳессалоникійцевъ), которые были очень угнетаемы бѣдствіями, съ одной стороны, похваляя ихъ за настоящіе (подвиги), съ другой—обращая (ихъ вниманіе) на будущее, на наказаніе и награды праведныхъ, уготованныя имъ. По этому поводу онъ довольно ясно и подробно разсматриваетъ этотъ вопросъ, не открывая впрочемъ самаго времени, хотя и указываетъ на признакъ этого времени—на антихриста. Душа немощная преимущественно тогда убѣждается, когда не только услышитъ о чемъ-либо, но еще узнаетъ нѣчто болѣе. Такъ и Христосъ имѣлъ объ этомъ великое попеченіе, когда, сѣвъ на горѣ, съ точностію изложилъ ученикамъ своимъ все, что касалось кончины (міра). Для чего? Для того, чтобы не нашли для себя мѣста тѣ, которые вводятъ антихристовъ и лжехристовъ. И Онъ тоже указалъ на много признаковъ, и въ числѣ ихъ на важнѣйшій, сказавъ: когда проповѣдано будетъ между всѣми народами евангеліе

(Мѳ. xxiv, 14), и на другой—чтобы не обольщались относительно
Его пришествія: *якоже молнія*, сказалъ Онъ, пріидетъ (Мѳ. xxiv, 470
27), которая не скрывается въ какомъ-либо углу, но сіяетъ повсюду. Не будетъ нужды въ вѣстникѣ (Его пришествія),—такъ оно будетъ блистательно,—подобно тому какъ и молнія не имѣетъ нужды, чтобы кто-либо возвѣстилъ объ ея появленіи. Онъ сказалъ также въ другомъ мѣстѣ и объ антихристѣ, когда говорилъ: *азъ пріидохъ во имя Отца моего, и не пріясте мене: аще инъ пріидетъ во имя свое, того пріимете* (Іоан. v, 43).

Онъ сказалъ также, что признакомъ этого времени будутъ служить непрерывныя и невыразимыя бѣдствія, и что долженъ придти Илія. Итакъ, ѳессалоникійцы недоумѣвали тогда относительно этого предмета, между тѣмъ ихъ недоумѣніе доставило намъ пользу. Не только имъ, но и намъ это полезно, чтобы отстать отъ дѣтскихъ сказокъ и болтовни старухъ. Развѣ вы не слыхали часто, еще въ дѣтствѣ, какъ нѣкоторые много разсказывали объ имени антихриста и о томъ, что онъ преклонитъ свои колѣни? Діаволъ старался посѣять эти вымыслы въ наши еще незрѣлые умы для того, чтобы это лжеученіе росло вмѣстѣ съ нами и чтобы потомъ ему легче было обольстить насъ. Не забылъ бы сказать объ этомъ Павелъ, говоря объ антихристѣ, если бы это было полезно. Поэтому не будемъ заниматься изслѣдованіемъ этого. Онъ (антихристъ) придетъ не такъ, не преклоняя колѣни, но *превозносяйся паче всякаго глаголемаго Бога или чтилища, якоже ему сѣсти въ церкви Божіей аки Богу, показующу себе, яко Богъ есть* (2 Сол. II, 4). Подобно тому какъ діаволъ палъ отъ гордости, такъ и тотъ, кто будетъ орудіемъ его, будетъ напитанъ гордостію.

2. Поэтому, умоляю васъ, постараемся всѣ удаляться отъ этой страсти, чтобы намъ не подпасть одинаковому съ нимъ осужденію, чтобы не подвергнуться одинаковому съ нимъ наказанію, чтобы не содѣлаться причастниками его мученій. *Не новокрещену*, говоритъ, *да не разгордѣвся въ судъ впадетъ діаволь* (Тим. III, 6). Слѣдовательно, возгордившійся несетъ равное съ діаволомъ наказаніе. Начало гордости, сказано, незнаніе Господа (Сир. x, 14): начало грѣха—гордость, первое побужденіе и движеніе ко злу; впрочемъ, можетъ быть, и корень, и основаніе. Начало можетъ означать или первое побужденіе ко злу, или—основаніе его. Такъ, напримѣръ, воздержаніе отъ непристойныхъ зрѣлищъ можетъ быть названо началомъ цѣломудрія, т. е. первоначальнымъ побужденіемъ. Но если мы назовемъ началомъ цѣломудрія постъ, то здѣсь начало будетъ означать основаніе или опору. Въ такомъ смыслѣ и гордость есть начало грѣха. Съ нея и начинается

всякій грѣхъ и въ ней находитъ свою опору. Сколько бы мы ни совершили добрыхъ дѣлъ, этотъ порокъ не позволяетъ имъ укрѣпиться въ насъ и неразлучно съ нами пребывать, но, подобно какому-либо корню, препятствуетъ имъ оставаться въ насъ непоколебимыми. Это видно изъ слѣдующаго. Смотри, сколько (добрыхъ дѣлъ) творилъ фарисей; между тѣмъ это не принесло ему ни малѣйшей пользы, потому что онъ не отсѣкъ корня, который и разрушилъ все. Отъ гордости происходитъ презрѣніе къ бѣднымъ, страсть къ деньгамъ, властолюбіе и славолюбіе. Гордый человѣкъ расположенъ мстить за обиды. Гордый не можетъ равнодушно переносить обиды ни отъ высшихъ, ни отъ низшихъ; а кто не переноситъ спокойно обиды, тотъ не въ состояніи переносить и несчастіе. Вотъ какимъ образомъ гордость есть начало грѣха. Но какъ началомъ гордости можетъ быть незнаніе Бога? Очень просто. Кто знаетъ Бога такъ, какъ нужно знать,
471 кто знаетъ, до какой степени Сынъ Божій смирилъ Себя, тотъ не превозносится, а кто не знаетъ этого, тотъ превозносится. Гордость ведетъ къ надменности. Скажи мнѣ: отчего враждующіе на Церковь Божію говорятъ, что они знаютъ Бога? Не отъ гордости ли? Видишь ли, въ какую пропасть ввергло ихъ незнаніе Бога? Если Богъ любитъ духъ сокрушенный, то напротивъ Онъ противится гордымъ, а смиреннымъ даруетъ благодать. Итакъ, нѣтъ зла равнаго гордости. Она превращаетъ человѣка въ демона, наглаго, богохульствующаго, клятвопреступника; она возбуждаетъ въ немъ жажду убійства. Человѣкъ надменный постоянно сокрушается скорбію, постоянно досадуетъ, постоянно сѣтуетъ. Ничто не можетъ утолить его страсти. Если бы даже онъ видѣлъ, что царь униженно преклоняется и благоговѣетъ предъ нимъ, то и тогда не удовлетворился бы этимъ, но еще болѣе воспламенился бы. Подобно тому, какъ сребролюбцы, чѣмъ больше пріобрѣтаютъ, тѣмъ большаго желаютъ, такъ и гордые: чѣмъ большею пользуются честію, тѣмъ больше домогаются ея. Страсть ихъ постепенно возрастаетъ,—а это дѣйствительно (есть страсть), — страсть же не знаетъ предѣла, но прекращается только тогда, когда убьетъ того, кто одержимъ ею. Развѣ не видишь, что преданные пьянству постоянно сгараютъ отъ жажды? Страсть не есть естественная потребность, но въ нѣкоторомъ родѣ все извращающая болѣзнь. Развѣ не видишь, что люди, одержимые такъ называемымъ волчьимъ голодомъ, постоянно голодаютъ? Это страсть, какъ утверждаютъ врачи, преступившая естественные предѣлы. Подобнымъ образомъ и люди, неумѣренно любознательные и любопытные, сколько бы они ни узнавали, не останавливаются ни на чемъ; это у нихъ страсть, не имѣющая границъ

Опять тѣ, которые находятъ наслажденіе въ любодѣяніи, не умѣютъ положить конца своимъ пожеланіямъ: *человѣку блудну*, говорится, *всякъ хлѣбъ сладокъ, не престанетъ, дондеже умретъ* (Сир. XXIII, 23). Это тоже страсть. Впрочемъ хотя страсти и составляютъ нѣкотораго рода недугъ, однако онѣ не неизлѣчимы; напротивъ онѣ способны къ уврачеванію и даже больше, нежели тѣлесные недуги. Если только мы захотимъ, то можемъ потушить ихъ. Какъ же можно потушить гордость? Нужно для этого познать Бога. Если она происходитъ отъ незнанія Бога, то когда познаемъ Его, отъ насъ удалится всякая гордость. Подумай о гееннѣ, подумай о тѣхъ, которые гораздо лучше тебя, подумай о томъ, насколько ты виновенъ предъ Богомъ. Если подумаешь объ этомъ, то скоро укротишь свой разумъ, скоро смиришь его.

Но ты не можешь этого сдѣлать? Ты очень слабъ? Подумай о настоящемъ, о природѣ самого человѣка, о томъ, какъ ничтоженъ человѣкъ. Когда увидишь человѣка мертваго, котораго несутъ чрезъ площадь, его осиротѣвшихъ дѣтей, провожающихъ его, плачущую вдову, рыдающихъ слугъ и скорбныхъ друзей, то размысли при этомъ о ничтожествѣ всего настоящаго, о томъ, 472
что оно ничѣмъ не отличается отъ тѣни и сновидѣнія. Но ты не хочешь этого (сдѣлать)? Подумай о людяхъ, владѣвшихъ великими богатствами, которые совершенно разорились во время войны. Посмотри на домы великихъ и знаменитыхъ людей, теперь обращенные въ развалины. Подумай, какъ сильны были эти люди, а теперь исчезла и память объ нихъ. Каждый день, если захочешь, ты можешь находить подобные примѣры: смѣну правителей, отобраніе въ казну имущества богатыхъ. *Мнози мучители сѣдоша на земли, нечаемый же увязеся вѣнцемъ* (Сир. XI, 5). Не каждый ли день случается подобное? Не походитъ ли судьба наша на колесо? Прочти объ этомъ, если хочешь, и наши сочиненія, и то, что написано у языческихъ писателей,—вѣдь и ихъ сочиненія полны такого рода примѣровъ,—если по гордости презираешь наши. Если ты уважаешь одни только произведенія философовъ, то приступи къ нимъ, — и они тебя научатъ, разсказывая о несчастіяхъ, которыя постигли древнихъ, — и поэты, и ораторы, и софисты, и вообще всѣ писатели. Вездѣ, если хочешь, найдешь такого рода примѣры. Если же не хочешь заняться всѣмъ этимъ, то размысли о собственной природѣ нашей, объ ея происхожденіи и концѣ, ее ожидающемъ. Подумай, что значишь ты въ то время, когда спишь? Не можетъ ли въ это время умертвить тебя самое малое животное? Со многими часто даже случалось, что небольшое животное, упавши съ кровли, лишало ихъ зрѣнія, или было причиною другого несчастія. Что же? Развѣ

ты не ниже всѣхъ животныхъ? Что скажешь противъ этого? То, что ты надѣленъ разумомъ? Но вотъ у тебя и разума нѣтъ, потому что гордость—признакъ неразумія. Отчего же ты послѣ этого превозносишься, скажи мнѣ? Можетъ быть—здоровымъ состояніемъ своего тѣла? Но въ этомъ отношеніи преимущество остается на сторонѣ безсловесныхъ. Это свойство находимъ и у воровъ, и у убійцъ, и у грабящихъ могилы. Благоразуміемъ ли своимъ? Но гордость несвойственна благоразумію, напротивъ чрезъ нее ты лишаешь себя права носить названіе благоразумнаго. Поэтому обуздаемъ наши помыслы, будемъ скромны, смиренномудры, кротки. Такихъ особенно ублажаетъ Христосъ, говоря: *блажени нищіи духомъ* (Мѳ. v, 3); и опять, взывая, говоритъ: *научитеся отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (xi, 29). Для того и умылъ Онъ ноги своимъ ученикамъ, чтобы показать намъ примѣръ смиренномудрія. Постараемся изъ всего этого извлечь для себя пользу, чтобы мы могли получить блага, обѣщанныя любящимъ Его, благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки. Аминь).

БЕСѢДА II.

471—472 Павелъ и Силуанъ и Тимоѳей церкви Солунстѣй о Бозѣ Отцѣ нашемъ и Господѣ Іисусѣ Христѣ: благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа (2 Сол. i, 1—2).

1. Большая часть людей все дѣлаетъ и предпринимаетъ съ тою цѣлью, чтобы заслужить себѣ расположеніе и начальниковъ, и тѣхъ, которые знатнѣе ихъ,—и они высоко цѣнятъ это (расположеніе) и считаютъ себя счастливыми, когда достигаютъ того, чего желаютъ. Но если такъ важно заслужить расположеніе подобныхъ себѣ людей, то что же значитъ снискать благодать у Бога? Поэтому-то (апостолъ) всегда въ началѣ своихъ посланій полагаетъ (такого рода благожеланія) и молится объ этомъ, зная, что гдѣ есть благодать Божія, тамъ не можетъ имѣть мѣста никакое несчастіе, но какъ бы ни были велики наши бѣдствія, всѣ они прекратятся. И чтобы научить васъ этому (приведу слѣдующее): Іосифъ находился въ рабствѣ, былъ молодъ, неопытенъ и простосердеченъ,—и вдругъ вручено ему было управленіе домомъ, и онъ давалъ отчетъ въ этомъ египетскому вельможѣ. А вы знаете, какой это вспыльчивый и несговорчивый народъ; притомъ, такъ какъ къ этому еще присоединялась власть и могу-

щество, то и гнѣвъ его, возбуждаемый сознаніемъ своего могущества, становился еще сильнѣе. Это видно даже изъ того, какъ онъ поступилъ впослѣдствіи. (Іосифъ) пострадалъ вслѣдствіе обвиненія госпожи,—хотя вѣроятнѣе было то предположеніе, что подвергся насилію не тотъ, кто имѣлъ въ рукахъ одежду, но тотъ, у кого она отнята. Поэтому слѣдовало сказать. къ ней: если бы ты возвысила голосъ, то онъ убѣжалъ бы и, сознавая свою виновность, не дожидался бы прихода господина. Но онъ (египтянинъ) ничего этого не взялъ во вниманіе, напротивъ, безразсудно увлекшись гнѣвомъ, бросилъ (Іосифа) въ темницу. Такъ безразсуденъ былъ этотъ человѣкъ. Хотя онъ имѣлъ возможность изъ другихъ обстоятельствъ выводить заключеніе о благонамѣренности и разсудительности этого человѣка, однако по своему крайнему неблагоразумію онъ ничего этого не принялъ въ соображеніе. Итакъ, тотъ, кто находился во власти столь злого господина, кому ввѣрено было управленіе цѣлымъ домомъ, кто былъ пришельцемъ, одинокимъ и неопытнымъ, послѣ того, какъ Богъ обильно излилъ на него свою благодать,—перенесъ всѣ искушенія такъ, какъ будто они ничего не значили: и клевету госпожи, и опасность смерти, и темничное заключеніе, и, наконецъ, приблизился къ царскому престолу. Итакъ, видѣлъ этотъ блаженный (Павелъ), какое значеніе имѣетъ благодать Божія, и потому молитъ о ниспосланіи ея на нихъ. Впрочемъ онъ имѣетъ здѣсь въ виду еще и нѣчто другое. Именно, желая расположить ихъ въ пользу того, о чемъ намѣревался писать въ посланіи, чтобы они, если бы даже онъ обличалъ и укорялъ ихъ, не отступили отъ него,—съ этою цѣлію прежде всего приводитъ имъ на память благодать Божію, и такимъ образомъ смягчаетъ ихъ сердце, чтобы они, если бы даже испытали какое-либо огорченіе, вспомнивъ о благодати Божіей, которою спасены отъ бóльшихъ золъ, не пришли въ уныніе, подвергаясь меньшимъ, но въ ней находили для себя утѣшеніе. Подобно тому и въ другомъ посланіи онъ пишетъ: *аще врази бывше примирихомся Богу смертію Сына его, множае паче примирившеся спасемся въ животѣ его* (Рим. V, 10). *Благодать вамъ*, говоритъ, *и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа. Благодарити должни есмы Бога всегда о васъ, братіе, якоже достойно есть* (ст. 3). Замѣть избытокъ смиренія! Сказавъ: *благодарити должни есмы*, даетъ имъ замѣтить и понять, что если другіе, взирая на ихъ подвиги, удивляются прежде всего не имъ, а Богу, то тѣмъ болѣе мы (должны такъ поступать). Съ другой стороны, онъ ободряетъ ихъ сердца тѣмъ, что по поводу переносимыхъ ими страданій надлежитъ не плакать и рыдать, а благодарить Бога. И если Павелъ благодаритъ (Бога)

за чужія блага, то что должно постигнуть тѣхъ, которые не только не благодарятъ, но еще терзаются завистію? *Яко превозрастаетъ вѣра ваша и множится любовь единаго коегождо всѣхъ васъ другъ ко другу* (ст. 3). Какъ же, ты спросишь, можетъ возрастать вѣра? Какъ? Когда мы терпимъ ради ея какія-нибудь бѣдствія. Поэтому много значитъ оставаться непреклоннымъ (въ вѣрѣ) и не колебаться помыслами; когда усиливаются порывы вѣтровъ, когда идутъ проливные дожди, когда со всѣхъ сторонъ поднимается жестокая буря, когда сгущаются волны, и мы, несмотря на это, остаемся непоколебимыми, то это служитъ признакомъ не чего-либо другого, какъ только того, что возрасла и превозрасла и болѣе возвышенною содѣлалась (наша вѣра). Подобно тому какъ при наводненіи всѣ ровныя и низменныя мѣста скоро покрываются водою, а возвышенныя остаются недостижимыми для нея, такъ и вѣра, которая достигла извѣстной высоты, уже не ниспадаетъ. Вотъ почему (апостолъ) не сказалъ: возрастаетъ, но: *превозрастаетъ вѣра ваша и множится любовь единаго коегождо всѣхъ васъ другъ ко другу*. Видишь ли, что въ скорбяхъ помогаетъ намъ и то, когда мы взаимно ограждаемъ и поддерживаемъ другъ друга? Это доставляетъ также великое утѣшеніе.
474 Итакъ, слабую любовь и вѣру скорби колеблютъ, а твердую содѣлываютъ болѣе крѣпкою. Дѣйствительно, душа немощная, находясь въ скорби, ничего не можетъ перенести; напротивъ душа крѣпкая тогда особенно и обнаруживаетъ силу. Обрати вниманіе на любовь (ѳессалоникійцевъ). Они не такъ поступали, чтобы одного любить, а другого нѣтъ; напротивъ ихъ любовь была равна ко всѣмъ,—на это именно указалъ (апостолъ), когда говоритъ: *единаго коегождо всѣхъ васъ другъ ко другу*,—потому что ихъ любовь въ равной мѣрѣ простиралась на всѣхъ, какъ на членовъ одного тѣла. Правда, и въ наше время мы находимъ любовь между многими, но такую любовь, которая бываетъ причиною раздора. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы будемъ по два, или по три соединяться между собою, и эти два, или три, или четыре будутъ находиться между собою въ большемъ согласіи, а отъ всѣхъ прочихъ будутъ отдѣляться, такъ что между тѣми и другими уже не будетъ взаимнаго содѣйствія и во всемъ довѣрія,—то это будетъ расторженіе любви, а не любовь. Скажи мнѣ: если глазъ то попеченіе, какое онъ имѣетъ о всемъ тѣлѣ, перенесетъ на одну руку и, оставивъ безъ вниманія всѣ прочіе члены, только о ней одной будетъ заботиться, то не повредитъ ли онъ этимъ всему тѣлу? Безъ сомнѣнія. Такъ и мы, если любовь, которая должна распространяться на всю Церковь Божію, сосредоточимъ на одномъ или двухъ только, то повредимъ этимъ и самимъ себѣ,

и имъ, и вообще всѣмъ. Это свойственно не любви, а разобщенію, разъединенію и раздору. Такъ, если бы я взялъ отъ цѣлаго человѣка оторванную какую-либо часть, то хотя эта оторванная часть сама по себѣ составляла бы нѣчто единое, связное и стройное, однако она оставалась бы оторванною частію, потому что не находилась бы въ связи съ цѣлымъ тѣломъ.

2. Какая польза оттого, что такого-то ты любишь весьма сильно? Это любовь человѣческая. А если не человѣческая, и ты любишь его для Бога, то люби всѣхъ, потому что Богъ заповѣдалъ столько же любить и враговъ. Если же Онъ заповѣдалъ любить враговъ, то насколько болѣе тѣхъ, которые насъ ничѣмъ не огорчили? Но я люблю (и враговъ), скажешь, хотя и не такъ сильно. Скажи лучше, что ты вовсе не любишь ихъ. Когда ты осуждаешь (врага), когда завидуешь ему, когда злоумышляешь противъ него, то какъ (можешь сказать, что) ты его любишь? Я ничего такого не дѣлаю, говоришь ты. Но когда ты слышишь про него что-нибудь дурное и не заграждаешь уста говорящему, не отказываешься вѣрить тому, что говорятъ, не прекращаешь (такихъ рѣчей), то ужели это признакъ любви? *И множится*, говоритъ, *любовь единаго коегождо всѣхъ васъ другъ ко другу, яко самѣмъ намъ хвалитися о васъ въ церквахъ Божіихъ* (ст. 4). Въ первомъ посланіи онъ говорилъ, что всѣ Церкви Македоніи и Ахаіи распространили о нихъ молву, узнавши объ ихъ вѣрѣ: *яко не требовати*, говоритъ, *намъ глаголати что: тіи бо о васъ возвѣщаютъ, каковъ входъ имѣхомъ къ вамъ* (1 Сол. і, 8, 9); а здѣсь говоритъ: *яко самѣмъ намъ хвалитися*. Что же значатъ эти слова? Тамъ (апостолъ) говоритъ, что (иные) не нуждаются въ томъ, чтобы мы имъ разсказывали (о вашихъ подвигахъ); а здѣсь онъ не говоритъ, что мы разсказываемъ объ нихъ, но хвалимся и превозносимся ими. Поэтому, если мы и благодаримъ Бога за васъ и хвалимся вами предъ людьми, то тѣмъ болѣе вы должны поступать такъ относительно того, что доставляетъ намъ утѣшеніе. Если ваши добрыя дѣла удостоиваются того, чтобы другіе хвалились ими, то возможно ли сказать (что они составляютъ) для насъ причину скорби? *Яко самѣмъ намъ*, говоритъ, *хвалитися о васъ въ церквахъ Божіихъ, о терпѣніи вашемъ и вѣрѣ*. Здѣсь онъ указываетъ на то, что уже много прошло времени (отъ начала ихъ страданій), потому что терпѣніе обнаруживается въ теченіе долгаго времени, а не въ два или три дня. И не просто говоритъ только о терпѣніи. Конечно, терпѣніе выражается уже и въ 475
томъ, когда человѣкъ не наслаждается обѣщанными ему благами; но въ настоящемъ случаѣ онъ говоритъ о большемъ терпѣніи. О какомъ же это? О такомъ, которое рождается вслѣдствіе гоненій.

Что онъ именно на это намекаетъ, видно изъ того, что онъ дальше присовокупляетъ и говоритъ: *во всѣхъ гоненіихъ вашихъ и скорбехъ, яже пріемлете.* Они постоянно жили среди враговъ, которые старались со всѣхъ сторонъ наносить имъ вредъ, и несмотря на то они обнаруживали непреклонное и непоколебимое терпѣніе. Пусть устыдятся поэтому тѣ, которые ради покровительства человѣческаго перемѣняютъ свои убѣжденія. Еще въ самомъ началѣ (евангельской) проповѣди, люди бѣдные и жившіе дневнымъ трудомъ вступили во вражду съ людьми, которые управляли государствомъ и занимали въ немъ первыя мѣста,—когда еще ни одинъ царь и ни одинъ правитель не находился въ числѣ вѣрующихъ,—выдержали они непримиримую брань, и несмотря на то не отказались (отъ своихъ убѣжденій). *Показаніе праведнаго суда Божія* (ст. 5). Смотри, какъ онъ одно утѣшеніе прилагаетъ къ другому. Онъ сказалъ, что благодаримъ Бога, сказалъ, что хвалимся предъ людьми,—и это уже утѣшительно; но то, чего всего больше ищетъ страждущій, состоитъ въ освобожденіи отъ бѣдствій и въ наказаніи тѣхъ, которые причиняли ему зло. Дѣйствительно, душа, когда бываетъ немощна, больше всего желаетъ этого; напротивъ душа любомудрая и того даже (не желаетъ). Что же значатъ слова: *показаніе праведнаго суда Божія?* Этимъ (апостолъ) указалъ на двоякое воздаяніе: одно для тѣхъ, которые дѣлаютъ зло, а другое для тѣхъ, которые переносятъ его. Онъ какъ будто такъ говорилъ: чтобы открылась въ этомъ правда Божія, что Онъ васъ увѣнчаетъ, а тѣхъ накажетъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ утѣшаетъ ихъ, показывая, что они будутъ увѣнчаны за свои труды и заботы, согласно съ требованіемъ справедливости. Но прежде онъ говоритъ то, что касается ихъ самихъ. Дѣйствительно, хотя бы кто и сильно желалъ отомстить за себя, однако прежде всего ищетъ онъ награды себѣ. Поэтому-то (апостолъ) и присовокупилъ: *во еже сподобитися вамъ царствія Божія, егоже ради и страждете.* Итакъ, причина ихъ страданій заключается не въ томъ, что ихъ гонители сильнѣе ихъ, но въ томъ, что этимъ именно путемъ они должны войти въ царствіе. *Яко многими*, говоритъ, *скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе* (Дѣян. XIV, 22). *Аще убо праведно у Бога, воздати скорбь оскорбляющимъ васъ*, и *вамъ оскорбляемымъ отраду съ нами, во откровеніи Господа Іисуса съ небесе, со ангелы силы своея* (ст. 6, 7). *Аще* (εἴπερ) поставлено здѣсь вмѣсто *яко* (ἐπεὶ),—подобно тому какъ и мы употребляемъ (это выраженіе), говоря о предметахъ, которые считаемъ несомнѣнными и неоспоримыми. Вмѣсто того, чтобы сказать: весьма справедливо, онъ говоритъ: если справедливо предъ Богомъ то, чтобы они подверглись мщенію, то Онъ не-

сомнѣнно отомститъ,—подобно тому какъ если бы кто сказалъ: если Богъ заботится о предметахъ (міра), если Богъ имѣетъ попеченіе. Такъ и (апостолъ) употребилъ выраженіе „если“, говоря о томъ, на что всѣ были согласны, подобно тому, какъ если бы кто сказалъ: если Богъ ненавидитъ злыхъ людей,—употребляя это выраженіе съ тою цѣлію, чтобы заставить другихъ сказать, что ненавидитъ,—а такого рода сужденія не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію, потому что они сами знали, что это справедливо. И если это справедливо предъ людьми, то тѣмъ болѣе предъ Богомъ. *Воздати*, говоритъ, *скорбь оскорбляющимъ васъ*, и *вамъ оскорбляемымъ отраду съ нами*.

3. Что же? Ужели воздаяніе будетъ равняться (поступкамъ)? Нѣтъ. Напротивъ, смотри, какъ изъ того, что онъ говоритъ послѣ, открывается, что и наказаніе будетъ гораздо суровѣе, и награда гораздо значительнѣе. Вотъ и другое утѣшеніе (апостолъ говоритъ), что участвовавшіе въ страданіи будутъ имѣть одинаковый удѣлъ и въ воздаяніи,—это именно значитъ выраженіе: *съ нами*,— 476
уравнивая ихъ такимъ образомъ въ вѣнцахъ съ тѣми, которые совершили безчисленные и гораздо большіе подвиги. Далѣе онъ прибавляетъ къ этому указаніе на время воздаянія, и посредствомъ описанія (самаго событія) возводитъ ихъ мысли, какъ бы отверзая своимъ словомъ небеса и представляя ихъ взору, и окружаетъ Его (Господа) ангельскимъ воинствомъ, начертывая такимъ образомъ блестящее изображеніе какъ самаго мѣста, такъ и того, что на немъ находится, чтобы черезъ это дать имъ (ѳессалоникійцамъ) возможность нѣсколько придти въ себя. *И вамъ оскорбляемымъ отраду съ нами, во откровеніи Господа Іисуса съ небесе, со ангелы силы своея, во огни пламеннѣ, дающаго отмщеніе не вѣдущимъ Бога и не послушающимъ благовѣствованія Господа нашего Іисуса Христа* (ст. 8). Если тѣ, которые не слушаются евангелія, подвергнутся наказанію, то чего не испытаютъ тѣ, которые при этомъ непослушаніи еще оскорбляютъ васъ? Но замѣть, прошу, мудрость (апостола). Онъ не сказалъ здѣсь: оскорбляющимъ васъ, но: *не послушающимъ*. Слѣдовательно, если не въ отмщеніе за васъ, говоритъ, то въ отмщеніе за самого Себя (Господь) необходимо долженъ подвергнуть ихъ наказанію. Такимъ образомъ это сказано для большаго удостовѣренія въ томъ, что во всякомъ случаѣ (гонители) должны быть наказаны, а предъидущее—для удостовѣренія въ томъ, что (гонимые) удостоятся чести. Итакъ, удостовѣреніе въ неизбѣжности наказанія приводитъ ихъ къ вѣрѣ, а утѣшеніе—въ томъ, что (гонители) подвергнутся этому страданію въ отмщеніе за причиняемыя вѣрующимъ обиды. Хотя это было сказано къ нимъ (ѳессалоникійцамъ), однако можетъ

имѣть отношеніе и къ намъ. Поэтому когда будемъ находиться въ несчастіи, будемъ размышлять объ этомъ.

Не будемъ радоваться наказанію другихъ потому, что мы отмщены, но будемъ радоваться тому, что мы сами избѣжали такого наказанія и взысканія. Въ самомъ дѣлѣ, какая намъ польза отъ того, что другіе подвергнутся наказанію? Не будемъ поэтому, умоляю васъ, питать въ себѣ такого душевнаго расположенія; пусть мысль о царствіи побуждаетъ насъ вести добродѣтельную жизнь. Правда, тотъ, кто вполнѣ добродѣтеленъ, руководствуется не страхомъ и не желаніемъ пріобрѣсть царство, но самимъ Христомъ, подобно тому, какъ дѣлалъ Павелъ. Но мы будемъ помышлять о благахъ въ царствѣ и о мученіяхъ въ гееннѣ, и по крайней мѣрѣ такимъ образомъ будемъ правильно образовывать и воспитывать себя, будемъ такимъ образомъ побуждать себя къ исполненію того, что должны исполнить. Когда въ настоящей жизни увидишь что-либо хорошее и великое, тогда подумай о небесномъ царствѣ,—и убѣдишься, что видѣнное тобою ничтожно. Когда (увидишь) что-либо страшное, то подумай о гееннѣ,—и ты посмѣешься надъ тѣмъ. Когда овладѣетъ тобою плотская похоть, подумай объ огнѣ, размысли о самомъ удовольствіи отъ этого грѣха, что оно ничтожно и что даже не приноситъ собою удовольствія. Если опасеніе преступить законы, которые здѣсь изданы, имѣетъ такую силу, что удерживаетъ насъ отъ злодѣяній, то тѣмъ болѣе памятованіе о будущемъ, непрестанное мученіе, наказаніе вѣчное. Если страхъ предъ земнымъ царемъ удерживаетъ насъ отъ столькихъ преступленій, то тѣмъ болѣе страхъ предъ Царемъ вѣчнымъ. Какимъ же образомъ мы можемъ постоянно возбуждать въ себѣ этотъ страхъ? Если будемъ всегда внимательны къ словамъ Писанія. Въ самомъ дѣлѣ, если одинъ видъ мертвеца до такой степени смиряетъ нашъ умъ, то насколько болѣе геенна и огонь неугасающій, насколько болѣе червь неумирающій? Если бы мы постоянно помышляли о гееннѣ, то нескоро низринулись бы въ нее. Для этого-то Богъ и угрожаетъ наказаніемъ. Если бы размышленіе о гееннѣ не приносило намъ великой пользы, то Богъ и не угрожалъ бы ею; но такъ какъ память о ней можетъ способствовать надлежащему исполненію великихъ дѣлъ, то Онъ какъ бы нѣкоторое спасительное лѣкарство посѣялъ въ нашихъ душахъ грозную мысль о ней.
477 Поэтому не будемъ пренебрегать великою пользою, которая отсюда рождается, но сдѣлаемъ ее постояннымъ предметомъ разговора во время утренняго и вечерняго стола. Разговоръ о пріятныхъ предметахъ не приноситъ ни малѣйшей пользы для нашей души, напротивъ содѣлываетъ ее болѣе немощною, между тѣмъ

бесѣда о предметахъ печальныхъ и скорбныхъ отсѣкаетъ отъ нея всякую разсѣянность и изнѣженность, обращаетъ ее на истинный путь и воздерживаетъ даже тогда, когда она покорилась немощи.

Кто разсказываетъ о театрахъ и актерахъ, тотъ не доставляетъ этимъ нашей душѣ ни малѣйшей пользы, напротивъ еще болѣе разжигаетъ ее и содѣлываетъ болѣе легкомысленною. Кто занимается чужими дѣлами и любопытствуетъ узнавать ихъ, тотъ часто чрезъ такое любопытство подвергаетъ ее опасности. А тотъ, кто говоритъ о гееннѣ, не подвергается никакой опасности и въ то же время содѣлываетъ душу свою болѣе цѣломудренною. Можетъ быть, ты боишься такихъ страшныхъ рѣчей? Не думаешь ли ты, что погасишь геенну, если не будешь говорить объ ней? Или—что воспламенишь ее, если будешь говорить? Будешь ли ты говорить, или нѣтъ,—огонь (геенскій) все же будетъ горѣть. Постоянно говори о ней для того, чтобы никогда не впасть въ нее. Невозможно, чтобы душа, постоянно занятая мыслію о гееннѣ, скоро согрѣшила. Выслушай поэтому превосходное наставленіе: *поминай*, говорится, *послѣдняя твоя и во вѣки не согрѣшиши* (Сир. VII, 39). Быть не можетъ, чтобы душа, которая боится быть призванною къ отчету въ своихъ поступкахъ, не была лѣнивою къ преступленіямъ. Страхъ, укрѣпившись въ нашемъ умѣ, не оставляетъ въ немъ мѣста ничему мірскому. Если рѣчь о гееннѣ, только по временамъ занимающая насъ, такъ смиряетъ и укрощаетъ, то мысль о ней, постоянно пребывающая въ душахъ, не лучше ли всякаго огня очищаетъ душу? Не столько будемъ помнить о царствіи, сколько о гееннѣ, потому что страхъ имѣетъ больше силы надъ нами, чѣмъ обѣтованія,—и я знаю, что многіе пренебрегли бы тысячью благъ, если бы только остались свободными отъ наказаній; такъ и для меня теперь довольно только того, чтобы я не подвергся взысканію, чтобы я не былъ наказанъ. Никогда не впадетъ въ геенну тотъ, кто всегда имѣетъ ее предъ глазами. Никогда не избѣжитъ геенны тотъ, кто презираетъ ее. Подобно тому какъ у насъ тѣхъ людей, которые боятся судилищъ, не влекутъ на судилища, напротивъ тѣ, которые ими пренебрегаютъ, чаще всего подвергаются имъ,—такъ и тамъ. Если бы ниневитяне не убоялись погибели, то они погибли бы; но такъ какъ они убоялись, то и не погибли. Если бы жившіе при Ноѣ устрашились потопа, то и не погибли бы въ потопѣ. И содомляне, если бы убоялись, не были бы потреблены огнемъ. Великое зло—пренебрегать угрозами. Кто пренебрегаетъ угрозами, тотъ вскорѣ на опытѣ узнаетъ ихъ слѣдствія. Ничего не можетъ быть полезнѣе бесѣды о гееннѣ; она содѣлываетъ наши души

чище всякаго серебра. Послушай, что говоритъ пророкъ: суды твои *предо мною* всегда (Пс. XVII, 23). И Христосъ постоянно бесѣдовалъ о гееннѣ, потому что хотя это опечаливаетъ слушателя, однако и приноситъ ему величайшую пользу.

4. Такія (свойства) имѣетъ все то, что полезно,—и не удивляйся этому. Вѣдь и лѣкарства, и яства бываютъ сначала непріятны для больного, но потомъ приносятъ ему пользу. Если же мы не можемъ перенести непріятныхъ для насъ рѣчей, то очевидно, что не будемъ въ состояніи перенести тяжкихъ испытаній на дѣлѣ. Если никто изъ насъ не въ состояніи переносить слова о гееннѣ, то очевидно, что если бы насъ постигло гоненіе, никто изъ насъ не былъ бы въ состояніи устоять противъ огня, противъ меча. Будемъ упражнять нашъ слухъ, чтобы не сдѣлаться намъ изнѣженными: отъ словъ можемъ перейти и къ дѣламъ. Если привыкнемъ слушать страшное, то привыкнемъ и переносить страшное. А если до того будемъ изнѣжены, что не будемъ въ состояніи даже переносить словъ, то какъ устоимъ противъ собы-
478 тій? Видишь ли, какъ блаженный Павелъ презиралъ все случающееся въ здѣшнемъ мірѣ, даже безпрестанныя опасности? Отчего это? Оттого, что онъ научился презирать даже геенну для тѣхъ, которыхъ возлюбилъ Богъ. Изъ любви ко Христу онъ ни во что вмѣнялъ перенесеніе мученій въ гееннѣ; а мы для своей собственной пользы не можемъ переносить даже рѣчи о ней. Теперь, немного послушавъ, вы отойдете (отсюда); но я умоляю васъ, если только есть въ васъ сколько-нибудь любви, постоянно заниматься разговорами о подобныхъ предметахъ. По крайней мѣрѣ это нисколько вамъ не повредитъ, если уже не доставитъ пользы; но, безъ сомнѣнія, доставитъ и пользу. Смотря по тому, какова наша бесѣда, такова становится и душа. *Тлятъ*, сказано, *обычаи благи бесѣды злы* (1 Кор. XV, 33). Слѣдовательно, благія бесѣды приносятъ пользу,—слѣдовательно, бесѣды, внушающія страхъ, дѣлаютъ цѣломудренными. Душа наша подобна воску. Если будешь вести холодныя рѣчи, то сдѣлаешь ее твердою и жесткою; а если пламенныя, то умягчишь ее. А умягчивши, можешь дать ей такой видъ, какой будетъ тебѣ угодно, и начертать на ней царскій образъ. Заградимъ поэтому слухъ нашъ отъ праздныхъ разговоровъ: они немалое составляютъ зло, отъ нихъ происходитъ всякое зло. Если бы нашъ умъ научился внимать божественнымъ словамъ, то онъ не обращалъ бы ни на что другое вниманія; а не обращая вниманія на что-либо другое, онъ никогда не рѣшился бы на худые поступки. Слово есть путь къ дѣламъ,—сначала мы думаемъ, потомъ говоримъ, потомъ дѣйствуемъ. Часто многіе, даже цѣломудренные люди, отъ постыд-

ныхъ словъ переходили къ постыднымъ дѣламъ. Наша душа по природѣ ни добра, ни зла; но то и другое въ ней зависитъ отъ свободной воли. Подобно тому какъ парусъ, куда подуетъ вѣтеръ, туда подвигаетъ корабль, или лучше—какъ руль направляетъ корабль, если дуетъ попутный вѣтеръ, такъ и нашъ умъ, если благопріятный вѣтеръ доноситъ до него добрыя рѣчи, плыветъ безопасно, а если дуютъ противные вѣтры, то нерѣдко утопаетъ. Что для кораблей вѣтры, то для души слова. Куда хочешь, туда и можешь подвинуть и направить ее. Поэтому нѣкто, поучая насъ, сказалъ: *вся повѣсть твоя* да будетъ *въ законѣ Вышняго* (Сир. ıх, 20). Поэтому, умоляю васъ, отнимая дѣтей отъ матерней груди, не будемъ научать ихъ баснямъ старухъ; но пусть (дитя) съ младенческаго возраста узнаетъ, что есть судъ; пусть вкоренится въ умѣ его мысль, что есть наказаніе; этотъ страхъ, когда укоренится въ немъ, принесетъ великую пользу. Въ самомъ дѣлѣ, душа, привыкшая съ ранняго возраста трепетать отъ ожиданія такой участи, не легко можетъ освободиться отъ этого страха, но подобно удобоуправляемому коню, имѣя водителемъ мысль о гееннѣ, будетъ шествовать правильно, будетъ говорить и принимать участіе въ бесѣдѣ только о предметахъ полезныхъ. Ни юность, ни богатство, ни сиротство, ни иное что не будетъ въ состояніи причинить ей вреда, — такъ твердъ будетъ ея умъ и такъ она будетъ способна устоять противъ всего. Такими рѣчами будемъ назидать и самихъ себя, и своихъ женъ, и рабовъ, и дѣтей, и друзей, и даже, если можно, враговъ. Помощію такихъ рѣчей мы будемъ въ состояніи и пресѣчь множество грѣховъ, и (предпочтемъ) лучше жить въ скорбныхъ, чѣмъ въ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Это можно видѣть изъ слѣдующаго. Скажи мнѣ: если бы ты вошелъ въ домъ, гдѣ празднуется брачное торжество, то на одинъ часъ ты почувствовалъ бы удовольствіе отъ этого зрѣлища; но потомъ, вышедши оттуда, не сталъ ли бы ты сокрушаться скорбію о томъ, что у тебя нѣтъ того же? Но если бы ты вошелъ въ домъ плачущихъ, хотя и весьма богатыхъ людей, то вышедши оттуда, ты скорѣе почувствовалъ бы успокоеніе. Ты вынесъ бы оттуда не зависть, а утѣшеніе и ободреніе 479
для своей бѣдности.

Ты на опытѣ видишь, что и богатство не есть добро, и бѣдность не есть зло, но что и то и другое сами по себѣ безразличны. Такъ и въ настоящемъ случаѣ: если будешь заниматься разговоромъ объ удовольствіяхъ, то еще болѣе опечалишь свою душу, которая не наслаждается этими удовольствіями; но если среди удовольствій ты заведешь рѣчь о гееннѣ, то это послужитъ для тебя источникомъ радости и великаго утѣшенія. Въ

самомъ дѣлѣ, когда ты размыслишь, что эти удовольствія нисколько не могутъ помочь намъ противъ этого огня, то не будешь искать ихъ; а когда подумаешь, что обыкновенно они еще сильнѣе разжигаютъ этотъ огонь, то не только не будешь искать ихъ, но почувствуешь къ нимъ отвращеніе и отвергнешь ихъ. Не будемъ поэтому избѣгать рѣчей о геннѣ, чтобы избѣжать геенны. Не будемъ избѣгать напоминанія о наказаніи, чтобы не подвергнуться этому наказанію. Если бы тотъ богачъ помышлялъ о томъ огнѣ, то не согрѣшилъ бы; но такъ какъ онъ никогда не приводилъ себѣ его на память, то и впалъ въ него. Скажи мнѣ, человѣкъ, когда настанетъ для тебя время явиться предъ судилище Христово, ужели и тогда ты будешь говорить о всемъ, только не объ этомъ (не о геннѣ)? Когда у тебя есть дѣло въ судѣ, часто даже не стоющее того, чтобы о немъ говорить, то ты и ночью и днемъ, во всякое время и всегда ни о чемъ больше не будешь говорить, какъ только объ этомъ дѣлѣ; между тѣмъ,
480 имѣя дать предъ Богомъ отчетъ въ цѣлой жизни и подвергнуться отвѣтственности, ты не можешь перенести даже того, чтобы другіе напоминали тебѣ о судѣ? Оттого-то все и стремится къ погибели и растлѣнію, что мы, когда приготовляемся предстать предъ судилище человѣческое, по поводу житейскихъ дѣлъ,— все приводимъ въ движеніе, ко всѣмъ обращаемся съ просьбою, постоянно безпокоимся объ этомъ, все дѣлаемъ, что только нужно для этого; между тѣмъ, имѣя въ скоромъ времени предстать на судъ Христовъ, мы ничего не дѣлаемъ ни сами лично, ни чрезъ другихъ, не умоляемъ Судію. Несмотря на то, Онъ даетъ намъ много времени (для приготовленія) и не призываетъ насъ внезапно—среди грѣховъ; напротивъ даетъ намъ возможность освободиться отъ нихъ, и Его благость и человѣколюбіе не оставляютъ безъ вниманія ничего такого, что съ Его стороны можно было бы сдѣлать. Мы же съ нашей стороны ничего больше не дѣлаемъ, и потому подвергнемся большому наказанію. Но да не будетъ этого! Поэтому, умоляю, образумимся по крайней мѣрѣ теперь. Будемъ имѣть предъ глазами геенну, будемъ помышлять о неизбѣжномъ будущемъ наказаніи, чтобы, размышляя объ этомъ, мы и зла избѣжали, и стяжали добродѣтель, и сподобились получить блага, обѣщанныя любящимъ Его, благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки. Аминь).

БЕСѢДА III.

Иже муку пріимутъ, погибель вѣчную отъ лица Го- 479
сподня, и отъ славы крѣпости его, егда пріидетъ про-
славитися во святыхъ своихъ, и дивенъ быти во всѣхъ
вѣровавшихъ (2 Сол. 1, 9, 10).

1. Есть много людей, которые возлагаютъ добрыя надежды
не на то, что они воздерживаются отъ грѣховъ, а на то, что по-
лагаютъ, будто геенна не такъ страшна, какъ говорятъ о ней; но
слабѣе той, какою угрожаютъ намъ, и при томъ временна, а не
вѣчна, и много умствуютъ по этому поводу. Между тѣмъ я могу
представить много доказательствъ и даже вывести изъ самыхъ
словъ (Писанія) о гееннѣ, что она не только не слабѣе того, какъ
ее представляютъ въ угрозахъ, а еще гораздо ужаснѣе. Впрочемъ
теперь я не буду заводить объ этомъ рѣчи. Довольно и того опа-
сенія, какое возбуждаютъ въ насъ одни слова (о гееннѣ), если
мы даже не будемъ раскрывать ихъ смысла. А что она не вре-
менна, послушай, что говоритъ здѣсь Павелъ о людяхъ, не вѣ-
дущихъ Бога и не вѣрующихъ въ евангеліе, именно, что они
подвергнутся наказанію, вѣчной погибели. Итакъ, какимъ обра-
зомъ вѣчное можетъ содѣлаться временнымъ? *Отъ лица*, гово-
ритъ, *Господня*. Что это значитъ? (Апостолъ) хочетъ этимъ выра-
зить то, что это легко можетъ совершиться. Такъ какъ люди бо-
гатые тогда очень превозносились, то онъ и говоритъ, что для
этого не нужно великихъ усилій, а довольно будетъ только придти
и явиться Богу, и всѣхъ (виновныхъ) постигнетъ наказаніе и
мука. Пришествіе Его для однихъ принесетъ радость, а для дру-
гихъ мученіе. *И отъ славы*, говоритъ, *крѣпости его, егда пріидетъ*
прославитися во святыхъ своихъ, и дивенъ быти во всѣхъ вѣровав-
шихъ. Что говоришь ты? Ужели Богъ прославится? Да,—*во всѣхъ*,
говоритъ, *святыхъ своихъ*. Какимъ образомъ? Когда тѣ, которые
нынѣ превозносятся, увидятъ, что тѣ самые, кого они мучили,
презирали и подвергали осмѣянію, содѣлались близкими къ Нему,
тогда откроется слава Его, или, правильнѣе говоря, въ этомъ бу-
детъ состоять и Его слава, и слава этихъ послѣднихъ.—Его слава,
потому что Онъ не оставилъ ихъ, но окружилъ большимъ блес- 480
комъ, ихъ слава, потому что они удостоились такой чести. По-
добно тому, какъ Его богатство состоитъ въ томъ, что нахо-
дятся вѣрные, такъ и слава Его состоитъ въ томъ, что есть такіе
люди, которые содѣлаются причастниками Его благъ. Слава до-
браго заключается въ томъ, что онъ имѣетъ, на кого изливать
свои благодѣянія. *И дивенъ быти*, говоритъ, *во всѣхъ вѣровавшихъ*.

То есть, чрезъ вѣрующихъ. Вотъ опять *въ* (ἐν) значитъ то же, что *чрезъ* (διά). Чрезъ нихъ (Богъ) проявитъ свое дивное (величіе). Дѣйствительно, когда злосчастныхъ, и уничиженныхъ, и перенесшихъ тысячи страданій, и сохранившихъ вѣру Онъ сподобитъ такой славы, тогда обнаружится сила Его, —потому что хотя здѣсь вѣрующіе были повидимому Имъ оставлены, однако тамъ удостоятся великой славы. Въ этомъ-то особенно открывается вся слава и сила Божія. А какъ именно, послушай, что (апостолъ) говоритъ далѣе: *яко увѣрися свидѣтельство наше въ васъ, въ день онъ. За сіе и молимся всегда о васъ* (ст. 11). То есть, когда предстанутъ посреди (судилища) тѣ, которые перенесли безчисленныя бѣдствія, будучи понуждаемы отступить отъ вѣры, и не отступили, но пребыли вѣрными, тогда прославится Богъ; въ это же время откроется и ихъ слава. Поэтому, такъ какъ многіе притворяются вѣрующими, то прежде смерти никого не ублажай: въ этотъ день обнаружится, кто (истинно) увѣровалъ. *За сіе и молимся*, говоритъ, *всегда о васъ, да вы сподобитъ званію Богъ нашъ, и исполнитъ всяко благоволеніе благости и дѣло вѣры въ силѣ* (ст. 11). *Да вы сподобитъ званію*, говоритъ, показывая этимъ, что многіе будутъ отринуты. Поэтому и прибавилъ: *и исполнитъ всяко благоволеніе благости.* Званъ былъ и въ скверныя ризы одѣтый, но не остался среди званныхъ, напротивъ, болѣе всего по этой причинѣ онъ былъ изверженъ изъ числа званныхъ въ брачный чер-
481 тогъ. Званы были тоже и пять дѣвъ: возстаньте, сказано имъ было, *женихъ грядетъ* (Мѳ. xxv, 6), и онѣ приготовились, но не вошли. Поэтому, объясняя, о какомъ званіи онъ говоритъ, (апостолъ) прибавилъ: *и исполнитъ всяко благоволеніе благости и дѣло вѣры въ силѣ.* Такого-то призыва, говоритъ, будемъ домогаться. Смотри, какъ незамѣтно онъ смиряетъ ихъ. Чтобы они, какъ люди, совершившіе великіе подвиги, не возгордились отъ избытка похвалъ и не предались лѣности, онъ говоритъ, что до тѣхъ поръ, пока они находятся въ этой жизни, имъ недостаетъ чего-то. Подобно тому и въ посланіи къ Евреямъ онъ говоритъ: *не у до крове стасте противу грѣха подвизающеся* (Евр. xп, 4). *Во всяко*, говоритъ, *благоволеніе*, то есть благоугожденіе, удостовѣреніе, удовлетвореніе. Какъ бы такъ сказалъ: чтобы вполнѣ удостовѣрился Богъ, что вамъ уже ничего болѣе недостаетъ для того, чтобы вы содѣлались такими, какъ онъ желаетъ. *И дѣло*, говоритъ, *вѣры въ силѣ.* Что это значитъ? Это онъ говоритъ о перенесеніи гоненій, чтобы мы не изнемогали. *Яко да прославится имя Господа нашего Іисуса Христа въ васъ, и вы въ немъ, по благодати Бога нашего и Господа Іисуса Христа* (ст. 12).

2. Смотри: прежде (апостолъ) восхвалялъ ихъ, и теперь тоже

говоритъ о прославленіи ихъ. Прежде сказалъ, что ихъ такъ прославляютъ, что и онъ самъ хвалится ими; сказалъ еще больше—что они прославляютъ (своими дѣлами) Бога; сказалъ, что они содѣлаются причастниками этой славы,—но и здѣсь высказываетъ (то же самое). Вѣдь когда прославляютъ владыку, тогда прославляютъ и его рабовъ. Поэтому (рабы), которые прославляютъ владыку, гораздо больше сами бываютъ прославляемы, какъ вслѣдствіе того (что прославляютъ владыку), такъ и независимо отъ того. Слава состоитъ въ страданіи за Христа, и (апостолъ) вездѣ называетъ славою подобнаго рода подвигъ. И чѣмъ большее мы терпимъ безчестіе, тѣмъ большей сподобляемся славы. Потомъ, опять желая показать, что и это также зависитъ отъ Бога, говоритъ: *по благодати Бога нашего и Господа Іисуса Христа.* То есть, самъ Богъ даровалъ намъ эту благодать, чтобы прославиться въ насъ и чтобы мы прославились въ Немъ. Какимъ образомъ Онъ прославляется въ насъ? Такимъ, что мы ничего не предпочитаемъ Ему. Какимъ образомъ мы прославляемся въ Немъ? Такимъ, что мы получаемъ отъ Него силу не ослабѣвать среди постигающихъ насъ несчастій. Когда случается съ нами какое-либо искушеніе, тогда одновременно прославляется и Богъ и мы. Именно Его прославляютъ за то, что Онъ насъ содѣлалъ такими крѣпкими, а намъ удивляются за то, что мы содѣлали себя достойными этого. Но все это зависитъ отъ благодати Божіей. *Молимъ же вы, братіе, о пришествіи Господа нашего Іисуса Христа, и нашемъ собраніи о немъ, не скоро подвизатися вамъ отъ ума* (II, 1). Не сказалъ, когда будетъ воскресеніе, но сказалъ, что оно не теперь послѣдуетъ. *И нашемъ,* говоритъ, *собраніи о немъ.* И это тоже немаловажно. Видишь ли, какъ опять наставленіе (соединяется) съ похвалою и ободреніемъ (проистекающимъ изъ того), что непремѣнно вмѣстѣ съ нами явится и Господь, и всѣ святые? Здѣсь онъ говоритъ о пришествіи Христовомъ и о нашемъ собраніи; то и другое послѣдуютъ одновременно. (Апостолъ) возбуждаетъ ихъ вниманіе, говоря, чтобы они не спѣшили колебаться. *Ни ужасатися, ниже духомъ, ниже словомъ, ни посланіемъ аки отъ насъ посланнымъ, яко уже настоитъ день Христовъ* (ст. 2). Мнѣ кажется, что здѣсь онъ указываетъ на то, что среди ихъ встрѣчались люди, которые составили подложное посланіе будто отъ Павла и, показывая его, утверждали, что уже насталъ день Господень, чтобы такимъ образомъ обольстить многихъ. Поэтому, чтобы они не впали въ заблужденіе, Павелъ предостерегаетъ ихъ, 482
когда говоритъ и пишетъ: *не ужасайтеся ниже духомъ, ниже словомъ.* Смыслъ этихъ словъ такой: хотя бы кто-нибудь, имѣя духъ пророчества, сказалъ вамъ это, не вѣрьте. Когда я былъ у васъ,

я объяснилъ вамъ все (относящееся къ этому предмету): поэтому вамъ не слѣдуетъ перемѣнять своего убѣжденія касательно того, чему вы были научены. Или *духомъ*. Онъ такъ называетъ лжепророковъ, говорившихъ по внушенію нечистаго духа то, что они говорили. Они, желая внушить къ себѣ больше довѣрія, старались вводить другихъ въ заблужденіе не только путемъ убѣжденія,—на это именно указываетъ (апостолъ), говоря: *ниже словомъ*,—но показывали еще подложное посланіе, будто бы отъ Павла, гдѣ говорилось о томъ же. Потому-то, указывая на это, (апостолъ) и прибавилъ: *ниже посланіемъ аки отъ насъ*.

Предохраняя ихъ такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ, онъ такъ излагаетъ свою собственную мысль и говоритъ: *да никтоже васъ прельститъ ни по единому же образу, яко аще не пріидетъ отступленіе прежде, и открыется человѣкъ беззаконія, сынъ погибели, противникъ и превозносяйся паче всякаго глаголемаго бога или чтилища, якоже ему сѣсти въ церкви Божіей аки богу, показующу себе, яко богъ есть* (ст. 3, 4). Здѣсь онъ говоритъ объ антихристѣ и открываетъ великія тайны. Что такое—*отступленіе?* Отступленіемъ онъ называетъ самого антихриста, такъ какъ онъ имѣетъ погубить многихъ и привести къ отступленію: *якоже прельстити*, сказано, *аще возможно и избранныя* (Мѳ. xxiv, 24). Называетъ его и человѣкомъ беззаконія, потому что онъ совершитъ тысячи беззаконій и побудитъ другихъ къ совершенію ихъ. А сыномъ погибели называетъ его потому, что и онъ самъ погибнетъ. Кто же онъ будетъ? Ужели сатана? Нѣтъ,—но человѣкъ нѣкій, который воспріиметъ всю его силу (ἐνέργειαν). *И открыется*, говоритъ, *человѣкъ, превозносяйся паче всякаго глаголемаго бога или чтилища*. Онъ не будетъ приводить къ идолослуженію, а будетъ богопротивникомъ (ἀντίθεος), отвергнетъ всѣхъ боговъ и велитъ покланяться себѣ, вмѣсто Бога, и будетъ возсѣдать въ храмѣ Божіемъ,—не въ іерусалимскомъ только, но и повсюду въ церквахъ. *Показующу*, говоритъ, *себе, яко богъ есть*. Не сказалъ, что онъ будетъ называть себя Богомъ, но—что онъ будетъ стараться показать себя Богомъ. Онъ совершитъ великія дѣла и покажетъ чудесныя знаменія. *Не помните ли, яко еще живый у васъ сія глаголахъ вамъ* (ст. 5)?

3. Видишь ли, что необходимо постоянно говорить объ одномъ и томъ же предметѣ и возобновлять въ памяти одни и тѣ же слова? Вотъ они слышали, какъ онъ говорилъ объ этомъ, когда былъ у нихъ, и опять имѣли нужду въ напоминаніи. Подобно тому какъ они, несмотря на то, что слышали о скорбяхъ,—*у васъ*, говоритъ, *егда бѣхомъ, предрекохомъ вамъ, яко имамы скорбѣти* (1 Сол. ш, 4),—забыли объ этомъ, и онъ опять ободрялъ

ихъ посредствомъ посланія, такъ и теперь, несмотря на то, что они слышали о пришествіи Христовомъ, опять имѣли нужду въ посланіи, которое вразумило бы ихъ. Поэтому онъ приводитъ имъ на память и показываетъ, что онъ теперь ничего необыкновеннаго не говоритъ имъ, но то же, что и всегда говорилъ. Подобно тому, какъ бываетъ у земледѣльцевъ: они однажды бросаютъ въ землю сѣмена, но послѣднія не всегда остаются тамъ, напротивъ, имѣютъ нужду въ великомъ попеченіи, и если кто не покроетъ посѣяннаго распаханною землею, то значитъ онъ сѣялъ для птицъ, подбирающихъ сѣмена,—такъ и мы, если не будемъ постояннымъ воспоминаніемъ согрѣвать посѣяннаго въ насъ, то всѣ (наши слова) будутъ какъ бы брошены на вѣтеръ: ихъ и діаволъ похищаетъ, и наша лѣность погубляетъ, и солнце изсушаетъ, и дождь потопляетъ, и терніе заглушаетъ. Поэтому 483
недостаточно только того, чтобы однажды посѣять и потомъ оставить сѣмена безъ вниманія; напротивъ, тотъ, кто хочетъ собрать плоды, долженъ имѣть великое попеченіе и заботливость, отгоняя птицъ, истребляя терніе, утучняя множествомъ земли каменистую почву, останавливая, преграждая и уничтожая все то, что можетъ вредить. Впрочемъ на (обыкновенной) нивѣ все зависитъ отъ земледѣльца, потому что сама она бездушна и приготовлена только къ тому, чтобы на нее обращена была дѣятельность другихъ; между тѣмъ на этой духовной нивѣ — не такъ. Здѣсь не все зависитъ отъ учителей, но если не больше, то, по крайней мѣрѣ, въ половину—и отъ учениковъ. Наша обязанность состоитъ въ томъ, чтобы сѣять сѣмя, а ваша—въ томъ, чтобы исполнять сказанное нами, чтобы, помня объ этомъ, посредствомъ дѣлъ являть въ себѣ плоды, съ корнемъ исторгать изъ себя терніе. Подлинно, богатство есть терніе, которое вовсе не приноситъ плода, видомъ безобразно, непріятно въ употребленіи, уязвляетъ того, кто дотрогивается до него, и не только само не приноситъ плодовъ, но препятствуетъ и развивающимся (растеніямъ) приносить ихъ. Таково-то богатство: оно не только само не приноситъ плода вѣчнаго, но и для желающихъ стяжать его составляетъ препятствіе. Терніе служитъ пищею для неразумныхъ верблюдовъ, — оно снѣдь для огня и совершенно безполезное произведеніе (природы). Равнымъ образомъ и богатство ни на что не бываетъ полезно, но служитъ только къ тому, чтобы разжигать пещь (геенскую), воспламенять тотъ день, который будетъ горѣть подобно раскаленной печи,—чтобы питать въ васъ безумныя страсти: злопамятство и гнѣвъ. Таковъ именно и верблюдъ, питающійся терніемъ. Люди свѣдущіе разсказываютъ, что нѣтъ ни одного животнаго до такой степени

злобнаго, яростнаго и мстительнаго, какъ верблюдъ. Такія же (свойства) имѣетъ и богатство: оно питаетъ безсмысленныя пожеланія души, а разумныя убодаетъ и уязвляетъ точно терніемъ. Растеніе это жестко и колюче и произрастаетъ само собою. Посмотримъ же, гдѣ оно и растетъ, чтобы вырвать его. (Оно растетъ) на мѣстахъ стремнистыхъ, каменистыхъ и сухихъ, гдѣ нѣтъ влаги. Итакъ, если кто бываетъ жесткимъ и крутымъ, т. е. несострадательнымъ,—въ томъ растетъ терніе. Но когда земледѣльцы хотятъ истребить терніе, то дѣлаютъ это не помощію желѣза,—но какъ? Разводятъ огонь и такимъ образомъ извлекаютъ изъ земли все дурное. Такъ какъ недостаточно того, чтобы сверху срѣзать терніе, тогда какъ внизу корень остается (невредимъ), ни даже того, чтобы вырвать корень,—потому что нѣчто вредное будетъ еще оставаться въ землѣ, подобно тому, какъ отъ всякой язвы, которая поражаетъ тѣло, остаются въ немъ вредныя слѣдствія,—то огонь, сверху втягивая въ себя всю влагу, которою пропитано терніе, какъ бы какой ядъ, при содѣйствіи теплоты извлекаетъ изъ нѣдръ земли. Подобно тому, какъ банка, употребляемая для пусканія крови, будучи приставлена, притягиваетъ къ себѣ изъ тѣла все вредное, такъ и огонь высасываетъ (изъ земли) все вредное, содержащееся въ терніи, и содѣлываетъ ее чистою. Но къ чему я говорилъ все это? Къ тому, что надобно повсюду истребить страсть къ богатству. И у насъ есть огонь, который исторгаетъ изъ души это зло—разумѣю огонь духовный. Если разведемъ этотъ огонь, то будемъ въ состояніи не только изсушить терніе, но и влагу, отъ него раждающуюся, такъ что если бы даже оно укоренилось (въ насъ), то и тогда обратилось бы въ ничто. Смотри, въ самомъ
484 дѣлѣ, какъ входитъ сюда богатый мужчина, или богатая женщина? Не заботится о томъ, чтобы слушать слово Божіе, а о томъ, какъ бы показать себя, какъ бы съ величавостію и великою гордостію занять здѣсь мѣсто, какъ бы превзойти всѣхъ прочихъ великолѣпіемъ одежды, и своею наружностью, взглядомъ и поступью возбудить въ другихъ большее къ себѣ уваженіе. И вся забота ея и попеченіе состоитъ въ томъ: видѣла ли ее такая-то? Удивлялась ли ей она? Хорошо ли я одѣлась? Но не объ этомъ только она имѣетъ попеченіе, а еще и о томъ, какъ бы не измялось, какъ бы не разорвалось ея платье. И въ этомъ только состоитъ вся ея забота. Подобнымъ образомъ входитъ и богатый мужчина, имѣя намѣреніе показать себя бѣдняку, привести его въ страхъ богатствомъ своихъ одеждъ и тѣмъ, что онъ имѣетъ множество слугъ, которые стоятъ около него, отгоняя толпу. Самъ онъ, по чрезмѣрной гордости, не благоволитъ сдѣлать и

этого, но до такой степени считаетъ это дѣло недостойнымъ свободнаго человѣка, что, несмотря на чрезмѣрную свою гордость, не дерзаетъ самъ дѣлать этого, а поручаетъ рабамъ, сопровождающимъ его,—впрочемъ поступать такъ дѣйствительно свойственно только людямъ рабскаго, безстыднаго нрава. Потомъ, когда онъ сядетъ, тотчасъ имъ овладѣваютъ заботы о домѣ, развлекая его вниманіе во всѣ стороны, его охватываетъ гордость, поработившая себѣ его душу. Онъ думаетъ, что оказалъ милость и намъ, и народу, и, можетъ быть, самому Богу—тѣмъ, что вошелъ въ храмъ Божій. Можетъ ли когда-либо исцѣлиться столь горделивый человѣкъ?

4. Скажи мнѣ, если бы кто вошелъ въ лѣчебницу и не у врача сталъ бы искать милости, но подумалъ бы, что онъ самъ дѣлаетъ ему милость, и вмѣсто того, чтобы просить себѣ лѣкарства отъ раны, сталъ бы заниматься своимъ платьемъ, то получилъ ли бы онъ, по выходѣ оттюда, какую-либо пользу? Я не думаю. Если хотите, я скажу вамъ и причину всего этого. Приходя сюда, они думаютъ, что приходятъ къ намъ, думаютъ, что отъ насъ они слышатъ то, что слышатъ. Не обращаютъ вниманія на то, не думаютъ о томъ, что они приходятъ къ Богу, что Онъ самъ говоритъ здѣсь съ ними. Въ самомъ дѣлѣ, когда чтецъ, возставъ, говоритъ: *сія глаголетъ Господь*, и когда діаконъ, стоя, побуждаетъ всѣхъ къ молчанію, тогда онъ это говоритъ не для того, чтобы оказать этимъ честь чтецу, но для того, чтобы воздать честь Тому, кто чрезъ него обращаетъ ко всѣмъ рѣчь. Если бы они знали, что Богъ говоритъ это чрезъ пророка, то отложили бы всякую гордость. Если они, когда съ ними говорятъ властители, воздерживаются отъ всякой невнимательности, то тѣмъ болѣе (должны такъ поступать), когда говоритъ съ ними Богъ. Возлюбленные! Мы только служители, мы говоримъ не свои слова, но слова Божіи. Здѣсь читаются посланія, ежедневно ниспосылаемыя съ неба. Скажи мнѣ, прошу тебя: если бы теперь, когда мы всѣ собраны, вошелъ человѣкъ, украшенный золотымъ поясомъ, и грозно и горделиво объявилъ, что онъ присланъ царемъ земнымъ, и принесъ на имя всего города посланіе по самому необходимому дѣлу, то развѣ не всѣ вы обратились бы къ нему? Развѣ не воцарилось бы здѣсь совершенное молчаніе, даже безъ приглашенія со стороны діакона? Я думаю, что такъ,—я слышалъ, какъ читаются здѣсь царскія посланія. Итакъ, когда кто-либо приходитъ сюда отъ царя, вы всѣ слушаете его со вниманіемъ; между тѣмъ отъ Бога приходитъ, и съ неба вѣщаетъ пророкъ, и никто его не слушаетъ? Развѣ вы не вѣрите, что все говорится отъ Бога? Эти посланія посланы отъ Бога. Бу-

демъ, поэтому, приходить въ церкви съ должнымъ почтеніемъ и
485 будемъ со страхомъ слушать то, что говорится въ нихъ. Зачѣмъ,
говоришь, мнѣ приходить, если я не слышу никакого проповѣд-
ника? Вотъ это именно губитъ и растлѣваетъ все. Откуда яви-
лась нужда въ проповѣдникѣ? Нужда эта явилась вслѣдствіе
нашего нерадѣнія. Какая надобность въ проповѣди? Все ясно и
просто, что говорится въ божественныхъ Писаніяхъ; все необхо-
димое понятно. Но такъ какъ вы любите слушать для своего
только развлеченія, то и ищете этого. Въ самомъ дѣлѣ, скажи
мнѣ: говорилъ ли когда Павелъ велерѣчиво? И однако онъ обра-
тилъ вселенную. Или Петръ, который былъ неученый?

Но, говоришь ты, я не знаю того, что содержится въ Свя-
щенномъ Писаніи. Почему же ты не знаешь этого? Развѣ на
еврейскомъ, или на римскомъ, или на какомъ-нибудь иностран-
номъ языкѣ они написаны? Развѣ не греческимъ языкомъ го-
ворится тамъ? Но неясно, говоришь ты. Что же тамъ неясно,
скажи мнѣ? Развѣ это не повѣствованія? Ты вѣдь знаешь то, что
ясно сказано тамъ, для того, чтобы спросить о томъ, что неясно.
Въ Писаніи содержится множество исторій: разскажи мнѣ одну
изъ нихъ. Но ты не разскажешь. Все это только предлогъ и
пустыя слова. Каждый день, говоришь ты, приходится слушать
одно и то же. Что же?—скажи мнѣ. Развѣ въ театрахъ не одно
и то же ты слышишь? На конскихъ ристалищахъ развѣ не одно
и то же видишь? И не всѣ ли вещи всегда однѣ и тѣ же? Не
одно ли и то же всегда восходитъ солнце? Не одну ли и ту же
всегда мы употребляемъ пищу? Желалъ бы я испытать тебя,
486 такъ какъ ты говоришь, что каждый день слышишь одно
и то же; скажи мнѣ, изъ какого пророка заимствовано прочитан-
ное мѣсто, изъ какого апостола, изъ какого посланія? Но ты не
можешь сказать мнѣ этого; тебѣ кажется, что ты слышалъ нѣчто
неизвѣстное тебѣ. Итакъ, когда хочешь оправдать свою лѣность,
ты говоришь, что слышишь все одно и то же; а когда тебя спро-
сятъ, то ты приходишь въ такое смущеніе, какъ будто ты ни-
когда не слыхалъ этого. Если одно и то же (читается всякій разъ),
то слѣдовало бы знать, а ты не знаешь. Все это достойно слезъ,—
слезъ и стенаній, потому что вотще трудится сребр占ковачъ. По-
тому-то и слѣдовало бы быть внимательнымъ, что одно и то же
(ты всегда здѣсь слышишь), что мы не причиняемъ вамъ ни ма-
лѣйшаго труда, не говоримъ ничего новаго и отличнаго отъ
прежняго. Итакъ что же? Такъ какъ ты говоришь, что (въ кни-
гахъ Писанія читается всегда) одно и то же, то по крайней мѣрѣ
проповѣдуемое нами не есть всегда одно и то же, напротивъ,
всякій разъ мы говоримъ нѣчто новое. Ужели вы внимаете этому

послѣднему? Нисколько. А если мы спросимъ: отчего вы не помните и сказаннаго нами?—вы отвѣтите: мы слышимъ всего одинъ только разъ, какъ же возможно намъ запомнить? Если же мы спросимъ: почему вы не внимаете тому (что читается въ книгахъ Писанія)?—вы отвѣтите: всякій разъ повторяютъ одно и то же. И все это внушаетъ вамъ лѣность и есть одна отговорка. Однакожъ не всегда это будетъ продолжаться, но настанетъ время, когда мы тщетно и безъ всякой пользы будемъ плакать объ этомъ. Да не попуститъ этого Господь, но лучше потщимся здѣсь перемѣниться, будемъ съ должнымъ усердіемъ и благоговѣніемъ внимать тому, что здѣсь говорится, съ полною заботливостію посвятимъ себя добрымъ дѣламъ и исправленію нашей жизни, чтобы мы могли получить блага обѣтованныя любящимъ Его, благодатію и человѣколюбіемъ (Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА IV.

И нынѣ удержавающее вѣсте, во еже явитися ему въ 485
свое ему время. Тайна бо уже дѣется беззаконія, точію держай нынѣ дондеже отъ среды будетъ: и тогда явится беззаконникъ, егоже Господь Іисусъ убіетъ духомъ устъ своихъ, и упразднитъ явленіемъ пришествія своего: егоже есть пришествіе по дѣйству сатанину (2 Сол. п, 6—9).

1. Справедливо всякій можетъ, во-первыхъ, спросить, что́ такое *удержавающее* (τὸ κατέχον), и потомъ обнаружить желаніе узнать, почему такъ неясно говоритъ объ этомъ Павелъ? Что же такое *удержавающее явитися ему*, то есть, препятствующее? Одни говорятъ, что это благодать Св. Духа, а другіе—римское государство; съ этими послѣдними я больше согласенъ. Почему? Потому что, если бы (апостолъ) хотѣлъ говорить о Духѣ, то не выразился бы объ этомъ неясно, но (сказалъ бы) опредѣленно, что теперь препятствуетъ ему явиться благодать Св. Духа, т. е. (чрезвычайныя) дарованія. Кромѣ того, надлежало бы уже ему придти, если тогда онъ долженъ придти, когда оскудѣютъ (чрезвычайныя) дарованія, потому что они давно оскудѣли. Но такъ какъ (апостолъ) говоритъ это о римскомъ государствѣ, то понятно, почему онъ только намекаетъ на это и до времени говоритъ прикровенно. Онъ не хотѣлъ навлечь на себя чрезмѣрной вражды и безполезной опасности. Въ самомъ дѣлѣ, если бы онъ сказалъ, что въ непро-

должительномъ времени разрушится римское государство, то тогда немедленно его, какъ возмутителя, стерли бы съ лица земли, и (вмѣстѣ съ нимъ) всѣхъ вѣрующихъ, какъ живущихъ и подвизающихся для этого.

Вотъ почему онъ не употребилъ такого выраженія: не сказалъ также и того, что это скоро послѣдуетъ, хотя (прикровенно) онъ и говоритъ это всегда. Но что? *Во еже*, говоритъ, *явитися ему въ свое ему время. Тайна бо уже дѣется беззаконія*. Здѣсь онъ указываетъ на Нерона, какъ на прообразъ антихриста, потому что и онъ хотѣлъ, чтобы его считали богомъ. Хорошо сказалъ онъ— *тайна*, потому что (Неронъ) не такъ явно и безстыдно (выдавалъ
486 себя за бога), какъ антихристъ. Итакъ, если еще прежде того времени, говоритъ, нашелся человѣкъ, который немного во злобѣ уступалъ антихристу, то что удивительнаго въ томъ, если со временемъ явится (настоящій антихристъ)? Говорилъ такимъ образомъ прикровенно и не хотѣлъ прямо указать на него (Нерона), не изъ страха, но чтобы научить насъ тому, что мы не должны навлекать на себя чрезмѣрной вражды, когда ничто насъ къ этому не принуждаетъ. Такъ же точно говоритъ онъ и здѣсь: *точію держай* (ὁ κατέχων) *нынѣ дондеже отъ среды будетъ*. То есть: когда прекратится существованіе римскаго государства, тогда онъ (антихристъ) придетъ. И справедливо,—потому что до тѣхъ поръ, пока будутъ бояться этого государства, никто скоро не подчинится (антихристу); но послѣ того, какъ оно будетъ разрушено, водворится безначаліе, и онъ будетъ стремиться похитить всю—и человѣческую и божескую—власть. Подобно тому какъ прежде того разрушены были царства, именно: мидійское—вавилонянами, вавилонское—персами, персидское—македонянами, македонское—римлянами, такъ и это послѣднее разрушено будетъ антихристомъ, а онъ самъ будетъ побѣжденъ Христомъ и болѣе уже не будетъ владычествовать. И все это съ большею ясностію передаетъ намъ Даніилъ. *И тогда*, говоритъ, *явится беззаконникъ*. Что же потомъ? Тотчасъ за этимъ слѣдуетъ утѣшеніе: (апостолъ) прибавляетъ: *егоже Господь Іисусъ убіетъ духомъ устъ своихъ, и упразднитъ явленіемъ пришествія своего: егоже есть пришествіе по дѣйству сатанину*. Подобно тому, какъ огонь, когда только приближается, еще прежде пришествія своего приводитъ въ оцѣпенѣніе и уничтожаетъ малыхъ животныхъ, которыя даже вдали находятся, такъ точно и Христосъ однимъ своимъ повелѣніемъ и пришествіемъ убьетъ антихриста. Достаточно явиться ему, и все это погибнетъ. Едва только явится (Господь), и уже положитъ конецъ
487 обольщенію. Объясняя затѣмъ, кто таковъ тотъ, *егоже пришествіе по дѣйству сатанину*, говоритъ: *во всякой силѣ и знаменіихъ и чу-*

десѣхъ ложныхъ (ст. 9). То есть, онъ обнаружитъ великую силу; но въ этомъ ничего не будетъ истиннаго, напротивъ, цѣль всего будетъ составлять обольщеніе. (Апостолъ) предрекъ это, чтобы не прельстились живущіе тогда. *И въ чудесѣхъ*, говоритъ, *ложныхъ:* или обманчивыхъ, или вводящихъ въ обманъ. *И во всякой льсти неправды въ погибающихъ* (ст. 10). Для чего, ты скажешь, Богъ попуститъ быть всему этому? И какое Его намѣреніе? Какая польза отъ пришествія антихристова, если оно будетъ къ нашей погибели? Не бойся, возлюбленный, но послушай, что говоритъ апостолъ: (антихристъ) возобладаетъ только надъ погибающими, которые, хотя бы онъ и не пришелъ, не увѣровали бы. Какая же отсюда будетъ польза, ты скажешь? Та, что будутъ заграждены уста тѣхъ, которые осуждены на погибель. Какимъ образомъ? Они не увѣровали бы во Христа, хотя бы антихристъ и не пришелъ; но онъ придетъ съ тою цѣлію, чтобы изобличить ихъ. Для того, чтобы они тогда не сказали: такъ какъ Христосъ называлъ Себя Богомъ,—хотя Онъ самъ нигдѣ не сказалъ этого ясно, а только проповѣдали тѣ, которые послѣ Него были,—то мы по этой причинѣ и не увѣровали въ Него, потому что мы слышали, что Богъ единъ, отъ котораго все, и вслѣдствіе того мы не повѣрили,—этотъ ихъ предлогъ (къ оправданію) отниметъ у нихъ антихристъ. Когда онъ придетъ и, несмотря на то, что онъ не заповѣдуетъ ничего праведнаго, а только одно беззаконіе, они увѣруютъ въ него, единственно ради ложныхъ его чудесъ, тогда заградятся ихъ уста. Въ самомъ дѣлѣ, если ты не вѣруешь Христу, то тѣмъ болѣе не долженъ вѣрить антихристу. Первый говорилъ, что Онъ посланъ Отцемъ, а этотъ послѣдній (будетъ говорить) совсѣмъ другое. Потому-то Христосъ и говорилъ: *Азъ пріидохъ во имя Отца, и не пріясте мене: аще инъ пріидетъ во имя свое, того пріемлете* (Іоан. v, 43). Но мы, скажутъ, видѣли знаменія? И отъ Христа совершено было много великихъ (чудесъ); поэтому гораздо болѣе слѣдовало увѣровать въ Него. Кромѣ того, объ антихристѣ много было предсказано,—что онъ беззаконникъ, что онъ сынъ погибели, что пришествіе его по дѣйству сатанину; тогда какъ напротивъ о Христѣ—что Онъ Спаситель и принесетъ безчисленныя блага. *Зане любви истины не пріяша, во еже спастися имъ, сего ради послетъ имъ Богъ дѣйство льсти, во еже вѣровати имъ лжи: да судъ пріимутъ вси не вѣровавшіи истинѣ, но благоволившіи въ неправдѣ* (ст. 10—12).

2. *Да судъ пріимутъ*. Не сказалъ: да получатъ наказаніе, такъ какъ и безъ того ихъ ожидало наказаніе, но: *да судъ пріимутъ*, т. е. подвергнутся осужденію на томъ страшномъ судилищѣ, чтобы имъ быть безотвѣтными. Кто же это будетъ? (Апо-

столъ) самъ изъяснилъ это, говоря: *невѣровавшіи истинѣ, но благоволивишіи въ неправдѣ*. А любовію истины онъ называетъ Христа: *зане*, говоритъ, *любви истины не пріяша*. Христосъ былъ и то и другое, и приходилъ ради того и другого: по любви къ людямъ и чтобы открыть истинное значеніе всего. *Но благоволивишіи*, говоритъ, *въ неправдѣ*. Антихристъ придетъ на погибель человѣческую, чтобы наносить людямъ обиды. Въ самомъ дѣлѣ, чего онъ не сдѣлаетъ въ то время? Все приведетъ въ смятеніе и въ замѣшательство, какъ посредствомъ своихъ повелѣній, такъ и посредствомъ страха. Онъ будетъ страшенъ во всѣхъ отношеніяхъ—и своею властію, и жестокостію, и беззаконными повелѣніями. Но не бойся: онъ будетъ имѣть силу, говоритъ (апостолъ), только надъ погибающими. И Илія тогда придетъ, чтобы поддержать вѣрующихъ. Объ этомъ говоритъ Христосъ: *Илія пріидетъ и устроитъ вся* (Мѳ. XVII, 11). Потому объ Іоаннѣ сказано, что онъ
488 (предъидетъ предъ Господомъ) *духомъ и силою Иліиною* (Лук. I, 17), такъ какъ онъ не творилъ ни знаменій, какъ Илія, ни чудесъ. *Іоаннъ убо*, сказано, *знаменія не сотвори ни единаго: вся же, елика рече Іоаннъ о семъ, истинна бяху* (Іоан. X, 41). Что же значатъ слова: *духомъ и силою Иліиною?* То, что (Іоаннъ) будетъ проходить то же самое служеніе. Какъ Іоаннъ былъ предтечею перваго пришествія (Христа), такъ Илія будетъ предтечею второго и славнаго Его пришествія, и блюдется для этого. Не будемъ поэтому бояться ничего: (апостолъ) встревожилъ умы слушателей, но не сдѣлалъ того, чтобы они считали настоящее свое положеніе несчастнымъ, напротивъ, показалъ, что за это надлежитъ благодарить (Бога). Потому и присовокупилъ: *мы же должни есмы благодарити Бога всегда о васъ, братіе возлюбленная отъ Господа, яко избралъ есть васъ Богъ отъ начала во спасеніе во святыни духа и вѣрѣ истины* (ст. 13). Какъ избралъ во спасеніе? Это объяснилъ (апостолъ), когда сказалъ: *во святыни духа*, то есть, освятилъ васъ духомъ и истинною вѣрою, отъ чего и зависитъ наше спасеніе, а не отъ дѣлъ, ни отъ подвиговъ, но отъ истинной вѣры. Вотъ опять *въ* (ἐν) употреблено вмѣсто *чрезъ* (διά). *Во святыни*, говоритъ, *духа, въ неже призва васъ благовѣствованіемъ нашимъ, въ полученіе славы Господа нашего Іисуса Христа* (ст. 14). И того нельзя считать маловажнымъ, если Христосъ наше спасеніе признаетъ своей славой. Слава человѣколюбца—въ томъ, чтобы какъ можно больше было спасающихся. Великъ, поэтому, Господь нашъ, если Онъ въ такой мѣрѣ желаетъ нашего спасенія. Великъ и Духъ Святый, совершающій наше освященіе. Почему (апостолъ) сказалъ напередъ не о вѣрѣ, но объ освященіи? Потому, что и послѣ освященія мы имѣемъ въ ней великую нужду, чтобы намъ не

совратиться. Видишь ли, какъ (апостолъ) даетъ имъ замѣтить, что ничто не зависитъ отъ нихъ, но все отъ Бога?

Тѣмже убо, братіе, стойте, и держите преданія, имже научистеся или словомъ, или посланіемъ нашимъ (ст. 15). Отсюда очевидно, что (апостолы) не все предали чрезъ посланія, но многое сообщали и безъ письмени; между тѣмъ и то и другое равно достовѣрно. Поэтому мы должны признавать достовѣрнымъ и церковное преданіе. Есть преданіе, больше не ищи ничего. Здѣсь (апостолъ) показываетъ, что многіе колеблются (въ вѣрѣ). *Самъ же Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и Богъ и Отецъ нашъ, возлюбивый насъ и давый утѣшеніе вѣчно и упованіе благо въ благодати, да утѣшитъ сердца ваша и да утвердитъ во всякомъ дѣлѣ и словѣ благѣ* (ст. 16—17). Опять за увѣщаніемъ слѣдуетъ молитва: въ этомъ воистину состоитъ помощь. *Возлюбивый*, говоритъ, *насъ и давый утѣшеніе вѣчно и упованіе благо въ благодати*. Гдѣ нынѣ тѣ, которые уничижаютъ Сына потому, что Онъ именуется послѣ Отца (при сообщеніи) благодати крещенія? Вотъ здѣсь напротивъ (апостолъ) прежде говоритъ: *Господь нашъ Іисусъ Христосъ*, а потомъ уже: *Богъ и Отецъ Господа нашего. Возлюбивый насъ и давый утѣшеніе вѣчно*. Какое это утѣшеніе? Надежду будущихъ (благъ). Видишь ли, какъ онъ путемъ молитвы старается ободрить ихъ сердца, представляя ручательства и знаменія неизреченнаго промышленія Божія о нихъ? *Да утѣшитъ*, говоритъ, *сердца ваша во всякомъ дѣлѣ и словѣ благѣ*, т. е. посредствомъ всякаго добраго 489
дѣла и слова. Утѣшеніе христіанъ состоитъ въ томъ, что они не только желаютъ дѣлать что-нибудь доброе, но еще сверхъ того угодное Богу. Смотри, какъ онъ смиряетъ ихъ высокомѣріе. *Давый утѣшеніе*, говоритъ, *и упованіе благо въ благодати*. И вмѣстѣ подаетъ добрыя надежды относительно будущаго. Если Богъ даровалъ имъ такъ много по благодати, то тѣмъ болѣе (даруетъ имъ) будущія блага. Конечно, говоритъ, сказалъ это я, а все зависитъ отъ Бога. *Да утвердитъ*, да укрѣпитъ васъ, чтобы вы не колебались, не уклонялись. Это зависитъ сколько отъ насъ, столько же и отъ Него. Слѣдовательно, (сказанное имъ) относится и къ догматамъ вѣры и къ правиламъ дѣятельности. Утѣшеніе въ томъ состоитъ, чтобы мы оставались непоколебимыми. Тотъ, кто не колеблется,—все, что ни пришлось бы ему перенесть, переноситъ съ великимъ долготерпѣніемъ; напротивъ тотъ, чей умъ колеблется,—не въ состояніи совершить ни одного добраго или доблестнаго поступка; подобно какому-нибудь разслабленному, колеблется и душа, когда въ ней нѣтъ убѣжденія, что она достигнетъ доброй цѣли. *Прочее молитеся о насъ, братіе, да слово Господне течетъ и славится, якоже и въ васъ* (III, 1).

3. Итакъ, прежде онъ молился объ нихъ, чтобы имъ утвердиться (въ вѣрѣ). Теперь обращается къ нимъ съ просьбою, побуждая ихъ помолиться о немъ,—не о томъ, чтобы онъ не подвергался опасностямъ (онъ на это обрекъ себя), но о томъ, *да слово Господне течетъ и славится, якоже и въ васъ.* Просьба соединена съ похвалою: *якоже*, говоритъ, *и въ васъ. И да избавимся злыхъ* (ἀτόπων) *и лукавыхъ человѣкъ: не всѣхъ бо есть вѣра* (ст. 2). Этимъ онъ указываетъ и на свои собственныя опасности, что особенно и утѣшало ихъ. *Отъ злыхъ*, говоритъ, *и лукавыхъ человѣкъ: не всѣхъ бо есть вѣра.* Можетъ быть, это онъ говоритъ о тѣхъ, которые опровергали его проповѣдь, возставали и враждовали противъ догматовъ вѣры: на это намекаетъ онъ, говоря: *не всѣхъ бо есть вѣра.* Мнѣ кажется, что онъ говоритъ здѣсь не объ опасностяхъ, а о людяхъ, которые противорѣчили и противодѣйствовали его проповѣди, какъ Именей, какъ Александръ ковачъ. *Зѣло бо*, говоритъ, *противится словесемъ нашимъ* (2 Тим. IV, 15). Подобно тому, какъ если бъ кто говорилъ объ отцовскомъ наслѣдствѣ, что не всѣ удостоятся служить въ царскомъ воинствѣ, такъ и онъ говоритъ о лукавыхъ людяхъ, отъ которыхъ онъ желаетъ избавиться, что это такіе люди, которымъ дано не вѣровать. Говоря это, онъ въ то же время ободряетъ ихъ (ѳессалоникійцевъ). Слѣдовательно, между ними были великіе люди, если они имѣли такое дерзновеніе, что могли даже освободить отъ опасности своего учителя и облегчить для него проповѣдь. Поэтому и мы то же самое къ вамъ говоримъ. Пусть никто не упрекаетъ насъ въ гордости; пусть никто изъ васъ, по чрезмѣрному смиренію, не лишаетъ насъ столь великой помощи. Мы не съ такимъ намѣреніемъ говоримъ это, съ какимъ говорилъ Павелъ. Онъ говорилъ это, желая утѣшить своихъ учениковъ; а мы—чтобы собрать отъ этого нѣкоторый великій и добрый плодъ. И мы сильно вѣруемъ, что, если бы всѣ вы пожелали единодушно простереть къ Богу руки (съ молитвою) о нашей смиренности,—мы имѣли бы успѣхъ во всемъ. Поэтому вооружимся молитвою и моленіями противъ враговъ. Если древніе такимъ образомъ боролись съ тѣми, которые были вооружены, то тѣмъ болѣе намъ должно бороться такъ съ невооруженными врагами. Такъ Езекія обратилъ въ бѣгство ассиріянъ, такъ Моисей—Амалика, такъ
490 Самуилъ — жителей Аскалона, такъ Израиль—тридцать двухъ царей. Если тамъ, гдѣ нужно было употребить оружіе, боевой строй, гдѣ нужно было сражаться, они, оставивъ оружіе, прибѣгли къ молитвѣ, то не тѣмъ ли болѣе должно молиться здѣсь, гдѣ молитвами нужно содѣйствовать исполненію (начатаго) дѣла? Но тамъ, скажете вы, молились вожди за народъ, а ты хочешь,

чтобы народъ молился за своего вождя? Знаю это и я. Но тамъ подчиненные были люди злосчастные и презрѣнные; потому они и спасались только дерзновеніемъ и добродѣтелію вождя. А нынѣ, когда благодать Божія пріумножилась, и между подчиненными находимъ много, или лучше, большую часть такихъ, которые во многихъ отношеніяхъ превосходятъ того, кто ими управляетъ,— вы не должны лишать насъ своего содѣйствія. Поддержите наши руки, чтобы онѣ не ослабѣли; отверзите намъ уста, чтобы они не были заграждены; молите Бога, молите Его объ этомъ. При томъ только нѣкоторая часть изъ того, что совершается, служитъ намъ на пользу, между тѣмъ все совершается ради васъ: мы поставлены для вашей пользы, заботимся о вашихъ выгодахъ. Молитесь каждый и наединѣ, и во время общественной молитвы. Смотри, что говоритъ Павелъ: *да еже въ насъ дарованіе, многими благодарится о насъ* (2 Кор. I, 11), т. е., чтобы многимъ Онъ далъ благодать. Если у людей, когда народъ, собравшись, станетъ просить за осужденныхъ и ведомыхъ на смерть преступниковъ, царь, будучи тронутъ мольбою множества народа, отмѣняетъ приговоръ, то тѣмъ болѣе Богъ тронется вашими молитвами, не ради вашей многочисленности, но ради вашихъ добродѣтелей. А мы имѣемъ сильнаго врага.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ васъ каждый печется и заботится только о самомъ себѣ, мы же о всѣхъ вмѣстѣ. Мы поставлены въ такомъ мѣстѣ на полѣ битвы, которое болѣе другихъ подвержено опасности. Діаволъ нападаетъ на насъ сильнѣе. Такъ и на войнѣ непріятель старается, прежде всѣхъ другихъ, поразить военачальника. Поэтому туда, гдѣ онъ находится, устремляются дружно всѣ воины. Отъ этого тамъ большое происходитъ смятеніе, такъ какъ каждый (изъ враговъ) старается его погубить, между тѣмъ какъ (свои) со всѣхъ сторонъ окружаютъ его щитами, желая спасти его голову. Послушайте, что говоритъ Давиду весь народъ (говорю это не съ тою цѣлью, чтобы сравнивать себя съ Давидомъ,—я не столько безуменъ,—а хочу только показать любовь народа къ своему вождю): *не изыдеши*, говорятъ, *ктому съ нами на брань, да не угасиши свѣтильника Израилева* (2 Цар. XXI, 17). Смотри, какъ они щадили старца? Я имѣю великую нужду въ вашихъ молитвахъ. Пусть никто изъ васъ, какъ я сказалъ, по излишнему смиренію, не лишаетъ меня этого содѣйствія и помощи. Если мы будемъ преуспѣвать, то и ваше положеніе сдѣлается блистательнѣе. Если будетъ пріумножаться наше учительство, то богатство перейдетъ къ вамъ. Послушай, что говоритъ пророкъ: *еда пасутъ пастыри самихъ себе* (Iез. XXXIV, 3)? Видишь ли, какъ Павелъ усильно требуетъ этихъ молитвъ? Слы-

паль ли ты, что Петръ изведенъ былъ изъ темницы вслѣдствіе того, что о немъ приносима была непрестанная молитва? Я вполнѣ увѣренъ, что и ваша молитва, приносимая съ такимъ единодушіемъ, будетъ имѣть великую силу. Насколько, вы думаете, превосходитъ нашу смиренность дѣло предстательства предъ Богомъ и молитвы за столькихъ людей? Если я не имѣю дерзновенія молиться за самого себя, то тѣмъ болѣе за другихъ. Вѣдь только тому, кто самъ заслуживаетъ одобреніе и кто снискалъ Божіе къ себѣ благоволеніе, приличествуетъ молить Бога о милосердіи къ другимъ. Напротивъ, какъ можетъ ходатайствовать предъ Нимъ за другого тотъ, кто самъ оскорбилъ Его? Но такъ какъ я объемлю васъ отеческою любовію, такъ какъ любовь дерзаетъ на все, то я
491 не только въ церкви, но и у себя дома, прежде всего творю молитву о вашемъ душевномъ и тѣлесномъ здравіи. Подлинно, никакая другая молитва столько не преличествуетъ священнику, какъ та, въ которой онъ больше молится и ходатайствуетъ предъ Богомъ о благѣ народа, нежели о своемъ. Если Іовъ, вставая отъ сна, тотчасъ творилъ столь обильныя (молитвы) о своихъ плотскихъ дѣтяхъ, то не тѣмъ ли больше мы должны дѣлать то же ради нашихъ духовныхъ чадъ?

4. Но къ чему я говорю это? Къ тому, что, если мы творимъ молитвы и прошенія за всѣхъ васъ, несмотря на то, что мы такъ мало соотвѣтствуемъ важности этого призванія, то тѣмъ болѣе справедливо, чтобы и вы дѣлали то же для насъ. Въ томъ, что одинъ молится за всѣхъ, обнаруживается великая дерзость и чрезмѣрная самоувѣренность, но когда многіе вмѣстѣ собираются для молитвы объ одномъ, тогда въ этомъ нельзя найти ничего предосудительнаго. Каждый дѣлаетъ это, полагаясь не на свою добродѣтель, а на многочисленность и единодушіе (молящихся), которое всегда болѣе всего умилостивляетъ Бога. *Идѣже бо*, говорится, *еста два или тріе собрани во имя мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Мѳ. XVIII, 20). Если тамъ, гдѣ только двое или трое соберутся вмѣстѣ, (Христосъ) бываетъ посреди ихъ, то тѣмъ болѣе (Онъ будетъ находиться) посреди васъ. Чего не можетъ получить тотъ, кто одинъ молится самъ за себя, то онъ получитъ, молясь въ собраніи многихъ. Почему? Потому что, если не его собственная добродѣтель, то общее единодушіе будетъ имѣть великую силу. *Идѣже*, говоритъ, *еста два или тріе собрани*. Для чего сказалъ Онъ—*два?* Отчего тамъ, гдѣ будетъ одинъ во имя Твое, Ты не будешь пребывать вмѣстѣ съ нимъ? Потому что хочу, чтобы всѣ были вмѣстѣ соединены и не отдѣлялись другъ отъ друга. Соединимся поэтому другъ съ другомъ, свяжемъ себя взаимно узами любви,—пусть ничто не разлучаетъ насъ.

Если кто обвиняетъ другого, или опечаленъ кѣмъ-либо, пусть не таитъ этого въ душѣ своей, ни предъ ближнимъ, ни предъ вами. Я прошу у васъ этой милости,—приходите къ намъ, обличайте, и получите отъ насъ оправданія. *Обличи*, сказано, *негли не рече: обличи, егда еще не сотворилъ: и аще сотворилъ, да не приложитъ ктому* (Сир. xix, 14, 13). Мы или оправдаемся, или, будучи осуждены, попросимъ прощенія и постараемся впредь уже не дѣлать того же. Это будетъ полезно и вамъ, и намъ. Вы, обвиняя насъ можетъ быть и несправедливо, когда узнаете истинное положеніе дѣла, исправитесь; а мы, согрѣшая по невѣдѣнію, можемъ тоже исправиться. Невниманіе къ этому вамъ не принесетъ пользы, — потому что предстоитъ наказаніе тѣмъ, кто скажетъ какое-либо праздное слово; между тѣмъ мы могли бы избавить себя отъ обвиненій, какъ ложныхъ, такъ и истинныхъ: отъ ложныхъ тѣмъ, что докажемъ ихъ ложность, отъ истинныхъ тѣмъ, что впредь не будемъ того же дѣлать. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ, кто долженъ имѣть попеченіе о столь многихъ, по необходимости многаго не знаетъ, и по незнанію по- 492
грѣшаетъ. Если у васъ каждый, кто имѣетъ свой домъ, жену, дѣтей, рабовъ, которыми онъ управляетъ,—много ли ихъ будетъ у него, или мало,—все равно много погрѣшаетъ противъ этихъ людей, несмотря на то, что ихъ такъ легко можно перечесть, не потому, чтобы самъ хотѣлъ того, но потому, что бываетъ принужденъ къ этому или невѣдѣніемъ, или желаніемъ исправить что-нибудь,—то тѣмъ болѣе можемъ погрѣшать мы, предстоятельствуя надъ столь многочисленнымъ народомъ. Пусть и еще умножитъ васъ Господь, и благословитъ васъ, малыхъ и великихъ. Хотя и большое потребно попеченіе о множествѣ людей, тѣмъ не менѣе мы непрестанно молимся о томъ, чтобы увеличилась для насъ эта забота, и чтобы еще больше размножился этотъ народъ и содѣлался многочисленнымъ и несмѣтнымъ. Такъ и отцы, несмотря на то, что множество дѣтей и причиняетъ имъ часто заботы, не желаютъ однако лишиться ни одного изъ нихъ. Во всемъ у насъ съ вами равныя преимущества, и главнѣйшія изъ благъ у насъ съ вами одни и тѣ же. Я не въ большемъ количествѣ, и вы не въ меньшемъ пріобщаемся священной трапезы, но одинаково приступаемъ къ ней — какъ я, такъ и вы. И если я приступаю первый, то этого нисколько не должно считать чѣмъ-нибудь важнымъ, потому что и между дѣтьми старшій первый простираетъ руку къ яствамъ, между тѣмъ ничего больше отъ этого не происходитъ: все (преимущества) у насъ для всѣхъ равны. Спасительная и укрѣпляющая наши души жизнь подается всѣмъ съ равною честію. Не отъ

одного агнца я, а отъ другого—вы, но отъ одного и того же пріобщаемся всѣ. Всѣ имѣемъ одно и то же крещеніе; всѣ сподобились одного и того же Духа; въ одно и то же мы съ вами стремимся царство; всѣ мы равно братія Христовы; все у насъ общее. Въ чемъ же состоитъ мое преимущество предъ вами? Въ заботахъ, трудахъ, безпокойствахъ, въ скорби объ васъ. Но нѣтъ для насъ ничего пріятнѣе этой скорби. Такъ и мать, печалясь о своихъ дѣтяхъ, радуется своей печали; заботится о своихъ дѣтяхъ, и радуется этимъ заботамъ. Хотя забота сама по себѣ непріятна, но когда она бываетъ о дѣтяхъ, то доставляетъ великое удовольствіе. Я многихъ изъ васъ родилъ, но и послѣ этого страдаю муками рожденія. Плотскія матери прежде испытываютъ муки рожденія, а потомъ уже раждаютъ; здѣсь же даже до послѣдняго издыханія нашего—муки рожденія и (опасеніе), какъ бы и послѣ рожденія не оказался кто-либо неблаговременно родившимся. И несмотря на то, я сильно желаю (переносить такія страданія). Хотя бы и другой, какъ это часто бываетъ, родилъ кого-нибудь (въ жизнь духовную), тѣмъ не менѣе я безпокоюсь (о рожденномъ), потому что мы раждаемъ не сами отъ себя, но все принадлежитъ благодати Божіей. Если же и я, и другой—раждаемъ отъ одного и того же Духа, то не погрѣшитъ тотъ, кто рожденныхъ мною назоветъ его дѣтьми, и рожденныхъ имъ—моими. О всемъ этомъ помышляйте и простирайте руки, чтобы и вы послужили къ прославленію нашему, и мы—къ вашему, въ день Господа нашего Іисуса Христа, который да сподобимся всѣ мы съ дерзновеніемъ встрѣтить во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.

БЕСѢДА V.

491—492 **Вѣренъ же есть Господь, иже утвердитъ васъ, и сохранитъ отъ лукаваго. Уповаемъ же на Господа о васъ, яко яже повелѣваемъ вамъ, и творите и сотворите. Господь же да исправитъ сердца ваша въ любовь Божію, и въ терпѣніе Христово (2 Сол. ш, 3—5).**

1. Мы не должны, съ одной стороны, все предоставляя молитвамъ святыхъ, сами коснѣть въ праздности и стремиться къ пороку и не исполнять ничего такого, что приводитъ къ добродѣтели, а съ другой стороны, дѣлая добро, не должны пренебрегать и этою помощію. Великую, поистинѣ великую силу имѣетъ молитва, которую о насъ (приносятъ Богу), но только тогда, когда и мы сами подвизаемся. Потому и Павелъ, молясь о нихъ,

опять удостовѣряетъ (въ успѣхѣ) тѣмъ, что даны были обѣтованія, и говоритъ: *вѣренъ же есть Господь, иже утвердитъ васъ, и сохранитъ отъ лукаваго.* Если Онъ избралъ васъ ко спасенію, то не солжетъ и не позволитъ вамъ совершенно погибнуть. Но чтобы этимъ не привести ихъ къ безпечности и чтобы они сами, полагая, что все зависитъ отъ Бога, не предались сну,—смотри, какъ 493
(апостолъ) и съ ихъ стороны требуетъ содѣйствія, когда говоритъ: *уповаемъ же на Господа о васъ, яко яже повелѣваемъ вамъ, и творите и сотворите.* Итакъ, говоритъ, вѣренъ Богъ и, давъ обѣтованіе спасти васъ, несомнѣнно спасетъ; но—какъ обѣщалъ. А какъ Онъ обѣщалъ? Если мы сами захотимъ, если будемъ повиноваться Ему, а не просто, не тогда, когда будемъ пребывать въ бездѣйствіи, подобно деревьямъ и камнямъ. Правильно употребилъ (апостолъ) и это выраженіе: *уповаемъ на Господа,* т. е. уповаемъ на Его человѣколюбіе. Опять низлагаетъ ихъ (гордость), показывая, что все зависитъ (отъ Бога). Если бы онъ сказалъ, что мы вѣримъ вамъ, то хотя въ этомъ заключалась бы великая для нихъ похвала, но зато онъ не показалъ бы того, что они поставляютъ все въ зависимости отъ Бога; напротивъ, если бы онъ сказалъ: мы уповаемъ на Господа, что Онъ сохранитъ васъ, и не прибавилъ того выраженія—*о васъ*, и (другого)—*яко яже повелѣваемъ вамъ, и творите и сотворите,* то, возложивъ всю (надежду) на силу Божію, онъ содѣлалъ бы ихъ болѣе преданными лѣности. Хотя мы должны все относить къ Богу, однакожъ и сами должны быть дѣятельными, должны брать на себя труды и подвиги. Здѣсь (апостолъ) показываетъ также, что хотя добродѣтель и одна достаточна, чтобы спасти насъ, однако необходимо, чтобы она достигла надлежащей степени совершенства и пребывала вмѣстѣ съ нами до послѣдняго нашего издыханія. *Господь же да исправитъ сердца ваша въ любовь Божію, и въ терпѣніе Христово.* Опять хвалитъ ихъ и молится о нихъ, обнаруживая въ этомъ свое попеченіе о нихъ. Такъ какъ онъ намѣренъ потомъ приступить въ обличенію, то предварительно смягчаетъ ихъ сердце и тѣмъ, что говоритъ: я увѣренъ въ вашемъ послушаніи,—и тѣмъ, что проситъ у нихъ молитвъ о себѣ,—и тѣмъ, что опять молится самъ (о ниспосланіи имъ) безчисленныхъ благъ. *Господь же,* говоритъ, *да исправитъ сердца ваша въ любовь Божію.* Много есть такихъ предметовъ, которые отвращаютъ насъ отъ любви, и много есть путей, которые насильно влекутъ насъ оттуда. И во-первыхъ, порокъ любостяжанія, какъ бы охватывая нашу душу своими, такъ сказать, безстыдными руками, и крѣпко держа ее, даже противъ нашей воли влечетъ и удаляетъ ее оттуда. Потомъ отвлекаютъ тщеславіе, и скорби, и часто также

искушенія. Поэтому мы нуждаемся въ помощи Божіей, какъ бы въ нѣкоторомъ вѣтрѣ, чтобы нашъ парусъ, точно какимъ сильнымъ дуновеніемъ, подвигаемъ былъ къ любви Божіей. Не говори мнѣ поэтому, что ты любишь Бога даже больше, нежели самого себя. Это одни слова: докажи мнѣ посредствомъ дѣлъ, что ты подлинно любишь Его больше себя самого. Возлюби Его больше, нежели деньги,—и тогда я повѣрю, что ты любишь Его больше самого себя. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ презирать самого себя тотъ, кто не презираетъ денегъ ради Бога? Но что я говорю—денегъ? Если ты не презираешь любостяжанія, что̀ надлежало бы исполнять и безъ повелѣнія Божія, то какъ станешь ты презирать самого себя? *И въ терпѣніе*, говоритъ, *Христово*. Что значитъ: *въ терпѣніе?* То, что мы должны терпѣть такъ, какъ терпѣлъ Христосъ, или что мы должны поступать такъ (какъ Онъ), или что мы должны съ терпѣніемъ ожидать Его, т. е. быть готовы (къ принятію Его). Такъ какъ Онъ далъ намъ много обѣтованій и самъ придетъ судить живыхъ и мертвыхъ, то мы должны ожидать Его и быть терпѣливы. Впрочемъ вездѣ, гдѣ (апостолъ) говоритъ о терпѣніи, всегда намекаетъ на скорби. Въ томъ и состоитъ любовь къ Богу, чтобы терпѣть и не приходить (отъ этого) въ смущеніе. *Повелѣваемъ же вамъ, братіе, о имени Господа нашего Іисуса Христа, отлучатися вамъ отъ всякаго брата безчинно ходяща, а не по преданію, еже пріяша отъ насъ* (ст. 6). То есть: не мы говоримъ это, но Христосъ: такое
494 именно значеніе имѣютъ слова: *о имени Господа нашего Іисуса Христа*. Говоря такимъ образомъ, онъ показываетъ, съ какимъ страхомъ (должно взирать) на это повелѣніе. Повелѣваемъ, говоритъ, о имени Христа. Слѣдовательно, Христосъ нигдѣ не заповѣдалъ намъ предаваться недѣятельности. *Отлучатися*, говоритъ, *вамъ отъ всякаго брата*. Не говори мнѣ, что̀ онъ богатъ, или что бѣденъ, или что онъ святъ, это—безчиніе. *Ходяща*, говоритъ, т. е. живущаго. *А не по преданію, еже пріяша отъ насъ*. Говоритъ о преданіи, преподанномъ чрезъ дѣла, и въ собственномъ смыслѣ онъ всегда называетъ это преданіемъ. *Сами бо вѣсте, како лѣпо есть вамъ подобитися намъ, яко не безчинствовахомъ у васъ, ниже туне хлѣбъ ядохомъ у кого* (ст. 7, 8). Если бы я и ѣлъ у кого, то это было бы не даромъ: *достоинъ бо есть*, сказано, *дѣлатель мзды своея* (Мѳ. x, 10). *Но въ трудѣ и подвизѣ, нощь и день дѣлающе, да не отягчимъ никогоже отъ васъ. Не яко не имамы власти, но да себе образъ дамы вамъ, во еже уподобитися намъ. Ибо егда бѣхомъ у васъ, сіе завѣщавахомъ вамъ, яко аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ* (ст. 8—10).

2. Замѣть, какъ въ первомъ посланіи онъ разсуждаетъ объ

этомъ нѣсколько снисходительнѣе,—напримѣръ, когда говоритъ: *молимъ же вы, братіе, избыточествовати паче и любезно прилѣжати* (1 Сол. IV, 10—11), и нигдѣ (не говоритъ имъ): *повелѣваемъ*, не говоритъ также и того—*о имени Господа нашего Іисуса Христа*—чтò внушало страхъ и указывало на опасность, но: *избыточествовати*, говоритъ, *и любезно прилѣжати*, чтò прилично было говорить тому, кто увѣщевалъ ихъ вести жизнь добродѣтельную: *да благообразно*, говоритъ, *ходите* (1 Сол. IV, 12). А здѣсь ничего подобнаго (онъ не говоритъ), но: *аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ*. Въ самомъ дѣлѣ, если Павелъ. который не имѣлъ необходимости, а имѣлъ возможность не трудиться, взявъ на себя такое великое дѣло, несмотря на то трудился, и не просто трудился, но ночь и день, такъ что могъ и другимъ давать пособіе, то тѣмъ болѣе другіе должны были такъ поступать. *Слышимъ бо нѣкія безчинно ходящія у васъ, ничтоже дѣлающія. но лукавно обходящія* (ст. 11). Такъ (говоритъ онъ) здѣсь, а тамъ, въ первомъ посланіи: *да ходите*, говоритъ, *благообразно ко внѣшнимъ*. Почему? Можетъ быть, потому, что до сихъ поръ ничего подобнаго не было; и дѣйствительно, въ другомъ мѣстѣ, увѣщевая, онъ сказалъ: *блаженнѣе есть паче даяти, нежели пріимати* (Дѣян. XX, 35). А слова: *да ходите благообразно* сказаны не по поводу какого-либо безчинія. Поэтому онъ и прибавилъ: *да ничесоже требуете* (1 Сол. IV, 12). Между тѣмъ здѣсь онъ указываетъ и на другую потребность (ради которой нужно трудиться), именно на ту, что слѣдуетъ дѣлать доброе и полезное для всѣхъ, почему далѣе говоритъ: *не стужайте доброе творяще* (ст. 13), такъ какъ вообще человѣкъ, который можетъ трудиться и между тѣмъ остается празднымъ, по необходимости становится суетливымъ. А милостыня предназначена только для тѣхъ, которые не имѣютъ силы трудами рукъ своихъ удовлетворять своихъ нуждъ, или для наставниковъ, всецѣло посвятившихъ себя дѣлу ученія. *Да не обротиши*, сказано, *вола молотяща* (Второзак. XXV, 4), и: *достоинъ дѣлатель мзды своея* (Мѳ. X, 10). Слѣдовательно, онъ нисколько не остается празднымъ, но получаетъ мзду за трудъ, и при томъ за великій трудъ. А поститься и молиться, оставаясь празднымъ, не составляетъ труда рукъ. Трудомъ (апостолъ) называетъ здѣсь то, когда кто трудится руками. И чтобы ты не предполагалъ ничего такого, онъ прибавилъ: *ничтоже дѣлающія, но лукавно обходящія. Таковымъ запрещаемъ и молимъ о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ* (ст. 12). Такъ какъ онъ сильно уязвилъ ихъ, то, желая сдѣлать рѣчь свою болѣе кроткою, прибавилъ: *о Господѣ*, опять показывая этимъ, что (слово его) заслуживаетъ довѣрія и должно внушать имъ страхъ. *Да съ безмолвіемъ дѣлающе, свой хлѣбъ ядятъ*. 495

Почему не сказалъ: если они не безчинствуютъ, то пусть питаются отъ васъ; но требуетъ отъ нихъ и того и другого,—чтобы они и оставались въ безмолвіи, и трудились? Потому что онъ хочетъ, чтобы они, трудясь, сами себя пропитывали. Это именно значатъ слова: *да свой хлѣбъ ядятъ*, т. е. отъ своихъ трудовъ, а не чужой, добываемый выпрашиваніемъ подаянія. *Вы же, братіе, не стужайте доброе творяще* (ст. 13). Смотри, какъ скоро смягчилось отеческое сердце,—онъ не могъ дальше продолжать обличеніе, но опять сжалился надъ ними. И замѣть, съ какою мудростію (онъ поступаетъ). Не сказалъ: впрочемъ оказывайте имъ снисхожденіе до тѣхъ поръ, пока они исправятся,—но что? *Вы же не стужайте доброе творяще.* Отдѣляйтесь, говоритъ, отъ нихъ и обличайте ихъ, однако не презирайте умирающихъ отъ голода. А что, скажетъ кто-нибудь, если получающій отъ насъ все въ изобиліи останется празднымъ? Противъ этого, говоритъ, я указалъ вамъ хорошее лѣкарство, именно: отдѣляйтесь отъ такого человѣка, т. е. не придавайте ему дерзновенія, показывайте видъ, что вы гнѣваетесь на него. Это (наставленіе) немаловажно. Такъ именно мы должны наказывать брата, если дѣйствительно желаемъ того, чтобы онъ исправился. Мы должны знать, какимъ образомъ можемъ наказывать. Скажи мнѣ, если бы ты имѣлъ брата по плоти, то неужели бы ты оставилъ его безъ помощи тогда, когда онъ умиралъ бы съ голоду? Я не думаю,—вѣроятно ты позаботился бы объ исправленіи его. *Аще же кто не послушаетъ словесе нашего, посланіемъ* (ст. 14). Замѣть смиренномудріе Павла. Онъ не сказалъ: кто не повинуется, тотъ мнѣ не повинуется; но слегка намекаетъ на это. *Сего назнаменуйте.* Слѣдовательно, заповѣдуетъ творить это, чтобы не были скрываемы (такого рода поступки). *Не примѣшайтеся ему.* И это немалое наказаніе. И опять потомъ (прибавляетъ): *да посрамится* (ст. 14). Такимъ образомъ онъ не позволяетъ, чтобы (наказаніе) простиралось сверхъ мѣры. Какъ выше, сказавъ: *аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ*, изъ опасенія, чтобы тѣ не погибли съ голоду, прибавилъ: *вы же не стужайте доброе творяще*,—такъ и (теперь), сказавъ: *отлучайтеся* и *не примѣшайтеся ему*, потомъ изъ опасенія, чтобы это самое совсѣмъ не отдѣлило его отъ общества братій (а дѣйствительно, усомнившись тогда въ самомъ себѣ, онъ могъ бы вскорѣ погибнуть, если бы ему было отказано въ ободреніи), прибавилъ: *и не аки врага имѣйте его, но наказуйте якоже брата* (ст. 15). Этимъ показываетъ, что онъ назначилъ (виновному) великое наказаніе, такъ что оно могло лишить его всякаго дерзновенія.

3. Въ самомъ дѣлѣ, если надлежитъ стыдиться тому, кто по-

лучаетъ (милостыню) въ присутствіи многихъ (другихъ), то какую обиду наносятъ ему тогда, когда подаютъ ее еще съ упрекомъ и отворачиваясь отъ него? Какъ могутъ уязвить этимъ его душу? Если тѣ, которые только не такъ охотно подаютъ милостыню, или подаютъ ее съ ропотомъ, приводятъ въ ярость получающихъ ее (не говори мнѣ о безстыдныхъ просителяхъ, но о вѣрующихъ), то что пробуждаютъ въ нихъ тогда, когда рѣшаются упрекать, подавая имъ милостыню? Какое они должны за это понести наказаніе? Но мы не такъ (поступаемъ); напротивъ, такъ сильно оскорбляемъ просящихъ и съ такимъ отвращеніемъ смотримъ на нихъ, какъ будто они причинили намъ величайшую обиду. Ты ничего не даешь ему: отчего же ты досадуешь? Вразумляйте ихъ, какъ братьевъ, сказалъ (апостолъ), а не оскорбляйте, какъ враговъ. Кто вразумляетъ своего брата, тотъ дѣлаетъ это не всенародно, не выставляетъ его торжественно на позоръ, но втайнѣ и съ большою осторожностію, скорбя и сокрушаясь, и со слезами, и съ плачемъ. Будемъ поэтому давать (милостыню) съ братскимъ усердіемъ, будемъ вразумлять съ братскою любовію, не о томъ 496
скорбя, что даемъ милостыню, но скорбя о томъ, что онъ преступаетъ заповѣдь. Какая будетъ тебѣ изъ этого польза? Если ты, давъ ему милостыню, нанесешь оскорбленіе, то лишишься удовольствія (доставляемаго тебѣ твоею) щедростію. А если ты и не дашь ему ничего, и оскорбишь его, то какого зла не причинишь этому жалкому и злосчастному (человѣку)? Онъ пришелъ къ тебѣ, надѣясь получить отъ тебя милостыню,—и ушелъ, получивъ отъ тебя смертельную рану, и еще больше слезъ прольетъ послѣ этого. Такъ какъ бѣдность заставляетъ его просить милостыни, между тѣмъ ему наносятъ оскорбленіе за то, что онъ проситъ, то смотри, какое наказаніе постигнетъ оскорбляющихъ его. *Оклеветаяй убогаго*, сказано, *раздражаетъ сотворшаго и* (Притч. XIV, 31). Скажи мнѣ: Онъ попустилъ, чтобы тотъ нищенствовалъ ради тебя, чтобы ты могъ уврачевать себя, и ты оскорбляешь того, кто переноситъ ради тебя нищету? Какая жестокость! Какая неблагодарность въ этомъ поступкѣ! *Наказуйте*, говоритъ (апостолъ), *якоже* братьевъ. И послѣ подаянія онъ заповѣдуетъ намъ вразумлять его. Если же мы, ничего не давъ ему, станемъ наносить ему обиды, то что послѣ этого скажемъ въ наше оправданіе? *Самъ же Господь мира да дастъ вамъ миръ всегда во всякомъ* мѣстѣ (ст. 16). Смотри, какъ онъ, когда заповѣдуетъ имъ то, что надлежитъ исполнять, запечатлѣваетъ свои увѣщанія молитвою, налагая молитвы и моленія, какъ бы нѣкоторую печать, на то, что было отложено для храненія. *Да дастъ вамъ*, говоритъ, *миръ во всякомъ* мѣстѣ. Такъ какъ, вѣроятно, изъ этого могли произойти

распри, потому что одни стали бы болѣе настойчивы, а другіе уже не стали бы давать такимъ столько, сколько прежде, то не безъ основанія (апостолъ) молится теперь говоря: *да дастся вамъ миръ всегда.* Объ этомъ именно они должны были заботиться, чтобы всегда сохранять миръ. Что значитъ: *во всякомъ* мѣстѣ? Онъ хочетъ, чтобы вездѣ былъ миръ, чтобы нигдѣ нельзя было найти причины раздора. Миръ вездѣ хорошъ, даже и въ отношеніи къ внѣшнимъ (язычникамъ). Послушай, что говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ: *аще возможно, еже отъ васъ, со всѣми человѣки миръ имѣйте* (Рим. XII, 18). Ничто столько не способствуетъ надлежащему исполненію всего того, чего мы желаемъ, какъ пребываніе въ мирѣ и тишинѣ, какъ то, когда мы удаляемся отъ всякой вражды и не имѣемъ у себя ни одного врага. *Господь со всѣми вами. Цѣлованіе моею рукою Павлею, еже есть знаменіе во всякомъ посланіи, сице пишу: благодать Господа нашего Іисуса Христа со всѣми вами. Аминь* (ст. 16—18). Онъ говоритъ, что пишетъ это во всякомъ посланіи, чтобы никто не имѣлъ возможности составлять подложныя посланія, когда (въ каждомъ изъ нихъ) будетъ находиться его подпись, какъ достовѣрный признакъ. А цѣлованіемъ называетъ онъ молитву, показывая, что тогда исполнялись всѣ духовныя (обязанности) и что, когда надобно было сдѣлать привѣтствіе, то это соединяемо было съ пользою, и что молитва была тогда не однимъ только знакомъ любви. Молитвою началъ (апостолъ), молитвою и заключилъ (свое посланіе), съ обѣихъ сторонъ ограждая великими стѣнами сказанное,—положивъ твердое основаніе, присовокупилъ и твердый конецъ. *Благодать,* говоритъ, *вамъ и миръ.* И опять: *благодать Господа нашего Іисуса Христа со всѣми вами. Аминь.* Это завѣщалъ и Господь, когда сказалъ ученикамъ: *се азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Мѳ. XXVIII, 20). Но это бываетъ только тогда, когда мы желаемъ того. Онъ вовсе не будетъ съ нами, если мы сами станемъ удаляться отъ Него. Съ вами, говоритъ, пребуду во вѣкъ. Не будемъ поэтому отгонять отъ себя этой благодати. (Апостолъ) хочетъ, чтобы мы удалялись отъ всякаго брата, безчинно ходящаго. Быть отлученнымъ отъ цѣлаго общества братій тогда считалось великимъ бѣдствіемъ. Поэтому (апо-
497 столъ) подвергаетъ всѣхъ этому наказанію. Такъ въ другомъ мѣстѣ, именно въ посланіи къ Коринѳянамъ, онъ сказалъ: *съ таковымъ ниже ясти* (1 Кор. V, 11). А теперь большая часть людей считаетъ это неважнымъ, и все теперь смѣшалось и пришло въ разстройство: мы безъ разбора, какъ случится, вступаемъ въ общеніе съ прелюбодѣями, съ блудниками, съ лихоимцами. Если надлежало удаляться отъ того, кто только питался не своимъ

трудомъ, то насколько больше отъ прочихъ? И, чтобы ты узналъ, какой страхъ внушало отлученіе отъ общенія съ братіею и какую пользу оно приносило тѣмъ, кто благомысленно принималъ такое наказаніе, послушай, какъ тотъ, который гордился своимъ грѣхомъ, который дошелъ до послѣдней степени порока, который совершилъ блудъ, не именуемый даже у язычниковъ, который оставался нечувствительнымъ къ своей ранѣ (а въ этомъ состоитъ крайняя степень развращенія),—какъ этотъ самый человѣкъ, который былъ столь порочнымъ, до того смирился и укротился, что Павелъ сказалъ потомъ о немъ: *довольно таковому запрещеніе сіе, еже отъ многихъ*, такъ что утвердите къ нему любовь (2 Кор. п, 6, 8). (Такой человѣкъ) тогда былъ то же, что членъ, оторванный отъ остального тѣла.

4. Причина же, почему тогда это внушало такой страхъ, была та, что тогда считалось великимъ благомъ быть въ обществѣ вѣрующихъ. Тогда (вѣрующіе) такъ жили въ каждой Церкви, какъ (живутъ между собою) люди, обитающіе въ одномъ домѣ, которые подвластны одному отцу и участвуютъ въ одной трапезѣ. Поэтому, какое несчастіе составляло для каждаго удаленіе отъ такой великой любви? А теперь это не кажется чѣмъ-либо важнымъ, потому что мы не считаемъ чѣмъ-либо важнымъ и того, когда мы находимся во взаимномъ общеніи. Что прежде считалось въ ряду наказаній, то нынѣ, вслѣдствіе охлажденія любви, случается и помимо наказанія, и мы отдѣляемся другъ отъ друга безъ причины, изъ равнодушія. Подлинно причину всѣхъ золъ составляетъ отсутствіе любви; оно разрушило и уничтожило все великое и славное въ Церкви, все то, ради чего должно радоваться. Великое дерзновеніе (внушаетъ) учителю (та мысль), что онъ можетъ, (ссылаясь на) свои праведныя дѣла, дѣлать увѣщанія своимъ ученикамъ. Поэтому Павелъ и сказалъ: *сами вѣсте, како есть лѣпо вамъ подобитися намъ*. Учитель долженъ больше научать жизнію, чѣмъ словомъ. Пусть никто не думаетъ, что (апостолъ сказалъ) это, желая неумѣренно похвалить себя: необходимость заставила его сказать это, и при томъ ради общей пользы. *Яко*, говоритъ, *не безчинствовахомъ у васъ*. Развѣ не усматриваешь въ этомъ смиренномудрія, что онъ (будто) не по заслугамъ называетъ это благочиніемъ? *Не безчинствовахомъ*, говоритъ, *у васъ. ниже туне хлѣбъ ядохомъ*. Здѣсь онъ указываетъ и на то, что вѣроятно они были бѣдны. И не говори мнѣ (противъ этого); но не всѣ были они бѣдны,—потому что онъ говоритъ о бѣдныхъ и о тѣхъ, которые не иначе могли снискивать себѣ необходимое пропитаніе, какъ трудами рукъ. Онъ не сказалъ: пусть получаютъ (пропитаніе) отъ своихъ отцевъ, но: *да*,

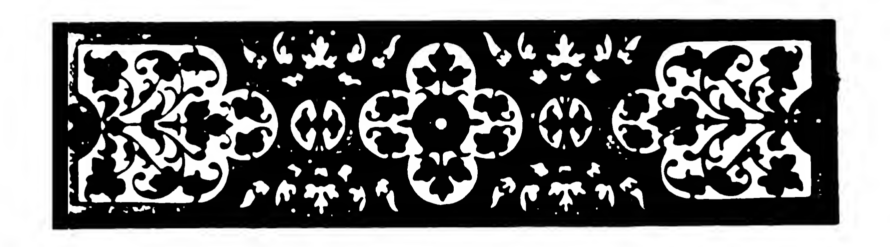
говоритъ, *дѣлающе свой хлѣбъ ядятъ.* Если я, говоритъ онъ, проповѣдникъ словесъ ученія, побоялся отяготить васъ, то тѣмъ болѣе (долженъ бояться) тотъ, кто вамъ не приноситъ никакой пользы. Это въ самомъ дѣлѣ—отягощеніе. Отягощеніемъ будетъ также и то, когда кто даетъ другому что-либо не съ великимъ усердіемъ. Но (апостолъ) не на это намекаетъ, а на тѣхъ, которые какъ бы по собственному желанію (принадлежали къ числу) неимущихъ. Въ самомъ дѣлѣ, отчего ты не трудишься? Богъ далъ тебѣ руки не для того, чтобы ты принималъ отъ другихъ, но чтобы ты самъ давалъ другимъ. *Господь же*, говоритъ, *съ вами.*
498 Объ этомъ и мы можемъ просить для себя, если только будемъ исполнять то, что заповѣдалъ Господь. Послушай, что говоритъ Христосъ своимъ ученикамъ: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ: и се азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Мѳ. xxviii, 19, 20). Это сказано не только къ нимъ, но и къ намъ. Что не имъ только обѣщано это, но и всѣмъ тѣмъ, кто будетъ идти по ихъ слѣдамъ, видно изъ словъ: *до скончанія вѣка.* Но для чего сказалъ онъ это и не къ учителямъ? Каждый изъ васъ, если захочетъ, можетъ сдѣлаться учителемъ,—если не для другого, то для самого себя. Научи прежде самого себя. Когда научишься всему тому, что Господь заповѣдалъ тебѣ соблюдать, тогда ты пріобрѣтешь себѣ черезъ это многихъ подражателей. Подобно тому какъ свѣтильникъ, когда горитъ, можетъ возжечь отъ себя множество (другихъ), а когда будетъ погашенъ, и для самого себя не будетъ источать свѣта и не будетъ въ состояніи возжечь другихъ свѣтильниковъ, такъ и жизнь праведная: когда въ насъ пребывающій свѣтъ будетъ свѣтелъ, тогда мы, представляя въ себѣ другимъ примѣръ, можемъ образовать (изъ нихъ) множество учениковъ и учителей. Не столько могутъ слушателямъ доставить пользы мои слова, сколько—наша жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, если будетъ, положимъ, какой-нибудь человѣкъ, угодный Богу и добродѣтелію сіяющій и имѣющій жену,—вѣдь можетъ быть угоденъ Богу и тотъ, кто имѣетъ и жену, и дѣтей, и слугъ, и друзей,—то скажи мнѣ, не больше ли пользы можетъ принести всѣмъ такой человѣкъ, чѣмъ я? Меня слушаютъ разъ или два въ мѣсяцъ, или даже ни разу, и то, что услышатъ, сохраняютъ въ (памяти), быть можетъ, только до церковнаго порога, и потомъ немедленно забываютъ; между тѣмъ, постоянно взирая на жизнь его, великую отъ этого получаютъ пользу. Въ самомъ дѣлѣ, если онъ, получивъ оскорбленіе, не воздаетъ за это оскорбленіемъ, то своею кротостію не возбуждаетъ ли и не напечатлѣваетъ ли онъ стыда въ душѣ нанес-

шаго ему оскорбленіе? Хотя этотъ послѣдній вслѣдствіе озлобленія, или чувства стыда и душевнаго разстройства, и не тотчасъ сознаетъ эту пользу, однакожъ онъ можетъ скоро образумиться: и невозможно, чтобы самый дерзкій человѣкъ, хотя бы онъ былъ звѣрь, вступая въ столкновеніе съ человѣкомъ незлобивымъ, отошелъ отъ него, не получивъ великой пользы. Мы, хотя и не дѣлаемъ добра, однако всѣ хвалимъ добро и удивляемся ему. Равнымъ образомъ и жена, видя кротость своего мужа и постоянно съ нимъ пребывая вмѣстѣ, получаетъ отъ того великую пользу; тоже и дитя. Такимъ образомъ всякій можетъ быть учителемъ. *Созидайте*, говоритъ, *другъ друга, кійждо ближняго, якоже и творите* (1 Сол. v, 11). Смотри въ самомъ дѣлѣ. Въ домѣ твоемъ случилась потеря? Жена, какъ болѣе немощная и пристрастная къ роскоши, приходитъ отъ этого въ смущеніе? Но если мужъ любомудръ и смѣется надъ этой потерей, то онъ утѣшитъ ее и убѣдитъ великодушно перенести (потерю). Итакъ, скажи мнѣ, не гораздо ли больше онъ принесетъ ей пользы, чѣмъ наши слова? Говорить вѣдь всякому нетрудно, но дѣйствовать, когда нужно, весьма трудно. Оттого-то обыкновенно человѣческая природа больше можетъ быть исправляема примѣромъ. Превосходство добродѣтели настолько велико, что часто даже рабъ наравнѣ съ господиномъ приноситъ пользу цѣлому дому.

5. Въ самомъ дѣлѣ, не напрасно и не безъ основанія Па- 499
велъ постоянно повелѣваетъ имъ (рабамъ) совершенствоваться въ добродѣтели и быть послушными своимъ господамъ, заботясь не столько о томъ, чтобы они служили господамъ, сколько о томъ, чтобы не было хулимо слово Божіе и (евангельское) ученіе. А когда его не будутъ хулить, тогда вскорѣ станутъ удивляться ему. И я знаю многіе домы, которые получили великую пользу отъ добродѣтели рабовъ. Если же рабъ, находящійся подъ властію, можетъ вразумлять своего господина, то тѣмъ больше господинъ — своихъ рабовъ. Раздѣлите со мной, прошу васъ, это служеніе. Я говорю ко всѣмъ вообще, а вы (говорите) каждому въ частности. И пусть каждый содѣйствуетъ спасенію ближняго. Чтобы убѣдиться въ томъ, что отцы семействъ должны руководить въ этомъ (своихъ домашнихъ), послушай, куда отсылаетъ Павелъ женъ: *аще ли*, говоритъ, *чесому научитися хотятъ, въ дому своихъ мужей да вопрошаютъ* (1 Кор. xiv, 35),—а не отправляетъ ихъ къ учителю. Подобно тому какъ въ училищахъ есть и между учениками учители, такъ и въ Церкви. (Апостолъ) хочетъ, чтобы не всѣ утруждали учителя. Почему? Потому что отъ этого проистекутъ великія блага: вслѣдствіе того не только

трудъ учителя становится легкимъ, но и каждый изъ учениковъ, будучи прилежнымъ, если будетъ имѣть попеченіе, въ скоромъ времени можетъ сдѣлаться учителемъ. Въ самомъ дѣлѣ, смотри, какую услугу приноситъ тебѣ жена. Она смотритъ за домомъ, печется обо всемъ въ домѣ, распоряжается служанками, одѣваетъ своими руками, бываетъ причиною того, что ты нарицаешься отцемъ семейства, удерживаетъ тебя отъ зазорныхъ домовъ, помогаетъ тебѣ вести жизнь цѣломудренную, утоляетъ чрезмѣрную силу естественныхъ пожеланій. Но и ты окажи ей благодѣяніе. Какимъ образомъ? Протяни ей руку (помощи) въ дѣлахъ духовныхъ. Когда ты услышишь что-нибудь полезное, тогда, подобно ласточкамъ, сберегая это въ устахъ своихъ, принеси и вложи въ уста и матери, и птенцовъ. Не неразумно ли, въ самомъ дѣлѣ, что ты, во всемъ другомъ присвояя себѣ первенство и занимая мѣсто главы, въ дѣлѣ ученія оставляешь свойственное тебѣ мѣсто? Начальствующій долженъ превосходить подчиненныхъ не честію, а добродѣтелями. Послѣднее есть долгъ начальника, а первое—подчиненныхъ. Въ этомъ заключается достоинство самого начальника. Если ты пользуешься великою честію, то это вовсе не отъ тебя зависитъ: это ты получилъ отъ другихъ. Но если ты блистаешь добродѣтелію, то это всецѣло принадлежитъ тебѣ. Ты глава жены. Пусть же глава управляетъ остальнымъ тѣломъ. Не
500 видишь ли, что голова не столько мѣстомъ возвышается надъ остальнымъ тѣломъ, сколько своимъ попеченіемъ о немъ, подобно кормчему управляя имъ? Въ головѣ находятся и тѣлесныя и душевныя очи. Оттуда сообщается имъ сила зрѣнія и способность водительства. Все остальное (въ тѣлѣ) назначено для служенія, а голова служитъ для того, чтобы управлять. Всѣ чувства въ ней имѣютъ свое начало и свой источникъ. Оттуда возникаютъ органы рѣчи, зрѣнія, обонянія, всякое ощущеніе, тамъ находится корень нервовъ и костей. Видишь ли, что голова возвышается (надъ тѣломъ) больше своимъ попеченіемъ о немъ, чѣмъ честію? Такъ постараемся и мы владычествовать надъ женами: преимуществуемъ ихъ не тѣмъ, что будемъ требовать себѣ отъ нихъ большей чести, но тѣмъ, что будемъ съ своей стороны больше дѣлать имъ добра. Я показалъ, что онѣ немало благодѣяній оказываютъ намъ; но если мы захотимъ воздать имъ за то духовными благами, то мы превзойдемъ ихъ. Между тѣлесными благами нельзя найти такого, которое равнялось бы этимъ послѣднимъ. На что въ самомъ дѣлѣ (укажешь ты)? На то, что ты пріобрѣтаешь много денегъ? Но она хранитъ ихъ. Ея попеченіе имѣетъ здѣсь равную цѣну и столь же необходимо. Почему? Потому, что многіе, хотя пріобрѣли множество денегъ, однако, не

имѣя у себя жены, которая хранила бы ихъ, все потеряли. Что же касается до дѣтей, то тутъ вы все дѣлаете общими силами, и отъ обоихъ равная бываетъ услуга. Даже въ этомъ случаѣ ея служеніе сопряжено съ бóльшими трудами, такъ какъ она постоянно носитъ въ себѣ плодъ и подвергается мукамъ рожденія. Такимъ образомъ только въ духовныхъ (предметахъ) ты можешь имѣть надъ нею перевѣсъ. Не будемъ поэтому заботиться о томъ, чтобы у насъ были деньги, а о томъ, чтобы мы съ дерзновеніемъ могли представить предъ Бога души, которыя были ввѣрены нашему попеченію,—потому что, наставляя ихъ, мы и себѣ приносимъ величайшую пользу. Кто учитъ другого, тотъ, если ничего больше (не пріобрѣтетъ), то по крайней мѣрѣ самъ на то время, когда говоритъ, приходитъ въ умиленіе, особенно когда видитъ, что онъ самъ виновенъ въ томъ, въ чемъ обличаетъ другихъ. Поэтому, такъ какъ чрезъ это мы доставляемъ пользу и самимъ себѣ, и имъ (женамъ), а чрезъ нихъ и всему дому, и такъ какъ это прежде всего благоугодно предъ Богомъ, то не будемъ уклоняться отъ попеченія не только о своей душѣ, но и о душѣ служащихъ намъ, чтобы за всѣхъ получить намъ воздаяніе, и съ великимъ богатствомъ войти во святый градъ, матерь нашу—горній Іерусалимъ. О, если бы никто изъ насъ не былъ изверженъ изъ него! Но всѣ мы, возсіявъ свѣтомъ благочестивой жизни, да сподобимся со многимъ дерзновеніемъ узрѣть Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.



СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО,

ТОЛКОВАНІЕ НА ПЕРВОЕ ПОСЛАНІЕ КЪ ТИМОѲЕЮ [1]).

ВВЕДЕНІЕ.

501 Тимоѳей былъ однимъ изъ учениковъ апостола (Павла). Лука свидѣтельствуетъ (Дѣян. XVI, 2), что онъ былъ юноша, достойный удивленія, заслужившій одобреніе отъ братіи въ Листрахъ и Иконіи. Онъ былъ въ одно и то же время ученикомъ и учителемъ, и при томъ былъ до такой степени разсудителенъ, что, хотя слышалъ, что Павелъ, проповѣдуя, не обязывалъ принимать обрѣзаніе, хотя и зналъ, что по этому поводу онъ противосталъ Петру, однако согласился не только не проповѣдывать противъ (обрѣзанія), но даже принять таковое: обрѣзалъ его (апостолъ), говоритъ (Лука) (Дѣян. XVI, 23), когда онъ былъ уже въ такомъ возрастѣ, а потомъ уже ввѣрилъ ему управленіе (Церковію). Такимъ образомъ уже одно расположеніе къ нему Павла въ надлежащей степени показываетъ, какой онъ былъ мужъ. Онъ свидѣтельствуетъ также объ немъ и въ другомъ мѣстѣ, когда пишетъ: *искусство же его знаете, зане якоже отцу чадо со мною поработалъ во благовѣствованіи* (Филип. II, 22): и опять въ посланіи къ Ко-
502 ринѳянамъ говоритъ: *послахъ къ вамъ Тимоѳея, иже ми есть чадо возлюбленно и вѣрно о Господѣ* (1 Кор. IV, 17); и еще: *блюдите, да никтоже его уничижитъ: дѣло бо Господне дѣлаетъ, якоже и азъ* (1 Кор. XVI, 11. 10); и въ посланіи къ Евреямъ говоритъ: *знайте брата нашего отпущена Тимоѳея* (Евр. XIII, 23). И изъ весьма многихъ другихъ мѣстъ всякій можетъ видѣть великую къ нему

[1]) Бесѣды эти произнесены святителемъ, вѣроятно, въ Антіохіи около 397 года.

любовь (апостола). Равнымъ образомъ и нынѣ еще совершающіяся чудеса показываютъ его дерзновеніе (предъ Богомъ) [1].

Можетъ быть, кто-нибудь спроситъ: почему (апостолъ) пишетъ только къ Титу и Тимоѳею, между тѣмъ какъ и Сила принадлежалъ къ числу достоуважаемыхъ людей, равно какъ и Лука, о которомъ говоритъ онъ въ своемъ посланіи: и *Лука единъ есть со мною* (2 Тим. IV, 10); также и Климентъ былъ однимъ изъ числа его сотрудниковъ, потому что (апостолъ) и объ немъ говоритъ: *съ Климентомъ и прочими споспѣшники моими* (Филип. IV, 3)? Итакъ, почему же онъ пишетъ только Титу и Тимоѳею? Потому, 503
что этимъ послѣднимъ онъ уже препоручилъ Церкви: между тѣмъ первые сопутствовали еще ему въ его путешествіяхъ: послѣднихъ онъ поставилъ на видныя мѣста. (Тимоѳей) былъ надѣленъ такими возвышенными свойствами, что даже молодость его не составляла для него ни малѣйшаго къ этому препятствія. Поэтому (апостолъ) и писалъ: *никтоже о юности твоей да нерадитъ* (1 Тим. IV, 12), и опять: *юныя*, говоритъ, *якоже сестры* (V, 2). Когда есть добродѣтель, то все имѣется въ изобиліи и ни въ чемъ не встрѣчается препятствія. Потому-то и разсуждая объ епископахъ и говоря много объ нихъ, (апостолъ) никогда не входитъ въ подробное изслѣдованіе касательно ихъ возраста. Если же и говоритъ въ своемъ посланіи, что (епископу надлежитъ быть) *чада имущу въ послушаніи* и *единыя жены мужу* (1 Тим. III, 4. 2), то высказываетъ это не потому, что будто ему необходимо имѣть жену и дѣтей, а потому, что если бы случилось когда-либо 504
возвести на это мѣсто кого-нибудь изъ мірянъ, то они должны быть таковы, чтобы умѣли управлять и домомъ, и дѣтьми, и всѣмъ прочимъ. Вѣдь если бы кто, кромѣ того, что былъ бы міряниномъ, оставался бы еще безполезнымъ человѣкомъ даже въ такого рода дѣлахъ, то какъ можно было бы поручить ему попеченіе о Церкви? Но зачѣмъ, скажешь ты, (апостолъ) пишетъ посланіе къ ученику, когда онъ уже поставленъ былъ на учительскую должность? Не надлежало ли прежде наставить его, и потомъ уже послать (на эту должность)? Но (Тимоѳей) имѣлъ нужду не въ такомъ наставленіи, какое нужно для учениковъ, а въ такомъ, какое необходимо для учителя. Поэтому замѣть, что во всемъ посланіи онъ преподаетъ ему наставленія, нужныя для учителя. Такъ даже съ самаго начала, въ предисловіи, онъ не сказалъ: не слушай тѣхъ, кто учитъ иначе, а какъ?—*да завѣщаеши имъ не инако учити* (1 Тим. I, 3).

---

[1]) Вѣроятно, здѣсь святитель указываетъ на чудеса, которыя источали мощи св. Тимоѳея.

БЕСѢДА I.

503 **Павелъ посланникъ Іисусъ Христовъ, по повелѣнію Бога Спаса нашего и Господа Іисуса Христа, упованія нашего, Тимоѳею присному чаду въ вѣрѣ: благодать, милость, миръ отъ Бога Отца нашего и Христа Іисуса Господа нашего (1 Тим. I, 1—2).**

1. Званіе апостола было великимъ, высокимъ и досточтимымъ; и мы видимъ, что Павелъ вездѣ предварительно указываетъ на основанія этого своего званія, (желая показать), что онъ не восхищаетъ себѣ чести, но получилъ ее и обладаетъ ею по необходимости. Когда онъ называетъ себя *званнымъ* (Рим. I, 1), и когда говоритъ: *волею Божіею* (1 Кор. I, 1), и опять въ другомъ мѣстѣ: *нужда бо ми належитъ* (1 Кор. IX, 16), и когда говоритъ: *въ нежe поставленъ быхъ* (1 Тим. II, 7),—всѣмъ этимъ устраняетъ (всякую мысль) о любочестіи и гордости. Вѣдь какъ тотъ, кто домогается чести, которая не дана ему отъ Бога, подлежитъ строжайшему осужденію, такъ и тотъ, кто отстраняетъ отъ себя и отвергаетъ ее, подлежитъ другого рода обвиненіямъ — въ непослушаніи и непокорности. Поэтому Павелъ и теперь, въ началѣ посланія къ Тимоѳею, говоритъ о томъ же въ такихъ словахъ: *Павелъ посланникъ Іисусъ Христовъ по повелѣнію Бога*. Онъ не сказалъ здѣсь: *Павелъ* призванный, но: *по повелѣнію*. Чтобы Тимоѳей по человѣческой немощи не подумалъ, что (апостолъ) говоритъ съ нимъ такъ же, какъ и съ прочими учениками, онъ такимъ образомъ и началъ (свое посланіе). Гдѣ же Богъ далъ ему это повелѣніе? Въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ находимъ, что Духъ (Божій) говорилъ: *отдѣлите ми Павла и Варнаву* (Дѣян. XIII, 2). И вездѣ въ своихъ посланіяхъ Павелъ прибавляетъ къ (своему имени) имя апостола, научая слушателя не думать, что сказанное имъ есть слово человѣческое,—потому что посланникъ ничего не говоритъ отъ своего лица; слѣдовательно, назвавъ себя посланникомъ, онъ тотчасъ обращаетъ мысль слушателя къ Тому, кто его послалъ. Вотъ почему онъ во всѣхъ посланіяхъ ставитъ это имя напереди, дѣлая черезъ это достовѣрнымъ свое слово,— и (здѣсь) говоритъ такъ: *Павелъ, посланникъ Іисусъ Христовъ по повелѣнію Бога Спаса нашего*. Между тѣмъ нигдѣ не видно, чтобы давалъ ему повелѣніе Отецъ, а повсюду съ нимъ говоритъ Христосъ. Что именно говоритъ? *Иди, яко азъ во языки далече послю тя* (Дѣян. XXII, 21), и еще: *кесарю ти подобаетъ предстати* (XXVII, 24). Но то, что заповѣдуетъ ему Сынъ, онъ называетъ вмѣстѣ и
504 повелѣніемъ Отца, подобно какъ и повелѣніе Духа именуетъ по-

велѣніемъ Сына. Такъ напримѣръ,—онъ посланъ былъ отъ Духа и избранъ былъ Духомъ, между тѣмъ говоритъ, что это было повелѣніе Бога. Итакъ что же? Не унижается ли власть Сына тѣмъ, что Его апостолъ былъ посланъ по повелѣнію Отца? Нисколько: смотри, какъ онъ представляетъ эту власть въ равной степени принадлежащею Имъ. Сказавъ: *по повелѣнію Бога Спаса нашего*, онъ прибавилъ: *и Господа Іисуса Христа, упованія нашего*. Смотри, какъ правильно онъ даетъ Имъ эти наименованія. Такъ и Псалмопѣвецъ употребляетъ такое выраженіе, говоря объ Отцѣ: *упованіе всѣхъ концевъ земли* (Псал. LXIV, 6), и опять блаженный Павелъ, въ другомъ мѣстѣ пиша, говоритъ: *на сіе бо труждаемся и поношаеми есмы, яко уповахомъ на Бога жива и истинна* (1 Тим. IV, 10). Необходимо, чтобы учитель подвергался опасностямъ, и при томъ гораздо больше, нежели ученики. *Поражу пастыря*, сказано, *и расточатся овцы* (Зах. XIII, 7; Мѳ. XXVI, 31). Поэтому при такомъ порядкѣ вещей діаволъ съ большею яростію нападаетъ на учителей, потому что если они погибнутъ, то и все стадо разсѣется. Когда онъ убиваетъ овецъ, онъ только уменьшаетъ стадо; а если поражаетъ пастыря, то наноситъ вредъ всей паствѣ. Достигая такимъ образомъ съ меньшимъ трудомъ большаго и въ одной душѣ все погубляя, онъ болѣе всего и нападаетъ на нихъ (учителей). Вотъ почему (апостолъ) тотчасъ въ началѣ посланія ободряетъ его духъ, говоря: мы имѣемъ Спасителя—Бога, и надежду—Христа. Мы много терпимъ, зато имѣемъ великія надежды; мы подвергаемся опасностямъ, намъ строятъ козни, но мы имѣемъ избавителя,—не человѣка, а Бога. Слѣдовательно, ни избавитель нашъ не изнеможетъ, потому что Онъ Богъ, и, какія бы ни угрожали намъ опасности, онѣ не одолѣютъ насъ, ни надежда наша не посрамитъ насъ, потому что наша надежда—Христосъ. Мы переносимъ несчастія, (утѣшая себя) двумя (мыслями),—или тѣмъ, что скоро избавимся отъ бѣдствій, или тѣмъ, что питаемъ себя благими надеждами. Слѣдовательно, что бы мы ни переносили, говоритъ онъ, все настоящее ничего не значитъ. Но почему онъ нигдѣ не называетъ себя апостоломъ Отца, а только Христа? Онъ все представляетъ общимъ (у Нихъ), и самое евангеліе называетъ Божіимъ. *Тимоѳею, присному чаду въ вѣрѣ*. И это (сказано) для утѣшенія. Въ самомъ дѣлѣ, если онъ показалъ такую вѣру, что сдѣлался чадомъ Павла, и при томъ не просто, а присным чадомъ, то онъ сохранитъ вѣру и относительно будущихъ (обѣтованій). Вѣрѣ не свойственно упадать и приходить въ смущеніе даже тогда, когда случится что-нибудь и несогласное съ обѣтованіемъ. Но вотъ онъ былъ сыномъ (Павла), 535
и сыномъ приснымъ, однако вовсе не былъ одного и того же

существа. Такъ что же? Ужели онъ былъ иного рода? [1]) Но онъ не отъ Павла произошелъ, скажешь ты,—слѣдовательно, это не указываетъ на то, отъ кого онъ произошелъ. Такъ что же? Ужели онъ былъ иной сущности? Не указывается и это. Сказавъ—*чаdo*, (апостолъ) нарочно прибавилъ слово: *въ вѣрѣ*, чтобы показать, что онъ былъ его истиннымъ сыномъ и отъ него произошелъ. Онъ ничѣмъ не отличался отъ (Павла). Въ вѣрѣ между ними не было никакого различія. И у людей по (законамъ) естества случается, что сынъ бываетъ похожъ на отца, однако не въ такой мѣрѣ, какъ (тогда, когда это сходство имѣетъ свое основаніе) въ Богѣ,—потому что тогда сходство бываетъ совершеннѣе. Здѣсь, хотя они по существу одно и то же, однако различаются между собою во многихъ другихъ отношеніяхъ,—цвѣтомъ, видомъ, разумомъ, возрастомъ, характеромъ, свойствами душевными и тѣлесными, наружными и многими другими, или отличаются другъ отъ друга или бываютъ между собою сходны: а тамъ (въ Богѣ) ни одно изъ этихъ различій не имѣетъ мѣста. (Выраженіе): *по повелѣнію* сильнѣе, нежели—*званный*, какъ это можно узнать и изъ другихъ мѣстъ. Сходное съ выраженіемъ: *Тимоѳею присному чаду*, употребилъ (апостолъ) въ посланіи коринѳянамъ, когда сказалъ: *во Христѣ Іисусѣ азъ вы родихъ* (1 Кор. IV, 15), т. е. (родилъ) по вѣрѣ. А слово—*присному* онъ прибавилъ, желая выразить этимъ то, что онъ совершенное и большее, нежели другіе, имѣетъ съ нимъ сходство; кромѣ того (хотѣлъ выразить) и свою любовь и великое къ нему расположеніе. Вотъ опять *въ* (ἐν) употребляется при словѣ—вѣра: онъ говоритъ: *присному чаду въ вѣрѣ*. Замѣть также, какая въ этомъ похвала (для Тимоѳея), если (апостолъ) называетъ его не только сыномъ своимъ, но и приснымъ чадомъ. *Благодать, милость, миръ отъ Бога Отца нашего и Христа Іисуса Господа нашего*.

2. Отчего въ началѣ другихъ посланій онъ нигдѣ не ставитъ (слова) милость, а только здѣсь? И это отъ великой любви его (къ Тимоѳею): о большемъ онъ молится для своего сына, опасаясь и трепеща за него. Онъ до того безпокоился объ немъ, что,—чего никогда не дѣлалъ,—писалъ къ нему о предметахъ, относящихся къ тѣлеснымъ нуждамъ, когда напримѣръ говорилъ: *мало вина пріемли стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ* (V, 23),—потому что наставники нуждаются въ большемъ снисхожденіи. *Отъ Бога*, говоритъ, *Отца нашего и Христа Іисуса Господа нашего*. Здѣсь опять утѣшеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если

[1]) Въ текстѣ читается ἄλογον—животное. Но болѣе вѣроятно—ἀλλογενής или ἄλλου γένους—иного рода.

Богъ есть Отецъ, то Онъ печется (о людяхъ), какъ о дѣтяхъ. Послушай, что говоритъ Христосъ: *кто есть отъ васъ человѣкъ, егоже аще воспроситъ сынъ его хлѣба, еда камень подастъ ему* (Мѳ. VII, 9)? *Якоже умолихъ тя пребыти во Ефесѣ, идый въ Македонію* (ст. 3). Послушай, какъ кротко онъ говоритъ къ нему, не голосомъ учителя, а слуги. Не сказалъ: я приказалъ, или—повелѣлъ, или даже — убѣдилъ; но что? *Умолихъ тя.* Впрочемъ, не со всѣми учениками мы должны такъ поступать, но только съ кроткими и благонравными; а съ другими, испорченными и не вполнѣ преданными—иначе, какъ и самъ онъ, въ другомъ мѣстѣ пиша, говоритъ: *обличай* ихъ *со всякимъ повелѣніемъ* (Тит. II, 15), или смотри, что онъ и здѣсь говоритъ: *да завѣщаеши нѣкимъ;* не (говоритъ): умоли ихъ, но—*да завѣщаеши не инако учити.* Что это значитъ? Развѣ посланіе Павла, которое онъ написалъ къ нимъ (ефесянамъ), было недостаточно? Достаточно было, но люди скорѣе готовы оказывать неуваженіе къ посланіямъ. Поэтому или такимъ образомъ нужно объяснять это, или, можетъ быть, (нужно полагать), что случилось это прежде, чѣмъ написано было посланіе (къ ефесянамъ). Между тѣмъ и онъ самъ долгое время 506
подвизался въ этомъ городѣ; здѣсь былъ храмъ Артемиды, здѣсь онъ испыталъ тѣ бѣдствія. И послѣ того, какъ прекратилось это зрѣлище, онъ, призвавъ и утѣшивъ учениковъ своихъ, вслѣдъ затѣмъ отплылъ и опять прибылъ къ нимъ. Прилично впрочемъ спросить: не теперь ли онъ поставилъ тамъ Тимоѳея (епископомъ)? Вѣдь онъ говоритъ: *да завѣщаеши нѣкимъ не инако учити.* Онъ не перечисляетъ ихъ по именамъ, чтобы гласностію обличенія не сдѣлать ихъ еще болѣе безстыдными. Здѣсь находились нѣкоторые лжеапостолы изъ іудеевъ, которые хотѣли снова привлечь вѣрныхъ къ закону (Моисееву),—въ чемъ повсюду въ своихъ посланіяхъ обвиняетъ ихъ (апостолъ). Между тѣмъ они дѣлали это не столько по внушенію совѣсти, сколько по тщеславію, и изъ желанія имѣть учениковъ, потому что они соперничали съ блаженнымъ Павломъ и питали къ нему зависть. Такой смыслъ имѣютъ (слова): *инако учити. Ниже внимати*, говоритъ, *баснемъ и родословіемъ безконечнымъ* (ст. 4). Баснями онъ называетъ не законъ, — нѣтъ, — а ложное преданіе, извращенныя и неправильныя вѣрованія. Вѣроятно, эти (выходцы) изъ іудеевъ вообще заводили рѣчь о безполезныхъ предметахъ, перечисляя дѣдовъ и прадѣдовъ, чтобы пользоваться славою великой опытности и знанія. *Да завѣщаеши*, говоритъ, *нѣкимъ не инако учити, ниже внимати баснемъ и родословіемъ безконечнымъ.* Что значитъ (выраженіе) *безконечнымъ?* Или то, что они не назначаются ни для какой цѣли, или то, что (не приносятъ) ни малѣйшей пользы и неудобопонятны для насъ.

Видишь ли, какъ онъ порицаетъ изслѣдованіе. Дѣйствительно, гдѣ есть вѣра, тамъ не нужно изслѣдованіе; гдѣ ничего не нужно изслѣдовать, зачѣмъ тамъ заниматься изслѣдованіемъ? Изслѣдованіе разоряетъ вѣру: кто изслѣдуетъ что-нибудь, тотъ еще не нашелъ; кто изслѣдуетъ, тотъ не можетъ вѣрить. Потому-то онъ и говоритъ: не будемъ заниматься изслѣдованіемъ, потому что, если мы изслѣдуемъ, то это уже не вѣра; вѣра же дѣйствуетъ успокоительно на умъ. Какъ же Христосъ сказалъ: *ищите и обрящете, толцыте и отверзется вамъ* (Мѳ. VII, 7), и: *испытайте писаній, яко вы мните имѣти въ нихъ животъ вѣчный* (Іоан. V, 39)? Въ первомъ мѣстѣ—*ищите* значитъ прошеніе, сильное желаніе; а въ другомъ — *испытайте писаній* не только не налагаетъ никакой обязанности изслѣдованія, но даже устраняетъ ее, потому что Онъ сказалъ: *испытайте писаній*, то есть, изучайте и узнавайте ихъ подлинный смыслъ не для того, чтобы вѣчно заниматься изслѣдованіемъ, а чтобы прекратить всякое изслѣдованіе. И хорошо сказалъ: завѣщай нѣкоторымъ *не инако учити, ниже внимати баснемъ и родословіемъ безконечнымъ, яже стязанія творятъ паче, нежели строеніе Божіе, еже въ вѣрѣ* (ст. 4). Хорошо сказалъ: *строеніе Божіе*,—потому что Богъ хотѣлъ даровать намъ многое, но нашъ умъ не объемлетъ величія Его домостроительства. Итакъ то, что составляетъ величайшее лѣкарство для душъ нашихъ, должно совершаться при помощи вѣры. Наши изслѣдованія поэтому несообразны съ домостроительствомъ Божіимъ. А что устрояется при помощи вѣры? То, что мы пріемлемъ благодѣянія Божіи, содѣлываемся лучшими, ни въ чемъ не сомнѣваемся, ни объ чемъ не недоумѣваемъ и совершенно успокоиваемся. Между тѣмъ то, что совершаетъ и устрояетъ вѣра, разрушаетъ наша пытливость, возбуждая множество вопросовъ и ниспровергая вѣру. *Ниже внимати*, говоритъ, *баснемъ и родословіемъ безконечнымъ*. И какой вредъ, скажешь ты, приносятъ эти родословія? Христосъ сказалъ, что чрезъ вѣру должно спастись; а они занимались изслѣдованіемъ и говорили, что это невоз-
507 можно. Такъ какъ проповѣданіе (ученія) совершалось въ настоящемъ времени, а исполненіе того, что проповѣдывалось принадлежало будущему, то и нужна была вѣра; но они, будучи заняты точнымъ соблюденіемъ обрядоваго закона, противодѣйствовали вѣрѣ. Я думаю также, что Онъ, когда говоритъ: *баснемъ и родословіемъ*, намекаетъ здѣсь и на эллиновъ, потому что они тоже перечисляли своихъ боговъ.

3. Итакъ, не будемъ заниматься изысканіями. Вѣдь для того мы и называемся вѣрными, чтобы несомнѣнно вѣрили тому, что намъ сказано, чтобы мы ни въ чемъ не сомнѣвались. Если бы

сказанное намъ происходило отъ людей, тогда слѣдовало бы заниматься изслѣдованіемъ его; но такъ какъ оно происходитъ отъ Бога, то нужно только благоговѣть предъ этимъ и вѣрить. Если же не будемъ вѣрить этому, то не будемъ убѣждены и въ томъ, что существуетъ Богъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ты можешь знать о томъ, что существуетъ Богъ, когда ты подвергаешь изслѣдованію Его (слова)? Первый признакъ того, что ты знаешь Бога, состоитъ въ томъ, чтобы ты вѣрилъ сказанному Имъ, не требуя ни объясненій, не доказательствъ. Объ этомъ знали даже эллины: они вѣрили, говорятъ, богамъ, хотя эти послѣдніе говорили, не приводя никакихъ доказательствъ. Почему? Потому что они были потомками боговъ. Видишь ли, что и эллины знали объ этомъ? Но зачѣмъ я говорю о богахъ? Они точно такъ поступали съ человѣкомъ, чародѣемъ и волхвомъ, именно съ Пиѳагоромъ; (у нихъ было выраженіе): онъ сказалъ (αὐτὸς ἔφη). И у нихъ вверху храмовъ изображено было молчаніе, которое, перстомъ сдерживая уста и прижимая имъ губы, указывало всѣмъ проходящимъ, что они должны молчать. Неужели ихъ вѣрованія до такой степени достойны уваженія, а наши не столько, или даже заслуживаютъ того, чтобы надъ ними смѣялись? Но развѣ (такая мысль) не была бы признакомъ крайняго сумасшествія? Ученіе эллиновъ справедливо даже было бы подвергать изслѣдованію, потому что въ немъ—противорѣчія, и недоумѣнія, и спорные вопросы; а наше ученіе непричастно ничему этому. Ихъ ученіе изобрѣтено человѣческою мудростью, а наше открыла намъ благодать Св. Духа: первое—безуміе и сумасбродство, а послѣднее—въ собственномъ смыслѣ ученіе мудрости. Тамъ нѣтъ ни ученика, ни учителя, а всѣ наравнѣ занимаются изслѣдованіемъ; здѣсь, будетъ ли это учитель или ученикъ, всякій долженъ учиться у того, у кого нужно учиться, убѣждаться, а не сомнѣваться, вѣрить, а не умствовать. Вѣрою прославились и древніе, и безъ нея все развратилось.

Но зачѣмъ я говорю о предметахъ небесныхъ? Если мы обратимъ вниманіе и на то, что находится на землѣ, то найдемъ, что и здѣсь все основано на вѣрѣ, потому что ни торговля, ни ремесла, ни что-либо иное въ этомъ родѣ не можетъ безъ нея существовать. Если же здѣсь, гдѣ все исполнено лжи и обмана, она необходима, то тѣмъ болѣе по отношенію къ предметамъ небеснымъ. Поэтому будемъ держаться ея, постараемся пріобрѣсть ее; чрезъ это мы освободимъ нашу душу отъ всѣхъ гибельныхъ мнѣній, каково, напримѣръ, ученіе о случаѣ и о судьбѣ. Если ты будешь вѣрить, что есть воскресеніе и судъ, то будешь имѣть возможность предохранить свою душу отъ всѣхъ этихъ (заблу-

жденій). Вѣруй, что Богъ правосуденъ,—и ты не будешь вѣрить въ судьбу, которая не руководствуется справедливостію; вѣруй, что есть Богъ, который промышляетъ обо всемъ,—и ты не будешь вѣрить въ судьбу, которая будто бы надъ всѣмъ господствуетъ; вѣруй, что есть наказаніе и царство,—и не будешь вѣрить въ судьбу, которая отнимаетъ у насъ все, что принадлежитъ намъ, и подчиняетъ насъ необходимости и насилію. Тебѣ не нужно ни сѣять, ни садить, ни сражаться, ни вообще дѣлать что-либо: волею или неволею, исполнится, что̀ опредѣлено тебѣ судьбою. Какая наконецъ нужда намъ и въ молитвѣ? Для чего ты хочешь быть христіаниномъ, если существуетъ судьба? Вѣдь ты не будешь
508 подлежать обвиненію. Откуда искусства? Неужели тоже отъ судьбы? Да, говорятъ; и такому-то человѣку судьбою опредѣлено, трудясь, сдѣлаться мудрымъ. Однако укажи мнѣ такого человѣка, который бы достигъ знанія безъ трудовъ. Но ты не можешь указать. Слѣдовательно знаніе зависитъ не отъ судьбы, а отъ трудовъ. Но отчего, говорятъ, такой-то человѣкъ, будучи преступнымъ и злымъ, богатъ, хотя отъ отца и не получилъ наслѣдства, а другой, до безконечности трудясь, остается бѣднымъ? Впрочемъ такими вопросами занимаются тѣ, которые все основываютъ только на богатствѣ и бѣдности, а не на порокѣ и добродѣтели. Но здѣсь ты не то говори, а скажи: сдѣлался ли кто-нибудь злымъ, несмотря на то, что ревностно старался (быть добрымъ), или добрымъ—живя въ совершенной безпечности? Если судьба имѣетъ такую силу, то пусть она покажетъ эту власть надъ тѣмъ, что важнѣе всего, — надъ добродѣтелію и порокомъ, а не надъ богатствомъ и нищетою. Опять—почему, говорятъ, одинъ страдаетъ отъ болѣзни, а другой наслаждается здоровьемъ, одинъ находится въ славѣ, а другой въ презрѣніи? Почему у одного все идетъ согласно съ его желаніемъ, а у другого безчисленныя всюду препятствія? Откажись отъ вѣры въ судьбу, и ты узнаешь—почему. Твердо вѣруй, что есть Богъ Промыслитель, и ты будешь понимать это ясно. Но не могу, говоришь, потому что неустройство въ положеніи дѣлъ (на землѣ) не даетъ возможности предполагать существованіе Промысла. Если все это зависитъ отъ Бога, то какъ я могу вѣрить, что Богъ, будучи благъ, даетъ богатство развратнику, преступнику и корыстолюбцу, а человѣку доброму — нѣтъ? Какъ мнѣ вѣрить? Вѣрить нужно, соображаясь съ тѣмъ, что бываетъ на дѣлѣ. Хорошо; итакъ это зависитъ отъ судьбы. Руководствуется ли она справедливостію, или нѣтъ? Ты скажешь: она несправедлива. Кто же создалъ ее? Ужели Богъ? Нѣтъ, скажешь, она ни отъ кого не произошла. Но какъ же она, не происшедши ни отъ кого, дѣлаетъ все это? Вѣдь это противорѣчитъ

одно другому. Слѣдовательно, вообще это—не Божіе дѣло. Займемся поэтому изслѣдованіемъ вопроса: кто сотворилъ небо? Ты скажешь—судьба. Кто землю, кто море, кто времена года? Слѣдовательно, если она въ вещахъ бездушныхъ учредила такой прекрасный порядокъ, такую стройность, то какимъ образомъ въ насъ, для которыхъ и существуетъ все это, допустила такое нестроеніе? Это было бы похоже на то, если бы кто-нибудь заботился о домѣ, желая сдѣлать его удивительно хорошимъ, а о домочадцахъ своихъ не имѣлъ бы ни малѣйшаго попеченія. Кто сохраняетъ преемство временъ года? Кто опредѣлилъ столь стройные законы природы? Кто далъ порядокъ теченію дня и ночи? Это выше той судьбы. Нѣтъ, говорятъ, это само собою произошло. Но какимъ образомъ такой порядокъ могъ явиться самъ собою? Откуда же, скажешь, эти богачи, наслаждающіеся здоровьемъ и пользующіеся славою, (которые получили богатство)—одни съ помощію корыстолюбія, другіе—путемъ наслѣдства, третьи—посредствомъ насилія? Почему же Богъ попускаетъ злымъ благоденствовать? Потому, что воздаяніе по заслугамъ не здѣсь, а въ будущемъ вѣкѣ. Поэтому ты мнѣ тамъ укажи что-нибудь подобное этому. Прежде дай мнѣ, пока я еще здѣсь, говоришь ты; а тамъ я ничего не стану искать. Но ты и не получаешь потому, что ищешь. Если ты, не испытавъ еще удовольствій, такъ сильно домогаешься ихъ, что предпочитаешь ихъ будущимъ благамъ, то тѣмъ болѣе (ты сталъ бы искать этихъ послѣднихъ), если бы ты вкусилъ чистѣйшихъ удовольствій. Потому-то (Богъ) показываетъ тебѣ, что (земныя блага) ничтожны, что они составляютъ нѣчто безразличное; если бы они не были чѣмъ-то безразличнымъ, то онъ не далъ бы ихъ и тѣмъ. Скажи мнѣ: развѣ не все равно—быть чернымъ, или высокимъ, или небольшого роста? Такъ и богатство. Скажи мнѣ: развѣ не въ равной мѣрѣ дано всѣмъ то, что намъ необходимо, именно способность къ добродѣтели, раздѣленіе духовныхъ дарованій? Если бы ты зналъ, каковы Божіи благодѣянія, то, пользуясь ими наравнѣ съ другими, ты не огорчался бы неравномѣрнымъ распредѣленіемъ земныхъ благъ и, зная равномѣрное раздѣленіе первыхъ, не домогался бы изобилія послѣднихъ. Подобно тому какъ слуга, который, получая отъ господина пищу, одежду и кровъ и пользуясь всѣмъ прочимъ наравнѣ съ другими, потому только, что имѣлъ бы волоса на головѣ длиннѣе и ногти больше, сталъ бы думать, будто онъ имѣетъ болѣе, нежели другіе,—такимъ же образомъ и тотъ (кто 500—510
надѣленъ земными благами) напрасно сталъ бы много думать о томъ, чѣмъ пользуется только до времени. Для того (Богъ) и лишаетъ насъ (благъ земныхъ), чтобы охладить въ насъ страсть

къ нимъ и всѣ наши желанія отвратить отъ нихъ, направить къ благамъ небеснымъ. А мы и этимъ не вразумляемся. Какъ отецъ, когда его дитя имѣетъ какую-нибудь игрушку, которую ставитъ выше предметовъ необходимыхъ, отнимаетъ у ребенка игрушку, чтобы заставить его хотя бы поневолѣ обратиться къ предмету важнѣйшему, такъ и Богъ употребляетъ всѣ мѣры, чтобы привести насъ на небо. Но ты скажешь: почему Онъ позволяетъ богатѣть злымъ? Потому что Онъ не очень заботится объ нихъ. А почему добрымъ? Этого Онъ не дѣлаетъ, а только попускаетъ. Впрочемъ теперь говорю объ этомъ только слегка, имѣя въ виду такихъ людей, которые не знаютъ Писаній. Если бы вы хотѣли вѣрить и внимать слову Божію, то мнѣ ненужно бы было говорить того, что сказалъ я теперь, потому что изъ слова Божія мы все бы узнали. Но чтобы ты вполнѣ убѣдился, что ничего не значатъ ни богатство, ни здоровье, ни слава,—укажу тебѣ на тѣхъ многочисленныхъ людей, которые и могли бы разбогатѣть, но не пріобрѣтаютъ ничего, и могли бы наслаждаться здоровьемъ, но изнуряютъ свое тѣло, и могли бы пользоваться славой, но употребляютъ всѣ мѣры, чтобы быть въ презрѣніи. Между тѣмъ кто добръ, тотъ никогда не стремится сдѣлаться злымъ. Поэтому перестанемъ искать здѣшнихъ благъ, и будемъ стремиться къ небеснымъ. Такимъ образомъ мы можемъ и получить ихъ и будемъ въ состояніи насладиться вѣчною пищею, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу съ Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА II.

509 Конецъ же завѣщанія есть любы отъ чиста сердца и совѣсти благія и вѣры нелицемѣрныя, въ нихже нѣцыи погрѣшивше, уклонишася въ суесловія, хотяще быти законоучители, не разумѣюще ни яже глаголютъ, ни о нихже утверждаютъ (1 Тим. I, 5—7).

1. Ничто не приноситъ такого вреда человѣческому роду, какъ пренебреженіе дружескихъ отношеній и малая заботливость о сохраненіи ихъ; равно и наоборотъ—ничто не можетъ дать такого хорошаго направленія, какъ стараніе поддерживать ихъ всѣми силами. На это самое указывая, Христосъ говоритъ: *аще два совѣщаета* вмѣстѣ, все, что попросятъ, получатъ (Мѳ. XVIII, 19); и еще: когда умножится беззаконіе, *изсякнетъ любы* (XXIV, 12).

Это послужило источникомъ всѣхъ ересей. Въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе того, что люди не любятъ братьевъ своихъ, они завидуютъ тѣмъ, которые пользуются уваженіемъ, отъ зависти же происходитъ властолюбіе, а отъ властолюбія проистекаютъ ереси. Потому-то и Павелъ, сказавъ: *да завѣщаеши нѣкимъ не инако учити*, показываетъ путь, какимъ можно достигнуть этого. Что же составляетъ этотъ путь? Любовь. Подобно тому, какъ, когда онъ говоритъ: *кончина закона Христосъ* (Рим. x, 4), то есть, исполненіе,—первое соединяется съ послѣднимъ, такъ и эта заповѣдь имѣетъ опорою любовь. Цѣль врачебнаго искусства—здоровье; поэтому когда есть здоровье, тогда немного нужно заботы; и когда есть любовь, немного нужно заповѣдей. Но о какой любви говоритъ онъ? Объ искренней, которая не ограничивается одними словами, но проистекаетъ изъ душевнаго расположенія и благомыслія и состраданія. *Отъ чиста*, говоритъ, *сердца*, то есть, изъ прямодушнаго обращенія, или искренней дружбы. Вѣдь и нечистая жизнь производитъ расколы: *всякъ бо дѣлаяй злая, ненавидитъ свѣта* (Іоан. III, 20). Дружба бываетъ и между людьми злыми, напримѣръ разбойники любятъ разбойниковъ, и человѣкоубійцы человѣкоубійцъ; но это происходитъ не отъ доброй совѣсти, а отъ злой, не отъ чистаго сердца, а отъ нечистаго, не отъ непритворной вѣры, а отъ притворной и лицемѣрной. Вѣра открываетъ намъ то, что истинно, и отъ искренней вѣры раждается любовь, потому что тотъ, кто истинно вѣритъ въ Бога, никогда не согласится удалиться отъ любви. *Въ нихже нѣцыи*, говоритъ, *погрѣшивше, уклонишася въ суесловіе*. Хорошо сказалъ: *погрѣшивше*,—потому что нужно искусство для того, чтобы прямо въ цѣль направлять удары, а не мимо ея. Поэтому необходимо, чтобы они были управляемы Духомъ Святымъ; много есть при- 510
чинъ, которыя совращаютъ съ прямого пути,—между тѣмъ только одну цѣль нужно имѣть въ виду. *Хотяще*, говоритъ, *быти законоучители*. Видишь ли, есть и другая причина тому—властолюбіе. Потому и Христосъ говоритъ: *вы же* никого не называйте учителемъ (Мѳ. XXIII, 8), и опять апостолъ: *ни бо сами законъ хранятъ, но да въ вашей плоти похвалятся* (Гал. VI, 13). Они, говоритъ онъ, домогаются почестей, и потому на истину не обращаютъ вниманія. *Не разумѣюще*, говоритъ, *ни яже глаголютъ, ни о нихже утверждаютъ*. Здѣсь онъ обвиняетъ ихъ въ томъ, что они не знаютъ ни цѣли закона, ни того, до какого времени должно было продолжаться его господство. Но отчего ты, если это происходило отъ невѣдѣнія, называешь это грѣхомъ? Оттого, что они дѣлали это не потому только, что хотѣли быть законоучителями, но и потому, что не имѣли любви; кромѣ того и не-

вѣдѣніе отсюда получило свое начало. Дѣйствительно, когда душа предается предметамъ плотскимъ, тогда притупляется ея проницательность; а когда она уклонится отъ любви, тогда овладѣваетъ ею желаніе спорить и помрачается ея умственный взоръ. Тотъ, въ комъ укореняется привязанность къ этимъ скоро преходящимъ (предметамъ), будучи упоенъ страстью, не можетъ уже быть нелицепріятнымъ судьею истины. *Не разумѣютъ*, говоритъ, *о нихже утверждаютъ*. Вѣроятно, они разсуждали о законѣ и много говорили объ очищеніяхъ и о другихъ внѣшнихъ обрядахъ. Вслѣдъ затѣмъ, оставивъ опроверженіе (ихъ ученія),—потому что оно не имѣло никакого значенія, развѣ только служило сѣнію и образомъ предметовъ духовныхъ,—онъ обращается къ тому, что было гораздо болѣе пріятнымъ. Къ чему именно? Онъ восхваляетъ законъ, называя закономъ десятословіе. Между тѣмъ онъ исключаетъ первыя (обрядовыя постановленія) изъ послѣдняго (закона), потому что если самыя эти (предписанія закона) наказываютъ преступниковъ, и остаются для насъ безполезными, то тѣмъ болѣе первыя (обрядовыя постановленія). *Вѣмы же*, говоритъ, *яко добръ законъ, аще кто его законнѣ творитъ, вѣдый сіе, яко праведнику законъ не лежитъ* (ст. 8, 9). Онъ говоритъ, что (законъ) хорошъ и нехорошъ. Какъ же это, скажешь ты, ужели онъ становится нехорошимъ оттого, что кто-либо не исполняетъ его, какъ слѣдуетъ? И тогда онъ остается хорошимъ: но сказанное имъ имѣетъ такое значеніе: если кто исполняетъ его на дѣлѣ,—выраженіе: *аще кто его законнѣ творитъ* здѣсь должно быть такъ понимаемо. Когда же изъясняютъ его на словахъ, а на дѣлѣ преступаютъ, это значитъ исполнять его не какъ слѣдуетъ. Исполняетъ его и этотъ, но не на собственную пользу.

511 Впрочемъ и другое нѣчто можно сказать объ этомъ. Что же именно? То, что если надлежащимъ образомъ будешь исполнять законъ, то онъ приведетъ тебя ко Христу. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ цѣль закона состоитъ въ оправданіи человѣка, а между тѣмъ онъ не въ состояніи (этого сдѣлать), то онъ приводитъ къ Тому, кто можетъ (исполнить это). Впрочемъ можно и инымъ образомъ исполнять законъ, какъ слѣдуетъ, — именно, когда ты будешь соблюдать его отъ избытка (добраго расположенія). Что же значитъ выраженіе—отъ избытка? Подобно тому, какъ говорятъ, что конь надлежащимъ образомъ употребляетъ удила, когда онъ не прыгаетъ и не кусаетъ, а просто носитъ ихъ, какъ украшеніе, такъ и законъ исполняетъ надлежащимъ образомъ тотъ, кто цѣломудренно живетъ не вслѣдствіе необходимости отъ буквы (закона). Итакъ, кто же будетъ надлежащимъ образомъ исполнять его? Тотъ, кто знаетъ, что онъ не имѣетъ въ немъ нужды.

Кто достигъ до такого нравственнаго совершенства, что исполняетъ законъ не ради страха предъ нимъ, а ради одной добродѣтели, тотъ правильно и непреткновенно исполняетъ его, то есть, когда кто-либо исполняетъ его какъ человѣкъ, который не боится его, а скорѣе съ неодобреніемъ обращаетъ взоръ свой на положенныя въ немъ наказанія. Съ другой стороны праведникомъ онъ называетъ здѣсь того, кто уже усовершился въ добродѣтели. Слѣдовательно, тотъ хорошо исполняетъ законъ, кто не нуждается въ его руководствѣ.

2. Подобно тому, какъ первыя начала грамоты преподаются дѣтямъ, между тѣмъ тотъ, кто восполняетъ ихъ не отъ нихъ, а изъ другихъ (источниковъ), пріобрѣтаетъ большую опытность въ ученіи и гораздо лучше пользуется знаніемъ, такъ и тотъ, кто выше закона, уже не руководится закономъ, потому что кто исполняетъ его не изъ страха, а по любви къ добродѣтели, тотъ гораздо совершеннѣе исполняетъ его. Слѣдовательно, неодинаково исполняетъ законъ тотъ, кто боится наказанія, и тотъ, кто ищетъ чести; неодинаково также—тотъ, кто находится подъ закономъ, и тотъ, кто выше закона. Надлежащимъ образомъ исполнять (законъ) значитъ жить лучше, нежели предписываетъ законъ, потому что тотъ хорошо исполняетъ и соблюдаетъ законъ, кто дѣлаетъ больше, чѣмъ то, что велитъ законъ,—кто не нуждается въ руководствѣ его. Законъ по большей части запрещаетъ зло; между тѣмъ не чрезъ это, но чрезъ добрыя дѣла человѣкъ становится праведнымъ. Поэтому тѣ, которые воздерживаются отъ злыхъ дѣлъ, какъ рабы, еще не выполняютъ цѣли закона; слѣдовательно, онъ назначенъ для того, чтобы наказывать преступленіе. Такимъ образомъ и тѣ тоже исполняютъ законъ, но потому только, что боятся наказанія. *Хощеши же ли*, говоритъ, *не боятися власти, благое твори* (Рим. xiii, 3). Поэтому можно сказать, что (законъ) однимъ только преступнымъ предвозвѣщаетъ наказанія; между тѣмъ какую пользу можетъ принести законъ тому, кто творитъ (дѣла), заслуживающія вѣнцовъ? Такимъ же образомъ и врачъ полезенъ тому, кто имѣетъ язвы, а не здоровому, не тому, кто находится въ хорошемъ положеніи. *Но беззаконнымъ*, говоритъ, *и непокоривымъ, нечестивымъ же и грѣшникомъ* (ст. 9). Беззаконными онъ называетъ іудеевъ, равно какъ и непокорными. *Законъ*, говоритъ, *содѣловаетъ гнѣвъ* (Рим. iv, 15): это относится къ тѣмъ, которые дѣлаютъ зло. Что же (должно относить) къ тому, кто достоинъ чести? Закономъ, говоритъ, *познаніе грѣха* (Рим. iii, 20). Какимъ образомъ это должно относить къ праведнику? *Праведнику*, говоритъ, *законъ не лежитъ* (ст. 9). Почему? Потому что онъ не подлежитъ наказанію,—потому что онъ

не дожидается того, чтобы (законъ) научилъ его тому, что нужно дѣлать, —имѣя внутри себя наставляющую его благодать Св. Духа. Законъ данъ для того, чтобы страхъ и угрозы удерживали (отъ преступленія). Между тѣмъ не нужна узда для смирной лошади, и не нужно наставленіе тому, кто не имѣетъ недостатка въ наставникѣ. *Но беззаконнымъ*, говоритъ, *и непокоривымъ, нечестивымъ же и грѣшникомъ, неправеднымъ и сквернымъ, отца и матере досадителемъ* (ст. 9). И не остановился на этомъ, не удовольствовался однимъ общимъ указаніемъ грѣховъ, а перечислилъ грѣхи въ частности, чтобы заставить стыдиться исключительнаго послѣдованія закону. Затѣмъ, исчисливъ частные виды грѣ-
512 ховъ, онъ сказалъ объ нихъ и вообще, хотя и сказаннаго довольно было для того, чтобы удалить (отъ грѣха). О комъ же онъ это говоритъ? Объ іудеяхъ, потому что они были отцеубійцами и матереубійцами, они были неправедны и скверны; на нихъ намекаетъ онъ, когда говоритъ: *нечестивымъ и грѣшникомъ*. Если же они были таковы, то по необходимости данъ былъ законъ. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, развѣ они не часто поклонялись идоламъ? Развѣ не покушались побить камнями Моисея? Развѣ руки ихъ не были исполнены убійства самыхъ близкихъ сродниковъ? Развѣ не обличаютъ ихъ въ этомъ постоянно пророки? Между тѣмъ кто мудрствуетъ о небесномъ, для того излишними становятся всѣ эти (обличенія). *Отца и матере*, говоритъ, *досадителемъ, мужеубійцамъ, блудникомъ, мужеложникомъ, разбойникомъ, клеветникомъ, клятвопреступникомъ, и аще что ино здравому ученію противится* (ст. 10). Хорошо сказалъ: *здравому ученію*,—потому что (всѣ эти преступленія) составляютъ болѣзнь души развращенной. *По благовѣстію*, говоритъ, *славы блаженнаго Бога, еже мнѣ увѣрено бысть* (ст. 11). Поэтому и нынѣ нуженъ законъ для утвержденія Евангелія; между тѣмъ для тѣхъ, кто вѣруетъ въ него, онъ ненуженъ. А благовѣстіемъ славы онъ называетъ его не по другой какой причинѣ, какъ ради тѣхъ, которые стыдятся гоненій и Христовыхъ страданій. Впрочемъ отчасти и по другимъ причинамъ, отчасти и ради этого онъ называетъ (Евангеліе) благовѣстіемъ славы, показывая, что страданіе Христа составляетъ (Его) славу, или даже (можетъ быть) онъ намекаетъ на будущія (обѣтованія). Хотя настоящее (наше состояніе) исполнено стыда и поношенія, за то будущее будетъ вовсе не таково: между тѣмъ благовѣстіе относится къ будущему, а не къ настоящему времени. Почему же ангелъ говорилъ: *се благовѣствую вамъ, яко родися вамъ Спасъ* (Лук. п, 10)? Потому что Родившійся имѣлъ въ будущемъ содѣлаться Спасителемъ, потому что не вдругъ послѣ того, какъ родился, Онъ началъ творить чудеса.

По благовѣстію, говоритъ, *славы блаженнаго Бога. Славы:* онъ говоритъ здѣсь или о богопочтеніи, или (выражаетъ ту мысль), что если и въ настоящемъ все исполнено славы Его, то тѣмъ болѣе въ будущемъ, когда, говоритъ, положены будутъ враги Его подъ ноги Его, когда ничто уже не будетъ сопротивляться Ему, когда праведники узрятъ всѣ эти блага, которыхъ ни око не видѣло, ни ухо не слышало, ни на сердце человѣку не восходило. *Хощу,* говоритъ (Христосъ), *да идѣже есмь азъ, и тіи будутъ, да видятъ славу мою, юже далъ еси мнѣ* (Іоан. xvii, 24).

Научимся поэтому узнавать, каковы эти люди,—и ублажимъ ихъ, помышляя о томъ, какими благами они будутъ наслаждаться, какой славы, какого свѣта они содѣлаются причастниками. Здѣшняя слава ничтожна и непостоянна, и если даже остается при насъ, то остается только до смерти, а потомъ совершенно исчезаетъ, потому что не *снидетъ съ нимъ,* говорится, *слава его* вслѣдъ его (Псал. xlviii, 18); а для многихъ она не продолжалась даже до смерти. Между тѣмъ о той славѣ нельзя думать ничего подобнаго, а совершенно напротивъ, она остается навсегда и никогда не будетъ имѣть конца. Таково свойство вещей божественныхъ,— онѣ постоянны, не подвергаются ни перемѣнамъ, ни разрушенію. Слава тогда (будетъ зависѣть) не отъ внѣшнихъ, а отъ внутреннихъ (предметовъ); именно эта слава будетъ состоять не въ ризахъ многоцѣнныхъ, не въ множествѣ прислуги, и не въ колесницахъ, но безъ всего этого, самъ человѣкъ будетъ облеченъ славою. Теперь, если нѣтъ этого, то нѣтъ и славы, а тамъ не такъ. Въ баняхъ мы видимъ нагими и знатныхъ, и незнатныхъ, и даже преступныхъ; и на торжищахъ многіе нерѣдко подвергались опасности, когда слуги ихъ по какой-нибудь надобности оставляли ихъ. А тамъ славу свою (человѣкъ) будетъ имѣть всегда при себѣ. И подобно тому, какъ ангелы, куда бы ни явились, имѣютъ славу сами въ себѣ, такъ и святые. Или еще лучше, 513
какъ солнце не нуждается въ одеждѣ, не имѣетъ надобности ни въ чемъ другомъ, но какъ только является, вмѣстѣ съ нимъ открывается и блескъ его славы,—такъ будетъ и тогда.

3. Будемъ поэтому стремиться къ этой славѣ, досточтимѣе которой нѣтъ ничего; оставимъ ту, презрѣннѣе которой нѣтъ ничего. *Во одѣяніи ризъ,* говорится, *не похвалися* (Сир. xi, 4),—это издревле внушаемо было дѣтямъ. Дѣйствительно, и плясунъ, и блудница, и актеръ одѣваются въ болѣе свѣтлыя и многоцѣнныя ризы, нежели ты. И кромѣ того, ты тщеславишься такою вещью, на которую если нападетъ моль, то лишитъ тебя доставляемаго ею тебѣ удовольствія. Видишь ли, какъ непостоянна слава въ настоящей жизни? Ты хвалишься такою вещью, которую черви

производятъ и истребляютъ,—потому что, говорятъ, въ Индіи находятся какія-то насѣкомыя, которыми приготовляются эти ткани. Пріобрѣти, если хочешь, одежду, которая соткана изъ предметовъ горнихъ,—чудное и свѣтлое одѣяніе, ризу воистину золотую. Только это золото не принадлежитъ къ числу металловъ, которые выкопаны руками преступниковъ, но рождается отъ добродѣтели. Облечемся въ эту одежду, которую устрояютъ не бѣдные люди и рабы, а самъ Господь. Но ты скажешь, что одежда эта испещрена золотомъ. А какое это имѣетъ къ тебѣ отношеніе? Вѣдь всѣ удивляются устроившему ее, а не тому, кто въ нее облекается,—потому что, въ самомъ дѣлѣ, первый достоинъ удивленія. Такъ, вѣдь, и относительно обыкновенной одежды мы удивляемся не дереву, на которомъ одежда развѣшивается въ валяльнѣ, но тому, кто трудится около нея, несмотря на то, что дерево носитъ ее и она развѣшивается на деревѣ. Подобно тому какъ та развѣшивается не ради нужды, а для пользы самой же одежды, чтобы, какъ говорятъ, вытрясти изъ нея пыль и чтобы не ѣла ее моль, такъ и эта. Итакъ, не крайнее ли будетъ это безуміе такъ много заботиться о томъ, что не имѣетъ никакого значенія,—придумывать для этого всевозможныя средства, погублять собственное спасеніе, пренебрегать геенну, Богу досаждать, презирать Христа алчущаго? Что еще кто скажетъ о драгоцѣнныхъ ароматахъ — индійскихъ, аравійскихъ, персидскихъ, сухихъ и влажныхъ, о мазяхъ и благовоніяхъ, (пріобрѣтеніе) которыхъ соединено съ большими и безполезными издержками? Зачѣмъ ты, жена, умащаешь тѣло свое, внутри исполненное нечистоты? Зачѣмъ разоряешь себя для вещи зловонной и поступаешь такъ, какъ если бы кто благовонную мазь бросалъ въ грязь, или бальзамомъ сталъ обливать кирпичи? Есть, если хочешь, ароматы, есть благовонная мазь, которою ты можешь умастить душу и которая приносится не изъ Аравіи, не изъ Ѳіопіи, и не изъ Персіи, а съ самаго неба,—которая покупается не за золото, а добрымъ расположеніемъ воли и непритворною вѣрою. Купи себѣ этого благовонія, запахъ котораго можетъ наполнить собою всю вселенную. Онъ распространялся отъ апостоловъ: воня *есмы* благоуханія, говоритъ, *овѣмъ убо въ смерть, овѣмъ же въ животъ* (2 Кор. п, 15, 16). Что же значитъ это? Сказываютъ, будто свинья задыхается отъ благовонія. И не только тѣла апостоловъ, но и самыя ихъ одежды источали воню духовнаго благоуханія; такое истекало благовоніе отъ одеждъ Павловыхъ, что онѣ прогоняли демоновъ. Ужели это благовоніе не было пріятнѣе и полезнѣе всякихъ цвѣтовъ, всякихъ пряныхъ кореній, всякой благовонной мази? Если оно прогоняло демоновъ, то чего еще другого

оно не могло сдѣлать? Будемъ поэтому приготовлять эту благо-
вонную мазь; а приготовляетъ ее благодать св. Духа посредствомъ
милостыни. Воню этого благоуханія будемъ источать, когда 514
отойдемъ туда, и привлекать ею къ себѣ святыхъ; и подобно тому,
какъ здѣсь намащенные благовоніями привлекаютъ къ себѣ всѣхъ
и, когда войдетъ кто-либо источающій благоуханіе въ баню или
въ церковь, или въ какое-нибудь другое многолюдное мѣсто, то
всѣ приближаются къ нему, всѣхъ привлекаетъ онъ къ себѣ,—
такъ точно и въ томъ мірѣ, когда войдутъ туда души, отъ ко-
торыхъ будетъ истекать воня благоуханія духовнаго, то всѣ бу-
дутъ объяты удивленіемъ, всѣ посторонятся. Даже здѣсь (къ
этой душѣ) ни демоны, ни какой бы то ни было порокъ не
смѣютъ подойти и пребывать съ нею, потому что задыхаются.
Будемъ поэтому окружать себя этимъ благоуханіемъ. Одно бла-
гоуханіе распространяетъ объ насъ такое мнѣніе, что мы изнѣ-
жены; а другое—что мы мужественны и воистину достойны
удивленія, и даетъ намъ великое дерзновеніе. Это благовоніе не
на землѣ произрастаетъ, а рождается отъ добродѣтели; оно ни-
когда не увядаетъ, а всегда цвѣтетъ; оно содѣлываетъ достой-
ными уваженія тѣхъ, кто обладаетъ имъ. Имъ помазуемся мы,
когда принимаемъ крещеніе; тогда отъ насъ истекаетъ пріятное
благоуханіе; а чтобы и потомъ мы источали его, это зависитъ
уже отъ нашего старанія. Вотъ почему въ древности священ-
ники и были помазуемы миромъ, чтобы показать въ этомъ зна-
меніе добродѣтели, потому что священникъ долженъ источать
пріятное благоуханіе. Между тѣмъ нѣтъ ничего зловоннѣе грѣха.
Посмотри, какъ описываетъ его природу пророкъ: *возсмердѣша и
согниша раны моя* (Псал. xxxvii, 6). И дѣйствительно, грѣхъ хуже
и зловоннѣе всякой гніющей язвы. Въ самомъ дѣлѣ скажи, что
можетъ быть зловоннѣе блудодѣянія? Если ты не чувствуешь
этого въ то время, когда грѣхъ совершается, то подумай о томъ
по совершеніи его, и ты увидишь тогда его зловоніе, отврати-
тельную нечистоту, скверну и мерзость его.

Таковъ вообще грѣхъ. Прежде чѣмъ онъ будетъ сдѣланъ,
онъ еще доставляетъ нѣкоторую пріятность, а послѣ того, какъ
уже совершится, пріятность проходитъ и исчезаетъ, и на мѣсто
ея являются горесть и печаль. Совершенно наоборотъ правед-
ность: вначалѣ она приноситъ труды, а подъ конецъ—удоволь-
ствіе и успокоеніе. Тамъ и удовольствіе не бываетъ удоволь-
ствіемъ оттого, что впереди ожидаетъ стыдъ и наказаніе; а здѣсь
опять и трудъ не въ трудъ оттого, что есть надежда на награду.
Скажи мнѣ, что такое пьянство? Не доставляетъ ли оно удоволь-
ствія только въ то время, когда пьешь? Вѣрнѣе же, даже и во

время самого питья (оно не приноситъ удовольствія). Когда (человѣкъ) впадаетъ въ безчувствіе, и не видитъ никого изъ присутствующихъ, но становится хуже бѣснующагося, то какое уже тутъ удовольствіе? Кромѣ того, и въ самомъ блудодѣяніи нѣтъ никакого удовольствія. Когда душа, одержимая страстью, теряетъ сознаніе, то какое это удовольствіе? Если это удовольствіе, то и чесотка будетъ составлять удовольствіе. Я называю истиннымъ удовольствіемъ то, когда душа не находится въ страстномъ состояніи, въ которомъ тѣло порабощаетъ ее себѣ и развлекаетъ ее. Что за удовольствіе скрежетать зубами, ворочать глазами, ощущать щекотаніе и воспламеняться больше, нежели прилично? Это состояніе до такой степени далеко отъ того, чтобы быть удовольствіемъ, что мы спѣшимъ поскорѣе избавиться отъ него, а потомъ, избавившись, скорбимъ. Если это—удовольствіе, то не удаляйся отъ него, а продолжай наслаждаться удовольствіемъ. Видишь ли, что здѣсь одно только названіе удовольствія? Между тѣмъ предлагаемыя нами удовольствія не таковы,—напротивъ они воистину бываютъ пріятны, они доставляютъ не исполненное жара наслажденіе, но оставляютъ душу свободною и расточаютъ радость и веселіе. Такимъ удовольствіемъ наслаждался Павелъ, который говоритъ: *о семъ радуюся, но и возрадуюся* (Филип. I, 18),—и еще: *радуйтеся всегда о Господѣ* (IV, 4). То (первое) удовольствіе соединяется со стыдомъ и осужденіемъ, оно совершается скрытно
515—516 и исполнено безчисленныхъ непріятностей, а послѣднее отъ всего этого свободно. Будемъ поэтому стремиться къ нему, чтобы получить будущія блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА III.

515 Благодарю укрѣпившаго мя Христа Іисуса Господа нашего, яко вѣрна мя непщева, положивъ въ службу, бывша иногда хульника и гонителя и досадителя: но помилованъ быхъ, яко невѣдый сотворихъ въ невѣрствіи: преумножися же благодать Господа нашего Іисуса Христа съ вѣрою и любовію, яже о Христѣ Іисусѣ (1 Тим. I, 12—14).

1. Мы видимъ, что смиренномудріе приноситъ великую пользу, но нигдѣ его скоро не обрѣтаемъ; правда, (мы встрѣчаемъ) величайшую униженность на словахъ, даже больше, не-

жели слѣдуетъ, но истиннаго смиренномудрія нигдѣ не находимъ. Блаженный же Павелъ до того желалъ стяжать его, что повсюду измышлялъ много причинъ къ тому, чтобы содѣлывать смиренною свою душу. И такъ какъ болѣе всего должны трудиться тѣ,— когда они желаютъ стяжать смиренномудріе,—которые сознаютъ, что совершили важные подвиги, то вѣроятно и онъ терпѣлъ великое (въ этомъ отношеніи) насиліе отъ сознанія сдѣланнаго имъ добра, которое, подобно сильному теченію воды, влекло его къ надменности. Поэтому смотри, что онъ и здѣсь дѣлаетъ. Онъ сказалъ, что мнѣ ввѣрено благовѣствованіе славы Божіей,—благовѣствованіе, коего причастниками не могутъ быть тѣ, которые еще придерживаются закона. Онъ противопоставляетъ одно другому, и полагаетъ между ними такое разстояніе, что кто придерживается послѣдняго, тотъ еще не достоинъ содѣлаться причастникомъ перваго, — подобно тому, какъ если бы кто сказалъ, что тѣхъ, которые нуждаются въ узахъ и наказаніи, нельзя еще причислить къ сонму любомудрыхъ. И такъ какъ онъ (прежде) превознесъ себя и сказалъ о себѣ много великаго, то (теперь) въ одно время и себя смиряетъ, и другихъ увѣщеваетъ то же самое сдѣлать. Написавъ: *еже мнѣ ввѣрено бысть* (ст. 11), онъ немедленно смиряетъ самого себя, чтобы ты не подумалъ, что онъ говорилъ это вслѣдствіе гордости. Итакъ, смотри, какой онъ употребляетъ (оборотъ рѣчи), чтобы поправить (прежде сказанное), когда присовокупляетъ и говоритъ: *благодарю* укрѣпившаго *мя Христа Іисуса Господа нашего, яко вѣрна мя непщева, положивъ въ службу*. Видишь ли, какъ всегда онъ скрываетъ свои заслуги, и все приписываетъ Богу, — впрочемъ такъ, что чрезъ это не уничтожаетъ свободы воли? Невѣрующій вѣроятно могъ бы сказать: если все принадлежитъ Богу и мы сами отъ себя ничего не привносимъ, но (Богъ), подобно деревьямъ и камнямъ, обращаетъ насъ отъ порока къ любомудрію, то почему Онъ сдѣлалъ такимъ Павла, а Іуду нѣтъ? Поэтому, смотри, съ какимъ благоразуміемъ выражается, предотвращая такое возраженіе. *Ввѣрено*, говоритъ, *бысть мнѣ*. Это составляетъ его заслугу и честь, но не все принадлежитъ ему; смотри, что онъ (дальше) говоритъ: *благодарю* укрѣпившаго *мя Христа Іисуса*,—это относится къ Богу: затѣмъ опять указываетъ на то, что принадлежитъ ему: *яко вѣрна мя непщева*,—конечно, потому, что онъ желалъ самъ отъ себя содѣйствовать этому. *Положивъ*, говоритъ, *въ службу, бывша иногда хульника и гонителя и досадителя: но помилованъ быхъ, яко невѣдый сотворихъ въ невѣрствіи*. Смотри, какъ онъ говоритъ и о томъ, что принадлежитъ ему, и о томъ, что принадлежитъ Богу; но Промыслу Божію приписываетъ больше, а то, что ему принадле-

жить, уничижаетъ, впрочемъ такъ, чтобы, какъ я прежде сказалъ, чрезъ это не уничтожить свободы воли? Что же значитъ: укрѣпившаго *мя?* Послушай. Онъ подъялъ на себя великое бремя и ему нужно было большое содѣйствіе свыше. Посуди въ самомъ
516 дѣлѣ, какъ трудно было устоять противъ ежедневныхъ поруганій, укоризнъ, навѣтовъ, опасностей, споровъ, порицаній, смертей и не придти въ уныніе, не пасть духомъ, не поколебаться и, несмотря на то, что отовсюду каждый день бросали въ него цѣлыя тысячи стрѣлъ, стоять съ твердымъ, безтрепетнымъ видомъ! Это было выше человѣческихъ силъ, хотя и не зависѣло отъ одного содѣйствія Божія, но и отъ свободной его воли. Что Богъ избралъ его, предвидѣвъ, каковъ онъ будетъ, — послушай, что говоритъ (самъ Богъ) еще прежде, нежели (апостолъ) приступилъ къ проповѣди: *сосудъ избранъ ми есть сей, пронести имя мое предъ языки и цари* (Дѣян. IX, 15). Подобно тому, какъ тѣ, которые носятъ на войнѣ царское знамя, обыкновенно называемое лавуронъ (λάβουρον) [1]), должны обладать великою силой и опытностію, чтобы не предать его врагамъ, такъ и тѣ, которые носятъ имя Христово не только во время войны, но и во время мира, должны имѣть много твердости, чтобы не предать его хульнымъ устамъ, но мужественно держать и нести крестъ. Воистину великая нужна сила для того, чтобы носить имя Христово. Тотъ, кто говоритъ, или дѣлаетъ, или въ мысли имѣетъ что-нибудь недостойное, не носитъ Его имени и не имѣетъ въ себѣ Христа. Между тѣмъ тотъ, кто носитъ (это имя), торжественно шествуетъ не чрезъ торжище, а чрезъ небеса; (при видѣ его) всѣхъ объемлетъ трепетъ, ангелы сопутствуютъ и удивляются ему. *Благодарю,* говоритъ, укрѣпившаго *мя Христа Іисуса Господа нашего.* Смотри— онъ благодаритъ Бога даже и за то, что принадлежитъ ему самому. За то, что онъ—избранный сосудъ, онъ приноситъ Ему благодарность. Это же тебѣ принадлежитъ, блаженный Павелъ, потому что Богъ нелицепріятенъ. Но я благодарю, говоритъ, за то, что Онъ удостоилъ меня этого служенія, потому что это составляетъ признакъ того, что Онъ считаетъ меня вѣрнымъ. Подобно тому, какъ въ домѣ управляющій не только бываетъ благодаренъ господину за его довѣріе, но и поставляетъ послѣднее признакомъ того, что (господинъ) считаетъ его болѣе достойнымъ довѣрія, нежели другихъ, такъ точно и здѣсь. Затѣмъ смотри, какъ онъ, описывая прежнюю свою жизнь, превозноситъ милость и человѣколюбіе Божіе. *Бывша* прежде, говоритъ, *хульника и гонителя и досадителя.* Онъ гораздо снисходительнѣе выражается

[1]) Вѣроятно ошибка, вмѣсто λάβαρον—labarum, знамя съ крестомъ.

даже тогда, когда говоритъ объ іудеяхъ, несмотря на то, что они и въ это время оставались въ невѣріи: *свидѣтельствую бо имъ*, говоритъ, *яко ревность Божію имутъ, но не по разуму* (Рим. x, 2); а о себѣ говоритъ, что онъ былъ хулителемъ, и гонителемъ, и досадителемъ. Видишь ли его смиреніе, какъ онъ несамолюбивъ, какая у него смиренная душа? Онъ не довольствуется тѣмъ, что назвалъ себя хулителемъ и гонителемъ: а (показываетъ еще), что онъ дѣлалъ это съ особеннымъ ожесточеніемъ. Я не только, говоритъ, въ себѣ укрѣплялъ зло и не довольствовался тѣмъ, что самъ былъ хулителемъ, но еще преслѣдовалъ тѣхъ, которые хотѣли жить благочестиво. (Я довелъ) богохульство до величайшаго неистовства. *Но помилованъ быхъ, яко невѣдый сотворихъ въ невѣрствіи.*

2. Почему же и другіе іудеи не были помилованы? Потому 517
что они не по незнанію, а зная и очень хорошо понимая, дѣлали то, что дѣлали. Чтобы вполнѣ убѣдиться въ этомъ, послушай, что говоритъ евангелистъ: *мнози* изъ фарисеевъ и іудеевъ *вѣроваша, но не исповѣдаху: возлюбиша бо паче славу человѣческую, неже славу Божію* (Іоан. xii, 42, 43). И опять Христосъ говоритъ: *како можете вѣровати, славу другъ отъ друга пріемлюще* (Іоан. v, 44)?— и еще говоритъ (евангелистъ): *сія рекоша родители* слѣпого ради іудеевъ, чтобы не быть отлученными отъ сонмища (Іоан. ix, 22). Кромѣ того и сами іудеи говорили: *видите, яко никая же польза есть* намъ, зане *міръ весь по немъ идетъ* (Іоан. xii, 19). Ими всегда руководила страсть любоначалія. И когда они сказали, что никто не *можетъ оставляти грѣхи, токмо единъ Богъ* (Лук. v, 21), тогда (Христосъ) немедленно совершилъ то, въ чемъ они поставляли признакъ (силы) Божіей. Итакъ все это происходило не отъ невѣдѣнія. Гдѣ же былъ тогда Павелъ? Вѣроятно, скажетъ кто-либо, (онъ находился) у ногъ Гамаліила, который не имѣлъ ничего общаго съ этою мятежною толпою, такъ какъ Гамаліилъ былъ такой человѣкъ, который ничего не дѣлалъ по честолюбію. Какимъ же образомъ Павелъ впослѣдствіи является среди этой толпы? Онъ видѣлъ, что ученіе это распространялось и становилось господствующимъ, и что всѣ послѣдуютъ ему. При жизни Христа (народъ) иногда приходилъ къ Нему, а иногда къ учителямъ (іудейскимъ). Когда же они совершенно отдѣлились (отъ послѣднихъ), тогда уже онъ, не какъ другіе — изъ властолюбія, сталъ дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовалъ, а изъ ревности. Зачѣмъ же онъ отправлялся въ Дамаскъ? Онъ считалъ дѣло (христіанъ) пагубнымъ, и боялся, чтобы проповѣдь не распространилась повсюду. А іудеи (поступали) не такъ. Они все дѣлали не изъ заботливости о многихъ, а изъ властолюбія. Посмотри, что

они говорятъ: *возмутъ языкъ нашъ* и городъ (Іоан. xi, 48). Какой объялъ ихъ страхъ? Человѣческій. Нужно разсмотрѣть и то, какимъ образомъ (Павелъ), будучи столь свѣдущъ въ законѣ, ничего не зналъ,—потому что онъ самъ говоритъ: *еже прежде обѣща пророки своими* (Рим. i, 2). Какимъ же образомъ ты не зналъ этого, будучи ревнителемъ отеческаго закона, воспитавшимся у ногъ Гамаліила? Проводившіе жизнь на рѣкахъ и озерахъ, и мытари притекли (ко Христу) и приняли его; а ты, опытный въ законѣ, Его преслѣдуешь? Потому-то онъ и осуждаетъ себя, говоря: *нѣсмь достоинъ нарещися апостолъ* (1 Кор. xv, 9). Потому-то онъ и сознается въ невѣдѣніи, которое происходило отъ невѣрія. Потому-то и говоритъ, что онъ былъ помилованъ. Что значитъ: *вѣрна мя непщева?* То, что онъ не измѣнилъ Господу ни въ чемъ, говорилъ, что все ему принадлежитъ, даже свое собственное называлъ Божіимъ, не присвоялъ себѣ славы Божіей,—послушай въ самомъ дѣлѣ, что говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ: *мужіе*, что вы на насъ взираете? *мы подобострастни есмы вамъ человѣцы* (Дѣян. xiv, 15),—вотъ что значитъ: *вѣрна мя непщева.* И опять въ другомъ мѣстѣ: *паче всѣхъ ихъ потрудихся*, говоритъ, *не азъ же, но благодать Божія, яже со мною* (1 Кор. xv, 10), и еще: *дѣйствуяй въ насъ и еже хотѣти, и еже дѣяти* (Филип. ii, 13). Самъ онъ, по его словамъ, достоинъ былъ наказанія, — потому что помилованіе дается именно такимъ (людямъ). И опять въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *ослѣпленіе отъ части Исраилеви бысть* (Рим. xi, 25). Но *благодать* Божія, говоритъ, *преумножися съ вѣрою и любовію, яже о Христѣ Іисусѣ.* Что это значитъ? Чтобы ты, услышавъ слова: *помилованъ быхъ*, не остановился мыслію только на этомъ, онъ говоритъ: я былъ хульникомъ, и гонителемъ, и досадителемъ, и потому достоинъ наказанія; но не наказанъ, по-
518 тому что помилованъ. Но развѣ это только (ты получилъ), развѣ милосердіе простиралось только до того, что ты не понесъ наказанія? Нѣтъ,—но (ты получилъ) и другія многія и великія (благодѣянія). Богъ не только освободилъ насъ отъ угрожавшаго намъ наказанія, но и сдѣлалъ насъ праведными, и сынами, и братіями, и друзьями, и наслѣдниками, и сонаслѣдниками. Поэтому-то онъ и говоритъ: *преумножися благодать*, выражая ту мысль, что дары эти превзошли (предѣлы) милосердія, потому что (такъ поступать) свойственно не милующему только, но и благоволящему и сильно любящему. Итакъ, сказавши много великаго о человѣколюбіи Божіемъ, что (Богъ) помиловалъ его, хотя онъ и былъ хулителемъ и гонителемъ и притѣснителемъ, и не только не ограничился этимъ, но удостоилъ его еще другихъ великихъ (благодѣяній), (апостолъ) опять подтверждаетъ то, (что сказано противъ) невѣрныхъ, т. е.

что (не слѣдуетъ) говорить, что свобода воли не существуетъ,—прибавляя (слѣдующія слова): *съ вѣрою и любовію, яже о Христѣ Іисусѣ.* Съ своей стороны мы, говоритъ онъ, только одно принесли, именно—повѣрили тому, что Онъ можетъ спасти насъ.

3. Поэтому возлюбимъ Его (Бога) чрезъ Христа. Что значитъ чрезъ Христа? То, что Онъ намъ пріуготовилъ это, а не законъ. Видишь ли, какихъ благъ для насъ виновникомъ былъ Христосъ, а какихъ законъ? И (апостолъ) не просто сказалъ: умножися благодать, но: *преумножися,*—потому что дѣйствительно *преумножися,* когда тѣхъ, которые заслужили тысячу казней, она внезапно приводитъ къ усыновленію. Вотъ опять (здѣсь предлогъ) *о* (ἐν) значитъ то же, что *чрезъ* (διά). Намъ нужна не одна только вѣра, но и любовь,—потому что нынѣ есть много такихъ, которые вѣруютъ, что Христосъ есть Богъ, однакожъ не любятъ Его и не поступаютъ такъ, какъ слѣдуетъ любящимъ Его. Въ самомъ дѣлѣ, какъ (они любятъ Его), когда все предпочитаютъ Ему—деньги, рокъ, судьбу, предзнаменованія, гаданія, волхвованіе? Если же мы живемъ такъ, что оскорбляемъ Его, то, скажи мнѣ, какая у насъ къ Нему любовь? Если кто имѣетъ друга, къ которому питаетъ горячую, пламенную любовь, то пусть по крайней мѣрѣ столько же любитъ Христа, пусть по крайней мѣрѣ столько же любитъ Того, кто предалъ Сына своего за враговъ своихъ, безъ всякой съ нашей стороны заслуги. Что я говорю—заслуги? За тѣхъ, которые совершили величайшія преступленія, которые дерзнули безъ всякой причины на то, на что никогда не слѣдовало рѣшаться. Онъ послѣ безчисленныхъ благодѣяній и попеченія о насъ все-таки не отвергъ насъ; напротивъ предалъ за насъ своего Сына, именно въ такое время, когда болѣе всего мы совершили беззаконій. Между тѣмъ мы, получивъ столь великія (благодѣянія), содѣлавшись друзьями Его и сподобившись чрезъ Него всѣхъ этихъ благъ, не возлюбили Его даже такъ, какъ любимъ друзей своихъ. Какая же послѣ этого остается для насъ надежда? Можетъ быть, вы трепещете отъ этихъ словъ. О, если бы (привели васъ въ трепетъ) подобные поступки! Но какъ это возможно, скажешь ты, ужели мы въ самомъ дѣлѣ не любимъ Бога даже и такъ, какъ друзей своихъ? Какъ это возможно? Я попытаюсь объяснить это тебѣ; правда, я молю о томъ, чтобы сказанное мною оказалось не имѣющимъ никакого основанія, пустословіемъ; но боюсь, чтобы мои слова не были согласны съ дѣйствительностію. Смотри же. Для друзей, которые дѣйствительно наши друзья, многіе изъ насъ часто терпятъ убытокъ; а для Христа никто не рѣшается не только пожертвовать чѣмъ-нибудь, но и быть довольнымъ тѣмъ, что кто имѣетъ. За друга

часто мы подвергаемся обидамъ и непріязни; а за Христа никто не согласится переносить непріязни, напротивъ (всякій) говоритъ: люби даромъ, но не даромъ ненавидь. Друга, томимаго голодомъ, мы никогда не презираемъ; а Христа, который приходитъ къ намъ каждый день—не за многимъ, а только за однимъ хлѣбомъ, мы даже не допускаемъ къ себѣ, и это тогда, когда съ нами случается зловонная отрыжка, когда мы пресыщены больше, чѣмъ слѣдуетъ, когда объѣдаемся, когда отъ насъ пахнетъ вчерашнимъ виномъ, когда предаемся излишнимъ наслажденіямъ,
519 при чемъ одни изъ насъ даютъ подарки блудницамъ, другіе тунеядцамъ, иные льстецамъ, иные уродамъ, полуумнымъ и карликамъ: да, (люди) обращаютъ себѣ въ увеселеніе даже эти природные недостатки. Друзьямъ, которые суть истинные наши друзья, мы не завидуемъ, и не сокрушаемся при видѣ ихъ благополучія; а по отношенію ко Христу мы и отъ этой страсти несвободны. Наконецъ, всякій можетъ замѣтить, что (у людей) дружба имѣетъ больше силы, нежели страхъ Божій, такъ какъ даже лукавый и завистливый больше стыдится людей, чѣмъ Бога. Откуда это видно? Я скажу—откуда: человѣкъ, несмотря на то, что Богъ видитъ все, что происходитъ у него въ сердцѣ, не перестаетъ строить козни; между тѣмъ человѣкъ, если увидитъ человѣка, то считаетъ себя погибшимъ и краснѣетъ. Что еще сказать? Къ другу, который находится въ несчастіи, мы приходимъ и, если нѣсколько замедлимъ, боимся, чтобы за это не подвергнуться намъ осужденію; а на Христа, часто умирающаго въ узахъ, даже и не посмотримъ. Да и къ друзьямъ, которые вѣруютъ (во Христа), мы приходимъ не потому, что они вѣруютъ въ Него, а потому, что они намъ друзья.

4. Итакъ, видишь ли, что ничто не дѣлается изъ страха Божія или изъ любви къ Богу, а все или по дружбѣ, или по привычкѣ? Мы плачемъ и вздыхаемъ, когда видимъ друга отправляющагося въ чужую сторону; мы рыдаемъ, когда видимъ его умершимъ, хотя знаемъ, что онъ не навсегда разлучился съ нами и что снова будетъ намъ возвращенъ при воскресеніи; а когда Христосъ каждый день удаляется отъ насъ, или лучше, когда Христа мы каждый день отгоняемъ отъ себя,—мы не скорбимъ, напротивъ, оскорбляя Его, досаждая Ему, огорчая Его, дѣлая неугодное Ему, мы даже и не думаемъ, что совершаемъ какое-нибудь преступленіе. Но это еще не было бы столь ужаснымъ, если бъ мы только поступали съ Нимъ, не какъ съ другомъ. А я докажу, что мы поступаемъ съ Нимъ, какъ съ врагомъ. Какимъ образомъ? *Мудрованіе плотское*, говоритъ Павелъ, *вражда на Бога* (Рим. VIII, 7). Между тѣмъ это мудрованіе по-

стоянно присуще намъ. Христа, который желаетъ придти къ намъ, какъ только Онъ приблизится къ нашимъ дверямъ, мы прогоняемъ,—это именно дѣлаютъ злыя дѣла, — мы оскорбляемъ Его каждый день своимъ любостяжаніемъ и хищничествомъ. Хвалятъ человѣка, который пользуется доброю славою за то, что проповѣдуетъ Христа и приноситъ пользу Церкви? И мы завидуемъ ему, потому что онъ совершаетъ дѣло Божіе; мы думаемъ, что завидуемъ ему, а между тѣмъ зависть наша обращается на Христа. Нѣтъ,—скажешь ты,—мы хотимъ, чтобы польза была отъ насъ, а не отъ другихъ, (слѣдовательно, мы желаемъ этого) не для Христа, а для насъ, потому что если—для Христа, то намъ должно быть все равно, отъ насъ ли это происходитъ, или отъ 520
другихъ. Скажи мнѣ, если какой-нибудь врачъ, который имѣлъ бы сына, находящагося въ опасности лишиться зрѣнія, самъ не будучи въ состояніи помочь ему, найдетъ другого (врача), который можетъ это сдѣлать, то ужели онъ отвергнетъ его? Ни въ какомъ случаѣ; напротивъ онъ сказалъ бы такъ: все равно—отъ тебя, или отъ меня, только пусть будетъ ему польза. Почему такъ? Потому что онъ имѣетъ въ виду пользу не свою, а своего сына. Такъ и мы, если бы обращали вниманіе на то, что относится къ Христу, то говорили бы такъ: чрезъ насъ ли, или чрезъ кого иного,—только пусть совершается то, что можетъ быть полезнымъ: *аще истиною, аще виною*, говоритъ (апостолъ), *Христосъ проповѣдаемь есть* (Филип. I, 18). Послушай, что говоритъ Моисей тѣмъ, которые хотѣли возбудить въ немъ гнѣвъ, когда пророчествовали Елдадъ и Модадъ: *еда ревнуеши ты мнѣ? И кто дастъ всѣмъ людемъ Господнимъ быти пророки* (Числ. XI, 29)? Все это происходитъ отъ жажды славы. Итакъ, не врагамъ ли и непріятелямъ свойственно такъ поступать?

Сказалъ тебѣ кто-нибудь дурное слово? Ты возлюби его. Но какъ это возможно? Возможно, и очень возможно, если захочешь. Если ты любишь того, кто говоритъ о тебѣ хорошо, то это еще не составляетъ заслуги,—потому что ты дѣлаешь это не для Господа, а для своей славы. Причинитъ тебѣ кто-либо вредъ? Ты сдѣлай ему добро. Если же ты станешь дѣлать добро тому, кто тебѣ сдѣлалъ добро, то ты не совершишь еще ничего важнаго. Тебя обидѣли и причинили тебѣ великій убытокъ? Постарайся заплатить за это противоположными дѣйствіями. Да, умоляю васъ, такъ расположимъ наши поступки. Перестанемъ дѣлать зло врагамъ и ненавидѣть ихъ. Онъ (Христосъ) повелѣваетъ намъ любить враговъ, а мы враждуемъ и на Него самого, хотя Онъ любитъ насъ. Да не попуститъ этого (Господь), говоришь ты. На словахъ всѣ мы такъ говоримъ, а на дѣлѣ не всѣ такъ посту-

наемъ. До того ослѣпляетъ насъ грѣхъ, что даже то, что не можетъ быть терпимо въ словахъ, бываетъ терпимо въ поступкахъ. Поэтому удалимся, хотя и поздно, отъ тѣхъ, которые препятствуютъ и вредятъ нашему спасенію,—чтобы получить намъ то, что слѣдуетъ получить друзьямъ (Христовымъ). *Хощу*, говоритъ Онъ, *да идѣже есмь азъ, будутъ* и ученики мои, *да видятъ славу мою* (Іоан. XVII, 24), которую да сподобимся всѣ мы получить благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IV.

519-520 Вѣрно слово и всякаго пріятія достойно, яко Христосъ Іисусъ пріиде въ міръ грѣшники спасти, отъ нихже первый есмь азъ. Но сего ради помилованъ быхъ, да во мнѣ первомъ покажетъ Іисусъ Христосъ все долготерпѣніе, за образъ хотящихъ вѣровати ему въ жизнь вѣчную (1 Тим. I, 15, 16).

1. Благодѣянія Божіи такъ велики и до того превосходятъ всякое человѣческое ожиданіе и надежду, что часто даже имъ не вѣрятъ. Дѣйствительно, (Богъ) намъ даровалъ то, о чемъ не помышлялъ, чего не ожидалъ умъ человѣческій. Поэтому апостолы много и говорятъ объ этомъ, чтобы возбудить въ насъ вѣру въ тѣ дары, которые поданы намъ отъ Бога. Подобно тому какъ при (полученіи) великихъ благъ, мы приходимъ въ такое состояніе, что, не довѣряя себѣ, говоримъ: не сонъ ли это? — такъ и при (полученіи) даровъ Божіихъ. Что же было въ нихъ такого, чему едва можно было вѣрить? То, что враги, грѣшники, тѣ, которые не нашли оправданія ни въ законѣ, ни посредствомъ дѣлъ, вдругъ при помощи одной вѣры должны были получить такія преимущества. Вотъ почему (апостолъ) много разсуждаетъ объ этомъ предметѣ и въ посланіи къ Римлянамъ, — много также и здѣсь. *Вѣрно*, говоритъ, *слово и всякаго пріятія достойно, яко Христосъ Іисусъ пріиде въ міръ грѣшники спасти, отъ нихже первый есмь азъ.* Такъ какъ іудеи этимъ особенно увлекались, то онъ убѣждаетъ ихъ не привязываться къ закону, потому что безъ вѣры невозможно чрезъ него спастись. За это именно ратуетъ (апостолъ), потому что казалось невѣроятнымъ, чтобы человѣкъ,
521 несмотря на то, что онъ всю предшествующую жизнь провелъ попусту и напрасно и истратилъ ее на злыя дѣла, могъ потомъ

спастись чрезъ одну вѣру. Поэтому онъ и говоритъ: *вѣрно слово.* Впрочемъ нѣкоторые не только не вѣрили, но и укоряли его, подобно тому, какъ и нынѣ дѣлаютъ язычники, говоря: *сотворимъ злая, да пріидутъ благая* (Рим. III, 8). Такъ какъ они слышали, что онъ говорилъ: *идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать* (Рим. V, 20), то, извращая наше (ученіе), проповѣдывали такимъ образомъ. Точно также, когда мы бесѣдуемъ съ ними о гееннѣ, они возражаютъ: какъ же это можетъ быть достойно Бога? Если человѣкъ, схвативъ своего раба, во многомъ согрѣшившаго предъ нимъ, оставляетъ ему (его вину) и даетъ прощеніе, то ужели Богъ будетъ наказывать навѣки? И опять, когда говоримъ имъ о купели (крещенія) и объ оставленіи грѣховъ чрезъ нее, они возражаютъ: достойно ли Бога, что Онъ оставляетъ грѣхи тому, кто совершилъ безчисленныя преступленія? Видишь ли развращеніе ихъ ума, какъ онъ во всемъ обнаруживаетъ свойственную себѣ страсть къ спорамъ? Именно: если отпущеніе грѣховъ—зло, то наказаніе—добро, и наоборотъ, если наказаніе—не добро, то добро—отпущеніе грѣховъ; говорю такъ, соображаясь съ ихъ мнѣніемъ, а по нашему—хорошо то и другое. А почему, это покажу въ другое время, такъ какъ теперь этого невозможно сдѣлать. (Предметъ этотъ), будучи глубокимъ и требующимъ подробнаго изслѣдованія, въ свое время долженъ быть предложенъ вашей любви; пока же обратимся къ предлежащему (вопросу). *Вѣрно,* говоритъ, *слово.* Какимъ образомъ оно вѣрно? (Это видно) какъ изъ предъидущаго, такъ и послѣдующаго. Смотри, какъ онъ предварительно приготовляетъ (своихъ слушателей), и потомъ, приготовивъ ихъ, приступаетъ къ изслѣдованію. Сказавъ, что его, богохульника и гонителя, помиловалъ (Богъ), онъ имѣлъ въ виду приготовить ихъ. И не только, говоритъ, помиловалъ, но и содѣлалъ вѣрующимъ: до такой степени, говоритъ онъ, невозможно сомнѣваться въ томъ, что Онъ помиловалъ меня. Вѣдь никто, видя узника, который живетъ въ царскихъ чертогахъ, не станетъ сомнѣваться въ томъ, что онъ помилованъ; то же самое можно было видѣть и на Павлѣ. Поэтому онъ самого себя приводитъ въ доказательство и не только не стыдится, называя себя грѣшникомъ, но еще особенно радуется, такъ какъ чрезъ это онъ лучше всего могъ показать великое чудо попеченія Божія и то, что онъ сподобился столь великой милости. Почему же онъ, сказавъ въ другомъ мѣстѣ о себѣ: *по правдѣ законнѣй бывъ непороченъ* (Филип. III, 6), здѣсь говоритъ, что онъ грѣшникъ и первый изъ грѣшниковъ? Потому что въ сравненіи съ тою праведностію, которой (причастниками) содѣлалъ насъ Богъ и которой поистинѣ нужно искать, грѣшны даже тѣ, которые были (пра-

ведны) въ законѣ: *вси бо согрѣшиша, и лишени суть славы Божія* (Рим. ш, 23). Поэтому онъ не просто сказалъ: по правдѣ, но: по правдѣ *законнѣй*. Подобно тому, какъ человѣкъ, который пріобрѣлъ много денегъ, хотя самъ по себѣ и кажется богатымъ, однако по сравненію съ сокровищами царскими оказывается весьма бѣднымъ, и первымъ бѣднякомъ, такъ и здѣсь, сравнительно съ ангелами, люди—грѣшники, даже и праведные. Если же Павелъ, который по закону творилъ правду, есть первый грѣшникъ, то кто другой можетъ быть названъ праведнымъ? Потому-то онъ говоритъ такъ не съ тою цѣлію, чтобы порицать свою жизнь, (признавая ее) безчинной, — нѣтъ,—но, сравнивая одну (законную) праведность съ другою (благодатною), показываетъ ничтожество (первой). И мало того,—но еще признаетъ грѣшниками тѣхъ, которые стяжали законную праведность. *Но сего ради*, говоритъ, *помилованъ быхъ, да во мнѣ первомъ покажетъ Іисусъ Христосъ все долготерпѣніе, за образъ хотящихъ вѣровати ему въ жизнь вѣчную*.

522 2. Видишь ли, какъ опять смиряетъ и уничижаетъ себя, приводя иную, болѣе унизительную причину? Сказавъ, что онъ помилованъ ради своего невѣдѣнія, онъ указываетъ на то, что помилованный не очень (великій) грѣшникъ и не долженъ быть строго осуждаемъ; а сказавъ, что онъ помилованъ для того, чтобы никто изъ согрѣшившихъ не отчаивался болѣе, но былъ увѣренъ, что и онъ то же самое получитъ, онъ представляетъ весьма великое и очень сильное (обвиненіе). Такимъ образомъ, когда (апостолъ) говорилъ: я первый изъ грѣшниковъ, и хулитель, и гонитель, и досадитель, и *нѣсмь достоинъ нарещися апостолъ* (1 Кор. xv, 9) и тому подобное, то и тогда ничего не сказалъ въ такой степени унизительнаго (для себя). Пояснимъ это примѣромъ. Представимъ себѣ многолюдный городъ, котораго всѣ жители были бы люди злые—одни меньше, другіе больше, однако всѣ достойны осужденія; но въ числѣ этихъ многихъ одинъ кто-нибудь больше всѣхъ заслуживалъ бы осужденіе и наказаніе, и былъ человѣкъ, испытавшій всѣ виды преступленій. Если бы, положимъ, кто-нибудь сказалъ, что царь хочетъ простить ихъ всѣхъ, то они не такъ легко повѣрили бы этому извѣстію, пока не увидѣли бы, что самый преступный изъ всѣхъ ихъ получилъ прощеніе: тогда уже не оставалось бы никакого сомнѣнія. То же самое говоритъ и Павелъ, — что Богъ, желая увѣрить людей въ томъ, что Онъ все имъ прощаетъ, помиловалъ того, кто болѣе всѣхъ согрѣшилъ. Если я, говоритъ онъ, получилъ прощеніе, то пусть никто уже не усомнится относительно другихъ. Это—то же, что обыкновенно всякій говоритъ: если Богъ этого простилъ, то

Онъ уже не накажетъ никого другого. Чрезъ это (апостолъ) показываетъ, что онъ не заслуживалъ прощенія, но ради спасенія другихъ первый сподобился его. Поэтому пусть никто, говоритъ онъ, не сомнѣвается въ спасеніи, когда я спасенъ.

И замѣть смиренномудріе этого блаженнаго. Онъ не сказалъ: да покажетъ во мнѣ долготерпѣніе, но — *все долготерпѣніе*, какъ бы говоря такъ: ни надъ кѣмъ другимъ (Богъ) не явилъ больше своего долготерпѣнія, какъ надо мною, и не обрѣлъ другого такого грѣшника, который нуждался бы во всемъ Его милосердіи, во всемъ Его долготерпѣніи, а не отчасти, подобно тѣмъ, которые только отчасти согрѣшили. *За образъ*, говоритъ, *хотящихъ вѣровати ему въ жизнь вѣчную*, то есть, для ободренія, для поощренія ихъ. Но такъ какъ (апостолъ) сказалъ нѣчто великое о Сынѣ, и что Онъ показалъ такую любовь, то, чтобы не подумалъ кто-нибудь, что Отецъ лишенъ ея, онъ потомъ возсылаетъ и Ему славу, и говоритъ: *царю же вѣковъ нетлѣнному, невидимому, единому премудрому Богу честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь* (ст. 17). За это, говоритъ, не только Сына, но и Отца прославляемъ. Итакъ, спросимъ еретиковъ: вотъ (апостолъ), говоря объ Отцѣ, сказалъ: *единому Богу:* ужели Сынъ — не Богъ? И единому *нетлѣнному*: ужели Сынъ не нетлѣненъ? И ужели (Сынъ) самъ не имѣетъ того, что въ будущей жизни намъ даруетъ? Да, говорятъ они, Сынъ—и Богъ, и нетлѣненъ, но не таковъ, каковъ Отецъ. Что ты говоришь? Ужели не таковъ, ужели по существу Онъ менѣе совершенъ? Слѣдовательно и нетлѣніе въ Немъ менѣе совершенно? Что же значатъ (выраженія)—болѣе и менѣе совершенное нетлѣніе? Нетлѣніе вѣдь есть не что иное, какъ только освобожденіе отъ тлѣнія. Правда, слава можетъ быть больше и меньше, но нетлѣніе не бываетъ ни больше, ни меньше, подобно тому, какъ и здоровье не можетъ быть ни меньше, ни больше, потому что всякая вещь должна или истлѣвать, или вовсе не подлежать тлѣнію. Такъ что же, скажешь, ужели и мы въ такой же мѣрѣ будемъ нетлѣнны? Нѣтъ, нисколько. Почему? Потому что Онъ (Отецъ) имѣетъ это по природѣ, а намъ это дано отвнѣ. Такъ, можетъ быть, таково же (нетлѣніе) и Сына? Нисколько; напро- 523
тивъ и Онъ (имѣетъ нетлѣніе) по природѣ. Въ чемъ же различіе? Въ томъ, что Отецъ, говорятъ, не произошелъ (ἐγένετο) такимъ ни отъ кого другого, а Сынъ отъ Отца. И мы то же исповѣдуемъ. И мы не отвергаемъ, что Сынъ нетлѣнно рожденъ отъ Отца. За это, говорятъ, мы прославляемъ Отца, что Онъ родилъ такимъ Сына. Не видишь ли, что отецъ особенно тогда прославляется, когда сынъ совершаетъ великія дѣла? То, что принадлежитъ сыну, относятъ къ отцу. Поэтому, такъ какъ Онъ родилъ

сильнаго, и такого же, каковъ самъ, то слава Сына не больше, чѣмъ слава Отца, потому что (Онъ родилъ) самобытнаго, самодовольнаго и не лишеннаго могущества. А слова — *царю вѣковъ* сказаны и о Сынѣ: *имже и вѣки сотвори* (Евр. I, 2); то же самое и здѣсь. У насъ отдѣляютъ одно отъ другого, именно устроеніе и твореніе, и одинъ устрояетъ, работаетъ и трудится, а другой повелѣваетъ. Почему такъ? Потому что (у насъ) устрояющій занимаетъ низшее мѣсто. Но тамъ вовсе не такъ. Тамъ не принадлежитъ одному господство, а другому — устроеніе. Поэтому, когда я слышу: *имже и вѣки сотвори*, то не отнимаю у Отца творческой силы. Равнымъ образомъ, когда слышу, что Отецъ есть царь вѣковъ, то не отнимаю у Сына господства. Это столько же относится къ одному, сколько и къ другому, потому что обоимъ принадлежитъ и то, и другое. Отецъ сотворилъ (все) тѣмъ, что родилъ зиждителя—Сына; царствуетъ Сынъ потому, что Онъ—Господь всѣхъ тварей. Не за награду Онъ дѣлаетъ, какъ бываетъ у насъ, и не изъ повиновенія другому, какъ дѣлаютъ другіе, но по свойственной Ему благости и человѣколюбію. Что же? Казался ли когда-либо (такимъ) Сынъ? Никто не можетъ того сказать. Итакъ, что же значитъ: *нетлѣнному, невидимому, единому премудрому Богу*? А это что значитъ, когда (апостолъ) говоритъ: *нѣсть иного имене, о немже подобаетъ спастися намъ* (Дѣян. IV, 12), и опять: *нѣсть ни о единомъ же иномъ спасенія* (Дѣян. IV, 11)? *Честь и слава*, говоритъ, *во вѣки. Аминь.* Честь и слава воздается не словами. Поэтому, такъ какъ и Онъ почтилъ насъ не словами, а самымъ дѣломъ, то и мы воздадимъ Ему честь самымъ дѣломъ. При этомъ честь (которою Богъ почтилъ насъ) имѣетъ для насъ значеніе; а та (которую воздаемъ Ему) для Него ничего не значитъ, потому что Онъ не нуждается (въ чести) отъ насъ, между тѣмъ мы нуждаемся (въ чести) отъ Него.

3. Такимъ образомъ, если мы будемъ воздавать Ему честь, то чрезъ это себѣ самимъ доставимъ честь. Подобно тому, какъ человѣкъ, который открываетъ глаза для того, чтобы видѣть солнечный свѣтъ, себѣ самому доставляетъ чрезъ это пользу, удивляясь красотѣ этого свѣтила, а не ему что-нибудь даетъ, потому что не дѣлаетъ его чрезъ это болѣе свѣтлымъ, напротивъ оно остается тѣмъ же самымъ,—такъ точно, и даже гораздо больше (бываетъ, когда обращаемся) къ Богу: кто съ удивленіемъ взираетъ на Бога и воздаетъ Ему честь, тотъ снискиваетъ самому себѣ спасеніе и получаетъ величайшую пользу. Какимъ образомъ? Такимъ, что, усвояя себѣ добродѣтель, сподобляется отъ Него славы: *прославляющія мя*, говоритъ Онъ, *прославлю* (1 Цар. II, 30). Но какимъ же образомъ, спросятъ, Онъ прославляется, если

Онъ ничего не пріемлетъ отъ славы, нами воздаваемой? Такимъ же, какъ говорится о Немъ, что Онъ терпитъ голодъ и жажду: все наше Онъ присвояетъ Себѣ, чтобы по крайней мѣрѣ этимъ привлечь насъ,—и почести, и обиды, чтобы хотя этимъ внушить намъ страхъ; а мы, несмотря даже на это, не приближаемся къ Нему.

Прославимъ же Бога, превознесемъ Бога и въ тѣлѣ, и въ 524
духѣ нашемъ. Какъ же, скажешь, можно прославлять въ тѣлѣ? И какъ въ духѣ? Духомъ называется здѣсь душа, противопоставляемая тѣлу. Какъ же прославляетъ кто-либо (Бога) въ тѣлѣ? И какъ въ душѣ? Въ тѣлѣ прославляетъ тотъ, кто не предается блуду, кто не упивается, кто не пресыщается, кто не печется о внѣшнемъ украшеніи, кто настолько показываетъ заботливости о себѣ, насколько это нужно только для здоровья, кто не прелюбодѣйствуетъ, равно какъ и та, которая не намащаетъ себя благовоніями, не расписываетъ красками своего лица, которая довольна тѣмъ видомъ, какимъ надѣлилъ ее Богъ и ничего не прибавляетъ къ тому искусственнаго. Въ самомъ дѣлѣ, отчего, скажи мнѣ, ты прибавляешь отъ себя нѣчто къ тому, что создано совершеннымъ отъ Бога? Неужели для тебя мало того, что сотворилъ (Богъ)? Слѣдовательно, ты, (считая себя) искуснѣйшею художницею, принимаешься исправить дѣло Божіе? Этого ты не имѣешь въ виду, но ты украшаешь себя и наносишь оскорбленіе Творцу для того, чтобы привлечь къ себѣ безчисленныхъ любовниковъ? Что же мнѣ дѣлать, скажешь ты? Вѣдь и я не желаю того, но принуждена поступать такъ ради моего мужа. Обыкновенно не бываетъ любимою та, которая того не желаетъ. Тебя создалъ Богъ благообразною для того, чтобы и чрезъ это возбудить въ насъ удивленіе къ Себѣ, а не для того, чтобы Ему мы наносили оскорбленіе. Не такими воздавай Ему за это дарами, но цѣломудріемъ и скромностію. Богъ создалъ тебя благообразною для того, чтобы чрезъ это умножить для тебя подвиги скромности. Не въ одинаковой вѣдь степени (трудно) сохранять цѣломудріе той, которая во всѣхъ возбуждаетъ любовь къ себѣ, и той, къ которой никто не чувствуетъ расположенія. Слышишь ли, что говоритъ Писаніе объ Іосифѣ? Что онъ былъ *добръ образомъ и красенъ взоромъ* (Быт. XXXIX, 7). Какую пользу приноситъ намъ то, когда мы слышимъ, что Іосифъ былъ красивъ? Ту, что мы еще больше удивляемся его красотѣ и скромности. Богъ создалъ тебя благообразною? Зачѣмъ же ты безобразишь себя? Подобно тому, какъ если бы кто сталъ намазывать грязною тиною золотую статую, такъ поступаютъ тѣ, которыя употребляютъ притиранья. Ты испещряешь себя землею, то красною, то бѣлою. Но ты ска-

жешь, что безобразныя справедливо такъ поступаютъ? Для чего, скажи мнѣ? Для того ли, чтобы скрыть свое безобразіе? Но онѣ напрасно трудятся. Когда, скажи мнѣ, искусство и изысканность превзошли природу? И зачѣмъ вообще печалиться по причинѣ безобразія, когда оно не заключаетъ въ себѣ ничего зазорнаго? Послушай, что говоритъ одинъ мудрецъ: не гнушайся мужа въ видѣніи его, и не похвали мужа въ добротѣ его (Сир. xi, 2). Поэтому больше удивляйся Богу, искуснѣйшему художнику, а тому (кто имѣетъ красивую наружность, не удивляйся) нисколько, потому что случившееся не имъ устроено. Скажи мнѣ, какая польза отъ красоты? Никакой, напротивъ (отъ нея) большіе споры, величайшія огорченія, опасности и подозрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, не столь красивую никто и не подозрѣваетъ, а красивая, если только не отличается особенною, необыкновенною скромностію, сейчасъ же дѣлается предметомъ дурной славы, и даже мужъ обращается съ нею недовѣрчиво; а что можетъ быть тягостнѣе этого? И не столько испытываетъ онъ наслажденія при видѣ (ея красоты), сколько терпитъ огорченій отъ своей подозрительности. Да и наслажденіе вслѣдствіе привычки теряетъ свою силу, когда самая душа пріобрѣтаетъ славу нерадивой, разсѣянной, своевольной, когда она содѣлывается завистливой, когда исполняется великой гордости,—потому что ко всему этому особенно приводитъ насъ красота. Между тѣмъ мы не находимъ, чтобы та, которая не столь красива, имѣла въ себѣ столько препятствій (вести жизнь добродѣтельную). И псы на нее не нападаютъ, но подобно агнцѣ, при которой постоянно находится пастырь, она пасется въ совер-
525 шенномъ спокойствіи; ни одинъ волкъ ее не тревожитъ и не производитъ на нее нападенія. Не то вредно, что одна красива, а другая—нѣтъ. Вредно то, что одна блудодѣйствуетъ, несмотря на то, что она некрасива, а другая зла. Скажи мнѣ, въ чемъ состоитъ достоинство глазъ? Въ томъ ли, что они влажны, подвижны, круглы и голубые, или въ томъ, что они остры и проницательны? Я утверждаю послѣднее, и это очевидно изъ слѣдующаго. Въ чемъ заключается достоинство свѣтильника? Въ томъ ли, что онъ ярко свѣтитъ и освѣщаетъ весь домъ, или въ томъ, что онъ красиво сдѣланъ и имѣетъ круглый видъ? Конечно въ первомъ, сказали бы мы, потому что послѣднее свойство не имѣетъ для насъ никакого значенія и мы ищемъ перваго. Поэтому мы и говоримъ всегда служанкѣ, которой поручено это: ты худо приготовила свѣтильникъ. Такимъ образомъ назначеніе свѣтильника состоитъ въ томъ, чтобы свѣтить. Такъ и глазъ, будетъ ли онъ такой или иной, ничего не значитъ, только бы онъ вполнѣ удовлетворительно выполнялъ свое назначеніе;

равнымъ образомъ онъ называется дурнымъ, когда слабо видитъ и не имѣетъ надлежащаго устройства, потому что и о людяхъ, которые открытыми глазами ничего не видятъ, мы говоримъ, что у нихъ дурные глаза. Мы называемъ дурнымъ все то, что не выполняетъ того, что ему нужно выполнять. И вотъ въ чемъ заключается недостатокъ глазъ. Въ чемъ же состоитъ достоинство носа, скажи мнѣ? Въ томъ ли, чтобы онъ былъ прямой, заостренъ съ обѣихъ сторонъ, и имѣлъ соотвѣтственную соразмѣрность, или же въ томъ, чтобы онъ былъ способенъ къ обонянію, могъ скоро воспринимать (впечатлѣнія) и передавать ихъ мозгу? Послѣднее для каждаго очевидно. Будемъ продолжать изысканіе, и на примѣрахъ объяснимъ дѣло. Скажи мнѣ, какія клещи, какіе сосуды мы назовемъ хорошо устроенными, тѣ ли, которыя хорошо могутъ захватывать вещь и хорошо держать ее, или тѣ, которыя красиво выдѣланы? Очевидно, что первыя. А зубы—какіе мы назовемъ хорошими? Острые и легко раздробляющіе пищу, или тѣ, которые красиво расположены? Очевидно, что первые. И вообще, если по всему тѣлу нашему станемъ мысленно проводить это изслѣдованіе, то найдемъ, что все въ немъ здорово и хорошо, какъ скоро всякій членъ въ немъ правильно исполняетъ свойственное ему отправленіе. Такъ и всякій сосудъ, всякое животное, всякое растеніе мы называемъ хорошимъ не за его видъ или цвѣтъ, но за его служеніе. Такъ и изъ слугъ мы называемъ хорошимъ того, который пріученъ къ службѣ, а не того, который красивъ и изнѣженъ. Видишь ли, какимъ образомъ можешь сдѣлаться красивою? Итакъ, когда мы 528
въ одинаковой степени пользуемся величайшими и достойными удивленія (благами), то ни въ чемъ мы не терпимъ обиды. А именно: благообразны ли мы или нѣтъ, мы всѣ одинаково видимъ этотъ міръ, солнце, луну, звѣзды, одинаково вдыхаемъ въ себя воздухъ, одинаково пользуемся водой, пищею. И если нужно сказать что-либо достойное удивленія, такъ именно то, что неблагообразныя бываютъ здоровѣе благообразныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти послѣднія, чтобы сохранить свою красоту, не посвящаютъ себя трудамъ, но проводятъ время въ праздности и нѣгѣ, отчего особенно ослабѣваетъ дѣятельность ихъ членовъ; а первыя ведутъ себя просто и смѣло и, такъ какъ онѣ не имѣютъ о своей наружности никакой заботы, то употребляютъ все время на труды. Итакъ, прославимъ Бога; превознесемъ Его въ тѣлѣ нашемъ, не станемъ украшать себя,—потому что это лишняя и безполезная забота; не будемъ пріучать своихъ мужей къ тому, чтобы они любили одну только наружность. Если ты будешь такъ украшать себя, то онъ, привыкши къ этому, (взирая) на

твое лице, легко можетъ быть прельщенъ распутствомъ. Напротивъ, если ты научишь его любить благонравіе и скромность, то онъ не скоро впадетъ въ прелюбодѣяніе, потому что у блудницы онъ не найдетъ этого, но найдетъ противное тому. Итакъ, не пріучай его прельщаться смѣхомъ, ни свободными тѣлодвиженіями, чтобы ты чрезъ это не приготовила яда для самой себя. Учи его находить удовольствіе въ скромности; а это ты можешь сдѣлать тогда, когда ты скромно будешь держать себя. Въ самомъ дѣлѣ, если ты сама легкомысленна и сладострастна, то какъ можешь завести съ нимъ благопристойную рѣчь? Кому не покажешься ты странной и смѣшной? Какимъ поэтому образомъ мы можемъ превозносить Бога въ тѣлѣ своемъ? Когда будемъ упражняться въ добродѣтели, украшать душу свою, по отношенію къ которой это не запрещается. Тогда прославляемъ Бога, когда мы во всѣхъ отношеніяхъ бываемъ праведны; за то и сами будемъ прославлены въ тотъ день, и при томъ не въ такой мѣрѣ, но гораздо больше. *Непщую бо*, говоритъ (апостолъ), *яко недостойны страсти нынѣшняго времене къ хотящей славѣ явитися въ насъ* (Рим. VIII, 18),—которую да сподобимся мы всѣ получить благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА V.

525 Сіе же завѣщаніе предаю ти, чадо Тимоѳее, по бывшихъ на тя прежде пророчествіихъ, да воинствуеши въ нихъ доброе воинство, имѣя вѣру и благую совѣсть, юже нѣцыи отринувше, отъ вѣры отпадоша (1 Тим. I, 18, 19).

1. Званіе наставника и священника весьма важно и достойно удивленія, и воистину Божеское указаніе потребно для того, чтобы для этого былъ избранъ человѣкъ достойный. Такъ и было въ древности; такъ бываетъ и нынѣ, когда мы, безъ человѣческаго пристрастія, совершаемъ избраніе, когда не взираемъ ни на что житейское, ни на дружбу, ни на вражду. Хотя мы и не въ такой степени причастны Духу, но довольно добраго намѣренія для того, чтобы привлечь на себя рукоположеніе Божіе.
526 Такъ и апостолы не были причастны Духу, когда избрали Матѳія, но, предоставивъ дѣло молитвѣ, причислили его къ лику апостоловъ, — они не взирали на дружбу человѣчекую. Такъ

должно бы совершаться это и теперь у насъ. Но мы, достигнувъ до крайней степени нерадѣнія, пропускаемъ безъ вниманія и то, что вполнѣ очевидно. Если же мы не усматриваемъ очевиднаго, то какъ Богъ откроетъ намъ неизвѣстное? Если въ маломъ, говоритъ Онъ, вы не были вѣрны, то кто поручитъ вамъ великое и истинное? Между тѣмъ въ то время, такъ какъ ничто не совершалось по человѣческому (пристрастію), то и священники поставляемы были чрезъ пророчество. Что значитъ—чрезъ пророчество? По (внушенію) Святого Духа. Пророчество состоитъ не въ томъ только, чтобы предсказывать будущее, но и (въ томъ, чтобы узнавать) настоящее; такъ и Саулъ открыть былъ чрезъ пророчество, когда скрывался между сосудами, потому что Богъ открываетъ праведнымъ (свою волю). Пророчествомъ тоже были слова: *отдѣлите ми* Павла *и Варнаву* (Дѣян. XIII, 2). Такъ былъ избранъ и Тимоѳей. 527
Но здѣсь (апостолъ) говоритъ о многихъ пророчествахъ, (разумѣя), быть можетъ, то (пророчество), по которому онъ принялъ его, когда обрѣзалъ, и когда рукоположилъ, какъ и самъ, пиша къ нему, говоритъ: *не муради о своемъ дарованіи* (1 Тим. IV, 14). Итакъ, чтобы возбудить его къ ревности и заставить трезвиться и бодрствовать, онъ напоминаетъ ему объ избравшемъ и рукоположившемъ его, говоря какъ бы такъ: тебя избралъ Богъ, Онъ ввѣрилъ тебѣ (Церковь); не по человѣческому избранію ты сдѣлался (служителемъ вѣры): не скорби же, не посрами божественнаго избранія. Потомъ, такъ какъ онъ далъ ему здѣсь заповѣдь, и она была очень трудна, то что говоритъ? *Сіе завѣщаніе предаю ти, чадо Тимоѳее.* Даетъ ему заповѣдь, какъ сыну, какъ родному. (Онъ говоритъ ему) не повелительно, не деспотически, не со властію, но отечески: *чадо Тимоѳее*. А выраженіе: *предаю* показываетъ, что нужно точно хранить (преданное), и что оно не отъ насъ произошло: не мы стяжали его, но Богъ намъ даровалъ, и не только— это, но и вѣру и благую совѣсть. Слѣдовательно, что Онъ даровалъ намъ, то мы должны хранить. Если бы Онъ (Господь) не пришелъ, то не было бы ни самой вѣры, ни чистой жизни, которую мы изъ дѣтства пріобрѣтаемъ. Апостолъ какъ будто такъ говоритъ: не я заповѣдаю тебѣ, но Тотъ, кто избралъ тебя. Слова: *по бывшихъ на тя прежде пророчествіихъ* такой именно имѣютъ смыслъ. Внимай имъ, будь имъ послушенъ. Что же ты заповѣдуешь, скажи? *Да воинствуеши въ нихъ доброе воинство.* Они избрали тебя на то, на что избрали; проходи добрую службу воина. Сказалъ: добрую, потому что есть и злая служба воина, о которой онъ говоритъ: *якоже бо представисте уды ваша* оружія грѣху *и нечистотѣ* (Рим. VI, 19). Они проходятъ службу воина подъ (властію) мучителя, а ты подъ (властію) царя. Но почему

онъ называетъ службою воина это дѣло? Чтобы показать, что воздвигнута сильная брань вообще противъ всѣхъ, и особенно противъ учителя, что намъ нужно крѣпкое оружіе, именно трезвенность, бодрствованіе, неусыпная бдительность, что мы должны быть готовы на кровавыя битвы, что (мы должны) ополчиться и не имѣть ни малѣйшей изнѣженности. *Да воинствуеши*, говоритъ, *въ нихъ*. Подобно тому, какъ въ войскахъ не всѣ одинаковымъ образомъ исполняютъ службу, но въ различныхъ чинахъ, такъ и въ Церкви одинъ занимаетъ мѣсто учителя, другой—ученика, третій—ничего несвѣдущаго, между тѣмъ ты занимаешь первое мѣсто. Потомъ, чтобы кто не подумалъ, что этого достаточно, что говоритъ онъ? *Имѣя вѣру и благую совѣсть*. Учитель долженъ сначала научить самого себя. Подобно тому, какъ военачальникъ, если бы онъ прежде не былъ отличнымъ воиномъ, не былъ бы никогда и военачальникомъ, такъ и учащій. Объ этомъ (апостолъ) говоритъ и въ другомъ мѣстѣ: *да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (1 Кор. IX, 27). *Имѣя*, говоритъ, *вѣру и благую совѣсть*—для того, чтобы ты могъ такимъ образомъ управлять другими. Слыша это, не будемъ пренебрегать наставленіями тѣхъ, которые больше насъ, несмотря на то, что мы учители. Если Тимоѳей, съ которымъ мы всѣ не должны сравнивать себя, принимаетъ наставленія и учится, и при томъ тогда, когда онъ самъ былъ уже въ званіи учителя, то тѣмъ болѣе мы (должны такъ поступать). *Юже*, говоритъ, *нѣцыи отринувше, отъ вѣры отпадоша*. И справедливо, — потому что, когда жизнь становится достойною осужденія, тогда возникаетъ и такое же ученіе. И можно видѣть многихъ, которые ниспали отъ этого въ бездну грѣховъ, и совратились въ язычество. Чтобы не терзаться страхомъ будущаго, они стараются убѣдить себя въ душѣ, что всѣ наши (угрозы) ложны. И отъ вѣры нѣкоторые уклоняются потому, что, умствуя, все подвергаютъ изслѣдованію, а умствованіе производитъ кораблекрушеніе, вѣра же есть въ нѣкоторомъ смыслѣ надежный корабль.

528 2. Итакъ, уклоняющіеся отъ этого неизбѣжно должны потерпѣть кораблекрушеніе, и это (апостолъ) указываетъ намъ на примѣрѣ: *отъ нихже*, говоритъ, *есть Именей и Александръ* (ст. 20). И примѣромъ ихъ онъ вразумляетъ насъ. Видите ли, что и въ тѣ времена были люди, которые превратно учили, многаго доискивались, уклонялись отъ вѣры, все подвергали изслѣдованію посредствомъ своихъ умствованій? Человѣкъ, претерпѣвшій кораблекрушеніе, остается нагимъ и лишеннымъ всего; равнымъ образомъ и тотъ, кто отпалъ отъ вѣры, ничего болѣе уже не имѣетъ, негдѣ ему стать, на чемъ утвердиться. Онъ не ведетъ

такой жизни, изъ которой могъ бы извлечь какую-нибудь пользу, потому что къ чему служитъ остальное тѣло, когда повреждена голова? Если вѣра безъ жизни ничто, то тѣмъ болѣе—наоборотъ (жизнь безъ вѣры). Если Богъ для насъ оставляетъ безъ вниманія свое, то тѣмъ болѣе мы должны забывать для Него о своемъ. Вотъ что происходитъ, когда кто-либо отпадаетъ отъ вѣры: онъ нигдѣ не останавливается, но плаваетъ туда и сюда, пока опять не погрузится въ пучину. *Ихже*, говоритъ, *предахъ сатанѣ, да накажутся не хулити*. Видишь ли, что изслѣдованіе вещей божественныхъ посредствомъ умствованій есть хула? И справедливо,—что имѣетъ общаго съ ними человѣческое умствованіе? Но какъ же сатана научаетъ ихъ не хулить? Вѣдь если онъ учитъ другихъ не хулить, то тѣмъ больше слѣдовало бы ему (научить этому) самого себя. Если же онъ донынѣ не можетъ научить этому себя, то (не можетъ) и другихъ. (Апостолъ) не сказалъ: да научитъ ихъ не хулить, но: *да научатся не хулити*. Не онъ совершаетъ это, но это бываетъ слѣдствіемъ (его дѣйствій). Подобнымъ образомъ и въ другомъ мѣстѣ (апостолъ) говоритъ о соблудившемъ: *предати таковаго сатанѣ во изможденіе плоти*, не съ тою цѣлію, чтобы спасти тѣло, но *да духъ спасется* (1 Кор. V, 5). То есть, это (сказано) безлично. Какимъ же образомъ происходитъ это? Подобно тому, какъ палачи, будучи сами исполнены безчисленныхъ преступленій, вразумляютъ другихъ, такъ и здѣсь (то же самое говорится) о лукавомъ демонѣ. Но для чего ты самъ не наказалъ ихъ, какъ Варіисуса, какъ Кифа—Ананію, но предалъ ихъ сатанѣ? Не для того, чтобы подвергнуть ихъ наказанію, но чтобы научить ихъ. Впрочемъ онъ и самъ имѣлъ власть (наказывать), напримѣръ, когда говоритъ: *что хощете? съ палицею ли пріиду къ вамъ* (1 Кор. IV, 21)? и опять: *не яко да мы искусни явимся, но да вы доброе сотворите* (2 Кор. XIII, 7); и еще: *въ созданіе, а не на разореніе* (2 Кор. XIII, 10). Итакъ, отчего онъ призываетъ сатану для наказанія? Чтобы со строгостію наказанія соединить болѣе сильный упрекъ; или лучше, невѣрующихъ (апостолы) сами научали, а отступниковъ предавали сатанѣ. Но почему Петръ самъ (наказалъ) Ананію? Потому что и Ананія былъ невѣрующимъ, и еще испытующимъ. Итакъ, чтобы невѣрующіе знали, что они не могутъ утаиться, для этого ихъ наказывали сами (апостолы); между тѣмъ тѣхъ, которые уже знали объ этомъ и потомъ отступали (отъ вѣры), они предавали сатанѣ, показывая, что они (отступившіе) не своею силою, но ихъ попеченіемъ были охраняемы, и что они предаваемы были (сатанѣ), какъ скоро впадали въ гордость. Подобно тому, какъ поступаютъ цари, когда поражаютъ враговъ собственными руками, а (преступниковъ изъ)

своихъ подданныхъ предаютъ палачамъ, такъ и здѣсь. Отсюда открывается, что это совершалось вслѣдствіе попеченія со стороны апостоловъ; при томъ немаловажнымъ было имѣть возможность повелѣвать діаволу: чрезъ это становилось очевиднымъ, что діаволъ покоряется и, даже противъ воли, подчиняется апостоламъ. Такимъ образомъ это также не мало содѣйствовало проявленію благодатныхъ дарованій. А какъ онъ предавалъ (виновнаго сатанѣ), послушай. *Собравшимся*, говоритъ, *вамъ и моему духу, съ силою Господа нашего Іисуса Христа, предайте таковаго сатанѣ* (1 Кор. v, 4). Слѣдовательно, (виновнаго) тотчасъ изверг-
529 гали изъ общаго собранія, отлучали отъ стада, онъ оставался одинокимъ и нагимъ, предавался волку. Подобно тому, какъ облако показывало еврейскій станъ, такъ Духъ—Церковь. Поэтому, кто былъ извергаемъ изъ нея, тотъ сгаралъ (въ огнѣ): а извергаемъ былъ изъ нея (виновный) по суду апостоловъ. Такъ и Господь предалъ Іуду сатанѣ,—тотчасъ по хлѣбѣ вошелъ въ него сатана (Іоан. xIII, 27). Можно впрочемъ сказать и то, что тѣхъ, кого они желали исправить, не наказывали сами, а неисправимыхъ сами подвергали наказанію; или, если не такъ, то чтобы быть болѣе страшными, они предавали (виновныхъ) другимъ (для наказанія). Такъ и Іовъ былъ преданъ сатанѣ, но не за грѣхи, а для большаго прославленія своего.

3. Много подобнаго бываетъ и теперь. Именно, такъ какъ священники не знаютъ всѣхъ грѣшниковъ и людей, недостойно причащающихся святымъ тайнамъ, то Богъ часто дѣлаетъ это, и предаетъ ихъ сатанѣ. Когда случаются болѣзни, когда навѣты, когда скорби и несчастія, когда постигаютъ тому подобныя (бѣдствія),—то это происходитъ отъ этой причины. И это открываетъ намъ Павелъ, говоря такъ: *сего ради въ васъ мнози немощни и недужливи и спятъ довольни* (1 Кор. xI, 30). Какъ же это, скажешь, когда мы приступаемъ (къ тайнамъ) однажды въ годъ? Въ томъ и состоитъ все зло, что не чистотою помысловъ, а разстояніемъ времени ты измѣряешь свое достоинство, приступая (къ тайнамъ), и это считаешь признакомъ благочестія, что не часто приступаешь къ нимъ, не зная того, что приступать недостойно, —хотя бы это случилось однажды, —значитъ оскорблять (святыню), а приступать достойно, хотя бы и часто, спасительно. Не въ томъ состоитъ дерзость, что часто приступаютъ, но въ томъ, что (приступаютъ) недостойно, хотя бы даже кто-либо одинъ разъ во всю жизнь сдѣлалъ это. А мы до того бываемъ безсмысленны и жалки, что, въ теченіе всего года совершая тысячу беззаконій, нисколько не заботимся о томъ, чтобы освободиться отъ нихъ, а думаемъ, что довольно и того, если мы не часто дерзаемъ при-

ступать къ тѣлу Христову съ оскорбленіемъ для Него, не помышляя о томъ, что и распинатели Христовы распяли Его только одинъ разъ. Ужели грѣхъ становится меньше отъ того, что случился только однажды? И Іуда предалъ (Христа) однажды. Что же? Развѣ это спасло его? И отчего мы измѣряемъ это дѣло разстояніемъ времени? Пусть чистая совѣсть составляетъ для насъ то время, въ которое мы должны приступать (къ тайнамъ). Ничего бо̀льшаго не содержитъ въ себѣ таинство, совершаемое въ Пасху, предъ тѣмъ, которое совершается теперь. Оно одно и то же; 530
та же благодать Духа; оно есть всегда пасха. Знаютъ это тѣ изъ васъ, которые посвящены въ тайны. И въ пятницу, и въ субботу, и въ воскресный день, и въ день мучениковъ—совершается одна и та же жертва. *Елижды бо*, говоритъ, *аще ясте хлѣбъ сей, или чашу сію піете, смерть Господню возвѣщаете* (1 Кор. xi, 26). Онъ не ограничилъ жертвы предѣломъ времени. Итакъ, отчего же, скажешь, тогда называется пасхою? Оттого, что тогда пострадалъ за насъ Христосъ. Поэтому никто не долженъ приступать иначе къ первой, и иначе къ послѣдней (жертвѣ). Одна въ нихъ сила, одно достоинство, одна благодать, одно и то же тѣло: не болѣе свято одно, чѣмъ другое, и послѣднее не ниже перваго. И вы тоже знаете это, потому что не видите тогда ничего необыкновеннаго, кромѣ этихъ мірскихъ завѣсъ, и блистательнаго, многолюднаго собранія. Впрочемъ эти дни имѣютъ нѣкоторое преимущество въ томъ отношеніи, что отъ нихъ ведетъ начало спасительный для насъ день, такъ какъ въ этотъ день закланъ былъ Христосъ, кромѣ же того, по отношенію къ таинствамъ, они не имѣютъ никакого преимущества. Когда ты приступаешь даже къ чувственной пищѣ, ты моешь свои руки, полощешь ротъ; а намѣреваясь приступить къ духовной пищѣ, ты не обмываешь своей души, но приходишь, будучи исполненъ нечистоты? Какъ, скажешь ты? Развѣ сорокадневные посты недостаточны для того, чтобы очистить насъ отъ тяжкаго бремени грѣховъ? Какая же отъ этого бываетъ польза, скажи мнѣ? Если бы кто, намѣреваясь положить куда-либо благовонную мазь, очистилъ для этого мѣсто, и потомъ, вскорѣ послѣ того, какъ помѣстилъ ее туда, прибавилъ бы къ ней навозу, то ужели не уничтожилось бы благоуханіе? Такъ бываетъ и съ нами. Въ то время, когда мы приступали (къ таинству), мы были, насколько позволяли намъ наши силы, достойны его, а потомъ опять оскверняемъ себя. Какая же намъ отъ того польза? Это мы говоримъ даже о тѣхъ, которые могутъ очистить себя въ теченіе сорока дней. Не будемъ же, умоляю васъ, пренебрегать нашимъ спасеніемъ, чтобы не былъ напрасенъ трудъ нашъ. Человѣкъ, отвратившійся отъ своего грѣха, и опять возвращающійся

къ нему и поступающій по прежнему, есть *якоже песъ, егда возвратится на своя блевотины* (Притч. XXVI, 11). Если такъ мы будемъ поступать, если такъ будемъ внимательны къ себѣ, то мы сможемъ сподобиться будущихъ наградъ, которыя да получимъ всѣ благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Св. Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VI.

529 **Молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человѣки, за царей и за всѣхъ, иже во власти суть, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Сіе бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, иже всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити (1 Тим. II, 1—4).**

1. Священникъ есть какъ бы общій отецъ цѣлой вселенной; поэтому прилично ему заботиться о всѣхъ, подобно тому, какъ заботится) Богъ, которому онъ посвятилъ себя. Поэтому говоритъ (апостолъ): *молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, моленія.* Отсюда проистекаютъ два блага: съ одной стороны чрезъ это разрушается ненависть, которую мы питаемъ къ внѣшнимъ (непринадлежащимъ къ Церкви),—потому что никто не можетъ питать враждебныхъ чувствъ къ тому, о комъ творитъ моленіе, съ другой—и они становятся лучше, отчасти потому, что за нихъ возносятъ молитвы, отчасти и потому, что они отлагаютъ ожесточеніе противъ насъ. Подлинно ничто столько не содѣйствуетъ
530 успѣху ученія, какъ то, чтобы любить и быть любимымъ. Подумай также о томъ, что значило для тѣхъ, которые злоумышляли, наносили побои, изгоняли, умерщвляли (христіанъ),—услыхать, что тѣ, которые переносятъ такія страданія, возносятъ къ Богу прилежныя молитвы за причиняющихъ имъ (эти страданія)!

Видишь ли, въ какой степени, согласно съ желаніемъ (апостола), христіанинъ долженъ быть выше всѣхъ? Подобно тому, какъ къ малымъ дѣтямъ нисколько не уменьшается (отеческая) любовь, хотя бы даже дитя, взятое на руки, ударило своего отца по лицу, такъ и мы нисколько не должны уменьшать нашей любви къ внѣшнимъ, хотя бы мы и переносили отъ нихъ удары. Что же значитъ: *прежде всѣхъ*? Значитъ—при ежедневномъ богослуженіи. И это знаютъ посвященные въ таинства,—какъ бываетъ

у насъ каждый день, и вечеромъ, и утромъ, какъ мы творимъ молитву за весь міръ, за царей и за всѣхъ, которымъ ввѣрена власть. Но, можетъ быть, скажетъ кто-либо, что онъ заповѣдалъ (молиться) не за всѣхъ, а за вѣрныхъ. Какое же значеніе будутъ имѣть тогда его слова: *за царей?* Тогда еще не было царей благочестивыхъ, напротивъ долгое время преемственно слѣдовали 531
нечестивые за нечестивыми. Кромѣ того, чтобы это не показалось лестью, онъ сказалъ сначала: *за всѣхъ*, а потомъ: *за царей*. Если бы онъ сказалъ: только за однихъ царей, тогда, можетъ быть, кто-либо заподозрилъ бы его въ этомъ. При томъ, такъ какъ было естественно, что душа христіанина, слыша это, могла придти въ недоумѣніе и не согласиться съ этимъ наставленіемъ,—что при совершеніи таинствъ должно приносить молитвы за язычника,—то посмотри, что онъ говоритъ и какія предлагаетъ выгоды, чтобы хотя такимъ образомъ склонить ее къ принятію его внушенія. *Да тихое*, говоритъ, *и безмолвное житіе поживемъ*,—т. е. ихъ спасеніе доставляетъ намъ безмятежность, — подобно тому, какъ и въ посланіи къ Римлянамъ, убѣждая ихъ повиноваться начальникамъ, говоритъ: если не по необходимости, *то за совѣсть* (Рим. XIII. 5). Вѣдь Богъ учредилъ власти для общей пользы. И развѣ не было бы ни съ чѣмъ несообразно, если бы въ то время, какъ другіе выступаютъ въ походъ и облекаются въ оружіе съ тою цѣлію, чтобы мы пребывали въ безопасности, сами мы за тѣхъ, которые подвергаются опасностямъ и несутъ бремя военной службы, не творили даже молитвъ? Такимъ образомъ, это вовсе не составляетъ лести, а дѣлается по требованію справедливости. Въ самомъ дѣлѣ, если бы они не избѣжали опасности и не имѣли успѣха на войнахъ, то по необходимости и наши дѣла тогда пришли бы въ замѣшательство и нестроеніе; тогда,—послѣ того какъ они потерпѣли бы пораженіе, — и намъ самимъ слѣдовало бы идти на войну, или бѣжать и повсюду скитаться. Они составляютъ, говоритъ онъ, какъ бы нѣкотораго рода оплотъ, поставленный впереди, который охраняетъ спокойствіе пребывающихъ внутри. *Молитвы*, говоритъ, *моленія, прошенія, благодаренія*,—потому что нужно благодарить Бога и за тѣ блага, которыя посылаются другимъ, напр., за то, что Онъ солнце сіяетъ на злыя и благія и дождитъ на праведныя и неправедныя. Видишь ли, что онъ соединяетъ и связываетъ насъ другъ съ другомъ не только посредствомъ молитвы, но и посредствомъ благодаренія? Вѣдь кто обязанъ благодарить Бога за блага, ниспосланныя его ближнему, тотъ обязанъ и любить его, и быть къ нему дружески расположеннымъ. А если нужно благодарить за то, что ниспосылается ближнему, то тѣмъ болѣе—за то, что совершается съ нами са-

ними, и въ тайнѣ, и по нашему желанію, и противъ нашей воли,—и за то, что кажется намъ даже непріятнымъ, потому что Богъ все устрояетъ къ нашему благу.

2. Итакъ, пусть каждая наша молитва содержитъ въ себѣ благодареніе. Если же намъ заповѣдуется приносить молитвы за ближнихъ, не только за вѣрныхъ, но и за невѣрныхъ, то подумай, какое великое зло проклинать братьевъ. Что говоришь ты? Онъ заповѣдуетъ тебѣ молиться за враговъ, а ты ужели станешь проклинать брата? Не его проклинаешь ты, а самого себя, потому что ты навлекаешь на себя гнѣвъ Божій, произнося эти нечестивыя слова: „такъ покажи ему, такъ сотвори ему, порази его, воздай ему". Этихъ (словъ) должны избѣгать ученики Христовы—кроткіе и смиренные. Пусть изъ устъ, сподобившихся такого таинства, не исходитъ ничего горькаго; пусть языкъ, пріобщившійся тѣла Господня, не произноситъ ничего непріятнаго. Будемъ хранить его въ чистотѣ, не будемъ произносить имъ проклятій. Если не наслѣдуютъ царства оскорбители, то тѣмъ больше тѣ, которые проклинаютъ, потому что кто проклинаетъ, тотъ непремѣнно наноситъ и оскорбленіе. А оскорбленіе и молитва удалены другъ отъ друга,—слѣдовательно, молитва находится тоже въ великомъ разстояніи (отъ проклятія), потому что осужденіе и молитва тоже находятся въ великомъ (другъ отъ друга) разстояніи. Ты молишь Бога о томъ, чтобы Онъ былъ милостивъ къ тебѣ,—и (въ то же время) проклинаешь другого! Если ты не прощаешь, то и тебѣ не будетъ прощено; а ты не только самъ не прощаешь, но еще просишь Бога, чтобы и Онъ не про-
532 щалъ? Видишь ли, до какого ты дошелъ озлобленія? Если не прощается тому, кто самъ не прощаетъ, то какъ можетъ быть прощено тому, кто еще проситъ Господа, чтобы и Онъ не прощалъ? Не ему (ближнему своему) вредишь ты, а себѣ самому. Какимъ образомъ? Такимъ, что если молитва, которую ты приносишь самъ за себя, и могла бы быть услышана, то теперь она никогда не будетъ услышана, потому что ты приносишь ее скверными устами. Воистину такія уста скверны и нечисты, исполнены всякаго зловонія и всякой нечистоты. Тебѣ слѣдовало бы трепетать ради своихъ грѣховъ, и употреблять всѣ усилія (чтобы получить прощеніе) въ нихъ, а ты приходишь къ Богу съ тою цѣлію, чтобы возбудить Его противъ брата? Развѣ ты не боишься, не заботишься самъ о себѣ? Развѣ не видишь, что ты дѣлаешь? Подражай по крайней мѣрѣ дѣтямъ, которыя ходятъ въ училище. Они, когда видятъ, что отъ товарищей ихъ требуютъ отчета въ томъ, чему они выучились, и за лѣность всѣхъ подвергаютъ взысканію, что каждаго изъ нихъ порознь испытываютъ

со всею строгостію и наказываютъ розгами, тогда они умираютъ отъ страха, и, если даже кто-нибудь изъ соучащихся съ ними наносилъ имъ безчисленные удары, они не думаютъ гнѣваться,—потому что душею ихъ овладѣваетъ страхъ,—и не дерзаютъ жаловаться учителю, на одно только обращаютъ вниманіе, какъ бы придти и удалиться оттуда безъ наказанія, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, какъ бы настало это время, и, когда выйдутъ,—подвергшись ли наказанію или не подвергшись,—отъ радости имъ уже и въ умъ не приходитъ гнѣваться. А ты, стоя (на молитвѣ) и сокрушаясь о своихъ грѣхахъ, ужели не содрогаешься, припоминая (грѣхи) другихъ людей? И какъ ты (дерзаешь) просить объ этомъ Бога? Вѣдь когда ты призываешь правосудіе Божіе на своего ближняго, тогда этимъ самымъ увеличиваешь тяжесть своихъ грѣховъ, и не позволяешь Ему дать прощеніе и тебѣ въ твоихъ (грѣхахъ). Если ты хочешь, скажетъ Онъ, чтобы Я былъ строгимъ изслѣдователемъ проступковъ, сдѣланныхъ противъ тебя, то какъ ты просишь о снисхожденіи къ тому, въ чемъ ты согрѣшилъ противъ Меня? Научимся поэтому быть когда-нибудь христіанами! Если мы не умѣемъ молиться,—что удобно и весьма легко,—то остальное какъ мы узнаемъ? Научимся молиться, какъ христіане. Язычникамъ свойственны такія молитвы, іудеямъ приличествуютъ такого рода моленія. А молитвы христіанина имѣютъ противоположныя свойства: (въ нихъ надлежитъ) просить о прощеніи, забвеніи того, въ чемъ (другіе) противъ насъ согрѣшили. *Укоряеми*, говоритъ (апостолъ), *благословляемъ, гоними терпимъ, хулими утѣшаемся* (1 Кор. IV, 12). Послушай, что говоритъ Стефанъ: *Господи, не постави имъ грѣха сего* (Дѣян. VII, 60). Не только не проклиналъ, но еще молился; а ты не только не молишься, но еще проклинаешь. Поэтому насколько онъ достоинъ удивленія, настолько ты преступенъ. Кому удивляемся мы, — скажи мнѣ,—тѣмъ ли, за кого онъ молился, или тому, кто молился? Конечно—послѣднему. А если мы (судимъ такимъ образомъ), то тѣмъ болѣе Богъ. Хочешь ли поразить врага? Молись за него, но молись не съ этою мыслію,—не для того, чтобы онъ понесъ наказаніе: оно придетъ само собою, но ты не съ этою цѣлію дѣлай. Кромѣ того, этотъ блаженный (Стефанъ) переносилъ все безъ вины, и между тѣмъ молился (за своихъ враговъ); а мы многое и по заслугамъ терпимъ отъ своихъ враговъ. Если же тотъ, кто страдалъ невинно, не дерзалъ не молиться (за своихъ враговъ), то какого наказанія заслуживаемъ мы, когда, по заслугамъ подвергаясь страданію, не только не молимся, но и проклинаемъ? Ты думаешь, что наносишь раны (своему врагу), а на самомъ дѣлѣ обращаешь мечъ самъ на себя, потому что не позволяешь

Судьѣ быть снисходительнымъ и къ твоимъ грѣхамъ, стараясь возбудить въ Немъ гнѣвъ къ другимъ. *Въ нюже мѣру мѣрите*, говоритъ Онъ, *возмѣрится вамъ, и имже судомъ судите, судятъ вамъ* (Мѳ. VII, 2). Итакъ, будемъ снисходительны, чтобы и мы такимъ же обрѣли Бога.

533 3. Я желаю, чтобы вы не только слушали это, но и соблюдали. Между тѣмъ нынѣ только одни слова сохраняются въ памяти, а можетъ быть, даже и того нѣтъ, такъ что, когда разойдемся, если кто-нибудь изъ не бывшихъ здѣсь спроситъ, о чемъ мы говорили, то одни вовсе ничего не скажутъ, другіе—знающіе скажутъ только содержаніе того, о чемъ мы бесѣдовали,—что не нужно быть злопамятнымъ, нужно даже молиться (за враговъ), — и потомъ прекратятъ рѣчь о всемъ томъ, что было говорено (потому что не въ состояніи припомнить), третьи припомнятъ немного, лишь кое-что. Поэтому умоляю васъ, если вы не получаете никакой пользы отъ того, что говорится, то не будьте прилежны къ слушанію. Какая въ самомъ дѣлѣ отъ этого польза? Получается только большее осужденіе и болѣе тяжкое наказаніе, за то, что, несмотря на безчисленныя увѣщанія, пребываемъ въ одномъ и томъ же положеніи. Съ этою именно цѣлію Богъ далъ намъ опредѣленную молитву, чтобы мы не просили ни о чемъ житейскомъ, ни о чемъ человѣческомъ. Вы, вѣрные, знаете, о чемъ надобно молиться,—какимъ образомъ всякая молитва становится общею для всѣхъ. Но тамъ не говорится, скажутъ, что нужно молиться и за невѣрныхъ. (Вы такъ говорите) потому, что не знаете силы молитвы, ни ея глубины, ни тѣхъ сокровищъ, которыя въ ней сокрыты. А если кто внимательно разберетъ ее, то найдетъ, что въ ней содержится и это. Когда молящійся говоритъ: *да будетъ воля твоя, яко на небеси, и на земли* (Мѳ. VI, 10),—не о чемъ другомъ онъ молится, а именно объ этомъ. Какимъ образомъ? Такимъ, что на небѣ нѣтъ ни одного невѣрнаго, нѣтъ ни одного согрѣшающаго. Если бы здѣсь (рѣчь) была только объ однихъ вѣрныхъ, то эти слова не имѣли бы смысла, потому что если бы одни вѣрные должны были исполнять Его волю, а невѣрные нѣтъ, то воля Его уже не исполнилась бы (на землѣ) такъ, какъ на небѣ. Но что (мы говоримъ здѣсь)? Какъ на небѣ, говоримъ мы, нѣтъ ни одного грѣшника, такъ и на землѣ пусть не будетъ ни одного; но во всѣхъ, говоримъ мы, укорени страхъ твой и всѣхъ людей сдѣлай ангелами, хотя они и наши враги и супостаты. Развѣ не видишь, сколько разъ каждый день произносится хула противъ Бога? Сколько разъ Ему наносятъ оскорбленіе не только невѣрные, но и вѣрные, не только словами, но и дѣлами? Что же Онъ? Погасилъ ли за

это солнце? Остановилъ ли теченіе луны? Разрушилъ ли небо? Поколебалъ ли землю? Изсушилъ ли море? Уничтожилъ ли источники водъ? Смѣшалъ ли воздухъ? Нисколько, а совершенно напротивъ. Онъ возсіяваетъ солнце, ниспосылаетъ дождь, подаетъ плоды, ежегодно посылаетъ пищу богохульникамъ, несмысленнымъ, презрѣннымъ, гонителямъ, и это не день, не два, не три, а въ теченіе всей ихъ жизни.

Подражай Ему и ты; поревнуй Ему по мѣрѣ человѣческихъ силъ. Ты не можешь возсіять солнца? По крайней мѣрѣ не злословь. Не можешь послать дождя? По крайней мѣрѣ не укоряй. Не можешь дать пищи? По крайней мѣрѣ не досаждай. Довольно будетъ съ твоей стороны и этихъ даровъ. Богъ оказываетъ бла- 534
годѣянія своимъ врагамъ дѣломъ, а ты совершай ихъ по крайней мѣрѣ словомъ, — молись за врага; такимъ образомъ ты уподобишься Отцу твоему, который на небесахъ. Тысячу разъ уже я бесѣдовалъ съ вами объ этомъ,—и не перестану бесѣдовать; только бы вышла какая-нибудь польза. Мы отъ своихъ словъ не приходимъ въ оцѣпенѣніе, не утомляемся и не тяготимся; только бы вы не давали повода думать, что тяготитесь, слушая насъ. А подаетъ поводъ думать, что тяготится, тотъ, кто не исполняетъ того, что ему говорятъ. Кто исполняетъ, тотъ всегда готовъ слушать, какъ человѣкъ, котораго не укоряютъ, а хвалятъ. Такимъ образомъ это происходитъ не отъ чего-либо другого, какъ отъ того, что не исполняютъ того, что имъ говорятъ: отъ этого тягостнымъ становится и тотъ, кто объ этомъ говоритъ. Если, напримѣръ, кто-нибудь исполняетъ дѣла милосердія, а другой заводитъ рѣчь о милостынѣ, то онъ не только не оскорбляется, слушая его, но даже радуется, потому что слышитъ, какъ провозглашаютъ и превозносятъ его заслуги. Такимъ же образомъ и мы. Такъ какъ у насъ нѣтъ ничего общаго съ забвеніемъ обидъ и это не исполняется нами, то по этой причинѣ намъ кажется непріятнымъ, когда зайдетъ объ этомъ рѣчь; а когда были бы у насъ дѣла, тогда и слова не огорчали бы насъ. Итакъ, если вы не хотите, чтобы мы были для васъ тягостны и несносны,—поступайте слѣдующимъ образомъ: исполняйте на дѣлѣ то (что мы вамъ заповѣдуемъ). Мы не перестанемъ говорить вамъ объ одномъ и томъ же до тѣхъ поръ, пока не станете исполнять этого. Мы поступаемъ такъ преимущественно изъ участія и любви къ вамъ; а кромѣ того еще и потому, что намъ самимъ угрожаетъ опасность. Вѣдь трубачъ долженъ трубить, хотя бы и никто не выходилъ на сраженіе,—для того только, чтобы исполнить свой долгъ. Поэтому и мы дѣйствуемъ такъ не съ тою цѣлію, чтобы на васъ навлечь большее наказаніе, а для того, чтобы самимъ избавиться

отъ него. Кромѣ того, насъ побуждаетъ къ этому и любовь къ вамъ,—разрывается наша утроба, и насъ снѣдаетъ печаль, когда случается что-либо подобное. Но да не попуститъ этого (Богъ). Для того, о чемъ мы говорили нынѣ, не требуется издержекъ, не требуется траты денегъ, не требуется дальняго путешествія,—нужно только захотѣть, нужно слово, нужно намѣреніе. Будемъ поэтому хранить уста наши, оградимъ ихъ дверью и запоромъ, чтобы не говорить ничего неугоднаго Богу. Это для насъ самихъ (будетъ полезно), а не для тѣхъ, за кого мы будемъ молиться. Мы всегда такъ думаемъ, что тотъ, кто благословляетъ своего врага, благословляетъ себя самого, и кто проклинаетъ его, проклинаетъ себя, и кто молится за врага, молится за себя, а не за него. Когда мы будемъ поступать такимъ образомъ, тогда будемъ имѣть возможность въ самомъ дѣлѣ достигнуть этого совершенства и получить обѣщанныя блага благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VII.

533-534 **Да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Сіе бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, иже всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити (1 Тим. II, 2—4).**

1. Если (апостолъ) желаетъ, чтобы прекратились общественныя брани и распри и смятенія, и съ этою цѣлію заповѣдуетъ священнослужителю творить молитвы за царей и за правителей, то тѣмъ болѣе частныя лица должны исполнять это. Три есть самыхъ страшныхъ вида войны. Одинъ видъ составляетъ обыкновенная война, когда на нашихъ воиновъ нападаютъ иноплеменники; второй, когда даже во время мира мы враждуемъ другъ противъ друга; третій, когда каждый ратуетъ съ самимъ собою. Послѣдній видъ войны опаснѣе всѣхъ, потому что первый видъ, то есть война съ иноплеменниками, никогда не можетъ принести намъ большого вреда. Въ самомъ дѣлѣ, что (она можетъ сдѣлать), скажи мнѣ? Она можетъ заколоть, убить, но душѣ нимало
535 не причиняетъ вреда. Но и второй (видъ), если мы не пожелаемъ того, не можетъ повредить намъ, потому что, хотя бы другіе и враждовали противъ насъ, мы можемъ оставаться спокойными,—

послушай, что говоритъ пророкъ: *вмѣсто еже любити мя, оболгаху мя, азъ же моляхся* (Псал. cviii, 4); и еще: *съ ненавидящими мира бѣхъ миренъ* (cxix, 6); и еще: когда я говорилъ съ ними, они *брашася со мною туне* (cviii, 3). Но третьяго (вида войны) мы избѣгаемъ не безъ труда. Когда наше тѣло возстаетъ противъ души, и возбуждаетъ сильныя страсти, вооружаетъ противъ нея плотскія удовольствія, гнѣвъ, зависть, тогда невозможно, не положивъ конца этой брани, получить обѣтованныя блага, и тотъ, кто не утишитъ этого смятенія, неизбѣжно долженъ пасть и получить раны, которыя рождаютъ смерть въ гееннѣ. Поэтому каждый день требуются съ нашей стороны особенная заботливость и стараніе, чтобы не возгоралась въ насъ эта война и чтобы возгорѣвшаяся не продолжалась, но была усмирена и подавлена. Въ самомъ дѣлѣ, какую тебѣ принесетъ пользу то, что вселенная будетъ наслаждаться глубокимъ миромъ, если ты будешь вести брань самъ съ собою? Надобно имѣть этотъ миръ. Если будемъ имѣть его, то ничто внѣшнее не можетъ намъ причинить вреда. Впрочемъ, не мало содѣйствуетъ этому и общественный миръ. Поэтому и говоритъ онъ: *да тихое и безмолвное житіе поживемъ*. Если же кто, когда царствуетъ миръ, находится въ смятеніи, то онъ очень несчастный человѣкъ. Видишь ли, что онъ говоритъ о томъ мирѣ, который я поставляю на третьемъ мѣстѣ? Поэтому, сказавъ: *да тихое и безмолвное житіе поживемъ*, онъ на этомъ не остановился, но присовокупилъ: *во всякомъ благочестіи и чистотѣ*. Но невозможно пребывать въ благочестіи и чистотѣ, если не будетъ водворенъ этотъ миръ. Въ самомъ дѣлѣ, когда пытливыя умствованія колеблютъ нашу вѣру, тогда какой можетъ быть миръ? Когда (тревожитъ насъ) духъ нечестія, тогда какое можетъ быть спокойствіе? Итакъ, чтобы ты не подумалъ, что онъ просто говоритъ объ этой жизни, которую ведутъ вообще всѣ люди, онъ, сказавъ: *да тихое и безмолвное житіе поживемъ*, присовокупилъ: *во всякомъ благочестіи и чистотѣ*. Тихое и безмолвное житіе могутъ вести и язычники, и ты можешь встрѣтить людей необузданныхъ, невоздержныхъ и пресыщающихся наслажденіями, которые ведутъ такую жизнь. Поэтому, чтобы ты зналъ, что онъ не объ этой жизни говоритъ, онъ и присовокупляетъ: *во всякомъ благочестіи и чистотѣ*,—потому что жизнь эта исполнена и навѣтовъ, и распри, когда душа ежедневно бываетъ уязвляема отъ смятенія, которое происходитъ въ помышленіяхъ. А что онъ хочетъ говорить объ этой жизни,—это видно какъ изъ того, что онъ присовокупилъ слова (*во всякомъ благочестіи и чистотѣ*), такъ и изъ того, что онъ сказалъ не просто: въ благочестіи, но присовокупилъ еще: *во всякомъ*. Говоря такимъ образомъ, онъ, какъ

кажется, требуетъ такихъ правилъ благочестія, которыя не только содержались бы въ ученіи вѣры, но и находили бы себѣ подтвержденіе въ самомъ образѣ жизни,—потому что благочестія надобно искать какъ въ томъ, такъ и въ другомъ. Иначе какая будетъ польза, если кто, будучи благочестивъ по вѣрѣ, станетъ вести нечестивую жизнь? А что можно самою жизнію содѣлаться нечестивымъ, послушай этого блаженнаго, какъ онъ опять въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *Бога исповѣдуютъ вѣдѣти, а дѣлы отметщутся его* (Тит. I, 16), и еще: *вѣры отверглся есть и невѣрнаго горшій есть* (1 Тим. V, 8), и еще: *аще нѣкій братъ именуемъ будетъ блудникъ, или лихоимецъ, или идолослужитель*, таковой не почитаетъ Бога (1 Кор. V, 11), и еще: *ненавидяй брата своего* (1 Іоан. II, 11) *не знаетъ Бога* (1 Іоан. IV, 8). Видишь ли, сколько видовъ нечестія? Поэтому онъ и говоритъ: *во всякомъ благочестіи и чистотѣ*. Не одинъ только прелюбодѣй безчестенъ, но можно назвать безчестнымъ и корыстолюбца, и невоздержнаго,—потому
536 что и эта страсть не слабѣе плотского вожделѣнія. Поэтому кто не обуздываетъ ея, называется человѣкомъ невоздержнымъ,—за то именно и называютъ ихъ невоздержными (ἀκόλαστοι), что они не обуздываютъ (κολάζειν) страстей. Поэтому я назову невоздержнымъ и гнѣвливаго, и завистника, и сребролюбца, и пронырливаго, и всякій, кто пребываетъ въ грѣхѣ, невоздерженъ, безчестенъ и нечестивъ. *Сіе бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ*, говоритъ (апостолъ). Что это значитъ? То есть, Богу пріятно, и Онъ желаетъ того, чтобы молились за всѣхъ, такъ какъ Онъ *всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити*.

2. Подражай Богу. Если онъ хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись, то очевидно, что обо всѣхъ нужно и молиться; если Онъ пожелалъ, чтобы всѣ спаслись, то и ты пожелай того же: а если желаешь этого, то молись, такъ какъ такимъ людямъ свойственно молиться. Видишь ли, какъ онъ всѣми средствами убѣждаетъ душу въ томъ, что нужно молиться и объ язычникахъ? И указывая на пользу, которая изъ этого проистекаетъ, онъ говоритъ: *да тихое и безмолвное житіе поживемъ*, и —что гораздо важнѣе этого—это и Богу угодно, мы черезъ это дѣлаемся подобными Ему, когда желаемъ того же, чего и Онъ. Этого достаточно для того, чтобы склонить даже звѣря. Итакъ, не бойся молиться за язычниковъ: и Онъ (Богъ) этого хочетъ. Бойся только проклинать другихъ, потому что этого Онъ не хочетъ. А если надобно молиться объ язычникахъ, то очевидно и объ еретикахъ, потому что обо всѣхъ людяхъ надобно молиться, а не преслѣдовать ихъ. Это и по другой причинѣ достойно одобренія,—по той,

что мы съ ними одной природы. Кромѣ того, Богъ одобряетъ и благосклонно пріемлетъ нашу взаимную любовь и благодушіе другъ ко другу. Впрочемъ, если самъ Господь хочетъ дать имъ спасеніе, то какая, скажешь, нужда въ молитвѣ съ моей стороны? Это много пользы приноситъ и имъ, и тебѣ: ихъ располагаетъ къ любви, и тебя не допускаетъ до ожесточенія: и это имѣетъ силу привлечь ихъ къ вѣрѣ, такъ какъ много такихъ людей, которые вслѣдствіе раздоровъ между собою отступали отъ Бога. Это онъ называетъ теперь спасеніемъ отъ Бога, сказавъ: ***иже всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися***,—потому что это и есть воистину спасеніе, а безъ него другое (спасеніе) ничего великаго не составляетъ, носитъ только имя и названіе спасенія. ***И въ разумъ истины***, говоритъ, ***пріити***. Какой истины? Именно—вѣры въ Него. Такъ какъ еще прежде Онъ сказалъ: ***завѣщай не инако учити***, то, чтобы на нихъ (иновѣрцевъ) не сталъ кто-либо взирать, какъ на враговъ, и не заводилъ по этому поводу съ ними ссоры, онъ говоритъ: ***всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити***. Потомъ, сказавъ это, онъ присовокупилъ: ***единъ бо есть Богъ и единъ ходатай Бога и человѣковъ*** (ст. 5). Онъ сказалъ: ***въ разумъ истины пріити***, выражая этимъ то, что вселенная еще не достигла истины. Потомъ сказалъ еще: ***единъ бо есть Богъ***, выражая ту мысль, что не много (боговъ), какъ нѣкоторые думаютъ. Сказалъ, что (Богъ) послалъ и Ходатая, Сына, показывая, что Онъ хочетъ, чтобы всѣ получили спасеніе. Что же? Ужели Сынъ не Богъ? Напротивъ, Онъ есть совершенный Богъ. Какъ же онъ говоритъ: ***единъ***? По противопоставленію съ идолами, а не съ Сыномъ, потому что онъ разсуждалъ объ истинѣ и заблужденіи. Ходатай долженъ пріобщаться обѣимъ сторонамъ, по отношенію къ которымъ онъ ходатай; ходатаю свойственно, обладая тѣмъ, что принадлежитъ обѣимъ сторонамъ, по отношенію къ которымъ онъ ходатай, приводить ихъ ко (взаимному) общенію. Если же принадлежащее одной сторонѣ онъ имѣетъ, а съ другою разобщенъ, то онъ уже не ходатай. Слѣдовательно, если Онъ не причастенъ природѣ Отца, то Онъ не ходатай, но разобщенъ (съ Нимъ). И подобно тому, какъ онъ содѣлался причастникомъ природы человѣческой, потому что пришелъ къ людямъ, 537
такъ точно Онъ причастникъ и природы божественной, потому что пришелъ отъ Бога. Такъ какъ чрезъ Него соединялось два естества, то Онъ долженъ былъ быть близкимъ къ обоимъ естествамъ. Подобно тому, какъ какое-либо мѣсто, занимающее средину (между двумя мѣстностями), прикасается къ каждой изъ нихъ, такъ и соединяющій между собою два естества долженъ быть причастникомъ обоихъ естествъ. Слѣдовательно, подобно

тому, какъ Онъ содѣлался человѣкомъ, такъ и былъ Богъ. Будучи (только) человѣкомъ, Онъ не содѣлался бы ходатаемъ, потому что Ему надлежало бесѣдовать и съ Богомъ. Равнымъ образомъ, будучи (только) Богомъ, Онъ не былъ бы ходатаемъ, потому что Его не приняли бы тѣ, для которыхъ Онъ служилъ ходатаемъ. И подобно тому, какъ въ иномъ мѣстѣ говоритъ онъ: *единъ Богъ Отецъ и единъ Господь Іисусъ Христосъ* (1 Кор. VIII, 6), такъ и здѣсь: *единъ* и *единъ*. Не полагаетъ двоихъ, потому что онъ бесѣдовалъ о многобожіи, и для этого, чтобы кто-нибудь числа два не привелъ въ доказательство многобожія, онъ употребилъ (выраженіе): *единъ* и *единъ*. Видишь ли, съ какою великою осмотрительностію употребляетъ слова Писаніе? Одинъ и одинъ составляютъ—два; но мы не скажемъ этого, несмотря на то, что размышленіе внушаетъ это. Здѣсь ты не говоришь: одинъ и одинъ составляютъ два; а между тѣмъ говоришь то, къ чему не приводитъ размышленіе (именно): если родилъ, то и пострадалъ. *Единъ бо есть Богъ*, говоритъ, *единъ и ходатай Бога и человѣковъ, Іисусъ Христосъ, давый себе избавленіе за всѣхъ, свидѣтельство времены своими* (ст. 5, 6). Что же? Ужели и за язычниковъ, скажи мнѣ? Да,—и несмотря на то, что Христосъ умеръ и за язычниковъ, ужели ты не согласишься молиться (за нихъ)? Такъ почему же, скажешь ты, они не увѣровали? Потому что не захотѣли, а съ Его стороны сдѣлано все. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Его страданіе, говоритъ (апостолъ). Онъ пришелъ, говоритъ онъ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ Отца, и закланъ былъ; поэтому не только Отецъ свидѣтельствуетъ о Немъ, но и Онъ объ Отцѣ. *Азъ пріидохъ*, говоритъ Онъ, *во имя Отца моего* (Іоан. V, 43), и еще: *Бога никтоже видѣ нигдѣже* (Іоан. I, 18), и еще: *да знаютъ тебе единаго истиннаго Бога* (Іоан. XVII, 3), и еще: *духъ (есть) Богъ* (Іоан. IV, 24). Слѣдовательно, Онъ свидѣтельствовалъ даже до смерти. А слова: *времены своими* означаютъ: въ надлежащее время. *Въ неже поставленъ быхъ азъ проповѣдникъ и апостолъ (истину глаголю, не лгу), учитель языковъ въ вѣрѣ и истинѣ* (ст. 7).

3. Поэтому, если Христо́съ пострадалъ за язычниковъ, и я избранъ учителемъ языковъ, то почему ты не молишься за нихъ? Хорошо (онъ поступаетъ) въ настоящемъ случаѣ, что, послѣ того какъ показалъ, что заслуживаетъ довѣріе, говоритъ: *въ неже поставленъ быхъ азъ проповѣдникъ*, т. е. избранъ,—потому что (прочіе) апостолы весьма мало положили на это труда. Потомъ присовокупилъ: *учитель языковъ въ вѣрѣ и истинѣ*. Опять: въ вѣрѣ; но ты не думай, услышавъ (выраженіе): *въ вѣрѣ*, что въ этомъ скрывался обманъ, потому что онъ говоритъ: *и истинѣ*. А если это истина, то не ложь. Видишь ли обильно излитую благодать?

У іудеевъ не были приносимы за нихъ (за язычниковъ) молитвы, а нынѣ благодать распростерлась (и надъ ними). Поэтому онъ сказалъ о себѣ, что онъ избранъ и учителемъ языковъ,—намекая на то, что благодать разлилась повсюду во вселенной. *Давый себе*, говоритъ, *избавленіе*. Какимъ же образомъ это, когда Онъ былъ преданъ Отцемъ? Слѣдовательно, это было дѣломъ Его благости. Что значитъ: *избавленіе?* Онъ намѣревался наказать ихъ, и между тѣмъ не сдѣлалъ этого; они должны были погибнуть, но за нихъ Онъ предалъ Сына своего и послалъ насъ — проповѣдниковъ, чтобы мы проповѣдывали о крестѣ. Этого достаточно было для того, чтобы привлечь всѣхъ и чтобы показать любовь Христову. Воистину велики и неизреченны (благодѣянія), которыя Богъ оказалъ намъ! Онъ принесъ Себя въ жертву за враговъ, за ненавидящихъ Его и отвращающихся отъ Него. Чего кто-нибудь другой не сдѣлалъ бы ни для своихъ друзей, ни для своихъ дѣтей, ни для братьевъ, то Господь сдѣлалъ для рабовъ, 533
при томъ Господь, который (по природѣ) не былъ таковъ, каковы рабы, но Богъ,—для людей, и такихъ людей, которые не заслуживали одобренія. Если бы они заслужили одобреніе, если бы они были благоугодны Ему, то не такъ было бы это достойно удивленія. Между тѣмъ нынѣ это особенно поражаетъ всякій умъ, что Онъ умеръ за такихъ неблагодарныхъ и несмысленныхъ. Чего люди не дѣлаютъ для своихъ единоплеменниковъ, то Богъ сдѣлалъ для насъ; и мы, пользуясь плодами такой любви, еще притворяемся и не любимъ Христа.

Онъ принесъ Себя въ жертву за насъ; а мы презираемъ Его, когда Онъ нуждается даже въ необходимой пищѣ, — и не посѣщаемъ Его, когда Онъ боленъ, или нагъ. Какого гнѣва, какого наказанія, какой геенны это достойно? Вѣдь если не что-нибудь другое, то ужели одно то, что Онъ благоволилъ присвоить себѣ человѣческія страданія и говорить: алчу, жажду,—не было въ силахъ обратить всѣхъ (къ Нему)? Но, увы, какъ сильна власть денегъ, или лучше сказать, какъ велико развращеніе тѣхъ, которые добровольно поработились имъ! Не онѣ имѣютъ великую силу, но мы слишкомъ слабы и порабощены имъ,—мы презрѣнны и земляны, мы плотскіе, мы безсмысленны; подлинно не въ нихъ содержится великая сила. Что онѣ могутъ сдѣлать, скажи мнѣ, будучи глухими и безчувственными? Если даже діаволъ, скверный демонъ, который такъ золъ и во всемъ производитъ разстройство, ничего не значитъ, то какую силу имѣютъ деньги? Если увидишь серебро, то представляй себѣ, что это—олово. Но ты не можешь? Въ такомъ случаѣ подумай то, что̀ есть истина, именно, что это—земля, потому что и въ самомъ дѣлѣ земля. Но

ты не убѣждаешься и этимъ доказательствомъ? Помысли о томъ, что и мы погибаемъ, что многіе изъ тѣхъ, которые стяжали его, не получили отъ него почти никакой пользы, что безчисленное множество людей, которые тщеславились имъ, сдѣлалось прахомъ и пепломъ, что и теперь они подвергаются ужаснѣйшему наказанію, становясь гораздо бѣднѣе тѣхъ, которые проводили жизнь среди скудели и стекла, и часто тѣ, которые покоятся на ложахъ изъ слоновой кости, бываютъ болѣе достойны сожалѣнія, нежели тѣ, которые лежатъ на навозѣ. Оно услаждаетъ взоръ? Но много есть другихъ вещей, которыя еще больше могутъ услаждать взоръ. Такъ, и цвѣты, и чистый воздухъ, и небо, и солнце гораздо больше приносятъ наслажденія. Кромѣ того, оно имѣетъ на себѣ много ржавчины, вслѣдствіе чего многіе даже утверждали, что оно черно; и это можно видѣть на (серебряныхъ) изображеніяхъ, которыя почернѣли; между тѣмъ въ солнцѣ нѣтъ ничего чернаго, ни въ небѣ, ни въ звѣздахъ. И въ этихъ цвѣткахъ гораздо больше пріятности, чѣмъ въ цвѣтѣ (серебра). Слѣдовательно не цвѣтъ услаждаетъ насъ, а любостяжаніе и несправедливость; это услаждаетъ душу, а не серебро. Отвергни любостяжаніе отъ души, и тогда увидишь, что то, что кажется теперь драгоцѣннымъ, будетъ презрѣннѣе грязи. Отвергни страсть эту. Такъ и томимые горячкой, хотя бы увидѣли грязную лужу, стремятся къ ней какъ къ чистому источнику; между тѣмъ вполнѣ здоровые часто не чувствуютъ жажды и къ чистой водѣ. Отвергни болѣзнь, и увидишь вещи въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ существуютъ. И чтобы ты зналъ, что я не лгу, я могу указать тебѣ многихъ, которые такимъ образомъ поступили. Потуши огонь, и увидишь, что эти вещи менѣе цѣнны, чѣмъ цвѣты. Золото хорошо; но оно хорошо (когда іздерживается) на милостыню для вспоможенія бѣднымъ, а не для безполезнаго употребленія, не для того, чтобы ему лежать внутри (кладовой), или быть зарыту въ землѣ, или чтобы имъ обвѣшивать руки, ноги
539 и голову. Не для того оно найдено, чтобы при посредствѣ его мы связывали узами (существа созданныя) по образу Божію, но чтобы разрѣшали связанныхъ. На это и употребляй золото: разрѣшай связаннаго, чтобы ты не связалъ той, которая разрѣшена отъ узъ. Для чего, скажи мнѣ, ничтожную вещь ты предпочитаешь всему на свѣтѣ? Развѣ оттого, что оно золото, оно не составляетъ оковъ? Развѣ вещество дѣлаетъ оковы? Будетъ ли это золото, или желѣзо—все равно, кромѣ того, что первое тяжелѣе послѣдняго. Но что дѣлаетъ для насъ эту вещь легкою? Тщеславіе, и то, что всѣ смотрятъ на связанную (золотыми) оковами, хотя этого и слѣдовало бы больше стыдиться. А (чтобы

убѣдиться), что это истина, свяжи и оставь ее въ пустынѣ, гдѣ никого нѣтъ, кто бы смотрѣлъ: тогда почувствуетъ она тяжесть этихъ узъ,—и со скорбію станетъ смотрѣть на нихъ. Побоимся, возлюбленные, чтобы не услыхать намъ этихъ страшныхъ словъ: *свяжите ему руцѣ и нозѣ* (Мѳ. XXII, 13). Зачѣмъ же ты, жена, причиняешь себѣ это (зло)? Ни одинъ узникъ не связывается по рукамъ и ногамъ; а ты зачѣмъ обвязываешь даже голову? Развѣ не довольно связать руки и ноги? Зачѣмъ опутываешь шею без- 540
численнымъ множествомъ цѣпей? Я оставляю безъ вниманія заботы по этому поводу, страхъ, безпокойство и споры съ мужемъ, когда случится недостатокъ въ этихъ вещахъ,—и смерть, которой подвергаются, если что-нибудь изъ этихъ вещей пропадетъ. Развѣ это удовольствіе, скажи мнѣ? Чтобы другой услаждалъ свои взоры, ты подвергаешься и узамъ, и заботамъ, и опасностямъ, и огорченіямъ, и ежедневнымъ спорамъ. Развѣ это не заслуживаетъ всякаго обличенія и осужденія? Поэтому не будемъ, умоляю васъ, не будемъ больше такъ поступать. Разрѣшимъ всякій союзъ неправды, раздробимъ алчущему хлѣбъ, будемъ исполнять и все прочее, что можетъ даровать намъ дерзновеніе предъ Богомъ, чтобы мы сподобились получить обѣщанныя блага о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VIII.

Хощу убо, да молитвы творятъ мужіе на всякомъ мѣ- 539
стѣ, воздѣюще преподобныя руки безъ гнѣва и размышленія: такожде и жены во украшеніи лѣпотномъ, со стыдѣніемъ и цѣломудріемъ да украшаютъ себе не въ плетеніихъ, ни златомъ, или бисерми, или ризами многоцѣнными, но еже подобаетъ женамъ, обѣщавающимся благочестію, дѣлы благими (1 Тим. II, 8—10).

1. *Егда* молитеся, говоритъ Христосъ, не будьте, *якоже лицемѣри, яко любятъ въ сонмищахъ и въ стогнахъ путій стояще молитися, яко да явятся человѣкомъ. Аминь глаголю вамъ, яко воспріемлютъ мзду свою. Ты же, егда молишися, вниди въ клѣть твою, и затворивъ двери, помолися Отцу твоему, иже въ тайнѣ,* и Онъ *воздастъ тебѣ явѣ* (Мѳ. VI, 5, 6). Какъ же Павелъ говоритъ: *хощу, да молитвы творятъ мужіе на всякомъ мѣстѣ, воздѣюще преподобныя руки безъ гнѣва и размышленія?* Но эти слова не противорѣ-

чать вышеприведеннымъ,—нѣтъ,—а напротивъ, совершенно согласны съ ними. Какъ и какимъ образомъ? Сначала надобно сказать о томъ, что значать слова: *вниди въ клѣть твою*, и почему Онъ заповѣдуетъ это, когда нужно молиться на всякомъ мѣстѣ: и неужели нельзя молиться ни въ церкви, ни въ другой какой-нибудь части дома, а только въ одной клѣти? Итакъ, какой смыслъ имѣютъ эти слова? Внушая здѣсь, что надобно избѣгать тщеславія, Христосъ говоритъ: совершай молитвы не просто только тайно, но и сокровенно. Подобно тому, какъ въ изреченіи: *да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя* (Мѳ. VI, 3) Онъ говоритъ не просто о рукахъ, а представляетъ съ особенною силою необходимость избѣгать тщеславія, такъ точно и здѣсь Онъ намекаетъ на то же самое.

Итакъ, не мѣстомъ ограничилъ Онъ молитву, а заповѣдалъ только одно,—что ненужно быть тщеславнымъ. А Павелъ говоритъ такъ, (чтобы показать) отличіе отъ іудейскихъ молитвъ. Посмотри въ самомъ дѣлѣ, что онъ говоритъ: *на всякомъ мѣстѣ воздѣюще преподобныя руки*. А этого у іудеевъ нельзя было дѣлать, потому что имъ не было позволено ни прибѣгать къ Богу въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, ни приносить жертвы, ни совершать богослуженіе; а нужно было отовсюду по вселенной соби-
540 раться въ одно мѣсто, и въ храмѣ совершать всѣ очищенія. Апостолъ даетъ противоположное этому увѣщаніе и, освобождая отъ этой необходимости, говоритъ, что наши (обычаи) не таковы, каковы у іудеевъ. Подобно тому, какъ обо всѣхъ онъ повелѣваетъ приносить молитвы (потому что за всѣхъ умеръ Христосъ, и для всѣхъ, говоритъ онъ, я проповѣдую), такъ равнымъ образомъ (научаетъ), что молиться вездѣ хорошо; слѣдовательно замѣчаніе это относится не къ мѣсту, а къ тому, какимъ образомъ нужно молиться. Молись, говоритъ, вездѣ; на всякомъ мѣстѣ воздѣвай преподобныя руки,—это одно только требуется. Но что значитъ: *преподобныя*? Чистыя. А что значитъ: чистыя? Конечно, не водою вымытыя, а чистыя отъ любостяжанія, убійствъ, хищенія, язвъ. *Безъ гнѣва и размышленія*. А это что значитъ? Развѣ кто-либо гнѣвается во время молитвы? Значитъ—безъ злопамятства. Пусть душа молящагося будетъ чиста и свободна отъ всякой страсти, пусть никто не приступаетъ къ Богу съ враждою, пусть никто не приступаетъ съ негодованіемъ и размышленіемъ. Что значитъ—*безъ размышленія*? Послушаемъ. Значитъ, что ненужно нисколько сомнѣваться въ томъ, что мы будемъ услышаны. *Елика аще воспросите вѣрующе*, говоритъ (Христосъ), *пріимете* (Мѳ. XXI, 22); и еще: *егда стоите молящеся, отпущайте, аще что имате на кого* (Марк. XI, 25). Вотъ что значитъ—*безъ гнѣва и размышленія*. Какъ

же, спроситъ кто-нибудь, я могу быть увѣренъ въ томъ, что получу просимое? Если ты не просишь ни о чемъ несогласномъ съ тѣмъ, что Онъ готовъ тебѣ дать, если (не просишь) ни о чемъ такомъ, что недостойно царя, если ни о чемъ житейскомъ, если (просишь) однихъ только духовныхъ (благъ), если приступаешь безъ гнѣва, если имѣешь чистыя, преподобныя руки; а преподобныя руки — тѣ, которыя творятъ милостыню. Если такимъ образомъ приступаешь, то во всякомъ случаѣ получишь просимое. *Аще вы*, говоритъ, *лукави суще, умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ, кольми паче Отецъ вашъ небесный* (Мѳ. VII. 11). Размышленіемъ Онъ здѣсь называетъ сомнѣніе. Равнымъ образомъ, говоритъ онъ, хочу, чтобы и женщины приступали къ Богу безъ гнѣва, безъ размышленія, чтобы имѣли преподобныя руки, чтобы не слѣдовали своимъ вожделѣніямъ, не грабили и не были корыстолюбивы. Какая въ самомъ дѣлѣ будетъ польза, если она сама не грабитъ, а дѣлаетъ это черезъ мужа? Впрочемъ 541
отъ женщинъ Павелъ требуетъ нѣчто большее. Что же именно? *Со стыдѣніемъ и цѣломудріемъ во украшеніи лѣпотномъ да украшаютъ себе, не въ плетеніихъ, ни златомъ, ни бисерми*, говоритъ онъ, *но еже подобаетъ женамъ, обѣщавающимся благочестію, дѣлы благими.* Что онъ называетъ украшеніемъ? То есть—платье, которое со всѣхъ сторонъ прикрывало бы ихъ благопристойно, было бы прилично, но не изысканно; первое прилично, а послѣднее неблагопристойно. Что же скажешь ты на это? Ты приходишь молиться Богу, и между тѣмъ окружаешь себя золотыми украшеніями и головными уборами? Развѣ ты пришла плясать? Или принять участіе въ брачномъ пирѣ? Развѣ ты явилась на торжественное шествіе? Тамъ умѣстны золотыя украшенія, тамъ головные уборы, тамъ дорогія платья. А здѣсь ничего этого ненужно. Ты пришла просить, молиться о грѣхахъ своихъ, молитву приносить о своихъ преступленіяхъ, умолять Господа, чтобы склонить Его къ милосердію. Зачѣмъ же украшаешь себя? Этотъ нарядъ неприличенъ для той, которая молится. Какъ можешь ты воздыхать? Какъ можешь плакать? Какъ можешь усильно молиться, будучи одѣта въ такой нарядъ? Если и будешь плакать, то слезы твои покажутся достойными смѣха для того, кто будетъ видѣть ихъ,—потому что плачущей не слѣдуетъ носить золота. Это лицемѣріе и притворство. И въ самомъ дѣлѣ, какъ же не лицемѣріе, когда та же самая душа, отъ которой родилось и это великолѣпіе и тщеславіе, та же самая (душа) и слезы проливаетъ? Удали отъ себя все это притворство. Надъ Богомъ нельзя смѣяться. Это свойственно актерамъ и плясунамъ, которые проводятъ дни свои на сценѣ; а честной женщинѣ все это неприлично. *Со стыдѣніемъ*, говоритъ, *и цѣломудріемъ*.

2. Итакъ, не подражай блудницамъ. Онѣ посредствомъ такого наряда привлекаютъ къ себѣ многихъ любовниковъ, и черезъ это многія часто навлекали на себя дурное мнѣніе и не получали никакой пользы отъ этого украшенія, потому что многимъ чрезъ такое мнѣніе нанесли вредъ. Подобно тому, какъ распутная женщина, хотя бы и пользовалась славою цѣломудренной, не будетъ имѣть никакой пользы отъ этой славы, когда Тотъ, кто судитъ тайное, въ свое время приведетъ все въ извѣстность, такъ и цѣломудренная женщина, если она своимъ нарядомъ успѣетъ пріобрѣсть славу (женщины) дурнаго поведенія, не получитъ никакой пользы отъ своего цѣломудрія, потому что многіе черезъ эту славу были приведены къ погибели. Но отчего же я буду страдать, скажетъ иная, если другой станетъ подозрѣвать меня? Ты подаешь поводъ къ тому своимъ нарядомъ, взглядомъ, движеніями. Поэтому Павелъ такъ много говоритъ объ одеждѣ и о стыдѣ. А если онъ отвергаетъ то, что служитъ только признакомъ богатства, именно золото, жемчугъ и многоцѣнныя ризы, то не гораздо ли больше (отвергаетъ) то, что (служитъ признакомъ) излишней суетности,— притиранья, подкрашиваніе глазъ, жеманную походку, изнѣженный голосъ, влажный взглядъ исполненный всякаго блуда, изысканность, съ какою накидываютъ на себя покрывало или надѣваютъ платье, искуснѣйшимъ образомъ устроенный поясъ, вычурную обувь? На все это онъ указываетъ, говоря: во *украшеніи лѣпотномъ*, равно какъ и словами: *со стыдѣніемъ*,—потому что все это свойственно безстыдству и неблагопристойности. Будьте, умоляю васъ, снисходительны ко мнѣ, потому что слово мое не съ тою цѣлію содержитъ въ себѣ вполнѣ явное обличеніе, чтобы уязвить или опечалить васъ, но чтобы удалить отъ стада все чуждое ему.

Если онъ запрещаетъ это замужнимъ женщинамъ, живущимъ въ роскоши и богатствѣ, то тѣмъ болѣе тѣмъ, которыя посвятили себя дѣвству. Но какая, скажутъ, дѣвственница возлагаетъ на себя золотыя украшенія? Какая головные уборы? И обыкновенное платье можетъ быть до такой степени изысканно,
542 что даже эти (украшенія) становятся ничтожны въ сравненіи съ нимъ. Вѣдь и недорогое платье можетъ быть нарядиѣе того, которое обшито золотомъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда платье имѣетъ слишкомъ яркій цвѣтъ, и когда оно съ особенною заботливостію прикрѣплено поясомъ около груди, какъ это бываетъ у тѣхъ, которыя пляшутъ на сценѣ, такъ что оно ни раздается въ ширину, какъ бы поднимаясь вверхъ, ни стягивается до того, чтобы казаться слишкомъ узкимъ, но занимаетъ средину между тѣмъ и другимъ, и около груди образуетъ множество складокъ,—то ужели оно не гораздо больше можетъ прельстить, чѣмъ всевоз-

можныя шелковыя платья? Что, когда (при этомъ) обувь, будучи черпаго цвѣта, издаетъ необыкновенный блескъ и оканчивается остріемъ, и изящнымъ своимъ видомъ уподобляется картинѣ, такъ что не слишкомъ поднимаетъ вверхъ подошву ноги? Что, если ты, хотя не украшаешь лица притираніями, однако вымываешь его съ необыкновеннымъ стараніемъ и вниманіемъ и полагаешь кругомъ чела повязку, которая гораздо бѣлѣе твоего лица, а потомъ сверху набрасываешь (черное) покрывало, такъ чтобы черный цвѣтъ при бѣломъ былъ замѣтнѣе? Что скажешь объ этомъ безпрестанномъ поворачиваніи глазъ? Что—о поясѣ и о повязкѣ на груди, которую при опоясываніи то скрываютъ, то показываютъ наружу, потому что и (грудь) оставляютъ часто открытою для того, чтобы видна была искусная отдѣлка пояса, между тѣмъ какъ кругомъ всей головы полагаютъ покрывало? А руки, подобно трагическимъ актерамъ, такъ старательно закрываютъ, что подумаешь, будто платье приросло къ нимъ. Что сказать о походкѣ и о прочихъ движеніяхъ, которыя больше всякаго золота могутъ плѣнять смотрящихъ на это? Убоимся, возлюбленныя, чтобы и намъ не услышать того же, что пророкъ говорилъ еврейскимъ женщинамъ, которыя заботились о наружномъ украшеніи: *вмѣсто пояса ужемъ препояшешися, и вмѣсто украшенія* главы твоей *плѣшь имѣти будеши* (Иса. III, 23). Такимъ образомъ это сильнѣе можетъ привлекать, нежели золотыя украшенія, равно какъ и многія другія вещи, которыя искусно устрояются для того, чтобы на нихъ смотрѣли и чтобы взирающіе плѣнялись ими. Не малый это грѣхъ, напротивъ очень большой и можетъ прогнѣвать Бога, можетъ погубить весь подвигъ дѣвства.

3. Христосъ твой женихъ: зачѣмъ привлекаешь къ себѣ любовниковъ—людей? Онъ осудитъ тогда тебя за прелюбодѣяніе. Отчего не украшаешь себя украшеніемъ, которое Ему нравится, которое Ему пріятно,—стыдливостію, цѣломудріемъ, честностію, благопристойною одеждою? А это платье свойственно распутнымъ женщинамъ и позорно. Мы уже не можемъ различать распутныхъ женщинъ и дѣвственницъ. Смотри, до какого посрамленія онѣ довели себя! Дѣвственница должна быть чужда изысканности, одѣваться просто и какъ случится. А она рачительно занимается безчисленными (предметами) внѣшняго украшенія. Положи конецъ этому безумію, женщина; обрати эту заботливость на душу, на внутреннее благообразіе. Это внѣшнее благолѣпіе препятствуетъ внутреннему содѣлаться хорошимъ. Кто заботится объ немъ, тотъ пренебрегаетъ внутреннимъ; равно какъ и тотъ, кто презираетъ его, переноситъ всю свою заботливость на внутреннее. Не говори мнѣ: увы! я надѣваю изношенную одежду, дешевую обувь, по-

крывало, которое ничего не стóитъ; какое тутъ щегольство? Не обольщай самое себя. Можно, какъ я сказалъ, больше принаряжать себя въ этой одеждѣ, нежели въ иной, — больше въ изношенномъ платьи, нежели въ принаровленномъ къ тѣлу и красиво устроенномъ по образу, который приличествуетъ безстыдству, и свѣтло блестящемъ. Ты мнѣ это говоришь; но что скажешь
543 Богу, который знаетъ мысль, съ какою ты это дѣлаешь? Но ты поступаешь такъ не ради распутства. Такъ ради чего? Чтобы возбуждать удивленіе? И ты не стыдишься, не краснѣешь, когда хочешь возбуждать удивленіе такимъ образомъ? Но, скажешь, я надѣваю это платье такъ себѣ, и вовсе не по этой причинѣ. Знаетъ Богъ, чтò ты говоришь къ намъ. Развѣ мнѣ будешь ты давать отчетъ? Тому, кто присутствуетъ при всемъ, что ни происходитъ у насъ, и кто тогда будетъ оцѣнивать, Тому, предъ кѣмъ все явно и открыто. Для того и мы нынѣ говоримъ это, чтобы не заставить васъ подвергнуться такой отвѣтственности. Убоимся, чтобы и васъ не упрекалъ (Господь) въ томъ, въ чемъ упрекалъ черезъ пророка еврейскихъ женщинъ: пришли явиться предо Мною сластолюбивыя *и ногама купно играющія* (Иса. ш, 16). Вы взяли на себя великій подвигъ, для котораго нужна борьба, а не щегольство,—гдѣ нужно сражаться, а не вести жизнь, исполненную нѣги. Развѣ не видишь кулачныхъ бойцевъ и борцевъ? Развѣ они заботятся о походкѣ и наружномъ украшеніи? Нисколько. Но все это оставивъ безъ вниманія, и надѣвъ на себя платье, пропитанное масломъ, они имѣютъ въ виду только наносить и отражать удары. Діаволъ стоитъ, скрежеща зубами, всячески стараясь погубить тебя; а ты не перестаешь заниматься этими сатанинскими нарядами. Я не хочу говорить ничего о голосѣ, о томъ, какъ многія стараются дать ему извѣстное выраженіе,—о благовоніяхъ и о прочихъ предметахъ роскоши. Потому-то и смѣются надъ нами свѣтскія женщины. Погибла честь дѣвства. Никто не уважаетъ дѣвственницу такъ, какъ слѣдуетъ уважать ее, потому что онѣ сами довели себя до того, что ихъ
544 стали пренебрегать. Развѣ не слѣдовало бы, чтобы онѣ такъ были почитаемы въ Церкви Божіей, какъ будто съ неба пришедшія? Между тѣмъ нынѣ ихъ презираютъ,—ради ихъ самихъ, а не ради тѣхъ, которыя умнѣе ихъ,—потому что когда увидитъ та, которая имѣетъ мужа и дѣтей и управляетъ домомъ, что ты, будучи обязана пригвоздиться ко кресту, больше, нежели она, занимаешься этими нарядами, то ужели она не посмѣется надъ тобою? Ужели она не станетъ презирать тебя? Развѣ не видишь, сколько здѣсь старанія, сколько заботъ? Скудостію одежды ты препобѣждаешь ту, которая наряжается въ дорогія платья, по-

тому что больше заботишься о нарядахъ, нежели та, которая возлагаетъ на себя золотыя украшенія. Что прилично тебѣ, того ты не ищешь, а къ тому, что тебѣ не прилично, стремишься, между тѣмъ какъ тебѣ надлежало бы творить дѣла благія. Оттого дѣвственницы стали пользоваться меньшимъ уваженіемъ, нежели женщины, живущія въ мірѣ, что не являютъ дѣлъ, достойныхъ дѣвства. Это говоримъ мы не ко всѣмъ, или лучше сказать—и ко всѣмъ, именно—къ виновнымъ, чтобы онѣ образумились; и къ невиннымъ, чтобы онѣ вразумляли первыхъ. Но смотрите, чтобы это порицаніе не перешло въ дѣло. Мы сказали это не съ тѣмъ, чтобы огорчить, а чтобы исправить васъ и чтобы могли похвалиться вами. О, если бы мы всѣ творили угодное Богу и жили во славу Его, и чрезъ это сподобились получить обѣщанныя блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Св. Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IX.

Жена въ безмолвіи да учится со всякимъ покореніемъ. 543
Женѣ же учити не повелѣваю, ниже владѣти мужемъ, но быти въ безмолвіи. Адамъ бо прежде созданъ бысть, потомъ же Ева: и Адамъ не прелстися, жена же прелстившися, въ преступленіи бысть: спасется же чадородія ради, аще пребудутъ въ вѣрѣ и любви и во святыни съ цѣломудріемъ (1 Тим. п, 11—15).

1. Великой стыдливости требуетъ блаженный Павелъ отъ женщинъ, великой степенности. Поэтому обращаетъ (вниманіе) не только на внѣшній ихъ видъ и одежду, но и на голосъ. Что же именно говоритъ? *Жена въ безмолвіи да учится.* Что это значитъ? То, что, по его словамъ, жена не должна говорить въ церкви; то же самое сказалъ онъ и въ посланіи къ Коринѳянамъ: *срамно бо есть женамъ въ церкви глаголати* (1 Кор. XIV, 35). Почему же? Потому что законъ, говоритъ онъ, подчинилъ ихъ (власти мужа). И опять въ другомъ мѣстѣ: *аще ли чесому научитися хотятъ, въ дому своихъ мужей да вопрошаютъ* (1 Кор. XIV, 35). Но тогда женщины вслѣдствіе такого наставленія хранили молчаніе; между тѣмъ нынѣ (замѣчается) между ними великій шумъ, великій крикъ, громкій разговоръ, и при томъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ столько, какъ здѣсь. Всякій можетъ увидѣть ихъ всѣхъ разговаривающими больше здѣсь, нежели на площади, нежели въ ба-

няхъ. Какъ будто пришедши сюда для того, чтобы провести досужное время, онѣ ведутъ разговоръ о предметахъ безполезныхъ. Отъ этого все приходитъ въ разстройство, и онѣ не хотятъ даже понять того, что не иначе могутъ онѣ научиться чему-нибудь полезному, какъ только храня молчаніе. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы приготовляемъ къ произнесенію слово, и между тѣмъ никто не внимаетъ тому, что говорится, то какая отсюда можетъ быть польза? Поэтому онъ говоритъ, что женщинѣ надлежитъ до того быть молчаливою, что она не должна говорить въ церкви не
544 только о житейскихъ, но и о духовныхъ предметахъ. Въ этомъ состоитъ для нея приличіе, въ этомъ стыдливость, это можетъ украсить ее больше всякой одежды. Если такимъ образомъ она будетъ вести себя, то она будетъ имѣть возможность совершать молитвы съ великою благопристойностію. *Женѣ же не повелѣваю учити. Не повелѣваю*, говоритъ онъ. Какую связь имѣютъ здѣсь между собою (эти слова)? Очень тѣсную. (Апостолъ) бесѣдовалъ о безмолвіи, о степенности, о стыдливости; сказалъ: не хочу, чтобъ онѣ говорили. Итакъ, желая отнять у нихъ всякій поводъ къ разговорамъ, говоритъ: пусть онѣ и не учатъ, но пусть ведутъ себя такъ, какъ прилично учащимся, потому что такимъ образомъ, чрезъ молчаніе, онѣ покажутъ и покорность. Вообще многорѣчивъ родъ ихъ, поэтому (апостолъ) всѣми мѣрами старается обуздать ихъ: *Адамъ бо*, говоритъ, *прежде созданъ бысть, потомъ же Ева: и Адамъ не прелстися, жена же прелстившися, въ преступленіи бысть.* Какое однако это имѣетъ отношеніе къ нынѣшнимъ женщинамъ? Очень большое, говоритъ: мужескій полъ надѣленъ большимъ преимуществомъ, онъ созданъ прежде. А въ другомъ мѣстѣ еще выше ставитъ его, когда говоритъ: *не созданъ бысть мужъ жены ради, но жена мужа ради* (1 Кор. XI, 9). Для чего онъ говоритъ это? Для того, чтобы на основаніи многихъ причинъ предоставить первенство мужу. Мужчина, говоритъ онъ, долженъ имѣть первенство, во-первыхъ, потому (что онъ прежде созданъ), во-вторыхъ, на основаніи того, что случилось впослѣдствіи времени. Учила нѣкогда жена мужа, и все ниспровергла, и сдѣлала его виновнымъ въ преслушаніи. Богъ за то и подчинилъ ее, что она во зло употребила власть, или, лучше сказать, равночестіе: *къ мужу твоему*, говорится, *обращеніе твое* (Быт. III, 16); прежде же этого (событія) не было сказано этихъ словъ. Какимъ же образомъ Адамъ не былъ прельщенъ? Слѣдовательно, онъ не престу-
545 пилъ заповѣди, если не былъ прельщенъ? Внимательно слушай. Жена говоритъ: *змій прельсти мя* (Быт. III, 13); между тѣмъ Адамъ не говоритъ: жена прельстила меня, но: *та ми даде и ядохъ* (Быт. III, 12). Не одно и то же значитъ быть обольщеннымъ

отъ единоплеменной и сродной себѣ, и—отъ звѣря, раба, подчиненнаго; поэтому послѣднее собственно и есть обольщеніе. Итакъ, только въ сравненіи съ женою (апостолъ) говоритъ о немъ, что онъ не прельстился, потому что она была обольщена отъ раба и подчиненнаго, а онъ отъ свободной. Опять не объ Адамѣ сказано: *видѣ древо, яко добро въ снѣдь* (Быт. ш, 6), но о женѣ, и что она ѣла и дала мужу своему. Такимъ образомъ онъ преступилъ (заповѣдь) не потому, что былъ увлеченъ страстію, а только повинуясь женѣ. Учила однажды жена, и все ниспровергла. Поэтому (апостолъ) говоритъ: да не учитъ. Но какъ это относится къ другимъ женщинамъ, если одна сдѣлала это? И очень (относится), потому что полъ этотъ немощенъ и легкомысленъ. Съ другой стороны, здѣсь говорится вообще о всемъ (женскомъ) полѣ: онъ не сказалъ, что Ева прельстилась, но: *жена*,—а это имя скорѣе относится ко всему вообще полу, нежели къ ней одной. Итакъ что же? Ужели ради ея весь женскій полъ сдѣлался преступнымъ? Подобно тому какъ объ Адамѣ сказалъ (апостолъ): *по подобію преступленія Адамова, иже есть образъ будущаго* (Рим. v, 14), такъ и здѣсь говоритъ: преступилъ (заповѣдь) женскій полъ, а не мужескій. Итакъ что же? Ужели онъ не наслѣдуетъ спасенія? Напротивъ наслѣдуетъ, говоритъ. Какое же именно? Спасеніе чрезъ дѣтей. Онъ не объ одной Евѣ говорилъ: *аще пребудутъ въ вѣрѣ и любви и святыни съ цѣломудріемъ*. Въ какой вѣрѣ? Въ какой любви? Въ какой святыни съ цѣломудріемъ? Онъ какъ бы такъ говорилъ: вы, женщины, не сокрушайтесь о томъ, что полъ вашъ подпалъ осужденію; Богъ даровалъ вамъ другое средство спасенія, именно—воспитаніе дѣтей, такъ что вы можете заслужить спасеніе не только сами чрезъ себя, но и чрезъ другихъ. Смотри, сколько возникаетъ вопросовъ по поводу одного и того же предмета. *Жена прельстившися*, говоритъ, *въ преступленіи бысть*. Какая жена? Ева. Слѣдовательно она спасется чрезъ рожденіе дѣтей? Нѣтъ, не это говоритъ (апостолъ), а то, что спасется весь женскій полъ. Развѣ она не была виновною? Конечно была; но хотя виновной была Ева, однако спасется весь женскій полъ чрезъ рожденіе дѣтей. Отчего не ради собственной добродѣтели? Развѣ это (рожденіе дѣтей) лишаетъ (силы прочія добродѣтели)? При томъ, какое отношеніе имѣетъ это къ дѣвамъ? Какое къ неплоднымъ? Какое къ вдовамъ, которыя прежде, нежели начали рождать, лишились мужей? Развѣ онѣ погибли, развѣ имъ не остается ни малѣйшей надежды? Между тѣмъ больше всѣхъ восхваляются дѣвы. Итакъ, что же онъ хочетъ сказать?

2. Нѣкоторые говорятъ, что подобно тому, какъ отъ созда-

нія (міра) весь женскій полъ находился въ состояніи зависимости вслѣдствіе того, что случилось съ первою женщиною,—Ева была создана второю и находилась въ состояніи зависимости, потому, говорятъ, и весь женскій полъ долженъ находиться въ состояніи зависимости,—такъ и здѣсь потому самому, что (Ева) совершила преступленіе, и весь женскій полъ сдѣлался преступнымъ. Но это не имѣетъ никакого основанія. Тамъ все совершалось по волѣ Божіей, а здѣсь было слѣдствіемъ грѣха жены. Поэтому сказанное имъ имѣетъ такой смыслъ: подобно тому, какъ всѣ люди умираютъ ради одного, потому что одинъ согрѣшилъ, такъ и весь женскій полъ сдѣлался преступнымъ потому, что женщина совершила преступленіе. Впрочемъ пусть она не скорбитъ. Богъ далъ ей немалое утѣшеніе, именно—рожденіе дѣтей. Но это есть (дѣло) природы,—скажешь ты. И то (произошло отъ вліянія) природы; ей даровано не только то (что зависитъ отъ природы), но и то, что относится къ воспитанію дѣтей. *Аще пре-*
546 *будутъ,* говоритъ, *въ вѣрѣ и любви и святыни съ цѣломудріемъ,* то есть, если послѣ рожденія сохранятъ себя въ любви и чистотѣ. Въ томъ не малая, но весьма великая будетъ состоять для нихъ награда, что онѣ воспитали ратоборцевъ Христу. Святынею онъ называетъ праведную жизнь, а цѣломудріемъ пристойность. *Вѣрно слово* (ш. 1)—относится къ тому (о чемъ говоримъ), а не къ—*аще кто епископства хощетъ.* Такъ какъ по этому поводу возникало сомнѣніе, то онъ и говоритъ: *вѣрно слово,* что отцы и матери могутъ пожать плоды добродѣтели своихъ дѣтей, когда хорошо воспитаютъ ихъ. Но что, если она сама будетъ безчестна и исполнена безчисленныхъ пороковъ? Ужели воспитаніе дѣтей принесетъ ей какую-либо пользу? Не будетъ ли болѣе вѣроятнымъ, что она воспитаетъ ихъ подобными себѣ? Онъ это говоритъ о добродѣтельной, а не о всякой, что она получитъ за то великую награду и воздаяніе.

Слушайте это, отцы и матери: воспитаніе дѣтей для васъ не останется безъ награды. И далѣе онъ говоритъ то же самое: *въ дѣлѣхъ добрыхъ свидѣтельствуема, аще чада воспитала есть* (1 Тим. v, 10). Между прочимъ и это поставляетъ на видъ. Подлинно, немаловажное дѣло посвятить Богу дѣтей, данныхъ отъ Бога. Если онѣ положатъ подъ зданіе твердыя опоры и основанія, то будутъ имѣть великую награду; тогда какъ, наоборотъ, за нерадѣніе подвергнутся наказанію. Такъ и Илій погибъ чрезъ своихъ дѣтей, потому что ему надлежало вразумлять ихъ; онъ, правда, и вразумлялъ, но не такъ, какъ слѣдовало бы. Ему не хотѣлось огорчать ихъ, и онъ и ихъ, и себя погубилъ. Слушайте это, отцы. Воспитывайте дѣтей своихъ въ наставленіи и поученіи

Господнемъ съ великимъ тщаніемъ. Юность неукротима и имѣетъ нужду во многихъ наставникахъ, учителяхъ, руководителяхъ, надсмотрщикахъ, воспитателяхъ. И только при такихъ (усиліяхъ) возможно обуздать ее. Что конь необузданный, что звѣрь неукротимый, то же самое и юность. Поэтому если въ началѣ и съ перваго возраста поставимъ для нея надлежащіе предѣлы, то впослѣдствіи не будемъ имѣть нужды въ великихъ усиліяхъ; напротивъ, потомъ привычка обратится для нихъ въ законъ. Не позволимъ же имъ дѣлать того, что пріятно и вмѣстѣ вредно, не будемъ угождать имъ, потому что они дѣти; но преимущественно будемъ ихъ сохранять въ цѣломудріи, — тутъ болѣе всего возможенъ вредъ юности. Объ этомъ мы особенно должны заботиться, къ этому мы особенно должны быть внимательны. Скорѣе будемъ брать для нихъ женъ, чтобы они, имѣя чистое и нерастлѣнное тѣло, соединялись съ невѣстами. Такая любовь особенно бываетъ пламенна. Кто былъ цѣломудреннымъ до брака, тотъ тѣмъ болѣе останется такимъ послѣ брака. Напротивъ, кто до брака научился любодѣйствовать, тотъ и послѣ брака станетъ дѣлать то же самое. Мужу, говорится, *блуднy всякъ хлѣбъ сладокъ* (Сир. xxIII, 23). Для того и возлагаются на головы вѣнцы,—въ знакъ побѣды, что они, не будучи побѣждены, вступаютъ въ брачный чертогъ,—что они не были одолѣны похотью. Если же кто, увлеченный сладострастіемъ, предался блудницамъ, то для чего послѣ этого онъ имѣетъ и вѣнецъ на главѣ, когда онъ побѣжденъ? Это будемъ имъ внушать, этимъ будемъ ихъ вразумлять, устрашать, угрожать, дѣлая то одно, то другое. Намъ ввѣренъ важный залогъ — дѣти. Будемъ же заботиться объ нихъ и употребимъ всѣ мѣры, чтобы лукавый не похитилъ ихъ у насъ. Между тѣмъ теперь у насъ все происходитъ наоборотъ. Мы употребляемъ всевозможныя усилія для того, чтобы поле было хорошимъ и чтобы ввѣрить его благонадежному человѣку, и по- 547
гонщика ословъ и муловъ, и надзирателя, и повѣреннаго мы отыскиваемъ самаго искуснаго: а на то, что для насъ всего дороже, именно—чтобы поручить сына человѣку, который бы могъ сохранить его въ цѣломудріи, не обращаемъ вниманія, несмотря на то, что это сокровище цѣннѣе всѣхъ прочихъ и ради его приходятъ остальныя. Объ имуществѣ для нихъ мы заботимся, а объ нихъ самихъ—нѣтъ. Видишь ли, какое безуміе? Прежде образуй душу сына твоего, а имущество онъ уже послѣ получитъ. Если душа у него нехороша, то онъ не будетъ имѣть ни малѣйшей пользы отъ денегъ; и наоборотъ, если ей дано правильное образованіе, то бѣдность нисколько не повредитъ ему. Хочешь ли оставить его богатымъ? Научи его быть добрымъ. Такимъ обра-

зомъ, онъ можетъ и состояніе умножить; если же и не умножитъ его, то, по крайней мѣрѣ, онъ ничѣмъ не будетъ хуже людей зажиточныхъ. Между тѣмъ, если онъ будетъ злой, то, хотя бы ему были оставлены тобою безчисленныя сокровища, ты не оставилъ хранителя (этихъ сокровищъ), а сдѣлалъ его несчастнѣе тѣхъ, которые впали въ самую крайнюю бѣдность. Дѣйствительно, для дѣтей, не получившихъ правильнаго воспитанія, бѣдность лучше богатства, потому что первая, даже помимо ихъ воли, удерживаетъ ихъ въ предѣлахъ добродѣтели, между тѣмъ послѣднее, хотя бы даже кто и желалъ того, не позволяетъ вести жизни цѣломудренной, но увлекаетъ, ниспровергаетъ и вводитъ въ безчисленное множество преступленій. Вы, матери, больше всего смотрите за дочерьми: попеченіе это для васъ нетрудно. Наблюдайте за тѣмъ, чтобъ онѣ сидѣли дома; а прежде всего
548 учите ихъ быть благочестивыми, скромными, презирать деньги и не слишкомъ заботиться о нарядахъ. Такъ и въ замужество отдавайте ихъ. Если такъ образуемъ ихъ, то вы спасете не только ихъ, но и мужа, который возьметъ ее, и не только мужа, но и дѣтей, и не однихъ дѣтей, но и внуковъ. Если корень будетъ хорошъ, то и вѣтви будутъ лучше развиваться,—и за все это вы получите награду. Поэтому все будемъ такъ дѣлать, какъ (прилично) заботящимся о благѣ не одной души, но многихъ чрезъ одну. Дочь, при вступленіи въ бракъ, должна такъ выходить изъ отеческаго дома, какъ борецъ изъ мѣста состязаній, то есть, она должна знать въ точности всю науку, помощію которой могла бы, подобно закваскѣ, все смѣшеніе возвести къ собственной красотѣ. И сыновья опять въ такой степени должны быть скромны, чтобы скорѣе всего можно было узнавать ихъ по ихъ благонравію и цѣломудрію, и чтобы они заслужили великую похвалу и отъ людей, и отъ Бога. Пусть они научатся обуздывать чрево, воздерживаться отъ лишнихъ издержекъ, быть расчетливыми, нѣжно любящими, пусть они научатся повиноваться власти. Такимъ образомъ они могутъ доставить родителямъ великую награду. Тогда все будетъ ко славѣ Божіей и нашему спасенію, о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА X.

Аще кто епископства хощетъ, добра дѣла желаетъ. Подобаетъ убо епископу быти непорочну, единыя жены мужу, трезвену, цѣломудру, благоговѣйну, страннолюбиву, учительну, не піяницѣ, не бійцѣ, не мшелоимцу, но кротку, независтливу, несребролюбцу, свой домъ добрѣ правящу, чада имущу въ послушаніи со всякою чистотою (1 Тим. ш, 1—4). 547

1. Намѣреваясь перейти къ рѣчи о епископствѣ, (апостолъ) показываетъ вообще, каковъ долженъ быть епископъ, не относя своего увѣщанія собственно къ Тимоѳею, но бесѣдуя съ нимъ, какъ бы со всѣми, и чрезъ него наставляя всѣхъ. Что же онъ говоритъ? *Аще кто епископства хощетъ*, я не порицаю такого, говоритъ, такъ какъ это—дѣло управленія. Если кто имѣетъ такое желаніе, и при томъ домогается не одного начальства и власти, но (и исполненія обязанностей свойственныхъ) управленію, то я не порицаю его: *добра дѣла желаетъ*, говоритъ. Такъ и Моисей желалъ этого, но не одной только власти,—и при томъ желалъ въ такой степени, что слышалъ (слѣдующія слова): *кто тя постави князя и судію надъ нами* (Исх. II, 19)? Кто такимъ образомъ желаетъ, пусть желаетъ. Епископство называется такъ потому, что представляетъ собою надзоръ надъ всѣми (παρὰ τὸ ἐπισκοπεῖν ἅπαντας). *Подобаетъ убо*, говоритъ, *епископу непорочну быти, единыя жены мужу*. Говоритъ это, не поставляя въ качествѣ закона, какъ будто безъ этого ему нельзя было сдѣлаться епископомъ, а только полагая предѣлъ неумѣренности, потому что у іудеевъ позволено было вступать во второй бракъ, и въ одно время имѣть по двѣ жены. *Честна женитьба* (Евр. хш, 4). А нѣкоторые полагаютъ, что сказанное здѣсь значитъ, что онъ долженъ быть мужемъ одной жены. *Непорочну*. Сказавши: *непорочну*, онъ назвалъ всякую добродѣтель. Такимъ образомъ, если кто сознаетъ себя виновнымъ въ какомъ-нибудь преступленіи, то онъ нехорошо дѣлаетъ, желая такого званія, отъ котораго онъ удалилъ себя своими поступками, потому что такому слѣдуетъ не повелѣвать, а повиноваться. Начальникъ долженъ быть свѣтлѣе всякаго свѣтильника и вести жизнь безукоризненную, такъ чтобы всѣ смотрѣли на него и по 548
его жизни устрояли свою собственную жизнь. И не безъ причины (апостолъ) поступаетъ такъ, преподавая такое наставленіе. Но такъ какъ и онъ самъ намѣревался поставлять епископовъ, касательно чего онъ дѣлаетъ увѣщанія и въ посланіи къ Титу, и такъ какъ, по всей вѣроятности, многіе могли желать этого сана, то онъ по-

этому поводу и заповѣдуетъ это. *Трезвену*, говоритъ, то есть, онъ долженъ быть прозорливымъ, со всѣхъ сторонъ имѣть тысячу глазъ,—долженъ быть проницательнымъ и не помрачать умственнаго своего взора. Дѣйствительно, много есть такихъ случайностей, которыя не даютъ ясно видѣть, какъ совершаются дѣла, потому что и скорби, и заботы, и безконечныя занятія, и многое другое накопляется со всѣхъ сторонъ.

Итакъ, (епископъ) долженъ быть неусыпно бодрствующимъ, имѣющимъ попеченіе не только о своихъ дѣлахъ, но и о томъ, что касается другихъ, — онъ долженъ бодрствовать, пламенѣть духомъ и, такъ сказать, дышать огнемъ, въ большей мѣрѣ нести труды и обязанности, нежели полководецъ, который день и ночь обходитъ воинство,—обо всемъ имѣть заботу и попеченіе. *Цѣломудру, благоговѣйну, страннолюбиву.* Такъ какъ и многіе изъ подчиненныхъ имѣютъ такія качества (въ этомъ отношеніи и они должны быть равны начальникамъ), то (апостолъ), показывая преимущества епископовъ, прибавилъ: *учительну.* Отъ подчиненнаго уже этого не требуется; но требуется болѣе всего отъ того, кому ввѣрена эта должность. *Не піяницу.* Не о томъ говоритъ здѣсь, кто упивается виномъ, но о человѣкѣ дерзкомъ и заносчивомъ. *Не бійцу.* Здѣсь идетъ рѣчь не о тѣхъ, которые бьютъ руками. Что же значитъ: *не бійцу*? Такъ какъ есть люди, которые безвременно возмущаютъ совѣсть братій, то, мнѣ кажется, онъ здѣсь намекаетъ на нихъ. *Не мшелоимцу, но кротку, незави-*
549 *стливу, несребролюбцу, домъ свой добрѣ правящу, чада имущу въ послушаніи со всякою чистотою.* Если, такимъ образомъ, человѣкъ, связанный узами брака, заботится о мірскихъ дѣлахъ, а епископъ не долженъ заботиться о мірскихъ дѣлахъ, то какъ онъ говоритъ: *единыя жены мужу?* Нѣкоторые полагаютъ, что здѣсь онъ указываетъ на такого епископа, который былъ бы свободенъ отъ брачныхъ узъ. А если не это (должно здѣсь разумѣть), то—что онъ, имѣя жену, можетъ жить, какъ будто не имѣя ея. Онъ справедливо въ этомъ случаѣ дѣлаетъ уступку, какъ бы покоряясь господствующему обычаю того времени. Всякій, кто захочетъ, имѣетъ возможность изъ этого сдѣлать надлежащее употребленіе. Подобно тому, какъ богатство съ трудомъ открываетъ входъ въ царство небесное, и между тѣмъ часто люди богатые входили въ него,—такъ точно и бракъ. Впрочемъ, что ты говоришь, скажи мнѣ? Бесѣдуя о епископѣ, сказалъ, что онъ долженъ быть не піяницею, но гостепріимнымъ, между тѣмъ какъ надлежало бы сказать что-нибудь болѣе важное. Отчего, напримѣръ, не сказалъ, что епископъ долженъ быть ангеломъ, не быть подверженнымъ ни одной человѣческой страсти, [не указать тѣхъ великихъ требованій, о

которыхъ говорилъ Христосъ и которыя обязаны исполнять даже подчиненные,—что нужно распять себя и постоянно въ рукахъ держать свою душу, о чемъ и Христосъ говорилъ: *пастырь добрый полагаетъ душу свою за овцы* (Іоан. x, 11), и опять: *иже не пріиметъ креста своего и въ слѣдъ мене грядетъ, нѣсть мене достоинъ* (Мѳ. x, 38)], но сказалъ: *не піяницѣ*? Благія можно имѣть надежды, если въ этомъ нужно наставлять епископа. Отчего ты не сказалъ, что онъ долженъ отрѣшиться отъ земли? Но даже того ты не заповѣдалъ епископу, что заповѣдалъ мірянамъ. Что же онъ говоритъ къ послѣднимъ? *Умертвите уды ваша, яже на земли* (Кол. ш, 5), и опять: *умерый свободися отъ грѣха* (Рим. vi, 7), и еще: *иже Христовы суть, плоть распяша* (Гал. v, 24). И Христосъ говоритъ тоже: *иже не отречется всего своего имѣнія, нѣсть мене достоинъ* (Лук. xiv, 33). Итакъ, почему онъ не сказалъ этого? Потому что такихъ немного можно было найти, между тѣмъ много требовалось епископовъ, которые бы предстоятельствовали въ отдаленныхъ городахъ.

2. Поэтому, такъ какъ впослѣдствіи могли возникать навѣты противъ Церкви, то (апостолъ) по этой причинѣ говоритъ объ умѣренной добродѣтели, а не объ этой возвышенной и выспренней, потому что многимъ свойственно—быть трезвеннымъ, честнымъ, цѣломудрымъ. *Чада имущу*, говоритъ, *въ послушаніи со всякою чистотою*,—потому что слѣдуетъ на самомъ себѣ показать примѣръ. Въ самомъ дѣлѣ, кто повѣритъ, что покоритъ себѣ чужого тотъ, кто сына своего не умѣлъ держать въ зависимости? *Домъ свой добрѣ правящу*. Такъ говорятъ и внѣшніе, что хорошій домоправитель (ὁ οἰκονομικός), въ скоромъ времени можетъ сдѣлаться хорошимъ правителемъ дѣлъ общественныхъ (πολιτικός). И Церковь есть то же самое, что малый домъ, и подобно тому, какъ въ дому находятся дѣти, жена, слуги, и надъ всѣми возвышается своею властію мужъ, такъ и въ Церкви не иное что, а то же самое: есть дѣти, жены, слуги. Если же предстоятель Церкви имѣетъ соучастниковъ своей власти, то и тамъ мужъ имѣетъ соучастницей жену. Но здѣсь должно заботиться о пропитаніи вдовицъ и дѣвственницъ? И тамъ тоже мужъ имѣетъ на своемъ попеченіи рабовъ, дочерей. Впрочемъ вообще домомъ управлять легче. Поэтому какъ можетъ управлять дѣлами церковными тотъ, кто и домъ свой нехорошо устроилъ? Послѣ этого, сказавъ: *аще же кто своего дому не умѣетъ правити, како о церкви Божіей прилежати возможетъ* (ст. 5), присовокупляетъ: *не новокрещену* (νεόφυτον), по буквальному значенію—новонасажденнаго (ст. 6), разумѣя здѣсь не того, кто былъ бы юнъ возрастомъ, а новоглашеннаго: *азъ*, говоритъ, *насадихъ, Аполлосъ напои, Богъ же возрасти* (1 Кор. ш, 6). 550

Слѣдовательно, онъ сказалъ это, желая указать на этого послѣдняго (новооглашеннаго). Иначе что препятствовало сказать: не юному? Но почему же онъ самъ, скажешь, поставилъ (епископомъ) Тимоѳея, несмотря на то, что онъ былъ молодъ, о чемъ и свидѣтельствуетъ, говоря къ нему: *никтоже о юности твоей да нерадитъ* (1 Тим. IV, 12)? Потому что зналъ, что онъ (Тимоѳей) обладалъ многими добродѣтелями, что онъ достигъ великаго совершенства въ жизни; и, зная объ этомъ, говоритъ къ нему въ посланіи: *изъ млада священная писанія умѣеши* (2 Тим. III, 15). А что онъ соблюдалъ строжайшій постъ, это видно изъ слѣдующихъ словъ: *мало вина пріемли ради частыхъ твоихъ недуговъ* (1 Тим. V, 23), — кромѣ многаго другого и объ этомъ писалъ къ нему. Поэтому, если бы онъ не зналъ о столь великихъ его добродѣтеляхъ, то и не писалъ бы и не поручилъ бы (столь высокаго служенія) ученику. Итакъ, въ виду того, что въ то время многіе изъ язычниковъ обращались и крестились, (апостолъ) и говоритъ: новокрещеннаго, то есть, новооглашеннаго, не вдругъ возводите на высоту власти. Если онъ прежде, нежели сдѣлается ученикомъ, вдругъ будетъ поставленъ учителемъ, то впадетъ въ высокомѣріе; если, не научившись повиноваться, займетъ мѣсто начальника, то сдѣлается надменнымъ. Потому и прибавилъ: *да не возгордѣвся въ судъ впадетъ діаволь*, то есть, чтобы не подпалъ тому же осужденію, какому тотъ подвергся за свою гордость. *Подобаетъ же ему и свидѣтельство добро имѣти отъ внѣшнихъ, да не въ поношеніе впадетъ и въ сѣть непріязнену* (ст. 7). Справедливо: онъ могъ подвергаться поношенію съ ихъ стороны, — и, вѣроятно, потому самому онъ и сказалъ: *единыя жены мужу*, хотя въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *хощу, да вси человѣцы будутъ, яко же и азъ* (1 Кор. VII, 7), то есть, въ воздержаніи. Итакъ, чтобы не увеличить затрудненій этому дѣлу, если бы потребовалъ болѣе совершенной жизни, онъ отыскалъ не столь возвышенную добродѣтель. Нужно, вѣдь, было въ каждомъ городѣ поставить предстоятеля. Послушай, что̀ онъ пишетъ къ Титу: *да устроиши по всѣмъ градомъ пресвитеры, якоже тебѣ азъ повелѣхъ* (Тит. I, 5). Но что, если имѣющій хорошее свидѣтельство и пользующійся добрымъ мнѣніемъ на самомъ дѣлѣ не будетъ такимъ? Конечно, (здѣсь можно предвидѣть) великія затрудненія, потому что едва ли могутъ люди праведные заслужить себѣ у враговъ хорошее мнѣніе. Впрочемъ въ настоящемъ случаѣ онъ не одно это выставляетъ на видъ. Онъ не сказалъ: надлежитъ ему имѣть свидѣтельство, но: *подобаетъ ему и свидѣтельство имѣти*, то есть—между прочимъ и это, а не одно только это. Но что, если безъ всякаго основанія станутъ о немъ говорить худо, изъ ненависти, особенно

потому, что они язычники? Нѣтъ, того не бываетъ, потому что человѣка безукоризненной жизни и они уважутъ. Какимъ же образомъ, скажешь ты? Послушай, что онъ говоритъ о самомъ себѣ: *гажденіемъ и благохваленіемъ* (2 Кор. vi, 7). Не жизнь его порицали, а проповѣдь; поэтому и сказалъ: *гажденіемъ*. На нихъ (апостоловъ) клеветали, что они льстецы и обманщики,—ради ихъ проповѣди,—и это дѣлали потому, что не могли ни въ чемъ укорить ихъ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, почему никто не сказалъ объ апостолахъ, что они любодѣи, нечестивцы и корыстолюбцы, но — льстецы, что относилось къ одной только проповѣди? Не потому ли, что они вели жизнь безукоризненную? Очевидно, потому. Поэтому и мы такъ должны жить; и тогда и объ насъ никто не станетъ худо говорить, хотя бы это былъ нашъ врагъ или невѣрный. Кто ведетъ праведную жизнь, тотъ и у нихъ становится достойнымъ уваженія: истина и врагамъ заграждаетъ уста. Какимъ же образомъ онъ можетъ впасть въ сѣть? Когда часто и въ тѣ же самые будетъ впадать грѣхи, въ какіе и они. Если онъ будетъ такимъ, то діаволъ скоро поставитъ ему и другую сѣть, и они скоро умертвятъ его. Если же должно имѣть свидѣтельство отъ враговъ, то тѣмъ болѣе отъ друзей. А что дѣйствительно тому, 551
кто ведетъ жизнь непорочную, нельзя услышать о себѣ худыхъ отзывовъ, послушай, что говоритъ Христосъ: *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрыя дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Мѳ. v, 16). А если, скажешь ты, онъ будетъ оклеветанъ и случайно подвергнется несправедливому обвиненію? Можетъ и это случиться. Но въ такомъ случаѣ не должно его избирать изъ среды другихъ, потому что это внушаетъ большія опасенія. *Подобаетъ ему, говоритъ, и свидѣтельство добро имѣти.* Пусть, поэтому, поступки ваши будутъ свѣтлы. Подобно тому, какъ никто не назоветъ солнца темнымъ, даже самъ слѣпой, потому что онъ стыдится идти противъ общаго мнѣнія, такъ и совершенно праведнаго никто не станетъ порицать. Правда, язычники часто клеветали на нихъ ради ихъ вѣрованій, но праведной ихъ жизни не порицали, напротивъ вмѣстѣ съ другими удивлялись и приходили въ изумленіе.

3. Будемъ поэтому жить такъ, чтобы не хулилось имя Божіе. Не будемъ ни гоняться за человѣческою славою, (ни вести себя такъ) чтобы о насъ составилось дурное мнѣніе, но будемъ соблюдать надлежащую мѣру и въ томъ и въ другомъ. *Въ нихъ же*, сказано, *являетеся, якоже свѣтила въ мірѣ* (Филип. ii, 15). На то, вѣдь, и поставилъ Онъ насъ, чтобы мы были подобны свѣтиламъ, чтобы мы содѣлались учителями другихъ, чтобы мы стали закваскою, чтобы мы обращались какъ ангелы съ людьми, какъ

мужи съ малыми дѣтьми, какъ духовные съ людьми душевными, чтобы и тѣ получили пользу, чтобы мы содѣлались сѣменами, чтобы приносили обильный плодъ. Не были бы нужны слова, если бы жизнь наша сіяла въ такой степени; не были бы нужны учители, если бы мы творили дѣла благія. Никто не остался бы язычникомъ, если бы мы были христіанами, какъ слѣдуетъ. Если бы мы соблюдали заповѣди Христовы, если бы мы благодушно переносили обиды и насилія, если бы мы, будучи укоряемы, благословляли, если бы, терпя оскорбленія, воздавали добромъ, то никто не былъ бы столь дикимъ, чтобы не обратиться къ истинной вѣрѣ (τῇ εὐσεβείᾳ), если бы такъ всѣ вели себя. И чтобы вы узнали это (укажу примѣръ): одинъ былъ Павелъ, и столько людей привлекъ къ себѣ. Если бы мы всѣ были такими, то сколько вселенныхъ мы обратили бы? Теперь христіане многочисленнѣе язычниковъ. Между тѣмъ когда другимъ искусствамъ одинъ можетъ научить сто отроковъ, здѣсь, несмотря на то, что есть много учителей и что ихъ гораздо больше, нежели учениковъ, никто не присоединяется. Учащіеся взираютъ на добродѣтели наставниковъ и, если видятъ, что и мы того же желаемъ, того же ищемъ, (чего и они), то есть, почестей и власти, то какъ они могутъ почувствовать уваженіе къ христіанству? Они видятъ жизнь порочную, души земныя, (видятъ) что мы столько же пристрастны къ деньгамъ, какъ и они, и даже еще больше, передъ смертію такъ же, какъ и они, трепещемъ, боимся бѣдности наравнѣ съ ними, въ болѣзняхъ, какъ и они, ропщемъ, одинаково любимъ власть и силу и, мучась сребролюбіемъ, стараемся уловить благопріятный случай. Итакъ, ради чего они станутъ вѣровать? Ради знаменій? Но ихъ уже больше нѣтъ. Ради жизни праведной? Но она уже погибла. Ради любви? Но ея и слѣда нигдѣ не видно. Вотъ почему мы дадимъ отчетъ не только въ своихъ грѣхахъ, но и въ погибели другихъ людей. Итакъ, по крайней мѣрѣ, теперь воспрянемъ, станемъ бодрствовать, покажемъ на землѣ житіе небесное, будемъ говорить: *наше житіе на небесѣхъ есть* (Филип.
552 ш, 20), и на землѣ станемъ совершать подвиги. Но и у насъ, скажетъ иной, были великіе мужи. Какимъ образомъ я стану вѣровать этому,—можетъ возразить язычникъ? Я не вижу, чтобъ вы дѣлали то же самое, что они дѣлали. Если нужно объ этомъ разсуждать, то и мы, скажутъ они, имѣемъ великихъ философовъ, по своей жизни достойныхъ удивленія. Но ты покажи мнѣ другого Павла или Іоанна: а ты не въ состояніи сдѣлать этого. Какъ послѣ этого не станетъ (язычникъ) смѣяться надъ такими нашими рѣчами? Какъ ему не остаться въ своемъ невѣдѣніи, когда онъ видитъ, что мы любомудрствуемъ только на словахъ,

а не на дѣлѣ? Вѣдь теперь за одинъ оболъ каждый готовъ и убить, и быть убитымъ. За клочекъ земли ты заводишь безконечныя тяжбы, а за смерть сына все приводишь въ смятеніе. Я уже оставляю безъ вниманія все другое, надъ чѣмъ слѣдуетъ проливать слезы, именно—гаданіе, прорицаніе, наблюденіе примѣтъ, судьбу, изображенія, повязки, ворожбу, припѣванія, чародѣйство. Воистину велики эти (преступленія) и достаточны, чтобы возбудить гнѣвъ Божій, потому что даже послѣ того, какъ Онъ послалъ Сына своего, мы дерзаемъ совершать это. Что же остается намъ дѣлать? Ничего больше, какъ только плакать. Вѣдь едва меньшая часть міра спасается. Но погибающіе радуются, слыша, что не они одни будутъ терпѣть это, но вмѣстѣ со многими другими. И чему тутъ радоваться, когда за самую радость они будутъ наказаны? Не думай, что тамъ такъ бываетъ, какъ здѣсь,—что если имѣешь соучастниковъ въ несчастіи, то получаешь утѣшеніе. Откуда это видно? Я объясню тебѣ. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ: если бы кто, будучи приговоренъ къ сожженію, увидѣлъ, что вмѣстѣ съ нимъ сожигаютъ и его сына, и обонялъ смрадъ, отъ его тѣла истекающій,—то ужели бы онъ не умеръ? Конечно, и почему такъ—я скажу тебѣ. Если тѣ, которые не подвергаются мученіямъ, взирая на то, что совершается, приходятъ въ оцѣпенѣніе и теряютъ присутствіе духа, то тѣмъ болѣе испытываютъ это тѣ, которые переносятъ тѣ же страданія. И не удивляйся,—послушай, что говоритъ одинъ мудрецъ: *и ты плѣненъ еси, якоже и мы: и въ насъ вмѣненъ еси* (Иса. XIV, 10). Человѣческой природѣ свойственно сострадание, и мы сокрушаемся о несчастіи другихъ. Скажи мнѣ: ужели отецъ, видя, что и сынъ его наравнѣ съ нимъ терпитъ наказаніе, находитъ въ этомъ утѣшеніе, или же напротивъ—увеличеніе своихъ страданій? Или мужъ, видя жену? Или человѣкъ—человѣка? Развѣ не больше мы тогда сокрушаемся? Да,—скажешь ты; но тамъ нѣтъ такихъ страданій. Знаю это и я. Но будутъ другія, болѣе жестокія. Тогда будетъ плачъ безутѣшный, когда всѣ станутъ смотрѣть другъ на друга, когда всѣ будутъ терзаться. Скажи мнѣ, развѣ тѣ, которыхъ изнуряетъ голодъ, получаютъ утѣшеніе оттого, что ихъ горе раздѣляютъ съ ними другіе? Или (какое утѣшеніе въ томъ), если сынъ, или отецъ, или жена, или внуки подвергнутся одинаковому наказанію? Или, если видимъ друзей въ несчастіи, то ужели находимъ въ этомъ утѣшеніе? Нѣтъ, нѣтъ; напротивъ, еще болѣе усиливается наша скорбь. Кромѣ того, есть бѣдствія, которыя, по самой жестокости своей, не приносятъ утѣшенія, хотя и бываютъ общи всѣмъ. Напримѣръ, положимъ, лежитъ кто-нибудь въ огнѣ, и другой—также. Какимъ образомъ они будутъ утѣшать другъ друга? Скажи

мнѣ, прошу тебя: если когда мы страдали сильною горячкою, то ужели не исчезала тогда для насъ всякая тѣнь утѣшенія? Безъ сомнѣнія,—такъ. Когда несчастіе одолѣваетъ насъ, тогда душа не находитъ уже больше средства утѣшать себя. Или не видишь, сколько тѣ, которыя лишились мужей своихъ, могутъ насчитать другихъ женъ, которыя претерпѣли то же самое? И между тѣмъ
553—554 скорбь ихъ отъ этого нисколько не уменьшается. Не будемъ же питать себя такою надеждою, но будемъ искать единственнаго утѣшенія въ томъ, чтобы принести покаяніе во грѣхахъ и держаться добраго пути, ведущаго на небо, чтобы мы могли получить царство небесное, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XI.

553 Діакономъ такожде чистымъ, не двоязычнымъ, не вину многу внимающимъ, не скверностяжательнымъ, имущимъ таинство вѣры въ чистѣй совѣсти. И сіи убо да искушаются прежде, потомъ же да служатъ, непорочни суще (1 Тим. ш, 8—10).

1. Сказавши объ епископахъ и начертавъ ихъ образъ, и показавъ, что они должны имѣть и чего избѣгать, (апостолъ) опускаетъ чинъ пресвитеровъ и переходитъ къ діаконамъ. Почему такъ? Потому, что невелико разстояніе между пресвитерами и епископами. И первые получили тоже даръ учительства и также суть предстоятели Церкви,—поэтому то же самое, что онъ сказалъ о епископахъ, примѣнимо и къ пресвитерамъ. Первые однимъ только (правомъ совершать) рукоположеніе выше послѣднихъ, и въ этомъ одномъ заключается ихъ видимое преимущество передъ пресвитерами. *Діакономъ такожде*. То есть, и имъ должно имѣть то же самое. Что же это именно? Быть непорочными, цѣломудренными, гостепріимными, кроткими, не сварливыми, не сребролюбцами. А что онъ сказалъ: *такожде*, желая видѣть ихъ такими, на это онъ указываетъ, когда говоритъ дальше: *честнымъ, не двоязычнымъ*, то есть непронырливымъ и нехитрымъ. Дѣйствительно, ничто столько не дѣлаетъ человѣка безчестнымъ, какъ пронырство, и ничто столько не приноситъ вреда въ Церкви, какъ хитрость. *Не вину многу внимающимъ, не скверностяжательнымъ, имущимъ таинство вѣры въ чистѣй совѣсти*. Этимъ вотъ онъ показываетъ, что такое значитъ — быть непорочнымъ. Смотри, впро-

чемъ, что и здѣсь онъ говоритъ: *не новокрещену*. Выраженіе: *и
сіи да искушаются прежде* то же значитъ, что сказанное имъ объ
епископѣ: такимъ образомъ онъ показываетъ (внутреннюю) связь,
потому что тутъ нѣтъ ничего средняго. Поэтому употребилъ онъ
и тамъ выраженіе: *не новокрещену*. Не безразсудно ли, въ самомъ
дѣлѣ, въ частномъ домѣ вновь купленному рабу не прежде по-
ручать какую-либо домашнюю работу, чѣмъ онъ, вслѣдствіе дол-
говременнаго испытанія, представитъ доказательства своего распо-
ложенія, а въ Церкви Божіей извнѣ вошедшаго тотчасъ поста-
влять въ числѣ знатнѣйшихъ? *Женамъ*, т. е. діакониссамъ, *та-
кожде чистымъ, не двуязычнымъ* [1]*), трезвеннымъ, вѣрнымъ во всемъ*
(ст. 11). Нѣкоторые полагаютъ, что это сказано просто о женщи-
нахъ: но это несправедливо. Что въ самомъ дѣлѣ онъ могъ имѣть
въ виду, вставляя въ средину своей рѣчи нѣсколько словъ о
женщинахъ? Говоритъ онъ здѣсь о такихъ женщинахъ, которыя
облечены званіемъ діаконисcъ. *Діакони да бываютъ единыя жены
мужи* (ст. 12). Это прилично было сказать и о женщинахъ діако-
ниссахъ, такъ какъ это (званіе) весьма нужно, полезно и до-
стойно уваженія въ Церкви. *Діакони*, говоритъ онъ, *да бываютъ
единыя жены мужи*. Видишь ли, что и отъ діаконовъ онъ тре-
буетъ той же самой добродѣтели? Хотя они по сану и не равны
епископу, однако должны быть такъ же непорочны, такъ же чи-
сты. *Чада добрѣ правяще и своя домы. Ибо служившіи добрѣ, сте-
пень себѣ добръ снискаютъ, и многое дерзновеніе въ вѣрѣ, яже о Хри-
стѣ Іисусѣ* (ст. 12—13). Вездѣ онъ говоритъ объ управленіи
дѣтьми, чтобы прочіе не имѣли повода къ соблазну. *Ибо слу-* 554
жившіи добрѣ, говоритъ, *степень себѣ добръ снискаютъ*, то есть со-
вершенство, и великое дерзновеніе въ вѣрѣ во Іисуса Христа.
Онъ какъ бы такъ говоритъ: тѣ, которые показали себя трезвен-
ными въ низшихъ (степеняхъ), скоро достигнутъ и остальныхъ.
*Сія пишу тебѣ, уповая пріити къ тебѣ скоро. Аще же замедлю, да
увѣси, како подобаетъ въ дому Божіи жити, яже есть церковь Бога
жива, столпъ и утвержденіе истины* (ст. 14—15). Чтобы, дѣлая
наставленіе касательно такихъ предметовъ, не повергнуть чрезъ
это ученика въ скорбь, (апостолъ) говоритъ: не потому я пишу
это, что уже больше не приду къ тебѣ; напротивъ, я приду; если
же случится, что я замедлю, то, говоритъ, ты не сокрушайся объ
этомъ. Такимъ образомъ онъ пишетъ это къ Тимоѳею съ тою цѣ-
лію, чтобы облегчить скорбь его, а къ прочимъ—чтобы воздвиг-
нуть ихъ (отъ недѣятельности) и сдѣлать болѣе ревностными,
такъ какъ его присутствіе, хотя бы оно было только обѣщано,

---

[1]) Вмѣсто: διαβόλους—клеветливымъ, читается: διλόγους—двуязычнымъ.

могло сдѣлать много. Впрочемъ, не удивляйся тому, что (апостолъ), все предвидя духомъ, обнаруживаетъ незнаніе, когда говоритъ: *уповаю пріити, аще же замедлю,* — потому что это свойственно незнающему. Такъ какъ онъ водился Духомъ и по своей волѣ ничего не дѣлалъ изъ того, что дѣлалъ, то вѣроятно и этого онъ не зналъ. *Да увѣси,* говоритъ, *како подобаетъ въ дому Божіи жити, яже есть церковь Бога жива, столпъ и утвержденіе истины.* (Слѣдовательно храмъ этотъ) не таковъ, какимъ былъ прежній, іудейскій. Этимъ объемлются вѣра и проповѣдь, потому что истина есть столпъ и утвержденіе Церкви. *И исповѣдуемо,* говоритъ, *велія есть благочестія тайна: Богъ явися во плоти, оправдася въ дусѣ* (ст. 16). То есть, домостроительство нашего спасенія. Не говори мнѣ о звонцахъ, ни о святомъ святыхъ, ни о первосвященникѣ: Церковь есть столпъ вселенной. Помысли о тайнѣ,—и овладѣетъ тобою трепетъ: это и тайна, и великая, и благочестія тайна, и непререкаемая, и не подлежитъ изысканію, такъ какъ она выше всякаго сомнѣнія. Такъ какъ (апостолъ), бесѣдуя о священникахъ, ничего не сказалъ такого, что говорится въ книгѣ Левитъ, то онъ возводитъ къ другому предмету и говоритъ: *Богъ явися во плоти,* то есть, говоритъ, Творецъ былъ видимъ во плоти. *Оправдася въ дусѣ.* Этимъ онъ говоритъ, что премудрость была оправдана отъ сыновъ своихъ, или—что (Іисусъ Христосъ) не поступалъ льстиво, какъ сказано и пророкомъ: иже грѣха *не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ его* (Иса. LIII, 9). *Показася ангеломъ* (ст. 16). Слѣдовательно, и ангелы вмѣстѣ съ нами увидѣли Сына Божія, а прежде Его не видѣли. Поистинѣ, великая тайна. *Проповѣданъ бысть во языцѣхъ, вѣровася въ мірѣ.* По всей вселенной услышали объ Немъ и увѣровали въ Него. На это указываетъ и пророкъ, когда говоритъ: *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ* (Псал. XVIII, 4). Не подумай, что это просто слова, не имѣющія никакого значенія. Нѣтъ, они не таковы, напротивъ— исполнены сокровеннаго смысла. *Вознесеся во славѣ,* то есть, на облакахъ. *Сей Іисусъ,* сказано, *вознесыйся отъ васъ, такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте* (Дѣян. I, 11). Обрати вниманіе на благоразуміе блаженнаго Павла. Желая наставить тѣхъ, которые
555 сподобились діаконскаго сана, чтобы они не предавались слишкомъ вину, онъ не сказалъ: не (должно) упиваться, но: *ниже многу вину внимающимъ.* И справедливо,—потому что если входившіе во святилище вовсе не прикасались къ вину, то тѣмъ болѣе имъ не слѣдовало этого дѣлать. Вино, говоритъ онъ, производитъ помѣшательство и, если даже не причиняетъ опьянѣнія, ослабляетъ крѣпость силъ души и приводитъ ее къ разсѣянности. Замѣть, что онъ вездѣ домостроительство нашего спа-

сенія называетъ тайною. И справедливо,—потому что она не всѣмъ людямъ извѣстна: вѣрнѣе же сказать даже ангеламъ не была открыта: иначе какъ она бы открылась чрезъ Церковь? Поэтому говоритъ: *исповѣдуемо велія есть*. И подлинно она велика,—потому что Богъ содѣлался человѣкомъ и человѣкъ Богомъ, явился человѣкъ безгрѣшный, человѣкъ вознесся, былъ проповѣданъ въ мірѣ; съ нами увидѣли Его ангелы. Слѣдовательно, это тайна. Не будемъ поэтому открывать тайны, не будемъ повсюду разглашать о ней, будемъ жить сообразно съ достоинствомъ этой тайны. Тѣ, которымъ довѣряются тайны, въ нѣкоторомъ смыслѣ—великіе люди. Если бы царь ввѣрилъ намъ какую-нибудь тайну, то, скажи мнѣ, ужели бы мы не почли этого признакомъ великаго къ намъ благоволенія? Между тѣмъ нынѣ Богъ ввѣряетъ намъ свою тайну,—и мы, какъ будто не великое сдѣлано для насъ благодѣяніе, остаемся неблагодарны къ Благодѣтелю. Вострепещемъ (сознавая), что мы остаемся нечувствительны къ этому благодѣянію. Это тайна, которую всѣ узнали, или, лучше сказать, которую прежде не всѣ знали, а нынѣ всѣмъ она сдѣлалась извѣстною.

2. Содѣлаемся поэтому заслуживающими довѣрія хранителями тайны. Онъ ввѣрилъ намъ столь великую тайну, а мы Ему не ввѣряемъ даже стяжаній нашихъ. Между тѣмъ какъ Онъ самъ говоритъ: положите ихъ у Меня, никто не будетъ въ состояніи похитить ихъ, ни моль, ни разбойникъ не нанесетъ имъ вреда, и обѣщаетъ воздать во сто кратъ больше,—мы не слушаемъ. Если бы мы у кого-нибудь положили на храненіе наше имущество, то назадъ не получили бы ничего больше. Напротивъ мы должны были бы чувствовать благодарность, если бы обратно получили все, что положили. Между тѣмъ здѣсь,—если бы даже воръ похитилъ,—говоритъ: мнѣ это вмѣни въ вину; не скажу тебѣ: унесъ воръ, или моль поѣла. Здѣсь Онъ воздаетъ сторицею, и тамъ еще кромѣ того даруетъ жизнь вѣчную,—и несмотря на то никто не полагаетъ на храненіе (своихъ стяжаній). Но Онъ слишкомъ медленно, скажешь, воздаетъ мнѣ. Это именно и служитъ величайшимъ признакомъ Его щедрости, что не здѣсь, въ этой тлѣнной жизни, Онъ воздаетъ намъ; лучше же сказать, и здѣсь воздаетъ сторицею. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ: развѣ не здѣсь оставилъ Павелъ свой рѣзецъ? Или трость и уду Петръ? Или мытницу Матѳей? Развѣ не вся вселенная была открыта предъ ними больше, нежели предъ царями? Развѣ не къ ихъ ногамъ полагали всѣ свои стяжанія? Развѣ не ихъ дѣлали распорядителями и властелинами всего? Развѣ не имъ поручали даже свои души? Развѣ не всецѣло поставляли себя въ зависимость отъ

ихъ воли? Развѣ не всѣ записывались въ число ихъ рабовъ? Да и нынѣ, развѣ мы не видимъ, что происходитъ много подобнаго? Въ самомъ дѣлѣ, часто многіе, (происходя) изъ низкаго и малоуважаемаго званія, только съ мотыкою въ рукахъ, и не будучи даже обильно надѣлены необходимою пищею, имѣя одно имя монаха, болѣе всѣхъ прославились и пользовались почетомъ у царей. Развѣ это маловажно? Но помысли, что это составляетъ прибавку: а главное уготовано въ будущемъ вѣкѣ. Презирай стяжанія, если хочешь пріобрѣсть стяжанія. Если желаешь обогатиться, сдѣлайся бѣднымъ. Таковы-то чудныя дѣла Божіи. Не хочетъ Онъ, чтобы ты былъ богатъ вслѣдствіе собственныхъ усилій, но по Его ми-
556 лости. Мнѣ это предоставь, говоритъ Онъ, а ты заботься о духовномъ, чтобы ты узналъ и мое могущество: убѣгай рабства и ига стяжаній. Ты бѣденъ до тѣхъ поръ, пока ты привязанъ къ нимъ; когда станешь пренебрегать ими, сдѣлаешься вдвойнѣ богатымъ—и потому, что они со всѣхъ сторонъ будутъ стекаться къ тебѣ, и потому, что не будешь нуждаться въ томъ, въ чемъ (нуждаются) многіе. Вѣдь быть богатымъ не значитъ пріобрѣсть много, но не нуждаться во многомъ, такъ что если предстоитъ нужда, то и царь ничѣмъ не отличается отъ нищаго. Въ томъ и состоитъ бѣдность, что мы нуждаемся въ другихъ. Такимъ образомъ и царь по этой причинѣ можетъ быть названъ нищимъ, поскольку онъ нуждается въ подданныхъ. Но не таковъ тотъ, кто пригвоздился ко кресту: онъ ни въ чемъ не имѣетъ нужды: для пропитанія ему достаточно рукъ. *Мнѣ бо*, говоритъ (апостолъ), *и сущимъ со мною послужиста руцѣ сіи* (Дѣян. xx, 34). Это говорилъ тотъ, кто въ другомъ мѣстѣ сказалъ: *яко ничтоже имуще, а вся содержаще* (2 Кор. vi, 10),—тотъ, кто въ Листрахъ былъ сочтенъ за Бога. Если хочешь пріобрѣсть мірскія блага,—ищи неба. Если желаешь насладиться настоящимъ,—презирай его. *Ищите прежде царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ* (Мѳ. vi, 33). Зачѣмъ ты удивляешься тому, что маловажно? Зачѣмъ жаждешь того, о чемъ даже говорить не стоитъ? До какихъ поръ ты будешь оставаться бѣднымъ? До какихъ поръ нищимъ? Воззри на небо, помысли о томъ богатствѣ, которое тамъ обрѣтается, посмѣйся надъ золотомъ, научись, какое изъ него нужно дѣлать употребленіе. Мы пользуемся имъ только въ настоящемъ, только въ настоящей жизни, которая расплывчата, какъ песокъ, или лучше, что капля въ сравненіи съ безпредѣльною пучиною, то настоящая жизнь въ сравненіи съ будущимъ. Это не составляетъ пріобрѣтенія, а одно только пользованіе; это не составляетъ истиннаго обладанія: иначе отчего, когда ты находишься при смерти, другіе берутъ все, что у тебя находится, (не взирая на то), хочешь ли

ты этого или не хочешь, и сами опять передають другимъ, а эти опять третьимъ? Всѣ мы пришельцы. Владѣльцемъ дома, можетъ быть, больше бываетъ тотъ, кто нанимаетъ домъ. Часто, когда первый умретъ, послѣдній остается и болѣе продолжительное время пользуется домомъ. Если же послѣдній (пользуется имъ) за извѣстную плату, то и первый за плату, такъ какъ онъ созидалъ, трудился, устроялъ. Владѣніе существуетъ только по имени, а на самомъ дѣлѣ мы всѣ владѣтели чужого. То только намъ принадлежитъ, что туда предпосылаемъ. А то, что здѣсь находится, не наше, но тѣхъ, которые живутъ, или лучше, даже тогда, когда живемъ, оно уходитъ отъ насъ. То только намъ принадлежитъ, что составляетъ душевные наши подвиги, именно—милостыня и человѣколюбіе. А прочее и у внѣшнихъ называется внѣшнимъ, такъ какъ существуетъ внѣ насъ. Постараемся поэтому сдѣлать это внутреннимъ достояніемъ. Мы не имѣемъ возможности, взявъ съ собою деньги, отойти, но можемъ отойти, взявъ милостыню. Ее и будемъ больше всего предпосылать туда, чтобы уготовать себѣ жилище въ вѣчныхъ обителяхъ.

3. Названіе денегъ (χρήματα) происходитъ отъ употребленія (παρὰ τὸ κεχρῆσθαι), а не отъ обладанія: и самое имущество состоитъ въ пользованіи, а не въ господствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ: сколькимъ владѣльцамъ принадлежало каждое поле, и сколькимъ еще будетъ принадлежать? Есть одна весьма мудрая поговорка,—не надобно вѣдь пренебрегать и народными поговорками, когда онѣ заключаютъ въ себѣ какую-нибудь мудрую мысль. О, поле, говорятъ, сколькихъ ты имѣло (господъ), и сколькихъ еще будешь имѣть! То же самое должно сказать и о домахъ, и о деньгахъ. Одна только добродѣтель способна сопутствовать намъ, одна только добродѣтель переходитъ въ будущую жизнь. Поэтому освободимъ себя и погасимъ въ себѣ пристрастіе къ деньгамъ, чтобы воспламенить въ себѣ желаніе небеснаго. Вѣдь не могутъ эти два стремленія совмѣщаться въ одной душѣ. *Либо единаго*,
говорится, *возлюбитъ, а другаго возненавидитъ, или единаго дер-* 557
жится, о друзѣмъ же нерадѣти начнетъ (Мѳ. VI, 24). Видишь ли ты, скажи мнѣ, мужа, который имѣетъ многочисленную свиту, гордо идущаго по площади, одѣтаго въ шелковыя одежды, разъѣзжающаго на конѣ, вытягивающаго шею? Не изумляйся, но смѣйся надъ нимъ. Подобно тому какъ ты смѣешься, когда видишь дѣтей, изображающихъ въ играхъ начальниковъ, такъ смѣйся и здѣсь. Ничѣмъ не отличается одно отъ другого: первое даже бываетъ пріятнѣе, потому что есть слѣдствіе дѣтскаго возраста и сопряжено съ величайшимъ простодушіемъ. Здѣсь смѣхъ и удовольствіе. А тамъ человѣкъ становится смѣшнымъ и испол-

неннымъ безстыдства. Прославь Бога за то, что Онъ избавилъ тебя отъ такого зрѣлища и такой надменности. Если захочешь, то ты, который ходишь по землѣ, будешь выше того, который возсѣдаетъ на колесницѣ. Какимъ образомъ? Такимъ, что тотъ тѣломъ немного поднялся отъ земли, душою же прильнулъ (къ землѣ): *прильпе*, сказано, крѣпость *моя плоти моей* (Псал. CI, 6); а ты умомъ носишься на небѣ. Но онъ имѣетъ многочисленную прислугу, которая очищаетъ ему дорогу? Такъ чѣмъ же больше ему почета, нежели коню? Что можетъ быть неразумнѣе того, чтобы разгонять людей, чтобы прошло свободнѣе животное? Но разъѣзжать на конѣ почетно? Однако и слуги принимаютъ въ этомъ участіе. Между тѣмъ есть и такіе, которые до того бываютъ ослѣплены, что, безъ всякой надобности, заставляютъ прислужниковъ, чтобы они шли позади ихъ. Что безсмысленнѣе
558 этого? Хотятъ пріобрѣсть извѣстность чрезъ коней, драгоцѣнныя одежды и спутниковъ. Что ничтожнѣе такой славы, которая состоитъ въ коняхъ и прислугѣ? Если ты добродѣтеленъ, не ищи ничего такого: носи свой собственный нарядъ и не украшай себя присутствіемъ другихъ. Это могутъ имѣть и люди безчестные, порочные, и невѣжды, и всѣ, обильно надѣленные богатствомъ. На лошадяхъ ѣздятъ и шуты, и плясуны; и предъ ними тоже идетъ слуга. И несмотря на то они остаются шутами и плясунами, и не становятся болѣе достойными уваженія чрезъ лошадей и слугъ. Когда у такихъ людей нѣтъ въ душѣ никакой добродѣтели, тогда напрасно и безъ пользы мы стали бы прилагать что-нибудь извнѣ. И подобно тому какъ полуразрушенная стѣна или истлѣвшее тѣло, что бы ты ни приставилъ къ нимъ, они остались бы безобразными и истлѣвшими, такъ и здѣсь, душа не получаетъ никакой пользы отъ внѣшнихъ благъ, но остается такою же, какъ прежде, хотя бы ты окружилъ ее безчисленными золотыми украшеніями. Не будемъ же удивляться всему этому, оставимъ временное и прилѣпимся къ лучшему, духовному, къ тому, что дѣйствительно содѣлываетъ насъ достойными уваженія, чтобы мы сподобились получить будущія блага (о Христѣ Іисусѣ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА XII.

**Духъ же явственнѣ глаголетъ, яко въ послѣдняя вре- 557
мена отступятъ нѣцыи отъ вѣры, внемлюще духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ, въ лицемѣріи лжесловесникъ, сожженныхъ своею совѣстію, возбраняющихъ женитися, удалятися отъ брашенъ, яже Богъ сотвори въ снѣденіе со благодареніемъ вѣрнымъ и познавшимъ истину. Зане всякое созданіе Божіе добро, и ничтоже отметно, со благодареніемъ пріемлемо: освящается бо словомъ Божіимъ и молитвою (1 Тим. IV, 1—5).**

1. Какъ держащіеся вѣры утверждаются, какъ бы на нѣкоторомъ безопасномъ якорѣ, такъ напротивъ тѣ, которые отпали отъ вѣры, не могутъ ни на чемъ остановиться, но, постоянно блуждая туда и сюда, наконецъ впадаютъ въ бездну погибели. И это (апостолъ) уже показалъ, сказавши, что нѣкоторые уже претерпѣли кораблекрушеніе въ вѣрѣ. И теперь говоритъ то же самое: *Духъ же явственнѣ глаголетъ, яко въ послѣдняя времена отступятъ нѣцыи отъ вѣры, внемлюще духовомъ лестчимъ.* О манихеяхъ, энкратитахъ, маркіонитахъ и обо всѣхъ сборищахъ говоритъ онъ это,—что въ послѣднія времена нѣкоторые отступятъ отъ вѣры. Видишь ли, что вина всѣхъ послѣдующихъ золъ есть отступничество отъ вѣры? Но что значитъ: *явственнѣ*? Очевидно, ясно, безпрекословно, такъ что вовсе не остается мѣста сомнѣнію. Не удивляйся, говоритъ онъ, если теперь отступившіе отъ вѣры придерживаются іудейскихъ заблужденій. Будетъ время, когда даже тѣ, которые содѣлались причастниками вѣры, будутъ творить (дѣла) болѣе достойныя осужденія, подавая гибельные совѣты не только касательно пищи, но и касательно браковъ, и
всѣхъ тому подобныхъ (предметовъ). Не объ іудеяхъ онъ гово- 558
ритъ,—какое отношеніе къ нимъ могутъ имѣть выраженія: *въ последняя времена,* и: *отступятъ нѣцыи отъ вѣры?*—но о манихеяхъ и ихъ главныхъ вождяхъ. Онъ назвалъ ихъ духами льстивыми,—и справедливо, потому что, побуждаемые этими послѣдними, они проповѣдывали (такое ученіе). Что значитъ: *въ лицемѣріи лжесловесникъ?* То, что они лживо проповѣдуютъ не по невѣдѣнію, и не потому, что не знаютъ, напротивъ они знаютъ истину, а притворяются лжецами, будучи *сожжени совѣстію*, то есть, будучи порочной жизни. Почему же именно объ этихъ только еретикахъ говоритъ онъ? Христосъ предсказалъ и о другихъ, когда говорилъ: *нужда есть пріити соблазномъ* (Мѳ. XVIII, 7). Въ другой разъ Онъ предвозвѣстилъ о нихъ въ притчѣ о сѣяніи пшеницы

и произрастаніи плевелъ. Но подивись и Павлову пророчеству. Онъ прежде времени, въ которое имѣло совершиться это, указалъ и самое время. Не удивляйся поэтому, если теперь, когда полагается начало вѣры, нѣкоторые покушаются вводить такія гибельныя вѣрованія,—потому что нѣкоторые отступятъ отъ вѣры и спустя долгое время послѣ того, какъ она утвердится. *Возбраняющихъ*, говоритъ, *женитися, удалятися отъ брашенъ*. Отчего же онъ не сказалъ и о другихъ ересяхъ? Онъ и на нихъ указываетъ, когда говоритъ: *духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ*. Онъ не хотѣлъ преждевременно посѣять эти (заблужденія) въ душахъ людей, но указываетъ на то, что уже получило начало, именно (на заблужденія) касательно пищи. *Яже Богъ сотвори*, говоритъ, *въ снѣденіе со благодареніемъ вѣрнымъ и познавшимъ истину*. Отчего онъ не сказалъ: и невѣрнымъ? Какимъ же образомъ (могъ онъ сказать): и невѣрнымъ, когда они, повинуясь своимъ законамъ, воздерживаются отъ этого? Итакъ что же? Ужели сластолюбіе не воспрещено? И очень. Почему же такъ, если что-либо и создано для того, чтобы служить пищею? Потому что и хлѣбъ созданъ,
559 между тѣмъ воспрещена неумѣренность; и вино создано, между тѣмъ воспрещена неумѣренность. Въ настоящемъ случаѣ онъ заповѣдуетъ отказываться отъ наслажденія не потому, что оно нечисто, а потому, что оно при неумѣренности разслабляетъ душу. *Зане всяко созданіе Божіе добро*, говоритъ, *и ничтоже отметно, со благодареніемъ пріемлемо*. Если созданіе Божіе, то и добро: *вся добра зѣло* (Быт. I, 31). Выраженіемъ: *созданіе Божіе* онъ обозначаетъ вообще все, что можетъ быть употреблено въ пищу, и такимъ образомъ уже ниспровергаетъ заблужденіе тѣхъ, которые вводятъ несотворенную матерію и говорятъ, что изъ нея произошло все прочее. Итакъ, если (все) добро, то что значатъ слова: *освящается словомъ и молитвою?* Вѣдь очевидно, что, будучи нечистымъ, освящается. Не такъ нужно понимать эти слова. Здѣсь онъ говоритъ противъ тѣхъ, которые считали нѣкоторые роды пищи чѣмъ-то сквернымъ. Поэтому онъ и высказываетъ двѣ главныя мысли: во-первыхъ, что нѣтъ ни одного созданія, которое было бы скверно; и во-вторыхъ, что если бы что-нибудь и было скверно, то ты имѣешь противъ этого врачество: осѣни знаменіемъ (креста), возблагодари, воздай славу Богу, и всякая нечистота исчезнетъ.

Неужели и идоложертвенное, скажешь ты, можетъ быть такимъ образомъ очищено? Да, когда ты не знаешь, что это идоложертвенное; а если знаешь и несмотря на то вкусишь, то содѣлаешься нечистымъ, не потому, что это идоложертвенное, а потому, что, получивъ заповѣдь не пріобщаться къ демонамъ, ты

чрезъ это вошелъ съ ними въ общеніе. Слѣдовательно, оно не по природѣ своей нечисто, но становится такимъ вслѣдствіе твоего произволенія и преслушанія. Что же? Ужели и свиное мясо не есть нечисто? Нисколько, когда вкушаешь его съ благодареніемъ, съ крестнымъ знаменіемъ; равнымъ образомъ и все прочее не бываетъ нечистымъ. Нечисто произволеніе, которое не благодаритъ Бога. *Сія сказуя братіи, добръ будеши служитель Іисуса Христа, питаемь словесы вѣры и добрымъ ученіемъ, емуже послѣдовалъ еси* (ст. 6). *Сія:* что же именно? То, о чемъ (прежде) говорилъ,—что тайна великая, что удаляться отъ яствъ — дѣло бѣсовское, что пища очищается словомъ Божіимъ и молитвою. *Питаемь*, говоритъ онъ, *словесы вѣры и ученія, емуже послѣдовалъ еси. Скверныхъ же и бабіихъ басней отрицайся: обучай же себе ко благочестію* (ст. 7). *Сія сказуя*, говоритъ. Видишь ли, что здѣсь нисколько онъ не обнаруживаетъ власти, а только снисхожденіе? *Сказуя*, говоритъ онъ. Не сказалъ: приказывая, не сказалъ: заповѣдуя, но: *сказуя*, то есть, какъ бы совѣтуя, предлагай это и заводи рѣчь о вѣрѣ. *Питаемь*, говоритъ,—указывая на постоянное вниманіе къ такого рода предметамъ.

2. Подобно тому, какъ мы каждый день употребляемъ эту пищу, такъ, говоритъ, будемъ всегда принимать и слово о вѣрѣ, всегда имъ питаться. Что значитъ—*питаемь?* Пережевывая, постоянно повторяя одно и то же, всегда поучаясь одному и тому же: вѣдь предлагается не обыкновенная пища. *Скверныхъ же и бабіихъ басней отрицайся.* О какихъ (басняхъ) онъ здѣсь говоритъ? Объ іудейскихъ вычисленіяхъ и наблюденіяхъ? И ихъ называетъ баснями? Да, или потому, что они измышленны, или потому, что несвоевременны. Что благовременно, то полезно; что безвременно, то не только не полезно, но и вредно. Въ самомъ дѣлѣ, представь себѣ: если бы человѣкъ на двадцатомъ году жизни прильнулъ къ сосцамъ кормилицы, то до какой степени онъ былъ бы смѣшенъ изъ-за несвоевременности (поступка)? Видишь ли, какъ онъ называетъ ихъ и нечистыми, и бабьими? (И называетъ такъ) частію потому, что они уже устарѣли, частію потому, что 560
составляютъ препятствіе для вѣры. Дѣйствительно, подчинять страху душу, которая содѣлалась выше всего этого, свойственно нечистымъ правиламъ. *Обучай же себе ко благочестію*, то есть, въ вѣрѣ чистой и жизни праведной,—потому что въ этомъ состоитъ благочестіе. Слѣдовательно намъ нужно упражняться въ немъ. *Тѣлесное бо*, говоритъ, *обученіе вмалѣ полезно есть* (ст. 8). Нѣкоторые полагаютъ, что это сказано о постѣ. Но съ этимъ нельзя согласиться: (постъ) составляетъ не тѣлесное, а духовное упражненіе. Если бы онъ былъ тѣлеснымъ упражненіемъ, то питалъ бы

тѣло. Если же онъ истощаетъ, утончаетъ и изсушаетъ тѣло, то значитъ не составляетъ тѣлеснаго (упражненія). Слѣдовательно не о тѣлесномъ упражненіи говоритъ онъ. Итакъ, намъ нужно духовное упражненіе. Перваго рода упражненіе не приноситъ выгоды и только нѣсколько пользы доставляетъ тѣлу, а упражненіе въ благочестіи приноситъ плодъ и въ будущей жизни: и здѣсь и тамъ доставляетъ утѣшеніе. *Вѣрно слово.* То есть, истинно, что какъ здѣсь, такъ и тамъ. Смотри, что онъ вездѣ вводитъ это (выраженіе): не имѣетъ нужды въ особенномъ приготовленіи, а выражается прямо,—потому что онъ обращаетъ рѣчь свою къ Тимоѳею. Слѣдовательно и здѣсь мы пребываемъ въ добромъ уповаціи. Дѣйствительно, тотъ, кто не знаетъ за собой никакого преступленія и творитъ безчисленныя добрыя дѣла, радуется и въ настоящей жизни. Напротивъ, человѣкъ порочный не только тамъ, но и здѣсь несетъ наказаніе, постоянно живя въ страхѣ, ни на кого не смѣя взглянуть съ дерзновеніемъ, трепеща, блѣднѣя, томясь. Развѣ не таковы корыстолюбцы, воры, которые не увѣрены въ томъ, чѣмъ владѣютъ? Развѣ прелюбодѣи и человѣкоубійцы не ведутъ самой тягостной жизни, съ недовѣрчивостію взирая на самое солнце? Неужели это жизнь? Нѣтъ, это скорѣе тяжкая смерть. *На сіе бо*, говоритъ, *труждаемся и поношаеми есмы, яко уповахомъ на Бога жива, иже есть Спаситель всѣмъ человѣкомъ, паче же вѣрнымъ* (ст. 10). Какъ бы такъ говоритъ: ради чего мы изнуряемъ себя, если не ожидаемъ будущихъ благъ? Ради чего всѣ поносятъ насъ? Развѣ не такія бѣдствія, говоритъ, мы перенесли? Развѣ не оскорбленія, не клевету и не другія безчисленныя несчастія? Неужели все это мы напрасно переносили? Если бы мы не уповали на живого Бога, то зачѣмъ бы намъ и подвергаться этому? Если здѣсь Онъ спасаетъ невѣрныхъ, то тѣмъ болѣе тамъ спасетъ вѣрныхъ. О какомъ спасеніи говоритъ онъ? О небесномъ. *Иже есть*, говоритъ, *Спаситель всѣмъ, паче же вѣрнымъ.* То есть, обнаруживаетъ великую заботливость о вѣрныхъ. До сихъ поръ онъ говоритъ о земномъ. Но какимъ образомъ, спросишь ты, Онъ есть Спаситель вѣрныхъ? Если бы Онъ не былъ Спаситель, то ничто не воспрепятствовало бы давно погибнуть тѣмъ, противъ которыхъ всѣ ратуютъ. Здѣсь (апостолъ) возбуждаетъ Тимоѳея къ перенесенію опасности, чтобы онъ не падалъ духомъ, имѣя въ Богѣ столь сильнаго помощника, и не нуждался въ содѣйствіи другихъ, но охотно все переносилъ съ мужествомъ. Такъ и алчущіе житейскихъ благъ, надѣясь получить прибыль, рѣшаются на многое. Итакъ, наступаютъ уже послѣднія времена. *Въ послѣдняя времена*, говоритъ, *отступятъ нѣцыи отъ вѣры, внемлюще духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ*,

въ лицемѣріи лжесловесникъ, сожженныхъ своею совѣстію, возбраняющихъ женитися. Итакъ что же, спросишь ты? Развѣ мы не возбраняемъ вступать въ бракъ? Нисколько, мы не возбраняемъ тѣмъ, которые желаютъ этого, но не желающихъ вступать въ бракъ уговариваемъ хранить дѣвство. Иное дѣло возбранять, и иное—оставлять каждаго господиномъ своей воли. Тотъ, кто возбраняетъ, дѣлаетъ это безъ всякаго ограниченія; а тотъ, кто совѣтуетъ хранить дѣвство, какъ нѣчто болѣе возвышенное, не воспрещаетъ вступать въ бракъ, но уговариваетъ пребывать въ дѣвствѣ. *Возбраняющихъ женитися, удалятися отъ брашенъ, яже Богъ* 561
сотвори въ снѣденіе со благодареніемъ вѣрнымъ и познавшимъ истину. Прекрасно сказалъ: *познавшимъ истину.* Слѣдовательно прежнія (запрещенія) имѣли другое значеніе, такъ какъ нѣтъ ничего нечистаго по природѣ, но становится такимъ вслѣдствіе убѣжденія пріемлющаго. И въ самомъ дѣлѣ, для чего многія яства были имъ запрещены? Для искорененія въ нихъ излишняго пресыщенія. Но если бы онъ сказалъ: не ѣшьте во избѣжаніе пресыщенія, то они не приняли бы этого; между тѣмъ нынѣ обращаетъ имъ это въ законъ необходимости, чтобы вслѣдствіе большаго опасенія они скорѣе воздерживались. Всякому извѣстно, что рыба болѣе нечиста, нежели свиное мясо,—и несмотря на то имъ не было запрещено употребленіе ея. А насколько гибельно было для нихъ пресыщеніе, послушай, что говоритъ Моисей: *яде, и уты, и утолстѣ, и отвержеся возлюбленный* (Втор. xxxii, 15). Есть впрочемъ и другая причина. Именно, чтобы они, будучи приведены въ стѣснительное положеніе, наконецъ обратились къ воламъ и стали закалывать овецъ, онъ не безъ основанія, ради Аписа и тельца, возбранилъ употребленіе всего прочаго: этотъ послѣдній нечистъ, непріятенъ, отвратителенъ и скверенъ.

3. Это проповѣдуй, этому поучайся: выраженіе—*питаемь словесы вѣры* такое именно имѣетъ значеніе. Не только другихъ наставляй, говоритъ, но и самъ упражняйся въ этомъ: *питаемь*, говоритъ, *словесы вѣры и добрымъ ученіемъ, емуже послѣдовалъ еси. Скверныхъ же и бабіихъ басней отрицайся.* Почему онъ не сказалъ: воздерживайся отъ таковыхъ, но: *отрицайся?* Черезъ это онъ показываетъ, что окончательно нужно избѣгать ихъ. Именно слова его имѣютъ такой смыслъ: даже не принимай на себя труда когда-либо вступать въ разговоръ съ ними, но только своимъ заповѣдуй это. Дѣйствительно невозможно, чтобы состязающійся съ развращенными имѣлъ когда-либо успѣхъ, кромѣ того случая, когда предвидимъ какой-либо вредъ оттого, что мы, будто по (сознанію) нашей немощи, отказываемся отъ собесѣдованія съ ними. *Обучай же себе ко благочестію,* то есть, къ жизни чистой,

самому лучшему поведенію. Тотъ, кто занимается тѣлесными упражненіями, даже и не во время состязаній, какъ ратоборецъ все дѣлаетъ, отъ всего воздерживается, вступаетъ въ борьбу, переноситъ тяжелый трудъ. *Обучай себе ко благочестію*, говоритъ. *Тѣлесное бо обученіе вмалѣ полезно есть, благочестіе же на все полезно есть, обѣтованіе имѣюще живота нынѣшняго и грядущаго.* И для чего, спросишь ты, упоминаетъ онъ здѣсь о тѣлесномъ упражненіи? Для того, чтобы чрезъ сравненіе показать превосходство духовныхъ подвиговъ,—потому что первое (тѣлесное упражненіе), будучи соединено съ большими трудами, не приноситъ ни пользы и ничего такого, о чемъ стоило бы говорить, а послѣдніе (духовные подвиги) приносятъ неизмѣнную и обильную (пользу): подобнымъ образомъ и (женщинамъ) заповѣдуетъ онъ: *да украшаютъ себе, не въ плетеніихъ, ни златомъ, или бисерми, или ризами многоцѣнными, но еже подобаетъ женамъ обѣщавающимся благочестію, дѣлы благими* (1 Тим. II, 9—10). *Вѣрно слово и всякаго пріятія достойно. На сіе и труждаемся и поношаеми есмы.* Павелъ переносилъ оскорбленія, а ты негодуешь, принимая обиды? Павелъ трудился, а ты желаешь пресыщаться? Но и онъ, если бы пресыщался, не получилъ бы столь великихъ благъ. Если мірскихъ стяжаній—и временныхъ, и тлѣнныхъ—никогда не пріобрѣтаютъ люди безъ трудовъ и пота, то тѣмъ болѣе духовныхъ. Безъ со-
562 мнѣнія, скажешь ты: но часто многіе получали ихъ по наслѣдству. Но если и получаютъ ихъ такимъ образомъ, то сбереженіе и сохраненіе ихъ не обходится безъ трудовъ, напротивъ (и при этомъ) нужно трудиться и изнуряться не менѣе тѣхъ, которые пріобрѣтаютъ ихъ посредствомъ труда. Между тѣмъ я не говорю уже о томъ, что многіе, послѣ трудовъ и различныхъ неудачъ, были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ, при самомъ входѣ въ пристань, потому что налеталъ откуда-то вѣтеръ и производилъ крушеніе, когда близко было осуществленіе надежды (на полученіе) благъ. А у насъ ничего такого не бываетъ,—самъ Богъ даетъ обѣтованія и *упованіе не посрамитъ* (Рим. V, 5). Развѣ вы сами, которые занимаетесь житейскими дѣлами, не знаете того, сколь многіе послѣ безчисленныхъ трудовъ не пользовались ихъ плодами или потому, что часто смерть преждевременно похищала ихъ, или вслѣдствіе перемѣны обстоятельствъ, или по причинѣ случившейся съ ними болѣзни, или по наущенію клеветниковъ, или по другой какой-либо причинѣ (многое вѣдь случается въ дѣлахъ человѣческихъ), которая оставляла ихъ съ пустыми руками?

Какъ, спроситъ кто-либо? Развѣ не видишь тѣхъ, которые имѣли успѣхъ, и безъ большихъ трудовъ стяжали великія блага?

Какія блага? Деньги, дома, столько-то десятинъ земли, толпу рабовъ и кучи серебра и золота? Это ли называешь благами? И не совѣстишься, не стыдишься ты—человѣкъ, которому дана заповѣдь любомудрствовать о небѣ, а между тѣмъ ты алчешь земныхъ стяжаній и называешь благами то, о чемъ не стоитъ даже говорить ни одного слова? Если это—блага, то конечно и тѣхъ, которые стяжали ихъ, слѣдуетъ называть благими. Да и какимъ образомъ не благъ тотъ, кто имѣетъ нѣчто благое? Итакъ что же, скажи мнѣ? Если стяжавшіе ихъ бываютъ жадны къ пріобрѣтенію, похищаютъ, то ужели назовемъ ихъ благими? Если богатство есть благо и между тѣмъ оно накопляется вслѣдствіе корыстолюбія, то чѣмъ болѣе оно будетъ возрастать, тѣмъ болѣе послужитъ причиною того, что владѣющаго имъ будутъ считать благимъ. Ужели послѣ этого и корыстолюбецъ благъ? Если же богатство есть благо и умножается вслѣдствіе корыстолюбія, то тотъ будетъ лучше, кто больше такимъ образомъ пріобрѣтетъ. Замѣчаешь ли противорѣчіе? Но если онъ не будетъ корыстолюбивъ, скажешь ты? А какимъ же образомъ это можетъ случиться? Страсть эта пагубна, и невозможно разбогатѣть тому, кто не дѣлаетъ несправедливости. На это и Христосъ указываетъ, говоря: *сотворите себѣ други отъ мамоны неправды* (Лук. XVI, 9). Но что, скажешь ты, если кто-нибудь отъ отца получилъ наслѣдство? Онъ получилъ собранное неправдою. Вѣдь безъ сомнѣнія не отъ Адама предокъ его былъ богатъ, но конечно многіе другіе прежде него являлись на свѣтъ и между многими могъ найтись такой, который незаконно похитилъ и воспользовался тѣмъ, что принадлежало другимъ. Итакъ что же? Неужели Авраамъ, скажешь ты, имѣлъ неправедно пріобрѣтенное богатство? И что (сказать) объ Іовѣ, который былъ непороченъ, праведенъ, истиненъ, богобоязливъ, который удалялся отъ всякой злой вещи? Богатство ихъ состояло не въ золотѣ, не въ серебрѣ, не въ зданіяхъ, а въ скотѣ; иначе говоря,—богатство это было отъ Бога. А что богатство его состояло изъ скота, это видно изъ того, что писатель книги, перечисляя то, что случилось съ тѣмъ блаженнымъ, и говоря, что у него умерли верблюды, и кобылы, и ослы, не сказалъ, что (враги), придя, расхитили у него золотыя сокровища. Кромѣ того и Авраамъ тоже былъ богатъ, но рабами. Что же? Неужели онъ не купилъ ихъ? Нѣтъ; поэтому и замѣчаетъ Писаніе, что у него было триста восемнадцать домочадцевъ. Сверхъ того, ему принадлежали и овцы, и волы. Откуда же онъ взялъ золото, посланное къ Ревеккѣ? Получилъ дары изъ Египта, — не вслѣдствіе насилія или какой-либо несправедливости.

4. Поэтому, скажи мнѣ, откуда ты пріобрѣлъ богатство? Отъ
563 кого ты получилъ его? А другой откуда взялъ? Отъ дѣда, скажешь ты, отъ отца. Но можешь ли ты, восходя чрезъ длинный рядъ поколѣній, доказать такимъ образомъ, что имущество это законно пріобрѣтено? Никакъ не можешь этого сдѣлать. Напротивъ, начало и корень его непремѣнно должны скрываться въ какой-нибудь несправедливости. Почему такъ? Потому что сначала Богъ не сдѣлалъ одного богатымъ, а дрогого бѣднымъ, и, приведши (людей), не показалъ одному многихъ золотыхъ сокровищъ, а другого лишилъ этого пріобрѣтенія, но всѣмъ предоставилъ для воздѣлыванія одну и ту же землю. Какимъ же поэтому образомъ, когда она составляетъ общее достояніе, ты владѣешь столькими-то и столькими участками, а ближній не имѣетъ ни клочка земли? Скажешь: мнѣ отецъ передалъ. А онъ отъ кого получилъ? Тоже отъ предковъ. Но постоянно восходя выше, непремѣнно нужно найти начало. Іаковъ сталъ богатъ, но получая награду за труды. Впрочемъ не стану заниматься подробными изслѣдованіями этого. Положимъ, что богатство законно, пріобрѣтено безъ малѣйшей примѣси грабительства. Ты не виноватъ въ томъ, что отецъ твой награбилъ; правда, ты владѣешь тѣмъ, что пріобрѣтено посредствомъ грабительства, однако самъ ты не грабилъ. Согласимся впрочемъ даже и на то, что и онъ не грабилъ, но владѣлъ золотомъ откуда-либо изъ земли добытымъ. Что же изъ этого? Ужели богатство есть благо? Нисколько. Но оно и не зло, скажешь ты. Если оно не есть плодъ любостяжанія, то не зло, и притомъ, если раздаютъ его нуждающимся; если же не раздаютъ его, то становится зломъ и коварствомъ. Но скажешь: до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не сдѣлалъ зла, онъ не золъ, хотя бы и не дѣлалъ добра. Прекрасно. Но развѣ это не зло, что одинъ владѣетъ тѣмъ, что принадлежитъ Господу, и что одинъ пользуется общимъ достояніемъ? Не Божія ли земля и исполненіе ея? Поэтому, если наши блага принадлежатъ общему Владыкѣ, то они въ равной степени составляютъ достояніе и нашихъ сорабовъ: что принадлежитъ Владыкѣ, то принадлежитъ вообще всѣмъ. Развѣ мы не видимъ такого устройства въ большихъ домахъ? Именно, всѣмъ поровну выдается опредѣленное количество хлѣба, потому что онъ исходитъ изъ житницъ домохозяина: домъ господскій открытъ для всѣхъ. И все царское принадлежитъ всѣмъ: города, площади, улицы принадлежатъ всѣмъ; мы всѣ въ равной мѣрѣ пользуемся ими. Посмотри на строительство Божіе. Онъ сотворилъ нѣкоторые предметы общими для всѣхъ, чтобы хотя такимъ образомъ пристыдить человѣческій родъ, какъ-то: воздухъ, солнце, воду, землю,

небо, море, свѣтъ, звѣзды,—раздѣлилъ между всѣми поровну, какъ будто между братьями. Для всѣхъ Онъ создалъ одинаковые глаза, одинаковое тѣло, одинаковую душу; всѣмъ далъ одинаковое устройство, все изъ земли (произвелъ), всѣхъ отъ одного мужа, всѣхъ поставилъ въ одномъ и томъ же домѣ. Но все это нисколько не послужило къ нашему обращенію. И другое содѣлалъ Онъ общимъ, какъ-то: бани, города, площади, улицы. И замѣть, что касательно того, что принадлежитъ всѣмъ, не бы- 564
ваетъ ни малѣйшей распри, но все совершается мирно. Если же кто-нибудь покушается отнять что-либо и обратить въ свою собственность, то происходитъ распря, какъ будто вслѣдствіе того, что сама природа негодуетъ на то, что въ то время, когда Богъ отовсюду собираетъ насъ, мы съ особеннымъ усердіемъ стараемся разъединиться между собою, отдѣлиться другъ отъ друга, образуя частное владѣніе, и говорить эти холодныя слова: „это твое, а это мое". Тогда возникаютъ споры, тогда огорченія. А гдѣ нѣтъ ничего подобнаго, тамъ ни споры, ни распри не возникаютъ. Слѣдовательно для насъ предназначено скорѣе общее, чѣмъ отдѣльное владѣніе (вещами), и оно болѣе согласно съ самою природою. Отчего никто никогда не заводитъ тяжбы о владѣніи площадью? Не потому ли, что она принадлежитъ всѣмъ? Между тѣмъ видимъ, что о домахъ, объ имѣніяхъ всѣ заводятъ тяжбы. И несмотря на то, что необходимое находится въ общемъ владѣніи всѣхъ, мы не наблюдаемъ общенія во владѣніи даже ничтожнѣйшими предметами. Между тѣмъ для того-то Богъ и далъ намъ первое въ общее употребленіе, чтобы мы научились изъ этого, что и послѣдніе должны быть у насъ общими со всѣми. Но мы и такимъ образомъ не вразумляемся. Впрочемъ (возвращаюсь къ тому) о чемъ я уже прежде говорилъ: какимъ образомъ владѣющій богатствомъ бываетъ благъ? Конечно онъ не благъ, но онъ становится благимъ, когда раздаетъ другимъ (свое богатство). Когда не имѣетъ его, тогда онъ благъ; и когда раздаетъ другимъ, тогда тоже благъ; а до тѣхъ поръ, пока удерживаетъ его при себѣ, онъ не бываетъ благимъ. Итакъ добро ли то, съ пріобрѣтеніемъ чего люди становятся злыми, а съ лишеніемъ—благими? Поэтому не въ томъ состоитъ добро, чтобы имѣть деньги: напротивъ неимѣніе денегъ служитъ признакомъ добраго человѣка. Слѣдовательно не въ богатствѣ состоитъ добро. Если, имѣя случай получить его, не возьмешь, то опять ты сдѣлаешься добрымъ. Поэтому, если, имѣя богатство, раздаемъ его другимъ, или предложеннаго намъ не беремъ, мы бываемъ добры, напротивъ, если беремъ или пріобрѣтаемъ его, становимся недобрыми,—то какимъ образомъ богатство можетъ быть призпано

благомъ? Итакъ, не называй богатства благомъ. Ты потому не имѣешь богатства, что считаешь его благомъ, что слишкомъ удивляешься ему. Очисти твой помыслъ, пріобрѣти здравое сужденіе о вещахъ,—и тогда будешь благъ. Узнай, что составляетъ истинныя блага. Какія же это блага? Добродѣтель, человѣколюбіе. Благо вотъ это, а не богатство. Если, слѣдуя этому правилу, будешь милостивъ, то чѣмъ будешь милостивѣе, тѣмъ лучше будешь и самъ по себѣ, и во мнѣніи другихъ. Между тѣмъ, будучи богатъ, не пріобрѣтешь этого. Поэтому содѣлаемся въ такой мѣрѣ благими, чтобы мы на самомъ дѣлѣ были благими и сподобились получить будущія блага о Христѣ Іисусѣ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIII.

563—564 Завѣщавай сія и учи. Никтоже о юности твоей да нерадитъ, но образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, вѣрою, чистотою. Дондеже пріиду, внемли чтенію, утѣшенію, ученію. Не неради о своемъ дарованіи, живущемъ въ тебѣ, еже дано тебѣ бысть пророчествомъ съ возложеніемъ рукъ священничества (1 Тим. IV, 11—14).

1. При устроеніи человѣческихъ дѣлъ, иногда требуется наставленіе, а иногда приказаніе. Если бы поэтому ты сталъ приказывать тамъ, гдѣ слѣдуетъ учить, то ты былъ бы достоинъ посмѣянія. И наоборотъ, если бы ты началъ учить тамъ, гдѣ нужно приказывать, то случилось бы съ тобою то же самое. Напримѣръ: что не должно быть злымъ, этому слѣдуетъ не учить, а приказывать и запрещать съ особенною силою; равно какъ и то слѣдуетъ приказывать, что не нужно придерживаться іудейскихъ заблужденій. Если же ты намѣреваешься говорить о томъ, что должно раздавать имѣніе, что должно хранить дѣвство, или если думаешь бесѣдовать о вѣрѣ, то въ такомъ случаѣ необходимымъ становится ученіе. Поэтому и употребляетъ Павелъ оба эти выраженія: *завѣщавай и учи.* Напримѣръ, если кто носитъ привѣски или что-нибудь подобное и дѣлаетъ это, зная, что это—зло, то въ такомъ случаѣ нужнымъ бываетъ одно только приказаніе; а когда не зная того,—наставленіе. *Никто о юности твоей да нерадитъ,* говоритъ. Видишь ли, что священникъ долженъ и приказывать и говорить съ властію, а не все учить? Такъ какъ юность вслѣдствіе общаго предразсудка нѣкоторымъ образомъ

сдѣлалась чѣмъ-то легко презираемымъ, то (апостолъ) и говоритъ: ***никтоже о юности твоей да нерадитъ.*** Учитель не долженъ 565
находиться въ пренебреженіи. Гдѣ же (обнаружитъ онъ) скромность, скажешь ты, гдѣ кротость, если никогда не испытаетъ пренебреженія? Въ тѣхъ вещахъ, которыя лично его касаются, пусть онъ подвергается пренебреженію и пусть переноситъ его,— такимъ образомъ долготерпѣніе содѣйствуетъ успѣху ученія; а въ томъ, что касается другихъ,—нѣтъ, потому что это уже будетъ не кротость, но равнодушіе. Когда онъ мститъ за обиды, нанесенныя ему, или за злословіе, или за навѣты, тогда справедливо обвиняешь его. Когда же дѣло касается спасенія другихъ, тогда приказывай и распоряжайся съ полною властію. Здѣсь уже нужна не кротость, а власть, чтобы не произошло вреда для общества. Или это хочетъ сказать (апостолъ), или слѣдующее: пусть никто не презираетъ тебя изъ-за твоей юности, то есть, до тѣхъ поръ, пока ты будешь вести жизнь приличную (твоему сану), никто не станетъ пренебрегать тебя за возрастъ, но еще больше всякій будетъ удивляться тебѣ.

Поэтому и прибавляетъ онъ слѣдующія слова: ***но образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, вѣрою, чистотою***; во всемъ подавай собою примѣръ добрыхъ дѣлъ. То есть, самъ будь первообразомъ въ жизни, являясь предъ другими какъ образъ, какъ одушевленный законъ, какъ правило и уставъ доброй жизни. Таковъ долженъ быть учитель. ***Словомъ,***—чтобы безъ затрудненія вступать въ собесѣдованіе. ***Житіемъ, любовію, вѣрою, чистотою*** истинною,—цѣломудріемъ. ***Дондеже пріиду, внемли чтенію, утѣшенію, ученію.*** Тимоѳею заповѣдуетъ заниматься чтеніемъ. Послушаемъ этого всѣ и научимся не нерадѣть объ изученіи божественныхъ Писаній. Вотъ опять говоритъ: ***дондеже пріиду.*** Видишь ли, какъ онъ утѣшаетъ его? Вѣроятно, и онъ самъ (Тимоѳей), какъ осиротѣлый, искалъ этого. ***Дондеже пріиду,*** говоритъ, ***внемли чтенію*** божественныхъ Писаній, ***утѣшенію*** взаимному, ***ученію*** (обращенному) ко всѣмъ. ***Не неради о дарованіи твоемъ, еже дано тебѣ бысть пророчествомъ.*** Пророчествомъ называетъ здѣсь званіе учителя. ***Съ возложеніемъ рукъ священничества.*** Не о пресвитерахъ говоритъ онъ здѣсь, а объ епископахъ, потому что не пресвитеры рукополагали епископовъ. ***Въ сихъ поучайся, въ сихъ пребывай*** (ст. 15). Смотри, какъ часто онъ наставляетъ его въ одномъ и томъ же, желая показать, что учителю больше всего должно стараться объ этомъ. ***Внимай себѣ,*** говоритъ, ***и ученію, пребывай въ нихъ*** (ст. 16). То есть, будь внимателенъ къ самому себѣ и другихъ учи. ***Сія бо творя и самъ спасешися и послушающіи тебе.*** Хорошо сказалъ: ***и самъ.*** Тотъ, кто питаетъ себя

словомъ ученія, прежде самъ извлекаетъ отсюда пользу, потому что, уча другихъ, и себя приводитъ въ умиленіе. Впрочемъ, не къ одному Тимоѳею это сказано, но ко всѣмъ. А если (апостолъ) даетъ такія наставленія тому, кто воскрешалъ мертвыхъ, то что скажемъ мы? Но и Христосъ на учителей указываетъ, когда говоритъ, что царствіе небесное подобно *человѣку домовиту, иже износитъ отъ сокровища своего новая и ветхая* (Мѳ. xiii, 52). И опять блаженный Павелъ, то же самое заповѣдуя, говорилъ: *да терпѣніемъ и утѣшеніемъ Писаній упованіе имамы* (Рим. xv, 4). И болѣе всѣхъ онъ самъ исполнялъ это, будучи наставляемъ въ отеческомъ законѣ, при ногахъ Гамаліила, такъ что весьма вѣроятно и послѣ того онъ занимался чтеніемъ, и тотъ, кто другимъ давалъ такое наставленіе, прежде самого себя побуждалъ
566 къ этому. Развѣ не видишь, какъ онъ часто приводитъ свидѣтельства изъ пророковъ и разбираетъ ихъ? Поэтому, если Павелъ занимается чтеніемъ,—а не маловажная польза проистекаетъ отъ Писаній,—то ужели мы будемъ лѣниться и разсѣянно слушать его? И какого наказанія мы не будемъ достойны? *Да преспѣяніе твое*, говоритъ, *явлено будетъ во всѣхъ* (ст. 15).

2. Видишь ли, что (апостолъ) желалъ, чтобы онъ (Тимоѳей) и въ этомъ былъ великъ и достоинъ удивленія? Поэтому говоритъ такимъ образомъ, показывая, что онъ еще имѣлъ въ немъ нужду. Что значитъ: *да преспѣяніе твое явлено будетъ во всѣхъ?* Не въ жизни только, говоритъ онъ, но и въ словѣ назиданія. *Старцу* (πρεσβυτέρῳ) *не твори пакости* (v, 1). Не говоритъ ли онъ здѣсь о санѣ (пресвитерскомъ)? Не думаю, но о всякомъ престарѣломъ человѣкѣ. Отчего же (не поступать съ нимъ такъ), если онъ будетъ имѣть нужду въ исправленіи? *Не твори пакости*, говоритъ, но такъ съ нимъ бесѣдуй, какъ бы ты относился къ отцу согрѣшающему. *Старицы якоже матери, юноши якоже братію, юныя якоже сестры, со всякою чистотою* (ст. 2). По самому существу дѣла это, то есть слушаніе замѣчаній, тягостно,—и въ особенности, когда это случается съ престарѣлымъ человѣкомъ; а если (замѣчанія дѣлаются) къ тому же юношею, то это становится втройнѣ безразсуднымъ. Поэтому и нужно смягчать (обличеніе) кротостію и дружелюбіемъ. Можно вѣдь обличать безъ жестокости, если кто захочетъ упражняться въ этомъ: только для этого требуется большое благоразуміе,—однако это возможно. *Юноши*, говоритъ, *якоже братію*. Зачѣмъ и здѣсь заповѣдуетъ это? Опять съ тою цѣлію, чтобы припомнить свойственную этому возрасту дерзость. Итакъ и въ этомъ случаѣ обличеніе должно смягчаться духомъ кротости. *Юныя*, говоритъ, *якоже сестры*, и прибавляетъ: *со всякою чистотою*. Не только, говоритъ, ты долженъ признавать

грѣхомъ соитіе, но даже, говоритъ, ты долженъ не давать повода къ подозрѣнію. Такъ какъ бесѣды съ молодыми женщинами съ трудомъ избѣгаютъ подозрѣнія, а между тѣмъ епископъ долженъ и это дѣлать, то онъ прибавляетъ: *со всякою чистотою*, показывая тѣмъ, что говорить съ ними надлежитъ со всякою чистотою. Что ты говоришь, скажи мнѣ? Неужели Тимоѳею заповѣдуешь это? Да, отвѣчаетъ онъ, потому что чрезъ него я говорю всему міру. Если же Тимоѳею заповѣдуетъ это, то пусть подумаютъ всѣ другіе, каковъ долженъ быть (епископъ), чтобы не подать случая къ подозрѣнію, ни даже тѣни оправданія для тѣхъ, которые захотѣли бы клеветать. *Вдовицы чти, сущія истинныя вдовицы* (ст. 3). Отчего не говоритъ ничего о дѣвствѣ, отчего не говоритъ: почитай дѣвъ? Оттого, мнѣ кажется, что тогда ихъ и не было, или были такія, которыя пали. *Се бо нѣкія*, говоритъ, *развратишася въ слѣдъ сатаны* (1 Тим. v, 15). *Вдовицы чти, сущія истинныя вдовицы*, говоритъ. Слѣдовательно, можно не имѣть мужа, и еще не быть вдовою. Подобно тому, какъ дѣва не чрезъ то становится дѣвою, что она не сочеталась бракомъ, но требуется и многое другое — непорочность, прилежаніе, такъ и вдовою дѣлаетъ не одна только кончина мужа, но терпѣніе съ цѣломудріемъ и совершенное уединеніе. Такихъ вдовицъ онъ заповѣдуетъ почитать,—и справедливо, потому что онѣ достойны великаго уваженія, живя одинокими и не имѣя мужей, которые бы заступались за нихъ. Состояніе это многимъ кажется зазорнымъ и достойнымъ порицанія. Поэтому онъ желаетъ, чтобы она у священника пользовалась великимъ уваженіемъ, и не только по этой причинѣ, но и потому, что она достойна (уваженія). *Аще же кая вдовица чада или внучата имать, да учатся прежде свой домъ благочестиво устроити и взаемъ воздаяти родителемъ* (ст. 4). Примѣчай благоразуміе Павла, какъ часто онъ увѣщаетъ, обращаясь къ человѣческимъ соображеніямъ. Здѣсь онъ не упомянулъ о чемъ-либо великомъ и возвышенномъ, но о томъ, что для всѣхъ удобопо- 567
нятно. *И взаемъ*, говоритъ, *воздаяти родителемъ*. За что? За воспитаніе, за возращеніе. Напримѣръ,—ты пользовалась великимъ попеченіемъ; они скончались, и ты не могла заплатить имъ долгъ,— вѣдь въ самомъ дѣлѣ не ты ихъ родила, не ты воспитала. Итакъ заплати имъ во внукахъ, воздай долгъ чрезъ сыновъ. *Да учатся*, говоритъ, *первѣе свой домъ благочестиво устроити*. Проще сказать, онъ здѣсь говоритъ о добрыхъ дѣлахъ. Потомъ, чтобы болѣе побудить къ этому, прибавляетъ: *сіе бо есть благоугодно предъ Богомъ*. Такъ какъ (апостолъ) сказалъ: *сущія истинныя вдовицы*, то теперь онъ показываетъ, кто истинная вдовица. *А сущая истинная вдовица и уединена уповаетъ на Бога и пребываетъ въ молит-*

вахъ и моленіихъ день и нощь: питающаяся же пространно жива умерла (ст. 5—6). Если которая-нибудь, говоритъ онъ, будучи вдовою, не обратилась къ мірской жизни, то она истинная вдовица; которая уповаетъ на Бога, какъ слѣдуетъ, упражняется въ молитвѣ, проводитъ въ ней день и ночь, та вдовица. Не говоритъ, что та, которая имѣетъ дѣтей не вдова, — онъ и ее хвалитъ, если она воспитаетъ дѣтей, какъ слѣдуетъ,—но (говоритъ): если которая не имѣетъ дѣтей, то есть пребываетъ въ одиночествѣ. Далѣе онъ утѣшаетъ ее въ томъ, что она не имѣетъ дѣтей, говоря, что въ томъ особенно и заключается преимущество вдовицы, что она лишена не только утѣшенія отъ мужа, но и того счастія, какое приносятъ дѣти: въ замѣнъ всего она имѣетъ Бога. Та, которая не имѣетъ дѣтей, не хуже другихъ; но этимъ утѣшеніемъ восполняетъ то, чего ей не достаетъ вслѣдствіе того, что у нея нѣтъ дѣтей. Поэтому сказанное имѣетъ такой смыслъ: не скорби, когда услышишь, что должно воспитывать дѣтей, и между тѣмъ у тебя ихъ нѣтъ, и не думай, будто этимъ унижается твое достоинство. Ты истинная вдова. Вдова же, *питающаяся пространно, жива умерла.*

3. Такъ какъ многія женщины, имѣющія дѣтей, избираютъ вдовство не для того, чтобы лишить себя удовольствій жизни, а для того, чтобы болѣе привязаться къ нимъ, чтобы съ большею независимостію дѣлать все и больше отдаваться мірскимъ похотямъ, то онъ поэтому говоритъ: *питающаяся же пространно жива умерла.* Что ты говоришь? Развѣ женщина-вдова не должна искать наслажденій? Нѣтъ, говоритъ онъ. Итакъ, если та, которая и по природѣ и по возрасту болѣе немощна, не только не имѣетъ нужды въ наслажденіи, но даже содѣлывается причастною смерти, и притомъ смерти вѣчной, то что скажутъ на это мужчины, которые предаются наслажденіямъ? Справедливо говоритъ: *питающаяся же пространно жива умерла.* Но чтобы тебѣ знать, внимательно посмотримъ, какіе поступки свойственны живымъ и какіе мертвымъ, и куда мы должны отнести ее. Живые дѣлаютъ то, что имѣетъ отношеніе къ жизни, жизни будущей, истинной. А что имѣетъ отношеніе къ будущей жизни, о которой мы должны постоянно заботиться, послушай Христа, который говоритъ: *пріидите, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра: взалкахся бо, и дасте ми ясти: возжадахся, и напоисте мя* (Мѳ. XXV, 34, 35). Живые отличаются отъ мертвыхъ не тѣмъ только, что смотрятъ на солнце и дышатъ воздухомъ,—не этимъ, говоримъ мы, а тѣмъ, что совершаютъ что-нибудь доброе. Если же этого не исполняютъ, то становятся ничѣмъ не лучше мертвыхъ. И чтобы ты узналъ это, послушай, какъ и мертвый можетъ жить.

Нѣсть, говорится, *Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ* (Мѳ. ххп, 32). Но это, скажешь, опять загадка. Поэтому разрѣшимъ и то, и другое. Всякій, будучи живъ, становится мертвымъ, когда проводитъ жизнь въ наслажденіи. Отчего? Оттого, что онъ живетъ 593
для одного чрева, а для прочихъ чувствъ — нисколько; напримѣръ,—не видитъ того, что должно видѣть, не слышитъ того, что должно слышать, не говоритъ того, что должно говорить, вообще не дѣлаетъ того, что дѣлаютъ живые; но подобно тому, какъ распростертый на одрѣ, смеживъ глаза и закрывъ вѣки, вовсе не ощущаетъ того, что кругомъ его находится, такъ и этотъ, или скорѣе—не такъ, а гораздо хуже, потому что первый и къ добру и ко злу равно нечувствителенъ, а послѣдній ощущаетъ только одно, именно—зло, а для добра, подобно лежащему (мертвецу), неподвиженъ. Слѣдовательно такимъ образомъ онъ и становится мертвымъ. Его не трогаютъ никакія блага будущей жизни: между тѣмъ пьянство, заключивъ его въ свои нѣдра, какъ бы въ какое темное и мрачное убѣжище и пещеру, полную всякой нечистоты, постоянно заставляетъ его вращаться во тьмѣ, какъ мертвыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда онъ проводитъ все время или въ обѣдахъ, или въ пьянствѣ, то ужели онъ не во тьмѣ пребываетъ? Ужели онъ не мертвъ? И даже въ утреннее время, когда онъ повидимому трезвъ, онъ не бываетъ вполнѣ трезвымъ, отчасти потому, что вечернее вино еще не истощилось и не испарилось въ немъ, отчасти и потому, что имъ овладѣваетъ сильное желаніе будущихъ (наслажденій) и что онъ всегда проводитъ утро и полдень на пиршествѣ, и всю ночь и даже большую часть утра въ глубокомъ снѣ. Скажи мнѣ: ужели такого мы причислимъ къ живымъ? Кто въ состояніи описать ту жестокую бурю, которая поднимается вслѣдствіе пресыщенія и устремляется равно на душу, какъ и на тѣло? Подобно тому, какъ сплошная густая туча не даетъ возсіять лучамъ солнца, такъ и пары, которые источаютъ вино и пресыщеніе, подобно нѣкоему утесу, ударяя въ мозгъ и образуя тамъ густой туманъ, не позволяютъ разсудку получить больше простора и погружаютъ пьянаго въ великій мракъ. Подумай, какая же воздвигается буря въ душѣ того, кто испытываетъ это! Какое смятеніе! Какъ во время наводненія, когда вода начинаетъ подниматься выше преддверій мастерскихъ, мы видимъ, что живущіе внутри дома приходятъ въ смятеніе, и (пускаютъ въ дѣло) и почерпала, и амфоры, и губки, и многія другія средства придумываютъ для того, чтобы вычерпать (воду), чтобы она не разрушила основанія (дома) и всѣхъ сосудовъ не сдѣлала безполезными,—такъ и въ душѣ, когда она преисполняется излишнихъ наслажденій, приходятъ въ смятеніе помыслы.

и когда не въ силахъ удалить накопившагося, вслѣдствіе того, что опять нѣчто новое привходитъ, воздвигается жестокая буря. Не взирай, умоляю тебя, на свѣтлое, радостное лице, но изслѣдуй то, что происходитъ внутри души,—и ты увидишь, какой великой скорби она преисполнена. Если бы можно было, выдвинувъ душу наружу, взглянуть на нее тѣлесными очами, тогда ты увидѣлъ бы душу сластолюбца уничиженною, скорбною, опечаленною и изнемогающею. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ больше тѣло питается и тучнѣетъ, тѣмъ больше душа истощается и становится немощною. Чѣмъ больше изнѣживается первое, тѣмъ глубже зарывается въ землю послѣдняя. И подобно тому, какъ въ зѣницѣ ока, когда съ наружной стороны окружающіе ее покровы бываютъ толсты, не можетъ отразиться предметъ, подлежащій зрѣнію, и его нельзя увидѣть, потому что лучъ отражается отъ толщины покрова и вслѣдствіе этого часто происходитъ тьма,— такъ и тѣло, когда оно постоянно питается, очевидно покры-
569 вается излишнею тучностію. Ты быть можетъ скажешь, что мертвые гніютъ, истлѣваютъ и изъ нихъ обильно истекаетъ гной. Но то же самое можно видѣть и въ сластолюбцахъ: скопленіе дурныхъ мокротъ, флегму, насморкъ, одышку, рвоту, отрыжку,—остальное, о чемъ стыдно даже говорить, я уже оставляю безъ вниманія. Такъ-то велика власть сластолюбія,—оно заставляетъ насъ дѣлать даже то, о чемъ не смѣемъ и говорить.

4. Неужели еще станешь спрашивать, какимъ образомъ тѣло расплывается во всѣ стороны? Развѣ (не оттого), что оно ѣстъ и пьетъ? Но это еще не составляетъ признака человѣческой жизни, потому что и безсловесныя ѣдятъ и пьютъ. Когда душа лежитъ, какъ мертвая, то какую пользу приноситъ ей пища и питье? Подобно тому, какъ тѣлу, когда оно лежитъ мертвымъ, не приносятъ нисколько пользы цвѣтныя одежды, покрывающія его, такъ и мертвая душа не получаетъ ни малѣйшей пользы оттого, что ее окружаетъ цвѣтущее тѣло. Въ самомъ дѣлѣ, когда она постоянно ведетъ рѣчь о поварахъ, о прислуживающихъ за столомъ, о хлѣбопекахъ, и никогда не бесѣдуетъ о благочестіи, то ужели она не мертва? Посмотримъ, впрочемъ, что такое человѣкъ. Внѣшніе говорятъ: человѣкъ есть животное разумное, смертное, одаренное умомъ и знаніемъ. Но мы не отъ нихъ позаимствуемъ опредѣленіе,—а откуда? Изъ божественнаго Писанія. Итакъ, гдѣ Писаніе приводитъ опредѣленіе человѣка? Послушай, что̀ оно говоритъ. *Бѣ человѣкъ праведенъ, истиненъ, богочестивъ, удаляяйся отъ всякія лукавыя вещи* (Іов. I, 2). Вотъ это человѣкъ. И опять другой говоритъ: *велика вещь человѣкъ и драгая мужъ милостивый* (Притч. XX, 6). Между тѣмъ тѣхъ, которые не таковы, хотя они

надѣлены разумомъ и обладаютъ безпредѣльнымъ знаніемъ, Писаніе не называетъ людьми, но псами, конями, ехиднами, змѣями, лисами, волками, и всѣмъ, что только есть самаго презрѣннаго между звѣрями. Если поэтому таковъ долженъ быть человѣкъ, то, очевидно, сластолюбецъ не человѣкъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ быть человѣкомъ тотъ, кто не заботится ни о чемъ подобномъ? Нельзя вѣдь соединить вмѣстѣ сластолюбіе и трезвость, — одно изъ этихъ свойствъ уничтожается другимъ. И внѣшніе говорятъ то же,—что толстое брюхо не раждаетъ тонкаго ума. Кромѣ того, Писаніе иногда называетъ (такихъ) людей бездушными: *не иматъ пребывати Духъ мой въ человѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть* (Быт. VI, 3). Конечно, они имѣютъ душу; но такъ какъ она у нихъ мертва, то и названы плотію. Какъ о добродѣтельныхъ мы говоримъ: весь — душа, весь — духъ, хотя они имѣютъ тѣло, такъ и о порочныхъ должно сказать противное. Поэтому и Павелъ говоритъ: *вы нѣсте во плоти* (Рим. VIII, 9), такъ какъ они не творили дѣлъ плоти. Слѣдовательно, стастолюбцы не имѣютъ ни души, ни духа. *Питающаяся же пространно жива умерла*, говоритъ. Послушайте—вы, которыя все время проводите на пиршествахъ и въ пьянствѣ и которыя презираете бѣдныхъ, томящихся и умирающихъ отъ голода въ то время, когда вы постоянно умираете отъ наслажденій. Вы становитесь причиною двухъ смертей,—одной, которая постигаетъ этихъ несчастныхъ, и другой, которая убиваетъ васъ самихъ, и при томъ и та и другая есть слѣдствіе неумѣренности. Напротивъ, если бы вы своимъ избыткомъ восполнили ихъ скудость, то вы спасли бы двѣ жизни. Зачѣмъ ты расширяешь свое чрево пресыщеніемъ? Зачѣмъ изнуряешь бѣднаго скудостію? Одно сверхъ мѣры утучняешь, а другое сверхъ мѣры истощаешь? Помысли, что̀ выходитъ изъ яствъ, во что они обращаются и чѣмъ становятся. Но ты, даже слыша объ этомъ, приходишь въ негодованіе? Такъ зачѣмъ же ты заботишься о томъ, чтобы больше накопилось этого? Вѣдь избытокъ пресыщенія не что иное, какъ 570
умноженіе помета. Природа знаетъ мѣру, и то, что превосходитъ ее, уже не пища, а скорѣе нечистота и пометъ. Питай тѣло, не умерщвляй его. Потому она и называется пищею, чтобы мы питали тѣло, а не погубляли его. Для того, я думаю, пища и испытываетъ такое превращеніе, чтобы мы не возлюбили пресыщенія. А если бы этого не было, если бы это не приводило къ чему-то, не приносящему никакой пользы, и не становилось бы пагубнымъ для тѣла, то мы не переставали бы пожирать другъ друга. Если бы чрево, принимая въ себя столько, сколько бы мы ни захотѣли, все переваривало и передавало тѣлу, то ты увидѣлъ бы безчисленныя войны и споры. Въ самомъ дѣлѣ, если даже те-

перь, когда изъ пищи одна часть обращается въ пометъ, а другая въ безполезную и зловредную кровь и влагу, мы предаемся сластолюбію и нерѣдко тратимъ все свое состояніе на одинъ только столъ, то чего бы не дѣлали, если бы не къ этому приводило насъ сластолюбіе? Чѣмъ больше мы предаемся сластолюбію, тѣмъ больше исполняемся зловонія, когда тѣло, подобно мѣху, со всѣхъ сторонъ раздувается, когда отрыжка, испытываемая нами, разстроиваетъ мозгъ близъ стоящихъ, когда изъ тѣла со всѣхъ сторонъ истекаютъ смрадные пары, какъ бы изъ печи, вслѣдствіе сильнаго накаливанія, исполненной внутри зловонія. Если же внѣшніе члены въ такое приходятъ разстройство, то что, по твоему мнѣнію, долженъ испытывать внутри мозгъ, будучи безпрестанно помрачаемъ испареніями? Въ какомъ положеніи находятся ручьи кипящей крови, когда ей преграждаютъ свободное обращеніе? Чему подвергаются другія внутренности—печень и селезенка? Что испытываютъ самыя вмѣстилища помета? И хуже всего то, что о (настоящихъ) вмѣстилищахъ помета мы заботимся, чтобы они не засорялись и не извергали помета вверхъ, для того употребляемъ всевозможныя мѣры, и шестами подталкиваемъ, и лопатами раскапываемъ; между тѣмъ вмѣстилищъ нашего чрева мы не только не очищаемъ, но даже засариваемъ и загромождаемъ, и никакого не обращаемъ вниманія на то, что пометъ поднимается кверху, туда, гдѣ самъ царь, то есть мозгъ, имѣетъ свое пребываніе. Мы дѣлаемъ все это потому, что взираемъ на него не какъ на досточтимаго царя, а какъ на какого-нибудь нечистаго пса. Богъ для того и помѣстилъ вдали эти члены, чтобы отъ нихъ ничто не терпѣло вреда. Но мы противодѣйствуемъ этому и все растлѣваемъ неумѣренностію. И кто можетъ исчислить другія, проистекающія отсюда бѣдствія? Затвори стоки вмѣстилищъ (нечистотъ),—и ты увидишь, что тотчасъ появится зараза. Слѣдовательно, если отвнѣ встрѣтившееся зловоніе раждаетъ заразу, то ужели то, которое находится внутри и со всѣхъ сторонъ окружено тѣсными предѣлами тѣла и нигдѣ не имѣетъ стока, не причиняетъ безчисленныхъ болѣзней какъ душѣ, такъ и тѣлу? И ужаснѣе всего то, что многіе негодуютъ на Бога, говоря: что это такое? Онъ самъ опредѣлилъ, чтобъ мы носили въ себѣ пометъ. А между тѣмъ сами умножаютъ пометъ. Но Богъ для того такъ устроилъ, чтобы по крайней мѣрѣ такимъ образомъ отвратить насъ отъ сластолюбія, чтобы по крайней мѣрѣ чрезъ это убѣдить насъ въ томъ, что мы не должны прилѣпляться къ мірскимъ благамъ. А ты, не взирая и на это, не только не перестаешь предаваться сластолюбію, но даже до самаго горла, даже до слѣдующаго обѣденнаго времени, даже долѣе, нежели про-

должается самое наслажденіе, продолжаешь пресыщаться. Развѣ
не прекращается удовольствіе сейчасъ, какъ скоро (пища) пройдетъ чрезъ языкъ и гортань? Ощущеніе состоитъ во вкушеніи,
а послѣ этого оно прекращается, и наступаетъ состояніе великаго неудовольствія, вслѣдствіе того, что желудокъ или вовсе не
перевариваетъ принятую пищу, или дѣлаетъ это съ великимъ трудомъ. Справедливо поэтому сказалъ (апостолъ): *питающаяся пространно жива умерла*. Дѣйствительно, душа, преданная сластолюбію, не можетъ ничего ни слышать, ни говорить. Она становится 571
изнѣженною, вялою, робкою, несвободною, боязливою, исполненною лютости, невѣдѣнія, лести, ярости, лѣности,— полною всѣхъ
пороковъ, и чуждою противоположныхъ имъ добродѣтелей. Вслѣдствіе этого и говоритъ (апостолъ): *и сія завѣщавай, да непорочни будутъ* (ст. 7). Видишь ли, что предписаніе это принимаетъ видъ
закона? Онъ не представляетъ этого свободѣ каждаго, а говоритъ:
заповѣдуй, чтобы не пресыщались, потому что это явный грѣхъ,
такъ что тому, кто ведетъ роскошную жизнь, нельзя и вовсе неумѣстно быть причастникомъ таинствъ. *И сія завѣщавай*, говоритъ, *да непорочни будутъ*. Видишь ли, что это отнесено къ числу
грѣховъ? Между тѣмъ то, что предоставляется свободѣ каждаго,
если бы даже и не соблюдалось, нисколько не препятствуетъ быть
безукоризненнымъ. Поэтому, повинуясь Павлу, и мы будемъ заповѣдывать, что вдовицы, которыя преданы сластолюбію, должны 572
быть исключены изъ числа вдовицъ. Въ самомъ дѣлѣ, если воинъ,
который занимается банями, театрами и торговлею, подвергается
осужденію наравнѣ съ бѣглецомъ, то тѣмъ болѣе это должно
сказать о вдовицахъ. Не будемъ же здѣсь искать покоя, чтобы
тамъ обрѣсти его. Не будемъ здѣсь предаваться наслажденію,
чтобы тамъ вкусить истиннаго наслажденія, истиннаго удовольствія, которое не причиняетъ никакого зла и заключаетъ въ себѣ
безчисленныя блага, коихъ да сподобимся мы всѣ получить о
Христѣ Іисусѣ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава,
держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XIV.

Аще же кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, вѣры отвергся есть, и невѣрнаго горшій есть (1 Тим. v, 8). 571

1. Многіе полагаютъ, что для спасенія имъ довольно собственной добродѣтели, и что если они хорошо будутъ располагать своею жизнію, то для спасенія имъ уже больше ничего не

будетъ недоставать. Но они думаютъ неправильно. И это доказалъ тотъ, который закопалъ одинъ талантъ, принесъ его не уменьшеннымъ, но возвратилъ цѣлымъ и такимъ, какимъ получилъ. То же доказываетъ и здѣсь блаженный Павелъ, когда говоритъ: *аще же кто о своихъ не промышляетъ*. Попеченіе разумѣетъ всякое—и о душѣ, и о тѣлѣ, такъ какъ и послѣднее тоже есть попеченіе. Тотъ, кто не печется *о своихъ, паче же о присныхъ*, то есть, принадлежащихъ къ его роду, *невѣрнаго горшій есть*. Это говоритъ и Исаія, глава пророковъ: *свойственныхъ племене твоего не презри* (Иса. LVIII, 7). Дѣйствительно, какъ можетъ быть милостивымъ къ посторонимъ тотъ, кто презираетъ людей одного съ собою рода и свойственниковъ своихъ? Не назовутъ ли всѣ тщеславіемъ то, когда кто, благодѣтельствуя чужимъ, презираетъ и не щадитъ своихъ? Или, съ другой стороны, если, наставляя первыхъ, онъ оставляетъ въ заблужденіи послѣднихъ, несмотря на то, что благотворить послѣднимъ было бы для него и удобнѣе и справедливѣе? Безъ сомнѣнія. Развѣ не скажутъ тогда, что можно ли назвать милостивыми христіанъ, когда презираютъ они своихъ? *И невѣрнаго*, говоритъ, *горшій есть*. Почему? Потому что послѣдній, если и презираетъ чужихъ, то по крайней мѣрѣ не презираетъ близкихъ себѣ. Сказанное (апостоломъ) имѣетъ такой смыслъ: кто нерадитъ о своихъ, тотъ нарушаетъ и законъ Божій, и законъ природы. Если же непекущійся о присныхъ отрекся отъ вѣры и сталъ хуже невѣрнаго, то куда долженъ быть отнесенъ и гдѣ займетъ мѣсто тотъ, кто обижаетъ присныхъ своихъ? Но какимъ образомъ онъ отрекся отъ вѣры? *Бога*, говоритъ, *исповѣдуютъ вѣдѣти, а дѣлы отмещутся его* (Тит. I, 16). Между тѣмъ что заповѣдуетъ Богъ, въ котораго вѣруемъ? Не презирать тѣхъ, которые связаны съ нами племеннымъ родствомъ. Какимъ же образомъ можетъ вѣровать отрицающій это? Подумаемъ объ этомъ всѣ, которые, сберегая деньги, презираемъ ближнихъ. Богъ для того и учредилъ родственныя связи, чтобы мы имѣли больше случаевъ благотворить другъ другу. Поэтому, если ты не дѣлаешь того, что дѣлаетъ невѣрный, то ужели ты не отказался отъ вѣры? Итакъ не въ томъ состоитъ вѣра, чтобы вѣровать только исповѣданіемъ, но нужно еще являть праведныя дѣла. Можно и во всякомъ дѣлѣ вѣровать, и не вѣровать. Сказавъ о пресыщеніи и сластолюбіи, (апостолъ) говоритъ, что она не оттого только по-
572 гибаетъ, что пресыщается, но и оттого, что принуждена бываетъ презирать ближнихъ. И говоритъ это справедливо, потому что та, которая жила для чрева, оттого и погибла, что отверглась вѣры. Но почему становится хуже невѣрнаго? Потому что не все равно—презирать ближняго, и дальняго. Отчего же? Оттого, что гораздо

зазорнѣе презирать знакомаго, нежели незнакомаго,— друга, нежели недруга.

Вдовица да причитается не меньши лѣтъ шестидесятихъ, бывши единому мужу жена, въ дѣлѣхъ добрыхъ свидѣтельствуема (ст. 9—10). (Апостолъ) говорилъ: *да учатся прежде свой домъ благочестиво устроити и взаемъ воздати родителемъ*,—говорилъ, что *питающаяся пространно жива умерла*,—говорилъ: *аще кто о присныхъ не промышляетъ, невѣрнаго горшій есть*,—говорилъ, что которая этого не имѣетъ, та не достойна занимать мѣсто въ числѣ вдовицъ. А теперь онъ говоритъ, что̀ должна она имѣть. Что же? Развѣ будемъ судить о ней по лѣтамъ? Какая же въ этомъ заслуга? Вѣдь не отъ нея зависѣло прожить шестьдесятъ лѣтъ. Не по одному возрасту только (должно судить), говоритъ онъ, такъ что если бы она и переступила за этотъ возрастъ, но не имѣла заслугъ, то и тогда не должна быть причисляема (къ вдовамъ). Почему онъ съ такою точностію опредѣляетъ возрастъ, причину этого указываетъ послѣ, основываясь не на своемъ только соображеніи, но на положеніи самихъ вдовицъ. Пока же выслушаемъ дальнѣйшія слова. *Въ дѣлѣхъ*, говоритъ, *добрыхъ свидѣтельствуема*. Въ какихъ дѣлахъ? *Аще чада воспитала есть* (ст. 10). Поистинѣ, немаловажное это дѣло—воспитать дѣтей. Но воспитаніе дѣтей не въ томъ состоитъ, чтобы просто только кормить дѣтей, а воспитать, какъ должно, подобно тому какъ и выше сказалъ (апостолъ): *аще пребудутъ въ вѣрѣ и любви и во святыни* (1 Тим. II, 15). Видишь ли, какъ вездѣ онъ ставитъ благодѣянія, оказанныя близкимъ, выше оказываемыхъ чужимъ? Прежде говоритъ: *аще чада воспитала есть*, а потомъ: *аще странныя пріятъ, аще святыхъ нозѣ умы, аще скорбнымъ утѣшеніе бысть, аще всякому дѣлу благу послѣдовала есть* (ст. 10). Но что, если она бѣдна? И тогда она не лишается возможности ни воспитывать дѣтей, ни принимать странниковъ, ни утѣшать скорбныхъ. Она не бѣднѣе той, которая положила два обола. Допустимъ, что она бѣдна, однакожъ она имѣетъ домъ, живетъ не на открытомъ воздухѣ. *Аще святыхъ*, говоритъ, *нозѣ умы*. Это не требуетъ издержекъ. *Аще всякому дѣлу благу послѣдовала есть*. Какую заповѣдь здѣсь онъ даетъ? Онъ заповѣдуетъ оказывать вещественное пособіе, такъ какъ женщины особенно способны прислужить, постлать постель, успокоить.

2. О, какого великаго совершенства требуетъ онъ отъ вдовицы! Почти такого же, какъ и отъ лица, облеченнаго епископскимъ саномъ,—потому что выраженіе: *аще всякому дѣлу благу послѣдовала* 579
есть имѣетъ такой смыслъ, что если она сама не могла этого сдѣлать, то по крайней мѣрѣ принимала участіе, служила. Отсѣ-

кая роскошь, (апостолъ) хочетъ, чтобы она была заботлива, распорядительна, постоянно пребывала на молитвѣ. Такова была Анна. Смотри, онъ требуетъ отъ вдовицы такого совершенства, какого не требуетъ даже отъ дѣвственницъ, несмотря на то, что и отъ этихъ послѣднихъ требовалъ великаго совершенства и высокой добродѣтели,—именно, сказавъ: *благообразію и благоприступанію Господеви безмолвну* (1 Кор. VII, 35), онъ какъ бы въ общихъ чертахъ обозначаетъ всякую добродѣтель. Видишь ли, что для того, чтобы сдѣлаться вдовицею, не довольно не вступать во второй бракъ, но нужно и многое другое? Въ самомъ дѣлѣ, отчего, скажи мнѣ, убѣждаетъ ее не вступать во второй бракъ? Развѣ онъ осуждалъ это? Нѣтъ; это свойственно только еретикамъ. Но онъ хотѣлъ, чтобы она послѣ того упражнялась въ подвигахъ духовныхъ и обратилась къ добродѣтели; а бракъ, хотя и не нечистъ, однакожъ соединенъ съ заботами. Поэтому сказалъ: да упражняются (1 Кор. VII, 5), не говоритъ: да очистятся. Дѣйствительно, бракъ причиняетъ много заботъ. Слѣдовательно, если ты не вступаешь въ бракъ потому, что хочешь упражняться въ страхѣ Божіемъ, и между тѣмъ не упражняешься, то не принесетъ тебѣ никакой пользы и то, что ты всячески служишь пришельцамъ и святымъ. Итакъ, когда ты не дѣлаешь этого, то (очевидно) воздерживаешься отъ брака больше потому, что осуждаешь это дѣло. Такъ и дѣвственница—если она не всецѣло сраспялась Христу—отвергаетъ бракъ, потому что осуждаетъ его, какъ скверный и нечистый. Видишь ли, что (апостолъ) гостепріимствомъ называетъ не просто одно благорасположеніе, но соединенное со стараніемъ, съ добрымъ намѣреніемъ, съ усердіемъ, которое такъ принимается за дѣло, какъ бы (готовясь) принимать самого Христа? Онъ хочетъ, чтобы служенія святымъ онѣ не поручали служанкамъ, но дѣлали это сами лично. *Аще убо азъ*, говоритъ (Господь), *умыхъ ваши нозѣ учитель*, тѣмъ паче *вы должни есте* дѣлать это *другъ другу* (Іоан. XIII, 14). Хотя бы которая-нибудь изъ нихъ была даже до безконечности богата, хотя бы она достигла величайшей извѣстности и превозносилась знатностію рода своихъ предковъ, но и тогда не будетъ такого разстоянія, какое было между Богомъ и учениками. Если ты принимаешь странника, какъ Христа, то нечего тебѣ стыдиться, напротивъ даже хвалясь этимъ дѣломъ; если же принимаешь его не какъ Христа, то лучше вовсе не принимай. *Иже васъ пріемлетъ, мене пріемлетъ*, сказалъ (Господь) (Мѳ. X, 40). Если ты не такъ принимаешь, не получишь и воздаянія. Авраамъ, какъ ему казалось, принималъ людей, мимоидущихъ путниковъ; между тѣмъ не все нужное для принятія ихъ поручилъ приготовить домочадцамъ, но боль-

шую часть служенія и самъ лично совершилъ, и женѣ приказалъ мѣсить муку, несмотря на то, что имѣлъ триста восемнадцать домочадцевъ, между которыми вѣроятно были и служанки. Онъ желалъ вмѣстѣ съ женою получить награду не только за издержки, но и за служеніе. Такъ мы должны исполнять долгъ гостепріимства, дѣлая все сами, чтобы мы сами освятились, чтобы и наши руки были благословляемы. И когда подаешь нищему, не погнушайся дать самъ: вѣдь даешь не нищему, а Христу. Между тѣмъ кто можетъ быть столь жалокъ, чтобы гнушался протянуть руку Христу? Вотъ въ чемъ состоитъ гостепріимство, вотъ что значитъ дѣйствительно дѣлать ради Бога. А если ты съ гордостію станешь распоряжаться, то хотя бы приказалъ (страннику) занять первое мѣсто, это не будетъ гостепріимствомъ и не будетъ совершаться ради Бога. Странникъ имѣетъ нужду и во многихъ услугахъ и въ великомъ ободреніи, такъ какъ трудно ему и послѣ этого не краснѣть. Такъ какъ дѣло по самой природѣ та- 574
ково, что человѣкъ, пріемлющій благодѣяніе, стыдится, то избыткомъ услугъ надлежитъ разсѣевать его стыдъ и показывать и словомъ, и дѣломъ, что благотворящій не благотворитъ, а самъ находитъ благо, и скорѣе получаетъ благодѣяніе, нежели оказываетъ. Такимъ образомъ заслуга увеличивается вслѣдствіе свободнаго намѣренія. Подобно тому, какъ тотъ, кто думаетъ, что несетъ убытокъ, все теряетъ, равно какъ и тотъ, кто думаетъ, что благотворитъ, все теряетъ, такъ и тотъ, кто думаетъ, что принимаетъ благодѣяніе, еще больше пріобрѣтаетъ. *Доброхотна бо дателя любитъ Богъ* (2 Кор. IX, 7). Поэтому ты долженъ еще благодарить нищаго за то, что онъ беретъ. Если бы не было нищихъ, то ты не освободился бы отъ множества грѣховъ: они—врачи твоихъ язвъ, ихъ руки предлагаютъ тебѣ лѣкарство. Не въ такой мѣрѣ врачъ приноситъ тебѣ исцѣленіе, когда протягиваетъ руки и прикладываетъ лѣкарство, въ какой мѣрѣ снимаетъ съ тебя бремя твоихъ грѣховъ нищій, когда протягиваетъ руку и принимаетъ отъ тебя милостыню. Ты далъ ему серебро,—и вмѣстѣ съ нимъ удалились твои грѣхи. Таковы и священники: *грѣхи людей моихъ*, говорится, *снѣдятъ* (Осіи IV, 8). Такимъ образомъ ты больше получаешь, нежели даешь, скорѣе принимаешь благодѣяніе, нежели благодѣтельствуешь; даешь взаймы Богу, а не людямъ, увеличиваешь богатство, а не уменьшаешь; уменьшаешь же, если не убавляешь его, если не даешь. *Аще странныя пріятъ*, говоритъ, *аще святыхъ нозѣ умы*. Какихъ именно святыхъ? Тѣхъ, которые переносятъ скорби, а не вообще святыхъ, потому что могутъ быть святые, пользующіеся отъ всѣхъ великими услугами. Не за тѣми ходи, которые живутъ въ изобиліи, а за тѣми,

которыхъ жизнь проходитъ въ скорбяхъ, въ неизвѣстности, которыхъ знаютъ немногіе. Кто сотворилъ, говоритъ Господь, *единому сихъ меньшихъ, мнѣ* сотворилъ (Мѳ. xxv, 40).

3. Не предоставляй предстоятелю Церкви раздѣлять милостыню; сама послужи, чтобы получить награду не только за издержки, но и за служеніе; давай собственными руками, сама засѣй ниву. Здѣсь не нужно ни водружать плугъ, ни запрягать воловъ, ни выжидать время, ни разсѣкать землю, ни бороться со стужею; этотъ посѣвъ избавленъ отъ всѣхъ такихъ заботъ. Ты сѣешь на небѣ, гдѣ нѣтъ ни стужи, ни зимы, ни чего-либо другого; ты сѣешь въ душахъ, откуда никто не похититъ того, что посѣяно, но гдѣ оно сохранится постоянно, и съ великою заботливостію, и съ великимъ тщаніемъ. Самъ сѣй. Для чего ты самъ себя лишаешь награды? Великая бываетъ награда и за то, когда кто можетъ распредѣлять и достояніе другихъ. Награда бываетъ не только за то, когда кто дастъ, но и за то, когда хорошо распредѣляетъ данное другимъ. Почему ты именно не получаешь награды? А что и за это бываетъ награда, послушай, что говоритъ (Писаніе): поставили апостолы Стефана съ прочими на служеніе вдовицамъ (Дѣян. vi). Будь поэтому и ты распредѣлителемъ твоихъ благъ; на это поставляютъ тебя человѣколюбіе, страхъ Божій. Это избавляетъ отъ тщеславія, это утѣшаетъ душу, это освящаетъ руки, это усмиряетъ помыслъ, это учитъ любомудрію, это содѣлываетъ тебя болѣе усерднымъ, это даетъ тебѣ возможность снискивать благословеніе; ты отходишь, пріемля на главу свою обильныя благословенія вдовицъ. Содѣлайся болѣе ревностнымъ въ молитвахъ, отыскивай святыхъ мужей,— истинно святыхъ, которые сидятъ въ пустыняхъ, которые не могутъ просить, прилѣпившись къ Богу; соверши дальній путь, подай лично самъ; самъ и получишь много пользы, если подашь. Видишь ли кущу и временное пристанище? Видишь ли пустыню? Видишь ли уединенное мѣсто? Часто, отправившись въ путь для раздачи денегъ, ты всецѣло предалъ душу, и былъ задержанъ, и сталъ плѣнникомъ, и явился пришельцемъ въ мірѣ. Посѣщеніе нищихъ составляетъ тоже великое дѣло. *Благо*, говорится,
575 *ходити въ домъ плача, нежели ходити въ домъ* смѣха (Еккл. vii, 3). Въ послѣднемъ душа воспламеняется страстію, потому что если и ты можешь такимъ же образомъ пресыщаться, то получаешь побужденіе къ роскоши, а если не можешь, — чувствуешь печаль. Напротивъ въ домѣ плача не бываетъ ничего такого: тамъ, не имѣя возможности пресыщаться, не огорчаешься, а когда имѣешь ее,—воздерживаешься.

Воистину монастыри домы плача: тамъ власяница и пепелъ,

тамъ уединеніе, тамъ нѣтъ ни смѣха, ни роя житейскихъ заботъ, тамъ постъ, тамъ возлежаніе на землѣ, тамъ все удалено отъ запаха крови, отъ шума, смятенія и людской суеты. Монастыри—тихая пристань. Они подобны свѣточамъ, которые, будучи помѣщены въ пристани, съ высоты свѣтятъ людямъ, приходящимъ издалека, привлекая всѣхъ къ своей тишинѣ, не допуская тѣхъ, которые обращаютъ взоръ свой на нихъ, подвергнуться кораблекрушенію, и тѣмъ, кто взираетъ на нихъ, не позволяя пребывать во мракѣ. Иди къ нимъ, дружески привѣтствуй, приступи, прикоснись къ ногамъ святыхъ: гораздо вѣдь почетнѣе прикасаться къ ихъ ногамъ, нежели къ головѣ другихъ людей. Скажи мнѣ: если нѣкоторые обнимаютъ ноги статуй, потому что онѣ вполнѣ представляютъ царскій образъ, то ужели ты не обнимешь ногъ того, кто носитъ въ себѣ образъ Христа, чтобы получить спасеніе? Святы эти ноги, хотя и исхудалыя; между тѣмъ у нечестивыхъ даже голова не заслуживаетъ уваженія. Ноги святыхъ имѣютъ великую силу. Потому-то и ниспосылаютъ наказаніе, когда отряхиваютъ съ себя прахъ. Когда къ намъ придетъ святой человѣкъ, мы не должны стыдиться сдѣлать для него что-либо подобное этому. А святые—всѣ тѣ, которые имѣютъ правую вѣру и живутъ благочестиво; они—святые, хотя бы не творили знаменій и не изгоняли демоновъ. Иди къ кущамъ святыхъ. Искать убѣжища въ монастырѣ святого мужа значитъ то же самое, что удаляться отъ земли на небо. Тамъ ты не видишь того, что видишь дома: мѣсто это чисто во всѣхъ отношеніяхъ, тамъ царствуетъ молчаніе и глубокая тишина, тамъ нѣтъ твоего и моего. Если же проведешь тамъ день или два, то почувствуешь тогда еще больше удовольствія. Наступаетъ день, или лучше, предъ наступленіемъ дня пропѣлъ пѣтухъ, — и тамъ нѣтъ того, что бываетъ дома: слуги храпятъ, двери заперты, всѣ спятъ, какъ мертвые, погонщикъ муловъ звенитъ колокольчиками. Тамъ нѣтъ ничего такого; но всѣ, когда настоятель разбудитъ ихъ, тотчасъ, съ благоговѣніемъ отложивъ сонъ, встаютъ и, составивъ священный ликъ, становятся въ рядъ, и вдругъ простираютъ руки горѣ и воспѣваютъ священные гимны. Они не нуждаются подобно намъ во многихъ часахъ для того, чтобы разогнать сонъ и облегчить тяжесть въ головѣ. Мы, когда встаемъ, сидимъ, долгое время вытягиваясь, и идемъ за нуждою; потомъ умываемъ лице, руки; затѣмъ надѣваемъ обувь и платье,—и времени у насъ проходитъ много.

4. А тамъ нѣтъ ничего такого: тамъ никто не призываетъ слуги, потому что всякій самъ себѣ можетъ помочь, не требуетъ многихъ одеждъ, не нуждается и въ томъ, чтобы разогнать сонъ,

но лишь только открылъ глаза, вслѣдствіе трезвенной своей жизни, походитъ уже на того, кто долгое время бодрствовалъ. Дѣйствительно, когда сердце, не будучи отягчено яствами, не погружается въ земное, то оно не имѣетъ нужды въ долгомъ времени, чтобы воспрянуть, но тотчасъ является трезвеннымъ. Руки ихъ всегда чисты, потому что и сонъ ихъ бываетъ благопристойнымъ: тамъ не услышишь ни храпящихъ, ни зѣвающихъ, не увидишь ни раскинувшагося во снѣ, ни обнаженнаго, но всѣ спятъ, лежа благоприличнѣе, нежели бодрствующіе. Все же это
576 происходитъ отъ добраго настроенія души. Они поистинѣ святые,—ангелы между людьми. И не удивляйся, слыша это,—великій страхъ предъ Богомъ не позволяетъ впадать имъ въ глубокій сонъ и погружать въ него душу, но онъ (сонъ) какъ бы снаружи прикасается, только для успокоенія ихъ. А если таковъ ихъ сонъ, то по необходимости таковы должны быть и ихъ сновидѣнія,—они не бываютъ исполнены мечтаній и страшныхъ видѣній. Но вотъ, какъ я сказалъ, пропоетъ пѣтухъ, — и тотчасъ приходитъ настоятель и, ногою просто толкнувъ лежащаго, поднимаетъ всѣхъ, потому что тамъ не позволяется спать нагимъ. Вставъ, они тотчасъ становятся въ рядъ, и съ великимъ согласіемъ и мелодическою стройностію поютъ пророческіе гимны. Ни гусли, ни свирѣль, ни иное какое-либо музыкальное орудіе не издаетъ такого звука, какой можно слышать въ глубокой тишинѣ и въ пустынѣ, когда поютъ эти святые люди. И самыя эти пѣсни плодотворны и исполнены любви къ Богу. *Въ нощехъ*, говорится, *воздѣжите руки ваша* къ Богу (Псал. CXXXIII, 2), и опять: *отъ нощи утренюетъ духъ мой къ тебѣ, Боже, зане свѣтъ повелѣнія твоя на земли* (Псал. XXVI, 9). (Поютъ они) и пѣсни Давидовы, исторгающія обильные потоки слезъ. Вѣдь когда воспѣвалъ онъ ихъ, говоря: *утрудихся воздыханіемъ моимъ, измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Псал. VI, 7); и опять: *зане пепелъ яко хлѣбъ ядяхъ* (Псал. CI, 10); и опять: *что есть человѣкъ, яко помниши его* (Псал. VIII, 5)? *человѣкъ суетѣ уподобися*, и *дніе наши яко сѣнь преходятъ* (Псал. CXLIII, 4); также: *не убойся, егда разбогатѣетъ человѣкъ, и егда умножится слава дому его* (Псал. XLVIII, 17); и опять: *(Богъ)* вселяющій *единомысленныя въ домъ* (Псал. LXVII, 7): также: *седмерицею днемъ хвалихъ тя о судьбахъ правды твоея* (Псал. CXVIII, 164); и опять: *полунощи востахъ исповѣдатися тебѣ о судьбахъ правды твоея* (Псал. CXVIII, 62); также: *Богъ избавитъ душу мою изъ руки адовы* (Псал. XLVIII, 16); и еще: *аще пойду посреди сѣни смертныя, не убоюся зла, яко ты со мною еси* (Псал. XXII, 4); и опять: *не убоюся отъ страха нощнаго, отъ стрѣлы летящія во дни, отъ вещи во тмѣ преходящія, отъ сряща и бѣса полуден-*

наго (Псал. xc, 5, 6); и опять: *вмѣнихомся яко овцы заколенія* (Псал. xliii, 23),—тогда выражалъ пламенную свою любовь къ Богу. А когда опять они поютъ вмѣстѣ съ ангелами (потому что и ангелы тогда поютъ), говоря: *хвалите Господа съ небесъ* (Псал. cxlviii, 1), между тѣмъ какъ мы въ это время зѣваемъ, чешемся, храпимъ, или просто лежимъ навзничъ и придумываемъ тысячи обмановъ, то какое благо приноситъ имъ то, что они въ этомъ проводятъ всю ночь? Когда же начинаетъ разсвѣтать, тогда они наконецъ отдыхаютъ, и въ то время, какъ мы начинаемъ свои дѣла, они имѣютъ часъ отдыха. Съ наступленіемъ дня, каждый изъ насъ, позвавъ другого, ведетъ съ нимъ рѣчь о дневныхъ расходахъ; затѣмъ одинъ выходитъ на общественную площадь, является къ начальнику, дрожитъ, боится наказаній; другой идетъ на зрѣлище; иной къ своимъ занятіямъ. Между тѣмъ они, окончивъ утреннія молитвы и пѣснопѣнія, обращаются къ чтенію Писаній. Есть между ними и такіе, которые научились списывать книги. Каждый изъ нихъ, занявъ одно отдѣльное жилище, постоянно упражняется въ молчаніи, никто не суесловитъ, никто ничего не говоритъ. Потомъ совершаютъ они третій, шестой, девятый часъ и вечернее молитвословіе, и, раздѣливъ день на четыре части, по окончаніи каждой изъ нихъ прославляютъ Бога 577
псалмопѣніями и гимнами. Тогда какъ всѣ прочіе обѣдаютъ, смѣются, забавляются, преисполняютъ себя излишними яствами, они занимаются пѣніемъ гимновъ, не имѣя времени ни для трапезы, ни для чувственныхъ удовольствій. И послѣ обѣда опять принимаются они за тѣ же упражненія, подкрѣпивъ себя сперва сномъ. Міряне и днемъ спятъ, а тѣ и ночью бодрствуютъ. Воистину они—сыны свѣта. Первые, проведши большую часть дня во снѣ, становятся тяжелыми; а послѣдніе, до поздняго времени оставаясь безъ пищи и занимаясь гимнами, все еще трезвятся. Когда же наступаетъ вечеръ, первые спѣшатъ въ бани и на увеселенія, а послѣдніе, освободившись отъ трудовъ, наконецъ садятся за трапезу, и не поднимаютъ толпы слугъ, не бѣгаютъ по дому, не производятъ шума, не предлагаютъ множества блюдъ, распространяющихъ запахъ мяса, но подаютъ—одни только хлѣбъ и соль, а другіе прибавляютъ еще елея; у иныхъ, болѣе немощныхъ, подаются еще травы и овощи. Потомъ, посидѣвъ немного времени, или скорѣе, завершивъ день пѣніемъ гимновъ, каждый изъ нихъ опочиваетъ на постели, приспособленной къ тому, чтобы найти на ней не нѣгу, а только успокоеніе. Нѣтъ тамъ ни страха предъ правителями, ни надменности, свойственной вельможамъ, ни рабской боязни, ни женскаго шума, ни дѣтскаго крика; нѣтъ тамъ множества сундуковъ, ни излишняго скопле-

нія ризъ, ни золота, ни серебра; нѣтъ у нихъ ни внутренней, ни внѣшней стражи; нѣтъ ни сокровищницы и ничего такого; но все исполнено молитвы, все гимновъ, духовнаго благоуханія; тамъ нѣтъ ничего плотского. Не боятся они нападенія разбойниковъ, потому что не имѣютъ ничего такого, чего могли бы лишиться: денегъ нѣтъ, есть только тѣло да душа. Если бы ее отняли у нихъ, то принесли бы имъ не вредъ, а пользу. *Мнѣ бо*, говоритъ (апостолъ), *еже жити Христосъ, и еже умрети пріобрѣтеніе* (Филип. I, 21). Они отрѣшились отъ всѣхъ узъ. Поистинѣ *гласъ радости въ селеніихъ праведныхъ* (Псал. CXVII, 15).

5. Не слышно тамъ ни воплей, ни рыданій: подъ этимъ кровомъ нѣтъ такихъ огорченій, нѣтъ такихъ возгласовъ. Умираютъ конечно и у нихъ,—потому что по тѣлу они не безсмертны,—но смерти не почитаютъ смертію. И отшедшихъ провожаютъ съ гимнами, называя это сопутствованіемъ, а не выносомъ. Какъ скоро становится извѣстнымъ, что кто-нибудь скончался, сейчасъ настаетъ великая радость, великое удовольствіе. Вѣрнѣе же—никто даже и сказать не смѣетъ, то такой-что скончался, но говорятъ: такой-то достигъ совершенства. Потомъ бываетъ благодареніе, великое славословіе и веселіе, при чемъ каждый молится, чтобы и ему имѣть такую же кончину, такимъ же образомъ выйти изъ этой борьбы, опочить отъ трудовъ и подвиговъ и узрѣть Христа. Если же кто заболѣетъ, то не слезы, не стенанія, а опять молитвы; и часто не руки врачей, а одна вѣра возстановляетъ болящаго. Но если понадобится и врачъ, то и тутъ является великое любомудріе, великое терпѣніе. Не предстоитъ жена съ распущенными волосами, не присутствуютъ дѣти, оплакивающія свое, еще не наступившее, сиротство, не упрашиваютъ умирающаго господина рабы, чтобы онъ какъ-нибудь обезпечилъ ихъ: душа его свободна отъ всего этого и смотритъ только на одно—на послѣдній вздохъ, какъ бы отойти возлюбленною Богомъ. Если и приключается болѣзнь, то приключается не отъ обжорства и не отъ пьянства, но и самыя причины болѣзней бываютъ достойны похвалъ, а не осужденія, равно какъ и самыя (болѣзни): болѣзни происходятъ или отъ бдѣнія, или отъ усиленнаго поста, или отъ другихъ та-
578 кихъ же причинъ, почему и легко излѣчиваются,—для излѣченія всѣхъ этихъ недуговъ имъ довольно только не въ такой степени трудиться.

6. Иной спроситъ: а скажи мнѣ, умывалъ ли кто-нибудь ноги святыхъ въ церкви; можно ли и здѣсь найти такихъ? Можно, и очень можно; на томъ основаніи только, что мы описывали жизнь этихъ людей, не станемъ пренебрегать тѣми, которые пребываютъ въ церквахъ. Много такихъ часто бываетъ и среди церквей;

но они скрываются. Слѣдовательно мы не должны презирать ихъ за то, что они ходятъ по домамъ, отправляются на торжища и занимаютъ начальническія должности. И Богъ заповѣдалъ это. *Судите*, говоритъ Онъ, *сиру, и оправдите вдовицу* (Иса. I, 17). Много путей добродѣтели, подобно тому, какъ многоразличны бываютъ и жемчужины; хотя всѣ онѣ называются жемчужинами, но одна свѣтла и со всѣхъ сторонъ кругла, а другая этой красоты не имѣетъ, а имѣетъ иную. Какую же именно? Подобно кораллу, искусно обдѣланному, онѣ имѣютъ продолговатый видъ, выточенные углы и другой цвѣтъ гораздо пріятнѣе бѣлаго, именно—однѣ имѣютъ зеленый цвѣтъ, который гораздо красивѣе всякой зелени, другія свѣжестію краски уподобляются цвѣту крови, третьи бываютъ синѣе моря, иныя блистательнѣе пурпура; можно находить безчисленное множество и другихъ, которыя столь же разнообразны, какъ цвѣтки, и уподобляются цвѣту солнечныхъ лучей. Таковы и святые, именно—одни стараются усовершенствовать самихъ себя, другіе содѣйствуютъ устроенію церквей. Хорошо поэтому сказалъ (апостолъ): *аще святыхъ нозѣ умы, аще скорбнымъ утѣшеніе бысть.* Онъ сказалъ это съ тою цѣлію, чтобы всѣхъ побудить къ подражанію. Поэтому и мы поспѣшимъ исполнить это, чтобы и мы могли похвалиться тѣмъ, что умывали ноги святыхъ. Если же надобно умывать имъ ноги, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ подавать имъ изъ рукъ деньги и заботиться о томъ, чтобы это оставалось тайнымъ. *Да не увѣсть*, говоритъ (Господь), *шуйца твоя, что творитъ десница твоя* (Мѳ. VI, 3). Зачѣмъ берешь съ собою тысячи свидѣтелей? Пусть не знаетъ объ этомъ ни слуга, ни—если можно—жена. Много бываетъ соблазновъ со стороны лукаваго. Часто случается, что прежде она никогда не препятствовала, а тутъ станетъ препятствовать, или вслѣдствіе тщеславія, или вслѣдствіе чего-либо другого. Потому-то и Авраамъ, несмотря на то, что у него была достойная удивленія жена, намѣреваясь принести въ жертву сына, скрылъ это отъ нея,—хотя и не зналъ, что должно было произойти, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что дѣйствительно принесетъ его въ жертву. Но что сказалъ бы на это человѣкъ изъ толпы народа? Не сказалъ ли бы онъ: кто тотъ, который рѣшается сдѣлать это? Не обвинилъ ли бы его въ безчувственности и жестокости? Жена не сподобилась даже посмотрѣть на свое дитя, слышать послѣдній его вопль, взглянуть на него, когда онъ будетъ испускать духъ; онъ взялъ и повелъ его будто плѣнника. Но ни о чемъ такомъ не помышлялъ этотъ праведникъ, воодушевившись любовію. Онъ не видѣлъ ничего другого, кромѣ того, какъ бы исполнить то, что было ему заповѣдано, и не было тамъ ни раба, ни жены; онъ даже и самъ не

зналъ, что произойдетъ, но старался принести вполнѣ чистую жертву, не оскверненную ни слезами, ни противорѣчіемъ. Смотри же, съ какою кротостію спрашиваетъ его Исаакъ и что говоритъ ему: *се огнь и дрова, гдѣ овча?* Что же отвѣчаетъ отецъ? *Богъ узритъ себѣ овча во всесожженіе, чадо* (Быт. ххп, 7, 8). Это сказано было и какъ бы пророчески, то есть—что Богъ узритъ себѣ Сына во всесожженіе; и такъ тогда случилось. Но для чего, скажи, скрываешь ты это отъ имѣвшаго быть закланнымъ? Конечно, скажешь, я боялся, чтобы онъ не былъ пораженъ ужасомъ,—боялся, чтобы онъ не явился недостойнымъ. Видишь ли, съ какою точностію все онъ дѣлалъ? Слѣдовательно хорошо сказало Писаніе:
579—580 *да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя* (Мѳ. vi, 3), то есть — хотя бы мы смотрѣли на кого, какъ на собственный членъ, однако не должны, безъ крайней необходимости, спѣшить открывать ему свои намѣренія, потому что отъ этого происходитъ много бѣдъ, и кто увлекается тщеславіемъ, тотъ часто встрѣчаетъ въ этомъ препятствіе. Потому мы должны, если можно, скрываться и отъ самихъ себя, чтобы могли стяжать обѣтованныя блага благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ.

БЕСѢДА XV.

579 Юныхъ же вдовицъ отрицайся: егда бо разсвирѣпѣютъ противу Христа, посягати хотятъ, имущія грѣхъ, яко первыя вѣры отвергошася. Купно же и праздны учатся обходити домы: не точію же праздны, но и бля́дивы и оплазивы, глаголющія, яже не подобаетъ. Хощу убо юнымъ вдовицамъ посягати, домъ строити, ни единыя вины даяти противному хулы ради. Се бо нѣкія развратишася вслѣдъ сатаны (1 Тим. v, 11—15).

1. Павелъ, сказавъ многое о вдовицахъ, опредѣливъ ихъ возрастъ слѣдующими словами: *вдовица да причитается не меньши лѣтъ шестидесятихъ*, и показавъ качества вдовицы, говоря: *аще чада воспитала есть, аще странныя пріятъ, аще святыхъ нозѣ умы* (1 Тим. v, 9, 10), здѣсь опять говоритъ: *юныхъ же вдовицъ отрицайся.* Между тѣмъ касательно дѣвъ, несмотря на то, что вопросъ этотъ былъ гораздо важнѣе, онъ ничего такого не заповѣдуетъ. И справедливо. Почему? Потому что дѣвы обязывались къ болѣе высокому (служенію), и ради болѣе возвышенныхъ цѣлей учре-

ждалось это званіе. Поэтому (такія заповѣди какъ) *аще странныхъ пріятъ, аще святыхъ нозѣ умы* и всѣ тому подобныя онъ опустилъ въ виду усердія (дѣвъ), а также сказаннаго: *непосягшая печется о Господнихъ* (1 Кор. VII, 34). Если же онъ не опредѣляетъ съ точностію времени, то этому не удивляйся: изъ вышесказаннаго весьма ясно открывается и это. Впрочемъ я уже сказалъ, что послѣднія избирали дѣвство ради болѣе возвышенныхъ цѣлей. Кромѣ того, здѣсь, у первыхъ, уже случались паденія, и онѣ сами дали поводъ къ установленію такого закона, между тѣмъ какъ тамъ ничего такого не было. Что нѣкоторыя уже пали, это явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ: *егда бо разсвирѣпѣютъ противу Христа, посягати хотятъ*; и опять: *се бо нѣкія развратишася вслѣдъ сатаны. Юныхъ же вдовицъ отрицайся.* Почему? *Егда бо разсвирѣпѣютъ противу Христа, посягати хотятъ.* Что это значитъ: *егда разсвирѣпѣютъ?* Когда становятся распутными, изнѣженными; подобно тому, какъ если бы кто-либо сказалъ честному мужу: отпусти ее, потому что она принадлежала другому. Такимъ образомъ (апостолъ) показываетъ, что онѣ избрали вдовство легкомысленно, не подумавъ хорошо. Слѣдовательно и вдовица своимъ вдовствомъ обручается Христу: я, говоритъ, покровитель вдовъ и отецъ сиротъ. (Апостолъ) показываетъ, что онѣ неправильно избираютъ вдовство, а развращаются, и однакожъ терпитъ ихъ, хотя въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *обручихъ бо васъ единому мужу дѣву чисту представити Христови* (2 Кор. XI, 2). Несмотря на то, говоритъ, что онѣ посвятили себя Ему (Христу), *посягати хотятъ, имущія грѣхъ, яко первыя вѣры отвергошася.* Вѣрою называетъ обѣтъ, истину; какъ бы такъ говоритъ: обманули Его, нарушили обѣтъ. *Купно же и праздны учатся.*

Слѣдовательно не только мужчинамъ заповѣдуетъ трудиться, но и женщинамъ, потому что праздность научаетъ всякому злу. Не этой только винѣ, говоритъ онъ, подлежатъ онѣ, но и другимъ грѣхамъ. Если же женщинѣ неприлично ходить по домамъ, то тѣмъ болѣе дѣвѣ. *Не точію же*, говоритъ, *праздны учатся, но* 580
и блядивы, и оплазивы, глаголющія яже не подобаетъ. Хощу убо юнымъ вдовицамъ посягати, чада раждати, домъ строити. Итакъ, что выйдетъ изъ того, когда онѣ откажутся и отъ попеченія о мужахъ, и не приложатъ старанія о Богѣ? Тогда онѣ безъ сомнѣнія сдѣлаются праздными, болтливыми, безъ нужды пытливыми. Дѣйствительно, кто не заботится о своемъ, тотъ непремѣнно будетъ заботиться о чужомъ, равно какъ заботящійся о своемъ и говорить не станетъ о чужомъ, и не будетъ имѣть никакого о томъ попеченія. *Глаголющія, яже не подобаетъ.* Нѣтъ ничего въ такой степени неприличнаго женщинѣ, какъ всячески разузнавать

чужія дѣла; впрочемъ не только женщинѣ, но и мужчинѣ, потому что это величайшій признакъ безстыдства и наглости. *Хощу убо.* Такъ какъ онѣ сами хотятъ, то и я хочу, чтобы юныя вдовицы вступали въ бракъ, раждали дѣтей, занимались хозяйствомъ, сидѣли дома, потому что дѣлать это гораздо лучше, нежели что-либо другое. Правда, слѣдовало имъ имѣть попеченіе о службѣ Божіей, слѣдовало хранить вѣру; но если этого нѣтъ, то лучше, чтобы было послѣднее, чѣмъ первое, потому что въ такомъ случаѣ и Богъ не бываетъ отвергаемъ, и сами онѣ не учатся этому. Отъ того вдовства не будетъ никакой пользы; а отъ этого брака (можетъ быть) много благъ: вслѣдствіе его безпечный и лѣностный ихъ умъ можетъ обратиться (къ добру). Но отчего, спросишь ты, (апостолъ) не сказалъ, что такъ какъ вдовицы пали, то онѣ должны употребить особенное стараніе, чтобы не испытать того, о чемъ я говорилъ, но заповѣдуетъ вступать въ бракъ? Оттого, что (вступать въ бракъ) не запрещено, оттого, что онъ поставляетъ въ безопасное положеніе; поэтому и прибавляетъ: *ни едины вины даяти противному хулы ради*, и никакого повода. *Се бо нѣкія развратишася вслѣдъ сатаны.* Итакъ, онъ отвергаетъ такихъ вдовицъ, желая не того, чтобы онѣ не были молоды, но не желая того, чтобы онѣ прелюбодѣйствовали, не желая, чтобы онѣ были праздны, безъ нужды пытливы, чтобы говорили, чего не слѣдуетъ, не желая, чтобы діаволъ находилъ въ нихъ поводъ (къ осужденію); такъ что, если бы этого не было, то онъ и не отвергалъ бы ихъ. *Аще кто вѣренъ или вѣрна имать вдовицы, да довлитъ ихъ, и да не тяготится церковь, да сущихъ истинныхъ вдовицъ удоволитъ* (ст. 16). Видишь, какъ опять онъ истинными вдовицами называетъ совершенно одинокихъ, не имѣющихъ ни откуда утѣшенія? Такъ, дѣйствительно, было лучше. Отсюда проистекали два величайшія (блага): одни находили поводъ дѣлать добро, другія были хорошо пропитываемы, и Церковь не обременялась. Кстати онъ прибавилъ: *аще кто вѣренъ*,—потому что вѣрныя не должны были получать пропитаніе отъ невѣрныхъ, чтобы не казалось, будто имѣютъ въ нихъ нужду. И смотри, какъ утѣшительна (его рѣчь). Не сказалъ: да будетъ доставляемо имъ роскошное содержаніе, но: *да довлитъ ихъ*, Церковь *да сущихъ истинныхъ вдовицъ удоволитъ*. Слѣдовательно и за такую помощь она получаетъ награду; помогая Церкви, она не ей только помогаетъ, но и тѣмъ (вдовицамъ), когда доставляетъ имъ обильное содержаніе. *Хощу юнымъ*—что? Пресыщаться? Или предаваться нѣгѣ? Ничего такого, но *посягати, чада раждати, домъ строити*. А чтобы ты не подумалъ, будто онъ увѣщеваетъ ихъ проводить
581 жизнь въ удовольствіяхъ, онъ прибавилъ: *ни едины вины даяти*

противному хулы ради. Имъ надлежало быть выше житейскихъ нуждъ, но такъ какъ онѣ стали ниже ихъ, то по крайней мѣрѣ на той степени должны были стоять. *Добрѣ предстоящіе пресвитеры сугубыя чести да сподобляются, паче же труждающіися въ словѣ и ученіи. Глаголетъ бо Писаніе: вола молотяща не обротиши, и: достоинъ дѣлатель мзды своея* (ст. 17—18).

2. Честію здѣсь называетъ попеченіе, доставленіе всего необходимаго. Это видно изъ словъ: *вола молотяща не обротиши, и: достоинъ дѣлатель мзды своея.* Слѣдовательно, и въ томъ случаѣ, когда говоритъ: *вдовицы чти* (1 Тим. v, 3), говоритъ это о необходимой для нихъ пищѣ: *да сущихъ истинныхъ вдовицъ удоволитъ,* говоритъ онъ; и опять: *чти сущія истинныя вдовицы,* т. е. бѣдныхъ, потому что чѣмъ бѣднѣе которая изъ нихъ, тѣмъ она больше вдовица. Здѣсь приводитъ и постановленіе закона, и заповѣдь Христову,—и то и другое согласны между собою. Законъ именно говоритъ: *вола молотяща не обротиши.* Видишь ли, какихъ трудовъ требуетъ онъ отъ учителя? Нѣтъ, воистину нѣтъ другого труда, равнаго его труду. Но это—постановленіе закона. Какую же приводитъ онъ заповѣдь Христову? *Достоинъ,* говоритъ, *дѣлатель мзды своея.* Поэтому не на одну только награду мы должны обращать вниманіе, но и на то, какъ повелѣно; а онъ говоритъ: *достоинъ дѣлатель пищи своея.* Слѣдовательно тотъ, кто предается удовольствіямъ и успокоенію, не достоинъ ея. Кто не волъ молотящій, кто не несетъ терпѣливо ярма, не обращая вниманія на жаръ и терніе, и не прежде оставляетъ его, какъ по собраніи плодовъ въ житницу, тотъ не достоинъ ея. Поэтому надобно, чтобы учителямъ все необходимое было доставляемо въ изобиліи, чтобы они не трудились (для этого сами), не изнемогали и, занимаясь маловажнымъ, не лишались великаго, чтобы они упражнялись въ духовныхъ подвигахъ, нисколько не заботясь о житейскихъ дѣлахъ. Таковы были левиты: у нихъ не было никакой заботы о житейскомъ, потому что попеченіе о нихъ имѣли міряне и закономъ опредѣлены были ихъ доходы, какъ-то: десятины, извѣстное количество златницъ, начатки, молитвы, и многое другое. Но имъ естественно назначалось это по закону, такъ какъ они искали настоящаго; а я говорю, что предстоятели не должны имѣть ничего больше, кромѣ пищи и одежды, чтобы они не развлекались этимъ. Что же значитъ: *сугубыя чести?* Сугубой по отношенію къ вдовицамъ, или по отношенію къ діаконамъ, или просто—сугубой чести, то есть, великой. Поэтому мы должны обращать вниманіе не только на то, что (апостолъ) удостоиваетъ ихъ сугубой чести, но и на то, что онъ говоритъ дальше: *предстоящіи добрѣ.* Что же значитъ: *предстоящіи добрѣ?*

Послушаемъ, что говоритъ Христосъ: *пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы* (Іоан. x, 11). Слѣдовательно въ томъ состоитъ хорошее предстоятельство, чтобы ради попеченія о нихъ не щадить ничего. *Паче же*, говоритъ, *труждающіися въ словѣ и ученіи*. Гдѣ теперь тѣ, которые утверждаютъ, что ненужно слова и ученія? Между тѣмъ и Тимоѳею онъ даетъ столько увѣщаній, говоря: *въ сихъ поучайся, въ сихъ пребывай* (1 Тим. iv, 15): и опять: *внемли чтенію, утѣшенію: сія бо творя и самъ спасешися, и послушающіи тебе* (1 Тим. iv, 13, 16). Равнымъ образомъ онъ хочетъ, чтобы такихъ почитали больше, нежели всѣхъ другихъ. И приводитъ причину: они, говоритъ, подъемлютъ великій трудъ. И справедливо. Тогда какъ другой и не бодрствуетъ, и не печется, но остается безъ заботы и печали, тотъ трудится, печется, и по-
582 учается,—особенно когда бываетъ неопытенъ во внѣшнихъ наукахъ. Какъ же не долженъ онъ пользоваться большею честію. нежели всѣ прочіе, когда онъ предается столь великимъ трудамъ? При томъ онъ служитъ предметомъ безчисленныхъ разговоровъ. Одинъ укоряетъ его, другой хвалитъ, иной насмѣхается, тотъ оскорбляетъ его память и намѣренія,—и нужна ему большая крѣпость духа, чтобы переносить это. Это важно и много содѣйствуетъ благоустроенію Церкви и великую приноситъ пользу, когда предстоятели ея люди ученые. А когда этого нѣтъ, то въ Церквахъ многое погибаетъ. Вотъ почему къ прочимъ (свойствамъ предстоятеля), къ страннолюбію, къ кротости, къ непорочности (апостолъ) причисляетъ и это, говоря: *учительну*. При томъ почему онъ называется учителемъ? Конечно, потому, скажешь, что онъ своею жизнію долженъ научать другихъ любомудрію. Слѣдовательно это становится излишнимъ, и для преуспѣянія ненужно словеснаго наставленія. Но какъ же Павелъ говоритъ: *паче же труждающіися въ словѣ и ученіи*? Вѣдь когда рѣчь идетъ о догматахъ, тогда какую силу имѣетъ жизнь? Впрочемъ о какомъ словѣ говоритъ онъ? Не о хвастливомъ, не о томъ, какое отличается внѣшнею утонченностію, но о томъ, которое проникнуто великою силою духа, исполнено разума и мудрости. Поэтому ему нужны не искусство и изящныя выраженія, а мысли,—не изложеніе, а смыслъ. *На пресвитера хулы не пріемли, развѣ при двою или тріехъ свидѣтелехъ* (ст. 19). Слѣдовательно, ужели нужно принимать обвиненіе (взводимое) на молодого безъ свидѣтелей? Или вообще на всякаго? И ужели вообще должно безъ изслѣдованія произносить приговоры? Что же значитъ сказанное имъ? Онъ говоритъ—ни на другихъ, но особенно на пресвитера, потому что подъ именемъ пресвитера онъ разумѣетъ здѣсь не санъ, а возрастъ, такъ какъ юноши легче погрѣшаютъ, нежели старцы. Отсюда явнымъ

становится то, что Тимоѳею уже ввѣрена была Церковь, или и весь народъ Азіи. Поэтому (апостолъ) и бесѣдуетъ съ нимъ о пресвитерахъ. *Согрѣшающихъ предъ всѣми обличай, да и прочіи страхъ имутъ* (ст. 20). То есть, не тотчасъ отсѣкай, но все изслѣдуй съ великою точностію. Когда же ясно узнаешь, строго взыскивай, чтобы и другіе вразумлялись. Какъ вредно бываетъ необдуманно осуждать, такъ и не наказывать явно согрѣшившихъ значитъ давать дорогу другимъ къ тому, чтобы и они то же самое дѣлали и на то же покушались. *Обличай*, говоритъ, показывая (что нужно дѣйствовать) не кое-какъ, но съ строгостью, потому что такимъ образомъ и другіе будутъ бояться. Какъ же Христосъ говоритъ: *иди, обличи его между тобою и тѣмъ единѣмъ* (Мѳ. XVIII, 15), если онъ согрѣшилъ противъ тебя? Однакожъ (Христосъ) позволяетъ обличать его и въ церкви.

3. Что же? Развѣ не больше будетъ соблазна, когда предъ всѣми станешь обличать? Какимъ образомъ? Когда грѣхъ узнаютъ, а наказанія видѣть не будутъ, то больше станутъ соблазняться. Какъ оттого, что согрѣшившіе остаются ненаказанными, многіе согрѣшаютъ, такъ и оттого, что они бываютъ наказываемы, многіе исправляются. Такъ поступалъ и Богъ. Онъ привелъ фараона на средину (моря) и наказалъ; видимъ также, что получили наказаніе и Навуходоносоръ, и многіе другіе люди и города. Слѣдовательно онъ хочетъ, чтобы всѣ имѣли страхъ предъ епископомъ, и поставляетъ его надъ всѣми. Но такъ какъ многіе подверга- 583
лись осужденію по подозрѣнію, то онъ говоритъ, что надобно, чтобы были свидѣтели, которые обличили бы его, согласно предписанію древняго закона: *при* двухъ или трехъ свидѣтеляхъ *да станетъ всякъ глаголъ* (Втор. XIX, 15). *На пресвитера*, говоритъ, *хулы не пріемли*. Не сказалъ: не осуждай, но: даже не принимай обвиненія и вовсе не призывай его на судъ. Но что, если и двое свидѣтелей солгутъ? Это рѣдко случается, при томъ же по разслѣдованіи на судѣ и это можетъ обнаружиться. Для (обличенія) грѣховъ довольно и двухъ свидѣтелей, въ виду того, что они совершаются тайно и скрытно,—такъ что это служитъ признакомъ строгаго изслѣдованія. Но что, если грѣхи будутъ явны, а свидѣтелей не будетъ, но только подозрѣніе въ дурномъ? Выше я сказалъ, говоритъ онъ: *подобаетъ же ему и свидѣтельство добро имѣти отъ внѣшнихъ* (1 Тим. III, 7). Будемъ же любить Бога со страхомъ, потому что хотя *праведнику законъ не лежитъ* (1 Тим. I, 9), однако многіе, упражняясь въ добродѣтели по необходимости, а не вслѣдствіе свободнаго расположенія воли, отъ страха получаютъ много пользы, часто отсѣкая свои пожеланія. Для того послушаемъ о гееннѣ, чтобы эта угроза и этотъ страхъ до-

ставили намъ нѣчто важное. Если бы Тотъ, кто намѣревается ввергнуть въ нее грѣшниковъ, не высказалъ напередъ этой угрозы, то многіе попали бы въ нее. Въ самомъ дѣлѣ, если даже теперь, когда страхъ потрясаетъ наши души, есть люди, которые такъ легко согрѣшаютъ, какъ будто она и не существуетъ, то какого зла мы не сдѣлали бы, если бы ничего такого не говорили намъ и ничѣмъ такимъ не угрожали? Слѣдовательно, какъ всегда я говорю, геенна не менѣе царствія показываетъ попеченіе Божіе о насъ. Геенна содѣйствуетъ царствію (Божію), страхомъ подвигая людей къ нему. Итакъ, не будемъ считать этого признакомъ излишней строгости и жестокости, но милосердія, великаго человѣколюбія, попеченія и любви къ намъ. Если бы во времена Іоны не угрожала погибель, то не была бы предотвращена погибель. Если бы Богъ не сказалъ, что *Ниневія превратится* (Іон. ш. 4), то не устояла бы Ниневія. Если бы Онъ не угрожалъ намъ геенною, всѣ мы попали бы въ геенну. Если бы не грозилъ намъ огонь, никто не избѣжалъ бы огня. Онъ говоритъ, что сдѣлаетъ то, что несогласно съ Его желаніемъ, чтобы сдѣлать то, чего желаетъ. Онъ не хочетъ смерти грѣшника, но говоритъ о смерти грѣшника, чтобы не предать его смерти. Не только словомъ выражаетъ это, но показываетъ и на дѣлѣ, чтобы мы избѣжали ея. А чтобы кто-нибудь не подумалъ, что это только одна угроза, а не что-либо дѣйствительное, Онъ сдѣлалъ это яснымъ чрезъ событія, которыя прежде здѣсь совершались. Не кажется ли тебѣ, что потопъ есть образъ геенны, истребленіе посредствомъ дождя есть образъ такого же истребленія посредствомъ огня? *Якоже бо*, говоритъ, *во дни Ноевы, бѣху женящеся и посягающе* (Мѳ. xxiv, 37, 38), такъ и теперь. Задолго предсказывалъ Онъ тогда, предсказываетъ и нынѣ лѣтъ за четыреста, или и болѣе, но никто не внимаетъ. Всѣ полагаютъ, что это басни, всѣ смѣются, никто не чувствуетъ страха, никто не плачетъ, никто не бьетъ себя въ грудь. Рѣка огня кипитъ, пламень разгарается, а мы смѣемся, предаемся удовольствіямъ и грѣшимъ безбоязненно. Никто никогда не приводитъ себѣ на память этого дня; никто не помышляетъ, что настоящее преходитъ, что все это временно, несмотря на то, что событія ежедневно вопіютъ и громко говорятъ о томъ. Преждевременная смерть, перемѣны обстоятельствъ, совершающіяся когда мы еще и живемъ, не вразумляютъ
584 насъ, равно какъ и недуги, и прочія немощи. И не въ нашихъ только тѣлахъ, но и въ самыхъ стихіяхъ можно видѣть эти перемѣны; и (перемѣны), замѣчаемыя въ возрастахъ, ежедневно приводятъ насъ къ размышленію о смерти; и вездѣ во всемъ отпечатлѣвается непостоянство вещей. Никогда не продолжается

неизмѣнно ни зима, ни лѣто, ни весна, ни осень, но все бѣжитъ. летитъ и течетъ. Но объ чемъ бы ты желалъ, чтобы я говорилъ тебѣ: о цвѣтахъ ли, о достоинствахъ ли, о царяхъ ли, которые нынѣ живутъ, а завтра перестанутъ существовать? Или о богатыхъ? Или о блестящихъ зданіяхъ? Или о ночи и днѣ? Или о солнцѣ и о лунѣ? Развѣ не уменьшается и эта послѣдняя? Развѣ самое солнце часто не затмевается и не покрывается мракомъ? Развѣ не закрываетъ его облако? Развѣ что-либо видимое пребываетъ неизмѣннымъ? Ничто изъ всего того, что въ насъ находится, кромѣ души; и между тѣмъ о ней мы нерадимъ. Мы много печемся о томъ, что измѣнчиво, считая его постоянно пребывающимъ; а на то, что постоянно пребываетъ, на душу, какъ будто на нѣчто скоропреходящее, мы не обращаемъ никакого вниманія. Положимъ, что иной имѣетъ великую силу. Но только до завтра, а послѣ этого она погибаетъ; это видно изъ того, что бывали люди, одаренные великимъ могуществомъ, и теперь ихъ нигдѣ не видно. Жизнь походитъ на сцену и сновидѣніе. Подобно тому, какъ на сценѣ, по снятіи покрововъ, исчезаетъ разнообразіе изображеній, и какъ, съ появленіемъ солнечнаго луча, всѣ сновидѣнія улетаютъ,—такъ и теперь, послѣ того какъ послѣдуетъ кончина и общая, и каждаго порознь, все разрушается и исчезаетъ. И дерево, которое ты посадилъ, остается; и домъ, который ты построилъ, тоже остается; между тѣмъ художникъ и земледѣлецъ удаляются и погибаютъ. И когда все это происходитъ, мы, несмотря даже на это, не вразумляемся, и какъ будто безсмертные все это устрояемъ, предаваясь удовольствіямъ и наслажденію.

4. Послушай, что говоритъ Соломонъ, который на дѣлѣ испыталъ значеніе настоящихъ вещей. *Создахъ ми домы*, говоритъ онъ, *насадихъ вертограды и сады, винограды и купъли водныя, сребро и злато были у меня, сотворихъ ми поющихъ и поющія*, стада овецъ и воловъ (Еккл. II, 4—8). Никто не былъ столько преданъ наслажденію, никто не былъ такъ славенъ, никто такъ мудръ, никто такъ могущественъ, никто не видѣлъ, чтобы все такъ шло по его желанію. Что же? Ничто изъ этого не принесло ему пользы: но что говоритъ онъ послѣ всего этого? *Суета суетствій*, говоритъ, *всяческая суета* (Еккл. I, 2). Не просто суета, но суета по преимуществу. Послѣдуемъ ему, умоляю васъ, ему, извѣдавшему все на опытѣ; послѣдуемъ ему, и обратимся къ тому, въ чемъ нѣтъ суеты, гдѣ истина, гдѣ все постоянно и неизмѣнно, гдѣ все создано на камнѣ, гдѣ нѣтъ ни старости, ни измѣняемости, гдѣ все цвѣтетъ, гдѣ все исполнено силы, гдѣ ничто не ветшаетъ и не старѣетъ и не приближается къ разрушенію. Возлюбимъ, умоляю васъ, преискренне Бога—не изъ страха геенны, а изъ желанія

пріобрѣсть царствіе. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, что можетъ равняться съ созерцаніемъ Христа? Нѣтъ ничего такого. Что можетъ равняться съ наслажденіемъ тѣми благами? Тоже нѣтъ ничего такого. И справедливо, потому что *око не видѣ*, говорится, *и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ его* (1 Кор. II, 9).

Постараемся же получить эти блага и презримъ земныя. Развѣ не до безконечности мы уничижаемъ эти послѣднія, (говоря):
585 человѣческая жизнь ничто? Зачѣмъ же заботишься о ничемъ? Зачѣмъ подъемлешь труды для ничего? Но ты взираешь на блестящія зданія, и созерцаніе ихъ прельщаетъ тебя? Тогда взгляни тотчасъ на небо, обрати свой взоръ отъ камней и столповъ къ этой красотѣ,—и увидишь, что все это—дѣла муравьевъ и комаровъ. Почерпай мудрость изъ этого зрѣлища, восходи къ небесному. Оттуда разсмотри блестящія зданія,—и увидишь, что они не иное что, какъ игрушки малыхъ дѣтей. Развѣ не видишь, насколько тоньше, насколько легче, насколько чище, насколько свѣтлѣе становится воздухъ, по мѣрѣ того, какъ восходишь на высоту? Творящіе милостыню тамъ имѣютъ домы и мѣстопребываніе. А эти (земные домы) при воскресеніи разрушатся, или, правильнѣе говоря, прежде воскресенія самое время разрушитъ, уничтожитъ и истребитъ ихъ; даже прежде времени, часто въ полной силѣ и красотѣ, или ниспровергаетъ ихъ землетрясеніе, или всецѣло истребляетъ пожаръ. Не только вѣдь въ отношеніи человѣческаго возраста, но и въ отношеніи къ зданіямъ бываетъ преждевременная смерть. Часто тѣ зданія, которыя отъ времени содѣлались ветхими, при колебаніи земли оставались невредимыми; между тѣмъ блестящія, прочныя и недавно построенныя однимъ ударомъ грома были потрясаемы и разрушаемы. И это происходитъ, думаю, по устроенію Божію, чтобы мы не гордились нашими зданіями. Хочешь ли другимъ образомъ сохранить бодрость духа? Ступай къ общественнымъ зданіямъ, которыми наравнѣ съ другими и ты владѣешь. Вѣдь нѣтъ, поистинѣ нѣтъ дома, который, какъ бы блистателенъ ни былъ, превосходилъ бы блескомъ общественныя зданія. Пребывай тамъ, сколько хочешь времени. Эти зданія—твои, они твои столько же, какъ и всѣхъ прочихъ; они общія, а не частныя. Но ты скажешь, что они не нравятся тебѣ. Не нравятся, во-первыхъ, вслѣдствіе привычки, во-вторыхъ, вслѣдствіе любостяжанія. Слѣдовательно то, что нравится, есть любостяжаніе, а не красота. Слѣдовательно наслажденіе состоитъ въ любостяжаніи и въ желаніи присвоить себѣ все. До какихъ же поръ будемъ прилѣпляться къ этому? До какихъ поръ будемъ прикованы къ землѣ и, какъ черви, будемъ пресмы-

каться въ грязи? Богъ далъ намъ тѣло изъ земли для того, чтобы мы и его возвели на небо, а не для того, чтобы чрезъ него и душу низвели въ землю. Оно—земное; но если я захочу, будетъ небеснымъ. Смотри, какою честію Онъ насъ почтилъ, предоставивъ намъ такое дѣло. Я сотворилъ, говоритъ Онъ, землю и небо; даю и тебѣ творческую власть,—сотвори землю небомъ. ты можешь сдѣлать это. О Богѣ сказано: *творяй вся и претворяяй* его (Амос. v, 8). Но такую же власть Онъ далъ и людямъ, подобно тому, какъ чадолюбивый отецъ, занимаясь живописью, не только самъ (упражняется въ этомъ), но и сына хочетъ довести до одинаковаго съ нимъ совершенства. Я сотворилъ, говоритъ Онъ, прекрасное тѣло; даю тебѣ власть создать нѣчто лучшее,—содѣлай прекрасною душу. Я сказалъ: *да произраститъ земля быліе травное и* всякое *древо плодовитое* (Быт. I, 11). Скажи и ты: да произраститъ та же земля собственный плодъ и произойдетъ то, что по твоему желанію должно произойти. Я творю лѣто и мглу, утверждаю громъ и созидаю духъ; Я создалъ змія, что- 586
бы ругаться надъ нимъ, то есть діавола. Не позавидовалъ Я тебѣ и этой власти. Ругайся надъ нимъ и ты, если хочешь; можешь связать его, какъ птичку. Я возсіяваю солнце на злыхъ и благихъ; подражай и ты,—раздавай свои стяжанія и добрымъ, и злымъ. Я, будучи оскорбляемъ, терплю, и благотворю оскорбляющимъ Меня; подражай и ты,—ты можешь сдѣлать это. Я благодѣтельствую не ради воздаянія; подражай и ты, и дѣлай добро не ради воздаянія и не ради награды. Я возжегъ свѣтила на небѣ; зажги и ты свѣтила блистательнѣе этихъ, ты можешь сдѣлать это,—просвѣти заблудшихъ. Дать познать Меня—большее благодѣяніе, нежели доставить возможность видѣть солнце. Ты не можешь сотворить человѣка, но можешь сдѣлать его праведнымъ и благоугоднымъ Богу. Я сотворилъ существо; ты укрась намѣреніе. Смотри, какъ Я люблю тебя, и что Я далъ тебѣ силу даже въ болѣе важныхъ дѣлахъ. Видите, возлюбленные, какъ мы почтены, и между тѣмъ нѣкоторые несмысленные и неблагодарные говорятъ: для чего мы одарены свободною волею? Если бы у насъ не было свободной воли, то все, о чемъ мы говорили, и въ чемъ можемъ подражать Богу, не могло бы составлять для насъ предмета подражанія. Я управляю, говоритъ Онъ, ангелами; и ты—чрезъ Начатокъ. Я возсѣдаю на царскомъ престолѣ; и ты совозсѣдаешь Мнѣ—чрезъ Начатокъ. *Съ нимъ воскреси*, говоритъ (апостолъ), *и спосади насъ* одесную Отца (Ефес. II, 6). Тебѣ покланяются херувимы и серафимы и всѣ ангельскія силы, начала, власти, престолы, господства—чрезъ Начатокъ. Не порицай тѣла, которое сподобилось такой чести, предъ которымъ трепещутъ

даже безплотныя силы. Но что скажу еще? Не этимъ только изъявляю Я свою любовь, но и страданіями Моими. Для тебя Я подвергся оплеванію, заушенію, истощилъ славу, оставилъ Отца и пришелъ къ тебѣ, ненавидящему Меня, отвращающемуся отъ Меня и не желающему даже слышать Мое имя. Я шелъ вслѣдъ за тобою и догонялъ, чтобы удержать тебя; Я соединилъ и сочеталъ тебя съ Собою: яждь Меня, сказалъ Я, и пій Меня. И горѣ держу тебя, и долу соединяюсь съ тобою. Развѣ не довольно для тебя того, что начатокъ твой я держу горѣ? Развѣ это не удовлетворяетъ твоей любви? И опять Я сошелъ на землю,—не просто смѣшиваюсь съ тобою, а соединяюсь, снѣдаюсь, раздробляюсь на малыя части, чтобы произошло великое раствореніе и смѣшеніе и соединеніе,—потому что соединяемое пребываетъ въ своихъ предѣлахъ, а Я воедино слился съ тобою. Я не хочу, чтобы уже было что-то среднее; хочу, чтобы мы оба были одно. Итакъ, зная это и великое Его о насъ попеченіе, будемъ все дѣлать, чтобы мы могли явить себя не недостойными великихъ Его даровъ, которые да сподобимся всѣ мы получить благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVI.

585 586 Засвидѣтельствую предъ Богомъ и Господемъ Іисусъ Христомъ и избранными ангелы, да сія сохраниши безъ лицемѣрія, ничесоже творя по уклоненію. Руки скоро не возлагаи ни на когоже, ниже пріобщайся чужимъ грѣхомъ. Себе чиста соблюдай. Ктому не пій воды, но мало вина пріемли стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ (1 Тим. v, 21—23).

1. Сказавъ о епископахъ, о діаконахъ, мужахъ, женахъ, о вдовицахъ, о пресвитерахъ и о всѣхъ прочихъ, и показавъ, надъ кѣмъ простирается власть епископа, (апостолъ) когда сталъ говорить о судѣ, присовокупилъ: *засвидѣтельствую предъ Богомъ и*
587 *Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ и избранными ангелы, да сія сохраниши безъ лицемѣрія, ничтоже творя по уклоненію.* Вотъ наконецъ (онъ изрекаетъ) страшное увѣщаніе, потому что не посовѣстился (сказать это) даже изъ уваженія къ тому, что Тимоѳей былъ его возлюбленное чадо. Тотъ, кто не постыдился сказать о себѣ: боюся, *да не како инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду*

(1 Кор. IX, 27), тѣмъ болѣе не устыдился и не посовѣстился (сказать такъ) и Тимоѳею. Впрочемъ онъ хорошо (поступаетъ), призывая во свидѣтели Отца и Сына; но для чего еще—избранныхъ ангеловъ? Вслѣдствіе великаго снисхожденія, потому что и Моисей говоритъ такимъ же образомъ: *засвидѣтельствую вамъ небесемъ и землею* (Втор. IV, 26),—вслѣдствіе великаго снисхожденія Господня. И опять: *слышите дебри, основанія земли* (Мих. VI, 2). А призываетъ онъ Отца и Сына во свидѣтели сказаннаго имъ для того, чтобы въ грядущій день, если бы что совершилось вопреки долга, остаться правымъ предъ ними, то есть, какъ бы снимая съ себя всякую (отвѣтственность). *Да сія сохраниши*, говоритъ онъ, *безъ лицемѣрія, ничтоже творя по уклоненію*. То есть, ты долженъ быть дружелюбнымъ и справедливымъ къ судящимся и ожидающимъ отъ тебя приговора и никто не долженъ предрасполагать тебя въ свою пользу и склонять на свою сторону. Но кто это избранные ангелы? Нѣкоторые, слѣдовательно, какъ будто не были таковы. Потому-то и Іаковъ беретъ себѣ въ свидѣтели Бога и холмъ. Равнымъ образомъ и мы часто беремъ въ свидѣтели и важныхъ, и незначительныхъ лицъ. Столь великое значеніе имѣетъ свидѣтельство. Онъ какъ будто такъ сказалъ: призываю въ свидѣтели Бога, и Сына Его, и слугъ Его, что я заповѣдалъ тебѣ; вотъ предъ ними заповѣдую тебѣ. Онъ устрашаетъ Тимоѳея. Потомъ, сказавъ это, онъ присовокупилъ то, что было всего болѣе благовременно, что преимущественно содѣйствуетъ устроенію Церкви,—именно о рукоположеніяхъ. *Руки*, говоритъ, *скоро не возлагай ни на когоже, ниже пріобщайся чужимъ грѣхомъ*. Что значитъ: *скоро*? Не по первомъ, не по второмъ, не по третьемъ испытаніи, но неоднократно разсмотрѣвъ и тщательно изслѣдовавъ, такъ какъ это дѣло не безопасное. За содѣланные имъ грѣхи, какъ прежніе, такъ и будущіе, подвергнешься наказанію и ты, доставившій ему власть, потому что неблаговременно отпустивъ ему прежніе грѣхи, ты станешь виновнымъ и въ тѣхъ, которые онъ совершитъ впослѣдствіи времени; именно — будешь причиною этихъ послѣднихъ потому, что ввѣрилъ ему начальство, а прежнихъ потому, что не далъ ему оплакать ихъ и придти въ состояніе сокрушенія. Ты становишься соучастникомъ какъ добрыхъ его дѣлъ, такъ и грѣховъ. *Себе чиста соблюдай*. Здѣсь говоритъ о воздержаніи. *Ктому не пій воды, но мало вина пріемли стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ*. Если же мужу, который до такой степени соблюдалъ посты и столько времени употреблялъ воду, что сталъ даже подвергаться болѣзнямъ и частымъ недугамъ, (апостолъ) заповѣдуетъ воздержаніе, и тотъ не огорчается, то тѣмъ болѣе мы не должны огорчаться, когда

слушаемъ чьи-нибудь наставленія. Почему же онъ не исцѣлилъ его желудка? Не потому, что не могъ, а потому, что хотѣлъ и отсюда извлечь какое-либо важное наставленіе; а тотъ, чья одежда воскрешала мертвыхъ, безъ сомнѣнія, могъ сдѣлать и это. Итакъ, зачѣмъ же не сдѣлалъ онъ этого? Затѣмъ, чтобы мы, когда и теперь видимъ людей великихъ и добродѣтельныхъ подверженными недугамъ, не соблазнялись этимъ. Такимъ образомъ
588 и это служило на пользу. Если ему самому данъ былъ ангелъ сатанинъ, чтобы онъ не возгордился, то тѣмъ болѣе Тимоѳею,— потому что знаменія легко могли привести его къ гордости. Поэтому (апостолъ) предоставилъ ему пользоваться правилами врачебной науки, чтобы и онъ самъ меньше думалъ о себѣ, и другіе не соблазнялись, и уразумѣли, что и тѣ святые мужи, будучи одинаковой съ нами природы, совершали то, что совершали. Кромѣ того, мнѣ кажется, что онъ подверженъ былъ недугамъ и отъ другихъ причинъ; на это указываетъ (апостолъ), говоря: *ради частыхъ твоихъ недуговъ*, и отъ желудка и отъ другихъ частей тѣла. Впрочемъ, онъ не позволилъ ему неумѣренно напиваться виномъ, но сколько нужно для здоровья, а не для удовольствія. *Нѣкіихъ же человѣкъ грѣси предъявлени суть, предваряюще на судъ, нѣкимъ же и послѣдствуютъ* (ст. 24). Такъ какъ онъ говорилъ о рукоположеніяхъ, то и сказалъ: *не пріобщайся чужимъ грѣхомъ*. Но что, если я не знаю, скажешь ты? *Нѣкіихъ человѣкъ грѣси предъявлени суть, предваряюще на судъ, нѣкимъ же и послѣдствуютъ*. У нѣкоторыхъ, говоритъ, они явны потому, что предшествуютъ; а у другихъ нѣтъ, и тѣ слѣдуютъ за ними. *Такожде и добрая дѣла предъявлена суть, и сущая инако, утаитися не могутъ* (ст. 25). *Елицы суть подъ игомъ раби, своихъ господій всякія чести да сподобляютъ, да имя Божіе не хулится и ученіе* (VI, 1). *Всякія чести*, говоритъ, *да сподобляютъ*. Не думай, что если ты вѣрный, то и свободенъ: свобода эта состоитъ въ томъ, чтобы еще больше быть рабомъ. Невѣрный, если увидитъ, что чрезъ вѣру люди впадаютъ въ самомнѣніе, часто будетъ поносить ее, какъ ученіе, располагающее къ возмущенію, а если замѣтитъ, что они покорны, то тѣмъ скорѣе самъ покорится, тѣмъ внимательнѣе будетъ къ тому, что говорится. Такимъ образомъ, если вѣрные не будутъ покорны, то и Богъ и проповѣдь подвергнутся поношенію. Но что, спросишь ты, если господа будутъ невѣрные? И въ такомъ случаѣ надобно подчиниться ради имени Божія. *Имущіи же вѣрныхъ господій*, говоритъ, *да не нерадятъ о нихъ, понеже братія суть, но паче да работаютъ, зане вѣрни суть и возлюблени, иже благодать воспріемлюще* (ст. 2).

2. Онъ какъ будто такъ говорилъ: если вы удостоились такой

чести, что имѣете братій господами, то должны поэтому особенно повиноваться имъ. *Предваряюще*, говоритъ, *на судъ*,—то есть, изъ худыхъ дѣлъ здѣсь одни скрываются, другія нѣтъ; а тамъ не могутъ скрыться ни худыя, ни хорошія. Что значитъ: *предваряюще на судъ?* То, что когда кто грѣшитъ,—грѣхи уже осуждаютъ его, если онъ не исправляется, или если и надѣется исправиться, но не дѣлаетъ этого. Но для чего, и почему это сказано было? Для того, что хотя здѣсь нѣкоторые и скрываются, но тамъ не скроются: тамъ все открыто. Между тѣмъ для праведныхъ это служитъ величайшимъ утѣшеніемъ. Потомъ, такъ какъ онъ сказалъ: *ничесоже по уклоненію*, то для необходимаго объясненія прибавилъ: *елицы суть подъ игомъ раби*. Но какое это имѣетъ отношеніе къ епископу, спросишь ты? Очень (близкое),—чтобы онъ увѣщевалъ, чтобы училъ ихъ. Касательно нихъ (рабовъ) онъ и здѣсь дѣлаетъ правильныя наставленія. Мы видимъ, что онъ вездѣ больше заповѣдуетъ рабамъ, нежели господамъ, и показывая имъ, какъ должно повиноваться, и много объ нихъ разсуждая. Именно—онъ увѣщеваетъ первыхъ покоряться съ великою кротостію, а послѣднимъ внушаетъ уменьшать страхъ, говоря: *послабляюще прещенія* (Еф. VI, 9). Но для чего заповѣдуетъ онъ это? По отношенію къ невѣрнымъ справедливо, потому что нѣтъ причины бесѣдовать съ такими, которые не внимаютъ. А по отношенію къ вѣрнымъ для чего? Для того, что господа больше доставляютъ 589
рабамъ, чѣмъ рабы господамъ; первые и золото тратятъ на нихъ, и заботятся о снабженіи ихъ необходимыми вещами, одеждою и всѣмъ прочимъ. Такимъ образомъ господа оказываютъ имъ больше услугъ, на что и здѣсь указываетъ (апостолъ), говоря: *зане вѣрни суть и возлюблени, иже благодать воспріемлюще*. Они безпокоятся и трудятся ради вашего спокойствія,—и ужели не должны пользоваться великою честію отъ своихъ слугъ? Если же рабамъ заповѣдалъ онъ пребывать въ такомъ послушаніи, то подумайте, въ какой степени мы должны быть расположены къ Владыкѣ, который привелъ насъ изъ небытія въ бытіе, который и питаетъ насъ, и одѣваетъ. Поэтому потщимся послужить Ему—если не какъ-нибудь иначе, то по крайней мѣрѣ столько, сколько служатъ намъ наши рабы. Развѣ не на то они посвятили всю жизнь, чтобы доставлять спокойствіе своимъ господамъ? Развѣ не въ томъ состоитъ ихъ занятіе, развѣ не въ томъ ихъ жизнь, чтобы заботиться о дѣлахъ своихъ господъ? Не заботятся ли они цѣлый день о дѣлахъ господина, между тѣмъ какъ для исправленія своихъ дѣлъ у нихъ нерѣдко остается малая часть вечера? А мы напротивъ: своими дѣлами занимаемся постоянно, а для того, что относится къ Владыкѣ, нѣтъ у насъ и малой части времени.

и при томъ мы поступаемъ такъ тогда, когда Онъ не только не нуждается въ нашихъ услугахъ, подобно тому, какъ господа (нуждаются въ услугѣ) рабовъ, но и самыя эти услуги обращаетъ къ нашей же пользѣ. Тамъ служеніе раба приноситъ пользу господину; а здѣсь служеніе раба ничего не значитъ для Владыки, но полезно самому же рабу. *Яко*, говорится, *благихъ моихъ не требуеши* (Пс. xv, 2). Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, какая будетъ польза Богу, если я буду праведенъ, и какой вредъ, если я буду неправеденъ? Развѣ природа Его не есть безъ примѣси? Развѣ она не свободна отъ поврежденія? Развѣ она не выше всякаго страданія? Рабы не имѣютъ ничего собственнаго, все у нихъ господское, хотя бы они до безконечности были богаты. Напротивъ, мы имѣемъ много собственнаго, и не безъ причины мы получили такую честь отъ Царя всяческихъ. Какой господинъ отдалъ за раба своего сына? Никакой. Напротивъ всѣ предпочли бы скорѣе отдать рабовъ за сыновей. А здѣсь напротивъ: Сына своего не пощадилъ, но предалъ Его за всѣхъ насъ—за враговъ, ненавидящихъ Его. Рабы, хотя бы имъ приказано было нѣчто тягостное, не досадуютъ, — особенно если они благонравны; а мы тысячекратно унываемъ. Рабамъ ничего такого не обѣщаетъ господинъ, что обѣщалъ намъ Богъ. Но что? Освобожденіе отъ рабства въ здѣшнемъ мірѣ, что́ часто бываетъ тяжелѣе рабства, потому что часто случается голодъ, и тогда эта свобода становится хуже рабства; между тѣмъ она составляетъ величайшій даръ. А у Бога нѣтъ ничего временнаго, ничего тлѣннаго,—но что? Хочешь знать? Послушай. *Не ктому васъ*, говоритъ (Господь), *глаголю рабы, вы друзи мои есте* (Іоан. xv, 15, 14).

Устыдимся, возлюбленные, убоимся; ужели не послужимъ Владыкѣ по крайней мѣрѣ столько, сколько служатъ намъ рабы, или, правильнѣе говоря, ужели мы даже въ самой малой части не обнаружимъ нашего служенія? Они любомудрствуютъ вслѣдствіе необходимости,—имѣя только кровъ и пищу; а мы, отчасти уже получивъ, отчасти ожидая безчисленныхъ благъ, чрезмѣрною роскошью оскорбляемъ Благодѣтеля. Если не изъ какого-либо другого источника, то по крайней мѣрѣ отъ нихъ примемъ правила любомудрія. Писаніе обыкновенно отсылаетъ людей не къ рабамъ, но даже къ безсловеснымъ животнымъ, напримѣръ—когда повелѣваетъ подражать то пчелѣ, то муравьямъ. А я убѣждаю
590 васъ подражать по крайней мѣрѣ рабамъ. Что они дѣлаютъ изъ страха къ намъ, то и мы будемъ дѣлать по крайней мѣрѣ изъ страха къ Богу; а мы не находимъ, чтобы вы дѣлали это. Они изъ страха къ намъ тысячекратно подвергаются оскорбленіямъ и невозмутимѣе всякаго философа стоятъ въ молчаніи; они полу-

чаютъ оскорбленія справедливо и несправедливо, и не противорѣчатъ, но просятъ прощенія, нерѣдко даже не сдѣлавъ ничего худого. Не получая ничего, кромѣ необходимаго, а часто и менѣе того, они довольствуются этимъ. Засыпая на соломенной постели, питаясь только хлѣбомъ и проводя жизнь во всѣхъ отношеніяхъ скудную, они не жалуются и не огорчаются по причинѣ страха, который мы имъ внушаемъ. Когда ввѣряются имъ деньги, они ихъ полностію возвращаютъ (не указывай мнѣ на лукавыхъ рабовъ, а на тѣхъ, которые не очень злы); когда мы погрозимъ имъ, они тотчасъ смиряются. Развѣ не въ этомъ состоитъ любомудріе? Не говори мнѣ, что это бываетъ вслѣдствіе необходимости, потому что и тебѣ предстоитъ необходимость впасть въ геенну, и несмотря на то ты не вразумляешься, и не воздаешь Богу такой чести, какой пользуешься отъ рабовъ. Каждый слуга имѣетъ свое опредѣленное жилище, и не нападаетъ на жилище ближняго, не бываетъ снѣдаемъ желаніемъ пріобрѣсть больше. И всякій видитъ, что рабы соблюдаютъ это изъ-за страха предъ господами; и рѣдко увидишь, чтобы одинъ рабъ что-нибудь унесъ или испортилъ у другого. А у людей свободныхъ происходитъ противное этому. Мы грыземъ, пожираемъ другъ друга, не боимся Владыки; и въ Его глазахъ грабимъ, окрадываемъ, бьемъ сорабовъ своихъ. Между тѣмъ рабъ не сдѣлалъ бы этого, а если бы даже онъ и ударилъ кого-либо, то не въ глазахъ господина; если бы и побранилъ кого-либо, то такъ, чтобы господинъ не слышалъ. А мы дерзаемъ дѣлать это предъ Богомъ, который все видитъ и слышитъ. У нихъ всегда предъ глазами страхъ къ господину; а у насъ его никогда не бываетъ. Оттого-то у насъ все разстроилось, все слилось и развратилось; и самимъ намъ даже въ умъ не приходятъ наши преступленія, а когда согрѣшаютъ наши рабы, мы съ точностію изслѣдываемъ все, до малѣйшей подробности. Это говорю я не съ тою цѣлію, чтобы хотѣлъ сдѣлать рабовъ лѣнивыми, но чтобы истребить нашу лѣность и пробудить насъ самихъ отъ безпечности, чтобы мы служили Богу хотя бы такъ, какъ служатъ намъ рабы, (служили) Сотворившему насъ такъ, какъ служатъ намъ единосущные намъ и не получившіе отъ насъ ничего такого. По природѣ свободны и они: *да обладаютъ рыбами* (Быт. I, 26), сказано было и къ нимъ. Это рабство не отъ природы, но произошло отъ случая и обстоятельствъ; и несмотря на то, они оказываютъ намъ великую честь. Между тѣмъ мы, требуя себѣ отъ нихъ услуги, устремляемся на нихъ со всею строгостію, и въ то же время Богу не удѣляемъ ни малѣйшей части служенія, несмотря на то, что польза отъ этого обращается опять къ намъ же. Вѣдь чѣмъ усерднѣе мы

будемъ служить Богу, тѣмъ больше получимъ себѣ пользы, тѣмъ больше будетъ выгоды для насъ самихъ. Не будемъ же лишать самихъ себя столь великаго пріобрѣтенія. Богъ самодоволенъ и ни въ чемъ не нуждается; воздаяніе же и польза возвращается опять къ намъ. Итакъ, умоляю васъ, постараемся пріобрѣсть такое расположеніе, какъ будто мы служимъ не Богу, а себѣ самимъ, и поработаемъ Ему со страхомъ и трепетомъ, чтобы сподобиться обѣтованныхъ благъ во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVII.

591 Сія учи и моли. Аще ли кто инако учитъ, и не приступаетъ къ здравымъ словесемъ Господа нашего Іисуса Христа, и ученію, еже по благовѣрію, разгордѣвся, ничтоже вѣдый, но недугуяй о состязаніихъ и словопреніихъ, отъ нихже бываетъ зависть, рвеніе, хулы, непщеванія лукава, бесѣды злыя растлѣнныхъ человѣковъ умомъ, и лишенныхъ истины, непщующихъ пріобрѣтеніе быти благочестіе. Отступай отъ таковыхъ. Есть же снисканіе веліе благочестіе съ довольствомъ. Ничто же бо внесохомъ въ міръ сей: явѣ, яко ниже изнести что можемъ (1 Тим. VI, 3—7).

1. Учителю нужно употреблять не только власть, но и великую кротость, и съ другой стороны не только кротость, но и власть. И всему этому научаетъ блаженный Павелъ, иногда говоря: *завѣщавай сія и учи* (1 Тим. IV, 11), а иногда: *сія учи и моли*. Если врачи дѣлаютъ увѣщанія больнымъ не съ тою цѣлію, чтобы имъ самимъ сдѣлаться здоровыми, но чтобы этихъ послѣднихъ избавить отъ недуга и лежащихъ поднять, то тѣмъ болѣе мы, при увѣщаніи учениковъ, должны слѣдовать такому обычаю. Блаженный Павелъ не отрицаетъ даже того, что онъ ихъ рабъ, говоря: *не себе бо проповѣдаемъ, но Христа Іисуса, себе же самѣхъ рабовъ вамъ Іисуса ради* (2 Кор. IV, 5); и опять: *аще Павелъ, аще Аполлосъ, вся ваша суть* (1 Кор. III, 28). И онъ съ готовностью принимаетъ на себя это рабство, потому что это не рабство, а лучше свободы. Тотъ *есть*, говоритъ (Господь), *рабъ, кто творитъ грѣхъ* (Іоан. VIII, 34). *Аще ли кто инако учитъ, и не приступаетъ къ здравымъ словесемъ Господа нашего Іисуса Христа, и ученію, еже по благовѣрію, разгордѣвся, ничтоже вѣдый.* Слѣдо-

вательно намъ случается воспаляться гордостію не отъ знанія, а отъ незнанія. Тотъ, кто знаетъ ученіе, согласное съ благочестіемъ, болѣе всѣхъ умѣетъ смиряться; тотъ, кто наставленъ въ здравомъ ученіи, не бываетъ одержимъ болѣзнію. Дѣйствительно, гордость въ душахъ есть то же самое, что воспаленіе въ тѣлахъ. Какъ тамъ мѣсто, подверженное воспаленію, мы не называемъ здоровымъ, такъ и здѣсь—гордыхъ. Слѣдовательно, можно знающему что-нибудь не знать ничего, потому что незнающій того, что должно знать, ничего не знаетъ. А что отъ незнанія раждается чрезмѣрная гордость, видно изъ слѣдующаго: Христосъ истощилъ себя: поэтому тотъ, кто знаетъ это, никогда не будетъ много думать о себѣ; человѣкъ не имѣетъ ничего, чего не получилъ бы отъ Бога, и вслѣдствіе того не будетъ много о себѣ думать. *Что имаши, егоже нѣси пріялъ* (1 Кор. IV, 7)? Онъ умылъ ноги ученикамъ. Кто знаетъ это, какъ станетъ превозноситься? Съ этою цѣлію (Господь) сказалъ: *егда сотворите вся, глаголите, яко раби неключими есмы* (Лук. XVII, 10). Мытарь однимъ смиренномудріемъ стяжалъ благоволеніе; фарисей отъ гордости погибъ. Слѣдовательно, кто гордится, тотъ ничего этого не знаетъ. Опять самъ Христосъ говоритъ: *аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ: аще ли добрѣ, что мя біеши* (Іоан. XVIII, 23)? *Но недугуяй*, говоритъ, *о состязаніихъ*. Слѣдовательно состязаніе есть недугъ. *И словопреніихъ*. И справедливо. Когда душа разжигается помыслами, когда они обуреваютъ ее, тогда она занимается изслѣдованіемъ, а когда она находится въ здоровомъ состояніи, тогда не изслѣдуетъ, но принимаетъ на вѣру. Посредствомъ изслѣдованія и споровъ ничего нельзя найти. Когда изслѣдованіе приступаетъ къ разъясненію того, что возвѣщается одною вѣрою, 593
тогда оно и не открываетъ этого и не даетъ его уразумѣть, потому что, если бы кто-нибудь, смеживъ глаза, хотѣлъ найти что-нибудь такое, чего бы онъ искалъ, то не могъ бы (успѣть въ этомъ); равно какъ если бы онъ, открывъ глаза, но закопавъ себя въ землю и отвратившись отъ солнечныхъ лучей, сталъ искать на томъ мѣстѣ, то опять не могъ бы ничего найти. Такъ безъ вѣры ничего нельзя отыскать, а только неизбѣжно должны раждаться споры. *Отъ нихже бываютъ хулы, непщеванія лукава*,—то есть, отъ изслѣдованій раждаются вредныя мнѣнія и ученія. Мы начинаемъ о Богѣ думать то, чего не слѣдуетъ, когда приступаемъ къ изслѣдованію. *Бесѣды злыя*,—то есть праздныя занятія или пустыя разсужденія. Или слѣдующимъ образомъ онъ понимаетъ *бесѣды злыя:* подобно тому, какъ овцы, будучи заражены чесоткою, когда приходятъ въ соприкосновеніе съ здоровыми, и имъ сообщаютъ свой недугъ, такъ и эти злые люди. *И лишен-*

ныхъ, говоритъ, *истины, непщующихъ пріобрѣтеніе быти благочестіе*. Видишь ли, что, по его словамъ, раждаютъ споры? Постыдную корысть, невѣжество, гордость; да, и гордость раждается отъ невѣжества. *Отступай*, говоритъ, *отъ таковыхъ*. Не сказалъ: приходи туда, но: *отступай*, то есть, отвращайся. *Еретика человѣка*, говоритъ, *по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся* (Тит. III, 10). Показываетъ, что они таковы не столько отъ невѣжества, сколько отъ лѣности, которая приводитъ ихъ къ невѣжеству. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ можешь ты убѣдить людей, спорящихъ изъ-за денегъ? Иначе таковыхъ ты не убѣдишь, какъ если не дашь опять; но и этимъ не насытишь ихъ жажды пріобрѣтенія. *Око лихоимца*, говорится, *не насыщается части* (Сир. XIV, 9). Поэтому отъ нихъ, какъ отъ неисправимыхъ, надобно отвращаться. Если же онъ тому, кому предстояла крайняя необходимость вступать въ борьбу, заповѣдуетъ не приходить туда и не связываться съ ними, то тѣмъ болѣе (онъ заповѣдуетъ это) намъ, которые учимся и находимся въ ряду учениковъ. Впрочемъ сказавъ, что они полагаютъ, что благочестіе есть пріобрѣтеніе, онъ прибавилъ: *есть же сниканіе веліе благочестіе съ довольствомъ*,—не тогда, когда имѣетъ деньги, а когда не имѣетъ ихъ. Чтобы (Тимоѳей) вслѣдствіе бѣдности не впалъ въ уныніе, онъ ободряетъ и утѣшаетъ его. Думаютъ, говоритъ онъ, что благочестіе есть пріобрѣтеніе; конечно—есть, но не въ такой степени (какъ думаютъ), а въ гораздо большей. То есть, отвергнувъ сначала первую мысль, вслѣдъ затѣмъ превозноситъ послѣднюю. А что перваго рода пріобрѣтеніе ничего не значитъ, видно изъ того, что оно остается здѣсь и не переселяется вмѣстѣ съ нами (въ другой міръ) и не сопутствуетъ намъ. Откуда это видно? Изъ того, что мы пришли въ этотъ міръ, не имѣя ничего; слѣдовательно и оставимъ его, тоже ничего не имѣя; нагимъ раждается твореніе, нагимъ и отходитъ. Итакъ намъ не нужно ничего лишняго, если мы ничего не принесли съ собою и отойдемъ, ничего не имѣя. *Имѣюще же пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ* (ст. 8). Надобно питаться тѣмъ и въ такой мѣрѣ, сколько нужно для насыщенія; надобно надѣвать на себя то, что въ состояніи только защитить насъ отъ непогоды и прикрыть наготу, лишняго ничего не должно быть. Это можетъ выполнить и простая одежда. Затѣмъ онъ побуждаетъ указаніемъ на то, что бываетъ здѣсь—на землѣ: *хотящіи*, говоритъ, *богатитися* (ст. 9).

2. Не сказалъ просто: богатые, а: *хотящіе*, потому что и имѣя деньги можно хорошо распоряжаться ими, если человѣкъ будетъ презирать ихъ и раздавать бѣднымъ. Слѣдовательно не таковыхъ обличаетъ онъ, а жаждущихъ пріобрѣтенія. *А хотящіи*

богатитися, говоритъ, *впадаютъ въ напасти и сѣть* діавола, *и въ* 593
похоти многи и несмысленны и вреждающія, иже погружаютъ человѣки (ст. 9). Хорошо сказалъ: *погружаютъ*, такъ что и подняться наверхъ становится невозможнымъ. *Во всегубительство и погибель. Корень бо всѣмъ злымъ сребролюбіе есть, егоже нѣцыи желающе заблудиша отъ вѣры, и себе пригвоздиша болѣзнемъ многимъ* (ст. 9—10). Вотъ онъ упоминаетъ о двухъ вредныхъ слѣдствіяхъ, но то, которое казалось для нихъ болѣе тяжкимъ, онъ ставитъ здѣсь на послѣднемъ мѣстѣ; то есть—*болѣзнемъ многимъ*. И этого нельзя узнать иначе, какъ только живя близъ богатыхъ, сколько они плачутъ, сколько рыдаютъ. *Ты же, о человѣче Божій* (ст. 11). Великое достоинство! Правда, всѣ люди Божіи, но преимущественно праведные,—не по той причинѣ только, что они созданія Божіи, но и по причинѣ своей близости къ Богу. Если ты — человѣкъ Божій, говоритъ онъ, то не ищи излишняго и не ведущаго къ Богу, а напротивъ—*сихъ бѣгай, гони же правду*. При томъ и то, и другое (исполняй) съ усердіемъ. Не сказалъ: отступи и приступи, но: *бѣгай* и *гони правду*, чтобы не сдѣлаться корыстолюбивымъ. *Благочестіе*—касательно догматовъ; *вѣру*, которая противопоставляется изслѣдованію; *любовь, терпѣніе, кротость. Подвизайся добрымъ подвигомъ вѣры, емлися за вѣчную жизнь*—вотъ и награда— *въ нюже и званъ былъ еси и исповѣдалъ еси доброе исповѣданіе*, въ упованіи жизни вѣчной, *предъ многими свидѣтели* (11—12). То есть, не посрамляй того дерзновенія: отчего безъ успѣха трудишься? Въ какое же искушеніе и сѣть, говоритъ онъ, впадаютъ тѣ, которые желаютъ обогатиться? Это, удаляя ихъ отъ вѣры, приводитъ на путь заблужденія, окружаетъ опасностями и лишаетъ дерзновенія. *И въ похоти*, говоритъ, *несмысленны*. Дѣйствительно, какъ (не назвать) безсмысленною страстію, когда люди держатъ у себя дурачковъ и карликовъ не изъ человѣколюбія, а для удовольствія, когда въ своихъ дворцахъ запираютъ рыбъ, когда выкармливаютъ дикихъ звѣрей, когда занимаются собаками, когда украшаютъ коней и заботятся о нихъ не меньше, чѣмъ о дѣтяхъ? Все это безсмысленно и излишне, совершенно ненужно и безполезно. *Въ похоти*, говоритъ, *несмысленны и вреждающія*. Какія (страсти) бываютъ вредны? Когда люди разжигаются безпутною любовію, когда ищутъ имущества своихъ ближнихъ, когда стремятся къ роскоши, когда предаются пьянству, когда жаждутъ убійства и погибели другихъ. Многіе также вслѣдствіе привязанности къ подобнымъ вещамъ домогались и незаконной власти, и погибали. Воистину таковой вотще трудится или даже ко вреду. И хорошо онъ сказалъ: *заблудиша отъ вѣры*,—потому что сребролюбіе, привлекая къ себѣ ихъ глаза и

понемногу закрывая ихъ, не позволяетъ имъ видѣть (истиннаго) пути. Какъ человѣкъ, который идетъ прямою дорогою, устремивъ мысль на что-нибудь другое, хотя и подвигается впередъ, однако, не замѣчая этого, проходитъ мимо того города, въ который спѣшилъ, потому что незамѣтно и безсознательно его увлекаютъ ноги,—такъ нѣчто подобное этому представляетъ и сребролюбіе. *И себе пригвоздиша болѣзнемъ многимъ*. Видишь ли, на что онъ намекаетъ (говоря): *пригвоздиша?* То, что хочетъ онъ выразить этимъ оборотомъ рѣчи, имѣетъ такой смыслъ. Страсти—это терніе, и подобно тому, какъ о терніе, съ какой бы стороны ни прикоснуться, всякій кровянитъ себѣ руки и причиняетъ на нихъ раны, такъ и отъ страстей будетъ терпѣть то же самое всякій, кто подчинится ихъ власти, и душу свою подвергнетъ страданію. Скажи мнѣ, сколько имѣютъ заботъ, сколько огорченій тѣ,
594 которые бываютъ ими уязвлены? Того даже сказать нельзя. Поэтому говоритъ: *сихъ бѣгай, гони же правду, благочестіе, вѣру, любовь, терпѣніе, кротость*,—потому что кротость происходитъ отъ любви. *Подвизайся добрымъ подвигомъ*. Здѣсь онъ хвалитъ его дерзновеніе и мужество: ты, говоритъ онъ, съ дерзновеніемъ на все изъявилъ согласіе. Приводитъ ему на память и наставленіе въ вѣрѣ: *емлися*, говоритъ, *за вѣчную жизнь*. Слѣдовательно, требуется не только исповѣданіе, но и терпѣніе, чтобы такимъ образомъ постоянно пребывать въ исповѣданіи, равно какъ по всей справедливости великіе подвиги и безконечные труды, чтобы такимъ образомъ избѣжать совращенія, потому что много предстоитъ соблазновъ, много препятствій. Вотъ почему тѣсенъ и прискорбенъ этотъ путь. Поэтому надобно отовсюду оградить себя, надобно со всѣхъ сторонъ надлежащимъ образомъ вооружить себя. Отвсюду появляются безчисленныя наслажденія, которыя привлекаютъ къ себѣ душевныя очи, именно—наслажденія, которыя доставляютъ намъ наши тѣла, деньги, пресыщеніе, лѣность, слава, гордость, власть, любоначаліе, — и они являются со свѣтлымъ и пріятнымъ лицемъ, способнымъ привлечь къ себѣ тѣхъ, которые подчиняются ихъ вліянію и не очень любятъ истину, такъ какъ она жестка и не содержитъ въ себѣ ничего пріятнаго. Почему именно? Потому, что она всѣ удовольствія обѣщаетъ только въ будущемъ, между тѣмъ какъ эти предметы уже теперь обѣщаютъ почести, удовольствія, успокоеніе, конечно. не истинное, но имѣющее только его наружный видъ. Поэтому всякій сластолюбивый и изнѣженный и слабодушный станетъ къ нимъ прилѣпляться, освободивъ себя отъ трудовъ, сопряженныхъ съ добродѣтелію. Такъ и на языческихъ играхъ тотъ, кто не очень желаетъ пріобрѣсть вѣнцы, позволяетъ себѣ съ начала

предаваться пиршествамъ и пьянству; такъ именно и поступаютъ робкіе и слабодушные борцы; напротивъ тѣ, которые имѣютъ въ виду стяжать вѣнецъ, принимаютъ безчисленные удары, потому что питаютъ и воодушевляютъ себя надеждою на будущія (награды).

3. Итакъ будемъ избѣгать корня золъ,—и избѣгнемъ всего этого. Сказано: *корень есть сребролюбіе*; Павелъ изрекъ это, или лучше—Христосъ чрезъ Павла. Посмотримъ, впрочемъ, какъ это происходитъ. Самый опытъ подтверждаетъ это. Въ самомъ дѣлѣ, какое зло не происходитъ отъ денегъ, или, правильнѣе говоря, не отъ денегъ, а отъ злого намѣренія тѣхъ, которые не умѣютъ пользоваться ими? Вѣдь деньгами можно было бы пользоваться, какъ слѣдуетъ, можно было бы при ихъ содѣйствіи наслѣдовать царствіе. Между тѣмъ нынѣ то, что дано намъ для вспомоществованія нищимъ, для заглажденія грѣховъ нашихъ, для прославленія Бога и благоугожденія Ему,—мы обращаемъ противъ несчастныхъ нищихъ, или вѣрнѣе—противъ нашей души, и черезъ это оскорбляемъ Бога. Кто у другого отнимаетъ деньги и ввергаетъ его въ нищету, тотъ себя предаетъ смерти; другого въ этомъ мірѣ изнуряетъ нищетою, а себѣ приготовляетъ вѣчное наказаніе. Неужели одно можетъ быть сравниваемо съ другимъ? Итакъ какое зло не происходитъ отъ нихъ? Не отсюда ли любостяжаніе, хищеніе, вопли, вражды, брани и споры? Одержимые этою страстію развѣ не простираютъ своихъ рукъ даже на умершихъ, даже на отцевъ и братьевъ? Развѣ не ниспровергаютъ законовъ природы, заповѣдей Божіихъ и вообще всего? Не ради ли нихъ учреждены судилища? Итакъ истреби въ себѣ любовь къ деньгамъ, — и прекратится война, прекратятся брани, прекратится вражда, прекратятся раздоры и любовь къ спорамъ. Корыстолюбцевъ надлежало бы изгнать изъ вселенной, какъ губителей и волковъ. Подобно вѣдь тому, какъ противные и сильные вѣтры, 535
подувъ на тихое море, потрясаютъ его до основанія, такъ что находящійся въ глубинѣ песокъ смѣшивается съ верхними волнами,—такъ и люди, жадные къ деньгамъ, все приводятъ въ совершенное разстройство. Человѣкъ, жадный къ деньгамъ, не знаетъ ни одного друга. Что я говорю—друга? Онъ не знаетъ даже самого Бога, такъ. какъ, будучи одержимъ этою страстію, онъ приходитъ въ неистовство. Не видите ли вы проходящихъ вооруженныхъ титановъ? Они представляютъ собою измышленный образъ неистовства. Между тѣмъ сребролюбцы не таковы,— они въ самомъ дѣлѣ неистовствуютъ и выходятъ изъ себя. И если раскроешь ихъ душу, то найдешь ее такимъ образомъ устроенною: она вооружена не однимъ мечемъ и не двумя, а безчислен-

ными: она никого не признаетъ, но бѣсится на всѣхъ, на всѣхъ нападаетъ и на всѣхъ лаетъ; она убиваетъ не собакъ, а человѣческія души, и громко изрыгаетъ хулы на самое небо. Ими ниспровергнуто все, отъ неистовой любви къ деньгамъ все погибло. Кого, кого мнѣ винить,—не знаю: до такой степени это зло овладѣло всѣми,—правда одними въ большей, другими въ меньшей мѣрѣ, однако—всѣми. И подобно тому, какъ сильный огонь, будучи брошенъ въ лѣсъ, все ниспровергаетъ и опустошаетъ, такъ и эта страсть губитъ вселенную: цари, правители, частные люди, нищіе, женщины, мужчины, дѣти,—всѣ въ равной мѣрѣ поработились этому злу. Какъ будто какой-то мракъ объялъ вселенную,—никто не выходитъ изъ опьяненія. Правда, противъ любостяжанія слышатся безчисленныя обвиненія, и въ частномъ разговорѣ и среди народа; но исправленія нигдѣ не видимъ. Какъ же быть? Какъ погасимъ пламень? Можно (погасить его), хотя бы даже онъ поднялся до самаго неба. Намъ стоитъ только захотѣть,—и мы, безъ сомнѣнія, одолѣемъ этотъ пламень. Какъ усилился онъ вслѣдствіе нашего желанія, такъ отъ желанія и уничтожится. Развѣ не свободная наша воля зажгла его? Слѣдовательно, свободная воля въ состояніи будетъ и погасить. Только пожелаемъ. Но какимъ образомъ можетъ явиться въ насъ такое желаніе? Если обратимъ вниманіе на суетность и безполезность богатства, на то, что оно не можетъ намъ туда сопутствовать, что и здѣсь оно оставляетъ насъ, что хотя оно пребываетъ здѣсь, однако язвы отъ него идутъ съ нами туда; если посмотримъ, какъ велики тамъ уготованныя богатства, и что если сравнимъ съ ними земное богатство, то оно покажется ничтожнѣе грязи; если замѣтимъ, что оно подвергается безчисленнымъ опасностямъ, что оно доставляетъ временное удовольствіе и притомъ удовольствіе смѣшанное съ огорченіемъ; если хорошо разсмотримъ иное богатство, то есть, то, которое уготовано въ вѣчной жизни,—будемъ тогда имѣть возможность презрѣть богатство земное; если вникнемъ въ то, что послѣднее нисколько не пріумножаетъ намъ ни славы,
596 ни здоровья, ни чего-либо другого, а напротивъ погружаетъ насъ въ бездну погибели; если узнаешь, что, несмотря на то, что ты здѣсь богатъ и имѣешь много подчиненныхъ, отходя туда, ты отойдешь одинокимъ и нагимъ. Если мы будемъ часто повторять и слышать это отъ другихъ, то, можетъ быть, возвратится къ намъ здоровье, и мы избавимся отъ этого тяжкаго наказанія. Жемчужина—нѣчто прекрасное? Но подумай, что это—морская вода, первоначально попавшая въ нѣдро раковины. Золото и серебро — нѣчто прекрасное? Но подумай, что оно и было, и есть земля и пепелъ. Прекрасны шелковыя платья? Но это ткань.

приготовленная червями. Прекрасными ихъ дѣлаютъ человѣческое предположеніе и предзанятое мнѣніе, а отъ природы красоты въ себѣ не имѣютъ. Что отъ природы прекрасно, то не имѣетъ нужды въ учителяхъ. Если бы ты увидѣлъ мѣдную монету, вполнѣ окрашенную золотомъ, то сначала ты дивился бы ей, считая ее золотою, а потомъ, когда бы люди, въ этомъ свѣдущіе, открыли тебѣ обманъ, удивленіе исчезло бы вмѣстѣ съ обманомъ. Видишь ли, что золото не отъ природы имѣетъ въ себѣ красоту? Но и серебро тоже ея не имѣетъ, потому что если бы ты увидѣлъ олово, то ты сталъ бы дивиться ему, думая, что это серебро, подобно тому, какъ ты дивился мѣди, считая ее золотомъ, и нужны учители, которые бы показали, чему надобно дивиться. Такимъ образомъ глаза не служатъ для насъ вполнѣ надежнымъ руководствомъ при распознаніи вещей. Между тѣмъ цвѣты не таковы, но гораздо лучше золота и серебра. Если видишь розу, то не имѣешь нужды въ учителяхъ, но умѣешь самъ собою отличить ее отъ анемона и отъ фіалки, точно также и лилію, и всякій цвѣтокъ. Слѣдовательно, это не иное что, какъ предзанятое мнѣніе. А чтобы ты убѣдился, что эта гибельная страсть есть слѣдствіе предзанятаго мнѣнія, то вотъ скажи мнѣ: если бы царю угодно было опредѣлить закономъ, чтобы серебро цѣнилось выше золота, то развѣ не перемѣнилось бы наше удивленіе и любовь? Такъ-то мы всегда водимся любостяжаніемъ и предзанятымъ мнѣніемъ. А что это такъ, и что вещи цѣнятся по своей рѣдкости, а не по природѣ (видно изъ слѣдующаго): есть плоды, которые у насъ дешевы, а въ странѣ каппадокійской дороги; изъ тѣхъ же, которые дороги у насъ, иные гораздо дешевле въ Китаѣ, откуда привозятся эти одежды. И въ богатой ароматами Аравіи и Индіи, гдѣ находятся драгоцѣнные камни, можно найти много такихъ вещей. Такъ-то все это есть предубѣжденіе и предзанятое человѣческое мнѣніе, и мы ничего не дѣлаемъ по разсужденію, но безъ вниманія и какъ случится. Итакъ, воспрянемъ отъ этого опьяненія; будемъ взирать на истинно прекрасное, на то, что прекрасно отъ природы,—на благочестіе и справедливость,—чтобы мы сподобились получить обѣтованныя блага, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА XVIII.

595—596 **Завѣщаваю ти предъ Богомъ оживляющимъ всяческая, и Господомъ Іисусомъ Христомъ свидѣтельствовавшимъ при Понтійстѣмъ Пилатѣ доброе исповѣданіе, соблюсти тебѣ заповѣдь нескверну, незазорну, даже до явленія Господа нашего Іисуса Христа: еже во своя времена явитъ блаженный и единъ сильный Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, единъ имѣяй безсмертіе, во свѣтѣ живый неприступнѣмъ, егоже никтоже видѣлъ есть отъ человѣкъ, ниже видѣти можетъ: емуже честь и держава вѣчная. Аминь (1 Тим. vi, 13—16).**

1. Опять призываетъ въ свидѣтели Бога, какъ и незадолго предъ тѣмъ онъ дѣлалъ это,—въ одно время и умножая страхъ, и содѣлывая ученика болѣе непоколебимымъ, и открывая, что это не человѣческія распоряженія,—чтобы (Тимоѳей), принимая заповѣдь эту какъ бы отъ самого Владыки, и всегда имѣя въ мысли свидѣтеля, отъ котораго онъ слышалъ ее, воспоминаніемъ объ этомъ приводилъ въ возбужденіе свою душу. *Завѣщаваю ти*, говоритъ, *предъ Богомъ оживляющимъ всяческая*. Здѣсь содержится и ободреніе среди опасностей, и воспоминаніе о воскресеніи. *И Христомъ Іисусомъ*, говоритъ, *свидѣтельствовавшимъ при Понтійстѣмъ Пилатѣ*. Опять (заимствуетъ) наставленіе (изъ примѣра) Учителя. Сказанное имъ имѣетъ такой смыслъ: какъ Онъ дѣлалъ, такъ, говоритъ, и вы должны дѣлать. Онъ для того и свидѣтельствовалъ, чтобы мы по слѣдамъ Его шли въ добромъ испо-
597 вѣданіи. То же самое (апостолъ) дѣлаетъ и въ посланіи къ Евреямъ, говоря: *взирающе на начальника вѣры и совершителя Іисуса, иже вмѣсто предлежащія ему радости претерпѣ крестъ, о срамотѣ нерадивъ, одесную же престола Божія сѣде;* и опять: *помыслите убо таковое пострадавшаго отъ грѣшникъ на себе прекословіе, да не стужаете, душами своими ослабляеми* (Евр. xii, 2, 3). Это говоритъ онъ и теперь ученику, какъ будто выражаясь слѣдующимъ образомъ: не бойся смерти, вѣдь ты рабъ Бога, который можетъ все оживотворить. Но что называетъ онъ добрымъ исповѣданіемъ? То, что, будучи спрошенъ Пилатомъ: *убо царь ли еси ты?*—отвѣчалъ: *азъ на сіе родихся*, и опять: *азъ пріидохъ, да свидѣтельствую истину* (Іоан. xviii, 37). Вотъ эти слушали Меня. Итакъ, или поэтому такъ говоритъ, или потому, что, будучи спрошенъ, сынъ ли Онъ Божій?—сказалъ: ты глаголешь, *яко* Сынъ Божій *есмь азъ* (Лук. xxii, 70). И многое другое засвидѣтельствовалъ Онъ и исповѣдалъ. *Соблюсти тебѣ заповѣдь нескверну и не-*

заюрну, даже до явленія Господа нашего Іисуса Христа, то есть, до твоей кончины, до исхода. Впрочемъ, не сказалъ такъ, но сказалъ: *даже до явленія*, чтобы больше ободрить его. Что значитъ: *соблюсти тебѣ заповѣдь нескверну?* Не навлечь на себя ни малѣйшаго укора ни за вѣрованія, ни за жизнь. *Еже во своя времена явитъ*, говоритъ, *блаженный и единъ сильный, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, единъ имѣяй безсмертіе, во свѣтѣ живый неприступнѣмъ*. О комъ это сказано? Объ Отцѣ ли, или о Сынѣ? Безъ сомнѣнія, о Сынѣ. *Еже во своя времена явитъ блаженный и единъ сильный*. И это опять (говоритъ) въ утѣшеніе, чтобы (Тимоѳей) не приходилъ ни въ удивленіе, ни въ страхъ предъ царями земными. *Во своя времена*, то есть, въ подобающее, въ должное время, чтобы не печалиться о томъ, что оно еще не наступило. А изъ чего видно, что Онъ явитъ? Изъ того, что Онъ могуществененъ; а Онъ одинъ могуществененъ. Слѣдовательно, явитъ блаженный,—(который есть) само блаженство. Говоритъ же это, давая понять, что тамъ нѣтъ ни скорби, ни огорченія. А слово: *единъ* употребилъ, или противопоставляя Его людямъ, или для означенія Его нерожденности, какъ и мы часто говоримъ о людяхъ, которыхъ хотимъ отличить. *Единъ*, говоритъ, *имѣяй безсмертіе*. Итакъ что же? Развѣ Сынъ не имѣетъ его? Развѣ Онъ не само безсмертіе? Какъ же это (возможно), когда Онъ—того же существа съ Отцемъ? *Во свѣтѣ*, говоритъ, *живый неприступнѣмъ*. Иной ли свѣтъ Онъ самъ, и иной ли тотъ, въ которомъ Онъ живетъ? Неужели и мѣстомъ Онъ опредѣляется? Нѣтъ. Не съ тою цѣлію, чтобы мы такъ думали, но чтобы показать намъ непостижимость божеской природы, (апостолъ) сказалъ, что Богъ живетъ во свѣтѣ неприступномъ, — настолько изъясняя ученіе о Богѣ, насколько это было для него возможнымъ. Видишь ли, до какой степени бываетъ немощнымъ языкъ, когда хочетъ провѣщать что-нибудь великое? *Егоже никтоже видѣлъ есть отъ человѣкъ*, говоритъ, *ниже видѣти можетъ*, какъ и Сына никто не видѣлъ и видѣть не можетъ. *Емуже честь и держава вѣчная. Аминь*. Благовременно и даже по необходимости здѣсь (апостолъ) изъяснилъ ученіе о Богѣ. Такъ какъ онъ призвалъ Бога въ свидѣтели, то говоритъ много объ этомъ Свидѣтелѣ, чтобы больше тронуть ученика. То есть: слава Ему; мы можемъ это только говорить, это только дѣлать, не испытуя, кто Онъ. Если же держава Его вѣчная, то ничего не бойся, и хотя бы въ настоящее время этого не было, честь Его всегда, держава Его всегда пребываетъ. *Богатымъ въ нынѣшнѣмъ вѣцѣ запрещай не высокомудрствовати* (ст. 17). Хорошо сказалъ: *въ нынѣшнѣмъ* 598
вѣцѣ, потому что есть и иные богатые—въ будущемъ вѣкѣ. Это

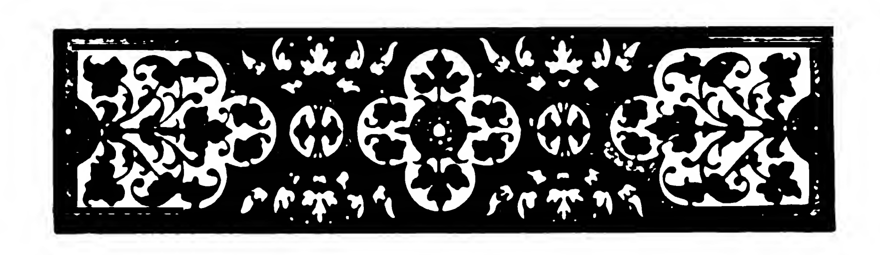
заповѣдуетъ онъ, зная, что ничто такъ не возбуждаетъ надменности, гордости и высокомѣрія, какъ деньги. Потомъ тотчасъ смиряетъ ихъ, говоря: *ниже уповати на богатство погибающее* (ст. 17), потому что отъ него раждается гордость, между тѣмъ какъ надѣющійся на Бога не превозносится. Что ты надѣешься на вещь, которая внезапно проходитъ,—а таково и есть богатство? И какъ ты надѣешься на то, на что нельзя полагаться? Какимъ же образомъ, скажешь ты, они могутъ быть невысокомѣрными? Если увидятъ, что оно непостоянно и нетвердо: если увидятъ, что надежда на Бога больше всякаго богатства: если увидятъ, что и его самого виновникъ есть Богъ. *Но на Бога жива*, говоритъ, *дающаго намъ вся обильно въ наслажденіе* (ст. 17). Хорошо сказалъ: *вся обильно*, указывая на перемѣны временъ года, на воздухъ, свѣтъ, воду и все прочее. Видишь ли, какъ обильно и съ какою щедростію доставляетъ Онъ намъ все это? Если ты ищешь богатства, то ищи богатства пребывающаго, твердаго, которое происходитъ отъ совершенія добрыхъ дѣлъ. На это и (апостолъ) указываетъ, говоря: *благое дѣлати, богатитися въ дѣлѣхъ добрыхъ, благоподатливымъ быти, общительнымъ* (ст. 18); первое относится къ деньгамъ, а послѣднее къ любви. Общительнымъ, говоритъ, разговорчивымъ, привѣтливымъ. *Сокровищующе себѣ основаніе добро въ будущее* (ст. 19). Тамъ нѣтъ ничего ненадежнаго, тамъ непоколебимое основаніе, тамъ нѣтъ ничего непостояннаго, но все непоколебимо, неизмѣнно, прочно, постоянно пребывающее. *Да пріимутъ*, говоритъ, *вѣчную жизнь* (ст. 19),—потому что совершеніе добрыхъ дѣлъ можетъ доставить намъ наслажденіе ею. *О Тимоѳее, преданіе сохрани* (ст. 20). Не уменьшай его; оно—не твое; тебѣ ввѣрено чужое: не убавляй его. *Уклоняяся*, говоритъ, *скверныхъ суесловій и прекословій лжеименнаго разума*.

2. Хорошо онъ сказалъ такимъ образомъ! Дѣйствительно, гдѣ нѣтъ вѣры, тамъ нѣтъ знанія. Когда что-либо раждается отъ собственныхъ нашихъ помысловъ, то это не знаніе. Онъ говоритъ это, можетъ быть, потому, что нѣкоторые тогда называли себя гностиками, какъ бы знавшіе больше другихъ. *О немъ же нѣцыи хвалящеся*, говоритъ, *о вѣрѣ погрѣшиша* (ст. 21). Видишь ли, какъ опять онъ повелѣваетъ даже не сходиться въ одно мѣсто съ таковыми? *Уклоняяся*, говоритъ, *прекословій*. Слѣдовательно есть прекословія, на которыя даже отвѣчать не должно. Почему? Потому что они удаляютъ отъ вѣры, потому что не позволяютъ стоять твердо и непоколебимо. Поэтому мы не должны придерживаться этого, а вѣры, которая есть незыблемый камень. Тогда ни рѣки, ни вѣтры, устремляясь на насъ, не будутъ въ состоя-

піи причинить намъ никакого вреда, потому что мы незыблемо стали на камнѣ. Такимъ образомъ, и въ этой жизни, — если изберемъ это истинное основаніе, — будемъ стоять, не испытывая опять никакого бѣдствія. Кто избралъ это богатство, тотъ не потерпитъ никакого бѣдствія, — кто (избралъ) этотъ почетъ, эту славу, эту честь, это удовольствіе. Все это незыблемо, не испытываетъ никакой перемѣны; между тѣмъ здѣсь все перемѣняется и подвержено превращеніямъ, все непостоянно. Чего ты хочешь? Славы? Не *снидетъ*, говорится, *слава его* во слѣдъ его (Пс. xlviii, 18), а часто даже оставляетъ его еще при жизни. Не таковы совершенства добродѣтели: они всѣ постоянно пребываютъ. Здѣсь тотъ, кто сталъ знаменитымъ, достигнувъ власти, какъ скоро власть переходитъ къ другому, становится человѣкомъ малозначительнымъ и однимъ изъ подначальныхъ. Богатый,—когда напали на него разбойники, клеветники, злоумышленники, — внезапно становится бѣднымъ. Но у насъ не такъ. Если воздержный внимателенъ къ себѣ, то никто не въ состояніи отнять у него воздер- 599
жанія. Того, кто владѣетъ и управляетъ самимъ собою, никто не сдѣлаетъ человѣкомъ, неимѣющимъ власти, подначальнымъ. А что послѣдняя власть значительнѣе первой, это узнаешь изъ сравненія. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, какая польза управлять всѣми народами, и быть рабомъ страстей? Какой вредъ—не управлять ни однимъ человѣкомъ, и быть выше господства страстей? Вотъ свобода, вотъ власть, вотъ царство и могущество! Другого рода власть есть рабство, хотя бы кто окружилъ себя тысячею діадемъ. Когда внутри его властвуетъ множество господъ, именно—сребролюбіе, сластолюбіе, гнѣвъ и другія страсти, то какая польза отъ діадемы? Велико могущество страстей, когда и самый вѣнецъ не въ силахъ избавить человѣка отъ этого рабства. Подобно тому, какъ когда бы кто-нибудь, будучи царемъ, попалъ въ рабство къ варварамъ, и они, желая въ большей степени показать свою власть надъ нимъ, не сняли бы съ него ни порфиры, ни діадемы, но заставляли бы его въ такомъ видѣ и носить воду, и готовить кушанье, и исполнять всѣ другія работы, чтобы такимъ образомъ доставить себѣ больше чести, а его подвергнуть большему поруганію,—такъ и въ настоящемъ случаѣ эти страсти обращаются съ нами жесточе всякаго варвара. Кто презираетъ ихъ, тотъ будетъ смѣяться и надъ варварами; а кто преклоняется предъ ними, тотъ будетъ терпѣть отъ нихъ гораздо больше зла, чѣмъ отъ варваровъ. Варваръ, когда пріобрѣтаетъ великую силу, истязуетъ тѣло; а страсти мучатъ и отвсюду терзаютъ душу. Варваръ, когда пріобрѣтаетъ великую силу, предаетъ смерти временной; а страсти предаютъ смерти вѣчной. По-

этому свободенъ только тотъ, кто стяжалъ свободу внутреннюю; равно и рабъ только тотъ, кто покорствуетъ безсмысленнымъ страстямъ. Ни одинъ господинъ, какъ бы жестокъ онъ ни былъ, не даетъ такихъ строгихъ и жестокихъ повелѣній (какъ страсти). Посрами твою душу, говорятъ онѣ, безъ нужды и причины; оскорбляй Бога; не знай самой природы; будетъ ли это отецъ, или мать,—отложи всякій стыдъ, возстань противъ нихъ. Таковы повелѣнія сребролюбія. Приноси мнѣ въ жертву, говоритъ оно, не тельцовъ, а людей. Правда, и пророкъ говоритъ: *пожрите человѣковъ, оскудѣша бо тельцы* (Осіи, XIII, 2); а сребролюбіе не это заповѣдуетъ, но: пожри человѣковъ, хотя и есть тельцы; приноси въ жертву людей; приноси въ жертву не сдѣлавшихъ никакой неправды; убей и того, кто оказалъ тебѣ благодѣяніе. И опять: будь враждебенъ ко всѣмъ, будь общимъ врагомъ всѣхъ—
600 и самой природы, и Бога; собирай золото—не для наслажденія, а для того, чтобы беречь его и испытывать чрезъ него большее мученіе. Вѣдь невозможно сребролюбцу быть вмѣстѣ и преданнымъ наслажденію, потому что онъ боится, чтобы не уменьшилось золото, чтобы не оскудѣли сокровищницы. Бодрствуй, говоритъ оно, всѣхъ подозрѣвай—и рабовъ, и друзей; будь стражемъ чужого. Если увидишь, что бѣдный умираетъ съ голоду, не давай ему ничего, но, если возможно, сними съ него даже самую кожу. Нарушай клятвы, лги, клянись, обвиняй, клевещи и, хотя бы надлежало идти въ огонь, подвергнуться тысячѣ смертей, умереть отъ голода, бороться съ болѣзнію,—не отказывайся. Развѣ не такіе законы предписываетъ сребролюбіе? Будь дерзкимъ и безстыднымъ, наглымъ и грубымъ, преступнымъ и безчестнымъ, неблагодарнымъ, безчувственнымъ, недружелюбнымъ, непримиримымъ, безжалостнымъ, отцеубійцею, больше звѣремъ, нежели человѣкомъ. Превзойди всякаго змія суровостію, всякаго волка хищностію; превзойди жестокость животной природы. Хотя бы надлежало тебѣ сдѣлаться настолько злобнымъ, какъ демонъ, не отказывайся; не знай благодѣянія. Развѣ не это вѣщаетъ оно? И мы слушаемся его! Но Богъ даетъ противоположныя заповѣди. Будь друженъ со всѣми, будь кротокъ, всѣми любимъ, никого напрасно и безъ причины не оскорбляй, чти отца, чти мать, пользуйся добрымъ мнѣніемъ, будь не человѣкомъ, а ангеломъ; ничего не говори ни безстыднаго, ни ложнаго, даже и не помышляй о подобномъ; помогай нуждающимся, не навлекай на себя хлопотъ грабительствомъ, не будь дерзкимъ, ни наглымъ. И нѣтъ никого, кто бы слушался этого! Поэтому развѣ несправедливо угрожаетъ геенна? Развѣ не по заслугамъ—огонь? Червь неумирающій? До какихъ поръ будемъ блуждать по стремнинамъ? До

какихъ поръ будемъ ходить по терніямъ? До какихъ поръ будемъ прободать себя гвоздями и благодарить за это? Мы подчиняемся жестокимъ мучителямъ и отвращаемся отъ милосердаго Владыки, который ничего не говоритъ ни оскорбительнаго, ни грубаго, ни жестокаго, ни неразумнаго, но заповѣдуетъ все нужное, прибыльное и доставляющее намъ великую пользу. Воспрянемъ наконецъ, обратимся, пріуготовимся, возлюбимъ Бога, какъ должно, чтобы удостоиться благъ, обѣщанныхъ любящимъ Его, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.



СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО,

ТОЛКОВАНІЕ НА ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ КЪ ТИМОѲЕЮ [1]).

БЕСѢДА I.

599—600 Павелъ апостолъ Іисусъ Христовъ волею Божіею, по обѣтованію жизни, яже о Христѣ Іисусѣ, Тимоѳею возлюбленному чаду, благодать, милость, миръ отъ Бога Отца и Христа Іисуса Господа нашего (2 Тим. I, 1, 2).

1. Почему (апостолъ) пишетъ и второе посланіе къ Тимоѳею? Прежде онъ говорилъ: *уповаю пріити къ тебѣ скоро* (1 Тим. III, 14), но это не исполнилось; поэтому онъ, вмѣсто своего прибытія, чрезъ посланіе утѣшаетъ его, можетъ быть, скорбѣвшаго какъ по этой причинѣ, такъ и по случаю принятія имъ въ то время (епископской) власти. Вѣдь какъ бы ни были велики мужи,
601 принимающіе бразды правленія Церковію, но они затрудняются, будучи со всѣхъ сторонъ затопляемы большими волнами дѣлъ; особенно можно сказать это о тогдашнемъ времени, когда было начало проповѣди, когда все было невоздѣлано, все враждебно, все противодѣйствовало. При томъ были ереси, порожденныя іудейскими учителями, о чемъ (Павелъ) упоминалъ и въ первомъ посланіи. Впрочемъ, не посланіемъ только онъ утѣшаетъ Тимоѳея, но и приглашаетъ его къ себѣ: *потщися*, говоритъ, *скоро пріити ко мнѣ*, и: *грядый принеси книги, паче же кожаныя* (2 Тим. IV, 9,

[1]) Бесѣды эти произнесены святителемъ, вѣроятно, въ Антіохіи около 397 года.

13). Мнѣ кажется, что это посланіе написалъ онъ при концѣ своей жизни, потому что говоритъ: *азъ бо уже жренъ бываю*, и еще: *въ первый мой отвѣтъ никтоже бысть со мною* (2 Тим. IV, 6, 16). Устроивъ все это, онъ утѣшаетъ Тимоѳея собственными искушеніями и говоритъ: *Павелъ апостолъ Іисусъ Христовъ волею Божіею по обѣтованію жизни, яже о Христѣ Іисусѣ.* Тотчасъ, въ самомъ началѣ, ободряетъ душу его. Не указывай мнѣ, говоритъ, на здѣшнія бѣдствія; они доставляютъ намъ вѣчную жизнь, гдѣ нѣтъ ничего такого, гдѣ нѣтъ болѣзни, печали и воздыханія. Не для того, говоритъ, Богъ сдѣлалъ насъ апостолами, чтобы мы только подвергались опасностямъ, но чтобы и умирали, чтобы претерпѣли и это. Но такъ какъ указаніе на свои бѣдствія не только не было утѣшеніемъ, но еще увеличивало скорбь, то онъ въ самомъ же началѣ предлагаетъ слѣдующее утѣшеніе: *по обѣтованію жизни, яже о Христѣ Іисусѣ.* Если же она—обѣтованіе, то не ищи ея здѣсь, потому что *упованіе видимое нѣсть упованіе* (Рим. VIII, 24). *Тимоѳею возлюбленному чаду*; не просто: *чаду*. но: *возлюбленному*. Могутъ быть дѣти и нелюбимыя; но ты не таковъ, говоритъ, и потому не просто *чадомъ* я называю тебя, но чадомъ *возлюбленнымъ*. И галатійцевъ онъ называетъ чадами, однако скорбитъ о нихъ: *чадца моя*, говоритъ, *имиже паки болѣзную* (Галат. IV, 19). Называя его возлюбленнымъ, онъ свидѣтельствуетъ о великой его добродѣтели. Какимъ образомъ? Когда любовь не отъ природы, то она—отъ добродѣтели. Родившіеся отъ насъ бываютъ любезны намъ не по своей добродѣтели только, но и по требованію природы; а возлюбленные по вѣрѣ бываютъ такими не по чему иному, какъ по добродѣтели. И какъ можетъ быть иначе, особенно у Павла, который ничего не дѣлалъ по пристрастію? Кромѣ того, выраженіемъ: *возлюбленному чаду* онъ показываетъ, что самъ не пришелъ къ нему не потому, чтобы гнѣвался на него, или презиралъ, или не одобрялъ его. *Благодать, милость, миръ отъ Бога Отца и Христа Іисуса Господа нашего.* Чего желалъ прежде, того же и теперь желаетъ ему. Замѣть, какъ онъ въ самомъ началѣ оправдывается предъ нимъ, что самъ не пришелъ для свиданія съ нимъ; вѣдь слова: *дондеже пріиду*, и еще: спѣшу *пріити къ тебѣ скоро* (1 Тим. IV, 13; III, 14) заставляли ожидать скораго его прибытія. Въ этомъ онъ тотчасъ же и оправдывается. Впрочемъ, не говоритъ вдругъ о причинѣ, почему не пришелъ, чтобы не слишкомъ опечалить его, — причиною было то, что онъ задержанъ былъ кесаремъ,—но уже въ концѣ, когда приглашалъ его къ себѣ, открылъ ее. Въ началѣ же не опечаливаетъ его, а высказываетъ надежду видѣться съ нимъ: *желаю видѣти тя*, и: *потщися скоро пріити ко мнѣ* (2 Тим. I, 4; IV, 9). 602

Итакъ въ самомъ началѣ онъ ободряетъ Тимоѳея и въ похвалу его продолжаетъ: *благодарю Бога, емуже служу отъ прародителей чистою совѣстію, яко непрестанную имамъ о тебѣ память въ молитвахъ моихъ день и нощь, желая видѣти тя, поминая слезы твоя, да радости исполнюся* (ст. 3, 4). *Благодарю Бога*, говоритъ, за то, что я помню о тебѣ,—такъ я люблю тебя. Это—знакъ чрезвычайной любви, когда кто любитъ такъ, что самъ восхищается любовію. *Благодарю Бога*, говоритъ, *емуже служу*. Какъ? *Чистою совѣстію отъ прародителей*; совѣсть его не была запятнана. Впрочемъ, онъ здѣсь говоритъ о жизни и вездѣ называетъ совѣстію жизнь. Иначе сказать: я не измѣнилъ тѣмъ благамъ, которыхъ и прежде желалъ, по какимъ-либо человѣческимъ побужденіямъ, даже и тогда, когда былъ гонителемъ. Потому онъ и сказалъ: *но помилованъ быхъ, яко невѣдый сотворихъ въ невѣрствіи* (1 Тим. I, 13), и какъ бы такъ говоритъ: не подозрѣвай здѣсь неправаго дѣла. Кстати онъ изображаетъ свой нравъ, чтобы достовѣрны были и слова его о любви. А смыслъ словъ его слѣдующій: я не лгу, не иное думаю, а иное говорю. Такъ онъ вынужденъ былъ хвалить себя и прежде, какъ видно изъ книги Дѣяній. Когда стали порицать его, какъ возмутителя и нововводителя, то онъ говоритъ: Ананія *рече ми: Богъ отецъ нашихъ предъизбралъ тя разумѣти хотѣніе его, и видѣти Праведника, и слышати гласъ отъ устъ его, яко будеши ему свидѣтель у всѣхъ человѣковъ о сихъ, яже видѣлъ еси и слышалъ* (Дѣян. XXII, 14, 15). Такъ и здѣсь, чтобы не составилось о немъ мнѣніе, какъ о человѣкѣ, чуждомъ дружбы и совѣсти и забывающемъ ближнихъ, онъ справедливо, въ похвалу себѣ, говоритъ: *непрестанную имамъ о тебѣ память*, и не просто, но: *въ молитвахъ моихъ*, т. е., это входитъ въ мою молитву, во всякое время непрестанно я исполняю это,—именно это выражаютъ слова: день и ночь молю Бога, *желая видѣти тя*. Видишь ли пламенную привязанность? Видишь ли преизбытокъ любви? Видишь ли его смиренномудріе, по которому онъ оправдывается предъ ученикомъ? Потомъ показываетъ, что дѣлаетъ это не просто и не безъ причины; показалъ и выше, показываетъ и здѣсь: *поминая*, говоритъ, *слезы твоя*. Разлучаясь (съ Павломъ), онъ вѣроятно плакалъ и рыдалъ больше дитяти, отнимаемаго отъ сосцовъ кормилицы и молока. *Да радости исполнюся*, говоритъ, *желаю видѣти тя*. Если бы я былъ даже крайне безчувственъ, жестокъ и безчеловѣченъ, и тогда не отказалъ бы себѣ въ этомъ удовольствіи,—потому что припоминаемыя мною слезы твои могли бы смягчить меня. Но я не изъ числа такихъ; я чисто служу Богу. Многія причины влекли меня къ тебѣ. Итакъ Тимоѳей плакалъ. Далѣе Павелъ приводитъ и другую утѣши-

тельную причину: *воспоминаніе,* говоритъ, *пріемля о сущей въ тебѣ нелицемѣрнѣй вѣрѣ* (ст. 5).

2. Далѣе слѣдуетъ другая похвала въ томъ, что (Тимоѳей) былъ не изъ язычниковъ и не изъ невѣрныхъ, но изъ такого дома, который издавна служилъ Христу. *Яже вселися прежде,* говоритъ, *въ бабу твою Лоиду и въ матерь твою Эвникію.* Онъ былъ *сынъ жены Іудеяныни вѣрны* (Дѣян. xvi, 1). Какъ іудеянки? Какъ вѣрной? Она была не изъ язычниковъ. Но ради отца его, который былъ эллинъ и ради іудеевъ, бывшихъ въ тѣхъ мѣстахъ, (Павелъ) взялъ и обрѣзалъ его (Дѣян. xvi, 3). Видишь ли, какъ началъ разрушаться законъ, когда были такія смѣшенія? Смотри, 603
сколько онъ предложилъ доказательствъ для убѣжденія, что не презиралъ (Тимоѳея). Я служу, говоритъ, Богу; имѣю чистую совѣсть; ты плачешь. И не за слезы только (желаю видѣть тебя), но и за вѣру, такъ какъ ты служитель истины, и нѣтъ въ тебѣ лицемѣрія. Если же и ты достоинъ быть любимымъ, какъ сильно любящій меня истинный ученикъ Христовъ, и я не изъ числа людей, чуждыхъ любви, но ревнующихъ объ истинѣ, то что могло воспрепятствовать мнѣ придти къ тебѣ? *Извѣстенъ же есмь, яко и въ тебѣ.* Издавна, говоритъ, ты имѣешь это благо; отъ прародителей ты принялъ нелицемѣрную вѣру. Доблести предковъ, если мы подражаемъ имъ, принадлежатъ и намъ; а если не подражаемъ, не имѣютъ никакой силы, но еще служатъ къ нашему осужденію. Поэтому онъ и прибавилъ: *извѣстенъ же есмь, яко и въ тебѣ;* не догадываюсь, говоритъ, но убѣжденъ и совершенно увѣренъ. Если же не для чего-нибудь человѣческаго ты принялъ ее, то ничто не можетъ поколебать тебя. *Еяже ради вины воспоминаю тебѣ возгрѣвати даръ Божій, живущій въ тебѣ возложеніемъ руку моею* (ст. 6). Видишь ли, какъ онъ выражаетъ, что (Тимоѳей) былъ въ великой скорби, въ уныніи? Онъ какъ бы такъ говоритъ: не подумай, что я презираю тебя; знай, что я не презираю и не забылъ тебя; если не кого другого, то вспомни свою бабку и мать. Я знаю, что ты имѣешь нелицемѣрную вѣру, и потому напоминаю: тебѣ нужно имѣть ревность, чтобы воспламенять даръ Божій. Какъ огонь требуетъ дровъ, такъ и благодать—нашего усердія, чтобы она воспламенялась. *Воспоминаю тебѣ возгрѣвати даръ Божій, живущій въ тебѣ возложеніемъ руку моею,* т. е. благодать Духа, которую ты принялъ для предстоятельства въ Церкви, для знаменій и всякаго служенія, потому что отъ насъ зависитъ и погашать и воспламенять ее. Поэтому и въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *духа не угашайте* (1 Сол. v, 19). Отъ безпечности и лѣности онъ угасаетъ, отъ вниманія и усердія воспламеняется; онъ есть въ тебѣ; но ты доставляй ему

больше силы, т. е. исполняй его крѣпости, радости, веселія: стой мужественно. *Не бо даде намъ Богъ духа страха, но силы и любве и цѣломудрія* (ст. 7), т. е. не для того мы получили духъ, чтобы сокрушаться, но чтобы имѣть дерзновеніе. Многимъ Богъ даетъ и духъ страха, напримѣръ, на войнѣ, какъ читается въ книгахъ Царствъ. *И нападе*, говоритъ (Писаніе), *на ня* духъ *страха* (Исх. xv, 16), т. е. Богъ вложилъ въ нихъ страхъ. Напротивъ, тебѣ Онъ даровалъ духъ силы и любви къ Нему. Слѣдовательно и это отъ благодати, впрочемъ, не просто отъ благодати, но если и мы напередъ исполнимъ зависящее отъ насъ, такъ какъ что побуждаетъ насъ взывать: *Авва Отче* (Рим. viii, 15), то же самое внушаетъ намъ и любовь къ Нему и ближнимъ, чтобы мы любили другъ друга. Любовь происходитъ отъ силы и безбоязненности; и обыкновенно, ничто столько не разрушаетъ любви, какъ страхъ и подозрѣніе предательства. *Не бо даде намъ Богъ*, говоритъ, *духа страха, но силы и любве и цѣломудрія*. Цѣломудріемъ
604 онъ называетъ или здравіе ума и души, или то, чтобы мы жили цѣломудренно, и старается вразумить насъ и отклонить отъ невоздержанія, хотя бы случилось какое-нибудь бѣдствіе. Итакъ не будемъ скорбѣть, подвергаясь бѣдствіямъ; въ этомъ состоитъ цѣломудріе. *Не скоръ буди*, говоритъ (Премудрый), *во время наведенія* (Сир. II, 2). Многіе имѣютъ много домашнихъ скорбей; скорби общи всѣмъ намъ, только причины ихъ различны: одинъ терпитъ скорбь отъ жены, другой отъ сына, иной отъ слуги, тотъ отъ друга, этотъ отъ врага, тотъ отъ сосѣда, этотъ отъ убытковъ; бываетъ много разныхъ причинъ скорбей. Вообще невозможно найти человѣка, который былъ бы свободенъ отъ горестей и скорбей; всякій испытываетъ скорби больше или меньше. Итакъ не будемъ унывать и думать, будто мы только одни терпимъ скорбь.

3. Нѣтъ человѣка, который, проводя эту измѣнчивую жизнь, былъ бы безъ горестей; если не сегодня, то завтра, если не завтра, то послѣ, горести приходятъ. Какъ плавающему невозможно быть безъ тревогъ, разумѣю плавающаго по великому морю, такъ и живущему въ этой жизни невозможно быть безъ скорбей, хотя бы онъ былъ и богатымъ. Потому самому, что онъ богатъ, у него много поводовъ къ непріятностямъ. Представь даже самого царя; и онъ зависитъ отъ многаго и не все дѣлаетъ по своему желанію, но часто дѣлаетъ угодное другимъ противъ своей воли, и вообще онъ чаще всѣхъ поступаетъ не такъ, какъ хочетъ. Почему? Потому что есть много людей, которые хотятъ получить что-нибудь изъ принадлежащаго ему. Представь же, какую великую чувствуетъ онъ скорбь, когда хочетъ сдѣлать что-нибудь и не можетъ или изъ опасенія, или изъ подозрѣнія, или изъ-за вра-

говъ, или изъ-за друзей? Часто когда онъ и рѣшится исполнить какое-нибудь изъ своихъ желаній, все удовольствіе отъ совершенія дѣла теряется вслѣдствіе сопротивленія многихъ недовольныхъ имъ.

Что же? Ты думаешь, что люди, проводящіе жизнь безъ трудовъ, свободны отъ скорбей? Нѣтъ. Какъ невозможно человѣку не испытать смерти, такъ и—прожить безъ скорбей. Сколько приходится имъ терпѣть такихъ непріятностей, которыхъ невозможно выразить словомъ, но которыя могутъ испытывать только они одни! Какъ часто просили себѣ смерти жившіе среди богатства и роскоши! Жить роскошно отнюдь не значитъ жить безъ горестей; напротивъ, самая роскошь раждаетъ безчисленныя горести, болѣзни, неудовольствія; а если и нѣтъ этого, (то живущій въ роскоши часто грустить) безъ всякой причины. Дѣйствительно, когда душа находится въ такомъ состояніи, то можетъ грустить и безъ причины. Врачи говорятъ, что и отъ слабости желудка происходятъ немалыя скорби. Не случается ли этого и съ нами, когда мы скорбимъ и не знаемъ причины грусти? Вообще, невозможно найти человѣка безъ скорби. Если же у другихъ не столь важна причина скорби, какъ у насъ, то каждый и изъ нихъ однако такъ же думаетъ,—свое горе болѣе чувствительно, нежели чужое. Какъ тѣ, у кого болитъ какая-нибудь часть тѣла, думаютъ, что ихъ страданіе сильнѣе страданій ближняго,—у кого, напримѣръ, болитъ глазъ, тотъ полагаетъ, что нѣтъ другой такой боли, какая у него, или у кого болитъ желудокъ, тотъ считаетъ свою боль сильнѣе всѣхъ болей, и всякій, чѣмъ страдаетъ, то и считаетъ самымъ мучительнымъ страданіемъ,—такъ и въ скорбяхъ душевныхъ: каждый то горе, которое постигло его, называетъ самымъ тяжелымъ, потому что судитъ о немъ по собственному 605
опыту. Напримѣръ, не имѣющій дѣтей думаетъ, что нѣтъ ничего хуже бездѣтности; а имѣющій много дѣтей, при бѣдности, ни на что такъ не жалуется, какъ на многосемейность; имѣющій одного сына полагаетъ, что нѣтъ ничего хуже, какъ имѣть одного: отъ этого, говоритъ, онъ и лѣнивъ, и огорчаетъ своего отца, и не принимаетъ никакихъ внушеній, оставаясь, впрочемъ, постоянно любимымъ сыномъ; имѣющій красивую жену говоритъ, что нѣтъ ничего хуже, какъ имѣть жену красивую, потому что въ этомъ случаѣ бываетъ много подозрѣнія и козней; а имѣющій некрасивую жену говоритъ, что нѣтъ ничего хуже, какъ имѣть жену некрасивую, потому что это весьма непріятно. Частный человѣкъ говоритъ, что нѣтъ ничего негоднѣе и ниже такой жизни, а военный утверждаетъ, что нѣтъ ничего труднѣе и опаснѣе военнаго званія, что лучше питаться однимъ хлѣбомъ и во-

дою, нежели переносить такія тягости. Начальствующій говоритъ, что нѣтъ ничего тяжелѣе, какъ удовлетворять нуждамъ другихъ, а подчиненный утверждаетъ, что нѣтъ ничего унизительнѣе, какъ подчиняться власти другихъ. Женившійся говоритъ, что нѣтъ ничего хуже, какъ имѣть жену и соединенныя съ нею заботы, а неженившійся утверждаетъ, что нѣтъ ничего хуже, какъ быть неженатымъ,—не имѣешь ни дома, ни покоя. Купецъ называетъ счастливымъ земледѣльца за его спокойствіе, а земледѣлецъ—купца за его богатство. Вообще родъ человѣческій ничѣмъ недоволенъ, всегда жалуется и огорчается. Осуждая всѣхъ людей, говорятъ, что человѣкъ есть ничто, и что весь родъ человѣческій есть вьючное и жалкое животное. Сколько такихъ, которые прославляютъ старость! Сколько такихъ, которые считаютъ блаженствомъ юность! Такимъ образомъ много бываетъ горестей и отъ возрастовъ жизни. Когда мы видимъ, что насъ осуждаютъ за молодость, то говоримъ: зачѣмъ мы не старцы? А когда голова покрывается сѣдиною, то говоримъ: гдѣ наша молодость? Вообще, у насъ безчисленное множество поводовъ къ скорбямъ. Одинъ только есть путь, избавляющій отъ этой несообразности,—путь добродѣтели. И онъ, конечно, не чуждъ горестей, но горестей не напрасныхъ, а приносящихъ благо и пользу. Иной согрѣшилъ и, сокрушаясь скорбію, омываетъ грѣхи свои; другой оказываетъ состраданіе падшему брату, и въ этомъ также находитъ себѣ немалую награду, потому что состраданіе къ людямъ, находящимся въ несчастіи, доставляетъ намъ великое дерзновеніе предъ Богомъ.

4. Послушай, какъ мудро Священное Писаніе говоритъ объ Іовѣ; послушай, что говоритъ Павелъ: *плакати съ плачущими;* и еще: *смиренными ведущеся* (Рим. XII, 15, 16). Участіе въ горестяхъ другихъ весьма сильно облегчаетъ скорби: какъ содѣйствіе тому, кто одинъ несетъ тяжесть, облегчаетъ его бремя, такъ и во всемъ прочемъ. Между тѣмъ нынѣ, когда кто изъ нашихъ ближнихъ умираетъ,—многіе окружаютъ его, многіе утѣшаютъ близкихъ къ нему; и осла упавшаго мы часто поднимаемъ; а когда падаютъ души нашихъ братій,—мы не обращаемъ вниманія и думаемъ о нихъ меньше, нежели объ ослѣ. Видя, что кто-нибудь безстыдно
606 входитъ въ харчевню, мы не удерживаемъ его; напивается ли онъ или совершаетъ какое-нибудь другое безчинство, мы не только не препятствуемъ, но еще сами принимаемъ въ томъ участіе. Поэтому Павелъ и говорилъ: *не точію сами творятъ, но и соизволяютъ творящимъ* (Рим. I, 32); и многіе составляютъ товарищества для гулянья и пьянства. Составляй, человѣкъ, товарищества для того, чтобы истреблять страсть къ пьянству; такія товарище-

ства благодѣтельны для узниковъ, для находящихся въ скорбяхъ. Нѣчто подобное и Павелъ предписывалъ коринѳянамъ, когда говорилъ: *да не, егда пріиду, тогда собранія бываютъ* (1 Кор. XVI, 2). Для пьянства, пированья и гулянья мы теперь дѣлаемъ все—и общую постель, и общій столъ, и общее вино, и общія издержки; а устроить общественную милостыню не думаетъ никто. Во времена апостоловъ были такія товарищества,—тогда сносили въ одно мѣсто все имущество; я же требую не всего, а какой-нибудь части. *По единѣй отъ субботъ*, говоритъ (Павелъ), *кійждо васъ да полагаетъ, еже аще что благопоспѣшится* (1 Кор. XVI, 2), какъ бы принося дань за семь дней и слагая ее вмѣстѣ, и такимъ образомъ подавая большую или меньшую милостыню. *Да не явишися*, говоритъ (Писаніе), *предъ Господемъ тощъ* (Втор. XVI, 16). Если это было заповѣдано іудеямъ, то не тѣмъ ли болѣе намъ? Для того бѣдные и стоятъ у дверей, чтобы никто не входилъ *тощимъ*, но вступалъ съ милостынею. Ты входишь, чтобы получить себѣ милость: окажи же самъ напередъ милость. Кто приходитъ послѣ, тотъ долженъ подать больше, потому что когда уже мы сдѣлаемъ начало, то слѣдующій долженъ положить больше. Сдѣлай должникомъ своимъ Бога, и потомъ проси Его; дай ему въ заемъ, и потомъ требуй, чтобы получить съ прибыткомъ. Богъ хочетъ этого и не отвергаетъ. Если ты просишь Его съ милостынею, то Онъ благоволитъ къ тебѣ; если просишь Его съ милостынею, то даешь Ему въ заемъ и получишь прибытокъ. Такъ, внушаю вамъ, не за воздѣяніе рукъ можно быть услышаннымъ; простирай руки свои не къ небу, а къ рукамъ бѣдныхъ. Если ты будешь простирать руки къ рукамъ бѣдныхъ, то достигнешь самой высоты неба, потому что тамъ возсѣдитъ Тотъ, кто принимаетъ милостыню; а если станешь воздѣвать руки безъ плода, то не получишь никакой пользы. Скажи мнѣ: если бы пришелъ къ тебѣ царь въ порфирѣ и сталъ просить тебя, то не отдалъ ли бы ты ему охотно всего своего имущества? Нынѣ же проситъ тебя устами бѣдныхъ царь не земной, а небесный, и ты стоишь, не обращая на Него вниманія и откладываешь подаяніе. Какого ты достоинъ за это наказанія? Подлинно, не за воздѣяніе рукъ и не за множество словъ, но за дѣла можно быть услышаннымъ. Послушай, что̀ говоритъ пророкъ: *егда прострете руки ваша, отвращу очи мои отъ васъ, и аще умножите моленіе, не услышу васъ* (Иса. I, 15). У кого недостатокъ въ милости, тому слѣдовало бы молчать и не возводить очей къ небу; а онъ еще осмѣливается многоглагольствовать! Между тѣмъ, что̀ говоритъ (пророкъ)? *Судите сиру и смирену, и оправдите вдовицу, и научитеся добро творити* (Иса. I, 17; Псал. IX, 39). Такимъ образомъ мы можемъ быть услышаны, хотя

бы и не воздѣвали рукъ нашихъ, хотя бы ничего не говорили и ни о чемъ не просили. Будемъ же стараться объ этомъ, чтобы намъ сподобиться обѣтованныхъ намъ благъ.

БЕСѢДА II.

605—606 **Не постыдися убо свидѣтельствомъ Господа нашего, ни мною юзникомъ его: но спостражди благовѣствованію, по силѣ Бога, спасшаго насъ и призвавшаго званіемъ святымъ, не по дѣломъ нашимъ, но по своему предложенію и благодати даннѣй намъ о Христѣ Іисусѣ прежде лѣтъ вѣчныхъ, явльшейся же нынѣ просвѣщеніемъ Спасителя нашего Іисуса Христа (2 Тим. I, 8—10).**

1. Нѣтъ ничего хуже, какъ судить и измѣрять дѣла боже-
607 ственныя соображеніями человѣческими: такимъ образомъ можно далеко отпасть отъ камня вѣры и лишиться свѣта. Если желающій обнять лучи солнца глазами человѣческими не только не обниметъ ихъ и не достигнетъ цѣли, но еще отдалится отъ нея и потерпитъ великій вредъ, то тѣмъ болѣе дерзающій протекать своими умствованіями въ свѣтъ неприступный потерпитъ вредъ, оскорбляя даръ Божій. Посмотри на Маркіона, Манеса, Валентина и на всѣхъ, вносившихъ другія еретическія и пагубныя ученія въ Церковь Божію, какъ они, измѣряя дѣла Божіи умствованіями человѣческими, стыдились домостроительства нашего спасенія. Между тѣмъ оно,—разумѣю крестъ Христовъ,—заслуживаетъ не стыда, а великой хвалы. Въ самомъ дѣлѣ, ничто не служитъ столь великимъ доказательствомъ человѣколюбія Божія, ни небо, ни море, ни земля, ни сотвореніе всего сущаго изъ ничего, ни все прочее, какъ крестъ. Потому и Павелъ хвалится имъ: *мнѣ же*, говоритъ, *да не будетъ хвалитися, токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа* (Гал. VI, 14). Но люди душевные, приписывающіе Богу не болѣе, какъ людямъ, отпадаютъ отъ вѣры и стыдятся ея. Потому (апостолъ), убѣждая своего ученика, а чрезъ него и всѣхъ, говоритъ: *не постыдися убо свидѣтельствомъ Господа нашего*, т. е. не стыдись того, что ты проповѣдуешь Распятаго, но и хвались. Хотя всѣ эти предметы—смерть, темницы, узы—сами по себѣ достойны стыда и порицанія, но здѣсь, если вникнуть въ причину ихъ и внимательно разсмотрѣть таинство, они достойны великой хвалы и великаго почитанія. Эта смерть спасла погибавшую вселенную; эта смерть соединила небо съ землею; эта смерть разрушила власть діавола, содѣлала людей

ангелами и сынами Божіими; эта смерть возвела естество наше на престолъ царскій; эти узы обратили многихъ. *Не постыдися убо*, говоритъ, *свидѣтельствомъ Господа нашего, ни мною юзникомъ его, но спостражди благовѣствованію*,—т. е., хотя бы ты самъ потерпѣлъ это, не стыдись. Что онъ выражаетъ именно это, видно какъ изъ вышесказанныхъ словъ: *даде намъ Богъ духа силы и любве и цѣломудрія* (2 Тим. I, 7), такъ и изъ послѣдующихъ. *Но спостражди*, говоритъ,—т. е. не просто: не стыдись, но: не стыдись и самъ испытать. Не сказалъ: не бойся, не страшись, но сильнѣе ободряетъ его словомъ: *не постыдися*, выражая, что опасность какъ бы не существуетъ, если преодолѣть стыдъ. Стыдъ тогда только и тягостенъ, когда онъ преодолѣваетъ насъ. Итакъ, не стыдись, если я, воскрешающій мертвыхъ, совершающій безчисленныя знаменія, обтекшій всю вселенную, теперь связанъ. Я связанъ не какъ злодѣй, но ради Распятаго; если Владыка мой не постыдился креста, то и я не стыжусь узъ. Хорошо онъ, желая убѣдить ученика своего не стыдиться, напередъ напомнилъ ему о крестѣ. Если, говоритъ, ты не стыдишься креста, то не стыдись и узъ; если Владыка нашъ и Учитель претерпѣлъ крестъ, тѣмъ болѣе мы (можемъ претерпѣть) узы; а кто стыдится того, что̀ самъ потерпѣлъ, тотъ стыдится и Распятаго. Я, говоритъ, не за себя несу эти узы. Итакъ, не потерпи, чего-нибудь человѣческаго, но будь общникомъ въ тѣхъ же страданіяхъ. *Но спостражди*, говоритъ, *благовѣствованію*, не въ томъ смыслѣ, будто благовѣствованіе страдаетъ, но онъ побуждаетъ ученика страдать за евангеліе. *По силѣ Бога, спасшаго насъ и призвавшаго званіемъ святымъ, не по дѣломъ нашимъ, но по своему предложенію и благодати данней намъ о Христѣ Іисусѣ прежде лѣтъ вѣчныхъ*. Такъ какъ, съ другой стороны, сказать: пострадай—значило повергнуть ученика въ тяжкую скорь, то (апостолъ) опять утѣшаетъ его, говоря: *не по дѣломъ нашимъ*, т. е. не думай, что ты перенесешь это собственною силою, но—силою Божіею; твое дѣло избрать и показать усердіе, а облегчить и успокоить—дѣло Божіе. Потомъ онъ представляетъ и доказательства силы Божіей. Вспомни, говоритъ, какъ ты спасенъ, какъ ты призванъ; подобно какъ онъ говоритъ и въ другомъ мѣстѣ: *по силѣ его дѣйствуемѣй въ насъ* (Еф. III, 20). Подлинно, для того, чтобы убѣдить вселенную, нужно болѣе силы, нежели сотворить небо. Какъ же онъ призванъ? *Званіемъ*, говоритъ, *святымъ*, т. е. Богъ сдѣлалъ святыми бывшихъ грѣшниковъ и враговъ Его; и это не отъ насъ,—Божій даръ (Ефес. II, 8). Если же Онъ и столь силенъ въ призваніи и столь благъ, что дѣлаетъ это по благодати, а не по долгу, то не должно страшиться. Если и тогда, когда нужно было спасти насъ, бывшихъ

608

врагами Его, Онъ спасъ благодатію, то не тѣмъ ли болѣе Онъ будетъ содѣйствовать намъ, когда увидитъ и нашу дѣятельность? *Не по дѣломъ нашимъ*, говоритъ, *но по своему предложенію*, т. е. не по чьему-нибудь принужденію или совѣту, но по собственному изволенію, побуждаемый собственною своею благостію, Онъ спасъ насъ: таковъ смыслъ словъ: *по своему предложенію. И благодати даннѣй намъ о Христѣ Іисусѣ прежде лѣтъ вѣчныхъ*, т. е. безначально было предопредѣлено — быть этому *о Христѣ Іисусѣ*. Немаловажно и это, т. е., что Богъ хотѣлъ этого искони, и слѣдовательно — не по раскаянію. Какъ же можно говорить, что Сынъ не вѣченъ? Онъ и самъ хотѣлъ этого отъ начала. *Явльшейся же нынѣ просвѣщеніемъ Спасителя нашего Іисуса Христа, разрушившаго убо смерть и возсіявшаго жизнь и нетлѣніе благовѣствованіемъ* (ст. 10).

2. Видишь ли, какая сила, видишь ли, какой даръ ниспосланъ намъ не за дѣла наши, но чрезъ евангеліе? Это—предметъ нашей надежды. Въ тѣлѣ Христовомъ то и другое (жизнь и нетлѣніе) уже было, а въ нашемъ еще будетъ. Какимъ образомъ? *Благовѣствованіемъ. Въ неже поставленъ быхъ азъ проповѣдникъ и апостолъ и учитель языковъ* (ст. 11). Для чего Павелъ такъ часто называетъ себя учителемъ языковъ? Чтобы внушить, — какъ я уже говорилъ,—что это должно быть близко и къ язычникамъ. Итакъ, не огорчайся при мысли о моихъ страданіяхъ; силы смерти сокрушены; я страдаю не какъ злодѣй, но для наученія язычниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и ученіе его дѣлается достовѣрнымъ. *Еяже ради вины и сія*, говоритъ, *стражду, но не стыждуся: вѣмъ бо, емуже вѣровахъ, и извѣстихся, яко силенъ есть преданіе мое сохранити въ день онъ* (ст. 12). *Но не стыждуся*, говоритъ. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, развѣ постыдны эти узы, развѣ постыдны эти страданія? Не стыдись же и ты. Видишь ли, какъ онъ преподаетъ ученіе самымъ дѣломъ? Я страдаю, говоритъ, ввержeнъ въ темницу, терплю гоненіе. *Вѣмъ бо, емуже вѣровахъ и извѣстихся, яко силенъ есть преданіе мое сохранити въ день онъ*. Что значитъ:
609 *преданіе?* Вѣра, проповѣдь. Самъ предавшій ее, говоритъ, сохранитъ ее неизмѣнною. Я терплю все, чтобы это сокровище не было расхищено, и не стыжусь ничего, только бы оно сохранилось въ цѣлости. Или *преданіемъ* онъ называетъ вѣрующихъ, которыхъ Богъ ввѣрилъ ему, или онъ предалъ Богу. Вотъ нынѣ, говоритъ, предаю васъ Господу, т. е., это не будетъ для меня безполезно; и самъ Тимоѳей представляетъ мнѣ плодъ этого *преданія*. Видишь ли, какъ онъ даже не чувствуетъ своихъ страданій въ надеждѣ на учениковъ? Такимъ и должно быть учителю; такъ должно заботиться объ ученикахъ,—должно считать ихъ

всѣмъ для себя. *Мы нынѣ*, говоритъ онъ, *живи есмы, аще вы стоите о Господѣ* (1 Сол. ш, 8); и еще: *кто бо намъ упованіе или радость или вѣнецъ похваленія? не и вы ли, предъ Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ* (1 Сол. п, 19)? Видишь ли, какъ онъ заботится о благѣ учениковъ не менѣе своего собственнаго? Учители должны превосходить плотскихъ отцевъ, должны быть усерднѣе ихъ. Но и дѣти должны питать любовь къ нимъ. *Повинуйтеся*, говоритъ онъ, *наставникомъ вашимъ и покаряйтеся*, зная, что *тіи бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще* (Евр. хш, 17). Скажи же мнѣ: почему, тогда какъ наставникъ твой подлежитъ такой опасной отвѣтственности, ты не хочешь даже слушаться его, и при томъ—для твоей же пользы? Хотя бы все, касающееся его самого, было исправно, онъ безпокоится, пока все, касающееся и тебя, не будетъ исправно, и отдаетъ двойной отчетъ. Представь, сколько ему надобно трудиться и заботиться о каждомъ изъ подчиненныхъ. Какую же ты можешь воздать ему честь, какую услугу, которая была бы равносильна такимъ опасностямъ? Не можешь предложить ничего равнаго; ты еще не положилъ за него души своей, а онъ полагаетъ за тебя душу свою. Если же онъ не положитъ ея здѣсь по требованію обстоятельствъ, то погубитъ ее тамъ,—а ты не хочешь повиноваться ему даже въ словахъ! Вотъ причина всѣхъ золъ: исчезло должное повиновеніе начальствующимъ, нѣтъ ни стыда, ни страха. *Повинуйтеся*, говоритъ, *наставникомъ вашимъ и покаряйтеся;* а нынѣ все извращено и ниспровергнуто. Говорю это не ради начальствующихъ,—какую пользу получатъ они отъ нашего почитанія, если даже мы будемъ имъ въ высшей степени послушны? — но для вашей собственной пользы. Уважаютъ ли ихъ, они не получатъ отъ того никакой пользы для себя въ будущей жизни, но еще могутъ подвергнуться большему осужденію; оскорбляютъ ли ихъ, они не потерпятъ отъ того никакого вреда въ будущей жизни, но еще могутъ имѣть болѣе оправданія. Нѣтъ, для васъ же самихъ я желаю, чтобы такъ было. Когда начальствующіе уважаются подчиненными, то и это обращается противъ нихъ, какъ напр. Илію Богъ говорилъ: *избрахъ тя изъ дому отца твоего* (1 Цар. п, 28); а когда оскорбляютъ ихъ, какъ напр. случилось съ Самуиломъ, то Богъ говоритъ: *не тебе уничижиша, но мене* (1 Цар. viii, 7). Такъ оскорбленіе служитъ имъ въ пользу, а уваженіе въ тягость. Итакъ, я говорю это не ради ихъ, но ради васъ самихъ. Кто почитаетъ священника, тотъ будетъ почитать и Бога; а кто сталъ презирать священника, тотъ постепенно дойдетъ когда-нибудь и до оскорбленія Бога. *Иже васъ пріемлетъ*, сказалъ Господь, *мене пріемлетъ* (Мѳ. x, 40); священниковъ Его, сказано въ другомъ

мѣстѣ, имѣй въ чести (Числ. XVIII, 8). Іудеи стали презирать Бога потому, что презирали Моисея, что бросали въ него камни. Кто благоговѣетъ предъ священникомъ, тотъ тѣмъ болѣе будетъ благоговѣть предъ Богомъ. Хотя бы священникъ былъ нечестивъ, но Богъ, видя, что ты изъ благоговѣнія къ Нему почитаешь даже
610 недостойнаго чести, самъ воздастъ тебѣ награду. Если *пріемляй пророка во имя пророче,* какъ говоритъ Господь, *мзду пророчу пріиметъ* (Мѳ. X, 41), то, конечно, получитъ награду и тотъ, кто уважаетъ священника, слушается его и повинуется ему. Если въ дѣлѣ страннопріимства, когда ты не знаешь, кого принимаешь къ себѣ, ты получаешь такую награду, то тѣмъ болѣе получишь, когда будешь повиноваться тому, кому повиноваться повелѣваетъ Господь. *На Моисеовѣ сѣдалищи,* сказалъ Онъ, *сѣдоша книжницы и фарисее: вся убо, елика аще рекутъ вамъ* творить, *творите: по дѣломъ же ихъ не творите* (Мѳ. XXIII, 2, 3). Развѣ ты не знаешь, что такое—священникъ? Онъ—ангелъ Господа. Развѣ свое говоритъ онъ? Если ты его презираешь, то презираешь не его, а рукоположившаго его Бога. А откуда, скажешь, извѣстно, что Богъ рукоположилъ его? Но, если ты не имѣешь убѣжденія въ этомъ, то суетна твоя надежда; если Богъ ничего не совершаетъ чрезъ него, то ты ни крещенія не имѣешь, ни таинъ не причащаешься, ни благословеній не получаешь, и слѣдовательно ты—не христіанинъ.

3. Что же, скажешь, неужели Богъ рукополагаетъ всѣхъ, даже и недостойныхъ? Всѣхъ Богъ не рукополагаетъ, но чрезъ всѣхъ самъ Онъ дѣйствуетъ, — хотя бы они были и недостойными, — для спасенія народа. Если для народа Онъ говорилъ чрезъ ослицу и Валаама, человѣка нечестиваго (Числ. XXII), то тѣмъ болѣе—чрезъ священника. Чего не дѣлаетъ Богъ для нашего спасенія? Чего не изрекаетъ? Чрезъ кого не дѣйствуетъ? Если Онъ дѣйствовалъ чрезъ Іуду и чрезъ тѣхъ пророковъ, которымъ говоритъ: *не вѣмъ васъ, отъидите отъ мене дѣлающіи беззаконіе* (Лук. XIII, 27; Мѳ. VII, 23), и которые изгоняли злыхъ духовъ, то тѣмъ болѣе будетъ дѣйствовать чрезъ священниковъ. Когда мы начинаемъ изслѣдовать жизнь начальствующихъ, то хотимъ сами быть рукополагателями учителей, и такимъ образомъ извращается все, ноги становятся вверху, а голова внизу. Послушай Павла, который говоритъ: *мнѣ же не велико есть, да отъ васъ истяжуся, или отъ человѣческаго дне* (1 Кор. IV, 3); и еще: *ты почто осуждаеши брата твоего* (Рим. XIV, 10)? Если же не должно осуждать брата, то тѣмъ болѣе учителя. Если бы Богъ повелѣлъ тебѣ это, то ты поступалъ бы хорошо, и грѣшилъ бы, не поступая такъ; но если напротивъ, то не будь дерзкимъ и не

выходи изъ своихъ предѣловъ. На Аарона, когда сдѣланъ былъ телецъ, возстали Корей, Даѳанъ и Авиронъ (Числ. XVI). Что же? Не погибли ли они? Каждый заботься о своихъ дѣлахъ. Кто преподаетъ неправое ученіе, того не слушай, хотя бы онъ былъ ангелъ; а если кто преподаетъ правое ученіе, то смотри не на жизнь его, а на слова. Ты имѣешь Павла, который научаетъ тебя должному и дѣлами и словами. Но, скажешь, священникъ не подаетъ бѣднымъ и не хорошо управляетъ дѣлами. Откуда тебѣ это извѣстно? Прежде, нежели узнаешь достовѣрно, не порицай, бойся отвѣтственности. Многое осуждаютъ по подозрѣнію. Подражай твоему Владыкѣ; послушай, чтò Онъ говоритъ: *сошедъ узрю, аще по воплю ихъ совершаются: аще же ни, да разумѣю* (Быт. XVIII, 21). Если даже ты узналъ, изслѣдовалъ и видѣлъ, и тогда ожидай Судію, не предвосхищай себѣ права Христова; Ему принадлежитъ право—судить, а не тебѣ; ты—послѣдній рабъ, а не господинъ; ты—овца; не суди же пастыря, чтобы тебѣ не быть наказану и за то, въ чемъ обвиняешь его. Но какъ же, скажешь, мнѣ онъ говоритъ, а самъ не дѣлаетъ? Не самъ онъ говоритъ тебѣ,—если ты повинуешься только ему, то не получишь награды,—тебѣ заповѣдуетъ Христосъ. Что я говорю? Даже Павла не должно было бы слушаться, если бы онъ говорилъ что-нибудь отъ себя, что-нибудь человѣческое, но должно слушаться его, какъ апостола, 611
имѣющаго въ себѣ Христа, который говорилъ чрезъ него. Не будемъ же судить чужія дѣла, а каждый свои; изслѣдуй собственную жизнь. Но, скажешь, священникъ долженъ быть лучше меня. Почему? Потому, что онъ священникъ. Чего же онъ не имѣетъ болѣе, нежели ты? Трудовъ ли, опасностей, заботъ, или скорбей? Чѣмъ же онъ не лучше тебя, имѣя все это? Но если онъ и не лучше тебя, то для чего тебѣ, скажи мнѣ, нужно губить себя самого? Слова твои происходятъ отъ гордости. Откуда ты знаешь, что онъ не лучше тебя? Онъ, скажешь, воруетъ и святотатствуетъ. Откуда, человѣкъ, ты знаешь это? Зачѣмъ самъ ты стремишься въ пропасть? Когда кто-нибудь скажетъ тебѣ, что такой-то скрываетъ у себя царскую порфиру, то ты, хотя бы и зналъ это, затыкаешь уши, хотя бы и могъ обличить его, тотчасъ отступаешь и показываешь видъ, будто ничего не знаешь, не желая подвергаться лишней опасности; а здѣсь ты не только не отступаешь, но самъ навлекаешь на себя лишнюю опасность. Подобныя слова твои не безотвѣтственны; послушай, чтò говоритъ Христосъ: *глаголю же вамъ, яко всяко слово праздное, еже аще рекутъ человѣцы, воздадятъ о немъ слово въ день судный* (Мѳ. XII, 36). Во всякомъ случаѣ, если ты считаешь себя лучше другого, и не воздыхаешь, не ударяешь себя въ перси, не склоняешь головы, не подражаешь

мытарю, то ты погубилъ себя, хотя бы ты былъ дѣйствительно лучше. Ты лучше другого? Молчи же, чтобы тебѣ остаться лучшимъ; а какъ скоро будешь говорить, то потеряешь все. Если будешь такъ думать о себѣ, то ты уже не таковъ; а если не будешь такъ думать, то пріобрѣтешь еще больше. Если такой грѣшникъ, исповѣдавъ грѣхи свои, вышелъ оправданнымъ, то чего не пріобрѣтетъ тотъ, кто, не будучи столь грѣшнымъ, сознаетъ себя такимъ? Разсмотри собственную жизнь. Ты не воруешь? Но ты грабишь, дѣлаешь насилія, совершаешь безчисленное множество другихъ подобныхъ дѣлъ. Говорю это не съ тѣмъ, чтобы похвалить воровство; нѣтъ, я готовъ горько плакать, если дѣйствительно найдется такой человѣкъ, чему, впрочемъ, не вѣрю. Насколько великій грѣхъ—святотатство, о томъ и сказать нельзя; но я жалѣю васъ, не хочу, чтобы ваши добродѣтели упразднились чрезъ осужденіе другихъ. Что̀, скажи мнѣ, хуже мытаря? Вѣрно было, что онъ былъ и мытарь и виновенъ во множествѣ преступленій,—и однако фарисею достаточно было сказать только: *нѣсмь якоже сей мытарь* (Лук. XVIII, 11), чтобы потерять все. А ты говоришь о священникѣ: я не таковъ, какъ этотъ святотатецъ,—и не теряешь ли всего? Я вынужденъ говорить это и опровергать подобныя рѣчи не потому, чтобы я такъ заботился о священникахъ, но потому, что боюсь за васъ, какъ бы вы не упразднили своихъ добродѣтелей подобнымъ самохвальствомъ и осужденіемъ другихъ. Послушай увѣщанія, которое преподаетъ Павелъ: *дѣло же свое*, говоритъ онъ, *да искушаетъ кійждо, и тогда въ себѣ точію хваленіе* будетъ имѣть, *а не въ иномъ* (Гал. VI, 4).

4. Скажи мнѣ: если ты, получивъ рану, придешь въ лѣчебницу, то неужели, вмѣсто того, чтобы прикладывать лѣкарство и лѣчить раны, ты станешь узнавать о врачѣ, имѣетъ ли онъ рану, или не имѣетъ? И если онъ имѣетъ, то заботишься ли ты объ этомъ? И потому, что онъ имѣетъ ее, оставляешь ли ты свою рану безъ врачеванія и говоришь ли: ему, какъ врачу, слѣдовало быть здоровымъ, но такъ какъ онъ, будучи врачемъ, самъ нездоровъ, то и я оставляю свою рану безъ врачеванія? Такъ и здѣсь: если священникъ нехорошъ, будетъ ли это утѣшеніемъ для подчиненнаго? Нисколько. Онъ получитъ опредѣленное наказаніе; получишь и ты должное и заслуженное. Учитель исполняетъ только службу. *Будутъ бо*, говорится, *вси научени Богомъ* (Іоан. VI, 45), *и не рекутъ: познай Господа, яко вси познаютъ мя отъ мала даже и до великаго ихъ* (Іер. XXXI, 34). Зачѣмъ же, скажешь, онъ предсѣдательствуетъ? Для чего занимаетъ такое
612 мѣсто? Не будемъ, увѣщеваю васъ, говорить худо объ учителяхъ, не будемъ разсуждать о нихъ, чтобы не повредить самимъ себѣ;

будемъ изслѣдовать свои дѣла, и ни о комъ не отзываться худо. Устыдимся того дня, въ который онъ просвѣтилъ насъ крещеніемъ. Въ отцѣ, хотя бы онъ имѣлъ безчисленное множество слабостей, сынъ прикрываетъ все. *Не славися*, говоритъ (Премудрый), *въ безчестіи отца твоего, нѣсть бо ти слава, какъ безчестіе. Аще и разумомъ оскудѣваетъ, прощеніе имѣй* (Сир. ш, 10, 13). Если такъ говорится о плотскихъ отцахъ, то тѣмъ болѣе надобно сказать объ отцахъ духовныхъ. Устыдись: онъ каждый день служитъ тебѣ, предлагаетъ чтеніе Писанія, для тебя украшаетъ домъ Божій, для тебя бодрствуетъ, за тебя молится, за тебя предстоитъ и ходатайствуетъ предъ Богомъ, за тебя творитъ прошенія, для тебя совершаетъ все свое служеніе. Этого устыдись, это представляй и подходи къ нему со всякимъ благоговѣніемъ. Онъ нехорошъ? Но, скажи мнѣ, что изъ этого? И хорошій развѣ самъ сообщаетъ тебѣ великія блага? Нѣтъ; все совершается по твоей вѣрѣ. И праведный не принесетъ тебѣ никакой пользы, если ты—невѣрующій; и нечестивый нисколько не повредитъ тебѣ, если ты—вѣрующій. Богъ дѣйствовалъ и чрезъ воловъ при кивотѣ, когда хотѣлъ спасти народъ свой (1 Цар. vi). Развѣ жизнь священника, или добродѣтель его можетъ совершить что-нибудь подобное? Дары Божіи не таковы, чтобы они зависѣли отъ священнической добродѣтели; все происходитъ отъ благодати; дѣло священника—только отверзать уста, а все совершаетъ Богъ; священникъ же исполняетъ только видимыя дѣйствія. Вспомни, какое разстояніе между Іоанномъ и Іисусомъ; послушай, что говоритъ самъ Іоаннъ: *азъ требую тобою креститися* (Мѳ. ш, 14), и еще: *нѣсмь достоинъ, да отрѣшу ремень сапогу* (Іоан. і, 27),—и однако, несмотря на такое разстояніе (при крещеніи отъ него на Іисуса) сошелъ Духъ, котораго не имѣлъ Іоаннъ. *Отъ исполненія его*, говоритъ Писаніе, *мы вси пріяхомъ* (Іоан. і, 16). И однако Духъ не сошелъ прежде, нежели совершено было крещеніе; впрочемъ и не Іоаннъ сдѣлалъ то, что Онъ сошелъ. Для чего же такъ было? Чтобы ты зналъ, что священникъ совершаетъ только видимыя дѣйствія. Нѣтъ ни одного человѣка, который отстоялъ бы отъ другого такъ далеко, какъ Іоаннъ отъ Іисуса,—и однако Духъ сошелъ на Него (при крещеніи отъ Іоанна), чтобы ты зналъ, что все устрояетъ Богъ, что все совершаетъ Богъ.

Я хочу сказать нѣчто дивное, но вы не изумляйтесь и не смущайтесь. Что же такое? Приношеніе (въ евхаристіи) одно и то же, кто бы ни совершалъ его—Павелъ, или Петръ; оно то же самое, которое Христосъ преподалъ ученикамъ; то же самое и нынѣ совершаютъ священники; послѣднее нисколько не ниже перваго, такъ какъ и это не люди освящаютъ, а самъ Тотъ, кто

освятилъ его и тогда. Какъ слова, произносимыя нынѣ священникомъ, тѣ же самыя, которыя изрекъ Господь, такъ и приношеніе то же самое; равно и крещеніе то же самое, которое Онъ преподалъ. Такъ все зависитъ отъ вѣры. Духъ Святый тотчасъ сошелъ на Корнилія, когда онъ предварительно явилъ то̀, что̀ требовалось съ его стороны, и обнаружилъ вѣру. Итакъ, и это приношеніе есть тѣло (Христово) такъ же, какъ и то; а кто думаетъ, что оно ниже того, тотъ не знаетъ, что Христосъ и нынѣ присутствуетъ и нынѣ дѣйствуетъ. Итакъ, зная это,—не напрасно же мы говорили все это, но съ тѣмъ, чтобы исправить ваши мысли и сдѣлать васъ болѣе осторожными на будущее время,—постарайтесь исполнить сказанное на дѣлѣ. Если мы будемъ
613—614 всегда слушать, а никогда не дѣлать, то отъ сказаннаго не будетъ намъ никакой пользы. Будемъ же усердно слушать, будемъ тщательно внимать сказанному, начертимъ это въ умѣ нашемъ, изобразимъ навсегда въ совѣсти нашей, и непрестанно будемъ возсылать славу Отцу и Сыну и Святому Духу.

БЕСѢДА III.

613 Образъ имѣй здравыхъ словесъ, ихже отъ мене слышалъ еси, въ вѣрѣ и любви, яже о Христѣ Іисусѣ: доброе завѣщаніе соблюди Духомъ Святымъ, живущимъ въ насъ. Вѣси ли сіе, яко отвратишася отъ мене вси, иже въ Асіи, отъ нихже есть Фигелъ и Ермогенъ. Да дастъ милость Господь Онисифорову дому, яко многажды мя упокои, и веригъ моихъ не постыдѣся, но пришедъ въ Римъ, тощнѣе взыска мя и обрѣте. Да дастъ ему Господь обрѣсти милость отъ Господа въ день онъ. И елико во Ефесѣ послужи, добрѣе ты вѣси (2 Тим. I, 13—18).

1. Не посланіями только (апостолъ) внушалъ ученику, что ему должно дѣлать, но и на словахъ. Это онъ выражаетъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, когда напр. говоритъ: *или словомъ, или посланіемъ, аки отъ насъ* (2 Сол. II, 2, 15); но гораздо яснѣе здѣсь. Итакъ, не будемъ думать, будто ученіе преподано имъ недостаточно; многое онъ преподалъ ученику и безъ письма, о чемъ и напоминаетъ ему, говоря: *образъ имѣй здравыхъ словесъ, ихже отъ мене слышалъ еси.* Что же означаютъ эти слова? Какъ дѣлаютъ живописцы, говоритъ, такъ и я начерталъ тебѣ образъ добродѣтели и всего угоднаго Богу, и какъ бы нѣкоторое пра-

было, первообразъ и начертаніе я вложилъ въ твою душу. Это и имѣй; нужно ли будетъ тебѣ посовѣтоваться о вѣрѣ, или о любви, или о цѣломудріи, оттуда заимствуй образцы; не будетъ тебѣ надобности искать образца у другихъ, потому что тамъ все содержится. *Доброе завѣщаніе соблюди.* Какъ? *Духомъ Святымъ живущимъ въ насъ.* Человѣческая душа и человѣческая сила не въ состояніи сами по себѣ сохранить такихъ благъ, ввѣренныхъ имъ. Почему? Потому, что вокругъ насъ много разбойниковъ, глубокая тьма, діаволъ стоитъ и коварствуетъ, и мы не знаемъ, въ какой часъ, въ какое время онъ нападетъ на насъ. Какъ же можемъ сохранить ихъ? *Духомъ Святымъ*, т. е., если будемъ имѣть въ себѣ Духа; а онъ будетъ присущъ намъ, если мы не отвергнемъ благодати Его, потому что *аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи: аще не Господь сохранитъ градъ, всуе* бодрствовали стерегущіе его (Пс. cxxvi, 1). Онъ—наша стѣна, Онъ—наша ограда, Онъ—наше убѣжище. Если же Онъ живетъ въ насъ и самъ хранитъ насъ, то для чего наставленія? Для того, чтобы мы удерживали Его, хранили Его, и не отгоняли отъ себя злыми дѣлами. Далѣе повѣствуетъ объ искушеніяхъ, не съ тѣмъ, чтобы поразить ученика, но чтобы возбудить его, чтобы онъ, если случится когда-нибудь и ему подвергнуться такимъ же искушеніямъ, не смущался, взирая на учителя и вспоминая о всемъ, случившемся съ нимъ. Что же онъ говоритъ? Онъ тогда, вѣроятно, былъ взятъ подъ стражу и оставленъ всѣми, не видѣлъ ни отъ кого ни человѣколюбія, ни милости, ни помощи, но былъ оставленъ самими вѣрующими и друзьями, и потому, послушай, что говоритъ: *вѣси ли сіе, яко отвратишася отъ мене вси, иже* въ *Асіи.* Въ Римѣ, вѣроятно, было тогда 614
много людей изъ азійскихъ областей; но никто, говоритъ, не явился ко мнѣ, никто не призналъ меня, всѣ отшатнулись. И смотри, какъ любомудра душа его. Онъ сказалъ только, что было, но нисколько не укорялъ ихъ; сдѣлавшаго ему добро онъ похвалилъ и пожелалъ ему безчисленныхъ благъ, а имъ не пожелалъ никакого зла,—но что? *Отъ нихже*, говоритъ, *есть Фигелъ и Ермогенъ. Да дастъ милость Господь Онисифорову дому, яко многажды мя упокои, и веригъ моихъ не постыдѣся, но пришедъ въ Римъ, тощнѣе взыска мя и обрѣте.* Смотри, какъ онъ вездѣ указываетъ на стыдъ, а не на опасность, чтобы не устрашить Тимоѳея, хотя обстоятельства были исполнены опасностей, потому что онъ тогда подвергся гнѣву Нерона, обративъ кого-то изъ близкихъ къ нему. Прибывъ въ Римъ, говоритъ, Онисифоръ не только не избѣгалъ встрѣчи со мною, но искалъ меня и нашелъ. *Да дастъ ему Господь обрѣсти милость отъ Господа въ день онъ.*

И елико во Ефесѣ послужи ми, добрѣе ты вѣси. Таковы должны быть вѣрующіе—не удерживаться ни страхомъ, ни угрозами, ни стыдомъ, но содѣйствовать другъ другу, и какъ бы на войнѣ защищать и помогать. И не столько находящимся въ опасности, сколько самимъ себѣ они приносятъ пользу, дѣлая себя чрезъ оказываемыя имъ услуги причастниками уготованныхъ имъ вѣнцевъ. Напримѣръ, кто-нибудь изъ людей, посвятившихъ себя Богу, подвергся скорби, терпитъ множество бѣдствій и подвизается съ великимъ терпѣніемъ; а на тебя еще не возложенъ этотъ подвигъ; но можешь и ты, если захочешь, не вступая на поприще, сдѣлаться причастникомъ уготованныхъ ему вѣнцевъ, присутствуя при немъ, укрѣпляя, утѣшая и ободряя его. А что это дѣйствительно такъ, послушай, чтò говоритъ (апостолъ) въ другомъ посланіи: *обаче добрѣ сотвористе, спріобщившеся печали моей*; и еще: *яко и въ Солунь и единою и дващи въ требованіе мое посласте* (Филип. IV, 14, 16). Но какъ отсутствующіе приняли участіе въ скорби того, кого не было съ ними? Какъ? *Яко посласте ми*, говоритъ, *въ требованіе мое и единою и дващи.* Также объ Епафродитѣ онъ говоритъ: *зане даже до смерти приближися, презрѣвъ душу, да исполнитъ ваше лишеніе службы яже ко мнѣ* (Филип. II, 30). Какъ у царей не только сражающіеся, но и хранящіе оружіе удостоиваются чести, и не какой-нибудь, но нерѣдко получаютъ даже равные съ тѣми дары, хотя они не обагряли рукъ кровію, не брали оружія и даже вовсе не видали непріятельскаго войска,—такъ и еще гораздо болѣе въ этихъ (духовныхъ) скорбяхъ. Кто помогаетъ ратоборцу, изнемогающему отъ голода, присутствуя при немъ, ободряя его словами и оказывая ему всякія другія услуги, тотъ получаетъ одинаковую съ ратоборцемъ награду.

2. Разумѣй здѣсь не Павла, ратоборца непобѣдимаго и несокрушимаго, но всякаго другого, который, можетъ быть, и не устоялъ бы и не подвизался бы если бы не получилъ великаго ободренія и великаго утѣшенія. Такъ и находящіеся внѣ
615 борьбы дѣлаются виновниками побѣды для вступившаго въ борьбу, а потому будутъ причастниками и уготованныхъ за побѣду вѣнцевъ. И что удивительнаго, если кто-нибудь, принимая участіе въ подвигахъ еще живыхъ ратоборцевъ, удостоивается одинаковыхъ съ ними наградъ, когда можно принимать участіе въ людяхъ, уже умершихъ, уже лежащихъ, уже увѣнчанныхъ и ни въ чемъ не нуждающихся послѣ смерти? Послушай, въ самомъ дѣлѣ, чтò говоритъ Павелъ: памятямъ *святыхъ пріобщающеся* (Рим. XII, 13). Но какъ, скажешь, можно сдѣлаться ихъ причастникомъ? Если будешь удивляться святому мужу, если сдѣлаешь что-ни-

будь такое, за что онъ увѣнчанъ, если примешь участіе въ его подвигахъ, а потому и въ вѣнцахъ. *Да дастъ ему Господь обрѣсти милость отъ Господа въ день онъ.* Онъ оказалъ, говоритъ, мнѣ милость, и за это получитъ воздаяніе въ тотъ страшный и ужасный день, когда намъ нужна будетъ великая милость. *Да дастъ ему Господь обрѣсти милость отъ Господа.* Итакъ два Господа? Отнюдь нѣтъ, но *намъ единъ Господь Христосъ Іисусъ и единъ Богъ* (1 Кор. VIII, 6). Зараженные Маркіоновою ересью ссылаются на это выраженіе; но пусть они знаютъ, что оно весьма обыкновенно въ Писаніи, и въ другихъ мѣстахъ часто можно встрѣчать это выраженіе, когда наприм. говорится: *рече Господь Господеви моему* (Пс. CIX, 1); и еще: *рѣхъ Господеви, Господь мой еси ты* (Пс. XV, 2); и еще: *одожди Господь отъ Господа* (Быт. XIX, 24). Этимъ показывается единосущіе божескихъ лицъ, а не различіе существа; и (апостолъ) говоритъ такъ не для того, чтобы мы представляли себѣ два существа, различныя между собою, но два лица, имѣющія одно и то же существо. И замѣть, какъ онъ выражается: *да дастъ ему Господь.* Что? Не что иное, какъ *милость.* Какъ самъ (апостолъ) получилъ милость отъ Онисифора, такъ и ему желаетъ получить то же самое отъ Бога. Если же Онисифоръ, подвергавшій себя опасностямъ, спасается за дѣла милосердія, то тѣмъ болѣе мы. Страшный, поистинѣ страшный предстоитъ намъ отчетъ, и много мы должны оказывать человѣколюбія, чтобы не услышать страшныхъ словъ: *отъидите,* не знаю васъ, *дѣлающіи беззаконіе* (Мѳ. VII, 23),—чтобы не услышать опять ужасныхъ словъ: *идите прокляТіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его* (Мѳ. XXV, 41), — чтобы не услышать: *пропасть есть между нами и вами* (Лук. XVI, 26),—чтобы съ трепетомъ не услышать: *возмите его и ввергите во тьму кромѣшную* (Мѳ. XXII, 13),—чтобы съ великимъ страхомъ не услышать: *лукавый рабе и лѣнивый* (Мѳ. XXV, 26). Страшно, весьма страшно и ужасно это судилище, хотя Богъ и благъ, хотя Онъ и милостивъ. Онъ называется Богомъ щедротъ и Богомъ утѣшенія (2 Кор. I, 3); Онъ благъ такъ, какъ никто другой, снисходителенъ, щедръ и многомилостивъ; Онъ не хочетъ смерти грѣшника, но чтобы онъ обратился и жилъ (Іез. XXXIII, 11). Почему же, почему этотъ день будетъ исполненъ такого ужаса? Огненная рѣка потечетъ предъ лицемъ Его, книги дѣяній нашихъ отверзутся, самый день будетъ подобенъ горящей пещи, ангелы будутъ носиться вокругъ и разложено будетъ множество костровъ. Какъ же, скажешь, Богъ человѣколюбивъ, какъ милостивъ, какъ благъ? Такъ, при всемъ этомъ Онъ человѣколюбивъ, и здѣсь-то особенно открывается величіе Его человѣколюбія. Для того вѣдь Онъ и внушаетъ намъ

616 такой страхъ, чтобы хотя такимъ образомъ мы пробудились и стали стремиться къ царствію небесному. Но смотри, какъ (апостолъ) не просто упоминаетъ объ Онисифорѣ, но говоритъ: *многажды мя упокои*. Онъ, говоритъ, успокоивалъ и укрѣплялъ меня въ страданіяхъ, какъ бы ратоборца, изнемогающаго отъ зноя. *И елико во Ефесѣ послужи ми, добрѣе ты вѣси;* не только въ Ефесѣ, говоритъ, но и здѣсь. Такимъ и долженъ быть христіанинъ ревностный и бодрствующій,—долженъ дѣлать добро не однажды, не дважды или трижды, но во всю жизнь. Какъ тѣло наше не однажды насыщается для поддержанія себя на всю жизнь, но имѣетъ нужду въ ежедневномъ питаніи, такъ и здѣсь, въ благочестіи, мы ежедневно имѣемъ нужду въ помощи отъ добрыхъ дѣлъ. Мы имѣемъ нужду въ великой милости, и человѣколюбивый Богъ за грѣхи наши дѣлаетъ все, не нуждаясь самъ ни въ чемъ, но все совершая для насъ. Для того Онъ все сказалъ и изъяснилъ намъ, и не только изъяснилъ, но показалъ и посредствомъ дѣлъ. Хотя и одни слова Его достовѣрны, но, чтобы кто не сталъ подозрѣвать въ словахъ Его преувеличенія, или одной угрозы, онъ присовокупляетъ удостовѣреніе и посредствомъ дѣлъ. Какимъ образомъ? Ниспосылая наказанія на людей—и частныя, и общія. И чтобы ты убѣдился самыми дѣлами, для того Онъ то наказывалъ фараона, то наводилъ водный потопъ и всеобщее погубленіе, то посылалъ истребительный огонь. И нынѣ мы видимъ, какъ многіе порочные наказываются и предаются мученіямъ. Все это—подобія геенны.

3. Такъ, чтобы мы не предавались сну и безпечности и не забывали словъ (Господа), Онъ напоминаетъ объ нихъ и возбуждаетъ насъ дѣлами, устрояя и здѣсь допросы, судилища, наказанія. Если люди столько заботятся о справедливости, то неужели у Бога, который есть самъ законодатель, не обращается на нее никакого вниманія? Можно ли повѣрить этому? Подлинно, вездѣ можно видѣть судилища—и въ домѣ, и на площади. Такъ въ домѣ господинъ ежедневно судитъ рабовъ, требуетъ отчета въ ихъ поступкахъ, и за одни наказываетъ, а за другіе прощаетъ; въ селахъ земледѣлецъ и жена его ежедневно судятся взаимно: на корабляхъ судитъ кормчій; въ войскахъ военачальникъ судитъ воиновъ; въ искусствахъ учитель—ученика; и много можно найти судилищъ. Такимъ образомъ и въ частности и вообще всѣ судятъ другъ друга, и нигдѣ не увидишь, чтобы справедливость была пренебрегаема, но всѣ и вездѣ отдаютъ отчетъ. Если же здѣсь такъ распространена забота о справедливости—и въ городахъ, и въ домахъ, и у каждаго человѣка порознь, то неужели нѣтъ никакой справедливости тамъ, гдѣ правды исполнена десница Бо-

жія (Псал. XLVII, 11), и гдѣ правда его какъ горы Божіи (Псал. XXXV, 7)? Но почему же, скажешь, Богъ, судія праведный, всемогущій и долготерпѣливый, попускаетъ грѣхи и не тотчасъ же наказываетъ? Здѣсь уже заключается и причина: Онъ, говоришь ты, долготерпѣливъ, а долго терпитъ Онъ, ведя тебя на покаяніе; если же ты упорствуешь, то *по жестокости твоей и непокаянному сердцу, собираеши себѣ гнѣвъ* (Рим. II, 4, 5). Итакъ, если Онъ праведенъ, то воздастъ по достоинству и не оставитъ безъ наказанія дѣлающихъ зло, потому что это свойственно праведному. Если Онъ всемогущъ, то воздастъ и по смерти, и при воскресеніи, по- 617
тому что это свойственно всемогущему. Если же Онъ по долготерпѣнію своему медлитъ, то не будемъ смущаться и говорить: почему Онъ не наказываетъ здѣсь? Вѣдь если бы такъ было, если бы Онъ ежедневно подвергалъ насъ наказанію за наши преступленія, то родъ человѣческій уже не существовалъ бы. Нѣтъ, поистинѣ нѣтъ дня, свободнаго отъ грѣховъ, но ежедневно мы грѣшимъ больше или меньше, такъ что никто изъ насъ не могъ бы достигнуть и двадцатилѣтняго возраста, если бы не было великаго Его долготерпѣнія и благости, дающей намъ достаточный срокъ для покаянія, для того, чтобы мы очистились отъ грѣховъ. Пусть, поэтому, каждый, вникнувъ въ дѣла свои правою совѣстію и изслѣдовавъ всю свою жизнь, посмотритъ, не заслуживаетъ ли онъ безчисленныхъ мученій и казней. И когда онъ будетъ негодовать, почему такой-то, совершающій множество злыхъ дѣлъ, не подвергается наказанію, то пусть представитъ собственныя свои дѣла, и негодованіе его прекратится. Грѣхи другого кажутся великими потому, что касаются предметовъ важныхъ и явныхъ; но если онъ изслѣдуетъ собственныя дѣла, то, можетъ быть, найдетъ ихъ еще болѣе великими. Такъ, похищать и быть любостяжательнымъ равно грѣхъ, будетъ ли это касаться золота или серебра; то и другое раждается отъ одного и того же помысла, и похитившій малое не откажется похитить и большее; если же онъ не сдѣлалъ этого, то такъ случилось не отъ него самого, а по стеченію обстоятельствъ. Бѣдный, обижающій бѣднѣйшаго, не оставилъ бы въ покоѣ, если бы могъ, и богатаго, но не дѣлаетъ этого по безсилію, а не по своей волѣ. Такой-то начальникъ, скажешь, похищаетъ собственность подчиненныхъ. А ты, скажи мнѣ, развѣ не похищаешь? Не говори мнѣ, что онъ похищаетъ таланты золота, а ты—десятки оболовъ. И въ сокровищницу другіе клали золото, а вдовица положила двѣ лепты, и однако внесла нисколько не меньше ихъ. Почему? Потому, что у Бога цѣнится произволеніе, а не подаяніе. Если же ты допускаешь, чтобы Богъ судилъ такъ о милостынѣ, чтобы твое по-

жертвованіе, состоящее изъ двухъ лептъ, по бѣдности твоей, было нисколько не меньше тѣхъ, которые пожертвовали тысячи талантовъ золота, то почему не допускаешь того же въ любостяжаніи? Основательно ли это? Какъ вдовица, положивъ двѣ
618 лепты, по произволенію своему пожертвовала нисколько не меньше другихъ, такъ и ты, похитивъ двѣ лепты, нисколько не лучше другихъ похитителей, но даже,—если можно сказать нѣчто удивительное,—обнаруживаешь любостяжательность гораздо больше ихъ. Какъ въ прелюбодѣяніи одинаково виновенъ, совершитъ ли его кто-нибудь съ женою царя, или съ женою бѣднаго, или съ женою раба, потому что грѣхъ судится не по различію лицъ, но по злому расположенію рѣшившагося на это, — такъ точно и здѣсь. И даже я назвалъ бы скорѣе прелюбодѣемъ того, кто совершаетъ прелюбодѣяніе съ какою-нибудь незначительною женщиною, нежели—съ самою царицею, потому что здѣсь богатство, красота и многое другое могли служить обольщеніемъ,—а тамъ нѣтъ ничего такого, и слѣдовательно тамъ прелюбодѣяніе бываетъ гораздо болѣе. Равнымъ образомъ и пьяницею я назову болѣе того, кто упивается худымъ виномъ; равно и любостяжательнымъ—того, кто не пренебрегаетъ даже малымъ. Въ самомъ дѣлѣ, похищающій большое, можетъ быть, и пренебрежетъ малымъ; но похищающій малое никогда не откажется отъ большого, и потому послѣдній есть воръ по преимуществу. Кто не пренебрегаетъ серебра, тотъ пренебрежетъ ли золотомъ? Итакъ, когда мы осуждаемъ начальниковъ, то представимъ собственныя наши дѣла, и увидимъ, что мы сами больше ихъ виновны и въ воровствѣ, и въ любостяжаніи, если будемъ судить объ этомъ не по дѣламъ, но по душевному расположенію, какъ и слѣдуетъ судить. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, если будетъ приведенъ въ судъ кто-нибудь, похитившій у бѣднаго, и другой, похитившій у богатаго, то не одинаковое ли оба они получатъ наказаніе? Также убійца не одинаково ли есть убійца, убьетъ ли онъ человѣка бѣднаго и убогаго, или богатаго и властнаго? Итакъ, когда мы скажемъ, что такой-то у такого-то отнялъ имѣніе, то подумаемъ о своихъ дѣлахъ, и тогда мы не станемъ осуждать другихъ, подивимся долготерпѣнію Божію, не будемъ негодовать, что судъ Его не приходитъ на грѣшниковъ, и сами будемъ менѣе скорыми на совершеніе злыхъ дѣлъ. Когда увидимъ, что и мы сами виновны въ томъ же, то уже не будемъ попрежнему негодовать на другихъ, но отстанемъ отъ грѣховъ и сподобимся будущихъ благъ во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому со Отцемъ и Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IV.

**Ты убо, чадо мое, возмогай во благодати, яже о Христѣ 617
Іисусѣ, и яже слышалъ еси отъ мене многими свидѣтели, сія предаждь вѣрнымъ человѣкомъ, иже довольни будутъ и иныхъ научити. Ты убо злопостражди, яко добръ воинъ Іисусъ Христовъ. Никто же бо воинъ бывая обязуется куплями житейскими, да воеводѣ угоденъ будетъ. Аще же и подвизается кто, не вѣнчается, аще не законно будетъ подвизатися. Труждающемуся дѣлателю прежде подобаетъ отъ плода вкусити. Разумѣй, яже глаголю: да дастъ убо тебѣ Господь разумъ о всемъ (2 Тим. II, 1—7).**

1. Ученику въ морѣ придаетъ много бодрости то, когда учитель его потерпѣлъ кораблекрушеніе и спасся, потому что онъ уже не думаетъ, что бури нападаютъ на него отъ его неискусства, но — отъ естественнаго порядка вещей; а это немало способствуетъ къ поддержанію бодрости. Равнымъ образомъ и начальнику отряда на войнѣ служитъ ободреніемъ то, когда онъ видитъ, что полководецъ его, будучи раненъ, остается мужественнымъ. Такъ и для вѣрующихъ служитъ утѣшеніемъ то, что
апостолъ потерпѣлъ много бѣдствій и ни отъ одного изъ нихъ 618
не упалъ духомъ. Иначе, если бы это было не такъ, (Павелъ) и не говорилъ бы о своихъ страданіяхъ. Тимоѳей, слыша, что учитель, сдѣлавшій такъ много и побѣдившій всю вселенную, находится въ узахъ, въ скорбяхъ, оставленъ своими, и однако не жалуется и не негодуетъ, и самъ, подвергшись такимъ же бѣдствіямъ, не сталъ бы приписывать случившагося человѣческой слабости, или тому, что онъ ученикъ и менѣе Павла,—вѣдь и учитель терпѣлъ тоже, — по естественному порядку вещей. Поэтому (апостолъ) такъ и поступилъ, поэтому онъ и распространяется обо всемъ этомъ, чтобы ободрить и укрѣпить (Тимоѳея). Съ такою цѣлію, разсказавъ о своихъ скорбяхъ и искушеніяхъ, онъ продолжаетъ: *ты убо, чадо мое, возмогай во благодати, яже о Христѣ Іисусѣ.* Что ты говоришь? Ты поразилъ насъ страхомъ, ты сказалъ, что ты связанъ, что ты въ скорбяхъ, что всѣ оставили тебя, и потомъ, какъ будто сказавши, что ты не потерпѣлъ
никакого бѣдствія и никѣмъ не оставленъ, присовокупляешь: *ты* 619
убо, чадо мое, возмогай? И справедливо, — потому что первое гораздо болѣе можетъ ободрить тебя, нежели послѣднее. Въ самомъ дѣлѣ, если я—Павелъ терплю такія бѣдствія, то гораздо болѣе долженъ терпѣть ихъ ты; если терпитъ учитель, то тѣмъ

болѣе—ученикъ. Это увѣщаніе онъ предлагаетъ (Тимоѳею) съ великою любовію, называя его *чадомъ*, и не просто, но: *чадо мое*. Если, говоритъ, ты сынъ, то подражай отцу; если ты—сынъ, то укрѣпляйся тѣмъ, что я сказалъ; впрочемъ не словами моими только, но и благодатію Божіею: *возмогай убо во благодати, яже во Христѣ Іисусѣ*, т. е. благодатію Христовою; стой мужественно; ты знаешь боевой порядокъ. Такъ и въ другомъ мѣстѣ, объясняя, что *нѣсть наша брань къ крови и плоти* (Еф. VI, 12), онъ говоритъ это не для пораженія слушателей, но для ихъ ободренія. Итакъ, трезвись, говоритъ, бодрствуй; благодать Господа споспѣшествуетъ и содѣйствуетъ тебѣ; но и ты съ полною готовностію и охотою исполняй свое дѣло. *И яже слышалъ еси отъ мене многими свидѣтели, сія предаждь вѣрнымъ человѣкомъ*,—вѣрнымъ, а не такимъ, которые любятъ изслѣдовать и разсуждать. *Вѣрнымъ*, т. е. какимъ? Такимъ, которые не предадутъ проповѣданнаго имъ. *Яже слышалъ еси*, а не то, что выдумалъ, такъ какъ *вѣра отъ слуха, слухъ же глаголомъ Божіимъ* (Рим. X, 17). А что значитъ: *многими свидѣтели?* Онъ какъ бы такъ говоритъ: ты слышалъ отъ меня не скрытно и тайно, а въ присутствіи многихъ, открыто. Не сказалъ: скажи, но: *предаждь*, какъ бы о сокровищѣ, которое передается и сохраняется въ безопасномъ мѣстѣ. Такъ онъ опять внушаетъ ученику страхъ и предъидущими словами и послѣдующими. При томъ *предаждь*, говоритъ, не только вѣрнымъ, такъ какъ что за польза, если принявшій, хотя и вѣренъ, но другимъ передать ученія не можетъ, если онъ, хотя самъ и не измѣнитъ вѣрѣ, но не сдѣлаетъ такими же другихъ? Учителю нужно имѣть два качества: быть вѣрнымъ и учительнымъ. Поэтому онъ и говоритъ: *иже довольни будутъ и иныхъ научити. Ты убо злопостражди, яко добръ воинъ Іисусъ Христовъ*. О, какая честь—быть воиномъ Христовымъ! Вспомни, насколько важнымъ считается у воиновъ находиться подъ начальствомъ земныхъ царей. Если же царскому воину свойственно переносить страданія, то не переносить страданій недостойно воина. Итакъ, не должно скорбѣть, если терпишь страданія,—это вѣдь свойственно воину,—но слѣдуетъ скорбѣть, если не терпишь ихъ. *Никто же бо воинъ бывая, обязуется куплями житейскими, да воеводѣ угоденъ будетъ. Аще же и подвизается кто, не вѣнчается, аще не законно будетъ подвизатися*. Это сказано Тимоѳею, но чрезъ него говорится и всякому учителю и ученику. Пусть же никто изъ имѣющихъ епископство не огорчается, слыша это, но—огорчается, не дѣлая этого. *Аще подвизается кто, не вѣнчается, аще не законно будетъ подвизатися*. Что значитъ: *аще не законно?* Для него не довольно того, чтобы выйти на подвигъ, или намазаться, или сойтись съ

противникомъ; но если онъ не соблюдетъ всѣхъ законовъ борьбы касательно пищи, воздержанія и чистоты, самаго мѣста борьбы, и вообще если не исполнитъ всего, приличнаго ратоборцамъ, то не получитъ вѣнца. И посмотри на мудрость Павла: онъ напоминаетъ (Тимоѳею) о борьбѣ и о воинахъ, какъ для того, чтобы онъ былъ готовымъ на смерть, убіеніе и кровопролитіе, такъ и для того, чтобы внушить ему твердость, чтобы онъ переносилъ 620
все мужественно и постоянно былъ въ подвигѣ. *Труждающемуся дѣлателю*, говоритъ, *прежде подобаетъ отъ плода вкусити*. Указавъ на свой примѣръ и сказавъ объ учителѣ, (апостолъ) говоритъ далѣе о томъ, что случается съ обыкновенными людьми, о ратоборцахъ, о воинахъ, и указываетъ при этомъ на ихъ награды, во-первыхъ — *да воеводѣ угоденъ будетъ*, а во-вторыхъ — *да вѣнчается;* приводитъ еще и третій примѣръ, который особенно близокъ (Тимоѳею). Примѣръ воина и ратоборца относится и къ подчиненнымъ, а примѣръ земледѣльца къ учителю, который долженъ быть не только воиномъ и ратоборцемъ, но и земледѣльцемъ. Земледѣлецъ заботится не только о себѣ самомъ, но и о плодахъ земли, т. е., земледѣлецъ получаетъ въ плодахъ немалое воздаяніе за труды свои.

2. Здѣсь (апостолъ), указавъ на общеизвѣстный примѣръ, выражаетъ и то, что Богъ ни въ чемъ не имѣетъ нужды, и говоритъ о воздаяніи за учительство. Какъ земледѣлецъ, говоритъ, трудится не безъ пользы, но самъ прежде другихъ наслаждается плодами трудовъ своихъ, такъ слѣдуетъ и учителю. Или объ этомъ онъ говоритъ,—или о чести, воздаваемой учителямъ. Впрочемъ, послѣднее предположеніе не имѣетъ основанія; иначе почему онъ говоритъ не просто о земледѣльцѣ, но трудящемся, и не просто трудящемся, но уже потрудившемся? А чтобы никто не жаловался на замедленіе (воздаянія), то говоритъ: ты уже получаешь воздаяніе, или: въ самомъ трудѣ есть воздаяніе. Послѣ того, какъ онъ привелъ примѣры воиновъ, ратоборцевъ и земледѣльцевъ, и все изложилъ кратко, онъ говоритъ: *никто не вѣнчается, аще не законно будетъ подвизатися;* а сказавъ: *труждающемуся дѣлателю прежде подобаетъ отъ плода вкусити*, присовокупляетъ: *разумѣй, яже глаголю: да дастъ убо тебѣ Господь разумъ о всемъ*. Для того все это и было сказано въ примѣрахъ и притчахъ. Затѣмъ опять, по любви своей, начинаетъ увѣщевать его, какъ бы боясь за него, точно за родного сына, и говоритъ: *поминай Христа Іисуса, воставшаго отъ мертвыхъ, отъ сѣмене Давидова, по благовѣствованію моему, въ немже злостражду даже до узъ, яко злодѣй* (ст. 8—9). Для чего здѣсь онъ упоминаетъ объ этомъ? Главнымъ образомъ для того, чтобы отразить еретиковъ,

а вмѣстѣ и для того, чтобы ободрить ученика и показать пользу страданій, такъ какъ и самъ учитель нашъ Христосъ страданіями побѣдилъ смерть. Помни это, говоритъ, и будешь имѣть достаточное утѣшеніе. *Поминай*, говоритъ, *Христа Іисуса, воставшаго отъ мертвыхъ отъ сѣмене Давидова.* Въ то время нѣкоторые уже начали извращать домостроительство нашего спасенія, стыдясь величія человѣколюбія Божія. Дѣйствительно, благодѣянія Божіи къ намъ такъ велики, что люди стыдятся приписать ихъ Богу, и не вѣрятъ, чтобы Онъ оказалъ такое снисхожденіе. *По благовѣствованію*, говоритъ, *моему*. Онъ часто повторяетъ въ своихъ посланіяхъ: *по благовѣствованію моему*, или потому, что слѣдовало вѣрить ему, или потому, что другіе благовѣствовали иное. *Въ немже*, говоритъ, *злостражду даже до узъ, яко злодѣй.* Опять въ собственномъ примѣрѣ предлагаетъ утѣшеніе, и опять—увѣщаніе, ободряя слушателя двумя способами: указаніемъ и на свои страданія, и на то, что онъ подвергается имъ не безъ пользы. Такимъ образомъ для слушателя это будетъ благотворно; а иначе даже вредно, потому что какая польза, если ты покажешь, что учитель страдаетъ, но безъ всякой выгоды? А то достойно удив-
621 ленія, если онъ страдаетъ съ выгодою, ко благу поучаемыхъ. *Но слово Божіе не вяжется* (ст. 9). Если бы, говоритъ, мы были мірскими воинами, или вели войну чувственную, то эти узы, связывающія руки, имѣли бы силу; нынѣ же Богъ сдѣлалъ насъ такими, что насъ ничто не побѣждаетъ. Намъ связываются руки, но не языкъ; языкъ связать ничто не можетъ, развѣ только страхъ и невѣріе; если въ насъ нѣтъ ихъ, то хотя бы ты наложилъ на насъ оковы, проповѣдь не связывается. Кто связываетъ земледѣльца, тотъ препятствуетъ сѣянію, потому что земледѣлецъ сѣетъ рукою; но если свяжешь учителя, то этимъ не воспрепятствуешь его слову, потому что онъ сѣетъ языкомъ, а не рукою. Итакъ, наше слово не подчиняется узамъ, и когда мы связаны, оно развязано и простирается впередъ. Какимъ, скажешь, образомъ? А вотъ—мы проповѣдуемъ, хотя и связанные. Это говоритъ онъ для поощренія тѣхъ, которые не связаны: если мы, связанные, проповѣдуемъ, то тѣмъ болѣе надлежитъ дѣлать это вамъ, несвязаннымъ. Ты слышалъ, что я *злостражду, яко злодѣй?* Не унывай же; подлинно великое чудо—связанному дѣлать то же, что дѣлаютъ несвязанные, связанному превзойти всѣхъ, связанному побѣдить связавшихъ его. Проповѣдуемое нами есть слово Божіе, а не наше; человѣческія же узы не могутъ связать слова Божія. Я терплю это, говоритъ, за избранныхъ: *сего ради вся терплю избранныхъ ради, да и тіи спасеніе улучатъ, еже о Христѣ Іисусѣ, со славою вѣчною* (ст. 10). Вотъ и

другое увѣщаніе. Я терплю это, говоритъ, не за себя, но для спасенія другихъ. Если бы я искалъ только своего, то могъ бы жить безбѣдно, могъ бы не терпѣть ничего такого. Для чего же я терплю это? Для блага другихъ, чтобы другіе получили жизнь вѣчную. И что еще прибавляетъ? Не просто сказалъ: за нѣкоторыхъ, но: *избранныхъ ради.* Если Богъ избралъ ихъ, то намъ должно терпѣть все для нихъ, *да и тіи спасеніе улучатъ.* Выраженіемъ: *да и тіи* онъ изъясняетъ и показываетъ, что (они получатъ такъ же), какъ и мы, потому что и насъ избралъ Богъ. Какъ для насъ пострадалъ Богъ, такъ и мы должны страдать для нихъ; и такимъ образомъ это будетъ воздаяніемъ, а не даромъ. Со стороны Бога это было даромъ, потому что Онъ оказалъ намъ благодѣянія, еще не испытавъ отъ насъ ничего добраго; а съ нашей стороны это—воздаяніе, потому что мы, напередъ сами получивъ благодѣянія отъ Бога, страдаемъ за тѣхъ, за кого страдаемъ, чтобы они получили спасеніе. Что ты говоришь? Какое спасеніе? Кто не бываетъ виновникомъ собственнаго спасенія, но губитъ себя, тотъ можетъ ли быть виновникомъ спасенія другихъ? Потому-то (апостолъ) и прибавилъ: не такого спасенія, но *еже о Христѣ Іисусѣ,* спасенія истиннаго, *со славою вѣчною.* Настоящія обстоятельства прискорбны, но они—только на землѣ; настоящія обстоятельства тягостны, но они временны; они исполнены непріятностей и огорченій, но только на сегодняшній и завтрашній день.

3. Истинныя же блага не таковы, но они вѣчны, на небѣ. Тамошняя слава есть истинная, а здѣшняя—безчестіе. Послушай, возлюбленный: на землѣ нѣтъ славы, но истинная слава на небесахъ; кто хочетъ прославиться, тотъ (здѣсь) пусть терпитъ безчестіе; кто хочетъ достигнуть покоя, тотъ (здѣсь) пусть терпитъ скорби; кто хочетъ радоваться и блаженствовать вѣчно, тотъ пусть презираетъ временное. А что здѣсь безчестіе есть слава, а слава—безчестіе, постараемся по возможности доказать это, чтобы узнать истинную славу. Невозможно достигнуть славы на землѣ; если же хочешь прославиться, то—чрезъ безчестіе. Объяснимъ это примѣромъ двухъ лицъ, Нерона и Павла. Первый пользовался мірскою славою, второй терпѣлъ безчестіе. Какимъ 622
образомъ? Неронъ былъ государь, совершилъ много важныхъ дѣлъ, ставилъ трофеи, имѣлъ неистощимое богатство и безчисленное войско повсюду, большая часть вселенной была ему подвластна, столица повиновалась ему, весь сенатъ преклонялся предъ нимъ, самые дворцы его имѣли блестящій видъ. Нужно ли было вооружиться,—онъ выходилъ, облеченный въ оружіе, украшенное золотомъ и драгоцѣнными камнями; нужно ли было

оставаться въ мирѣ, — онъ сидѣлъ, одѣтый въ порфиру. Онъ имѣлъ множество копьеносцевъ и щитоносцевъ; его называли владыкою земли и моря, самодержцемъ, августомъ, кесаремъ, царемъ и многими другими подобными именами, которыя изобрѣтаютъ лесть и угодничество. Вообще не было у него недостатка ни въ чемъ, чтὸ нужно для славы; даже мудрецы, повелители и цари боялись его и трепетали предъ нимъ. Впрочемъ онъ и слылъ за человѣка жестокаго и безстыднаго; онъ хотѣлъ быть даже богомъ, презиралъ всѣхъ идоловъ и самого (Владыку) всѣхъ Бога, и принималъ божеское почитаніе. Чтὸ выше такой славы, или лучше сказать, чтὸ хуже такого безчестія? Не знаю, какъ уста мои, увлекаемыя истиною, зашли впередъ и еще прежде суда произнесли приговоръ. Но сначала изслѣдуемъ это дѣло по общему сужденію, по сужденію невѣрныхъ, по сужденію лести. Чтὸ можетъ быть выше той славы, чтобы называться даже богомъ? Поистинѣ великое безчестіе—человѣку дойти до такого безумія; впрочемъ будемъ изслѣдовать дѣло по общему сужденію. Такимъ образомъ не было у него недостатка ни въ чемъ, что нужно для славы человѣческой, и всѣ служили ему, какъ богу. Теперь, если угодно, въ противоположность ему представимъ Павла. Онъ былъ киликіяниъ; а какая разница между Киликіею и Римомъ, всѣ знаютъ; былъ кожевникъ, бѣдный, неопытный въ мірской мудрости, умѣвшій говорить только по еврейски, на языкѣ, презираемомъ всѣми, и въ особенности италійцами, которые не столько презираютъ людей, говорящихъ на языкѣ варварскомъ, или греческомъ, или какомъ-нибудь другомъ, какъ—на сирскомъ; а еврейскій языкъ имѣетъ съ нимъ большое сходство. И неудивительно, что они презирали этотъ языкъ; если они презираютъ чудный и прекрасный языкъ греческій, то тѣмъ болѣе еврейскій. (Павелъ) былъ человѣкъ, часто терпѣвшій голодъ, ложившійся спать безъ подкрѣпленія пищею, не имѣвшій одежды, чѣмъ бы прикрыться, жившій, какъ онъ самъ говоритъ, *въ зимѣ и наготѣ* (2 Кор. XI, 29), при томъ бывшій въ узахъ, въ которыя онъ заключенъ былъ, по приказанію того же (Нерона), вмѣстѣ съ разбойниками, волшебниками, расхитителями гробницъ, убійцами, и былъ наказываемъ, какъ злодѣй, о чемъ онъ самъ говоритъ (2 Тим. II, 9). Кто же изъ нихъ славнѣе? Того многіе не знаютъ даже по имени, а этого не прославляютъ ли ежедневно и эллины, и варвары, и скиѳы, и живущіе у самыхъ предѣловъ вселенной? Впрочемъ не будемъ говорить о томъ, чтὸ есть теперь, и изслѣдуемъ тὸ, что было тогда. Кто изъ нихъ былъ знаменитѣе? Кто славнѣе? Тотъ ли, кто въ цѣпяхъ и оковахъ былъ влекомъ изъ темницы, или тотъ, кто въ порфирѣ выступалъ изъ

царскихъ чертоговъ? Конечно, узникъ. Почему? Потому, что тотъ, и имѣя войско и сидя въ блестящей одеждѣ, не могъ сдѣлать всего того, чего хотѣлъ; а этотъ узникъ, заключенный какъ злодѣй и одѣтый въ бѣдную одежду, самовластно дѣлалъ все. Какъ и какимъ образомъ? Тотъ говорилъ: не сѣй слова благочестія; а этотъ отвѣчалъ: не перестану сѣять, потому что *слово Божіе не вяжется* (2 Тим. II, 9); и киликіянинъ, узникъ, скинотворецъ, бѣднякъ, терпѣвшій голодъ, противился римлянину, богатому, царствовавшему, повелѣвавшему всѣми, раздававшему тысячи тысячамъ,—и послѣдній, при всемъ множествѣ своего войска, не 623
могъ ничего сдѣлать. Кто же изъ нихъ былъ славнѣе? Кто достойнѣе уваженія? Побѣждающій ли въ узахъ, или побѣждаемый въ порфирѣ? Стоявшій ли внизу и низвергающій, или сидѣвшій вверху и низвергаемый? Повелѣвавшій ли и встрѣчающій презрѣніе, или получавшій повелѣнія и необращающій на нихъ никакого вниманія? Бывшій ли одинокимъ и побѣждающій, или окруженный безчисленнымъ войскомъ и побѣждаемый? Царь отступилъ, а узникъ воздвигъ надъ нимъ трофей побѣды. Скажи же мнѣ: въ которомъ изъ этихъ двухъ положеній всякій желалъ бы находиться? Не говори мнѣ о послѣдствіяхъ, но разсмотри пока самыя положенія: въ которомъ изъ нихъ всякій желалъ бы находиться—Павловомъ, или Нероновомъ? Не говорю по отношенію къ вѣрѣ,—это очевидно,—но по отношенію къ славѣ, знаменитости, знатности. Всякій здравомыслящій сказалъ бы: въ Павловомъ. Если побѣждать славнѣе, нежели быть побѣжденнымъ, то онъ славенъ; и не то еще важно, что онъ побѣдилъ, но то, что, будучи въ такомъ состояніи (какъ Павелъ), онъ побѣдилъ находившагося въ такомъ состояніи (какъ Неронъ). Такъ, опять скажу и не перестану говорить, заключенный въ оковы побѣдилъ облеченнаго въ діадему!

4. Такова сила Христова: узы побѣдили царскій вѣнецъ, и первыя оказались славнѣе послѣдняго. (Павелъ) былъ одѣтъ въ нечистое рубище, какъ жившій въ темницѣ, но узы, которыми онъ былъ связанъ, привлекали всѣхъ болѣе порфиры; онъ сидѣлъ на землѣ, въ заключеніи и съ поникшею головою, но всѣ стекались слушать его, оставивъ того, кто сидѣлъ на золотой колесницѣ. И справедливо. Дѣло обыкновенное—видѣть царя, сидящаго на бѣломъ конѣ; но необыкновенно и поразительно—видѣть узника, отвѣчающаго царю съ такимъ дерзновеніемъ, съ какимъ царь—бѣдному и жалкому рабу. Множество народа стояло вокругъ, и всѣ были слуги царя, но удивлялись не владыкѣ своему, а тому, кто побѣдилъ ихъ владыку; одинъ онъ попиралъ ногами того, кого всѣ боялись и трепетали. Вотъ, какова слава

его въ самыхъ узахъ! А что̀ сказать о послѣдующемъ? Неизвѣстна и гробница одного (Нерона), а другой (Павелъ) лежитъ славнѣе всѣхъ царей въ той самой столицѣ, гдѣ онъ одержалъ побѣду, гдѣ воздвигъ трофей. О томъ, если и вспомнитъ кто-нибудь даже изъ близкихъ къ нему, то съ отвращеніемъ,—онъ, говорятъ, былъ и развратникъ,—а объ этомъ вспоминаютъ съ похвалами вездѣ, не только между нами, но и между самими врагами. Когда истина возсіяла, то и враги не могутъ упорствовать, но удивляются, если не вѣрѣ (Павла), то его дерзновенію, его мужеству. Этого уста всѣхъ и вездѣ провозглашаютъ, превознося похвалами, а того осыпаютъ хулами и порицаніями. Кто же изъ нихъ славенъ? Впрочемъ, я незамѣтнымъ образомъ сталъ хвалить льва по ногтямъ его, вмѣсто того, чтобы говорить о томъ, что̀ дѣйствительно достойно хвалы. Что же это такое? То, что будетъ на небесахъ,—
624 какъ (Павелъ) явится съ Царемъ небеснымъ, въ свѣтломъ видѣ, и какъ Неронъ будетъ стоять тогда печальный, съ поникшею головою. Если слова мои тебѣ кажутся невѣроятными и смѣшными, то смѣшенъ ты самъ, смѣющійся надъ тѣмъ, что̀ достойно не смѣха. Если ты не вѣришь будущему, то повѣрь тому, что̀ уже совершилось: еще не пришло время вѣнцевъ, и однако этотъ подвижникъ уже удостоился такой чести; какой же онъ сподобится славы, когда придетъ Подвигоположникъ? Онъ былъ странникомъ среди чужихъ, странникомъ и пришельцемъ, и заслужилъ такое удивленіе: какого же блага не получитъ онъ, когда будетъ между своими? *Нынѣ животъ нашъ сокровенъ со Христомъ въ Бозѣ* (Кол. III, 3), и однако умершій дѣйствуетъ и почитается болѣе живыхъ: чего же не получитъ онъ, чего не достигнетъ, когда придетъ самая жизнь наша? Для того-то Богъ и удостоилъ его здѣсь такой чести, а не потому, чтобы онъ имѣлъ въ ней нужду,—вѣдь если онъ еще въ тѣлесной жизни презиралъ славу отъ людей, то гораздо болѣе по разлученіи съ тѣломъ. И не потому только Богъ удостоилъ его такой чести, но и для того, чтобы невѣрующіе будущему удостовѣрялись въ томъ по крайней мѣрѣ изъ настоящаго. Я говорю, что Павелъ придетъ съ Царемъ небеснымъ, когда будетъ воскресеніе, что онъ сподобится наслажденія безчисленными благами; но невѣрующій не вѣритъ; пусть же онъ повѣритъ этому изъ событій настоящихъ. Скинотворецъ славнѣе царя, въ большей чести, нежели царь; никакой римскій царь не удостоивался такой чести; царь лежитъ гдѣ-то за городомъ, а онъ (Павелъ) занимаетъ средину города, какъ бы царь и при томъ живой. Поэтому повѣрь и будущему. Если здѣсь, гдѣ онъ былъ гонимъ и преслѣдуемъ, онъ удостоился такой чести, то что будетъ тогда, когда онъ явится опять? Если тамъ, гдѣ

онъ былъ скинотворцемъ, онъ сдѣлался столь славнымъ, то что будетъ тогда, когда онъ придетъ въ блескѣ солнечныхъ лучей? Если послѣ такого уничиженія онъ достигъ такого величія, то чего онъ не достигнетъ, когда придетъ опять? Невозможно отвергать совершившагося на дѣлѣ. Кого не убѣдитъ то, что скинотворецъ сдѣлался славнѣе того, которому удивлялись больше всѣхъ царей? Если здѣсь совершилось событіе сверхъестественное, то тѣмъ болѣе совершится въ будущемъ. Повѣрь же, человѣкъ, настоящему, если не хочешь вѣрить будущему; повѣрь видимому, если не хочешь вѣрить невидимому; или лучше сказать: повѣрь видимому, и ты повѣришь невидимому. Если же не хочешь, то благовременно намъ сказать слова апостола: чисты мы отъ крови вашей; мы преподали вамъ все, и не опустили сказать ничего, что̀ слѣдовало (Дѣян. xx, 26); сами вы виноваты, если сдѣлаете себя достойными наказанія въ гееннѣ. Будемъ же, возлюбленныя дѣти, подражать Павлу не по вѣрѣ только, но и по жизни; будемъ презирать здѣшнюю славу, чтобы получить славу небесную. Пусть ничто настоящее не увлекаетъ насъ; будемъ презирать блага видимыя, чтобы получить блага небесныя, или лучше, чтобы чрезъ послѣднія получить и первыя, имѣя впрочемъ въ виду преимущественно—достигнуть благъ небесныхъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы.

БЕСѢДА V.

Вѣрно слово: аще бо съ нимъ умрохомъ, то съ нимъ 623—624
и оживемъ: аще терпимъ, съ нимъ и воцаримся: аще отвержемся, и той отвержется насъ: аще не вѣруемъ, онъ вѣренъ пребываетъ: отрещися бо себе не можетъ. Сія воспоминай, засвидѣтельствуя предъ Господемъ, не словопрѣтися, ни на кую же потребу, на разореніе слышащихъ (2 Тим. II, 11—14).

1. Многіе изъ людей слабыхъ отказываются отъ подвига вѣры и не переносятъ нескораго исполненія надежды, но стре-
мятся къ благамъ настоящимъ и по нимъ судятъ о будущихъ. 625
Когда здѣсь предстояли смерть, мученія, узы, а (Павелъ) говорилъ своимъ слушателямъ, что они пойдутъ въ жизнь вѣчную, то иной могъ не вѣрить и сказать: что ты проповѣдуешь,—какимъ образомъ, когда я живу, тогда умираю, и когда умру, тогда буду жить? На землѣ ты не обѣщаешь мнѣ ничего, и предоставляешь на небѣ? Не даешь малаго, и обѣщаешь великое?

Поэтому, чтобы никто не думалъ такъ, (апостолъ) представляетъ несомнѣнное тому доказательство. Онъ уже и прежде утверждалъ это и приводилъ свидѣтельства,—именно слова: *поминай Христа Іисуса воставшаго отъ мертвыхъ* (2 Тим. II, 8) означаютъ то, что Онъ воскресъ послѣ смерти,—и теперь опять объясняетъ то же и говоритъ: *вѣрно слово*, что имѣющій жизнь небесную получитъ и вѣчную. Почему *вѣрно? Аще бо съ нимъ умрохомъ*, говоритъ, *то съ нимъ и оживемъ*. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, если мы участвуемъ со Христомъ въ скорбяхъ и страданіяхъ, то ужели не будемъ участвовать съ Нимъ въ благахъ? Этого не сдѣлалъ бы и человѣкъ,—чтобы, достигнувъ покоя, не принять въ общеніе съ собою того, кто рѣшился вмѣстѣ съ нимъ страдать и умереть. Когда же мы умерли вмѣстѣ (съ Христомъ)? (Апостолъ) говоритъ о смерти какъ посредствомъ купели крещенія, такъ и посредствомъ страданій. Такъ онъ говоритъ: *мертвость Господа въ тѣлѣ носяще* (2 Кор. IV, 10); еще: *спогребохомся ему крещеніемъ* (Рим. VI, 4): и еще: *ветхій нашъ человѣкъ съ нимъ распятся* (Рим. VI, 6); и еще: *снасаждени быхомъ подобію смерти его* (Рим. VI, 5). Здѣсь же онъ говоритъ и о смерти посредствомъ искушеній, и преимущественно объ ней, такъ какъ онъ находился въ искушеніяхъ, когда писалъ это. Смыслъ словъ его слѣдующій: если ради Него мы умерли, то ужели не оживемъ ради Него? Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. *Аще терпимъ съ нимъ*, говоритъ, *съ нимъ и воцаримся*. Не сказалъ просто: воцаримся, но: *аще терпимъ*, показывая, что недостаточно умереть однажды,—самъ этотъ блаженный умиралъ ежедневно,—а нужно имѣть много терпѣнія, которое особенно необходимо было Тимоѳею. Не ссылайся, говоритъ, на прежнія страданія, а скажи, терпишь ли ты постоянно. Затѣмъ предлагаетъ ему увѣщаніе съ другой стороны, не со стороны добрыхъ людей, но и злыхъ. Если бы и злые могли сдѣлаться участниками того же (что ожидаетъ добрыхъ), то это не было бы утѣшеніемъ; и если бы терпѣвшіе должны были воцариться со Христомъ, а нетерпѣвшіе получили бы только то наказаніе, что не воцарились бы съ Нимъ, то, хотя и это страшно, но для многихъ не было бы достаточною угрозою. Поэтому онъ и говоритъ нѣчто болѣе страшное: *аще отвержемся, и той отвержется насъ*. Слѣдовательно, воздаяніе постигнетъ не только добрыхъ, но и злыхъ. Представьте же, что̀ будетъ терпѣть тотъ, кто отверженъ будетъ въ царствіи Его. *Иже аще отвержется мене*, говоритъ Онъ, *отвергуся его и азъ* (Мѳ. X, 33). Воздаяніе не равно дѣлу преступленія, хотя по словамъ Его и кажется такъ. Мы отрекающіеся отъ Него—люди, а Онъ—Богъ; нужно ли говорить, какое разстояніе между Богомъ и людьми?

2. Съ другой стороны, такимъ отреченіемъ мы вредимъ себѣ, а отнюдь не Богу, и не можемъ (вредить Ему). Потому-то (апостолъ), объясняя это, и продолжаетъ: *аще не вѣруемъ, онъ вѣренъ пребываетъ: отрещися бо себе не можетъ*,—т. е., если мы не вѣримъ, что Онъ воскресъ, то Онъ не терпитъ отъ этого никакого вреда; Онъ истиненъ, Онъ неизмѣненъ, будемъ ли мы исповѣдывать Его, или не будемъ. Если же Онъ не терпитъ никакого вреда, когда мы отрекаемся отъ него, то значитъ, что Онъ требуетъ исповѣданія нашего не для чего иного, какъ для нашей же пользы. Онъ пребываетъ однимъ и тѣмъ же, отрекаемся ли мы отъ Него, или не отрекаемся: *отрещися бо себе не можетъ*, т. е. отречься отъ того, что Онъ есть. Мы можемъ говорить, что 626
Его нѣтъ, хотя на дѣлѣ и не такъ. Онъ, по существу своему, не можетъ не быть; это невозможно, т. е. Ему невозможно обратиться въ небытіе; Онъ всегда пребываетъ, всегда существуетъ по естеству своему. Итакъ, не будемъ думать, будто мы можемъ сдѣлать Ему одолженіе, или повредить Ему. Далѣе, чтобы кто не подумалъ, что Тимоѳей имѣлъ нужду въ такихъ (внушеніяхъ), (апостолъ) присовокупляетъ: *сія воспоминай, засвидѣтельствуя предъ Господемъ, не словопрѣтися, ни на кую же потребу, на разореніе слышащихъ*. Страшно—говорить, приводя во свидѣтели Бога, потому что, если никто не рѣшится измѣнить, призвавъ во свидѣтели человѣка, то тѣмъ болѣе—Бога. Напримѣръ, если кто составитъ договоръ, или завѣщаніе, призвавъ достовѣрныхъ свидѣтелей, то кто осмѣлится приписать ихъ кому-нибудь другому, постороннему? Никто; а если бы и захотѣлъ, то остережется, опасаясь достовѣрности свидѣтелей. Что значитъ: *засвидѣтельствуя?* Значитъ—призывая Бога во свидѣтели своихъ словъ и дѣйствій. *Не словопрѣтися, ни на кую же потребу;* и не поэтому только, но и *на разореніе*, говоритъ, *слышащихъ*. Отсюда не бываетъ не только никакой пользы, но и великій вредъ. Итакъ, *сія воспоминай;* если же слушатели будутъ пренебрегать, то Богъ имъ судья. А для чего Онъ увѣщеваетъ *не словопрѣтися?* Онъ зналъ, что это дѣло обыкновенное и что человѣческая душа всегда склонна къ состязанію и словопренію. Чтобы этого не было, онъ не просто говоритъ: *не словопрѣтися*, но употребляетъ болѣе страшное выраженіе, присовокупляя: *на разореніе слышащихъ. Потщися себе искусна поставити предъ Богомъ, дѣлателя непостыдна, право правяща слово истины* (ст. 15). Вездѣ онъ увѣщеваетъ избѣгать стыда. Почему же онъ такъ часто упоминаетъ о стыдѣ? Потому, что многіе могли стыдиться и самого Павла, какъ скинотворца, и ученія христіанскаго, котораго учители терпѣли мученія: Христосъ былъ распятъ, его (Павла) ожидало отсѣченіе головы, Петръ былъ при

гвожденъ ко кресту внизъ головою, и при томъ терпѣли это отъ людей ничтожныхъ и презрѣнныхъ. Такъ какъ подобные люди господствовали, то (апостолъ) и говоритъ: не постыдись, т. е. нисколько не стыдись дѣлать все, что относится къ благочестію, хотя бы тебѣ за это надлежало подвергнуться рабству, или потерпѣть что-нибудь другое. А какъ сдѣлаться *искуснымъ?* Будучи *дѣлателемъ непостыднымъ*. Какъ (всякій) дѣлатель трудится, не стыдясь ничего, такъ долженъ поступать и дѣлатель евангелія; онъ долженъ быть готовымъ на все. *Право правяща слово истины*. Хорошо (апостолъ) сказалъ это, потому что многіе злоупотребляютъ и искажаютъ слово истины, прибавляя къ нему много неправаго. Не сказалъ: управляющаго, но: *право правяща*,—т. е. отдѣляй неправое, и все тому подобное отражай и отсѣкай съ великою силою; какъ бы по натянутой нити отсѣкай мечемъ духовнымъ все излишнее и чуждое проповѣди. *Скверныхъ же тщеславій отметайся* (ст. 16), потому что этимъ дѣло не ограничится; но когда привнесено что-нибудь новое, то оно постоянно пораждаетъ новыя раздѣленія; безъ конца блуждаетъ тотъ, кто вышелъ изъ тихой пристани, и нигдѣ не остановится. *Наипаче бо*, говоритъ, *преспѣютъ въ нечестіе, и слово ихъ, яко гангрена, жиръ обрящетъ* (ст. 17). Это—неудержимое зло, которое не можетъ быть остановлено врачеваніемъ, но заражаетъ все. (Апостолъ) внушаетъ, что пустословіе есть болѣзнь, и даже хуже болѣзни; выражаетъ также неисправимость подобныхъ людей; они заблуждаются не случайно,
627 а добровольно, и потому совершенно неисправимы. *Отъ нихже*, говоритъ, *есть Именей и Филитъ, иже о истинѣ погрѣшиста, глаголюще, яко воскресеніе уже бысть, и возмущаютъ нѣкоторыхъ вѣру* (ст. 18). Хорошо онъ сказалъ: *наипаче преспѣютъ*. Повидимому,—это зло только само по себѣ; но посмотри, какія отсюда происходятъ послѣдствія. Если воскресеніе уже было, то отсюда для насъ не только тотъ вредъ, что мы лишились великой славы, но уничтожаются и судъ и воздаяніе; если воскресеніе уже было, то было и воздаяніе; добрые, слѣдовательно, не получили вознагражденія за скорби и страданія, а злые не наказаны, и хорошо, что они жили въ удовольствіяхъ. Лучше было сказать, что нѣтъ воскресенія, нежели—что оно уже было. *И возмущаютъ*, говоритъ, *нѣкоторыхъ вѣру*. Не всѣхъ, а *нѣкоторыхъ*. Если воскресенія нѣтъ, то и *вѣра* разрушена: *аще воскресенія нѣсть, тще проповѣданіе наше*, и Христосъ не воскресъ (1 Кор. xv, 13, 14); а если Онъ не воскресъ, то и не раждался и не восходилъ на небеса. Видишь ли, какъ противленіе, повидимому, одному только ученію о воскресеніи влечетъ за собою много дурныхъ послѣдствій? Что же, скажешь, ужели не нужно дѣлать ничего съ колеблю-

щимися (въ вѣрѣ)? *Твердое убо*, говоритъ (апостолъ), *основаніе Божіе стоитъ, имущее печать сію: позна Господь сущія своя, и да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне* (ст. 19).

3. Здѣсь показывается, что они не были тверды еще прежде, нежели поколебались; иначе не поколебались бы отъ перваго же нападенія,—подобно какъ Адамъ не былъ твердъ прежде искушенія. Твердые не только ничего не терпятъ отъ обольстителей, но еще заслуживаютъ удивленія. *Твердое*, говоритъ, *основаніе*. Такъ нужно быть предану вѣрѣ. *Имущее печать сію: позна Господь сущія своя*. Что это значитъ? Апостолъ заимствовалъ это изъ Второзаконія [1]). Оно значитъ: твердыя души стоятъ твердо и неподвижно. А изъ чего это видно? Изъ того, что такія слова начертаны на дѣлахъ ихъ, что Богъ знаетъ ихъ и не попускаетъ погибнуть, что онѣ удаляются отъ неправды. *И да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне*. Вотъ признаки основанія! Такой человѣкъ является какъ бы твердымъ основаніемъ. Подобно тому, какъ на камнѣ дѣлается надпись, чтобы она была признакомъ его, эта надпись у него выражается въ дѣлахъ. *Имущее*, говоритъ, начертанною *печать сію: всякъ именуяй имя Господне да отступитъ отъ неправды*. Слѣдовательно, кто дѣлаетъ неправду, тотъ не имѣетъ этого основанія; и признакъ этой печати—не дѣлать неправды. Итакъ не будемъ лишать себя этой царской печати и знака, чтобы намъ не остаться незапечатлѣнными и непрочными, но стоять на основаніяхъ, и на твердыхъ основаніяхъ, и не увлекаться. Вотъ признакъ людей, принадлежащихъ Богу,— удаляться отъ неправды! Какъ Богу, который праведенъ, можетъ принадлежать тотъ, кто дѣлаетъ неправду, противится Ему своими дѣлами и оскорбляетъ Его своими поступками? Но опять мы осуждаемъ неправду и опять возбуждаемъ противъ себя множество недовольныхъ. Страсть, какъ бы какой тиранъ, овладѣла душами всѣхъ, и — вотъ что страшно — овладѣла не принужденіемъ или насиліемъ, но убѣжденіемъ и увлеченіемъ, такъ что они же бываютъ благодарны за такое рабство. Это поистинѣ страшно, потому что если бы они были удерживаемы насиліемъ, а не привязанностію, то скоро отстали бы. И отчего представляется пріятнымъ то, что само по себѣ весьма непріятно? Напротивъ отчего правда представляется непріятною, тогда какъ она весьма пріятна? Зависитъ это отъ нашихъ чувствованій. Такъ 628
нѣкоторые и медъ находили горькимъ, а другое что-нибудь вредное принимали съ удовольствіемъ; причина — не въ существѣ вещей, а въ испорченности самихъ людей дурныхъ. Подумай о

[1]) Нужно: Числ. XVI, 5.

существующій въ нашей душѣ. Какъ вѣсы невѣрно показываютъ тяжесть взвѣшиваемыхъ вещей, когда отвѣсъ не утвержденъ надлежащимъ образомъ, такъ и душа не можетъ хорошо судить о вещахъ, но колеблется и увлекается, когда отвѣсъ ея помысловъ не утвержденъ и не прикрѣпленъ прочно къ закону Божію. Если посмотрѣть внимательно, то можно видѣть, что неправда очень горька, не только для тѣхъ, которые терпятъ отъ нея, но и для тѣхъ, которые дѣлаютъ ее, и гораздо болѣе для послѣднихъ, нежели для первыхъ. Не станемъ говорить уже о будущемъ, а скажемъ только о настоящемъ. Не сопровождаютъ ли ее тяжбы, суды, осужденіе, зависть, злословіе? Что можетъ быть непріятнѣе этого? Не сопровождаютъ ли ее ненависть, вражда, укоризны, непрестанныя терзанія и угрызенія совѣсти? Я желалъ бы, если бы можно было, извлечь изъ тѣла душу человѣка несправедливаго,— и ты увидѣлъ бы, какъ она блѣднѣетъ, дрожитъ, стыдится, тревожится и осуждаетъ сама себя. Въ какую бы глубину зла мы ни впали, судія души нашей не истребляется, но остается неподкупнымъ, и никто прямо не скажетъ, что неправда есть добро, но выдумываетъ предлоги и употребляетъ всѣ мѣры, чтобы по крайней мѣрѣ словами оправдать себя; но оправданія отъ совѣсти получить онъ не можетъ. Между нами и краснорѣчіе, и подкупность правителей, и множество льстецовъ могутъ помрачить истину; но внутри—въ совѣсти—нѣтъ ничего такого, нѣтъ льстецовъ, нѣтъ денегъ для подкупа судьи. Этотъ судія внѣдренъ въ насъ Богомъ отъ природы; а то̀, что̀ отъ Бога, не можетъ терпѣть ничего такого.

4. Напротивъ и непріятные сны, и призраки, и постоянное воспоминаніе о сдѣланномъ злѣ возмущаютъ тогда покой нашъ. Напримѣръ, присвоилъ ли кто-нибудь неправедно домъ другого? Тогда страдаетъ не только лишившійся, но и присвоившій, если онъ увѣренъ въ (будущемъ) судѣ; если онъ увѣренъ въ этомъ, то сильно скорбитъ и плачетъ; если же не вѣритъ въ будущее, то и тогда стыдится и краснѣетъ. Впрочемъ нѣтъ человѣка, который не боялся бы суда, будетъ ли онъ язычникъ, или іудей, или еретикъ. Если онъ не думаетъ о будущемъ, то боится и трепещетъ за здѣшнее, чтобы не испытать несчастія въ деньгахъ, или въ дѣтяхъ, или въ домашнихъ, или въ душѣ, потому что много подобнаго посылаетъ Богъ. Такъ какъ ученіе о воскресеніи не можетъ образумить всѣхъ, то Богъ еще здѣсь даетъ и являетъ намъ много знаковъ своего правосудія. Такой-то корыстолюбецъ не имѣлъ дѣтей, такой-то палъ на войнѣ, иной былъ изувѣченъ, другой потерялъ сына. Все это онъ знаетъ и представляетъ себѣ, и потому находится въ постоянномъ страхѣ. Или

вы не знаете, какъ страдаютъ люди несправедливые, и какъ это непріятно? Если бы даже они и не испытывали ничего такого, то не всѣ ли презираютъ ихъ? Не всѣ ли ненавидятъ? Не всѣ ли отворачиваются? Не всѣ ли называютъ ихъ безумнѣйшими дикихъ звѣрей, даже и сами (подобные имъ) нечестивцы? Если они осуждаютъ самихъ себя, то еще болѣе другого, называя его хищникомъ, корыстолюбцемъ, злодѣемъ. Что же пріятнаго въ корыстолюбіи? Ничего, кромѣ того, что увеличивается безпокойство о сохраненіи богатства, умножаются заботы и печали; чѣмъ больше кто накопляетъ богатства, тѣмъ сильнѣйшую наживаетъ себѣ 629
безсонницу. А что сказать о проклятіяхъ и жалобахъ обиженныхъ? Что́, если случится болѣзнь? Нѣтъ, подлинно нѣтъ человѣка, который бы, находясь въ болѣзни и не имѣя возможности сдѣлать что-нибудь, не безпокоился и не мучился, хотя бы онъ былъ безбожнѣйшимъ изъ всѣхъ. Пока мы живемъ здѣсь, сладострастная душа чуждается всего прискорбнаго; а когда наступаетъ ей время разлучиться съ тѣломъ, тогда великій страхъ овладѣваетъ ею, какъ бы вступающею въ самое преддверіе судилища. И разбойники, пока остаются въ темницѣ, живутъ безъ страха, а когда приведутъ ихъ къ самой завѣсѣ (на мѣсто суда), тогда они теряются отъ страха. Дѣйствительно, когда наступитъ страхъ смерти, то онъ, какъ огонь, пожигаетъ все другое и заставляетъ душу образумиться и позаботиться о будущемъ; ею уже не владѣетъ тогда ни желаніе богатства, ни страсть корыстолюбія, ни сладострастіе; все это проходитъ какъ облако, внутренній судія дѣлается чистымъ, и объявшая душу скорбь смягчаетъ ея ожесточеніе. Ничто такъ не препятствуетъ любомудрію, какъ жизнь въ удовольствіяхъ; напротивъ скорбь способствуетъ любомудрію. Представь, что будетъ тогда съ корыстолюбцемъ. Время озлобленія, говоритъ (Премудрый), *забытіе творитъ* великой *сладости* (Сир. XI, 27). Каково ему будетъ вспомнить объ ограбленныхъ имъ, обиженныхъ, пострадавшихъ отъ его любостяжанія? Каково будетъ видѣть, какъ другіе наслаждаются корыстію, а онъ самъ готовится къ принятію казни? Невозможно, поистинѣ невозможно, чтобы впавшій въ болѣзнь не подумалъ объ этомъ; часто въ такихъ случаяхъ душа, потерявшись и мучась, содрогается. Какова же, скажи мнѣ, эта мука? Она необходимо бываетъ при всякой болѣзни. А чего не вытерпитъ онъ, увидѣвъ, какъ наказываются другіе, какъ они умираютъ? И это здѣсь; а что будетъ тамъ, невозможно и выразить словами, какое тамъ будетъ воздаяніе, какія наказанія, какія мученія, какія терзанія. Потому мы говоримъ: *имѣяй уши слышати, да слышитъ* (Лук. 630
VIII, 8). Мы часто говоримъ объ этомъ, не желая говорить объ

этомъ часто, но будучи къ тому вынуждены. Мы хотѣли бы, чтобъ намъ не было необходимости и начинать рѣчь объ этомъ; если же невозможно не начинать ея, то по крайней мѣрѣ хотѣли бы малымъ лѣченіемъ избавить васъ отъ болѣзни и возвратить къ здоровью; но когда вы упорствуете въ болѣзни, то было бы низко и жалко оставить лѣченіе, даже было бы жестоко и безчеловѣчно. Если врачей, отчаивающихся въ исцѣленіи тѣла, мы просимъ и говоримъ имъ: не оставляйте насъ, не переставайте употреблять свои мѣры до самаго послѣдняго вздоха,—то не тѣмъ ли болѣе мы должны побуждать самихъ себя? Можетъ быть, иной, уже дошедши до самыхъ вратъ ада и до преддверія самой глубины золъ, будетъ въ состояніи опомниться, возстать, укрѣпиться и получить жизнь вѣчную. Сколько людей, выслушавъ увѣщанія десять разъ, не приходили въ чувство раскаянія, а потомъ обращались отъ одного увѣщанія? Или, лучше сказать, не отъ одного, потому что хотя они оставались нечувствительными при прежнихъ десяти, однако получали отъ нихъ пользу и потомъ заразъ показали весь плодъ. Дерево, получивъ десять ударовъ и не упавши отъ десяти, вдругъ все падаетъ отъ одного, потомъ нанесеннаго, удара; но собственно не отъ одного, а отъ десяти происходитъ слѣдствіе послѣдняго удара; кто смотритъ на корень, тотъ видитъ это, а кто смотритъ сверху на стволъ, тотъ ничего такого видѣть не можетъ. Такъ и здѣсь. И врачи часто даютъ множество лѣкарствъ, не принося пользы, а потомъ кто-нибудь, давши свое лѣкарство, исправляетъ все; но это не есть дѣло его одного, а также и прежнихъ, уже подѣйствовавшихъ на болѣзнь. Такъ и мы, если не покажемъ плодовъ слушанія нынѣ, то покажемъ послѣ; а что мы покажемъ ихъ, въ этомъ я совершенно увѣренъ. Невозможно, поистинѣ невозможно, чтобы осталась безплодною такая любовь, такая ревность ваша къ слушанію,—да не будетъ этого, но всѣ мы, удостоившіеся слышать заповѣди Христовы, да сподобимся вѣчныхъ благъ.

БЕСѢДА VI.

629 Въ велицѣмъ же дому не точію сосуди злати и сребряни суть, но и древяни и глиняни: и ови убо въ честь, ови же не въ честь. Аще убо кто очиститъ себе отъ сихъ, будетъ сосудъ въ честь освященъ, благопотребенъ Владыцѣ, на всякое дѣло благое уготованъ (2 Тим. II, 20, 21).

1. Многихъ и теперь еще смущаетъ вопросъ: почему остаются, а не погибаютъ злые люди? Есть на это много и другихъ при-

чинъ, напр.—чтобы они покаялись, чтобы для другихъ были примѣромъ наказанія; но здѣсь Павелъ представляетъ причину, близкую къ предмету его рѣчи [1]): *въ велицѣмъ дому*, говоритъ, *не точію сосуди злати и сребряни, но и древяни и глиняни*. Этимъ онъ выражаетъ, что какъ въ большомъ домѣ обыкновенно бываютъ весьма различные сосуды, такъ и здѣсь, во всей вселенной; не о Церкви онъ говоритъ, но о всемъ мірѣ. Не разумѣй здѣсь Церкви; онъ не желаетъ, чтобы въ ней былъ какой-нибудь сосудъ деревянный или глиняный, но чтобы всѣ были золотые и серебряные тамъ, гдѣ тѣло Христово, гдѣ чистая дѣва, не имѣющая скверны или порока. Смыслъ словъ его слѣдующій: 630
не смущайся, что есть люди злые и нечестивые; и въ большомъ домѣ бываютъ разные сосуды. Что же? Они, говоритъ, пользуются не одинаковой честью, но одни въ почетномъ употребленіи, а другіе въ низкомъ. Но, скажешь, въ домѣ и послѣдніе сосуды служатъ для какого-нибудь употребленія, а (злые люди) въ мірѣ не такъ? Нѣтъ, и имъ Богъ даетъ, если не такое, то другое употребленіе, — напримѣръ, тщеславный многое строитъ, человѣкъ любостяжательный, купецъ, торговецъ, начальникъ—у всѣхъ ихъ есть въ мірѣ дѣла, имъ свойственныя. Золотой же сосудъ не служитъ ни къ чему подобному, но употребляется за царскимъ столомъ. Итакъ, не то (апостолъ) говоритъ, что зло необходимо,—нѣтъ,—но что и злые имѣютъ свое дѣло. Если бы всѣ были золотыми и серебряными, то въ тѣхъ не было бы нужды; напримѣръ, если бы всѣ были выносливы, то не было бы нужды въ зданіяхъ; если бы всѣ чуждались сластолюбія, то не было бы нужды въ изысканныхъ кушаньяхъ; если бы всѣ заботились только о необходимомъ, то не было бы нужды въ великолѣпныхъ жилищахъ. *Аще убо кто очиститъ себе отъ сихъ, будетъ сосудъ въ честь освященъ*. Видишь ли, что быть золотымъ или глинянымъ зависитъ не отъ природы или вещественной необходимости, а отъ нашей воли? Въ природѣ глиняный сосудъ не можетъ сдѣлаться золотымъ, и золотой не можетъ сдѣлаться столь низкимъ, какъ глиняный; а здѣсь (въ душахъ людей) бываетъ великая перемѣна и превращеніе. Павелъ былъ глинянымъ со-
судомъ, но сталъ золотымъ; Іуда былъ золотымъ сосудомъ, но 631
сталъ глинянымъ. Такимъ образомъ нечистота дѣлаетъ людей

[1]) Вмѣсто словъ: „здѣсь Павелъ... рѣчи“, въ одномъ рукописномъ кодексѣ читается: „Дѣйствительно, вслѣдствіе милосердія Божія, Его долготерпѣнія къ безпечнымъ, и предоставленія имъ времени для покаянія и отрезвленія, если бы они захотѣли, многіе получили пользу и обратились, а равно и другихъ привели ко спасенію своимъ примѣромъ. Павелъ же предложилъ здѣсь и нѣчто новое, говоря такъ: *въ велицѣмъ дому*“ и т. д.

глиняными; прелюбодѣй, корыстолюбецъ — глиняные. Какъ же (апостолъ) говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *имамы сокровище сіе въ скуделныхъ сосудѣхъ* (2 Кор. IV, 7), и слѣдовательно не унижаетъ глиняннаго сосуда, но воздаетъ ему честь, признавая его способнымъ вмѣщать въ себѣ сокровище? Въ этомъ мѣстѣ онъ указываетъ на самую природу, а не на видъ вещества. Смыслъ словъ его слѣдующій: тѣло наше глиняный сосудъ; какъ глиняный сосудъ не что иное, какъ обожженная глина, такъ и тѣло наше не что иное, какъ земля, скрѣпляемая теплотою души. А что оно глиняный сосудъ, это очевидно: какъ глиняный сосудъ, упавши, разбивается и разсыпается, такъ и тѣло, подвергшись смерти, разрушается. Чѣмъ отличаются отъ черепковъ наши кости, которые также тверды и сухи? Чѣмъ отличается плоть отъ глины? Развѣ и она не изъ воды? Почему же тамъ, какъ я сказалъ, (апостолъ) не унижаетъ скудельнаго сосуда? Тамъ онъ говоритъ о природѣ (нашего тѣла), а здѣсь о свободной волѣ. *Аще убо*, говоритъ, *кто очиститъ себе;* не сказалъ: будетъ очищать, но: *очиститъ*, т. е. очиститъ совершенно. *Будетъ сосудъ въ честь освященъ, благопотребенъ Владыцѣ*. Слѣдовательно, тѣ сосуды негодны, хотя и служатъ къ нѣкоторому употребленію. *На всякое дѣло благое уготованъ:* хотя онъ еще и не дѣлаетъ, но онъ пригоденъ, способенъ. Итакъ должно быть готовымъ на все, даже на смерть, даже на мученичество; должно приготовиться и къ дѣвству, и ко всему подобному. *Похотей юныхъ бѣгай* (ст. 22). Юныя—это похоти не только соединенныя съ блудомъ, но всякое неумѣстное пожеланіе есть *похоть юная*. Пусть выслушаютъ это старцы: имъ не должно дѣлать того, что свойственно юношамъ. Гнѣвливъ ли кто-нибудь, или властолюбивъ, или корыстолюбивъ, или сластолюбивъ, или преданъ чему-либо другому подобному,—все это юношеская, безразсудная похоть, свойственная нетвердому сердцу и не глубокому, но легко увлекающемуся разуму. Итакъ, чтобы никто не предавался этому, что внушаетъ (апостолъ)? Юношескихъ мечтаній убѣгай; *держися же правды, вѣры, любве, мира, со всѣми призывающими Господа отъ чистаго сердца*. *Правдою* онъ называетъ вообще добродѣтель, благочестіе въ жизни, вѣру, любовь, кротость. Что значитъ: *съ призывающими Господа отъ чистаго сердца?* Онъ какъ бы такъ говоритъ: довѣряй не всѣмъ призывающимъ (Господа), но только такимъ, которые призываютъ Его непритворно, нелицемѣрно, не имѣютъ никакого коварства, приступаютъ съ миромъ, не склонны къ распрямъ; съ ними сообщайся; съ другими же не слѣдуетъ быть кроткимъ, но—только соблюдать миръ, сколько зависитъ отъ тебя самого. *Буихъ же и ненаказанныхъ стязаній отрицайся, вѣдый, яко раждаютъ свары* (ст. 23).

2. Видишь ли, какъ (апостолъ) вездѣ отклоняетъ (Тимоѳея) отъ состязаній? Это не потому, чтобы онъ не былъ способенъ опровергать ихъ; онъ былъ способенъ; а если бы не былъ, то сказалъ бы ему: старайся сдѣлаться способнымъ къ опроверженію ихъ,—подобно тому, какъ онъ сказалъ: *внимай ученію: сіе бо творя и самъ спасешися и послушающіи тебе* (1 Тим. IV, 16). Но (апостолъ) зналъ, что совершенно безполезно и вступать въ такія состязанія, и что они оканчиваются ничѣмъ инымъ, какъ ссорою, враждою, оскорбленіемъ и злословіемъ. Такихъ состязаній отрицайся. Слѣдовательно, есть и другія состязанія, напр. касательно Писаній и тому подобныхъ предметовъ. *Рабу же Господню не подобаетъ сваритися* (ст. 24). Не должно ссориться и при состязаніи: 632
рабу Божію должно быть далекимъ отъ ссоръ. Если Богъ есть Богъ мира, то рабъ Бога мира какъ можетъ ссориться? *Но тиху быти ко всѣмъ. Рабу же Господню,* говоритъ, *не подобаетъ сваритися, но тиху быти ко всѣмъ.* Почему же онъ говоритъ: *обличай ихъ со всякимъ повелѣніемъ* (Тит. II, 15); и здѣсь опять: *никтоже о юности твоей да нерадитъ* (1 Тим. IV, 12); и еще: *обличай ихъ нещадно* (Тит. I, 13)? Потому, что и это—дѣло кротости. Сильное обличеніе, когда оно дѣлается съ кротостію, особенно можетъ трогать. Гораздо скорѣе можно тронуть кротостію, нежели пристыдить строгостію. *Учительну,* т. е. для всѣхъ, желающихъ учиться, такъ какъ онъ же говоритъ: *еретика человѣка по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся* (Тит. III, 10). *Незлобиву.* Хорошо прибавилъ онъ это: учителю особенно нужно имѣть незлобіе; иначе все будетъ тщетно. Если рыболовы, часто цѣлый день бросая сѣти и ничего не поймавъ, не приходятъ въ отчаяніе, то тѣмъ болѣе (не должно отчаиваться) намъ. Смотри, въ самомъ дѣлѣ, что бываетъ. Часто случается, что плугъ слова, дѣйствуя непрестаннымъ внушеніемъ, входитъ во глубину души и истребляетъ овладѣвшую ею страсть. Кто слушалъ тысячу разъ, тотъ долженъ что-нибудь почувствовать; невозможно, чтобы человѣкъ, слушая непрестанно, нисколько не почувствовалъ. Такимъ образомъ можетъ случиться, что человѣкъ, уже готовый убѣдиться, потеряетъ все отъ нашего нетерпѣнія, и произойдетъ то же, какъ если бы кто-нибудь, неискусный въ земледѣліи, насадивъ виноградъ и окопавъ его въ первый годъ, и во второй, и въ третій, въ надеждѣ получить плоды, но не получивъ ихъ и потерявъ надежду по прошествіи трехъ лѣтъ, оставилъ бы его въ четвертый годъ, именно тогда, когда долженъ былъ получить воздаяніе за труды свои. Сказавъ: *незлобиву,* (апостолъ) не довольствуется этимъ, но присовокупляетъ: *съ кротостію наказующу противныя* (ст. 25). Здѣсь особенно нужно учителю поступать съ

кротостію; душа, имѣющая нужду въ наставленіи, не можетъ принять что-нибудь полезное, когда оно преподается со строгостію и бранію, и хотя готова слушать, но, будучи приведена въ недоумѣніе, не усвоитъ ничего. Тотъ, кто хочетъ научиться чему-нибудь полезному, прежде всего долженъ быть расположенъ къ учителю; если же это предварительно не устроено, то не можетъ произойти ничего надлежащаго или полезнаго; никто не можетъ быть расположенъ къ человѣку, который сердится и бранится. А какъ же (апостолъ) говоритъ: *еретика человѣка по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся?* Это онъ говоритъ о человѣкѣ неисправимомъ, о которомъ извѣстно, что онъ боленъ неизлѣчимо. *Еда како дастъ имъ Богъ покаяніе въ разумъ истины и возникнутъ отъ діавольскія сѣти* (ст. 26). Смыслъ этихъ словъ слѣдующій: можетъ быть, и будетъ какое-либо исправленіе. Выраженіе: можетъ быть—употребляется о предметахъ неизвѣстныхъ въ точности; слѣдовательно, нужно отступать только отъ тѣхъ людей, о которыхъ мы можемъ точно сказать и о которыхъ мы убѣждены, что они не исправятся, какія бы мѣры ни были употребляемы. *Съ кротостію*, говоритъ. Видишь ли, какъ должно приступать къ желающимъ научиться, и ненужно оставлять собесѣдованія съ ними прежде ихъ убѣжденія? *Живи уловлени отъ него въ свою его волю.* Хорошо сказалъ: *живи уловлени*, потому что они пока еще плаваютъ въ заблужденіи. Замѣть, какъ онъ научаетъ смиренномудрію. Не сказалъ: можетъ быть, ты будешь въ состояніи, но: *еда како дастъ имъ Богъ возникнути*; если и произойдетъ что-нибудь, все принадлежитъ Господу; ты насаждаешь, ты поливаешь, а Онъ сѣетъ и устрояетъ плодоприношеніе. Поэтому не будемъ думать,
633 будто мы сами убѣдили кого-нибудь, хотя бы и убѣдили. *Живи уловлени*, говоритъ, *отъ него въ свою его волю*. Это нужно разумѣть не объ ученіи только, но и о жизни, такъ какъ воля Божія та, чтобы мы жили праведно. Нѣкоторые по жизни своей находятся въ сѣти діавола: и о такихъ людяхъ не должно отчаиваться. *Еда како возникнутъ*, говоритъ, *живи уловлени въ его волю*. Слова: *еда како* выражаютъ великое долготерпѣніе; а не исполнять волю Божію значитъ быть въ сѣти діавольской.

3. Какъ воробей, хотя бы онъ не всѣмъ тѣломъ попалъ въ сѣть, но только одною частію, напр. ногою, находится во власти поставившаго сѣть, такъ и мы находимся во власти діавола, хотя бы уловлены были имъ не всецѣло—и по вѣрѣ, и по жизни, но только по жизни. *Не глаголяй ми*, говоритъ Христосъ, *Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное;* и еще: не знаю *васъ*, *отъидите отъ мене дѣлающіи беззаконіе* (Мѳ. VII, 21, 23). Видишь ли, что вѣра не доставляетъ намъ никакой пользы, если насъ не знаетъ

Владыка? И дѣвамъ то же сказано: *не вѣмъ васъ* (Мѳ. xxv, 12). Какая же имъ польза отъ дѣвства и многихъ подвиговъ, если ихъ не знаетъ Владыка? И во многихъ мѣстахъ мы находимъ, что люди, нисколько не осуждаемые за вѣру, наказываются только за порочную жизнь; и напротивъ иногда люди, нисколько не осуждаемые за жизнь, погибаютъ за неправое ученіе, потому что то и другое держится взаимно. Видишь ли, что мы находимся въ сѣти діавольской, когда не исполняемъ воли Божіей? И не только за всю жизнь, но и за одинъ порокъ люди часто ввергаются въ геенну, если у нихъ нѣтъ другихъ равносильныхъ добрыхъ дѣлъ. Такъ и дѣвы были осуждены не за блудъ, или прелюбодѣяніе, или зависть, или вражду, или пьянство, или неправовѣріе, но за недостатокъ елея, т. е. за то, что не творили милостыни: это именно значитъ елей. И тѣ осужденные, которымъ сказано: *отъидите прокляtіи въ огнь вѣчный*, также были обвиняемы не въ чемъ-нибудь подобномъ, но въ томъ, что не напитали Христа. Видишь ли, что и одинъ недостатокъ милосердія можетъ ввергнуть въ огнь геенскій? Къ чему, скажи мнѣ, будетъ годенъ тотъ, кто не творитъ милостыни? Ты постишься каждый день? Но и тѣ дѣвы постились, однако не получили отсюда никакой пользы. Молишься? Но что въ этомъ? Безъ милостыни и молитва безплодна. Безъ нея все нечисто, все безполезно; безъ нея теряется большая часть добродѣтели. *Не любяй брата своего*, говоритъ (апостолъ), *не позна Бога* (1 Іоан. iii, 10; iv, 8); какъ же ты любишь его, если не хочешь подѣлиться съ нимъ чѣмъ-нибудь изъ этихъ малыхъ и ничтожныхъ благъ? Ты соблюдаешь, скажи мнѣ, цѣломудріе? Почему? Потому ли, что боишься мученій? Нѣтъ, но потому, что таковъ ты отъ природы; если бы ты соблюдалъ цѣломудріе по страху мученій, преодолѣвая такое побужденіе и такое насиліе (природы), то ты гораздо болѣе могъ бы творить милостыню. Вѣдь не все равно—обуздывать страсть къ богатству, или къ тѣлеснымъ удовольствіямъ; послѣднее гораздо труднѣе. Почему? Потому, что послѣднее—удовольствіе естественное, посѣянное и насажденное въ нашемъ тѣлѣ; а страсть къ богатству не такова. Милосердіе и сострада-
ніе—вотъ чѣмъ мы можемъ уподобиться Богу; а когда мы не 634
имѣемъ этого, то не имѣемъ ничего. Не сказалъ (Господь): если станете поститься, то будете подобны Отцу вашему; не сказалъ: если станете соблюдать дѣвство, или: если станете молиться, то будете подобны Отцу вашему. Все это не относится къ Богу, и Богъ не дѣлаетъ ничего такого. Но что? *Будите милосерди*, говоритъ, *якоже Отецъ вашъ, иже на небесѣхъ* (Лук. vi, 36). Это—дѣло Божіе. Если же ты не имѣешь этого, то что же и имѣешь?

Милости хощу, говоритъ Онъ, *а не жертвы* (Ос. VI, 6). Богъ сотворилъ небо, сотворилъ землю, море,—велики эти дѣла и достойны Его премудрости. Но ничѣмъ Онъ такъ не расположилъ къ себѣ человѣческій родъ, какъ милосердіемъ и человѣколюбіемъ; и это—есть дѣло Его премудрости, силы и благости, но гораздо болѣе то, что Онъ сдѣлался рабомъ. Не поэтому ли мы болѣе удивляемся Ему? Не поэтому ли болѣе благоговѣемъ предъ Нимъ? И Бога ничто столько не располагаетъ къ намъ, какъ милосердіе. Объ этомъ много говорятъ непрестанно всѣ пророки. Говоря о милосердіи, я разумѣю не то, которое соединено съ любостяжаніемъ; это не милосердіе. Корень терновника никогда не производилъ елея, но производитъ его корень масличнаго дерева; точно такъ и милосердія не раждаетъ ни корень любостяжанія, ни неправды, ни хищенія. Не унижай милостыни, не подавай повода всѣмъ порицать ее. Если ты похищаешь для того, чтобы благотворить, то ничего не можетъ быть хуже такой мылостыни. Когда она происходитъ отъ хищенія, то она не милостыня; это—какая-то жестокость и свирѣпость; это — оскорбленіе Бога. Если Каинъ такъ оскорбилъ Бога, принесши въ жертву маловажнѣйшее изъ своей собственности, то какъ оскорбитъ Его приносящій чужое? Приношеніе есть не что иное, какъ жертва, — очищеніе, а не оскверненіе. Ты не смѣешь молиться съ грязными руками; неужели же не считаешь страшнымъ—приносить Богу грязь и нечистоту хищенія? Рукамъ ты не позволяешь оставаться въ грязи и нечистотѣ, но сначала очистишь ихъ, а потомъ уже приносишь; между тѣмъ эта грязь не составляетъ никакого преступленія, а та достойна осужденія и порицанія.

4. Итакъ будемъ заботиться не о томъ, чтобы молиться и приносить чистыми руками, но и о томъ, чтобы приносимое было чисто. Иначе будетъ смѣшно такъ же, какъ если бы кто, вымывши подносъ, наполнилъ его нечистыми дарами: развѣ это не забавно и не смѣшно? Пусть будутъ чисты руки; а онѣ будутъ чисты, когда мы омоемъ ихъ не только водою, но напередъ и правдою: вотъ что очищаетъ руки. Если же мы исполнены неправды, то, хотя бы ты омывалъ руки тысячу разъ, не будетъ никакой пользы. *Измыйтеся*, говоритъ (пророкъ), *чисти будете* (Иса. I, 16). И что? Прибавилъ ли онъ: идите на источники, ступайте въ бани, на пруды и на рѣки? Нѣтъ,—но что? *Отъимите лукавства ваша отъ душъ вашихъ*; это и значитъ: *чисти будете*. Вотъ что избавляетъ отъ нечистоты, вотъ истинная чистота! Чистота тѣлесная не приноситъ большой пользы, а чистота душевная доставляетъ намъ дерзновеніе предъ Богомъ. Ту могутъ имѣть и прелюбодѣи, и воры, и убійцы, и сластолюбцы, и развратники, и блудники, и

блудницы, послѣднія по преимуществу: онѣ больше всѣхъ заботятся о чистотѣ тѣла, постоянно намащая себя миромъ и *поваляя гробъ* свой (Мѳ. xxш, 27); вѣдь ихъ тѣло—гробъ, внутри котораго—мертвая душа. Такую чистоту и они могутъ имѣть; внутренней же—не могутъ. Не важное дѣло, если ты вымоешь тѣло: 635
это—очищеніе іудейское, пустое и безполезное, если нѣтъ очищенія внутренняго. Положимъ, что кто-нибудь страдаетъ гніеніемъ или ранами внутри, и пусть онъ омываетъ свое тѣло; какая будетъ польза, какія послѣдствія? Если же имѣющій гнилую рану въ тѣлѣ не можетъ получить пользы отъ омовенія и очищенія поверхности, то какую пользу мы можемъ получить отъ чистоты тѣлесной, когда гніеніе находится въ душѣ? Никакой. Наши молитвы должны быть чисты; но молитвы не могутъ быть чистыми тогда, когда онѣ истекаютъ изъ души нечистой. Ничто не дѣлаетъ души столь нечистою, какъ любостяжаніе и хищеніе. Между тѣмъ есть люди, которые, совершивъ днемъ тысячи злыхъ дѣлъ, вечеромъ, вымывшись, входятъ въ церковь и съ великимъ дерзновеніемъ простираютъ руки, какъ бы освободившись отъ всѣхъ нечистотъ въ водѣ для омовенія. Если бы дѣйствительно было такъ, то мыться каждый день было бы весьма полезно; если бы дѣйствительно было такъ, если бы баня дѣлала человѣка чистымъ и избавляла отъ грѣховъ, то и я посѣщалъ бы ее непрестанно. Это забавно и смѣшно; это—шутки и дѣтскія игрушки. Богъ отвращается не отъ нечистоты тѣла, а отъ нечистоты души: послушай, что Онъ говоритъ: *блажени чистіи сердцемъ*,—тѣломъ ли?—нѣтъ, но—*сердцемъ чистіи, яко тіи Бога узрятъ* (Мѳ. v, 8). А что говоритъ пророкъ? *Сердце чисто созижди во мнѣ Боже* (Пс. L, 12); и еще: *омый отъ лукавства сердце твое* (Іер. iv, 14). Видишь ли, какъ все это маловажно и безполезно? Великое благо—имѣть навыкъ въ добрыхъ дѣлахъ. Когда душа пріобрѣла навыкъ, то не оставляетъ его и не рѣшается приступить къ молитвѣ, прежде нежели исполнитъ свое обычное дѣло. Напримѣръ: мы привыкли мыться и потомъ уже молиться, такъ что, не вымывшись, не дѣлаемъ этого, и скорѣе не станемъ молиться, нежели сдѣлаемъ это съ немытыми руками, какъ бы боясь оскорбить Бога и испытать угрызенія совѣсти. Если же такая маловажная привычка имѣетъ такую силу, что непремѣнно исполняется каждый день, то, пріучивъ себя къ милостынѣ и поставивъ себѣ постояннымъ правиломъ—никогда не входить съ пустыми руками въ домъ молитвы, мы сдѣлали бы доброе дѣло. Велика сила привычки и въ добрыхъ и въ злыхъ дѣлахъ; она сама влечетъ насъ, безъ всякаго труда съ нашей стороны. Многіе имѣютъ привычку—непрестанно полагать на себѣ крестное

знаменіе, и имъ уже ненужно, чтобы кто-нибудь напоминалъ объ этомъ, и часто бываетъ, что тогда какъ умъ блуждаетъ гдѣ-нибудь, рука, побуждаемая привычкою, какъ бы живымъ учителемъ, сама поднимается сдѣлать это знаменіе. Нѣкоторые пріучили себя не клясться, такъ что не сдѣлаютъ этого ни волею,
630 ни неволею. Пріобрѣтемъ же и мы себѣ привычку—творить милостыню. Какіе не стоило бы предпринять труды, чтобы пріобрѣсти это врачество? Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, если бы не было утѣшенія въ милостынѣ, то какъ горько плакали бы мы, совершивъ множество грѣховъ и сдѣлавъ себя достойными наказанія? Не говорили ли бы мы: все мы отдали бы, если бы деньгами можно было очистить грѣхи; не пощадили бы имущества, если бы деньгами можно было отвратить гнѣвъ Божій? Если мы поступаемъ такъ во время болѣзни и при смерти говоримъ: если бы можно было откупиться отъ смерти, мы отдали бы все свое имущество,—то тѣмъ болѣе нужно—здѣсь. Но посмотри, каково человѣколюбіе Божіе: Онъ далъ тебѣ возможность — откупиться отъ смерти не временной, а отъ смерти вѣчной. Покупай, говоритъ Онъ, не эту краткую жизнь, но ту жизнь—вѣчную; ту Я продаю тебѣ, а не эту, и не обманываю тебя. Если ты возьмешь эту, то ничего не возьмешь; я знаю, что важна та жизнь. Не такъ поступаютъ торговцы и продавцы жизненныхъ припасовъ; они позволяютъ себѣ обманывать, кого хотятъ, и даютъ малое за большое. Но Богъ поступаетъ не такъ; Онъ за малое даетъ гораздо большее. Скажи мнѣ: если бы ты пришелъ къ торговцу, у котораго лежатъ два камня—одинъ дешевый, а другой драгоцѣнный и составляющій значительное богатство, и отдавъ цѣну за малый, получилъ бы большой, то сталъ ли бы ты осуждать торговца? Конечно, нѣтъ, а напротивъ сталъ бы удивляться ему. Такъ и здѣсь предстоятъ двѣ жизни—временная и вѣчная; продаетъ ихъ Богъ; продаетъ намъ послѣднюю, а не первую; неужели же мы будемъ жалѣть, подобно неразумнымъ дѣтямъ, что получаемъ драгоцѣннѣйшее? Но развѣ можно, скажешь, купить жизнь вѣчную деньгами? Да, когда мы отдаемъ свое, а не чужое, когда не похищаемъ у другихъ. Но оно, скажешь, уже мое. Нѣтъ, похищенное не твое, а принадлежитъ тому, у кого похищено; оно чужое, хотя бы тысячу разъ ты назывался его владѣльцемъ. Когда ты получаешь что-нибудь въ залогъ, то, пока ввѣрившій тебѣ находится въ отсутствіи, оно не твое, хотя и лежитъ у тебя. Если же то, что дается намъ въ залогъ ввѣряющими добровольно и съ благодарностію, не есть наше, даже и тогда, когда находится у насъ, то тѣмъ болѣе не наше то, что мы похищаемъ у другихъ насильно и противъ ихъ воли. Онъ,

другой—владѣлецъ этого имущества, хотя бы оно тысячу разъ находилось у тебя. Истинно наше есть добродѣтель, а богатство не только чужое, но и наше — не наше; сегодня оно наше, а завтра не наше. Добродѣтель же—наша; она не отнимается, какъ имущество, но у всѣхъ, у кого есть, остается всецѣло. Будемъ же пріобрѣтать ее, а богатство презирать, чтобы получить намъ истинныя блага, которыхъ да сподобимся всѣ мы.

БЕСѢДА VII.

Сіе же вѣждь, яко въ послѣднія дни настанутъ времена 635—636
люта: будутъ бо человѣцы самолюбцы, сребролюбцы, величавы, горди, хульницы, родителемъ противящіися, неблагодарни, неправедни, нелюбовни, непримирительны, клеветницы, невоздержницы, некротцы, неблаголюбцы, предателе, нагли, напыщени, сластолюбцы паче нежели боголюбцы, имущіи образъ благочестія, силы же его отвергшіися. И сихъ отвращайся. Отъ сихъ бо суть поныряющіи въ домы и плѣняющіи женищца отягощенныя грѣхами, водимыя пожеланіями и похотми различными, всегда учащяся и николиже въ разумъ истины пріити могущія (2 Тим. ш, 1—7).

1. Въ первомъ посланіи (апостолъ) говорилъ: *духъ явственнѣ глаголетъ, яко въ послѣдняя времена отступятъ нѣцыи отъ вѣры* 637
(1 Тим. IV, 1), и въ другомъ мѣстѣ того же посланія предсказывалъ нѣчто подобное, имѣющее быть впослѣдствіи. Здѣсь онъ опять повторяетъ то же самое: *сіе же вѣждь*, говоритъ, *яко въ послѣднія дни настанутъ времена люта*, и доказываетъ это не только будущими событіями, но и прошедшими: *якоже*, говоритъ, *Іанній и Іамврій противистася Моисею* (ст. 8); равно какъ и собственными сужденіями: *въ велицѣмъ же дому не точію сосуди злати и сребряни суть* (2 Тим. п, 20). Для чего же онъ дѣлаетъ это? Для того, чтобы Тимоѳей, или кто-нибудь изъ насъ, не смущался, когда будутъ злые люди. Если, говоритъ, они были при Моисеѣ и будутъ послѣ, то нисколько неудивительно, что они бываютъ и при насъ. *Въ послѣднія дни настанутъ времена люта.* Не дни или времена осуждаетъ онъ, но людей, которые тогда будутъ. Такъ и мы имѣемъ обыкновеніе называть времена худыми и нехудыми, по свойству дѣлъ, совершаемыхъ въ теченіе ихъ людьми. Тотчасъ же онъ указываетъ и причину. Корень и источникъ всѣхъ золъ, отъ котораго всѣ они происходятъ,—чрезмѣрное са-

молюбіе. Преданный этой страсти не наблюдаетъ даже и за своими дѣлами. Кто не думаетъ о ближнемъ, не заботится объ его дѣлахъ, тотъ будетъ ли заботиться о своихъ? Какъ заботящійся о ближнемъ хорошо устрояетъ вмѣстѣ съ его дѣлами и свои собственныя, такъ презирающій дѣла ближняго будетъ презирать и свои собственныя. Въ самомъ дѣлѣ, если мы — члены другъ друга, то спасеніе ближняго касается не его только, но всего тѣла, и бѣдствіе ближняго не ограничивается имъ однимъ, но причиняетъ боль и всему тѣлу. Если мы—зданіе, то, когда страдаетъ одна часть, повреждается и все зданіе, а когда она тверда, то можетъ держаться и все прочее. Такъ и въ Церкви. Ты оказалъ презрѣніе брату? Этимъ ты причинилъ вредъ самому себѣ. Почему? Потому, что твой членъ потерпѣлъ немалый вредъ. Если неудѣляющій ближнему изъ своего имущества ввергается въ геенну, то видящій ближняго въ существеннѣйшей опасности и не подающій ему помощи тѣмъ болѣе подвергнется наказанію, чѣмъ важнѣе испытанный вредъ. *Будутъ бо*, говоритъ, *человѣцы самолюбцы*. Кто самолюбивъ, тотъ въ особенности и не любитъ себя; а кто братолюбивъ, тотъ и любитъ себя гораздо болѣе. Отсюда происходитъ сребролюбіе. Зараза и ограниченность самолюбія сокращаетъ и умаляетъ любовь, которая широка и простирается на всѣхъ. *Сребролюбцы*. Отсюда происходитъ гордость, отъ гордости—надменность, отъ надменности—злорѣчіе, отъ злорѣчія—непокорность и невѣріе. Дѣйствительно, надмевающійся предъ людьми легко будетъ надмеваться и предъ Богомъ. Такъ раждаются грѣхи; они часто восходятъ снизу вверхъ. Кто почтителенъ къ людямъ, тотъ будетъ тѣмъ болѣе благоговѣть предъ Богомъ; кто послушенъ подобнымъ себѣ рабамъ, тотъ будетъ тѣмъ болѣе покоренъ Владыкѣ; а кто презираетъ подобныхъ себѣ рабовъ, тотъ постепенно дойдетъ и до презрѣнія самого Бога. Не будемъ же презирать другъ друга. Это худая наука, которая научаетъ насъ презирать Бога; и даже тѣмъ самымъ, что мы презираемъ другъ друга, мы уже оказываемъ презрѣніе къ Богу, который повелѣлъ намъ имѣть великое попеченіе другъ о другѣ. Если хотите, я поясню это иначе,—примѣромъ. Каинъ презрѣлъ брата, и тотчасъ же оказалъ презрѣніе и къ Богу. Какимъ образомъ? Посмотри, какъ оскорбительно отвѣчаетъ онъ Богу: *еда
638 стражъ есмь брату моему* (Быт. IV, 9)? Также Исавъ презрѣлъ брата, и оказалъ презрѣніе и къ Богу. Поэтому и сказалъ Богъ: *Іакова возлюбихъ, Исава же возненавидѣхъ* (Рим. IX, 13). Потому и Павелъ говоритъ: *да не кто блудодѣй, или сквернитель, якоже Исавъ* (Евр. XII, 16). Презирали Іосифа братья, оказали презрѣніе и къ Богу. Презирали израильтяне Моисея, оказали презрѣніе и къ

Богу. Также сыновья Илія презирали народъ, оказали презрѣніе и къ Богу. Хочешь ли видѣть примѣры противнаго? Авраамъ былъ снисходителенъ къ племяннику, былъ послушенъ и Богу, какъ видно изъ послушанія его касательно сына Исаака и изъ всѣхъ прочихъ его добродѣтелей. Также и Авель, будучи кротокъ въ отношеніи къ брату, былъ благочестивъ и въ отношеніи къ Богу. Не будемъ же презирать другъ друга, чтобы намъ не научиться презирать и Бога; будемъ почитать другъ друга, чтобы намъ научиться почитать и Бога. Дерзкій въ отношеніи къ людямъ становится дерзкимъ и въ отношеніи къ Богу. А когда сребролюбіе, самолюбіе и непокорность соединяются вмѣстѣ, то чего еще не достаетъ для совершенной погибели? Тогда все развращается и образуется огромное болото грѣховъ. *Неблагодарни*, говоритъ. Дѣйствительно, какъ можетъ быть благодарнымъ сребролюбецъ? Кому будетъ онъ воздавать благодарность? Никому. Онъ считаетъ всѣхъ своими врагами, желая у всѣхъ отнять все. Хотя бы ты отдалъ ему все свое имущество, онъ не изъявитъ тебѣ никакой благодарности, но будетъ досадовать, что ты не имѣлъ бóльшаго богатства и не сдѣлалъ его обладателемъ большаго. Хотя бы ты сдѣлалъ его владыкою вселенной, онъ не изъявитъ тебѣ благодарности, но будетъ думать, что онъ ничего не получилъ. Его желаніе ненасытимо, потому что это—болѣзненное желаніе, а болѣзненныя желанія всегда таковы.

2. Какъ страдающій горячкою никогда не можетъ напиться, но постоянно чувствуетъ жажду и никогда не утоляетъ желанія пить, такъ и одержимый страстію къ богатству никогда не можетъ насытить своего желанія. А не насыщаясь никогда, онъ не будетъ и благодаренъ тебѣ, сколько бы ты ни давалъ ему. Онъ будетъ благодаренъ только тому, кто дастъ ему столько, сколько онъ желаетъ; но этого никто не можетъ сдѣлать, потому что желаніе его безмѣрно; слѣдовательно, онъ и не можетъ быть никому благодарнымъ. Нѣтъ человѣка столь неблагодарнаго, какъ сребролюбецъ; нѣтъ столь безчувственнаго, какъ корыстолюбецъ; онъ врагъ всей вселенной; онъ досадуетъ, что существуютъ (другіе) люди; онъ желаетъ, чтобы вездѣ была пустыня и чтобы онъ одинъ обладалъ всѣмъ; и многое подобное онъ думаетъ. О, если бы, говоритъ онъ, случилось въ городѣ землетрясеніе, и всѣ были бы поглощены землею, а я одинъ остался бы и взялъ бы, если возможно, имущество всѣхъ; о, если бы наступила зараза, и погубила всѣхъ, не коснувшись золота; о, если бы случилось наводненіе, или разливъ моря! И множество подобныхъ мыслей держитъ онъ въ умѣ, а доброй—ни одной, и желаетъ только землетрясеній, пожаровъ, войнъ, моровыхъ язвъ и тому подобнаго. Но скажи

мнѣ, жалкій, несчастный и презрѣннѣйшій всякаго раба, если бы все сдѣлалось золотомъ, то не лишился ли бы ты золота, погибши отъ голода? Если бы случилось землетрясеніе, то при разрушеніи вселенной погибъ бы и ты съ своею пагубною страстію; если бы на землѣ не стало людей, то некому было бы приготовлять нужное и для твоей жизни. Представимъ, — хотя это нелѣпо и невозможно, — представимъ, что всѣ люди во вселенной вдругъ изчезли, и ихъ золото и серебро само собою перешло къ тебѣ, и все ихъ богатство—золото, серебро, шелковыя одежды, золотыя вещи сами собою перешли въ твои руки: какая будетъ тебѣ польза? Тогда скоро постигла бы тебя смерть, потому что не стало
639 бы ни хлѣбниковъ, ни земледѣльцевъ, умножились бы дикіе звѣри, и бѣсы овладѣли бы твоею душею. И теперь обладаютъ ею многіе бѣсы; а тогда они свели бы тебя съ ума и скоро погубили бы. Нѣтъ, скажешь, я не хотѣлъ бы этого; пусть будутъ и земледѣльцы, и хлѣбники. Но и они должны будутъ издерживать на себя что-нибудь? Нѣтъ, говоришь, я не хочу, чтобы они издерживали. Такъ ненасытима эта страсть! Чтò можетъ быть ея смѣшнѣе? Видишь ли нелѣпость? Онъ хочетъ имѣть у себя множество слугъ, и скорбитъ, что они употребляютъ пищу, и тѣмъ уменьшаютъ его имущество. Неужели, скажи мнѣ, ты желаешь, чтобы люди были каменные? Все это смѣшно; это—волны, буря, вихрь, треволненіе и великое смятеніе въ душѣ, которая постоянно алчетъ и постоянно жаждетъ. Не достоинъ ли такой человѣкъ, скажи мнѣ, сожалѣнія и слезъ? Есть тѣлесная болѣзнь, подобная этому и весьма мучительная, называемая у врачей волчьимъ голодомъ, когда человѣкъ, принимая множество пищи, не перестаетъ чувствовать голодъ: не достойна ли слезъ такая же болѣзнь въ душѣ? Подлинно, сребролюбіе есть волчій голодъ души, которая поглощаетъ много, но никогда не удовлетворяется и постоянно мучится желаніемъ. Если бы нужно было принимать чемерицу или испытать что-нибудь въ тысячу разъ непріятнѣйшее, чтобы избавиться отъ этой страсти, то не слѣдуетъ ли охотно рѣшиться на все? Нѣтъ такого обилія богатства, которое могло бы наполнить ненасытное чрево. Не стыдно ли послѣ этого намъ, когда иные такъ неистово пристрастны къ богатству, а мы не показываемъ даже малѣйшей части такой любви въ отношеніи къ Богу, такъ что Богъ для насъ малоцѣннѣе денегъ? Для денегъ люди переносятъ и безсонныя ночи, и путешествія, и непрестанныя опасности, и ненависть, и обиды, и все; а для Бога мы не хотимъ даже сказать слово, или навлечь на себя чей-нибудь гнѣвъ; если нужно защитить кого-нибудь изъ притѣсняемыхъ, то, боясь гнѣва властителей и непріятностей, мы

предаемъ обижаемаго; получивъ отъ Бога силу—подавать помощь, мы теряемъ ее, не желая подвергнуться чьей-нибудь враждѣ или ненависти. Многіе при этомъ ссылаются на пословицу, которая говоритъ: пусть любятъ тебя напрасно, а не ненавидятъ напрасно. Но здѣсь развѣ напрасной ты подвергаешься ненависти? Что можетъ быть лучше такой ненависти? Ненависть за Бога гораздо лучше любви за Него; когда любятъ насъ для Бога, то мы дѣлаемся должниками Его за такую честь, а когда ненавидятъ насъ, то Онъ самъ дѣлается должникомъ, за которымъ остается наша награда. Сребролюбцы, сколько бы ни любили богатства, не знаютъ мѣры въ любви; а мы, сдѣлавъ что-нибудь малое для Бога, думаемъ, что уже сдѣлали все. Мы не любимъ Бога такъ, какъ они любятъ золото, и даже на малѣйшую часть того. Великаго осужденія достойны они, что столь неистово пристрастны къ золоту; великаго осужденія достойны и мы, что не такъ же пристрастны къ Богу, что не воздаемъ Владыкѣ всѣхъ такой же чести, какую они воздаютъ землѣ,—вѣдь золотой металлъ—та же земля.

3. Посмотримъ на ихъ безуміе, и сами устыдимся. Что изъ того, что мы не горимъ страстію къ золоту, если мы и Богу не молимся усердно? Для золота люди забываютъ о женѣ, о дѣтяхъ, о жизни и самомъ своемъ спасеніи, при томъ не зная, умножатъ ли они свое богатство, потому что многіе, послѣ напрасныхъ трудовъ, среди самыхъ надеждъ, испускали духъ и умирали; а мы 640
знаемъ, что получимъ желаемое, если будемъ любить Бога, какъ слѣдуетъ любить, и однако не любимъ, но оскудѣли во всемъ—и въ любви къ ближнему, и въ любви къ Богу,—въ любви къ Богу потому, что (оскудѣли) въ любви къ ближнему. Дѣйствительно, человѣкъ незнающій любви не можетъ, поистинѣ не можетъ имѣть благородныхъ и великодушныхъ чувствованій. Основаніе всего добраго есть не что иное, какъ любовь. На ней, говоритъ Господь, *законъ и пророцы висятъ* (Мѳ. XXII, 40). Какъ огонь, попавши въ лѣсъ, обыкновенно очищаетъ все, такъ и жаръ любви, если разгорится въ комъ-нибудь, то очищаетъ и истребляетъ все, вредное для божественнаго сѣмени, и дѣлаетъ землю чистою для принятія этого сѣмени. Гдѣ любовь, тамъ истребляется все злое, тамъ нѣтъ ни сребролюбія—корня золъ, ни корыстолюбія, ни гордости, потому что можетъ ли кто гордиться предъ человѣкомъ любимымъ? Ничто не дѣлаетъ столь смиреннымъ, какъ любовь. Существамъ любимымъ мы служимъ, какъ рабы, и не стыдимся, но еще благодаримъ ихъ за такое рабство; для нихъ мы не щадимъ своихъ денегъ, а иногда и тѣлесныхъ силъ,—случалось, что за любимаго подвергались опасностямъ. Гдѣ лю-

бовь, тамъ нѣтъ ни зависти, ни злословія; мы не только сами не злословимъ любимыхъ, но заграждаемъ уста и другимъ, злословящимъ ихъ; тамъ все тихо, все спокойно, нѣтъ и слѣда разногласій и ссоръ, все исполнено мира: *исполненіе закона*, говоритъ (апостолъ), *любы* (Рим. XIII, 10); при ней нѣтъ ничего, производящаго непріятности. Почему? Потому, что самые грѣхи— любостяжаніе, хищеніе, зависть, злословіе, надменность, клятвопреступленіе, ложь, все это исчезаетъ тамъ, гдѣ есть любовь. Клятвопреступники нарушаютъ клятву, желая отнять что-нибудь у другого; но у любимаго никто не станетъ отнимать, а отдастъ ему и свое, и еще будетъ благодаренъ ему болѣе, нежели получая отъ него. Это знаете вы, которые имѣли друзей, друзей не по имени только и по одному названію, но такихъ, которыхъ любили, какъ должно, къ которымъ были привязаны. А кто не знаетъ этого, тотъ пусть спроситъ у знающихъ.

Я разскажу вамъ теперь примѣръ дивной дружбы изъ Св. Писанія. Іонаѳанъ, сынъ Саула, полюбилъ Давида, *и спряжеся съ нимъ душа* (1 Цар. XVIII, 1), такъ что Давидъ оплакивая его, говоритъ: напала на меня любовь *твоя*, какъ любовь женская: *до смерти язвенъ* ми (2 Цар. I, 25, 26). Что же? Завидовалъ ли онъ Давиду? Нѣтъ, хотя и имѣлъ причину завидовать. Какую? Онъ видѣлъ изъ обстоятельствъ, что царство перейдетъ къ Давиду, и однако не чувствовалъ ничего подобнаго, не говорилъ: онъ лишаетъ меня отцовскаго царства; но еще содѣйствовалъ ему къ полученію власти и не щадилъ отца для друга. Не сочтите его отцеубійцею; нѣтъ,—онъ не оскорблялъ отца, но удерживалъ его отъ козней и несправедливостей; онъ болѣе дѣлалъ ему добра, нежели зла, не допуская его совершить неправедное убійство. Онъ неоднократно рѣшался даже умереть за друга; не только не злословилъ его, но удерживалъ и отца отъ злословія; не только не завидовалъ, но и содѣйствовалъ Давиду; не только давалъ ему деньги, но и спасъ ему жизнь. Что я говорю о деньгахъ? Онъ полагалъ за него душу свою. Онъ не боялся отца своего для друга, потому что тотъ рѣшался на дѣла неправед-
641 ныя, а онъ не сознавалъ за собою ничего подобнаго. Такова была дружба его съ праведникомъ, таковъ былъ Іонаѳанъ! Посмотримъ теперь и на Давида. Онъ не имѣлъ времени вознаградить Іонаѳана, который былъ похищенъ смертію прежде, нежели Давидъ получилъ власть; благодѣтель погибъ прежде, нежели получившій благодѣянія вступилъ на царство. Что же? Посмотримъ, какъ праведникъ оказывалъ ему дружбу, насколько и чѣмъ было можно. *Красный ми*, говорилъ онъ, *Іонаѳане: до смерти язвенъ* ми (2 Цар. I, 25, 26). Но только ли? Не маловажно и это; но кромѣ

того, помня любовь отца, онъ часто избавлялъ отъ опасностей его сына и внука; и постоянно защищалъ и сохранялъ потомковъ его, какъ бы своего сына. Такую любовь желаю я, чтобы имѣли всѣ и къ живымъ, и къ умершимъ.

4. Пусть выслушаютъ тѣ жены,—для нихъ особенно я и прибавилъ: и къ умершимъ,—которыя вступаютъ во второй бракъ и оскверняютъ ложе умершаго мужа, любимаго прежде. Я не осуждаю второго брака и не считаю его распутствомъ, когда говорю такъ; это запрещаетъ мнѣ и налагаетъ узду на уста мои Павелъ, который говоритъ женамъ: *аще и посягнетъ, не согрѣшила есть* (1 Кор. VII, 28). Но посмотримъ, что говоритъ онъ далѣе. *Блаженнѣйша же есть, аще тако пребудетъ* (ст. 40). Послѣднее гораздо лучше перваго. Почему? По многимъ причинамъ. Если же совершенно не вступать въ бракъ лучше, нежели вступать, то тѣмъ болѣе вдовство лучше второго брака. Но, скажешь, нѣкоторыя не могли перенести вдовства и подверглись опасностямъ? Онѣ не знали, что такое вдовство. Вдовство состоитъ не въ томъ, чтобы не вступать во второй бракъ, подобно какъ и дѣвство не въ томъ, чтобы оставаться непричастнымъ браку. Но въ чемъ? Какъ тамъ нужна благопристойность и постоянная скромность, такъ и здѣсь—уединеніе, постоянство въ молитвахъ, удаленіе отъ роскоши и сластолюбія: *питающаяся пространно*, говоритъ (апостолъ), *жива умерла* (1 Тим. V, 6). Если ты, оставшись вдовою, хочешь имѣть ту же роскошь, то же великолѣпіе, то же одѣяніе, какія имѣла при мужѣ, то лучше тебѣ выдти замужъ, потому что не супружество—зло, а невоздержаніе. Ты же, не дѣлая того, что само по себѣ не зло, дѣлаешь то, что не безразлично, но достойно осужденія. Потому и уклонились нѣкоторыя вслѣдъ сатаны, что не умѣли хорошо соблюдать вдовство. Хочешь ли узнать, что такое вдова и въ чемъ состоитъ достоинство вдовы? Послушай Павла, который говоритъ: *аще чада воспитала есть, аще странныя пріятъ, аще святымъ нозѣ умы, аще скорбныхъ снабдѣ, аще всякому дѣлу благу послѣдовала есть* (1 Тим. V, 10). Если ты, по смерти мужа, окружаешь себя роскошью богатства, то поистинѣ ты не соблюдаешь вдовства. Переведи же это богатство на небо, и бремя вдовства сдѣлается для тебя легкимъ. Но что, скажешь, если у меня есть дѣти, наслѣдники отцовскаго имѣнія? Научи и ихъ презирать 642
богатство; переведи свое, выдѣливъ имъ столько, сколько нужно; учи и ихъ быть выше имущества. Но, скажешь, меня окружаютъ толпы рабовъ, множество дѣлъ, золота и серебра: какъ я могу сберечь все это безъ помощи мужа? Все это предлогъ и отговорка, какъ видно изъ многихъ обстоятельствъ. Если ты не

привязана къ богатству и не хочешь умножать своего имущества, то твое бремя легко; сохранять богатство гораздо легче, нежели пріобрѣтать. Если ты уничтожишь одно зло—желаніе пріобрѣтенія, и изъ имѣнія своего будешь помогать нуждающимся, то Богъ оградитъ тебя своею десницею; и если ты говоришь это, дѣйствительно заботясь о наслѣдствѣ сиротъ, а не предаваясь подъ этимъ предлогомъ сребролюбію, то Испытующій сердца знаетъ, какъ сохранить въ безопасности богатство ихъ, когда Онъ самъ повелѣлъ воспитывать дѣтей. Не можетъ быть, поистинѣ не можетъ быть, чтобы домъ, утвержденный на милостыни, потерпѣлъ какое-нибудь бѣдствіе; а если и потерпитъ на время, то это послужитъ къ его благу; это будетъ лучше оружія и щита для всякаго такого дома. Послушай, что говоритъ діаволъ объ Іовѣ: *не ты ли оградилъ еси внѣшняя его и внутренняя* (Іов. I, 10)? За что? О томъ, послушай, какъ говоритъ самъ Іовъ: *око бѣхъ слѣпымъ*, говоритъ онъ, *нога же хромымъ, отецъ немощнымъ* (Іов. XXIX, 15, 16). Какъ тотъ, кто не отвращается отъ чужихъ несчастій, никогда не испытаетъ страданій на самомъ себѣ, научившись сострадать другимъ, такъ и тотъ, кто не хочетъ переносить скорби сострадані, испытаетъ все это на себѣ. Какъ въ тѣлѣ; если рука не будетъ сострадать загноившейся ногѣ, очищать ея рану, прилагать лѣкарство и омывать гной, то сама испытаетъ то же бѣдствіе; если не хочетъ послужить другому члену, будучи свободна отъ страданія, то сама на себѣ испытаетъ это страданіе,—потому что зло, распространившись, достигнетъ и до нея, и ей должно будетъ заботиться уже не о служеніи другому члену, но о собственномъ исцѣленіи и спасеніи,—такъ точно и здѣсь, кто не хочетъ сострадать другимъ, тотъ пострадаетъ самъ. *Оградилъ еси*, говоритъ діаволъ, *внутренняя и внѣшняя*, и я не смѣю приступить къ нему. Однако, скажешь, Іовъ потерпѣлъ бѣдствія. Но эти бѣдствія сдѣлались для него причиною многихъ благъ: сугубаго имущества, большаго воздаянія, высшаго правосудія, свѣтлыхъ вѣнцовъ, блистательныхъ наградъ; духовныя и житейскія блага его умножились. Онъ лишился дѣтей? Но опять получилъ не тѣхъ же самыхъ, а другихъ вмѣсто тѣхъ, да и тѣхъ получитъ при воскресеніи. Если бы онъ опять получилъ тѣхъ же самыхъ, то число дѣтей его было бы меньше; а теперь, получивъ другихъ вмѣсто прежнихъ, онъ представитъ и тѣхъ при воскресеніи. Все это произошло съ нимъ потому, что онъ былъ усерденъ въ раздаяніи милостыни. Будемъ же такъ поступать и мы, чтобы намъ сподобиться тѣхъ же благъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа. Аминь.

БЕСѢДА VIII.

Сіе же вѣждь, яко въ послѣднія дни настанутъ времена люта. Будутъ бо человѣцы самолюбцы, сребролюбцы, величавы, горди, хульницы, родителемъ противящіися, неблагодарни, неправедни, нелюбовни, непримирителни, клеветницы, невоздержницы, некротцы, неблаголюбцы, предателе, нагли, напыщени, сластолюбцы паче, нежели боголюбцы (2 Тим. ш, 1—4). 641—642

1. Кто скорбитъ о томъ, что нынѣ есть еретики, тотъ пусть знаетъ, что такъ было и издревле, что діаволъ всегда примѣшивалъ ложь къ истинѣ. Въ началѣ Богъ обѣщалъ блага, и діаволъ пришелъ съ обѣщаніями; Богъ насадилъ рай, а діаволъ прельстилъ людей, сказавъ: *будете яко бози* (Быт. ш, 5); не показывая ничего на дѣлѣ, онъ много обѣщалъ на словахъ. Таковы всѣ обманщики! Послѣ того были Каинъ и Авель, потомъ сыны Сиѳовы и дщери 643
человѣческія, далѣе Хамъ и Іафетъ, Авраамъ и фараонъ, Іаковъ и Исавъ, и такъ до конца—Моисей и волхвы, пророки и лжепророки, апостолы и лжеапостолы, Христосъ и антихристъ. Такимъ образомъ и прежде было то же; и при апостолахъ были Ѳевда, и Симонъ, и послѣдователи Гермогена и Филита. Итакъ, нѣтъ времени, когда бы ложь не примѣшивалась къ истинѣ. Не будемъ же скорбѣть; объ этомъ предсказано издревле. Поэтому (апостолъ) и сказалъ: *вѣждь, яко въ послѣднія дни настанутъ времена люта. Будутъ бо человѣцы самолюбцы, сребролюбцы, величавы, горди, хульницы, родителемъ противящіися, неблагодарни, неправедни, нелюбовни.*

Итакъ, неблагодарный вмѣстѣ и нечестивъ; и справедливо. Каковъ въ самомъ дѣлѣ долженъ быть въ отношеніи къ другимъ тотъ, кто неблагодаренъ къ благодѣтелю? Неблагодарный вѣроломенъ; неблагодарный недружелюбенъ. *Клеветници*, т. е. склонные къ злословію. Люди, не сознающіе за собою ничего добраго и находящіе какъ бы утѣшеніе въ порицаніи мнѣній другихъ, много ошибаются и грѣшатъ. *Невоздержницы*, и въ языкѣ, и въ чревѣ, и во всемъ другомъ. *Некротцы:* эта жестокость и грубость бываетъ у того, кто сребролюбивъ, кто самолюбивъ, неблагодаренъ, сластолюбивъ. *Неблаголюбцы, предателе, нагли. Предателе*—дружбы; *нагли*, т. е. неимѣющіе въ себѣ ничего основательнаго. *Напыщени*, т. е. исполненные надменности. *Сластолюбцы паче, нежели боголюбцы, имущіи образъ благочестія, силы же его отвергшіися.* Такъ и въ посланіи къ Римлянамъ (апостолъ) говоритъ: *имуща образъ разума и истины въ законѣ* (Рим. п, 20). Но тамъ онъ говоритъ въ по-

хвалу, а здѣсь представляетъ это изъ всѣхъ недостатковъ самымъ тяжкимъ грѣхомъ. Почему же? Потому, что употребляетъ одно и то же слово не въ одномъ и томъ же смыслѣ. Словомъ: *образъ* онъ выражаетъ иногда подобіе, а иногда нѣчто бездушное и ничтожное. Напримѣръ, самъ онъ говоритъ въ посланіи къ Коринѳянамъ: *мужъ убо не долженъ есть покрывати главу, образъ и слава Божія сый* (1 Кор. XI, 7); а пророкъ говоритъ: *убо образомъ ходитъ человѣкъ* (Пс. XXXVIII, 7). Также словомъ: *левъ* Писаніе выражаетъ иногда царское достоинство: *уснулъ яко левъ, и яко скименъ: кто возбудитъ его* (Быт. XLIX, 9)?—а иногда хищность: *яко левъ восхищаяй и рыкаяй* (Пс. XXI, 13). То же и мы дѣлаемъ. Такъ какъ предметы сложны и разнообразны, то они справедливо изображаются многоразличными примѣрами и подобіями; напримѣръ, когда мы хотимъ похвалить красивую женщину, то сравниваемъ ее съ картиною; а когда хотимъ похвалить картину, то утверждаемъ, что она говоритъ, изъясняется. Но въ этихъ случаяхъ мы дѣлаемъ не одно и то же: въ первомъ выражаемъ, что женщина близка къ изображенію, а въ послѣднемъ,—что изображеніе близко къ красотѣ. Такъ и словомъ: *образъ* (апостолъ) выражаетъ тамъ—образецъ, изображеніе, ученіе, первообразъ благочестія, а здѣсь—нѣчто бездушное и мертвое, одну наружность, видъ, лицемѣріе. Итакъ, вѣра безъ дѣлъ есть только наружный видъ безъ силы; и справедливо. Какъ тѣло красивое и цвѣтущее, но не имѣющее силы, подобно нарисованному изображенію, такъ и правая вѣра безъ дѣлъ. Представимъ, что какой-нибудь сребролюбецъ, предатель, или наглый человѣкъ содержитъ правую вѣру: что въ этомъ пользы, если онъ не имѣетъ ничего приличнаго христіанину, если онъ не дѣлаетъ ничего свойственнаго благо-
641 честію, но превосходитъ язычниковъ своимъ нечестіемъ, если онъ служитъ заразою для близкихъ къ нему и поводомъ къ хулѣ на Бога, если онъ позоритъ ученіе своими дѣлами? *И сихъ*, говоритъ (апостолъ), *отвращайся*. Но если такіе люди будутъ въ послѣднія времена, то какъ онъ говоритъ: *и сихъ отвращайся?* Вѣроятно, и тогда было нѣсколько такихъ, хотя и не въ такой степени нечестивыхъ, но было. Несомнѣнно же то, что чрезъ Тимоѳея онъ увѣщеваетъ всѣхъ—удаляться отъ такихъ людей. *Отъ сихъ бо суть*, говоритъ онъ, *понырающіи въ домы, и плѣняющіи женища, отягощенныя грѣхами, водимыя похотми различными, всегда учащяся, и николиже въ разумъ истины пріити могущія* (ст. 6, 7).

2. Видишь ли, какъ эти люди подражаютъ древнему обольстителю, употребляютъ то оружіе, которое діаволъ употребилъ противъ Адама? *Понырающіи въ домы.* Видишь ли, какъ словомъ: *понырающіи* (апостолъ) выражаетъ ихъ безстыдство, безчестность,

обманъ, обольщеніе? *И плѣняющіи женища.* Итакъ, кто легко предается обольщенію, тотъ—женщина, а не мущина; предаваться обольщенію свойственно женщинамъ, или лучше, не женщинамъ, а *женищамъ. Отягощенныя грѣхами.* Вотъ, отчего и онѣ предаются обольщеніямъ,—отъ грѣховъ, оттого, что не знаютъ за собою ничего добраго! И весьма точно сказалъ онъ: *отягощенныя*, выражая этимъ множество грѣховъ ихъ, безпорядочность и непристойность. *Водимыя похотми различными.* Не природу онъ осуждаетъ,—не просто сказалъ: женщинъ, но именно такихъ женщинъ. Что значитъ: *различными?* Здѣсь онъ разумѣетъ многое: роскошь, безстыдство, развратъ. *Различными*, говоритъ, *похотми*, т. е. корыстолюбіемъ, славолюбіемъ, сластолюбіемъ, тщеславіемъ, честолюбіемъ; а можетъ быть, указываетъ и на другія постыдныя пожеланія. *Всегда учащяся, и николиже въ разумъ истины пріити могущія.* Для чего онъ говоритъ это? Не для того, чтобы оправдать ихъ, но чтобы сильнѣе обличить. Онѣ погрязли въ этихъ похотяхъ и грѣхахъ, и потому отупѣлъ ихъ разумъ. *Якоже и Іанній и Іамврій противистася Моисею, такожде и сіи противляются истинѣ* (ст. 8). Кто были эти волхвы при Моисеѣ, и почему имена ихъ не упоминаются нигдѣ въ другомъ мѣстѣ? Вѣроятно, они сохранились въ неписанномъ преданіи, или открыты Павлу (Святымъ) Духомъ. *Такожде и сіи*, говоритъ, *противляются истинѣ, человѣцы растлѣнни умомъ и неискусни о вѣрѣ: но не преуспѣютъ болѣе. Безуміе бо ихъ явлено будетъ всѣмъ, якоже и онѣхъ бысть* (ст. 9). *Но не преуспѣютъ*, говоритъ. Какъ же въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *наипаче преспѣютъ въ нечестіе* (2 Тим. II, 16); а здѣсь: *не преуспѣютъ?* Тамъ онъ утверждаетъ, что еретики, начавъ вводить новизну и заблужденія, не останавливаются, но постоянно изобрѣтаютъ новыя обольщенія и неправыя ученія, потому что заблужденіе никогда не останавливается. А здѣсь онъ утверждаетъ, что они не обольстятъ, не увлекутъ (вѣрующихъ), хотя сначала, повидимому, и совращаютъ нѣкоторыхъ, но сами будутъ обличены скоро. Это выражаетъ онъ дальнѣйшими словами: *безуміе бо ихъ явлено будетъ всѣмъ.* Какимъ образомъ? Всецѣло. *Якоже и онѣхъ бысть.* Заблужденія, хотя сначала и успѣваютъ, но до конца не остаются. Таково все то, что не по существу своему хорошо, а только кажется хорошимъ; оно на время успѣваетъ, а потомъ обнаруживается и погибаетъ. Но не таково наше ученіе; и сви- 645
дѣтель этому—ты (говоритъ апостолъ Тимоѳею); наше ученіе не ложь; кто вѣдь рѣшится умереть за ложь? *Ты же послѣдовалъ еси моему ученію* (ст. 10). Потому будь твердъ; ты не просто принялъ его, но *послѣдовалъ.* Здѣсь (апостолъ) выражаетъ, что уже много прошло лѣтъ со времени обращенія (Тимоѳея). *Послѣдовалъ уче-*

нію,—это сказано о словѣ. *Житію,*—это о жизни. *Привѣту,*—это объ усердіи и расположеніи душевномъ. И я самъ, говоритъ, не училъ только, не на словахъ только любомудрствовалъ, но исполнялъ и на дѣлѣ. *Вѣрѣ, долготерпѣнію:* ничто подобное, говоритъ, не смущало меня. *Любви,* которой тѣ люди не имѣютъ. *Терпѣнію,* котораго они также не имѣютъ. *Долготерпѣнію,* которое я, говоритъ, много оказывалъ еретикамъ. *Терпѣнію* — въ гоненіяхъ. *Изгнаніемъ, страданіемъ.* Учителя смущаютъ два обстоятельства: то, что есть множество еретиковъ, и то, что трудно терпѣть мученія. Но объ еретикахъ онъ уже говорилъ много, именно, что они и прежде были и будутъ, что нѣтъ времени, когда бы ихъ не было, что они не могутъ нисколько вредить намъ, что въ мірѣ есть сосуды золотые и серебряные. Теперь же, какъ видишь, онъ бесѣдуетъ о страданіяхъ. *Якова ми быша во Антіохіи, во Иконіи, въ Листрѣхъ.* Почему изъ многихъ мѣстъ онъ упоминаетъ только объ этихъ? Потому, что прочія были извѣстны этому мужу (Тимоѳею); а можетъ быть потому, что онъ говоритъ о событіяхъ новыхъ, а не древнихъ; и не исчисляетъ ихъ всѣхъ порознь,—потому что онъ не былъ тщеславенъ и честолюбивъ; говоритъ не для прославленія себя, а для утѣшенія ученика. Онъ говоритъ здѣсь объ Антіохіи писидійской и Листрѣ, откуда происходилъ Тимоѳей. *Якова изгнанія пріяхъ.* Двоякое утѣшеніе: и въ томъ, что я оказалъ мужественную ревность, и въ томъ, что я не былъ оставленъ: нельзя сказать, что Богъ оставилъ меня, но Онъ уготовалъ мнѣ свѣтлѣйшій вѣнецъ. *Якова,* говоритъ, *изгнанія пріяхъ, и отъ всѣхъ мя избавилъ есть Господь. И вси же хотящіи благочестно жити о Христѣ Іисусѣ, гоними будутъ* (ст. 11, 12).

3. Но что́, продолжаетъ (апостолъ), я говорю о себѣ? Каждый, желающій жить благочестиво, будетъ гонимъ. Подъ гоненіями онъ разумѣетъ здѣсь скорби, печали. Подлинно, невозможно человѣку, идущему путемъ добродѣтели, быть безъ печали, сѣтованія, скорби, искушеній. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это возможно тому, кто идетъ путемъ тѣснымъ и скорбнымъ, тому, кто слышалъ: *въ мірѣ* скорбь имѣть *будете* (Іоан. XVI, 33)? Если Іовъ въ свое время говоритъ: *искушеніе житіе человѣку на земли* (Іов. VII, 1), то не гораздо ли больше теперь? *Лукавіи же человѣцы и чародѣи преуспѣютъ на горшее, прельщающе и прельщаеми* (ст. 13). Пусть тебя нисколько не смущаетъ, говоритъ, если они благоденствуютъ, а ты подвергаешься искушеніямъ; таковъ порядокъ вещей; изъ моего примѣра ты можешь видѣть, что человѣку, который борется со зломъ, невозможно не испытывать скорбей. Борцу невозможно предаваться нѣгѣ, воину въ сраженіи невозможно пиршествовать. Поэтому никто изъ находящихся въ борьбѣ

пусть не ищетъ покоя, не предается наслажденіямъ. Настоящее время есть время борьбы, сраженія, скорбей, воздыханій, есть поприще подвиговъ. Время покоя будетъ послѣ; а теперь—время усилій и трудовъ. Никто, раздѣвшись и помазавшись для борьбы, не думаетъ о покоѣ. Если же ты ищешь покоя, то для чего и 646
раздѣлся, для чего устремляешь руки противъ врага? А развѣ мнѣ, скажешь, не устремлять ихъ теперь? Для чего же, если ты не воздерживаешь пожеланій, если не обуздываешь насилія природы? *Ты же пребывай*, говоритъ, *въ нихже наученъ еси и яже ввѣрена суть тебѣ, вѣдый, отъ кого научился еси, и яко изъ млада священная писанія умѣеши, могущая тя умудрити во спасеніе, вѣрою, яже о Христѣ Іисусѣ* (ст. 14—15). Что это значитъ? Какъ пророкъ Давидъ увѣщевалъ: *не ревнуй лукавнующимъ* (Пс. xxxvi, 1), такъ и онъ увѣщеваетъ: *ты же пребывай, въ нихже наученъ еси и яже ввѣрена суть тебѣ.* Не просто: *наученъ еси*, но: *ввѣрена суть тебѣ*, т. е. чему ты твердо увѣровалъ. Чему же я увѣровалъ? Тому, что такова—жизнь. Не смущайся же, если ты увидишь противное тому, чему вѣруешь; и Авраамъ видѣлъ противное (своей вѣрѣ), однако нисколько не смущался; онъ слышалъ, что *во Исаацѣ наречется тебѣ сѣмя* (Быт. xxi, 12), между тѣмъ получилъ повелѣніе заклать Исаака, и однако не смутился и не усумнился. Итакъ никто пусть не соблазняется зломъ; о немъ Писаніе предсказало издревле. Но что, если бы добрые веселились, а злые наказывались? Одно можетъ быть, но другое нѣтъ; злые могутъ терпѣть наказаніе, но добрымъ постоянно радоваться невозможно. Съ Павломъ никто сравниться не можетъ: но и онъ проводилъ всю жизнь въ скорби, въ слезахъ, въ рыданіяхъ, днемъ и ночью. *Три лѣта*, говоритъ онъ, *нощь и день не престаяхъ, уча со слезами* (Дѣян. xx, 31); и еще: *нападеніе* на меня *еже по вся дни* (2 Кор. xi, 26). Не такъ онъ жилъ, чтобы сегодня радоваться, а завтра скорбѣть, но не переставалъ скорбѣть ежедневно. Какъ же онъ говоритъ, что *лукавіи преуспѣютъ на горшее?* Онъ не сказалъ, что они наслаждаются покоемъ, но *преуспѣютъ на горшее;* это—преуспѣяніе во злѣ; не сказалъ, что они будутъ благоденствовать. А когда они подвергаются наказанію, то наказываются для того, чтобы ты не думалъ, будто грѣхи остаются ненаказанными. Такъ какъ геенна не можетъ удержать насъ отъ зла, то (Богъ), изъ сожалѣнія къ намъ, самъ удерживаетъ и пробуждаетъ насъ.

Если бы никто изъ порочныхъ не подвергался наказанію, то никто не думалъ бы, что надъ дѣлами человѣческими бодрствуетъ Богъ; а если бы всѣ получали наказаніе, то никто не ожидалъ бы будущаго воскресенія, потому что всѣ здѣсь получили бы воздаяніе. Вотъ почему (Богъ) и наказываетъ, и не наказываетъ.

Праведники здѣсь испытываютъ скорби потому, что они странники и пришельцы и находятся въ странѣ чуждой. Такимъ образомъ праведники терпятъ бѣдствія для ихъ испытанія; послушай въ самомъ дѣлѣ, что говоритъ Богъ Іову: *мниши ли мя инако тебѣ сотворша, развѣ да явишися праведенъ* (Іов. XL, 3)? А грѣшники, когда терпятъ что-нибудь подобное, то въ наказаніе за грѣхи свои. Итакъ будемъ благодарить Бога за все, такъ ли Онъ дѣлаетъ, или иначе: то и другое полезно. Онъ ничего не дѣлаетъ съ нами по ненависти, или по отвращенію къ намъ, но посылаетъ то и другое по вниманію и попеченію объ насъ. *Вѣдый*, говоритъ (апостолъ), *яко изъ млада священная писанія умѣеши*, т. е. ты съ ранняго возраста изучилъ священное писаніе,—а священнымъ писаніемъ онъ называетъ божественныя Писанія, — на немъ ты воспитанъ; и потому вѣра твоя должна быть твердою, и ничто не должно вредить ей; корень ея лежитъ глубоко и укрѣпился въ теченіе долгаго времени; потому ничто не можетъ исторгнуть его. Сказавъ: *священная писанія*, онъ прибавляетъ: *могущая тя умудрити*, т. е. недозволяющія тебѣ дѣлать что-нибудь неразумное, какъ дѣлаютъ многіе.

647 4. Тотъ, кто знаетъ Писанія, какъ должно знать, не соблазнится ничѣмъ случающимся, все переноситъ мужественно, иное принимаетъ вѣрою и приписываетъ непостижимому домостроительству Божію, а для иного видитъ основанія и находитъ примѣры въ Писаніяхъ. Не изслѣдовать всего и не домогаться познанія всего, это—ясный признакъ знанія. Если хотите, я докажу это примѣромъ. Представимъ себѣ рѣку, или лучше, нѣсколько рѣкъ,—говорю это не по предположенію, а таковы дѣйствительно рѣки [1]); не всѣ рѣки равны по глубинѣ, но однѣ мелки, а другія глубоки, такъ что незнающій можетъ утонуть въ нихъ; въ однѣхъ есть омуты, а въ другихъ нѣтъ. Поэтому хорошо поступаетъ тотъ, кто не желаетъ испытывать всѣ рѣки безъ исключенія, и нежеланіе его изслѣдовать всѣ глубины есть немалый признакъ знанія. А кто хочетъ испытать каждую часть рѣки, тѣ преимущественно и не знаютъ свойства рѣкъ, и часто погибаютъ, отваживаясь пускаться въ глубину съ тою же смѣлостію, съ какою они проходили неглубокія рѣки. Такъ и относительно Бога,

[1]) Дальнѣйшія слова читаются въ одной рукописи слѣд. образомъ: „Подобно тому какъ рѣки не всѣ равны, но однѣ мелки, а другія глубоки, такъ что незнающій можетъ утонуть въ нихъ; въ однѣхъ есть омуты, а въ другихъ нѣтъ,—такъ и вопросы относительно Бога—одни таковы, что разрѣшеніе ихъ само собою представляется ищущимъ, а другіе такъ таинственны и непостижимы, что могутъ даже погубить старающихся узнать что-нибудь съ излишнимъ любопытствомъ. Поэтому хорошо поступаетъ тотъ“ и т. д.

кто хочетъ знать все и дерзаетъ изслѣдовать все, тотъ особенно и не знаетъ, что такое—Богъ. Кромѣ того рѣки по большей части безопасны, а водоворотовъ и омутовъ въ нихъ бываетъ немного; въ Богѣ же большая часть сокровенна, и изслѣдовать дѣла Его невозможно. Что же заставляетъ тебя топить самого себя? Знай только то, что Богъ устрояетъ все, что Онъ промышляетъ обо всемъ, что мы свободны, что Богъ иное совершаетъ, а иное попускаетъ, что Онъ не желаетъ ничего злого, что не все бываетъ по Его волѣ, но иное и по нашей, именно все злое только отъ насъ, а все доброе какъ отъ насъ, такъ и отъ Его помощи, что отъ Него не укрывается ничто: такъ Онъ дѣйствуетъ во всемъ! Зная это, смотри, что—доброе, что—злое, и что—безразличное, какъ-то: добродѣтель—добро, порокъ—зло, богатство, бѣдность, жизнь, смерть — безразличны. Познавъ это, ты вмѣстѣ съ тѣмъ уразумѣешь, что праведные страдаютъ, чтобы получить вѣнцы, а грѣшники — чтобы получить наказаніе за грѣхи; впрочемъ не всѣ грѣшники получаютъ наказаніе здѣсь, чтобы иные не стали не вѣрить воскресенію; равнымъ образомъ и праведные не всѣ страдаютъ, чтобы ты зналъ, что не порокъ достоинъ похвалы, а добродѣтель. Вотъ правила и законы; прилагай къ нимъ, что угодно, и ты не будешь оставаться въ недоумѣніи. Какъ у грамматиковъ есть шеститысячное число, подъ которое все подводится и все можно опредѣлять и разлагать по этому правилу шести тысячъ и около этого числа обращается все,—это знаютъ тѣ, которые учились грамматикѣ, — такъ и здѣсь, кто знаетъ эти правила, которыя я опять кратко повторю, тотъ никогда не соблазнится. Какія же это правила? Слѣдующія: добродѣтель—добро, порокъ—зло, а безразличны—болѣзни, бѣдность, козни противъ насъ, клеветы и т. п.; праведные здѣсь страдаютъ, а если нѣкоторые изъ нихъ и благоденствуютъ, то для того, чтобы добродѣтель не казалась страшною; злые (здѣсь) веселятся, чтобы полу- 648
чить наказаніе тамъ, а если нѣкоторые и (здѣсь) наказываются, то для того, чтобы зло не казалось добромъ и дѣла ихъ безнаказанными; если же они наказываются не всѣ, то для того, чтобы не утратилась вѣра въ день воскресенія; и между добрыми есть люди, совершающіе злыя дѣла, за которыя они здѣсь и отдаютъ отчетъ, равно какъ и между злыми есть люди, совершающіе добрыя дѣла, за которыя они здѣсь и получаютъ воздаяніе, чтобы потерпѣть наказаніе тамъ; дѣла Божіи по большей части непостижимы; великое различіе между нами и Богомъ, а какое именно, того сказать невозможно. Если мы будемъ разсуждать такимъ образомъ, то ничто не смутитъ насъ; если будемъ постоянно слушать Писанія, то найдемъ много тому примѣровъ. *Могущая*, го-

ворить, *тя умудрити во спасеніе*. Въ Писаніяхъ излагается, что должно дѣлать, и чего не должно; послушай именно, чтò говорить блаженный апостолъ въ другомъ мѣстѣ: *уповая себе вожда быти слѣпымъ, свѣта сущимъ во тьмѣ, наказателя безумнымъ, учителя младенцемъ* (Рим. II, 19, 29). Видишь ли, что законъ есть свѣтъ для находящихся во тьмѣ? Если же свѣтъ—тотъ законъ, который представляетъ букву, убивающую букву, то каковъ тотъ, въ которомъ—духъ животворящій? Если ветхій завѣтъ есть свѣтъ, то каковъ новый, въ которомъ открыто столь многое, который такъ отличенъ отъ ветхаго, какъ если бы кто людямъ, невидѣвшимъ ничего выше земли, открылъ небо и все въ немъ показалъ имъ. Изъ него мы узнали о геенвѣ, о царствіи (небесномъ), о судѣ. Не будемъ же вѣрить нелѣпостямъ, каковы всѣ предсказанія волшебниковъ. Но какъ же, скажешь, чтò они говорятъ, тò и сбывается? Потому и сбывается, что ты вѣришь, если только сбывается. Волшебникъ овладѣваетъ тобою, дѣлается господиномъ твоей жизни и располагаетъ ею, какъ хочетъ. Скажи мнѣ: если какой-нибудь предводитель разбойниковъ возьметъ въ свои руки и подъ свою власть царскаго сына, прибѣжавшаго къ нему и полюбившаго пустыню и тамошнюю жизнь, то можетъ ли этотъ начальникъ сказать ему, умретъ ли онъ, или будетъ живъ? Весьма можетъ. Почему? Не потому, чтобы онъ предвидѣлъ будущее, но потому, что въ его власти то и другое—погубить и спасти сына, который сдѣлалъ его своимъ господиномъ. Онъ можетъ и погубить, если захочетъ, можетъ также и отпустить, если захочетъ, потому что плѣнникъ находится въ его власти. Если онъ скажетъ: ты будешь богатъ или бѣденъ,—то и другое находится въ его власти. Такъ и въ мірѣ большая часть людей предали себя въ руки діавола.

5. Съ другой стороны этимъ обманщикамъ много помогаетъ то, когда человѣкъ привыкнетъ вѣрить имъ, потому что никто не обращаетъ вниманія на предсказанія неудачныя, а только на удачныя. Если они имѣютъ какую-нибудь силу предвѣдѣнія, то приведи ихъ ко мнѣ, вѣрующему. Говорю это не съ тѣмъ, чтобы превозносить себя: не стоитъ превозноситься тѣмъ, что я не вѣрю имъ. Я многогрѣшенъ; но предъ ними не стану смиряться и, по благодати Божіей, смѣюсь надъ всѣми ими. Приведи ко мнѣ волшебника; если онъ имѣетъ какую-нибудь силу предвѣдѣнія, то пусть скажетъ, что случится со мною, что будетъ со мною завтра. Но онъ не скажетъ, потому что я нахожусь подъ властію царя, а волшебникъ не имѣетъ надо мною никакой власти и силы; я далекъ отъ его сѣтей и овраговъ; я служу царю. Но, скажешь, такой-то укралъ, а одинъ волшебникъ указалъ его.

Это не всегда бываетъ справедливо, а по большей части смѣшно и ложно. Они ничего не знаютъ; а если бы что-нибудь знали, то лучше имъ слѣдовало бы говорить о своемъ, какимъ образомъ многія идольскія приношенія были украдены, какимъ образомъ множество золота было утрачено. Почему они не предсказали этого жрецамъ своимъ? Слѣдовательно, они не знаютъ ничего; они и за деньги не могли предсказать, когда сгорали ихъ идоль- 649
скіе храмы, и многіе изъ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ сами погибали. Почему же они не заботятся о собственномъ спасеніи? Если они и предсказывали что-нибудь, то это было только дѣломъ случая. Наши же пророки не ошибаются; они не говорятъ одно справедливо, а другое ложно, но все справедливо; это и есть предвѣдѣніе. Перестаньте же, увѣщеваю васъ, безумствовать, если вы вѣруете во Христа; если же не вѣруете, то для чего позорите себя, для чего обманываете? *Доколѣ вы храмлете на обѣ плеснѣ ваши* (3 Цар. xviii, 21)? И для чего ты ходишь къ волшебнику? Для чего спрашиваешь его? Какъ скоро ты пришелъ, какъ скоро сталъ спрашивать, то уже и сдѣлалъ себя рабомъ его, потому что спрашиваешь, какъ вѣрующій въ него. Нѣтъ, скажешь, я спрашиваю не вѣруя, что онъ говоритъ правду, но испытывая его. Но и испытывать, правду ли онъ говоритъ, свойственно не увѣренному въ томъ, что онъ лжетъ, а еще сомнѣвающемуся. Для чего же ты спрашиваешь, что случится? Если бы они говорили: вотъ что случится, дѣлай то-то и избѣгай того-то,—тогда, хотя бы также не слѣдовало допускать такого идолослуженія, но было бы не столь безумно. Если же они берутся предсказывать будущее, то слушающій не пріобрѣтаетъ ничего, кромѣ лишней скорби; предсказаніе не сбывается, а онъ уже испыталъ скорбь, уже измучилъ себя. Если бы полезно было знать будущее, то Богъ не скрылъ бы этого отъ насъ, какъ бы по зависти; Тотъ не завидуетъ, кто сказалъ намъ, что есть на небесахъ. *Вся*, говоритъ Онъ, *яже слышахъ отъ Отца, сказахъ вамъ;* и еще: *не* 650
глаголю васъ рабы, но други: вы друзи мои есте (Іоан. xv, 14, 15). Почему же Онъ не открылъ намъ будущаго? Потому, что Онъ хочетъ, чтобы мы нисколько не заботились объ этомъ. Онъ не по зависти поступилъ такъ; древнимъ Онъ дѣлалъ предвѣщанія, напр. объ ослѣ и нѣкоторыхъ другихъ предметахъ (1 Цар. ix), потому что они были подобны дѣтямъ; а насъ Онъ избавилъ отъ заботы—предузнавать неизвѣстное, желая, чтобы мы нисколько о томъ не заботились. Вмѣсто того намъ что открыто? То, чего древніе не знали. Все, открытое имъ, маловажно; а мы знаемъ, что мы воскреснемъ, будемъ безсмертны и нетлѣнны, что жизнь наша не будетъ имѣть конца, что все (настоящее) пройдетъ, что

мы будемъ восхищены на облакахъ (1 Сол. IV, 17), что злые получатъ наказаніе, и кромѣ того многое другое,—и все это не ложно. Знать такія истины не гораздо ли лучше, нежели то, что оселъ потерявшійся найдется? Положимъ, что ты нашелъ и взялъ осла: какая же отъ того польза? Не можешь ли ты потерять его опять какимъ-нибудь другимъ образомъ? Если онъ не уйдетъ отъ тебя, то ты самъ при смерти оставишь его. А то, что сказалъ я, мы можемъ имѣть всегда, если захотимъ имѣть. Будемъ же стремиться къ этому; будемъ искать благъ постоянныхъ и неизмѣнныхъ; не станемъ слушать волшебниковъ, прорицателей и гадателей, но Бога, который ясно знаетъ все, имѣетъ вѣдѣніе обо всемъ; тогда и мы будемъ знать все, что нужно знать, и сподобимся всѣхъ благъ.

БЕСѢДА IX.

649 Всяко писаніе богодухновенно и полезно ко ученію, ко обличенію, ко исправленію, къ наказанію, еже въ правдѣ: да совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ (2 Тим. III, 16, 17).

1. Предложивъ (Тимоѳею) много увѣщаній и утѣшеній всякаго рода, (Павелъ) присовокупляетъ еще совершеннѣйшее утѣшеніе — отъ Писаній; и не безъ причины предлагаетъ онъ такъ много утѣшеній, но потому, что намѣревался сказать нѣчто важное и прискорбное. Если Елисей, находившійся при своемъ учителѣ до послѣдней минуты его жизни, увидѣвъ, что онъ особеннымъ образомъ оканчиваетъ свою земную жизнь, разодралъ свои одежды, то что долженъ былъ чувствовать (Тимоѳей), столько любимый и столько любившій, услышавъ, что учитель его готовится умереть, и видя себя лишеннымъ его лицезрѣнія во время, ближайшее къ его смерти, что̀ обыкновенно бываетъ прискорбно больше всего? Мы вѣдь не такъ бываемъ благодарны за прошедшее время, если были въ разлукѣ съ умершими во время ближайшее къ ихъ смерти. Вотъ почему (Павелъ) сначала предлагаетъ (Тимоѳею) множество утѣшеній, а потомъ уже и говоритъ ему о своей предстоящей кончинѣ, и говоритъ не просто, но употребляетъ такія выраженія, которыя способны утѣшить и исполнить радости, — представляя это событіе болѣе жертвоприношеніемъ, нежели смертію, болѣе переселеніемъ, чѣмъ оно дѣйствительно и было, и переходомъ къ лучшему. *Азъ бо*, говоритъ, *уже жренъ бываю* (2 Тим. IV, 6). Потому и здѣсь онъ пишетъ:

всяко писаніе богодухновенно и полезно ко ученію, ко обличенію, ко исправленію. Всяко,—какое? То, о которомъ, говоритъ, я сказалъ,—всякое священное Писаніе. Здѣсь разумѣется то Писаніе, о которомъ было говорено выше, о которомъ онъ сказалъ: *яко изъ млада священная писанія умѣеши*. Итакъ, всякое священное Писаніе богодухновенно. Поэтому нисколько, говоритъ, не сомнѣвайся въ немъ. 650
И полезно ко ученію, ко обличенію, ко исправленію, да совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ. Ко ученію: если нужно узнать что-нибудь, если случится недоумѣвать въ чемъ-нибудь, о томъ можемъ узнать отсюда; если нужно обличить ложь, если нужно исправиться или вразумиться, и это можемъ почерпнуть отсюда; оно способствуетъ и къ увѣщанію, и къ утѣшенію. *Ко исправленію*,—т. е., если недостаетъ чего-нибудь и нужно дополнить что-нибудь. *Да совершенъ будетъ Божій человѣкъ:* для того, говоритъ, дано наставленіе Писаній, чтобы совершенъ былъ человѣкъ Божій; слѣдовательно, безъ нихъ невозможно быть совершеннымъ. Вмѣсто меня, говоритъ, ты имѣешь Писанія; когда пожелаешь узнать что-нибудь, то можешь узнать отсюда. Если же такъ сказано Тимоѳею, который былъ исполненъ Духа (святого), то не тѣмъ ли болѣе намъ? *На всякое дѣло благое уготованъ:* не просто принимающійся за дѣло, но и тщательно приготовленный. *Засвидѣтельствую убо азъ предъ Богомъ и Господемъ Іисусъ Христомъ, хотящимъ судити живымъ и мертвымъ* (IV, 1). Здѣсь онъ разумѣетъ или грѣшниковъ и праведниковъ, или умершихъ и еще живущихъ, такъ какъ многіе останутся въ живыхъ (до послѣдняго суда). И въ первомъ посланіи онъ внушалъ Тимоѳею страхъ словами: *завѣщаваю ти предъ Богомъ, оживляющимъ всяческая* (1 Тим. VI, 13); здѣсь же говоритъ нѣчто болѣе страшное: *хотящимъ судити живымъ и мертвымъ*, т. е. имѣющимъ потребовать отчетъ. *Въ явленіи его и царствіи его. Судити*—когда? Во время пришествія Его со славою, съ царскимъ величіемъ. Такимъ образомъ онъ говоритъ или то, что Господь не такъ придетъ, какъ нынѣ, или слѣдующее: я свидѣтельствую тебѣ явленіе Его и царствіе. Онъ призы- 651
ваетъ Его во свидѣтели, показывая, что и это преподано ему. Далѣе учитъ, какъ должно проповѣдывать ученіе. *Проповѣдуй слово*, продолжаетъ онъ, *настой благовременнѣ, безвременнѣ, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ* (ст. 2). Что значитъ: *благовременнѣ, безвременнѣ?* Т. е. не назначай опредѣленнаго времени, пусть будетъ тебѣ всегда время для этого, а не только во время мира, спокойствія или сидѣнія въ церкви; хотя бы ты былъ въ опасности, хотя бы въ темницѣ, хотя бы въ узахъ, хотя бы готовился идти на смерть,—и въ это время обли-

чай и не переставай вразумлять. Тогда и благовременно дѣлать обличеніе, когда оно можетъ имѣть успѣхъ, когда представится дѣло (достойное обличенія). *Умоли*, говоритъ; подобно врачамъ, указавъ рану, сдѣлавъ разрѣзъ, онъ прилагаетъ потомъ и лѣкарство. Если что-нибудь изъ всего этого опущено, то прочее бываетъ безполезно. Если ты будешь угрожать безъ обличенія, то покажешься дерзкимъ, и никто не станетъ слушать; если же напередъ обличишь, тогда слушатель приметъ угрозу, а безъ того онъ останется безстыднымъ. Съ другой стороны, если ты станешь обличать и угрожать, хотя и съ силою, но не предложишь утѣшенія, то опять испортишь все дѣло. Дѣйствительно, обличеніе само по себѣ невыносимо, если оно не растворено утѣшеніемъ. Какъ при разрѣзѣ раны, хотя и спасительномъ, страждущій не выноситъ болей сѣченія и разрѣза, если не будетъ употреблено многихъ средствъ, смягчающихъ боль, такъ и здѣсь. *Со всякимъ*, говоритъ, *долготерпѣніемъ и ученіемъ*. Обличающій долженъ имѣть долготерпѣніе, чтобы слушающій не вѣрилъ безъ основанія, и угроза должна быть соединена съ утѣшеніемъ, чтобы она была принята. А что значитъ прибавленное къ долготерпѣнію слово: *и ученіемъ?* Обличай не съ гнѣвомъ, не съ ненавистью, не съ злобою, не съ враждою, какъ бы противъ врага,—все это должно быть оставлено,—а какъ? Съ любовію, съ состраданіемъ, скорбя больше самого обличаемаго, душевно сожалѣя объ его положеніи. *Со всякимъ*, говоритъ, *долготерпѣніемъ и ученіемъ*, а не какъ-нибудь. *Будетъ бо время, егда здраваго ученія не послушаютъ* (ст. 3). Прежде, нежели они сдѣлаются непокорными, предупреди всѣхъ ихъ. Потому онъ и сказалъ: и *благовременнѣ*, и *безвременнѣ;* во всемъ поступай такъ, чтобы слушающіе тебя поучались добровольно. *Но по своихъ*, говоритъ, *похотехъ изберутъ себѣ учители*.

2. Не можетъ быть ничего выразительнѣе этого слова: *изберутъ*; оно означаетъ безпорядочную толпу учителей, которые при томъ будутъ рукополагаемы учениками. *Изберутъ*, говоритъ, *себѣ учители, чешеми слухомъ*, отыскивая себѣ людей, которые говорили бы для ихъ удовольствія и льстили ихъ слуху. *И отъ истины слухъ отвратятъ, къ баснемъ же уклонятся* (ст. 4). Предсказываетъ это не съ тѣмъ, чтобы ученикъ его предался унынію, но чтобы онъ мужественно переносилъ, когда это случится. Подобнымъ образомъ и Христосъ говорилъ: *предадятъ вы, и біютъ васъ, и* въ синагоги поведутъ ради имени моего (Мѳ. x, 17). Такъ и въ другомъ мѣстѣ блаженный (апостолъ) говоритъ: *азъ бо вѣмъ сіе, яко по отшествіи моемъ внидутъ волцы тяжцы въ васъ, не щадящіи стада* (Дѣян. xx, 29). Онъ говорилъ это для того, чтобы

они бодрствовали, чтобы надлежащимъ образомъ пользовались настоящимъ временемъ. *Ты же*, говоритъ, *трезвися о всемъ, злопостражди* (ст. 5). Видишь ли, что онъ именно съ такою цѣлію предсказывалъ это? Какъ Христосъ при концѣ (своей земной жизни) говорилъ: *востанутъ лжехристи и лжепророцы* (Мѳ. XXIV, 652
21), такъ и онъ говорилъ то же, когда готовился окончить жизнь. *Ты же трезвися о всемъ, злопостражди*, т. е. трудись, предупреждай, приведи овецъ въ безопасное состояніе, прежде нежели наступила зараза, непрестанно страдай, пока существуютъ волки. *Дѣло сотвори благовѣстника, служеніе твое извѣстно сотвори*. Слѣдовательно, дѣло благовѣстника—страдать и отъ себя, и отъ постороннихъ. *Служеніе твое извѣстно сотвори*, т. е. исполняй. А вотъ и другой поводъ къ страданію: *азъ бо*, говоритъ, *уже жренъ бываю* (σπένδομαι), *и время моего отшествія наста* (ст. 6). Не сказалъ: моего жертвоприношенія, но нѣчто болѣе, потому что отъ жертвы не все приносится Богу, а отъ возливаемаго (σπονδῆς)—все. *Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ* (ст. 7). Часто я, взявъ въ руки посланіе апостола и разсматривая это мѣсто, недоумѣвалъ, для чего Павелъ такъ превозноситъ себя: *подвигомъ добрымъ подвизахся*. Но теперь, кажется, по благодати Божіей, я понялъ это. Для чего же онъ говоритъ такъ? Онъ желаетъ утѣшить скорбящаго ученика, заповѣдуя ему быть бодрымъ, потому что онъ отходитъ къ вѣнцу, какъ совершившій все, какъ достигшій благого конца: радоваться, говоритъ, должно, а не скорбѣть. Почему? *Подвигомъ добрымъ подвизахся;* говоритъ подобно отцу, который, утѣшая сидящаго подлѣ него и сѣтующаго о своемъ сиротствѣ сына, говорилъ бы ему: не плачь, сынъ мой, я жилъ хорошо, оставляю тебя, достигнувъ старости, жизнь моя была безукоризненна, я отхожу со славою, и ты будешь славиться моими дѣлами; царь оказываетъ мнѣ великое благоволеніе. И какъ бы такъ говоритъ: я воздвигъ трофеи, побѣдилъ враговъ,—говоритъ не изъ тщеславія, нѣтъ, но для ободренія сына, для того, чтобы такими похвалами внушить ему—легко переносить все случающееся, имѣть благую надежду, и не считать предстоящей разлуки тяжкою. А тяжела, поистинѣ тяжела бываетъ разлука. Послушай, какъ онъ самъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *мы же, осиротѣвше отъ васъ ко времени, лицемъ, а не сердцемъ* (1 Сол. II, 17). Если же онъ самъ скорбѣлъ, разлучившись съ учениками, то какъ долженъ былъ скорбѣть Тимоѳей? Если онъ плакалъ, разлучаясь съ живымъ (учителемъ), какъ видно изъ словъ: *поминая слезы твоя, да радости исполнюся* (2 Тим. I, 4), то не гораздо ли болѣе—при его смерти? Такимъ образомъ (Павелъ) писалъ это для утѣшенія (Тимоѳея), и все посланіе

исполнено утѣшенія, и есть какъ бы нѣкоторое завѣщаніе. *Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ. Подвигомъ*, говоритъ, *добрымъ*. Прими же его на себя и ты. Оковы, темницы, смерть,—это ли добрый подвигъ? Да, говоритъ,—потому что онъ совершается за Христа, доставляетъ великіе вѣнцы. *Подвигомъ добрымъ*; нѣтъ ничего лучше этого подвига, не имѣетъ конца этотъ вѣнецъ; онъ не изъ лавровыхъ листьевъ; здѣсь не человѣкъ распорядитель подвиговъ, не люди — зрители, ангелы наполняютъ это зрѣлище. Тамъ (на обыкновенныхъ зрѣлищахъ) въ теченіе многихъ дней трудятся и утомляются, но въ одну минуту получаютъ вѣнецъ, и тотчасъ удовольствіе проходитъ; а здѣсь не такъ, но остаются навсегда въ блескѣ, славѣ и чести. Потому должно радоваться; я иду на покой, оставляю мѣсто подвиговъ; ты слышалъ отъ меня, что *лучше разрѣшитися и со Христомъ быти* (Филип. I, 23).

653 *Теченіе скончахъ*. Надобно и подвизаться и идти впередъ: подвизаться, перенося скорби, и идти впередъ не просто, но къ чему-нибудь полезному. Истинно добрый подвигъ тотъ, который не увеселяетъ только зрителя, но доставляетъ пользу; и *теченіе* истинное не то, которое ни къ чему не стремится, или только обнаруживаетъ силу и честолюбіе, но то, которое влечетъ всѣхъ на небо. Такое теченіе свѣтлѣе солнца; его совершалъ Павелъ на землѣ, или имъ онъ стремился къ небу. Какимъ же образомъ онъ окончилъ это теченіе? Онъ обошелъ всю вселенную, начавъ отъ Галилеи и Аравіи, и дошедши до предѣловъ земли: *якоже*, говоритъ онъ, *ми отъ Іерусалима и окрестъ даже до Иллирика исполнити благовѣствованіе Христово* (Рим. XV, 19). Онъ протекъ всю вселенную, какъ птица, или лучше, сильнѣе птицы; птица пролетѣла бы просто, а онъ—не просто, но имѣя крылья Духа и разсѣкая тысячи препятствій, смертей, козней, бѣдствій. Такимъ образомъ онъ былъ быстрѣе птицы. Если бы онъ былъ просто птицею, то утомился бы и былъ бы пойманъ; но, будучи окрыляемъ Духомъ, онъ перелеталъ чрезъ всѣ сѣти, какъ бы имѣя огненныя крылья. *Вѣру*, говоритъ, *соблюдохъ*. Многое старалось отнять ее у него, не только близкія отношенія съ людьми, но и угрозы, и смертныя опасности, и многое другое; но онъ устоялъ противъ всего. Какимъ образомъ? Трезвясь и бодрствуя. Всего этого довольно было для утѣшенія учениковъ, но онъ прибавляетъ еще и о наградахъ. Какихъ? *Прочее убо*, говоритъ, *соблюдается мнѣ вѣнецъ правды* (ст. 8). *Правдою* онъ опять называетъ здѣсь вообще добродѣтель. Итакъ, не должно, говоритъ, скорбѣть, потому что я отхожу получить отъ Христа вѣнецъ, который Онъ возложитъ на мою голову; напротивъ, если бы я оста-

вался здѣсь, тогда болѣе слѣдовало бы скорбѣть и опасаться, чтобы я не палъ и не погибъ. *Егоже воздастъ ми Господь въ день онъ, праведный Судія, не токмо же мнѣ, но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе его.*

3. Здѣсь онъ также ободряетъ ученика. Если Господь воздастъ *всѣмъ*, то тѣмъ болѣе Тимоѳею. Но онъ не сказалъ: и тебѣ, а: *всѣмъ*, выражая, что если—*всѣмъ*, то тѣмъ болѣе—ему. А какимъ образомъ, скажешь, можно возлюбить явленіе Христово? Если будешь радоваться пришествію Его. А кто радуется пришествію Его, тотъ дѣлаетъ достойное этой радости; онъ отдастъ, если нужно, и имѣніе свое и душу, чтобы получить будущія блага, чтобы сподобиться узрѣть второе пришествіе Его, въ приличномъ видѣ, съ дерзновеніемъ, во славѣ и свѣтѣ. Вотъ что значитъ—возлюбить явленіе Его. Кто любитъ явленіе Его, тотъ будетъ дѣлать все, чтобы прежде всемірнаго было къ нему частное пришествіе (Христово). Какъ, скажешь, это возможно? Послушай самого Христа, который говоритъ: любящій Меня, заповѣди Мои *соблюдетъ, и пріидемъ къ нему* Я и Отецъ, *и обитель у него сотворимъ* (Іоан. XIV, 23). Подумай, какъ это важно, когда имѣющій явиться всѣмъ вообще обѣщаетъ явиться каждому изъ насъ въ частности: *пріидемъ*, говоритъ, *и обитель у него сотворимъ*. Кто любитъ явленіе Его, тотъ будетъ дѣлать все, чтобы призвать Его къ себѣ и удержать у себя, чтобы въ немъ возсіялъ свѣтъ. Пусть не будетъ въ насъ ничего, недостойнаго пришествія Его, и Онъ скоро поселится въ насъ. Явленіе (ἐπιφάνεια) называется такъ потому, что оно является горѣ (ἐπάνω φαίνεσθαι) и возсіяваетъ свыше. Потому будемъ стремиться къ горнему, и мы скоро при- 654
влечемъ къ себѣ горніе лучи. Никто изъ людей, пресмыкающихся долу и зарывающихъ себя въ землю, не можетъ видѣть солнечнаго свѣта; никто изъ людей, оскверняющихъ себя житейскими дѣлами, не можетъ видѣть Солнца правды; Оно не является никому, кто предается такой жизни. Отрезвись же хотя нѣсколько, возстань изъ этой пучины, изъ пропасти житейской, если хочешь увидѣть Солнце, если хочешь сподобиться Его пришествія. Если ты сподобишься пришествія Его нынѣ, то будешь съ великимъ дерзновеніемъ взирать на Него тогда. Будь же любомудрымъ нынѣ; пусть не будетъ у тебя духа гордости, чтобы онъ не поразилъ тебя и не низринулъ; пусть не будетъ у тебя тьмы и сердца каменнаго, чтобы не разбился объ него корабль твой; пусть не будетъ въ тебѣ никакого лукавства; подводные камни производятъ самыя страшныя кораблекрушенія. Не питай въ себѣ дикихъ звѣрей,—разумѣю страсти, потому что онѣ лютѣе дикихъ звѣрей; не полагайся на вещи скоропреходящія, по-

добно текучей водѣ, чтобы тебѣ стоять твердо. Никто не можетъ стоять на водѣ, а на камнѣ всѣ могутъ стоять безопасно. Житейскія дѣла — это вода: *внидоша*, говорится, *воды до души моея*, подобно вышедшему изъ береговъ своихъ потоку (Пс. ⅼxviii, 2). А дѣла духовныя—это камень: *постави*, говорится, *на камени ногъ мои* (Пс. xxxix, 3). Житейскія дѣла—грязь и нечистота. Отрѣшимъ себя отъ нихъ, и такимъ образомъ мы можемъ удостоиться явленія Христова. Все, что ни постигнетъ насъ, будемъ переносить. Достаточное утѣшеніе во всемъ—страдать за Христа; будемъ повторять это божественное изреченіе, и прекратится боль всякой раны. А какъ, скажешь, можно страдать за Христа? Положимъ, что кто-нибудь оклеветалъ тебя просто, не за Христа. Если ты мужественно перенесешь это, если будешь благодарить, если станешь молиться за него, то все это сдѣлаешь ты для Христа. Если же будешь проклинать, досадовать, стараться мстить, то, хотя это тебѣ и не удастся, ты будешь терпѣть не для Христа, но еще получишь вредъ и лишишься плодовъ по своей волѣ. Отъ насъ зависитъ—получать отъ бѣдствій пользу, или вредъ; это зависитъ не отъ свойства самыхъ бѣдствій, а отъ нашего произволенія. Представлю примѣръ. Іовъ, испытавъ столько бѣдствій, перенесъ ихъ съ благодарностію, и былъ оправданъ, — не потому, что страдалъ, но потому, что, страдая, переносилъ все съ благодарностію. Другой, испытывая такія же страданія, — или лучше, даже и не такія, потому что никто не страдаетъ такъ, какъ Іовъ, а гораздо меньше,—гнѣвается, досадуетъ, проклинаетъ весь міръ, ропщетъ на Бога; такой человѣкъ осуждается и наказывается не потому, что страдалъ, но потому, что роптал҄ъ на Бога; а роптал҄ъ онъ на Бога не по необходимому требованію обстоятельствъ; иначе, если бы онъ поступалъ такъ по необходимому требованію обстоятельствъ, роптал҄ъ бы и Іовъ; если же послѣдній, испытавъ тягчайшія бѣдствія, не сдѣлалъ ничего такого, то значитъ все подобное случается не по необходимости, а отъ слабости воли. Итакъ, нужно намъ имѣть душу твердую, и тогда ничто не будетъ для насъ труднымъ; напротивъ для слабой души нѣтъ ничего нетруднаго. Отъ расположенія нашей воли все бываетъ и переносимо и непереносимо для насъ; укрѣпимъ ее, и тогда мы легко будемъ переносить все. Такъ и дерево, если глубоко пуститъ свои корни, то его не можетъ поколебать и сильная буря; если же оно будетъ распростирать ихъ не глубоко, на поверхности, то и слабый порывъ вѣтра вырветъ его съ корнемъ. Такъ и съ нами: если мы пригвоздимъ плоть свою страхомъ Божіимъ, то ничто не поколеблетъ насъ; если же оставимъ ее на свободѣ, то и слабое напа-

деніе можетъ поразить и погубить насъ. Потому, увѣщеваю васъ, 655
переносите все съ полнымъ благодушіемъ и подражайте пророку, который говоритъ: *прильпе душа моя по тебѣ* (Пс. LXII, 8). Вотъ что говоритъ онъ: *прильпе душа моя*. Не сказалъ просто: предалась, но: *прильпе*. И еще: *возжада тебе душа моя* (Пс. LXII, 2); не сказалъ просто: пожелала, но: *возжада*, выражая этимъ словомъ особенную силу желанія. И еще: *пригвозди страху твоему* 656
плоти моя (Пс. CXVIII, 120). Онъ хочетъ, чтобы мы постоянно такъ прилѣплялись къ Богу и соединялись съ Нимъ, чтобы никогда не отступать отъ Него. Если мы будемъ такъ преданы Богу, если пригвоздимъ къ Нему сердца наши, если будемъ жаждать Его сильнымъ желаніемъ, то получимъ все, чего желаемъ, и сподобимся будущихъ благъ, во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому со Отцемъ и Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА X.

Потщися скоро пріити ко мнѣ. Димасъ бо мене остави, 655
возлюбивъ нынѣшній вѣкъ, и иде въ Солунь, Крискентъ въ Галатію, Титъ въ Далматію, Лука единъ есть со мною. Марка поемь приведи съ собою: есть бо ми благопотребенъ въ службу. Тихика же послахъ во Ефесъ. Фелонъ, егоже оставихъ въ Троадѣ у Карпа, грядый принеси, и книги, паче же кожаныя (IV, 9—13).

1. Можно спросить: какъ (Павелъ) призываетъ къ себѣ Тимоѳея, когда ему была ввѣрена Церковь и цѣлый народъ? Не по гордости (апостолъ) дѣлаетъ это; онъ самъ готовъ былъ идти къ нему,—послушай, что говоритъ онъ: *аще же замедлю, да увѣси, како подобаетъ въ дому Божіи жити* (1 Тим. III, 15). Но почему? Потому, что онъ находился въ крайности, уже не могъ ходить по собственной волѣ, жилъ въ темницѣ, будучи заключенъ туда Нерономъ, и готовился въ скоромъ времени умереть. Потому, чтобы этого не случилось прежде свиданія съ ученикомъ, онъ и призываетъ его къ себѣ, желая видѣть его предъ своею кончиною и, можетъ быть, многое передать ему. *Потщися*, говоритъ, *прежде зимы пріити ко мнѣ* (ст. 9, 21). *Димасъ бо мене остави, возлюбивъ нынѣшній вѣкъ*. Не говоритъ: чтобы видѣть тебя прежде отшествія изъ здѣшней жизни, что весьма опечалило бы (Тимоѳея); но: потому что я остаюсь одинокимъ, не имѣю никого, кто бы помогалъ мнѣ. *Димасъ бо мене остави, возлюбивъ нынѣшній*

вѣкъ, и иде въ Солунь, т. е., возлюбивъ покой, жизнь безопасную и спокойную, захотѣлъ лучше наслаждаться дома, нежели бѣдствовать со мною и раздѣлять мои настоящія опасности. Одного только Димаса онъ укоряетъ, впрочемъ желая не его укорить, а насъ утвердить, чтобы мы не ослабѣвали духомъ въ опасностяхъ и трудахъ; это и означаютъ слова: *возлюбивъ нынѣшній вѣкъ*; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хотѣлъ еще болѣе привязать къ себѣ ученика. *Крискентъ въ Галатію, Титъ въ Далматію.* Ихъ онъ не укоряетъ, потому что Титъ былъ одинъ изъ весьма дивныхъ мужей, такъ что Павелъ поручилъ ему (церковныя) дѣла на островѣ, при томъ не маломъ, но весьма большомъ—разумѣю Критъ. *Лука единъ есть со мною*,—онъ неотлучно находился при Павлѣ; онъ написалъ Евангеліе и соборныя Дѣянія, былъ трудолюбивъ, любознателенъ и терпѣливъ. О немъ (апостолъ) говоритъ въ другомъ посланіи: *егоже похвала во Евангеліи по всѣмъ церквамъ* (2 Кор. VIII, 18). *Марка поемь приведи съ собою.* Для чего? *Есть бо ми благопотребенъ въ службу.* Не для собственнаго успокоенія требуетъ этого, но для служенія Евангелію, потому что и въ узахъ онъ не переставалъ проповѣдывать. И Тимоѳея онъ призываетъ къ себѣ не для собственныхъ нуждъ, но для благовѣствованія, чтобы
656 между вѣрующими не произошло никакого смятенія по случаю его смерти, чтобы многочисленные ученики его, присутствуя при этомъ, успокоивали смятенія и утѣшали сѣтующихъ объ его кончинѣ, а между увѣровавшими въ Римѣ, вѣроятно, были мужи достопочтенные. *Тихика же послахъ во Ефесъ. Фелонъ, егоже оставихъ въ Троадѣ у Карпа, грядый принеси, и книги, паче же кожаныя.* Фелономъ онъ называетъ здѣсь одежду; а нѣкоторые разумѣютъ влагалище, въ которомъ хранились книги. Для чего нужны были книги ему, готовившемуся отойти къ Богу? И очень были нужны, чтобы передать ихъ вѣрующимъ, чтобы они имѣли ихъ вмѣсто его ученія. Всѣ вѣрующіе, вѣроятно, чувствовали тогда великую потерю, особенно тѣ, которые присутствовали при его кончинѣ и наслаждались тогда его лицезрѣніемъ. А фелонъ требуетъ онъ для того, чтобы не имѣть надобности брать его у другого. Видишь, какъ много онъ заботился объ этомъ; и въ другомъ мѣстѣ онъ выразилъ это, когда говорилъ ефесскимъ (пресвитерамъ): *вѣсте, яко требованію моему и сущимъ со мною послужиста руцѣ сіи*; и еще: *блаженнѣе есть паче даяти, нежели пріимати* (Дѣян. XX, 34, 35). *Александръ ковачь многа ми зла сотвори. Да воздастъ ему Господь по дѣломъ его* (ст. 14). Здѣсь онъ опять вспоминаетъ объ искушеніи, не съ тѣмъ, чтобы только укорить или осудить упоминаемаго человѣка, но чтобы воодушевить ученика на подвиги и расположить къ мужественному

перенесенію (искушеній). Хотя бы люди, причиняющіе искушенія, были неважны, хотя бы даже ничтожны и презрѣнны, нужно, говоритъ, все переносить мужественно. Кто потерпѣлъ зло отъ человѣка важнаго, тотъ находитъ не мало утѣшенія въ высокомъ положеніи этого человѣка; а кто терпитъ отъ человѣка низкаго и презрѣннаго, тотъ получаетъ большее огорченіе. *Многа ми зла сотвори*, т. е. различнымъ образомъ оскорблялъ меня. Но это, говоритъ, не пройдетъ ему безнаказанно: *воздастъ ему Господь по дѣломъ его́*. Какъ выше онъ говорилъ: *якова изгнанія пріяхъ, и отъ всѣхъ мя избавилъ есть Господь* (2 Тим. ш, 11), такъ и здѣсь утѣшаетъ ученика двоякимъ образомъ, — тѣмъ, что самъ онъ испытывалъ оскорбленія, и тѣмъ, что оскорбившему его будетъ воздаяніе; говоритъ такъ не потому, чтобы святые радовались наказаніямъ (злыхъ людей), но потому, что дѣло проповѣди и слабѣйшіе изъ вѣрующихъ имѣли нужду въ такомъ утѣшеніи. *Отъ негоже*, говоритъ, *и ты себе блюди: зѣло бо противится словесемъ нашимъ* (ст. 15), т. е. возстаетъ и противорѣчитъ. Не сказалъ: отмсти, накажи, прогони его, хотя по благодати Божіей могъ сдѣлать это; ничего такого не говоритъ, и не вооружаетъ противъ него ученика своего, а заповѣдуетъ только удаляться отъ него, предоставляя наказаніе Богу. Также и для утѣшенія слабѣйшихъ онъ говоритъ эти слова: *воздастъ ему*, которыя представляютъ болѣе пророчество, нежели проклятіе. А что онъ же- 657
лалъ ободрить ученика приведенными словами, это видно и изъ послѣдующаго. Далѣе, смотри, какъ онъ повѣствуетъ еще о другихъ своихъ искушеніяхъ. *Въ первый мой отвѣтъ*, говоритъ, *никтоже бысть со мною, вси мя оставиша: да не вмѣнится имъ* (ст. 16).

2. Видишь, какъ кротко говоритъ онъ о близкихъ къ нему, хотя они сдѣлали тяжкій проступокъ; вѣдь не одно и то же — быть оставленнымъ посторонними людьми, или своими. Видишь ли, какъ сильна была скорбь его? Ты, говоритъ, не можешь сказать, что я, подвергаясь гоненію отъ постороннихъ, находилъ утѣшеніе, облегченіе и помощь въ своихъ,—и они измѣнили мнѣ: *вси мя оставиша*. Подлинно, это—не малый грѣхъ. Если на войнѣ тотъ, кто оставляетъ товарища, находящагося въ опасности, и избавляетъ отъ рукъ враговъ только себя самого, справедливо наказывается своими, какъ человѣкъ испортившій все дѣло и измѣнникъ, то тѣмъ болѣе—въ проповѣди. Но о какомъ говоритъ онъ первомъ отвѣтѣ? Онъ еще прежде былъ представляемъ Нерону, и избѣжалъ (казни); но когда обратилъ его виночерпія, тогда и отсѣчена ему голова. Далѣе опять предлагается утѣшеніе ученику: но *Господь мнѣ предста, и укрѣпи мя* (ст. 17). Кто оставляется людьми, тому Богъ не попускаетъ потерпѣть что-нибудь

бѣдственное. *И укрѣпи мя*, т. е. даровалъ дерзновеніе, не попустилъ пасть. *Да мною проповѣданіе извѣстно будетъ*, т. е. чтобы подтвердилось. Посмотри, какъ велико его смиренномудріе. Не потому, говоритъ, Богъ укрѣпилъ меня, что я былъ достоинъ такого дара, но *да извѣстно будетъ проповѣданіе*, которое ввѣрено мнѣ. Это подобно тому, какъ если бы кто носилъ багряницу и діадему, и изъ-за нихъ спасся. *И услышатъ вси языцы*. Что это значитъ? Чтобы всѣмъ, говоритъ, сдѣлались извѣстными и слава проповѣди, и попеченіе о мнѣ Промысла. *И избавилъ меня отъ устъ льва: и избавитъ мя Господь отъ всякаго дѣла лукава* (ст. 18). Видишь, какъ онъ близокъ былъ къ смерти; онъ былъ въ самыхъ челюстяхъ льва; львомъ же называетъ Нерона, по причинѣ его звѣрства, могущества царства его и непреклонности. И избавилъ, говоритъ, Господь меня, и избавитъ. Если же опять избавитъ, то какъ онъ говоритъ: *уже жренъ бываю*? Но вникни въ слова его. Избавилъ меня, говоритъ, *отъ устъ* льва; и далѣе: *избавитъ*, уже не отъ устъ львовыхъ,—но отъ чего?—*отъ всякаго дѣла лукава*. Тогда Онъ избавилъ меня отъ опасностей; а теперь, когда для благовѣстія уже сдѣлано достаточно, Онъ опять избавитъ меня—отъ всякаго грѣха, т. е. не попуститъ мнѣ отойти (изъ здѣшней жизни) осужденнымъ. Подлинно, бороться со грѣхомъ до крови и не пасть значитъ избавиться отъ другого льва—діавола. Послѣднее избавленіе его важнѣе перваго, когда ему предстояло быть предану на смерть. *И спасетъ во царствіе свое небесное: емуже слава во вѣки вѣковъ. Аминь* (ст. 18). Вотъ истинное спасеніе—когда мы просіяемъ тамъ. Что значитъ: *спасетъ во царствіе свое*? Избавитъ, говоритъ, меня отъ всякой вины, и сохранитъ тамъ. Спастись для царствія небеснаго значитъ умереть ради него здѣсь. *Ненавидяй*, говоритъ Господь, *души своея въ мірѣ семъ, въ животъ вѣчный сохранитъ ю* (Іоан. xii, 25). *Емуже слава*. Вотъ славословіе Сыну. *Цѣлуй Прискиллу и Акилу, и Онисифоровъ домъ* (ст. 19).
658 Онисифоръ былъ у него въ Римѣ, какъ самъ онъ говоритъ: *да дастъ ему Господь обрѣсти милость отъ Господа въ день онъ* (2 Тим. i, 18). Такимъ привѣтствіемъ онъ дѣлаетъ и домашнихъ его болѣе усердными къ подобнымъ подвигамъ. *Цѣлуй*, говоритъ, *Прискиллу и Акилу*. Это—тѣ лица, о которыхъ онъ часто упоминаетъ, у которыхъ онъ и жилъ, которыя принимали Аполлоса (Дѣян. xviii). Жену онъ поставляетъ прежде, кажется мнѣ, потому, что она была усерднѣе и болѣе предана вѣрѣ,—она-то и приняла тогда Аполлоса,—или онъ дѣлаетъ это безразлично. Такое привѣтствіе было для нихъ немалымъ утѣшеніемъ, служило доказательствомъ почтенія и любви его и доставляло имъ великую благодать, потому что и одно привѣтствіе такого святого и блаженнаго мужа

могло исполнить великой благодати того, кто удостоивался этого привѣтствія. *Ерастъ оста въ Коринѳѣ, Трофима же оставихъ въ Милитѣ болящa* (ст. 20). Объ немъ и Тихикѣ мы знаемъ изъ книги Дѣяній, что онъ взялъ ихъ съ собою изъ Іудеи, и что они всегда находились при немъ, можетъ быть, потому, что были усерднѣе прочихъ.

Трофима же, говоритъ, *оставихъ въ Милитѣ болящa*. Почему же ты не исцѣлилъ его, а такъ оставилъ? Апостолы не все могли дѣлать, или благодатію не все устрояли, чтобы кто не подумалъ о нихъ больше, нежели что видѣлъ. То же, какъ мы видимъ, случалось и съ бывшими прежде нихъ блаженными и праведными мужами, напримѣръ съ Моисеемъ. Онъ былъ косноязыченъ,—почему же Богъ не исцѣлилъ его косноязычности?—часто впадалъ въ скорбь и уныніе, и не вошелъ въ землю обѣтованную.

3. Многое попускалъ Богъ для того, чтобы показать немощь человѣческой природы. Въ самомъ дѣлѣ, если и при этомъ безчувственные іудеи говорили: гдѣ Моисей, *иже изведе насъ отъ земли Египетскія* (Исх. xxxii, 1)?—то чего они не сдѣлали бы, если бы онъ еще ввелъ ихъ въ землю обѣтованную? Если бы Богъ не попустилъ ему чувствовать страхъ предъ фараономъ, то не признали ли бы они его богомъ? То же самое сдѣлали, какъ извѣстно, съ Павломъ и Варнавою жители Листры, которые приняли ихъ за боговъ; а они, *растерзавше ризы своя, вскочиста въ народъ, вовуще и глаголюще: мужіе, что сія творите? и мы подобострастны есмы вамъ человѣцы* (Дѣян. xiv, 14, 15). Также и Петръ, когда исцѣлилъ хромого отъ рожденія и когда всѣ изумлялись случившемуся, отвѣчалъ: *мужіе Исраильтяне, что чудитеся о семъ, или на ны что взираете, яко своею ли силою или благочестіемъ сотворихомъ его ходити* (Дѣян. iii, 12)? Послушай еще, что говоритъ блаженный Павелъ: *дадеся ми пакостникъ плоти, да не превозношуся* (2 Кор. xii, 7). Но, замѣтишь, онъ сказалъ это по смиренномудрію. Нѣтъ, это не такъ; не для того данъ былъ ему *пакостникъ*, чтобы онъ былъ смиренномудръ, и не по смиренномудрію только онъ сказалъ это, но и по другимъ причинамъ. Смотри, Богъ въ отвѣтъ ему не говоритъ: *довлѣетъ ти благодать моя*, чтобы ты не превозносился,—но что?—*сила бо моя*, говоритъ, *въ немощи совершается* (2 Кор. xii, 9). Такимъ образомъ достигались двѣ цѣли: и раскрывались событія, и все было приписываемо Богу. Поэтому и въ другомъ 659
мѣстѣ (апостолъ) говоритъ: *имамы сокровище сіе въ скудельныхъ сосудѣхъ* (2 Кор. iv, 7), т. е. въ тѣлахъ немощныхъ и подверженныхъ страданіямъ. Для чего? *Да премножество силы будетъ Божія, а не отъ насъ*. Если бы тѣла ихъ не были подвержены стра-

даніямъ, то все было бы приписано имъ. И въ другомъ мѣстѣ, мы видимъ, какъ онъ скорбитъ о болѣзни, когда говоритъ объ Епафродитѣ: *ибо болѣ близъ смерти, но Богъ помилова его* (Филип. II, 27); и многаго другого онъ не зналъ, съ пользою какъ для него самого, такъ и для учениковъ. *Трофима же*, говоритъ, *оставихъ въ Милитѣ боляща*. Милитъ находится близъ Ефеса; слѣдовательно, (это было) или тогда, когда онъ отплывалъ въ Іудею, или въ другое время; а послѣ того, какъ онъ былъ въ Римѣ, онъ отправился въ Испанію; а возвращался ли оттуда опять въ эти страны, мы не знаемъ. Итакъ онъ былъ, какъ мы видимъ, оставленъ всѣми. *Димасъ бо*, говоритъ онъ, *мене остави: Крискентъ въ Галатію, Титъ въ Далматію: Ерастъ оста въ Коринѳѣ: Трофима же оставихъ въ Милитѣ боляща. Потщися прежде зимы пріити. Цѣлуютъ тя Еввулъ, и Пудъ, и Линъ, и Клавдіа* (ст. 21). Объ этомъ Линѣ нѣкоторые говорятъ, что онъ былъ вторымъ послѣ Петра епископомъ римской Церкви. *И Линъ*, говоритъ, *и Клавдіа*. Видишь ли, какъ и жены были усердны и пламенны въ вѣрѣ? Такова Прискилла, такова и эта Клавдія, которыя уже распяли себя (для міра), уже были готовы на подвиги. Но почему изъ такого множества вѣрующихъ (апостолъ) упоминаетъ только объ этихъ женахъ? Очевидно потому, что онѣ душею уже отрѣшились отъ житейскихъ дѣлъ и особенно славились. Вѣдь женскій полъ не препятствуетъ (быть добродѣтельнымъ). Подлинно—дѣло благодати Божіей, что лица этого пола устраняются только отъ участія въ дѣлахъ житейскихъ, или лучше сказать, не устраняются и тамъ. Въ самомъ дѣлѣ, и женѣ досталась немаловажная часть всего вообще управленія дѣлами, именно—домашняя; а безъ нея и гражданскія дѣла никогда не могли бы состояться. Если бы домашнія дѣла находились въ разстройствѣ и безпорядкѣ, то каждый изъ гражданъ долженъ былъ бы сидѣть дома, и дѣла гражданскія находились бы въ худомъ положеніи. Такимъ образомъ и въ этихъ дѣлахъ она участвуетъ не менѣе (мужа), и въ духовныхъ. И она можетъ тысячекратно умирать (за Христа), если захочетъ,—многія изъ нихъ и дѣйствительно сдѣлались мученицами,—можетъ преуспѣвать въ цѣломудріи, и даже болѣе мужей, потому что въ ней не такъ сильно дѣйствуетъ пламень (страстей),—можетъ имѣть и скромность, и честность, и святость, безъ которой *никтоже узритъ Господа* (Евр. XII, 14), и презрѣніе къ богатству, если только захочетъ, и вообще все прочее. *Потщися*, говоритъ, *прежде зимы пріити*. Какъ понуждаетъ его! И нигдѣ не высказываетъ ничего прискорбнаго; не говоритъ: приди прежде моей смерти,—чтобы не опечалить его,—но: *прежде зимы*, чтобы тебѣ не встрѣтить за-

трудненій. *Цѣлуютъ тя*, говоритъ, *Еввулъ, и Пудъ, и Линъ, и Клавдіа, и братія вся*. Послѣднихъ не называетъ по имени. Видишь ли, что тѣ были пламеннѣе (въ вѣрѣ)? *Господь Іисусъ Христосъ со духомъ твоимъ* (ст. 22). Нѣтъ ничего лучше такого благожеланія. Не скорби, говоритъ, что я нахожусь далеко отъ тебя: Господь съ тобою. И не сказалъ: съ тобою, но: *со духомъ твоимъ*. Сугубая помощь: отъ благодати Духа и отъ Бога, споспѣшествующаго ей. Иначе Богъ и не можетъ быть съ нами, если нѣтъ въ насъ благодати духовной; если она оставитъ насъ, то какъ Онъ будетъ съ нами? *Благодать съ* нами. *Аминь*. Наконецъ испраши- 660
ваетъ и себѣ (благодати),—т. е., чтобы всегда быть благоугодными Богу, чтобы имѣть благодать съ дарами ея, потому что если она будетъ присуща намъ, то не будетъ ничего прискорбнаго. Какъ видящій царя, и пользующійся его благоволеніемъ, не чувствуетъ никакой скорби, такъ и мы, хотя бы лишились друзей, хотя бы подверглись какому-нибудь другому бѣдствію, не будемъ чувствовать никакой скорби, если благодать будетъ находиться при насъ и ограждать насъ.

4. Какъ же можно привлечь къ себѣ благодать? Дѣлая угодное Богу, во всемъ повинуясь Ему. И въ большихъ домахъ не видимъ ли мы, что тѣ слуги пользуются благоволеніемъ господъ, которые отъ всей души и со всѣмъ усердіемъ пекутся о нуждахъ не своихъ, а господскихъ, которые не по принужденію только господъ, но по собственному усердію и ревности исполняютъ все хорошо? И не тогда ли, когда они постоянно находятся предъ глазами господъ, когда занимаются дома, когда не безпокоятся о своихъ дѣлахъ и не пекутся о своихъ выгодахъ, но считаютъ господское своимъ? Такъ, кто сдѣлалъ свое господскимъ, тотъ не свое сдѣлалъ господскимъ, но господское своимъ; онъ подобно господину распоряжается его собственностію, подобно ему пользуется властію; многіе изъ другихъ слугъ боятся его больше господина; что скажетъ онъ, то и господинъ; и всѣ враги страшатся его. Если же въ житейскихъ дѣлахъ, кто презираетъ свое и заботится о господскомъ, не лишается своего, а напротивъ получаетъ большее, то тѣмъ болѣе въ духовныхъ. Презирай свое, и получишь Божіе; самъ Онъ желаетъ этого. Презирай землю, и получишь царство небесное; тамъ пребывай, а не здѣсь; оттуда внушай страхъ, а не здѣсь. Если ты будешь внушать страхъ оттуда, то будешь страшенъ не людямъ только, но и бѣсамъ, и самому діаволу; если же будешь внушать страхъ здѣсь своимъ богатствомъ, то будешь презираемъ не только ими, но часто и людьми. Чѣмъ больше ты будешь богатѣть, тѣмъ больше будешь рабствовать; если же будешь презирать свойственное рабамъ, то

сдѣлаешься славнымъ въ домѣ царскомъ. Таковы были апостолы, презрѣвшіе жилище рабовъ и здѣшнее богатство; и смотри, какъ они распоряжались (сокровищами) Владычними. Такой-то, говорили они, пусть исцѣлится отъ болѣзни, другой—отъ злыхъ духовъ, тотъ пусть будетъ связанъ, этотъ — разрѣшенъ. На землѣ происходило это, но совершалось какъ бы на небѣ. *Елика*, сказалъ (имъ Господь), *аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси* (Мѳ. XVIII, 18); и еще большую власть даровалъ имъ. А что я говорю правду, о томъ, послушай, что Онъ самъ сказалъ: *вѣруяй въ мя, больша сихъ сотворитъ, яже азъ творю* (Іоан. XIV, 12). Почему? Потому, что въ этомъ случаѣ честь относится къ Владыкѣ. Такъ и въ нашихъ дѣлахъ, когда слуга можетъ совершать великія дѣла, то еще болѣе удивляются его господину, потому что, если слуга можетъ сдѣлать такъ много, то во сколько разъ больше тотъ, кто имѣетъ его въ своей власти? Если же кто, оставивъ служеніе господину, будетъ заботиться только о своей женѣ, о сынѣ, о слугѣ, и захочетъ обогащаться и собирать для нихъ, воруя изъ сокровищъ господина, или причиняя имъ вредъ, тотъ скоро погубитъ и себя вмѣстѣ съ богатствомъ. Потому, увѣщеваю васъ, видя такіе примѣры, не будемъ пещись о своихъ благахъ, чтобы пещись о себѣ; будемъ презирать ихъ, чтобы по-
631 лучить ихъ. Если мы станемъ презирать ихъ, то самъ Богъ будетъ пещись объ нихъ; если же мы станемъ пещись о нихъ, то Богъ презритъ ихъ. Будемъ заботиться о Божіемъ, а не о нашемъ, или лучше—и нашемъ, такъ какъ, что—Его, то—и наше. Говорю не о небѣ, не о землѣ, не о мірскихъ вещахъ; это недостойно Его, это не намъ только принадлежитъ, но и невѣрнымъ. Что же я называю Его собственностію? Славу, царство; это и Его, и вмѣстѣ наше чрезъ Него. Какимъ образомъ? *Аще*, говоритъ (апостолъ), *съ нимъ умрохомъ, то съ нимъ и оживемъ: аще терпимъ, съ нимъ и воцаримся* (2 Тим. II, 11, 12). Мы стали сонаслѣдниками и называемся братьями Его: для чего же мы преклоняемъ сами себя долу, тогда какъ Онъ влечетъ насъ къ Себѣ горѣ? Доколѣ мы будемъ такъ унижать себя, доколѣ будемъ такъ жалки? Предъ нами небо, а мы пресмыкаемся по землѣ; предъ нами небесное царство, а мы избираемъ себѣ здѣшнее убожество; предъ нами вѣчная жизнь, а мы истощаемъ себя на дерева, камни и поля! Обогащайся,—и я того желаю,—но только въ этомъ; собирай, пріобрѣтай, — здѣсь это не укоризненно; напротивъ здѣсь укоризненно—не собирать, здѣсь неодобрительно— не пріобрѣтать. Какъ такъ? *Царствіе небесное*, говоритъ (Господь), *нудится, и нуждницы восхищаютъ е* (Мѳ. XI, 12). Будь здѣсь усильнымъ искателемъ, будь здѣсь хищникомъ; расхищаемое

здѣсь не уменьшается. Добродѣтель не раздѣляется, благочестіе не уменьшается, равно какъ и царство небесное. Напротивъ добродѣтель умножается, когда ты расхищаешь ее; блага же вещественныя уменьшаются, когда расхищаешь ихъ. Это видно изъ слѣдующаго: пусть будетъ въ городѣ безчисленное множество людей; если всѣ они будутъ расхищать добродѣтель и праведность, то умножать ее, потому что она будетъ въ тысячахъ праведниковъ; а если не будутъ расхищать, то уменьшать ее, потому что нигдѣ ея не будетъ видно.

5. Видишь ли, какъ блага духовныя еще болѣе умножаются, когда расхищаютъ ихъ, а земныя уменьшаются, когда расхищаютъ ихъ? Не будемъ же привязаны къ этой бѣдности, но изберемъ это богатство. Богатство Божіе состоитъ въ томъ, когда многіе наслаждаются царствомъ Его. *Богатый*, говоритъ (апостолъ), *во всѣхъ* и на всѣхъ *призывающихъ его* (Рим. x, 12). Умножай же богатство Его; а умножишь его тогда, когда будешь расхищать, пріобрѣтать и усильно искать. Поистинѣ, здѣсь нужно усильное исканіе. Почему? Потому, что здѣсь встрѣчается много препятствій: жены, дѣти, заботы, мірскія дѣла, кромѣ того бѣсы, и самъ начальникъ бѣсовъ—діаволъ. Потому нужно усиліе, нужно терпѣніе. Кто усиливается, тотъ трудится. Какъ? Онъ терпитъ все, онъ борется съ необходимостію. Какъ? Онъ рѣшается почти на невозможное. Если же такъ поступаютъ усильные искатели, а мы не принимаемся даже за возможное, то когда мы достигнемъ, когда получимъ желаемое? *Нуждницы*, сказалъ (Господь), *восхищаютъ* царствіе небесное. Нужно усиливаться и восхищать его; оно не просто дается, и не вдругъ. Кто хочетъ похитить что-ни- 662
будь, тотъ постоянно бодрствуетъ, трезвится, заботится и безпокоится, чтобы благовременно приступить къ похищенію. Не видите ли, какъ на войнѣ, кто хочетъ похитить, тотъ цѣлую ночь не спитъ, во всю ночь не снимаетъ съ себя оружія? Если же тѣ, которые хотятъ похитить житейскія вещи, не спятъ во всю ночь и остаются вооруженными, то какъ же мы, желая пріобрѣсти блага, достойныя гораздо большаго попеченія, блага духовныя, безпечно спимъ даже днемъ, и остаемся всегда обнаженными и безоружными? Подлинно, кто живетъ во грѣхахъ, тотъ безоруженъ и нагъ; напротивъ, кто живетъ по правдѣ, тотъ вооруженъ. А мы не ограждаемъ себя милостынею, не приготовляемъ себѣ горящихъ свѣтильниковъ, не облекаемся въ духовное оружіе, не изучаемъ пути, ведущаго на небо, не трезвимся, не бодрствуемъ; потому и похитить ничего не можемъ. Кто хочетъ взять царство, тотъ не предполагаетъ ли себѣ напередъ безчисленное множество смертныхъ опасностей? Не вооружаетъ ли себя, не

изучаетъ ли военное искусство, не принимаетъ ли къ тому всѣ мѣры, и не стремится ли такимъ образомъ къ цѣли? А мы поступаемъ не такъ, но хотимъ похитить (царство небесное), предаваясь сну; потому и отходимъ съ пустыми руками. Не видишь ли, какъ похищающіе что-нибудь бѣгутъ, какъ спѣшатъ, какъ ниспровергаютъ всѣ препятствія? Нужно скоро бѣжать. Иначе тебя настигнетъ діаволъ, и находящимся впереди прикажетъ задержать тебя. Но если ты будешь силенъ, если будешь бодръ, то одного оттолкнешь ногою, другого отстранишь рукою, и уйдешь отъ всѣхъ, какъ птица. Когда же отойдешь отсюда, когда перейдешь торжище, исполненное великаго шума, какова настоящая жизнь, то достигнешь того, что выше всего этого, какова будущая жизнь. Тамъ, какъ въ пустынѣ, нѣтъ шума, нѣтъ никого, кто бы тревожилъ, кто бы задерживалъ. Ты пріобрѣлъ что-нибудь доброе? Послѣ пріобрѣтенія тебѣ нужно небольшое усиліе, чтобы не лишиться пріобрѣтеннаго. Если мы будемъ бѣжать, если не будемъ взирать ни на что, находящееся предъ нашими глазами, если не станемъ заботиться ни о чемъ другомъ, а только какъ бы избѣгнуть задерживающаго насъ, то будемъ въ состояніи безопасно удержать у себя пріобрѣтенное. Ты пріобрѣлъ цѣломудріе? Не стой же, бѣги, удаляйся отъ діавола; если онъ увидитъ, что не можетъ настигнуть тебя, то не будетъ и гнаться. Такъ и мы, когда похитившихъ теряемъ изъ виду, то, не надѣясь ничего болѣе, и сами не преслѣдуемъ ихъ, и другихъ не просимъ задержать ихъ, но оставляемъ ихъ бѣжать отъ насъ. Подобнымъ образомъ и ты бѣги скорѣе съ самаго начала. Когда ты будешь далеко отъ діавола, то онъ уже не станетъ преслѣдовать тебя, и ты будешь въ безопасности, безбоязненно наслаждаясь неизреченными благами, которыхъ да сподобимся всѣ мы, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО,

ТОЛКОВАНІЕ НА ПОСЛАНІЕ КЪ ТИТУ [1]).

БЕСѢДА I.

Павелъ рабъ Божій, апостолъ же Іисусъ Христовъ, по 663
вѣрѣ избранныхъ Божіихъ и разуму истины, яже по благочестію, о упованіи жизни вѣчныя, юже обѣтова нелoжный Богъ прежде лѣтъ вѣчныхъ, яви же во времена своя слово свое проповѣданіемъ, еже мнѣ поручено бысть по повелѣнію Спасителя нашего Бога, Титу присному чаду по общей вѣрѣ, благодать, милость, миръ отъ Бога Отца и Господа Іисуса Христа Спаса нашего (Тит. I, 1—4).

1. Изъ спутниковъ Павла Титъ былъ (человѣкомъ) опытнымъ. Если бы онъ не былъ опытнымъ, то Павелъ не ввѣрилъ бы ему цѣлаго острова, не велѣлъ бы ему восполнить недостающее: *да недоконченная исправиши* (Тит. I, 5), говоритъ онъ ему; апостолъ не облекъ бы этого мужа правомъ суда надъ столькими епископами, если бы не такъ рѣшительно полагался на него. Говорятъ, что онъ былъ молодъ, такъ какъ (апостолъ) называетъ его своимъ *чадомъ* (Тит. I, 4); но впрочемъ отсюда это еще не явствуетъ. Думаю, что объ немъ упоминается и въ Дѣяніяхъ (Дѣян. XVIII, 7), и тогда пожалуй онъ былъ родомъ изъ Коринѳа, если только не было кого-либо другого, одноименнаго съ нимъ. (Апостолъ) при-

---

[1]) Бесѣды эти произнесены святителемъ въ Антіохіи между 393 и 397 годами.

глашаетъ къ себѣ Зину, и повелѣваетъ прислать Аполлоса, а его—нѣтъ (Тит. ш, 13); этимъ онъ засвидѣтельствовалъ, что предъ императоромъ они могли оказать болѣе мужества и силы. Мнѣ кажется, что Павелъ писалъ это посланіе во время между первымъ и вторымъ своимъ заключеніемъ, когда былъ свободенъ, потому что онъ не говоритъ здѣсь ничего объ искушеніяхъ, но постоянно, и въ началѣ и въ концѣ, обращается съ благодарностью къ Богу, что было для вѣрующихъ достаточнымъ поощреніемъ къ добродѣтели. Понять, чего они заслуживали прежде, въ какое потомъ приведены состояніе и именно благодатію, и чего
664 теперь удостоились,—это для нихъ не малое ободреніе. Онъ нападаетъ также на іудеевъ. Не удивляйся, что онъ укоряетъ цѣлый народъ; то же самое онъ дѣлаетъ и съ галатами, когда говоритъ: *о несмысленніи Галате* (Гал. ш, 1). Это сказано имъ не отъ раздражительности, а изъ любви. Если бы онъ дѣлалъ это для своихъ выгодъ, то справедливо можно было бы осуждать его; если же онъ дѣлалъ это по своей пламенной ревности къ проповѣди, тогда это—не оскорбленіе. И Христосъ многократно укорялъ книжниковъ и фарисеевъ, но не за Себя, а потому, что они губили всѣхъ другихъ. (Апостолъ) пишетъ краткое посланіе, и не безъ основанія. Это также служитъ доказательствомъ добродѣтели Тита, что онъ не нуждался въ длинныхъ рѣчахъ, а только въ нѣкоторомъ напоминаніи.

Это посланіе, кажется мнѣ, предшествуетъ посланію къ Тимоѳею. То писалъ онъ при концѣ жизни, находясь въ узахъ, а это въ такое время, когда былъ отпущенъ и свободенъ отъ узъ. Слова: *судихъ озимѣти въ Никополѣ* (Тит. ш, 12) доказываютъ, что онъ еще не былъ въ узахъ, а тамъ онъ постоянно называетъ себя узникомъ. Что же говоритъ онъ? *Павелъ рабъ Божій, апостолъ же Іисусъ Христовъ, по вѣрѣ избранныхъ Божіихъ.* Видишь ли, какъ безразлично онъ употребляетъ эти выраженія, называя себя иногда рабомъ Божіимъ и апостоломъ Христовымъ, а иногда рабомъ Христовымъ: *Павелъ рабъ Іисусъ Христовъ* (Рим. і, 1)? Такимъ образомъ онъ не полагалъ никакого различія между Отцемъ и Сыномъ. *По вѣрѣ избранныхъ Божіихъ и разуму истины, яже по*
665 *благочестію, о упованіи жизни вѣчныя. По вѣрѣ избранныхъ Божіихъ:* т. е. потому ли, что ты увѣровалъ, или потому, что тебѣ ввѣрено? По моему мнѣнію, онъ говоритъ о томъ, что ему ввѣрены избранные Божіи. Т. е. не за свои совершенства, не за труды и подвиги я получилъ такое достоинство, но все сдѣлано по благодѣянію Ввѣрившаго мнѣ. Потомъ, чтобы не сочли дѣйствій благодати неразумными, — вѣдь не все отъ одного Бога, иначе почему Онъ не ввѣрилъ того же другимъ?—то (апостолъ)

прибавилъ: *и разуму истины, яже по благочестію*. Благодаря этому, говоритъ онъ, и ввѣрено мнѣ, или вѣрнѣе и это самое дано мнѣ по благодати Его; Онъ—Виновникъ и этого моего качества (т. е. разумѣнія истины по благочестію). Потому и самъ Христосъ говоритъ: *не вы мене избрасте, но азъ избрахъ васъ* (Іоан. XV, 16). И въ другомъ мѣстѣ тотъ же блаженный (апостолъ) говоритъ: *познаю, якоже и познанъ быхъ* (1 Кор. XIII, 12); и еще: *аще и постигну, о немже и постиженъ быхъ отъ Христа Іисуса* (Филип. III, 12). Сначала мы были достигнуты, а потомъ познали; сначала—познаны, а потомъ достигли; сначала—призваны, а потомъ послушались.

Выраженіемъ: *по вѣрѣ избранныхъ* (апостолъ) приписываетъ все имъ; чрезъ нихъ я сталъ апостоломъ, не какъ достойный того, а ради избранныхъ, какъ и въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *вся бо ваша суть, аще Павелъ, или Аполлосъ* (1 Кор. III, 21, 22). *И разуму истины*, говоритъ, *яже по благочестію*, — потому что есть истина практическая, а не по благочестію, напримѣръ: знаніе земледѣлія, знаніе искусствъ,—это тоже истинное знаніе; но та истина есть истина по благочестію. Или выраженіе: *по вѣрѣ* означаетъ то, что они увѣровали, подобно прочимъ избраннымъ, и познали истину. Слѣдовательно, знаніе—отъ вѣры, а не отъ разума. *О упованіи жизни вѣчныя*. Сказавъ о настоящей жизни, устроенной по благодати Божіей, говоритъ и о будущей, представляя награды за то, чѣмъ (Господь же) насъ облагодѣтельствовалъ. За то именно, что мы увѣровали и избавлены отъ заблужденія, (Богъ) желаетъ увѣнчать насъ. Видишь, какъ самое вступленіе наполнено указаніями на благодѣянія Божіи; и все вообще это посланіе оказывается преимущественно таковымъ, поощряя къ большимъ трудамъ какъ самого святого (Тита), такъ и учениковъ его. Вѣдь ничто такъ не полезно намъ, какъ постоянное воспоминаніе о благодѣяніяхъ Божіихъ, общихъ и частныхъ. Если мы, получивъ благодѣяніе отъ друга, услышавъ отъ него пріятное слово или принявъ добрую услугу, горячѣе привязываемся къ нему, то тѣмъ болѣе мы будемъ ревностны въ послушаніи Богу, когда увидимъ, въ какихъ опасностяхъ мы находились, и отъ всѣхъ Онъ избавилъ насъ. *И разуму истины*. Объ истинѣ онъ говоритъ здѣсь въ противоположность прообразованію. И оно было знаніемъ и благочестіемъ, но не истины, хотя во всякомъ случаѣ и не лжи, однако только—образовъ (истины) и подобія ея. Хорошо сказалъ (апостолъ): *о упованіи жизни вѣчныя*, потому что то благочестіе было въ надеждѣ жизни настоящей: *сотворивый та*, говоритъ (Писаніе), *живъ будетъ въ нихъ* (Рим. X, 5). Видишь ли, какъ съ самаго вступленія онъ показываетъ отли-

чіе благодати (отъ закона)? Не тѣ—избранные, но мы. Если же и они прежде назывались избранными, то теперь уже—нѣтъ. *Юже обѣтова*, говоритъ, *неложный Богъ прежде лѣтъ вѣчныхъ*, т. е. не теперь за покаяніе наше, но предопредѣлено это изначала. То же онъ утверждаетъ во многихъ другихъ мѣстахъ, напримѣръ: *избранъ въ благовѣстіе Божіе* (Рим. I, 1), и еще: *ихже предувѣдѣ, тѣхъ и*
666 *предустави* (Рим. VIII, 29), означая наше благородство,—то, что не нынѣ, но изначала Богъ возлюбилъ насъ; а быть возлюбленнымъ издревле и отъ начала—немаловажно.

2. *Юже обѣтова неложный Богъ*. Если (Богъ) неложенъ, то непремѣнно исполнится то, что Онъ обѣщалъ; если неложенъ, то не должно сомнѣваться, хотя это и исполнится лишь послѣ смерти. *Юже обѣтова неложный Богъ прежде лѣтъ вѣчныхъ*. Словами: *прежде лѣтъ вѣчныхъ* (апостолъ) также показываетъ достовѣрность обѣтованія. Не потому, говоритъ, такъ совершилось, что іудеи не обратились нынѣ, но такъ предначертано издревле. Итакъ послушай, что̀ онъ говоритъ: *яви же во времена своя*. Для чего же это промедленіе? Изъ попеченія объ насъ и для того, чтобы совершить благовременно. *Время*, говоритъ пророкъ, *сотворити Господеви* (Пс. CXVIII, 126). *Въ своя*, т. е. въ приличныя, надлежащія, сообразныя. *Яви*, говоритъ, *во времена своя слово свое проповѣданіемъ, еже мнѣ поручено бысть*, т. е. проповѣданіе. Оно, это благовѣстіе, заключало въ себѣ все—и настоящее, и будущее, жизнь, благочестіе, вѣру, все вмѣстѣ. *Проповѣданіемъ*, т. е. явно, съ дерзновеніемъ, потому что таково значеніе слова: *проповѣданіемъ*. Какъ глашатай на зрѣлищѣ провозглашаетъ въ присутствіи всѣхъ, такъ и мы провозглашаемъ, и не прибавляемъ ничего, но говоримъ то̀, что̀ сами слышали. Достоинство провозвѣстника состоитъ въ томъ, чтобы сказать всѣмъ дѣйствительно бывшее, не прибавляя ничего и не убавляя.

Итакъ, если нужно проповѣдывать, то нужно проповѣдывать съ дерзновеніемъ; иначе это и не будетъ проповѣданіемъ. Поэтому и Христосъ не сказалъ: *рцыте на кровѣхъ*, но: *проповѣдите на кровѣхъ* (Мѳ. X, 27), указывая на характеръ проповѣди и мѣстомъ, и способомъ дѣйствія. *Еже мнѣ поручено бысть по повелѣнію Спасителя нашего Бога*. Выраженіями: *поручено бысть* и *по повелѣнію* онъ отмѣчаетъ свою достовѣрность, чтобы никто не обижался, не уклонялся, не упрямствовалъ. Итакъ, если это—повелѣніе (Божіе), то я самъ не властенъ: я исполняю приказаніе. Изъ того, что намъ должно дѣлать, иное зависитъ отъ насъ, а другое—не отъ насъ. То, что Онъ повелѣваетъ намъ, не зависитъ отъ насъ; а то, что Онъ дозволяетъ намъ, зависитъ отъ насъ. Напримѣръ: *иже аще речетъ брату своему, уроде, повиненъ*

есть гееннѣ огненнѣй (Мѳ. v, 22); это—повелѣніе; и еще: *аще принесеши даръ твой ко олтарю, и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя, остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой* (Мѳ. v, 23, 24); и это—повелѣніе, такъ что не исполняющій этого неизбѣжно подлежитъ наказанію. Когда же говоритъ (Господь): *аще хощеши совершенъ быти, продаждь имѣніе твое*, и еще: *могій вмѣстити, да вмѣститъ* (Мѳ. xix, 21, 12), то это—не повелѣніе. Здѣсь Онъ предоставляетъ сказанное на волю слушателя и позволяетъ ему свободный выборъ дѣйствія. Здѣсь дѣлать или не дѣлать—въ нашей власти; а повелѣнія—не въ нашей власти, но необходимо или исполнять ихъ, или за неисполненіе подвергнуться наказанію. То же выражаетъ (апостолъ), когда говоритъ: *нужда бо ми належитъ: горе же мнѣ есть, аще не благо-* 667
вѣствую (1 Кор. ix, 16). Представлю это еще яснѣе, чтобы для всѣхъ было очевидно. Напримѣръ: кому ввѣрено начальство въ Церкви, кто почтенъ достоинствомъ епископства, тотъ не будетъ невиновнымъ, если онъ не объясняетъ народу, что должно дѣлать; между тѣмъ мірянинъ нисколько къ тому не обязанъ. Поэтому Павелъ и говоритъ: *по повелѣнію Спасителя нашего* я это дѣлаю. И замѣть, какъ самыя выраженія соотвѣтствуютъ тому, о чемъ я сказалъ. Выше онъ говоритъ: *неложный Богъ*, а здѣсь: *по повелѣнію Спасителя нашего Бога*. Если же Онъ—Спаситель, и самъ повелѣлъ это изъ желанія намъ спасенія, то, значитъ, это не дѣло властолюбія; здѣсь—вѣра и повелѣніе Бога Спасителя. *Титу присному чаду:* могутъ быть и неистинные сыны, какъ, напр., тотъ, о которомъ онъ говоритъ: *аще нѣкій братъ именуемь будетъ блудникъ, или лихоимецъ, или идолослужитель, или досадитель, или піяница, съ таковымъ ниже ясти* (1 Кор. v, 11). Вотъ тоже сынъ, но неистинный; онъ—сынъ, потому что нѣкогда принялъ благодать и возрожденъ, но неистинный, потому что недостоинъ своего Отца, такъ какъ добровольно предалъ себя другому властителю. У плотскихъ дѣтей истинность и неистинность зависитъ отъ раждающей и раждающаго; а здѣсь не такъ, но отъ доброй воли. Здѣсь можно и тому, кто былъ истиннымъ сыномъ, не остаться истиннымъ, и неистинному сдѣлаться истиннымъ, потому что это заключается не въ природной необходимости, но въ свободномъ произволеніи, отъ чего и происходятъ частыя измѣненія. Онисимъ былъ истиннымъ сыномъ, но сталъ неистиннымъ, потому что сдѣлался негоднымъ; а потомъ опять сдѣлался истиннымъ, такъ что (апостолъ) назвалъ его своею *утробою* (Филим. 10—12). *Титу присному чаду по общей вѣрѣ.* Что значитъ: *по общей вѣрѣ?* Назвавъ его *чадомъ* и принявъ на

себя званіе отца его, (апостолъ) здѣсь ограничиваетъ и смягчаетъ это почетное названіе и вотъ какимъ образомъ. Онъ прибавляетъ: *по общей вѣрѣ*, т. е. по вѣрѣ я не имѣю ничего большаго въ сравненіи съ тобою, потому что она—общая и ею возродились какъ я, такъ и ты. Почему же онъ называетъ его своимъ *чадомъ*? Или только для того, чтобы показать свою любовь къ нему, или потому, что самъ онъ прежде него началъ проповѣдывать, или потому, что (Титъ) былъ просвѣщенъ имъ. Поэтому онъ называетъ вѣрующихъ и чадами, и братьями; какъ возрожденные одною и тою же вѣрою, они — братья; а какъ возрожденные чрезъ него, они — чада. Такимъ образомъ, словами: *по общей вѣрѣ* онъ указываетъ на братство. *Благодать и миръ отъ Бога Отца, и Господа Іисуса Христа Спаса нашего.* Сказавъ: *чадо*, (апостолъ) прибавляетъ: *отъ Бога Отца*, чтобы возвышеннѣе настроить мысли (Тита) и научить, чье онъ чадо, а говоря не только: *по общей вѣрѣ*, но и прибавляя: *Отца нашего*, онъ показываетъ равночестность (Тита) съ нимъ.

3. Посмотри же, какъ онъ желаетъ и учителю того самаго, чего желаетъ ученикамъ и народу, потому что и самъ учитель, подобно имъ, имѣетъ нужду въ такихъ благахъ, и еще гораздо больше ихъ, поскольку больше имѣетъ онъ враговъ и больше у него случаевъ прогнѣвать Бога. Насколько велико достоинство имѣющаго священство, настолько больше у него и опасностей, потому что одно исправное прохожденіе епископства можетъ воз-
668 вести на небо, и одна неисправность въ этомъ дѣлѣ можетъ ввергнуть въ геенну. Оставляя все другое, случающееся ежедневно, скажу вотъ что: если онъ по дружбѣ или по какой-нибудь другой причинѣ предоставитъ епископскую власть лицу недостойному и ввѣритъ ему начальство надъ великимъ городомъ, то смотри, какому огню онъ становится повиннымъ. Онъ дастъ отчетъ не только за погибающія души, — потому что неблагочестивый губитъ ихъ,—но и за все, совершаемое подъ его начальствомъ. Кто, будучи міряниномъ, неблагочестивъ, тотъ будетъ еще болѣе неблагочестивымъ, когда получитъ власть. Трудно и благочестивому человѣку остаться такимъ по полученіи власти. Тогда сильнѣе заявляютъ о себѣ и тщеславіе, и корыстолюбіе, и самонадѣянность,—такъ какъ начальство даетъ къ тому возможность,—равно и столкновенія, оскорбленія, злословія и многое другое. Поэтому кто неблагочестивъ, тотъ будетъ еще болѣе неблагочестивымъ, сдѣлавшись начальникомъ. А кто поставитъ такого начальникомъ, тотъ будетъ виновенъ во всѣхъ грѣхахъ, совершаемыхъ имъ и всѣмъ народомъ. Если соблазняющему одну душу *уне есть, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его и*

потонетъ въ пучинѣ морстѣй (Мѳ. xviii, 6), то соблазняющій столько душъ, цѣлые города, народы, тысячи семействъ, мужей, женъ, дѣтей, гражданъ, земледѣльцевъ, живущихъ въ томъ же городѣ и въ другихъ, подвластныхъ ему, какому подвергнется наказанію? Если назовешь другое, втройнѣ большее (наказаніе), то не выразишь ровно ничего: такого онъ достоинъ наказанія и мученія! Такимъ образомъ учитель особенно имѣетъ нужду въ благодати Божіей и мирѣ. Если онъ безъ нихъ будетъ управлять народомъ, то все распадется и погибнетъ, за отсутствіемъ у него кормила. Хотя бы онъ и былъ опытнымъ въ управленіи, но, если не будетъ имѣть этого кормила—благодати и мира отъ Бога, то потопитъ корабль и плывущихъ. Поэтому мнѣ приходится удивляться тѣмъ, которые домогаются такого бремени. Жалкій и несчастный человѣкъ, ужели ты не видишь, чего домогаешься? Если ты живешь самъ по себѣ, безвѣстнымъ и незнатнымъ, то, хотя бы ты совершилъ множество грѣховъ, ты отдашь отчетъ за одну душу, и за нее только подвергнешься наказанію; если же ты достигъ такой власти, то подумай, за сколько человѣкъ ты будешь повиненъ мученію. Послушай, что говоритъ Павелъ: *повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покаряйтеся, тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще* (Евр. xiii, 17). А ты домогаешься чести и власти? И что за удовольствіе отъ этой чести? Совсѣмъ его не вижу. Да и невозможно въ подлинномъ смыслѣ быть властителемъ. Почему? Потому, что повиновеніе зависитъ отъ воли самихъ подчиненныхъ. Кто захочетъ тщательно изслѣдовать дѣло, найдетъ, что такой человѣкъ достигаетъ не начальства, а порабощенія безчисленному множеству господъ, которые желаютъ и требуютъ противнаго другъ другу. Что хвалитъ одинъ, то порицаетъ другой; что осуждаетъ одинъ, тому удивляется другой. Кого же слушать, кому повиноваться? Невозможно (опредѣлить). Наемникъ, слыша отъ господина своего противорѣчащія приказанія, можетъ по крайней мѣрѣ выражать свое неудовольствіе; а ты, если будешь огорчаться противорѣчащими приказаніями этихъ господъ, дашь отвѣтъ и за это, и уста всѣхъ откроются противъ тебя. Это ли честь, скажи мнѣ, это ли начальство, это ли власть?

4. Епископъ предлагаетъ сдѣлать денежныя приношенія. 669
Кто не хочетъ, тотъ не только не приноситъ, но еще, чтобы показать, что онъ дѣлаетъ это не по нерадѣнію, порицаетъ предложившаго, говоря: онъ крадетъ, расхищаетъ, поядаетъ достояніе бѣдныхъ, проживаетъ имущество нищихъ. Перестань злословить; докуда ты будешь говорить это? Не хочешь дѣлать взноса—никто и не принуждаетъ тебя, никто не требуетъ на-

сильно; зачѣмъ же ты злословишь того, кто обращается къ тебѣ съ простой просьбой и совѣтомъ? Но вотъ кто-нибудь впалъ въ нужду и епископъ не простеръ ему руки помощи, или потому, что не могъ, или потому, что былъ занятъ другимъ дѣломъ: опять нѣтъ ему никакого прощенія, но снова начинаются порицанія, худшія прежнихъ! Это ли начальство? И учинить расправы (епископъ) не можетъ, потому что (порицающій) есть собственная его утроба. Какъ утробѣ своей, хотя бы она распухла и причиняла боль и головѣ и всему тѣлу, мы не рѣшаемся мстить, не беремъ меча и не разсѣкаемъ ея, такъ и подчиненному, если онъ таковъ, причиняетъ намъ страданія и безпокойства подобными порицаніями, мы не рѣшаемся мстить; это чуждо отеческой душѣ, которая по необходимости переноситъ огорченіе, пока (огорчающій) не исцѣлится отъ своей болѣзни. Наемный рабъ имѣетъ у себя какое-нибудь опредѣленное дѣло, и послѣ того, какъ исполнитъ его, свободно располагаетъ самъ собою; а епископа буквально тащатъ повсюду, и требуютъ отъ него много такого, что превышаетъ его силы. Если онъ неспособенъ говорить краснорѣчиво, бываетъ сильный ропотъ; если способенъ, опять начинаются порицанія,—говорятъ: онъ—тщеславенъ. Если онъ не воскрешаетъ мертвыхъ, то говорятъ: онъ не заслуживаетъ никакого вниманія; такой-то благочестивъ, а онъ—нѣтъ. Если онъ умѣренно употребляетъ пищу, опять порицанія: ему слѣдовало, говорятъ, истощать себя. Если кто увидитъ его моющимся, снова множество порицаній: онъ, говорятъ, отнюдь не долженъ даже смотрѣть на солнце. Если онъ, говорятъ, дѣлаетъ то же самое, что и я, и моется, и ѣстъ, и пьетъ, и одѣвается, и заботится о домѣ и слугахъ своихъ, то за что онъ сдѣланъ моимъ предстоятелемъ? Онъ и рабовъ имѣетъ, которые служатъ ему, и на ослѣ ѣздитъ,—за что же онъ сдѣланъ моимъ предстоятелемъ? Но, скажи мнѣ, ужели онъ не долженъ имѣть служителя, а самъ обязанъ и зажигать огонь, и носить воду, и рубить дрова, и ходить на рынокъ? Не стыдно ли это? Святые мужи, апостолы, не хотѣли утруждать занимающагося учительствомъ даже служеніемъ вдовицамъ, но считали это дѣло недостойнымъ его (Дѣян. VI, 2); а ты возлагаешь на него службу рабовъ твоихъ? Почему ты, предписывающій ему это, самъ-то не измѣняешь обычнаго порядка жизни и не исполняешь всего этого? Признайся, не гораздо ли большее онъ исполняетъ служеніе тебѣ, чѣмъ ты, озабоченный интересами житейскими? Почему же не пошлешь своего раба для служенія ему? Христосъ умылъ ноги ученикамъ; ты же, если окажешь услугу учителю, великое ли дѣло сдѣлаешь? Но ты не хочешь предоставить ему услугу, и

даже обременяешь его. Что же? Ужели съ неба онъ долженъ ожидать помощи въ жизни? Но это неугодно Богу. Итакъ, что же? Апостоламъ, говоришь ты, служили свободные люди. Хочешь ли выслушать, какъ жили апостолы? Они совершали пу- 670
тешествія, а для ихъ спокойствія свободные мужи и благородныя жены полагали души и головы свои. Послушай блаженнаго (Павла), который, увѣщевая (слушателей), говоритъ: *таковыя честны имѣйте;* и еще: *за дѣло Христово даже до смерти приближися, презрѣвъ душу свою, да исполнитъ ваше лишеніе службы яже ко мнѣ* (Филип. II, 29, 30). Видишь ли, что говоритъ онъ? А ты не хочешь даже сказать слова за отца своего, не только что подвергнуться такой опасности. Но мыться, говоришь ты, ему не слѣдуетъ. Почему, скажи мнѣ, гдѣ запрещается это? Вѣдь и нечистымъ оставаться—нехорошо. Нигдѣ мы не видимъ, чтобы это осуждалось, или похвалялось.

Есть же нѣчто другое, что̀ (апостолъ) заповѣдалъ имѣть епископу: *быти непорочну, цѣломудру, честну, страннолюбиву, учителну* (1 Тим. III, 2; Тит. I, 8). Вотъ чего требуетъ апостолъ; этого слѣдуетъ требовать отъ начальствующаго, а больше—ничего. Ты не правѣе Павла, а тѣмъ болѣе не правѣе Духа (Святого). Если онъ біица, или пьяница, или жестокъ и немилостивъ, порицай его: это недостойно епископа; если онъ роскошествуетъ, это заслуживаетъ порицанія. Но если онъ бережетъ свое тѣло, чтобы служить тебѣ, если заботится, чтобъ быть полезнымъ тебѣ, то ужели должно порицать его за это? Развѣ ты не знаешь, что немощь тѣлесная, не менѣе немощи душевной, вредитъ какъ намъ, такъ и Церкви? Почему и Павелъ врачуетъ ее, когда пишетъ Тимоѳею: *мало вина пріемли, стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ* (1 Тим. V, 23)? Если бы мы совершали добродѣтель одною душею, то намъ не нужно было бы заботиться о тѣлѣ. Для чего же и вообще мы такъ созданы? А если и тѣло много участвуетъ въ этомъ, то не крайнее ли безуміе—пренебрегать имъ? Представимъ, что какой-нибудь мужъ, почтенный достоинствомъ епископства и получившій предстоятельство въ церковномъ обществѣ—человѣкъ и въ другихъ отношеніяхъ добродѣтельный и имѣетъ все, что̀ прилично имѣть лицу священному, но отъ великой немощи постоянно лежитъ въ постели: какую онъ можетъ принести пользу, какое предпринять путешествіе, какія сдѣлать посѣщенія, кого обличить, кого уговорить? Сказалъ я это для того, чтобы вы научились не порицать епископовъ безъ разбора и принимать ихъ съ бо́льшею благосклонностію, а если кто домогается власти, то, имѣя въ виду такое множество порицаній, заглушалъ бы въ себѣ это желаніе. Поистинѣ, велика здѣсь опас-

ность и весьма нужны здѣсь благодать и миръ, которыхъ въ обиліи вы испрашивайте у Бога намъ, а мы (будемъ испрашивать) вамъ, чтобы и мы и вы, преуспѣвая въ добродѣтели, достигли обѣщанныхъ благъ, во Христѣ Іисусѣ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА II.

669—670 Сего ради оставихъ тя въ Критѣ, да недоконченная исправиши, и устроиши по всѣмъ градомъ пресвитеры, якоже тебѣ азъ повелѣхъ: аще кто есть непороченъ, единыя жены мужъ, чада имый вѣрна, не во укореніи блуда, или непокорива (Тит. і, 5, 6).

1. У древнихъ мужей вся жизнь была дѣятельна и полна подвиговъ; а у насъ—не такъ, но полна лѣности. Тѣ знали, что они для того и пришли въ міръ, чтобы трудиться согласно съ волею Давшаго имъ бытіе; а мы, какъ будто родившіеся для того, чтобы ѣсть, пить и веселиться, не думаемъ ни о чемъ духовномъ. Говорю это не объ апостолахъ только, но и о тѣхъ, которые были
671 послѣ нихъ. Они, какъ видишь, ходили вездѣ, преданные этому какъ своему единственному дѣлу, и всю жизнь проводили въ чужихъ странахъ, какъ бы не имѣя на землѣ (родного) города. Послушай, что говоритъ блаженный (Павелъ): *сего ради оставихъ тя въ Критѣ.* Раздѣливъ между собою вселенную, какъ бы одинъ домъ, они управляли всѣмъ и заботились обо всемъ, принявъ на себя одинъ одну часть, а другой другую. *Сего ради*, говоритъ, *оставихъ тя въ Критѣ, да недоконченная исправиши.* Не повелительнымъ образомъ требуетъ отъ него этого. *Да исправиши*, говоритъ. Видишь, какъ душа его была чиста отъ всякой зависти, какъ онъ всегда искалъ пользы поучаемыхъ, не разбирая, будетъ ли она достигнута имъ самимъ, или кѣмъ-нибудь другимъ? Тамъ, гдѣ была опасность и великое затрудненіе, онъ исправлялъ все самъ личнымъ присутствіемъ; а что доставляло болѣе чести или славы, то поручаетъ ученику, именно: рукоположеніе епископовъ и все другое, что имѣло нужду въ нѣкоторомъ исправленіи, или, такъ сказать, въ большемъ упорядоченіи. Скажи мнѣ, что же это говоришь ты: чтобы онъ исправлялъ твои дѣйствія? И ты не считаешь этого унизительнымъ и постыднымъ для себя? Нисколько, говоритъ, такъ какъ я имѣю въ виду только общую пользу; мною ли будетъ сдѣлано, или другимъ, для меня все равно. Такимъ

долженъ быть предстоятель (Церкви),—искать не своей чести, но общей пользы. *И устроиши*, говоритъ, *по всѣмъ градомъ пресвитеры*. Здѣсь онъ разумѣетъ епископовъ, какъ мы сказали въ другомъ мѣстѣ. *Якоже тебѣ азъ повелѣхъ: аще кто есть непороченъ. По всѣмъ*, говоритъ, *градомъ*. Онъ не хотѣлъ, чтобы весь островъ порученъ былъ одному лицу, но чтобы каждый имѣлъ свою часть въ своемъ попеченіи и наблюденіи; такимъ образомъ и для него самого облегчается трудъ, и надъ подчиненными будетъ больше наблюденія, если учитель не будетъ отвлекаться для предстоятельства надъ множествомъ Церквей, но будетъ заниматься только одною и ее благоустроять. *Аще кто есть непороченъ*, говоритъ, *единыя жены мужъ, чада имый вѣрна, не во укореніи блуда, или непокорива*. Для чего онъ представляетъ такого человѣка? Онъ заграждаетъ уста еретикамъ, осуждавшимъ бракъ, показывая, что это дѣло не дурное, но настолько честное, что при немъ можно восходить даже на священный престолъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ укоряетъ людей невоздержныхъ, не позволяя послѣ второго брака принимать эту власть. Въ самомъ дѣлѣ, кто не сохранилъ никакого расположенія къ умершей (женѣ), какъ можетъ тотъ быть хорошимъ предстоятелемъ? Какому только не подвергнется онъ порицанію? Вѣдь всѣ вы знаете, что, хотя законами и не запрещено вступать во второй бракъ, однако это дѣло подвергается многимъ нареканіямъ. (Апостолъ) желаетъ, чтобы начальствующій не подавалъ подчиненнымъ никакого повода къ нареканіямъ, потому и говоритъ: *аще кто есть непороченъ*, т. е. если жизнь его свободна отъ нареканія, если никто не могъ упрекнуть его въ (дурной) жизни. Послушай, что говоритъ Христосъ: *аще убо свѣтъ, иже въ тебѣ, тма есть, то тма кольми* (Мѳ. VI, 23)? *Чада имый вѣрна, не во укореніи блуда, или непокорива*. Замѣтьте, какую великую предусмотрительность обнаруживаетъ онъ и въ отношеніи къ дѣтямъ, потому что кто не могъ научить своихъ дѣтей, тотъ какъ можетъ быть учителемъ другихъ? Если онъ не могъ устроить тѣхъ, которыхъ съ самаго начала имѣлъ при себѣ и воспитывалъ, и надъ которыми имѣлъ 672
власть и по законамъ, и по природѣ, то какъ онъ можетъ быть полезнымъ для чужихъ? Если бы не была велика безпечность отца, то онъ не допустилъ бы сдѣлаться злыми тѣмъ, надъ которыми имѣлъ власть съ самаго начала (ихъ жизни). Невозможно, поистинѣ невозможно, чтобы тотъ, кто съ самаго начала былъ воспитанъ съ великимъ тщаніемъ и окруженъ попеченіями, сдѣлался злымъ, потому что грѣхи не таковы по своей природѣ, чтобы они могли быть сильнѣе такого попеченія. Если же онъ считалъ воспитаніе дѣтей дѣломъ второстепеннымъ, заботясь

только объ имуществѣ и не имѣя объ нихъ такого же старанія, то и поэтому онъ недостоинъ (священнаго сана). Если тамъ, гдѣ побуждала его природа, онъ имѣлъ такъ мало любви, или былъ такъ безразсуденъ, что больше заботился объ имуществѣ, нежели о дѣтяхъ, то какъ онъ можетъ быть возведенъ на престолъ (епископскій) и на такую степень власти? Если онъ не могъ (воспитать своихъ дѣтей), то достоинъ великаго осужденія за лѣность; а если не старался, то достоинъ великаго осужденія за недостатокъ любви. Поэтому кто нерадитъ о своихъ дѣтяхъ, тотъ какъ будетъ заботиться о чужихъ? И далѣе (апостолъ) сказалъ не просто: чтобы онъ не былъ распутнымъ, но—чтобы не подлежалъ и *укоренію блуда*, чтобы не было объ немъ и молвы худой. *Подобаетъ бо*, говоритъ, *епископу безъ порока быти, якоже Божію строителю, не себѣ угождающу, не гнѣвливу, не піяницѣ, не бійцѣ* (ст. 7).

2. Кто имѣетъ внѣшнюю (гражданскую) власть, тотъ, какъ управляющій силою закона и по необходимости, справедливо не всегда соображается съ желаніями подчиненныхъ; но кто долженъ начальствовать надъ людьми, подчиняющимися ему добровольно и чувствующими благодарность за его управленіе, тотъ, если будетъ поступать во всемъ только по своему произволу и никому не давать отчета, сдѣлаетъ свое правленіе насильственнымъ, а не народнымъ. *Подобаетъ бо*, говоритъ (апостолъ), *епископу безъ порока быти, яко Божію строителю, не себѣ угождающу, не гнѣвливу*. Какъ можетъ учить другихъ обуздывать эту страсть тотъ, кто не научилъ этому самого себя? Власть поставляетъ человѣка во многія обстоятельства, которыя дѣлаютъ и весьма кроткаго тяжелымъ и суровымъ, подавая множество поводовъ къ гнѣву. Потому, если онъ напередъ не позаботился объ укрощеніи этой страсти, то будетъ (для подчиненныхъ) крайне тяжелымъ, повредитъ и погубитъ многое въ дѣлахъ своего управленія. *Не піяницѣ, не бійцѣ*. Здѣсь онъ разумѣетъ оскорбителя. Епископу слѣдуетъ дѣлать все увѣщаніемъ, а не порицаніемъ и оскорбленіемъ; да и какая, скажи, необходимость оскорблять? Надобно угрожать геенною, усиливать угрозы, поражать. Оскорбляемый же дѣлается болѣе дерзкимъ и презираетъ оскорбляющаго. Ничто такъ не возбуждаетъ презрѣнія, какъ оскорбленіе, которое наноситъ болѣе безчестія самому оскорбляющему, лишая его должнаго уваженія. Слово епископа должно быть исполнено великаго благочестія, при обличеніи грѣховъ напоминать о будущемъ судѣ и быть чистымъ отъ всякаго оскорбленія; если же кто-нибудь препятствуетъ ему въ исполненіи должнаго, то нужно дѣйствовать со всею властію. *Не бійцѣ*, говоритъ (апостолъ). Учитель есть врачъ душъ; а врачъ не наноситъ ударовъ, но наносящаго удары

исправляетъ и лѣчитъ. *Не скверностяжателну, но страннолюбиву, благолюбцу, цѣломудренну, праведну, преподобну, воздержателну, держащемуся вѣрнаго словесе по ученію* (ст. 8, 9). Видишь ли, какой высокой онъ требуетъ добродѣтели? *Не скверностяжателну*, говоритъ, т. е. показывающему великое презрѣніе къ деньгамъ. *Страннолюбиву, благолюбцу, цѣломудренну, праведну, преподобну*, т. е. раздающему все свое имущество нуждающимся; *воздержателну*,— разумѣетъ здѣсь не постника, но воздержнаго отъ страсти и 673
языка, и руки и безстыднаго взора; вѣдь въ томъ и состоитъ воздержаніе, чтобы не поддаваться никакой страсти. *Держащемуся вѣрнаго словесе по ученію*. Подъ *вѣрнымъ* здѣсь онъ разумѣетъ истинное, или преподаваемое посредствомъ вѣры, не имѣющее нужды въ умствованіяхъ или изслѣдованіяхъ. *Держащемуся*, т. е. тщательно содержащему, поставляющему это своимъ долгомъ. Поэтому что̀ изъ того, если онъ будетъ неискусенъ во внѣшнемъ краснорѣчіи? Съ этою цѣлію сказано: *вѣрнаго словесе по ученію, да силенъ будетъ и утѣшати во здравѣмъ ученіи, и противящіяся обличати*. Такимъ образомъ нужны не краснорѣчивыя, но здравыя слова, знаніе Писаній и сила мыслей.

Развѣ не видишь, какъ Павелъ обратилъ всю вселенную и сдѣлалъ больше, чѣмъ Платонъ и всѣ другіе? Но, скажешь, онъ сдѣлалъ это посредствомъ знаменій. Не посредствомъ знаменій только; если прочитаешь Дѣянія Апостольскія, то увидишь, что онъ часто побѣждалъ ученіемъ и прежде знаменій. *Да силенъ будетъ и утѣшати во здравѣмъ ученіи*, т. е. для огражденія своихъ и отраженія враговъ. *И противящіяся обличати*, потому что, если этого не будетъ, то все разстроится. Кто не умѣетъ бороться со врагами, *плѣнять всякъ разумъ въ послушаніе Христово* и низлагать мудрованія (1 Кор. x, 5), кто не знаетъ, какъ нужно учить здравому ученію, тотъ пусть будетъ далекъ отъ учительскаго престола. Прочія качества можно находить и въ подчиненныхъ, какъ-то: непорочность, держаніе дѣтей въ послушаніи, страннолюбіе, справедливость, благочестіе; но что особенно отличаетъ учителя, это то, чтобы онъ могъ оглашать (народъ) ученіемъ, о чемъ нисколько не заботятся нынѣ. *Суть бо мнози непокориви, суесловцы и умомъ прельщени, наипаче же сущіи отъ обрѣзанія, ихже подобаетъ уста заграждати* (ст. 10). Видишь ли, какъ (апостолъ) объясняетъ, отъ чего бываютъ такіе люди? Отъ желанія не повиноваться, а господствовать; на это именно онъ намекаетъ. Слѣдовательно, если ты не можешь убѣдить ихъ, то не предоставляй имъ власти, но загради имъ уста для пользы другихъ. Какая отъ нихъ польза, если они не убѣждаются, или *непокориви суть*? Для чего нужно заграждать имъ уста? Для того, чтобы

другіе получили отъ того пользу. *Иже вся домы развращаютъ, учаще, яже не подобаетъ, скверпаго ради прибытка* (ст. 11). Если тотъ, кто принялъ на себя обязанность ученія, будетъ неспособенъ бороться съ этими людьми и заграждать имъ, столь безстыднымъ, уста, онъ будетъ виновенъ въ погибели каждаго изъ погибающихъ. Поэтому, если (Премудрый) заповѣдуетъ: *не ищи, да будеши судія, егда не возможеши отъяти неправды* (Сир. VII, 6), то тѣмъ болѣе здѣсь можно сказать: не домогайся сдѣлаться учителемъ, если ты не имѣешь способности къ этому дѣлу, но уклоняйся, если бы тебя даже привлекали. Видишь, какъ всегда сребролюбіе, или скверностяжательность, бываетъ этому причиною? *Учаще*, говоритъ, *яже не подобаетъ, скверпаго ради прибытка.*

8. Нѣтъ ничего, чему бы не вредили эти страсти. Какъ бурные вѣтры, падая на тихое море, возмущаютъ его все съ самаго дна, такъ что песокъ смѣшивается съ волнами,—такъ и страсти,
674 вторгаясь въ душу, превращаютъ въ ней все вверхъ дномъ и ослѣпляютъ ея мыслительную способность, особенно страсть къ славѣ. Презирать богатство не трудно для того, кто захочетъ; но чтобы презирать честь отъ людей, для этого нужно много усилія, великое любомудріе, нужна душа какъ бы ангельская, достигающая самой высоты небесной, потому что нѣтъ, истинно нѣтъ другой страсти, столь же сильной и всюду господствующей, въ большей, или въ меньшей мѣрѣ, но, во всякомъ случаѣ — вездѣ. Какимъ же образомъ мы можемъ преодолѣть ее, если не вполнѣ, то хотя въ малѣйшей степени? Если мы будемъ взирать на небо, если будемъ имѣть Бога предъ очами своими, если устремимъ помыслы наши выше всего земного. Когда ты желаешь славы, то представь, что ты уже получилъ ее, продумай до самаго конца, и ты не найдешь тамъ ничего; представь, какой она причиняетъ вредъ, какихъ и сколькихъ лишаетъ благъ,— потому что для нея ты подвергнешься трудамъ и опасностямъ, а плодовъ и наградъ отъ нея не получишь. Вспомни, что между людьми, (достигшими славы), есть очень много злыхъ, и презирай ихъ славу; поразмысли о каждомъ изъ нихъ, кто онъ, и увидишь, что эта слава достойна смѣха, что она скорѣе позоръ, чѣмъ слава; и послѣ этого возводи умъ свой къ горнему зрѣлищу. Когда ты, дѣлая какое-нибудь доброе дѣло, думаешь, что нужно показать его и людямъ, ищешь какихъ-нибудь зрителей этого дѣла, и стараешься быть видимымъ, то вспомни, что тебя видитъ Богъ,—и истребишь въ себѣ всякое такое пожеланіе; отрѣшись отъ земли и устреми взоръ къ зрѣлищу небесному. Люди, если и похвалятъ, послѣ будутъ хулить, будутъ завидовать, будутъ вредить; если даже и не сдѣлаютъ этого, то не принесутъ

совершенно никакой пользы тому, кого хвалятъ. Но не такъ у Бога; напротивъ Онъ радуется, восхваляя наши добрыя дѣла. Ты хорошо сказалъ и удостоился рукоплесканій? Но что пользы отсюда? Если рукоплескавшіе получили пользу, измѣнились, сдѣлались лучшими, отстали отъ прежнихъ пороковъ, то поистинѣ нужно радоваться,—не похваламъ, а доброй и чудной перемѣнѣ слушателей. Если же они, постоянно воздавая похвалы, продолжая шумѣть и рукоплескать, сами не получаютъ никакого плода отъ этихъ рукоплесканій, то скорѣе слѣдуетъ скорбѣть, потому что это послужитъ къ ихъ осужденію. Но ты получаешь прославленіе за благочестіе? Если ты истинно благочестивъ и не сознаешь за собою ничего худого, то нужно радоваться, не потому, что ты кажешься такимъ, но потому что ты дѣйствительно таковъ; если же ты, не будучи такимъ, желаешь славы отъ людей, то вспомни, что не они будутъ судить насъ въ послѣдній день, а Тотъ, кто въ точности знаетъ наше сокровенное. Если ты, сознавая за собою грѣхи, всѣми почитаешься чистымъ отъ грѣховъ, то не только не слѣдуетъ радоваться этому, но скорбѣть и горько плакать, представляя непрестанно тотъ день, въ который откроется все, въ который Богъ *приведетъ во свѣтъ тайная тмы* (1 Кор. IV, 5). Тебѣ воздаютъ честь? Отвергни ее, зная, что она дѣлаетъ тебя должникомъ. Никто не воздаетъ тебѣ чести? Нужно радоваться этому, потому что Богъ поставитъ тебѣ на видъ между прочимъ и то, что ты пользовался честью. Или ты не знаешь, что между прочими благодѣяніями Богъ ставитъ въ укоръ и это, когда говоритъ чрезъ пророка: *поятъ отъ сыновъ вашихъ во пророки, и отъ юнотъ вашихъ во освященіе* (Амос. II, 11)? Такимъ образомъ ты получишь ту пользу, что не будешь преданъ большему наказанію. Кто не получаетъ чести въ настоящей жизни, но терпитъ презрѣніе, не пользуется никакимъ уваженіемъ, но подвергается оскорбленію и униженію, тотъ, если 675
не пріобрѣтаетъ ничего другого, то по крайней мѣрѣ освободится отъ отвѣтственности за полученіе чести отъ подобныхъ себѣ рабовъ. Между прочимъ онъ получаетъ отсюда и другую пользу. Онъ дѣлается кроткимъ и смиреннымъ и, если будетъ болѣе внимателенъ къ самому себѣ, никогда не станетъ превозноситься, хотя бы и захотѣлъ. Напротивъ человѣкъ, пользующійся великою честью, кромѣ того, что дѣлается тяжкимъ должникомъ, предается надменности и тщеславію и дѣлается рабомъ людей; затѣмъ, по мѣрѣ умноженія людской власти надъ нимъ, бываетъ принужденъ дѣлать многое, чего не хочетъ.

4. Итакъ, зная, что̀ для насъ лучше, не будемъ искать почестей, и даже предлагаемыя будемъ отвергать, а эту страсть

отторгнемъ отъ себя и истребимъ. Говорю это и начальствующимъ, и подчиненнымъ. Душа, жаждущая чести и прославленій, не увидитъ царства небеснаго. Это—не мои слова, не отъ себя я говорю ихъ, но—божественнаго Духа. Не увидитъ, хотя бы и подвизалась въ добродѣтели: *яко воспріемлютъ*, говоритъ (Господь), *мзду свою* (Мѳ. VI, 5). А кто не получитъ мзды, тотъ какъ можетъ увидѣть царство небесное? Я не запрещаю искать славы, но славы истинной, той, которая отъ Бога: *емуже*, говоритъ (апостолъ), *похвала не отъ человѣкъ, но отъ Бога* (Рим. II, 29). Будемъ благочестивыми втайнѣ, не прикрывая себя спѣсью, притворствомъ и лицемѣріемъ; снимемъ съ себя овчую кожу, или лучше, будемъ овцами. Нѣтъ ничего ничтожнѣе славы человѣческой. Скажи мнѣ: если бы ты увидѣлъ множество малолѣтнихъ дѣтей, точнѣе—грудныхъ младенцевъ, то захотѣлъ ли бы себѣ славы отъ нихъ? Такъ смотри и на всѣхъ людей въ отношеніи къ славѣ. Вотъ почему это и называется тщеславіемъ. Видишь, какія маски надѣваются играющими на сценѣ,—какъ онѣ хороши, какъ блестящи, какъ сдѣланы по самымъ строгимъ требованіямъ внѣшней красоты? Можешь ли ты указать мнѣ такія лица въ дѣйствительности? Нѣтъ. Что же? Возбуждалась ли въ тебѣ когда-нибудь любовь къ нимъ? Нѣтъ. Почему? Потому, что это—пустая маска; она подражаетъ красотѣ, а на самомъ дѣлѣ не красота. Такъ и слава (человѣческая) пуста; она только подражаетъ славѣ, а на самомъ дѣлѣ не слава. Постоянна только одна слава—естественная, внутренняя; а эта, внѣшняя, часто прикрываетъ безобразіе; впрочемъ прикрываетъ отъ людей, и только
676 до вечера, а, по окончаніи зрѣлища и снятіи маски, каждый является тѣмъ, что онъ есть. Поэтому не будемъ обращаться съ истиною такъ, какъ на сценѣ, и съ лицемѣріемъ. Скажи мнѣ: что хорошаго въ томъ, чтобы быть на виду у толпы? Это—тщеславіе, и ничто иное; войди въ домъ, останься одинъ,—и тотчасъ исчезаетъ все. Ты пришелъ на площадь и обратилъ на себя вниманіе присутствующихъ? Что же далѣе? Ничего. Все исчезло и прошло, какъ разсѣявшійся дымъ. И мы такъ пристрастны къ вещамъ ничтожнымъ? Какое безразсудство! Какое безуміе! Будемъ же взирать только на то, какъ бы похвалилъ насъ Богъ; если это мы будемъ имѣть въ виду, то никогда не станемъ искать похвалы отъ людей, но, если даже это случится, станемъ презирать, осмѣивать, гнушаться, настроимъ себя такъ; какъ бы мы, протягиваясь къ золоту, хватились за грязь. Пусть не хвалитъ тебя такой-то; этимъ онъ не принесетъ тебѣ никакой пользы; а если онъ будетъ порицать, то не причинитъ никакого вреда. Отъ Бога же то и другое доставляетъ намъ пользу или вредъ; а отъ

людей—все это тщетно. Такимъ образомъ мы уподобимся Богу, который не нуждается въ славѣ человѣческой: *славы*, говорить Онъ, *отъ человѣкъ не пріемлю* (Іоан. v, 41). А это, скажи мнѣ, развѣ маловажно? Когда ты не расположенъ презирать славу, то скажи самому себѣ: презрѣвъ ее, я сдѣлаюсь подобнымъ Богу,—и тотчасъ станешь презирать ее. Рабъ славы не можетъ не быть рабомъ всѣхъ, и даже раболѣпнѣе самихъ рабовъ. Мы не приказываемъ того своимъ рабамъ, что она — преданнымъ ей; она заставляетъ насъ и говорить и переносить постыдное и безчестное; и особенно, когда видитъ насъ послушными, тѣмъ болѣе увеличиваетъ свои требованія. Итакъ бѣжимъ, увѣщеваю васъ, бѣжимъ этого рабства. А какъ, спросишь, мы можемъ сдѣлать это? Если мы будемъ философски разсуждать о здѣшнихъ благахъ, если будемъ сознавать, что все настоящее есть сновидѣніе и тѣнь, а ничто иное, то легко преодолѣемъ эту страсть, и не будемъ предаваться ей ни въ мелочахъ, ни въ главномъ; если же будемъ допускать ее въ мелкихъ случаяхъ, то легко подпадемъ подъ ея власть и въ самыхъ важныхъ. Удалимъ отъ себя и источники ея, т. е. безуміе и низменность душевную. Если такимъ образомъ мы будемъ имѣть возвышенные помыслы, то будемъ въ состояніи и презирать честь отъ людей, и устремить умъ свой къ небу и достичь небесныхъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы получить благодатію и человѣколюбіемъ Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА III.

Рече нѣкто отъ нихъ свой имъ пророкъ: Критяне присно лживи, зліе звѣріе, утробы праздныя. Свидѣтельство сіе истинно есть. Еяже ради вины обличай ихъ нещадно, да здрави будутъ въ вѣрѣ, не внимающе Іудейскимъ баснемъ, ни заповѣдемъ человѣкъ отвращающихся отъ истины (Тим. i, 12—14). 675

1. Здѣсь представляется много вопросовъ: во-первыхъ, кто сказалъ это (о критянахъ); во-вторыхъ, для чего Павелъ воспользовался этими словами; въ-третьихъ, почему онъ приводитъ такое свидѣтельство, которое заключаетъ въ себѣ неправильную мысль? Итакъ, прибавивъ сюда и еще кое-что другое, сдѣлаемъ надлежащее разрѣшеніе этихъ вопросовъ. Когда (Павелъ) бесѣ- 676
довалъ съ аѳинянами, онъ въ рѣчь свою вставилъ выраженіе:

невѣдомому Богу, и еще: *сего бо и родъ есмы, якоже и нѣцыи отъ вашихъ книжникъ рекоша* (Дѣян. XVII, 23, 28). Слова эти сказалъ Эпименидъ, который самъ былъ критянинъ; но по какому поводу, это нужно объяснить вамъ; именно—по слѣдующему: критяне имѣютъ у себя гробницу Зевса съ такою надписью: *здѣсь лежитъ Занъ, котораго называютъ Зевсомъ.* За такую надпись поэтъ
677 въ насмѣшку и называетъ критянъ лжецами, а далѣе, еще болѣе усиливая насмѣшку, говоритъ: *критяне устроили тебѣ, царь, гробницу; но ты не умеръ, потому что существуешь всегда* [1]). Итакъ, если это свидѣтельство истинно, то, смотри, какая здѣсь опасность. Если поэтъ, какъ говоритъ апостолъ, правъ, сказавъ, что (критяне) лгутъ, называя Зевса умершимъ, то здѣсь большая опасность. Слушайте, возлюбленные, съ полнымъ вниманіемъ. Поэтъ сказалъ, что критяне лгутъ, называя Зевса умершимъ; апостолъ подтвердилъ его свидѣтельство. Слѣдовательно, по апостолу, Зевсъ безсмертенъ, потому что *свидѣтельство сіе*, говоритъ онъ, *истинно есть.* Что же сказать на это? Или лучше, какъ разрѣшить это недоумѣніе? Не то сказалъ апостолъ, но онъ просто взялъ это свидѣтельство только въ отношеніи къ лживому нраву критянъ; иначе почему онъ не прибавилъ и слѣдующихъ словъ: *критяне устроили тебѣ, царь, гробницу?* Такимъ образомъ апостолъ говорилъ не объ этомъ, а о томъ, что хорошо сказалъ такой-то, что критяне лжецы. Мы не отсюда только заимствуемъ доказательство, что Зевсъ не есть Богъ; это подтверждается и многими другими доказательствами, а не однимъ свидѣтельствомъ критянъ доказывается ясно. Не въ этомъ отношеніи (апостолъ) называетъ ихъ лживыми; или лучше, они были лживы и въ этомъ отношеніи, такъ какъ признавали и другихъ боговъ. За это апостолъ и назвалъ ихъ лживыми.

Но спрашивается: почему онъ приводитъ свидѣтельства языческихъ писателей? Потому, что язычниковъ мы изобличаемъ особенно тогда, когда приводимъ близкія къ нимъ свидѣтельства и обвиненія, когда уважаемыхъ ими авторовъ представляемъ ихъ обличителями. Поэтому и въ другомъ мѣстѣ онъ воспользовался словами: *невѣдомому Богу.* Аѳиняне, принявшіе не всѣхъ боговъ своихъ съ самаго начала, но впослѣдствіи признавшіе и нѣсколько другихъ, какъ напр. иперборейскихъ, также Пана и великія и малыя мистеріи, заключая отсюда, что вѣроятно есть еще иной богъ, непознанный ими, и желая также въ отношеніи

[1]) См. Ѳеогонію *Епименида*. Тѣ же выраженія о критянахъ встрѣчаются у поэтовъ: *Каллимаха* въ гимнѣ Зевсу (стихъ 8) и у *Гезіода* въ Ѳеогоніи (стихъ 26).

къ нему быть благоговѣйными, поставили ему жертвенникъ съ надписью: *невѣдомому Богу*, какъ бы выразивъ слѣдующее: если есть еще какой-либо невѣдомый Богъ. Поэтому (апостолъ) и сказалъ имъ: *егоже убо не вѣдуще чтете, сего азъ проповѣдую вамъ* (Дѣян. XVII, 23). А слова: *сего бо и родъ есмы* сказаны о Зевсѣ Аратомъ, который, сказавъ сначала: *Зевсомъ полны пути, наполнено море*, потомъ прибавилъ: *мы его и родъ*, выражая этимъ, какъ думаю, то, что мы произошли отъ Бога. Для чего же Павелъ сказавное о Зевсѣ прилагаетъ къ Богу всего? Не о Зевсѣ сказанное онъ прилагаетъ къ Богу, а приличествующее Богу, но несправедливо и неточно приписанное Зевсу онъ воздаетъ Богу; и самое имя *Богъ* принадлежитъ только Ему одному, но беззаконно прилагается къ идоламъ. Да и откуда ему слѣдовало бы заимствовать доказательства въ бесѣдѣ съ такими слушателями? Изъ 678
пророковъ? Но они не повѣрили бы. Потому и іудеямъ онъ не говоритъ ничего изъ Евангелій, но изъ пророковъ: *быхъ*, говоритъ онъ, *Іудеемъ яко Іудей, беззаконнымъ яко беззаконенъ, подзаконнымъ яко подзаконенъ* (1 Кор. IX, 20, 21).

2. Такъ поступаетъ и Богъ; напр., волхвовъ Онъ ведетъ не чрезъ ангела, не чрезъ пророка, не чрезъ апостола, не чрезъ евангелиста,—но какъ? Посредствомъ звѣзды. Въ какомъ искусствѣ упражнялись они, тѣмъ Онъ и привелъ ихъ. Также о коровахъ, которыя везли кивотъ, говорится: *аще путемъ предѣловъ своихъ пойдутъ*, то это поистинѣ гнѣвъ Божій, какъ полагали жрецы (1 Цар. VI, 9). Итакъ, (языческіе) гадатели говорили истину? Нѣтъ, но собственными ихъ устами Богъ обличалъ и укорялъ ихъ. То же было и съ волшебницею (аендорскою); такъ какъ Саулъ вѣрилъ ей, то Богъ чрезъ нее и открылъ ему, что съ нимъ случится въ будущемъ (1 Цар. XXVIII). Почему же Павелъ заградилъ уста бѣсу, который говорилъ: *сіи человѣцы раби Бога вышняго суть, иже возвѣщаютъ намъ путь спасенія* (Дѣян. XVI, 17)? Почему и Христосъ запрещалъ бѣсамъ говорить (Марк. I, 25)? Тамъ (при апостолѣ) это справедливо сдѣлано, потому что бѣсу удавалось являть и знаменія; и здѣсь (при Христѣ) не звѣзда была, но самъ Онъ проповѣдывалъ о Себѣ; да и бѣсы не поклонялись (Ему). Когда говорящимъ былъ не идолъ, то ему не было возбраняемо; такъ и Валааму Богъ попустилъ изречь благословенія, а не воспретилъ (Числ. XXIII). Такъ Онъ вездѣ оказываетъ снисхожденіе. Впрочемъ чему ты удивляешься? Богъ самъ прежде попускалъ имѣть о Немъ неточныя и недостойныя Его понятія, наприм., будто Онъ тѣлесенъ, будто Онъ видимъ,—а потомъ противъ этого говоритъ: *Духъ есть Богъ* (Іоан. IV, 24); также: будто онъ радуется жертвоприношеніямъ,—что несвойственно Ему; изре-

калъ Онъ и слова, несоотвѣтствующія истинному объ Немъ понятію; и многое тому подобное, такъ какъ Онъ никогда не взираетъ на Свое достоинство, но всегда на нашу пользу. Если отецъ не взираетъ на свое достоинство, когда лепечетъ вмѣстѣ съ дѣтьми, называя пищу, яства и напитки не настоящими именами, но какимъ-то дѣтскимъ и варварскимъ нарѣчіемъ, то тѣмъ болѣе Богъ. Такъ Онъ чрезъ пророка снисходительно укоряетъ (іудеевъ), когда говоритъ: *аще премѣниша языцы боги своя* (Іерем. II, 11); и вездѣ въ Писаніяхъ видно снисхожденіе Его и въ словахъ, и въ дѣйствіяхъ. *Еяже ради вины*, говоритъ (апостолъ), *обличай ихъ нещадно, да здрави будутъ въ вѣрѣ*. Потому, говоритъ, обличай ихъ, что они имѣютъ нравъ дерзкій, коварный и необузданный; они преданы безчисленнымъ порокамъ. Если они склонны ко лжи, коварны, чревоугодливы и безпечны, то для нихъ нужно сильное и обличительное слово: кротостью такой человѣкъ не можетъ быть тронутъ. Итакъ *обличай ихъ*. Здѣсь онъ говоритъ не о чужихъ, но о своихъ. *Нещадно*. Глубоко, говоритъ, поражай ихъ. Вѣдь нужно не со всѣми обращаться одинаковымъ образомъ, но различно и разнообразно, смотря по обстоятельствамъ. Въ настоящемъ случаѣ онъ нигдѣ не прибѣгаетъ къ увѣщаніямъ, потому что какъ, укоряя человѣка послушнаго и благороднаго, можно убить его и погубить, такъ и лаская че-
679 ловѣка, имѣющаго нужду въ сильномъ обличеніи, можно испортить его и не довести до исправленія. *Да здрави*, говоритъ, *будутъ въ вѣрѣ*. Итакъ здравіе состоитъ въ томъ, чтобы не вводить ничего ложнаго, ничего чуждаго. Если тѣ, которые соблюдаютъ правила касательно пищи, не здравы, но больны и немощны,— такъ какъ *изнемогающаго въ вѣрѣ*, говоритъ (апостолъ), *пріемлите, не въ сомнѣніи помышленій* (Рим. XIV, 1),—то что сказать о тѣхъ, которые постятся и соблюдаютъ субботу вмѣстѣ съ іудеями, или ходятъ на мѣста, почитаемыя священными у язычниковъ,—разумѣю мѣсто въ Дафнѣ, такъ называемую пещеру Матроны, мѣсто въ Киликіи, называемое Кроновымъ? Могутъ ли они быть здравыми? Поэтому для нихъ нужно сильнѣйшее обличеніе. Но почему (апостолъ) не дѣлаетъ того же въ отношеніи къ римлянамъ? Потому, что ихъ нравы были не такіе, но благороднѣе. *Не внимающе*, говоритъ, *Іудейскимъ баснемъ*. Іудейскіе обычаи—вдвойнѣ басни и потому, что они искажены, и потому, что безвременны. Вообще они *басни*. Разъ они не должны выполняться, а при исполненіи наносятъ вредъ, то они—басни, вещь безполезная. Такимъ образомъ не слѣдуетъ слушаться ни язычниковъ, ни іудеевъ, потому что это значило бы не быть здравымъ. Если ты содержишь вѣру, то для чего вводишь еще нѣчто другое, какъ будто

вѣра не достаточна для оправданія? Для чего порабощаешь себя и подчиняешь закону? Или ты не осмѣливаешься на дѣлѣ (руководиться одной вѣрой)? Это свойственно слабому и невѣрующему,—такой человѣкъ сомнѣвается,—а душѣ вѣрующей несвойственно сомнѣваться. *Вся убо,* говоритъ (апостолъ), *чиста чистымъ.* Видишь ли, къ чему сказано было предъидущее? *Оскверненнымъ же,* говоритъ, *и невѣрнымъ ничтоже чисто* (ст. 15).

3. Итакъ, не по природѣ своей чисты или нечисты (яства), но по произволенію принимающаго ихъ. *Но осквернися,* говоритъ, *ихъ и умъ и совѣсть. Бога исповѣдуютъ вѣдѣти, а дѣлы отмещутся его, мерзцы суще и непокориви, и на всяко дѣло благое неискусни* (ст. 16). Слѣдовательно и свинья—чистое (животное). Почему же было запрещено употреблять ее въ пищу, какъ нечистую (Лев. XI, 7)? Не по природѣ она была нечиста, потому что (по природѣ) все чисто; иначе нѣтъ ничего нечище рыбы, которая питается и человѣческимъ тѣломъ, а между тѣмъ была дозволена для употребленія въ пищу и считалась чистою. Также не было бы ничего нечище курицы, которая ѣстъ червей, равно какъ и оленя, который, говорятъ, потому и называется оленемъ (ἔλαφος), что ѣстъ змѣй (ὄφεις); но все это употреблялось въ пищу. Почему же свинья и нѣкоторыя другія подобныя животныя были запрещены? Не потому, чтобы онѣ были нечисты, но чтобы болѣе ограничить плотоугодіе. Если бы Богъ такъ (прямо) сказалъ это, іудеи не послушались бы; а теперь страхомъ нечистоты Онъ удержалъ ихъ. Что̀, скажи мнѣ, нечище вина, если изслѣдовать его? Что̀ нечище воды, которою они преимущественно очищались? Они не прикасались къ мертвымъ, между тѣмъ очищали себя 680
(въ жертвахъ) мертвымъ, такъ какъ заколотое—мертво, а они имъ очищались. Подлинно, дѣтское было ихъ ученіе. Посмотри еще: вино не отъ навоза ли получаетъ составъ свой? Вѣдь виноградникъ всасываетъ въ себя влагу какъ изъ земли, такъ и изъ лежащаго на ней навоза. И вообще, если мы захотимъ подробно разбирать, все нечисто. Но если рѣшимъ не разбираться, нѣтъ ничего нечистаго, а все чисто. Богъ не сотворилъ ничего нечистаго; и нѣтъ ничего нечистаго, кромѣ одного грѣха, потому что онъ касается души и ее оскверняетъ; остальное—человѣческій предразсудокъ. *Оскверненнымъ же,* говоритъ (апостолъ), *и невѣрнымъ ничтоже чисто, но осквернися ихъ и умъ и совѣсть.* Въ чистыхъ можетъ ли быть что-нибудь нечистое? А кто имѣетъ нездоровую душу, тотъ оскверняетъ все. Если имъ овладѣетъ такое настроеніе, постоянно разбирающее, что̀ чисто и что̀ нечисто, то онъ, пожалуй, не прикоснется ни къ чему. По понятію такихъ людей, не будетъ ничего чистаго, ни рыба, ни все про-

чее,—*осквернися*, говоритъ, *ихъ и умъ и совѣсть*,—но все нечисто. Впрочемъ (апостолъ) не сказалъ такъ,—но какъ? Онъ приписалъ все самимъ людямъ. Нѣтъ ничего, говоритъ онъ, нечистаго, но нечисты сами они,—ихъ умъ и совѣсть, нечище которыхъ нѣтъ ничего. *Бога исповѣдуютъ вѣдѣти, а дѣлы отмещутся, мерзцы суще и непокориви, и на всяко дѣло благое неискусни. Ты же глаголи. яже подобаетъ здравому ученію* (II, 1). Вотъ гдѣ—нечистота; сами они—нечисты. Но ты изъ-за этого не умолкай; хотя бы они и не принимали (наставленій), ты исполняй свое дѣло; хотя бы они и не убѣждались, ты увѣщевай и совѣтуй. Здѣсь онъ сильнѣе всего обличаетъ такихъ людей. Такъ вѣдь и помѣшанные думаютъ, что ничто на своемъ мѣстѣ не стоитъ; но это происходитъ не въ предметахъ видимыхъ, а въ воспринимающихъ ихъ глазахъ. Они сами стоятъ нетвердо и страдаютъ головокруженіемъ, потому и думаютъ, что земля вертится вокругъ нихъ, между тѣмъ какъ она не вертится, а стоитъ твердо; такая безумная мысль происходитъ отъ ихъ собственной порчи, а не отъ порчи внѣшняго міра. Такъ и здѣсь: когда душа нечиста, она все считаетъ нечистымъ. Слѣдовательно, свойство чистоты—не воздержаніе отъ всего, но смѣлое принятіе всего; чистый по природѣ дерзаетъ на все, а оскверненный—ни на что. Это можно сказать и противъ Маркіона. Видишь ли, какъ показателемъ чистоты является то, чтобы быть выше всякаго оскверненія, а не касаться ничего служитъ знакомъ нечистоты? Такъ и у Бога. Если Онъ принялъ плоть,—это показатель Его чистоты; а если бы Онъ, боясь оскверниться, не принялъ ея,—это было бы знакомъ Его нечистоты. Кто не вкушаетъ того, что кажется нечистымъ, тотъ нечистъ и немощенъ; а кто вкушаетъ, тотъ не таковъ. Поэтому не будемъ называть такихъ людей чистыми: они нечисты; а кто дерзаетъ на все, тотъ чистъ. Эту благочестивую разборчивость нужно выказывать въ отношеніи къ тому, что оскверняетъ душу,—это подлинно нечистота, это скверна, а все прочее—нѣтъ. Тѣ, у кого испорченъ вкусъ, думаютъ, что предлагаемое имъ нечисто; но это происходитъ отъ ихъ болѣзни. Итакъ слѣдуетъ основательно знать, что по природѣ своей чисто и что нечисто.

681 4. Что же нечисто? Грѣхъ, злоба, корыстолюбіе, лукавство. *Измыйтеся*, говоритъ (пророкъ), *чисти будете, отъимите лукавства отъ душъ вашихъ* (Иса. I, 16). *Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже* (Пс. L, 12). *Изыдите отъ среды его, отлучитеся, и нечистотѣ не прикасайтеся* (Иса. LII, 11). Тѣ (ветхозавѣтныя) очищенія были образами (истиннаго) очищенія. *Мертвечинѣ*, говоритъ (Писаніе), *да не прикасается* (Лев. XI, 8). И грѣхъ есть такая же мертве-

чина смердящая. *Прокаженный*, говоритъ, *нечистъ есть* (Лев. xiii, 15). И грѣхъ есть также нѣчто пестрое и разнообразное. А что на это именно указывается здѣсь, видно изъ дальнѣйшаго: если проказа будетъ постоянно и на всемъ тѣлѣ, то человѣкъ чистъ; а если на одной части, то нѣтъ. Видишь ли, что нечистымъ бываетъ то, что разнообразно и перемѣнно? И еще: *изливаяй сѣмя нечистъ* въ душѣ (Лев. xv, 4); подъ изливающимъ сѣмя разумѣется извергающій сѣмя. Также *необрѣзанный*—нечистъ (Быт. xvii, 14). Видишь, что это не иносказанія, но образы? Здѣсь разумѣется неистребляющій зла въ душѣ своей. Работающій въ субботу побивается камнями,—т. е. тотъ, кто не постоянно преданъ Богу, погибаетъ. Видите, сколько родовъ нечистоты? *Жена, яже родитъ*, сказано, *нечиста* (Лев. xii, 2). Почему, скажи мнѣ? Не самъ ли Богъ создалъ сѣмя и рожденіе? Почему же такая жена нечиста? Не имѣлось ли здѣсь въ виду что-нибудь другое? Что же такое? Чрезъ это Богъ внѣдрялъ въ душу цѣломудріе, отвлекалъ ее подальше отъ прелюбодѣянія, потому что, если раждающая нечиста, то тѣмъ болѣе—прелюбодѣйствующая. Если прикасаться къ своей женѣ не совсѣмъ чисто, то тѣмъ болѣе—смѣшиваться съ чужою. Участвующій въ *погребеніи*, сказано, *нечистъ* (Лев. xxi, 1); тѣмъ болѣе — участвующій въ убійствѣ и войнѣ. И много можно найти родовъ нечистоты, если перечислять всѣ. Теперь же требуется отъ насъ не это, но все перенесено въ душу. Тѣлесное ближе къ намъ; поэтому при помощи его Богъ прежде и наставлялъ (людей). А теперь не тó, потому что не слѣдовало всегда оставаться при образахъ и тѣняхъ, но принять истину и ея держаться.

Грѣхъ есть нечистота; его будемъ избѣгать, отъ него будемъ воздерживаться. *Аще*, говоритъ (Премудрый), *приступиши* 682
къ нему, угрызнетъ тя (Сир. xxi, 2). Нѣтъ ничего нечище корыстолюбія. Откуда это видно? Изъ самыхъ его дѣйствій, потому что чего не оскверняетъ оно? Оскверняетъ руки, душу, самый домъ, въ которомъ хранится похищенное. У іудеевъ же это считается ни за что. Между тѣмъ у нихъ Моисей несъ кости Іосифа, и Сампсонъ пилъ изъ ослиной челюсти и ѣлъ медъ изъ челюстей льва, и Илія питался отъ вороновъ и вдовицы. Да что, скажи мнѣ, если бы было нужно разбирать въ этомъ подробно, то кожи самихъ книгъ Писанія не всего ли онѣ нечище? Вѣдь и онѣ отъ мертвыхъ животныхъ. Такимъ образомъ не одинъ только блудникъ нечистъ, но и другіе еще болѣе; и прелюбодѣй нечистъ. Но тотъ и другой нечистъ не отъ самаго смѣшенія,—такъ какъ иначе, по той же причинѣ, и прикасающійся къ собственной женѣ нечистъ,—но отъ нарушенія права и отъ любостяжа-

нія, по которому онъ присвоилъ у брата самое необходимое. Видишь, что нечистъ порокъ? Имѣвшій двухъ женъ не былъ нечистъ; и имѣвшій многихъ женъ—Давидъ не былъ нечистъ: но когда онъ взялъ одну жену незаконно, тогда сталъ нечистымъ. Почему? Потому, что сдѣлалъ несправедливость, потому что похитилъ чужое. И блудникъ нечистъ не по самому смѣшенію, но по характеру (своего поступка), потому что онъ оскорбляетъ женственность; равно какъ наносятъ оскорбленіе другъ другу тѣ, которые дѣлаютъ женщину общею, извращая законы природы, такъ какъ ей должно быть женою одного. *Мужа и жену*, говоритъ (Писаніе), *сотвори ихъ* (Быт. I, 27), и еще: *будета два въ плоть едину* (Быт. II, 24); не многіе, но *два въ плоть едину*. Такимъ образомъ здѣсь происходитъ несправедливость; и потому это—порочное дѣло. Также и гнѣвъ, когда превзойдетъ мѣру, дѣлаетъ человѣка нечистымъ, не отъ самаго волненія, но отъ свойства его; потому и прибавлено: *гнѣваяйся*—не просто, но—*всуе* (Мѳ. V, 22). Итакъ стремленіе вездѣ къ излишеству—нечисто; отъ жадности и ненасытности раждается нечистота. Будемъ же бодрствовать, увѣщеваю васъ, будемъ чисты истинною чистотою, чтобы намъ сподобиться узрѣть Бога, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА IV.

681 Старцемъ трезвеннымъ быти, честнымъ, цѣломудреннымъ, здравствующимъ вѣрою, любовію, терпѣніемъ: старицамъ такожде во украшеніи святолѣпнымъ, не клеветивымъ, не вину многу порабощеннымъ, доброучителнымъ, да уцѣломудрятъ юныя, мужелюбицамъ быти, чадолюбицамъ, цѣломудреннымъ, чистымъ, домы добрѣ правящимъ, благимъ, покаряющимся своимъ мужемъ, да не слово Божіе хулится (Тит. II, 2—5).

1. И старость имѣетъ недостатки, которыхъ не имѣетъ юность; она имѣетъ нѣкоторые и изъ недостатковъ юности, но кромѣ того ей свойственны лѣность, медлительность, забывчи-
682 вость, тупость, раздражительность. Поэтому (апостолъ) и заповѣдуетъ: *старцемъ трезвеннымъ быти*. Человѣка въ этомъ возрастѣ многое располагаетъ быть нетрезвеннымъ, и во-первыхъ, то самое, о чемъ сказалъ я, т. е. притупленіе всѣхъ чувствъ, слабая возбудимость и неудобоподвижность. Ради этого и прибавляетъ

(апостолъ): *честнымъ, цѣломудреннымъ*. Подъ цѣломудренными онъ разумѣетъ здѣсь разсудительныхъ, потому что цѣломудріемъ (σωφροσύνη) называется здравое состояніе ума (τῶν φρενῶν). Есть, подлинно есть и между старцами люди неистовые и неразсудительные, иные отъ вина, другіе отъ скорби: старость вѣдь дѣлаетъ (людей) малодушными. *Здравствующимъ вѣрою, любовію, терпѣніемъ*. Хорошо сказалъ онъ: *терпѣніемъ;* это особенно прилично старцамъ. *Старицамъ такожде во украшеніи святолѣпнымъ*, т. е. самою внѣшностію и одеждою показывающимъ скромность. 683
Не клеветивымъ, не вину многу порабощеннымъ. Этотъ недостатокъ особенно свойственъ женамъ и старости, такъ какъ съ лѣтами человѣкъ охлаждается, и отсюда происходитъ сильное расположеніе къ вину. Вотъ почему (апостолъ) особенно предостерегаетъ ихъ отъ этого, повсюду изводя пьянство и желая, чтобы они были свободны отъ этой болѣзни и избѣгали происходящаго отъ ней посрамленія. Съ теченіемъ времени легче поднимаются испаренія снизу вверхъ и мозговыя перепонки повреждаются отъ старости; отсюда главнымъ образомъ и происходитъ опьяненіе. Правда, этотъ возрастъ имѣетъ особенную нужду въ винѣ,—потому что онъ слабъ,—но не въ большомъ количествѣ вина, равно какъ и молодыя (дѣвы), правда не по этой причинѣ, но потому, что у нихъ сильно воспламеняется огонь пожеланія. *Доброучителнымъ*. Вѣдь учить ты запрещаешь женамъ? Какъ же ты здѣсь дозволяешь, сказавъ въ другомъ мѣстѣ: *женѣ же учити не повелѣваю* (1 Тим. II, 12)? Но послушай, что онъ прибавилъ къ этому: *ниже владѣти мужемъ*. Мужамъ изстари предоставлено учить какъ мужей, такъ и женъ; а женамъ онъ позволяетъ предлагать увѣщанія дома, а отнюдь не позволяетъ предсѣдательствовать (въ церкви), или вести продолжительную рѣчь. Потому и присовокупляетъ: *ниже владѣти мужемъ. Да уцѣломудрятъ*, говоритъ, *юныя*.

2. Видишь, какъ онъ связываетъ и сопоставляетъ людей, какъ подчиняетъ младшихъ женщинъ старшимъ? Не о дочеряхъ онъ говоритъ здѣсь, но вообще о младшихъ по возрасту. Каждая старшая, говоритъ, пусть вразумляетъ младшую. *Мужелюбицамъ быти*. Это—важнѣйшее изъ домашнихъ благъ. *Жена*, говоритъ (Премудрый), съ мужемъ *согласна* (Сир. XXV, 2). Когда есть это, тогда не будетъ ничего непріятнаго. Когда голова въ союзѣ съ тѣломъ и нѣтъ между ними никакого раздѣленія, то не будетъ ли и все остальное умиротвореннымъ? Когда главные члены въ мирѣ, то кто можетъ нарушить и возмутить этотъ миръ? Напротивъ, если они находятся въ худыхъ между собою отношеніяхъ, то въ домѣ не будетъ ничего порядочнаго. Нѣтъ ничего

лучше взаимнаго ихъ согласія; оно полезнѣе богатства, благородства, власти и всего другого. Не просто сказалъ (апостолъ): должны быть въ мирѣ, но: любить мужей, потому что, когда будетъ между ними любовь, то не проникнетъ къ нимъ никакое разногласіе; отъ нея раждаются и прочія блага. *Чадолюбицамъ.* Хорошо сказалъ онъ. Если кто любитъ корень, то плоды—тѣмъ болѣе. *Цѣломудреннымъ, чистымъ, домы добрѣ правящимъ, благимъ.* Все происходитъ отъ любви; и добрыми и попечительными о домѣ жены бываютъ отъ любви и привязанности къ мужу. *Покаряющимся своимъ мужемъ, да не слово Божіе хулится.* Напротивъ жена, презирающая мужа, нерадитъ и о домѣ. Отъ любви происходитъ постоянное цѣломудріе, отъ любви уничтожается всякій раздоръ; если мужъ будетъ язычникъ, то онъ скоро увѣруетъ; если—христіанинъ, то будетъ лучше. Видишь ли снисхожденіе Павла? Тотъ, кто всячески старался отклонить насъ отъ заботъ житейскихъ, теперь выказываетъ великое попеченіе о дѣлахъ домашнихъ, потому что, когда эти дѣла будутъ хорошо устроены, тогда и духовныя найдутъ себѣ мѣсто, а иначе и они
884 разстроятся. Жена, попечительная о домѣ, будетъ и цѣломудренною, будетъ и бережливою; она не станетъ допускать ни роскоши, ни несвоевременныхъ расходовъ, ни чего-нибудь другого подобнаго. *Да не слово Божіе,* говоритъ, *хулится.* Видишь ли, что онъ преимущественно заботится о проповѣди, а не о мірскихъ дѣлахъ? Такъ и въ посланіи къ Тимоѳею онъ говоритъ: *да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ* (1 Тим. II, 2); и здѣсь: *да не слово Божіе хулится.* Если вѣрующая жена, живущая съ невѣрующимъ мужемъ, не добродѣтельна, то обыкновенно происходитъ хула на Бога; если же она украшена добродѣтелью, то проповѣдь пріобрѣтаетъ славу отъ нея и добрыхъ дѣлъ ея. Пусть выслушаютъ это жены, живущія съ злыми, или невѣрными мужьями, пусть выслушаютъ и научатся собственнымъ примѣромъ привлекать ихъ къ благочестію. Если ты и не пріобрѣтешь никакой другой пользы, если и не привлечешь мужа къ общенію въ правыхъ догматахъ, то по крайней мѣрѣ заградишь ему уста и не допустишь хулить христіанство. А это не маловажное, но весьма большое дѣло — чтобы наше ученіе уважалось за наше поведеніе. *Юноши такожде моли цѣломудрствовати* (ст. 6). Видишь, какъ онъ вездѣ внушаетъ соблюдать должное. Наставленіе женщинъ онъ предоставилъ преимущественно женщинамъ, поручивъ старшимъ младшихъ; а все дѣло наставленія мужей поручаетъ и предоставляетъ самому (Титу). Ничто, поистинѣ ничто не бываетъ такъ трудно и тяжело для молодого возраста, какъ преодолѣвать постыдныя удовольствія. Не столько

любовь къ деньгамъ, или желаніе славы, или что-нибудь другое смущаетъ этотъ возрастъ, сколько сладострастіе. Поэтому (апостолъ), оставивъ все другое, и направляетъ свое увѣщаніе противъ этого недостатка возраста. Впрочемъ онъ не оставляетъ безъ вниманія и другихъ нуждъ,—но что̀ говоритъ? *О всемъ же самъ себе подавая образъ добрыхъ дѣлъ* (ст. 7). Пусть, говоритъ, старшія женщины научаютъ младшихъ, а самъ ты поучай молодыхъ людей цѣломудрію; для всѣхъ же пусть будетъ общимъ училищемъ и образцемъ добродѣтели твоя свѣтлая жизнь, открытая всѣмъ, какъ бы нѣкоторый первоначальный образъ, заключающій въ себѣ всѣ достоинства и безъ труда дающій примѣры добра для желающихъ въ чемъ-нибудь сообразоваться съ нимъ. *Во ученіи цѣлость, честность, нетлѣніе, слово здравое, незазорное, да противный посрамится, ничтоже имѣя глаголати о насъ укорно* (ст. 8).

3. *Противнымъ* (апостолъ) называетъ діавола и всякаго, кто служитъ ему. Когда и жизнь (учителя) свѣтла, и слово соотвѣтствуетъ ей, когда оно скромно, кротко, снисходительно, и не подаетъ противникамъ никакого повода для придирокъ, то бываетъ великая и несказанная польза. Слѣдовательно весьма нужно служеніе слова, слова не какого-нибудь, но искуснаго и безукоризненнаго, которое не подавало бы ни въ чемъ никакого повода къ нареканію желающимъ этого. *Рабы своимъ господемъ повиноватися, во всемъ благоугоднымъ быти* (ст. 9). А выше что̀ онъ сказалъ? *Да противный посрамится, ничтоже имѣя глаголати о насъ укорно.* Поэтому достоинъ осужденія тотъ, кто отлучаетъ женъ отъ мужей подъ предлогомъ воздержанія, или кто отдѣляетъ 685
слугъ отъ господъ подъ тѣмъ же предлогомъ. Такое слово не безукоризненно; оно подаетъ невѣрующимъ большое основаніе къ нареканію, и открываетъ уста всѣхъ противъ насъ. *Рабы своимъ господемъ повиноватися, во всемъ благоугоднымъ быти, не прекословнымъ, не крадущимъ, но вѣру всяку являющимъ благу, да ученіе Спасителя нашего Бога украшаютъ во всемъ* (ст. 10). Справедливо говоритъ онъ и въ другомъ мѣстѣ: *служаще якоже Господу, и не яко человѣкомъ* (Еф. VI, 7), потому что, хотя ты и съ охотою служишь господину, но твое служеніе имѣетъ свое начало въ страхѣ. Отсюда тотъ, кто служитъ (господину) съ такимъ страхомъ, получитъ величайшія награды. Если рабъ не воздерживаетъ своей руки и не обуздываетъ языка, то съ какой стати язычники будутъ удивляться нашему ученію? Если же они увидятъ раба любомудрствующимъ во Христѣ, показывающимъ большее воздержаніе, чѣмъ ихъ философы, и служащимъ съ великою готовностію и усердіемъ, то несомнѣнно будутъ удивляться силѣ проповѣди. Вѣдь язычники судятъ о догматахъ не по ученію, а по

дѣламъ и жизни. Пусть же будутъ для нихъ учителями и жены, и рабы—своимъ поведеніемъ. И у нихъ, и вездѣ признается, что рабы вообще грубы, необразованны, упрямы, очень невоспріимчивы къ наставленіямъ въ добродѣтели,—не отъ природы, нѣтъ, но отъ обращенія и нерадѣнія объ нихъ господъ ихъ, такъ какъ вездѣ владѣющіе ими не заботятся ни о чемъ другомъ, какъ только объ ихъ службѣ, а если иногда заботятся и объ ихъ нравахъ, то дѣлаютъ это также для своего собственнаго спокойствія, чтобы не ввѣрять дѣлъ своихъ людямъ распутнымъ, ворамъ, или пьяницамъ. Естественно, что они, будучи оставлены безъ всякаго попеченія, и не имѣя никого, кто бы заботился объ нихъ, погружаются въ самую бездну зла. Вѣдь, если даже тамъ, гдѣ наблюдаютъ и отецъ, и мать, и приставникъ, и воспитатель, и учитель, и сверстники, гдѣ (возвышаетъ человѣка) сознаніе о своемъ благородномъ происхожденіи и многое другое, если и тамъ рѣдко кто избѣгаетъ сообщества съ людьми порочными,—то что думать о тѣхъ, которые лишены всего этого, которые соприкасаются съ людьми развратными, безъ всякой осторожности обращаются съ кѣмъ захотятъ, и не имѣютъ никого, кто бы заботился объ ихъ знакомствахъ? Подумай, что будетъ съ такими? Вотъ отчего трудно рабу быть добродѣтельнымъ. А съ другой стороны они не получаютъ и наставленій ни отъ постороннихъ, ни отъ насъ, не обращаются съ людьми свободными, хорошими и заботящимися о своей чести. По всѣмъ этимъ причинамъ трудное и даже удивительное дѣло, чтобы рабъ когда-нибудь сталъ честнымъ. Когда же язычники увидятъ, что сила проповѣди, обуздавъ этотъ грубый родъ людей, сдѣлала ихъ честнѣйшими и скромнѣйшими изъ всѣхъ, то, хотя бы господа были самые безразсудные изъ людей, они получатъ высокое понятіе о нашихъ догматахъ. Очевидно, что, принявъ въ свою душу страхъ воскресенія, суда и всего другого, чему мы полагаемъ быть послѣ смерти, только такимъ образомъ они и имѣли возможность отстать отъ зла, (т. е.) вне-
686 дривъ въ свою душу страхъ, отвлекающій отъ наслажденія пороками. Слѣдовательно не напрасно и не спроста (апостолъ) такъ часто говоритъ объ этомъ, потому что, чѣмъ болѣе злы такіе люди, тѣмъ болѣе будутъ удивляться силѣ проповѣди. И врачу мы удивляемся тогда, когда человѣка отчаяннаго, не принимающаго никакой помощи, не имѣющаго силъ удержать себя отъ непристойныхъ пожеланій и непрестанно предающагося имъ, онъ исцѣлитъ и исправитъ. И смотри, чего требуетъ (апостолъ) отъ рабовъ: того, что всего болѣе успокоиваетъ господина. *Не прекословнымъ, не крадущимъ*, т. е. чтобы они оказывали великое усердіе къ тому, что имъ поручается, чтобы въ отношеніи къ го-

сподамъ своимъ были особенно добры и послушны ихъ приказаніямъ.

4. Не думайте, что я напрасно распространился теперь объ этомъ; я хочу далѣе обратить рѣчь къ слугамъ. Итакъ, возлюбленный, не на то смотри, что ты служишь человѣку, но на то, что служишь Богу и украшаешь собою ученіе (Христово),—и ты сможешь исполнить все, повинуясь господину и перенося отъ него напрасныя обиды и непріятности. Помни, что не ему ты угождаешь, но исполняешь повелѣніе Божіе,—и ты легко перенесешь все. Какъ я говорю всегда, такъ скажу и теперь: если мы будемъ преуспѣвать въ дѣлахъ духовныхъ, то и блага настоящей жизни приложатся намъ. Такого слугу, столь благонравнаго и столь послушнаго, не только приметъ Богъ и удостоитъ свѣтлыхъ вѣнцовъ, но и самъ господинъ, удовлетворенный его услугами, хотя бы онъ былъ звѣремъ, хотя бы онъ былъ каменнымъ, безчеловѣчнымъ и жестокимъ, будетъ хвалить и уважать, окажетъ ему предпочтеніе предъ всѣми другими и ввѣритъ ему власть надъ остальными, хотя бы этотъ господинъ былъ даже язычникомъ. А что слугѣ нужно быть такимъ, хотя бы господа его были язычниками, на это, если хотите, я приведу вамъ и примѣръ. Іосифъ былъ проданъ начальнику фараоновой кухни, и былъ иной вѣры, не египетской. Что же тотъ? Видя добродѣтель юноши, господинъ не думалъ о различіи вѣры, но полюбилъ его, оказывалъ ему дружбу и уваженіе, ввѣрилъ ему полное начальство надъ другими, и самъ при немъ не смотрѣлъ ни за чѣмъ въ домѣ; слуга сдѣлался вторымъ господиномъ, или лучше, важнѣе самого господина, такъ какъ тотъ не зналъ своего дѣла, а этотъ зналъ свои обязанности лучше самого господина. И впослѣдствіи, когда онъ повѣрилъ женѣ своей, произнесшей на Іосифа преступную клевету, мнѣ кажется, онъ изъ уваженія къ прежнему почету и достоинству честнаго слуги ограничилъ гнѣвъ свой только заключеніемъ его въ темницу. Если бы онъ не зналъ хорошо этого человѣка и не уважалъ его за прежнія заслуги, то немедленно умертвилъ бы его и пронзилъ бы тѣло его мечемъ. *Исполнена бо*, говоритъ (Премудрый), *ревности ярость мужа: не измѣнитъ ни единою цѣною вражды, ниже разрѣшится многими дарми* (Притч. VI, 34, 35). Если же такова ревность всякаго мужа, то тѣмъ болѣе этого, египтянина и варвара, оскорбленнаго, какъ онъ думалъ, человѣкомъ, котораго онъ удостоилъ чести. Всѣ вы, конечно, знаете, что не всѣ оскорбленія одинаково язвятъ насъ, но сильнѣе другихъ и мучительнѣе тѣ, которыя бываютъ отъ людей благорасположенныхъ къ намъ; зло, причиняемое намъ людьми, которымъ мы вѣрили и которые намъ вѣрили и полу-

чили отъ насъ множество благодѣяній, особенно мучитъ и огорчаетъ насъ. Египтянинъ не подумалъ самъ въ себѣ и не сказалъ: ужели этотъ человѣкъ, котораго я взялъ въ слуги, ввѣрилъ ему все въ домѣ, сдѣлалъ его свободнымъ и чуть не
687 больше себя, отплатилъ мнѣ такимъ воздаяніемъ? Ничего такого онъ не сказалъ: такъ связало душу его прежнее уваженіе къ слугѣ! И что удивительнаго, если Іосифъ пользовался въ домѣ его такою честію, когда и въ темницѣ, посмотри, какимъ онъ пользовался уваженіемъ? Вы знаете, какъ привыкаютъ къ жестокостямъ тѣ, которымъ поручены темницы: они извлекаютъ для себя пользу изъ чужихъ несчастій, и кого другіе питаютъ въ страданіяхъ, тѣхъ они грабятъ, получая выгоды, достойныя многихъ слезъ, поступая жесточе дикихъ звѣрей, такъ какъ, чѣмъ можно было бы облегчить страданія заключенныхъ, то они присвояютъ себѣ. И не одно это примемъ во вниманіе, но и то, какъ неодинаково они обращаются со всѣми заключенными. Тѣхъ, которые подверглись клеветѣ, осуждены и заключены по неважной причинѣ, они, можетъ быть, и милуютъ; но тѣмъ, которые заключены за постыдныя, тяжкія и наглыя преступленія, они наносятъ тысячи ударовъ. Такимъ образомъ темничный стражъ долженъ былъ обращаться жестоко не только по своему нраву, но и по той причинѣ, по которой Іосифъ былъ заключенъ въ темницу. Кого не вооружилъ бы противъ себя юноша, пользовавшійся такою честію, заподозрѣнный въ покушеніи на честь госпожи и отплатившій такимъ воздаяніемъ своему благодѣтелю? Такъ, представляя все это, и (прежнюю) честь заключеннаго, и дѣло, за которое онъ заключенъ, темничный стражъ не сталъ ли бы обходиться съ нимъ свирѣпѣе всякаго звѣря? Но выше всего этого была надежда Іосифа на Бога; такъ добродѣтель душевная умѣетъ укрощать и дикихъ звѣрей. Тою же покорностью, которой онъ расположилъ къ себѣ господина, онъ расположилъ къ себѣ и темничнаго стража; и опять онъ сдѣлался начальникомъ, въ темницѣ такъ же пріобрѣлъ власть, какъ и въ домѣ. Готовясь властвовать, онъ сначала научился какъ слѣдуетъ самъ повиноваться, и повинуясь былъ начальникомъ и правителемъ дома.

5. Если тому, кто приглашается къ власти церковной, Павелъ говоритъ: *аще кто своего дому не умѣетъ правити, како о церкви Божіей прилѣжати возможетъ* (Тим. III, 5)? то и всякому, достигающему начальства, нужно прежде хорошо управлять собственнымъ домомъ. Іосифъ начальствовалъ и въ темницѣ не какъ въ темницѣ, но какъ въ домѣ. Всѣмъ онъ облегчалъ несчастія, и управлялъ заключенными, какъ бы своими членами, не только оказывая имъ участіе и помощь въ ихъ страданіяхъ, но, если

даже видѣлъ кого-нибудь задумчивымъ, подходилъ къ нему и освѣдомлялся о причинѣ, и не могъ видѣть никого печальнымъ 688
безъ того, чтобы не утѣшить его въ скорби, хотя иной не оказалъ бы такой любви даже къ дѣтямъ. Отсюда и получили начало всѣ благія послѣдствія, такъ какъ напередъ должно быть то, что зависитъ отъ насъ, а потомъ будетъ и то, что зависитъ отъ Бога. А что Іосифъ дѣйствительно оказывалъ состраданіе и участіе, объ этомъ говоритъ Писаніе. Видя евнуховъ, заключенныхъ фараономъ, главнаго виночерпія и главнаго хлѣбодара, онъ спрашивалъ ихъ: *что, яко лица ваша унылa днесь* (Быт. XL, 7)? И не изъ этого только, но и изъ того, какъ поступили они, можно видѣть добродѣтель этого мужа. Они, будучи царскими слугами, не презрѣли его и не оттолкнули его, какъ раздраженные скорбью, но открыли ему всѣ свои обстоятельства, какъ родному брату, умѣющему соболѣзновать имъ. Это все я говорю въ доказательство того, что добродѣтельнаго человѣка, хотя бы онъ находился въ рабствѣ, хотя бы въ плѣну, хотя бы въ темницѣ, хотя бы подъ самой землей, ничто сокрушить не можетъ. Говорю это для убѣжденія рабовъ, что, хотя бы господа ихъ были такіе же звѣри, какъ этотъ египтянинъ, хотя бы были столь жестоки, какъ этотъ темничный стражъ, хотя бы были язычники, какъ эти люди, и вообще каковы бы ни были, они смогутъ расположить ихъ къ себѣ и вскорѣ смягчить. Нѣтъ ничего привлекательнѣе добрыхъ нравовъ; нѣтъ ничего пріятнѣе и любезнѣе покорности, кротости и послушанія. Такой человѣкъ угоденъ всѣмъ. Такой человѣкъ не стыдится рабства и не убѣгаетъ ни отъ бѣднаго, ни отъ больного и страждущаго, потому что эта добродѣтель торжествуетъ надъ всѣмъ и преодолѣваетъ все. Если же она имѣетъ такую силу въ рабахъ, то насколько болѣе въ свободныхъ? Поэтому будемъ упражняться въ этомъ всѣ мы—и рабы, и свободные, и жены, и мужья; такимъ образомъ мы будемъ угодны и людямъ и Богу, и людямъ не только добрымъ, но и злымъ, и особенно послѣднимъ, потому что они особенно стыдятся и уважаютъ такихъ людей. Какъ подчиненные болѣе боятся кроткихъ начальниковъ, такъ и люди порочные—добродѣтельныхъ, видя, чего недостаетъ имъ самимъ. Таковъ плодъ добродѣтели; поэтому будемъ стремиться къ ней, будемъ пріобрѣтать ее. Если мы будемъ имѣть ее, то не будетъ для насъ ничего тяжелаго, но все легко, все удобно. Хотя бы намъ предстояло пройти сквозь огонь, или воду, все уступитъ и преклонится предъ добродѣтелью, даже сама смерть. Итакъ будемъ ревновать по ней, чтобы намъ сподобиться и будущихъ благъ, во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ.

БЕСѢДА V.

687 **Явися бо благодать Божія спасительная всѣмъ человѣкомъ, наказующи насъ, да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ: ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа: иже далъ есть себе за ны, да избавитъ ны отъ всякаго беззаконія, и очиститъ себѣ люди избранны, ревнители добрымъ дѣломъ (Тит. II, 11—14).**

1. Заповѣдавъ рабамъ имѣть великую добродѣтель,—потому что подлинно великая добродѣтель—украшать во всемъ ученіи Бога и Спасителя нашего и не подавать господамъ никакого по-
688 вода къ неудовольствію, даже въ мелочахъ,—(апостолъ) приводитъ и справедливую причину, почему рабы должны быть такими. Какую же именно? *Явися бо*, говоритъ онъ, *благодать Божія спасительная*. Тѣ, которые имѣютъ своимъ учителемъ Бога и получили отпущеніе безчисленныхъ грѣховъ, какъ могутъ не быть такими, какими я только что изобразилъ ихъ? Вы знаете, что не мало пристыжаетъ и вразумляетъ душу между прочимъ и то, что она, будучи виновна въ безчисленныхъ грѣхахъ, не подверглась наказанію, но получила прощеніе и множество благъ. Если бы кто-нибудь, имѣя раба, провинившагося множество разъ, не наказалъ его ремнями, но даровалъ бы ему прощеніе, потребовалъ бы отъ него исправленія на будущее время, приказалъ бы
689 ему остерегаться отъ тѣхъ же проступковъ и почтилъ бы его великими дарами,—то, скажи мнѣ, ужели не исправился бы получившій такую милость? Впрочемъ, не подумай, будто благодать состоитъ не только въ прощеніи прежнихъ грѣховъ, но ограждаетъ насъ и на будущее время, хотя и это зависитъ отъ благодати. Если бы она избавляла дѣлающихъ зло отъ наказанія навсегда, то она была бы не благодатію, а нѣкоторымъ поводомъ къ развращенію и погибели. *Явися бо*, говоритъ (апостолъ), *благодать Божія, наказующи насъ, да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ: ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа*. Видишь, какъ на ряду съ наградами онъ ставитъ и добродѣтель? И это дѣло благодати, чтобы отклонять отъ заботъ житейскихъ и возводить къ небу. Здѣсь онъ указываетъ на два явленія (Христовы); и подлинно ихъ два—первое благодатное, а второе для воздаянія и право-

судія. *Да отвергшеся*, говоритъ, *нечестія и мірскихъ похотей.* Вотъ основаніе всякой добродѣтели! Не сказалъ: чтобы мы избѣгали, но: *да отвергшеся;* отверженіе означаетъ большее удаленіе, большую ненависть, большее отвращеніе. Съ какимъ расположеніемъ, съ какою ревностію мы отвергли идоловъ, съ такою же, говоритъ, отвергнемъ и нечестіе, и мірскія похоти. Вѣдь и это—идолы, т. е. мірская похоть и любостяжаніе; и это онъ называетъ идолослуженіемъ. А мірскія похоти—все то, что приноситъ намъ пользу только для настоящей жизни; все, что исчезаетъ вмѣстѣ съ настоящею жизнью, есть мірская похоть. Поэтому мы не должны имѣть къ этому никакого отношенія. Христосъ пришелъ для того, чтобы мы отверглись *нечестія.* Нечестіемъ онъ называетъ (нечестивое) ученіе, а мірскими похотями порочную жизнь. *Цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ.*

2. Видишь, что цѣломудріе, какъ всегда я говорю, состоитъ не только въ томъ, чтобы воздерживаться отъ прелюбодѣянія, но и въ томъ, чтобы быть свободными и отъ прочихъ страстей? Слѣдовательно и любостяжательный—нецѣломудренъ; какъ тотъ (прелюбодѣй) пристрастенъ къ тѣлесному наслажденію, такъ этотъ (любостяжательный) къ богатству; даже послѣдній невоздержнѣе перваго тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе сильное влеченіе управляетъ имъ. Такъ и всадникъ, не тотъ считается особенно безсильнымъ, который не въ состояніи сдержать коня быстраго и неукротимаго, а тотъ, который не можетъ совладать съ конемъ смирнымъ и послушнымъ. Ужели такъ? Ужели страсть къ богатству слабѣе, нежели страсть къ тѣлесному наслажденію? Это всѣмъ извѣстно и открывается изъ многаго. Во-первыхъ, страсть къ тѣлесному наслажденію происходитъ въ насъ необходимо; какъ происходящая необходимо, она и обуздывается съ великимъ трудомъ, потому что она внѣдрена въ насъ отъ природы. Во-вторыхъ, древніе мало разсуждали о страсти къ богатству, а о страсти къ женщинамъ много, ради сохраненія цѣломудрія. Живущаго законнымъ образомъ съ женою даже до старости никто не станетъ осуждать; а корыстолюбиваго (осуждаютъ) всѣ; и даже изъ внѣшнихъ (языческихъ) философовъ многіе презирали богатство, а женщинъ—никогда. Такъ эта страсть сильнѣе той. Но, такъ какъ слово наше обращено къ Церкви, то будемъ приводить доказательства не отвнѣ, а отъ Писаній. О любостяжаніи блаженный (Павелъ) почти въ видѣ заповѣди говоритъ такъ: 690
имѣюще пищу и одѣяніе, сими доволни будемъ (1 Тим. VI, 8); а о женахъ такъ: *не лишайте себе другъ друга, точію по согласію, и паки вкупѣ собирайтеся* (1 Кор. VII, 5).

И часто онъ преподаетъ правила касательно законнаго со-

житія. Онъ позволяетъ удовлетворять это пожеланіе и вступать во второй бракъ, съ великимъ попеченіемъ говоритъ объ этомъ предметѣ и нигдѣ не подвергаетъ за это наказанію; а преданныхъ корыстолюбію вездѣ осуждаетъ. Также и Христосъ касательно богатства многократно заповѣдалъ, чтобы мы убѣгали проистекающаго отъ него вреда; а о воздержаніи отъ жены (говорилъ) не такъ. О богатствѣ, послушай, что говоритъ Онъ: *иже не отречется всего своего имѣнія* (Лук. xiv, 33); но нигдѣ не сказалъ: иже не отречется жены, потому что зналъ, какое Онъ этимъ установилъ бы насиліе. И блаженный Павелъ говоритъ: *честна женитва и ложе нескверно* (Евр. xiii, 4); между тѣмъ попеченія о богатствѣ онъ нигдѣ не называетъ честнымъ, а напротивъ. И Тимоѳею пишетъ онъ: *хотящіи богатитися впадаютъ въ напасти и сѣти и въ похоти многи несмысленны и вреждающія* (1 Тим. vi, 9). Не сказалъ: хотящіи пріобрѣтать, но: *богатитися*. Но чтобы вы убѣдились въ этомъ и на основаніи общихъ сужденій, необходимо привести и такія доказательства. Такъ, кто однажды лишился богатства, тотъ не будетъ волноваться страстью къ нему, потому что ничто такъ не возбуждаетъ страсти къ богатству, какъ обладаніе имъ. А страсть къ тѣлесному наслажденію не такова, но многіе, и оскопивъ себя, не уничтожали мучащаго ихъ внутренняго огня, потому что эта страсть, внѣдренная въ насъ отъ природы, остается въ прочихъ членахъ. Къ чему же мы сказали все это? Къ тому, что любостяжательные тѣмъ невоздержнѣе прелюбодѣевъ, чѣмъ менѣе сильною они возмущаются страстію; а скорѣе всего это происходитъ у нихъ не отъ страсти, а отъ нерадѣнія (о благихъ духовныхъ). Тамъ пожеланіе такъ естественно, что, хотя бы иной и не приближался къ женѣ, природа дѣйствуетъ и производитъ свое; а здѣсь такъ не бываетъ. *И благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ*. А какая надежда? Какая награда за труды? *Ждуще*, говоритъ, *блаженнаго упованія и явленія*. Поистинѣ, нѣтъ ничего блаженнѣе, нѣтъ ничего желаннѣе такой награды; ея невозможно даже выразить словомъ, такъ какъ будущія блага превышаютъ умъ. *Ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего*. Гдѣ тѣ, которые говорятъ, будто Сынъ меньше Отца? *Великаго*, говоритъ (апостолъ), *Бога и Спаса нашего*. Если Онъ спасъ враговъ, то чего не сдѣлаетъ, принявъ благоугождающихъ Ему? *Великаго Бога*. Когда онъ называетъ Бога великимъ, то называетъ великимъ не по отношенію къ чему-нибудь, но безусловно великимъ, такимъ, послѣ котораго уже никто не великъ, потому что всякій другой великъ только относительно; если же—относительно, то великъ по сравненію, а не по природѣ; Онъ же великъ безъ

сравненія. *Иже далъ есть себе за ны, да избавитъ ны отъ всякаго беззаконія, и очиститъ себѣ люди избранны*, т. е. отдѣльныхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ остальными. *Ревнители добрымъ дѣломъ*. Видишь ли, что и мы должны исполнять должное съ своей 691
стороны? Онъ не просто требуетъ дѣлъ, но быть *ревнителями*, т. е. стремящимися къ добродѣтели съ великимъ рвеніемъ и съ надлежащимъ усердіемъ. Избавить обремененныхъ множествомъ золъ и исцѣлить неизлѣчимо больныхъ—было дѣломъ Его человѣколюбія; а дальнѣйшее есть дѣло и наше и Его. *Сія глаголи, и моли, и обличай со всякимъ повелѣніемъ* (ст. 15).

3. *Сія глаголи, и моли.* Посмотри, какъ въ посланіи къ Тимоѳею онъ заповѣдуетъ: *проповѣдуй, обличи, запрети* (2 Тим. IV, 2), а здѣсь говоритъ: *сія глаголи, и моли, и обличай со всякимъ повелѣніемъ?* Нравы этихъ людей были грубѣе: потому онъ и повелѣваетъ (Титу) обличать ихъ строго и со всякою властію. Есть грѣхи, отъ которыхъ нужно отклонять повелѣніями, какъ-то: презирать богатство нужно склонять убѣжденіями, тоже—быть послушными и т. п.; а исправлять прелюбодѣя, блудника и корыстолюбца нужно *съ повелѣніемъ*; чародѣя же, волшебника и тому подобныхъ людей (нужно обличать) не просто съ повелѣніемъ, но *со всякимъ повелѣніемъ*. Видишь, съ какою силою и великою властію совѣтуетъ онъ дѣйствовать Титу? *Да никтоже тя презираетъ. Воспоминай тѣмъ начальствующимъ и владѣющимъ повиноватися и покарятися, и ко всякому дѣлу благу готовымъ быти, ни единаго хулити, не сварливымъ быти* (1, 2).

Какъ? Неужели не укорять и тѣхъ, которые дѣлаютъ зло? *Ко всякому дѣлу благу готовымъ быти, ни единаго хулити.* Послушаемся его внушенія; *ни единаго*, говоритъ онъ, *хулити.* Уста наши должны быть чисты отъ укоризнъ, такъ какъ, хотя бы и справедливы были наши укоризны, но не наше дѣло высказывать ихъ; изслѣдовать—дѣло судьи; *ты же*, говоритъ (апостолъ), *почто осуждаеши брата твоего* (Рим. XIV, 10)? Если же твои укоризны несправедливы, то смотри, какой огонь ожидаетъ тебя; послушай разбойника, который говоритъ другому разбойнику: *ни ли ты боишися Бога, яко въ томже осужденъ еси*, и то же испытаніе мы проходимъ (Лук. XXIII, 40)? Если ты поносишь другихъ, то скоро и самъ подвергнешься тому же. Поэтому блаженный (Павелъ) и предлагаетъ такое увѣщаніе: *тѣмже мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ* (1 Кор. X, 12). *Не сварливымъ быти, но тихимъ, всяку являющимъ кротость ко всѣмъ человѣкомъ*, къ эллинамъ и іудеямъ, порочнымъ и злымъ. Тамъ (апостолъ) устрашаетъ будущимъ: *мняйся стояти*, говоритъ, *да блюдется, да не падетъ*; здѣсь же вразумляетъ не будущимъ, а прошедшимъ,

продолжая такъ: *бѣхомъ бо иногда и мы несмысленни* (ст. 3). То же самое говоритъ онъ и въ посланіи къ Галатамъ: *такожде и мы, егда бѣхомъ млади, подъ стихіями бѣхомъ міра порабощени* (Гал. IV, 3). Итакъ, никого не порицай, потому что и ты былъ такимъ же. *Бѣхомъ бо иногда*, говоритъ, *и мы несмысленни, и непокориви, и прельщени, работающе похотемъ и сластемъ различнымъ, въ злобѣ и зависти живуще, мерзцы суще, и ненавидяще другъ друга.* Такимъ образомъ со всѣми такого рода людьми мы должны вести себя кротко. Бывшій прежде такимъ и измѣнившійся не долженъ укорять подобныхъ людей, но молиться и благодарить Дарующаго ему и имъ освобожденіе отъ прежнихъ золъ. Никто не долженъ хвалиться, поскольку всѣ согрѣшили. Итакъ, когда ты, будучи самъ исправенъ, хочешь порицать кого-нибудь, то вспомни
692 о своей прежней жизни и неизвѣстности будущаго, и удержи свое негодованіе. Если бы ты съ самаго дѣтства жилъ добродѣтельно, однако и тогда ты имѣлъ бы много грѣховъ; а если не имѣешь ихъ, какъ ты думаешь, то знай, что это зависитъ не отъ твоей добродѣтели, но отъ благодати Божіей; если бы Онъ не призвалъ (къ вѣрѣ) твоихъ предковъ, то и ты былъ бы невѣрнымъ. Смотри, какъ (апостолъ) исчислилъ всѣ пороки. Не тысячекратно ли Богъ и чрезъ пророковъ и всѣми мѣрами дѣлалъ намъ внушенія? Слушались ли мы? *Бѣхомъ бо иногда и мы прельщени. Егда же благодать и человѣколюбіе явися Спаса нашего Бога* (ст. 4). Какимъ образомъ? *Не отъ дѣлъ праведныхъ, иже сотворихомъ мы, но по своей его милости, спасе насъ банею пакибытія и обновленія Духа Святаго* (ст. 5). Увы, такъ глубоко были мы погружены во злѣ, что не могли уже очиститься, но имѣли нужду въ возрожденіи; вѣдь это — подлинно новое бытіе. Какъ подъ сгнившій домъ никто не подставляетъ подпоръ и не приколачиваетъ ничего къ старому зданію, но, разрушивъ его до основанія, снова воздвигаетъ и возобновляетъ, такъ поступилъ и Онъ: не подправилъ насъ, но переустроилъ заново. Это означаютъ слова: *и обновленія Духа Святаго.* Онъ сполна сдѣлалъ насъ новыми. Какимъ образомъ? Черезъ Духа (Святого). И далѣе, выражая то же самое иначе, (апостолъ) говоритъ: *егоже излія на насъ обильно Іисусъ Христомъ Спасителемъ нашимъ* (ст. 6). Столь великую мы имѣемъ нужду въ благодати! *Да оправдившеся благодатію его*,—опять благодатію, а не заслугами,—*наслѣдницы будемъ по упованію жизни вѣчныя* (ст. 7). Это вмѣстѣ и побужденіе къ смиренномудрію, и надежда на будущее. Если Богъ спасъ насъ, бывшихъ въ такомъ отчаянномъ состояніи, что мы не имѣли ничего добраго, и потому намъ нужно было родиться снова и спасаться благодатію, то тѣмъ болѣе Онъ сдѣлаетъ это въ будущемъ.

4. До пришествія Христова было всего хуже человѣческое звѣрство; всѣ были какъ будто врагами и противниками другъ другу; отцы закалали своихъ дѣтей, матери бѣсновались страстью къ сыновьямъ; не было ничего твердаго,—ни закона естественнаго, ни закона писаннаго,—но все извращено. Постоянныя прелюбодѣйства, убійства, и что пожалуй хуже убійствъ—кражи. Нѣкто изъ внѣшнихъ (язычниковъ) говоритъ, что все это считалось даже дѣломъ добродѣтельнымъ; и неудивительно, когда они почитали и бога такимъ; зачастую исходили отъ оракула повелѣнія убить того или другого.

Сказать ли о чемъ-нибудь изъ тогдашняго времени? Нѣкто Андрогей, сынъ Миноя, пришедши въ Аѳины и одержавъ побѣду въ борьбѣ, былъ наказанъ и убитъ. Аполлонъ, врачуя зло зломъ, приказалъ принести въ жертву за него дважды семь отроковъ. Что можетъ быть жесточе такого насилія? И однако это было, и человѣкъ, приступившій къ исполненію безумнаго повелѣнія бѣса, закололъ бы дѣтей,—у язычниковъ это заблужденіе было сильно,—но такъ какъ другіе возстали и отмстили за себя, то дѣло не исполнилось. Если бы это было дѣло справедливое, то не слѣдовало бы мѣшать его исполненію; а если—несправедливое, какъ это и было въ дѣйствительности, то не нужно было и сначала давать такого повелѣнія. Они покланялись кулачнымъ 693
бойцамъ и борцамъ. У нихъ были постоянныя междоусобныя войны въ городахъ, въ деревняхъ, въ семействахъ. Они блудодѣйствовали съ мальчиками; одинъ философъ даже узаконилъ не позволять рабу блудодѣйствовать съ мальчиками и натираться мазью, какъ будто бы это было дѣломъ благороднымъ и заслуживающимъ особеннаго уваженія. Поэтому въ домахъ они открыто совершали такія дѣла; и если бы разсказать все, что дѣлалось у нихъ, то всякій ясно увидѣлъ бы, что они оскорбляли самую природу,—и никто у нихъ не запрещалъ этого. Всѣ ихъ драмы полны тѣмъ же прелюбодѣйствомъ, невоздержаніемъ, распутствомъ. Ночныя собранія ихъ были развратны, и женщины приглашались для зрѣлища. О, безстыдство! На зрѣлищахъ проводили всю ночь, и дѣвицы сидѣли между страстными юношами и пьяной толпой. Ихъ торжества были тьмою и все совершаемое ими—мерзостью. Поэтому и говоритъ (апостолъ): *бѣхомъ бо иногда и мы несмыслени, и непокориви, и прелщени, работающе похотемъ и сластемъ различнымъ*. Одинъ изъ нихъ, говорятъ, имѣлъ преступную связь съ мачихою, а она—съ пасынкомъ, и удавилась. О страсти же къ мальчикамъ, которая обыкновенно называлась любовной забавой, и говорить не нужно. Но это что! Хочешь ли видѣть браки сыновей съ матерями? У нихъ и это бывало и, что

особенно ужасно, дѣлалось безсознательно, и боги ихъ не запрещали этого, а напротивъ снисходительно смотрѣли на искаженіе природы, совершаемое при томъ людьми знатными. А когда тѣ, которымъ нужно было держаться добродѣтели, если не для чего иного, то по крайней мѣрѣ для пріобрѣтенія славы отъ народа, были такъ склонны къ нечестію, тогда что должно было совершаться въ народѣ, между людьми, живущими въ неизвѣстности? Что можетъ быть гнуснѣе такого сладострастія? Одна влюбилась въ посторонняго мужчину, и въ угоду прелюбодѣю убила пришедшаго къ ней мужа. Можетъ быть, многіе изъ васъ знаютъ это происшествіе. Сынъ убитаго убилъ прелюбодѣя, закололъ и измѣнницу; потомъ пришелъ въ бѣшенство, какъ бы преслѣдуемый фуріями; а впослѣдствіи самъ, воспламенившись страстью, убилъ другого и взялъ себѣ жену его. Что можетъ быть хуже такихъ золъ? Привожу эти примѣры изъ внѣшнихъ (языческихъ писателей) для того, чтобы показать язычникамъ, какое зло господствовало тогда во вселенной. Но, если угодно, приведемъ примѣры и изъ нашихъ (Писаній). *И пожроша*, говоритъ (Псалмопѣвецъ), *сыны своя и дщери своя бѣсовомъ* (Пс. CV, 37). Также и жители Содома погибли не за что иное, какъ за блудодѣяніе съ мальчиками. И въ началѣ земной жизни Христовой дочь царя, проплясавъ на пиршествѣ среди упившихся, не потребовала ли убійства, не потребовала ли въ награду за пляску главы пророка? *Кто возглаголетъ силы Господни* (Пс. CV, 2)? *Мерзцы суще*, говоритъ (апостолъ), *и ненавидяще другъ друга*, такъ какъ неизбѣжно должна произойти великая ненависть, когда мы допустимъ къ душѣ всѣ наслажденія. Почему? Потому, что только тамъ никто не обижаетъ другого, гдѣ любовь соединена съ добродѣтелью. Смотри, что говоритъ Павелъ: *не льстите себе, ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодѣи, ни малакіи, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни татіе, ни піяницы, ни досадители, ни хищницы, царствія Божія не наслѣдятъ. И сими убо нѣцыи бѣсте* (1 Кор. VI, 9, 11). Видишь, какъ господствовали тогда всѣ виды зла, какъ великъ былъ мракъ, какъ нарушалась справедливость? Если
694 имѣвшіе у себя пророчества и видѣвшіе столько золъ какъ у себя, такъ и у враговъ своихъ не воздерживались однако, но совершали множество новыхъ злодѣяній, то что сказать о другихъ? У нихъ нѣкто повелѣлъ бороться нагимъ дѣвицамъ предъ глазами мужчинъ. Да подастъ вамъ Богъ великія блага за то, что вы не хотите даже слышать объ этомъ; а у нихъ этого дѣла не стыдились даже философы. Другой философъ, главный между ними (Платонъ), повелѣваетъ женщинамъ ходить на войну и быть общими, словно какой сводникъ и развратитель. *Въ злобѣ*

и зависти живуще, говоритъ (апостолъ). Если философы ихъ узаконяли подобныя дѣла, то что сказать о тѣхъ, которые не были философами? Если носившіе длинныя бороды и одѣвавшіеся въ плащи говорили такъ, то что сказать о другихъ? Нѣтъ, человѣкъ, не для того сотворена жена, чтобы она была общею для всѣхъ. О, вы, извращающіе все, блудодѣйствующіе съ мужчинами, какъ съ женщинами, а женщинъ выводящіе на войну, какъ мужчинъ! Поистинѣ это діавольское дѣло—все перемѣшивать и извращать, колебать положенные изначала законы и нарушать то, что установилъ Богъ вь природѣ. Женѣ Богъ назначилъ заботиться только о дѣлахъ домашнихъ, а мужу—исполнять дѣла общественныя. Ты же ставишь голову на мѣсто ногъ, а ноги на мѣсто головы, вооружаешь женщинъ, и не стыдишься? Но что я говорю объ этомъ? Они вводятъ къ себѣ какую-нибудь женщину, даже убившую своихъ дѣтей, и не краснѣютъ и не стыдятся, передавая вслухъ такіе мерзкіе разсказы. *Егда же благодать и человѣколюбіе явися Спаса нашего Бога, не отъ дѣлъ праведныхъ, ихже сотворихомъ мы, но по своей его милости, спасе насъ банею пакибытія и обновленія Духа Святаго, егоже излія на насъ обильно Іисусъ Христомъ Спасителемъ нашимъ, да оправдившеся благодатію его, наслѣдницы будемъ по упованію жизни вѣчныя.* Что значитъ: *по упованію?* Т. е., какъ надѣялись, такъ и получимъ, или: вы уже—наслѣдники этого. *Вѣрно слово* (ст. 8). Такъ какъ онъ говоритъ о будущемъ, а не о настоящемъ, то прибавляетъ и это для удостовѣренія. Это истинно, говоритъ, и ясно изъ предшествующаго. Тотъ, кто избавилъ насъ отъ такого беззаконія и такихъ золъ, безъ сомнѣнія, подастъ намъ и будущія блага, если мы пребудемъ въ благодати, потому что все совершается однимъ и тѣмъ же Промысломъ.

5. Итакъ будемъ благодарить Бога, и не будемъ порицать и обвинять другихъ, а лучше убѣждать ихъ, молиться за нихъ, совѣтовать, увѣщевать, хотя бы они оскорбляли насъ, хотя бы отвергали насъ,—потому что таковы бываютъ больные. Пекущіеся о здоровьѣ больныхъ перенесятъ все, принимаютъ всѣ мѣры, хотя бы не видѣли никакого успѣха, чтобы послѣ не упрекать самихъ себя въ нерадѣніи. Развѣ не знаете, какъ часто, когда врачъ отчаивается въ больномъ, кто-нибудь изъ родственниковъ говоритъ ему: продолжи еще лѣченіе и не упускай ничего, чтобы послѣ мнѣ не жаловаться на себя, не бранить себя, не обвинять. Не видите ли, какое имѣютъ попеченіе родные о своихъ близкихъ? Сколько дѣлаютъ для нихъ, и призывая врачей, и постоянно сидя около нихъ? Будемъ подражать по крайней мѣрѣ имъ, хотя здѣсь неодинаковы предметы попеченія. Между тѣмъ 695

нынѣ, если дитя заболитъ тѣломъ, то никто не откажется предпринять далекое путешествіе, чтобы избавить его отъ болѣзни; а когда болитъ душа, то никто ничего не дѣлаетъ, но всѣ остаемся равнодушными, всѣ—безпечными, всѣ—невнимательными, не заботясь ни объ дѣтяхъ, ни о женахъ, ни объ насъ самихъ, одержимыхъ этою тяжкою болѣзнію; лишь позднѣе приходимъ въ чувство. Представьте же, какъ стыдно и крайне смѣшно говорить послѣ: мы не полагали, мы не ожидали этого; и не только стыдно, но и опасно. Если въ настоящей жизни только неразумнымъ свойственно — не предусматривать будущаго, то тѣмъ болѣе въ отношеніи къ жизни будущей, когда многіе совѣтуютъ намъ и говорятъ, что должно дѣлать и чего не должно. Будемъ же дер-
696 жаться этой надежды, станемъ заботиться о нашемъ спасеніи и во всемъ обращаться съ молитвой къ Богу, чтобы онъ подалъ намъ руку помощи. Докуда же мы будемъ безпечны? Докуда нерадивы? Докуда будемъ оставлять безъ вниманія и самихъ себя и своихъ ближнихъ? Онъ обильно излилъ на насъ благодать Духа. Будемъ же помнить, какую великую благодать Онъ явилъ намъ, и постараемся съ своей стороны оказать такое же усердіе; или, если такое невозможно, то хотя меньшее. Коль скоро и послѣ такой благодати мы останемся безчувственными, то насъ постигнетъ величайшее наказаніе. *Аще не быхъ пришелъ и глаголалъ имъ*, говоритъ (Господь), *грѣха не быша имѣли: нынѣ же извиненія не имутъ* (Іоан. xv, 22). Пусть не будетъ, чтобы это сказано было объ насъ, но пусть будетъ, чтобы всѣ мы удостоились благъ, обѣщанныхъ любящимъ Его, во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА VI.

695 **И о сихъ хощу тя утвердити, да пекутся добрымъ дѣломъ прилѣжати вѣровавшіи Богу. Сія суть полезна человѣкомъ и добра. Буихъ же стязаній и родословій и рвеній и сваровъ законныхъ отступай: суть бо неполезны и суетны. Еретика человѣка по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся, вѣдый, яко развратися таковый, и согрѣшаетъ, и есть самоосужденъ (Тит. III, 8—11).**

1. Сказавъ о человѣколюбіи Божіемъ, о неизреченномъ Его попеченіи объ насъ и о томъ, каковы мы были и какими Онъ сдѣлалъ насъ, (апостолъ) продолжаетъ: *и о сихъ хощу тя утвер-*

дити, да пекутся добрымъ дѣломъ прилѣжати вѣровавшіи Богу, т. е. объ этомъ бесѣдовать и такимъ образомъ располагать къ милосердію, потому что вышесказанное можетъ расположить насъ не только къ смиренномудрію и къ тому, чтобы мы не гордились и не порицали другихъ, но и ко всякой другой добродѣтели. Такъ онъ говоритъ и въ посланіи къ Коринѳянамъ: *вѣсте яко Господь обнища, богатъ сый, да вы нищетою его обогатитеся* (2 Кор. VIII, 9). Напомнивъ о попеченіи Божіемъ и необычайномъ Его человѣколюбіи, онъ убѣждаетъ ихъ быть милосердыми, и притомъ не просто и не случайно,—но какъ? *Да пекутся*, говоритъ, *добрымъ дѣломъ прилѣжати*, т. е. и обижаемымъ помогать, не деньгами только, но и своимъ заступленіемъ, и вдовъ и сиротъ защищать, и всѣмъ вообще бѣдствующимъ доставлять спокойствіе: это и значитъ *добрымъ дѣломъ прилѣжати. Сія суть*, говоритъ, *полезна человѣкомъ и добра. Буихъ же стязаній и родословій и ревній и сваровъ законныхъ отступай: суть бо неполезны и суетны.*

Что значитъ: *родословій?* Въ посланіи къ Тимоѳею онъ также упоминаетъ объ нихъ, когда говоритъ: *баснемъ и родословіемъ безконечнымъ* (1 Тим. I, 4). И тамъ и здѣсь онъ, вѣроятно, намекаетъ на іудеевъ, которые, превозносясь праотцемъ своимъ Авраамомъ, 696
о самихъ себѣ нерадѣли. Поэтому онъ и называетъ такія родословія безполезными и суетными. Дѣйствительно, безумно надѣяться на вещи безполезныя. *Ревній*, т. е. споровъ съ еретиками, онъ велитъ избѣгать, чтобы не трудиться напрасно, когда нѣтъ никакой пользы, потому что конецъ ихъ ничтоженъ. Когда кто-нибудь развратился до такой степени, что ни за что не рѣшается перемѣнить своего мнѣнія, то для чего тебѣ трудиться напрасно, разсыпая сѣмя на камни, тогда какъ можно употреблять этотъ прекрасный трудъ для своихъ, бесѣдуя съ ними о милосердіи и другихъ добродѣтеляхъ? Далѣе, почему (апостолъ) въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *еда како дастъ имъ Богъ покаяніе* (2 Тим. II, 25), а здѣсь: *еретика человѣка по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся, вѣдый, яко развратися таковый, и согрѣшаетъ, и есть самоосужденъ?* Тамъ онъ говоритъ о людяхъ, подающихъ надежду на исправленіе и только оказывающихъ сопротивленіе; а когда кто-нибудь (держится ереси) явно и открыто предъ всѣми, то для чего напрасно состязаться съ нимъ, для чего бить воздухъ? Что̀ значитъ: *и есть самоосужденъ?* Онъ не можетъ сказать, что никто не говорилъ ему, никто не вразумлялъ его; и когда послѣ увѣщанія останется такимъ же, то онъ — *самоосужденъ. Егда послю Артему къ тебѣ или Тихика, потщися пріити ко мнѣ въ Никополь* (ст. 12). Что говоришь ты? Поставивъ его (Тита) въ Критѣ, ты опять вызываешь къ себѣ? Не съ тѣмъ, чтобы отвлечь его отъ

должности, но чтобы еще болѣе наставить. А что, дѣйствительно, призывалъ его къ себѣ не съ тѣмъ, чтобы водить его съ собою и имѣть его всегдашнимъ своимъ спутникомъ, о томъ послушай, какъ онъ говоритъ: *тамо бо судихъ озимѣти*. А Никополь находится во Ѳракіи. *Зину законника и Аполлоса скоро предпосли, и да ничто же имъ скудно будетъ* (ст. 13). Имъ еще не были ввѣрены (области), но они были въ числѣ спутниковъ (Павла). Особенно силенъ былъ Аполлосъ, мужъ свѣдущій въ Писаніяхъ и краснорѣчивый (Дѣян. XVIII, 24). Но, скажешь, если Зина былъ законникъ, то не слѣдовало ему содержаться на счетъ другихъ. Здѣсь онъ называетъ его законникомъ, какъ опытнаго въ законахъ іудейскихъ, и какъ бы такъ говоритъ: доставь имъ всякое довольство, чтобы ни въ чемъ они не имѣли недостатка. *Да учатся*
697 *же и наши добрымъ дѣломъ прилѣжати въ нужная требованія, да не будутъ безплодни. Цѣлуютъ тя со мною сущіи вси: цѣлуй любящія ны въ вѣрѣ*, — говоритъ или о любящихъ его, или вообще о вѣрующихъ, — *благодать со всѣми вами. Аминь* (ст. 14, 15).

2. Для чего же (апостолъ) велитъ ему заграждать уста противорѣчащимъ (Тит. I, 11), если нужно отступиться отъ нихъ, когда они сами дѣлаютъ все на свою погибель? Онъ велитъ не стараться особенно дѣлать это именно ради ихъ пользы, такъ какъ они не могутъ получить себѣ никакой пользы, однажды навсегда развратившись въ мысляхъ. Но если они станутъ губить другихъ, то нужно возстать противъ нихъ, бороться съ ними и опровергать ихъ съ великимъ мужествомъ. Когда ты будешь поставленъ въ необходимость и увидишь, какъ развращаются другіе, то не молчи, но заграждай уста развратителей, заботясь о тѣхъ, которые готовы погибнуть. А вообще человѣкъ трудолюбивый и ведущій правильную жизнь не можетъ предаваться спорамъ. Слѣдовательно, поступай такъ, какъ я сказалъ, потому что отъ праздности и излишняго мудрованія происходитъ то, что спорятъ объ однихъ словахъ. Подлинно, говорить лишнее—очень вредно, когда нужно или учить, или молиться, или благодарить. Мы не должны беречь больше деньги, чѣмъ слова; напротивъ (должны беречь) больше слова, чѣмъ деньги, и не довѣряться всѣмъ безъ разбора.

Что значитъ: *да пекутся добрымъ дѣломъ прилѣжати?* Пусть не ждутъ, чтобы нуждающіеся приходили къ нимъ, а пусть сами заботливо отыскиваютъ нуждающихся въ ихъ помощи. Такъ печется тотъ, кто истинно печется; онъ особенно и съ великимъ усердіемъ исполняетъ это дѣло. Подлинно благодѣянія приносятъ выгоду и пользу не столько принимающимъ, сколько подающимъ, такъ какъ доставляютъ имъ дерзновеніе предъ Богомъ.

А тамъ, въ спорахъ, дѣло оканчивается ничѣмъ. Такимъ образомъ (апостолъ) разумѣетъ здѣсь неисправимаго еретика. Какъ не заботиться о тѣхъ, которые подаютъ надежду на исправленіе, свойственно безпечности, такъ и ухаживать за неизлѣчимо больными свойственно недогадливости и крайнему безумію, потому что этимъ мы сдѣлаемъ ихъ только болѣе дерзкими. *Да учатся же и наши добрымъ дѣломъ прилѣжати въ нужная требованія, да не будутъ безплодни.* Видишь, какъ онъ заботится больше объ нихъ, чѣмъ о принимающихъ (благодѣянія)? Можно было бы снарядить ихъ и чрезъ многихъ другихъ, но я, говоритъ, забочусь о нашихъ, такъ какъ что пользы, скажи мнѣ, если бы другіе, собирающіе сокровища, питали учителей? Нашимъ тогда не было бы никакой пользы; они остались бы безплодными. Вотъ что скажи мнѣ: Христосъ, напитавшій пятью хлѣбами пять тысячъ, и семью—четыре тысячи, развѣ не могъ пропитать Себя и бывшихъ съ Нимъ? Для чего же Онъ принималъ пищу отъ женъ? *Хождаху по немъ* жены, говоритъ (Писаніе), *и служаху ему* (Марк. xv, 41). Онъ показываетъ намъ этимъ, что Онъ заботится о дѣлающихъ благодѣянія. А Павелъ, помогавшій своими руками другимъ, развѣ не могъ не принимать (пропитанія) ни отъ кого? Но, смотри, какъ онъ и принималъ, и просилъ, и вотъ для чего: *не яко ищу даянія*, говорилъ онъ, *но ищу плода множащагося въ слово ваше* (Филип. iv, 17). И вначалѣ, когда вѣрующіе, продавая свои имѣнія, полагали деньги къ ногамъ апостоловъ, не видишь ли, какъ апостолы заботились больше объ нихъ, чѣмъ о принимающихъ (подаяніе)? Если бы они заботились только о бѣдныхъ, то не обратили бы никакого вниманія на по- 698
ступокъ Ананіи и Сапфиры, когда они утаили деньги (Дѣян. v, 2); и Павелъ не далъ бы такой заповѣди: *не отъ скорби, ни отъ нужды* (2 Кор. ix, 8). Что говоришь ты, Павелъ? Ты препятствуешь благодѣтельствовать бѣднымъ? Нѣтъ, говоритъ онъ; я имѣю въ виду благо не только ихъ, но и подающихъ. Обратите вниманіе и на пророка: когда онъ давалъ Навуходоносору свой прекрасный совѣтъ, онъ не о бѣдныхъ только заботился, потому что не сказалъ просто: подавай бѣднымъ,—но что? *Грѣхи твоя милостынями искупи и неправды твоя щедротами убогихъ* (Дан. iv, 24). Истощай, говоритъ, имѣніе не для того только, чтобы другіе имѣли пропитаніе, но чтобы и самъ ты избавленъ былъ отъ наказанія. И Христосъ сказалъ: *продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ, и гряди въ слѣдъ мене* (Мѳ. xix, 21). Видишь ли, что и здѣсь это заповѣдано для послѣдованія (Христу)? Такъ какъ богатство служитъ къ тому препятствіемъ, то Онъ и велѣлъ раздавать его нищимъ, научая душу быть милосердой и сострада-

тельной, научая презирать богатство, научая устраняться отъ любостяжанія. Тотъ, кто научился подавать неимѣющему, тотъ научится со временемъ и не принимать отъ имѣющихъ. А это уподобляетъ насъ Богу. Хотя труднѣе этого соблюдать дѣвство, также поститься и повергаться на землю, но ничто не можетъ съ такою силою погашать пламень нашихъ грѣховъ, какъ милостыня. Она выше всѣхъ добродѣтелей; она поставляетъ любящихъ ее предъ лицемъ самого Царя; и весьма справедливо. Вѣдь дѣвство, постъ и простертіе по землѣ ограничиваются только подвизающимися въ этомъ, а изъ другихъ не спасаютъ никого; между тѣмъ милостыня распространяется на всѣхъ и объединяетъ всѣ члены Христовы; а добрыя дѣла, распространяющіяся на многихъ, гораздо больше тѣхъ, которыя ограничиваются только однимъ.

3. Милостыня есть мать любви,—любви, отличающей христіанство, превосходящей всѣ знаменія, служащей признакомъ учениковъ Христовыхъ; она—врачество противъ нашихъ грѣховъ, очищеніе нечистотъ нашей души, лѣстница, ведущая на небо; она служитъ связью тѣла Христова. Хотите знать, какое она благо? При апостолахъ всѣ продавали свои имѣнія и приносили къ нимъ вырученныя деньги, которыя и раздавались: *даяшеся*, говорится, *коемуждо, егоже аще кто требоваше* (Дѣян. IV, 35). Скажи мнѣ безъ отношенія къ жизни будущей,—мы не станемъ говорить теперь о будущемъ царствіи, но взглянемъ на настоящую жизнь,—кто пріобрѣтаетъ больше, принимающіе, или дающіе? Другіе роптали и ссорились между собою, а они имѣли одну душу: у всѣхъ ихъ, сказано, *бѣ сердце и душа едина, благодать бѣ велія на всѣхъ ихъ* и жили они съ великою для себя пользою (Дѣян. IV, 32, 33). Видишь, сколько они пріобрѣтали чрезъ это? Скажи же, гдѣ желалъ бы ты находиться,—въ числѣ ли покидавшихъ свое имѣніе и ничего не имѣвшихъ, или въ числѣ принимавшихъ чужое? Таковъ плодъ милостыни: чрезъ нее упразднялись перегородки и препятствія, и души ихъ тотчасъ соединялись; у всѣхъ ихъ *бѣ сердце и душа едина*. Впрочемъ и безъ милостыни отверженіе богатства приноситъ великую пользу. Все это сказано мною для того, чтобы не получившіе наслѣдства отъ
699 предковъ не скорбѣли и не унывали, какъ имѣющіе меньше богатыхъ; они будутъ имѣть больше ихъ, если захотятъ. Подлинно и къ милостынѣ они приступятъ съ большей легкостью, какъ (упоминаемая въ Евангеліи) вдовица, и не будутъ имѣть никакого повода къ враждѣ съ ближними, и будутъ свободнѣе всѣхъ. Такому человѣку никто не можетъ угрожать отнятіемъ имущества,—онъ выше всѣхъ золъ. Какъ людей нагихъ, когда они бѣ-

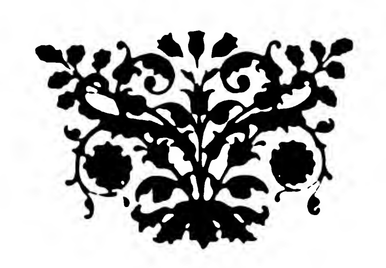
гуть, не скоро можетъ поймать кто-нибудь, а слишкомъ одѣтыхъ и влекущихъ за собою множество тяжестей легко можетъ схватить всякій,—такъ бываетъ и съ богатымъ и бѣднымъ. Послѣдній, хотя и будутъ его настигать, легко можетъ убѣжать; а первый, хотя бы и не былъ настигнутъ, задерживается своими собственными путами, тысячами заботъ, скорбей, волненій, раздраженій. Все это обрушивается на душу, и не только это, но и многое другое, что̀ богатство навлекаетъ на насъ. И соблюдать умѣренность гораздо труднѣе для богатаго, чѣмъ для бѣднаго; равнымъ образомъ жить въ простотѣ и быть свободнымъ отъ гнѣва гораздо труднѣе для перваго, чѣмъ для второго. Слѣдовательно, скажешь, они получатъ и большую награду? Нисколько. Почему же, если они исполняютъ труднѣйшее? Потому, что эти трудности человѣкъ создаетъ самъ для себя; ему не заповѣдано собирать богатство, а напротивъ: онъ же самъ себѣ приготовляетъ множество соблазновъ и затрудненій. Иные не только отказываются отъ богатства, но еще изнуряютъ свое тѣло, какъ идущіе тѣснымъ путемъ; а ты не только не дѣлаешь этого, но еще воспламеняешь очагъ страстей и обременяешь себя многимъ другимъ.

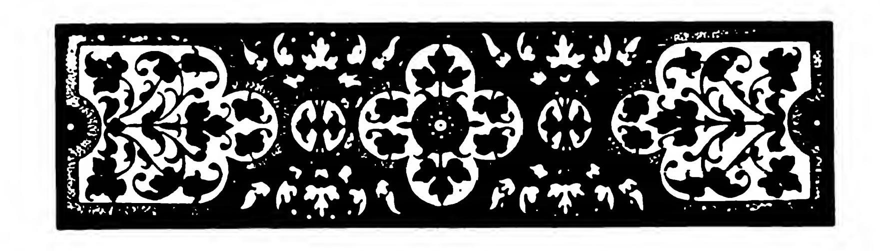
Ступай же ты на путь широкій,—онъ принимаетъ подобныхъ тебѣ людей; а путь тѣсный принимаетъ скорбящихъ, сѣтующихъ и не несущихъ съ собою ничего, кромѣ того бремени, которое можно нести по нему, т. е. милостыни, человѣколюбія, честности, кротости. Если ты будешь нести это бремя, то можешь и ты вступить на него; а такъ какъ ты несешь съ собою безуміе, воспаленность душевную, бремя изъ терній—богатство, то тебѣ нуженъ путь широкій. Тебѣ невозможно замѣшаться въ толпу безъ того, чтобы не ушибить другихъ заранѣе взятой на себя ношей, но тебѣ нуженъ широкій просторъ. А кто несетъ золото и серебро, т. е. подвиги добродѣтели, отъ того ближніе не только не убѣгаютъ, но и дѣлаются близкими и соединяются съ нимъ. Далѣе, если самое богатство есть терніе, то что же любостяжаніе? Для чего ты несешь его туда? Для того, чтобы зажечь сильнѣйшій пламень, подложивъ ношу подъ огонь? Ужели мало тебѣ огня геенскаго? Вспомни, какъ три отрока побѣдили пламень печи; представь, что это геенна. Связанные и скованные, они въ скорби были ввержены туда; но внутри нашли совершенный просторъ, въ противоположность тѣмъ, которые стояли внѣ.

4. Подобное тому будетъ и нынѣ, если мы захотимъ твердо и мужественно стоять противъ постигающихъ насъ искушеній. Если мы возложимъ надежду на Бога, то мы будемъ въ безопасности и на свободѣ, а нападающіе на насъ погибнутъ, потому что *ископовавй ровъ*, говоритъ (Премудрый), *впадется въ онь*

(Сир. xxvii, 29). Хотя они свяжутъ намъ руки или ноги, скорбь
700 въ состояніи будетъ разрѣшить насъ. Посмотри на это чудо: кого люди связали, тѣхъ огонь разрѣшилъ. Это то же, какъ если бы кто-нибудь отдалъ рабамъ кого-либо изъ своихъ друзей; рабы, уважая дружбу его съ господиномъ, не только не станутъ оскорблять его, но и воздадутъ ему великую честь; такъ и огонь, узнавъ, что эти отроки друзья самого Господа, расторгъ оковы ихъ, разрѣшилъ и избавилъ ихъ, сдѣлался для нихъ подстилкой и былъ попираемъ ими; и справедливо, потому что они были ввергнуты ради славы Божіей. Будемъ помнить такіе примѣры всѣ мы, находящіеся въ скорбяхъ. Но вотъ, скажешь, они избавились отъ скорби, а мы—нѣтъ. Такъ и слѣдуетъ. Они шли въ печь не съ тѣмъ, чтобы избавиться, но твердо рѣшившись умереть; послушай, что говорятъ они: *есть Богъ на небесѣхъ, силенъ изъяти насъ: аще ли ни, вѣдомо да будетъ тебѣ, царю, яко богомъ твоимъ не служимъ, и* образу *златому, егоже поставилъ еси, не кланяемся* (Дан. ш, 17, 18). А мы, какъ бы подчиняя своимъ соображеніямъ наказанія Божіи, назначаемъ для нихъ и время и говоримъ: „если до такихъ-то поръ не помилуетъ насъ Богъ". Потому мы и не избавляемся. Вотъ и Авраамъ шелъ не съ тѣмъ, чтобы получить сына живымъ, но чтобы заколоть его; и сверхъ чаянія получилъ его живымъ. Такъ и ты, когда подвергнешься скорби, не будь нетерпѣливъ и не спѣши освободиться отъ нея, но расположи душу свою ко всякому терпѣнію, и тогда скоро освободишься отъ скорби: для того Богъ и посылаетъ ее, чтобы вразумить. Такимъ образомъ, если мы съ самаго начала умѣемъ переносить скорби и не ропщемъ, то Онъ скоро освобождаетъ насъ отъ нихъ, потому что все уже (съ нашей стороны) исполнено. Я хочу разсказать вамъ одинъ весьма полезный и назидательный примѣръ. Какой же? Когда воздвигнуто было гоненіе и возгорѣлась жестокая война противъ Церкви, были схвачены два человѣка; одинъ изъ нихъ былъ готовъ переносить все, что угодно, а другой также мужественно готовъ былъ перенести отсѣченіе головы, но другихъ мученій боялся и трепеталъ. Смотри же устроеніе Божіе: когда судья сталъ судить, то готовому на все велѣлъ отсѣчь голову, а того повѣсить и терзать, и не разъ или два, но проводя по всѣмъ городамъ. Для чего же это было попущено? Для того, чтобы слабая душа его укрѣпилась въ страданіяхъ, чтобы онъ отвергнулъ всякій страхъ, чтобы онъ не боялся, не колебался и не трепеталъ предъ мученіями. И Іосифъ, когда особенно усиливался выйти изъ темницы, тогда и оставался въ ней: послушай, что говоритъ онъ: *татьбою украденъ быхъ изъ земли Еврейскія;* и: *да помянеши о мнѣ* царю

(Быт. XL, 15, 14). Для того онъ и оставался тамъ, чтобы научиться, что не должно полагаться и надѣяться на людей, но все возлагать на Бога. Итакъ, зная это, будемъ благодарить Бога и дѣлать все, ведущее къ нашему благу, чтобы намъ достичь будущихъ благъ во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.





СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО,

ТОЛКОВАНІЕ НА ПОСЛАНІЕ КЪ ФИЛИМОНУ [1]).

701 ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прежде всего нужно сказать о поводѣ къ написанію этого посланія, а потомъ и о другихъ вопросахъ. Какой же былъ поводъ? Нѣкто Филимонъ, одинъ изъ почтенныхъ и благородныхъ мужей, — а что онъ былъ мужъ почтенный, это видно изъ того, что весь домъ его былъ вѣрнымъ и настолько вѣрнымъ, что называется даже церковію, какъ говоритъ (Павелъ), когда пишетъ: *и домашнѣй твоей церкви* (Филим. ст. 2), также свидѣтельствуетъ о великомъ его послушаніи и о томъ, что имъ *утробы святыхъ почиша* (ст. 7), и заповѣдуетъ въ томъ же посланіи приготовить для себя гостинницу (ст. 22), такъ какъ домъ его, кажется мнѣ, былъ пристанищемъ для всѣхъ святыхъ,—этотъ почтенный мужъ имѣлъ раба Онисима. Онисимъ, укравъ что-то у господина своего, убѣжалъ; а что онъ дѣйствительно укралъ, о томъ, послушай, какъ говоритъ (Павелъ): *аще же въ чесомъ обидѣ тебе, или долженъ есть, азъ воздамъ* (ст. 18, 19). Потомъ, прійдя къ Павлу въ Римъ, найдя его въ темницѣ и будучи оглашенъ отъ него ученіемъ, онъ принялъ тамъ крещеніе; а что онъ принялъ тамъ даръ крещенія, видно изъ словъ: *егоже родихъ во узахъ моихъ* (ст. 10). Поэтому Павелъ пишетъ посланіе, въ которомъ препо-
702 ручаетъ его господину, чтобы тотъ во всемъ простилъ его и принялъ, какъ уже возрожденнаго. Нѣкоторые говорятъ, что не-

[1]) Бесѣды эти произнесены святителемъ въ Антіохіи между 393 и 397 годами.

нужно присоединять это посланіе (къ канону священныхъ книгъ), такъ какъ оно касается маловажнаго дѣла, только одного человѣка; но пусть узнаютъ высказывающіе такое неодобреніе, что сами они достойны многихъ укоризнъ. Не только такія малыя посланія и написанныя о такихъ обыкновенныхъ предметахъ слѣдовало принять (въ канонъ); но желательно, чтобы кто-нибудь въ состояніи былъ разсказать намъ полную исторію апостоловъ, чтобы не только о томъ, что они писали и говорили, но и о прочемъ ихъ образѣ жизни, что они ѣли и когда ѣли, когда сидѣли и куда ходили, что дѣлали каждый день, въ какихъ странахъ бывали, въ какой домъ входили и гдѣ плавали, обо всемъ этомъ разсказалъ бы подробно, — такой великой пользы исполнено все, что они дѣлали! Но многіе не знаютъ происходящей отсюда пользы, и потому высказываютъ неодобреніе. Если мы, взирая только на мѣста, гдѣ они сидѣли, или были связаны, на мѣста бездушныя, часто обращаемся къ нимъ мыслію, представляемъ ихъ добродѣтели, пробуждаемся отъ своей безпечности и стано- 703
вимся болѣе ревностными, то тѣмъ болѣе было бы такъ, если бы мы слышали ихъ слова и другія ихъ дѣянія. Если о другѣ всякій спрашиваетъ, гдѣ онъ живетъ, что дѣлаетъ, куда идетъ, то неужели, скажи мнѣ, намъ не слѣдуетъ знать все это о всеобщихъ учителяхъ вселенной? Кто живетъ духовно, того и одежда, и походка, и слова, и дѣла, вообще все приноситъ пользу слушающимъ, и никакого не встрѣчается къ тому препятствія и затрудненія. Впрочемъ вамъ полезно узнать, что это посланіе касается предметовъ необходимыхъ. Смотри же, сколько добраго въ немъ заключается. Во-первыхъ (мы научаемся), что нужно быть внимательнымъ ко всему, потому что если Павелъ показываетъ столько заботливости о бѣглецѣ, разбойникѣ и ворѣ, не отказывается и не стыдится отсылать его съ такими похвалами, то тѣмъ болѣе намъ не слѣдуетъ быть небрежными въ подобныхъ случаяхъ. Во-вторыхъ, что ненужно считать сословіе рабовъ отверженнымъ, хотя бы дошли они до крайней степени зла, потому что если воръ и бѣглецъ сдѣлался настолько добродѣтельнымъ, что Павелъ желалъ имѣть съ нимъ общеніе и писалъ: *да вмѣсто тебе послужитъ ми* (ст. 13), то тѣмъ болѣе не слѣдуетъ отчаиваться въ людяхъ свободныхъ. Въ-третьихъ, что ненужно рабовъ отнимать отъ господъ, потому что если Павелъ, будучи такъ увѣренъ въ благорасположеніи къ нему Филимона, не хотѣлъ безъ воли господина удержать при себѣ Онисима, который былъ такъ нуженъ и полезенъ ему, то тѣмъ болѣе не должны дѣлать этого мы. Если рабъ—человѣкъ добродѣтельный, то онъ тѣмъ болѣе долженъ оставаться въ услуженіи и почи-

тать власть господина, чтобы приносить пользу всѣмъ находящимся въ домѣ. Для чего же снимать свѣчу со свѣтильника и ставить ее подъ сосудомъ (Мѳ. v, 15)? О, если бы и тѣхъ, кото-
704 рые находятся внѣ, можно было ввести внутрь города! Но что, скажешь, если онъ и тогда окажется негоднымъ? Почему же, скажи мнѣ? Потому ли, что онъ войдетъ въ городъ? Но подумай, что, находясь внѣ, онъ будетъ еще хуже; если онъ, находясь внутри, окажется негоднымъ, то тѣмъ болѣе (будетъ такимъ), находясь внѣ; здѣсь, при попечительномъ господинѣ, онъ будетъ свободенъ отъ неизбѣжныхъ заботъ, а тамъ эти заботы, можетъ быть, отвлекутъ его отъ предметовъ болѣе необходимыхъ и духовныхъ. Потому блаженный Павелъ и даетъ (рабамъ) такой прекрасный совѣтъ: *рабъ ли*, говоритъ, *призванъ былъ еси? да не нерадиши: но аще и можеши свободенъ быти, больше поработи себе* (1 Кор. vii, 21), т. е. оставайся въ рабствѣ. А необходимѣе всего то, чтобы не было хулимо слово Божіе, какъ и самъ онъ говоритъ въ посланіи: *елицы суть подъ игомъ раби, своихъ господій всякія чести да сподобляютъ, да имя Божіе не хулится и ученіе* (1 Тим. vi, 1). Даже и язычники скажутъ, что и рабъ можетъ угодить Богу; иначе многіе были бы поставлены въ необходимость хулить и говорить, что христіанство ниспровергаетъ весь порядокъ жизни, отнимая рабовъ у господъ и дѣлая насиліе. Сказать ли и еще нѣчто? (Это посланіе) научаетъ насъ не стыдиться рабовъ, если они добродѣтельны; если Павелъ, превосходнѣйшій изъ всѣхъ людей, такъ отзывается о немъ (Онисимѣ), то тѣмъ болѣе мы должны (такъ поступать) съ своими (рабами). Послѣ такихъ достоинствъ, хотя мы еще не все сказали, ужели кто-нибудь станетъ думать, что это посланіе напрасно включено (въ канонъ)? Не будетъ ли это крайнимъ безуміемъ? Итакъ, прошу васъ, выслушаемъ со вниманіемъ посланіе, написанное апостоломъ; уже получивъ отъ него столько пользы, мы получимъ еще больше при послѣдовательномъ чтеніи.

БЕСѢДА I.

703 **Павелъ юзникъ Іисусъ Христовъ, и Тимоѳей братъ, Филимону возлюбленному и споспѣшнику нашему, и Апфіи возлюбленнѣй, и Архиппу совоинственнику нашему, и домашнѣй твоей церкви: благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего, и Господа Іисуса Христа (Филим. ст. 1—3).**

1. Это написано о рабѣ къ господину. Съ самаго начала (апостолъ) научаетъ его не надмеваться и не стыдиться, укро-

щаетъ его гнѣвъ, называя себя самого узникомъ, смиряетъ и успокоиваетъ его, внушая, что все настоящее ничтожно. И дѣйствительно, если узы за Христа—не стыдъ, а слава, то тѣмъ болѣе не постыдно рабство. Онъ говоритъ это не съ тѣмъ, чтобы превознести себя, но чтобы сдѣлать полезное и внушить довѣріе къ словамъ своимъ,—не для себя, но для того, чтобы скорѣе испросить милость (другому). Онъ какъ бы такъ говоритъ: для васъ я обложенъ этими узами, подобно какъ говоритъ онъ и въ другихъ мѣстахъ (Ефес. III, 1; 2 Тим. II, 9), впрочемъ, тамъ выражая свое попеченіе, а здѣсь достовѣрность. Для него нѣтъ выше похвалы, какъ называться страдальцемъ Христовымъ: *азъ бо*, говоритъ, *язвы Христовы ношу* (Гал. VI, 17). *Юзникъ Христовъ*,
потому что онъ связанъ былъ за Него. Слыша объ узахъ Хри- 704
стовыхъ, кто не устыдился бы, кто не преклонился бы, кто не отдалъ бы самой души своей, а не только одного раба? *И Тимоѳей братъ:* присоединяетъ къ себѣ и другого, чтобы (Филимонъ), слыша просьбу отъ многихъ, скорѣе склонился и оказалъ милость. *Филимону возлюбленному и споспѣшнику нашему.* Если онъ возлюбленный, то надежда на него не есть дерзость или безразсудство, но знакъ великой дружбы; если онъ споспѣшникъ, то не только долженъ принимать такія просьбы, но и благодарить за нихъ, такъ какъ чрезъ это онъ дѣлаетъ добро и себѣ самому, устрояя одно и то же дѣло. Такимъ образомъ и безъ просьбы ты имѣешь, говоритъ, еще другое побужденіе оказать милость: если онъ полезенъ для евангелія, а ты обнаруживаешь усердіе къ евангелію, то тебѣ нужно не ожидать просьбы, а самому просить. *И Апфіи возлюбленнѣй.* Она, кажется мнѣ, была супругою Филимона. Посмотри на смиреніе Павла: онъ и Тимоѳея въ своей просьбѣ присоединяетъ къ себѣ, и проситъ не одного мужа, но и жену, и еще иного, вѣроятно, друга: *и Архиппу*, говоритъ, *совоинственнику нашему.* Онъ не приказаніемъ хочетъ достигнуть этого и не обнаруживаетъ негодованія, если Филимонъ не тотчасъ послушается его повелѣнія, но поступаетъ какъ бы человѣкъ неизвѣст-
ный, располагая и ихъ сдѣлать то же и подкрѣпить его просьбу,— 705
потому что не только просьба отъ многихъ, но и просьба, обращенная ко многимъ, способствуетъ къ полученію просимаго. *И Архиппу совоинственнику нашему.* Если ты совоинственникъ, то долженъ принять участіе и здѣсь. Это тотъ самый Архиппъ, о которомъ въ посланіи къ Колоссянамъ говоритъ: *рцыте Архиппу: блюди служеніе, еже пріялъ еси о Господѣ, да совершиши е* (Кол. IV, 17). Мнѣ кажется, что онъ былъ въ числѣ клира; потому (апостолъ) и къ нему обращаетъ просьбу и называетъ его совоинственникомъ, чтобы всячески содѣйствовать (достиженію

цѣли). *И домашней своей церкви.* Здѣсь онъ не опустилъ изъ виду и рабовъ, потому что зналъ, что часто и рѣчи рабовъ могутъ убѣдить господина, особенно когда просьба касается раба; при томъ, можетъ быть, они особенно и возбудили гнѣвъ господина. Поэтому, не желая, чтобы они впали въ зависть, онъ и ихъ почтилъ привѣтствіемъ вмѣстѣ съ господами. Впрочемъ не подалъ и господину повода оскорбляться. Если бы онъ назвалъ (рабовъ) по имени, то, можетъ быть, тотъ оскорбился бы; а если бы вовсе не упомянулъ о нихъ, то остался бы недоволенъ; потому, смотри, какъ мудро, упомянувъ (о рабахъ), и ихъ почтилъ своимъ воспоминаніемъ, и его не раздражилъ. А названіе *Церкви* не допускаетъ господамъ оскорбляться, когда они поставляются вмѣстѣ съ рабами. Подлинно, Церковь не знаетъ различія между господиномъ и рабомъ; она различаетъ того и другого по добродѣтелямъ и порокамъ. Итакъ, если (домъ твой) есть Церковь, то не оскорбляйся, что рабъ поставляется вмѣстѣ съ тобою: *о Христѣ бо Іисусѣ нѣсть рабъ, ни свободь* (Гал. ш, 28). *Благодать вамъ и миръ.* Напомнивъ о благодати, (апостолъ) приводитъ ему на память собственные его грѣхи. Подумай, говоритъ, какъ много грѣховъ простилъ тебѣ Богъ, какъ ты спасенъ благодатію, и подражай Владыкѣ. Испрашиваетъ ему мира; и справедливо, потому что миръ бываетъ тогда, когда мы подражаемъ Ему, когда благодать пребываетъ съ нами. Такъ и тотъ рабъ, который оказался немилосердымъ къ подобному себѣ рабу, пока не требовалъ отъ него ста динаріевъ, дотолѣ пользовался милостію господина; а когда сталъ требовать, тогда былъ лишенъ ея и преданъ мучителямъ (Мѳ. xvш, 34).

2. Представляя это, будемъ и мы милосерды и сострадательны къ согрѣшающимъ противъ насъ. Сто динаріевъ означаютъ здѣсь грѣхи (другихъ) въ отношеніи къ намъ, а наши грѣхи въ отношеніи къ Богу—тысячи талантовъ. Вы знаете, что грѣхи противъ кого-нибудь судятся и по достоинству лицъ. Напримѣръ: оскорбившій частнаго человѣка согрѣшилъ, но не такъ, какъ оскорбившій начальника; болѣе согрѣшилъ оскорбившій высшаго начальника, а менѣе — оскорбившій низшаго, но гораздо болѣе оскорбившій царя. Хотя оскорбленіе одно и то же, но отъ превосходства лица оно становится больше. Если же оскорбляющій царя получаетъ тяжкое наказаніе, по достоинству лица оскорбляемаго, то сколькими талантами будетъ долженъ оскорбляющій Бога? Хотя бы грѣхи наши противъ Бога были тѣ же самые, какіе и противъ людей, но они не одинаковы; а сколько различія между Богомъ и человѣкомъ, столько же между тѣми и другими грѣхами. Впрочемъ, я нахожу много и

такихъ грѣховъ, которые бываютъ великими не только отъ превосходства лица, но и сами по себѣ. Страшны слова, которыя я намѣреваюсь сказать, поистинѣ страшны, но сказать ихъ необходимо, чтобы хотя такимъ образомъ тронуть и пробудить нашу душу, показавъ, что мы гораздо больше боимся людей, нежели 706
Бога, и больше почитаемъ людей, нежели Бога. Вотъ смотри: прелюбодѣй знаетъ, что Богъ видитъ его,—и презираетъ Бога; а когда смотритъ на него человѣкъ, то онъ удерживаетъ свою похоть. Онъ не только предпочитаетъ людей Богу, не только оскорбляетъ Бога, но,—что гораздо тяжелѣе,—боясь людей, презираетъ Бога, такъ какъ, если онъ видитъ людей, то удерживаетъ пламень похоти. Впрочемъ, какой пламень? Это—не пламень, а безчестіе; если бы не было позволено имѣть жену, то дѣйствительно это былъ бы пламень, а теперь это—безчестіе и развратъ. Такимъ образомъ, если онъ видитъ людей, то укрощаетъ свое бѣшенство, а о Божіемъ долготерпѣніи думаетъ меньше всего. Другой, укравъ, сознаетъ, что онъ похищаетъ чужое, и старается обмануть людей, оправдывается противъ обвиняющихъ его и придаетъ видъ (правды) своему оправданію; а о Богѣ, котораго обмануть невозможно, не безпокоится, не стыдится и не почитаетъ. Когда царь прикажетъ не брать чужого имущества, или даже отдать свое собственное, то мы всѣ съ готовностію приносимъ; а когда Богъ повелѣваетъ не похищать и не брать чужого, то мы не повинуемся. Видишь, какъ мы предпочитаемъ людей Богу? Тяжелы и горьки эти слова; но докажите, что они тяжелы, воздержитесь отъ самаго дѣла. Если же вы не боитесь самаго дѣла, то какъ я могу повѣрить вамъ, когда вы говорите, что страшитесь нашихъ словъ и чувствуете ихъ тяжесть? Вы сами себя обременяете своими дѣлами, и нисколько не заботитесь; а когда я говорю о тѣхъ дѣлахъ, которыя вы дѣлаете, то негодуете. Не безумно ли это? О, если бы ложно было сказанное мною! Я желалъ бы лучше самъ быть обвиненнымъ во лжи въ тотъ (страшный) день, какъ укорявшій васъ несправедливо и напрасно, нежели видѣть васъ осужденными за это. Но вы не только сами предпочитаете людей Богу, а принуждаете къ тому и другихъ. Многіе дѣлали принужденіе многимъ рабамъ и дѣтямъ: одни заставляли ихъ вступать въ бракъ противъ воли, другіе—служить своимъ постыднымъ желаніямъ, нечистой любви, хищничеству, любостяжанію, насиліямъ, такъ что вдвойнѣ виновны и не могутъ оправдываться какою-нибудь необходимостію. Въ самомъ дѣлѣ, если ты не можешь представить достаточнаго оправданія и тогда, когда дѣлаешь зло невольно, по приказанію начальника, то грѣхъ бываетъ гораздо тяжелѣе, когда ты прину-

ждаешь къ тому и другихъ. Какое можетъ быть оправданіе для такого человѣка? Говорю это не для того, чтобы осуждать васъ, но чтобы показать, какіе мы должники предъ Богомъ. Если, почитая человѣка наравнѣ съ Богомъ, мы оскорбляемъ Бога, то гораздо болѣе оскорбляемъ Его, когда людей предпочитаемъ Ему. Такимъ образомъ, если тѣ же самые грѣхи, которые дѣлаемъ мы противъ людей, бываютъ гораздо тяжелѣе, когда они относятся къ Богу, то не гораздо ли хуже, когда грѣхъ и по свойству своему больше и тяжелѣе? Пусть испытаетъ каждый самого себя,—и увидитъ, что для людей онъ дѣлаетъ все. Мы весьма блаженны были бы, если бы для Бога дѣлали столько же, сколько дѣлаемъ для людей изъ тщеславія, страха, или уваженія. Итакъ, если мы сами виновны въ столь многихъ грѣхахъ, то должны со всею готовностію прощать оскорбляющихъ и обманывающихъ насъ, и не помнить зла. Для того, чтобы простить грѣхи, ненужно ни трудовъ, ни издержекъ и ничего другого, а нужно одно только желаніе; ненужно ни предпринимать путешествія, ни
707 отправляться въ чужія страны, ни подвергаться опасностямъ и трудамъ, а нужно только захотѣть.

3. Какое, скажи мнѣ, мы получимъ прощеніе за неисполненіе дѣлъ, кажущихся трудными, когда не исполняемъ и дѣла легкаго, столь полезнаго и плодотворнаго и не требующаго никакого труда? Ты не можешь пренебречь богатства? Не можешь раздать имѣнія нуждающимся? Но развѣ ты не можешь пожелать ничего добраго? Развѣ не можешь простить оскорбившему? Если бы ты самъ и не былъ виновенъ въ столь многихъ (грѣхахъ) и только получилъ бы отъ Бога повелѣніе—прощать другихъ, то не долженъ ли ты былъ бы (исполнять это)? Какъ же теперь, будучи самъ виновенъ въ столь многихъ (грѣхахъ), ты не прощаешь другимъ, при томъ зная, что Онъ требуетъ отъ тебя того же, что ты получаешь отъ Него? Когда мы приходимъ къ своему должнику, онъ, помня свой долгъ, услужливо и съ честію принимаетъ насъ и всячески оказываетъ намъ свое радушіе, еще не получая отъ насъ прощенія долга, а только желая сдѣлать насъ снисходительными въ требованіи: какъ же ты, будучи столь великимъ должникомъ предъ Богомъ и получивъ отъ Него повелѣніе—прощать, съ тѣмъ, чтобы и самому получить прощеніе, не прощаешь? Почему такъ, спрашиваю тебя? Увы, какое человѣколюбіе оказывается намъ, и какую оказываемъ мы злобу, какую сонливость, какую безпечность! Какъ легка и многополезна добродѣтель, и какъ тяжело зло! Но мы, оставляя легкое, избираемъ то, что тяжелѣе олова. Здѣсь ненужно ни силы тѣлесной, ни богатства, ни денегъ, ни власти, ни дружбы и ничего дру-

гого, а довольно одного желанія,—и все будетъ сдѣлано. Оскорбилъ ли тебя кто-нибудь, обидѣлъ, осмѣялъ? Вспомни, что и самъ ты дѣлаешь много подобнаго въ отношеніи къ другимъ, даже въ отношеніи къ самому Владыкѣ,—и прости и извини его. Вспомни, что ты самъ говоришь: *остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ* (Мѳ. VI, 12); подумай, что, если ты не прощаешь (другимъ), то не можешь съ дерзновеніемъ говорить это; а если прощаешь, то какъ бы требуешь должнаго, хотя не по существу самаго дѣла, а по человѣколюбію Дарующаго (намъ прощеніе). Да и какъ можно равнять прощаемое нами подобнымъ намъ рабамъ съ грѣхами противъ Владыки, въ которыхъ мы получаемъ отъ Него прощеніе? Мы удостоиваемся такого 708
человѣколюбія Его потому, что Онъ богатъ милостію и щедротами. Впрочемъ, я докажу тебѣ, что и безъ этого, и безъ прощенія грѣховъ твоихъ, отъ одного прощенія (другимъ) ты получаешь пользу. Представь, сколько такой человѣкъ имѣетъ друзей, какъ вездѣ и всѣ превозносятъ его и говорятъ: онъ человѣкъ добрый, примирительный, незлопамятный; какъ скоро получаетъ обиду, тотчасъ же и забываетъ ее. Если такой человѣкъ подвергнется какому-нибудь несчастію, то кто не пожалѣетъ его? Кто не извинитъ его, если онъ погрѣшитъ въ чемъ-нибудь? Кто не сдѣлаетъ ему одолженія, если онъ станетъ просить о чемъ-нибудь за другихъ? Кто не захочетъ быть другомъ и даже рабомъ такой доброй души? Такъ, увѣщеваю, будемъ для этого дѣлать все, не только въ отношеніи къ друзьямъ и роднымъ, но и къ слугамъ: *послабляюще*, говоритъ (апостолъ), *прещенія, вѣдуще, яко и вамъ самѣмъ Господь есть на небесѣхъ* (Еф. VI, 9). Если мы будемъ отпускать ближнимъ согрѣшенія, то отпустится и намъ; также—если будемъ творить милостыню, если будемъ смиренны, потому что и это служитъ къ отпущенію грѣховъ. Мытарь сказалъ только: *милостивъ буди мнѣ грѣшнику*, и вышелъ оправданнымъ (Лук. XVIII, 13); тѣмъ болѣе мы можемъ сподобиться великаго человѣколюбія (Божія), если будемъ смиренны и сокрушенны сердцемъ; и если мы будемъ исповѣдывать грѣхи свои и осуждать самихъ себя, то очистимъ множество нечистотъ, потому что много путей къ очищенію. Итакъ будемъ всѣми средствами бороться съ діаволомъ. Я не сказалъ ничего труднаго, ничего непріятнаго; прости оскорбившему, подай милостыню нуждающемуся, смири свою душу,—и, хотя бы ты былъ величайшимъ грѣшникомъ, ты можешь достигнуть царствія (небеснаго), очищая такимъ образомъ грѣхи и омывая нечистоты. Да сподобимся же всѣ мы, очистившись здѣсь отъ всякой нечистоты грѣховной исповѣданіемъ, получить тамъ обѣщанныя блага, во Христѣ Іисусѣ, Господѣ на-

шемъ, съ Которымъ Отцу слава, держава (честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь).

БЕСѢДА II.

707 **Благодарю Бога моего всегда, память о тебѣ творя въ молитвахъ моихъ, слышавъ любовь твою и вѣру, юже имаши ко Господу Іисусу и ко всѣмъ святымъ, яко да общеніе твоея вѣры дѣйственно будетъ въ разумѣ всякаго блага, еже въ васъ о Христѣ Іисусѣ (Филим. ст. 4—6).**

1. Не вдругъ и не въ самомъ началѣ посланія проситъ (Филимона) о милости, но сначала, выразивъ удивленіе къ этому мужу и похваливъ его за добродѣтели, представивъ немаловажное доказательство и своей любви къ нему въ томъ, что всегда вспоминаетъ о немъ въ молитвахъ своихъ, и сказавъ, что многіе находятъ у него покой и ко всѣмъ онъ оказываетъ кротость и вѣру, потомъ наконецъ (апостолъ) и начинаетъ рѣчь, и такимъ образомъ съ особенною силою убѣждаетъ его. Дѣйствительно, если другіе получаютъ отъ него то, чего просятъ, то тѣмъ болѣе (долженъ получить) Павелъ; если, пришедши прежде другихъ, онъ достоинъ былъ бы получить, то тѣмъ болѣе послѣ
708 другихъ, и при томъ прося не для себя, а для другого. Далѣе, чтобы не показалось, что онъ пишетъ только поэтому, и чтобы кто-нибудь не сказалъ: если бы не было Онисима, то ты и не написалъ бы этого посланія,—смотри, какъ онъ приводитъ и другія причины къ написанію посланія: во-первыхъ, указываетъ на его любовь, а во-вторыхъ, повелѣваетъ приготовить для себя гостинницу. *Слышавъ*, говоритъ, *любовь твою*. Это достойно удивленія и значитъ больше, нежели если бы онъ лично видѣлъ (эту любовь). Видно, она была чрезвычайно велика, если сдѣлалась извѣстною и достигла до его слуха, хотя разстояніе между Римомъ и Фригіею было не малое,—а (Филимонъ) тамъ находился, какъ я заключаю по имени Архиппа (упоминаемаго здѣсь и въ посланіи къ Колоссянамъ). Колоссяне жили во Фригіи, и въ посланіи къ нимъ (Павелъ) говорилъ: *егда прочтется посланіе сіе у васъ, сотворите, да и въ Лаодикійстѣй церкви прочтено будетъ, и написанное отъ Лаодикіи да и вы прочтете* (Кол. IV, 16, 17). Лаодикія же—фригійскій городъ. Молюсь, говоритъ, *да общеніе вѣры твоея дѣйственно будетъ*. Видишь, какъ онъ самъ даетъ раньше, чѣмъ получаетъ, и прежде, нежели испрашиваетъ милость, пред-

лагаетъ ему отъ себя гораздо большее? *Да общеніе вѣры твоея*, 709
говоритъ, *дѣйственно будетъ въ разумѣ всякаго блага, еже въ васъ о Христѣ Іисусѣ*, т. е., чтобы ты достигъ всякой добродѣтели, чтобы у тебя не было никакого недостатка. Вѣра бываетъ дѣйственною тогда, когда сопровождается дѣлами, потому что *вѣра безъ дѣлъ мертва есть* (Іак. II, 26). Не сказалъ: вѣра твоя, но: *общеніе вѣры твоея*, соединяя его съ собою и внушая, что они—одно тѣло, и тѣмъ съ особенною силою убѣждая его. Если ты, говоритъ, сообщникъ мой въ вѣрѣ, то долженъ быть сообщникомъ и въ другомъ. *Радость бо имамы и многое утѣшеніе о любви твоей, яко утробы святыхъ почиша тобою, брате* (ст. 7). Ничто такъ не убѣждаетъ, какъ указаніе на благодѣянія, сдѣланныя другимъ, особенно если (просящій) почтеннѣе ихъ. Впрочемъ, онъ не сказалъ: если ты дѣлаешь для другихъ, то тѣмъ болѣе—для меня; но, выразивъ то же самое, употребилъ другой оборотъ рѣчи, болѣе кроткій. *Радость имамы*, т. е., ты далъ мнѣ дерзновеніе тѣми (благодѣяніями), какія оказываешь другимъ. *И утѣшеніе*, т. е., мы не только радуемся, но и утѣшаемся, потому что они—наши члены. Если же должно быть такое согласіе, что находящіеся въ скорбяхъ, хотя бы сами ничего не получали, должны радоваться, видя успокоеніе другихъ, такъ какъ облагодѣтельствовано одно тѣло, то тѣмъ болѣе (мы будемъ радоваться), если ты успокоишь и насъ. Не сказалъ: ты кротокъ, ты уступчивъ; но говоритъ сильнѣе и выразительнѣе: *яко утробы святыхъ*, какъ бы обращаясь къ сыну, дорогому и возлюбленному для родителей. Такая любовь и привязанность доказываетъ, что (Филимонъ) былъ весьма любимъ ими. *Сего ради многое дерзновеніе имѣя во Христѣ повелѣвати тебѣ, еже потребно есть* (ст. 8). Смотри, какъ онъ остерегается, чтобы и сказанное отъ сильной любви не поразило слушателя и не оскорбило его. Потому прежде, нежели сказалъ: *повелѣвати тебѣ*,—а такое выраженіе было рѣзко, хотя, сказанное отъ любви, весьма легко могло достигнуть цѣли,—онъ изъ осторожности дѣлаетъ оговорку: *дерзновеніе имѣя*, и этимъ показываетъ, что Филимонъ былъ мужъ великій, т. е. (какъ бы говоритъ): ты самъ далъ намъ дерзновеніе; при томъ прибавляетъ: *во Христѣ*, и этимъ показываетъ, что онъ говоритъ такъ не за его знатность или силу въ мірѣ, но за вѣру во Христа; а потомъ уже присовокупляетъ: *повелѣвати тебѣ*, и не только это, но еще: *еже потребно есть*, т. е. справедливое дѣло. Смотри, сколькими доводами онъ убѣждаетъ: ты оказываешь, говоритъ, благодѣянія другимъ, окажи и мнѣ, при томъ ради Христа, и потому, что это дѣло справедливо, и потому, что этого требуетъ любовь. Поэтому и продолжаетъ: *любве ради паче молю* (ст. 9). Онъ какъ бы

такъ говоритъ: изъ бывшихъ примѣровъ я знаю, что, и повелѣвая съ великою властію, я получу успѣхъ; но такъ какъ я особенно забочусь объ этомъ дѣлѣ, то *молю*. Здѣсь онъ вмѣстѣ выражаетъ и то и другое: и то, что надѣется на него,—почему и *повелѣваетъ*,—и то, что особенно заботится объ этомъ дѣлѣ,—почему и *молитъ*. *Таковъ сый*, говоритъ, *якоже Павелъ старецъ*.

2. О, сколько убѣдительныхъ доказательствъ! *Павелъ*,—это доказательство отъ достоинства лица; *старецъ*, — отъ возраста; *узникъ Іисуса Христа*,—отъ того, что онъ праведнѣе всѣхъ. Кто
710 не принялъ бы съ распростертыми объятіями ратоборца, увѣнчаннаго за подвиги? Кто, видя связаннаго за Христа, не оказалъ бы ему тысячи услугъ? Смягчивъ такимъ образомъ душу (Филимона, апостолъ) не вдругъ объявляетъ имя раба, но послѣ такой просьбы еще медлитъ. Вы знаете, какъ великъ бываетъ гнѣвъ господъ на убѣжавшихъ рабовъ, особенно если это сдѣлано съ покражею, какъ сильно раздражаются они, хотя бы были добрыми господами. Потому старается смягчить его всѣми доводами; и когда напередъ возбудилъ въ немъ готовность сдѣлать все, что бы ни было, и приготовилъ душу его ко всякому послушанію, тогда уже и высказываетъ свою просьбу: *молю тя*,—говоритъ, и притомъ съ похвалами,—*о моемъ чадѣ, егоже родихъ во узахъ моихъ* (ст. 10). Опять для убѣжденія—узы; и наконецъ называетъ самое имя (Онисима). Такимъ образомъ не только укрощаетъ гнѣвъ, но и возбуждаетъ чувство благорасположенія: я, говоритъ, не назвалъ бы его сыномъ, если бы онъ не былъ весьма благонадежнымъ. Какъ я назвалъ Тимоѳея, такъ (называю) и его. И часто, для выраженія своей любви, онъ указываетъ на время рожденія: *егоже родихъ*, говоритъ, *будучи узникомъ*. Онъ значитъ достоинъ великой чести и потому, что рожденъ среди самыхъ подвиговъ, среди искушеній за Христа. *Онисима, иногда тебѣ непотребнаго* (ст. 10). Смотри, съ какимъ благоразуміемъ онъ объявляетъ грѣхъ его, и тѣмъ укрощаетъ гнѣвъ (господина). Знаю, говоритъ, что онъ былъ непотребенъ; *нынѣ же тебѣ и мнѣ благопотребенъ будетъ*. Не сказалъ: нынѣ же будетъ благопотребенъ тебѣ, чтобы онъ не сталъ противорѣчить; но присоединилъ и свое лице, чтобы надежды (на слугу) были достовѣрнѣе. *Нынѣ же тебѣ*, говоритъ, *и мнѣ благопотребна*. Если онъ полезенъ Павлу, требующему такой великой ревности, то тѣмъ болѣе—господину. *Егоже воспослахъ тебѣ*. И тѣмъ еще укрощаетъ гнѣвъ, что отдаетъ его. Господа особенно гнѣваются тогда, когда ходатайство бываетъ за (рабовъ) отсутствующихъ, такъ что этимъ самымъ онъ еще болѣе успокоилъ (Филимона). *Ты же его, сирѣчь, мою утробу пріими* (ст. 12). Опять не просто употребляетъ его

имя, но съ прибавленіемъ убѣдительнаго выраженія, которое нѣжнѣе слова—сынъ. Такимъ образомъ назвалъ его сыномъ, сказавъ: *егоже родихъ*, и внушилъ, что его надобно любить особенно, потому что онъ рожденъ среди искушеній. Извѣстно, что мы питаемъ особенную любовь къ дѣтямъ, рожденнымъ среди опасностей, которыхъ мы избѣжали, какъ свидѣтельствуетъ Писаніе, когда говоритъ: *Уевархавовъ* (1 Цар. IV, 21), и когда Рахиль называетъ Веніамина—*сынъ болѣзни моея* (Быт. XXXV, 18). *Ты же его, сирѣчь, мою утробу пріими.* Этимъ онъ выражаетъ великую любовь свою къ нему. Не сказалъ: возьми, не сказалъ: не гнѣвайся, но: *пріими*, т. е. онъ достоинъ не только прощенія, но и чести. Почему? Потому, что онъ сдѣлался сыномъ Павла. *Егоже азъ хотѣхъ* вмѣсто тебе *держати, да послужитъ ми во узахъ благовѣствованія* (ст. 13). Видишь, сколько онъ напередъ употребляетъ доводовъ, чтобы потомъ внушить къ нему уваженіе господина? Смотри, съ какою мудростію онъ дѣлаетъ и это; смотри, какъ онъ обязываетъ одного и воздаетъ честь другому. Ты видишь, говоритъ, что чрезъ него ты самъ оказываешь мнѣ услугу. Потомъ внушаетъ, что онъ больше имѣлъ въ виду его, нежели раба,—потому что оказываетъ ему великое уваженіе. *Безъ твоея же воли*, говоритъ, *ничтоже восхотѣхъ сотворити, да не аки по нужди благое твое будетъ, но по воли* (ст. 14). Человѣкъ особенно тогда склоняется на просьбу, когда и самое дѣло полезно, и устрояется оно согласно съ его волею; тогда именно бываютъ два блага: и дающій получаетъ пользу, и принимающій находится въ большей безопасности. Не сказалъ: да не по нужди, но: *да не аки по нужди*; хотя я зналъ, говоритъ, что ты, если бы и не былъ увѣдомленъ объ этомъ дѣлѣ, а получилъ объ немъ извѣстіе нечаянно, не сталъ бы сердиться, но (поступилъ такъ) по особенной предосторожности, *да не аки по нужди будетъ. Негли бо ради сего разлучися на часъ, да вѣчна того пріимеши, не ктому аки раба* (ст. 15, 16). Хорошо сказалъ: *негли*, чтобы господинъ оказалъ снисхожденіе; а съ другой стороны сказалъ: *негли*, потому, что бѣгство было совершено по самоуправству и извращенному разсужденію, а не съ добрымъ намѣреніемъ. Не сказалъ: ради сего убѣжалъ, но: *ради сего разлучися*, чтобы болѣе приличнымъ выраженіемъ скорѣе склонить (господина) къ милости. Также не сказалъ: самъ отлучился, но: *разлучися*, былъ разлученъ, т. е. не своимъ умысломъ отлучился по той или другой причинѣ. Такъ и Іосифъ, оправдывая братьевъ, сказалъ: *Богъ посла мя сѣмо* (Быт. XLV, 5), т. е. злой умыселъ ихъ обратилъ въ хорошую сторону. *Ради сего,* говоритъ, *разлучися на часъ.* Онъ и время сокращаетъ, и грѣхъ исповѣдуетъ, и все приписы-

ваетъ устроенію (Божію). *Да вѣчна того*, говоритъ, *пріимеши*,— не только въ настоящее время, но и будущее, чтобы тебѣ имѣть его всегда, уже не какъ раба, но выше раба; оставаясь рабомъ, онъ будетъ преданъ тебѣ болѣе брата, и такимъ образомъ ты сдѣлаешь пріобрѣтеніе и по времени и по свойству (отношеній его къ тебѣ); онъ болѣе уже не убѣжитъ. *Да вѣчна того пріимеши*, т. е. удержишь. *Не ктому аки раба, но выше раба, брата возлюбленна, паче же мнѣ.* Ты на короткое время лишился раба, и навсегда пріобрѣтаешь брата, не твоего только брата, но и моего. Здѣсь (указываетъ Павелъ) на великія добродѣтели (Онисима). Если же онъ мой братъ, то не стыдись его и ты. Названіемъ *чада* (апостолъ) выразилъ любовь къ нему, а названіемъ *брата*—великое благожеланіе и равенство.

3. Это написано не напрасно, но для того, чтобы мы — господа—не презирали своихъ слугъ и не были слишкомъ взыскательными къ нимъ, чтобы научились прощать проступки слугамъ своимъ и не были всегда жестокими къ нимъ, чтобы мы не стыдились рабовъ и имѣли общеніе съ ними во всемъ, если они хороши. Если Павелъ не постыдился назвать раба чадомъ, утробою своею, братомъ и возлюбленнымъ, то какъ будемъ стыдиться мы? Но что я говорю: Павелъ? Владыка Павла не стыдится называть рабовъ нашихъ братьями своими,—какъ же будемъ стыдиться мы? Смотри, какую онъ оказываетъ намъ честь: нашихъ рабовъ Онъ называетъ своими братьями, друзьями и сонаслѣдниками. Вотъ какъ Онъ уничижилъ Себя! Что же дѣлать намъ, чтобы вполнѣ достигнуть этого? Никогда мы не можемъ (достигнуть этого) вполнѣ, но до какой бы степени смиренія мы ни дошли, большей части его будетъ еще недоставать намъ. Смотри: что̀ бы ты ни дѣлалъ, ты дѣлаешь для подобнаго тебѣ раба, а Владыка твой сдѣлалъ это для твоихъ рабовъ. Слушай и страшись! Никогда не превозносись своимъ смиреніемъ! Можетъ быть, вамъ кажутся смѣшными слова мои, что смиреніе превозносится; но не удивляйтесь: оно превозносится, когда бываетъ неискреннимъ. Какъ и какимъ образомъ? Когда оно бываетъ для того, чтобы показаться предъ людьми, а не предъ Богомъ, когда оно имѣетъ въ виду свое прославленіе и тщеславіе; и тогда оно—дѣло діавола. Какъ многіе тщеславятся тѣмъ, что
712 они нетщеславны, такъ превозносятся и смиреніемъ по высокомѣрію. Напримѣръ, пришелъ къ тебѣ какой-нибудь братъ, или слуга; ты принялъ его, омылъ ему ноги, и тотчасъ же гордишься этимъ: я, говоришь ты, сдѣлалъ то, чего не сдѣлалъ никто другой, я совершилъ подвигъ смиренія. Какимъ же образомъ можно остаться смиренномудрымъ? Если будемъ помнить заповѣдь Хри-

ста, который говоритъ: *егда сотворите вся, глаголите, яко раби неключими есмы* (Лук. XVII, 10); также слова учителя вселенной, который говоритъ: *азъ себе не у помышляю достигша* (Филип. III, 13). Кто убѣжденъ, что онъ не сдѣлалъ ничего великаго, что бы онъ ни сдѣлалъ, кто не считаетъ себя достигшимъ конца, тотъ только можетъ быть смиреннымъ. Многіе отъ смиренія впали въ гордость,—да не будетъ этого съ нами! Совершилъ ли ты какое-нибудь дѣло смиренія? Не превозносись, иначе погубишь все. Таковъ былъ фарисей: онъ сталъ превозноситься тѣмъ, что отдавалъ бѣднымъ десятину, и погубилъ все. Но не таковъ былъ мытарь. Послушай, что еще говоритъ Павелъ: *ничесоже въ себѣ свѣмъ, но ни о семъ оправдаюся* (1 Кор. IV, 4). Видишь ли, какъ онъ не превозносился, но всячески уничижалъ и смирялъ себя, и при томъ тогда, какъ достигъ самой высоты добродѣтелей? И три отрока, будучи въ огнѣ, среди пламени, что говорили? *Согрѣшихомъ, беззаконновахомъ со отцы нашими* (Дан. III, 29). Это и значитъ имѣть сердце сокрушенное. Поэтому они и могли сказать: *душею сокрушенною, и духомъ смиреннымъ да пріяты будемъ* (Дан. III, 39). Такъ они были смиренны послѣ ввержeнія въ печь, даже болѣе, нежели до ввержeнія. Когда они увидѣли совершившееся чудо, то, считая себя недостойными спасенія, пришли въ глубокое смиреніе,—потому что мы тогда особенно сокрушаемся духомъ, когда убѣждаемся, что мы получили великія благодѣянія не по заслугамъ. Между тѣмъ какія же они получили благодѣянія не по заслугамъ? Они допустили ввергнуть себя въ печь, были отведены въ плѣнъ еще въ своей молодости, тогда какъ согрѣшили другіе, и не роптали, не досадовали и не говорили: какая намъ польза отъ того, что мы служимъ Богу? Что пріобрѣли мы, поклоняясь Ему? Человѣкъ нечестивый сдѣлался нашимъ владыкою; съ идолослужителями мы терпимъ мученіе отъ идолослужителя; отведены въ плѣнъ, лишены отечества, свободы и всего родного, стали плѣнниками и рабами и служимъ царю варвару! Ничего такого они не говорили,—но что? *Согрѣшихомъ, беззаконновахомъ* (говорили они) и возносили молитву не за себя, а за другихъ: *предалъ еси насъ*, говорили они, *царю неправедну и лукавнѣйшу* (Дан. III, 32). Также Даніилъ, будучи въ другой разъ брошенъ въ ровъ, говорилъ: *помянулъ мя еси, Боже* (Дан. XIV, 38). Почему же (Богъ) не помянулъ тебя, Даніилъ, когда ты прославилъ Его предъ царемъ и говорилъ: *и мнѣ не премудростію сущею во мнѣ* (Дан. II, 30)? Почему Онъ не помянулъ тебя тогда, когда ты вверженъ былъ въ львиный ровъ за неповиновеніе нечестивѣйшему повелѣнію? По той же самой причинѣ. Не за Него ли ты вверженъ и теперь? Такъ, говоритъ

онъ; это потому, что великій я должникъ предъ Нимъ. Если же такъ говорилъ онъ при столь великихъ добродѣтеляхъ своихъ, то что скажемъ мы? Послушай еще, что говоритъ Давидъ: *и аще речетъ* ми, *не благоволихъ въ тебѣ, се азъ есмь, да сотворитъ ми по благому предъ очима своима* (2 Цар. xv, 26),—хотя онъ могъ указать на безчисленныя свои добродѣтели. Также Илій говоритъ: *Господь самъ, еже благо предъ нимъ, да сотворитъ* (1 Цар. ш, 18).

713 4. Признательнымъ рабамъ надлежитъ не только въ благодѣяніяхъ, но и въ наказаніяхъ и въ искушеніяхъ все предоставлять Ему. И не безразсудно ли думать, что Богъ не пощадитъ рабовъ своихъ въ наказаніяхъ, тогда какъ мы дозволяемъ господамъ наказывать рабовъ своихъ, зная, что они пощадятъ ихъ, потому что они—ихъ собственные? Это выражаетъ и Павелъ, когда говоритъ: *аще живемъ, аще умираемъ, господни есмы* (Рим. xiv, 8). Онъ не захочетъ, чтобы уменьшалось богатство Его; Онъ знаетъ, какъ наказывать; Онъ наказываетъ собственныхъ рабовъ. Никто не щадитъ насъ болѣе, чѣмъ Онъ, приведшій насъ изъ небытія въ бытіе, повелѣвающій восходить солнцу, подающій дожди, вдохнувшій душу и предавшій за насъ Сына своего. Будемъ же,—о чемъ я сказалъ и для чего все это сказалъ,—будемъ смиренномудрствовать, какъ должно, будемъ уничижать себя, какъ должно, чтобы смиреніе не послужило намъ поводомъ къ гордости. Ты смиренъ и даже смиреннѣе всѣхъ людей? Не превозносись же этимъ и не порицай другихъ, чтобы не погубить тебѣ похвалы своей. Ты для того и смиренномудрствуешь, чтобы избѣжать высокомѣрія; а если чрезъ это ты впадаешь въ высокомѣріе, то лучше тебѣ и не быть смиреннымъ. Послушай, что̀ говоритъ Павелъ: *благое бысть мнѣ смерть, да будетъ по премногу грѣшенъ грѣхъ заповѣдію* (Рим. vii, 13). Когда придетъ тебѣ на мысль удивляться своему смиренію, то представь себѣ Владыку своего, какъ Онъ уничижилъ Себя,—и ты не станешь больше удивляться себѣ самому, не станешь хвалить себя самого, но посмѣешься надъ собою, какъ не сдѣлавшимъ ничего. Признавай себя всегдашнимъ должникомъ и, что бы ты ни сдѣлалъ, приводи себѣ на память ту притчу: *который отъ васъ*, иже *раба имѣетъ, пришедшу ему речетъ: возлязи?* Ни, глаголю вамъ, но: стань *и служи ми* (Лук. xvii, 7, 8). Благодаримъ ли мы рабовъ своихъ за то, что они служатъ намъ? Никогда. Богъ же воздаетъ благодарностію намъ, которые служимъ не Ему, но дѣлаемъ полезное для насъ. Впрочемъ, не будемъ поступать такъ изъ-за того, чтобы Онъ воздалъ намъ благодарностію, чтобы Онъ узналъ объ этомъ, но какъ исполняющіе долгъ свой. Подлинно, всякое (доброе) дѣло есть долгъ нашъ, и все,

что мы ни дѣлаемъ, есть исполненіе долга. Если и мы, купивъ рабовъ за деньги, хотимъ, чтобы они жили всецѣло для насъ, чтобы мы обладали всѣмъ, что имѣютъ они,—то не гораздо ли болѣе это слѣдуетъ Тому, кто привелъ насъ изъ небытія въ бытіе и потомъ искупилъ насъ честною кровію? Онъ далъ за насъ цѣну, которой никто не далъ бы за собственнаго ребенка,—пролилъ кровь свою. Потому, если бы мы имѣли каждый по тысячѣ душъ и пожертвовали бы всѣми ими, то воздали ли бы Ему равное 714
воздаяніе? Нѣтъ. Почему? Потому, что Онъ сдѣлалъ это для насъ, не будучи обязанъ, но совершенно по милости своей; а мы обязаны къ тому. Онъ, будучи Богомъ, сдѣлался рабомъ, будучи непричастнымъ смерти, сдѣлался причастнымъ ей по плоти; а мы, если и не положимъ за Него душъ своихъ, то по закону природы непремѣнно должны будемъ положить,—спустя немного времени поневолѣ растанемся съ жизнію. Такъ и съ деньгами: если мы не отдадимъ ихъ для Него, то по необходимости отдадимъ при смерти. Такъ и со смиреніемъ: если мы не будемъ смиренными для Него, то смирятъ насъ скорби, несчастія, притѣсненія. Видишь ли, какъ велика благодарность Его? Онъ не сказалъ: что важнаго сдѣлали мученики? если бы они не умерли за Меня, то и безъ этого непремѣнно умерли бы; но воздаетъ имъ великою благодарностію, такъ какъ они добровольно отдали то, что впослѣдствіи должны были бы отдать невольно, по закону природы. Онъ не сказалъ: что важнаго дѣлаютъ раздающіе свое имѣніе? они непремѣнно отдадутъ и поневолѣ; но воздаетъ и имъ великою благодарностію и не стыдится исповѣдывать предъ всѣми, что Владыка питаемъ былъ рабами. Подлинно, и это—слава Владыки, чтобы имѣть признательныхъ рабовъ, и это—слава Владыки, чтобы такъ любить рабовъ своихъ, и это—слава Владыки, чтобы принадлежащее имъ усвоять самому Себѣ, и это—слава Владыки, чтобы не стыдиться исповѣдывать это предъ всѣми. Устыдимся же такой любви Христовой, и сами воспламенимся любовію. Когда мы слышимъ, что кто-нибудь любитъ насъ, то, хотя бы онъ былъ незнатенъ и бѣденъ, мы воспламеняемся особенною любовію къ нему и оказываемъ ему великое почтеніе, любимъ его сами; а Владыка нашъ любитъ насъ такъ много,—и мы остаемся нечувствительными? Нѣтъ, увѣщеваю васъ, не будемъ настолько безпечны къ спасенію нашихъ душъ, но возлюбимъ Его по мѣрѣ силъ своихъ, отдадимъ все изъ любви къ Нему—и душу, и имущество, и славу, и все прочее съ радостію, съ готовностію, съ усердіемъ, не считая этого полезнымъ для Него, но для насъ самихъ Таковъ, дѣйствительно, законъ любви: любящіе считаютъ счастіемъ для себя, когда страдаютъ за люби-

мыхъ. Будемъ и мы такъ же преданы Владыкѣ нашему, чтобы намъ достигнуть и будущихъ благъ, во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА III.

713 Аще убо имаши мене общника, пріими сего, якоже мене. Аще же въ чесомъ обидѣ тебе, или долженъ есть, мнѣ сіе вмѣни. Азъ Павелъ написахъ рукою моею, азъ воздамъ, да не реку тебѣ, яко и самъ себе ми еси долженъ (Филим. ст. 17—19].

1. Ничто такъ не убѣждаетъ (къ исполненію просьбы), какъ то, чтобы не просить всего вдругъ. Потому, смотри, послѣ какихъ похвалъ, послѣ какого приготовленія, (апостолъ) высказалъ эту великую просьбу. Назвавъ (Онисима) сыномъ своимъ, участникомъ благовѣствованія, утробою, сказавъ: ты пріобрѣтаешь въ немъ брата, прими его, какъ брата,—онъ потомъ прибавляетъ: *якоже мене.* Павелъ не постыдился сказать это. Если онъ не стыдился называться рабомъ вѣрныхъ, но даже самъ признавалъ себя такимъ, то тѣмъ болѣе онъ не могъ чуждаться этого. А
714 смыслъ словъ его слѣдующій: если ты мыслишь одинаково со мною, если ты стремишься къ одинаковой цѣли, если считаешь (меня) другомъ, то *пріими сего, якоже мене. Аще же въ чесомъ обидѣ тебе.* Смотри, какъ и когда упомянулъ онъ о проступкѣ: на концѣ, послѣ того какъ многое сказалъ о немъ. Такъ какъ потеря имущества обыкновенно раздражаетъ людей больше всего, то, чтобы (Филимонъ) не сталъ жаловаться на это,—а оно, вѣроятно, было у него похищено,—(апостолъ) упоминаетъ теперь объ этомъ и говоритъ: *аще же въ чесомъ обидѣ тебе.* Не сказалъ: если укралъ что-нибудь,—а какъ? *Аще въ чесомъ обидѣ.* Здѣсь онъ и призналъ проступокъ, и вмѣстѣ представилъ его проступкомъ не раба, но какъ бы друга въ отношеніи къ другу, выразивъ его названіемъ, означающимъ болѣе несправедливость, нежели воровство. *Мнѣ сіе,* говоритъ, *вмѣни,* т. е., считай этотъ долгъ за
715 мною; я заплачу. Далѣе, съ душевнымъ радушіемъ (говоритъ): *азъ Павелъ написахъ рукою моею,*—и радушно, и вмѣстѣ обличительно, если бы тотъ отказался принять его, тогда какъ Павелъ не отказался даже написать объ немъ письмо. Этимъ весьма сильно и его тронулъ, и вмѣстѣ избавилъ Онисима отъ опасенія. *Моею рукою,* говоритъ, *азъ написахъ.* Нѣтъ ничего пламеннѣе, ни-

чего ревностнѣе, ничего дѣятельнѣе этой души. Объ одномъ человѣкѣ, смотри, какъ онъ заботится. *Да не реку тебѣ, яко и самъ себе ми еси долженъ.* Чтобы не показалось обиднымъ для того, у кого просятъ, если бы (Павелъ) не рѣшился просить за вора и не надѣялся получить просимое,—онъ предусматриваетъ и это: *да не реку тебѣ*, говоритъ, *яко и самъ себе ми еси долженъ*, т. е. долженъ не только своею собственностію, но и самимъ собою. И это (сказалъ онъ) по любви, по дружбѣ и великому дерзновенію. Смотри, какъ онъ вездѣ заботится о томъ и другомъ,—и о томъ, чтобы просить съ полною увѣренностію, и о томъ, чтобы не показаться слишкомъ дерзновеннымъ. *Ей, брате* (ст. 20). Что значитъ: *ей, брате?* Т. е., прими его. Это нужно подразумѣвать здѣсь. Оставивъ задушевность, онъ опять обращается къ прежнему, къ дѣлу, хотя и предъидущее также относилось къ дѣлу,—у святыхъ бываетъ дѣловитымъ и то, чѣмъ они выражаютъ свои душевныя чувствованія. *Ей, брате, азъ да пользуюся тобою о Господѣ. Упокой мою утробу о* Христѣ, т. е. окажи милость Господу, а не мнѣ. *Утробу*, т. е. (любовь мою) къ тебѣ. *Надѣяся на послушаніе твое написахъ тебѣ* (ст. 21). Какой камень не смягчился бы отъ этихъ (словъ)? Какой звѣрь не укротился бы отъ нихъ и не оказалъ бы готовности къ точному принятію (прошенія)? Приписавъ ему такія добродѣтели, (апостолъ) не перестаетъ еще оправдывать себя; и оправдывается не просто, не повелѣвая и не требуя со властію, но: *надѣяся*, говоритъ, *на послушаніе твое написахъ тебѣ*. Какъ въ началѣ посланія онъ сказалъ: *дерзновеніе имѣя* (ст. 8), такъ и здѣсь говоритъ то же, запечатлѣвая посланіе. *Вѣдый, яко и паче, еже глаголю, сотвориши.* Этими словами онъ сильно побуждаетъ (Филимона), потому что хотя бы онъ и не сдѣлалъ ничего другого, но по крайней мѣрѣ устыдился бы не сдѣлать просимаго, заслуживъ (предъ Павломъ) такое о себѣ мнѣніе, что онъ можетъ сдѣлать и болѣе, нежели сказано. *Купно же уготови ми обитель: уповаю бо, яко молитвами вашими дарованъ буду вамъ* (ст. 22). И это сказано съ великою надеждою, или лучше, и это въ пользу Онисима, чтобы тѣ не были безпечными, но зная, что (Павелъ) придетъ и узнаетъ все касательно его, отложили всякое злопамятство и скорѣе оказали ему милость. Великое вѣдь было благоговѣніе и почтеніе къ Павлу присутствующему, Павлу старцу, Павлу претерпѣвшему узы. Съ другой стороны, эти слова свидѣтельствуютъ о любви ихъ къ нему, если онъ говоритъ, что они молятся за него, и самъ предоставляетъ имъ такую честь, чтобы молиться за него: хотя, говоритъ, я теперь и въ опасности, но вы увидите меня, если станете молиться. *Цѣлуетъ тя Епафрасъ, спленникъ мой о Христѣ Іисусѣ*

(ст. 23). Онъ былъ присланъ колоссянами (Кол. I, 7, IV, 12), такъ
что отсюда видно, что Филимонъ жилъ въ Колоссахъ. Павелъ
называетъ его *сплѣнникомъ*, выражая, что и онъ былъ въ вели-
кой скорби. Такимъ образомъ, если не для самого (апостола), то
для этого мужа (просьба) должна быть услышана,—тотъ, кто нахо-
дится въ скорби и, оставивъ свои дѣла, заботится о другихъ, дол-
716 женъ быть услышанъ. Съ другой стороны (апостолъ) здѣсь укоряетъ
(Филимона) на случай, если бы онъ не оказалъ милости собствен-
ному своему рабу, тогда какъ согражданинъ его сдѣлался сплѣнни-
комъ (Павла) и вмѣстѣ съ нимъ терпитъ страданія. И еще при-
бавляетъ: *сплѣнникъ мой о Христѣ Іисусѣ*, т. е. за Христа. *Марко,
Аристархъ, Димасъ, Лука, споспѣшницы мои* (ст. 24). Почему Луку
онъ ставитъ послѣднимъ, между тѣмъ какъ въ другомъ мѣстѣ
говоритъ: *Лука единъ есть со мною*, а Димасъ, говоритъ, былъ
одинъ изъ тѣхъ, которые оставили его и возлюбили нынѣшній
вѣкъ (2 Тим. IV, 10)? Объ этомъ, правда, уже сказано было въ
другомъ мѣстѣ, но и здѣсь не слѣдуетъ ни оставлять безъ изслѣ-
дованія, ни слушать просто и безъ разбора. Почему же онъ го-
воритъ, что привѣтствуетъ ихъ оставившій его? *Ерастъ же*, какъ
говоритъ онъ, *оста въ Коринѳѣ* (2 Тим. IV, 20). Епафраса приво-
дитъ онъ, какъ извѣстнаго имъ и происходившаго оттуда,—Марка,
какъ дивнаго мужа; а почему онъ причисляетъ къ нимъ Димаса?
Можетъ быть, этотъ палъ духомъ уже впослѣдствіи, когда уви-
дѣлъ многія опасности. А Лука, бывшій послѣднимъ, сдѣлался
первымъ. (Апостолъ) привѣтствуетъ (Филимона) и отъ лица ихъ,
чтобы скорѣе склонить его къ послушанію, и называетъ ихъ спо-
спѣшниками своими, чтобы такимъ образомъ сильнѣе убѣдить
его къ исполненію просьбы. *Благодать Господа нашего Іисуса Хри-
ста со духомъ вашимъ. Аминь* (ст. 25).

2. Онъ заключилъ посланіе молитвою. Молитва есть великое и спасительное благо и огражденіе душъ нашихъ; но она бываетъ великимъ благомъ тогда, когда мы совершаемъ достойное ея, и когда не дѣлаемъ самихъ себя недостойными ея. Поэтому, когда ты придешь къ священнику и онъ скажетъ тебѣ: да помилуетъ тебя Богъ, чадо,—ты не полагайся только на слова, но приложи и дѣла, совершай то, что достойно милости. Богъ благословитъ тебя, чадо, если ты будешь поступать достойно благословенія, благословитъ, если ты будешь милостивъ къ ближнему,—потому что чего мы хотимъ получить отъ Бога, то должны прежде дать ближнимъ; а если мы лишаемъ этого ближнихъ, то какъ хотимъ получить то же отъ Бога? *Блажени*, говоритъ Онъ, *милостивіи, яко тіи помилованы будутъ* (Мѳ. V, 7). Вѣдь если и люди милуютъ такихъ, то тѣмъ болѣе—Богъ, а немилосердыхъ

не помилуетъ: *судъ бо безъ милости не сотворшему милости* (Іак. II, 13). Милосердіе есть доброе дѣло: почему же ты не оказываешь его другому? Ты хочешь получить прощеніе въ грѣхахъ: почему же самъ не прощаешь согрѣшившему? Ты приступаешь къ Богу, испрашивая царствія небеснаго, а самъ не подаешь серебра просящему! Потому мы и не получаемъ милости, что сами не милуемъ. Какъ же, скажешь, и это развѣ не дѣло милосердія, чтобы миловать немилующихъ? Но будетъ ли милосердымъ тотъ, кто сталъ бы миловать человѣка жестокаго, свирѣпаго и причиняющаго безчисленное множество золъ ближнему? Какъ же, скажешь, купель (крещенія) развѣ не спасла насъ, содѣлавшихъ безчисленное множество золъ? Но она избавила насъ отъ нихъ не для того, чтобы мы снова дѣлали ихъ, а для того, чтобы не дѣлали. *Иже бо умрохомъ грѣху*, говоритъ (апостолъ), *како еще жити будемъ въ немъ? Что убо, согрѣшимъ ли, зане нѣсмы подъ закономъ? Да не будетъ* (Рим. VI, 2, 15). Для того она и избавила тебя отъ нихъ, чтобы ты уже не возвращался къ такому безчестію. Такъ 717
и врачи больныхъ горячкою исцѣляютъ отъ болѣзни не для того, чтобы они, злоупотребляя здоровьемъ, вновь заболѣвали и получали разстройство,—лучше вѣдь оставаться больнымъ, нежели искать исцѣленія для того, чтобы опять повергнуть себя на одръ болѣзни,—но для того, чтобы они, узнавъ страданія болѣзни, не впадали въ то же самое, тщательнѣе берегли свое здоровье и дѣлали все, служащее къ его сохраненію. Гдѣ же, скажешь, человѣколюбіе Божіе, если Онъ не хочетъ спасать злыхъ? Часто и отъ многихъ я слышу, что (Богъ) человѣколюбивъ и непремѣнно спасетъ всѣхъ. Не станемъ обольщать себя напрасно. Я вспомнилъ одно обѣщаніе (данное вамъ нѣкогда),—займемся теперь этимъ предметомъ. Прежде я бесѣдовалъ съ вами о геенnѣ и отложилъ рѣчь о человѣколюбіи Божіемъ; сегодня хорошо—исполнить это обѣщаніе. То, что будетъ геенна, кажется, мы достаточно доказали, представивъ потопъ и другія прежнія бѣдствія и сказавъ, что совершившій все это не можетъ оставить ненаказанными и нынѣшнихъ (грѣшниковъ). Если Онъ такъ наказалъ тѣхъ, которые грѣшили прежде закона, то, конечно, не оставитъ безъ наказанія тѣхъ, которые при благодати совершали гораздо большія преступленія. Итакъ предложенъ былъ вопросъ: какъ же (Богъ) благъ, какъ человѣколюбивъ, если Онъ наказываетъ? Мы отложили рѣчь объ этомъ, чтобы не обременить вашего вниманія множествомъ (предметовъ). Вотъ, теперь отдадимъ этотъ долгъ и покажемъ, какъ Богъ и наказывая остается благимъ. Эти слова могутъ быть у насъ направлены и противъ еретиковъ,—потому слушайте внимательно. Богъ создалъ насъ, не

имѣя въ насъ никакой нужды. А что Онъ не имѣлъ въ насъ никакой нужды, видно изъ того, что Онъ создалъ насъ впослѣдствіи (не отъ вѣчности). Если бы Онъ имѣлъ въ насъ нужду, то создалъ бы прежде. Если же Онъ существовалъ и безъ насъ, а мы произошли въ послѣдующее время, то Онъ сотворилъ насъ, не имѣя въ насъ нужды. Онъ сотворилъ небо, землю, море и все существующее для насъ. Не есть ли это, скажи мнѣ, дѣло Его благости? Много можно было бы сказать объ этомъ, но для краткости скажемъ, что Онъ *сіяетъ солнце на злыя и благія, дождитъ на праведныя и неправедныя* (Мѳ. v, 45). Ужели это не дѣло благости? Нѣтъ, скажешь. Такъ нѣкогда спросилъ я одного маркіонита: ужели это не дѣло благости? Онъ отвѣчалъ мнѣ: если бы Богъ не требовалъ отчета за грѣхи, то это было бы дѣломъ благости; а такъ какъ Онъ требуетъ отчета, то — не дѣло благости. Его уже нѣтъ теперь, но мы повторимъ сказанное тогда, и даже скажемъ больше того. Я рѣшительно доказываю, что, если бы Богъ не требовалъ отчета, то Онъ не былъ бы благъ; а такъ какъ Онъ требуетъ отчета, то—благъ. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ, если бы Онъ не требовалъ отъ насъ отчета, то могла ли бы продолжаться жизнь человѣческая? Не обратились ли бы мы въ дикихъ звѣрей? Если и теперь, когда тяготѣетъ надъ нами страхъ суда и наказанія, мы превзошли рыбъ, пожирая другъ друга,
718 взяли перевѣсъ надъ львами и волками, грабя другъ друга, то какого смятенія и разстройства не исполнилась бы жизнь наша, если бы Онъ не требовалъ отъ насъ отчета и мы были бы убѣждены въ этомъ? Что̀ былъ бы баснословный лабиринтъ въ сравненіи съ безпорядками въ нашемъ мірѣ? Не увидѣлъ ли бы ты безчисленнаго множества безчинствъ и неурядицъ? Кто сталъ бы наконецъ уважать отца? Кто не оскорблялъ бы матери? Кто не былъ бы преданъ всякимъ удовольствіямъ и всякимъ порокамъ? А что это такъ, я постараюсь убѣдить тебя, представивъ въ примѣръ одинъ только домъ. Какимъ образомъ? Вотъ какимъ: если бы у кого-нибудь изъ васъ, спрашивающихъ объ этомъ, были рабы, и я объявилъ бы имъ, что, сколько бы они ни противились власти господъ, хотя бы наносили имъ оскорбленія дѣйствіемъ, хотя бы расхитили все ихъ имущество, хотя бы все поставили вверхъ дномъ, и обращались съ ними, какъ враги, (господа) не будутъ угрожать имъ, не будутъ наказывать, не будутъ мучить и даже не огорчатъ ихъ непріятнымъ словомъ,— то какъ вы думаете, было ли бы это дѣломъ благости? Я, напротивъ, полагаю, что было бы дѣломъ крайней жестокости — предавать на поруганіе не только жену и дѣтей такимъ неумѣстнымъ снисхожденіемъ, но еще прежде того допускать до поги-

бели самихъ виновныхъ. Они вѣдь сдѣлаются и пьяницами, и развратниками, и безстыдными, и наглыми, и безсмысленнѣйшими всѣхъ звѣрей. Это ли, скажи мнѣ, дѣло благости, чтобы попирать благородство души и губить ихъ и другъ друга? Видишь ли, что самое требованіе отчета есть дѣло великой благости? Но что я говорю о слугахъ, которые слишкомъ склонны къ этимъ порокамъ? Если бы кто, имѣя сыновей, позволилъ имъ дѣлать все и не наказывалъ ихъ, то, скажи мнѣ, кого они не сдѣлались бы хуже? Итакъ, если между людьми наказаніе есть дѣло благости, а безнаказанность—жестокости, то ужели не такъ у Бога? Слѣдовательно потому Онъ и уготовалъ геенну, что Онъ — благъ. Хотите ли, я покажу вамъ благость Божію и съ другой стороны? Кромѣ всего сказаннаго, (страхъ наказанія) не позволяетъ и добрымъ сдѣлаться злыми. Если бы всѣ ожидали одного и того же, то всѣ сдѣлались бы злыми; а теперь добрые и въ этомъ находятъ немалое утѣшеніе. Послушай, что говоритъ пророкъ: *возвеселится праведникъ, егда увидитъ отмщеніе* нечестиваго, *руцѣ свои умыетъ въ крови грѣшника* (Псал. LVII, 11); не радуясь этому, нѣтъ, но страшась, чтобы самому не потерпѣть того же, онъ будетъ заботиться о большей чистотѣ своей жизни. Такимъ образомъ это (требованіе отчета) есть дѣло великаго попеченія. Такъ, скажешь; но слѣдовало бы только угрожать, а не наказывать. Нѣтъ, если и тогда, когда Онъ полагаетъ наказаніе, ты говоришь, что это одна угроза, и потому становишься болѣе безпечнымъ, то до какой не дошелъ бы ты безпечности, если бы это дѣйствительно было только угрозою? Если бы ниневитяне знали, что назначенное имъ наказаніе было одною угрозою, то не раскаялись бы; но такъ какъ они раскаялись, то угроза и 719
осталась только на словахъ. Хочешь ли и ты, чтобы (назначенныя грѣшникамъ наказанія) были только угрозою? Это зависитъ отъ тебя самого; исправься, и они останутся только угрозою. Если же ты станешь презирать угрозу,—чего да не будетъ! — то испытаешь ее на дѣлѣ. Жившіе предъ потопомъ, если бы побоялись угрозы, то не испытали бы ея на самомъ дѣлѣ. Такъ и мы, если станемъ бояться угрозы, то не испытаемъ ея на дѣлѣ. Да не будетъ этого съ нами, но да подастъ человѣколюбивый Богъ 720
всѣмъ намъ вразумиться этимъ и достигнуть неизреченныхъ благъ, которыхъ да сподобимся всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу со Святымъ Духомъ слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

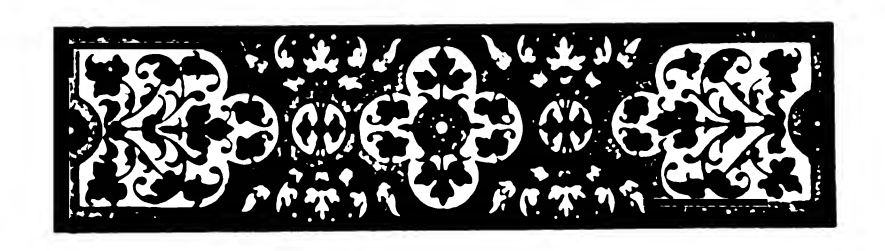
ТВОРЕНІЯ,

ПРИПИСЫВАЕМЫЯ СВ. ІОАННУ ЗЛАТОУСТУ

и

отнесенныя въ издании Миня къ разряду

SPURIA.



СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО.

На жертвоприношеніе Каина, дары Авеля, объ исполинахъ, о потопѣ, о звѣздахъ и о судьбѣ. 719

Послѣдовательность—мать порядка; она даетъ надлежащій видъ и отчетливость мыслямъ, обезпечиваетъ и вниманію слушателей удобопонятность и раздѣльность. Поэтому не будемъ уклоняться отъ послѣдовательности; но, хотя чтенія слѣдуютъ своему собственному порядку, мы все же сохранимъ послѣдовательность исторіи. Въ предыдущихъ рѣчахъ передавалось отъ наученія св. Духа, каковъ былъ составъ человѣка, какова честь, положеніе и данная ему власть надъ вещами. За этимъ наступило обольщеніе въ раю, истязующій судъ и приговоръ, произнесенный съ милостью. Затѣмъ послѣдовала исторія Каина и Авеля, которые начали чтить Бога по внѣшности одинаковымъ образомъ, но совершали служеніе съ различнымъ душевнымъ настроеніемъ. Дѣлали приношенія и тотъ и другой, но у одного приношеніе имѣло только видимость дара, а у другого оно заключало въ себѣ и соотвѣтствующее настроеніе и почтительность. Потомъ послѣдовала зависть, потому что за благочестіемъ всегда слѣдуетъ зависть со стороны злыхъ людей и вѣнецъ отъ Раздавателя наградъ. Авель—первый глашатай праведности, первый возлюбившій благочестіе и послѣдовавшій ему, первый почтившій истину и воистину возлюбившій Бога и поклонившійся Ему, во многомъ ставшій подражателемъ Христа—былъ убитъ. Я нахожу, что св. Авель принялъ на себя много прообразовъ Христа. Какъ Спаситель есть начальникъ и первый праведникъ для всѣхъ обновленныхъ послѣ временъ закона, такъ же и для всѣхъ древнихъ людей начальникъ пра-

720 ведности—Авель. Ни въ обновленіи человѣчества, которое обновилъ Господь всѣхъ, ты не найдешь чего-нибудь болѣе первичнаго, чѣмъ тѣло Господне, ни въ ветхомъ поколѣніи людей не найдешь праведности, просіявшей раньше Авеля. Тотъ начальникъ ветхихъ праведниковъ, а этотъ начальникъ и новыхъ праведниковъ и воистину обновляемыхъ святыхъ. Вотъ почему Спаситель закрѣпилъ память объ Авелѣ, какъ началѣ всякой праведности. Онъ сказалъ іудеямъ: *аминь глаголю вамъ*, взыщется съ рода сего *всяка кровь праведна, проливаемая* отъ созданія міра, *отъ крове Авеля праведнаго до крове Захаріи, егоже убисте между церковію и олтаремъ* (Мѳ. XXIII, 35). Онъ поставилъ началомъ праведности Авеля, гонимаго людьми, но увѣнчаннаго Богомъ. И замѣть удивительную вещь. Такъ какъ Авель первый былъ сподвижникомъ праведности, то онъ первый удостоился и пострадать за благочестіе. Онъ сталъ прообразомъ Христа, пострадавшаго за истину, а кровь Авеля сдѣлалась близкой къ крови Владычней, имѣя тѣсную близость по вѣрѣ. Именно, спасительная кровь есть училище для всей вселенной; ничто насъ не наставляетъ такъ въ благочестіи, какъ кровь Владычня, говорящая истиной, какъ бы языкомъ. Возопила кровь Авеля, вопіетъ и кровь Христова. Но та вопіетъ умоляя, а эта—принося умилостивленіе міру. Такъ какъ кровь Владычня подобно трубѣ прогремѣла
721 во всѣ концы міра и кровь Авеля говорила къ Богу, то апостолъ, напомнивъ о той и о другой крови, при сравненіи на бóльшую высоту поднялъ поистинѣ высочайшую кровь; онъ сказалъ: *приступисте къ сіонстѣй горѣ и ко граду Бога живаго, Іерусалиму небесному, и тмамъ ангеловъ, торжеству и церкви первородныхъ, на небесѣхъ написанныхъ, и судіи* живому *Богу и духовомъ* святыхъ *совершенныхъ, и крови кропленія, лучше глаголющей, нежели Авелева* (Евр. XII, 22—24). Онъ говоритъ, моля за грѣшниковъ и принося умилостивленіе міру, потому что кровь Христова—окропленіе вселенной, кровь Христова — избавленіе людей. *Лучше*, говоритъ (апостолъ), *глаголю-*
722 *щей, нежели Авелева*, поскольку одна умоляетъ, а другая защищаетъ. Затѣмъ кровь Авеля имѣетъ также и другое подобіе крови Владычней, и вотъ какимъ образомъ. Адамъ, согрѣшивъ, подпалъ проклятію смерти: *земля еси и въ землю отидеши* (Быт. III, 19); онъ принялъ приговоръ. Авель, ставъ праведнымъ и не подпавъ прегрѣшеніямъ, но отмѣченный Божьимъ избраніемъ, поступалъ благочестно въ жизни. Послѣ этого, оскверпившій себя убійствомъ, Каинъ, открывъ ворота смерти, далъ возможность ея худому, или точнѣе—хорошему, вторженію. Посмотри въ самомъ дѣлѣ на человѣколюбіе Божіе. Осужденные еще не умерли, ни Адамъ, ни Ева. Авель, не согрѣшившій, прежде всего... (дальше пропускъ).

Въ святую и великую Пятницу на святую страсть Господню.

Сегодня хочу исполнить вчерашнее обѣщаніе, возлюбленные. 721
Спрашиваю, гдѣ мы тогда закончили слово. Мы говорили, что іудеи приняли замыселъ противъ Іисуса, чтобъ его убить. И вотъ, когда они собрались вмѣстѣ, явился предъ ними Іуда и говоритъ имъ: *что ми хощете дати, и азъ вамъ предамъ его* (Мѳ. xxvi, 15)? Они же, ставъ, съ мечами и дрекольями послѣдовали за нимъ. И даде *имъ знаменіе, глаголя: егоже аще лобжу, той есть: имите его* (ст. 48). И когда они пришли на мѣсто, гдѣ былъ Іисусъ съ учениками своими, Іуда, выступивъ впередъ, облобызалъ его со словами: *радуйся, Равви.* Господь же сказалъ ему: *друже, на что пришелъ еси?* Дѣлай, за чѣмъ пришелъ. О, цѣлованіе коварное, нагроможденіе беззаконія и погибели! О, цѣлованіе горькое, гибель души, путь въ геенну! Блудница, цѣловавшая ноги Господа, воззвала изъ нечистоты душу свою. А этотъ, поцѣловавъ, изглаженъ изъ книги жизни. О, любомудріе женщины! О, неразуміе ученика! Когда та цѣловала ноги Господа, радовались ангелы и приготовляли ей вѣнецъ. Когда цѣловалъ этотъ, радовались демоны и плели веревку для повѣшенія. *Радуйся, Равви.* Онъ радуется, а ты будешь страдать, потому что отъ радости отверженъ. *Радуйся, Равви, и облобыза Его.* И, схвативъ, повели его къ архіереямъ Аннѣ и Каіафѣ. Искали лжесвидѣтельства на него, и не находили. Тогда повели Его (къ Пилату) и поставили Его. Пилатъ спросилъ Его: *Ты ли еси царь іудейскій?* Господь же молчалъ, какъ написано: *и яко нѣмъ, не отверзая устъ своихъ* (Иса. liii, 7). Пилатъ сидѣлъ, судя, а Тотъ, который будетъ судить живыхъ и мертвыхъ, стоялъ, Солнце правды стояло, и Господь терпѣлъ судъ надъ собою ради спасенія міра. Пилатъ, убѣдившись изъ самаго дѣла, что Его предали по зависти, взялъ воду и умылъ руки предъ народомъ, говоря: *неповиненъ есмь отъ крове праведнаго сего, вы узрите* (Мѳ. xxvii, 24). Іуда же, увидѣвъ, что Онъ осужденъ, отдалъ серебро архіереямъ со словами: *согрѣшихъ, предавъ кровь неповинную. И повергъ сребренники въ церкви, отшедъ удавися.* И исполнилось написанное: *обратится болѣзнь его на главу его, и на верхъ его неправда его снидетъ* (Пс. vii, 17). Пилатъ же сказалъ іудеямъ: *азъ никоеяже вины обрѣтаю въ немъ* (Лук. xxiii, 4). И желая отпустить Его, говоритъ имъ: у васъ есть обычай на праздникъ отпускать одного изъ заключенныхъ. Итакъ слушайте: я отпущу вамъ одного, въ комъ не нахожу никакой вины. А они, крича, требовали отпустить убійцу, а о Томъ, кто оправдываетъ нечестивыхъ, кричали: *распни.* Тогда Пилатъ предалъ Его послѣ бичеванія на распятіе. Господь подвергся бичеванію, чтобы избавить насъ отъ узъ и бичей діавола; Онъ

носилъ вѣнецъ изъ терній, чтобы разрѣшить тяготѣвшее на насъ проклятіе. Тернія и волчцы повелѣно было производить землѣ за преступленіе: она приноситъ терновый вѣнецъ на главу, чтобы разрѣшить тяготѣвшее на насъ проклятіе. Онъ распятъ на древѣ, чтобы разрѣшить грѣхъ, происшедшій чрезъ древо: чрезъ древо изгналъ Адама изъ рая сатана, чрезъ древо же и Господь разбойника сдѣлалъ обитателемъ рая.
722 И вотъ что удивительно, возлюбленные. Въ шестой день Господь сотворилъ Адама, и въ шестой день онъ былъ изгнанъ изъ рая. Потому Господь въ шестой же день открылъ двери рая и ввелъ туда разбойника. Адамъ, преслушавшій заповѣдь Господню, былъ изгнанъ изъ рая вечеромъ. Вечеромъ же и разбойникъ, послушавшійся гласа Владычня, былъ введенъ въ рай. Итакъ, когда увидѣлъ діаволъ, что все произошло по домостроительству (Божію), увидѣлъ бывшія у креста знаменія, солнце померкшее, землю колеблющуюся, завѣсу храма раздравшуюся, скалы разверзающіяся и себя самого посрамленнаго,—онъ бѣжалъ къ аду и сказалъ ему: горе мнѣ несчастному, я посрамленъ; помоги моему безсилію; запремъ двери, чтобы Онъ не вошелъ сюда; укрѣпи ихъ запорами и всѣми силами противостанемъ, чтобъ не принять Его. Итакъ адъ побѣжалъ, заперъ двери и укрѣпилъ желѣзные запоры. И вотъ Господь идетъ въ адъ, преслѣдуя діавола, и силы небесныя слѣдуютъ передъ Нимъ. Но врата заперты. И воскликнули небесныя силы: *возьмите врата, князи, ваша и возьмится врата вѣчная, и внидетъ Царь славы* (Пс. XXIII, 9—10). И говоритъ въ отвѣтъ извнутри адъ: *кто есть сей Царь славы?* И опять говорятъ силы: *Господь силъ той есть Царь славы.* Адъ сказалъ въ отвѣтъ: кто есть тотъ, о комъ вы говорите? И если онъ таковъ, что ему здѣсь нужно? Зачѣмъ оставилъ онъ небо и пришелъ сюда? И отвѣчаютъ силы: такъ какъ Онъ есть Царь славы, Онъ пришелъ связать и предать тебѣ того, кто осужденъ за возмущеніе, и вызвать и вывести изъ тебя своихъ воиновъ. Адъ говоритъ діаволу: треглавый Веельзевулъ, изверженный изъ ангеловъ, посмѣшище святыхъ, безсильный, скрытый отъ свѣта, не говорилъ ли я тебѣ—не воюй съ нимъ? Вотъ теперь исполняется то, что я тебѣ предсказывалъ. Что дѣлаешь, несчастный? Зачѣмъ не послушалъ моихъ словъ? Вотъ онъ пришелъ требовать тебя и связать, изъ-за тебя и я стану плѣнникомъ. Выйди, если можешь, и сразись съ нимъ, а я не могу тебѣ помочь. Діаволъ говоритъ ему: сжалься надо мною,—не открывай (дверей); иногда онъ обращается назадъ, поборись за меня пока, хотя я и посрамленъ; да и кто не посрамится отъ такихъ словъ Его? Нѣкогда, боясь смерти, Онъ сказалъ: *прискорбна есть душа моя даже до смерти.* А въ другой разъ Онъ умолялъ Отца, говоря: *Отче, аще возможно, да мимоидетъ отъ мене чаша сія* (Мѳ. XXVI, 38—39). Эти слова прельстили меня. Тотъ сказалъ въ отвѣтъ: и я несчастный тоже предполагалъ, что
723 онъ страдаетъ, боясь смерти. Когда они говорили это, силы не переста-

вали взывать: *возьмите врата, князи, ваша и возьмитеся врата вѣчная, и внидетъ Царь славы.* И пророки, услышавъ гласъ Царя славы, радовались и ликовали. Іоаннъ сказалъ: не говорилъ ли я вамъ, что Онъ придетъ и выведетъ насъ? Всѣ радовались и говорили аду: открой свои врата, да внидетъ Царь славы. Но адъ не повиновался. И сказалъ пророкъ Давидъ: оставьте его, такъ какъ должно исполниться мое пророчество. Когда я былъ на землѣ, я предвидѣлъ то, что будетъ, именно, что онъ не откроется самъ собою, и сказалъ: *Господь сокрушаяй брани, Господь сокруши врата мѣдная и вереи желѣзныя сломи* (Пс. cvi, 16). И тотчасъ, приступивъ, Господь сокрушилъ врата и сломалъ запоры, и попралъ силы ада, и муки смертныя разрѣшилъ, и жало ада притупилъ. И исполнилось писаніе: *гдѣ твоя, аде, побѣда? гдѣ твое, смерте, жало* (1 Кор. xv, 55)? Навстрѣчу ему вышли пророки съ радостью и ликованіемъ, воспѣвая и говоря: *благословенъ грядый во имя Господне, осанна въ вышнихъ* (Мѳ. xxi, 9). Тогда взялъ Господь діавола и связалъ его узами неразрѣшимыми; Онъ послалъ его въ преисподнюю ада и уготовалъ ему огнь неугасающій и червей неумирающихъ; тамъ заключенъ онъ, плачущій и стенающій. А пророковъ Господь вывелъ всѣхъ изъ ада и сказалъ имъ: слѣдуйте въ рай,—и они съ радостью вышли изъ ада. Давидъ первый, ударяя по струнамъ киѳары, возгласилъ съ веселіемъ: *пріидите, возрадуемся Господеви, воскликнемъ Богу Спасителю нашему* (Пс. xciv, 1), потому что побѣдилъ Царь, сражавшійся за насъ. И всѣ отвѣчали: аллилуія. Давидъ опять возгласилъ: *вси языцы, восплещите руками, воскликните Богу гласомъ радованія* (Пс. xlvi, 2), потому что побѣдилъ Царь, сражавшійся за насъ. Такъ радуясь, они достигли рая и, вошедши туда, нашли тамъ разбойника. Съ изумленіемъ они сказали ему: кто привелъ тебя сюда? Кто открылъ тебѣ двери? За какія дѣянія вошелъ ты сюда прежде насъ? Не разбойничать ли и сюда пришелъ? Не грабить ли и здѣсь явился? Мало было тебѣ земного,—хочешь похищать и небесное? Скажи намъ,—кто привелъ тебя сюда? Не завидуемъ тебѣ, что ты вошелъ сюда, но хотимъ знать причину. Онъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: по
дѣламъ своимъ я недостоинъ войти сюда, но человѣколюбивый и мило- 724
стивый Владыка ввелъ меня сюда. Я не имѣю ничего добраго, почему и осудили меня іудеи на смерть вмѣстѣ съ безсмертнымъ Царемъ; но, желая меня убить, они дали мнѣ больше жизни, распявъ меня со Христомъ. Увидѣвъ знаменія, бывшія при крестѣ, и понявъ, что Онъ есть Сынъ Божій, я громкимъ голосомъ воскликнулъ слѣдующія слова: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ* (Лук. xxiii, 42, 43). И тотчасъ принявъ мою молитву, Онъ говоритъ мнѣ: *аминь глаголю тебѣ, днесь со мною будеши въ раи.* Онъ далъ мнѣ знаменіе крестное, говоря: возьми это и иди въ рай; если пламенный мечъ не допуститъ тебя войти, покажи ему царское знаменіе, и онъ откроетъ тебѣ двери. Я пошелъ, но пламенный мечъ, стрегущій рай, какъ только увидѣлъ меня,

заперъ двери. Тогда я сказалъ, что Царь, нынѣ распятый, самъ послалъ меня сюда, и показалъ ему крестное знаменіе. Тотчасъ же онъ впустилъ меня. Вошедши, я не нашелъ никого и, мысленно удивляясь, сказалъ самому себѣ: гдѣ же Авраамъ, Исаакъ и остальное множество святыхъ пророковъ? И вотъ, когда я удивлялся и размышлялъ, явились мнѣ съ правой стороны востока два мужа, ветхіе деньми, чудные видомъ и необыкновенные лицомъ. Они спрашивали меня, говоря: кто ты? Ты не Авраамъ, потому что у того священная одежда; ты не Моисей, потому что онъ гугнивъ и медленноязыченъ, а у тебя ясная рѣчь. Кто же ты? Ты намъ кажешься разбойникомъ, такъ какъ и одежда у тебя разбойничья. Тогда я признался, что я разбойникъ, и что Владыка рая ввелъ меня сюда, такъ какъ я сопутствовалъ Ему до смерти, которую Онъ претерпѣлъ за насъ. Потомъ я спросилъ ихъ: а вы кто? Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ въ отвѣтъ: я Илія Ѳесвитянинъ, я былъ вознесенъ сюда на огненной колесницѣ и еще не видѣлъ смерти, а тотъ, что̀ со мною, Енохъ, который принесенъ сюда по слову Божію. Услышавъ это, пророки прославили Бога за такую милость, дарованную грѣшникамъ. А Господь, обезоруживъ смерть, поправъ адъ, исцѣливъ древо древомъ, разрушивъ врата и сокрушивъ запоры ада, связавъ діавола и освободивъ міръ, вознесъ всѣхъ на небеса, воскресши изъ мертвыхъ. Потому воспоемъ воплотившагося, прославимъ распятаго, возблагодаримъ воскресшаго, да и насъ избавитъ Онъ изъ мрака грѣховъ нашихъ и сдѣлаетъ наслѣдниками своего царства. Ему подобаетъ честь и поклоненіе съ безначальнымъ Его Отцемъ и всесвятымъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На мытаря и фарисея.

723 Страсть сребролюбія жаждетъ наживы, но исцѣляется милостыней, когда придетъ раскаяніе. Привычка къ блуду ищетъ грѣха, но и ее излѣчиваетъ плачъ покаянія, который являетъ душу чистѣйшею солнца, блистающею добродѣтелями цѣломудрія. Исцѣляется и безчеловѣчное разбойничество, если человѣкъ броситъ свои кровавыя дѣла и воскликнетъ ко Христу: не лиши меня, Христосъ, твоего царствія,—тогда душа его входитъ въ рай. Заблужденіе идолопоклонства, и то имѣетъ свое лѣкарство для исцѣленія, если человѣкъ вѣрою приметъ проповѣдавнаго ему Христа, отречется отъ беззаконнаго заблужденія и облечется благодатію благочестія чрезъ крещеніе, въ которомъ тремя призываніями Бога обозначается Святая Троица. Грязь ненависти тоже омывается, если люди съ добрымъ расположеніемъ принимаютъ евангельское изреченіе: *блаженни миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся* (Мѳ. v, 9).

Кто не радъ называться сыномъ Бога и Отца? Богъ создалъ человѣка
и укрѣпляетъ міръ человѣколюбивымъ мановеніемъ, и все слѣдуетъ Его
волѣ. Избыточествомъ благости привелъ Онъ изъ небытія въ бытіе все
видимое, поставивъ человѣка домоправителемъ надъ своими твореніями, 724
чтобы, пребывъ вѣрнымъ, онъ получилъ награду въ пять талантовъ и
начальство надъ десятью городами, о которыхъ написано въ евангеліи.
А кто окажется лѣнивымъ,—получивъ одинъ талантъ, скроетъ его и не
представитъ господину сумму удвоенною, то есть съ чувственнымъ че-
ловѣкомъ и умнаго, а начнетъ говорить: *бояхся, яко человѣкъ яръ еси*
(Лук. XIX, 21), и прочія неблагодарныя и неприличныя рѣчи, — у того
отнимется и то, что имѣетъ, и онъ вверженъ будетъ въ пещь огненную.
Міръ этотъ подобенъ ристалищу, которое доставляетъ людямъ то стра-
даніе, то радость. Кто съ благодарностью переживаетъ то и другое, тотъ
получитъ царство небесное. Какъ полноводное теченіе вслѣдствіе навод-
ненія производитъ пузыри, изъ которыхъ одни лопаются тотчасъ послѣ
появленія, а другіе, больше надувшись, потомъ также лопаются,—такъ
и море жизни однихъ потопляетъ недолго послѣ ихъ появленія, а дру-
гихъ покрываетъ также уже послѣ того, какъ они продержались долѣе.
Потому повторимъ сказанное. Всякаго рода грѣхъ получаетъ скорое да-
рованіе отпущенія, если имѣетъ за себя раскаяніе. Неисцѣлимая бо-
лѣзнь есть гнилое превозношеніе, поводъ къ человѣконенавистничеству,
гордое паденіе, высота, отъ себя низвергающаяся, мечтаніе и тѣнь, 725
трость вѣтромъ колеблемая, дымъ поднимающійся на воздухъ и разсѣ-
вающійся въ ничто. Ты думаешь, хвастунъ, что имѣешь что-нибудь
больше бѣднаго? Ничего. Ужъ не видишь ли ты другого неба, когда
тотъ обжигается солнечнымъ лучомъ? Когда воздухъ становится мороз-
нымъ, не согрѣваешься ли ты солнцемъ, а тотъ дрожитъ отъ холода?
Не одинаково ли онъ вдыхаетъ воздухъ? Не по той ли землѣ ходитъ,
что и ты? Не такимъ ли же тѣломъ онъ облеченъ? Не долженъ ли ты
болѣе благодарить Бога, ввѣрившаго тебѣ столько, сколько нуждающійся
способенъ вмѣстить? Говорю тебѣ, братъ: лучше тебѣ обратиться къ
смиренномудрію. Умѣренный богачъ обнаруживаетъ человѣколюбіе; а
бѣдный поневолѣ имѣетъ смиреніе. Ты покажешь себя великимъ, если
по своему произволенію снизойдешь къ тому, что тотъ имѣетъ по необ-
ходимости. Если ты не убѣжденъ этимъ, послушай Писанія: *Господь
гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Притч. III, 34).
Если пренебрегаешь и этимъ, пренебрежетъ тобою Богъ. Тогда безум-
ная мысль, желая поднять тебя на превосходящую высоту, вознесетъ
тебя много для того, чтобы сильнѣе сбросить внизъ. И что такое богат-
ство? Вещество, перескакивающее отъ одного къ другому. Когда при-
детъ смерть, оно отстанетъ отъ тебя, но происшедшее изъ него зло ни-
когда отъ тебя не отстанетъ. Смотри, не превозносись, такъ какъ ты
земля и прахъ, и не впадай въ ошибку фарисея. Наблюдай за собой,

такъ какъ и Господь увѣщеваетъ къ тому, говоря въ притчѣ слѣдующее: *человѣка два внидоста въ церковь помолитися: единъ фарисей, а другій мытарь* (Лук. XVIII, 10). Два человѣка вошли, но вышли не два человѣка, совершающіе прямо одинъ и тотъ же путь: фарисей очевидно отъ него уклонился. Въ одно мѣсто они вошли помолиться, но вышли,—оказалось,—не въ одно мѣсто. Фарисей спѣшилъ дерзновенно, мытарь шелъ позади со страхомъ,—и тотъ, кто спѣшилъ, отсталъ, а кто былъ позади, опередилъ перваго. Фарисей спѣшилъ, чтобъ заявить о своихъ дѣлахъ праведности; мытарь торопился объявить о своихъ грѣхахъ. Вошли помолиться, но одинъ оказался надменнымъ, а другой молящимся. Вотъ что рѣшилъ про себя фарисей: я не должникъ закона, я не подлежу повелѣніямъ пророковъ, я не нуждаюсь въ ученіи Моисея, потому что ни въ чемъ не погрѣшилъ противъ него; однако иду молиться, отдавая дань обычаю, который исполняли мои предки. Такъ ты, фарисей, ради предковъ покланяешься храму, а ради молитвы и не смотришь на храмъ? Твои предки вѣрою совершали благодареніе, а ты выставляешь благодареніе на показъ, чтобы люди прославили твою жертву? И сбудется надъ тобою слово Давида: *да будетъ молитва его въ грѣхъ и епископство его пріиметъ инъ* (Псал. CI, 7, 8), то есть мытарь. А каковъ мытарь? Онъ идетъ въ храмъ, осуждая себя, считая себя недостойнымъ молитвы. Онъ назвалъ себя недостойнымъ,—за это Христосъ и принялъ его приношеніе. Онъ говорилъ о себѣ, что виновенъ въ грѣхѣ, а Христосъ показалъ его служителемъ праведности; Онъ даровалъ ему отпущеніе прегрѣшеній въ отплату за его приношеніе; Онъ освободилъ его отъ грѣха, чтобы тотъ служилъ праведности. О, рабство, которымъ мы избѣгаемъ другого злого рабства и достигаемъ свободы Христовой! О, рабство, предоставляющее намъ легкое бремя и послѣ того воздающее жизнь вѣчную! О, рабство, лишь въ здѣшнемъ мірѣ называемое рабствомъ, а въ будущемъ дарующее жизнь безконечную! Прибѣгнемъ, братія, къ этому рабству, чтобы познать свободу душъ. Если кто окажется добрымъ рабомъ, Господь покажетъ того подлинно сыномъ своимъ, и тогда исполнится на немъ слово пророка: *азъ рѣхъ: бози есте и сынове Вышняго вси* (Псал. LXXXI, 6). Блаженны удостоившіеся такой почести. Блаженны постаравшіеся избѣжать порока. Блаженны пріобрѣвшіе этимъ рабствомъ свободу и со свободою, для которой искупилъ насъ Христосъ, взывающіе: станемъ, держа крестъ, на которомъ былъ распятъ Христосъ! Воскликнемъ ко Христу: пастырь добрый, прими насъ какъ одну изъ погибшихъ овецъ; испытай насъ въ помышленіяхъ сердецъ нашихъ и,
726 если найдешь насъ заблудившимися и готовыми попасть въ руки врага, собери насъ въ стадо твое. Сочти насъ драхмою единою и обрѣти насъ, приблизивъ къ огню Твоего божества, и, нашедши, возрадуйся со святыми и ангелами, соприсутствующими твоему чистому божеству. Прими насъ, какъ мытаря, чтобы мы, молясь, восприняли смиренномудріе и от-

казались отъ гордости, чтобы совлекли съ себя мать грѣха — высокомудріе и облеклись началомъ покаянія—скромностью. Сбросимъ съ себя ветхаго человѣка съ дѣлами его и облечемся въ новаго съ дѣлами его и благодатію его. Молясь, восплачемъ отъ глубины сердца, чтобы прогнать врага нашего въ глубину пещи геенской. Вѣдь когда ты стенаешь, онъ подвергается ударамъ; когда ты ударяешь себя въ грудь, онъ получаетъ раны; когда ты принимаешь удары, онъ подвергается казни. Такъ и мытарь, ударяя въ грудь себя, билъ не себя, а фарисея, и обличилъ его помышленіе, которое производило въ немъ дымъ превозношенія. *Фарисей же ставъ сице въ себѣ моляшеся: Боже, хвалу Тебѣ воздаю, яко нѣсмь, якоже прочіи человѣцы, хищницы, неправедницы, прелюбодѣе, или якоже сей мытарь: пощуся двакраты въ субботу, десятину даю всего елико притяжу* (Лук. XVIII, 11—12). Фарисей, ты потерялъ свою награду за хвастливость! Получилъ за это жребій осужденія. Ты говоришь: *нѣсмь, якоже прочіи человѣцы*. Да, былъ человѣкомъ по природѣ и устроенію Божію, но сталъ животнымъ чрезъ пріобщеніе къ гордости; былъ человѣкомъ, какъ носящій въ себѣ образъ Божій, и сталъ звѣремъ, преисполнившись тщеславіемъ. Онъ вынесъ себя за черту человѣческой природы, придалъ своему тѣлу иное происхожденіе, призналъ себя выше всѣхъ земныхъ вещей, вообразилъ больше всякаго пророка и патріарха. Фарисей, ужели ты не припомнилъ похвальбы Иліи, точно также хвалившагося, хотя и не изъ самомнѣнія, а изъ ревности божественной, когда онъ говорилъ: *Господи, пророки твоя избиша и олтари твоя раскопаша, и остахъ азъ единъ* (3 Цар. XIX, 10)? Какой же былъ ему отвѣтъ? Я оставилъ себѣ *седмь тысячъ мужей, яже не преклониша колѣна Ваалу* (ст. 18). Итакъ что же? Въ то время какъ всѣ преступили законъ, было еще семь тысячъ, имѣвшихъ ревность Божію и подобныхъ пророку; а ты кричишь: *нѣсмь якоже прочіи человѣцы, хищницы, несправедницы, прелюбодѣе!* Ужели никто подъ небомъ не избѣжалъ мерзости корыстолюбія, ужели никто не лобзаетъ цѣломудрія? Фарисей, ты судишь себя, осуждаемый всѣми; ты одобряешь себя, отвергаемый Богомъ; ты вѣнчаешь себя въ самохвальствѣ, но погубилъ вѣнецъ свой черезъ осужденіе; ты хвалишь себя, какъ безгрѣшнаго, а оказался повиннымъ въ грѣхѣ; ты выдвигаешь себя, какъ исполнившаго законъ, а прикоснувшись къ закону, оскорбилъ Законодателя; кричалъ передъ всѣми о своихъ добродѣтеляхъ, и превратилъ ихъ въ грѣхи. Мытарь, въ молчаніи взывавшій, умилостивилъ Бога-Слово, Котораго ты возстановилъ противъ себя своей громкой рѣчью. Ты не постыдился сказать: *нѣсмь якоже прочіи человѣцы, хищницы, неправедницы, прелюбодѣе, или якоже сей мытарь*, оскверненный грѣхами, преданный невоздержанію, оскорбившій святое мѣсто своимъ приходомъ, недостойно молившійся со мной, совершившій всяческое беззаконіе. Достаточно одного имени для свидѣтельства объ его

состояніи; вѣдь онъ—мытарь, собирающій грѣху подать дѣлами лукавства. Это хотя и не написано буквально въ пречистыхъ евангеліяхъ, но такой именно смыслъ заключаетъ въ себѣ предметъ гордости (фарисея). Фарисей, ты представилъ неблаговиднымъ поведеніе мытаря, а Христосъ одобрилъ его внутреннее состояніе; ты уничижилъ его передъ собой, а Христосъ увѣнчалъ его передъ всѣми. Христосъ былъ умиленъ, видя въ въ мытарѣ стыдъ, соединенный съ покаяніемъ, воздыханіе идущее къ небу изъ глубины сердца и струящіяся слезы. Христосъ былъ умиленъ, а лучше—растроганъ тѣмъ, что мытарь сбросилъ съ себя стыдъ посредствомъ стыда. Мытарь прекрасно примѣнилъ на себѣ изреченіе Пре-
727 мудраго: *есть бо стыдъ, наводяй грѣхъ* (Сир. IV. 25). Этотъ стыдъ онъ взялъ на себя въ безчестной жизни. *И есть стыдъ слава и благодать.* Къ этому стыду онъ пришелъ чрезъ способъ своего покаянія, исцѣливъ чрезъ вѣру противоположное противоположнымъ. Подражая врачу, онъ прикладываетъ къ тѣлу пластырь, разъѣдающій плоть, но очищающій нарывъ, чтобы потомъ, предъявивъ зажившее тѣло, доказать удачность лѣченія. Онъ заградилъ потоки вожделѣній, пользуясь воздыханіемъ какъ бы прижигающимъ желѣзомъ; излѣчилъ вздувшійся нарывъ страсти, смягчивъ его слезами; заживилъ отверстіе нарыва, наложивъ на него корпію воздѣяніемъ рукъ; изсушилъ матерію, сочившуюся изъ плоти въ душу, и представилъ послѣднюю Создателю чистой черезъ покаяніе. Однако выслушаемъ и остальную рѣчь фарисея. *Пощуся двакраты въ субботу.* Онъ говоритъ о воздержаніи въ четвергъ и пятницу; а суббота у евреевъ—покой. Воздерживаюсь отъ различныхъ яствъ, не оскверняю моихъ устъ нечистымъ вкушеніемъ, весь облеченъ воздержаніемъ, весь одѣтъ святостью; а изъ того, что пріобрѣтаю, приношу десятыя доли Богу. О, тщеславіе, дышащее безчувствіемъ! *Пощуся двакраты въ субботу.* Не склоненъ ли онъ и пропитаніе свое какъ бы дарить Богу? *Пощуся двакраты въ субботу.* Господи, говоритъ онъ, не постъ ли дѣлаетъ угодными Богу всѣ предписанія закона? И вотъ то, что другіе люди выполняютъ со страданіемъ, я дѣлаю добровольно. Что же (отвѣчаетъ) человѣколюбивый Судія, щедрый раздаватель наградъ на поприщѣ покаянія? Онъ и восхвалявшаго себя фарисея стерпѣлъ, и къ кающемуся мытарю обратился съ благоволеніемъ. Такъ какъ первый своими словами, какъ бы сильными вѣтрами, сорвалъ плодъ души своей, а второй, сокрушившись въ себѣ самомъ, не ждалъ уже другого обвинителя, то
728 Онъ и воздалъ каждому по достоинству. Мытаря, сдѣлавшагося своимъ собственнымъ обличителемъ, онъ отпустилъ свободнымъ отъ осужденія, а фарисея, выставившаго на показъ свои добродѣтели, объявилъ бѣднѣйшимъ сравнительно съ мытаремъ. Для того и для другого соотвѣтствующій способъ воздаянія: у одного богатство становится причиной обѣдненія, у другого бѣдность удаляется изъ богатства. Что именно говоритъ Владыка? *Аминь глаголю вамъ, яко сниде сей оправданъ въ*

домъ свой паче онаго (Лук. xviii, 14). О, какъ злокачественна болѣзнь превозношенія! Фарисей вошелъ съ разубранными волосами, увѣнчанный добродѣтелями, какъ цвѣтами. Ему сопутствовалъ мытарь, лишенный всякой (показной) защиты. Одинъ, смиривъ себя, съ легкостью былъ возвышенъ; другой, взгромоздивъ себя на неподобающую высоту, подпалъ смѣшному обнаженію. Не лучше ли было говорить скромнымъ голосомъ? Не лучше ли было послушать пророческаго слова: «смиритесь предъ Господомъ, и вознесетъ васъ»? Не болѣе ли полезно было бы удержать языкъ, и сохранить богатство, которое онъ пріобрѣлъ съ великими усиліями? Вѣдь тѣ добродѣтели, какія онъ собралъ въ теченіе довольнаго времени, онъ разсѣялъ одной своей рѣчью. Не слыхалъ, должно быть, фарисей въ Писаніи, что *нечистъ предъ Богомъ всякъ высокосердый* (Притч. xvi, 5), не постигъ прекраснаго изреченія: *да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя* (Мѳ. vi, 3). А можетъ быть зналъ и то, и другое, но былъ побѣжденъ тщеславіемъ. Итакъ, пріобрѣтемъ смиреніе мытаря и оттолкнемъ тяжесть прегрѣшеній, а гордость, благодаря которой фарисей потерялъ богатство добродѣтелей, возненавидимъ, потому что *Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать* (Притч. iii, 34). Ему слава и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

При наступленіи святого поста.

Возсіяла намъ сегодня, возлюбленные, свѣтлая весна святого поста 727
и побуждаетъ насъ усердно собираться въ этотъ богоприличный рай, чтобы пожать плоды воздержанія и, сорвавъ прекрасные цвѣты чистоты, сплести вѣнокъ цѣломудрія. Опять ангельская жизнь призываетъ насъ къ древнему наслажденію и открываетъ намъ доступъ къ той блаженной и божественной сладости. Великое дерзновеніе къ Богу даруетъ добровольный постъ, очищающій тѣла воздержаніемъ, освящающій душу приближеніемъ къ Богу, отвлекающій отъ всего земного и располагающій желать небеснаго. Постъ, возводящій любящихъ его на небеса, поставляетъ ихъ предъ Христомъ и вводитъ въ общеніе со святыми. Отецъ поста, возлюбленные, есть законъ Божій; мать его—воздержаніе, терпѣніе, добродѣтель; дочери его — подвигъ, чистота, цѣломудріе; его родные сыновья—Моисей, Илія, Даніилъ, Іоаннъ Креститель и весь ликъ святыхъ, въ особенности же—пустынножителей и подвижниковъ; его ближайшіе родственники — вѣра, надежда и любовь; его друзья—миръ, кротость, согласіе; его слуги — славословіе, псалмопѣніе непрестанное, молитва чистая; сожительствуетъ съ нимъ страхъ Божій; плоды же ихъ сожительства — святость, непорочность, дерзновеніе къ Богу,

царство небесное, жизнь вѣчная. Вотъ почему, возлюбленные, кто любитъ постъ и имѣетъ законъ Божій въ сердцѣ своемъ, тотъ постится нелицемѣрно, беззаконники же не постятся. И праведные постятся всегда, пребывая въ благочестіи, соблюдая законъ Божій и исполняя его, любя
728 чистоту и лобызая цѣломудріе, удаляясь отъ пьянства и прилѣпляясь Христу; беззаконные же не только не постятся, но исполнены всякихъ пороковъ и сатанинскаго дѣланія: всякій блудъ, нечестіе и беззаконіе свойственны имъ; рѣчи у нихъ постыдны, смѣхъ невоздерженъ, поведеніе діавольское; чревоугодіе, пьянство и невоздержаніе съ ними неразлучны. Подлинно, много золъ порождаетъ пьянство! Опьяненные виномъ помрачаютъ свои души, приводятъ себя въ состояніе, подобное сумасшествію и умоизступленію, бродятъ и шатаются, толкаются отъ стѣны къ стѣнѣ, безстыдно задѣваютъ встрѣчныхъ и позорно валяются въ грязи. Бѣжимъ, возлюбленные, такого срама, и будемъ усердно поститься въ страхѣ Божіемъ, утверждаясь въ вѣрѣ, преуспѣвая въ законѣ, украшаясь цѣломудріемъ, возрастая въ правдѣ, соблюдая чистоту очей и святость мыслей, съ великимъ терпѣніемъ и чистымъ сердцемъ предаваясь молитвѣ, отметая временное и усвояя вѣчное. Кто постится искренно и нелицемѣрно, тотъ подражаетъ Христу, на землѣ уподобляется ангеламъ, соревнуетъ пророкамъ, входитъ въ общеніе съ апостолами и, посредствомъ поста достигнувъ перерожденія своей природы, дѣлается изъ неправеднаго праведнымъ, изъ злого добрымъ, изъ нечестиваго благочестивымъ, и такимъ образомъ усвояетъ себѣ Христа, сокровище жизни,—чего да сподобимся достигнуть всѣ мы, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава съ безначальнымъ Отцемъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно. и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На святое Вознесеніе Господа нашего Іисуса Христа.

727 Между тѣмъ какъ я все еще исчислялъ въ умѣ послѣдствія, проистекающія для рода человѣческаго отъ креста, и на вѣсахъ размышленія взвѣшивалъ пользу воскресенія (Господня), вотъ уже открылось и неисчерпаемое богатство божественнаго вознесенія, и я вижу моего Владыку и Бога восходящимъ туда, гдѣ Онъ былъ прежде, чтобы изъ тлѣ-
728 нія сдѣлать меня сопрестольнымъ нетлѣнному Отцу, самымъ дѣломъ подтвердить слова Павла, что *совоскреси и спосади* насъ *на небесныхъ* (Ефес. II, 6). Итакъ мы, отвергшіе и одежду и нравъ перваго Адама и удостоившіеся по благодати носить второго Адама, который есть Христосъ, воспоемъ по этому случаю пѣснь Побѣдителю, какъ и въ древности уже восклицалъ съ одушевленіемъ пророкъ: *Боже, кто уподо-*

бится Тебѣ (Псал. LXXXII, 2)? Ты вѣдь одинъ, смиривъ Себя, какъ 729
зналъ, до пріятія плоти, сохранилъ непреложною, неизмѣнною, безстрастною Свою божественную природу, почему и пророкъ, не сомнѣваясь, но удивляясь, не сравнивая, но свидѣтельствуя несоизмѣримость, говорилъ: *Боже, кто уподобится Тебѣ?* Все отъ Тебя и чрезъ Тебя произошло, а происшедшее—очевидно—всегда должно быть ниже виновника своего происхожденія, подобно тому какъ строителю дома воздается большая честь, чѣмъ созданному имъ дому. Итакъ, кто уподобится Тебѣ? Солнце, какъ источникъ свѣта? Но каждый день я вижу его погасающимъ: его удѣлъ чередоваться съ ночью. Луна ли—по своему благолѣпію? Но въ теченіе каждаго года она (нѣсколько разъ) умираетъ и вновь какимъ-то образомъ раждается. Звѣзды ли, потому что онѣ свѣтятъ? Но при сіяніи дня онѣ утрачиваютъ весь свой блескъ. Море ли—по своей неизмѣримой обширности? Но оно разсѣкается малымъ древомъ и подчиняется ударамъ веселъ, потому что Тобою указано ему служить нуждамъ людей. Земля ли—по своей неподвижности и устойчивости? Но когда Ты захочешь, она потрясается отъ одного Твоего взора (Пс. XVII, 8; CIII, 32),—и она дала Тебѣ персть при созданіи человѣка, когда Ты обжегъ глину дыханіемъ жизни. Небо ли, далѣе, уподобится Тебѣ? Какимъ это образомъ? Вѣдь оно, по Твоему повелѣнію, доставило Тебѣ облако, послужившее Твоему восхожденію на небо, какъ нѣкогда (явило) волхвамъ звѣзду, возвѣстившую Твое божественное рожденіе въ Виѳлеемѣ. Ангелъ или архангелъ уподобится Тебѣ? Какъ или какимъ образомъ, разъ они являются служебными духами, со страхомъ исполняющими Твои повелѣнія. Но упомянувъ объ ангелахъ, я останавливаюсь мысленно на томъ ангелѣ, который возсѣдалъ на камнѣ Твоего живоноснаго гроба. Я знаю, что онъ не будетъ негодовать на меня за это, будучи слугою Того, Кто убѣдилъ Ѳому осязать благочестиво, испытывать тщательно и почтить боголрилично великое таинство (воскресенія). Итакъ, скажи мнѣ, ангелъ,—потому что хотя божественныя Евангелія изображаютъ Тебя то въ одиночкѣ, то вмѣстѣ съ сослужителемъ, но одна благодать, одно служеніе составляютъ дѣло,—скажи мнѣ: ради чего, оставивъ небо, ты сидишь при гробѣ, и принадлежа къ лику горнихъ силъ, являешься здѣсь на землѣ собесѣдникомъ женщинъ? Ты оставилъ херувимовъ и сидишь при гробѣ? Ты прекратилъ свое страшное служеніе на небѣ и наполняешь радостью Марію здѣсь, на землѣ? Землетрясеніемъ ты умертвилъ стоявшихъ на стражѣ у гроба воиновъ и словами убѣжденія подвигнулъ женщинъ къ апостольскому служенію? Пришелъ Петръ, но какъ безтѣлесный ты остался для него невидимымъ; подоспѣлъ Іоаннъ, но и онъ не усмотрѣлъ твоего присутствія. Хотя оба они разсмотрѣли пелены, свидѣтельствовавшія о возстаніи не украденнаго мертвеца, но воскресшаго Бога, но однимъ только женамъ ты явился и ихъ только однихъ убѣждалъ не страшиться, хотя польза воскресенія

была общей для всѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ развѣ однѣхъ только женщинъ, а не мужчинъ вмѣстѣ воскресилъ изъ мертвыхъ Владыка? Не воплотился ли Богъ - Слово, чтобы спасти не только Еву, но и Адама? Почему ты предпочитаещь ноги головѣ и извращаешь (естественный) порядокъ, поручая женщинамъ апостольское служеніе? (Ты скажешь, что) Петръ отрекся (отъ Христа)? Но отреченіе Петра—полезно: горько оплакавъ (свое отреченіе), онъ научилъ всѣхъ, какъ достигается прощеніе. Всѣ апостолы оставили своего учителя? Но Іоанну Богослову и дѣвственнику (Господь) поручилъ Свою Матерь по плоти. Не просто, конечно, приказано было тебѣ дѣлать то, что теперь мы видимъ, но въ поученіе Церкви изъ язычниковъ, съ усерднѣйшимъ желаніемъ воспріявшей повелѣнное ей. Да, говоритъ, я предупреждаю Павла и предвосхищаю его слова: *нѣсть бо на лица зрѣнія у Бога* (Рим. II, 11): (для Него) нѣтъ ни эллина, ни іудея, нѣтъ раба или свободнаго, нѣтъ мужескаго пола или женскаго: всѣ вы во Христѣ Іисусѣ. Отсюда вотъ тебѣ, вѣрующій, краткій отвѣтъ на то, что ты спрашиваешь и что ты домогаешься узнать. Я почитаю жену ради Того, Кто отъ жены, и отдаю предпочтеніе слабой (части) природы ради Того, Кто отъ нея произошелъ по устроенію самого рожденнаго. Я рабъ и повинуюсь законамъ Владыки. Творецъ восхотѣлъ и избралъ жену; съ нею бесѣдую и я. Онъ не имѣлъ отца на землѣ, потому что имѣетъ его на небѣ. И вотъ подобно тому, какъ не имѣетъ Онъ отца на землѣ, у Него нѣтъ матери на небѣ. Мать Онъ получилъ отъ людей, потому что нужно было ради насъ родиться отъ жены Создателю рода (человѣческаго). Итакъ, Тотъ, Кто дѣлаетъ ангеловъ Своихъ—духами и слугъ Своихъ—пламенемъ
730 огня, открывая таинство воплощенія, послалъ Гавріила не къ Іосифу, но къ Маріи, и природу (женскую) защищая, какъ Владыка, и уста хулителей заграждая, какъ Вѣдающій будущее. Обольщеннаго чрезъ жену Онъ справедливо желаетъ и обратить чрезъ нее же. Родила Ева смерть; Она же теперь родила для насъ жизнь—чрезъ Марію. Та нѣкогда бесѣдовала съ діаволомъ въ лицѣ змѣя; теперь съ этой бесѣдуютъ ангелы. Христосъ древомъ низложилъ то древо и вмѣсто того вкушенія далъ вамъ это вкушеніе, чтобы видя Его вольною волею уничижившаго Себя ради васъ, Его, сотворившаго васъ по образу Своему, вы исповѣдали Его снисхожденіе и прославили такъ восхотѣвшаго, повторяя и по этому поводу, и вообще по всякому поводу: *Боже, кто уподобится Тебѣ?* Ты благодѣтельствуешь, и не раскаиваешься; гнѣваешься, и раскаиваешься; устраняешь Свое, чтобы дать мѣсто нашему. Ты сказалъ Адаму: *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой* (Быт. III, 19), а потомъ разрѣшилъ Свое запрещеніе, ставъ для насъ хлѣбомъ животнымъ, и Тебя мы ѣдимъ безъ пота. Ты сказалъ тогда: *земля еси, и въ землю отъидеши* (Быт. III, 19); но нынѣ, взявъ на плечи Свои созданнаго изъ земли и въ землю возвращающагося, Ты возвелъ его на небеса и посадилъ на тронѣ, чрезъ

Марію открывая Своимъ ученикамъ будущее: *восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему* (Іоан. XX, 19). Ты сказалъ Евѣ: *въ болѣзняхъ родиши чада* (Быт. III, 16); но, родившись отъ жены, эту временную клятву Ты благовременно упразднилъ. Ты сказалъ змѣю: *Той твою блюсти будетъ главу, и ты блюсти будеши его пяту* (Быт. III, 15); но омылъ наши ноги въ крещеніи и сдѣлалъ ихъ недоступными для уязвленій діавола, чувствующаго руку Владыки даже и въ ногахъ Его рабовъ. Не остается для діавола никакой возможности бороться съ благодатнымъ устроеніемъ Того, Кто и на небѣ, и на землѣ, и повсюду пребываетъ. Онъ-то Богъ нашъ—и на небѣ, и на землѣ сотворилъ все, что захотѣлъ. Не подтверждается ли это вновь и настоящимъ праздникомъ, хотя передать это и нелегко какъ для языка, такъ и для мысли? Когда Онъ училъ учениковъ Своихъ и готовилъ ихъ къ борьбѣ, вдругъ, какъ бы какая служанка, облако, подойдя подъ пречистыя ноги Христовы, подражая морю, нѣкогда носившему Его немокренно, безъ страха и смущенія приняло на себя Владыку, и Того, Кто нѣкогда сошелъ какъ дождь на руно, торжественно отнесло на престолъ величія. Вѣдь если снисхожденіе Его оставалось невѣдомымъ для ангеловъ, властей, силъ и господствъ, то восхожденіе Его съ плотію они прославляли, восклицая: *Господь силъ, Той есть Царь славы* (Пс. XXIII, 10). Онъ-то и есть второй Адамъ, какъ о томъ учитъ Павелъ. Но тотъ раждается безъ матери, а этотъ—по плоти—является безъ отца. Онъ есть какъ бы горшечникъ нашего рода, потому что, взявъ смѣшеніе наше, въ Себѣ самомъ, какъ угодно было Ему, обновилъ поврежденное. Онъ—чрезъ Марію—избавилъ Еву отъ болѣзней рожденія: дѣвство, такимъ образомъ, содѣйствовало Божеству и утроба послужила рожденію, воплощенному Слову, потому что святъ былъ Духъ, осѣнившій Дѣву, родившую вопреки природѣ неискусобрачно. Онъ есть Тотъ, Кто пострадалъ такъ, какъ родился, воскресъ такъ же, какъ былъ погребенъ, и взошелъ на небеса не такъ, какъ снизошелъ оттуда, оставивъ свои погребальныя одежды въ вѣчный позоръ невѣрующимъ іудеямъ. Онъ былъ оплакиваемъ женщинами, какъ мертвый, и женщинамъ же явился, какъ Богъ. Онъ добровольно сдѣлался тѣмъ, что мы есть, и сдѣлалъ насъ тѣмъ, что Онъ есть. Онъ Богъ, и снова *такожде пріидетъ, имже образомъ видѣсте Его идуща на небо* (Дѣян. I, 11), потому что Онъ никогда не оставлялъ престола, хотя тайно отъ херувимовъ снизошелъ ради меня, чтобы, сдѣлавшись наравнѣ со мною участникомъ моего, удобно даровать природѣ моей то, что выше природы. Онъ—безсмертный мертвецъ, невмѣстимый Богъ, Сынъ, совѣчный и сопрестольный Отцу, о Которомъ пророкъ столь выразительно провозгласилъ: *рече Господь Господеви Моему: сѣди одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножіе ногъ Твоихъ* (Пс. CIX, 1). Итакъ, умоляю, исправимъ самихъ себя, чтобы, удостоившись содѣйствія отъ Духа, и настоящую жизнь

провести безпечально, и будущихъ благъ достигнуть, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу слава со святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О постѣ—въ недѣлю пятую поста.

731 Пришло время, возлюбленные, при помощи поста познать намъ плоды покаянія. Правда, для собиранія плодовъ предназначены лѣто и осень, для посѣва же—зима и весна. Но для поста и молитвы пригодно всякое время. *Отъимется* (сказано) *отъ нихъ женихъ и тогда постятся* (Мѳ. IX, 15). И вотъ, если въ другіе дни мы оставляли это дѣло безъ вниманія, то нынѣ и время благопріятствуетъ намъ потрудиться на этомъ полѣ. Полемъ я называю постъ, такъ какъ онъ всѣхъ насъ располагаетъ къ труду и сѣянію; онъ не отталкиваетъ отъ себя ни женщинъ, ни стариковъ, ни юношей, ни даже малыхъ дѣтей, но всѣмъ открываетъ двери, всѣхъ принимаетъ, чтобы всѣхъ спасти, какъ ниневитянъ. Прекрасенъ сѣвъ поста, потому что и грѣхи наши онъ подавляетъ, какъ сорную траву, и правду, какъ цвѣтъ, поднимаетъ и возращаетъ. Прекрасенъ трудъ поста, потому что онъ облегчаетъ душу нашу отъ тяжести грѣховъ и легкимъ дѣлаетъ бремя заповѣдей Христовыхъ. *Возмите иго Мое на себе: иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть* (Мѳ. XI, 29, 30). Иго (Христово) есть вѣра, обязательная для всѣхъ. Бремя—исполненіе заповѣдей Его, отягощающее рамена души дѣлами и оцѣниваемое на небесахъ. Благодаря посту сдѣлался славнымъ законодатель Моисей: пробывъ сорокъ сутокъ безъ пищи, онъ увидѣлъ Бога, бесѣдующаго съ нимъ лицомъ къ лицу, увидѣлъ облако, осѣнившее его, и изъ него услышалъ Бога, говорящаго ему полезное; (благодаря посту онъ увидѣлъ) огненный столбъ, сіявшій ночью и путеводившій израильтянъ во время странствованія ихъ по пустынѣ, отверзшіяся врата небесныя, ангельскій хлѣбъ, нисходящій на землю, человѣка, питающагося манной Божіей, скалу, разсѣкаемую жезломъ и источающую воду, море, раждающее странную пищу, какъ бы изъ своей утробы извергающее перепеловъ и питающее народъ. Много и другихъ знаменій увидѣлъ Моисей, благодаря тому, что прилежалъ посту. Постомъ низлагается смерть. Спаситель сказалъ: *сей родъ* демоновъ *ничимже исходитъ токмо молитвою и постомъ* (Мѳ. XVII, 21; Мрк. IX, 29). Но нѣтъ ничего хуже демоновъ. Демонъ есть послѣдній непреодолимый предѣлъ; демонъ есть язва, злѣйшая изъ всѣхъ золъ; онъ производитъ посмѣшище въ народномъ собраніи, уничиженіе въ домѣ, смущеніе въ церкви, пожираніе плоти, немощь души, повседневную скорбь, путы

ума, препятствіе въ дѣлахъ. Велика злоба демона. Но надъ всѣми видами ся превозмогаетъ постъ и молитва. Молясь и воспѣвая псалмы, Давидъ прогналъ демона, (овладѣвавшаго) царемъ Сауломъ: *отступи отъ Саула Духъ Господень и давляше его духъ* демона *лукаваго* (1 Цар. XVI, 14); и когда Давидъ игралъ, царю становилось легче. А до какой степени постился царь Давидъ, послушай, что самъ онъ пишетъ въ псалмахъ: *колѣна моя изнемогоста отъ поста и плоть моя измѣнися елеа ради* (Пс. CVIII, 24). Если бы Адамъ устоялъ въ постѣ (и не вкусилъ) отъ древа, онъ не былъ бы изгнанъ изъ рая; если бы 732
Ева не поѣла (плодовъ запрещеннаго древа), введенная въ заблужденіе змѣемъ, она не ввела бы въ міръ смерти; если бы Исавъ не забывалъ поста, онъ не утратилъ бы своего первородства, не промѣнялъ бы и славы на одно кушанье и не сдѣлался бы рабомъ своего брата. Хочешь видѣть силу поста? Ступай къ ниневитянамъ, при помощи поста снискавшимъ себѣ общее спасеніе. Въ самомъ дѣлѣ, когда Богъ захотѣлъ за грѣхи ихъ погубить, Онъ посылаетъ пророка Іону и говоритъ имъ: *еще три дни и Ниневія превратится* (Іон. III, 4). Такъ, человѣколюбіе Божіе возвѣщаетъ какъ бы трубою то, что уготовляется быть, и виновнымъ предъ Нимъ предрекаетъ смерть—не съ тѣмъ, чтобы они поспѣшили бѣжать изъ города, но чтобы, оставаясь въ городѣ, покаялись, чтобы пробудились и сдѣлались болѣе внимательными къ вразумленію. Не сказалъ: поститеся—и Я спасу васъ; не объявилъ: покайтесь—и будете помилованы; но скрылъ Свое человѣколюбіе и возвѣстилъ угрозу, чтобы не сказалъ кто-нибудь: онъ принудилъ ихъ поститься и покаяться и воздать честь Богу. А то, что бываетъ съ принужденіемъ, принимается безъ особаго расположенія. (Совсѣмъ иначе принимается то, что) *не отъ скорби, ни отъ нужды: доброхотна бо дателя любитъ Богъ* (2 Кор. IX, 7). *Еще три дни, и Ниневія превратится.* Приговоръ кратокъ; безъ суда назначенный срокъ наказанія приближается по пятамъ. Что остается дѣлать? Гдѣ искать спасенія? Не противопоставить ли этой угрозѣ военную силу? Но кто можетъ поспорить съ Богомъ? Вѣстникъ (наказанія) неложенъ. А если Богъ такъ угрожаетъ, говорятъ они сами себѣ, то какъ избѣжать намъ такой бѣды? Къ какой борьбѣ готовиться? Кто будетъ сражаться для нашего спасенія? Кто преклонитъ Бога прекратить свой гнѣвъ противъ всѣхъ насъ? Какому посреднику поручимъ мы склонить Его къ примиренію? Мы всѣ оказываемся грѣшниками. Будучи врагами Бога, мы не будемъ Имъ услышаны. Что намъ дѣлать? Куда бѣжать отъ лица Господня? Давайте, ниневитяне, прибѣгнемъ къ посту,—говоритъ ихъ царь,—посыплемъ пепломъ свои главы, овцы и волы наши пусть не ѣдятъ и не пьютъ: и посмотримъ, не помилуетъ ли насъ Богъ? Такъ разсудили ниневитяне—и, установивши постъ, какъ самую надежную стрѣлу, приготовили молитвы, какъ благовонное куреніе, пролили слезы покаянія, какъ потоки водъ, и отстали

каждый отъ своего лукаваго пути,—и всѣмъ этимъ они достигли того, что Богъ съ ними примирился. Трехдневный постъ взошелъ на небо, достигъ Владыки и снискалъ у Него спасеніе (жителямъ города). Богъ даровалъ всѣмъ жизнь—и людямъ и животнымъ. Покаяніе восторжествовало, а вмѣстѣ съ нимъ и постъ. Смотри же, не презирай этого установленія, но держись его, бодрствуй и возрасти самъ въ себѣ плоды благочестія. Итакъ, помолимся единодушно всѣ, чтобы и намъ избавиться отъ заслуженнаго нами гнѣва и достигнуть царства небеснаго, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О постѣ.

731 Нынѣ—время умилостивленія,—не будемъ же опускать благопріятнаго случая; время покаянія во грѣхахъ,—поспѣшимъ же воспользоваться этою благодатью. Будемъ воздерживаться отъ пищи, а прежде всего—отъ грѣховъ: освобожденіе отъ зла—первое изъ благъ. То, что противоположно добродѣтели, есть порокъ, каковы: зависть, воровство, убійство, вражда и вообще все, что называется зломъ и есть зло на самомъ дѣлѣ. Пребывающій во злѣ получаетъ себѣ въ возмездіе порокъ, и такимъ образомъ еще прежде геенны несетъ наказаніе въ послѣдствіяхъ порока. Разрѣзъ, производимый врачемъ, самъ по себѣ не зло, но онъ является наказаніемъ за обусловившій его порокъ. Первое зло—пребывать въ порокѣ. Нечестивый чуждъ Богу и, если даже онъ не будетъ вверженъ въ геенну, отъ блага онъ уже устраненъ во всякомъ случаѣ. Не соблюдающій цѣломудрія оскверняется пожеланіями, завистникъ снѣдается своею страстью, воръ мучится стыдомъ и страхомъ, убійца дрожитъ за собственную жизнь. Быть злымъ—вотъ первое зло. Хотя бы врачъ не прибѣгалъ еще къ ножу, больной уже страдаетъ, хотя бы Богъ еще не посылалъ наказанія,—Онъ вѣдь долготерпѣливъ,—грѣш-
732 никъ уже чувствуетъ свой недугъ: *творяй*, сказано, *грѣхъ, рабъ есть грѣха* (Іоан. VIII, 34). Итакъ уже прежде совершенія грѣха грѣшникъ ему порабощенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ несетъ уже наказаніе за грѣхъ. Постъ—прекрасная узда для всѣхъ, кто цѣнитъ пользу поста. Обращай вниманіе не на трудъ только, сопряженный съ постомъ, но и на его плоды. Вѣдь, если не принимать во вниманіе цѣли (того или другого дѣйствія), то сѣятель, напр., не сталъ бы сѣять, чтобы не показаться тратящимъ сѣмена попусту; руководствуясь же надеждой, онъ сѣетъ то, что у него есть, чтобы пожать то, чего у него нѣтъ. Постъ изнуряетъ тѣло жаждою, но зато душа радуется въ чаяніи благъ. Что въ насъ выше—душа или тѣло? (Конечно,

душа), а она, хотя бы и была утолена жажда, питается все же съ большею пользою красотою добродѣтелей. Должно намъ держаться поста, который не только не вредитъ тѣлу, но еще врачуетъ его и поддерживаетъ въ немъ здоровье. Постящіеся извлекаютъ изъ поста пользу и въ тѣлесномъ отношеніи,—подобно борцамъ, которые посредствомъ упражненій освобождаютъ себя отъ излишка плоти,—и въ то же время восполняютъ то, чего недостаетъ душѣ. Душа всегда заботится о тѣлѣ, но питаетъ его для себя самой и печется о немъ въ виду собственной пользы. Душа управляетъ тѣломъ и направляетъ его къ своимъ цѣлямъ. И конечно, 733
если она имѣетъ попеченіе о тѣлѣ, то еще больше должна позаботиться сама о себѣ. Въ силу установленнаго самимъ Богомъ порядка, душа владѣетъ тѣломъ. Тѣ, которые тѣлу отдаютъ предпочтеніе предъ душой, извращаютъ этотъ естественный порядокъ. Не душа служитъ тѣлу, но, согласно изначала установленному правилу, тѣло всегда подчинялось душѣ. Если и это для тебя неубѣдительно, то хотя праздники, которые установила душа для пользы тѣла, пусть удостовѣрятъ тебя въ томъ, что она желаетъ добра для тѣла. Между тѣмъ всякій разъ, когда тѣло получаетъ преобладаніе надъ душой, оно само сохраняется, а душа гибнетъ. Не будемъ думать, что польза поста ничтожна. Если бы отъ (плодовъ) одного дерева воздержался Адамъ и соблюлъ постъ только по отношенію къ нему одному, то смерть была бы умерщвлена, или лучше сказать—не было бы надобности умерщвлять то, чего не было. Видишь, если бы Адамъ воспользовался тѣмъ лѣкарствомъ, какое представляетъ собою постъ, то родъ нашъ не былъ бы смертнымъ? Какія благодатныя средства потребовались для того, чтобы уничтожить послѣдствіе невоздержанія нашего прародителя! Сообразивъ, какъ гибельно было противоположное, то есть невоздержаніе, допущенное Адамомъ въ отношеніи одного только дерева, оцѣни затѣмъ, какое великое благо постъ и удаленіе отъ того, что вообще дозволено. Вѣдь Адамъ, коснувшись того, что было запрещено, погубилъ свой родъ; постъ, устраняющій и то, что дозволено, исправляетъ его грѣхопаденіе. Если бы Исавъ постился, онъ не продалъ бы своего первородства. Но оказавшись рабомъ ѣды, онъ промѣнялъ свое природное преимущество на чечевичную похлебку. Знающимъ писанія напоминаю объ этомъ. Что принесъ Моисей іудеямъ съ горы? Законъ и сорокадневный постъ. Но прежде чѣмъ былъ принесенъ законъ, народъ предался нечестію. Первая заповѣдь закона гласитъ: *Господь Богъ единъ есть* (Второз. VI, 4), а тѣ, которые должны были получить эту заповѣдь, говорятъ: вотъ эти—боги твои. Великій недугъ: изображеніе тельца предпочли Богу живому! Какое же средство употреблено было противъ этой бѣды? Опять постится Моисей, не совершившій грѣха, и Виновникъ ветхаго закона умилостивляется къ согрѣшившимъ. Постомъ началась проповѣдь новаго завѣта, отъ поста получила начало. Спаситель, крестившись ради насъ и удалившись въ пустыню,

прежде всего постится и такимъ образомъ полагаетъ начало знаменіямъ,— не потому, чтобы самъ нуждался въ постѣ, но чтобы насъ научить пользоваться постомъ. Итакъ, если ветхій завѣтъ открывается постомъ и постомъ полагается основаніе новому, то и мы да не осмѣлимся счесть постъ зломъ. Нѣкоторые огорчаются, видя трудность закона о постѣ, и закрываютъ глаза на проистекающую отъ него пользу. Не знаешь развѣ, что и львы во рвѣ научены были поститься и не тронули Даніила? Если уже львы оказались послушными повелѣнію и не обнаружили своей природной кровожадности, были какъ бы знакомыми, а не нападали какъ чужіе, то не постараемся ли и мы пользоваться постомъ? Въ писаніи есть также разсказъ, что когда Іеровоамъ, царь іудейскій, впалъ въ нечестіе, установивъ по примѣру предковъ поклоненіе тельцамъ, то явился пророкъ и ни царю, ни народу ничего не сказалъ, зная, что и государь, и подданные его далеки отъ послушанія, но, оставивъ людей, которые все равно не послушались бы, онъ говоритъ жертвеннику, то есть— алтарю, чтобы показать, что камни лучше слышатъ, чѣмъ эти люди: родится Іосія, говоритъ онъ, и на этомъ жертвенникѣ сожжетъ кости жрецовъ (3 Цар. xш). Обличаемый не снесъ безчестія и разгнѣвался. Онъ далъ рукою знакъ воинамъ, чтобы тѣ схватили благодѣтеля-пророка, но протянулъ руку, а согнуть ее уже не могъ: грѣхъ изсушилъ его руку. Кричитъ протянувшій руку, чтобы задержали пророка, и одновременно—пророкъ исцѣляетъ его руку. И говоритъ ему царь: войди въ домъ мой со мною, вкуси хлѣба, напейся воды—и тогда отправляйся въ путь. Пророкъ отвѣчаетъ: мнѣ повелѣно Богомъ—въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ господствуетъ нечестіе, не вкушать ни хлѣба, ни воды. И затѣмъ уходитъ. Но обрати вниманіе, чѣмъ кончилось дѣло. Другой пророкъ, услышавъ, что приходилъ пророкъ и сказалъ то-то и то-то, отправляется вслѣдъ за тѣмъ, догоняетъ, проситъ пророка зайти къ нему подкрѣпиться пищей, и убѣждаетъ. Но убѣдилъ тѣмъ, что будто бы и ему велѣлъ это сдѣлать Господь. Тотъ вошелъ и поѣлъ. Во время же ѣды Духъ Святой нашелъ на пророка, который пригласилъ, и тотъ сталъ пророчествовать уже не отъ себя, а по внушенію Духа. Такъ какъ ты, сказалъ онъ тому, котораго угостилъ и накормилъ, не послушался Господа Бога твоего и ѣлъ тамъ, гдѣ тебѣ повелѣно было не ѣсть, то какъ
731 только ты выйдешь отсюда, тебя съѣстъ левъ. Видишь, къ какимъ печальнымъ для пророка послѣдствіямъ привело несоблюденіе повелѣнія относительно поста? Пророкъ уходитъ, но его пророческое достоинство уже не сопутствуетъ ему по причинѣ ослушанія. Его встрѣчаетъ левъ—не съ цѣлью съѣсть его, но чтобы показать, что самъ онъ послушенъ повелѣнію, нападаетъ на непослушнаго, при чемъ касается тѣла его лишь настолько, чтобы убить,— и убиваетъ, чтобы наказать ослушника. Убивъ ослушника, левъ отдаетъ предпочтеніе посту предъ возможностью насладиться. Такимъ образомъ, получилось слѣдующее: лежалъ мертвый пророкъ, подлѣ него

стоялъ его оселъ, оставшійся въ живыхъ не потому, конечно, чтобы осла было труднѣе убить, чѣмъ человѣка, но потому, что неразумный левъ точно соблюдалъ данное ему повелѣніе и невиновнаго осла не убилъ и даже не коснулся, но убилъ только ослушника, переставшаго въ силу ослушанія быть пророкомъ. Втройнѣ удивительную вещь можно было наблюдать при этомъ: лежалъ пророкъ—жертва ослушанія, подлѣ него—левъ, олицетвореніе послушанія, и рядомъ же—оселъ, ни естественнаго страха предъ львомъ не испытывавшій, ни уходившій, ни подвергавшійся со стороны льва нападенію. Все это для того, чтобы показать, что не изъ кровожадности сдѣлалъ левъ свое дѣло, но потому, что не соблюлъ поста тотъ, кому повелѣно было не вкушать. Другой примѣръ: Илія былъ взятъ какъ бы на небо. Но чѣмъ предварено было это событіе, какъ не сорокадневнымъ постомъ? Если Моисей постится, и Илія постится, и Господь является вѣнцомъ ихъ въ томъ же дѣлѣ,—то какъ прекрасно подражать такимъ примѣрамъ! Къ тому же не нужно забывать, что у насъ постъ имѣетъ перерывы въ своемъ теченіи: мы постимся не сорокъ дней подрядъ, но съ нѣкоторыми передышками, ведемъ счетъ по днямъ, но не выдерживаемъ поста въ полной мѣрѣ. Сравнительно съ указанными великими примѣрами, то, что требуется отъ насъ, не велико, а если и отъ этого еще мы станемъ уклоняться, то окажемся совсѣмъ чуждыми для подвизавшихся въ постѣ. Никто изъ насъ не постится сорока дней: на протяженіи этого времени мы даемъ себѣ отдыхъ, подобно путникамъ, которые на ночь дѣлаютъ привалъ, а утромъ отправляются въ дальнѣйшій путь. Но если тѣ, чьи великія имена мы назвали выше, постились цѣлые сорокъ дней, а мы даже и съ отдыхомъ не можемъ совершить одинаковаго съ ними пути, то намъ не слѣдовало бы и осмѣливаться вспоминать о томъ, чему подражать мы не умѣемъ. Постъ, это—полное по возможности подражаніе ангеламъ, отрѣшеніе отъ настоящаго, пребываніе въ молитвѣ, наслажденіе души, обузданіе тѣла и укрощеніе страстей. Постящіеся знаютъ, какъ постъ укрощаетъ пожеланія, а тѣ, кому случалось испытать это на дѣлѣ, подтвердятъ, что онъ смягчаетъ нравъ, подавляетъ гнѣвъ, сдерживаетъ порывы сердца, бодритъ умъ, приноситъ спокойствіе душѣ, облегчаетъ тѣло, устраняетъ невоздержаніе, предупреждаетъ увлеченіе виномъ и головныя боли: при немъ (у человѣка) и видъ хорошій, и взоръ веселый. Во время поста движенія благообразны, языкъ приличенъ и не развязывается виномъ, ясность ума не омрачается страстями. Постъ и въ радости знаетъ мѣру и соблюдаетъ тишину. Внѣшній человѣкъ здѣсь ничѣмъ не связанъ; поэтому то, что мы испытываемъ подъ вліяніемъ вина, мы не помнимъ, а то, отъ чего освобождаемся благодаря посту, у насъ на виду. Постъ знаетъ и себя, и то, что ему противно, а пьянство, не зная самого себя, не имѣетъ представленія и о благахъ поста. Ради чего, скажи мнѣ, были поражены смертью сыновья Аарона—свя-

щенники? Не ради ли того, что, при совершеніи служенія Богу, упились виномъ? Что предписывалъ законъ назореямъ? Не воздержаніе ли отъ вина и отъ всего, что съ нимъ связано? Друзья Даніила питались овощами, удаляясь отъ царскаго стола Навуходоносора. Самъ же Даніилъ, мужъ желаній, постился три седмицы дней: самое это названіе онъ получилъ за то, что сталъ выше желаній. Онъ постился не одинъ день — по-іудейски, по-нищенски, но цѣлыхъ три недѣли, предъизображая постъ церковный. *Хлѣба вожделѣннаго*, говоритъ онъ, *не ядохъ*, а тѣ воздерживаются отъ страстей на время; *мясо и вино не вниде во уста моя* (Дан. х, 3): таковъ постъ церковный. Вотъ примѣръ христіанской жизни во времена ветхаго завѣта. Конечно, для слабыхъ людей это лишь образы, но для пророковъ — слѣды самой истины. Постъ отвращаетъ гнѣвъ Божій. Богъ сказалъ: *превратится Ниневія* (Іон. ш, 4), но Ниневія не испытала на себѣ этой угрозы—благодаря посту. Самъ Іона бѣжалъ, боясь того, что на помощь ниневитянамъ явится постъ. Китъ поглотилъ Іону, но поглотилъ, соблюдая постъ. Поглотивъ, онъ не пожралъ своей
735 добычи, но сохранилъ и соблюлъ ее, какъ залогъ для Владыки, и того, кто не желалъ идти по своей волѣ, доставилъ туда, куда было ему приказано. И вотъ пророкъ—одинъ, нагой, прямо изъ чрева китова, послѣ испытаннаго имъ потрясенія мало и на человѣка походившій—огласилъ Ниневію, великій городъ, своею проповѣдью; одинъ пророкъ явился туда, и время показало, что̀ онъ сдѣлалъ. При томъ, провозгласивъ, что городъ погибнетъ, онъ напередъ уже долженъ былъ оттолкнуть ихъ отъ вѣры. Но они послушались одного пророка и прибѣгли къ лѣкарству, отвращающему гибель,—къ посту. Не о томъ ревновалъ Іона, чтобы Ниневія была разрушена, но чтобы послужило къ обличенію Израиля это сопоставленіе, — то, что язычники съ готовностью повиновались и одному пророку, а Израиль оставался глухъ къ цѣлому ихъ сонму. Итакъ, установленъ былъ постъ, чтобы отвратить божественный приговоръ. А постъ былъ не простой, но состоялъ онъ въ удаленіи какъ отъ пищи, такъ и отъ грѣховъ. Да, если бы человѣкъ постился по причинѣ грѣховъ и въ то же время продолжалъ пребывать въ грѣхахъ, чего бы онъ достигъ? Это все равно, какъ если бы, омывшись отъ грязи, опять начать въ ней валяться. Должно прежде всего прекратить самый грѣхъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, пользы — то каяться во грѣхѣ, то потомъ опять къ нему возвращаться по прежней дорогѣ? Развѣ душа не смирилась постигшими ее ударами? Развѣ мы не возносимъ моленій о томъ, что согрѣшили. Если же въ прежнихъ грѣхахъ мы каемся, то новые зачѣмъ накопляемъ? Итакъ, ниневитяне отказались отъ пищи, отстали отъ грѣховъ. Богъ ихъ услышалъ: постъ силенъ преклонить на милость Владыку. Іона вознегодовалъ, что пророкъ долженъ былъ исполнить волю Божію, а между тѣмъ Богъ, отмѣнивъ свой приговоръ, не замедлилъ даровать спасеніе.

Конечно, Богъ не можетъ солгать, но истиненъ во всемъ Тотъ, Кто сказалъ: аще *наконецъ возглаголю на языкъ и на царство, да искореню и разорю, и аще обратится отъ лукавства, то раскаюся и Азъ, яже помыслихъ* (Іер. XVIII, 7, 8). Отмѣнивъ свою угрозу, Богъ не оказался чрезъ то лжецомъ. Вѣдь, конечно, Онъ послалъ пророка не съ тѣмъ, чтобы разрушить Ниневію,—тогда зачѣмъ было предрекать то, что съ необходимостью должно было совершиться?—но именно потому, что не хотѣлъ гибели города, Онъ пригрозилъ, что разрушитъ его, чтобы покаявшись они избѣгли гибели. Не (такъ было, что) Адамъ вкусилъ отъ древа, и тогда Богъ его наказалъ, но предупреждалъ (Богъ), что если онъ вкуситъ, умретъ,—чтобы тотъ не вкушалъ. Но тотъ не послушался сказавшаго, поѣлъ, вкусилъ. Развѣ нельзя обвинять тамъ, гдѣ былъ возможенъ выборъ? Но развѣ не зналъ (Богъ), скажетъ кто-нибудь, что онъ вкуситъ? Навѣрное тотъ, кто говоритъ такъ, еретикъ и идетъ противъ Писанія. Ему слѣдуетъ возразить такъ: если Спаситель зналъ, что Іуда предастъ Его, то зачѣмъ избралъ его? Можетъ быть мы и защитимся противъ еретика, сопоставляя исторію Іуды и Адама. Одинаково ли объясняются оба эти событія или различными способами? Итакъ, должно намъ выяснить себѣ и то, почему (Господь) избралъ Іуду такого, каковъ онъ былъ, и почему, зная, что Адамъ согрѣшитъ, ввелъ его въ рай. Именно въ посту и нужно заниматься возвышенными вопросами, когда душа пребываетъ бодрою. Спаситель зналъ,—это внѣ всякаго сомнѣнія,—что Іуда готовитъ предательство. Ну, и что же? скажете вы. Являя Свое чрезвычайное человѣколюбіе, (Господь какъ бы говоритъ, что) сколько отъ Меня зависитъ, ты и апостолъ, и въ ликѣ Моихъ учениковъ считаешься; если несмотря на это ты оказываешься недостойнымъ, то чрезъ это сразу обнаруживаются и Мое необычайное человѣколюбіе, и твоя крайняя злоба. И распоряженіе деньгами довѣрилъ ему (Спаситель) не потому, что не зналъ объ его воровскихъ наклонностяхъ, но потому, что желалъ дарованіемъ ему власти потушить его страсть. Итакъ, Онъ зналъ напередъ и предвидѣлъ, и не только предвидѣлъ, но и неоднократно предсказывалъ: *единъ изъ васъ предастъ Меня*. Чѣмъ же вы въ такомъ случаѣ недовольны? Тѣмъ, что злой человѣкъ своей злобой исполнилъ благое дѣло общаго спасенія, безъ всякаго принужденія со стороны избравшаго? Вѣдь если къ чему-нибудь Іисусъ его принудилъ, то уже конечно къ апостольству, а не къ предательству; но даже и къ апостольству Онъ не принуждалъ. Что происходитъ по принужденію, то въ разсчетъ не принимается; цѣломудренный по необходимости не есть еще цѣломудренный, потому что сталъ такимъ по необходимости. Добродѣтели къ человѣку не привяжешь, если нѣтъ у него къ ней расположенія. Теперь, далѣе, почему оставилъ Богъ Адама въ раю? Творецъ былъ благъ, Онъ сотворилъ человѣка свободнымъ, какъ свободному далъ ему заповѣдь. Зналъ Онъ, что тотъ вкуситъ отъ древа,

но не помѣшалъ ему, не принуждалъ его, не насиловалъ его свободной воли: Адамъ самъ согрѣшилъ. Ради дерева дорогимъ было и то мѣсто, гдѣ была эта драгоцѣнность. (Адамъ) не былъ созданъ злымъ, но зло былъ оскорбленъ его непослушаніемъ Тотъ, Кто далъ ему заповѣдь. Но если вкушеніе плода погубило заповѣдь, то вмѣстѣ съ заповѣдью призывается постъ—и спасаетъ. Испытай себя самого, человѣкъ! Что тутъ вычитывать? Спроси себя самого, каковъ былъ ты до поста и какимъ сталъ, постясь? Изъ того, что мы дѣлаемъ, одно приноситъ плодъ впослѣдствіи,
736 въ другомъ съ самымъ дѣломъ совмѣщается и плодъ. Кто выходитъ въ море ловить рыбу, не тотчасъ же находитъ добычу, какъ только окажется въ морѣ; а тотъ, кто постится, сразу имѣетъ и плодъ поста. Развѣ ты не цѣнишь тишины? Развѣ ты не освободился отъ виннаго чада? Развѣ не избавился отъ бури и непогоды? Развѣ не хочешь замѣтить того, что плоть обуздана, не смущаетъ тебя своими порывами и не заставляетъ краснѣть? Развѣ ты не знаешь, что теперь и умъ твой дѣйствуетъ въ пользу цѣломудрія? Развѣ не радуешься, слыша, что такой-то постился? Постящіеся пусть не считаютъ постъ за зло; тотъ, кто думаетъ, что постъ зло, хотя и постится, самъ пребываетъ во злѣ. Не принадлежатъ къ числу злыхъ ангелы, не имѣющіе нужды въ наслажденіи пищей, подобно намъ. Вкушеніе пищи не есть какая-либо для насъ честь, но дѣло простой необходимости. Сколько зла у насъ ни совершается (въ обычное время), оно подавляется постомъ. Постъ же я разумѣю—не простое удаленіе отъ пищи, но тотъ, который имѣлъ въ виду Исаія: постись, чтобы быть услышаннымъ. И если ты скажешь Богу словами іудеевъ: *постихомся, и не увидѣлъ еси: смирихомъ души наша, и не увѣдѣлъ еси*, то берегись, чтобы не услышать: *во дни пощеній вашихъ обрѣтаете воли ваша* (Иса. LVIII, 3—5). Постъ состоитъ въ исполненіи воли Господа. Смыслъ поста не въ томъ, чтобы мы съ выгодой не ѣли, но въ томъ, чтобы приготовленное для тебя съѣлъ бѣдный вмѣсто тебя. Для тебя это вдвойнѣ благо: и самъ ты постишься, и другой не голодаетъ. Не будемъ тяготиться трудностью поста: все же постъ не то, что распятіе на крестѣ. Ради чего въ самомъ дѣлѣ постъ? Онъ—вмѣсто креста: мы получили большее, отдаемъ меньшее. (Господь) распятъ для тебя, терпитъ жажду и пьетъ уксусъ съ желчью. Напріятно это питье, великъ этотъ постъ. Но ты вѣдь уже не вкушаешь желчи и стоишь твердо,—ты уже на крестѣ не висишь? Не будь же неблагодаренъ къ Іисусу, не плачься, что ты постишься; плачься о томъ, что ты не постишься всегда. Чего ты лишился изъ-за поста? Вина ли? Не вина, конечно, но воспаленія въ тѣлѣ, головной боли, тяжкаго дыханія. Зато подумай, что ты получаешь взамѣнъ: миръ, тишину, успокоеніе. Самый цвѣтъ лица чистый и ровный у соблюдающихъ постъ прекрасенъ,—подъ вліяніемъ же вина лицо разгорается огнемъ. Кто не страдаетъ вмѣстѣ съ Іисусомъ, тотъ не знаетъ Іисуса; кто уклоняется отъ

поста, тотъ забываетъ о крестѣ. Не будемъ принимать постъ съ предубѣжденіемъ, чтобы не обратилось для тебя во зло то, въ чемъ ты предполагаешь зло, и чтобы не оказаться тебѣ предъ Богомъ рабомъ лукавымъ. Никто не предается печали въ праздники, кромѣ развѣ тѣхъ, кто не понимаетъ значенія праздниковъ. Въ праздники и нужно въ особенности быть веселымъ. А ты хочешь поступать наоборотъ: печалишься тогда, когда становишься наравнѣ съ ангелами? Развѣ ты не знаешь того, съ чѣмъ это связано? Когда природа требуетъ брака, то ты не женишься вопреки природѣ. Воздавай должное браку, но если почитаешь постъ, дни поста проводи по-ангельски. Я не унижаю брака, но отдаю предпочтеніе посту. То, что мы вкушаемъ до поста, не остается съ нами. Зачѣмъ же намъ усиленно заботиться о томъ, чего даже нѣтъ. Вѣдь все удовольствіе, доставляемое вкушеніемъ пищи, исчерпывается временемъ глотанія; когда проглатываемое минуетъ то мѣсто въ горлѣ, гдѣ сосредоточено чувство вкуса, его какъ будто и не было. А постъ не отягощаетъ человѣка, не наполняетъ его чрева и не извергается чрезъ чрево въ пометъ; онъ обезпечиваетъ безсмертіе, приближаетъ насъ къ ангеламъ, потому что самъ по себѣ онъ и есть не что иное, какъ посильное (съ нашей стороны) подражаніе ангеламъ. Что же? Ты недоволенъ тѣмъ, что ведешь (въ посту) трезвую жизнь? Что не уязвляешься чужимъ благополучіемъ? Что твой умъ ясенъ? Что твоя плоть не осквернена? Что твоя душа цвѣтетъ? Что ты слушаешь Писанія съ радостью? Что не болтаешь, чего не слѣдуетъ? Что, однимъ словомъ, ты какъ будто уже не человѣкъ, но почти ангелъ? Это—праздникъ Господа, собравшаго насъ на бракъ духовный и вошедшаго посмотрѣть возлежащихъ—нѣтъ ли между ними кого въ одеждѣ небрачной. На бракъ нужно облекаться въ одежды чистыя и незапятнанныя, одежды святыя—соотвѣтственно святости и чистотѣ бракѣ, одежды блестящія по виду и роскошныя по качеству. Пусть же не омрачается брачное торжество, пусть наставленіе апостольское вразумитъ всѣхъ, чтобы всѣмъ единодушно пребывать въ постѣ. Съ постомъ тѣсно связана и молитва: постъ приводитъ человѣка въ благопріятное расположеніе, а молитва—всегда ко времени: ты не согрѣшилъ—поэтому постись, а согрѣшилъ—и поэтому постись; постись также, чтобы не грѣшить, и чтобы пребыть въ томъ, что̀ ты пріобрѣлъ. Вотъ сколько видовъ поста! Согрѣшилъ кто-нибудь—и постится въ наказаніе себѣ, чтобы избѣжать наказанія (отъ Бога). Будемъ же поститься и мы, возлюбленные, чтобы не возстали на насъ наши собственныя страсти. Ты знаешь примѣры поста, слѣдующаго за грѣхомъ, т. е., поста, какъ слѣдствія грѣха, поста въ смыслѣ наказанія за грѣхъ. Но постъ и предшествовалъ грѣху, не для того, чтобы уничтожить совершившійся грѣхъ, но чтобы предотвратить его со- 737
вершеніе. Другое имѣетъ примѣненіе постъ, когда кто желаетъ получить законъ: и требующій закона постится, какъ постился Моисей, который

и получилъ законъ. Иной опять постится, чтобы не лишиться того, чего достигъ. А постъ церкви есть вмѣстѣ и радость, и домостроительство (о спасеніи ея сыновъ). Она на дѣлѣ познаетъ Іисуса, сраспинаясь Распятому, сострадая Господу, чтобы и прославиться вмѣстѣ съ Нимъ. Не для того (постится она), чтобы оплакивать Господа — живъ вѣдь Сынъ (Бога) живого!—но чтобы исповѣдать радость о дѣлѣ спасенія. Если мы и огорчаемся, что распяли Его іудеи, то не за Него огорчаемся, но оплакиваемъ дерзость Его распинателей. Онъ возсталъ изъ мертвыхъ, возсталъ къ славѣ, какую имѣлъ у Отца дотолѣ, пребываетъ со Отцомъ такъ, какъ и пребывалъ. Торжество Іисуса не даетъ повода къ печали. Но мы должны поститься, заботясь о самихъ себѣ и стремясь быть общниками Его страданій: вотъ наша цѣль, братіе! Кто удостоился быть общникомъ страданій Христовыхъ? Велико это таинство. Будемъ же постоянны въ своемъ стремленіи къ добру, не будемъ поддаваться злу. Распятъ Іисусъ, Сынъ Безсмертнаго. Онъ отдалъ тѣло Свое на распятіе не ради Себя самого, но ради тебя. Ты вкусилъ отъ древа, а Онъ постится на древѣ; ты взялъ то, чего не долженъ былъ брать, а Онъ тѣло Свое отдалъ за то, что ты взялъ. Ты послужилъ тогда жестокой страсти, а Онъ вкушаетъ—вмѣсто всякаго удовольствія—уксусъ. Не отчуждайся Его царства. Ты знаешь, что Онъ распятъ, знаешь, что Онъ ради тебя умеръ: исповѣдуй, что Онъ живъ. Во имя живого принеси исповѣданіе, во имя претерпѣвшаго муки потерпи мученіе, во имя умершаго умри. Если такой смерти будешь ты искать, то не погибнешь: смерть ради поста—кратковременна. У тебя нѣтъ значительныхъ подвиговъ? Порадуй Его малыми: съ веселіемъ поспѣши на Его праздникъ, съ радостью прими постъ. Постъ духовный — наслажденіе. Но не напрасно ли я взываю? Какъ измѣнились за это время лица тѣхъ, кто торопится къ своему обѣду! Это несвойственно истиннымъ и постояннымъ любителямъ поста. Непохоже вѣдь на то, чтобы вы были недовольны тѣмъ, что васъ отдаляютъ отъ трапезы Господней. Помимо вашего желанія вашъ видъ выдаетъ васъ. Какъ бы лучомъ свѣта обнаружено скрывавшееся сознаніе, что мы удерживаемся силою—и вотъ мы уже не стоимъ. Докуда намъ играть истиной? Докуда въ дѣло Господне вносить свою суету? Или ты не слышалъ, что говоритъ псалмопѣвецъ, отвѣчая на свой
738 собственный вопросъ: *аще правду глаголете, правая судите* (Пс. LVII, 2)? Если ты искренно любишь постъ, принимай его съ радостью; если онъ тебѣ непріятенъ, тѣмъ хуже для тебя; если онъ тебя тяготитъ, тебѣ нечего радоваться; если ты считаешь, что постъ для тебя — лишеніе, то онъ и не принесетъ тебѣ пользы. Іисусъ распялся ради тебя, и не ропталъ, а напротивъ, спѣшилъ на страданія; а ты и непродолжительнаго поста не хочешь снести для своего собственнаго спасенія? О, человѣкъ! У меня не хватаетъ силы вопіять такъ, какъ слѣдовало бы. Іисусъ распятъ: смотри и поражай себя ударами въ грудь, пролей слезы изъ глазъ твоихъ.

Онъ распятъ ради тебя: сраспнись съ Нимъ, раздѣли Его славу не для того, чтобы умереть, но для того, чтобы избѣжать смерти. Сегодня—день приготовленія (τῆς παρασκευῆς), день, въ который ради твоего спасенія водруженъ былъ крестъ; распнись и ты вмѣстѣ съ твоимъ Спасителемъ, умирай вмѣстѣ съ Нимъ. Вѣдь это для Бога,—для Бога, сдѣлавшагося ради тебя человѣкомъ. Развѣ мы не чтимъ Его достоинство? Развѣ Его страданія насъ не пристыжаютъ? Вдумайся, человѣкъ, въ это сопоставленіе: чѣмъ Онъ былъ,—и что потерпѣлъ? Судія осужденъ, жизнь предана на смерть, питатель всѣхъ терпитъ голодъ, напояющій всѣхъ томится жаждой, Царь славы подвергается безчестію, Владыка приводится предъ игемона, и Богъ осуждается людьми. Тотъ, кто изрекъ о себѣ истину, что *Отецъ не судитъ никогоже, но судъ весь даде Сынови* (Іоан. V, 22),—Онъ, судія всѣхъ, осужденъ—и кѣмъ осужденъ? Этого, кажется, достаточно тебѣ, человѣкъ, чтобы помнить о постѣ. Конечно, нужно прежде всего знать въ какомъ мы положеніи, а потомъ уже судить о нашихъ дѣлахъ. Когда мы возлюбимъ постъ и съ любовью будемъ его исполнять, радуясь какъ празднику, то въ качествѣ приличнаго въ посту угощенія,—воздавая честь трапезѣ Господней,—предложимъ рабамъ Господа тайны поста, Его предвѣчную славу, Его спасеніе, явленное міру въ послѣднія времена: кто Онъ былъ и чѣмъ сдѣлался? откуда пришелъ и какой народъ удостоилъ Своимъ посѣщеніемъ—и почему? Итакъ—къ своей и Его радости — будемъ всегда содержать этотъ постъ, служа Владыкѣ поста, во всемъ изъявляя Ему благодарность, всегда прославляя, всегда любя возлюбившаго насъ и поклоняясь понесшему грѣхи наши, умирая ради умершаго за насъ и ожидая прославленія вмѣстѣ съ потерпѣвшимъ поношеніе. Всесвятому же Отцу, сподобившему насъ этого поста и не пощадившему Сына своего ради нашего спасенія, воздадимъ славу—чрезъ пришедшаго—пославшему нераздѣльно съ животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О молитвѣ.

Поспѣшите всѣ, братіе, поближе къ сотворившему насъ Господу 737
нашему Іисусу Христу, благому, человѣколюбивому и милосердному, не хотящему смерти грѣшника, но ищущему обращенія его и сохраненія жизни. Всѣ бодрствуйте и будьте готовы, потому что не знаете, въ какой часъ Господь нашъ придетъ. Вслушайтесь получше, что говоритъ Онъ: *покайтеся, приближибося царствіе небесное* (Мѳ. III, 2). Вотъ, братіе, судъ уже при дверяхъ, и необходимы обильныя слезы, сильныя стенанія, усердная молитва,—при томъ не сегодня да завтра (а постоянно). Молитва—это недоступная никакимъ ворамъ сокровищница вся-

каго блага, безопасная отъ бурь пристань, основа спокойствія, врачебница души; молитва—это псалмопѣніе, освящающее душу и тѣло; коротко сказать—молитва открываетъ двери неба, приближаетъ къ Богу всякаго человѣка—и большого и малаго, и богатаго и бѣднаго, а того, кто каждый день молится отъ всей души, она дѣлаетъ выше ангеловъ. Но какое холодное слово (я слышу) отъ многихъ? Я грѣшникъ, говорятъ обыкновенно, не имѣю дерзновенія, подавленъ стыдомъ, и не могу поднять глазъ вверхъ и посмотрѣть на небо, потому что много погрѣшилъ и словомъ, и дѣломъ, и помышленіемъ, и всякій день и часъ—всю жизнь свою провелъ въ блудѣ. Съ какимъ лицомъ и какъ осмѣлюсь я войти въ церковь? Какъ открою мои скверныя и нечистыя уста? Какъ повернется у меня языкъ или о какихъ моихъ худыхъ дѣлахъ мнѣ прежде всего умолять Бога? Такъ вотъ какія сатанинскія рѣчи ты говоришь! Вспомни, кого призываетъ Христосъ, ходя по землѣ,—праведниковъ или грѣшниковъ? Онъ говоритъ такъ: *не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники*
738 *на покаяніе* (Мѳ. IX, 13). Я грѣшникъ, говоришь ты, и какъ я войду въ церковь, чтобы сдѣлаться праведнымъ? Правильно ты разсуждаешь, когда говоришь: я слышу, и не соблюдаю: какая же мнѣ отъ того польза? На это я скажу тебѣ: соблюдаешь ли ты или не соблюдаешь, только войди въ церковь, послушай божественное Писаніе, послушай, что читается. Я прекрасно знаю, что если ты войдешь въ церковь, послушаешь божественное евангеліе, учителей-апостоловъ и святыхъ отцовъ, то хотя бы имѣлъ каменное сердце, хотя бы у тебя былъ нравъ и дикость звѣря, въ концѣ концовъ ты все-таки безъ труда умилишься сердцемъ. Ты грѣшенъ? Войди въ церковь, припади, плачь, рыдай, стенай, проливай слезы. Ты согрѣшилъ? Исповѣдай Богу свои грѣхи, скажи просто: я согрѣшилъ,—скажи это Богу, вѣдающему все прежде, чѣмъ это совершится,—скажи Богу, испытующему сердца и утробы,—скажи здѣсь, чтобы не быть обличеннымъ и посрамленнымъ тамъ многими тысячами ангеловъ и людей. Скажи мнѣ, что лучше: здѣсь ли въ церкви исповѣдаться предъ Богомъ только и духовнымъ твоимъ отцомъ, или тамъ опозориться предъ столькими тысячами людей и ангеловъ? Ты грѣшникъ? Скажи только это,—ничего больше я отъ тебя не требую,—да сопроводи стономъ. Что тутъ тяжкаго? Что непріятнаго? Требуетъ ли это какого расхода денежнаго? Что за трудъ сказать просто: я согрѣшилъ? Ты говоришь, что тебѣ стыдно? Жалкій и несчастный! Когда ты грѣшилъ, не стыдился, а когда нужно покаяться и тѣмъ получить спасеніе—ты стыдишься? Когда ты обнималъ скверную блудницу или совершалъ дурныя дѣла, ты не стыдился, а теперь тебѣ стыдно? Когда ты грѣшилъ, когда ты блудилъ и прелюбодѣйствовалъ, ты не стыдился, а когда приступаешь къ покаянію и спасенію, тогда тебѣ становится
739 стыдно? Когда ты похищалъ чужое, когда притѣснялъ вдовъ и презиралъ бѣдныхъ, тебѣ не было стыдно, а теперь стыдно? Когда ты клялся

страшнымъ именемъ Божіимъ и лжесвидѣтельствовалъ, когда нарушалъ клятву, когда совершалъ всякія дурныя дѣла, ненавистныя Богу, ты не стыдился, а теперь тебѣ стыдно? О, милѣйшій, имѣя такого Владыку, можно ли намъ оставаться нерадивыми и не обращаться? Христосъ заповѣдуетъ: не воруй, не прелюбодѣйствуй, не блуди, не убивай, не лжесвидѣтельствуй, чти отца твоего и мать, и ближняго своего люби какъ самого себя; будь кротокъ, добръ, милосерденъ, великодушенъ; удаляйся вражды, будь миролюбивъ, чтобы удостоиться царства небеснаго. И никто не вникаетъ (въ Его слова), никто не повинуется, никто не обращаетъ вниманія, но всѣ мы продолжаемъ оставаться легкомысленными! А діаволъ внушаетъ противное: прелюбодѣйствуй, убивай, клятвопреступничай, воруй, будь безчеловѣчнымъ, хулителемъ, немилосердымъ, жестокимъ, развратителемъ; сдѣлайся корыстолюбцемъ, человѣконенавистникомъ, а еще лучше—богоненавистникомъ; будь коварнымъ, обидчикомъ, жаднымъ; будь хищникомъ, болтуномъ, лжецомъ, ругателемъ, вѣроломнымъ. И мы знаемъ, сколько находится послушныхъ исполнителей его внушеній, потому что какъ рабы, связанные по рукамъ и ногамъ, такъ мы бѣжимъ и подчиняемъ себя по отношенію къ природѣ. Вотъ мы всю юность нашу расточили съ демонами, вотъ мы состарѣлись и закоренѣли въ грѣхахъ. Совершить добро, чтобы достигнуть царства небеснаго, мы уже не въ состояніи, но діаволъ (не довольствуясь этимъ) хлопочетъ объ огнѣ и вѣчной мукѣ—и мы бѣжимъ къ діаволу. Что намъ дѣлать съ тобою, человѣкъ? Чего ты хочешь? Къ чему стремишься? Быть со Христомъ или быть съ демономъ? Хочешь быть со Христомъ? Тогда хотя на остальное время жизни откажись отъ удовольствій и наслажденій, прекрати развратъ, перестань воровать, перестань пьянствовать, перестань похищать чужое, перестань насмѣшничать, обманывать и превозноситься. Берегись соблазна: никто изъ подобныхъ людей не войдетъ въ царство небесное. Но если ты желаешь быть съ демонами, если ты 740
стремишься въ геенну огненную, то дѣлай, что тебѣ угодно, живи, какъ хочешь,—никто тебѣ не препятствуетъ. Предайся міру и его постыднымъ страстямъ, блуду, прелюбодѣянію, пьянству, невоздержанію и тому подобнымъ бѣсовскимъ удовольствіямъ: никто тебѣ не запрещаетъ. Вѣдь тебя евангелія не убѣждаютъ, законъ не вразумляетъ, пророки не научаютъ, апостолы не стѣсняютъ, наставленія отцовъ для тебя безполезны, примѣръ братьевъ для тебя не имѣетъ значенія: ты сталъ совершенно безстыднымъ, у тебя видъ совсѣмъ какъ у блудницы. Продолжай наслаждаться тѣмъ, что ты почитаешь благомъ, въ этой твоей жизни, но зато тамъ уже не ожидай ни спасенія, ни участія въ грядущемъ днѣ Христовомъ. На твою долю выпадетъ тогда часъ, когда ты нагой и обнаженный предстанешь судищу Христову, предъ ликами ангеловъ и людей. Тамъ обнаружится, каковъ ты; тамъ обличится всякая твоя неправда. Надъ Богомъ смѣяться нельзя, и вотъ тогда-то услышишь ты этотъ не-

чальный приговоръ: *свяжите ему руцѣ и нозѣ, и ввергите во тму кромѣшнюю: ту будетъ плачъ и скрежетъ зубомъ* (Мѳ. XXII, 13). Кто послѣ этого не будетъ оплакивать подобнаго человѣка? Кто не пожалѣетъ навлекшаго на себя вѣчныя мученія цѣною временныхъ наслажденій? Не обольщайтесь же: Богъ надъ собой смѣяться не позволяетъ. Написано вѣдь: *ни блудницы, ни прелюбодѣи, ни скверни тели, ни лихоимцы, ни піяницы, ни неправедницы, ни малакіи, ни мужеложницы, ни идолослужители, ни досадители*, ни сребролюбцы, никто изъ таковыхъ *царствія* небеснаго *не наслѣдятъ* (1 Кор. VI, 9, 10). Все это слагая въ своемъ сердцѣ, будемъ, братіе, воздерживаться отъ таковыхъ злыхъ дѣлъ и не станемъ медлить покаяніемъ отъ всей души, чтобы и грядущаго гнѣва избѣжать и небесныхъ и вѣчныхъ благъ достигнуть. чего и да удостоимся всѣ мы благодатью и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу слава со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Огня пріидохъ воврещи на землю (Лк. XII, 49); и: не пріидохъ воврещи миръ, но мечъ (Мѳ. X, 34).

739 Чадолюбивыя матери, пока ихъ новорожденныя дѣти—въ самомъ нѣжномъ и безпомощномъ младенчествѣ, питаютъ своихъ дорогихъ малютокъ отъ собственныхъ сосцовъ молокомъ, какъ самой простой и легкой пищей; а когда тѣ подростутъ и станутъ понимать настолько, чтобы и зубами уже перерабатывать болѣе мягкую пищу, то первоначально матери, раздробивши твердый хлѣбъ и обративъ его въ мягкую и нѣжную массу, на подобіе мозга, кладутъ имъ готовую уже пищу въ ротъ. Такъ поступаютъ и учители церковные. Младенчествующимъ въ дѣлѣ разумѣнія они не предлагаютъ трудныхъ и неудобопостижимыхъ мыслей, но подобно матерямъ, предлагая имъ мысленные сосцы, даютъ имъ возможность питаться чистымъ млекомъ словеснымъ. И потомъ уже, когда младенцы возростутъ разумѣніемъ до способности понимать болѣе возвышенныя мысли, они постепенно открываютъ имъ болѣе таинственныя стороны ученія. Это дѣлалъ и Павелъ. Тѣмъ, которые въ дѣлѣ вѣры были еще младенцами, онъ говорилъ въ посланіи: *млекомъ вы напоихъ, а не брашномъ* (1 Кор. III, 2). И Господь нашъ употребляетъ еще и понынѣ этотъ самый способъ: распредѣляя евангельскія писанія сообразно съ состояніемъ слушателей, въ предшествовавшіе дни Онъ предложилъ намъ, какъ младенцамъ, мягкую и легкую пищу словесную, а теперь, признавъ силу нашего разумѣнія болѣе окрѣпшей, Онъ знакомитъ насъ съ болѣе высокими истинами. Что именно говоритъ Онъ (въ нынѣшнемъ евангельскомъ чтеніи)? *Огня пріидохъ воврещи на землю*, и: *не пріидохъ*

вовреи,и миръ, но мечъ. Младенчествующіе умомъ думаютъ, что Господь пришелъ съ тѣмъ, чтобы истребить все огнемъ и посѣчь всѣхъ мечомъ. Но давайте, допустивъ на время справедливость такого младенческаго пониманія словъ Христовыхъ, побесѣдуемъ съ самимъ Господомъ Его же собственными словами, чтобы растолковать младенцамъ слова Господа. *Огня пріидохъ воврещи на землю.* Огонь Ты пришелъ низвести на землю, Господи, и не миръ принесъ Ты на землю, а мечъ? Грѣхъ поработилъ насъ, смерть надъ нами пріобрѣла господство, геенна огненная намъ угрожаетъ, лукавыхъ демоновъ полчище на насъ ополчилось, и 740
Тебя мы ждали, какъ заступника, обѣщаннаго пророками, а Ты пришелъ съ этими словами: *огня пріидохъ воврещи на землю,* и: *не пріидохъ воврещи миръ, но мечъ?* Вѣра наша слаба, натиску демоновъ противостать мы не въ силахъ, оружія вѣры у насъ нѣтъ, шлемъ правды нашей у насъ похитилъ діаволъ, еще въ раю сорвавъ его съ Адама. И вотъ, каждый изъ насъ, оказавшись безпомощнымъ, къ Тебѣ взываетъ о помощи: *суди, Господи, обидящія мя, побори борющія мя: пріими оружіе и щитъ, и востани въ помощь мою: изсуни мечъ и заключи сопротивъ гонящихъ мя: рцы души моей: спасеніе твое есмь Азъ* (Псал. XXXIV, 1—3). А Ты, явившись на помощь намъ, говоришь: *не пріидохъ воврещи миръ, но мечъ?* Гдѣ же моленіе святыхъ о мирѣ, къ Тебѣ возносимое: Господи, Боже нашъ, миръ Твой даждь намъ? Вѣдь Ты все намъ далъ. Мы просили мира, молили о тишинѣ, войны не желали, мечъ отвергли. А Ты придя говоришь: *не пріидохъ воврещи миръ, но мечъ.* Ужасное здѣсь вооружилось противъ насъ полчище демоновъ: всѣхъ насъ разрубивъ обоюдуострымъ мечомъ грѣха, низвергло оно во адъ. Потому-то мы и требуемъ Твоей милости; весь ликъ святыхъ къ Тебѣ вопіялъ, говоря: *пасый Израиля вонми, наставляяй яко овча Іосифа, сѣдяй на херувимѣхъ, явися, воздвигни силу Твою и пріиди во еже спасти насъ* (Псал. LXXIX, 2, 3). Ты говоришь: *не пріидохъ воврещи миръ, но мечъ?* Гдѣ же Твое обѣщаніе, гласившее: *се Азъ уклоняю на ня, аки рѣку мира, и аки потокъ наводняемый, славу языковъ* (Иса. LXVI, 12)? Или гдѣ предсказаніе святыхъ отцовъ, выраженное такими словами: *се пріидетъ Господь и сокрушитъ брани?* Разъ сокрушена брань, мы ожидали мира и помощи, а Ты пришелъ и говоришь: *не пріидохъ воврещи миръ, но мечъ?* Ты отрядилъ впереди Себя пророковъ, предпослалъ патріарховъ, вооружилъ ихъ оружіемъ правды, чтобы они противустали нападеніямъ діавола и, сокрушивъ брань, миръ водво- 741
рили въ мірѣ, какъ одинъ изъ нихъ съ благодарностью говорилъ: *благословенъ Господь, научаяй руцѣ мои на ополченіе, персты моя на брань* (Псал. CXLIII, 1). И когда они, побѣжденные, показали тылъ врагу, взывая къ Тебѣ, Тебя призывая на помощь и говоря: *Господи, преклони небеса и сниди* (ст. 5),—Ты, преклонивъ небеса и явившись на землю, чтобы спасти и умиротворить родъ человѣческій, говоришь: *не пріидохъ*

вовреци миръ, но мечъ? Какъ же Ты ублажаешь миротворцевъ, что они сынами Божіими нарекутся? Почему же Ты, научающій другихъ миротворствовать, о Себѣ самомъ говоришь: *не пріидохъ воврещи миръ, но мечъ?* Грѣхи наши вовлекли насъ во вражду съ Богомъ; посредникъ намъ былъ нуженъ, чтобы разрѣшить эту вражду и даровать намъ желанный миръ. И отецъ нашъ Іовъ молилъ о посредникѣ, говоря: *о, дабы ходатай намъ былъ и обличаяй* (Іов. IX, 33),—а Ты, явившись въ качествѣ посредника, чтобы прекратить вражду, говоришь совершенно противное: *не пріидохъ воврещи миръ, но мечъ?* Откуда же, наконецъ, ждать намъ мира? Да, конечно (отвѣчаетъ Господь) Я пришелъ низвести огонь на землю, попираемую вашими ногами. Такъ какъ діаволъ посѣялъ въ сердцахъ людей грѣховныя плевелы, то Я пришелъ низвести на землю огонь, попаляющій эти плевелы. Вотъ почему пришелъ Я низвести огонь на землю и хочу, разъ онъ уже возгорѣлся, очистить Мою землю. Мнѣ нужно истребить горькіе и зловредные отпрыски діавола, чтобы въ чистой душѣ оживить влагой небесное сѣмя. Вотъ почему Я пришелъ низвести на землю огонь. Сотворивъ вначалѣ человѣка изъ земли, Я внѣдрилъ въ глубинѣ его сердца божественную искру огня, чтобы этимъ огнемъ возгрѣвалась въ немъ любовь къ Богу. И вотъ, такъ какъ эту искру божественнаго огня и эту теплоту невозможно было вызвать наружу, чтобы получить благодатное воспламененіе святого Духа,—потому что діаволъ холодомъ нечестія умертвилъ души людей,—то Мнѣ и нужно было низвести на землю огонь, чтобы положивъ конецъ этой порожденной діаволомъ въ душахъ зимѣ и, даровавъ душѣ миръ и тишину, сдѣлать ее вновь цвѣтущей и плодоносной.

И вотъ входитъ Онъ (Господь) въ его (діавола) дворъ, скрывая пастыря подъ овчей одеждой тѣла, не имѣя при Себѣ ни палицы, ни посоха, угрожающаго за прежнее заблужденіе, чтобы испуганная овца опять не убѣжала отъ своего пастуха. Входитъ Онъ въ домъ фарисея, не какъ Богъ, не какъ Царь, не какъ Солнце правды, но какъ человѣкъ къ человѣку, какъ агнецъ къ агнцу; раздѣляетъ его трапезу, пасется съ нимъ, ѣстъ вмѣстѣ траву, приближается, снисходитъ къ тому, кто уже подпалъ подъ власть грѣха, чтобы, раздѣливъ съ нимъ его паденіе, вмѣстѣ съ собой возставить падшаго. И войдя (въ домъ фарисея), Онъ не совершилъ омовенія по обычаю фарисейскому. Сдѣлалъ же это по двумъ причинамъ: во-первыхъ, чтобы дать овцѣ поводъ говорить съ пастыремъ, а во-вторыхъ, чтобы разрушить іудейское объ этомъ предметѣ ученіе и утвердить духовное. *Фарисей же видѣвъ,* говоритъ (евангелистъ), *дивися, яко не прежде умыся* (Лук. XI, 38). Удивился, не похваляя учителя, но недоумѣвая о совершившемся, не похваляя, но осуждая. Такъ-то, возлюбленные, созданіе осуждало своего Создателя и глина указывала горшечнику на его ошибку. Но говорилъ это фарисей, не прозирая сокровенными очами сердца вошедшаго къ нему Начальника анге-

ловъ, серафимовъ и херувимовъ. Конечно, если бы только онъ Его узрѣлъ, 742
то припалъ бы къ Его колѣнамъ, слезами своими омочилъ бы Его ноги и говорилъ бы: *милостивъ буди мнѣ, грѣшнику* (Лук. xviii, 13)! Ты изъ небытія къ бытію все привелъ, Твоимъ словомъ небеса утверждены и духомъ устъ Твоихъ вся сила ихъ; Ты какъ въ мѣшкѣ держишь воды моря; Ты полагаешь въ сокровищницѣ бездны; Тебя трепещетъ вся земля; Тобою потрясается вся вселенная: вотъ что могъ бы сказать фарисей. Но ничего подобнаго не помысливъ, ничего не сказавъ, онъ осудилъ Учителя. И вотъ какъ самарянкѣ далъ Господь поводъ просить у Него воды вѣчной тѣмъ, что самъ попросилъ у нея воды Себѣ, такъ и фарисея Онъ подобнымъ же образомъ вызываетъ на бесѣду: незамѣтно Онъ начинаетъ обращать къ Себѣ овцу и отъ заблужденія руководитъ ее къ истинѣ. *Нынѣ*, говоритъ Онъ, *вы фарисее внѣшняя сткляницы и блюда очищаете, внутреннее же ваше полно грабленія и лукавства* (Лук. xi, 39). То есть: вы теперь тѣло украшаете, а души оскверняете. Но что за пріятность въ томъ, что сосудъ золотой, если содержащійся въ немъ напитокъ смертоносенъ? Не таковы ли блудницы? Лица ихъ цвѣтутъ красками, а души погибаютъ. Развѣ, нарумянивая свое лицо пурпуровой краской, не устраиваютъ онѣ своими перстами подобіе того огня, который имъ угрожаетъ,—тогда какъ слѣдовало бы имъ самыя сердца свои окропить кровью Іисуса и убѣлить Его духомъ свои души, чтобы цвѣтъ души заблисталъ, какъ роза въ соединеніи съ лиліей? А вмѣсто этого онѣ натираютъ свои лица, чтобы разжигать сердца юношей неистовой похотью. *Нынѣ вы фарисее внѣшняя сткляницы и блюда очищаете, внутреннее же ваше полно грабленія и лукавства.* Іоаннъ говорилъ: почему вы тѣло обмываете водою, а грѣховъ не очищаете духомъ? А я рѣшаюсь прибавить, возлюбленный, что никакой нѣтъ человѣку пользы, хотя бы онъ и тѣло и духъ очищалъ, если вмѣстѣ съ тѣмъ онъ забываетъ о милостынѣ. Какъ сосудъ, вымытый и снаружи, и изнутри, но не наполненный питьемъ, не можетъ утолить ничьей жажды, равно какъ и блюдо, вымытое и снаружи, и изнутри, не насытитъ голоднаго, если на него не будетъ положено пищи, такъ и человѣкъ, хотя бы былъ совершенно чистъ и совнѣ, и внутри, не напитаетъ Господа, если не напитаетъ подобнаго себѣ раба. Поэтому-то Господь и прибавляетъ такое наставленіе: *обаче отъ сущихъ дадите милостыню, и се вся чиста вамъ будутъ* (ст. 41). *Обаче отъ сущихъ*, говоритъ Онъ. Ему пріятны не столько многоцѣнныя приношенія, сколько нелицемѣрныя жертвы отъ чистаго сердца. Пусть ты бѣденъ, но не кричи, что у тебя нѣтъ золота и серебра, чтобы раздавать милостыню. Давай то, что имѣешь. И двѣ лепты оправдываютъ: вспомни вдовицу, которая оправдалась больше тѣхъ, чьи жертвы были гораздо богаче. Богъ не деньги пересчитываетъ, но совѣсть испытываетъ. Милостыня очищаетъ грѣхи блудниковъ и накопляетъ благую мзду. Милостыня убѣляетъ души и уготовляетъ (вѣч-

ныя) наслажденія. О, милостыня, жизнь душъ, водительница души, прекраснѣйшее оружіе! Бросьте золото—и получите Христа. Дайте серебро—и примите Духа Святого. Разбросайте мѣдь—и вмѣстѣ съ нею выбросится ядъ грѣха. Одождите милостыню—и потушите огонь. Раздайте одежды (ἱμάτια), чтобы получить исцѣленіе (ἰάματα), во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Духовныя увѣщанія.

741 Время уже тебѣ воспрянуть духомъ и стряхнуть съ себя все (грѣховное). Вспомни, что не сегодня-завтра ты долженъ узрѣть небеса и лики ангеловъ, предстать страшному престолу и явиться предъ лицемъ Бога на судѣ Его, на судѣ чистоты, правды и истины, и дать отчетъ во всей своей жизни. Если хочешь увидѣть святого, освяти самого себя; если хочешь увидѣть святого и непорочнаго, очисти прежде всего самого себя. Съ того времени, какъ кто-либо познаетъ страхъ Божій, онъ всецѣло предаетъ себя Богу и уже не можетъ располагать самъ собою, по-
742 тому что подчиняетъ себя закону Божію. Пусть же онъ откажется отъ самого себя и отъ своей воли, и пусть послѣдуетъ Богу. Въ какое бурное море обратило нашу жизнь угожденіе этому тѣлу? Сколько произвело оно волненій, сколько смущенія, сколько потрясеній, сколько крушеній, сколько беззаконій и грѣховъ, сколько несчастій и ужасовъ? Сколько оно причинило зла во всѣхъ городахъ, въ домахъ, на площадяхъ? Какова его сила, каково его могущество? Страшно и представить себѣ все это! Рожденіе его ужасно, смерть его ужасна, жизнь его ужасна, а то, что ожидаетъ его послѣ смерти, не поддается выраженію и описанію. Наше сердце служитъ какъ бы чашей вѣсовъ, опредѣляющихъ нашу
743 судьбу. Добейся, постарайся, чтобы оно у тебя скорѣе открылось. Помни, что немного спустя ты покинешь этотъ видимый міръ, небо и землю, людей, свои дѣла; помни, что ты—ничто, какъ тѣломъ, такъ и душой. Небольшая забота тебя обезпокоила, малое усиліе тебя утомило, легкая скорбь тебя разстроила, небольшой трудъ тебя устрашилъ, простое слово тебя смутило. И почему ты не ненавидишь этой жизни? Говорю тебѣ, что ты долженъ выселиться отсюда и вверху—у вратъ неба—поставить себѣ палатку, тамъ пребывать до самой смерти, умоляя Бога, чтобы Онъ благостно принялъ тебя и открылъ тебѣ (доступъ на небо) безъ задержки. Внизу—на землѣ—тѣло пусть преклоняетъ колѣна предъ Богомъ, а вверху душа пусть неотступно умоляетъ, повергаясь на лицо свое: пусть соревнуютъ, кто больше преуспѣетъ въ молитвѣ. И вотъ для тебя міръ уже умеръ, для тебя грядущій судъ уже наступилъ: сколько можешь, отрѣшись отъ настоящаго и памятуй о будущемъ. Лучше ду-

мать о будущихъ бѣдствіяхъ, чѣмъ о настоящихъ благахъ: тѣ внушаютъ тебѣ страхъ Божій, а эти подрываютъ его, если онъ у тебя и есть. Въ дѣлахъ, касающихся духа, мы всѣ сироты: намъ не на что положиться, кромѣ Бога и своего собственнаго усердія. Итакъ, пренебрегши всѣмъ, позаботимся о самихъ себѣ. Вспомни о себѣ и о томъ, въ какомъ бѣдственномъ положеніи ты находишься; вспомни, наконецъ, о своихъ грѣхахъ и о готовящемся тебѣ осужденіи; вспомни, что ты человѣкъ смертный, слабый и жалкій, скверный и нечистый; вспомни, что ты человѣкъ, проводящій жизнь среди скорбей и опасностей, гибельныхъ для многихъ—добрыхъ и злыхъ, мудрыхъ и неразумныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Ну, вотъ, чтобы ѣсть и пить, ты не имѣешь безопасности ни на каплю. Вспомни, что ты—человѣкъ, съ костями. сокрушенными отъ головы до ногъ, что ты не въ силахъ выдержать одного дня труда или одной ночи бодрствованія; вспомни, сколько погрѣшалъ ты предъ Богомъ и дѣломъ, и словомъ, и мыслью; вспомни, что ты день и ночь борешься со львомъ и змѣемъ; вспомни, сколько душъ пошло въ адъ за то, что презрѣли страхъ Божій, разсчитывая обезпечить себѣ кратковременный покой; не успѣвъ въ своихъ разсчетахъ, онѣ въ преисподнихъ земли оплакиваютъ теперь свои блудодѣянія, свое легкомысліе, распущенность, лукавство и несговорчивость. Вспомни, что недалеки уже и твоя смерть и судъ надъ тобой и не переставай напоминать это своей душѣ. Напиши это краткое изреченіе въ сердцѣ твоемъ, повяжи его на шеѣ твоей. Оно лучше царской діадемы: эта ведетъ къ наказанію, а то устрояетъ въ жизнь вѣчную. Заботься объ этомъ; держись этого крѣпко. Если этого ты будешь держаться, противное тебя никогда не постигнетъ; если это окажется безсильнымъ, чѣмъ осолится твое сердце (Мѳ. v, 13)? Если близокъ день Господень, будемъ ожидать его со страхомъ. Тотъ, кто желаетъ быть чистымъ во всемъ—и въ дѣлахъ, и въ словахъ, и въ мысляхъ, что иное долженъ дѣлать, какъ не быть всегда тихимъ, молиться, молчать и пренебрегать все земное? Желающій достигнуть такого состоянія уподобляетъ себя на землѣ Богу, согласно съ словами: *бывайте подражатели Богу* (Ефес. v, 1). Вотъ мы усыновлены Богомъ. Что же справедливѣе требованія, чтобы сынъ подражалъ отцу? Если ты законный сынъ, слѣдуй отеческимъ повелѣніямъ, тѣмъ болѣе—справедливымъ и полезнымъ. Кто ведетъ борьбу съ бѣсами, что долженъ дѣлать, какъ не молиться непрестанно? Кто ежедневно подвергается опасностямъ и по душѣ и по тѣлу, что иное долженъ сдѣлать, какъ не бороться и молиться Богу? Но ты говоришь: страсти побораютъ меня и страхъ владычествуетъ надо мною? Этотъ владыка не устоитъ противъ (истиннаго) Владыки, который потрясаетъ землю и всѣхъ приводитъ въ трепетъ. Кто не убоится огненной рѣки? Одинъ день мрака ужаснѣе всѣхъ золъ жизни. Стоитъ ли послѣ этого дорожить чѣмъ-либо здѣшнимъ, какъ безсильнымъ доставить утѣшеніе? Обидѣлъ тебя кто-нибудь или ударилъ?

Надѣйся на Господа, что готовитъ тебѣ за твое терпѣніе великую на-
граду. Отъ надежды родится вѣра, а за ними явится и любовь. Даже
за малое слово и небольшое терпѣніе Владыка даруетъ тебѣ рай, какъ
подвижника вѣнчаетъ тебя за чашу холодной воды,—потому что Ему
дорога твоя вѣра. Уневѣсти себѣ добродѣтель, а воздержаніе и цѣло-
744 мудріе пусть будутъ твои дѣти—живыя и вводящія тебя въ царство не-
бесное. Съ утра душа твоя должна спѣшить къ Господу и, достигнувъ
вечера, пусть покоится на духовномъ ложѣ, съ благочестивыми помы-
слами, съ надеждой на Бога, въ безстрастіи и чистотѣ. Повелѣнія Божіи
суть свѣтъ, жизнь и покой, благословеніе и правда, велѣнія же сатаны—
тьма и смерть, наказаніе, грѣхъ и проклятіе. Въ твоей власти послѣдо-
вать тѣмъ или этимъ. Если изберешь заповѣди Господни, у тебя будетъ
все прекрасное: свѣтъ, жизнь, покой, благословеніе, вѣнецъ правды;
если же послѣдуешь заповѣдямъ сатаны, на твою долю выпадетъ все
противное этому. Кто же настолько безуменъ, чтобы избрать срамъ и
позоръ съ вѣчными мученіями, вмѣсто славы, похвалы и безсмертнаго
наслажденія? Воспряни, поспѣши, бѣги бѣгомъ: бракъ уготованъ, тельцы
заколоты, кушанья готовы, пирующіе тебя ожидаютъ, какъ написано:
мене ждутъ праведницы, дондеже воздаси мнѣ (Псал. CXLI, 8). Пото-
ропись принять участіе. Вотъ гдѣ радость, вотъ гдѣ покой, вотъ гдѣ
свѣтъ, вотъ гдѣ жизнь, вотъ гдѣ слава, вотъ гдѣ утѣхи, вотъ гдѣ истин-
ное и вѣчное, вотъ гдѣ великое и удивительное, вотъ гдѣ все, чего ты
хочешь, и даже болѣе того, что ты хочешь. Тебѣ достаточно знать, что
удивилъ Господь преподобныхъ Своихъ, прославилъ святыхъ Своихъ,
возвеличилъ боящихся Его, превознесъ любящихъ Его. Не позавидуемъ
же себѣ самимъ, не лишимъ себя стольких благъ, намъ предназначен-
ныхъ, такихъ надеждъ. Другіе ради малой выгоды сражаются, воюютъ,
пускаются въ море, подвергаются опасностямъ, а мы, думая наслѣдовать
новое небо и новую землю, что смущаемся, чего колеблемся, зачѣмъ гу-
бимъ себя въ этомъ вещественномъ мірѣ? Вѣдь мы дѣлаемъ все, что
возбуждаетъ страсть, что разжигаетъ и душу, и тѣло; удовольствія не
приносятъ намъ успокоенія; сонъ, походка—все исполнено соблазна. Кто
провелъ жизнь такъ, какъ хотѣлъ? Что въ этой жизни не заслуживаетъ
ненависти? Самое тѣло наше—не въ мирѣ съ нами: здоровое—оно вра-
ждуетъ, подвергаясь болѣзни—причиняетъ скорбь. Кто ушелъ изъ этой
жизни безъ печали? Кто не отвѣдалъ соленой воды этого горькаго моря,
кто съ болью не испыталъ на себѣ его превратностей? Сколько вели-
кихъ погубила настоящая жизнь, разставивъ západни на ихъ слав-
номъ пути? И нѣтъ ничего удивительнаго въ этомъ: вѣдь тутъ дѣй-
ствуютъ бѣсы, вѣдь въ засадѣ самъ діаволъ. Зная все это, покаемся
отъ всего сердца, чтобы радости наши не превратились въ плачъ и ры-
даніе; поможемъ сами себѣ, исторгнемъ душу свою изъ объятій этого
міра, а вмѣстѣ съ нимъ—и нашей собственной плоти. Пусть найдетъ

она пріютъ себѣ гдѣ-либо на краю земли, чтобы оттуда воззвать къ Господу: «помилуй меня, одинокую! Вотъ я все оставила и послѣдовала Тебѣ; вотъ я все отвергла ради Твоего страха». Пусть сокрушеніе наше взойдетъ до облаковъ, пусть вопли наши достигнутъ неба, молитвы и милостыни наши пусть явятся предъ лицомъ Бога. Будемъ служить Ему съ полной истинностью, съ благоговѣніемъ и страхомъ; сдѣлаемъ все, чтобы не пришлось тамъ пожалѣть; будемъ съ терпѣніемъ переносить все, чтобы тамъ насладиться благъ Божіихъ, чтобы больше приблизиться къ Богу, чтобы удостоиться высшихъ даровъ, чтобы не оказаться хуже кого-либо изъ святыхъ. Наша жизнь—великое искушеніе—и никто этого не знаетъ, великая буря—и никто не замѣчаетъ. Уступимъ мѣсто дѣйствію страстей и живущему въ насъ по апостолу грѣху; уступимъ мѣсто людскимъ огорченіямъ; уступимъ мѣсто этой плоти съ ея вожделѣніями; уступимъ мѣсто этому міру съ его непріятностями; уступимъ мѣсто всѣмъ искушеніямъ, всякимъ досажденіямъ. Скроемся отъ нихъ. Вѣдь они гонятся за нами и всѣ мы подвергаемся опасности быть убитыми бѣсами, дѣлами, людьми, подосланными сатаной. Обратимъ все свое вниманіе лишь на себя и на Бога, предавая это свое тѣло тѣмъ, кто желаетъ наносить ему удары; оно и достойно многихъ ударовъ. Вознесемъ сердце свое горѣ, изливая души наши предъ Богомъ, чтобы снискать себѣ спасеніе, помилованіе и жизнь, въ веселіи, удовольствіи и радости, во вѣки вѣковъ. Аминь.

На начало поста, и о постѣ.

Сегодня возсіяла у насъ, возлюбленные, духовная весна поста, и 745
луга воздержанія открылись для подвижниковъ благочестія. Моряки Церкви призываютъ насъ къ небесной торговлѣ, снаряжаютъ насъ къ плаванію правды, развертывая предъ нами пророческія книги и вручая намъ кормило закона; они утверждаютъ мачту честного креста и привязываютъ якорь вѣры; Духъ Святый даетъ имя этому судну и Творецъ всего имъ руководитъ. Давайте же и мы, возлюбленные, съ радостью примемъ сегодня стоящую у порога святость поста и, отъ всей души привѣтствуя ее, воскликнемъ: добро пожаловать, о, матерь благъ и добродѣтелей, исполни насъ небеснаго благоуханія, открой намъ рай евангельской жизни, дай насладиться духовными плодами воздержанія, укрась насъ вѣнцомъ цѣломудрія, очисти жизнь нашу отъ скверны, уврачуй души, изъязвленныя похотью, потуши страсти, распаляемыя виномъ, обуздай лихорадочные припадки унынія, упраздни діавольскія зрѣлища, положи конецъ этому бѣшенству, прекрати это безчеловѣчное звѣроподобное дѣланіе, запрети вѣтрамъ нечистыхъ духовъ, введи постящихся въ

порядокъ жизни безтѣлесныхъ, покажи почтенною сѣдину старца, взборозди нашу ниву плугомъ воздержанія, образумь мужей, погрязшихъ въ распутствѣ, укрась женъ, подвизающихся въ цѣломудріи, вдохнови юношей къ жизни ангельской! Пусть утружденные грѣхами вздохнутъ отъ своихъ суетныхъ трудовъ, пусть въ дни поста четыредесятницы очистятъ себя отъ грязи, накопившейся за цѣлый годъ. Ты вѣдь не только землю наполняешь собою, но проникаешь уже и въ самый рай. Небесныя силы нынѣ ликуютъ, чины ангеловъ духовно торжествуютъ; престолы, господства, начала и власти радуются о спасеніи людей. Одинъ только ниспадшій съ неба діаволъ въ смущеніи говоритъ: гдѣ теперь моя похвальба надъ тѣми, кого невоздержаніемъ увлекъ я къ паденію? Что сталось съ моимъ хитрымъ замысломъ посредствомъ пищи уловить въ свою власть души людей? Гдѣ то сладкое вкушеніе отъ древа, благодаря которому я обнажилъ Адама, прельстивъ его вмѣстѣ съ Евой? Появленіе поста разрушило всѣ мои ухищренія. Откуда взялся этотъ такъ называемый постъ? Кто направилъ противъ меня это оружіе? Теперь уже не обнажается болѣе Адамъ, вмѣстѣ съ Евою обольщенный мною; онъ не слушается уже теперь душепагубной совѣтницы; не чревоугодничаетъ, не увлекается недугомъ прожорливости. Благодаря посту — опять Адамъ въ раю, опять благодушествуетъ, снова украшается образомъ Божіимъ, снова возводится къ первообразной красотѣ. И что всего ужаснѣе: лишившись рая чрезъ преслушаніе, на колесницѣ поста онъ вознесся на небо! Я оттуда низринутъ, а низринутый мною опять сопричисляется къ небеснымъ силамъ. Поражаемый людьми, попираемый постящимися, гонимый отъ человѣческой природы—я обратился въ посмѣшище. Но пусть лукавый оплакиваетъ свои невзгоды, а мы, извлекши изъ апостольскаго колчана пригодную для настоящаго случая стрѣлу, поразимъ его страсть корыстолюбія, вмѣстѣ съ Павломъ взывая Павловыми словами: *ничтоже внесохомъ въ міръ сей, явѣ, яко ниже изнести что можемъ* (1 Тим. VI, 7). О, если бы входъ нашъ былъ подобенъ исходу! О, если бы всякій изъ насъ уходилъ отсюда нагимъ и свободнымъ отъ наказанія, бѣднымъ по природѣ и неосужденнымъ по душѣ, скуднымъ и достатками и грѣхами, лишеннымъ какъ богатства, такъ и скорбей! Но вѣдь то и ужасно, что тотъ, кто оставляетъ здѣсь нажитыя имъ богатства, уходитъ съ бременемъ сдѣланныхъ имъ при своемъ обогащеніи грѣховъ. Выгоды отъ своихъ богатствъ онъ лишается, а отъ заслуженнаго благодаря имъ осужденія не освобождается. Его наслѣдникъ пожинаетъ плоды его трудовъ, а наказаніе несетъ одинъ только онъ. Тотъ, кто не пріобрѣталъ, пользуется и наслаждается, а кто пріобрѣлъ, тотъ, ничѣмъ не пользуясь, терпитъ мученія, получивъ одну только выгоду —
746 подвергнуться наказанію. Опомнись, человѣкъ, предъ этой пучиной житейской суеты и по доброй волѣ раздѣли свое богатство бѣднымъ. Не оставляй его врагамъ, предупреди тѣхъ, кто уже разѣваетъ на тебя

ротъ, не дѣлайся добычей любителей чужого добра. У тебя есть дѣти? Причисли къ нимъ и душу бѣдныхъ—въ качествѣ сестры, удѣли и ей часть твоего достоянія. Ты чадолюбивъ? Но не забывай же и о Богѣ, благодаря Которому ты имѣешь и самую возможность быть счастливымъ отцомъ. Или тебя тяготитъ бездѣтность? Не губи же себя ради дѣтей, въ которыхъ тебѣ отказала природа, но самого себя сдѣлай наслѣдникомъ своихъ стяжаній посредствомъ благотворенія, чтобы не явиться предъ Судіей безъ дѣлъ милостыни. Бѣги угрожающаго тебѣ огня; имѣй въ виду общій для всего рода нашего конецъ; памятуй о томъ послѣднемъ днѣ твоей жизни. Когда душу твою явившіеся за ней ангелы пожелаютъ тотчасъ же взять, что будешь ты дѣлать, увлекаемый хищною смертью? Когда ты смутишься отъ разразившагося надъ тобой бѣдствія, не находя ни словъ, ни голоса, чтобы сказать что-нибудь, когда дыханіе въ груди твоей стѣснится и сдѣлается прерывистымъ, когда внутри тебя возгорится огонь, опаляющій душу, когда не окажется у тебя никакого союзника для борьбы съ ужаснымъ противникомъ, въ тотъ часъ *братъ не избавитъ, избавитъ ли человѣкъ* (Псал. XLVIII, 8)? Когда деньги теряютъ всякое значеніе, когда душа влечется на то ужасное судилище, когда ничѣмъ своимъ распорядиться уже не можешь, когда готовъ раскаяться въ томъ, что сдѣлалъ, а мѣста покаянію уже нѣтъ, когда дверь покаянія затворяется и входъ въ рай преграждается, когда стенать будешь отъ глубины сердца, но ни отъ кого не встрѣтишь сочувствія,—ужели и эти ужасы тебя не вразумятъ? Конечно, вразумятъ,—и ты горько заплачешь и безъ словъ скажешь: горе мнѣ, горе мнѣ, несчастному! Жалкій я, мой конецъ неотвратимъ, мою жизнь исторгаютъ у меня силою, связаннаго влекутъ меня туда, откуда нѣтъ возврата. Не помогутъ теперь слуги, не заступятся друзья, льстецы отступились, тѣлохранители не защитятъ; не поможетъ мнѣ мой кошелекъ, не принесетъ пользы золото, не вырветъ меня никакая сила, не освободятъ деньги, не спасутъ покровители. Напрасно я строилъ дома, попусту истратилъ столько денегъ, скопилъ груды золота. Все, что составляло мою славу, исчезло. Не являются уже по моему приказанію слуги; не окружаетъ меня по моему знаку стража; не спѣшатъ, какъ бывало, цѣлые города исполнять мою волю. Что сдѣлать мнѣ, несчастному? Что предпринять въ виду неотвратимой опасности? Попытаюсь просить, попытаюсь еще умолять увлекающую меня смерть, хотя бы даже она и не имѣла расположенія меня миловать. Умоляю тебя, о, смерть, подари мнѣ еще нѣсколько мгновеній жизни. Развѣ ты ни во что ставишь царскій санъ? Развѣ ты не видѣла у моихъ дверей приготовленной колесницы? Сжалься надъ умоляющимъ тебя благородствомъ, пощади плачущую юность, окажи вниманіе сѣдинамъ просителя. Я не прошу вѣдь отпустить меня совсѣмъ, я прошу только небольшой отсрочки. Домъ у меня остается неустроеннымъ, распорядиться наслѣдствомъ,

какъ слѣдуетъ, я еще не успѣлъ. Вплоть до настоящей минуты забвеніе не давало мнѣ возможности образумиться, среди постоянной смѣны житейскихъ заботъ; свой умъ, который могъ бы быть для меня наиболѣе полезнымъ, я оставлялъ въ бездѣйствіи. И вдругъ ты влечешь меня на судъ! Что я скажу въ качествѣ привлекаемаго къ отвѣту? На что сошлюсь въ свою пользу? Какъ отклоню взводимыя на меня обвиненія? Что приведу въ защиту себѣ предъ Судіей? Что скажу, чѣмъ облегчу себя, склоняясь долу подъ тяжестью преступленій? Хоть небольшой срокъ дай мнѣ, прошу тебя. Куда ты влечешь меня неготоваго? Зачѣмъ хочешь привести меня предъ Судію обнаженнымъ? Выслушай, пожалуйста, что̀ я хочу сказать. Я хочу припомнить свои грѣхи, сознать свою вину, немного поплакать, тяжко вздохнуть, пролить нѣсколько слезъ, проститься съ друзьями, обнять жену, хотя небольшимъ порывомъ покаянія облегчить свою душу. Я подыщу себѣ здѣсь защитниковъ среди бѣдныхъ; прежде чѣмъ уйти отсюда, захвачу лѣкарства для своихъ ранъ; все свое богатство отдамъ ради небольшого облегченія. О, человѣкъ! Даже и болѣе умными рѣчами ты не обезоружишь смерти, не остановишь ея руки. Смерть—палачъ неумолимый, смерть—приговоръ неотвратимый, смерть—насильникъ рода нашего нелицепріятный, смерть—убійца незамаскированный, смерть—путникъ природный, смерть—безъ доклада является предъ лицомъ царей, смерть—хищникъ, и днемъ и ночью съ одинаковымъ искусствомъ совершающій свое дѣло, смерть—грабитель, похититель правды, смерть—только для праведныхъ является желан-
747 нымъ гостемъ. Слыша это, возлюбленные, будемъ бодрствовать и трезвиться, чтобы не уснуть опять сномъ грѣховнымъ. Свои прежнія дѣла загладимъ новыми. Ты нажилъ богатство неправдою? Употреби его на дѣла правды: воспользуйся для облегченія своихъ страданій тѣмъ самымъ, что причинило тебѣ эти страданія. Ты кого-нибудь обидѣлъ? Прежде всего удовлетвори обиженныхъ тобою. Прежде всего будь справедливъ, а потомъ уже думай о человѣколюбіи; сначала отдай (чужое), а потомъ уже раздавай (свое); уклонись прежде отъ зла, и тогда уже дѣлай добро. Не показывай щедролюбія тамъ, гдѣ не было братолюбія. Когда искупишь свою вину предъ тѣми, кого ты сдѣлалъ нищими, тогда благотвори другимъ нищимъ, которыхъ не ты пустилъ по міру; когда осушишь слезы обиженныхъ тобою, тогда окажи состраданіе другимъ бѣднымъ, которыхъ увидишь плачущими. *Чти Господа отъ праведныхъ твоихъ трудовъ* (Притч. III, 9). *Не льститеся: Богъ поругаемъ не бываетъ* (Галат. VI, 7). Онъ не приметъ твоего дара, когда другой стонетъ; не захочетъ Творецъ дѣлиться съ тобою тѣмъ, что ты награбилъ. Нельзя
748 такъ попирать правду, нельзя этимъ путемъ избѣжать обличенія. Но если сознаешь въ чемъ-либо свою вину, свою неправду, покайся. Ты увлекся нѣкогда неразумными страстями, поработившись беззаконію? На тебѣ тяготѣютъ многія преступленія? Не бойся Судіи и не отчаивайся

въ своемъ спасеніи. Его можно смягчить дѣлами милости, Его расположеніе нетрудно пріобрѣсти благотвореніемъ къ бѣднымъ, утѣшеніемъ нищихъ Его можно подкупить въ свою пользу. Послушай, что Онъ самъ говоритъ въ евангеліи: *дадите милостыню*, и все сдѣлано (Лук. XI, 33). Дайте Мнѣ, взываетъ Тотъ, Кто всѣхъ обогащаетъ; дайте Мнѣ, взываетъ Онъ, всѣмъ подающій изобильно. Онъ принимаетъ и двѣ лепты вдовицы; Онъ не стыдится просить чаши студеной воды; Онъ цѣнитъ и простую готовность оказать милость, если помочь на дѣлѣ нечѣмъ. Онъ вѣдь сказалъ: *милуяй нища взаимъ даетъ Богови* (Притч. XIX, 17). Ему подобаетъ слава и держава непрестанно, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

На поклоненіе честному древу.

Воспоемъ, о, люди, новую пѣснь правдѣ Царя Господа и принесемъ 747
Ему исповѣданіе, а лучше сказать — воспоемъ Ему гимны, прославимъ, восхвалимъ, поклонимся и возвеличимъ пришествіе Господа и Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, съ торжествомъ поклонимся и похвалами возвеличимъ честное и треблаженное древо Владыки. Придите, возлюбленные, съ хвалебными ликами и благоговѣйною вѣрою, воскликнемъ вмѣстѣ съ пророкомъ Давидомъ словами псалма: *знаменася на насъ свѣтъ лица Твоего, Господи* (Псал. IV, 7). Какой это свѣтъ, если не крестъ Господа и Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, которымъ былъ міръ спасенъ и мы, увѣровавшіе, освобождены были отъ плѣна Веліарова и рукописаніе грѣховъ нашихъ уничтожено? Лицо Отца, конечно, Христосъ: *видѣвый Мене видѣ Отца*, сказалъ Онъ самъ (Іоан. XIV, 9). Свѣтъ лица, т. е. Господа, есть крестъ, потому что на немъ, какъ свѣтильникъ на свѣщницѣ, Онъ просвѣтилъ вселенную и землю всколебавшуюся утвердилъ и скалы расторгъ и мертвыхъ воскресилъ и солнце помрачилъ, покрывъ небо тьмою, чтобы показать неблагодарнымъ, нечестивымъ и богоненавистнымъ іудеямъ, что распинаемый на крестѣ былъ Владыка и Творецъ. Ради этого, возлюбленные, я стремлюсь и горячо желаю привлечь васъ ко кресту и по достоинству его восхвалить, но страшусь сдѣлать это, чувствуя свое недостоинство: тѣло мое трепещетъ, языкъ нѣмѣетъ, уста смыкаются и разсудокъ внушаетъ молчать. Въ самомъ дѣлѣ, какъ я, ничтожный, смогъ бы по достоинству изобразить силу честнаго и животворящаго креста? Единственно по благодати Божіей я скажу то, что мнѣ посильно: вѣдь даже и ангелы не въ состояніи восхвалить силу креста подобающимъ образомъ. Ангелы преклоняются предъ этимъ видимымъ знаменіемъ креста — не ради его внѣшняго вида, какъ дерева, но ради волею на немъ плоть Свою при-

гвоздившаго Христа. Адамъ за вкушеніе отъ древа потерпѣлъ осужденіе, а новый Адамъ—Христосъ Богъ нашъ древомъ крестнымъ насъ укрѣпилъ. Исполнилось такимъ образомъ пророческое слово: *далъ еси боящимся Тебе знаменіе, еже убѣжати отъ лица лука* (Псал. LIX, 6). Знаменіемъ является крестъ на лицѣ и рукѣ вѣрнаго, лукъ—заблужденіе, стрѣлокъ—діаволъ, стрѣлы—постыдные помыслы, раны—грѣхи. Поспѣшите же, вѣрные, воздадимъ поклоненіе честному и пречистому кресту. Ужасъ объялъ всю одушевленную тварь, когда на глазахъ ея Христосъ, Творецъ и Вседержитель, былъ распростертъ на древѣ и прободенъ копіемъ въ священное ребро, когда кровь и вода истекли изъ нетлѣннаго источника, когда вѣнецъ терновый возлагался на чело, когда уксусъ, смѣшанный съ желчью, предлагался для утоленія жажды, когда слуги тьмы и мрака нечистыми руками бросали жребій, чтобы каждому получить подобающую ему долю. Вострепетали тогда лики безтѣлесныхъ ангеловъ, содрогнулось и помрачилось небо, величайшее изъ свѣтилъ—солнце скрыло свои лучи и мракъ наполнилъ воздушное пространство; день смѣнился глубокимъ вечеромъ, блестящая церковная завѣса разодралась, земля потряслась и поколебалась, гробы разверзлись и мерт-
748 вецы поспѣшили на свѣтъ Божій, освобожденные отъ узъ. Разбойникъ (своею) вѣрою и словомъ (Господнимъ) вводится въ рай; Іуда, пораженный отчаяніемъ, предается удавленію; Петръ въ страхѣ клянется, что не знаетъ Господа, спасшаго его отъ заблужденія, пока не обличаетъ его пѣтухъ своимъ крикомъ,—тогда, заплакавъ горько, онъ омываетъ свой грѣхъ. Видя все это, подземный драконъ съ плачемъ и стенаніемъ восклицаетъ: о, слуги и соратники мои, начальники тьмы! Кто это такой пронзилъ мое сердце? Остріемъ дерева уязвилъ онъ меня, и я истекаю кровью, внутренности мои поражены, сердце болитъ, чувства мѣшаются, духъ изнемогаетъ. О, если бы Іуда не былъ призванъ въ число учениковъ! О, если бы не водружалось на мою погибель древо распятія! Тотъ, кого я считалъ своею добычею, плѣнилъ меня самого и мнѣ приходится изрыгнуть всѣхъ, сколькихъ я ни поглотилъ, начиная съ первозданнаго. Поспѣшите, возлюбленные, укроемся подъ сѣнью крилъ честнаго и животворящаго креста. Вѣдь крестъ, съ его четырьмя концами, означаетъ, что распятый Богъ все вмѣщаетъ и всѣ предѣлы объемлетъ. А вознесенъ на немъ Христосъ и Богъ, чтобы и бѣсовъ гнѣздящихся въ воздухѣ сокрушить, и восхожденіе на небеса для насъ сдѣлать безпрепятственнымъ, какъ и самъ Спаситель нашъ говорилъ: *аще Азъ вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ себѣ* (Іоан. XII, 32). Впрочемъ, что говорить много? Послушай, что говоритъ пророкъ: *жезлъ силы пошлетъ тебѣ Господь отъ Сіона* (Пс. CIX, 2). Жезлъ этотъ и есть Христосъ, какъ и Исаія сказалъ: *изыдетъ жезлъ изъ корене Іессеова* (Иса. XI, 1). Съ нимъ-то въ рукахъ Моисей раздѣлилъ Красное море, разсѣкъ воду и опять соединилъ: разсѣкъ, чтобы открыть путь народу

Божію,—соединилъ, чтобы народъ египетскій погрязъ въ безднахъ моря. И другой пророкъ говоритъ: благословенно да будетъ древо, чрезъ которое совершилось спасеніе посреди земли. Посмотри на звѣзды небесныя, и каждый день ты усмотришь среди нихъ знаменіе креста, образуемое сочетаніемъ звѣздъ. Подобно этому и я, прежде чѣмъ возвысить животворящій крестъ, скажу кое-что въ похвалу его и затѣмъ, возвысивъ, буду покланяться ему. Радуйся, крестъ, начало спасенія и утвержденіе царства! Радуйся, крестъ, опора апостоловъ и проповѣдь пророковъ! Радуйся, крестъ, похвала мучениковъ и проповѣданіе преподобныхъ! Радуйся, крестъ, успокоеніе обуреваемыхъ и освобожденіе плѣнныхъ! Радуйся, крестъ, ликованіе праведныхъ и преподобныхъ! Радуйся, крестъ, облаченіе іереевъ и честь пресвитеровъ! Радуйся, крестъ, украшеніе діаконовъ и радованіе чтецовъ! Радуйся, крестъ, похвала иноковъ и утѣшеніе плачущихъ! Радуйся, крестъ, стражъ Церквей и благоденствіе городовъ! Радуйся, крестъ, отецъ сирыхъ и заступникъ вдовицъ! Радуйся, крестъ, спасеніе воюющихъ и путеводитель заблуждающихся! Радуйся, крестъ, защитникъ обидимыхъ и наказаніе обидящихъ! Радуйся, крестъ, умиреніе болѣзнующихъ и утѣшеніе напаствуемыхъ! Радуйся, крестъ, разрушитель неправедныхъ замысловъ и союзникъ добрыхъ упованій! Радуйся, крестъ, непобѣдимое оружіе воюющихъ и возстаніе падающихъ! Радуйся, крестъ, немощныхъ сила и слабыхъ опора! Радуйся, крестъ, дѣвственниковъ вѣнецъ и вдовствующихъ цѣломудріе! Радуйся, крестъ, одѣя- 749
ніе новопросвѣщенныхъ и покровъ младенчествующихъ! Радуйся, крестъ, рабовъ свобода и умирающихъ упокоеніе! Радуйся, крестъ, душъ освященіе и демоновъ низложеніе! Радуйся, крестъ, странниковъ спутникъ и плавающихъ тихая пристань! Радуйся, крестъ, вѣрныхъ утвержденіе и бодрствующихъ утѣшеніе! Радуйся, крестъ, оружіе днемъ и охрана ночью! Радуйся, крестъ, болящихъ подпора и пастырей жезлъ! Радуйся, крестъ, руководитель обращающихся и совершенствованіе преуспѣвающихъ! Радуйся, крестъ, душъ спасеніе и отъ тѣла всѣхъ золъ отвращеніе! Радуйся, крестъ, всѣхъ благъ устроеніе и грѣховъ разрѣшеніе! Радуйся, крестъ, ростокъ воскресенія и древо жизни вѣчной! Радуйся, крестъ, основаніе вѣры и священства вѣнецъ! Радуйся, крестъ, беззаконій отъятіе и церквей утвержденіе! Радуйся, крестъ, болѣзней исцѣленіе и путниковъ отдыхъ! Радуйся, крестъ, нуждающихся помощь и подвизающихся союзникъ! Радуйся, крестъ, скорбящихъ отрада и благоденствующихъ огражденіе! Радуйся, крестъ, милостыни поощреніе и жестокосердія наказаніе! Радуйся, крестъ, всѣхъ крѣпкая помощь и упованія вѣрная порука! Сегодня крестъ покланяется, и воскресеніе Христово обновляется; сегодня крестъ покланяется, и градъ Божій, горній Іерусалимъ, съ земнородными торжествуетъ; сегодня крестъ покланяется, и Сіонъ, матерь всѣхъ Церквей, веселится; сегодня крестъ покланяется, и концы земли для поклоненія ему собираются; сегодня крестъ покланяется, и царю

римлянъ побѣда надъ варварами дарована; сегодня покланяется крестъ, спасеніе вѣрныхъ и заступленіе благочестивыхъ; сегодня крестъ покланяется, и четыре страны міра ликуютъ; сегодня крестъ покланяется, и всѣ племена, народы и языки празднованіе совершаютъ; сегодня крестъ покланяется, и тварь обновляется; сегодня крестъ покланяется, и Адамъ возрождается; сегодня крестъ покланяется, и Ева, матерь живыхъ, оказывается дѣйствительною помощницей, а не виновницей соблазна, какъ прежде, вкушая отъ древа жизни, а не отъ древа познанія, оказывая послушаніе вмѣсто преслушанія, принимая благословеніе въ отмѣну клятвы, являя радость о многочадіи въ отмѣну сказаннаго: *въ болѣзнехъ родиши чада* (Быт. III, 16), возрождаясь отъ тлѣнія къ нетлѣнію. Кто эта матерь живыхъ и кто наслаждается плодами древа жизни, как не Церковь Божія? А древо—это крестъ Господа, прекраснаго Жениха Церкви. Ему нынѣ совершается поклоненіе,—и князь злобы трепещетъ, демоны бичуются, полчища злыхъ духовъ разсѣеваются, адъ опустошается и его рать обращается въ бѣгство, Веліаръ попирается и совѣтникъ соблазна уже не бесѣдуетъ съ общей нашей матерью, но пресмыкается на своей груди, уязвляя въ пяту и поражаясь въ голову. Землю поѣдаетъ онъ, осужденную производить терніе и сорныя травы, и видитъ, что прельщенная нѣкогда имъ жена наслаждается отъ древа жизни, самъ оставаясь подъ прежней клятвой; онъ видитъ, что даже надъ пятой онъ не имѣетъ власти, между тѣмъ какъ всѣ главы его стираются крестомъ; онъ видитъ, что осужденная нѣкогда предстоитъ одесную какъ царица и прикрывавшая наготу листьями смоковницы облечена въ расшитую золотомъ, разукрашенную одежду,—и онъ оплакиваетъ собственное безобразіе. Онъ видитъ, что ей вручается царскій скипетръ и она возвышается до самаго неба, — и онъ оплакиваетъ собственное паденіе. Онъ видитъ ее громогласно созывающей дѣтей своихъ на поклоненіе честному кресту, и ужасается ихъ послушанію, изумляется усердію, поражается многочисленностью; видитъ всю тварь торжествующей, а себя самого вдвойнѣ посрамленнымъ и пророческое слово сбывшимся: *наляцы, и успѣвай, и царствуй* (Псал. XLIV, 5), т. е. натяни лукъ креста, порази діавола, воцарись надъ тварью, воз-
750 станови человѣка. И еще: *возносите Господа Бога нашего и покланяйтеся подножію ногу Его* (Псал. XCVIII, 5). Оплоты грѣха и твердыни ада ниспровергъ крестъ Христовъ. Поспѣшите же, поклонимся кресту. Подите сюда, снимемъ и соберемъ плоды древа жизни, стоящаго у исходовъ воды отъ ребра Христова и давшаго плодъ свой во время свое. Крестъ Христовъ есть древо безсмертія, сѣмя нетлѣнія, корень правды, ростокъ цѣломудрія, цвѣтъ дѣвства, роза вдовства. Крестъ—оружіе мужества и крѣпость воздержанія, крестъ—основаніе вѣры и устой благочестія, крестъ—свѣточъ богопознанія и отмѣна приговора, крестъ—изгнанныхъ возвращеніе и плѣнныхъ освобожденіе, крестъ—заблуждаю-

щихся обращеніе и падающихъ возстановленіе, крестъ—спасаемыхъ сила и изнемогающихъ исцѣленіе, крестъ—праведныхъ преуспѣяніе и мучениковъ дерзновеніе, крестъ—апостоловъ проповѣдь и пророковъ радованіе, крестъ—учителей наставленіе и иноковъ похвала, крестъ—вѣнецъ мира и проповѣдникъ согласія, крестъ—небесныхъ и земныхъ соединеніе и преисподнихъ попраніе, крестъ—твари освященіе и небесныхъ благъ дарованіе, крестъ—празднующихъ торжество, залогъ усыновленія и царства небеснаго наслѣдованіе. И что всего замѣчательнѣе, крестъ—величайшій символъ любви къ намъ Бога и Отца—есть вмѣстѣ съ тѣмъ и свидѣтель божественнаго послушанія до самой смерти со стороны Сына и показатель мудрости Духа. *Тако бо возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ онь не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный* (Іоан. III, 16). Сынъ, явивъ послушаніе до смерти, и при томъ смерти крестной, даровалъ намъ знакъ побѣды Своей надъ смертью, чтобы вмѣстѣ съ Нимъ, устроеніемъ Духа уже низложившимъ начала и власти, мы побѣдили врага, связали сильнаго и расхитили его сосуды, а затѣмъ уже безбоязненно воздѣлывали рай Божій, отрывали сокровище, зарытое на полѣ, и отыскивали драгоцѣнную жемчужину, предназначенную украшать печать креста и день творенія. И вотъ, какъ тогда, когда Христосъ висѣлъ на крестѣ, расторглись гробы и адъ разверзся, скалы разсѣдались, затворы сокрушались, стихіи колебались, мертвые возставали и души освобождались изъ оковъ, такъ и сегодня: предлежитъ крестъ—и діаволъ убѣгаетъ, демоны спѣшатъ скрыться. На крестъ вознесъ Господь Свою плоть, чтобы показать плоть нашу возвышаемой и смерть низложенной. Сегодня крестъ покланяется, и пророческіе гласы запечатлѣваются. Крестомъ вѣдь былъ разрѣшенъ Адамъ отъ узъ, которыя сковалъ ему въ раю змій, и самъ заткнулъ тому ротъ и укололъ его вмѣстѣ съ Евой; крестомъ разбойникъ открылъ себѣ путь въ рай. Какой домъ не имѣетъ въ своемъ основаніи креста? Какое судно обходится безъ креста въ устройствѣ руля? Какой городъ не ставитъ себя подъ защиту креста? Какой царь не употребляетъ креста въ качествѣ скиптра? Какая Церковь не осѣняетъ себя побѣднымъ знаменіемъ креста и не ограждаетъ имъ себя? Какая вдова не имѣетъ креста своей опорой? Какая сирота не прибѣгаетъ къ помощи креста? Крестъ ночью свѣтится, днемъ испускаетъ лучи, души дѣлаетъ ясными, бури золъ утишаетъ, супружества скрѣпляетъ, сирыхъ питаетъ. Это—грань божественнаго попеченія о нашемъ спасеніи, это—великая побѣда креста, это—трофей, воздвигнутый страданіями, это—вѣнецъ праздниковъ. Крестъ—сокровище ветхаго завѣта, дорогая жемчужина евангелій, многоцѣнный вѣнецъ царства, превосходящій всякое слово и разумѣніе. *Тогда*, говоритъ (Господь), *явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси* (Мѳ. XXIV, 30). Когда это—*тогда*? Когда силы небесныя поколеблются, когда единородный Сынъ

Отца съ ангелами своими придетъ судить живыхъ и мертвыхъ. Тогда-то украшавшіе себя этимъ царственнымъ знакомъ, усвоившіе себѣ эту многоцѣнную жемчужину и сохранившіе красоту по образу и подобію—будутъ восхищены на облакахъ на небо. Господь и Богъ *послетъ ангелы Своя съ трубнымъ гласомъ веліимъ и соберутъ избранныя Его*
751 *отъ четырехъ вѣтръ, отъ конецъ небесъ до конецъ ихъ* (Мѳ. xxiv, 31). Такъ евангелистъ Матѳей изображаетъ будущее второе пришествіе Сына Божія, въ предшествіи креста. А то, что теперь совершается, есть ясный образъ будущаго. Вотъ здѣсь на землѣ предлагается крестъ, и всѣ поколѣнія людей и племена народовъ, и всякій возрастъ запечатлѣваются знаменіемъ креста,—владыки и подчиненные, господа и рабы, славные и безславные, мудрые и простецы, благородные и худородные. Придите, поклонимся святому произрастенію, кресту, источающему истинное познаніе и раскрывающему правду; придите, благословимъ святой крестъ, подающій жизнь и умиротворяющій жизнь; придите, поклонимся непоколебимому, Богомъ украшенному и боголюбезному кресту; придите, прославимъ засвидѣтельствованный ангелами, единственно достойный почитанія, небомъ отмѣченный и святой крестъ; придите, возвеличимъ всесвятой и препрославленный крестъ, мудро и разумно устроенный; придите, возблагодаримъ свыше дарованный, страшный и благодатный, душеполезный и благоукрашенный крестъ; придите, поклонимся со страхомъ и любовью и вѣрою, и освятимся лобзаніемъ честнаго и животворящаго креста. Но желающіе съ разумѣніемъ и должнымъ вниманіемъ приступить къ кресту Господа и Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа и получить оставленіе грѣховъ прежде всего должны возлюбить истину и отбросить нечестіе, не предаваться чуждымъ дѣламъ. Поэтому и вы, приступая ко кресту, отстраните отъ себя лукавые навѣты, свято чтите клятву, не ввергайте себя въ пропасть грѣха, всячески удаляйтесь клятвопреступленія и хулы. Желающіе приступить ко кресту не омрачайте себя грѣхомъ, но искренно блюдите заповѣди Божіи. Приступая ко кресту, изгоните лукавство изъ сердецъ своихъ и отвергните нечестіе, не ищите лихвы и сквернаго прибытка, родителей своихъ почтите, прославьте и возлюбите. Приступая ко кресту, искорените въ себѣ порочныя наклонности, вооружитесь добрыми помыслами, уготовайте себя на всякое дѣло благое. Приступая ко кресту, изгоните ревность изъ сердецъ вашихъ, не ищите вреда ближнему, не обманывайте неправильными вѣсами и мѣрами, брачныхъ узъ не нарушайте, другъ друга взаимно любите, грѣхомъ не услаждайтесь, дурныя привычки побарайте. Приступая ко кресту, оставьте суетныя зрѣлища, укротите гнѣвъ и ярость, никого не притѣсняйте, убійства, предательства и клеветы бѣгите. Приступая ко кресту, въ лжи не пребывайте, постыднымъ и душевреднымъ страстямъ не предавайтесь, но всей душой соблюдайте заповѣди Божіи. Приступая ко кресту, творите судъ и правду, возлю-

бите прекрасное и доброе, не вдавайтесь въ ссоры и брань. Желая
приступить ко кресту, пусть каждый изъ васъ говоритъ ближнему своему
одну истину, пусть всякая похоть, всякое невоздержаніе будутъ для
васъ мерзки и противны. Желая приступить ко кресту, не оскверняйтесь беззаконнымъ дѣломъ, вреднымъ и душетлѣннымъ грѣхомъ прелюбодѣянія, потому что прелюбодѣяніе обнажаетъ и тѣло и душу.
Поэтому бѣги прелюбодѣянія, помня, что, впадая въ него, ты сразу и
нарушителемъ закона являешься, и тѣло свое убиваешь, и себя срамишь,
и душу твою подвергаешь мученіямъ, и родъ свой безчестишь, и Бога
прогнѣвляешь. Бѣгите также и блуда, потому что блудъ—этотъ вредный
и душепагубный грѣхъ—былъ уже причиной многихъ несчастій въ мірѣ.
Желая облобызать крестъ и насладиться его плодами, мы не должны
ввергать себя въ мрачную пропасть прелюбодѣянія и въ темную яму
блуда, потому что пагубныя дѣянія беззаконнаго блуда и разженныя
стрѣлы прелюбодѣянія порождаютъ неусыпающаго червя, равно какъ и
неугасимый огонь, изсушающій душу, истаевающій сердце и изнуряющій силы,—все это порождаютъ блудъ и прелюбодѣяніе. Тѣ же, кто приближается къ кресту высокомѣрно и безстрашно, будутъ потрясены громомъ, доведены страхомъ до скрежета зубовъ, поражены молніей, станутъ жертвами ужасныхъ стрѣлъ бездны. Желающіе приступить ко кресту 752
должны возненавидѣть клевету, съ омерзеніемъ относиться къ злопамятности, не забывать милости къ бѣднымъ, не уклоняться отъ посѣщенія
болящихъ, не имѣть слабости сребролюбія, не лѣниться навѣщать заключенныхъ въ темницѣ. Собираясь въ церкви, со страхомъ и трепетомъ,
но и съ радостью, приступимъ ко кресту и будемъ всегда почитать іереевъ.
Представимъ себѣ, возлюбленные, мысленно силу креста. Когда водруженъ былъ крестъ и Христосъ былъ на немъ распятъ, когда поникла
Его пречистая глава и ребро было прободено копьемъ, когда вся поднебесная была объята страхомъ и готова была къ мщенію за повѣшеннаго
на крестѣ плотью, но самимъ же распятымъ на крестѣ плотію удерживалась, тогда діаволъ, увидѣвъ смятеніе стихій, вооруженіе беззаконныхъ
и ихъ станъ, удары грома и ихъ раскаты, блескъ молній и ихъ извивы,
полетъ стрѣлъ и ихъ легкость, гулъ землетрясенія и его силу, множество
ангеловъ и ихъ лики, блескъ огня и его пламя, бурю гнѣва и ея ярость,
небесныя воинства и ихъ ополченіе, полки ожившихъ святыхъ и ихъ
силу, подчиненіе облаковъ и ихъ назначеніе,—при видѣ всего этого
діаволъ поспѣшилъ спуститься въ адъ и распорядиться укрѣпить его
ворота и затворы. Но озираясь, онъ видитъ, что на него устремляются
молніеносныя существа, потрясающій ударъ грома оглушилъ его, мракъ
окружилъ его, колебаніе стихій его устрашило, полкъ проворныхъ настигалъ его, земля потрясалась, камни разсѣдались, затворы сокрушались,
устои колебались, смерть была въ смятеніи, свѣтильники духовнаго огня
двигались впередъ, содрогнулись глубины ада, море бурлило, бездны пре-

исподней разверзлись, трубные звуки усиливались. Солнце померкло и можно было разсматривать самое небо и видимую твердь, эту окружность міра, грань созданія, кровлю всеміpнаго жилища, неветшающее покрывало, сводъ, на водахъ утвержденный, сосудъ хрустальный, распростертую хартію, златописьменную книгу, серебряное поле, усѣянное звѣздами, лазурный чертогъ, огненосное ложе, на которомъ солнце и луна красуются, какъ женихъ и невѣста. Между тѣмъ небо облекалось вмѣсто сіянія во тьму, рѣки, источники и заливы подвигнулись остановить свои струи, но мановеніемъ Христа распятаго побуждены были продолжать свое теченіе. Мрачная рать демоновъ бѣжала. А все ополченіе ангеловъ, архангеловъ и служебныхъ силъ волновалось въ страхѣ и трепетѣ, созерцая вѣчнаго, нетлѣннаго и безсмертнаго Бога—не оставляющимъ небесъ и входящимъ въ основанія земли за Адамомъ. Адъ корчился въ мукахъ, Веліаръ, ошеломленный всѣмъ происходящимъ, помертвѣлъ отъ отъ страха, а смерть, опаленная и пораженная молніей Божества, извергла изъ своей утробы всѣхъ праведныхъ, составлявшихъ доселѣ ея добычу. Когда все это такимъ образомъ совершилось, вотъ раздался изъ устъ Святаго, Пречистаго, Безсмертнаго и Невидимаго голосъ животворный и не смертоносный, но возбуждающій радость и трепетъ, радость въ праведныхъ, а трепетъ въ начальникахъ тьмы: вамъ говорю Я находящимся въ узахъ: выходите!—и пребывающимъ во тьмѣ: откройтесь! Услышавъ это, души праведныхъ восторжествовали и ликъ пророковъ радостно воспѣлъ псаломъ: *Богъ нашъ явѣ пріидетъ, Богъ нашъ, и не премолчитъ. Огнь предъ Нимъ возгорится, и окрестъ Его буря зѣльна* (Псал. XLIX, 3). И затѣмъ души святыхъ, разрѣшенныя отъ узъ, вышли вмѣстѣ съ Адамомъ, пророки—ударяя діавола, праведники—бичуя его, святые же — плюя на него, осмѣивая его. Полчище демоновъ склонило на колѣна головы, пророки съ литаврами и лирами въ рукахъ воспѣвали тимпанныя пѣсни, прославляя Побѣдителя. Кто послѣ этого не удивился бы силѣ честнаго и животворящаго креста? О, крестъ, сокровенное таинство! О, благодать невыразимая и сила неизъяснимая! Но время однако уже приблизиться къ страшной трапезѣ и приступить къ безкровной жертвѣ. Поэтому я, съ подобающей скромностью и умѣрен-
753 ностью присоединивъ сюда еще небольшую долю похвалъ животворящему кресту, окончу свое слово. Радуйся, страшный для всѣхъ и животворящій крестъ, чудный свѣтъ и вѣчное солнце! Радуйся, честный и священный крестъ, для душъ призванныхъ спасительный, а для душъ беззаконныхъ губительный! Радуйся, дивный крестъ, путь праведныхъ освѣщающій и стези нечестивыхъ попаляющій! Радуйся, треблаженный крестъ, вождь добрыхъ и заступникъ уповающихъ на тебя! Радуйся, всеблаженный крестъ, прибѣгающихъ къ тебѣ стѣна и спасеніе! Радуйся, всесвѣтлѣйшій крестъ, бѣдствующихъ избавитель и болящихъ цѣлитель! Радуйся, великій крестъ, страждущихъ помощникъ и притѣсняемыхъ

защитникъ! Радуйся, свѣтоносный крестъ, безпомощныхъ покровитель, блуждающихъ путеводитель, оскорбленныхъ предстатель! Радуйся, побѣдоносный крестъ, нуждающихся податель и взывающихъ скорый послушникъ! Радуйся, непобѣдимый крестъ, неизмѣнный покровитель, міра охранитель и вдохновитель! Радуйся, жизнеживительный крестъ, вселенной благодѣтель, добродѣтельныхъ, воздаятель! Радуйся, возвышающій крестъ, рабовъ твоихъ дѣлающій побѣдителями! Радуйся, живоносный крестъ, друзей благодѣтель, іудеевъ сокрушитель, нечестивыхъ каратель, правыхъ мздовоздаятель! Радуйся, удивленія достойный крестъ, священства украшеніе, иночества похвала, преслѣдуемыхъ избавитель, смиренныхъ цѣнитель! Радуйся, жизнеподательныя крестъ, бѣдныхъ утѣшеніе, падшихъ возстаніе, согрѣшающихъ долготерпѣніе, кающихся пріятіе! Радуйся, всесвятый крестъ, покаявшихся прощеніе, обращающихся ободреніе, святыхъ своихъ избраніе, враговъ своихъ истребленіе, христіанъ наслѣдіе, Церквей устроеніе, отъ всей твари покланяемый! Это-то честное и священное древо, всѣми чтимое, предлагается нынѣ для поклоненія. Эллины и варвары, македоняне и ѳессалійцы, пеонійцы и иллирійцы, аѳиняне, аргивяне и спартанцы, парояне, мидяне и еламитяне, обитатели Месопотаміи, Іудеи и Каппадокіи, Понта и Асіи, Египта и Ливіи, смежной съ Киреною, критяне и аравитяне, индусы, эѳіопы и омиритяне, и всѣ остальные народы, сколько ихъ есть подъ солнцемъ, оставивъ свои заблужденія, покланяются кресту, знаменуясь имъ и тѣмъ избѣгая хитросплетенныхъ сѣтей діавола. Крестомъ расторгъ Христосъ ненасытную утробу Веліара и сокрушилъ его плотоядную пасть, крестомъ въ корнѣ подорвалъ его силы и стеръ его кости, обобралъ его оружіе, обрѣзалъ его волосы, повергъ его въ плачъ и мрачное безысходное горе, 734
потушилъ его безстыдные глаза, посрамилъ его безчестное лицо, произилъ его острыми иглами, поразилъ его трехсоставнымъ мечомъ, разсѣялъ его надежды, раскрылъ тайныя его убѣжища и опустошилъ въ конецъ его запасы. Низложилъ (Христосъ) его демоновъ со всѣми ихъ чадами и порожденіями, попалилъ огнемъ неугасимымъ его рукотворенныхъ истукановъ, низвергъ въ пропасть его сѣдалище, обнажилъ его темные тайники, раззорилъ его города, разрушилъ оплоты беззаконія, сокрушилъ врата адовы, ниспровергъ несокрушимые затворы и, освободивъ всѣхъ вѣровавшихъ въ Него, возвелъ съ Собою къ Отцу на небеса, взойдя туда какъ исполинъ, оправдавъ тѣмъ слова пророка: *возрадуется яко исполинъ тещи путь* (Псал. XVIII, 6). Этимъ знаменіемъ враги обращаются въ бѣгство, этимъ знаменіемъ стѣны непріятелей сметаются, демоны погубляются: все покоряется древу крестному силою Распятаго на немъ. И не только теперь образъ креста побѣждаетъ противныя силы, но и въ прежнее время побѣждалъ и одолѣвалъ. Посмотри, какова сила этого образа. Жезлъ Моисея являлся образомъ креста: крестъ былъ у него жезломъ. Вспомни же, какія чудеса и знаменія сотворилъ

этотъ образъ креста, противникамъ на гибель, а вѣрнымъ во благо. Рѣки египетскія Моисей жезломъ превратилъ въ кровь, тѣмъ же жезломъ навелъ на нихъ саранчу, песьихъ мухъ, градъ, тьму осязаемую, бурю и избіеніе первенцевъ; куда ни обращался жезлъ, вездѣ онъ торжествовалъ побѣду. Жезломъ воззвалъ Богъ народъ еврейскій изъ горькаго рабства, и образъ креста послужилъ дѣлу ихъ спасенія. Теперь ты видишь, возлюбленный, мощь и силу, сопутствовавшія образу креста: поклонись же истинѣ Христовой, услышавъ объ осуществленіи прообраза, — воздай почитаніе открывшейся истинѣ. Обширно слово о крестѣ, но сила его не поддается изъясненію. Тѣ, кто съ вѣрою и любовью покланяются кресту, знаютъ присущую ему силу и пользуются ею для побѣды надъ діаволомъ. Потому-то всемощный крестъ, всѣмъ благодѣтельствующій, всѣми почитается. Господь, пригвожденный на немъ и даровавшій спасеніе міру, есть истинный Богъ и Спаситель душъ нашихъ. Ему отъ насъ подобаетъ и должна быть приносима всякая честь, слава и благодареніе со безначальнымъ Его Отцомъ и Всесвятымъ и Животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О воскресеніи Господа нашего Іисуса Христа и о женахъ мироносицахъ.

753 И нынѣ, какъ всегда, моя мысль сильно занята чудесами, сопровождавшими воскресеніе Владыки, и созерцаніе страшныхъ таинъ поражаетъ мое воображеніе. Въ самомъ дѣлѣ, безчестіе породило славу, и страданіе источило людямъ безстрастіе; древо наказанія смѣнило древо рабства, и гвозди расторгли широко раскинувшіеся корни грѣха; терновый вѣнецъ прикрылъ собою всемірное проклятіе, и позорный крестъ избавилъ весь міръ отъ стыда; ребро, прободенное копьемъ, явилось для міра дверью таинствъ, и тридневный гробъ оказался домомъ жизни; мытарь возвѣстилъ ученіе богословія, и ангелъ озарилъ души женщинъ радостною вѣстью. Я не могу молчать объ этихъ необычайныхъ и удивительныхъ дѣлахъ Владыки, хотя и чувствую, что мое слово безсильно для изображенія такого множества божественныхъ знаменій. Я ликую съ разбойникомъ, радуюсь съ Маріей, приникаю слухомъ къ возгласамъ евангелиста: *въ вечеръ субботный, свитающи во едину отъ субботъ, пріиде Марія Магдалина и другая Марія, видѣти гробъ. И се трусъ бысть велій: ангелъ бо Господень, сшедъ съ небесе, приступль отвали камень отъ двери гроба, и сѣдяше на немъ: бѣ же зракъ его яко молнія, и одѣяніе его бѣло яко снѣгъ. Отъ страха же его сотрясошася стрегущіи, и быша яко мертви* (Мѳ. XXVIII, 1—4). *Въ вечеръ субботный, свитающи во едину отъ субботъ.* Ты только что слышалъ

эти слова. Это значитъ: въ ту страшную ночь, а вѣрнѣе—уже при полномъ свѣтѣ (воскресенія) — *пріиде Марія Магдалина и другая Марія видѣти гробъ.* Прекрасно усердіе женъ; женщины предприняли истинно 754
евангельскій бѣгъ, показывающій въ нихъ мужественное сердце. Конечно, стопы слабыхъ женъ славнѣе апостольскихъ. Тѣ, разбѣжавшись, со страхомъ прятались по домамъ; а эти, мужественно устремившись ко гробу, оплакивали свободнаго среди мертвыхъ, съ благоговѣйной вѣрою доказывая на дѣлѣ свою преданность Христу. Онѣ не убоялись іудеевъ, не подумали о стражѣ, не считались ни съ неостывшею еще яростью распинателей, ни съ скорымъ на обиды безстыдствомъ властей, нисколько не принимая въ соображеніе опасностей, сопряженныхъ съ ихъ предпріятіемъ. Съ плачемъ приступили онѣ ко гробу, какъ бы къ жертвеннику, проливая слезы тамъ, откуда возсталъ разрѣшившій печали Евы и гдѣ весь міръ долженъ былъ торжествовать. *И се трусъ бысть велій: ангелъ бо Господень, сшедъ съ небесе, приступль отвали камень отъ двери гроба, и сѣдяше на немъ.* Если при сошествіи ангела было великое потрясеніе, то какъ при распятіи самого Владыки ангеловъ не поколебаться было—и по праву—землѣ? Почему же и при страданіяхъ Спасителя было землетрясеніе и при воскресеніи Его опять землетрясеніе? Ужасъ присоединяется къ ужасу, чтобы совершенно разрушить основанія смерти. Сильное было землетрясеніе, камни содрогались,—а іудеи ликовали. Но то, въ чемъ они усматривали свое торжество, обратилось для нихъ въ источникъ вѣчнаго позора. Они заклали агнца, но разрушили жертвенникъ; погубили наслѣдника, но разорвали свой союзъ съ Богомъ; раздѣлили между собою одежды, но лишились чудесъ; запечатали гробъ, но обрекли на опустошеніе свой храмъ. *Трусъ бысть* 755
велій: ангелъ бо Господень, сшедъ съ небесе, приступль отвали камень отъ двери гроба. Что значитъ это, о, ангелъ? Ты сошелъ съ неба какъ копьеносецъ воскресшаго Царя? Ты пришелъ утѣшить плачущихъ женщинъ? Ты пришелъ раздѣлить радость рода человѣческаго? Оставь же камень, пусть онъ лежитъ на гробѣ. Что безпокоишься о Томъ, Кого не удержалъ закрывавшій могилу камень? Какъ родился Онъ изъ утробы, такъ точно возсталъ изъ гроба. Рождаясь, Онъ не повредилъ дѣвства Своей Матери, — и здѣсь не сдвинулъ камня, который Его охранялъ: запечатаннымъ оставилъ Онъ гробъ съ камнемъ. Знаю, говоритъ онъ, знаю, — но сдѣлано это мною не безъ цѣли: я исполняю волю моего Владыки. Я отвалилъ камень съ тою именно цѣлью, чтобы Петръ, приникнувъ, разсмотрѣлъ одежды, чтобы женщины увидѣли мѣсто, гдѣ лежалъ Господь. *Отвали,* сказано, *камень отъ двери гроба, и сѣдяше на немъ.* Такимъ образомъ, сидя на камнѣ, онъ стерегъ обвинителя іудеевъ, охранялъ свидѣтеля воскресенія; оберегалъ камень на обличеніе окаменѣвшихъ сердцемъ. И самъ Господь, обличая злонравіе христоубійцъ, говорилъ имъ объ этомъ самомъ, какъ передается въ евангеліи: *аще сіи* 756

умолчатъ, каменіе возопіетъ (Лук. XIX, 40). *Бѣ же зракъ его яко молнія, и одѣяніе его бѣло яко снѣгъ.* И справедливо: тутъ нѣтъ мѣста загрязненію отъ грѣха, здѣсь все полно свѣта, не уступаетъ блеску снѣга. *Отъ страха же его сотрясошася стрегущіи и быша яко мертви.* Предъ рабомъ они—какъ мертвые, а на Создателя возстали съ дерзостью! Но что дальше? *Отвѣщавъ же ангелъ рече женамъ: не бойтеся вы* (Мѳ. XXVIII, 5). О, чудныя дѣла! О, необычайная вещь! Когда воины помертвѣли отъ страха, женщинамъ говорятъ: *не бойтеся вы!* Конечно, такъ и слѣдовало: невѣрную стражу поразить страхомъ, а вѣрнымъ женамъ благовѣствовать радость спасенія. *Не бойтеся вы!* Адамъ Создателемъ вашей природы возсозданъ на крестѣ, какъ бы заново. *Не боитеся вы!* Осужденіе матери вашей Евы разрѣшено. *Не бойтеся!* Я отвалилъ этотъ камень, когда тотъ, кого вы ищете, уже возсталъ со властью. Ему слава со Отцомъ и Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

На притчу о впавшемъ въ разбойники.

755 Мы выслушали, братіе, въ евангеліи притчу Господа нашего Іисуса Христа о томъ, какъ *человѣкъ нѣкій схождаше отъ Іерусалима во Іерихонъ, и въ разбойники впаде, иже совлекше его и язвы возложше отъидоша, оставльше его едва жива суща* (Лук. X, 30). Іерей и левитъ, проходившіе той же дорогой, посмотрѣвъ на него, прошли мимо. А какой-то самарянинъ, придя туда и увидѣвъ его, сжалился надъ нимъ; взявъ вина и масла, онъ смѣшалъ ихъ и возлилъ на раненаго, перевязалъ ему раны, посадилъ его на своего осла, отвезъ его въ гостинницу и далъ гостиннику два динарія, со словами: *прилѣжи ему, и аще пріиждивеши, азъ, егда возвращуся, воздамъ ти* (ст. 35). Разсмотримъ же эту притчу, чтобы, уразумѣвъ ее сердцемъ и умомъ, познать тайны Божіи. Человѣкъ—это Адамъ, Іерусалимъ—это небесный порядокъ жизни и мудрость, Іерихонъ же—міръ. И вотъ, насколько Адамъ прежде преслушанія обладалъ небесною мудростью и проводилъ жизнь равноангельскую, онъ имѣлъ свободный входъ въ небесный градъ Іерусалимъ, и, пребывая въ заповѣдяхъ Божіихъ, никѣмъ не былъ побѣждаемъ, ни отъ кого не терпѣлъ ранъ. Когда же ослушался Бога и не соблюлъ Его заповѣдей, но поддался обольщенію змѣя, тогда онъ сошелъ въ Іерихонъ, то есть на эту землю, и сталъ дѣлать земное. Вѣдь названіе — Іерусалимъ переводится словомъ — восхожденіе, Іерихонъ же означаетъ—потопъ. Слѣдовательно, нисхожденіе изъ Іерусалима въ Іерихонъ равносильно переходу отъ небесной жизни къ жизни по навѣтамъ діавола. Между тѣмъ кто соблюдаетъ заповѣди Божіи, тотъ жительствуетъ на небесахъ,

какъ именно говоритъ апостолъ: *наше бо житіе на небесѣхъ есть* (Филип. ш, 20). Итакъ, сошелъ (Адамъ) отъ славы къ безславію, изъ рая сладости на землю, поросшую терніемъ, отъ жизни къ смерти. *Въ оньже аще день снѣсте отъ* древа, сказалъ (Богъ), *смертію умрете* (Быт. п. 17), то есть грѣхомъ, потому что грѣхъ—преслушаніе Богу—есть смерть души. Удалился (Адамъ) отъ правды, бывшей въ раю, отъ святости, свойственной небу, и пришелъ въ Іерихонъ, т. е., впалъ въ преслушаніе, въ грѣховную смерть. Тутъ подвергается онъ, далѣе, нападенію разбойниковъ, т. е. діавола и всякой его противной силы. Дорога—это настоящая жизнь: шествуя по ней, Адамъ подвергся нападенію разбойниковъ и былъ ими ограбленъ. Чего же онъ лишился благодаря имъ? Одежды послушанія, дружбы съ ангелами, неувядаемой славы, общенія со Христомъ, райскихъ наслажденій, небесной жизни. Вотъ какой одежды его лишили. Вмѣсто ея они надѣлили его ранами, то есть, грѣхами: блудомъ, прелюбодѣяніемъ, идолослуженіемъ, волшебствомъ, убійствомъ, завистью, враждой, гнѣвомъ и всякими прочими видами порока. Этими дѣлами они изъязвляютъ человѣка, производятъ въ немъ разложеніе и порчу. Что все это такъ, подтверждаетъ Давидъ, изображая въ своемъ лицѣ то, что потерпѣлъ Адамъ, и говоря объ этихъ ранахъ: *возсмердѣша и согниша раны моя отъ лица безумія моего* (Псал. xxxvii, 6). А всякій грѣхъ причиняетъ такія раны и язвы. Итакъ, израненъ онъ былъ благодаря преслушанію, потерпѣлъ удары изъ-за беззаконій, какъ говоритъ пророкъ: *уязвленъ быхъ яко трава, и изсше сердце мое, яко забыхъ снѣсти хлѣбъ мой* (Псал. ci, 5), т. е. соблюдать заповѣдь Божію. Полумертвымъ, разсказывается (далѣе въ притчѣ), оставили разбойники того человѣка,—не потому, конечно, чтобы не хотѣли его убить, а потому, что не допустилъ этого Богъ. *Не хощу*, говоритъ Онъ, *смерти грѣшника*, но его покаянія. И гдѣ они оставили его? На пути, то есть, въ этой жизни: путемъ вѣдь называется этотъ вѣкъ, потому что всѣ люди проходятъ чрезъ него. Нашелъ, говорится, его на пути іерей и, посмотрѣвъ на него, прошелъ мимо. Подъ іереемъ разумѣется блаженный Моисей и Ааронъ, что подтверждается слѣдующими словами Давида: *Моисей и Ааронъ во іереехъ Его и Самуилъ въ призывающихъ имя Его* (Псал. xcviii, 6). Такъ вотъ этотъ дивный и славный Моисей, поразившій египтянъ десятью казнями, разсѣкшій и осушившій Чермное море и проведшій чрезъ него народъ свой, усладившій воду въ Меррѣ, бесѣдовавшій съ Богомъ чрезъ облако, сотворившій множество чудесъ, проходя путемъ этой жизни и увидѣвъ человѣка лежащаго израненнымъ, прошелъ мимо его и не оказалъ ему помощи. *Такожде и левитъ*, то есть, ликъ пророковъ. И они, преемствуя Моисею и слѣдуя тѣмъ же самымъ жизненнымъ путемъ, найдя человѣка Адама израненнымъ, не помогли ему. Ни Моисей даннымъ чрезъ него закономъ, ни пророки своими чудесами не уврачевали раны Адама. Никто изъ нихъ не поднялъ его, никто не

756

даровалъ ему жизни, никто не освободилъ его отъ смерти, никто не перевязалъ его грѣховныхъ ранъ: вѣдь и сами они были во власти грѣха. Если, благодаря своей праведной жизни, они и сдѣлались любезными Богу, но въ силу того, что связаны были съ Адамомъ единствомъ плоти и происходили отъ омертвѣвшаго корня, они, все-таки, какъ простыя лишь вѣтви, не были въ состояніи извлечь свой корень изъ пучины грѣха. *Самарянинъ же нѣкій*, повѣствуетъ (притча), усердный къ дѣлу, добрый по влеченію сердца, сострадательный къ сорабамъ, придя на то мѣсто и увидѣвъ израненнаго, умилосердился надъ нимъ и при помощи вина и елея перевязалъ его раны, то есть, его грѣхи. Въ лицѣ и образѣ самарянина является Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Но кто-нибудь изъ слушателей возразитъ: что такое? Господа ты называешь самаряниномъ? Да, я называю Его самаряниномъ, имѣя въ виду, конечно, не природу Его божественную, но проявленіе Его человѣколюбія. Какъ самарянинъ по своей тѣлесной природѣ ничѣмъ не отличался отъ прочихъ людей, а между тѣмъ по своей сердечной добротѣ оказался непохожимъ на нихъ, но гораздо лучшимъ, такъ и Господь, хотя въ отношеніи тѣла казался такимъ же человѣкомъ, какъ пророки и патріархи, въ
757 силу Своего рожденія отъ Маріи,—но по своей божественной силѣ оказался могущественнѣе всѣхъ. Равный по Своей человѣчекой природѣ, Онъ не былъ равенъ съ ними по Своей предвѣчной славѣ. Тѣ, по свойственной имъ черствости сердца, спокойно прошли мимо израненнаго; самарянинъ же оказался болѣе сострадательнымъ, благочестивымъ и милостивымъ. Такъ и Христосъ, послѣ того какъ патріархи и пророки оставили безпомощнымъ падшаго преслушаніемъ человѣка, одинъ проявилъ милость и состраданіе, согласно словамъ пророка: *щедръ и милостивъ Господь, долготерпѣливъ и многомилостивъ* (Псал. сп, 8), а также: яко Ты, Господи, благоутробенъ. И какъ самарянинъ не принадлежалъ къ іудейскому народу, но происходилъ изъ другой страны, такъ и Христосъ не принадлежалъ этому міру, но пришелъ съ неба. Онъ былъ на землѣ пришельцемъ; будучи Богомъ, Онъ ради насъ сдѣлался человѣкомъ; будучи Владыкой, воспринялъ на Себя зракъ раба. Онъ пожалѣлъ насъ, сошелъ съ неба на землю, увидѣлъ человѣчество избитымъ, обобраннымъ, израненнымъ развратомъ, идолослуженіемъ, блудомъ, убійствами,—увидѣлъ и сжалился надъ Своимъ созданіемъ и приготовилъ для него вино съ масломъ, то есть, смѣшавъ то и другое, сдѣлалъ лѣкарство и далъ его человѣку. Что означаетъ это смѣшеніе вина съ елеемъ? Это значитъ, что Господь, соединивъ божество съ человѣчествомъ, соединивъ милость со спасеніемъ, спасъ человѣка. Смѣшавъ вино съ масломъ, то есть, соединивъ Духа Святаго съ Своею кровью, Онъ оживотворилъ человѣка. Когда кровь Господа истекла изъ ребра Его на землю, она смыла рукописаніе грѣховъ нашихъ. Но что значитъ: *обвяза струпы его* (Лук. х, 34)? Это значитъ: Онъ связалъ діа-

вола и освободилъ человѣка; связалъ челнокъ (врага) и спасъ подвергшееся крушенію судно; связалъ и поработилъ силы лукаваго и освободилъ человѣка. Впрочемъ, можно предположить здѣсь и другое объясненіе, а какое именно—слушай. Смѣшавъ вино съ масломъ: масло означаетъ слово утѣшенія, возліяніе же вина, заключающаго въ себѣ нѣчто вяжущее, указываетъ на ученіе, собирающее во-едино разсѣянную душу, по слову апостола: *обличи, запрети, умоли* (2 Тим. IV, 2). Посадилъ (самарянинъ раненаго) на своего осла; это значитъ: Христосъ, воспріявъ плоть нашу на Свои божественныя плечи, вознесъ ее къ Отцу Своему на небеса. Не золото, не серебро, не камни многоцѣнные принесъ Онъ съ Собою на небо, но человѣка по образу Своему созданнаго вознесъ отъ земли на небо, въ эту великую, удивительную и многовмѣстительную гостинницу, въ эту вселенскую Церковь. И передалъ его гостиннику—блаженному Павлу, столпу христіанъ, вѣрному гостиннику, давъ два динарія ему, а въ его лицѣ архіереямъ, учителямъ и служителямъ каждой отдѣльной Церкви. Далъ два динарія—ветхій и новый завѣтъ—и, давъ, сказалъ: *прилѣжи* этому человѣку, *и еже аще иждивеши, азъ, егда возвращуся, воздамъ ти* (ст. 35). А эти слова надо понимать такъ: позаботься, говоритъ, о народѣ изъ язычниковъ, который Я пере- 758
далъ тебѣ въ Церкви. Такъ какъ люди эти изнемогаютъ отъ ранъ грѣховныхъ, то ты уврачуй ихъ, налагая на раны ихъ умягчающій пластырь—пророческія слова и евангельское ученіе, оздоровляя ихъ наставленіями и увѣщаніями ветхаго и новаго завѣтовъ, убѣждая ихъ отстать отъ грѣха и оставить діавольское заблужденіе. Если и послѣ этого они остались бы неисправимыми, убѣждай ихъ своими дѣлами, склоняй ихъ суровыми обличеніями: будь имъ примѣромъ и добрымъ образцомъ—словомъ, дѣломъ, обращеніемъ, вѣрою, любовью, чистотою, чтобы они послѣдовали твоему образу и подражали твоей доброй жизни. И если ты сдѣлаешь это и отъ себя кое-что прибавишь словомъ и дѣломъ, то все, что ты издержишь лишняго, я, возвратившись, тебѣ отдамъ. То есть: во второе Мое пришествіе Я воздамъ тебѣ награду, достойную твоихъ трудовъ. Полагаясь на эти Его обѣщанія, Павелъ и говоритъ: *азъ же въ сладость* ради Христа *иждиву и иждивенъ буду по душахъ вашихъ* (2 Кор. XII, 15), разумѣя свою проповѣдь среди язычниковъ и служеніе слову. Онъ устроялъ и утверждалъ церкви Божіи, врачуя всѣхъ людей духовными наставленіями и удѣляя каждому полезное ему; онъ руководитъ и наши души къ жизни вѣчной. *Всѣмъ*, говоритъ онъ, *быхъ вся, да всяко нѣкія спасу* (1 Кор. IX, 22). Онъ — прекрасный гостинникъ Церкви, всѣхъ принимаетъ и о всѣхъ печется,—не отталкиваетъ ни блудника, ни пьяницу, ни ругателя, и отъ грабителя не отворачивается, служителемъ идоловъ не пренебрегаетъ, и никого иного нечистаго и нечестиваго не прогоняетъ, но всѣхъ принимаетъ. Какъ врачъ, онъ омываетъ раны, очищаетъ банею возрожденія и сопровождаетъ свой уходъ

суровыми, подобно вину, словами; чтобы нами не овладѣвали сдѣланные по невѣдѣнію грѣхи и пороки. А вслѣдъ за тѣмъ идетъ у него и утѣшеніе, подобно елею умягчающее души наши: *молю васъ, братіе, щедротами Божіими, представите тѣлеса ваша жертву живу, святу, благоугодну, словесное служеніе ваше* (Рим. XII, 1). Итакъ, насколько мы оказываемся учениками Павла, будемъ соблюдать заповѣди Христовы, чтобы не лишиться намъ небеснаго Іерусалима и града Бога живого. И да сподобимся мы, по уврачеваніи нашихъ тѣлесныхъ и духовныхъ ранъ, въ здравіи и совершенной вѣрѣ предстать Христу—цѣлыми и неповрежденными, преуспѣвающими во всякомъ благомъ дѣлѣ, и насладиться на небесахъ обѣщанными благами, благодатью и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу слава со всесвятымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О постѣ.

757 Богатъ во Христѣ и дѣлатель благочестія—тотъ, кто имѣетъ молитву и постъ и милостыню. А то какая польза, братіе, поститься тѣломъ и убивать дѣломъ? Какая польза удаляться отъ пищи и оскверняться блудомъ? Мяса, напримѣръ, ты не вкушаешь, а плоть брата своего угрызаешь? Какая польза находить себѣ утѣшеніе не въ винѣ, а въ деньгахъ? Хлѣба не ѣсть, а гнѣвомъ опьяняться? Какая польза изнемогать отъ поста и злословить ближняго? Какая польза воздерживаться отъ пищи и похищать чужое? Какая надобность изнурять свое тѣло и не накормить голоднаго? Какая польза тѣло свое удручать, а къ вдовамъ и сирымъ не имѣть сожалѣнія? Если хочешь поститься, возненавидь сребролюбіе: великое зло сребролюбіе. Ты постишься? Оставь блудъ, оставь прелюбодѣяніе, избѣгай клеветы, злословія, лжи, вражды, хуленія и всякаго излишества. Ты постишься? Бѣги корыстолюбія, грабительства, ссоры и душепагубной зависти. Ты постишься? Бѣги чревоугодія, порождающаго въ насъ всѣ пороки, удаляющаго насъ отъ самого Бога и низводящаго насъ въ бездну погибели. Если ты постишься для Бога, избѣгай
758 всякаго дѣла, которое ненавидитъ Богъ, и Онъ приметъ твое покаяніе, какъ милостивый и человѣколюбивый. Поспѣшимъ же, братіе, поспѣшимъ къ покаянію. Нынѣ время исповѣданія грѣховъ, плача и сокрушенія, а не беззаботности и нерадѣнія. Покаяніе открываетъ намъ царство небесное, вводитъ въ рай и доставляетъ наслажденіе вѣчными благами. Если постишься, возлюбленный, окажи участіе бѣдному, одѣнь нагого, отри слезы вдовицы, утѣшь плачущихъ сиротъ. Если имѣешь достатокъ, помоги; если не имѣешь, то по крайней мѣрѣ не похищай чужого. Ты постишься? Удержи языкъ свой отъ зла и уста свои отъ лести и ковар-

ства: этого достаточно тебѣ для спасенія. Если постишься, не ищи наживы отъ обращенія денегъ въ ростъ. Постишься ты? Яви милость тому. кого ты обидѣлъ, никогда не завидуй брату, ни къ кому не питай ненависти. Ты постишься? Не будь тщеславнымъ. Ты постишься? Бѣги блуда, удаляющаго насъ отъ Бога и Его святыхъ, ввергающаго насъ въ вѣчный и неугасимый огонь. Ты постишься? Напитай голодныхъ, напой жаждущихъ, посѣти болящихъ, не забудь заключенныхъ въ темницѣ, пожалѣй измученныхъ, утѣшь скорбящихъ и плачущихъ; будь милосердъ, кротокъ, добръ, тихъ, долготерпѣливъ, жалостливъ, незлопамятенъ, благоговѣенъ, неспорливъ, истиненъ, богочестивъ,—чтобы Богъ и постъ твой 759
принялъ, и плоды покаянія даровалъ тебѣ получить въ изобиліи. Если ты постишься, возлюбленный, то такъ постись, какъ Христосъ повелѣлъ, чтобы не случилось съ тобою, что ты труды понесешь, а награды не заслужишь. Объ этомъ умоляю васъ, братіе, чтобы намъ и исполнить все въ точности, и награду получить отъ Бога, и услышать этотъ божественный голосъ, призывающій: *пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Мѳ. XXV. 34). Ничто, братіе, такъ не поможетъ намъ въ тотъ страшный судный день, когда раздастся этотъ голосъ, какъ покаяніе и милостыня. Какъ хлѣбъ необходимѣе всякой другой пищи, такъ память о смерти важнѣе всѣхъ дѣлъ. Мысль о вѣчномъ огнѣ пусть каждый вечеръ сопровождаетъ тебя на твое ложе и неотступно преслѣдуетъ тебя по пробужденіи,—въ такомъ случаѣ никогда не овладѣетъ тобою уныніе во время псалмопѣнія. Какъ при наступленіи свѣта удаляется тьма, такъ смиреніе изгоняетъ всякій гнѣвъ и горечь. Пусть гнѣвъ будетъ связанъ, какъ тиранъ, узами кротости. Никогда не принимай клеветы на ближняго своего, но останавливай клеветника такими словами: оставь, братъ,—я каждый день грѣшу еще большими тяжкими грѣхами; какъ же намъ осуждать того? Ложь есть разрушеніе любви, а клятвопреступленіе—отрицаніе Бога; тотъ, кто сохра- 760
нилъ страхъ Божій, преслѣдуетъ ложь, имѣя судію въ собственной совѣсти. Пользуясь лаской, можно нерѣдко укротить льва. Тотъ, кто угождаетъ своему чреву и въ то же время хочетъ побороть блудныя мысли, уподобляется человѣку, желающему масломъ тушить огонь. Подавляется языкъ обильною пищею. Служи Господу отъ немощи своей природы, помня свое безсиліе во всемъ. Въ молитвѣ не употребляй словъ, внушенныхъ ложною мудростью, но молись отъ всей души и смиреннаго сердца,—прежде же всего говори: *помилуй мя, Господи, яко немощенъ есмь* (Псал. VI, 2). Вѣра наша тверда, и любовь къ Богу возвышаетъ насъ надъ житейскими заботами, а память о смерти укрощаетъ и тѣло. Небольшой огонь подчасъ уничтожаетъ большой запасъ вещества; такъ, одна какая-либо добродѣтель прогоняетъ всѣ страсти. Если сердцемъ хочешь приблизиться къ Богу, будь въ молитвѣ непоколебимъ, какъ столбъ, не развлекаясь никакими житейскими заботами. Если кто хочетъ предстать Христу съ

неоскверненнымъ тѣломъ и съ чистымъ сердцемъ, пусть сохранитъ себя безъ гнѣва и въ воздержаніи. Безъ этихъ добродѣтелей желающій представить Христу чистыми душу или тѣло и волнующійся заботами мірскими—подобенъ тому, кто, крѣпко связавъ свои ноги, пытался бы скоро ходить, о Христѣ Іисусѣ Господѣ. Аминь.

О постѣ, о Давидѣ, о пресвитерахъ, объ Іосифѣ и противъ Навата.

759 Всеобщую, а не какую-либо частную пѣснь подсказывая намъ, блаженный Давидъ воспѣлъ эти слова псалма: *исповѣмся Тебѣ, Господи, всѣмъ сердцемъ моимъ, повѣмъ вся чудеса Твоя* (Псал. IX, 2). Таково величіе духа блаженнаго Давида: онъ впалъ въ грѣхъ, но не предался отчаянію! Въ самомъ дѣлѣ, если онъ и палъ какъ человѣкъ, поддавшись соблазну, то вмѣстѣ съ тѣмъ какъ человѣкъ принесъ исповѣданіе. *Исповѣмся Тебѣ, Господи, всѣмъ сердцемъ моимъ.* Вѣдь если я не исповѣдаюсь Тебѣ, то не освобожусь отъ грѣха. *Исповѣмся Тебѣ, Господи, всѣмъ сердцемъ моимъ.* Если я не исповѣдаюсь Тебѣ, не убѣлюсь какъ снѣгъ. *Исповѣмся Тебѣ, Господи.* Вѣдь если не исповѣдаюсь Тебѣ, діаволъ не перестанетъ толкать меня въ блудъ и убійство. *Исповѣмся Тебѣ, Господи.* Вѣдь если не исповѣдаюсь Тебѣ, не возвращу себѣ прежней чести. *Исповѣмся Тебѣ Господи.* Вѣдь если не исповѣдаюсь Тебѣ, не могу слыть твоимъ отцомъ по плоти. *Исповѣмся Тебѣ, Господи.* Вѣдь если я не исповѣдаюсь Тебѣ, Духъ Святый ничего мнѣ не откроетъ и никто не узнаетъ пятидесятаго псалма. И каждому въ частности изъ приступающихъ къ святому крещенію вполнѣ прилично повторять эти слова блаженнаго Давида. *Исповѣмся Тебѣ, Господи, всѣмъ сердцемъ моимъ.* Вѣдь если я Тебѣ не исповѣдаюсь, то ветхаго человѣка не совлеку съ себя. *Исповѣмся Тебѣ, Господи.* Если я не исповѣдаюсь Тебѣ, въ новаго человѣка не облекусь. *Исповѣмся Тебѣ, Господи.* Если я Тебѣ не исповѣдаюсь, къ стаду вѣрныхъ Твоихъ не сопричтусь. *Исповѣмся Тебѣ, Господи, всѣмъ сердцемъ моимъ.* Я послушался словъ Твоихъ о томъ, чтобы не стыдиться исповѣданія грѣховъ своихъ. *Исповѣмся Тебѣ, Господи, всѣмъ сердцемъ моимъ.* Вѣдь я слышалъ, что Ты говорилъ: *не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* (Мѳ. IX, 13; Мрк. II, 17). Благовременно вспомнить нынѣ и слова блаженнаго Павла. Какія это? *Нынѣ время благопріятно.* Какое время? Украшеніе поста. Какое время? Разсвѣтъ нищелюбія. Какое время? Воздѣлываніе покаянія. *Нынѣ время благопріятно, нынѣ день спасенія* (2 Кор. VI, 2). Это же самое и Екклезіастъ выражаетъ слѣдующими словами: *время плакати* о грѣхѣ,

и время смѣятися о спасеніи (Екклес. III, 4). Смѣйся, но не насмѣхайся: нужно различать смѣхъ безразсудный и смѣхъ полезный. А что я не лгу, утверждая это, я могу сослаться на само божественное писаніе. Послушай, что говоритъ мудрость о томъ, кто смѣется безразсудно: *смѣхомъ безумный творитъ злая* (Притч. X, 23); о смѣющемся же разумно и съ пользою вотъ что говоритъ Іовъ: *всякаго же дара отъ нечестиваго* (Господь) *не пріиметъ, истиннымъ же уста исполнитъ смѣха* (Іов. VIII, 21). Значитъ, хорошо сказалъ Екклезіастъ: *время плакати, и время смѣятися.* Время плача о грѣхѣ, и время радости о правдѣ, потому что *праведенъ Господь и правды возлюби* (Псал. X, 7). 760
Время прекращенія вражды, и время служенія любви, во исполненіе словъ блаженнаго Павла: *солнце да не зайдетъ въ гнѣвѣ вашемъ* (Ефес. IV, 26). Время искорененія нечестія и время насажденія благочестія. Такъ именно и Господь нашъ, въ откровеніи пророку Іеремія о поросшей терніемъ странѣ іудейской, говорилъ ему: *се поставихъ тя днесь, да искорениши и насадиши и разориши и паки созиждеши* (Іерем. I, 10), — т. е., чтобы онъ искоренялъ многобожіе и насаждалъ почитаніе единаго Бога; *разориши и паки созиждеши:* разорялъ языческія требища и воздвигалъ молитвенные дома мучениковъ. А что сказано: *днесь поставихъ тя*, то не какой-либо опредѣленный день тутъ нужно разумѣть, но всякое вообще время, какъ говоритъ блаженный Павелъ: *днесь аще гласъ Его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ, якоже въ прогнѣваніи* (Евр. III, 8), т. е., когда бы вы ни услышали Господа, проповѣдующаго: *покайтеся, приближи бо ся царствіе небесное* (Мѳ. III, 2), *не ожесточите сердецъ вашихъ*, подобно такъ называемымъ каѳарамъ («чистымъ»). Но это имѣло силу не только въ подзаконное время и до крещенія, но и послѣ крещенія—подъ благодатью. Это самое Владыка Христосъ преподалъ Своимъ ученикамъ иными словами: *аминь, аминь глаголю вамъ: елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси* (Мѳ. XVIII, 18). — и не просто на словахъ только поучалъ такъ Господь Своихъ учениковъ, но и самому дѣлу этому — вязать и рѣшить — Онъ сдѣлалъ ихъ причастными. Посмотрите прежде всего на блаженнаго Петра, какъ онъ связалъ смертью уговорившихся между собой солгать — Ананію и Сапфиру и какъ съ другой стороны сразу разрѣшилъ несчастіе хромого отъ рожденія, даровавъ ему ноги. Что скажутъ на это каѳары, превосходящіе своею нечистотою болѣе чистыхъ и всякую нечистоту? *Никтоже бо чистъ отъ скверны, аще и единъ день житія его на земли.* Что скажутъ на это столь многіе, исполненные тщеславія, дерзающіе говорить суетными устами: «могу ли я пойти къ такому-то пресвитеру и исповѣдать ему свои грѣхи, когда онъ нагрѣшилъ можетъ быть больше моего? Какъ можетъ онъ, такой же грѣшный человѣкъ, какъ и я, отпустить мнѣ грѣхи»? Такъ отговариваются люди, погрязающіе въ грѣхахъ, но не знающіе мѣры своему

высокомѣрію. Но, человѣкъ, обольщающій себя самого надменными и ложными словами и огорчающій Бога своимъ неразуміемъ и превозношеніемъ: развѣ къ человѣку приходишь ты (съ исповѣданіемъ грѣховъ), или отъ человѣка получаешь ты отпущеніе грѣховъ? Вѣдь ты приступаешь къ Владыкѣ и Царю всѣхъ Богу, отпускающему чрезъ священника тебѣ твои грѣхи. Священникъ здѣсь только посредникъ, а не отъ себя дѣйствуетъ. Итакъ, что же ты осуждаешь и унижаешь того, кого Богъ не осуждаетъ? Вѣдь онъ вкушаетъ честное тѣло Его и священно-
761 дѣйствуетъ пречистую кровь Его. Пока онъ — священникъ, и Богъ попускаетъ ему священнодѣйствовать, не уклоняйся принять отъ него даръ, потому что не самъ онъ даетъ тебѣ отпущеніе грѣховъ, но великій Первосвященникъ Христосъ, ввѣрившій ему священство. А что не только во времена благодати, но и до благодати Богъ устроялъ спасеніе людей чрезъ людей же,—ради этого и Владыка нашъ вочеловѣчился, явившись ходатаемъ Бога и человѣковъ,—въ этомъ вы можете убѣдиться изъ разсказа о томъ, какъ блаженный Давидъ, котораго слова — *исповѣмся Тебѣ, Господи, всѣмъ сердцемъ моимъ*—только что приводились, впавъ въ прелюбодѣяніе и убійство, — тягчайшія изъ золъ, —оставался не раскаявшимся, и что сдѣлалъ Богъ, чтобы и его привлечь къ покаянію, и послѣдующимъ поколѣніямъ дать образецъ покаянія. Именно, Богъ посылаетъ къ нему пророка Наѳана и тотъ иносказательно изображаетъ предъ царемъ то, что съ нимъ случилось. Названный пророкъ, придя къ Давиду, сказалъ: царь, я имѣю нѣчто сказать тебѣ. Давидъ отвѣчалъ: говори. Тогда пророкъ разсказалъ слѣдующую притчу: жилъ-былъ богатый человѣкъ, имѣвшій большія стада скота и овецъ, а другой человѣкъ былъ бѣденъ и имѣлъ всего одну овечку, которую кормилъ со своего стола, поилъ изъ своей чаши и носилъ на своихъ рукахъ,—подъ богатымъ разумѣя Давида, а подъ бѣднякомъ — Урію. Что же? Пришелъ, разсказывалъ онъ, къ богатому гость. Какой гость? Страстное пожеланіе, ввергающее насъ въ наказаніе. Пришелъ къ богатому гость, а тотъ, жалѣя своихъ овецъ, послалъ взять овечку бѣдняка и закололъ ее для своего гостя. Выслушавъ это, царь Давидъ, который хотя и впалъ въ грѣхъ, но справедливости не лишился,—вѣдь грѣхъ есть дѣло тѣла, а добродѣтель свойство души,—съ гнѣвомъ сказалъ на это: *живъ Господь, яко сынъ смерти есть мужъ сотворивый сіе и агницу возвратитъ седмерицею* (2 Цар. XII, 5—6). Судъ Давида строже требованій закона: по закону потерпѣвшій вознаграждается вчетверо, а онъ требуетъ *седмерицею*. И Наѳанъ объявляетъ ему: о, царь, *ты еси мужъ сотворивый сіе* (ст. 7). И тогда Давидъ, образумившись и смирившись, не сталъ прикрываться царскимъ достоинствомъ, не употребилъ противъ обличителя силы, хотя и могъ бы сдѣлать это; не сказалъ: ты — кто такой, что осмѣливаешься срамить меня предъ людьми? Онъ твердо помнилъ, что если онъ и царь на землѣ, то это потому, что поставленъ

на царство Царемъ вышнихъ силъ. Какъ только услышалъ онъ слова пророка, что «этотъ человѣкъ—ты, царь»,—тотчасъ же онъ исповѣдалъ свой грѣхъ: *согрѣшихъ ко Господу*. И Наѳанъ сказалъ Давиду: *и Господь отъя согрѣшеніе твое, не умреши* (2 Цар. XII, 13). О, Наѳанъ! Что осмѣлился ты изречь? Вѣдь тебѣ угрожаетъ обвиненіе со стороны надменнаго Навата! Предъ Богомъ согрѣшилъ Давидъ, предъ Нимъ же и покаялся; откуда же знаешь, получилъ ли онъ прощеніе, и на какомъ основаніи объявилъ ты его грѣхъ отъятымъ? Сначала узнай, а потомъ давай отпущеніе грѣха. Вотъ что (могъ бы отвѣтить на это) Наѳанъ: мнѣ поручилъ Богъ всю заботу объ исправленіи Давида. Если бы Онъ не хотѣлъ чрезъ меня даровать грѣшнику прощеніе грѣха, то конечно не послалъ бы меня къ нему. Кто станетъ врача, ухаживающаго за больнымъ, упрекать вмѣсто того, чтобы благодарить и вознаградить за услуги? Итакъ, ясно доказано, что не только въ благодатныя времена, но и до благодати Богъ даровалъ людямъ прощеніе грѣховъ чрезъ людей же. Для уясненія сказаннаго возьмемъ наглядный примѣръ. Представь себѣ, о, человѣкъ — противникъ покаянія, представь какого-нибудь человѣка, въ чемъ-либо провинившагося, осужденнаго и подлежащаго ссылкѣ или какому другому наказанію: развѣ онъ, приговоренный къ наказанію, можетъ хлопотать самъ за себя и умолять начальниковъ о смягченіи своей участи? Не отыскиваетъ ли онъ ходатая, такъ называемаго доместика, и уже чрезъ него ведетъ дѣло и хлопочетъ о томъ, чтобы отмѣнить приговоръ суда и смягчить суровость властей? Если уже въ отношеніи тѣлесныхъ наказаній установился такой порядокъ и такое требованіе, то въ дѣлахъ духовныхъ не гораздо ли больше необходимы посредничество и заступничество? А въ такомъ случаѣ, если ты не желаешь приступать къ покаянію потому лишь, что іерей—человѣкъ грѣшный, то тебѣ не слѣдовало бы и креститься, потому что креститель—человѣкъ, не слѣдовало бы и причащаться, потому что Агнца Божія закалаетъ человѣкъ. А если въ этихъ случаяхъ ты вѣришь, то принимай на вѣру и то. Смотри, чтобы, одно принимая, а другое отвергая, не подпасть тебѣ осужденію. Вѣдь это діаволъ смущаетъ насъ, ко- 762
варный хищникъ, это онъ хочетъ ввергнуть насъ въ геенну при помощи своихъ многоразличныхъ ухищреній. Въ законѣ написано: *князю людей твоихъ да не речеши зла* (Исх. XXII, 28). Итакъ, если Царь царствующихъ поставилъ надъ тобою начальникомъ священника, то по какому праву ты отвергаешь его и унижаешь? Земному царю, назначающему кого-либо въ начальники, ты не пойдешь указывать, не скажешь ему: онъ недостоинъ этого сана. А если тутъ ты не можешь помѣшать царю—возвысить, кого онъ хочетъ или кого изберетъ, то какъ осмѣливаешься Владычнему повелѣнію объ іереѣ противиться на томъ основаніи, что онъ-де грѣшникъ? Развѣ Давидъ пророкъ не впалъ въ прелюбодѣяніе и убійство, какъ сейчасъ была о томъ рѣчь? Развѣ Петръ, отрекшись трое-

кратно отъ своего Учителя, не впалъ въ грѣхъ и отреченіе? Развѣ Павелъ не гналъ Церковь Божію, какъ никто другой? Но ихъ-то человѣколюбивый Владыка избралъ и прославилъ, чтобы ты никого изъ властей церковныхъ не уничижалъ и не осуждалъ. Священникъ, совершающій крещеніе и приносящій безкровную жертву, руками своими участвуетъ въ этомъ дѣлѣ, а освящаетъ и силу сообщаетъ его дѣйствіямъ Святой Духъ. Такъ и здѣсь, когда ты каешься и исповѣдуешь грѣхи свои, то священникъ тутъ ни при чемъ, нуженъ только его языкъ, а спасеніе и отпущеніе грѣховъ тебѣ даруетъ Богъ. Но если совершается такимъ образомъ и если возможно послѣ крещенія получить спасеніе чрезъ покаяніе, то (спросишь ты) почему апостолъ Петръ сразу же поразилъ Ананію и Сапфиру смертью, а не далъ имъ возможности загладить свой грѣхъ покаяніемъ? Сообрази тщательно. Не апостолъ Петръ утаилъ отъ нихъ цѣлительную силу покаянія, но они сами, впавъ въ столь тяжкій грѣхъ, не позаботились уврачевать себя покаяніемъ и подъ вліяніемъ діавола погубили себя вмѣстѣ съ своими деньгами. Покаяніе свидѣтельствуется не словами, а дѣлами. Есть раскаяніе отъ глубины души, и есть раскаяніе лишь притворное: потому-то одни спасаются, а другіе подвергаются осужденію. И блаженный Петръ, и несчастный Іуда—оба раскаялись. Но Петръ, раскаявшись искренно, оплакавъ и омывъ свое отреченіе потоками слезъ, опять возвратилъ себѣ прежнее достоинство, а Іуда сдѣлалъ свое раскаяніе мимоходомъ. Хотя онъ и бросилъ свои сребренники іудеямъ, и сказалъ: *согрѣшихъ, предавъ кровь неповинную* (Мѳ. XXVII, 4), однако не зарыдалъ, не пролилъ слезъ, не сдѣлалъ ничего достойнаго покаянія, но только приготовилъ себѣ петлю на радость діаволу. А Симонъ волхвъ? Крестившись, но поддавшись соблазну и осужденный Петромъ за то, что хотѣлъ за деньги купить непродаваемый даръ Божій, развѣ онъ не прибѣгъ къ покаянію? Развѣ блаженный Петръ не сказалъ ему этихъ словъ: *покайся убо о злобѣ твоей сей и молися Богу* (Дѣян. VIII, 22)? Почему же, скажешь, Ананіи и Сапфирѣ онъ не сказалъ этого: покайтеся о злобѣ вашей? Вникни внимательно. Надъ благодатью Духа смѣяться нельзя. Между тѣмъ Ананія и Сапфира, обличаемые Петромъ и слыша его слова: *что яко согласистася искусити Духа Господня* (Дѣян. V, 9)?—не сознались въ своемъ грѣхѣ, не поверглись ницъ, не просили, не сказали, что по человѣческой слабости мы погрѣшили,—но что?—обличаемые имъ, они противорѣчили его словамъ, пытаясь обмануть его и не понимая, что надъ Духомъ Святымъ смѣяться нельзя. Вотъ почему блаженный Петръ, разгнѣванный, сразу тутъ произнесъ надъ ними заслуженный ими приговоръ. А что касается Симона, то онъ, услышавъ отъ апостола Петра: *сребро твое съ тобою да будетъ въ погибель, яко даръ непщевалъ еси сребромъ стяжати*,—не возмутился этимъ, не вознегодовалъ, не разсердился, хотя и былъ человѣкомъ дурнымъ, но, принявъ обиду и оскорбленіе, какъ заслужен-

ныя, смиренно обратился не только къ Петру, но и ко всѣмъ апостоламъ съ просьбою: *помолитеся вы о мнѣ ко Господу, яко да ничтоже сихъ золъ найдетъ на меня, яже вы рекосте* (Дѣян. VIII, 24). Я, говоритъ, погрѣшилъ тяжко; не дерзаю самъ о себѣ умолять Бога; но вы походатайствуйте за меня предъ Нимъ. Да, хорошо говорилъ Екклесіастъ: *время плакати, и время смѣятися:* время плакать о болѣющихъ неисцѣльно, и время радоваться о любящихъ покаяніе. Великій Іосифъ такъ плакалъ, какъ будто пророчески проникся словами блаженнаго Давида: *сѣющіи слезами радостію пожнутъ* (Псал. CXXV, 5). Вотъ Іосифъ и сѣялъ слезы братолюбія,—и пожалъ вѣнецъ царства. Запомните 763
всѣ вы твердо, что Іосифъ, столь удивительнымъ образомъ встрѣтившійся съ своими братьями, увидѣвъ ихъ, не захотѣлъ имъ мстить. Въ самомъ дѣлѣ, чего заслуживали эти братья, разорвавшіе, насколько отъ нихъ зависѣло, двѣнадцатизвенную цѣпь братства? Однако, Іосифъ не подумалъ притѣснять ихъ въ возмездіе за ихъ поступокъ, но, бросившись къ нимъ на шею, заплакалъ. Почему тутъ рѣчь о шеѣ именно, а не о другой какой-либо части тѣла? Естественно было ему плакать на шеяхъ братьевъ, нѣкогда сбросившихъ съ себя ярмо братолюбія. Признаешь ты теперь кротость и благочестіе этого человѣка? Но нѣкоторые толкуютъ объ Іосифѣ, что онъ отнесся къ братьямъ такъ кротко и миролюбиво подъ давленіемъ необходимости, такъ какъ заброшенный въ чужую страну, ни отъ кого не имѣлъ тамъ сочувствія или помощи. Говорящій такъ пусть обратитъ вниманіе на то, что Іосифъ самъ по собственному расположенію обнаружилъ такое отеческое попеченіе...... *) воспоминаніе объ Іосифѣ и явленіе свѣта. Владыка свѣта Христосъ освободилъ его изъ мрака темницы. Зачѣмъ суесловишь, зачѣмъ говоришь неправду, о, человѣкъ, утверждающій, что Іосифъ по необходимости былъ кротокъ и незлопамятенъ? Вѣдь еще до появленія закона Іосифъ настолько былъ боголюбивъ, настолько соблюдалъ законъ, что даже соблазняемый своею госпожею гнушался блудодѣянія. Развѣ тогда былъ дарованъ законъ, повелѣвающій: *не прелюбы сотвори, не укради, не послушествуй на друга своего свидѣтельства ложна?* Не самъ ли служа для себя закономъ и руководясь лишь природнымъ чутьемъ, онъ убѣжалъ отъ нея нагой, чтобы не осквернить ложа господина своего? Не дѣлала ли ему его госпожа безстыдныхъ предложеній, не обѣщала ли ему дать свободу и поставить его господиномъ надъ всѣмъ ея имуществомъ, если только онъ поддастся ея убѣжденіямъ? Не уклонялся ли онъ отъ ея безстыдства тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе она къ нему приставала, самъ себя сдѣлавъ скопцомъ—по слову Господню—не мечомъ, но вѣрою? Не убѣждалъ ли ее праведникъ такими словами: о, госпожа! *аще господинъ мой не вѣсть ничтоже въ дому своемъ, но вся вдаде въ руцѣ мои, и ничто*

*) Здѣсь въ текстѣ пропускъ.

есть изъято отъ мене, кромѣ тебе, понеже ты жена ему еси, и како сотворю злый сей грѣхъ предъ Богомъ (Быт. XXXIX, 8—9)? Развѣ Богъ отцовъ моихъ не здѣсь? Развѣ въ Ханаанѣ одинъ Богъ, а въ Египтѣ другой, хотя и невѣдомо вамъ? Развѣ нѣтъ высшей силы, отъ которой не утаится неправда, учиненная ближнему? Развѣ, если твой мужъ оказывается въ отлучкѣ, то и Богъ мой вмѣстѣ съ нимъ отсюда удалился? Твой мужъ, женщина, будучи моимъ господиномъ, все свое имѣніе довѣрилъ въ мои руки, и я похищу его ребро? (Богъ) сочеталъ одного и одну, а не одну—многимъ, ни многихъ одному. Успокойся, госпожа; я
764 знаю, кто возбуждаетъ тебя противъ меня. Не ты воюешь противъ меня, но діаволъ, вооружившій противъ меня моихъ братьевъ. Онъ уже разлучилъ меня съ отцомъ, а теперь хочетъ отторгнуть меня и отъ Бога. Со всѣхъ сторонъ онъ подступаетъ ко мнѣ, чтобы не дать сбыться моимъ снамъ. Успокойся же: лучше быть прелюбодѣемъ по имени, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Если я не послушаюсь тебя, пострадаетъ мое тѣло; а если Богу я окажу непослушаніе, то понесу наказаніе и по тѣлу, и по душѣ. Онъ зналъ вѣдь Того, Кто сказалъ: *убойтеся могущаго и душу и тѣло погубити* (Мѳ. X, 28). Сказанное даетъ достаточное понятіе о кротости и незлобіи цѣломудреннаго Іосифа. Послушай же и о томъ, что съ нимъ было дальше. Вы хорошо знаете, конечно, что по клеветѣ египтянки онъ заключенъ былъ въ темницу, но по устроенію Промысла Божія воцарился надъ Египтомъ. И вотъ, когда уже вполнѣ сбылись его сны, а лучше сказать—откровенія, между тѣмъ и братья его приведены были въ Египетъ недостаткомъ хлѣба, Іосифъ, увидѣвъ ихъ, несмотря на свое высокое положеніе и власть надъ всѣмъ Египтомъ, не обнажилъ, однако, меча, не заключилъ ихъ въ темницу, не уморилъ голодомъ, не подвергъ побоямъ, не отнесся къ нимъ, какъ къ звѣрямъ, не оказавшимъ ему пощады, не припомнилъ имъ ни растерзаннаго хитона, ни глубокаго колодца, ни тяжести рабства, ни ихъ ослѣпленія завистью, ни омраченія братоненавистничествомъ, ни тяжкаго отцовскаго горя, ни разлуки съ единоутробнымъ братомъ Веніамином, но всѣ огорченія предавъ забвенію и растворивъ угрозу кротостью, онъ искалъ случая открыться братьямъ своимъ. Какъ только увидѣлъ онъ ихъ и между ними единоутробнаго брата своего Веніамина, незлобиваго, неиспорченнаго, послѣдній отпрыскъ отеческаго корня, непричастнаго братоненавистничеству, брата и по крови, и по духу, тотчасъ слезами радости оросивъ свое лицо, онъ громко воскликнулъ: *азъ есмь Іосифъ, братъ вашъ: нынѣ убо да не жестоко вамъ явится* (Быт. XLV, 4, 5). О, чудное дѣло! Невинный оправдывается, точно виновный. Я—Іосифъ, братья мои! Если вы не поклонились мнѣ противъ своей воли, то мои сны ложны; если мой снопъ не стоитъ прямо, то значитъ вы хорошо отточили серпъ братоненавистничества. Убѣдитесь же отсюда, братья, что всякій надѣющійся на Господа не постыжается (Рим. IX, 33). Вы лишили меня простой одежды,—и вотъ я облеченъ

въ багряницу; вы бросили меня въ колодецъ,—а теперь я разъѣзжаю на окованной золотомъ колесницѣ; вы продали меня въ неволю,—а теперь я почти царь; меня заключили въ темницу,—а теперь я въ царскихъ чертогахъ; я влачилъ оковы, — а теперь па мнѣ вѣнецъ изъ дорогихъ камней. Поистинѣ, благовременно воскликнуть вмѣстѣ съ блаженнымъ Павломъ: *любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое* (Рим. VIII, 28), во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки. Аминь.

На Благовѣщеніе Богородицы и противъ нечестиваго Арія.

Въ предшествующій воскресный день небеснымъ хороводомъ на- 763
звалъ эту православную Церковь изъяснитель таинства несозданной Троицы, великій Василій, богопросвѣщенный учитель, проповѣдникъ истины, благородный обличитель лжи, низложившій, какъ и подобало, неистовое аріанское безуміе, своею жизнью поучавшій раньше слова и словомъ взывавшій заодно съ жизнью, славнѣйшее украшеніе этого города, свѣтило Церкви, на враговъ благочестія, волкамъ подобныхъ, ополчавшійся какъ доблестный воинъ, и языкомъ своимъ, какъ пращею, поражавшій нечестивыхъ, неусыпный стражъ этого стада и мудрый строитель этой святой ограды. Подобно тому, какъ во дни Ноя голубь, сохранивъ во рту цвѣтущую масличную вѣтвь, принесъ ее людямъ въ даръ, такъ и этотъ въ прошлое воскресенье отдалъ свой языкъ въ распоряженіе Духа и его божественными словами поразилъ Арія и его хульное діавольское ученіе. Онъ указалъ среди овецъ волка, скрывающагося подобно агнцу въ овчей одеждѣ христіанской; сорвавъ съ него одѣяніе, которымъ тотъ лицемѣрно прикрывался, разоблачилъ его, какъ волка—хищника, и, какъ камнями, побилъ апостольскими и пророческими словами того, кто выдавалъ себя за овцу. И какъ Давидъ, низ-
ложивъ Голіаѳа, воспользовался его собственнымъ мечомъ, чтобы отру- 764
бить своему врагу голову, такъ и новый Давидъ изъ нашего стана поразилъ Арія его же, Аріевымъ, оружіемъ. Онъ изобразилъ въ своемъ словѣ, какъ Богъ и Отецъ безвременно былъ Отцомъ Слова, какъ Сынъ совѣченъ Отцу, какъ Онъ единосущенъ Отцу, а не иносущенъ, какъ содѣйствуетъ Отцу, но не служитъ Ему, какъ Онъ Творецъ, а не тварь, какъ Онъ Владыка, а не рабъ, какъ Онъ *сіяніе славы Отчей и образъ Ипостаси Его*, какимъ образомъ *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (Іоан. I, 1), какимъ образомъ Слово стало плотью, не претерпѣвъ ни отклоненія, ни перемѣны, ни измѣненія, и вселилось въ насъ, приготовивъ само Себѣ въ нашей природѣ невмѣстимую обитель для Своего божества. Такимъ-то образомъ проповѣдалъ этотъ

проповѣдникъ, потому что самъ Христосъ, хулимый аріанами, говорилъ его устами. Поэтому-то съ неба невидимо одобряли его ангелы, слыша, какъ прекрасно воспѣваетъ онъ на землѣ и научаетъ славословить поклоняемую ими единосущную Троицу, вы же здѣсь, на землѣ, наградили его по справедливости рукоплесканіями и подражателя апостоловъ наименовали достойнымъ апостоловъ за то, что его уста источали исповѣ-
765 даніе Петра, послужившее поводомъ къ его ублаженію, за то, что языкъ его пламенѣлъ ревностью Павловою; и тогда вы по справедливости блаженною называли Церковь, имѣющую такую драгоцѣнность, да и дѣйствительно она блаженна, владѣя этимъ сокровищемъ. Итакъ, все это совершилось въ тотъ день. А я сегодня хочу открыть предъ вами преддверіе вочеловѣченія единороднаго Сына Божія, чтобы вы видѣли, какъ Богъ Слово, будучи единороднымъ Отцу, взявъ нашу природу, пожелалъ быть единосущнымъ и съ нами, своими рабами; какъ Вышній преклонилъ Себя съ небесъ до уничиженія наравнѣ съ нами; какъ богатый сдѣлался наслѣдникомъ нашей бѣдности; какъ вседовольный воспринялъ Свое созданіе, не нуждаясь въ немъ; какъ Творецъ соединилъ Себя съ Своимъ созданіемъ; какъ человѣколюбецъ, оставаясь Богомъ, содѣлался и человѣкомъ; какъ солнце правды, возжегши въ Себѣ самомъ свѣтильникъ тѣла, обходило повсюду, отыскивая пропавшую драхму; какъ добрый пастырь, прикрывъ свое божество кожею овцы, ходилъ кругомъ, призывая къ Себѣ заблудшихъ овецъ и говоря каждой изъ нихъ: *Азъ есмь Пастырь добрый* (Іоан. x, 11). Но здѣсь прежде всего необходимо намъ воспроизвести слова святого евангелія, возвѣщенныя сегодня въ церквахъ: *въ мѣсяцъ шестый посланъ бысть архангелъ Гавріилъ отъ Бога во градъ Галилейскій, емуже имя Назаретъ, къ дѣвѣ обрученнѣй мужеви, емуже имя Іосифъ, отъ дому* и отечества *Давидова: и имя дѣвѣ Маріамъ. И вшедъ къ ней ангелъ, рече: радуйся, благодатная, Господь съ тобою, благословена ты въ женахъ* (Лук. I, 26—28). На шестой мѣсяцъ послѣ того, какъ Захарія осужденъ былъ за невѣріе на безмолвіе, послѣ того, какъ Елизавета сверхъ ожиданія оказалась плодоносящей, послѣ того, какъ исполнилось уже шесть мѣсяцевъ заключенію Іоанна Крестителя въ темницѣ чрева, послѣ того, какъ уже предтеча явился въ пустынѣ безплодія, послѣ того, какъ свѣтильникъ возсіялъ во мракѣ утробы, — посланъ былъ Солнцемъ правды ангелъ Гавріилъ. Иди, сказано ему, въ Галилейскій городъ Назаретъ, къ дѣвѣ Маріи, обрученной плотнику Іосифу: эту дѣву Я, Строитель всего созданія, обручилъ Себѣ для спасенія людей. Возвѣсти ей о Моемъ къ ней таинственномъ пришествіи, чтобы не была смущена Дѣва, зачавъ Меня невѣдомо для себя самой; повѣдай ей Мое человѣколюбіе, въ силу котораго Я хочу отъ нея явиться въ міръ человѣкомъ, чтобы не была она изумлена совершающимся, напередъ зная то, что Мною уготовляется; раскрой ей тайну спасенія, чтобы не тревожилась она, почувствовавъ

внезапно возрастающую тяжесть въ своемъ чревѣ. Поспѣши исполнить это порученіе: ты найдешь Меня уже тамъ, куда Я тебя сейчасъ посылаю; оставаясь здѣсь, Я тамъ буду раньше тебя. Я войду къ ней и раньше тебя и вмѣстѣ съ тобою: ты принеси ей благовѣстіе о Моемъ къ ней прибытіи, а Я, невидимо прибывъ, запечатлѣю твои слова самымъ дѣломъ. Я хочу въ дѣвической утробѣ возродить родъ человѣческій; Своимъ снисхожденіемъ Я хочу обновить образъ, который Я создалъ; Я хочу новымъ созданіемъ исправить прежнее Свое дѣло. Изъ дѣвственной земли Я создалъ первозданнаго человѣка, но діаволъ, захвативъ его, какъ врагъ, ограбилъ и повредилъ, надругавшись надъ Моимъ образомъ. И вотъ теперь Я хочу изъ дѣвственной земли самъ явиться новымъ Адамомъ, чтобы природа человѣческая благовидно ратовала сама за себя и по праву могла торжествовать надъ своимъ насильникомъ, и чтобы врагъ былъ посрамленъ какъ слѣдуетъ. О, безмѣрная глубина снисхожденія! О, недосягаемая высота божественнаго человѣколюбія! Не послалъ Царь впереди Себя множество вѣстниковъ или многихъ пословъ, не двинулъ Создатель полка безтѣлесныхъ силъ, но одному только ангелу приказалъ быть провозвѣстникомъ Своего явленія, чтобы устами его одного предуготовать ту, которая имѣла быть Его Матерью. И вотъ явился къ Дѣвѣ Маріи ангелъ и, войдя къ ней, сказалъ: *радуйся, благодатная!* Подобную себѣ рабу онъ величаетъ какъ Владычицу, какъ уже содѣлавшуюся Матерью Владыки. *Радуйся, благодатная!* Твоя прародительница Ева, преступивъ законъ, навлекла на себя осужденіе—въ болѣзняхъ рождать дѣтей, а по отношенію къ тебѣ умѣстно это именно привѣтствіе: *радуйся!* Та родила Каина и вмѣстѣ съ нимъ произвела на
свѣтъ зависть и убійство, а ты родишь Сына, который всѣмъ принесетъ 766
жизнь и нетлѣніе. Итакъ, радуйся и ликуй; радуйся и попирай главу змѣя! *Радуйся, благодатная!* Разрѣшается проклятіе, упраздняется тлѣніе, прекращается печаль, торжествуетъ радость, осуществляется издревле предсказываемое пророками благо. Тебя предуказывалъ Духъ Святый, говоря устами Исаіи: *се дѣва во чревѣ зачнетъ и родитъ сына* (Иса. VII, 14). Ты и есть та дѣва. Радуйся же, благодатная! Ты угодна Владыкѣ, ты угодна Творцу, ты угодна Создателю, ты угодна Цѣнителю красоты душъ. Ты нашла себѣ жениха, не нарушающаго, а соблюдающаго твое дѣвство, ты нашла жениха, по великому человѣколюбію желающаго быть твоимъ Сыномъ. *Господь съ тобою:* Вездѣсущій и въ тебѣ, и съ тобою, и изъ тебя; на небесахъ—Владыка, въ преисподней—Всевышній, во всемъ твореніи—Вседержитель, Создатель, почивающій на херувимахъ, Возница, несомый на серафимахъ, Сынъ въ нѣдрахъ Отца, Единородный въ твоихъ нѣдрахъ, Господь, какъ самъ знаетъ, весь вездѣ, весь въ тебѣ. *Благословена ты въ женахъ,* потому что тебѣ нынѣ оказано предпочтеніе предъ всѣми дѣвами въ совокупности, ты удостоилась содѣлаться обителью столь великаго Владыки, ты вмѣстила въ себѣ невмѣ-

стимаго по Его волѣ, ты приняла въ себя Того, кто все наполняетъ, ты сдѣлалась чистѣйшимъ орудіемъ божественнаго домостроительства; ты явилась достойной дверью для вступленія въ жизнь нашего Царя, ты послужишь сокровищницей духовной жемчужины. *Благословена ты въ женахъ!* Услышавъ эти слова, увидѣвъ ликъ ангела и голосъ, всесвятая Дѣва размышляла сама въ себѣ и говорила: что это за привѣтствіе? Что такое я слышу? Что означаютъ его слова? Меня первую привѣтствуетъ ангелъ—въ какомъ смыслѣ и въ виду какого моего достоинства? *Я—благословена?* Почему и за что? Господь со мною? Но съ кѣмъ изъ боящихся Его Господь не бываетъ? *Я благословенна въ женахъ?* Ради чего и за что и какъ? Какую благодать обѣщаютъ мнѣ его слова? Какое чудо возвѣщаетъ онъ? Видя, какъ она смущена этимъ, ангелъ продолжаетъ: *не бойся, Маріамъ!* Пусть не смущаетъ тебя мое привѣтствіе: я бесѣдую съ тобою почтительно, чтобы тебя обрадовать. Не имѣй же страха въ душѣ ты, вмѣстившая въ себѣ миръ всего міра. *Не бойся, Маріамъ: обрѣла бо еси благодать у Бога* (Лук. I, 30). Ты красуешься среди всего созданія; ты возвеличена выше небесъ; ты просіяла ярче солнца; ты превознеслась надъ ангелами; ты не взошла на небо, но находясь на землѣ восприняла въ себя небеснаго Владыку и Царя всяческихъ. *И се зачнеши во чревѣ.* Мое слово уже предварено дѣломъ; таинственное зачатіе совершилось быстрѣе моего привѣтствія. Ты имѣешь въ своемъ чревѣ самого Господа, Творца всяческихъ, изъ твоей святой и пречистой плоти безъ труда созидающаго храмъ святого Своего тѣла; ты носишь въ себѣ самого Художника природы, благодатно возобновляющаго свой собственный обветшавшій образъ. *Се зачнеши во чревѣ, и родиши Сына, и наречеши имя Ему Іисусъ* (ст. 31). *Сей будетъ велій,*—великъ Онъ по божеству, великъ будетъ и по человѣчеству, — *и Сынъ Вышняго наречется, и дастъ Ему Господь Богъ престолъ Давида, отца Его* (ст. 32). *Клятся Господь Давиду истиною и не отвержется ея* (Псал. CXXXI, 11). А въ чемъ дана имъ эта клятва? *Отъ плода чрева твоего посажду на престолѣ твоемъ.* Эта-то клятва нынѣ и осуществляется. *И воцарится въ дому Іаковли во вѣки, и царствію Его не будетъ конца* (ст. 33). Нѣтъ никого выше этого Царя, нѣтъ никого блаженнѣе тебя, рождающей Его. *Рече же Маріамъ ко ангелу: како мнѣ будетъ сіе, идѣже мужа не знаю* (ст. 34)? Іосифъ обручникъ мой, а не женихъ, договоръ же о бракѣ обыкновенно предшествуетъ обрученію. Какъ же безъ брака совершится у меня зачатіе? Какъ безъ насадителя я произращу плодъ? Развѣ для меня первой измѣнится порядокъ природы? На мнѣ первой нарушится законъ зачатія? Для меня одной проложится новая тропа дѣторожденія? Для меня одной древній
767 способъ рожденія замѣнится новымъ? Открой мнѣ яснѣе, ангелъ, тайну твоихъ словъ, объясни мнѣ смыслъ твоихъ рѣчей, растолкуй значеніе твоего прекраснаго благовѣстія, вразуми меня относительно этого не-

обычайнаго рожденія, чтобы я хотя немного уяснила себѣ таинство, которому послужить я призываюсь, узнала, какъ невозможное станетъ возможнымъ, какъ несбыточное сбудется, какъ невѣроятное окажется осуществимымъ, чтобы я услышала, какъ благодать даетъ новую силу природѣ или какъ природа служитъ благодати. *И отвѣщавъ ангелъ, рече ей: Духъ Святый найдетъ на тя, и сила Вышняго осѣнитъ тя* (ст. 35). Теперь ты узнала Совершителя, не любопытствуй же относительно способа совершенія; узнала Творца, не допытывайся о твореніи; услышала о Духѣ Святомъ, предоставь дальнѣйшее уже самому Духу. *Духъ Святый найдетъ на тя, и сила Вышняго осѣнитъ тя.* Мнѣ поручено сказать тебѣ только то, что ты родишь Сына, а какъ ты родишь, этому уже самъ рождающійся отъ тебя научитъ тебя: Я какъ слуга принесъ тебѣ эту вѣсть, а дѣло совершитъ самъ Владыка, вѣдущій и способъ его совершенія; я—служитель царскихъ повелѣній, но не толкователь божественныхъ рѣшеній; не дерзаю учить тебя тому, чему самъ не наученъ, не смѣю толковать того, чего самъ не постигаю, не берусь объявлять подробности таинства, безсиленъ уяснить благовѣстіе. Я провозглашаю чудо, но какъ оно совершится—ничего не знаю; я не изслѣдую того, что выше всякаго изслѣдованія, не добиваюсь непостижимаго, не любопытствую о недоступномъ мнѣ, не допытываюсь о благодати, превышающей разумъ, не суесловлю о неизъяснимомъ рожденіи. Поистинѣ непостижимо для ума духовное зачатіе, недоступно разуму необычайное чревоношеніе, не поддается описанію спасительное рожденіе. *Духъ Святый найдетъ на тя.* Духъ Святый знаетъ, что Онъ дѣлаетъ; знаетъ Сынъ, какъ приготовить Себѣ духовное жилище. Творецъ природы не рабствуетъ законамъ природы; Онъ самъ распоряжается всѣмъ; самъ, какъ хочетъ, облекается во образъ раба. Вѣдомо Отцу вочеловѣченіе Его единороднаго Сына, потому что гдѣ Духъ Святый, тамъ и Сынъ, и гдѣ Сынъ, тамъ и Отецъ. Троица—нераздѣльна и неразлучна. Какъ въ началѣ, при созданіи человѣка, Отецъ пригласилъ къ дѣланію Сына и Духа, сказавъ: *сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію* (Быт. 1, 26), такъ и нынѣ—въ возсозданіи его—опять неизреченно участвуетъ Святая Троица. Созданіе принадлежало ей, и возсозданіе—Ея общее дѣло. *Тѣмже и рождаемое свято, наречется Сынъ Божій* (ст. 35). Вотъ поистинѣ святое рожденіе, вотъ поросль безъ сѣмени, вотъ плодъ всесвятой! Онъ — Сынъ Божій по божеству, Онъ и твой Сынъ по человѣчеству; Онъ единосущенъ Отцу по мыслимой природѣ, единосущенъ тебѣ по видимой; Онъ — и небесный, и земной, видимый и невидимый, безстрастный по божеству и обреченный на страданія по человѣчеству. И какъ Богъ совершенный, такъ и человѣкъ Онъ совершенный. Но какъ Онъ, ставъ человѣкомъ, неизмѣнно остается и Богомъ, такъ и ты, пребывая дѣвою, будешь и матерью нетлѣнно: ни дѣвство не воспрепятствуетъ рожденію, ни рожденіе не нарушитъ дѣв-

ства. Итакъ, воспѣвай совершившееся и не любопытствуй о дарѣ: удивляйся величію дѣла и не сомнѣвайся относительно благодати; преклонись предъ своимъ таинственнымъ жребіемъ и не безпокойся о невѣроятности чуда. Если вѣришь искренно, самъ Онъ по вѣрѣ твоей просвѣтитъ твою душу; но если ты захочешь излишняго, ни въ какомъ случаѣ не получишь того, чего допытываешься. Желаешь узнать? Вотъ тебѣ видимое знаменіе истинности совершившагося съ тобою чуда. Желаешь видѣть образъ того чудеснаго рожденія, которому ты послужишь? Посмотри на твою сосѣдку и сродницу Елизавету. *Се Елизаветъ, южика твоя,* говоритъ (ангелъ), *и та зачатъ сына въ старости своей: и сей мѣсяцъ шестый есть ей нарицаемѣй неплоды, яко не изнеможетъ у Бога всякъ глаголъ* (ст. 36—37). Сверхъ всякаго ожиданія разрѣшилось неплодство Елизаветы, чтобы по сравненію съ этимъ разрѣшеніемъ понятнѣе было твое дѣвство, остающееся ненарушимымъ. Безплодная и престарѣлая зачала Предтечу Царя, имѣющаго родиться отъ тебя, чтобы ты повѣрила, что ты имѣешь во чревѣ своемъ Господа. Пойди, посмотри Елизавету,—и если ты не найдешь того, что я сказалъ, не вѣрь моимъ
768 словамъ. Что же на это святая Марія, дѣва и тѣломъ, и душею, благочестивая, благоговѣйная и благопокорная, краса человѣческой природы, врата нашей жизни, виновница нашего спасенія? Съ благоговѣніемъ принявъ слова ангела, она говоритъ ему: *се раба Господня: буди мнѣ по глаголу твоему* (ст. 38)! Какъ раба, я повинуюсь велѣнію Владыки; какъ бреніе, я отдаюсь въ руки горшечника; какъ желаетъ по своей власти Создатель, пусть творитъ на мнѣ Свою волю; какъ угодно Его человѣколюбію, пусть совершаетъ во мнѣ чудо необычайнаго зачатія. Да будетъ мнѣ по слову твоему: пусть совершится на мнѣ сказанное тобою, пусть за словомъ твоимъ послѣдуетъ истинное и несомнѣнное дѣло. И удалился отъ нея ангелъ: огласилъ, приготовилъ дѣву, научилъ ее, сколько могъ; услышалъ и самъ отъ нея, что нужно было узнать—и опять восшелъ туда, откуда нисходилъ, внизу оставивъ Пославшаго его и опять найдя Его вверху на небесахъ, покланяемымъ отъ всего ангельскаго воинства. Что скажешь на это ты, Арій? Скажи мнѣ, несчастный, какимъ образомъ невмѣстимый вмѣстился въ дѣвственную утробу? Какъ, будучи дѣвой, она зачала и послѣ рожденія осталась дѣвою, и рожденію Спасителя послужила, и благодатью себя обогатила? Но ты, конечно, ничего не скажешь. Вѣдь если сама Матерь тайны не постигала тайны своего рожденія, то какъ ты могъ бы ее понять? Если Гавріилъ архангелъ, на вопросъ Матери Господа: *како будетъ* мнѣ сіе, *идѣже мужа не знаю?* не могъ сказать ничего болѣе яснаго, какъ только сослаться на Духа Святаго, безъ дальнѣйшихъ объясненій, то гдѣ же тебѣ объяснить то, чего не могъ истолковать Гавріилъ? Но если рожденіе Христа по плоти, бывшее чуть ли не въ послѣдніе дни, никто не можетъ изъяснить по достоинству, то какъ ты осмѣливаешься дѣлать предметомъ своего

любопытства то рожденіе—небесное, безлѣтное, безтѣлесное, невидимое, безстрастное, совершенно неизъяснимое и непостижимое? На чемъ основывается такая твоя дерзость? Ангелы покланяются святой Троицѣ, непрестанно взывая: *святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ, полны суть небеса и земля славы Его!* Они не говорятъ подобно тебѣ: Отецъ святѣе, потому что онъ старше; не говорятъ скромными голосами: святъ Сынъ, какъ юнѣйшій, святъ Духъ, какъ ближайшій къ намъ,—но одну и ту же пѣснь воспѣваютъ равно всей святой Троицѣ. Откуда же ты, Арій, одинъ научился изощрять языкъ свой противъ Творца? Но ты отвергаешь свидѣтельство неба и ангеловъ? Чему же довѣряешься, на кого полагаешься, скажи мнѣ? Кого ты признаешь цѣнителемъ этого ученія? Кого намъ избрать въ качествѣ нелицепріятнаго судіи? Чье сужденіе принимаешь ты въ дѣлѣ благочестія? Не довѣряешь ли ты Отцу, лучше всѣхъ знающему Своего Сына? Послушаемъ, что говоритъ Онъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ, Того послушайте* (Мѳ. xvII, 5). Если Онъ скажетъ: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. x, 30), слушайте Его; если Онъ скажетъ: *Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ есть*, слушайте Его; если Онъ скажетъ: *видѣвый Мене видѣ Отца* (Іоан. xiv, 10, 9), слушайте Его, потому что истина не обманываетъ. А если Онъ скажетъ: *пославый Мя Отецъ болій Мене есть* (Іоан. xiv, 28), относите это умаленіе Себя не къ божеству говорящаго, но къ Его человѣчеству. Слышалъ, Арій, судъ Отца? Послушай и подтвержденіе этихъ Его словъ изъ устъ единороднаго Его Сына: *тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. III, 16). (Не погибнетъ тотъ) кто вѣруетъ (въ Сына), а не тотъ, кто говоритъ: было время, когда Его не было,—кто вѣруетъ, а не тотъ, кто сомнѣвается. Почему же ты, оставивъ вѣру, выступаешь съ оскорбленіями противъ самого Судіи? Впрочемъ, Арій, глупый и неразумный, вѣруй, какъ тебѣ угодно; если самъ не хочешь, несчастный, узнать полезнаго тебѣ, занимайся болтовней себѣ на погибель. Сына ты не унизишь, а на свою собственную голову собираешь огонь геенскій. Я же, вѣрный руководству божественнаго писанія, воспѣваю Отца, всегда бывающаго Отцомъ, воспѣваю Сына, безлѣтно возсіявшаго изъ лона Отчаго, воспѣваю Духа Святого, отъ Отца исходящаго и въ Сынѣ почивающаго, исповѣдаю Христа, совершеннаго Бога, и совершеннаго человѣка, проповѣдую величіе боже- 769
ства Его и не стыжусь уничиженія Его по человѣчеству, но вмѣстѣ съ великимъ и блаженнымъ апостоломъ Петромъ взываю къ Нему: *Ты еси Христосъ Сынъ Бога Живаго* (Мѳ. xvi, 16), и Тебѣ подобаетъ слава и честь и поклоненіе, съ Отцомъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, 770
и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О милостынѣ.

769 Божественное Писаніе говоритъ: *милуяй нища взаимъ даетъ Богови* (Притч. XIX, 17). Замѣть, какого должника пріобрѣтаютъ себѣ милостивые, сколь великаго, сколь богатаго. Если человѣку ты даешь въ долгъ золото, серебро, или хлѣбъ, ты берешь росписку и такимъ образомъ руку, принимающую деньги, связываешь письменнымъ обязательствомъ. А по отношенію къ Богу — этого нѣтъ, но ты даешь мученикамъ и убогому, а Богъ призывается и обѣщаетъ возвратить тебѣ долгъ, который ты ссудилъ убогому; Онъ спѣшитъ исполнить свое поручительство и не просто только возвращаетъ взятое, но и малое пріумножаетъ съ великимъ благословеніемъ. Что бываетъ на рынкѣ? Покупатели стараются купить дешево, а торговцы просятъ подороже, — такимъ образомъ обѣ стороны сходятся на средней цѣнѣ и дѣло устраивается ко взаимному удовольствію. Но когда ты съ такимъ трудомъ пріобрѣтешь то, что искалъ, ты еще не располагаешь вполнѣ своимъ пріобрѣтеніемъ: случается нерѣдко, что человѣкъ и домой не успѣетъ вернуться съ покупкой, какъ умираетъ, или свою покупку теряетъ, или открываетъ въ ней какой-либо недостатокъ, и, такимъ образомъ, оказывается вдвойнѣ съ ущербомъ. Но по отношенію къ царству Божію ничто подобное тебѣ не угрожаетъ—ни утомительность пути, ни зной, ни усталость, ни огорченіе отъ потери, ничего такого. Просто ты сидишь у себя дома, а къ тебѣ приходитъ нищій и предлагаетъ купить рай, въ такомъ, наприм., родѣ: дай хлѣба—и возьми рай; дай поношенную одежду — и получи царство небесное. При томъ онъ не требуетъ отъ тебя того, чего у тебя нѣтъ, а только того, чѣмъ ты располагаешь. Не желая купить рая Божія, ты говоришь: у меня нѣтъ хлѣба. Подай одинъ оболъ, подай чашу студеной воды, подай, что угодно, подай, что у тебя подъ рукой,— Христосъ все принимаетъ,—только пріобрѣти рай. Подражай той сарептской вдовицѣ, которая дала горсть муки и унаслѣдовала царство небесное, а также другой вдовицѣ, упоминаемой въ евангеліи, которая, ничего не имѣя, кромѣ двухъ единственныхъ лептъ, бросила ихъ въ церковную кружку и тѣмъ купила себѣ рай. Богъ не ищетъ груды денегъ, но милосердной души и сострадательнаго сердца. Подай бѣдному, сдѣлай Бога своимъ должникомъ: *милуяй нищаго взаимъ даетъ Богови*. Когда же, спросишь, расплачивается этотъ должникъ? Когда ты оставляешь всѣ здѣшнія стяжанія, дома, золото, серебро, одежду, и все прочее, и уходишь туда, покидая все земное, тогда-то именно Онъ съ благодарностью возвращаетъ тебѣ свой долгъ. Впереди себя пошли свои деньги, не теряй времени, не жалѣй ихъ, чтобы не утратить вѣчной жизни. Невѣдома смерть, ты не знаешь, когда она наступитъ, въ какую пору придется тебѣ разстаться съ этимъ міромъ. И при томъ—ты пой-

дешь туда, а твои деньги остаются здѣсь, и другіе, подѣливши между
собою твои богатства, даже и имени твоего не вспоминаютъ, а часто
наслѣдники расточаютъ твое достояніе, посылая тебѣ же проклятія.
Пошли впереди себя твои деньги въ безконечные вѣка, чтобы не при-
шлось идти въ огонь неугасимый, подобно богатому изъ-за Лазаря.
*Пріидите, благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ
царствіе отъ сложенія міра. Взалкахся бо, и дасте Ми ясти, воз-
жадахся, и напоисте Мя*, и т. д. (Мѳ. xxv, 34, 35). Замѣть, что го-
воритъ Творецъ міра. Онъ не говоритъ: Я былъ царемъ, и вы убоя-
лись Меня; Я былъ правителемъ, и вы оказали мнѣ почетъ,—но: Я
былъ *нагъ, и одѣясте Мя: боленъ, и посѣтисте Мене* (ст. 36). По-
истинѣ, нѣтъ ничего равнаго милостынѣ: получаетъ деньги нищій, а
отдаетъ Богъ. Сдѣлавшись должникомъ, въ лицѣ нищихъ и собираю-
щихся у дверей церковныхъ, Богъ не просто отдаетъ лишь долгъ, но
самихъ заимодавцевъ дѣлаетъ наслѣдниками, обращаясь къ нимъ такъ:
*пріидите, благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ
царствіе отъ сложенія міра*. И когда, говоритъ, уготовано? Когда ты
раздавалъ бѣднымъ пищу и одежду, когда ты благотворилъ церквамъ и
на могилахъ мучениковъ, когда ты справлялъ память святыхъ, когда 770
ты принималъ (безпріютныхъ) въ своемъ домѣ, когда ты посѣщалъ боль-
ныхъ и заключенныхъ, когда ты все это дѣлалъ, Я готовилъ тебѣ это
царство. И вотъ, когда ты долженъ будешь покинуть эту жизнь, тебѣ
не придется думать о томъ, кто тамъ окажетъ тебѣ гостепріимство. Самъ
Домовладыка встрѣтитъ тебя привѣтствіемъ: *пріидите, благословенніи
Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе. Взалкахся бо,
и дасте Ми ясти, возжадахся, и напоисте Мя*. Вотъ каково величіе
милостыни! Никакая добродѣтель не можетъ съ нею сравниться или
превзойти ее. Не сказано вѣдь: вы соблюли дѣвство, или: вы ради Меня
постились; ничего подобнаго не сказано,—но только: *взалкахся бо, и
дасте Ми ясти*. Велики, конечно, и постъ, и дѣвство, и прочія добро-
дѣтели, но ничто не можетъ сравниться съ милостыней. Перешли же
свои блага въ тотъ нескончаемый міръ,—и ты найдешь въ томъ вѣкѣ
то, что раздашь здѣсь, какъ и Господь говоритъ: *сотворите себѣ други
отъ мамоны неправды, да егда оскудѣете, пріимутъ вы въ вѣчныя
кровы* (Лук. xvi, 9). О, дружба Владыки! О, неразуміе людей, привя-
занныхъ къ богатству! Онъ утѣшаетъ, а богачъ скорбитъ. Не пости-
гаешь, человѣкъ, промысла Божія? Развѣ не могъ Богъ и бѣдняку дать
денегъ столько же, сколько далъ тебѣ, и тебя обогатить, и его? Развѣ
не могъ излить золотого дождя и обогатить бѣдныхъ? Почему тебѣ
только оказана Богомъ такая честь—быть богатымъ? Подумай, что ожи-
даетъ тебя впереди; посмотри на обнаженныя кости въ гробу: какая
тутъ разница между бѣднымъ и богатымъ? Не всѣ ли пепелъ? Не всѣ
ли прахъ? Гдѣ тутъ царь, гдѣ начальникъ, гдѣ вельможа, гдѣ бѣднякъ?

Дѣйствительно, всѣ одинаково мертвецы, смрадныя кости, куча червей. Почему же ты превозносишься надъ бѣднымъ? Почему гнушаешься недужнымъ? Не равны ли вы предъ Богомъ? Не есть ли и онъ подобіе Божіе? Представь себѣ, что этого бѣдняка Богъ назоветъ братомъ и окажетъ ему предпочтеніе предъ тобою въ тотъ день. Конечно. Богъ не можетъ быть несправедливымъ: Онъ не лишитъ бѣднаго вѣчной жизни и царства небеснаго, если только онъ терпѣливо перенесетъ бѣдность, а тебѣ не дастъ дважды насладиться райскою жизнью, если ты не употребишь по-надлежащему данныхъ тебѣ отъ Бога даровъ. *Понеже,* говоритъ Онъ, *не сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, ни Мнѣ сотвористе* (Мѳ. XXV, 40). Такъ вотъ, вслушаемся (въ эти слова), и наполняй утробы бѣдныхъ тѣмъ, что здѣсь послалъ тебѣ Богъ, чтобы тамъ найти свои запасы полными. Вѣдь если блаженъ тотъ, кто однажды вкуситъ хлѣба въ царствѣ Божіемъ, то во сколько кратъ блаженнѣе тотъ, кто признанъ будетъ достойнымъ обитать въ немъ въ безконечные вѣка! Не говори мнѣ, что бѣдные безпомощны и ничего не могутъ мнѣ дать въ тотъ день: богатъ Тотъ, Кто за нихъ поручается. Не взыскивай съ бѣдныхъ, Богъ отдастъ тебѣ. И бѣднымъ-то отдаетъ твои дары Онъ же, управляющій этою нашею жизнью, и тамъ Онъ спасетъ насъ, если только мы будемъ дѣлать угодное Ему. *Милуяй нища взаимъ даетъ Богови,* и Богъ соотвѣтственно даянію его воздастъ ему,—воздастъ въ мѣру его расположенія, потому что гдѣ доброе расположеніе, тамъ щедрое даяніе. Убоимся же дня Господня, въ который пошлетъ Домохозяинъ на жатву пшеницы и соберетъ пшеницу въ житницу, а плевелы сожжетъ огнемъ неугасимымъ. Домохозяинъ—Господь, жнецы Его—ангелы, пшеница — праведники, а плевелы—грѣшники. Итакъ, потщимся при помощи милостыни оказаться доброй пшеницей, чтобы войти въ вѣчныя обители, приготовленныя вознесшимся отъ насъ, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О любви.

769 Прекрасно сказалъ Господь: *бремя Мое легко есть* (Мѳ. XI, 30). Въ самомъ дѣлѣ, какое бремя или какой трудъ отпустить прегрѣшенія
770 брата — легкія и ничтожныя—и тѣмъ пріобрѣсти прощеніе своихъ собственныхъ грѣховъ и скорое оправданіе? Не сказалъ Господь: Я требую отъ тебя денегъ, или тельцовъ, или козлятъ, или поста, или бодрство-
771 ванія,—чтобы ты не сталъ отговариваться: этого у меня нѣтъ, этого я не могу, — но что̀ легко, доступно и просто, того именно Онъ требуетъ, говоря: прости брату твоему согрѣшенія его, и Я прощу тебѣ твои со-

грѣшенія. Ты простишь небольшіе долги, можетъ быть, нѣсколько оболовъ или хотя бы сто динаріевъ, а Я прощу тебѣ тысячу талантовъ. И ты только простишь, ничего отъ себя не прибавивъ, а Я и грѣхи тебѣ прощу, и исцѣленіе и царство тебѣ дарую. И самый даръ твой Я тогда приму, когда ты примиришься съ врагомъ твоимъ, когда не будешь питать противъ кого-либо вражды, когда солнце не зайдетъ во гнѣвѣ твоемъ, когда со всѣми ты будешь имѣть миръ и любовь; тогда и молитва твоя будетъ пріятна Мнѣ, и на домѣ твоемъ будетъ почивать Мое благословеніе, и ты будешь блаженствовать. Если же съ братомъ твоимъ ты не хочешь примириться, то какъ себѣ отъ Меня ожидаешь прощенія? Мои слова попираешь, а прощенія требуешь? Я, Владыка, приказываю, и ты не обращаешь вниманія,—какъ же ты, рабъ, осмѣливаешься приносить Богу молитву ли, жертву ли, или начатки, имѣя на кого-либо вражду? Какъ ты отворачиваешь лице свое отъ брата твоего, такъ и Богъ отвращаетъ очи Свои отъ дара твоего и отъ молитвы твоей; Богъ есть любовь, а потому все, совершаемое безъ любви, Ему неугодно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ принять Богъ отъ убійцы молитву, или даръ, или начатки, или плоды, если онъ прежде не покается по-надлежащему? Но ты, конечно, возразишь мнѣ: я не убійца. Я же докажу тебѣ, что ты убійца, или вѣрнѣе обличаетъ тебя Іоаннъ Богословъ, утверждающій: *всякъ ненавидяй брата своего человѣкоубійца есть* (1 Іоан. III, 15). Не будемъ же, братья мои возлюбленные, дорожить ничѣмъ, кромѣ любви, не будемъ ни о чемъ, кромѣ нея, заботиться; пусть никто не имѣетъ вражды противъ другого, пусть никто не воздаетъ за зло зломъ: *солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ* (Еф. IV, 26), но оставимъ должникамъ нашимъ всѣ ихъ прегрѣшенія. Въ самомъ дѣлѣ, что за польза, дѣти, если кто всѣмъ обладаетъ, а любви спасающей не имѣетъ. Если кто устроитъ большой пиръ для царя и властей съ возможно большею роскошью, чтобы ни въ чемъ не было недостатка, а соли у него не окажется,—развѣ не разстроится вслѣдствіе этого весь пиръ? Конечно, разстроится, и, такимъ образомъ, устроитель пира и издержки понесетъ, и труды его пропадутъ даромъ, а сверхъ того осрамится предъ званными на пиръ гостями. Такъ-то вотъ и здѣсь: что за польза трудиться на вѣтеръ? Безъ любви всякое дѣло и всякая заслуга нечисты и несовершенны; хранитъ ли кто дѣвство, постится ли, бодрствуетъ ли неусыпно, молится ли, питаетъ ли нищихъ, приноситъ ли, какъ ему кажется, дары, или начатки, или плоды, строитъ ли церкви или другое что-либо дѣлаетъ, безъ любви все это ни во что вмѣняется въ очахъ Божіихъ. Не жди въ такомъ случаѣ благоволенія Божія. Послушай, что говоритъ апостолъ: кто питаетъ вражду на брата своего и, между тѣмъ, дѣлаетъ приношеніе Богу,—это все равно, какъ если бы онъ приносилъ въ жертву собаку; приношеніе его не лучше платы блудницы (срв. Мѳ. V, 23, 24; Иса. LXVI, 3; Второзак. XXIII, 18). Не дѣлай никогда ничего безъ любви,

потому что любовь покрываетъ множество грѣховъ. О, какимъ благомъ мы пренебрегаемъ! О, какихъ благъ и какой радости лишаемся, не утвердившись въ любви! Ея не пожелавъ пріобрѣсти, Іуда удалился изъ лика апостоловъ, оставивъ свѣтъ истинный; возненавидѣвъ своего Учителя и своихъ братьевъ, онъ погрузился во тьму. Потому и верховный апостолъ Петръ говорилъ о немъ: *испаде Іуда ити въ мѣсто свое*
772 (Дѣян. i, 25). Съ другой стороны Іоаннъ Богословъ говоритъ: *ненавидяй брата своего во тмѣ есть, и во тмѣ ходитъ, и не вѣсть, камо идетъ, яко тма ослѣпи очи ему* (1 Іоан. ii, 11). А если ты скажешь, что хотя брата своего я и не люблю, но Бога люблю, Іоаннъ и тутъ обличаетъ тебя въ такихъ словахъ: *аще кто речетъ, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложъ есть: ибо не любяй брата своего, егоже видѣ, Бога, егоже не видѣ, како можетъ любити* (1 Іоан. iv, 20)? Итакъ, кто имѣетъ любовь со всѣми братьями, кто не питаетъ вражды противъ кого-либо, кто исполняетъ завѣтъ апостола: *солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ* (Еф. iv, 26), тотъ любитъ Бога, тотъ ученикъ Его, сказавшаго: *о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. xiii, 35). Очевидно отсюда, что ученики Христовы познаются по этому признаку—по истинной любви между собой. А кто ненавидитъ брата своего, тотъ хотя бы и думалъ про себя, что любитъ Христа, ложь есть и самого себя обманываетъ. Такъ и апостолъ Іоаннъ говоритъ, что *сію заповѣдь имамы отъ Него, да любяй Бога любитъ и брата своего* (1 Іоан. iv, 21). Въ другомъ мѣстѣ Господь сказалъ: *возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и искренняго твоего яко самъ себе*, и, чтобы показать силу любви, прибавилъ: *въ сію обою заповѣдію весь законъ и пророцы висятъ* (Мѳ. xxii, 37, 39, 40). Необыкновенное чудо! Кто имѣетъ нелицемѣрную любовь, тотъ тѣмъ самымъ исполняетъ весь законъ. *Исполненіе закона любы есть* (Рим. xiii, 10), какъ говоритъ апостолъ. О, несравнимая сила любви! О, неизмѣримая сила любви! Ничего нѣтъ цѣннѣе любви—ни на небѣ, ни на землѣ. Потому-то апостолъ Павелъ, познавъ, что ничто не равняется съ любовью, во всѣ концы вселенной объявилъ въ своихъ писаніяхъ: *братіе, ни единому же ничимже должни бывайте, точію еже любити другъ друга* (ст. 8) и душу другъ за друга полагать. Вотъ эта любовь есть глава всѣхъ добродѣтелей, соль добродѣтелей; любовь—исполненіе закона, любовь—вѣрное спасеніе. Она нѣкогда возобладала въ сердцѣ Авеля, она сдѣлала Ноя кормчимъ, она содѣйствовала патріархамъ, она спасла Моисея, она Давида содѣлала жилищемъ Святого Духа, она вдохновляла пророковъ, она укрѣпила Іова. И почему не сказать сильнѣе? Она Сына Божія низвела съ небесъ къ намъ на землю. По любви Безтѣлесный воплощается, Безначальный начинается, Сынъ Божій дѣлается Сыномъ человѣческимъ; любовью устрояется все дѣло спасенія: упразднена смерть, низложенъ діаволъ, Адамъ

возвращенъ въ рай, Ева стала свободной; любовь соединила ангеловъ и людей въ едино стадо; любовь разрѣшила клятву, отверзла рай, прояснила жизнь, обѣщала царство небесное. Она, уловивъ рыбаковъ, сдѣлала ихъ ловцами людей, она воспламенила и укрѣпила мучениковъ, она населила пустыни, она наполнила горы и пещеры псалмопѣніемъ, она ангеловъ и людей соединила въ одно, она побудила мужей и женъ идти путемъ узкимъ и тѣснымъ. Но до какихъ, наконецъ, поръ намъ гоняться за неуловимымъ?..

О Лазарѣ. I.

Всякое божественное ученіе обыкновенно имѣетъ въ виду пользу 771
любознательныхъ людей, въ особенности же праздники, всегда бывающіе въ опредѣленное время; ихъ можно бы сравнить съ потоками воды, къ которымъ стремятся жаждущіе и которые, служа къ утоленію жажды, тѣмъ пріятнѣе бываютъ для пользующихся ими. Но зачѣмъ понадобилось мнѣ такое предисловіе? Лазарь, четырехдневный мертвецъ, въ эти именно дни поста воскресъ. Въ это время Христосъ уже шелъ на свою спасительную страсть, прежде чудесъ проявляя чудеса, прежде праздника устанавливая новый праздникъ и прежде дѣла показывая дѣло, чтобы, когда Онъ будетъ вознесенъ на крестъ, ученики Его не усомнились въ воскресеніи своего Учителя, но вѣрили бы, что Онъ подпалъ смерти ради другихъ, а самъ по Себѣ ничего ужаснаго отъ смерти потерпѣть не можетъ. Итакъ, вполнѣ справедливо—и по времени, и въ видахъ собствен- 772
ной пользы, и ради наступающаго праздника—принять участіе и намъ съ своей стороны въ радости о воскресеніи Лазаря, не только въ оплакиваніи его принять участіе, но и раздѣлить торжество и радость добрыхъ женъ, окружавшихъ Марію, да и наставника нашего Іисуса почтить вниманіемъ къ повѣствуемому объ этомъ событіи. Несомнѣнно, кто оказываетъ честь Его друзьямъ, тотъ Ему самому дѣлаетъ пріятное: будучи человѣколюбивымъ, Онъ обыкновенно всегда усвояетъ Себѣ честь, имъ оказываемую. Онъ самъ сказалъ въ евангеліи: *иже васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ, и иже пріемлетъ Мене, пріемлетъ пославшаго Мя* (Мѳ. x, 40). *Бѣ же нѣкто*, говоритъ евангелистъ, *боля Лазарь отъ Виѳаніи, отъ веси Маріины и Мареы, сестры ея* (Іоан. xi, 1). Безъ прикрасъ выливается повѣствованіе изъ устъ безхитростнаго писателя: недаромъ Іоаннъ былъ рыбакъ. Приступая къ описанію поразительнаго 773
чуда, онъ не постарался доставить удовольствіе слушателю выборомъ выраженій. А что это такъ, убѣдись самъ. Онъ описалъ, что чудо совершилось въ Виѳаніи, способъ его совершенія, указалъ женщинъ, присутствовавшихъ и отсутствовавшихъ при этомъ, описалъ, что было сказано,

что было сдѣлано, гдѣ встрѣтили Учителя, какъ Онъ заплакалъ, какъ Его просили, какъ упрекали, жалуясь самому Господу, что Онъ не находился близъ умиравшаго Лазаря, не заключилъ словомъ вратъ смертныхъ, не удержалъ волнъ гибели: вѣдь, конечно, при кормчемъ судно было бы спасено. И писалъ онъ это, находясь въ Ефесѣ, чтобы такимъ образомъ—по нестяжательности и бѣдности—даже собственными чернилами и бумагой не пользоваться. Между тѣмъ, когда Іоаннъ описалъ это, всѣ стекаются увидѣть гробъ, потерявшій покойника,—цари, простецы, судьи, племена варваровъ, толпы солдатъ. Что я говорю—гробъ? Мѣсто упокоенія Лазаря сдѣлалось церковью. Всѣ стремятся помолиться тамъ, гдѣ помолился Іисусъ, изъ общенія въ дѣлѣ извлекая себѣ пользу. *Бѣ же нѣкто боля Лазарь отъ Виѳаніи, отъ веси Маріины и Марѳы.* Пусть никто не относится пренебрежительно къ мѣсту: Богъ вѣдь всюду—и въ деревнѣ, и въ городѣ, и въ горахъ; Онъ все видитъ. Богъ вездѣ, но обращаетъ Онъ вниманіе не на мѣсто само по себѣ, а на расположеніе людей благочестивыхъ. Лазарь былъ боленъ, недугъ одолѣвалъ его. Благочестивыя женщины—Марія и Марѳа—не растерялись при этой бѣдѣ, не отчаялись въ виду приступовъ болѣзни, не искали лѣкарствъ, не призывали ни сосѣдей, ни врача, такъ какъ было излишне искать какого-нибудь врача, когда онѣ имѣли Іисуса. Онѣ знали, откуда нужно ожидать спасенія, и когда братъ изнемогалъ, послали гонцовъ (къ Іисусу) съ извѣстіемъ объ угрожающей (Лазарю) смерти. Такъ и ты, когда слуги тьмы повлекутъ у тебя больного сына, или мать, или брата, или вообще кого-либо изъ домашнихъ, пошли къ Іисусу—не человѣка, не слугу, но свои молитвы, гораздо болѣе людей надежныя,—и подражай Марѳѣ съ сестрою. Что онѣ говорятъ? Не просятъ Его: помолись; не говорятъ: поспѣши, или: приди, дай благодать,—но что говорятъ? *Господи, се, егоже любиши, болитъ* (Іоан. XI, 3). Смерть подстерегла Твое отсутствіе и похищаетъ Твоего друга. Заступись за Лазаря, похищаемаго, угнетаемаго, поражаемаго многими стрѣлами, и горячкой, и скорбью, и тучей золъ; неизвѣстно даже, застанешь ли ты Твоего друга (въ живыхъ). Услышалъ Іисусъ и сказалъ: *сія болѣзнь нѣсть къ смерти, но о славѣ Божіи, да прославится Сынъ* человѣческій *ея ради.* Чему здѣсь удивляться? Мудрости ли сказаннаго? Пророчеству ли? Способу ли его осуществленія? Повелѣнію ли, свыше человѣческаго, или неизреченному человѣколюбію, или кротости словъ, или чести, возданной Отцу? Здѣсь все—Божіе. Какъ Богъ, Онъ предсказалъ: *сія болѣзнь нѣсть къ смерти,*—и немного спустя подтвердилъ это дѣломъ. Воздалъ славу Богу, показавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что слава Отца и Сына—едина. Утѣшилъ Своимъ словомъ сестеръ, подавъ имъ добрую надежду, что *сія болѣзнь нѣсть къ смерти:* Лазарь не умираетъ. Конечно, если онъ не отдается смерти, то остается жить. Но онъ и отдается, и не отдается. Вѣдь если кто отдаетъ то, что онъ взялъ, то въ сущности выходитъ, что не беретъ. Послѣ этихъ

словъ Іисусъ, по свидѣтельству евангелиста, *пребысть на немже бѣ мѣстѣ два дни* (ст. 6). Почему остался Онъ еще на два дня? Онъ медлилъ, чтобы смерть Лазаря сдѣлалась несомнѣнной, чтобы налетѣвшая волна потопила судно. Вѣдь если бы Онъ былъ въ Виѳаніи, то болѣзнь не получила бы силы надъ Лазаремъ, но благопріятный оборотъ болѣзни былъ бы объясненъ естественными причинами; да если бы даже и Іисусу было это приписано, то, конечно, чудо не было бы столь поразительнымъ. И вотъ, общій удѣлъ людей—смерть настигла Лазаря и держала его въ своихъ узахъ. Когда это произошло, Іисусъ, не присутствовавшій при смерти своего друга, не осязавшій его, не бывшій очевидцемъ событія, говоритъ ученикамъ Своимъ, находившимся въ невѣдѣніи: *Лазарь другъ нашъ успе, но иду да возбужу его* (ст. 11). Эти слова—большое утѣшеніе для людей: смерть здѣсь сочтена сномъ, гибель обращена въ спасеніе. Итакъ, пусть никто не отчаивается за умершихъ: для Бога—всѣ живы, бодрствуя и погружаясь въ сонъ по Его волѣ. Ученики, не подозрѣвая тайнаго смысла Его словъ, говорятъ Ему: *Господи, аще успе, спасенъ будетъ* (ст. 12). Для больныхъ вѣдь сонъ считается естественнымъ лѣкарствомъ. *Тогда рече имъ Іисусъ, не обинуяся: Лазарь умре, и радуюся васъ ради* (ст. 14). Кто могъ бы быть доволенъ смертью? Кто радовался бы надъ умершимъ другомъ? Сокрушаться и печалиться какъ будто слѣдуетъ въ случаѣ потери близкихъ. Но Іисусъ говоритъ: *радуюся васъ ради, яко не бѣхъ тамо.* Вѣдь если бы Я былъ тамъ, го- 774
рячка была бы остановлена словомъ, и чудо было бы меньшее или даже считалось бы дѣломъ обычнымъ. Теперь же Я остался здѣсь, чтобы волкъ совершенно похитилъ овцу. Дѣйствительно, Онъ уже сталъ добычей смерти,—и тогда-то Богъ отеръ всякую слезу отъ всякаго лица на землѣ. Отправились въ путь, поспѣшили въ Виѳанію, прибывъ туда не для того, чтобы потушить огонь, но чтобы увидѣть лишь пепелъ, оставленный огнемъ,—прибывъ уже тогда, когда можно было найти слѣды кораблекрушенія, потому что онъ уже смердѣлъ, будучи четверодневнымъ. При кораблекрушеніи бываетъ возможность и остовъ судна найти, и доски собрать, и распорки подобрать, и руль сохранить для употребленія на другомъ кораблѣ, а при большомъ стараніи даже и нѣкоторую часть груза спасти. Но по отношенію къ Лазарю все это было затруднительно: тутъ уже насталъ конецъ, и дѣло дошло до зловонія. Печаль была въ полномъ разгарѣ, покойникъ лежалъ уже подъ могильнымъ камнемъ. Многіе изъ іудеевъ, говоритъ евангелистъ, пришли изъ города, чтобы утѣшить сестеръ умершаго. Вотъ,—какъ бы говоритъ евангелистъ тѣмъ самымъ,—свидѣтели готовящагося чуда, чтобы это дѣло не случилось какъ бы воровски, но было несомнѣннымъ доказательствомъ истины. Пришелъ Іисусъ,—пришелъ кормчій послѣ кораблекрушенія, врачъ послѣ смерти. И зачѣмъ пришелъ ты сюда, Владыка? Чтобы выслушать упреки въ равнодушіи къ судьбѣ друга, въ допущеніи его гибели, въ неоказаніи ему

помощи въ виду близкой его смерти? Услышала Марѳа, и мало заботясь о своемъ печальномъ видѣ, бѣжитъ навстрѣчу Ему и начинаетъ горько попрекать Спасителя: *Господи, аще бы еси здѣ былъ, не бы братъ мой умерлъ* (ст. 21). Въ присутствіи пастыря какъ бы погибла овца? Когда сражается полководецъ, какъ растворились бы ворота? При свѣтѣ солнца, какъ могутъ расхитить золото? *Господи, аще бы еси здѣ былъ, не бы братъ мой умерлъ.* Безъ вѣры это слово и неосновательно: вѣдь когда мастеръ пришелъ, явилась возможность опять возстановить развалившійся сосудъ. *Глагола ей Іисусъ: воскреснетъ братъ твой. Глагола Ему Марѳа: вѣмъ, яко воскреснетъ въ послѣдній день. Рече же ей Іисусъ: Азъ есмь воскрешеніе* (ст. 23—25). Итакъ, зачѣмъ ты ищешь то, что у тебя уже есть? Подожди немного и увидишь благодать. Услышала Марѳа и повѣрила; она побуждаетъ сестру свою, и бѣгутъ всѣ вмѣстѣ плачущіе и пришедшіе для утѣшенія. Опять Іисусъ—среди народа, всюду—и на бракѣ, и въ печали помогая вѣрующимъ въ ихъ затрудненіяхъ. Увидѣвъ печаль и слезы, Іисусъ говоритъ: *гдѣ положисте его* (ст. 34)? Зачѣмъ ты спрашиваешь объ этомъ, Владыка? Находясь въ отсутствіи, Ты зналъ о смерти (Лазаря), а прибывъ сюда, не знаешь мѣста, гдѣ его похоронили, но спрашиваешь: *гдѣ положисте его?* Укажите Мнѣ, говоритъ Онъ, тѣхъ, кто хоронилъ, одѣвалъ и обвязывалъ покойника. Пусть они, свидѣтели будущаго Моего чуда, выступивъ сюда, признаютъ свое участіе въ этомъ дѣлѣ, чтобы потомъ, когда увидятъ погребеннаго ими воскресшимъ, не отнесли его смерти просто къ обману чувствъ. Всевѣдущій пришелъ ко гробу, допустивъ, чтобы Его вели другіе; въ довершеніе всего, здѣсь Онъ прослезился. Что Ты плачешь, если истинно то, что Ты обѣщалъ,—если самъ же Ты хочешь его воскресить? Оплакивалъ Господь человѣка, свидѣтельствуя тѣмъ Свое человѣколюбіе, а можетъ быть оплакивалъ Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и неблагодарность іудеевъ, что и послѣ этого чуда они все-таки будутъ упорствовать въ своемъ невѣріи. И то уже нѣкоторые изъ нихъ говорили: *не можаше ли сей отверзый очи слѣпому сотворити, да и сей не умретъ* (ст. 37)? Конечно, могъ. Зачѣмъ спѣшите вы злословить? Подождите — и увидите, что сдѣлаетъ Онъ. Говоритъ, имъ Іисусъ: *возмите камень* (ст. 39). Странное приказаніе! Сокрушающій мѣдныя врата и разрушающій желѣзные затворы смерти говоритъ: *возмите камень.* Почему, о, Владыка, Ты не убираешь камня Своимъ словомъ? Отвалите камень, говоритъ Онъ, вы сами, клеветники, невѣрующіе, обманщики; возьмите, осяжите его, удостовѣрьте, чтобы опять не невѣрствовать, убѣдитесь въ томъ, что вы видите. Не тѣнь должна выйти изъ гроба, не призракъ: тѣ вѣдь не нуждаются въ устраненіи камня, закрывающаго выходъ. *Глагола Ему сестра умершаго Марѳа: Господи, уже смердитъ, четверодневенъ бо есть* (ст. 39). Конечно, такъ и слѣдовало ему, рабу, не присвоять себѣ того, что отличало Владыку. Владыка по собственному обѣщанію воз-

сталъ на третій день, а Лазарь возставляется четверодневнымъ: иное дѣло рабъ, иное—Владыка. Говорятъ Ему: *Господи, уже смердитъ, четверодневенъ бо есть.* Для Бога это немного: еще не сухія кости, еще не полное отсутствіе плоти и жилъ, какъ нѣкогда въ видѣніи Іезекіиля,—а между тѣмъ то полчище мертвецовъ, покрывавшее землю (своими костями), лишенное уже всего — и души, и чувствованій, и способности 775
воспріятія, и духа жизни, возстало у гробницъ, явивъ наглядное доказательство грядущаго воскресенія. Умолкла Марѳа. Отвалили камень. Всѣ были въ сильнѣйшемъ напряженіи, ни живы, ни мертвы; навѣрно, испытывалъ и самый адъ то же, такъ какъ врата смерти уже колебались. А Господь Іисусъ прежде всего начинаетъ съ славословія. Поднялъ Онъ, говоритъ евангелистъ, очи къ небу, указывая тѣмъ, откуда Онъ самъ, и возблагодарилъ за насъ Отца, говоря: *Отче, хвалу Тебѣ воздаю, яко услышалъ еси Мя* (ст. 41). Имѣя въ самомъ Себѣ источникъ жизни, Онъ дѣлаетъ это, потому что Марія и Марѳа именно такъ говорили Ему: мы знаемъ, *яко елика аще просиши отъ Бога, дастъ Тебѣ* (ст. 22). Усматривая нѣкоторую нетвердость ихъ въ этой мысли, Онъ и говоритъ имъ: вы знаете, что Отецъ исполнитъ всякую Мою просьбу; постарайтесь же укрѣпиться въ этой мысли достойно Меня и Отца. И затѣмъ прибавляетъ: *Отче, хвалу Тебѣ воздаю, яко услышалъ еси Мя. Азъ же вѣдяхъ, яко всегда Мя послушаеши, но ради стоящихъ окрестъ рѣхъ* (ст. 42). Видишь, что самъ Онъ въ молитвѣ не нуждается, дѣлаетъ же это въ виду невѣрія окружающихъ? Ты всегда, говоритъ, слушаешь Меня. Не допытывайся, когда именно, — потому что сколько бы мы ни изслѣдовали, понять этого не въ силахъ. Онъ имѣлъ все по природѣ, какъ Сынъ, но упомянулъ объ Отцѣ, воздавая Ему честь, чтобы невѣдущимъ показать полное согласіе между Отцомъ и Сыномъ. А затѣмъ, утвердивъ вѣру и укрѣпивъ мысль слушателей, Онъ приступаетъ и къ самому дѣлу. *Лазаре, гряди вонъ.* Онъ не удвояетъ слова, чтобы поднялся только одинъ, чтобы не устремилось къ Нему безпорядочной толпой все множество мертвыхъ. Одного мертвеца Я зову, не приходите всѣ. Еще не настало время для того повелѣнія, когда услышатъ мертвые гласъ Сына человѣческаго и услышавши оживутъ. А пока пусть придетъ сюда только одинъ, пусть одинъ освободится, какъ другъ одного Единороднаго,—одного только узника Я требую. Пусть никто изъ обитателей преисподней не противится Моему повелѣнію—ни привратникъ тьмы, ни мрачный приставникъ темницы, ни ключники преисподней, съ нетерпѣніемъ ожидающіе къ себѣ плѣнниковъ. Пусть это будетъ для васъ первымъ урокомъ того, какъ отдавать Моихъ. И ты, адъ, молчи, загради свои уста, не удивляйся, повинуйся Владыкѣ, ничѣмъ не при- 776
крывайся. Человѣкъ уже убѣгаетъ изъ твоихъ затворовъ. *Лазаре, гряди вонъ*: будь побѣдителемъ смерти въ силу Моего повелѣнія, будь побѣдителемъ, лишивъ адъ его добычи. Здѣсь я еще связанъ, хотя уже увѣ-

чапъ какъ побѣдитель смерти. Вышелъ Лазарь изъ гроба: связанный, онъ уже ходитъ; вышелъ кругомъ обвязанный, но уже весь двигается. Весь вѣдь кругомъ—и по рукамъ, и по ногамъ—онъ былъ обвитъ пеленами, по мѣстному обычаю погребенія. Но еще не совсѣмъ освободился онъ отъ смерти и гроба. Слѣдуетъ новое повелѣніе Іисуса: *разрѣшите его и оставите ити* (ст. 44). Почему сами собою не спали одежды (погребальныя) съ того, кто избѣжалъ узъ смерти, кого не удержали затворы преисподней? Вы, связавшіе его ранѣе, сами и освободите его, чтобы увидѣть еще разъ работу своихъ рукъ. А фарисеи, когда услышали все это, составляютъ новый совѣтъ, говоря между собою: *что сотворимъ, яко человѣкъ сей многа знаменія творитъ* (ст. 47)? Великое обвиненіе! Мертвые пробуждаются, смерть умерщвляется, Лазарь возстаетъ изъ мертвыхъ, а іудеи влекутся къ духовной смерти. Итакъ, не оставляйте вашего совѣта не оконченнымъ, но продолжите обвиненіе и скажите: что намъ дѣлать, когда немного дней спустя солнце на небѣ помрачится, земля потрясется, не стерпѣвъ того, что на ней совершается, завѣса внутри храма расторгнется, множество мертвыхъ возвратится къ жизни? Еще скажите: что намъ дѣлать, когда храмъ разрушается, служеніе прекращается, городъ сожигается, мы изгоняемся и другіе вмѣсто насъ становятся наслѣдниками? Что намъ дѣлать, когда все переходитъ къ другимъ — пророки, апостолы, священство, постъ, праздники, служеніе,—и Богъ это допускаетъ? Объ этомъ подумайте, объ этомъ посовѣтуйтесь. Слова тѣхъ рѣчей вашихъ безполезны для васъ; рѣшеніе неизмѣнно: *слово, еже аще возглаголете, не пребудетъ въ васъ* (Иса. VIII, 10). Разъ навсегда далъ Богъ тѣмъ, кому далъ, всегда торжествовать, всегда праздновать, изъ года въ годъ возобновлять празднованіе, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О четверодневномъ Лазарѣ. II.

775 Возлюбленные! Какъ чадолюбивая мать, питающая сосцами младенца, переживаетъ сладостныя минуты, когда младенецъ насыщается ея молокомъ,—этой нѣжнѣйшей пищей,—а когда какой-нибудь случайный сгустокъ молока нарушаетъ правильность его выдѣленія, то и ребенокъ плачетъ, и мать мучается, имѣя полное расположеніе питать, но чувствуя остановку питанія, точно такъ и мы, предложивъ вамъ въ прошлый разъ свое духовное молоко, испытывали наслажденіе, питая васъ словесною пищею, но когда облако забвенія, набѣжавшее на мысль, прервало слово, тогда и вы вознегодовали, лишаясь слушанія евангельскихъ поученій, и мы были огорчены, имѣя усердіе къ продолженію

слова, но встрѣчая препятствіе со стороны ума — вслѣдствіе забвенія. Но можетъ быть это случилось съ нами для того, чтобы мы помнили, что (и проповѣдь есть дѣло) *ни хотящаго, ни текущаго*, ни домогающагося, *но милующаго Бога* (Рим. IX, 16). Но теперь по крайней мѣрѣ, такъ какъ Богъ даетъ проповѣдующимъ благодать не по достоинству говорящихъ, но по нуждѣ слушающихъ, призвавъ Его, навлечемъ по мѣрѣ силъ питательную влагу ученія изъ слышаннаго нами сегодня евангельскаго чтенія. *Бѣ же нѣкто боля Лазарь*, повѣствуется (въ евангеліи), *отъ Виѳаніи, отъ веси Маріины и Марѳы, сестры ея. Бѣ же Марія, яко помазавшая Господа миромъ, еяже братъ Лазарь боляше. Рече же Іисусъ: сія болѣзнь нѣсть къ смерти, но о славѣ Божіи, да прославится* Богъ *ся ради* (Іоан. XI, 1—2; 4). Итакъ, болѣзнь эта не къ смерти, но къ славѣ Божіей,—значитъ, это уже не болѣзнь, но благовѣстіе, не разслабленіе, но утвержденіе. О, болѣзнь, врачъ изнемогающихъ, наставникъ вѣры, противникъ смерти, пораженіе діавола, устроеніе спасенія! О, болѣзнь, добродѣтели непоколебимое основаніе, вѣры учитель, благочестія опора! О, болѣзнь, недуги 776
душевные исцѣляющая, струи крещенія источающая и свѣтлыя одежды души изготовляющая! О, болѣзнь, небеснаго хлѣба подательница, вѣры прекрасный свѣтильникъ, діавола уловленіе и человѣка запечатлѣніе! *Егда же услыша*, сказано, Іисусъ, *тогда пребысть, въ немже бѣ мѣстѣ, два дни* (ст. 6). Что за нужда была Господу медлить по полученіи извѣстія, а не тотчасъ идти къ больному? Очевидно, Онъ ожидалъ смерти Лазаря, чтобы эта смерть послужила для большаго утвержденія въ вѣрѣ свидѣтелей чуда. И вотъ, когда Лазарь умеръ, Іисусъ говоритъ своимъ ученикамъ: *Лазарь другъ нашъ успе, но иду, да возбужу его* (ст. 11). Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, смерть людей у Господа считается за сонъ. *Иду, да возбужу его.* Что же? А находясь здѣсь, Ты безсиленъ оживить мертвеца? Конечно, нѣтъ, но Мое отсутствіе лишило бы это чудо значенія въ глазахъ іудеевъ; если бы воскресъ Лазарь, они навѣрное подумали бы, что по какой-нибудь случайности онъ ожилъ. Итакъ, Я пойду туда самъ, чтобы въ Моемъ присутствіи, сдѣлавшись очевидцами совершеннаго Мною чуда, получивъ отъ меня благодѣяніе, они утвердились въ вѣрѣ. *Лазарь другъ нашъ успе, но иду да возбужу его.* Ученики же, услышавъ это, сказали: *Господи, аще успе, спасенъ будетъ* (ст. 12). Они судили не по благочестію, а съ точки зрѣнія врачебной. Дѣйствительно, сонъ, хотя и вреденъ для погружающихся въ летаргію, но въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ облегчаетъ больше, чѣмъ потъ. И вотъ, такъ какъ ученики подумали, что Господь говоритъ объ успеніи въ смыслѣ сна, Онъ выразился съ большею ясностью: *Лазарь умре. И радуюся васъ ради, да вѣруете, яко не бѣхъ тамо. Но идемъ къ нему* (ст. 14 и 15). Не желающій смерти грѣшника теперь радуется о смерти друга? Да, радуюсь, не ради Себя, не

за умершаго, но ради васъ,—потому что этою смертью Я воспользуюсь для утвержденія вашей вѣры. О, смерть, Христу послужившая къ ра-
777 дости! О, смерть, исполненіе жизни! О, смерть, смерти разрѣшеніе, спасенія виновница, падшихъ возстановленіе, труждающихся успокоеніе, немощныхъ укрѣпленіе, праведныхъ отрада! О, смерть, діавола низложеніе, демоновъ пораженіе, первозданнаго Адама возрожденіе! О, смерть, веселія сотрудница, нетлѣнія вѣстница, радости руководительница! Но продолжу рѣчь, не вдаваясь въ подробности. Приходитъ Іисусъ въ Виѳанію, Его встрѣчаютъ сестры Лазаря, припадаютъ къ ногамъ Господа и съ плачемъ говорятъ: *Господи, аще бы еси здѣ былъ, не бы братъ нашъ умерлъ* (ст. 21, 32). Неужели Онъ не былъ тамъ? По тѣлу Его тамъ дѣйствительно не было, но по божеству Онъ былъ не только тамъ, но и на небесахъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ Онъ узналъ о смерти Лазаря, если не присутствовалъ тамъ невидимою силою божества? Итакъ, говорили сестры Лазаря: *Господи, аще бы еси здѣ былъ, не бы умерлъ братъ нашъ*. А Онъ отвѣчалъ имъ: вѣруйте, и увидите славу Божію,—научая такимъ образомъ, что вѣра есть виновница добрыхъ дѣлъ. И увидѣвъ ихъ, да и пришедшихъ къ нимъ іудеевъ, плачущими, *запрети духу и возмутися самъ, и рече: гдѣ положисте его* (ст. 33)? Что значитъ: *запрети духу?* Подожди, возлюбленный, и немного спустя ты получишь отвѣтъ на этотъ вопросъ. *Смутися самъ*,—не какъ мы смущаемся отъ печали или страха, но самъ по Себѣ смутился,—и говоритъ: *гдѣ положисте его?* Ужели не зналъ, гдѣ похороненъ Лазарь, Онъ, знавшій время его смерти? Конечно, зналъ, но рядомъ съ божественными чудесами идутъ у Него слова, свойственныя человѣку, чтобы показать, что Онъ—и человѣкъ, какъ и пророкъ говоритъ: *и человѣкъ есть, и кто познаетъ его?* Это же Онъ предпослалъ, чтобы дать понять, что иное нѣчто есть въ Немъ, именно божество. *Гдѣ положисте его?* Марія отвѣчала: *Господи, пріиди и виждь* (ст. 34). *Прослезися Іисусъ*. Что за нужда была плакать о томъ, кого Онъ тутъ же хотѣлъ воскресить? Заплакалъ Іисусъ, чтобы показать намъ свое состраданіе и человѣколюбивое расположеніе къ роду нашему; заплакалъ Іисусъ, чтобы дѣломъ убѣдительнѣе, чѣмъ словомъ, научить насъ плакать съ плачущими; заплакалъ, но не предался горю, съ одной стороны совершенно отклоняя отсутствіе слезъ, какъ нѣчто жестокое и безчеловѣчное, а съ другой—удаляясь отчаянія, какъ неблагороднаго и несвойственнаго мужу; заплакалъ, узаконяя состраданіе. Приходитъ къ пещерѣ и видитъ камень, приваленный къ гробу. Приказываетъ окружающимъ
778 Его іудеямъ отвалить камень отъ двери гроба. *Аще имате вѣру яко зерно горушно, речете горѣ сей: двигнися, и верзися въ море, и будетъ вамъ* (Мѳ. XVII, 20; XXI, 21),—сказалъ Ты. Какъ же теперь не можешь самъ отвалить камня? Но какъ безсильный Я дѣлаю это, отвѣтилъ бы Онъ, но чтобы не сочли всего происходящаго за обманчивое

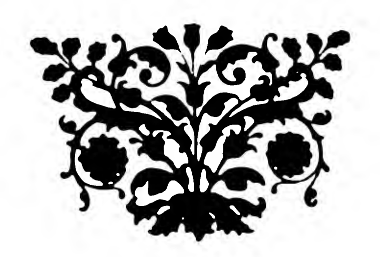
видѣніе. Я приказываю самимъ іудеямъ собственными руками отвалить камень, приготовляя этимъ самымъ величайшее доказательство въ Мою пользу,—именно, чтобы они сами сдѣлались свидѣтелями истинности совершенныхъ Мною чудесъ. Затѣмъ, когда отваленъ былъ камень, Іисусъ, воззрѣвъ на небо, сказалъ: *Отче, хвалу Тебѣ воздаю, яко услышалъ еси Мя* (Іоан. xi, 41). Когда же Онъ помолился? Получи теперь, возлюбленный, отвѣтъ на возникшій недавно у тебя вопросъ: именно, когда Онъ запретилъ духу, тогда помолился. *И сія рекъ, гласомъ великимъ воззва: Лазаре, гряди вонъ. И* тотчасъ *изыде умерый, обязанъ рукама и ногама укроемъ* (ст. 43, 44). О, сила слова, ты адъ расторгла, врата мѣдныя сокрушила, затворы желѣзные разбила, діавола низложила, смерть упразднила, мертваго пробудила! О, сила слова, распавшіеся члены ты воедино соединила и возстановила, и небытіе къ бытію возвратила! О, сила слова, четвероднезнаго мертвеца ты какъ бы отъ сна пробудила и окутаннаго пеленами вывела изъ гроба какъ будто свободнаго и проворнаго въ бѣгѣ скорохода! Вникни, возлюбленный, въ сказанное здѣсь и ты убѣдишься, что кто при твореніи міра сказалъ: *да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ: да будутъ свѣтила на тверди небеснѣй*, и были (Быт. i, 3, 14), Тотъ самый и нынѣ изрекъ: *Лазаре, гряди вонъ!* И возстановилось прекратившееся въ тѣлѣ кровообращеніе, выпавшіе волосы возвратились на свое мѣсто и попрежнему стали рости на извѣстныхъ частяхъ тѣла. *Лазаре, гряди вонъ!* И мертвый возсталъ, и четвероднезный какъ будто и не умиралъ совсѣмъ. *Лазаре, гряди вонъ!* И изъ преисподней исторгается душа умершаго,—діаволъ не оспариваетъ, смерть не противится,—и та съ радостью водворяется въ свое жилище. На этихъ чудесахъ познавъ, возлюбленный, дѣло Божіе, не сомнѣвайся въ воскресеніи: Лазарь пусть послужитъ тебѣ зеркаломъ и, усмотрѣвъ въ немъ свое собственное отраженіе, вѣруй въ свое возстаніе. Тотъ же самый голосъ, воздвигнувшій Лазаря, воскреситъ и всѣхъ насъ, какъ и апостолъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: *вострубитъ бо, и мертвіи возстанутъ нетлѣнни* (1 Кор. xv, 52)—благодатью Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

О четверодневномъ Лазарѣ. III.

Освободилъ Лазаря Свѣтъ. А онъ, на Его призывъ, такъ поспѣ- 777
шилъ, что вышелъ изъ гроба завернутый въ погребальныя пелены, онъ—за четыре дня пребыванія во гробѣ—тронутый тлѣніемъ, становившійся уже пищею червей, утратившій полноту тѣлеснаго благообразія и въ качествѣ свидѣтеля тлѣнія принесшій съ собою изъ гроба злоуоніе. Но благоуханіе жизни, обонявъ мертвеца, остановило начавшееся въ немъ

разложеніе: гробъ сдѣлался для лежавшаго въ немъ источникомъ жизни,
и какъ будто изъ материнской утробы, а не изъ гроба, Лазарь вышелъ
новосозданнымъ. О, дивное чудо! Гробъ породилъ намъ къ жизни человѣка,
обвитаго, подобно младенцу, пеленами. Слово Владыки, достигшее
слуха мертвеца, извлекло его изъ гроба вмѣстѣ съ погребальными пеленами.
Лазаре, гряди вонъ, возгласилъ Спаситель, — и вслѣдъ за Его
словомъ тотчасъ возсталъ мертвый, всѣ члены его тѣла возстановили
каждый свои отправленія: глаза стали исполнять свое дѣло, носъ занялъ
свое мѣсто, щеки приняли прежній видъ, шея стала держать голову на
плечахъ, руки стали дѣйствовать въ полномъ согласіи одна съ другой,
гармонія членовъ возстановилась, пальцы опять стали гибкими, нервы
получили вновь силу, кости укрѣпились, въ мышцахъ и жилахъ почувствовалось
напряженіе, мозгъ возобновилъ свою работу, покровы тѣла
освѣжились, волосы укрѣпились въ корняхъ. Но, конечно, въ дѣйствительности
все это совершилось гораздо скорѣе, чѣмъ я передалъ словами.
Какъ конь (бросается впередъ) по знаку всадника, такъ мертвый, побуждаемый
словомъ Владыки, поспѣшилъ вонъ. *Лазаре, гряди вонъ!* Не
778 сказавъ еще: встань, повелѣваетъ выходить,—лежащаго еще побуждаетъ
идти. Подними сначала, а потомъ уже поднявшемуся приказывай идти.
Почему, Владыка, Ты требуешь, чтобы лежащій выходилъ, а о томъ, что
ему нужно еще встать, не упоминаешь? Лежащему, говоритъ Онъ. Я
сразу повелѣваю идти, чтобы двойнымъ приказаніемъ не замедлить его
выхода. Я не говорю ему: встань и иди сюда,—чтобы онъ сильнѣе спѣшилъ,
имѣя одно распоряженіе — вмѣстѣ и о возстаніи, и о выходѣ.
Какъ бы окрыленный словами Владыки, Лазарь выскочилъ изъ гроба,
скорѣе какъ сторожъ, сидѣвшій во гробѣ, а не какъ мертвый. Адъ же
внизу, какъ и слѣдовало ожидать, отдавъ мертвеца, сталъ вопіять: кто
это пробуждающій Своимъ голосомъ мертвыхъ изъ гробовъ, какъ будто
спящихъ? Кто это нарушающій древній законъ смерти? Кто это возбудившій
мертвецовъ своею проповѣдью о воскресеніи? Кто это пріучающій
погребенныхъ возвращаться къ жизни? Кто это столь легко вырывающій
у меня мою добычу? Кто это смущающій моихъ давнишнихъ
мертвецовъ своимъ зовомъ? Выпадаетъ изъ моихъ рукъ,—вижу я,—скипетръ
владычества надъ людьми, узы смерти теряютъ уже свою силу.
Илія нѣкогда воскресилъ мертваго — на радость его матери; Елисей
дважды похитилъ у меня моихъ мертвецовъ. А теперь этотъ еще сильнѣе
ополчился на меня изъ-за мертвыхъ, отнимая у меня даже подвергшихся
тлѣнію, такъ что я опасаюсь, удержу ли я власть даже и надъ истлѣвшими
уже мертвецами. Уже отнятъ у меня мертвецъ, котораго я считалъ
своею добычею. Надо мною торжествуетъ побѣду четырехдневный
трупъ, ликующій среди живыхъ въ погребальномъ уборѣ. Меня будутъ
попирать ногами, послѣ того какъ убѣжалъ отъ меня мертвецъ. Въ са-
780 момъ дѣлѣ, кто теперь будетъ бояться меня, побѣжденнаго уже смер-

дѣвшимъ мертвецомъ и сдѣлавшагося какъ бы сторожемъ мертвецовъ, отдаваемыхъ мнѣ подъ закладъ на время? Именно какъ бы въ залогѣ былъ Лазарь во гробѣ, подобно какой-нибудь золотой вещи, отдаваемой въ закладъ съ наложенными на нее печатями: обвязанный погребальными пеленами, положенъ онъ былъ во гробъ, ими же повязанный возвращенъ онъ былъ къ жизни. Вѣдь народъ іудейскій мало вѣритъ и не убѣждается даже великими чудесами. Они могли сказать и Лазарю такъ же, какъ нѣкогда исцѣленному отъ слѣпоты (который утверждалъ): это онъ, (а они увѣряли): нѣтъ, это не онъ. И вотъ какъ кто-либо, обязанный возвратить взятую въ залогъ вещь, предвидя подозрѣніе со стороны закладчика, охраняетъ наложенныя тѣмъ печати, чтобы видъ печатей убѣдилъ закладчика, такъ и Владыка Христосъ, возвративъ іудеямъ изъ мертвыхъ Лазаря, въ теченіе четырехъ дней бывшаго въ средѣ мертвыхъ залогомъ, оставляетъ на немъ повязки, какъ бы въ качествѣ печати, чтобы развязывающіе могли убѣдиться, что это тотъ самый, котораго они погребали, а не другой кто-нибудь. Но ослѣпленіе невѣрія неисправимо: признавъ мертвеца, они исполнились зависти къ чуду и замыслили злой совѣтъ. *Совѣщаша же архіерее*, говоритъ (евангелистъ), *да и Лазаря убіютъ, егоже воскреси отъ мертвыхъ: яко мнози его ради идяху отъ іудей и вѣроваху въ Него* (Іоан. XII, 10, 9, 11). Ему слава во вѣки. Аминь.



ОГЛАВЛЕНІЕ XI-го ТОМА

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ

ТВОРЕНІЙ СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТОУСТА.

Книга первая.

БЕСѢДЫ НА ПОСЛАНІЕ КЪ ЕФЕСЯНАМЪ.

БЕСѢДЫ НА ПОСЛАНІЕ КЪ ФИЛИППІЙЦАМЪ.

ТОЛКОВАНІЕ НА ПОСЛАНІЕ КЪ КОЛОССЯНАМЪ.

Книга вторая.

ТОЛКОВАНІЕ НА ПЕРВОЕ ПОСЛАНІЕ КЪ ѲЕССАЛОНИКІЙЦАМЪ.

БЕСѢДА VI на 1 Сол. IV, 9—10.

БЕСѢДА VII на 1 Сол. IV, 13.

БЕСѢДА VIII на 1 Сол. IV, 15—17.

БЕСѢДА IX на 1 Сол. V, 1—2.

БЕСѢДА X на 1 Сол. V, 12—13.

БЕСѢДА XI на 1 Сол. V, 19—21.

ТОЛКОВАНІЕ НА ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ КЪ ѲЕССАЛОНИКІЙЦАМЪ.

БЕСѢДА I.

БЕСѢДА II на 2 Сол. I, 1—2.

ТОЛКОВАНІЕ НА ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ КЪ ТИМОѲЕЮ.

ТОЛКОВАНІЕ НА ПОСЛАНІЕ КЪ ТИТУ.

ТОЛКОВАНІЕ НА ПОСЛАНІЕ КЪ ФИЛИМОНУ.

ТВОРЕНІЯ,

приписываемыя св. Іоанну Златоусту и въ Патрологіи Миня отнесенныя къ разряду **Spuria**.